КОНЕЦ СВЕТА

Лучшие романы о последнем дне Земли

С. Лукьяненко
А. Мазин
А. Кивинов
В. Сертаков

Откровение Иоанна Богослова и пророчества майя

КОНЕЦ СВЕТА

Лучшие романы о последнем дне Земли

КОНЕЦ СВЕТА

Апокалипсические предсказания русских классиков
и современных российских фантастов.

Владимир Соловьев
Осип Сенковский
Владимир Одоевский

Сергей Лукьяненко
Александр Мазин
Андрей Кивинов
Виталий Сертаков
Евгений Зубарев
Владислав Булахтин

А также
«книга за семью печатями» —
Откровение Иоанна Богослова
и пророчества майя

КОНЕЦ СВЕТА

Лучшие романы
о последнем дне
Земли

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА
«Астрель-СПб»
Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос = Рус)
К64

Оформление обложки *Марины Акининой*

Конец света: Лучшие романы о последнем дне Земли: Сборник.— М.: К64 АСТ; СПб.: Астрель-СПб, 2011.— 957, [2] с.

ISBN 978-5-17-072351-5 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 978-5-9725-1979-8 (ООО «Астрель-СПб»)

Конец света человечество ожидает с самого своего зарождения. Каждая эпоха считала себя последней. Всемирную катастрофу назначали на 666 год, на 999-й, на 1000-й, на 2000-й... Последняя дата — 2012 год, как обещали индейцы майя.

В этот сборник входят апокалиптические предсказания русских писателей, созданные в XIX веке, и произведения современных российских фантастов.

Также в книгу включены Откровение Иоанна Богослова с гравюрами Альфреда Дюрера и пророчества майя.

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос = Рус)

АПОКАЛИПСИС:
Откровение Иоанна Богослова

4. MUČENIŠTVO SV. JOVANA JEVANĐELISTA

А. Дюрер. Мученичество св. Иоанна

Что такое Апокалипсис? Апокалипсис — это особый жанр священной библейской письменности и древней письменности вообще. Слово это означает «откровение». Многие считают, что читать Откровение Иоанна Богослова, или Апокалипсис, простому человеку невозможно и даже духовно опасно, что Апокалипсис, называемый «Книгой за семью печатями», полностью закрыт. Создается впечатление, будто часть Священного Писания написана не для людей, а вставлена туда, неизвестно для какой цели. Между тем, как говорит апостол Павел, все Писание полезно и все дано нам для просвещения. Следовательно, чтение Апокалипсиса не является чем-то запретным, и содержание его совсем не так непонятно, как кажется. Большая часть Апокалипсиса расшифровывается при чтении Священного Писания Ветхого Завета, потому что автор не только жил и мыслил его понятиями и образами, но и знал наизусть. Чтобы убедиться в этом, давайте прочтем Откровение св. Иоанна Богослова, последнюю книгу Нового Завета и последнюю книгу Библии.

Из бесед проповедника и библеиста
протоиерея Александра Меня (1935—1990)

Что такое Апокалипсис? Апокалипсис — это особый жанр священной библейской письменности и древней письменности вообще. Слово это означает «откровение». Многие считают, что читать Откровение Иоанна Богослова, или Апокалипсис, простому человеку невозможно и даже духовно опасно, что Апокалипсис, называемый «Книгой за семью печатями», полностью закрыт. Создается впечатление, будто часть Священного Писания написана не для людей, а вставлена туда, неизвестно для какой цели. Между тем, как говорит апостол Павел, все Писание полезно и все дано нам для просвещения. Следовательно, чтение Апокалипсиса не является чем-то запретным, и содержание его совсем не так непонятно, как кажется. Большая часть Апокалипсиса расшифровывается при чтении Священного Писания Ветхого Завета, потому что автор не только жил и мыслил его понятиями и образами, но и знал наизусть. Чтобы убедиться в этом, давайте прочтем Откровение св. Иоанна Богослова, последнюю книгу Нового Завета и последнюю книгу Библии.

Из бесед проповедника и библеиста
протоиерея Александра Меня (1935—1990)

1

1 Откровение Иисуса Христа, которое дал Ему Бог, чтобы показать рабам Своим, чему надлежит быть вскоре. И Он показал, послав *оное* через Ангела Своего рабу Своему Иоанну,

2 который свидетельствовал слово Божие и свидетельство Иисуса Христа и что он видел.

3 Блажен читающий и слушающие слова пророчества сего и соблюдающие написанное в нем; ибо время близко.

4 Иоанн семи церквам, находящимся в Асии: благодать вам и мир от Того, Который есть и был и грядет, и от семи духов, находящихся перед престолом Его,

5 и от Иисуса Христа, Который есть свидетель верный, первенец из мертвых и владыка царей земных. Ему, возлюбившему нас и омывшему нас от грехов наших Кровию Своею

6 и соделавшему нас царями и священниками Богу и Отцу Своему, слава и держава во веки веков, аминь.

7 Се, грядет с облаками, и узрит Его всякое око и те, которые пронзили Его; и возрыдают пред Ним все племена земные. Ей, аминь.

8 Я есмь Альфа и Омега, начало и конец, говорит Господь, Который есть и был и грядет, Вседержитель.

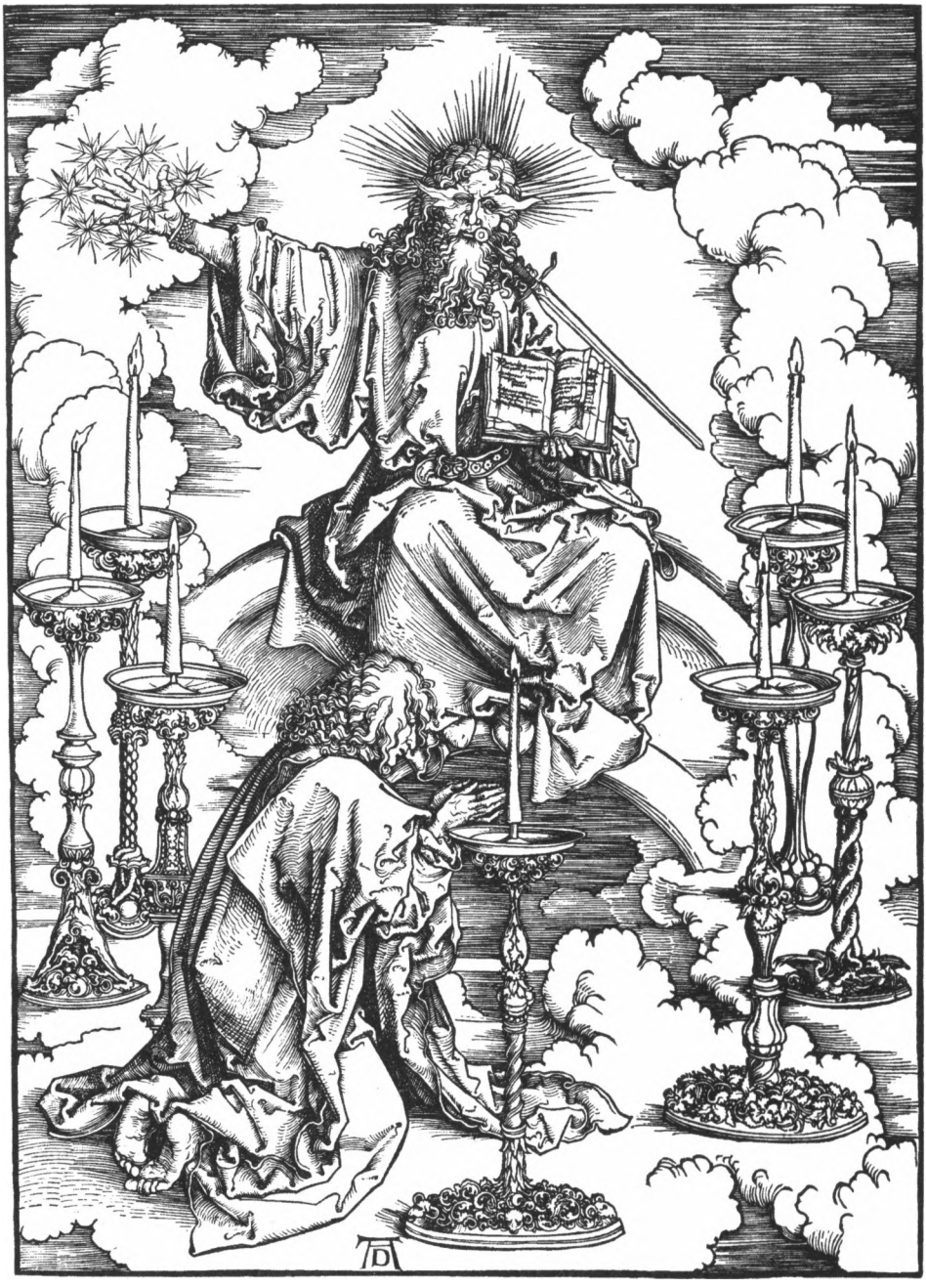
9 Я, Иоанн, брат ваш и соучастник в скорби и в царствии и в терпении Иисуса Христа, был на острове, называемом Патмос, за слово Божие и за свидетельство Иисуса Христа.

10 Я был в духе в день воскресный, и слышал позади себя громкий голос, как бы трубный, который говорил: Я есмь Альфа и Омега, Первый и Последний;

11 то, что видишь, напиши в книгу и пошли церквам, находящимся в Асии: в Ефес, и в Смирну, и в Пергам, и в Фиатиру, и в Сардис, и в Филадельфию, и в Лаодикию.

12 Я обратился, чтобы увидеть, чей голос, говоривший со мною; и, обратившись, увидел семь золотых светильников

13 и, посреди семи светильников, подобного Сыну Человеческому, облеченного в подир и по персям опоясанного золотым поясом:



А. Дюрер. Явление Иоанну Христа и сути семи церквей

14 глава Его и волосы белы, как белая
волна, как снег; и очи Его, как пла-
мень огненный;

15 и ноги Его подобны халколивану,
как раскаленные в печи, и голос
Его, как шум вод многих.

16 Он держал в деснице Своей семь
звезд, и из уст Его выходил острый
с обеих сторон меч; и лице Его,
как солнце, сияющее в силе своей.

17 И когда я увидел Его, то пал к но-
гам Его, как мертвый. И Он поло-
жил на меня десницу Свою и ска-
зал мне: не бойся; Я есмь Первый
и Последний,

18 и живый; и был мертв, и се, жив во
веки веков, аминь; и имею ключи
ада и смерти.

19 Итак напиши, что ты видел, и что
есть, и что будет после сего.

20 Тайна семи звезд, которые ты ви-
дел в деснице Моей, и семи золо-
тых светильников *есть сия:* семь
звезд суть Ангелы семи церквей; а
семь светильников, которые ты ви-
дел, суть семь церквей.

2

1 Ангелу Ефесской церкви напиши:
так говорит Держащий семь звезд в
деснице Своей, Ходящий посреди
семи золотых светильников:

2 знаю дела твои, и труд твой, и тер-
пение твое, и то, что ты не можешь
сносить развратных, и испытал
тех, которые называют себя апо-
столами, а они не таковы, и на-
шел, что они лжецы;

3 ты много переносил и имеешь тер-
пение, и для имени Моего трудил-
ся и не изнемогал.

4 Но имею против тебя то, что ты
оставил первую любовь твою.

5 Итак вспомни, откуда ты ниспал, и
покайся, и твори прежние дела; а
если не так, скоро приду к тебе и
сдвину светильник твой с места
его, если не покаешься.

6 Впрочем то в тебе *хорошо*, что ты
ненавидишь дела Николаитов, ко-
торые и Я ненавижу.

7 Имеющий ухо да слышит, что Дух
говорит церквам: побеждающему
дам вкушать от древа жизни, ко-
торое посреди рая Божия.

8 И Ангелу Смирнской церкви на-
пиши: так говорит Первый и По-
следний, Который был мертв, и се,
жив:

9 Знаю твои дела, и скорбь, и нище-
ту,— впрочем ты богат, и злосло-
вие от тех, которые говорят о себе,
что они Иудеи, а они не таковы, но
сборище сатанинское.

10 Не бойся ничего, что тебе надобно
будет претерпеть. Вот, диавол

будет ввергать из среды вас в темницу, чтобы искусить вас, и будете иметь скорбь дней десять. Будь верен до смерти, и дам тебе венец жизни.

11 Имеющий ухо (слышать) да слышит, что Дух говорит церквам: побеждающий не потерпит вреда от второй смерти.

12 И Ангелу Пергамской церкви напиши: так говорит Имеющий острый с обеих сторон меч:

13 знаю твои дела, и что ты живешь там, где престол сатаны, и что содержишь имя Мое, и не отрекся от веры Моей даже в те дни, в которые у вас, где живет сатана, умерщвлен верный свидетель Мой Антипа.

14 Но имею немного против тебя, потому что есть у тебя там держащиеся учения Валаама, который научил Валака ввести в соблазн сынов Израилевых, чтобы они ели идоложертвенное и любодействовали.

15 Так и у тебя есть держащиеся учения Николаитов, которое Я ненавижу.

16 Покайся; а если не так, скоро приду к тебе и сражусь с ними мечом уст Моих.

17 Имеющий ухо (слышать) да слышит, что Дух говорит церквам: побеждающему дам вкушать сокровенную манну и дам ему белый камень и на камне написанное новое имя, которого никто не знает, кроме того, кто получает.

18 И Ангелу Фиатирской церкви напиши: так говорит Сын Божий, у Которого очи — как пламень огненный, и ноги подобны халколивану:

19 знаю твои дела, и любовь, и служение, и веру, и терпение твое, и то, что последние дела твои больше первых.

20 Но имею немного против тебя, потому что ты попускаешь жене Иезавели, называющей себя пророчицею, учить и вводить в заблуждение рабов Моих, любодействовать и есть идоложертвенное.

21 Я дал ей время покаяться в любодеянии ее, но она не покаялась.

22 Вот, Я повергаю ее на одр и любодействующих с нею в великую скорбь, если не покаются в делах своих.

23 И детей ее поражу смертью, и уразумеют все церкви, что Я есмь испытующий сердца и внутренности; и воздам каждому из вас по делам вашим.

24 Вам же и прочим, находящимся в Фиатире, которые не держат сего учения и которые не знают так называемых глубин сатанинских, сказываю, что не наложу на вас иного бремени;

25 только то, что имеете, держите, пока приду.

26 Кто побеждает и соблюдает дела Мои до конца, тому дам власть над язычниками,

27 и будет пасти их жезлом железным; как сосуды глиняные, они сокрушатся, как и Я получил *власть* от Отца Моего;

28 и дам ему звезду утреннюю.

29 Имеющий ухо (слышать) да слышит, что Дух говорит церквам.

3

1 И Ангелу Сардийской церкви напиши: так говорит Имеющий семь духов Божиих и семь звезд: знаю твои дела; ты носишь имя, будто жив, но ты мертв.

2 Бодрствуй и утверждай прочее близкое к смерти; ибо Я не нахожу, чтобы дела твои были совершенны пред Богом Моим.

3 Вспомни, что ты принял и слышал, и храни и покайся. Если же не будешь бодрствовать, то Я найду на тебя, как тать, и ты не узнаешь, в который час найду на тебя.

4 Впрочем у тебя в Сардисе есть несколько человек, которые не осквернили одежд своих и будут ходить со Мною в белых *одеждах*, ибо они достойны.

5 Побеждающий облечется в белые одежды; и не изглажу имени его из книги жизни, и исповедаю имя его пред Отцем Моим и пред Ангелами Его.

6 Имеющий ухо да слышит, что Дух говорит церквам.

7 И Ангелу Филадельфийской церкви напиши: так говорит Святый, Истинный, имеющий ключ Давидов, Который отворяет — и никто не затворит, затворяет — и никто не отворит:

8 знаю твои дела; вот, Я отворил перед тобою дверь, и никто не может затворить ее; ты не много имеешь силы, и сохранил слово Мое, и не отрекся имени Моего.

9 Вот, Я сделаю, что из сатанинского сборища, из тех, которые говорят о себе, что они Иудеи, но не суть таковы, а лгут,— вот, Я сделаю то, что они придут и поклонятся пред ногами твоими, и познают, что Я возлюбил тебя.

10 И как ты сохранил слово терпения Моего, то и Я сохраню тебя от годины искушения, которая придет на всю вселенную, чтобы испытать живущих на земле.

11 Се, гряду скоро; держи, что имеешь, дабы кто не восхитил венца твоего.

12 Побеждающего сделаю столпом в храме Бога Моего, и он уже не

выйдет вон; и напишу на нем имя Бога Моего и имя града Бога Моего, нового Иерусалима, нисходящего с неба от Бога Моего, и имя Мое новое.

13 Имеющий ухо да слышит, что Дух говорит церквам.

14 И Ангелу Лаодикийской церкви напиши: так говорит Аминь, свидетель верный и истинный, начало создания Божия:

15 знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден или горяч!

16 Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих.

17 Ибо ты говоришь: «я богат, разбогател и ни в чем не имею нужды»; а не знаешь, что ты несчастен, и жалок, и нищ, и слеп, и наг.

18 Советую тебе купить у Меня золото, огнем очищенное, чтобы тебе обогатиться, и белую одежду, чтобы одеться и чтобы не видна была срамота наготы твоей, и глазною мазью помажь глаза твои, чтобы видеть.

19 Кого Я люблю, тех обличаю и наказываю. Итак будь ревностен и покайся.

20 Се, стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему, и буду вечерять с ним, и он со Мною.

21 Побеждающему дам сесть со Мною на престоле Моем, как и Я победил и сел с Отцем Моим на престоле Его.

22 Имеющий ухо да слышит, что Дух говорит церквам.

4

1 После сего я взглянул, и вот, дверь отверста на небе, и прежний голос, который я слышал как бы звук трубы, говоривший со мною, сказал: взойди сюда, и покажу тебе, чему надлежит быть после сего.

2 И тотчас я был в духе; и вот, престол стоял на небе, и на престоле был Сидящий;

3 и Сей Сидящий видом был подобен камню яспису и сардису; и радуга вокруг престола, видом подобная смарагду.

4 И вокруг престола двадцать четыре престола; а на престолах видел я сидевших двадцать четыре старца, которые облечены были в белые одежды и имели на головах своих золотые венцы.

5 И от престола исходили молнии и громы и гласы, и семь светильников огненных горели перед престолом, которые суть семь духов Божиих;

6 и перед престолом море стеклянное, подобное кристаллу; и посреди

А. Дюрер. Святой Иоанн и двадцать четыре старца на небесах

престола и вокруг престола четыре животных, исполненных очей спереди и сзади.

7 И первое животное было подобно льву, и второе животное подобно тельцу, и третье животное имело лице, как человек, и четвертое животное подобно орлу летящему.

8 И каждое из четырех животных имело по шести крыл вокруг, а внутри они исполнены очей; и ни днем ни ночью не имеют покоя, взывая: свят, свят, свят Господь Бог Вседержитель, Который был, есть и грядет.

9 И когда животные воздают славу и честь и благодарение Сидящему на престоле, Живущему во веки веков,

10 тогда двадцать четыре старца падают пред Сидящим на престоле, и поклоняются Живущему во веки веков, и полагают венцы свои перед престолом, говоря:

11 достоин Ты, Господи, приять славу и честь и силу: ибо Ты сотворил все, и *все* по Твоей воле существует и сотворено.

5

1 И видел я в деснице у Сидящего на престоле книгу, написанную внутри и отвне, запечатанную семью печатями.

2 И видел я Ангела сильного, провозглашающего громким голосом: кто достоин раскрыть сию книгу и снять печати ее?

3 И никто не мог, ни на небе, ни на земле, ни под землею, раскрыть сию книгу, ни посмотреть в нее.

4 И я много плакал о том, что никого не нашлось достойного раскрыть и читать сию книгу, и даже посмотреть в нее.

5 И один из старцев сказал мне: не плачь; вот, лев от колена Иудина, корень Давидов, победил и *может* раскрыть сию книгу и снять семь печатей ее.

6 И я взглянул, и вот, посреди престола и четырех животных и посреди старцев стоял Агнец как бы закланный, имеющий семь рогов и семь очей, которые суть семь духов Божиих, посланных во всю землю.

7 И Он пришел и взял книгу из десницы Сидящего на престоле.

8 И когда он взял книгу, тогда четыре животных и двадцать четыре старца пали пред Агнцем, имея каждый гусли и золотые чаши, полные фимиама, которые суть молитвы святых.

9 И поют новую песнь, говоря: достоин Ты взять книгу и снять с нее печати, ибо Ты был заклан, и кро-

вию Своею искупил нас Богу из всякого колена и языка, и народа и племени,

10 и соделал нас царями и священниками Богу нашему; и мы будем царствовать на земле.

11 И я видел, и слышал голос многих Ангелов вокруг престола и животных и старцев, и число их было тьмы тем и тысячи тысяч,

12 которые говорили громким голосом: достоин Агнец закланный принять силу и богатство, и премудрость и крепость, и честь и славу и благословение.

13 И всякое создание, находящееся на небе и на земле, и под землею, и на море, и все, что в них, слышал я, говорило: Сидящему на престоле и Агнцу благословение и честь, и слава и держава во веки веков.

14 И четыре животных говорили: аминь. И двадцать четыре старца пали и поклонились Живущему во веки веков.

6

1 И я видел, что Агнец снял первую из семи печатей, и я услышал одно из четырех животных, говорящее как бы громовым голосом: иди и смотри.

2 Я взглянул, и вот, конь белый, и на нем всадник, имеющий лук, и дан был ему венец; и вышел он *как* победоносный, и чтобы победить.

3 И когда Он снял вторую печать, я слышал второе животное, говорящее: иди и смотри.

4 И вышел другой конь, рыжий; и сидящему на нем дано взять мир с земли, и чтобы убивали друг друга; и дан ему большой меч.

5 И когда Он снял третью печать, я слышал третье животное, говорящее: иди и смотри. Я взглянул, и вот, конь вороной, и на нем всадник, имеющий меру в руке своей.

6 И слышал я голос посреди четырех животных, говорящий: хиникс пшеницы за динарий, и три хиникса ячменя за динарий; елея же и вина не повреждай.

7 И когда Он снял четвертую печать, я слышал голос четвертого животного, говорящий: иди и смотри.

8 И я взглянул, и вот, конь бледный, и на нем всадник, которому имя «смерть»; и ад следовал за ним; и дана ему власть над четвертою частью земли — умерщвлять мечом и голодом, и мором и зверями земными.

9 И когда Он снял пятую печать, я увидел под жертвенником души убиенных за слово Божие и за свидетельство, которое они имели.

А. Дюрер. Четыре всадника апокалипсиса

10 И возопили они громким голосом, говоря: доколе, Владыка Святый и Истинный, не судишь и не мстишь живущим на земле за кровь нашу?

11 И даны были каждому из них одежды белые, и сказано им, чтобы они успокоились еще на малое время, пока и сотрудники их и братья их, которые будут убиты, как и они, дополнят число.

12 И когда Он снял шестую печать, я взглянул, и вот, произошло великое землетрясение, и солнце стало мрачно как власяница, и луна сделалась как кровь.

13 И звезды небесные пали на землю, как смоковница, потрясаемая сильным ветром, роняет незрелые смоквы свои.

14 И небо скрылось, свившись как свиток; и всякая гора и остров двинулись с мест своих.

15 И цари земные, и вельможи, и богатые, и тысяченачальники, и сильные, и всякий раб, и всякий свободный скрылись в пещеры и в ущелья гор,

16 и говорят горам и камням: падите на нас и сокройте нас от лица Сидящего на престоле и от гнева Агнца;

17 ибо пришел великий день гнева Его, и кто может устоять?

7

1 И после сего видел я четырех Ангелов, стоящих на четырех углах земли, держащих четыре ветра земли, чтобы не дул ветер ни на землю, ни на море, ни на какое дерево.

2 И видел я иного Ангела, восходящего от востока солнца и имеющего печать Бога живого. И воскликнул он громким голосом к четырем Ангелам, которым дано вредить земле и морю, говоря:

3 не делайте вреда ни земле, ни морю, ни деревам, доколе не положим печати на челах рабов Бога нашего.

4 И я слышал число запечатленных: запечатленных было сто сорок четыре тысячи из всех колен сынов Израилевых.

5 Из колена Иудина запечатлено двенадцать тысяч; из колена Рувимова запечатлено двенадцать тысяч; из колена Гадова запечатлено двенадцать тысяч;

6 из колена Асирова запечатлено двенадцать тысяч; из колена Неффалимова запечатлено двенадцать тысяч; из колена Манассиина запечатлено двенадцать тысяч;

7 из колена Симеонова запечатлено двенадцать тысяч; из колена Левиина запечатлено двенадцать тысяч; из колена Иссахарова запечатлено двенадцать тысяч;

А. Дюрер. Открытие пятой и шестой печатей

А. Дюрер. Четыре ангела и поклонение Избранному

8 из колена Завулонова запечатлено двенадцать тысяч; из колена Иосифова запечатлено двенадцать тысяч; из колена Вениаминова запечатлено двенадцать тысяч.

9 После сего взглянул я, и вот, великое множество людей, которого никто не мог перечесть, из всех племен и колен, и народов и языков, стояло пред престолом и пред Агнцем в белых одеждах и с пальмовыми ветвями в руках своих.

10 И восклицали громким голосом, говоря: спасение Богу нашему, сидящему на престоле, и Агнцу!

11 И все Ангелы стояли вокруг престола и старцев и четырех животных, и пали перед престолом на лица свои, и поклонились Богу,

12 говоря: аминь! благословение и слава, и премудрость и благодарение, и честь и сила и крепость Богу нашему во веки веков! Аминь.

13 И, начав речь, один из старцев спросил меня: сии облеченные в белые одежды кто, и откуда пришли?

14 Я сказал ему: ты знаешь, господин. И он сказал мне: это те, которые пришли от великой скорби; они омыли одежды свои и убелили одежды свои кровию Агнца.

15 За это они пребывают *ныне* перед престолом Бога и служат Ему день и ночь в храме Его, и Сидящий на престоле будет обитать в них.

16 Они не будут уже ни алкать, ни жаждать, и не будет палить их солнце и никакой зной:

17 ибо Агнец, Который среди престола, будет пасти их и водить их на живые источники вод; и отрет Бог всякую слезу с очей их.

8

1 И когда Он снял седьмую печать, сделалось безмолвие на небе, как бы на полчаса.

2 И я видел семь Ангелов, которые стояли пред Богом; и дано им семь труб.

3 И пришел иной Ангел, и стал перед жертвенником, держа золотую кадильницу; и дано было ему множество фимиама, чтобы он с молитвами всех святых возложил его на золотой жертвенник, который перед престолом.

4 И вознесся дым фимиама с молитвами святых от руки Ангела пред Бога.

5 И взял Ангел кадильницу, и наполнил ее огнем с жертвенника, и поверг на землю: и произошли голоса и громы, и молнии и землетрясение.

6 И семь Ангелов, имеющие семь труб, приготовились трубить.

7 Первый Ангел вострубил, и сделались град и огонь, смешанные с кровью, и пали на землю; и третья часть дерев сгорела, и вся трава зеленая сгорела.

8 Второй Ангел вострубил, и как бы большая гора, пылающая огнем, низверглась в море; и третья часть моря сделалась кровью,

9 и умерла третья часть одушевленных тварей, живущих в море, и третья часть судов погибла.

10 Третий ангел вострубил, и упала с неба большая звезда, горящая подобно светильнику, и пала на третью часть рек и на источники вод.

11 Имя сей звезде «полынь»; и третья часть вод сделалась полынью, и многие из людей умерли от вод, потому что они стали горьки.

12 Четвертый Ангел вострубил, и поражена была третья часть солнца и третья часть луны и третья часть звезд, так что затмилась третья часть их, и третья часть дня не светла была — так, как и ночи.

13 И видел я и слышал одного Ангела, летящего посреди неба и говорящего громким голосом: горе, горе, горе живущим на земле от остальных трубных голосов трех Ангелов, которые будут трубить!

9

1 Пятый Ангел вострубил, и я увидел звезду, падшую с неба на землю, и дан был ей ключ от кладязя бездны.

2 Она отворила кладязь бездны, и вышел дым из кладязя, как дым из большой печи; и помрачилось солнце и воздух от дыма из кладязя.

3 И из дыма вышла саранча на землю, и дана была ей власть, какую имеют земные скорпионы.

4 И сказано было ей, чтобы не делала вреда траве земной, и никакой зелени, и никакому дереву, а только одним людям, которые не имеют печати Божией на челах своих.

5 И дано ей не убивать их, а только мучить пять месяцев; и мучение от нее подобно мучению от скорпиона, когда ужалит человека.

6 В те дни люди будут искать смерти, но не найдут ее; пожелают умереть, но смерть убежит от них.

7 По виду своему саранча была подобна коням, приготовленным на войну; и на головах у ней как бы венцы, похожие на золотые, лица же ее — как лица человеческие;

8 и волосы у ней — как волосы у женщин, а зубы у ней были, как у львов.

9 На ней были брони, как бы брони железные, а шум от крыльев ее —

А. Дюрер. Ангелы и семь труб

как стук от колесниц, когда множество коней бежит на войну;

10 у ней были хвосты, как у скорпионов, и в хвостах ее были жала; власть же ее была — вредить людям пять месяцев.

11 Царем над собою она имела ангела бездны; имя ему по-еврейски Аваддон, а по-гречески Аполлион.

12 Одно горе прошло; вот, идут за ним еще два горя.

13 Шестой Ангел вострубил, и я услышал один голос от четырех рогов золотого жертвенника, стоящего пред Богом,

14 говоривший шестому Ангелу, имевшему трубу: освободи четырех Ангелов, связанных при великой реке Евфрате.

15 И освобождены были четыре Ангела, приготовленные на час и день, и месяц и год, для того, чтобы умертвить третью часть людей.

16 Число конного войска было две тьмы тем; и я слышал число его.

17 Так видел я в видении коней и на них всадников, которые имели на себе брони огненные, гиацинтовые и серные; головы у коней — как головы у львов, и изо рта их выходил огонь, дым и сера.

18 От этих трех язв, от огня, дыма и серы, выходящих изо рта их, умерла третья часть людей;

19 ибо сила коней заключалась во рту их и в хвостах их; а хвосты их были подобны змеям и имели головы, и ими они вредили.

20 Прочие же люди, которые не умерли от этих язв, не раскаялись в делах рук своих, так чтобы не поклоняться бесам и золотым, серебряным, медным, каменным и деревянным идолам, которые не могут ни видеть, ни слышать, ни ходить.

21 И не раскаялись они в убийствах своих, ни в чародействах своих, ни в блудодеянии своем, ни в воровстве своем.

10

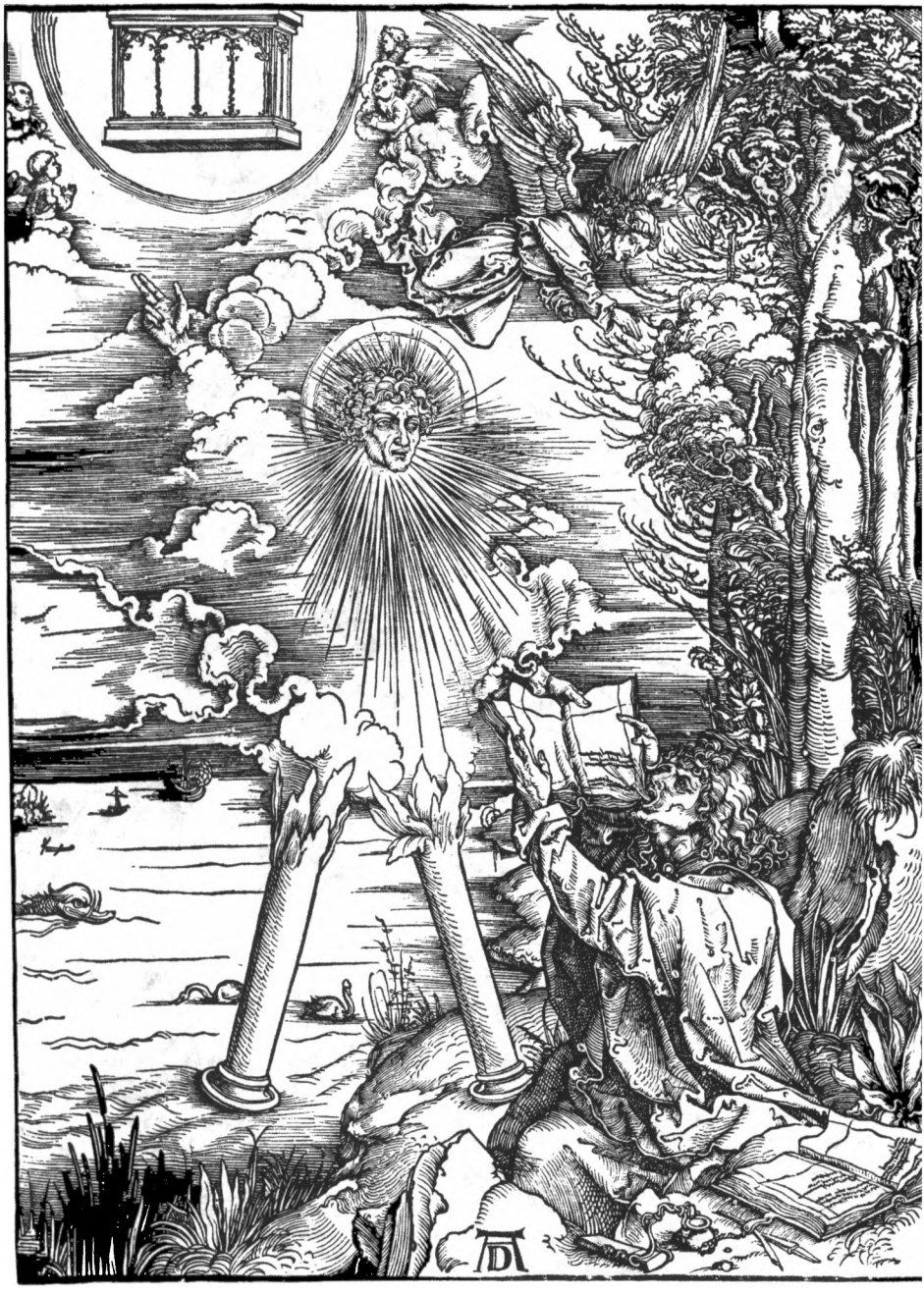
1 И видел я другого Ангела сильного, сходящего с неба, облеченного облаком; над головою его была радуга, и лице его как солнце, и ноги его как столпы огненные,

2 в руке у него была книжка раскрытая. И поставил он правую ногу свою на море, а левую на землю,

3 и воскликнул громким голосом, как рыкает лев; и когда он воскликнул, тогда семь громов проговорили голосами своими.

4 И когда семь громов проговорили голосами своими, я хотел было писать; но услышал голос с неба, говорящий мне: скрой, что говорили семь громов, и не пиши сего.

А. Дюрер. Битва ангелов



А. Дюрер. Святому Иоанну дана Книга откровения

5 И Ангел, которого я видел стоящим на море и на земле, поднял руку свою к небу

6 и клялся Живущим во веки веков, Который сотворил небо и все, что на нем, землю и все, что на ней, и море и все, что в нем, что времени уже не будет;

7 но в те дни, когда возгласит седьмой Ангел, когда он вострубит, совершится тайна Божия, как Он благовествовал рабам Своим пророкам.

8 И голос, который я слышал с неба, опять стал говорить со мною, и сказал: пойди, возьми раскрытую книжку из руки Ангела, стоящего на море и на земле.

9 И я пошел к Ангелу, и сказал ему: дай мне книжку. Он сказал мне: возьми и съешь ее; она будет горька во чреве твоем, но в устах твоих будет сладка, как мед.

10 И взял я книжку из руки Ангела, и съел ее; и она в устах моих была сладка, как мед; когда же съел ее, то горько стало во чреве моем.

11 И сказал он мне: тебе надлежит опять пророчествовать о народах и племенах, и языках и царях многих.

11

1 И дана мне трость, подобная жезлу, и сказано: встань и измерь храм Божий и жертвенник, и поклоняющихся в нем.

2 А внешний двор храма исключи и не измеряй его, ибо он дан язычникам: они будут попирать святый город сорок два месяца.

3 И дам двум свидетелям Моим, и они будут пророчествовать тысячу двести шестьдесят дней, будучи облечены во вретище.

4 Это суть две маслины и два светильника, стоящие пред Богом земли.

5 И если кто захочет их обидеть, то огонь выйдет из уст их и пожрет врагов их; если кто захочет их обидеть, тому надлежит быть убиту.

6 Они имеют власть затворить небо, чтобы не шел дождь на землю во дни пророчествования их, и имеют власть над водами, превращать их в кровь, и поражать землю всякою язвою, когда только захотят.

7 И когда кончат они свидетельство свое, зверь, выходящий из бездны, сразится с ними, и победит их, и убьет их,

8 и трупы их оставит на улице великого города, который духовно называется Содом и Египет, где и Господь наш распят.

9 И *многие* из народов и колен, и языков и племен будут смотреть на трупы их три дня с половиною и не позволят положить трупы их во гробы.

10 И живущие на земле будут радоваться сему и веселиться, и пошлют дары друг другу, потому что два пророка сии мучили живущих на земле.

11 Но после трех дней с половиною вошел в них дух жизни от Бога, и они оба стали на ноги свои; и великий страх напал на тех, которые смотрели на них.

12 И услышали они с неба громкий голос, говоривший им: взойдите сюда. И они взошли на небо на облаке; и смотрели на них враги их.

13 И в тот же час произошло великое землетрясение, и десятая часть города пала, и погибло при землетрясении семь тысяч имен человеческих; и прочие объяты были страхом и воздали славу Богу небесному.

14 Второе горе прошло; вот, идет скоро третье горе.

15 И седьмой Ангел вострубил, и раздались на небе громкие голоса, говорящие: царство мира соделалось *царством* Господа нашего и Христа Его, и будет царствовать во веки веков.

16 И двадцать четыре старца, сидящие пред Богом на престолах своих, пали на лица свои и поклонились Богу,

17 говоря: благодарим Тебя, Господи Боже Вседержитель, Который еси и был и грядешь, что Ты приял силу Твою великую и воцарился.

18 И рассвирепели язычники; и пришел гнев Твой и время судить мертвых и дать возмездие рабам Твоим, пророкам и святым и боящимся имени Твоего, малым и великим, и погубить губивших землю.

19 И отверзся храм Божий на небе, и явился ковчег завета Его в храме Его; и произошли молнии и голоса, и громы и землетрясение и великий град.

12

1 И явилось на небе великое знамение: жена, облеченная в солнце; под ногами ее луна, и на главе ее венец из двенадцати звезд.

2 Она имела во чреве и кричала от болей и мук рождения.

3 И другое знамение явилось на небе: вот, большой красный дракон с семью головами и десятью рогами, и на головах его семь диадим.

А. Дюрер. Женщина-Солнце и семиголовый дракон

4 Хвост его увлек с неба третью часть звезд и поверг их на землю. Дракон сей стал перед женою, которой надлежало родить, дабы, когда она родит, пожрать ее младенца.

5 И родила она младенца мужеского пола, которому надлежит пасти все народы жезлом железным; и восхищено было дитя ее к Богу и престолу Его.

6 А жена убежала в пустыню, где приготовлено было для нее место от Бога, чтобы питали ее там тысячу двести шестьдесят дней.

7 И произошла на небе война: Михаил и Ангелы его воевали против дракона, и дракон и ангелы его воевали *против них*,

8 но не устояли, и не нашлось уже для них места на небе.

9 И низвержен был великий дракон, древний змий, называемый диаволом и сатаною, обольщающий всю вселенную, низвержен на землю, и ангелы его низвержены с ним.

10 И услышал я громкий голос, говорящий на небе: ныне настало спасение и сила и царство Бога нашего и власть Христа Его, потому что низвержен клеветник братий наших, клеветавший на них пред Богом нашим день и ночь.

11 Они победили его кровию Агнца и словом свидетельства своего и не возлюбили души своей даже до смерти.

12 Итак веселитесь, небеса и обитающие на них! Горе живущим на земле и на море! потому что к вам сошел диавол в сильной ярости, зная, что немного ему остается времени.

13 Когда же дракон увидел, что низвержен на землю, начал преследовать жену, которая родила младенца мужеского пола.

14 И даны были жене два крыла большого орла, чтобы она летела в пустыню в свое место от лица змия и там питалась в продолжение времени, времен и полвремени.

15 И пустил змий из пасти своей вслед жены воду как реку, дабы увлечь ее рекою.

16 Но земля помогла жене, и разверзла земля уста свои, и поглотила реку, которую пустил дракон из пасти своей.

17 И рассвирепел дракон на жену, и пошел, чтобы вступить в брань с прочими от семени ее, сохраняющими заповеди Божии и имеющими свидетельство Иисуса Христа.

А. Дюрер. Битва архангела Михаила с драконом

13

1 И стал я на песке морском, и увидел выходящего из моря зверя с семью головами и десятью рогами: на рогах его было десять диадим, а на головах его имена богохульные.

2 Зверь, которого я видел, был подобен барсу; ноги у него — как у медведя, а пасть у него — как пасть у льва; и дал ему дракон силу свою и престол свой и великую власть.

3 И видел я, что одна из голов его как бы смертельно была ранена, но эта смертельная рана исцелела. И дивилась вся земля, следя за зверем, и поклонились дракону, который дал власть зверю,

4 и поклонились зверю, говоря: кто подобен зверю сему? и кто может сразиться с ним?

5 И даны были ему уста, говорящие гордо и богохульно, и дана ему власть действовать сорок два месяца.

6 И отверз он уста свои для хулы на Бога, чтобы хулить имя Его, и жилище Его, и живущих на небе.

7 И дано было ему вести войну со святыми и победить их; и дана была ему власть над всяким коленом и народом, и языком и племенем.

8 И поклонятся ему все живущие на земле, которых имена не написаны в книге жизни у Агнца, закланного от создания мира.

9 Кто имеет ухо, да слышит.

10 Кто ведет в плен, тот сам пойдет в плен; кто мечом убивает, тому самому надлежит быть убиту мечом. Здесь терпение и вера святых.

11 И увидел я другого зверя, выходящего из земли; он имел два рога, подобные агнчим, и говорил как дракон.

12 Он действует перед ним со всею властью первого зверя и заставляет всю землю и живущих на ней поклоняться первому зверю, у которого смертельная рана исцелела;

13 и творит великие знамения, так что и огонь низводит с неба на землю перед людьми.

14 И чудесами, которые дано было ему творить перед зверем, он обольщает живущих на земле, говоря живущим на земле, чтобы они сделали образ зверя, который имеет рану от меча и жив.

15 И дано ему было вложить дух в образ зверя, чтобы образ зверя и говорил и действовал так, чтобы убиваем был всякий, кто не будет поклоняться образу зверя.

16 И он сделает то, что всем, малым и великим, богатым и нищим, свободным и рабам — положено будет

А. Дюрер. Зверь с семью головами и число его 666

начертание на правую руку их или на чело их,

17 и что никому нельзя будет ни покупать, ни продавать, кроме того, кто имеет это начертание, или имя зверя, или число имени его.

18 Здесь мудрость. Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое; число его шестьсот шестьдесят шесть.

14

1 И взглянул я, и вот, Агнец стоит на горе Сионе, и с Ним сто сорок четыре тысячи, у которых имя Отца Его написано на челах.

2 И услышал я голос с неба, как шум от множества вод и как звук сильного грома; и услышал голос как бы гуслистов, играющих на гуслях своих.

3 Они поют как бы новую песнь пред престолом и пред четырьмя животными и старцами; и никто не мог научиться сей песни, кроме сих ста сорока четырех тысяч, искупленных от земли.

4 Это те, которые не осквернились с женами, ибо они девственники; это те, которые следуют за Агнцем, куда бы Он ни пошел. Они искуплены из людей, как первенцу Богу и Агнцу,

5 и в устах их нет лукавства; они непорочны пред престолом Божиим.

6 И увидел я другого Ангела, летящего по средине неба, который имел вечное Евангелие, чтобы благовествовать живущим на земле и всякому племени и колену, и языку и народу;

7 и говорил он громким голосом: убойтесь Бога и воздайте Ему славу, ибо наступил час суда Его, и поклонитесь Сотворившему небо и землю, и море и источники вод.

8 И другой Ангел следовал за ним, говоря: пал, пал Вавилон, город великий, потому что он яростным вином блуда своего напоил все народы.

9 И третий Ангел последовал за ними, говоря громким голосом: кто поклоняется зверю и образу его и принимает начертание на чело свое или на руку свою,

10 тот будет пить вино ярости Божией, вино цельное, приготовленное в чаше гнева Его, и будет мучим в огне и сере пред святыми Ангелами и пред Агнцем;

11 и дым мучения их будет восходить во веки веков, и не будут иметь покоя ни днем, ни ночью поклоняющиеся зверю и образу его и принимающие начертание имени его.

А. Дюрер. Агнец Божий и гимн Избранному

12 Здесь терпение святых, соблюдающих заповеди Божии и веру в Иисуса.

13 И услышал я голос с неба, говорящий мне: напиши: отныне блаженны мертвые, умирающие в Господе; ей, говорит Дух, они успокоятся от трудов своих, и дела их идут вслед за ними.

14 И взглянул я, и вот светлое облако, и на облаке сидит подобный Сыну Человеческому; на голове его золотой венец, и в руке его острый серп.

15 И вышел другой Ангел из храма и воскликнул громким голосом к сидящему на облаке: пусти серп твой и пожни, потому что пришло время жатвы, ибо жатва на земле созрела.

16 И поверг сидящий на облаке серп свой на землю, и земля была пожата.

17 И другой Ангел вышел из храма, находящегося на небе, также с острым серпом.

18 И иной Ангел, имеющий власть над огнем, вышел от жертвенника и с великим криком воскликнул к имеющему острый серп, говоря: пусти острый серп твой и обрежь гроздья винограда на земле, потому что созрели на нем ягоды.

19 И поверг Ангел серп свой на землю, и обрезал виноград на земле, и бросил в великое точило гнева Божия.

20 И истоптаны *ягоды* в точиле за городом, и потекла кровь из точила даже до уздэ конских, на тысячу шестьсот стадий.

15

1 И увидел я иное знамение на небе, великое и чудное: семь Ангелов, имеющих семь последних язв, которыми оканчивалась ярость Божия.

2 И видел я как бы стеклянное море, смешанное с огнем; и победившие зверя и образ его, и начертание его, и число имени его стоят на этом стеклянном море, держа гусли Божии,

3 и поют песнь Моисея, раба Божия, и песнь Агнца, говоря: велики и чудны дела Твои, Господи Боже Вседержитель! Праведны и истинны пути Твои, Царь святых!

4 Кто не убоится Тебя, Господи, и не прославит имени Твоего? ибо Ты един свят. Все народы придут и поклонятся пред Тобою, ибо открылись суды Твои.

5 И после сего я взглянул, и вот, отверзся храм скинии свидетельства на небе.

6 И вышли из храма семь Ангелов, имеющие семь язв, облеченные в

чистую и светлую льняную одежду и опоясанные по персям золотыми поясами.

7 И одно из четырех животных дало семи Ангелам семь золотых чаш, наполненных гневом Бога, живущего во веки веков.

8 И наполнился храм дымом от славы Божией и от силы Его, и никто не мог войти в храм, доколе не окончились семь язв семи Ангелов.

16

1 И услышал я из храма громкий голос, говорящий семи Ангелам: идите и вылейте семь чаш гнева Божия на землю.

2 Пошел первый Ангел и вылил чашу свою на землю: и сделались жестокие и отвратительные гнойные раны на людях, имеющих начертание зверя и поклоняющихся образу его.

3 Второй Ангел вылил чашу свою в море: и сделалась кровь, как бы мертвеца, и все одушевленное умерло в море.

4 Третий Ангел вылил чашу свою в реки и источники вод: и сделалась кровь.

5 И услышал я Ангела вод, который говорил: праведен Ты, Господи, Который еси и был, и свят, потому что так судил;

6 за то, что они пролили кровь святых и пророков, Ты дал им пить кровь: они достойны того.

7 И услышал я другого от жертвенника говорящего: ей, Господи Боже Вседержитель, истинны и праведны суды Твои.

8 Четвертый Ангел вылил чашу свою на солнце: и дано было ему жечь людей огнем.

9 И жег людей сильный зной, и они хулили имя Бога, имеющего власть над сими язвами, и не вразумились, чтобы воздать Ему славу.

10 Пятый Ангел вылил чашу свою на престол зверя: и сделалось царство его мрачно, и они кусали языки свои от страдания,

11 и хулили Бога небесного от страданий своих и язв своих; и не раскаялись в делах своих.

12 Шестой Ангел вылил чашу свою в великую реку Евфрат: и высохла в ней вода, чтобы готов был путь царям от восхода солнечного.

13 И видел я *выходящих* из уст дракона и из уст зверя и из уст лжепророка трех духов нечистых, подобных жабам:

14 это — бесовские духи, творящие знамения; они выходят к царям земли всей вселенной, чтобы собрать их на брань в оный великий день Бога Вседержителя.

15 Се, иду как тать: блажен бодрствующий и хранящий одежду свою, чтобы не ходить ему нагим и чтобы не увидели срамоты его.

16 И он собрал их на место, называемое по-еврейски Армагеддон.

17 Седьмой Ангел вылил чашу свою на воздух: и из храма небесного от престола раздался громкий голос, говорящий: совершилось!

18 И произошли молнии, громы и голоса, и сделалось великое землетрясение, какого не бывало с тех пор, как люди на земле. Такое землетрясение! Так великое!

19 И город великий распался на три части, и города языческие пали, и Вавилон великий воспомянут пред Богом, чтобы дать ему чашу вина ярости гнева Его.

20 И всякий остров убежал, и гор не стало;

21 и град, величиною в талант, пал с неба на людей; и хулили люди Бога за язвы от града, потому что язва от него была весьма тяжкая.

17

1 И пришел один из семи Ангелов, имеющих семь чаш, и, говоря со мною, сказал мне: подойди, я покажу тебе суд над великою блудницею, сидящею на водах многих;

2 с нею блудодействовали цари земные, и вином ее блудодеяния упивались живущие на земле.

3 И повел меня в духе в пустыню; и я увидел жену, сидящую на звере багряном, преисполненном именами богохульными, с семью головами и десятью рогами.

4 И жена облечена была в порфиру и багряницу, украшена золотом, драгоценными камнями и жемчугом, и держала золотую чашу в руке своей, наполненную мерзостями и нечистотою блудодейства ее;

5 и на челе ее написано имя: тайна, Вавилон великий, мать блудницам и мерзостям земным.

6 Я видел, что жена упоена была кровью святых и кровью свидетелей Иисусовых, и, видя ее, дивился удивлением великим.

7 И сказал мне Ангел: что ты дивишься? я скажу тебе тайну жены сей и зверя, носящего ее, имеющего семь голов и десять рогов.

8 Зверь, которого ты видел, был, и нет его, и выйдет из бездны, и пойдет в погибель; и удивятся те из живущих на земле, имена которых не вписаны в книгу жизни от начала мира, видя, что зверь был, и нет его, и явится.

9 Здесь ум, имеющий мудрость. Семь голов суть семь гор, на которых сидит жена,

А. Дюрер. Вавилонская блудница

10 и семь царей, из которых пять пали, один есть, а другой еще не пришел, и когда придет, не долго ему быть.

11 И зверь, который был и которого нет, есть восьмой, и из числа семи, и пойдет в погибель.

12 И десять рогов, которые ты видел, суть десять царей, которые еще не получили царства, но примут власть со зверем, как цари, на один час.

13 Они имеют одни мысли и передадут силу и власть свою зверю.

14 Они будут вести брань с Агнцем, и Агнец победит их; ибо Он есть Господь господствующих и Царь царей, и те, которые с Ним, суть званые и избранные и верные.

15 И говорит мне: воды, которые ты видел, где сидит блудница, суть люди и народы, и племена и языки.

16 И десять рогов, которые ты видел на звере, сии возненавидят блудницу, и разорят ее, и обнажат, и плоть ее съедят, и сожгут ее в огне;

17 потому что Бог положил им на сердце — исполнить волю Его, исполнить одну волю, и отдать царство их зверю, доколе не исполнятся слова Божии.

18 Жена же, которую ты видел, есть великий город, царствующий над земными царями.

18

1 После сего я увидел иного Ангела, сходящего с неба и имеющего власть великую; земля осветилась от славы его.

2 И воскликнул он сильно, громким голосом говоря: пал, пал Вавилон, великая *блудница*, сделался жилищем бесов и пристанищем всякому нечистому духу, пристанищем всякой нечистой и отвратительной птице; ибо яростным вином блудодеяния своего она напоила все народы,

3 и цари земные любодействовали с нею, и купцы земные разбогатели от великой роскоши ее.

4 И услышал я иной голос с неба, говорящий: выйди от нее, народ Мой, чтобы не участвовать вам в грехах ее и не подвергнуться язвам ее;

5 ибо грехи ее дошли до неба, и Бог воспомянул неправды ее.

6 Воздайте ей так, как и она воздала вам, и вдвое воздайте ей по делам ее; в чаше, в которой она приготовляла вам вино, приготовьте ей вдвое.

7 Сколько славилась она и роскошествовала, столько воздайте ей мучений и горестей. Ибо она говорит в сердце своем: сижу царицею, я не вдова и не увижу горести!

8 За то в один день придут на нее
казни, смерть и плач и голод, и бу-
дет сожжена огнем, потому что си-
лен Господь Бог, судящий ее.

9 И восплачут и возрыдают о ней ца-
ри земные, блудодействовавшие и
роскошествовавшие с нею, когда
увидят дым от пожара ее,

10 стоя издали от страха мучений ее *и*
говоря: горе, горе *тебе*, великий
город Вавилон, город крепкий!
ибо в один час пришел суд твой.

11 И купцы земные восплачут и воз-
рыдают о ней, потому что товаров
их никто уже не покупает,

12 товаров золотых и серебряных, и
камней драгоценных и жемчуга, и
виссона и порфиры, и шелка и
багряницы, и всякого благовонно-
го дерева, и всяких изделий из сло-
новой кости, и всяких изделий из
дорогих дерев, из меди и железа и
мрамора,

13 корицы и фимиама, и мира и ла-
дана, и вина и елея, и муки и пше-
ницы, и скота и овец, и коней и
колесниц, и тел и душ человече-
ских.

14 И плодов, угодных для души твоей,
не стало у тебя, и все тучное и бли-
стательное удалилось от тебя; ты
уже не найдешь его.

15 Торговавшие всем сим, обогатив-
шиеся от нее, станут вдали от стра-
ха мучений ее, плача и рыдая

16 и говоря: горе, горе *тебе*, великий
город, одетый в виссон и порфиру
и багряницу, украшенный золо-
том и камнями драгоценными и
жемчугом,

17 ибо в один час погибло такое бо-
гатство! И все кормчие, и все плы-
вущие на кораблях, и все кора-
бельщики, и все торгующие на
море стали вдали

18 и, видя дым от пожара ее, возопи-
ли, говоря: какой город подобен
городу великому!

19 И посыпали пеплом головы свои,
и вопили, плача и рыдая: горе, го-
ре *тебе*, город великий, драгоцен-
ностями которого обогатились все,
имеющие корабли на море, ибо
опустел в один час!

20 Веселись о сем, небо и святые Апо-
столы и пророки; ибо совершил
Бог суд ваш над ним.

21 И один сильный Ангел взял ка-
мень, подобный большому жерно-
ву, и поверг в море, говоря: с та-
ким стремлением повержен будет
Вавилон, великий город, и уже не
будет его.

22 И голоса играющих на гуслях, и
поющих, и играющих на свире-
лях, и трубящих трубами в тебе
уже не слышно будет; не будет
уже в тебе никакого художника,
никакого художества, и шума от
жерновов не слышно уже будет в
тебе;

23 и свет светильника уже не появится в тебе; и голоса жениха и невесты не будет уже слышно в тебе: ибо купцы твои были вельможи земли, и волшебством твоим введены в заблуждение все народы.

24 И в нем найдена кровь пророков и святых и всех убитых на земле.

19

1 После сего я услышал на небе громкий голос как бы многочисленного народа, который говорил: аллилуия! спасение и слава, и честь и сила Господу нашему!

2 Ибо истинны и праведны суды Его: потому что Он осудил ту великую любодейцу, которая растлила землю любодейством своим, и взыскал кровь рабов Своих от руки ее.

3 И вторично сказали: аллилуия! И дым ее восходил во веки веков.

4 Тогда двадцать четыре старца и четыре животных пали и поклонились Богу, сидящему на престоле, говоря: аминь! аллилуия!

5 И голос от престола исшел, говорящий: хвалите Бога нашего, все рабы Его и боящиеся Его, малые и великие.

6 И слышал я как бы голос многочисленного народа, как бы шум вод многих, как бы голос громов сильных, говорящих: аллилуия! ибо воцарился Господь Бог Вседержитель.

7 Возрадуемся и возвеселимся и воздадим Ему славу; ибо наступил брак Агнца, и жена Его приготовила себя.

8 И дано было ей облечься в виссон чистый и светлый; виссон же есть праведность святых.

9 И сказал мне *Ангел*: напиши: блаженны званные на брачную вечерю Агнца. И сказал мне: сии суть истинные слова Божии.

10 Я пал к ногам его, чтобы поклониться ему; но он сказал мне: смотри, не делай сего; я сослужитель тебе и братьям твоим, имеющим свидетельство Иисусово; Богу поклонись; ибо свидетельство Иисусово есть дух пророчества.

11 И увидел я отверстое небо, и вот конь белый, и сидящий на нем называется Верный и Истинный, Который праведно судит и воинствует.

12 Очи у Него как пламень огненный, и на голове Его много диадим. *Он* имел имя написанное, которого никто не знал, кроме Его Самого.

13 *Он был* облечен в одежду, обагренную кровью. Имя Ему: «Слово Божие».

14 И воинства небесные следовали за Ним на конях белых, облеченные в виссон белый и чистый.

15 Из уст же Его исходит острый меч, чтобы им поражать народы. Он пасет их жезлом железным; Он топчет точило вина ярости и гнева Бога Вседержителя.

16 На одежде и на бедре Его написано имя: «Царь царей и Господь господствующих».

17 И увидел я одного Ангела, стоящего на солнце; и он воскликнул громким голосом, говоря всем птицам, летающим по средине неба: летите, собирайтесь на великую вечерю Божию,

18 чтобы пожрать трупы царей, трупы сильных, трупы тысяченачальников, трупы коней и сидящих на них, трупы всех свободных и рабов, и малых и великих.

19 И увидел я зверя и царей земных и воинства их, собранные, чтобы сразиться с Сидящим на коне и с воинством Его.

20 И схвачен был зверь и с ним лжепророк, производивший чудеса пред ним, которыми он обольстил принявших начертание зверя и поклоняющихся его изображению: оба живые брошены в озеро огненное, горящее серою;

21 а прочие убиты мечом Сидящего на коне, исходящим из уст Его, и все птицы напитались их трупами.

20

1 И увидел я Ангела, сходящего с неба, который имел ключ от бездны и большую цепь в руке своей.

2 Он взял дракона, змия древнего, который есть диавол и сатана, и сковал его на тысячу лет,

3 и низверг его в бездну, и заключил его, и положил над ним печать, дабы не прельщал уже народы, доколе не окончится тысяча лет; после же сего ему должно быть освобожденным на малое время.

4 И увидел я престолы и сидящих на них, которым дано было судить, и души обезглавленных за свидетельство Иисуса и за слово Божие, которые не поклонились зверю, ни образу его, и не приняли начертания на чело свое и на руку свою. Они ожили и царствовали со Христом тысячу лет.

5 Прочие же из умерших не ожили, доколе не окончится тысяча лет. Это — первое воскресение.

6 Блажен и свят имеющий участие в воскресении первом: над ними смерть вторая не имеет власти, но они будут священниками Бога и Христа и будут царствовать с Ним тысячу лет.

7 Когда же окончится тысяча лет, сатана будет освобожден из темницы своей и выйдет обольщать народы, находящиеся на четырех углах

А. Дюрер. Ангел с ключом от ада

земли, Гога и Магога, и собирать их на брань; число их как песок морской.

8 И вышли на широту земли, и окружили стан святых и город возлюбленный.

9 И ниспал огонь с неба от Бога и пожрал их;

10 а диавол, прельщавший их, ввержен в озеро огненное и серное, где зверь и лжепророк, и будут мучиться день и ночь во веки веков.

11 И увидел я великий белый престол и Сидящего на нем, от лица Которого бежало небо и земля, и не нашлось им места.

12 И увидел я мертвых, малых и великих, стоящих пред Богом, и книги раскрыты были, и иная книга раскрыта, которая есть книга жизни; и судимы были мертвые по написанному в книгах, сообразно с делами своими.

13 Тогда отдало море мертвых, бывших в нем, и смерть и ад отдали мертвых, которые были в них; и судим был каждый по делам своим.

14 И смерть и ад повержены в озеро огненное. Это смерть вторая.

15 И кто не был записан в книге жизни, тот был брошен в озеро огненное.

21

1 И увидел я новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали, и моря уже нет.

2 И я, Иоанн, увидел святый город Иерусалим, новый, сходящий от Бога с неба, приготовленный как невеста, украшенная для мужа своего.

3 И услышал я громкий голос с неба, говорящий: се, скиния Бога с человеками, и Он будет обитать с ними; они будут Его народом, и Сам Бог с ними будет Богом их.

4 И отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прежнее прошло.

5 И сказал Сидящий на престоле: се, творю все новое. И говорит мне: напиши; ибо слова сии истинны и верны.

6 И сказал мне: совершилось! Я есмь Альфа и Омега, начало и конец; жаждущему дам даром от источника воды живой.

7 Побеждающий наследует все, и буду ему Богом, и он будет Мне сыном.

8 Боязливых же и неверных, и скверных и убийц, и любодеев и чародеев, и идолослужителей и всех лжецов участь в озере, горящем огнем и серою. Это смерть вторая.

9 И пришел ко мне один из семи Ангелов, у которых было семь чаш, наполненных семью последними язвами, и сказал мне: пойди, я покажу тебе жену, невесту Агнца.

10 И вознес меня в духе на великую и высокую гору, и показал мне великий город, святый Иерусалим, который нисходил с неба от Бога.

11 Он имеет славу Божию. Светило его подобно драгоценнейшему камню, как бы камню яспису кристалловидному.

12 Он имеет большую и высокую стену, имеет двенадцать ворот и на них двенадцать Ангелов; на воротах написаны имена двенадцати колен сынов Израилевых:

13 с востока трое ворот, с севера трое ворот, с юга трое ворот, с запада трое ворот.

14 Стена города имеет двенадцать оснований, и на них имена двенадцати Апостолов Агнца.

15 Говоривший со мною имел золотую трость для измерения города и ворот его и стены его.

16 Город расположен четвероугольником, и длина его такая же, как и широта. И измерил он город тростью на двенадцать тысяч стадий; длина и широта и высота его равны.

17 И стену его измерил во сто сорок четыре локтя, мерою человеческою, какова мера и Ангела.

18 Стена его построена из ясписа, а город был чистое золото, подобен чистому стеклу.

19 Основания стены города украшены всякими драгоценными камнями: основание первое яспис, второе сапфир, третье халкидон, четвертое смарагд,

20 пятое сардоникс, шестое сердолик, седьмое хризолит, восьмое вирилл, девятое топаз, десятое хризопрас, одиннадцатое гиацинт, двенадцатое аметист.

21 А двенадцать ворот — двенадцать жемчужин: каждые ворота были из одной жемчужины. Улица города — чистое золото, как прозрачное стекло.

22 Храма же я не видел в нем, ибо Господь Бог Вседержитель — храм его, и Агнец.

23 И город не имеет нужды ни в солнце, ни в луне для освещения своего, ибо слава Божия осветила его, и светильник его — Агнец.

24 Спасенные народы будут ходить во свете его, и цари земные принесут в него славу и честь свою.

25 Ворота его не будут запираться днем; а ночи там не будет.

26 И принесут в него славу и честь народов.

27 И не войдет в него ничто нечистое и никто преданный мерзости и лжи, а только те, которые написаны у Агнца в книге жизни.

22

1 И показал мне чистую реку воды жизни, светлую, как кристалл, исходящую от престола Бога и Агнца.

2 Среди улицы его, и по ту и по другую сторону реки, древо жизни, двенадцать *раз* приносящее плоды, дающее на каждый месяц плод свой; и листья дерева — для исцеления народов.

3 И ничего уже не будет проклятого; но престол Бога и Агнца будет в нем, и рабы Его будут служить Ему.

4 И узрят лице Его, и имя Его будет на челах их.

5 И ночи не будет там, и не будут иметь нужды ни в светильнике, ни в свете солнечном, ибо Господь Бог освещает их; и будут царствовать во веки веков.

6 И сказал мне: сии слова верны и истинны; и Господь Бог святых пророков послал Ангела Своего показать рабам Своим то, чему надлежит быть вскоре.

7 Се, гряду скоро: блажен соблюдающий слова пророчества книги сей.

8 Я, Иоанн, видел и слышал сие. Когда же услышал и увидел, пал к ногам Ангела, показывающего мне сие, чтобы поклониться *ему*;

9 но он сказал мне: смотри, не делай сего; ибо я сослужитель тебе и братьям твоим пророкам и соблюдающим слова книги сей; Богу поклонись.

10 И сказал мне: не запечатывай слов пророчества книги сей; ибо время близко.

11 Неправедный пусть еще делает неправду; нечистый пусть еще сквернится; праведный да творит правду еще, и святый да освящается еще.

12 Се, гряду скоро, и возмездие Мое со Мною, чтобы воздать каждому по делам его.

13 Я есмь Альфа и Омега, начало и конец, Первый и Последний.

14 Блаженны те, которые соблюдают заповеди Его, чтобы иметь им право на древо жизни и войти в город воротами.

15 А вне — псы и чародеи, и любодеи, и убийцы, и идолослужители, и всякий любящий и делающий неправду.

16 Я, Иисус, послал Ангела Моего засвидетельствовать вам сие в церквах. Я есмь корень и потомок Давида, звезда светлая и утренняя.

17 И Дух и невеста говорят: прииди! И слышавший да скажет: прииди! Жаждущий пусть приходит, и желающий пусть берет воду жизни даром.

18 И я также свидетельствую всякому слышащему слова пророчества книги сей: если кто приложит что к ним, на того наложит Бог язвы, о которых написано в книге сей;

19 и если кто отнимет что от слов книги пророчества сего, у того отнимет Бог участие в книге жизни и в святом граде и в том, что написано в книге сей.

20 Свидетельствующий сие говорит: ей, гряду скоро! Аминь. Ей, гряди, Господи Иисусе!

21 Благодать Господа нашего Иисуса Христа со всеми вами. Аминь.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРЕДСКАЗАНИЯ РУССКИХ КЛАССИКОВ

Осип Сенковский
1800–1853
Ученое путешествие на Медвежий Остров

Владимир Одоевский
1803–1869
Город без имени
Последнее самоубийство

Владимир Соловьев
1853–1900
Краткая повесть об Антихристе

Осип-Юлиан Сенковский (1800—1853) — востоковед, полиглот, писатель, редактор, коллекционер.

Помимо ориенталистики, занимался изучением скандинавских саг и русской истории, акустикой, теорией и историей музыки, изобретением музыкальных инструментов, написал множество статей по этнографии, физике, математике, геологии, медицине.

В альманахе крупнейшего санкт-петербургского книгоиздателя и книготорговца А. Ф. Смирдина «Новоселье» опубликовал в 1833 году первые сочинения за подписью *Барон Брамбеус* — литературно-политические обозрения «Незнакомка» и «Большой выход у Сатаны». В том же году издал «Фантастические путешествия барона Брамбеуса», имевшие ошеломительный успех.

Повесть «Ученое путешествие на Медвежий Остров» — в известной мере пародия на научно-познавательные романы. Ее можно по праву назвать предтечей жанра ироническая фантастика.

Осип Сенковский

УЧЕНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ НА МЕДВЕЖИЙ ОСТРОВ [1]

Итак, я доказал, что люди, жившие до потопа, были гораздо умнее нынешних: как жалко, что они потонули!..

Барон Кювье

Какой вздор!..

Гомер в своей «Илиаде»

14 апреля (1828) отправились мы из Иркутска в дальнейший путь, по направлению к северо-востоку, и в первых числах июня прибыли к Берендинской станции, проехав верхом с лишним тысячу верст. Мой товарищ, доктор философии Шпурцманн, отличный натуралист, но весьма дурной ездок, совершенно выбился из сил и не мог продолжать путешествие. Невозможно представить себе ничего забавнее почтенного испытателя природы, согнутого дугой на тощей лошади и увешанного со всех сторон ружьями, пистолетами, барометрами, термометрами, змеиными кожами, бобровыми хвостами, набитыми соломою сусликами и птицами, из которых одного ястреба особенного рода, за недостатком места за спиною и на груди, посадил он было у себя на шапке. В селениях, через которые мы проезжали, суеверные якуты, принимая его за великого странствующего шамана, с благоговением подносили ему кумысу и сушеной рыбы и всячески старались заставить его хоть немножко по-

[1] Текст печатается с сокращениями по изданию: Взгляд сквозь столетия. Русская фантастика XVIII и первой половины XIX века. М., 1977.

шаманить над ними. Доктор сердился и бранил якутов по-немецки; те, полагая, что он говорит с ними священным тибетским наречием и другого языка не понимает, еще более оказывали ему уважения и настоятельнее просили его изгонять из них чертей. Мы хохотали почти всю дорогу.

По мере приближения нашего к берегам Лены вид страны становился более и более занимательным. Кто не бывал в этой части Сибири, тот едва ли постигнет мыслию великолепие и разнообразие картин, которые здесь, на всяком почти шагу, прельщают взоры путешественника, возбуждая в душе его самые неожиданные и самые приятные ощущения. Все, что Вселенная, по разным своим уделам, вмещает в себе прекрасного, богатого, пленительного, ужасного, дикого, живописного: съеженные хребты гор, веселые бархатные луга, мрачные пропасти, роскошные долины, грозные утесы, озера с блещущею поверхностью, усеянною красивыми островами, леса, холмы, рощи, поля, потоки, величественные реки и шумные водопады,— все собрано здесь в невероятном изобилии, набросано со вкусом или установлено с непостижимым искусством. Кажется, будто природа с особенным тщанием отделала эту страну для человека, не забыв в ней ничего, что только может служить к его удобству, счастию, удовольствию; и, в ожидании прибытия хозяина, сохраняет ее во всей свежести, во всем лоске нового изделия. Это замечание неоднократно представлялось нашему уму, и мы почти не хотели верить, чтоб, употребив столько старания, истощив столько сокровищ на устройство и украшение этого участка планеты, та же природа добровольно преградила вход в него любимому своему питомцу жестоким и негостеприимным климатом. Но Шпурцманн, как личный приятель природы, получающий от короля ганноверского деньги на поддержание связей своих с нею, извинял ее в этом случае, утверждая положительно, что она была принуждена к тому внешнею силою, одним из великих и внезапных переворотов, превративших прежние теплые края, где росли пальмы и бананы, где жили мамонты, слоны, мастодонты, в холодные страны, заваленные вечным льдом и снегом, в которых теперь ползают белые медведи и с трудом прозябают сосна и береза. В доказательство того, что северная часть Сибири была некогда жаркою полосою, он приводил кости и целые остовы животных, принадлежащих южным климатам, разбросанные во множестве по ее поверхности или вместе с деревьями и плодами теплых стран света погребенные в верхних слоях тучной ее почвы. Доктор был нарочно отправлен Геттингенским университетом для собирания этих костей и с восторгом показывал на слоновый зуб или винную ягоду, превращенные в камень, которые продал ему один якут близ берегов Алдана. Он не сомневался, что до этого переворота, которым мог быть всеобщий потоп или один из частных потопов, не упомянутых даже в Св. Писании, в окрестностях Лены вместо якутов и тунгусов обитали какие-нибудь предпотопные индийцы или итальянцы, которые ездили на этих окаменелых слонах и кушали эти окаменелые винные ягоды.

Ученые мечтания нашего товарища сначала возбуждали во мне улыбку; но теории прилипчивы, как гнилая горячка, и таково действие остроумных или благовидных учений на слабый ум человеческий, что те именно головы, которые сперва хвастают недоверчивостью, мало-помалу напитавшись летучим их

началом, делаются отчаянными их последователями и готовы защищать их с мусульманским фанатизмом. Я еще спорил и улыбался, как вдруг почувствовал, что окаянный немец, среди дружеского спора, привил мне свою теорию; что она вместе с кровью расходится по всему моему телу и скользит по всем жилам; что жар ее бьет мне в голову; что я болен теориею. На другой день я уже был в бреду: мне беспрестанно грезились великие перевороты земного шара и сравнительная анатомия, с мамонтовыми челюстями, мастодонтовыми клыками, мегалосаурами, плезиосаурами, мегалотерионами, первобытными, вторичными и третичными почвами. Я горел жаждою излагать всем и каждому чудеса сравнительной анатомии. Быв нечаянно застигнут в степи припадком теории, за недостатком других слушателей, я объяснял бурятам, что они, скоты, не знают и не понимают того, что сначала на земле водились только устрицы и лопушник, которые были истреблены потопом, после которого жили на ней гидры, драконы и черепахи и росли огромные деревья, за которыми опять последовал потоп, от которого произошли мамонты и другие колоссальные животные, которых уничтожил новый потоп; и что теперь они, буряты, суть прямые потомки этих колоссальных животных. Потопы считал я уже такою безделицею — в одном Париже было их четыре! — такою, говорю, безделицею, что для удобнейшего объяснения нашей теории тетушке, или, попросту, в честь великому Кювье, казалось, я сам был бы в состоянии, при маленьком пособии со стороны природы, одним стаканом пуншу произвесть всеобщий потоп в Торопецком уезде.

Наводняя таким образом обширные земли, искореняя целые органические природы, чтоб на их месте водворить другие, переставляя горы и моря на земном шаре, как шашки на шахматной доске, утомленные спорами, соображениями и походом, прибыли мы на Берендинскую станцию, где светлая Лена, царица сибирских рек, явилась взорам нашим во всем своем величии. Мы приветствовали ее громогласным — ура! Доктор Шпурцманн снял с шапки своего ястреба, поставил в два ряда на земле все свои чучелы и окаменелости, повесил барометры на дереве и, улегшись на разостланном плаще, объявил решительно, что верхом не поедет более ни одного шагу. Я тоже чувствовал усталость от верховой езды и желал несколько отдохнуть в этом месте. Прочие наши товарищи охотно согласились со мною. Один только достопочтенный наш предводитель обербергпробирмейстер* [1] 7-го класса, Иван Антонович Страбинских, следовавший в Якутск по делам службы, негодовал на нашу леность и понуждал нас к отъезду. Он не верил ни сравнительной анатомии, ни нашему изнеможению и все это называл пустою теориею. В целой Сибири не видал я ума холоднее: доказанной истины для него было недовольно; он еще желал знать, которой она пробы. Его сердце, составленное из негорючих ископаемых веществ, было совершенно непреступно воспламенению. И когда доктор клялся, что натер себе на седле оконечность позвоночной кости, он и это причислял к разряду пустых теорий, ни к чему не ведущих в практике и по служ-

[1] Здесь и далее звездочками обозначены ссылки на примечания, вынесенные в конец повести.

бе, и хотел наперед удостовериться в истине его показания своей пробирною иглою. Иван Антонович Страбинских был поистине человек ужасный!

После долгих переговоров мы единогласно определили оставить лошадей и следовать в Якутск водою. Иван Антонович, как знающий местные средства, принял на себя приискать для нас барку, и 6 июня пустились мы в путь по течению Лены. Берега этой прекрасной, благородной реки, одной из огромнейших и безопаснейших в мире, обставлены великолепными утесами и убраны беспрерывною цепью богатых и прелестных видов. Во многих местах утесы возвышаются отвесно и представляют взорам обманчивое подобие разрушенных башен, замков, храмов, чертогов. Очарование, производимое подобным зрелищем, еще более укрепило во мне понятия, почерпнутые из рассуждений доктора, о прежней теплоте климата и цветущем некогда состоянии этой чудесной страны. Предаваясь влечению утешительной мечты, я видел в Лене древний сибирский Нил и в храмообразных ее утесах развалины предпотопной роскоши и образованности народов, населявших его берега. И всяк, кто только одарен чувством, взглянув на эту волшебную картину, увидел бы в ней то же. После каждого наблюдения мы с доктором восклицали, восторженные: «Быть не может, чтоб эта земля с самого начала всегда была Сибирью!» — на что Иван Антонович всякий раз возражал хладнокровно, что с тех пор, как он служит в офицерском чине, здесь никогда ничего, кроме Сибири, не бывало.

Но кстати, о Ниле. Я долго путешествовал по Египту и, быв в Париже, имел честь принадлежать к числу усерднейших учеников Шампольона-младшего, прославившегося открытием ключа к иероглифам. В короткое время я сделал удивительные успехи в чтении этих таинственных письмен; свободно читал надписи на обелисках и пирамидах, объяснял мумии, переводил папирусы, сочинял иероглифические каймы для салфеток, иероглифами писал чувствительные записки к француженкам и сам даже открыл половину одной египетской, дотоле неизвестной буквы, за что покойный Шампольон обещал доставить мне бессмертие, упомянув обо мне в выноске к своему сочинению. Правда, что г. Гульянов* оспаривал основательность нашей системы и предлагал другой, им самим придуманный способ чтения иероглифов, по которому смысл данного текста выходит совершенно противный тому, какой получается, читая его по Шампольону; но это не должно никого приводить в сомнение, ибо спор, заведенный почтенным членом Российской Академии с великим французским египтологом, я могу решить одним словом: метода, предначертанная Шампольоном, так умна и замысловата, что, ежели египетские жрецы в самом деле были так мудры, какими изображают их древние, они не могли и не должны были читать своих иероглифов иначе как по нашей методе; изобретенная же г. Гульяновым иероглифическая азбука так нехитра, что если где и когда-либо была она в употреблении, то разве у египетских дьячков и пономарей, с которыми мы не хотим иметь и дела.

В проезд наш из Иркутска до Берендинской станции я неоднократно излагал Шпурцманну иероглифическую систему Шампольона-младшего; но верхом очень неловко говорить об иероглифах, и упрямый доктор никак не хотел верить в наши открытия, которые называл он филологическим мечтательством. Как теперь находились мы на барке, где удобно можно было чертить уг-

лем на досках всякие фигуры, я воспользовался этим случаем, чтоб убедить его в точности моих познаний. Сначала мой доктор усматривал во всем противоречия и недостатки; но по мере развития остроумных правил, приспособленных моим наставником к чтению неизвестных письмен почти неизвестного языка, недоверчивость его превращалась в восхищение, и он испытал над собою то же волшебное действие вновь постигаемой теории, какое недавно произвели во мне его сравнительная анатомия и четыре парижские потопа. Я растолковал ему, что, по нашей системе, всякий иероглиф есть или буква, или метафорическая фигура, изображающая известное понятие, или вместе буква и фигура, или ни буква, ни фигура, а только произвольное украшение почерка. Итак, нет ничего легче, как читать иероглифы: где не выходит смысла по буквам, там должно толковать их метафорически; если нельзя подобрать метафоры, то позволяется совсем пропустить иероглиф и перейти к следующему, понятнейшему. Шпурцманн, которому и в голову никогда не приходило, чтобы таким образом можно было дознаваться тайн глубочайшей древности, почти не находил слов для выражения своего восторга. Он взял все, какие у меня были, брошюры разных ученых об этом предмете и сел читать их со вниманием. Прочитавши, он уже совершенно был убежден в основательности сообщенной мною теории и дал мне слово, что с будущей недели он начнет учиться чудесному искусству читать иероглифы; по возвращении же в Петербург пойдет прямо к Египетскому мосту, виденному им на Фонтанке, без сомнения неправильно называемому извозчиками Бердовым и гораздо древнейшему известного К. И. Берда, и, не полагаясь на чужие толки, будет сам лично разбирать находящиеся на нем иероглифические надписи, чтоб узнать с достоверностью, в честь какого крокодила и за сколько столетий до Р. Х. построен этот любопытный мост.

Наконец увидели мы перед собою обширные луга, расстилающиеся на правом берегу Лены, на которых построен Якутск. Июня 10-го прибыли мы в этот небольшой, но весьма красивый город, изящным вкусом многих деревянных строений напоминающий царскосельские улицы, и остановились по разным домам, к хозяевам которых имели мы рекомендательные письма из Иркутска. Осмотрев местные достопримечательности и отобедав поочередно у всех якутских хлебосолов, у которых нашли мы сердце гораздо лучше их «красного ротвейну», всякий из нас начал думать об отъезде в свою сторону. Я ехал из Каира в Торопец и, признаюсь, сам не знал, каким образом и зачем забрался в Якутск; но как я находился в Якутске, то, по мнению опытных людей, ближайший путь в Торопец был — возвратиться в Иркутск и, уже не связываясь более ни с какими натуралистами и не провожая приятелей, следовать через Тобольск и Казань на запад, а не на восток. Доктор Шпурцманн ехал без определенной цели — туда, где, как ему скажут, есть много костей. Иван Антонович Страбинских отправлялся к устью Лены, имев поручение от начальства обозреть его в отношениях минералогическом и горного промысла. Мой натуралист тотчас возымел мысль обратить поездку обербергпробирмейстера 7-го класса на пользу сравнительной анатомии и вызвался сопутствовать ему под 70-й градус северной широты, где еще надеялся он найти средство проникнуть и далее, до Фадеевского Острова и даже до Костяного пролива.

Утром курил я сигарку в своей комнате, наблюдая с ученым вниманием, как табачный дым рисуется в сибирском воздухе, когда Шпурцманн вбежал ко мне с известием, что завтра отправляется он с Иваном Антоновичем в дальнейший путь на север. Он был вне себя от радости и усердно приглашал меня ехать с ним туда, представляя выгоды этого путешествия в самом блистательном свете — занимательность наших ученых бесед — случай обозреть величественную Лену во всем ее течении и видеть ее устье, доселе не посещенное ни одним филологом, ни натуралистом — удовольствие плавать по Северному океану, среди ледяных гор и белых медведей, покойно спящих на волнуемых бурею льдинах,— счастье побывать за 70-м градусом широты, в Новой Сибири и Костяном проливе, где найдем пропасть прекрасных костей разных предпотопных животных,— наконец, приятность совокупить вместе наши разнородные познания, чтоб сделать какое-нибудь важное для науки открытие, которое прославило б нас навсегда в Европе, Азии и Америке. Чтоб подстрекнуть мое самолюбие, тонкий немец обещал доставить мне лестную известность во всех зоологических собраниях и кабинетах ископаемых редкостей, ибо, если в огромном числе разбросанных в тех странах островов удастся ему открыть какое-нибудь неизвестное в ученом свете животное, то, в память нашей дружбы, он даст этому животному мою почтеннейшую фамилию, назвав его мегалобрамбеусотерион, великозверем-Брамбеусом или как мне самому будет угодно, чтоб ловче передать мое имя отдаленным векам, бросив его вместе с этими костями голодному потомству. Хотя, сказать правду, и это весьма хороший путь к бессмертию, и многие не хуже меня достигли им громкой знаменитости, однако ж к принятию его предложения я скорее убедился бы следующим обстоятельством, чем надеждою быть дружески произведенным в предпотопные скоты. Доктор напомнил мне, что вне устья Лены находится известная пещера, которую, в числе прочих, Паллас и Гмелин* старались описать по собранным от русских промышленников известиям, весьма сожалея, что им самим не случилось видеть ее собственными глазами. Наши рыбаки называют ее «Писанною Комнатою». Гмелин предлагал даже снарядить особую экспедицию для открытия и описания этой пещеры. Впрочем, о существовании ее было уже известно в Средних веках. Арабские географы, слышавшие об ней от харасских купцов, именуют ее *Гар эль-китабе*, то есть «Пещерою письмен», а остров, на котором она находится, *Ард эль-гар*, или «Землею пещеры»... ...Китайская Всеобщая География, приводимая ученым Клапротом*, повествует об ней следующее: «Недалеко от устья реки Ли-но есть на высокой горе пещера с надписью на неизвестном языке, относимою к веку императора Яо. Мын-дзы полагает, что нельзя прочитать ее иначе как при помощи травы ши, растущей на могиле Конфуция»... Плано Карпини*, путешествовавший в Сибири в XIII столетии, также упоминает о любопытной пещере, лежащей у последних пределов севера, in ultimo septentrioni, в окрестностях которой живут, по его словам, люди, имеющие только по одной ноге и одной руке: они ходить не могут и, когда хотят прогуляться, вертятся колесом, упираясь в землю попеременно ногою и рукою. О самой пещере суеверный посол папы присовокупляет только, что в ней находятся надписи на языке, которым говорили в раю.

Все эти сведения мне, как ученому путешественнику, кажется, давно были известны; но оно не мешало, чтобы доктор повторил их мне с надлежащею подробностью, для воспламенения моей ревности к подвигам на пользу науки. Я призадумался. В самом деле, стоило только отыскать эту прославленную пещеру, видеть ее, сделать список с надписи и привезти его в Европу, чтоб попасть в великие люди. Приятный трепет тщеславия пробежал по моему сердцу. Ехать ли мне или нет?.. Оно немножко в сторону от пути в Торопец!.. Но как оставить приятеля?.. Притом Шпурцманн не способен к подобным открытиям: он в состоянии не приметить надписи и скорее все испортит, чем сделает что-нибудь порядочное. Я — это другое дело!.. Я создан для снимания надписей; я видел их столько в разных странах света!

— Так и быть, любезный доктор! — вскричал я, обнимая предприимчивого натуралиста.— Еду провожать тебя в Костяной пролив.

На другой день поутру (15 июня) мы уже были на лодке и после обеда снялись с попутным ветром. Плавание наше по Лене продолжалось с лишком две недели, потому что Иван Антонович, который теперь совершенно располагал нами, принужден был часто останавливаться для осмотра гор, примыкающих во многих местах к самому руслу реки. Доктор прилежно сопровождал его во всех его официальных вылазках на берег; я оставался на лодке и курил сигарки. В продолжение этого путешествия имели мы случай узнать покороче нашего товарища и хозяина: он был не только человек добрый, честный, услужливый, но и весьма ученый по своей части, чего прежде, сквозь казенную его оболочку, мы вовсе не приметили. Мы полюбили его от всего сердца. Жаль только, что он терпеть не мог теорий и хотел пробовать все на своем оселке.

Время было ясное и жаркое. Лена и ее берега долго еще не переставали восхищать нас своею красотою: это настоящая панорама, составленная со вкусом из отличнейших видов вселенной. По мере удаления от Якутска деревья становятся реже и мельче; но за этот недостаток глаза с избытком вознаграждаются постепенно возрастающим величием безжизненной природы. Под 68-м градусом широты река уже уподобляется бесконечно длинному озеру, и смежные горы принимают грозную альпийскую наружность.

Наконец вступили мы в пустынное царство Севера. Зелени почти не видно. Гранит, вода и небо занимают все пространство. Природа кажется разоренною, взрытою, разграбленною недавно удалившимся врагом ее. Это поле сражения между планетою и ее атмосферою, в вечной борьбе которых лето составляет только мгновенное перемирие. В непрозрачном тусклом воздухе над полюсом висят растворенные зима и бури, ожидая только удаления солнца, чтоб во мраке, с новым ожесточением, броситься на планету; и планета, скинув свое красивое растительное платье, нагою грудью сбирается встретить неистовые стихии, свирепость которых как будто хочет она устрашить видом острых, черных, исполинских членов и железных ребр своих.

2 июля бросили мы якорь в небольшой бухте, у самого устья Лены, ширина которого простирается на несколько верст. Итак, мы находились в устье этой могущественной реки, под 70-м градусом широты; но ожидания наши были несколько обмануты: вместо пышного, необыкновенного вида мы здесь ничего не видали. Река и море, в своем соединении, представили нам одно плоское,

синее, необозримое пространство вод, при котором великолепие берегов совершенно исчезло. Даже Ледовитый океан ничем не обрадовал нас после длинного и скучного путешествия: ни одной плавучей льдины, ни одного медведя!.. Я был очень недоволен устьем Лены и Ледовитым океаном.

Доктор остановил мое внимание на особенном устройстве этого устья, которое кажется будто усеченным. Берега здесь не ниже тех, какие видели мы за сто и за двести верст вверх по реке; из обоих же углов устья выходит длинная аллея утесистых островов, конец которой теряется из виду на отдаленных водах океана. Нельзя сомневаться, что это продолжение берегов Лены, которая в глубокую древность долженствовала тянуться несравненно далее на север; но один из тех великих переворотов в природе, о которых мы с доктором беспрестанно толковали, по-видимому, сократил ее течение, передав значительную часть русла ее во владение моря. Шпурцманн очень хорошо объяснял весь порядок этого происшествия, но его объяснения нисколько меня не утешали.

— Если б я управлял этим переворотом, я бы перенес устье Лены еще ближе к Якутску,— сказал я.

— И вы бы были таким вандалом, портить такую прекрасную реку! — сказал доктор.

Мы нашли здесь несколько юрт тунгусов, занимающихся рыбною ловлею: они составляли все народонаселение здешнего края. Два большие судна, отправленные одним купцом из Якутска для ловли тюленей, стояли у островка, закрывающего вход в нашу бухту. По разным показаниям мы уже знали с достоверностью, что Писанная Комната находится на так называемом Медвежьем Острове, лежащем между Фадеевским Островом, Новою Сибирью и Костяным проливом. Как Антон Иванович намеревался пробыть здесь около десяти дней, то мы с доктором вступили в переговоры с приказчиком одного судна о перевезении нас на Медвежий Остров. Смелые промышленники в полной мере подтвердили сведения, сообщенные нам в разных местах по Лене, о предмете нашего путешествия, уверяя, что сами не раз бывали на этом острову и в Писанной Комнате. Заключив с ними условие, 4 июля простились мы с любезным нашим хозяином, который душевно сожалел, что должен был расстаться с нами, тогда как и сам он очень желал бы посетить столь любопытную пещеру. Он обещал дожидаться нашего возвращения в устье Лены и, когда мы поднимали паруса, прислал еще сказать нам, что, быть может, увидится он с нами на Медвежьем Острову, ежели мы долго пробудем в пещере и ему нечего здесь будет делать.

Миновав множество мелких островов, мы выплыли в открытое море. Безветрие удержало нас до вечера в виду берегов Сибири. Ночью поднялся довольно сильный северо-западный ветер, и на следующее утро мы уже неслись по Ледовитому океану. Несколько отдельно плавающих льдин служили единственною вывескою грозному его названию. После трехдневного плавания завидели мы вправо низкий остров, именуемый Малым; влево высокие утесы, образующие южный край Фадеевского Острова. Скоро проявились и нагруженные ледяными горами неприступные берега Новой Сибири, за юго-западным углом которой приказчик судна указал нам высокую пирамидальную массу камня со многими уступами. Это был Медвежий Остров.

Мы прибыли туда 8 июля, около полудня, и немедленно отправились на берег. Медвежий Остров состоит из одной, почти круглой, гранитной горы, окруженной водою, и от Новой Сибири отделяется только небольшим проливом. Вершина его господствует над всеми высотами близлежащих островов, возвышаясь над поверхностью моря на 2260 футов, по барометрическому измерению доктора Шпурцманна. Пещера, известная под именем Писанной Комнаты, лежит в верхней его части, почти под самою крышею горы. Один из промышленников проводил нас туда по весьма крутой тропинке, протоптанной, по его мнению, белыми медведями, которые осенью и зимою во множестве посещают этот остров, отчего произошло и его название. Мы не раз принуждены были карабкаться на четвереньках, пока достигли небольшой площадки, где находится вход в пещеру, заваленный до половины камнями и обломками гранита.

Преодолев с большим трудом все препятствия, очутились мы наконец в знаменитой пещере. Она действительно имеет вид огромной комнаты. Сначала недостаток света не дозволил нам ничего видеть; но, когда глаза наши привыкли к полумраку, какое было наше восхищение, какая для меня радость, какое счастье для доктора открыть вместе и черты письмен, и кучу окаменелых костей!.. Шпурцманн бросился на кости как голодная гиена; я засветил карманный фонарик и стал разглядывать стены. Но тут именно и ожидало меня изумление. Я не верил своим взорам и протер глаза платком; я думал, что свет фонаря меня обманывает, и три раза снял со свечки.

— Доктор!

— Мм?

— Посмотри сюда, ради бога!

— Не могу, барон. Я занят здесь. Какие богатства!.. Какие сокровища!.. Вот хвост плезиосауров, которого недостает у Геттингенского университета...

— Оставь его и поди скорее ко мне. Я покажу тебе нечто, гораздо любопытнее всех твоих хвостов.

— Раз, два, три, четыре... Четыре ляжки разных предпотопных собак — canis antediluvianus... И все новых, неизвестных пород!.. Вот, барон, избирайте любую: которую породу хотите вы удостоить вашего имени?.. Эту, например, собаку наречем вашею фамилиею; эту моею; этой можно будет дать имя вашей почтеннейшей сестр...

Я не мог выдержать долее, побежал к Шпурцманну и, вытащив его насильно из груды костей, привел за руку к стене. Наведя свет фонаря на письмена, я спросил, узнает ли он их. Шпурцманн посмотрел на стену и на меня в остолбенении.

— Барон!.. Это, кажется?..

— Что такое?.. Говорите ваше мнение.

— Да это иероглифы!..

Я бросился целовать доктора.

— Так точно! — вскричал я с сердцем, трепещущим от радости,— это они, это египетские иероглифы! Я не ошибаюсь!.. Я узнал их с первого взгляда; я могу узнать египетские иероглифы везде и во всякое время, как свой собственный почерк.

— Вы также можете и читать их, барон?.. Ведь вы ученик Шампольона? — важно присовокупил доктор.

— Я уже разобрал несколько строк.

— Этой надписи?

— Да. Она сочинена на диалекте, немножко различном от настоящего египетского, но довольно понятна и четка. Впрочем, вы знаете, что иероглифы можно читать на всех языках. Угадайте, любезный доктор, о чем в ней говорится?

— Ну, о чем?

— О потопе.

— О потопе!..— воскликнул доктор, прыгнув в ученом восторге вверх на пол-аршина.— О потопе!! — И, в свою очередь, он кинулся целовать меня, сильно прижимая к груди, как самый редкий хвост плезиосауров.— О потопе!!! Какое открытие!.. Видите, барон: а вы не соглашались ехать сюда со мною в устье Лены, хотели наплевать на Ледовитый океан?.. Видите, сколько еще остается людям сделать важных для науки приобретений. Что вы там смотрите?..

— Читаю надпись. Судя по содержанию некоторых мест, это описание великого переворота в природе.

— Возможно ли?..

— Кажется, будто кто-то, спасшийся от потопа в этой пещере, вздумал описать на стенах ее свои приключения.

— Да это клад!.. Надпись единственная, бесценная!.. Мы, вероятно, узнаем из нее много любопытных вещей о предпотопных нравах и обычаях, о живших в то время великих животных... Как я завидую, барон, вашим обширным познаниям по части египетских древностей!.. Знаете ли, что за одну эту надпись вы будете членом всех наших немецких университетов и корреспондентом всех ученых обществ, подобно египетскому паше?..

— Очень рад, что тогда буду иметь честь именоваться вашим товарищем, любезный доктор. Благодаря вашей предприимчивости, вашему ученому инстинкту, мы с вами сделали истинно великое открытие; но меня приводит в сомнение одно обстоятельство, в котором никак не могу отдать себе отчета.

— Какое именно?

— То, каким непостижимым случаем египетские иероглифы забрались на Медвежий Остров, посреди Ледовитого океана. Не белые ли медведи сочинили эту надпись?..— спросил я.

— Белые медведи?.. Нет, это невозможно! — отвечал пресерьезно немецкий Gelehrter [1].— Я хорошо знаю зоологию и могу вас уверить, что белые медведи не в состоянии этого сделать. Но что же тут удивительного?.. Это только новое доказательство, что так называемые египетские иероглифы не суть египетские, а были переданы жрецам того края гораздо древнейшим народом, без сомнения, людьми, уцелевшими от последнего потопа. Итак, иероглифы суть, очевидно, письмена предпотопные, literae antediluvianae, первобытная грамота рода человеческого, и были в общем употреблении у народов, обитавших в

[1] Ученый *(нем.). (Здесь и далее примечания автора.)*

теплой и прекрасной стране, теперь частию превращенной в Северную Сибирь, частию поглощенной Ледовитым морем, как это достаточно доказывается и самым устройством устья Лены. Вот почему мы находим египетскую надпись на Медвежьем Острову.

— Ваше замечание, любезный доктор, кажется мне весьма основательным.

— Оно, по крайней мере, естественно и само собою проистекает из прекрасной, бесподобной теории о четырех потопах, четырех почвах и четырех истребленных органических природах.

— Я совершенно согласен с вами. И мой покойный наставник и друг, Шампольон, потирая руки перед пирамидами, на которых тоже найдены иероглифические надписи, сказал однажды своим спутникам: «Эти здания не принадлежат египтянам: им с лишком 20 000 лет!»

— Видите, видите, барон! — воскликнул обрадованный Шпурцманн.— Я не египтолог, а сказал вам тотчас, что египетские иероглифы существовали еще до последнего потопа. Двадцать тысяч лет?.. Ну а потоп случился недавно!.. Итак, это доказано. Правда, я иногда шутил над иероглифами; но мы в Германии, в наших университетах, очень любим остроумие. В сердце я всегда питал особенное к ним почтение и могу вас уверить, что египетские иероглифы я уважаю наравне с мамонтовыми клыками. Как я сожалею, что, будучи в Париже, не учился иероглифам!..

Объяснив таким образом происхождение надписи и осмотрев с фонарем стены, плотно покрытые сверху донизу иероглифами, нам оставалось только решить, что с нею делать. Срисовать ее всю было невозможно: на это потребовалось бы с лишком двух месяцев, с другой стороны, у нас не было столько бумаги. Как тут быть?.. По зрелом соображении мы положили, возвратясь в Петербург, убедить Академию Наук к приведению в действие Гмелинова проекта, отправлением нарочной ученой экспедиции для снятия надписи в подлиннике сквозь вощеную бумагу, а между тем самим перевесть ее на месте и представить ученому совету в буквальном переводе. Но и это не так-то легко было бы исполнить. Стены имеют восемь аршин высоты, и вверху сходятся неправильным сводом. Надпись, хотя и крупными иероглифами, начинается так высоко, что, стоя на полу, никак нельзя разглядеть верхних строк. Притом строки очень не прямы, сбивчивы, даже перепутаны одни с другими и должны быть разбираемы с большим вниманием, чтоб при чтении и в переводе не перемешать порядка иероглифов и сопряженных с ними понятий. Надобно было непременно наперед построить леса кругом всей пещеры и потом, при свете фонарей или факелов, одному читать и переводить, а другому писать по диктовке.

Рассудив это и измерив пещеру, мы возвратились на судно, где собрали все ненужные доски, бревна, багры и лестницы и приказали перенести в Писанную Комнату. Трудолюбивые русские мужички за небольшую плату охотно и весело исполнили наши наставления. К вечеру материал уже был на горе; но постройка лесов заняла весь следующий день, в течение которого Шпурцманн копался в костях, а я отыскивал начало надписи и порядок, по которому стены следуют одни за другими. На третий день поутру (10 июля) мы взяли с собою столик, скамейку, чернила и бумагу и, прибыв в пещеру, немедленно приступили к делу.

Я взлез на леса с двумя промышленниками, долженствовавшими держать предо мною фонари; доктор уселся на скамейке за столиком; я закурил сигарку, он понюхал табаку, и мы начали работать. Зная, какой чрезмерной точности требует ученый народ от списывающих древние исторические памятники, мы условились переводить иероглифический текст по точным правилам Шампольоновой методы, от слова до слова, как он есть, без всяких украшений слога, и писать перевод каждой стены особо, не изобретая никакого нового разделения. В этом именно виде ученые мои читатели найдут его и здесь.

Но при первом слове вышел у нас с доктором жаркий спор о заглавии. Питомец запачканной чернилами Германии не хотел и писать без какого-нибудь загадочного или рогатого заглавия. Он предлагал назвать наш труд: *Homo diluviitestis* — «Человек был свидетелем потопа», потому что это неприметным образом состояло бы в косвенной, тонкой, весьма далекой и весьма остроумной связи с системою Шейхцера*, который, нашед в своем погребу кусок окаменелого человека, под этим заглавием написал книгу, доказывая, что этот человек видел из погреба потоп собственными глазами, в опровержение последователей учению Кювье, утверждающих, что до потопа не было на земле ни людей, ни даже погребов. Я предпочитал этому педантству ясное и простое заглавие: «*Записки последнего предпотопного человека*». Мы потеряли полчаса дорогого времени и ни на что не согласились. Я вышел из терпения и объявил доктору, что оставлю его одного в пещере, если он будет долее спорить со мною о таких пустяках. Шпурцманн образумился.

— Хорошо! — сказал он.— Мы решим заглавие в Европе.

— Хорошо! — сказал я.— Теперь извольте писать.

Стена I

«Подлейший раб солнца, луны и двенадцати звезд, управляющих судьбами, Шабахубосаар, сын Бакубарооса, сына Махубелехова, всем читающим это желаем здравия и благополучия.

Цель этого писания есть следующая:

Мучимый голодом, страхом, отчаянием, лишенный всякой надежды на спасение, среди ужасов всеобщей смерти, на этом лоскутке земли, случайно уцелевшем от разрушения, решился я начертать картину страшного происшествия, которого был свидетелем.

Если еще кто-либо, кроме меня, остался в живых на земле; если случай, любопытство или погибель привлечет его или сынов его в эту пещеру; если когда-нибудь сделается она доступною потомкам человека, исторгнутого рукою судьбы из последнего истребления его рода, пусть прочитают они мою историю, пусть постигнут ее содержание и затрепещут.

Никто уже из них не увидит ни отечеств, ни величия, ни пышности их злосчастных предков. Наши прекрасные родины, наши чертоги, па-

мятники и сказания покоятся на дне морском или под спудом новых огромных гор. Здесь, где теперь простирается это бурное море, покрытое льдинами, еще недавно процветало сильное и богатое государство, блистали яркие крыши бесчисленных городов, среди зелени пальмовых рощ и бамбуковых плантаций...»

— Видите, барон, как подтверждается все, что я вам доказывал об удивительных исследованиях Кювье? — воскликнул в этом месте Шпурцманн.

— Вижу,— отвечал я и продолжал диктовать начатое.

«...двигались шумные толпы народа и паслись стада под светлым и благотворным небом. Этот воздух, испещренный гадкими хлопьями снега, замешанный мрачным и тяжелым туманом, еще недавно был напитан благоуханием цветов и звучал пением прелестных птичек, вместо которого слышны только унылое каркание ворон и пронзительный крик бакланов. В том месте, где сегодня, на бушующих волнах, носится эта отдаленная, высокая ледяная гора, беспрестанно увеличиваясь новыми глыбами снега и окаменелой воды,— в том самом месте, в нескольких переездах отсюда, пять недель тому назад возвышался наш великолепный Хухурун, столица могущественной Барабии* и краса вселенной, огромностью, роскошью и блеском превосходивший все города, как мамонт превосходит всех животных. И все это исчезло, как сон, как привидение!..

О Барабия! О мое отечество! Где ты теперь?.. Где мой прекрасный дом?.. Моя семья?.. Любезная мать, братья, сестры, товарищи и все дорогие сердцу?.. Вы погибли в общем разрушении природы, погребены в пучинах нового океана или плаваете по его поверхности вместе со льдинами, которые трут ваши тела и разламывают ваши кости. Я один остался на свете, но и я скоро последую за вами!..

В горестном отчуждении от всего, что прежде существовало, одни лишь воспоминания еще составляют связь между мною и поглощенным светом. Но достанет ли у меня силы, чтоб возобновить память всего ужасного и смешного, сопровождавшего мучительную его кончину?.. Вода смыла с лица земли последний след глупостей и страданий нашего рода, и я не имею права нарушать тайны, которою сама природа, быть может для нашей чести, покрыла его существование. Итак, я ограничусь здесь личными моими чувствованиями и приключениями: они принадлежат мне одному, и я, для собственного моего развлечения, опишу их подробно с самого начала постигшего нас бедствия.

В 10-й день второй луны сего, 11 789, года в северовосточной стороне неба появилась небольшая комета. Я тогда находился в Хухуруне. Вечер был бесподобный; несметное множество народа весело и беззаботно гуляло по мраморной набережной Лены, и лучшее общество столи-

цы оживляло ее своим присутствием. Прекрасный пол... прекрасный пол?»

— Чем вы затрудняетесь, барон? — прервал Шпурцманн, приподнимая голову.— Переводите, ради бога: это очень любопытно.

— Затрудняюсь тем,— отвечал я,— что не знаю, как назвать разные роды древних женских нарядов, о которых здесь упоминается.

— Нужды нет; называйте их нынешними именами, с присовокуплением общего прилагательного antediluvianus, «предпотопный». Мы в сравнительной анатомии так называем все то, что неизвестно, когда оно существовало. Это очень удобно.

— Хорошо. Итак, пишите.

«Предпотопный прекрасный пол, в богатых предпотопных клоках, с щегольскими предпотопными шляпками на голове и предпотопными турецкими шалями, искусно накинутыми на плечи, сообщал этому стечению вид столь же пестрый, как и заманчивый».

— Прекрасно! — воскликнул мой доктор, нюхая табак.— И коротко и ясно.

— Но мне кажется,— примолвил я,— что было бы еще короче не прибавлять слова «предпотопный».

— Конечно! — отвечал он.— Это будет еще короче.

— Не прерывайте же меня теперь,— сказал я,— а то мы никогда не кончим.

«Лучи заходящего солнца, изливаясь розовыми струями сквозь длинные и высокие колоннады дворцов, украшавших противоположный берег реки, и озаряя волшебным светом желтые и голубые крыши храмов, восхищали праздных зрителей, более занятых своими удовольствиями, чем кометою и даже новостями из армии. Барабия была тогда в войне с двумя сильными державами: к юго-западу (около Шпицбергена и Новой Земли) [1] мы вели кровопролитную войну с Мурзуджаном, повелителем обширного государства, населенного неграми, а на внутреннем море (что ныне Киргизская Степь) наш флот сражался со славою против соединенных сил Пшармахии и Гарры. Наш царь, Мархусахааб, лично предводительствовал войсками против черного властелина, и прибывший накануне гонец привез радостное известие об одержанной нами незабвенной победе.

Я тоже гулял по набережной, но на меня не только комета и победа, но даже и величественная игра лучей солнца не производили впечатле-

[1] Предваряю, однажды, навсегда, что объяснения имен собственных, заключенные в скобках, прибавлены к моему переводу доктором Шпурцманном: они, без сомнения, весьма основательны, но я не диктовал их ему.

ния. Я был рассеян и грустен. За час перед тем я был у моей Саяны, прелестнейшей из женщин, живших когда-либо на земном шаре,— у Саяны, с которою долженствовал я скоро соединиться неразрывными узами брака и семейного счастия,— и расстался с нею с сердцем, отравленным подозрениями и ревностью. Я был ревнив до крайности; она была до крайности ветрена. Несколько уже раз случалось мне быть в размолвке с нею и всегда оставаться виноватым; но теперь я имел ясное доказательство ее измены. Теперь я сам видел, как она пожала руку молодому (предпотопному) франту, Саабарабу. „Возможно ли,— думал я,— чтоб столько коварства, вероломства таилось в юной и неопытной девушке, и еще под такою обворожительною оболочкою красоты, невинности, нежности?.. Она так недавно клялась мне, что, кроме меня, никого в свете любить не может; что без меня скучает, чувствует себя несчастною; что мое присутствие для нее благополучие, мое прикосновение — жизнь!.. Но, может статься, я ошибаюсь: может быть, я не то видел, и она верна мне по-прежнему?.. В самом деле, я не думаю, чтобы она могла любить кого-нибудь другого, особенно такого вертопраха, каков Саабараб... Впрочем, он красавец, знатен и нагл: многие женщины от него без памяти... Да и что значила эта рука в его руке?.. Откуда такая холодность в обращении со мною?.. Она даже не спросила меня, когда мы опять увидимся!.. Я приведу все это в ясность. И если удостоверюсь, что она действительно презирает мою любовь, то клянусь солнцем и луною!..“ — Тут мои рассуждения были вдруг остановлены: я упал на мостовую, разбил себе лоб и был оглушен пронзительным визгом придавленного мною человека, который кричал мне в самое ухо: „Ай!.. Ай!.. Шабахубосаар!.. Сумасшедший!.. Что ты делаешь?.. Ты меня убил!.. Ты меня душишь!.. Господа!.. Пособите!..“

Я вскочил на ноги, весь в пыли и изумлении среди громкого смеха прохожих и плоских замечаний моих приятелей, и тогда только приметил, что, обуреваемый страстью, я так быстро мчался по набережной, что затоптал главного хухурунского астронома, горбатого Шимшика, бывшего некогда моим учителем. Шимшик хотел воспользоваться появлением кометы на небе, чтоб на земле обратить общее внимание на себя. Став важно посреди гульбища, он вытянул шею и не сводил тусклых глаз своих с кометы, в том уповании, что гуляющие узнают по его лицу отношения его по должности к этому светилу; но в это время неосторожно был опрокинут мною на мостовую.

Прежде всего я пособил почтенному астроному привстать с земли. Мы уже были окружены толпою ротозеев. Тогда как он чистил и приводил в порядок свою бороду, я поправил на нем платье и подал ему свалившийся с головы его остроконечный колпак, извиняясь перед ним в моей опрометчивости. Но старик был чрезвычайно раздражен моим поступком и обременял меня упреками, что я не умею уважать его

седин и глубоких познаний; что он давно предсказал появление этой кометы и что я, опрокинув его во время астрономических его наблюдений, разбил вдребезги прекрасную систему, которую создавал он о течении, свойстве и пользе комет. Я безмолвно выслушал его выговоры, ибо знал, что это громкое негодование имело более предметом дать знать народу, что он астроном и важное лицо в этом случае, чем огорчить и унизить меня перед посторонними. Веселость зрителей, возбужденная его приключением, вдруг превратилась в любопытство, как скоро узнали они, что этот горбатый человек может растолковать им значение появившейся на небе метлы. Они осыпали его вопросами, и он в своих ответах умел сообщить себе столько важности, что многие подумали, будто он в самом деле управляет кометами и может разразить любое светило над головою всякого, кто не станет оказывать должного почтения ему и его науке.

Я знал наклонность нашего мудреца к шарлатанству и при первой возможности утащил его оттуда, хотя он неохотно оставлял поприще своего торжества. Когда мы очутились с глазу на глаз, я сказал ему:

— Любезный Шимшик, вы крепко настращали народ этою кометою.

— Нужды нет! — отвечал он равнодушно.— Это возбуждает в невеждах уважение к наукам и ученым.

— Но вы сами мне говорили...

— Я всегда говорил вам, что придет комета. Я предсказывал это лет двадцать тому назад.

— Но вы говорили также, что комет нечего бояться; что эти светила не имеют никакой связи ни с землею, ни с судьбами ее жителей.

— Да, я говорил это; но теперь я сочиняю другую, совсем новую систему мира, в которой хочу дать кометам занятие несколько важнее прежнего. Я имею убедительные к тому причины, которые объясню тебе после. Но ты, любезный Шабахубосаар! Ты рыскаешь по гульбищам, как шальной палеотерион. Ты чуть не задавил твоего старого учителя, внезапно обрушившись на него всем телом. Я уже думал, что комета упала с неба прямо на меня.

— Простите, почтенный Шимшик, я был рассеян, почти не свой...

— Я знаю причину твоей рассеянности. Ты все еще возишься с своею Саяною. Верно, она тебе изменила?

— Отнюдь не то. Я люблю ее, обожаю; она достойна моей любви, хотя, кажется, немножко... ветрена.

— Ведь я тебе предсказывал это восемь месяцев тому назад? Ты не хотел верить!

— Она... она кокетка.

— Я предсказал это, когда она еще была малюткою. Мои предсказания всегда сбываются. И эта комета...

— Я признаюсь вам, что я в отчаянии...

— Понапрасну, друг мой Шабахубосаар! Что же тут необыкновенного?.. Все наши женщины ужасные кокетки».

— Постойте, барон, одно слово! — вскричал опять мой приятель Шпурцманн.— Я думаю, вы не так переводите.

— С чего же вы это взяли? — возразил я.

— Вы уже во второй раз упоминаете о кокетках,— сказал он.— Я не думаю, чтоб кокетки были известны еще до потопа... Тогда водились мамонты, мегалосауры, плезиосауры, палеотерионы и разные драконы и гидры; но кокетки — это произведения новейших времен.

— Извините, любезный доктор,— отвечал я Шпурцманну.— Вот иероглиф, лисица без сердца: это, по грамматике Шампольона-младшего, должно означать кокетку. Я, кажется, знаю язык иероглифический и перевожу грамматически.

— Может статься! — примолвил он.— Однако ж ни Кювье, ни Шейхцер, ни Гом, ни Букланд, ни Броньяр, ни Гумбольт* не говорят ни слова об окаменелых кокетках, и остова древней кокетки нет ни в парижском Музеуме, ни в петербургской Кунсткамере.

— Это уж не мое дело! — сказал я.— Я перевожу так, как здесь написано. Извольте писать.

«Все наши женщины ужасные кокетки...»

— Постойте, барон! — прервал еще раз доктор.— Воля ваша, а здесь необходимо к слову «женщины» прибавить предпотопные или ископаемые. Боюсь, что нынешние дамы станут обижаться нашим переводом, и сама цензура не пропустит этого места, когда мы захотим его напечатать. Позвольте поставить это пояснение в скобках.

— Хорошо-хорошо! — отвечал я.— Пишите как вам угодно, только мне не мешайте.

— Уж более не скажу ни слова.

— Помните же, что это говорит астроном своему воспитаннику, Шабахубосаару.

«Все наши (предпотопные или ископаемые) женщины ужасные кокетки. Это естественное следствие той неограниченной свободы, которою они у нас пользуются. Многие наши мудрецы утверждают, что без этого наши общества никогда не достигли бы той степени образованности и просвещения, на которой они теперь находятся; но я никак не согласен с их мнением. Просвещенным можно сделаться и заперши свою жену замком в спальне — даже еще скорее; а что касается до высокой образованности, то спрашиваю: что такое называем мы этим именем? — утонченный разврат, и только! — разврат, приведенный в систему, подчиненный известным правилам, председательские кресла которого уступили мы женщинам. Зато они уж управляют им совершенно

в свою пользу, распространяя свою власть и стесняя наши права всякий день более и более. Могущество их над обществом дошло в наше время до своей высочайшей точки: они завладели всем, нравами, разговорами, делами, и нас не хотят более иметь своими мужьями, а только любовниками и невольниками. При таком порядке вещей общества неминуемо должны погибнуть.

— Вы, почтенный астроном, принадлежите, как вижу, к партии супружеского абсолютизма.

— Я принадлежу к партии людей благонамеренных и не люблю революций в спальнях, какие теперь происходят во многих государствах. Прежде этого не было. Пагубное учение о допущении женщин к участию в делах, о верховной их власти над обществом появилось только в наше время, и они, при помощи молодых повес, совершенно нас поработили. У нас, в Барабии, это еще хуже, чем в других местах. Наконец и правительства убедились, что с подобными началами общества существовать не могут, и повсюду принимаются меры к прекращению этих нравственных бунтов. Посмотрите, какие благоразумные меры приняты в Гарре, Шандарухии и Хаахабуре для обуздания гидры женского своенравия! Говорят, что в Бамбурии власть мужа уже совершенно восстановлена, хотя в наших гостиных утверждают, что в тамошних супружествах еще происходят смятения и драки. Но и мы приближаемся к важному общественному перелому: надеюсь, что владычество юбок скоро кончится в нашей святой Барабии. Знаешь ли, Шабахубосаар, настоящую цель нашего похода против негров Шахшух (Новой Земли)?

— Нет, не знаю.

— Так я тебе скажу. Это большая тайна; но я узнал ее через моего приятеля, великого жреца Солнца, который давно уговаривает царя принять действительные меры к ограничению чрезмерной свободы женского пола. Мы предприняли эту войну единственно для этой цели. Все обдумано, предусмотрено как нельзя лучше. Мы надеемся поработить полмиллиона арапов и составить из них грозную армию евнухов. Они будут приведены сюда в виде военнопленных и распределены по домам, под предлогом квартиры, по одному человеку на всякое супружество. При помощи их, в назначенный день, мы схватим наших жен, запрем их в спальнях и приставим к дверям надежных стражей. Тогда и я с великим жрецом, хоть старики, имеем в виду жениться на молодых девушках и будем вкушать настоящее супружеское счастие. Но заклинаю тебя, не говори о том никому в свете, ибо испортишь все дело. Ежели мы этого не сделаем, то — увидишь! — не только с нами, но и со всем родом человеческим, и с целою нашею планетою может случиться из-за женщин величайшее бедствие!..

— Вы шутите, любезный Шимшик?

— Не шучу, братец. Я убежден в этом: женщины нас погубят. Но мы предупредим несчастие: скоро будет конец их самовластию над нравами. Советую и тебе, Шабахубосаар, отложить свою женитьбу до благополучного окончания войны с неграми.

Я смеялся до слез, слушая рассуждения главного астронома, и для большей потехи нарочно подстрекал его возражениями. Как ни странны были его мнения, как ни забавны сведения, сообщенные ему по секрету, но они, по несчастию, были не без основания. С некоторого времени все почти народы были поражены предчувствием какого-то ужасного бедствия; на земле провозглашались самые мрачные пророчества. Род человеческий, казалось, предвидел ожидающее его наказание за повсеместный разврат нравов; и как сильнейшие всегда сваливают вину на слабых, то все зло было, естественно, приписано людьми женскому их полу. Повсюду принимались меры против неограниченной свободы женщин, хотя мужчины не везде оставались победителями. Это было время гонения на юбки: все супружества в разбранке; в обществах господствовал хаос.

Шимшик расстался со мною очень поздно. Его причуды несколько рассеяли мою грусть. Как я был сердит на Саяну, то озлобление старого астронома против прекрасного пола отчасти заразило и мое сердце, и, ложась спать, я даже сотворил молитву к Луне об успехе нашего оружия против негров.

На другой день я застал город в тревоге. Все толковали о комете, Шимшике, его колпаке и его предсказаниях. Итак, маленькое небесное тело и маленький неуклюжий педант, о которых прежде никто и не думал, теперь сделались предметом общего внимания! И все это потому, что я этого педанта сшиб с ног на мостовой!!. О люди! О умы!..

Я побежал к своей любезной с твердым намерением в душе наказать ее за вчерашнюю ветреность самым холодным с нею обращением. Сначала мы даже не смотрели друг на друга. Я завел разговор о комете. Она обнаружила нетерпение. Я стал рассказывать о моем приключении с Шимшиком и продолжал казаться равнодушным. Она начала сердиться. Я показал вид, будто этого не примечаю. Она бросилась мне на шею и сказала, что меня обожает. Ах, коварная!.. Но таковы были все наши (ископаемые) [1] женщины: слава Солнцу и Луне, что они потонули!..

Я был обезоружен и даже сам просил прощения. Наступили объяснения, слезы, клятвы; оказалось, что вчера я не то видел; что у меня должен быть странный порок в глазах; и полная амнистия за прошедшее была объявлена с обеих сторон. Я был в восторге и решился принудить ее родителей и мою мать к скорейшему окончанию дела, тем более что

[1] Прибавление Шпурцманна.

женитьба, во всяком случае, почиталась у нас (т. е. до потопа) [1] вернейшим средством к прекращению любовных терзаний.

Хотя брак мой с прекрасною Саяной давно уже был условлен нашими родителями, но приведение его в действие с некоторого времени встречало разные препятствия. Отец моей любезной занимал при дворе значительное место: он был отчаянный церемониймейстер и гордился тем, что ни один из царедворцев не умел поклониться ниже его. Он непременно требовал, чтоб я наперед как-нибудь втерся в дворцовую переднюю и подвергнул себя испытанию, отвесив в его присутствии поклон хоть наместнику государства, когда тот будет проходить с бумагами: опытный церемониймейстер хотел заключить, по углу наклонения моей спины к полу передней при первом моем поклоне, далеко ли пойдет зять его на поприще почестей. С другой стороны, моя мать была весьма недовольна будущею моею тещею: последняя считала себя не только знаменитее родом, но и моложе ее, тогда как матушка знала с достоверностью, что моя теща была старее ее шестьюдесятью годами: ей тогда было только двести пятьдесят пять лет, а той уже за триста!.. Они часто отпускали друг на друга презлые остроты, хотя в обществах казались душевными приятельницами. Матушка не советовала мне спешить с свадьбою под предлогом, что, по дошедшим до нее сведениям, дела родителей Саяны находились в большом расстройстве. Мать моей невесты желала выдать ее за меня замуж, но более была занята собственными своими удовольствиями, чем судьбою дочери. Но главною преградою к скорому совершению брака был мой дядя, Шашабаах. Он строил себе великолепный дом, с несколькими сотнями огромных колонн, и, по своему богатству, был чрезвычайно уважаем как отцом, так и матерью Саяны. Любя меня как родного сына, он объявил, что никто, кроме его, не имеет права пекшись о моем домашнем счастии, и решил своею властью, что нельзя и думать о моей свадьбе, пока не отделает он своей большой залы и не развесит своих картин, ибо теперь у него негде дать бал на такой торжественный случай. Судя по упрямству дяди Шашабааха и по раболепному благоговению наших родных перед его причудами, это препятствие более всех прочих казалось непреодолимым. Я не знал, что делать. Я был влюблен и ревнив. Саяна меня обожала; но, пока дядя развесил бы свои картины, самая добродетельная любовница успела бы раз десять изменить своему другу. Положение мое было самое затруднительное: я признал необходимым выйти из него во что бы то ни стало.

Я побежал к матушке, чтоб понудить ее к решению моей судьбы, и поссорился с нею ужасно. Потом пошел к отцу Саяны: тот вместо ответа прочитал мне сочиненную им программу церемониала для прибли-

[1] Тоже пояснение Шпурцманна.

жающегося при дворе праздника и отослал меня к своей жене. Будущая моя теща, быв накануне оставлена своим любовником, встретила меня грозною выходкою против нашего пола, доказывая, что все мужчины негодяи и не стоят того, чтобы женщины их любили. Я обратился к дяде Шашабааху, но и тут не мог добиться толку: он заставил меня целый день укладывать с ним антики в новой великолепной его библиотеке; на все мои отзывы о Саяне, о любви, о необходимости положить конец моим мучениям отвечал длинными рассуждениями об искусстве обжигать горшки у древних и прогнал меня от себя палкою, когда я, потеряв терпение и присутствие духа, уронил из рук на землю и разбил в куски большой фаянсовый горшок особенного вида, древность которого, по его догадкам, восходила до двести пятнадцатого года от сотворения света. Я плакал, проклинал холодный эгоизм стариков, не постигающих пылкости юного сердца, но не унывал. После многократных просьб, отсрочек, споров и огорчений наконец успел я довести родных до согласия; но, когда они сбирались объявить нам его в торжественном заседании за званым обедом, я вдруг рассорился с Саяною за то, что она слишком сладко улыбалась одному молодому человеку. Все рушилось; я опять был повергнут в отчаяние.

Я поклялся никогда не возвращаться к коварной и целых трое суток свято сдержал свой обет. Чтоб никто не мешал мне сердиться, я ходил гулять в местах уединенных, где не было ни живой души, где даже не было изменниц. Однажды ночь застигла меня в такой прогулке. Нет сомнения, что размолвка с любезною есть удобнейшее время для астрономических наблюдений, и самая астрономия была, как известно, изобретена в IV веке от сотворения света одним великим мудрецом, подравшимся ввечеру с женою и прогнанным ею из спальни. С досады я стал считать звезды на небе и увидел, что комета, которую, хлопоча о своей женитьбе, совсем выпустил из виду, с тех пор необыкновенно увеличилась в своем объеме. Голова ее уже не уступала величиною луне, а хвост бледно-желтого цвета, разбитый на две полосы, закрывал собою огромную часть небесного свода. Я удивился, каким образом такая перемена в наружном ее виде ускользнула от моего ведома и внимания. Пораженный странностью зрелища и наскучив одиночеством, я пошел к приятелю Шимшику потолковать об этом. Его не было дома; но мне сказали, что он на обсерватории, и я побежал туда. Астроном был в одной рубахе, без колпака и без чулок, и стоял, прикованный правым глазом к астролябии, завязав левый свой глаз скинутым с себя от жары исподним платьем. Он подал мне знак рукою, чтоб я не прерывал его занятия. Я простоял подле него несколько минут в безмолвии.

— Чем вы так заняты? — спросил я, когда он кончил свое дело и выпрямился передо мною, держась руками за спину.

— Я сделал наблюдения над хвостом кометы,— отвечал он с важностью.— Знаете ли вы его величину?

— Буду знать, когда вы мне скажете.

— Она простирается на 45 миллионов миль: это более чем дважды расстояние Земли от Солнца.

— Но объясните мне, почтеннейший Шимшик, как это сделалось, что он так скоро увеличился. Помните ли, как он казался малым в тот вечер, когда я опрокинул вас на набережной?

— Где же вы бывали, что не знаете, как и когда он увеличился? Вы все заняты своею вздорною любовию и не видите, не слышите того, что происходит вокруг вас. Полно, любезнейший!.. При таком ослеплении вы и того не приметите, как ваша любезная поставит вам на лбу комету с двумя хвостами длиннее этих.

— Оставьте ее в покое, г. астроном. Лучше будем говорить о том, что у нас перед глазами.

— С удовольствием. Вот, изволите видеть: тогда как вы не сводили глаз с розового личика Саяны, эта комета совсем переменила свой вид. Прежде она казалась маленькою, бледно-голубого цвета; теперь, по мере приближения к Солнцу, со дня на день представляется значительнее и сделалась желтою с темными пятнами. Я измерил ее ядро и атмосферу: первое, по-видимому довольно плотное, имеет в поперечнике только 189 миль; но ее атмосфера простирается на 7000 миль и образует из нее тело втрое больше Земли. Она движется очень быстро, пролетая в час с лишком 50 000 миль. Судя по этому и по ее направлению, недели через три она будет находиться только в 200 000 милях от Земли. Но все эти подробности давно известны из моего последнего сочинения.

— Я в первый раз об них слышу,— сказал я.

— И неудивительно! — воскликнул мудрец.— Куда вам и думать о телах небесных, завязши по шею в таком белом земном тельце! Когда я был молод, я тоже охотнее волочился за красотками, чем за хвостом кометы. Но вы, верно, и того не знаете, что постепенное увеличение этой кометы поразило здешних жителей ужасным страхом?..

— Я не боюсь комет и на чужой страх не обращал внимания.

— Что царский астроном, Бурубух, мой соперник и враг, для успокоения встревоженных умов издал преглупое сочинение, на которое я буду отвечать?..

— Все это для меня новость.

— Да!.. Он издал сочинение, которое удовлетворило многих, особенно таких дураков и трусов, как он сам. Но я обнаружу его невежество; я докажу ему, что он, просиживая по целым утрам в царской кухне, в состоянии понимать только теорию обращения жаркого на своей оси, а не обращение небесных светил. Он утверждает, что эта комета, хотя и подойдет довольно близко к Земле, но не причинит ей никакого вреда;

что, вступив в круг действия притягательной ее силы, если ее хорошенько попросят, она может сделаться ее спутником, и мы будем иметь две луны вместо одной: не то она пролетит мимо и опять исчезнет; что, наконец, нет причины опасаться столкновения ее с земным шаром, ни того, чтоб она разбила его вдребезги, как старый горшок, потому что она жидка, как кисель, состоит из грязи и паров и прочая, и прочая. Можете ли вы представить себе подобные глупости?..

— Но вы сами прежде были того мнения, и, когда я учился у вас астрономии...

— Конечно!.. Прежде оно в самом деле так было, и мой соперник так думает об этом по сю пору; но теперь я переменил свой образ мыслей. Я же не могу быть согласным в мнениях с таким невеждою, как Бурубух? Вы сами понимаете, что это было бы слишком для меня унизительно. Поэтому я сочиняю новую теорию мироздания и при помощи Солнца и Луны употреблю ее для уничтожения его. По моей теории, кометы играли важную роль в образовании солнц и планет. Знаете ли, любезный Шабахубосаар, что было время, когда кометы валились на землю, как гнилые яблоки с яблони?

— В то время, я думаю, опасно было даже ходить по улицам,— сказал я с улыбкою.— Я ни за что не согласился бы жить в таком веке, когда, вынимая носовой платок из кармана, вдруг можно было выронить из него на мостовую комету, упавшую туда с неба.

— Вы шутите! — возразил астроном.— Однако ж это правда. И доказательство тому, что кометы не раз падали на землю, имеете вы в этих высоких хребтах гор, грозно торчащих на шару нашей планеты и загромождающих ее поверхность. Все это обрушившиеся кометы, тела, прилипшие к земле, помятые и переломленные в своем падении. Довольно взглянуть на устройство каменных гор, на беспорядок их слоев, чтоб убедиться в этой истине. Иначе поверхность нашей планеты была бы совершенно гладка: нельзя даже предположить, чтоб природа, образуя какой-нибудь шар, первоначально не произвела его совсем круглым и ровным и нарочно портила свое дело выпуклостями, шероховатостями...

— Поэтому, любезный мой Шимшик,— воскликнул я, смеясь громко,— и ваша голова первоначально, в детских летах, была совершенно круглым и гладким шаром, нос же, торчащий на ней, есть, вероятно, постороннее тело, род кометы, случайно на нее упавшей...

— Милостивый государь! — вскричал разгневанный астроном.— Разве вы пришли сюда издеваться надо мною? Подите, шутите с кем вам угодно. Я не люблю шуток над тем, что относится к кругу наук точных.

Я извинялся в моей непочтительной веселости, однако ж не переставал смеяться. Его учение казалось мне столь забавным, что, даже расставшись с ним, я думал более об его носе, чем о вероломной Саяне.

Проснувшись на следующее утро, прежде всего вспомнил я об его теории: я опять стал смеяться, смеялся от чистого сердца и кончил мыслию, что она в состоянии даже излечить меня от моей несчастной любви. Но в ту минуту отдали мне записку от... Кровь во мне закипела: я увидел почерк моей мучительницы. Она упрекала меня в непостоянстве, в жестокости!.. Уверяла, что она меня любит, что она умрет, ежели я не отдам справедливости чистой, пламенной любви ее!.. Все мои обеты и теории Шимшика были в одно мгновение ока, подобно опрокинутой, по его учению, комете, смяты, переломаны, перепутаны в своих слоях и свалены в безобразную груду. Она права!.. Я виноват, я непостоянен!.. Она так великодушна, что прощает меня за мою ветреность, мое жестокосердие!.. Через полчаса я уже был у ног добродетельной Саяны и, спустя еще минуту, в ее объятиях.

Я опять был счастлив и с новым усердием начал хлопотать о своем деле. Надобно было снова сблизить и согласить родных, разгневанных на меня и, при сей верной оказии, перессорившихся между собою; вынести их упреки и выговоры, склонить матушку, выслушать все рассуждения дяди Шашабааха и польстить теще, которая столь же пламенно желала освободиться от присутствия дочери в доме, сколько и надоесть ее свекрови и помучить меня своими капризами. Прибавьте к тому приготовления к свадьбе, советы старушек, опасения ревнивой любви, мою нетерпеливость, легкомысленность Саяны и тучи сплетней, разразившихся над моею головою, как скоро моя женитьба сделалась известною в городе,— и вы будете иметь понятие об ужасах пути, по которому должен я был пробираться к домашнему счастию.

Этот ад продолжался две недели. К довершению моих страданий, события сердца беспрестанно сплетались у меня с хвостом кометы. Я должен был в одно и то же время отвечать на скучные комплименты знакомцев, ссориться с невестою за всякий пущенный мимо меня взгляд, за всякую зароненную в чужое сердце улыбку, и рассуждать со всеми о небесной метле, которая беспрестанными своими изменениями ежедневно подавала повод к новым толкам. И когда уже гости созваны были на свадьбу, тот же хвост еще преградил мне путь в капище Духа Супружеской Верности, с нетерпением ожидавшего нашей присяги. Мой Шимшик, не довольствуясь изданием в свет сочинения, предсказывающего падение кометы на землю, еще уговорил своего приятеля, великого жреца Солнца, воспользоваться, с ним пополам, произведенною в народе тревогою; и в самый день моей свадьбы глашатаи известили жителей столицы, что для отвращения угрожающего бедствия колоссальный истукан небесного Рака будет вынесен из храма на площадь и что по совершении жертвоприношения сам великий жрец будет заклинать его всенародно, чтобы он священными своими клещами поймал комету за хвост и удержал ее от падения. Расчет был весьма основателен; пото-

му что, если комета пролетит мимо, это будет приписано народом святости великого жреца; если же обрушится, то Шимшик приобретет славу первого астронома в мире. Я смеялся в душе над шарлатанством того и другого; но мой тесть, церемониймейстер, узнав о затеваемом празднестве, совершенно потерял ум. Он забыл обо мне и своей дочери и побежал к великому жрецу обдумывать вместе с ним план церемониала. Моя свадьба была отложена до окончания торжественного молебствия. Какое мучение жениться на дочери церемониймейстера во время появления кометы!.. Наконец молебствие благополучно совершилось, великий жрец исполнил свое дело, не улыбнувшись ни одного разу; умы несколько поуспокоились, и наступил день моей свадьбы, день, незабвенный во всех отношениях. Мой дом, один из прекраснейших в Хухуруне, был убран и освещен великолепно. Толпы гостей наполняли палаты. Саяна, в нарядном платье, казалась царицею своего пола, и я, читая удивление во всех обращенных на нее взорах, чувствовал себя превыше человека. Я обладал ею!.. Она теперь принадлежала мне одному!.. Ничто не могло сравниться с моим блаженством.

Однако ж и этот вечер, вечер счастия и восторга, не прошел для меня без некоторых неприятных впечатлений. Саяна, сияющая красотою и любовию, почти не оставляла моей руки: она часто пожимала ее с чувством, и всякое пожатие отражалось в моем сердце небесною сладостью. Но в глазах ее, в ее улыбке по временам примечал я тоску, досаду: она, очевидно, была опечалена тем, что брачный обряд положил преграду между ею и ее бесчисленными обожателями; что для одного мужчины отказалась она добровольно от владычества над тысячею раболепных прислужников. Эта мысль приводила меня в бешенство. Из приличия старался я быть веселым и любезным даже с прежними моими соперниками; но украдкою жалил острыми, ревнивыми взглядами вертевшихся около нас франтов и в лучи моих зениц желал бы пролить яд птеродактиля, чтоб в одно мгновение ока поразить смертью всех врагов моего спокойствия, чтоб истребить весь мужской род и одному остаться мужчиною на свете, в котором живет Саяна...

Ночь была ясна и тиха. После ужина многие из гостей вышли на террасу подышать свежим воздухом. Шимшик, забытый всеми в покоях, выскочил из угла и стремглав побежал за ними. Саяна предложила мне последовать за ним, чтоб позабавиться его рассуждениями. Наши взоры устремились на комету. До тех пор была она предметом страха только для суеверной черни; люди порядочные — у нас почиталось хорошим тоном ни во что не верить, для различия с чернию,— люди порядочные, напротив, тешились ею, как дети, гоняющие по воздуху красивый мыльный пузырь. Для нас комета, ее хвост, споры астрономов и мой приятель Шимшик представляли только источник острот, шуток и любезного злословия; но в тот вечер она ужаснула и нас. С вчерашней ночи

величина ее почти утроилась; ее наружность заключала в себе что-то зловещее, невольно заставлявшее трепетать. Мы увидели огромный, непрозрачный, сжатый с обеих сторон шар, темно-серебристого цвета, уподоблявшийся круглому озеру посреди небесного свода. Этот яйцеобразный шар составлял как бы ядро кометы и во многих местах был покрыт большими черными и серыми пятнами. Края его, очерченные весьма слабо, исчезали в туманной, грязной оболочке, просветлявшейся по мере удаления от плотной массы шара и наконец сливавшейся с чистою, прозрачною атмосферою кометы, озаренною прекрасным багровым светом и простиравшеюся вокруг ядра на весьма значительное расстояние: сквозь нее видно даже было мерцание звезд. Но и в этой прозрачной атмосфере, составленной, по-видимому, из воздухообразной жидкости, мелькали в разных местах темные пятна, похожие на облака и, вероятно, происходившие от сгущения газов. Хвост светила представлял вид еще грознейший: он уже не находился, как прежде, на стороне его, обращенной к востоку, но, очевидно, направлен был к Земле, и мы, казалось, смотрели на комету в конец ее хвоста, как в трубу; ибо ядро и багровая атмосфера помещались в его центре, и лучи его, подобно солнечным, осеняли их со всех сторон. За всем тем можно было приметить, что он еще висит косвенно к Земле: восточные его лучи были гораздо длиннее западных. Эта часть хвоста, как более обращенная к недавно закатившемуся солнцу, пылала тоже багровым цветом, похожим на цвет крови, который постепенно бледнел на северных и южных лучах круга и в восточной его части переходил в желтый цвет, с зелеными и белыми полосами. Таким образом, комета с своим кругообразным хвостом занимала большую половину неба и, так сказать, всею массою своею тяготила на воздух нашей планеты. Светозарная материя, образующая хвост, казалась еще тоньше и прозрачнее самой атмосферы кометы: тысячи звезд, заслоненных этим разноцветным, круглым опахалом, просвечиваясь сквозь его стены, не только не теряли своего блеску, но еще горели сильнее и ярче; даже наша бледная луна, вступив в круг его лучей, внезапно озарилась новым, прекрасным светом, довольно похожим на сияние зеркальной лампы.

Несмотря на страх и беспокойство, невольно овладевшие нами, мы не могли не восхищаться величественным зрелищем огромного небесного тела, повисшего почти над нашими головами и оправленного еще огромнейшим колесом багровых, розовых, желтых и зеленых лучей, распущенным вокруг него в виде пышного павлиньего хвоста, по которому бесчисленные звезды рдели, подобно обставленным разноцветными стеклами лампадам. Мы долго стояли на террасе в глубоком безмолвии. Саяна, погруженная в задумчивость, небрежно опиралась на мою руку, и я чувствовал, как ее сердце сильно билось в груди.

— Что с тобою, друг мой? — спросил я.

— Меня терзают мрачные предчувствия,— отвечала она, нежно прижимаясь ко мне.— Неужели эта комета должна разрушить надежды мои на счастие с тобою, на долгое, бесконечное обладание твоим сердцем?..

— Не страшись, мой друг, напрасно,— примолвил я с притворным спокойствием духа, тогда как меня самого угнетало уныние.— Она пролетит и исчезнет, как все прочие кометы, и еще мы с тобою...

В ту минуту раздался в ушах моих голос Шимшика, громко рассуждавшего на другом конце террасы, и я, не кончив фразы, потащил туда Саяну. Он стоял в кругу гостей, плотно осаждавших его со всех сторон и слушавших его рассказ с тем беспокойным любопытством, какое внушается чувством предстоящей опасности.

— Что такое, что такое говорите вы, любезный мой наставник?..— спросил я, остановясь позади его слушателей.

— Я объясняю этим господам настоящее положение кометы,— отвечал он, пробираясь ко мне поближе.— Она теперь находится в расстоянии только 160 000 миль от Земли, которая уже плавает в ее хвосте. Завтра в седьмом часу утра последует у нас от нее полное затмение солнца. Это очень любопытно.

— Но что вы думаете насчет направления ее пути?

— Что же тут думать!.. Она прямехонько стремится к Земле. Я давно предсказывал вам это, а вы не хотели верить!..

— Право, нечего было спешить с доверенностью к таким предсказаниям! Но скажите, ради Солнца и Луны, упадет ли она на Землю или нет?

— Непременно упадет и наделает много шуму в ученом свете. Этот невежда, Бурубух, утверждал, что кометы состоят из паров и жидкостей; что они неплотны, мягки, как пареные сливы. Пусть же он, дурак, укусит ее зубами, ежели может. Вы теперь сами изволите видеть, как ядро ее темно, непрозрачно, тяжело: оно, очевидно, сделано из огромной массы гранита и только погружено в легкой прозрачной атмосфере, образуемой вокруг ее парами и газами, наподобие нашего воздуха.

— Следственно, падением своим она может произвести ужасные опустошения? — сказал я.

— Да!.. Может! — отвечал Шимшик.— Но нужды нет: пусть ее производит. Круг ее опустошений будет ограничен. Ядро этой кометы, как я уже имел честь излагать вам, в большем своем поперечнике простирается только на 189 миль. Итак, она своими развалинами едва может засыпать три или четыре области — положим, три или четыре царства; но зато какое счастье!.. Мы с достоверностью узнаем, что такое кометы и как они устроены. Следственно, мы не только не должны страшиться ее падения, но еще пламенно желать подобного случая, для расширения круга наших познаний.

— Как? — воскликнул я.— Засыпать гранитом три или четыре царства для расширения круга познаний?.. Вы с ума сходите, любезный Шимшик!..

— Отнюдь нет! — возразил астроном хладнокровно; потом, взяв меня за руку и отведя в сторону от гостей, он примолвил с презабавным жаром: — Вы мне приятель! Вы должны наравне со мною желать, чтоб она упала на Землю! Как скоро это случится, я подам царю прошение, обнаружу невежество Бурубуха и буду просить о назначении меня на его место царским астрономом, с оставлением и при настоящей должности. Надеюсь, что вы и ваш почтеннейший тесть поддержите меня при этом случае. Попросите и вашу почтенную супругу, чтоб она также похлопотала при дворе в мою пользу: женщины — знаете! — когда захотят... Притом же и сам царь не прочь от такого хорошенького личика...

Я остолбенел.

— Как!.. Вы хотите!.. Чтоб Саяна!.. Чтоб моя жена!..— вскричал я гневно и, вырывая от него мою руку с негодованием, толкнул его так, что горбатый проныра чуть не свалился с террасы. Прибежав к Саяне, я схватил ее в мои объятия и пламенно, страстно прижал ее к сердцу. Она и все гости желали узнать, что такоё сказал мне астроном, полагая, наверное, что он сообщил мне важный секрет касательно предосторожностей, какие должно принимать во время падения комет; но я не хотел входить в объяснения и предложил всем воротиться в комнаты.

Тщетно некоторые из моих молодых приятелей старались восстановить в обществе веселость и расположение к забавам. Все мои гости были встревожены, расстроены, печальны. Столь внезапное увеличение кометы сообщало некоторую основательность пророчествам Шимшика и приводило их в ужасное беспокойство. Я желал, чтоб они скорее разъехались по домам, оставив меня одного с женою; но, в общем волнении умов, никто из них не думал об удовольствиях хозяина. Многочисленные группы мужчин и женщин стояли во всех покоях, рассуждая с большим жаром о предполагаемых следствиях столкновения двух небесных тел. Одни ожидали красного снега; другие — рыбного дождя; иные, наконец, читавшие сочинения знаменитого мудреца Бурбуруфона, доказывали, что комета разобьет Землю на несколько частей, которые превратятся в небольшие шары и полетят всякий своим путем кружить около Солнца. Некоторые уже прощались со своими друзьями на случай, ежели при раздроблении планеты они очутятся на отдельных с ними кусках ее; и эта теория в особенности нравилась многим из супругов, которые даже надеялись в минуту этого происшествия ловко перепрыгнуть с одного куска на другой, чтоб навсегда освободиться друг от друга и развестись без всяких хлопот, без шуму, сплетен и издержек. Каждый излагал свое мнение и свои надежды, и все беспрестанно выходили на террасу и возвращались оттуда в покои с кучею из-

вестий и наблюдений. Шимшик, сделавшийся душою их споров, бегал из одной комнаты в другую, опровергал все мнения, объяснял всякому свою теорию, чертил мелом на полу астрономические фигуры и казался полным хозяином кометы и моего дома. У меня уже недоставало терпения. Я вздумал жаловаться на усталость и головную боль, намекая моим гостям, что скоро начнет светать; но и тут весьма немногие приметили мое неудовольствие и принялись искать колпаки. Наконец несколько человек простились с нами и ушли. Мой тесть также приказал подвести своего мамонта, объявив торжественно, что пора оставить новобрачных. Слава Солнцу и Луне!.. Пока что случится с Землею, а я сегодня женился и не могу первую ночь после брака посвятить одним теориям!..

Мы уже радовались этому началу, когда двое из гостей вдруг воротились назад с известием, что никак нельзя пробраться домой, ибо в городе ужасная суматоха, народ толпится на улицах, все в отчаянии, и никто не помышляет о покое. Новая неприятность!.. Я послал людей узнать о причине тревоги и через несколько минут получил донесение, что в народе вспыхнул настоящий бунт. Бурубух объявил собравшейся на площади черни, что он лично был всегда врагом зловредности комет и даже подавал мнение в пользу того, чтобы эта метла пролетела мимо Земли, не подходя к ней так близко и не пугая ее жителей; но что главный астроном Шимшик воспротивился тому формальным образом и своими сочинениями накликал ее на нашу столицу; и потому, если теперь произойдет какое-нибудь бедствие, то единственным виновником должно признать этого шарлатана, чародея, невежду, проныру, завистника и прочая, и прочая. Народ, воспламененный речью Бурубуха, пришел в ожесточение, двинулся огромною толпою на обсерваторию, перебил инструменты, опустошил здание, разграбил квартиру Шимшика и его самого ищет повсюду, чтоб принести в жертву своей ярости. Невозможно представить себе впечатления, произведенного в нас подобным известием, ибо все мы предчувствовали, что бешенство черни не ограничится разрушением обсерватории; но надобно было видеть жалкое лицо Шимшика во время этого рассказа!.. Он побледнел, облился крупным потом, пробормотал несколько слов в защиту своей теории и скрылся, не дослушав конца донесения.

В печальном безмолвии ожидали мы развязки возникающей бури. Поминутно доходили до нас известия, что народ более и более предается неистовству, грабит жилища знатнейших лиц и убивает на улицах всякого, кого лишь кто-нибудь назовет астрономом. Скоро и великолепная набережная Лены, где лежал мой дом, начала наполняться сволочью. Мы с ужасом вглядывались в свирепые толпы, блуждающие во мраке и оглашавшие своим воем портики бесчисленных зданий, как вдруг град камней посыпался в мои окна. Гости попрятались за стеною

и за колоннами: Саяна в слезах бросилась ко мне на шею; теща упала в обморок; дядя закричал, что ему ушибли ногу; суматоха сделалась неимоверною. Услышав, что буйный народ считает бальное освещение моего дома оскорблением общественной печали, я тотчас приказал гасить лампы и запирать ставни. Мы остались почти впотьмах, но, тем не менее, принимали все возможные меры к защите в случае нападения. Вид шумной толпы служителей, лошадей, слонов и мамонтов, собранных на моем дворе и принадлежавших пирующим у меня вельможам, удержал мятежников от дальнейших покушений. Спустя некоторое время окрестности моего дома несколько очистились, но в других частях города беспорядки продолжались по-прежнему.

День уже брезжился. Не смея в подобных обстоятельствах никого выгонять на улицу, я предложил моим гостям ложиться спать где кто может — на софах, на диванах и даже в креслах. Все засуетились, и я, пользуясь общим движением ищущих средства пристроиться на покой, утащил Саяну в спальню, убранную со вкусом и почти с царскою роскошью. Она дрожала и краснела; я дрожал тоже, но ободрял ее поцелуями, ободрял нежными клятвами, горел пламенем, запирал двери и был счастлив. Все мятежи земного шара и все небесные метлы не в состоянии смутить блаженство двух молодых любовников, представших впервые с глазу на глаз перед брачным ложем. Мы были одни в комнате и одни на всей земле. Саяна в сладостном смущении опоясала меня белыми, как молоко, руками и, пряча пылающее стыдом, девственное, розовое лицо свое на моей груди, сильно прижалась ко мне — сильно, как дитя, прощающееся навеки с дражайшею матерью. Я между тем поспешно выпутывал из шелковых ее волос богатое свадебное покрывало, срывал с плеч легкий, прозрачный платок, развязывал рукава и расстегивал платье сзади; и это последнее, скользя по стройному ее стану, быстро ссунулось на пол, обнаружив моим взорам ряд очаровательных прелестей. Я жадно прикрыл их горящими устами... Казалось, что никакая сила в природе не в состоянии расторгнуть пламенного, судорожного объятия, в котором держали мы тогда друг друга. Слитые огнем любви в одно тело и одну душу, мы стояли несколько минут в этом положении посредине комнаты, без дыхания, без чувств, без памяти... как вдруг кто-то чихнул позади нас. Никогда удар молнии, с треском обрушившись на наши головы, не мог бы внезапнее вывести нас из упоения и скорее приостановить в наших сердцах пылкие порывы страсти, чем это ничтожное действие страждущего насморком носа человеческого. Саяна вскрикнула и припала к земле; я отскочил несколько шагов назад и в изумлении оглянулся во все стороны. В спальне, однако ж, никого, кроме нас, не было!.. Я посмотрел во всех углах и, не нашед ни живой души, уверял жену, что это нам только так послышалось. Едва успел я успокоить ее несколько поцелуями, как опять в комнате разда-

лось чихание; и в этот раз уже в определенном месте — именно под нашею кроватью. Я заглянул туда и увидел две ноги в сапогах. В первом движении гнева я хотел убить на месте несчастного наглеца, осмелившегося нанести подобную обиду скромности юной супруги и святотатным своим присутствием поругаться над неприкосновенностью тайн законной любви: я схватил его за ногу и стал тащить из-под кровати, крича страшным голосом: „Кто тут?.. Кто?.. Зачем?.. Убью мерзавца!..“

— Я!.. я!.. Погоди, любезнейший!.. Пусти!.. Я сам вылезу,— отвечал мне незваный гость.

— Говори, кто ты таков?

— Да не сердись!.. Это я. Я — твой приятель...

— Кто?.. Какой приятель?..

— Я, твой друг!.. Шимшик.

У меня опали руки. Я догадался, что он, спасаясь от поиска мятежников, завернул под нашу кровать единственно со страху, и мое исступление превратилось в веселость. Несмотря на отчаяние стыдливой Саяны, я не мог утерпеть, чтоб не расхохотаться.

— Ну что ты тут делал, негодяй?..— спросил я его с притворною суровостью.

— Я?.. Я, брат, ничего худого не делал,— отвечал он, трепеща и карабкаясь под кроватью.— Я хотел наблюдать затмение Солнца...

Моя суровость опять была обезоружена. Тогда как, помирая со смеху, я помогал трусливому астроному вылезти задом из этой небывалой обсерватории, Саяна, по моей просьбе накинув на себя ночное платье, выбежала в боковые двери, ведущие в комнаты моей матери. Она была чрезвычайно огорчена этим приключением и моим неуместным смехом и, выходя из спальни, кричала гневно, пополам с плачем, что это ужас!.. Что, видно, я не люблю ее, когда, вместо того чтоб поразить этого дурака кинжалом, хохочу с ним об ее посрамлении!.. Что она никогда ко мне не возвратится!.. Вот откуда нагрянула беда!

Стена II

Я полетел вслед за Саяною, желая усмирить ее сознанием своей вины, даже обещанием примерно наказать астронома; но у матушки было множество женщин, большею частию полураздетых; при моем появлении в дверях ее покоев они подняли такой крик, что я принужден был уйти назад в спальню. Возвращаясь, я побожился, что непременно убью Шимшика; но едва взглянул на его длинное, помертвелое со страху лицо, как опять стал смеяться!..

Я взял его за руку и безо всяких чинов вытолкал коленом в залу, где, к моему удивлению, никто не думал о сне. Все мои гости были на ногах

и расхаживали по комнатам в страшном беспокойстве. Нестерпимая духота, внезапно разливавшаяся в воздухе, не дозволила никому из них сомкнуть глаз, а плачевные известия из города, опустошаемого бесчинствующею чернью, и вид кометы, сделавшийся еще грознее при первых лучах солнца, действительно могли взволновать и самого хладнокровного. Как скоро я появился, многие из них, окружив меня, почти насильно утащили на террасу, чтоб показать мне, что делается на небе и на земле. Я оледенел от ужаса. Комета уподоблялась большой круглой туче и занимала всю восточную страну неба: она потеряла свою богатую, светлую оболочку и была бурого цвету, который всякую минуту темнел более и более. Солнце, недавно возникшее из-за небосклона, уже скрывало западный свой берег за краем этого исполинского шара. Под моими ногами город гремел глухим шумом и во многих местах возвышались массы густого дыму, в котором пылало пожарное пламя; по улицам передвигались дикие шайки грабителей, обагренных кровию и, перед лицом опасности, увлекающей всю природу в пропасть гибели, еще с жадностью уносящих в общую могилу исторгнутое у своих сограждан имение.

Спустя четверть часа солнце совершенно скрылось за ядром кометы, которая явилась нашим взорам черною как смоль и в таком близком расстоянии от земли, что можно было видеть на ней ямы, возвышения и другие неровности. В воздухе распространился почти ночной мрак, и мы ощутили приметный холод. Женщины начали рыдать; мужчины еще обнаруживали некоторую бодрость духа и даже старались любезничать с ними, хотя многие натянутыми улыбками глотали слезы, невольно сталкиваемые с ресниц скрытным отчаянием. Мне удалось проникнуть до Саяны. Она разделяла общее уныние и сверх того сердилась на меня. Я взял ее руку; она вырвала ее и не хотела говорить со мною. Я упал на колени, молил прощения, клялся в своей беспредельной любви, клялся в преданности, в послушании... Ничто не могло смягчить ее гнева. Она даже произнесла ужасное в супружестве слово — мщение!.. Холодная дрожь пробежала по моим членам, ибо я знал, чем у нас (перед потопом) [1] женщины мстили своим мужьям и любовникам. Эта угроза взбесила меня до крайности. Мы поссорились, и я, бледный, с расстроенным лицом, с пылающими глазами, выбежал опрометью из ее комнаты. К довершению моего смятения я неожиданно очутился среди моих гостей. Они уже не думали ни о комете, ни о бунте, ни о пожаре столицы. Я даже удивился их веселому и счастливому виду. Отгадайте же, чем были они так осчастливлены? — моим несчастьем! Они уже сообщали друг другу на ухо о любопытном происшествии, случившемся ночью в моей спальне. Одни утверждали, что новобрачная ушла

[1] Пояснение доктора Шпурцманна.

от меня с криком и плачем к своей маменьке; другие важно объясняли этот поступок разными нелепыми на мой счет догадками; иные, наконец, уверяли положительно, что Саяна вышла за меня замуж по принуждению, что она терпеть меня не может и что даже я застал ее в спальне с одним молодым и прекрасным мужчиною, ее любовником, который тотчас спрятался под кроватью. Насмешливые взгляды, намеки, остроты насчет супружеского быта и кривляния ложного соболезнования, посыпавшиеся на меня со всех диванов и кресел, ясно дали мне почувствовать, что мое семейное счастие уже растерзано зубами клеветы; что мои любезные друзья, столкнув честь юной моей супруги и мою собственную в пропасть своего злословия, поспешили завалить ее осколками своего остроумия и еще стряхнули с себя на них грязь своих пороков. Я измерил мыслию эту пропасть и содрогнулся: мое прискорбие, мое негодование не знали предела. И, несмотря на это, я был принужден из приличия показывать им веселое лицо, улыбаться и дружески пожимать руки у моих убийц. О люди!.. О мерзкие люди!.. Злоба у вас сильнее даже чувства страха; вы готовы следовать ее внушениям на краю самой погибели. Общество!.. Горький состав тысячи ядовитых страстей!.: Жестокая пытка для неразвращенного сердца!.. Ежели тебе суждено погибнуть теперь вместе с нами, то я душевно поздравляю себя с тем, что дал бал на твое погребение.

Не зная, куда деваться от людей и от самого себя, я опять вышел на террасу, сел в уединенном месте и, в моем огорчении, злобно любовался зрелищем многочисленных пожаров, которым мрак затмения сообщал великолепие отверзтого ада. Между тем утомленные разбоем и застигнутые среди светлого утра полночною темнотой мятежники мало-помалу рассеялись, и мои дорогие гости начали разъезжаться. Я уснул под раскинутою на террасе палаткою, чтоб не прощаться и не видеться с ними.

Затмение продолжалось до второго часу пополудни. Около того времени небо несколько просветлело, и узкий край солнца мелькнул из-за обращенного к западу края кометы. Я проснулся, сошел вниз и уже никого не застал в покоях. Скоро солнце засияло полным своим блеском; но в его отсутствие окружность кометы удивительно расширилась. С одной стороны значительная часть грязного и шероховатого ее диска погружалась за восточною чертою горизонта, тогда как противоположный берег упирался в верх небесного свода. Такое увеличение ее наружности, при видимом удалении ее от наших глаз к востоку, ясно доказывало, что она летит к Земле косвенно. В пятом часу пополудни она совсем закатилась.

Я застал Саяну и мою мать в слезах: не зная, что со мною сталось, они терзались печальными за меня опасениями — не вышел ли я из любопытства на улицу и не убит ли мятежною чернью за мои связи с

Шимшиком. Мое появление исполнило их радости. Жена уже на меня не гневалась. Мы поцеловались с нею перед обедом; за обедом мы были очень нежны; после обеда еще нежнее...

Мы тогда были в спальне. Солнце уже клонилось к закату. Саяна сидела у меня на коленях, приклонив прелестную свою голову к моему плечу и оплетая мою шею своими руками. Я держал ее в своих объятиях и с восторгом счастливого любовника повторял ей, что теперь уже ничто не разлучит нас, ничто не смутит нашего блаженства. Она скрепила мое предсказание приложением горящего девственным стыдом долгого-долгого поцелуя, и мы, сплоченные его магнитною силою, упивались чистейшей сладостью, дыша одною и тою же частицею воздуха, чувствуя и живя одною и тою же душою, как вдруг уста наши были расторгнуты внезапным потрясением всей комнаты. Казалось, будто пол поколебался под нами. Вслед за этим вторичный удар подтвердил прежнее ощущение, и пронзительный вой собак, раздавшийся в ту самую минуту, решил все догадки. Я схватил Саяну за руку и быстро потащил к дверям, говоря: „Друг мой!.. Землетрясение!.. Надо уходить из комнат".

Мы пробежали длинный ряд покоев среди беспрерывных ударов потрясения, повторявшихся всякий раз чаще и сильнее. Лампы, подсвечники, статуи, картины, вазы, стулья и столики падали одни за другими кругом нас на землю; пол качался под нами, подобно палубе колеблемого волнами судна. Я кричал моим людям, чтоб они скорее спасались на двор, чтоб выводили из конюшен лошадей, мамонтов, мастодонтов, и сам с трепещущею Саяною стремглав бежал к лестнице, прыгая через опрокинутую утварь и уклоняясь от падающих со стен украшений. Едва достигли мы до сеней, как в большой зале с ужасным треском обрушился потолок, настланный из длинных и широких плит. На лестнице, где мы, слуги и невольники столпились все вместе, два новых подземных удара, поколебавшие землю в двух противоположных направлениях, свалили всех нас с ног, и мы целою громадою покатились вниз, один через другого, по лопающимся под нами ступеням, из которых последние уже не существовали. Стон раненых, крик испугавшихся и придавленных оглушили меня совершенно; но любовь сохранила во мне присутствие духа: я не выпустил руки Саяны. Таким образом мы с нею удержались на груде свалившегося у подножия лестницы народа, не попав на торчащие обломки камней, о которые многие разразились.

Но вставание было опаснее падения, ибо одновременные усилия высвободиться из кучи произвели в ней страшное замешательство. Всякий толкал или старался скинуть с себя своего соседа. При помощи одного невольника, который счастливо удержался на ступенях и схватил Саяну на руки, я успел вырваться из лежащей в беспорядке толпы, и мы

втроем первые выскочили на двор. Вся остальная куча была в то же мгновение сплюснута, размозжена, смолота внезапно слетевшим на нее великолепным сводом сеней, и кровь, выжатая из нее, брызнула во все стороны сквозь камни, как вода от брошенного в нее бревна.

Мы были на дворе, но отнюдь не вне опасности. Мои мастодонты, мамонты, слоны, верблюды и лошади, ведомые верным инстинктом животных, при первых признаках землетрясения силою освободились из своих тюрем, разломали стойла и двери и выбежали на открытый воздух. Двор уже был наполнен ими, когда мы туда прибыли. Их беспокойство и трепет, сопровождаемые громовым ревом, умножали суматоху между спасшимися и спасающимися, которые также вопили, кричали и бегали. Положение наше было ужасно. С одной стороны — целые ряды колонн, целая стена моих великолепных чертогов валились вокруг нас на землю, как детские игрушки, тронутые потаенною пружиною, бросая нам под ноги большие глыбы камня и засыпая глаза пылью; с другой — разъяренный мамонт или мастодонт одним поворотом своих исполинских клыков, похожих на длинные и толстые костяные колоды, одним ударом своих огромных ног мог бы истребить и потоптать нас. Между тем ад бушевал под нашими стопами. Подземный гром с оглушительным треском и воем беспрерывно катился под самою почвою, которая с непостижимою упругостью то раздувалась и поднималась вверх, то вдруг опадала, образуя страшные углубления, подобно волнам океана. В то же самое время поверхность ее качалась с севера на юг, и вслед за тем черта движения переменялась, и возникало перекрестное качание с востока на запад или обратно. Потом казалось, будто почва кружится под нами: мы, верблюды и лошади падали на землю, как опьяневшие; одни мамонты и мастодонты, расставив широко толстые свои ноги и вертя хоботами для сохранения равновесия, удерживались от падения. Изо всего семейства только я, Саяна и мой меньшой брат остались в живых; прочие: мать и сестра и большая половина нашей многолюдной дворни — не успели отыскать выхода и погибли в разных частях здания.

Уже наступала ночь. Землетрясение не уменьшалось, но для нас не было столь страшным. В два часа времени мы так к нему привыкли, как будто оно было всегдашнее состояние попираемой нами почвы: всякий избрал себе самое удобное на волнующейся земле положение и в молчании ожидал конца бури. Опасение быть раздавленным падением стен и портиков не могло тревожить нас более, ибо дом был разрушен до основания и представлял одну плоскую, широкую груду развалин, заключавшую нас и весь двор в своем кругу. Брусья и колонны были перемешаны в дивном беспорядке; связь строения разорвана; каждый камень лежал особо под другим камнем или подле него: они казались одушевленными судорожною жизнию червей, сложенных в кучу: при всяком

ударе землетрясения, особенно когда почва выдувалась и опадала, они двигались, ворочались, становились прямо, падали и пересыпались целыми массами с одного места на другое, выбрасывая по временам из недр своих смолотые члены раздавленных ими жителей и опять поглощая их во внутренность разрушения.

Все было потеряно. Оставалось только подумать о том, как провести ночь на зыблющейся земле, под открытым небом, на средине обширного круга движущихся развалин. Весьма немного платья и еще меньше жизненных припасов было спасено моими людьми в самом начале бедствия: мы разделили все это между собою по равным частям. Два маленькие хлеба и кусок оставшегося от обеда жареного аноплотериума [1] составили превосходный ужин для Саяны и для меня с братом. Я закутал мою невинную жену в плащ одного конюха, и мы решились просидеть до утра на том же месте.

Несмотря на внутренние терзания планеты, которая при всяком ударе должна бы, казалось, разбиться в мелкие куски, над ее поверхностью царствовала ночь, столь же прекрасная, светлая и тихая, как и вчерашняя. Луна белыми лучами сребрила печальную могилу нашей столицы. Небо пылало звездами; но, к удивлению, не было видно кометы. Мы полагали, что она взойдет позже, и не дождались ее появления. Неужто она исчезла?.. Неужели в самом деле где-нибудь обрушилась она на землю?.. Это землетрясение не есть ли следствие ее падения?.. Проклятый Шимшик! Он уверял нас, что комета опустошит только то место, о которое сама она расшибет свои бока!.. Но падение свершилось, и наш Шимшик прав: он умнее Бурубуха!.. Впрочем, это только случай, заметила Саяна: один из них предсказывал, что она упадет, другой — что она пройдет мимо: то или другое было неизбежно.

Тогда как мы были заняты подобными рассуждениями, подземные удары становились гораздо слабее и реже. Гром, бушевавший в недрах шара, превратился в глухой гул, который иногда умолкал совершенно, и в этих промежутках мучений природы рыдание жен и матерей, стон раненых и умирающих, крик, или, лучше сказать, вой, отчаяния уцелевших от погибели, но лишенных приюта и пропитания, жестоко потрясали наш слух и наши сердца. Нам довольно было взглянуть на самих себя, чтобы постигнуть горесть других.

Наконец настал день. Мы почти не узнали вчерашних развалин. Длинные брусья и большие камни были разбиты в мелкие части и как бы столчены в иготи *; город представлял вид обширной насыпи обломков. Величественная Лена, протекавшая под моими окнами, оставила

[1] Аноплотериум, anoplotherium gracile,— род предпотопной газели, из которой жаркое, с испанским соусом и солеными сибирскими бананами, по мнению ученого Шлотгейма, долженствовало быть очень вкусно. (*Примечание доктора Шпурцманна.*)

свое русло и, поворотясь к западу, проложила себе новый путь по опрокинутым башням, по разостланным на земле стенам прежних дворцов и храмов. Во многих местах груды развалин запрудили ее волны и заставили их расструиться по городу в разных направлениях. На площадях, на дворах больших строений и в углублениях почвы образовались бесчисленные лужи, и вся западная часть столицы представляла слепление множества озер различной величины, из которых там и сям торчали уединенные колонны и дымовые трубы, дивною игрою природы оставленные на своих основаниях, чтоб служить могильными памятниками погребенному у их подножия городу. Наводнение не коснулось восточного берега, на котором находился мой дом; но мы приметили, что подобные лужи уже начинали появляться и по сию сторону прежнего русла реки. Землетрясение едва было ощутительно, однако не прекращалось, и от времени до времени более или менее сильный удар грозил, казалось, возобновлением вчерашних ужасов. Итак, нечего было долее оставаться на месте. Все уцелевшее народонаселение столицы спасалось на возвышениях, окружавших Хухурун с востока: мы последовали общему примеру.

Строение, в котором помещались мои конюшни и где жили мои мамонты, мастодонты и некоторые слуги, было деревянное, из прекрасного райского лесу. Мы раскидали переломанные бревна и вытащили из-под них все, что только нашли годного к употреблению. Нагрузив на одного мастодонта этот скудный остаток нашего богатства, я, Саяна, мой брат, два невольника и одна служанка сели на моего любимого рыжего мамонта; прочие служители взобрались на слонов и верблюдов или взялись вести в руках лошадей, и мы тронулись со двора, пробираясь через развалины дома. После долгих борений с преградами выехали мы на большую улицу, ведущую к восточной заставе, и слились с потоком народа, стремившегося в один и тот же путь с нами. Я не в силах передать впечатления, произведенного во мне зрелищем этого бесконечного погребального шествия, медленно и печально пробиравшегося узкою тропинкой между высокими валами обломков. Подобные нашей, длинные цепи мертвецов, восставших поутру из могилы своей родины, тянулись и по другим улицам. Не только люди, но и животные чувствовали огромность случившегося несчастия: мамонты явно разделяли нашу гореcть. Эти благородные создания, первые в природе после человека, даже превыше многих людей одаренные редким умом и превосходною чувствительностью, принимали трогательное, хотя безмолвное участие в общественной печали. Мой рыжий мамонт, свободно понимавший разговоры на трех языках, колотил себя хоботом по бокам и грустно вздыхал, проходя мимо разрушенных жилищ моих приятелей, которых почитал он своими. Увидев моего дядю, расхаживающего по развалинам нового своего дома, он остановился и

не хотел идти далее, пока мы не скажем старику несколько утешительных слов.

— Мои картины!.. Мои антики!..— восклицал дядя жалостным голосом.— Ах, если б я мог отыскать мою сковороду второго века мира, за которую заплатил так дорого!..

— Возьмите вместо ее один кирпич из развалин вашего нового дома,— сказал я ему.— Он со вчерашнего числа уже поступил в разряд драгоценных антиков.

— Ты ничего не смыслишь в древностях!..— отвечал дядя и опять стал рыться в развалинах. Он вытащил из них какую-то тряпку и начал с жаром излагать нам ее достоинства; но мой мамонт, видя, что дядя нимало не стал умнее от землетрясения, не хотел слушать вздору, и мы уехали.

Сожаление дяди о потере предмета столь пустой прихоти вынудило у меня улыбку; но она вдруг погасла, и я опять погрузился в мрачную думу, которая угнетала мою грудь с самого утра. Кроме скорби, возбуждаемой общим бедствием, моя любовь к Саяне была главным ее источником. Я принужден был страдать ревностью даже среди ужасов вспыхнувшего мятежа природы. Саяна плакала, не говорила со мною, отвергала мои утешения, и я, по несчастию, постигал причину ее горести: она грустила не о потере имения, не о погибели родных и отечества, не об истреблении нескольких сот тысяч сограждан, но о разрушении гостиных, о расстройстве общества — того избранного, шумного, блестящего общества, в котором царствовала она своею красотою; где она счастливила своими улыбками и приводила в отчаяние своими суровыми взглядами; где жили ее льстецы; где она затмевала и бесила своих соперниц. Спасение одного любовника, одного верного друга, не могло вознаградить ей отсутствия толпы холодных обожателей, рассеянного внезапною бурею роя красивых мотыльков, с которыми играла она всю свою молодость. Я для нее был ничто, или, лучше сказать, я был все — но один. Ей казалось, что нам вдвоем будет скучно! Я утверждал противное, доказывая, что без этих господ нам будет гораздо веселее. Легкий упрек в тщеславии, который позволил я себе сделать ей при этом случае, весьма ей не понравился. Она рассердилась, и мы поссорились верхом на мамонте. Мы оборотились друг к другу задом. Мой мамонт выпрямил свой хобот вверх, наподобие столба, и покачал им тихонько в знак того, что нехорошо так ссориться в присутствии всего города!.. Я сказал мамонту, что он дурак.

Итак, мои любовные мучения не прекратились ни супружеством, ни землетрясением!.. Это почти невероятно. Вот что значит модная женщина, воспитанная в вихре большого света!.. Надобно же, чтоб подобные женщины были прелестны собою и чтоб люди были обязаны влюбляться в них без памяти?..

Мы уже выехали из города, уже поднимались на высоты и все еще не говорили друг с другом ни слова. Почва, по которой мы проезжали, была истрескана в странные узоры, и на пути нередко попадались широкие трещины, через которые следовало перескакивать. Холмы были разрушены: одни осыпались и изгладились; другие лежали разбитые на несколько частей. В иных местах разверзтая планета изрыгнула из своего лона кучи огромных утесов. Прежние озера иссякли, и вместо их появились другие. Но самый примечательный признак опустошения являли деревья: леса были всклочены; в роще и на поле не оставалось и двух дерев в перпендикулярном положении к земле: все стояли вкось, под различными углами наклонения и всякое в свою сторону. Многие дубы, теки, сикоморы и платаны были скручены, как липовые веточки, а некоторые расколоты так, что человек удобно мог бы пройти в них сквозь пень, как в двери. Мы долго искали цельного и не занятого другими куска земли, где бы могли временно поселиться, и наконец остановились в одной пальмовой роще. Мои люди мигом построили для нас шалаш из ветвей.

Сверх всякого чаяния, мы тут очутились в кругу наших знакомцев. Туча молодых франтов слетелась к нам изо всей рощи. Рассказы о вчерашних приключениях, шутки над минувшею опасностью, приветствия и остроты, лесть и злословие превратили наш приют в блистательную гостиную или в храм лицемерства. Саяна вдруг развеселилась. Она опять улыбалась, опять господствовала над всем мужским полом и опять была счастлива. В общей и весьма искусной раздаче приветливых взглядов и я, покорнейший муж и слуга, удостоился от нее одного, в котором большими иероглифами начертано было милостивое прощение моей неуместной ревности и преступного желания, чтоб моя жена нравилась только одному мне. Я чуть не лопнул с досады.

Но вскоре убедились мы, что опасность еще не миновала. Не одна Лена переменила свое направление: все вообще реки и потоки оставили свои русла и, встретив преграды на вновь избранном пути, начали наводнять равнины. Вода показалась в небольшом расстоянии от нашего стана и поминутно поглощала большее и большее пространство. Некоторые утверждали, что она вытекает из-под земли, и здесь в первый раз произнесено было между нами ужасное слово — потоп! Все были того мнения, что надобно уходить в Сасахаарские горы, куда многие семейства отправились еще на заре.

Роща в одно мгновение ока оживилась повсеместным движением. Одни укладывали свои пожитки, другие седлали лошадей и слонов. Пока мои люди занимались подобными приготовлениями и моя жена заключала с вежливыми прислужниками трактат не оставлять друг друга в путешествии, я узнал случайно о спасении моей матери. Она не погибла в развалинах дома; она выскочила в окно на набережную, когда мы уходили на двор; многие видели ее недалеко от рощи, с одним зна-

комым нам семейством. Сердце мое сильно забилось от радости: я хотел тотчас бежать к возлюбленной родительнице, к одному истинному другу в этой горькой жизни. Но как тут быть?.. Оставить молодую, невинную супругу в кругу этих вертопрахов невозможно!.. Я предложил Саабарубу, тому самому идолу наших женщин, к которому ревновал Саяну, будучи еще женихом, и который теперь отчаянно любезничал с нею, пособить мне отыскать матушку. Он извинился каким-то предлогом, которого я не понял, но который жена нашла крайне уважительным. Я обнаружил беспокойство. Они посмотрели друг на друга и на меня и улыбнулись. Я в ту минуту готов был убить на месте их обоих; но, подумав, что женатому человеку неприлично сердиться на друзей своей супруги даже и после землетрясения, предпочел покрыть молчанием эту обидную улыбку. Они, очевидно, издевались над моею ревностью!!. Итак, я вышел из шалаша; но, уходя, бросил на Саяну страшный взгляд, от которого она содрогнулась. Я взобрался на мамонта в совершенном расстройстве духа и, приказав людям дожидаться моего возвращения, с двумя невольниками отправился искать матушку.

Ее уже не было в указанном месте. Я объехал все окрестности, расспросил повсюду и нигде не доискался следа ее. Эта неудача огорчила меня еще более. Около полудня воротился я в рощу, которая уже была оставлена всеми и отчасти потоплена водою. Брат и слуги находились в жестоком беспокойстве. Я рассеянно подал знак к отъезду, спрашивая, где Саяна. Мне отвечали хладнокровно, что она ушла в рощу и не возвращалась.

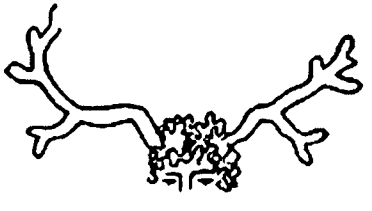
— Как?.. Саяна ушла?.. Она не возвращалась?..

И холодный пот выступил у меня на посиневшем челе, на дрожащих руках.

Она не возвращалась!.. Моя бедная, моя дражайшая Саяна!..

Первая мысль была о том, что она утонула. Я хотел бежать искать ее по всей роще, но служанка, безмолвно протянув руку, отдала мне записку на свернутом лоскутке папируса. Я раскрыл ее... О горе!.. Там были начертаны женским почерком и даже без правописания только два следующие иероглифа:

(Прощай!)



(Ревнивый!)

Гнев, негодование, отчаяние, ярость вспыхнули в душе моей со всей силою огорченной любви, со всею неукротимостью обиженной чести. Итак, Саяна изменила мне!.. Она предпочла услужливость, лицемерное рабство низкого обольстителя мне, моей любви, нашему счастию!.. Вероломная, коварная!.. Уходит от своего мужа с любовником во время всеобщего потопа!.. Ах он негодяй! Клянусь Солнцем и Луною, что этот кинжал!.. Что в их преступной крови!.. И волны мести, хлынувшие из сердца, залили мне голос в горле. Я не мог произнести более ни слова: только махнул брату рукою, давая знать, что предоставляю ему людей и все имущество, и в ту же минуту поскакал за уезжающими отыскивать жену и Саабаруба. Я не сомневался, что она убежала с этим повесою.

Но как и где найти их в такой тьме народа, бегущего из городов и селений, заваливающего все переправы, покрывающего все дороги и сухие места частыми, непроницаемыми толпами?.. Я скакал взад, вперед и поперек, бросался наудачу в различные стороны, спрашивал, заглядывал, подстерегал: нигде ни следа их!.. Как будто нырнули в воду! Я хотел воротиться к брату и его не отыскал. Пожираемый жгучей грустью, изнемогающий под бременем уныния, бесчестия, стыда, усталый, почти мертвый, наконец потерял я всю надежду и решился спокойно ехать вместе с прочими в горы. Там судьба счастливым случаем скорее может поблагоприятствовать моему мщению, чем здесь нарочные поиски.

В четвертом часу пополудни прибыли мы к одной переправе, образованной широко разлившимся ручьем. Бредущие в нем пешеходцы расступились, чтобы пропустить меня, один лишь крошечный, горбатый человечек, стоявший по колени в воде и который, казалось, весь дрожал со страху при виде брода не по его росту, не примечал нашего натиска и, несмотря на наш крик, никак не хотел посторониться. Мой мамонт мчался быстро, и мы уже думали, что он затопчет его в грязи, как вдруг великодушный гигант животного царства, чтоб очистить себе дорогу без угнетения пешеходцев, схватил его на бегу концом исполинского своего хобота, поднял вверх выше головы и понес через воду, как сноп соломы, воткнутый на длинные вилы. Горбатый человечек визжал, вертелся, махал ногами и руками, не постигая, что с ним случилось; мои невольники помирали со смеху; я приказывал им остановить мамонта, боясь, чтобы честная скотина из человеколюбия не задушила его в своих объятиях, когда он, нечаянно поворотив к нам голову, увидел меня на седле и вскричал радостным голосом:

— Ах!.. Вы здесь?.. Как я рад встретиться с вами в сем удобном месте...

— Шимшик!.. Шимшик!..— воскликнули мы единогласно, приветствуя его громким смехом.

— Спасите меня!..— кричал несчастный астроном.— Ай!.. Он помял мне все кости!.. Ну, что комета?.. Не говорил ли я вам?.. Ай, ай, ради Солнца!..

Пробежав брод, наш великан сам остановился и с удивительной ловкостью поставил бедного Шимшика на ноги. Мы бросили астроному веревочную лестницу, втащили его на седло и помчались далее. Шимшик рассказал мне свои приключения, я сообщил ему мои: он был сильно тронут моим несчастьем. Он спас свои сочинения, свои открытия и теории, которыми сбирался изумить современников и потомство; все его карманы были набиты славою, и, когда настигли мы его у переправы, он был в большом затруднении и не знал, что с собою делать, не смея отставать от бегущих и боясь замочить в ручье свое бессмертие. К счастию, добрый мамонт вывел его из этого неприятного положения и сохранил для науки и чести Барабии. Узнав от меня об измене Саяны, он воскликнул: „Ну, что?.. Не предсказывал ли я вам, что если бедствие случится с землею, то единственно из-за женщин?.. По несчастию, теперь нет и средства спасти ее: говорят, что негры Шах-шух (Новой Земли), сведав о нашем намерении оскопить все их царство, дрались как мегалотерионы и разбили наших, которые теперь бегут от них к столице. Вся надежда на получение евнухов исчезла: а это было одно средство обуздать разврат женского пола и восстановить нравы!.."

Наконец достигли мы гор, проскакав на мамонте в шесть часов девяносто географических миль. Мы находились на границе нашего прекрасного отечества, отделявшей его от двух больших государств, Хабара и Каско. Остановясь, мы приметили, что земля все еще шевелится под нами. В некоторых местах каменный хребет казался еще согретым от подземного огня, незадолго пред тем пролетавшего с громом в его внутренности. Разрушение природы представлялось здесь в самом величественном и ужасном виде: гранитные стены были исписаны трещинами, из которых многие походили на пропасти; ущелия были завалены обрушившимися вершинами, толстые слои камня взорваны и взрыты, утесы вместе с росшими на них лесами опрокинуты, смяты, растасканы. Сасахаарские горы после вчерашнего землетрясения уподоблялись постели двух юных любовников, только что оставленной ими поутру в живописном беспорядке: развалины пылких страстей, еще дышащие вулканическою теплотою их сердец, среди холодных уже следов первого взрыва их любви.

Со времени поселения нашего в горах события и ужасы преследовали друг друга и нас с такою быстротою, что никакое воображение не в силах передать их другому, ни себе представить. Земля, небо, стихии, люди и их мятежные страсти были смешаны в один огромный хаос и вместе образовали мрачную, шумную, свирепую бурю.

Когда мы прибыли, горы уже были покрыты спасавшимся отвсюду народом. Противоположная их отлогость была усеяна каменьями различных цветов и видов, в числе которых многие удивляли нас своею красотою, прозрачностью и огненным блеском, а иные своим сходст-

вом с громовыми стрелами. Но с одной подоблачной вершины беглецы из тех окрестностей указали нам в северо-восточной стороне горизонта зрелище еще любопытнейшее — предлинный хребет гор, съеженный чрезвычайно высокими и острыми массами, которого прежде там не бывало. Это была одна только оконечность развалин вчера разразившейся о Землю кометы, которая разостлалась по ней необозримою чертою с бесчисленными боковыми ветвями; которая потрясла ее в самом основании и, ядром своим загромоздив огромную полосу нашего шара, по сторонам наваленных ею исполинских громад гранитной материи, все пространство смежных земель залила и засыпала дождем из грязи и песку и сильным каменным градом, шедшими несколько часов сряду во время и после ее падения. Следы этого града, коснувшегося самой подошвы Сасахаарских гор, видели мы в тех незнакомых нам разноцветных каменьях и блестящих голышах, а беглецы представили нам образцы красного и желтого песку, составлявшего, по-видимому, почву кометы и подобранного ими на примыкающей к горам равнине. Желтый песок красивою, лоснящеюся своей наружностью в особенности чаровал наши взоры и сердца; всякий из нас хотел иметь у себя хоть несколько его зернышек. Он, видно, считался на комете весьма дорогою вещью.

По их рассказам, падению ее предшествовал...

Стена III

...страшный гул с треском в возвышенных странах атмосферы, и вскоре совершенный мрак, прорезываемый яркими огнями, как бы выжатыми из воздуха, придавленного ее натиском, еще увеличил ужас роковой минуты. В то самое время пятьсот тысяч воинов Хабара и Каско стояли на поле сражения, защищая кровию и жизнию честолюбие своих предводителей, тщеславие своих сограждан и неприкосновенность небольшого куска земли, бесполезного их предводителям, согражданам и им самим. Военачальники воспламеняли их храбрость, толкуя грозные небесные явления в смысле благополучного для них предвещания и напоминая им о нетленной славе, долженствующей скоро увенчать их великие, бессмертные подвиги; города, села, деревни, крыши домов и холмы кипели народом, ожидавшим в беспокойстве следствия огненной борьбы стихий и кровавой борьбы своих ближних; поля и луга пестрели несметными стадами, которые, остолбенев со страху, забыв о корме, в общем предчувствии погибели соединяли печальное свое мычание с ревом львов, тигров и тапиров, трепещущих в лесах и вертепах*; воздух гремел смешанным криком непостижимого множества птиц, летавших густыми стаями в поминутно усиливающемся мраке — когда тяжелая масса воздушного камня с быстротою молнии хлы-

нула на всю страну!.. Человечество и животное царство изрыгнули один внезапный, хрипливый стон и вместе с этим стоном были размозжены слетевшими с неба горами, которые обрызганным их кровию основанием мигом сплюснули, раздавили и погребли навсегда быть надежды, гордость, славу и злобу бесчисленных миллионов существ. На необозримой могиле пятидесяти самолюбивых народов и пятисот развратных городов вдруг соорудился огромный, неприступный, гремящий смертельным эхом и скрывающий куполы свои за облаками гробовый памятник, на котором судьба вселенной разбросанными в беспорядке гранитными буквами начертала таинственную надпись: „Здесь покоится половина органической жизни этой тусклой, зеленой планеты третьего разряда".

Мы стояли на утесе и в унылом безмолвии долго смотрели на валяющийся в углу нашего горизонта бледный, безобразный труп кометы, вчера еще столь яркой, блистательной, прекрасной, вчера еще двигавшейся собственною силою в пучинах пространства и как бы нарочно прилетевшей из отдаленных миров, от других солнц и других звезд, чтоб найти для себя, возле нас смертных, гроб на нашей планете и прах свой, перемешанный с нашим прахом, соединить с ее перстью*.

Между тем другое явление, происходившее над нашими головами, проникло нас новым страхом. Уже прежде того мы приметили, что солнце слишком долго не клонится к закату: многие утверждали, что оно стоит неподвижно; другим казалось, будто оно шевелится вокруг одной и той же точки; иные, и сам Шимшик, доказывали, что оно, очевидно, сбилось с пути, не знает астрономии и забрело вовсе не туда, куда б ему следовало идти с календарем Академии в кармане. Мы объясняли это событие разными догадками, когда одним разом солнце тронулось с места и, подобно летучей звезде, быстро пробежав остальную часть пути, погрузилось за небосклоном. В одно мгновение ока зрелище переменилось: свет погас, небо зардело звездами, мы очутились в глубоком мраке, и крик отчаяния раздался кругом нас в горах. Мы полагали, что уже навсегда простились с благотворным светилом; что после истребления значительной части рода человеческого та же планета, на которой мы родились, назначена быть его остаткам темницею, где мы должны ожидать скоро смертного приговора. Невозможно изобразить горести, овладевшей нами при этой ужасной мысли. Мы провели несколько часов в этом положении; но, тогда как некоторые из нас уже обдумывали средства, как бы пристроить остаток своего быта в мрачном заключении на нашей несчастной планете, волны яркого света нечаянно залили наше зрение ослепительным блеском. Мы все поверглись на землю и долго не смели раскрыть глаз, опасаясь быть поражены его лучами. Наконец мы удостоверились, что он происходит от солнца, которое непонятным образом взошло с той сторо-

ны, где незадолго пред тем совершился его внезапный закат. Достигнув известной высоты, оно вдруг покатилось на юг; потом, поворотясь назад, приняло направление к северо-востоку. Не доходя до земли, оно поколебалось и пошло скользить параллельно черте горизонта, пока опять не завалилось за него недалеко от южной точки. Таким образом, в течение пятнадцати часов оно восходило четырежды, всякий раз в ином месте; и всякий раз, исчертив его кривыми линиями запутанного пути своего, заходило на другом пункте и ввергало в ночной мрак изумленные и измученные наши взоры.

Несмотря на ужас, распространенный в нас подобным ниспровержением вечного порядка мира, нельзя было не догадаться, что не солнце так странно блуждает над нами, но что земной шар, обремененный непомерною тяжестью кометы, потерял свое равновесие, выбился из прежнего центра тяготения и судорожно шатается на своей оси, ища в своей огромной массе, увеличенной чуждым телом, нового для себя центра и новой оси для суточного своего обращения. В самом деле, мы видели, что при каждом появлении солнца точка его восхождения более и более приближалась к северу, хотя закат не всегда соответствовал новому востоку и падал попеременно по правую и по левую сторону Южного полюса. Наконец в пятый раз солнце засияло уже на самой точке севера и, пробежав зигзагом небесный свод в семь часов времени, закатилось почти правильно, на юге. Потом наступила долгая ночь, и после одиннадцати часов темноты день опять начал брезжиться на севере. Солнце взошло, по-прежнему предшествуемое прекрасною зарею: мы приветствовали его радостным кликом, льстя себя мыслию, что теперь скоро будет конец нашим страданиям, все придет в порядок, и мы возвратимся на равнины. Один только Шимшик не мог утолить своей горести после потери прежнего востока и прежнего запада. Он говорил, что не перенесет такого безбожного переворота в астрономии и географии: двести сорок пять лет своей жизни употребил он на составление таблиц долготы и широты трех тысяч известнейших городов и местечек, а теперь, при перемене полюсов, все его исчисления, вся его ученость, заслуги перед потомством и право на полный пенсион от современников не стоили старой тряпки!..

Я постигал печаль Шимшика, но он, окаянный, не умел оценить моей. Увы!.. Муж, от которого жена бежала с любовником во время падения кометы на Землю, во сто раз несчастнее всех астрономов. Ему скажут, что они взяли направление к востоку; он побежит за ними на восток, руководствуясь течением солнца; вдруг полюсы переменят свое положение, и он очутится на севере, в девяноста географических градусах от своей сожительницы. Это слишком жестоко!.. Сообразив все дело, я убедился, что в настоящих отношениях Земли к Солнцу нечего мне напрасно и искать своей жены.

Вдруг погода переменилась. Воздух стал затмеваться некоторым родом прозрачного, похожего на горячий пар, тумана, и крепкий запах серы поразил наше обоняние. Мы уже приобрели было некоторую привычку к необыкновенным явлениям и сначала мало заботились об этой перемене погоды, которая, впрочем, до тех пор удивляла нас своим постоянством. Скоро солнце сделалось тускло, кроваво, огромно, как во время зимнего заката, и в верхних слоях атмосферы начало мелькать пламя синего и красного цветов, напоминающее собою пыль зажженного спирта. Через полчаса пламя так усилилось, что мы были как бы покрыты движущимся огненным сводом.

— Воздух горит! — воскликнули многие из моих соседей.

— Воздух горит! — раздалось по всему хребту.— Мы пропали!

Основательность этого замечания не подлежала сомнению: воздух был подожжен!.. И нетрудно даже было предвидеть, какую смерть готовила нам ожесточенная природа: мы долженствовали сгореть живыми, дышать пламенем, видеть заживо внутренности наши сожженными, превращающимися в уголь. Какое положение!.. Какая будущность!..

Пожар атмосферы принял страшное напряжение. Вместо прежних мелких и частых клочков пламени огонь пылал на небе огромными массами, с оглушительным треском; и, хотя вовсе не было облаков, дождь лился на нас крупными каплями. Но пламя удерживалось на известной высоте, отнюдь не понижаясь к земле. Дыхание сделалось трудным; все лица облеклись смертельною бледностью. У многих голова начала кружиться: они падали на землю и в ужасных корчах, сопровождаемых поносом и рвотою, испускали дух, не дождавшись конца представления. Смерть окружила нас своим волшебным жезлом. В течение нескольких часов большая половина спасшегося в горах народа сделалась ее жертвою, покрыв долины и утесы безобразными, отвратительными трупами. Те, которые выдержали первый ее приступ на последнее убежище скудных остатков нашего рода, были повержены в опьянение, не чуждое даже некоторой веселости. Я упал без чувств на камень.

Не знаю, как долго оставался я в этом положении, но, очнувшись, я почувствовал в себе признаки сильного похмелья. Мои товарищи чувствовали то же, хотя из них только немногие были свидетелями моего пробуждения. Мы страдали головною болью, тошнотою и оцепенением членов и в то же время были расположены к резвости. Поселение, которому я принадлежал, состоявшее только из пятидесяти человек мужчин, женщин и детей, в одно это происшествие лишилось тридцати двух душ; и мы тотчас пустились обнаруживать нашу новую и для нас самих непонятную склонность к шалостям, бросая с неистовым хохотом трупы усопших наших товарищей с обитаемого нами утеса в пропасть, лежащую у его подножия. Разыгравшись, мы хотели было швыр-

нуть туда же и нашим астрономом, Шимшиком, и простили его потому только, что он обещал кувыркнуться три раза перед нами для нашей потехи. Но если б Саяна попалась мне тогда в руки, я бы с удовольствием перебросил ее чрез весь Сасахаарский хребет, так, что она очутилась бы на развалинах кометы.

Вместе с этою злобною веселостью в сердце ощущали мы еще во рту палящий, кислый вкус, очевидно, происходивший от воздуха, ибо, несмотря на все употребленные средства, никак не могли от него избавиться. Но гораздо изумительнейшее явление представлял самый воздух: во время нашего опьянения он очистился от туманного пара и от пылавшего в нем пламени, но совершенно переменил свой цвет и казался голубым, тогда как прежде природный цвет неба в хорошую погоду был светло-зеленый. Шимшик, у которого дело никогда не стало за причиною, объяснил нам эту перемену тем, что, кроме плотной, каменной массы ядра, комета принесла с собою на Землю свою атмосферу, составленную из паров и газов, большею частию чуждых нашему воздуху: в том числе, вероятно, был один газ особенного рода, одаренный кислым и палящим началом; и он-то произвел этот пожар в воздухе, который от смещения с ним пережегся, окис и даже преобразовал свою наружность. Шимшик, может статься, рассуждал и правильно, хотя он много врал, бездельник!..

Как бы то ни было, мы скоро удостоверились, что наш прежний, сладкий, мягкий, благодетельный, целебный воздух уже не существует; что прилив новых летучих жидкостей совсем его испортил, превратив в состав безвкусный, вонючий, пьяный, едкий, разрушительный. И в этом убийственном воздухе назначено было отселе жить роду человеческому!.. Мы с трудом вдыхали его в наши груди и, вдохнув, с отвращением немедленно выдыхали вон. Мы чувствовали, как он жжет, грызет, съедает наши внутренности. В одни сутки все мы состарились на двадцать лет. Женщины были в таком отчаянии, что рвали на себе волосы и хлипали без умолку. Мы с Шимшиком только вздохнули при мысли, что в этом воздухе жизнь человеческая должна значительно сократиться и что людям вперед не жить в нем по пятисот и более лет [1]. Но эта мысль недолго могла огорчать нас: в два дня мы так привыкли к новому воздуху, что не примечали в нем разницы с прежним, а смерть уже стояла пред нами в новом и еще грознейшем виде.

---

[1] Объяснение, данное сочинителем этой надписи касательно причины пожара в воздухе, весьма основательно. Изо всего явствует, что предпотопный воздух был составлен из газов, неизвестных в нынешнем воздухе, и что в нем не было кислотвора*; или если и был кислотвор, то в другой пропорции. Я теперь знаю, из чего он был составлен, и издам о том диссертацию. Кстати: написать из Якутска в Геттингенский университет об ученых заслугах гофрата Шимшика, знаменитого предпотопного химика и астронома, и предложить, чтоб его бюст был поставлен в университетской библиотеке. (*Приписка на поле рукою доктора Шпурцманна.*)

В горах пронесся слух, что Внутреннее Море (где ныне Киргизская и Монгольская Степи) [1] выступило из своего ложа и переливается в другую землю; что оно уже наводнило все пространство между прежним своим берегом и нашими горами. Выходцы, занимавшие нижнюю полосу хребта, оставив свои поселения, двинулись толпами на наши, устроенные почти в половине его высоты, внутри самой цепи. Они принесли нам плачевное известие, что подошва его уже кругом обложена морем, вытолкнутым из пропастей своих насильственным качанием земного шара, и что мы совершенно отделены водою от всего света. Тревога, беспорядок, отчаяние сделались всеобщими: можно сказать, что с той минуты началась наша мучительная кончина. Мы расстались с надеждою.

Свирепый ветер с обильным дождем и вьюгою разметал по воздуху и пропастям непрочные наши приюты и нас самих. Десять дней сряду нельзя было ни уснуть покойно, ни развести огня, чтоб согреться и сжарить кусок мяса. Все это время держались мы обеими руками за деревья, за кусты и скалы и нередко, вместе с деревьями, кустами и скалами, были опрокидываемы в бездны. Между тем вода не переставала подниматься, волны вторгались с шумом во все углубления и ущелья, и мы взбирались на крутые стены хребта всякий день выше и выше. Верхи утесов, уступы и площадки гор были завалены народом, сбившимся в плотные кучи, подобно роям пчел, висящим кистями на древесных ветвях. Все связи родства, дружбы, любви, знакомства были забыты: чтоб проложить себе путь или очистить уголок места, те, которые находились в середине толпы, без разбора сталкивали в пропасти стоявших по краям утесов. Оружие сверкало в руках у каждого, и сопротивление слабейшего немедленно омывалось его кровию. До тех пор мы питались мясом спасенных нами животных, особенно лошадиным, верблюжьим и лофиодонтовым; но теперь и этого у нас не стало. Ежели кто-нибудь случайно сохранил малейший запас живности, другие, напав на него шайкою, похищали у несчастного последний кусок, нередко вместе с жизнью, и потом резались между собою за исторгнутую из чужих уст пищу. Разбои, убийства, насилия, мщение ежечасно целыми тысячами уменьшали количество горного народонаселения, еще не истребленного ядом повальных болезней и неистовством стихий. Казалось, будто люди поклялись искоренить свой род собственными своими руками, предоставив всеобщей погибели природы только труд стереть с планеты следы их злобы.

Наконец начали мы пожирать друг друга... ... ... [2]

---

[1] Пояснение доктора Шпурцманна.

[2] Строки, наполненные точками, означают те места надписи, которые время совсем почти изгладило и где никак нельзя было разобрать иероглифов. (*Примечание доктора Шпурцманна.*)

Личные мои похождения немного отличались от общего рода жизни выходцев в те дни остервенения и горя. Спасаясь с одной горы на другую, я потерял своего мамонта и разлучился с прежними товарищами. С тех пор блуждал я по разным толпам, к которым судьба меня присоединяла. Мы жили как звери, вместе терзая зубами общий кусок добычи и без предварительного знакомства считая короткими знакомцами всех, принадлежащих нашему стаду, а не принадлежащих к нему — врагами, которых следовало кусать, душить и обращать себе на пищу. Но в одном из тех стад случилось со мною странное происшествие, которое дало моему быту несколько различное направление. У меня увидели десяток прекрасных разноцветных голышей, заброшенных в наши горы каменным дождем кометы и скоро вошедших у нас в большую цену; и как я не хотел добровольно поделиться ими, то мои злосчастные ближние, удрученные несчастием, страхом и голодом, трепещущие перед лицом неизбежного рока, чуть не разорвали меня по кускам за эти милые блестящие игрушки. Я бросил им голыши и ушел от них подальше.

Скитаясь по горам, я искал случая неприметно втереться в какую-нибудь толпу. На уступе одной горы видна была горстка народа. Она находилась в страшном замешательстве, и я поспешил пристать к ней, не обратив на себя внимания. Причиною ее тревоги было неожиданное нападение огромного тигра, который из среды ее похитил одного человека. Подобные приключения случались с нами поминутно. Львы, тигры, гиены, мегалосауры и другие колоссальные звери, вытесненные из лесов и пещер водою, поднимались на горы вместе с нами: с некоторого времени они производили в наших остатках неслыханные опустошения и уже не довольствовались нашими трупами, но искали живых людей и теплой крови. Пользуясь волнением внезапно напуганных умов, я проникнул внутрь толпы, где несколько человек, стоявших полукружием, с любопытством поглядывало на землю. На земле не было, однако, ничего особенного: женщина лежала в обмороке; подле стоял на коленях мужчина, который нежно держал ее в своих объятиях и освежал лицо ее водою. Я подошел поближе и, сложив руки назад, стал зевать на них наряду с прочими. Как?.. Возможно ли?.. Да это она!.. «Саяна!.. Саяна!.. Жена моя!!.» — заревел я в исступлении среди изумленных незнакомцев и, подобно голодному тигру, прыгнул издали на занимательную чету с обнаженным кинжалом в руке. Схватив за волосы нежного обнимателя, я отвалил голову его назад и вонзил в горло убийственное железо по самую рукоятку. Кровь брызнула из него ключом на коварную. Из свидетелей никто не сказал ни слова. Я, не дожидаясь объяснений, поднял Саяну на руки и помчался с нею по скату горы.

Я не сомневался, что умерщвленный мною мужчина был ее обольститель. Впоследствии оказалось противное. Настоящий друг Саяны был за несколько минут до моего прибытия похищен огромным тигром,

а тот, кого принес я в жертву моей мести, не имел прежде никаких с нею сношений и только из учтивости к женщинам старался восстановить в ней чувства. Итак, я убил его понапрасну?.. Очень сожалею!.. Не обнимай чужой жены, если ты ей не любовник! Я продолжал нести Саяну. Она раскрыла глаза, вздохнула с тяжелым стоном и опять их сомкнула, не узнав во мне законного своего обладателя. Спустя некоторое время она произнесла томным голосом чье-то незнакомое мне имя. В ответ на незнакомое имя я хотел было бросить ее в наполненную водою пропасть, по краю которой пробирался. Я уже хотел бросить, бросить со всей силы, с тяжестью вечного проклятия на шее,— и вместо того сильно прижал ее к своему сердцу... Мне суждено быть несчастным!.. Я опять был влюблен, и... опять ревнив!

Таща на плечах по острым, почти непроходимым скалам бремя своих обманутых надежд, своей страсти и своей обиды, я изнемогал, обливался кровавым потом, напрягал последние силы. Я спешил за гору, надеясь там найти уединенное место; но у самого поворота увидел всю площадку утеса, образовавшего бок горы, покрытую бурным собранием народа. Зрелище ужасное!.. Утес почти параллельно висел над ущелием, уже потопленным водою, и опасно потрясался от всякого удара волн, разражавшихся об его основание; на утесе люди, в оглушительном шуме, дрались, резались и терзали друг друга — за что ж? — за горстку уже бесполезной для них персти! Комета при своем разрушении навалила на это место слой желтого блестящего песку, о котором упомянул я выше, неизвестного на земле до ее падения; и эти безумцы, воспылав жадностью к дорогому дару, принесенному им из других миров, может быть, на погибель всему роду человеческому, кинулись на него толпами; стали копаться в нем как дети в гряде или как гиены в людских могилах; исторгали его один у другого, орошали своею кровию, скользили в крови, падали на землю и, привставая, израненные и полураздавленные, еще с восторгом приподнимали вверх пригоршни замешанного их кровию металлического песку, которые удалось им захватить под ногами других искателей. И я, уходя от людей, нечаянно очутился среди такого разъяренного алчностью и разбоем сборища!.. Я не знал, куда деваться. Опасаясь быть убитым, как посягатель на сокровища, ниспосланные им судьбою, и не видя возможности иначе пробраться через площадку на ту сторону утеса, я стал карабкаться на гору повыше площадки, с кладом своим на руках; но едва пробежал шагов двести, как вдруг зыблющийся утес с людьми и с желтым блестящим песком обрушился в ущелие. Распрыснувшиеся с шумом пучины окропили меня и всю гору пеною. Камни, покрывающие горную стену, одним разом осунулись под моими стопами; я уронил Саяну из рук и полетел вниз, катясь по жестким обломкам гранита. Испуг и боль отняли у меня чувства...

... ...

Когда пришел я в себя, голова моя, вся заплесканная кровию, лежала на коленях у доброй моей Саяны. Она не оставила меня в опасности. Увидев, что, прокатясь значительное пространство, я уперся в низкую скалу на самом краю вновь образовавшегося провала, она благородно пожертвовала своим страхом для моего спасения, спустилась ко мне по крутому, оборванному скату, оттащила меня от пропасти и положила в удобнейшем месте. Я не помнил ни что со мною сделалось, ни где я нахожусь. Долго не смел я раскрыть глаз по причине жестокой боли от ушибов по всем членам; но мне грезилось, будто ощущаю на челе легкий, приятный щекот робких поцелуев. Вместе с дневным светом увидел я подле себя — внизу — неизмеримую бездну с гремящими волнами, по которым носилось множество человеческих трупов,— вверху, над моим лицом, милое лицо Саяны. Я взглянул на него без любви, с простым, холодным чувством признательности, и в то самое время две крупные слезы, канувшие с ресниц преступницы, закипели на моих щеках. В жгучем их прикосновении я узнал огонь раскаяния, который плавит сердца и очищает их от обиды. Все было забыто: я опять любил в ней свою любовницу, невесту, жену... Но как она переменилась! Как состарилась в этом новом воздухе! Тому три недели она сияла всеми прелестями юности, красы, невинности, а теперь казалась она почти старушкою. Но нужды нет! Она все еще нравилась мне чрезвычайно.

Как скоро усмирилась первая боль и я мог приподняться, мы опять стали карабкаться на гору и, пособляя друг другу, достигли до одного возвышенного утеса, где решились провести ночь. Усталость и открытый в сердцах наших остаток прежнего счастия ниспослали нам крепительный сон, который застиг и оставил нас в объятиях друг у друга на жесткой каменной почве. На следующее утро я совершенно был уверен в добродетели Саяны, в чистоте ее намерений и даже в том, что в течение целых трех недель нашей разлуки она никого в свете, кроме меня, не любила. Я никак не думал, чтобы подобная уверенность могла когда-либо забраться в мое сердце! Однако ж это случилось: с влюбленными мужьями, особенно во время великих переворотов в природе, иногда случаются совсем невероятные вещи.

Но пора было подумать о нашем положении. Мы были довольны нашими чувствованиями, но голодны желудком и лишены всякого сообщения с людьми. Ночью вода поднялась так высоко, что цепь Сасахаарских гор была наконец вполне расторгнута: все огромное их здание потонуло в бурных пучинах; по хребтам средних высот уже свободно катились волны, и только вершины высших гор еще не были поглощены странствующим в чужие земли океаном: они посреди его образовали множество утесистых островов, представлявших вид обширного архипелага или вид кладбища скончавшихся государств прежнего мира.

Всякая вершина сделалась особою страною, и судьба, играющая нами, ведшая нас по взволнованной земле, чрез отравленный воздух, чрез огонь, прямо в воду, как бы в насмешку над нашим политическим тщеславием, вздумала еще согнанные в кучу остатки нашего племени разделить на несколько десятков независимых народов, дав каждому из них внаймы на короткие сроки по куску гранита для устройства мгновенных отечеств. Мы удобно могли видеть все, что происходило на ближайших вершинах, в новых обществах, созданных этою жестокою игрою: мы видели людей слабых и людей дерзких; людей, искусно ползущих вверх на четвереньках, и людей прямых, неловких, стремглав катящихся в бездны; людей, трудящихся вотще, людей, беззаботно пользующихся чужим трудом, людей гордых, людей злых, людей несчастных и людей, истребляющих других людей. Мы видели все это собственными глазами; и как теперь людей не стало, то можем засвидетельствовать, что они были людьми до последней минуты своего существования.

Гора, на которой находился я с Саяною, была высочайшая и самая неприступная во всем Сасахаарском хребте. Кроме птиц и нескольких заблудившихся животных, только мы вдвоем, и то случайно, остались ее жителями, когда она превратилась в остров. Одиночество не столько было нам страшно, сколько обеспокоивал нас совершенный недостаток пищи. Первые мучения голода утолили мы листьями мелкого кустарника, росшего в одной трещине, и опять были довольны собою, довольны друг другом — даже почти довольны нашею судьбою. Надежда последними своими лучами еще раз озарила наши сердца. В дарованном нам темном и пустынном уголке жизни мы с радостью увидели светлую частицу будущности, рдеющую бледным огнем древесной гнили, и при этом обманчивом свете пытались еще чертить обширные планы счастия — одного предоставленного нам счастия — умереть вместе!

Объев все листья найденного нами кустарника, мы отправились искать приюта в новом нашем отечестве и не замедлили познакомиться, по-видимому, с единственною нашею соотечественницею — гиеною. Дело само по себе было ясно: или она нас, или мы ее должны были пожрать непременно. Мой кинжал решил неравную борьбу в нашу пользу: я погрузил его в разинутую пасть гиены, когда она бросилась мне на грудь, и хищный зверь сделался нашею добычею. С каким удовольствием, после кустарных листьев, ели мы вязкое и вонючее его мясо! Мы кормились им восемь дней и находили, что, с любовью в сердце, сладка и сырая гиена. Отыскав почти у самой вершины горы большую, удобную пещеру, ту самую, на стенах которой черчу теперь эти иероглифы, мы избрали ее нашим жилищем. Дожди с сильным новоюжным ветром продолжались без умолку, и вода все еще поднималась, всякий день поглощая по нескольку горных вершин, так что на шестое утро из всего

архипелага оставалось не более пяти островов, значительно уменьшенных в своем объеме. На седьмой день ветер переменился и подул с нового севера, прежнего запада нашего. Спустя несколько часов все море покрылось бесчисленным множеством волнуемых на поверхности воды странного вида предметов, темных, продолговатых, круглых, походивших издали на короткие бревна черного дерева. Любопытство заставило нас выйти из пещеры, чтоб приглядеться к этой плавающей туче. К крайнему изумлению, в этих бревнах узнали мы нашу блистательную армию, ходившую войною на негров, и черную, нагую рать нашего врага, обе заодно поднятые на волны, вероятно, во время сражения. Море выбросило на наш берег несколько длинных пик, бывших в употреблении у негров (Новой Земли). Я взял одну из них и притащил к себе прекрасный плоский ящик, плававший подле самой горы. Разломав его о скалу, мы нашли в нем только высокопарное слово, сочиненное накануне битвы для воспламенения храбрости воинов. Мы бросили высокопарное слово в море. Меж тем ветер подул с другой стороны, и обе армии, переменив черту движения, понеслись на восток.

Наконец последний остров потонул в море, и мы догрызали последнюю кость гиены. Одна лишь нами обитаемая вершина еще торчала из вздутых пучин. Итак, мы вдвоем остались последними жителями стран, завоеванных океаном у человека!.. Но берег моря уже был в пятидесяти саженях от нашей пещеры, и мы хладнокровно рассчитывали, сколько часов еще остается нам, законным наследникам прав нашего рода, господствовать над мятежною природою. Признаюсь... ... ...

Стена IV

1

По правую сторону входа

... ...

... ...потоп наскучил мне ужасно. Сидя голодные в пещере, от нечего делать мы начали ссориться. Я доказывал Саяне, что она меня не любит и никогда не любила; она упрекала меня в ревности, недоверчивости, грубости и многих других уголовных в супружестве преступлениях. Я молил Солнце и Луну, чтоб это скорее чем-нибудь да кончилось... ... ...

... ...увидели мы заглядывающую в отверстие пещеры длинную, безобразную змеиную голову, вертящуюся на весьма высокой и прямой как пень шее. Она держала в пасти человеческий труп и с любопытством смотрела на нас большими, в пядень, глазами, в которых сверкал страшный зеленый огонь. Мы вдруг перестали ссориться.

Саяна спряталась в угол; я вскочил на ноги, схватил пику и приготовился к защите. Но голова скрылась за камнями, накопленными у входа в пещеру. Мы ободрились, подошли к отверстию и с ужасом открыли пробирающегося к нам огромного плезиосаура длиною по крайней мере шагов в тридцать, на четырех чрезвычайно высоких ногах, с коротким, но толстым хвостом и двумя большими кожаными крыльями, стоящими в виде двух треугольных парусов на покрытой плотною чешуею спине. Грозное чудовище, без сомнения выгнанное водою из своего жилища, находившегося где-нибудь на той же горе, уронив труп из пасти, карабкалось по шатким камням с очевидным намерением завладеть нашим убежищем и нас самих принести в жертву своей лютости. Я почувствовал невозможность сопротивляться ему оружием; но тяжелые, неповоротливые его движения по съеженной набросанными скалами и почти отвесной поверхности внушили мне другое средство к отпору. При пособии Саяны я обрушил на него большой камень, лежавший весьма непрочно на пороге пещеры. Столкнутая с места глыба увлекла за собою множество других камней под ноги плезиосауру, и опрокинутый ими дракон скатился вместе с ними в море. Мы нежно поцеловались с Саяною, поздравляя друг друга с избавлением от такой опасности, и снова были хорошими приятелями; мы даже произнесли торжественный обет никогда более не ссориться.

Освободясь от незваного гостя, мы подошли к трупу, который он у нас оставил в память своего посещения.

Представьте себе наше изумление: мы узнали в этом трупе почтеннейшего Шимшика! Он, видно, погиб очень недавно, ибо тело его было еще совершенно свежо. Сказав несколько сострадательных слов об его кончине, мы решились — голод рвал наши внутренности,— мы решились его съесть. Я взял астронома за ногу и втащил его в пещеру.

Этот человек нарочно был создан для моего несчастия!.. Едва приступил я к осмотру худой его туши, как вдруг мы вспомнили о приключении под кроватью, где он, наблюдая затмение, расстроил первые порывы нашего счастия, и опять рассорились. Саяна воспользовалась этим предлогом, чтоб поразить меня упреками. Ей нужен был только предлог, ибо она уже скучала со мною. Одиночество всегда было для нее убийственно, и потоп казался бы ей очень-очень милым, очень веселым, если б могла она утонуть в хорошем обществе, в блистательном кругу угодников ее пола, которые вежливо подали б ей руку в желтой перчатке, чтоб ловче соскочить в бездну. Я проникал насквозь ее мысли и желания и насказал ей кучу жестких истин, от которых она упала в обморок. Какой характер!.. Мучить меня капризами даже во время потопа!.. Как будто не довольно перенес я от предпотопных капризов!.. А всему этому причиною этот проклятый Шимшик, который и по смерти не дает мне покоя!.. С досады, с гнева, бешенства, отчаяния я схва-

тил крошечного астронома за ноги и швырнул им в море. Пропади ты, несчастный педант!.. Лучше умереть с голоду, чем портить себе желудок худою школярщиною, просяклою чернильными спорами.

Я пытался, однако ж, доставить моей подруге облегчение, но она отринула все мои услуги. Пришед в себя, она плакала и не говорила со мною. Я поклялся вперед не мешать ее горести. Мы поворотились друг к другу спиною и так провели двое суток. Приятный образ провождения времени в виду довершающегося потопа!.. Между тем голод повергал меня в исступление: я кусал самого себя.

— Саяна!..— вскричал я, срываясь с камня, на котором сидел, погруженный в печальной думе.— Саяна!.. Посмотри! Вода уже потопила вход в пещеру.

Она оборотилась к отверстию и смотрела бесчувственными, окаменелыми глазами.

— Видишь ли эту воду, Саяна?..— примолвил я, протягивая к ней руку.— То наш гроб!..

Она все еще смотрела страшно, неподвижно, молча и как будто ничего не видя.

— Ты не отвечаешь, Саяна?..

Она закричала сумасшедшим голосом, бросилась в мои объятия и сильно-сильно прижала меня к своей груди. Это судорожное пожатие продолжалось несколько минут и ослабело одним разом. Голова ее упала взничь на мою руку; я с умилением погрузил взор свой в ее глаза и долго не сводил его с них. Я видел внутри ее томные движения некогда пылкой страсти самолюбия; видел сквозь сухое стекло глаз несчастной, как в душе ее, подобно волшебным теням на полотне, проходили туманные образы всех по порядку прежних ее обожателей. Вдруг мне показалось, будто в том числе промелькнул и мой образ. Слезы прыснули у меня дождем: несколько из них упало на ее уста, и она с жадностью проглотила их, чтоб утолить свой голод. Бедная Саяна!.. Я спаял мои уста с ее устами искренним, сердечным поцелуем и несколько времени оставался без памяти в этом положении. Когда я их отторгнул, она была уже холодна, как мрамор... Она уже не существовала!

Я рыдал целый день над ее трупом. Несчастная Саяна!.. Кто препятствовал тебе умереть счастливою на лоне истинной любви?.. Ты не знала этой нежной, роскошной страсти!.. Нет, ты ее не знала, и родилась женщиною только из тщеславия!..

Я, однако же, и тогда еще обожал ее, как в то время, когда произносили мы первую клятву любить друг друга до гробовой доски. Я осыпал тело ее страстными поцелуями... Вдруг почувствовал я в себе жгучий припадок голода и в остервенении запустил алчные зубы в белое, мягкое тело, которое осыпал поцелуями... Но я опомнился и с ужасом отскочил к стене...

2
По левую сторону входа

Вода остановилась на одной точке и выше не поднимается. Я съел кокетку! ... ...

... ...

... ...

15 числа шестой луны. Вода значительно упала. Несколько горных вершин опять появилось из моря в виде островков... ... ...

... ...

19 числа. Море, при новосеверном ветре, вчера покрылось частыми льдинами. ... ...

26 числа. Сегодня окончил я вырезывать кинжалом на стенах этой пещеры историю моих похождений.

28 числа. Кругом образуются ледяные горы...

... ...

30 числа. Стужа усиливается... ... ...

... ...

Постскрипт. Я мерзну, умира...»

Этими словами прекращается длинная иероглифическая надпись знаменитой пещеры, именуемой Писанною Комнатою, и мы тем кончили наш перевод. Мы трудились над ним шесть дней с утра до вечера, израсходовали пуд свечей и две дести* бумаги, выкурили и вынюхали пропасть табаку, измучились, устали, чуть не захворали; но наконец кончили. Я соскочил с лесов, доктор встал из-за столика, и мы сошлись на середине пещеры. Он держал в руках два окаменелые человеческие ребра и звонил в них в знак радости, говоря:

— Знаете ли, барон, что мы совершили великий, удивительный подвиг? Мы теперь бессмертны и можем умереть хоть сегодня. Вот и кости предпотопной четы... Эта кость женина: в том нет ни малейшего сомнения. Посмотрите, как она звонка, когда ударишь в нее мужниною костью!..

Почтенный Шпурцманн был в беспредельном восхищении от костей, от пещеры, от надписи и ее перевода. Я одушевлялся тем же чувством, соображая вообще необыкновенную важность открытий, которые судьба позволила нам сделать в самой отдаленной и весьма редко приступной стране Севера; но не совсем был доволен слогом перевода. Я намекнул о необходимости исправить его общими силами в Якутске по правилам риторики профессора Толмачева и подсыпать в него несколько пудов предпотопных местоимений *сей* и *оный*, без которых у нас нет ни счастия, ни крючка, ни изящной прозы.

— Сохрани бог! — воскликнул доктор,— не надобно переменять ни одной буквы. Это слог настоящий иероглифический, подлинно египетский.

— По крайней мере позвольте прибавить десяток ископаемых, окаменелых прилагательных *вышеупомянутый, реченный* и так далее: они удивительно облагораживают рассказ и делают его достойным уст думного дьяка.

Шпурцманн и на то не согласился. Я принужден был дать ему слово, что без его ведома не коснусь пером ни одной строки этого перевода.

— Но что вы думаете о самом содержании надписи? — спросил я.

— Я думаю,— отвечал он важно,— что оно драгоценно для науки, для всего просвещенного света. Оно объясняет и доказывает множество любопытных и поныне не решенных вопросов. Во-первых, имеете вы в нем верное, ясное, подлинное, доселе единственное наставление о том, что происходит в потоп, как должно производить его и чего избегать в подобном случае. Теперь мы с вами знаем, что нет ничего опаснее...

— Как жениться перед самым потопом! — подхватил я.

— Нет! — сказал доктор.— Как быть влюбленным в предпотопную, или ископаемую, жену, uxor fossilis, seu antediluviana. Это удивительный род женщин!.. Какие неслыханные кокетки!.. Признаюсь вам, что по возвращении в Германию я имел намерение жениться на одной молодой, прекрасной девице, которую давно люблю; но теперь — сохрани, господи! — и думать о том не стану.

— Чего же вы боитесь? — возразил я.— Нынешние жены совсем непохожи на предпотопных.

— Как чего я боюсь?..— вскричал он.— А если, женившись, я буду влюблен в свою жену, и вдруг комета упадет на землю и произойдет потоп?.. Ведь тогда моя жена, как бы она добродетельна ни была, по необходимости сделается предпотопною?

— Правда! — сказал я улыбаясь. Моя проницательность не простиралась так далеко, и я вовсе не предусматривал подобного случая.

— А, любезный барон!..— промолвил мой товарищ.— Ученый человек, то есть ученый муж, должен все предусматривать и всего бояться. Зная зоологию и сравнительную анатомию, я в полной мере постигаю несчастное положение сочинителя этой надписи. Известно, что до потопа все, что существовало на свете, было вдвое, втрое, вдесятеро огромнее нынешнего; на земле водились животные, именно мегатерионы, которых одно ребро было толще и длиннее мачты, что на нашем судне. Возьмите же мегатерионово ребро за основание и представьте себе все прочее в природе по этой пропорции: тогда увидите, какие страшные, колоссальные, исполинские долженствовали быть предпотопные капризы и предпотопные неверности и... и... и все предпотопное. Но возвратимся к надписи. Во-вторых, эта надпись подтверждает вполне и самым блистательным образом все ныне принятые теории о великих переворотах земного шара. В-третьих, она ясно доказывает, что египетская образованность есть самая древнейшая в мире и некогда распространялась по всей почти земле, в особенности же процветала в Сибири; что многие науки, как то: астрономия, химия, физика и так далее — уже тогда, то есть до потопа, находились в здешних странах на степени совершенства; что предпотопные, или ископаемые, люди были очень умны и учены, но большие плуты, и прочее, и прочее. Все это удивительно как объясняется содержанием этой надписи. Но я не утаю от вас, барон, одного сомнения, которое...

— Какого сомнения? — спросил я с беспокойством, полагая, что он сомневается в основательности моих иероглифических познаний.

— Того, что это не есть описание всеобщего потопа?

— О! В этом я совершенно согласен с вами.

— Это, по моему мнению, только история одного из частных потопов, которых, как известно, было несколько в разных частях света.

— И я так думаю.

— Словом, это история сибирского домашнего потопа.

— И я так думаю.

— За всем тем, это необыкновенная история!..

— И я так думаю.

Мы приказали промышленникам тотчас убирать леса и кости и готовиться к немедленному отплытию в море, ибо у нас все уже было объяснено, решено и кончено.

Чтоб не оставить Медвежьего Острова без приятного в будущем времени воспоминания, я велел еще принести в пещеру две последние бутылки шампанского, купленного мною в Якутске, и мы распили их вдвоем в Писанной Комнате.

Первый тост был единогласно условлен нами в честь ученых путешествий, которым род человеческий обязан столь многими полезными открытиями. Затем пошли другие.

— Теперь выпьем за здоровье ученой, доброй и трудолюбивой Германии,— сказал я моему товарищу, наливая вторую рюмку.

— Ну а теперь за здоровье великой, могущественной, гостеприимной России,— сказал мне вежливый товарищ, опять прибегая к бутылке.

— Да здравствуют потопы! — воскликнул я.

— Да здравствуют иероглифы! — воскликнул доктор.

— Да процветают сравнительная анатомия и все умные теории! — вскричал я.

— Да процветают все ученые исследователи, Медвежий Остров и белые медведи! — вскричал доктор.

— Многая лета мегалосаурам, мегалониксам, мегалотерионам, всем мегалоскотам и мегаложивотным!!.— возопил я при осьмой рюмке.

— Всем рыжим мамонтам, мастодонтам, переводчикам и египтологам многая лета!!.— возопил полупьяный натуралист при девятой.

— Виват, Шабахубосаар!!! — заревели мы оба вместе.

— Виват, прекрасная Саяна!!!

— Ура, предпотопные кокетки!!!

— Ура, Шимшик!.. Ископаемый философии доктор, ура!.. Ура!!!

Мы поставили порожние бутылки и рюмки посреди пещеры и отправились на берег. Я сполз с горы кое-как, без чужой помощи; Шпурцманна промышленники принесли вместе с шестами. Ученое путешествие совершилось по всем правилам.

Мы горели нетерпением как можно скорее прибыть в Европу с нашею надписью, чтоб наслаждаться изумлением ученого света и читать выспренные похвалы нам во всех журналах; но, по несчастию, сильный противный ветер препятствовал выйти из бухты, и мы пробыли в ней еще трое суток, скучая смертельно без дела и без шампанского. На четвертое утро увидели мы судно, плывущее к нам по направлению от Малого Острова.

— Не Иван ли Антонович это? — воскликнули мы оба в один голос.— Уж, наверное, он! Какой он любезный!..

— Вот было бы приятно повидаться с ним в этом месте, на поприще наших бессмертных открытий. Не правда ли, доктор?

— Ja wohl [1]! Мы могли бы сообщить ему много полезных для него сведений.

Около полудня судно вошло в бухту. В самом деле это был он — Иван Антонович Страбинских с своею пробирною иглою. Как хозяева острова в отсутствие белых медведей, мы встретили его завтраком на берегу.

Выпив две предварительных рюмки водки и закусив хлебом, обмакнутым в самом источнике соли — солонке, он спросил нас, довольны ли мы нашею экспедициею на Медвежий Остров?

— О! Как нельзя более! — воскликнул мой товарищ, Шпурцманн.— Мы собрали обильную жатву самых новых и важных для наук фактов. А вы, Иван Антонович, что хорошего сделали в устье Лены?

— Я исполнил мое поручение,— отвечал он скромно,— и надеюсь, что мое благосклонное начальство уважит мои труды. Я обозрел почти всю страну и нашел следы золотого песку...

— Я знал еще до прибытия вашего сюда, что вы нашли там золотоносный песок,— сказал доктор с торжественною улыбкою.

— Как же вы могли знать это? — спросил Иван Антонович.

— Уж это мне известно! — примолвил доктор.— Поищите-ка хорошенько, и вы найдете там еще алмазы, яхонты, изумруды и многие другие диковинки. Я не только знаю, что там есть эти камни и золотой песок, но даже могу сказать вам с достоверностью, кто их положил туда и в котором году.

— Ради бога, скажите мне это! — вскричал Иван Антонович с крайним любопытством.— Я сию минуту пошлю рапорт о том по команде.

— Извольте! Их навалила туда комета при своем обрушении,— важно объявил мой приятель.

— Комета-с?..— возразил изумленный обербергпробирмейстер 7-го класса.— Какая комета?

— Да, да! Комета! — подтвердил он.— Комета, упавшая на землю с своим ядром и атмосферою в 11 879 году, в 17-й день пятой луны, в пятом часу пополудни.

— В 11879 году, изволите вы говорить?..— примолвил чиновник, выпучив огромные глаза.— Какой это эры? Сиречь, по какому летосчислению?

— Это было еще до потопа,— сказал равнодушно доктор,— эры барабинской.

— Эры барабинской! — повторил Иван Антонович в совершенном смятении от такого града ученых фактов.— Да!.. Знаю!.. Это у нас в Сибири называется Барабинскою Степью.

Мы захохотали. Торжествующий немецкий Gelehrter, сжалясь над невежеством почтенного сибиряка, объяснил ему с благосклонною учтивостью, что нынешняя Барабинская Степь, в которой живут буряты и тунгузы, есть, по всей вероятности, только остаток славной, богатой, просвещенной предпотоп-

[1] Пожалуй *(нем.)*.

ной империи, называвшейся Барабиею, где люди ездили на мамонтах и мастодонтах, кушали котлеты из аноплотерионов, сосиски из антракотерионов, жаркое из лофиодонтов, с солеными бананами вместо огурцов, и жили по пятисот лет и более. Иван Антонович не мог отвечать на то ни слова и выпил еще раз водки.

— Знаете ли, любезный Иван Антонович,— присовокупил Шпурцманн, лукаво посматривая на меня,— что некогда в якутской области по всем канцеляриям писали египетскими иероглифами так же ловко и бойко, как теперь гражданскою грамотою? Вы ничего о том не слыхали?..

— Не случалось! — сказал чиновник.

— А мы нашли египетские иероглифы даже на этому острову,— продолжал он.— Все стены Писанной Комнаты покрыты ими сверху донизу. Вы не верите?..

— Верю.

— Не угодно ли вам пойти с нами в пещеру полюбоваться на наши прекрасные открытия?

— С удовольствием.

— Вы, верно, никогда не видали египетских иероглифов!..

— Как-то не приводилось их видеть.

— Ну так теперь приведется, и вы удостоверитесь собственными глазами в их существовании в северных странах Сибири.

Мы встали и начали сбираться в поход.

— Иван Антонович! — воскликнули мы еще оба в одно слово, подтрунивая над его недоверчивостью.— Не забудьте, ради бога, вашего оселка и пробирной иглы!..

— Они у меня всегда с собою, в кармане,— примолвил он спокойно.

Мы пошли.

Прибыв в пещеру, мы вдвоем остановились на средине ее и пустили его одного осматривать стены. Он обошел всю комнату, придвинул нос к каждой стене, привздернул голову вверх и обозрел со вниманием свод и опять принялся за стены. Мы читали в его лице изумление, соединенное с какою-то минералогическою радостью, и толкали друг друга, с коварным удовольствием наслаждаясь его впечатлениями. Он поправил свечу в фонаре и еще раз обошел кругом комнаты. Мы все молчали.

— Да!.. Это очень любопытно!..— воскликнул наконец почтенный оберbергпробирмейстер, колупая пальцем в стене.— Но где же иероглифы?..

— Как где иероглифы?..— возразили мы с доктором.— Неужели вы их не видите?.. Вот они!.. Вот!.. И вот!.. Все стены исчерчены ими.

— Будто это иероглифы! — сказал протяжным голосом удивленный Иван Антонович.— Это кристаллизация сталагмита, называемого у нас, по минералогии, «глифическим», или «живописным».

— Что?.. Как?.. Сталагмита?..— вскричали мы с жаром.— Это невозможно!..

— Могу вас уверить,— примолвил он хладнокровно,— что это сталагмит, и сталагмит очень редкий. Он находится только в странах, приближенных к полюсу, и первоначально был открыт в одной пещере на острове Гренландии. Потом нашли его в пещерах Калифорнии. Действием сильного холода, обык-

новенно сопровождающего его кристаллизацию, он рисуется по стенам пещер разными странными узорами, являющими подобие крестов, треугольников, полукружий, шаров, линий, звезд, зигзагов и других фантастических фигур, в числе которых, при небольшом пособии воображения, можно даже отличить довольно естественные представления многих предметов домашней утвари, цветов, растений, птиц и животных. В этом состоянии, по словам Гайленда, он действительно напоминает собою египетские иероглифы и потому именно получил от минералогов прозвание «глифического», или «живописного». В Гренландии долго почитали его за рунические надписи, а в Калифорнии туземцы и теперь уверены, что в узорах этого минерала заключаются таинственные заветы их богов. Гилль, путешествовавший в Северной Америке, срисовал целую стену одной пещеры, покрытой узорчатою кристаллизациею сталагмита, чтоб дать читателям понятие об этой удивительной игре природы. Я покажу вам его сочинение, и вы сами убедитесь, что это не что иное, как сталагмит, особенный род капельника, замеченного путешественниками в известной пещере острова Пароса и в египетских гротах Самун. Кристаллизация полярных снегов представляет еще удивительнейшее явление в рассуждении разнообразности фигур и непостижимого искусства их рисунка...

Мы были разражены в прах этим нечаянным извержением каменной учености горного чиновника..Мой приятель Шпурцманн слушал его в настоящем остолбенении; и, когда Иван Антонович кончил свою жестокую диссертацию, он только произнес длинное в поларшина: Ja!!! [1] Я стал насвистывать мою любимую арию:

Чем тебя я огорчила?..

Обербергпробирмейстер 7-го класса немедленно вынул из кармана свои инструменты и начал ломать наши иероглифы, говоря, что ему очень приятно найти здесь этот негодный, изменнический, бессовестный минерал, ибо у нас, в России, даже в Петербурге, доселе не было никаких образцов сталагмита живописного, за присылку которых он, несомненно, получит по команде лестную благодарность. Во время этой работы мы с доктором философии Шпурцманном, оба разочарованные очень неприятным образом, стояли в двух противоположных концах пещеры и страшно смотрели в глаза друг другу, не смея взаимно сближаться, чтобы в первом порыве гнева, негодования, досады по неосторожности не проглотить один другого.

— Барон?..— сказал он.

— Что такое?..— сказал я.

— Как же вы переводили эти иероглифы?

— Я переводил их по Шампольону: всякий иероглиф есть или буква, или метафорическая фигура, или ни фигура, ни буква, а простое украшение почерка. Ежели смысл не выходит по буквам, то...

— И слушать не хочу такой теории чтения!..— воскликнул натуралист.— Это насмешка над здравым смыслом. Вы меня обманули!

[1] О да!!! *(нем.)*

— Милостивый государь! Не говорите мне этого. Напротив, вы меня обманули. Кто из нас первый сказал, что это иероглифы?.. Кто состряпал теорию для объяснения того, каким образом египетские иероглифы зашли на Медвежий Остров?.. По милости вашей, я даром просидел шесть дней на лесах, потерял время и труд, перевел с таким тщанием то, что не стоило даже внимания...

— Я сказал, что это иероглифы, потому, что вы вскружили мне голову своим Шампольоном,— возразил доктор.

— А я увидел в них полную историю потопа потому, что вы вскружили мне голову своими теориями о великих переворотах земного шара,— возразил я.

— Но желал бы я знать,— примолвил он,— каким образом вывели вы смысл, переводя простую игру природы!

На что, естественным образом, отвечал я доктору:

— Не моя же вина, ежели природа играет так, что из ее глупых шуток выходит, по грамматике Шампольона, очень порядочный смысл!

— Так и быть! — воскликнул доктор.— Но я скажу вам откровенно, что, когда вы диктовали мне свой перевод, я не верил вам ни одного слова. Я тотчас приметил, что в вашей сказке кроется пропасть невероятностей, несообразностей...

— Однако ж вы восхищались ими, пока они подтверждали вашу теорию,— подхватил я.

— Я?..— вскричал доктор.— Отнюдь нет!

— А кто прибавил к тексту моего перевода разные пояснения и выноски?..— спросил я гневно.— Вы, милостивый государь мой, даже хотели предложить гофрата Шимшика в ископаемые почетные члены Геттингенского университета.

— Барон!.. Не угодно ли табачку!

— Я табаку не нюхаю.

— По крайней мере отдайте мне ваш перевод: он писан весь моею рукою.

— Не отдам. Я его напечатаю, и с вашими примечаниями.

— Фуй, барон!..— сказал Шпурцманн с неподражаемой важностью.— Подобного рода шутки не водятся между такими известными, как мы, учеными.

На другой день мы оставили Медвежий Остров и возвратились в устье Лены, а оттуда в Якутск. Плавание наше было самое несчастливое: мы претерпели сильную бурю и все время бились с льдинами, покрывавшими море и Лену. Я отморозил себе нос.

Отделавшись от Шпурцманна, я поклялся не предпринимать более ученых путешествий.

1833

Примечания

Стр. 53. *Обербергпробирмейстер* — горный мастер *(нем.)*.

Стр. 54. *Гульянов* Иван Александрович (1789—1841) — русский египтолог.

Стр. 56. *Паллас* Петр-Симон (1741—1811) — немецкий естествоиспытатель. Был приглашен в Россию, где по поручению Петербургской Академии наук совершил несколько путешествий от Урала до Китая, а также на Кавказ.

Гмелин Иоганн-Георг (1709—1755) — немецкий ботаник, совершил под руководством Витуса Беринга путешествие по северу России. Автор трудов «Путешествие по Сибири» и «Флора Сибири».

Клапрот Генрих Юлий (1783—1835) — немецкий востоковед, автор сочинений по истории и этнографии Азии и Кавказа. Известен также как автор книги на французском языке о Сибири, вышедшей в 1823 г.

Плано Карпини (1182—?) — итальянский путешественник, побывавший у монгольского императора. Среди правдивых описаний в его сочинениях содержатся и вымыслы о мифических существах, однако упоминаний о «любопытной пещере» с надписями на языке, «которым говорили в раю», нет.

Стр. 62. *Шейхцер* И.-Я. (1672—1733) — швейцарский естествоиспытатель, веривший в гибель древних организмов от всемирного потопа.

Стр. 63. ...*могущественной Барабии* — фантастическая страна выдумана О. Сенковским по названию Барабинской степи.

Стр. 67. *Кювье* Жорж (1769—1832) — французский испытатель и натуралист.

Броньяр Александр (1770—1847) — французский химик, минеролог и зоолог.

Гом Эверард (1756—1832) — английский анатом и хирург.

Букланд Вильям (1784—1856) — английский геолог и палеонтолог.

Гомбольт Александр (1769—1859) — немецкий натуралист и путешественник.

Стр. 86. *Иготь* — ручная ступа, ступка.

Стр. 93. *Вертеп* — здесь: пещера.

Стр. 94. *Персть* — земля, прах.

Стр. 97. *Кислотвор (устар.)* — кислород.

Стр. 105. *Просяклою* — т. е. пронизанною.

Стр. 106. *Десть* — мера бумаги: 24 листа.

Владимир Федорович Одоевский, князь (1803—1869) — русский писатель, философ, педагог, музыковед и теоретик музыки. Один из главных пропагандистов немецкого идеализма в России. В молодые годы был связан с декабристами, позже увлекся мистикой.

Сборник рассказов и философских эссе под общим названием «Русские ночи» многие считают его лучшим произведением. Повести «Город без имени» и «Последнее самоубийство» — входят в состав этого сборника.

В «Последнем самоубийстве» описаны фантастические последствия, к которым приводит гипотетическая реализация закона Мальтуса о возрастании населения в геометрической прогрессии, а произведений природы — в арифметической и грядущее истощение природных ресурсов.

В «Городе без имени» критикуется другая теория — теория Бентама, кладущая в основание всех человеческих действий исключительно начало полезного, как цель и как движущую силу.

Владимир Одоевский

ГОРОД БЕЗ ИМЕНИ [1]

В пространных равнинах Верхней Канады, на пустынных берегах Ореноко, находятся остатки зданий, бронзовых оружий, произведения скульптуры, которые свидетельствуют, что некогда просвещенные народы обитали в сих странах, где ныне кочуют лишь толпы диких звероловов.

Гумбольд. Vues des Cordilleres [2]

...Дорога тянулась между скал, поросших мохом. Лошади скользили, поднимаясь на крутизну, и наконец совсем остановились. Мы принуждены были выйти из коляски...

Тогда только мы заметили на вершине почти неприступного утеса нечто, имевшее вид человека. Это привидение, в черной епанче, сидело недвижно между грудами камней в глубоком безмолвии. Подойдя ближе к утесу, мы удивились, каким образом это существо могло взобраться на вышину почти по голым отвесным стенам. Почтальон на наши вопросы отвечал, что этот утес с некоторого времени служит обиталищем *черному человеку*, а в околодке говорили, что этот черный человек сходит редко с утеса, и только за пищею, потом снова возвращается на утес и по целым дням или бродит печально между камнями, или сидит недвижим, как статуя.

Сей рассказ возбудил наше любопытство. Почтальон указал нам узкую лестницу, которая вела на вершину. Мы дали ему несколько денег, чтобы за-

---

[1] Печатается с сокращениями.

[2] Виды Кордильеров (*фр.*).

ставить его ожидать нас спокойнее, и через несколько минут были уже на утесе.

Странная картина нам представилась. Утес был усеян обломками камней, имевшими вид развалин. Иногда причудливая рука природы или древнее незапамятное искусство растягивали их длинною чертою, в виде стены, иногда сбрасывали в груду обвалившегося свода. В некоторых местах обманутое воображение видело подобие перистилей; юные деревья в разных направлениях выказывались из-за обломков; повилика пробивалась между расселин и довершала очарование.

Шорох листьев заставил черного человека обернуться. Он встал, оперся на камень, имевший вид пьедестала, и смотрел на нас с некоторым удивлением, но без досады. Вид незнакомца был строг и величествен: в глубоких впадинах горели черные большие глаза; брови были наклонены, как у человека, привыкшего к беспрестанному размышлению; стан незнакомца казался еще величавее от черной епанчи, которая живописно струилась по левому плечу его и ниспадала на землю.

Мы старались извиниться, что нарушили его уединение...

— Правда...— сказал незнакомец после некоторого молчания,— я здесь редко вижу посетителей; люди живут, люди проходят... разительные зрелища остаются в стороне, люди идут дальше, дальше — пока сами не обратятся в печальное зрелище...

— Немудрено, что вас мало посещают,— возразил один из нас, чтоб завести разговор,— это место так уныло — оно похоже на кладбище.

— На кладбище...— прервал незнакомец,— да, это правда! — прибавил он горько.— Это правда — здесь могилы многих мыслей, многих чувств, многих воспоминаний...

— Вы, верно, потеряли кого-нибудь, очень дорогого вашему сердцу? — продолжал мой товарищ.

Незнакомец взглянул на него быстро; в глазах его выражалось удивление.

— Да, сударь,— отвечал он,— я потерял самое драгоценное в жизни — я потерял отчизну...

— Отчизну?..

— Да, отчизну! Вы видите ее развалины. Здесь, на самом этом месте, некогда волновались страсти, горела мысль, блестящие чертоги возносились к небу, сила искусства приводила природу в недоумение... Теперь остались одни камни, заросшие травою,— бедная отчизна! Я предвидел твое падение, я стенал на твоих распутиях: ты не услышала моего стона... и мне суждено было пережить тебя.— Незнакомец бросился на камень, скрывая лицо свое... Вдруг он вспрянул и старался оттолкнуть от себя камень, служивший ему подпорою.

— Опять ты предо мною,— вскричал он,— ты, вина всех бедствий моей отчизны,— прочь- прочь — мои слезы не согреют тебя, столб безжизненный... слезы бесполезны... бесполезны?.. Не правда ли?..— Незнакомец захохотал.

Желая дать другой оборот его мыслям, которые с каждою минутою становились для нас непонятнее, мой товарищ спросил незнакомца, как называлась страна, посреди развалин которой мы находились.

— У этой страны нет имени — она недостойна его; некогда она носила имя — имя громкое, славное, но она втоптала его в землю; годы засыпали его прахом; мне не позволено снимать завесу с этого таинства...

— Позвольте вас спросить,— продолжал мой товарищ,— неужели ни на одной карте не означена страна, о которой вы говорите?..

Этот вопрос, казалось, поразил незнакомца...

— Даже на карте...— повторил он после некоторого молчания,— да, это может быть... это должно так быть; так... посреди бесчисленных переворотов, *потрясавших Европу в последние века, легко может статься, что никто и не обратил внимание на небольшую колонию, поселившуюся на этом неприступном утесе;* она успела образоваться, процвесть и... погибнуть, незамеченная историками... но, впрочем... позвольте... это не то... она и не должна была быть замеченною; скорбь смешивает мои мысли, и ваши вопросы меня смущают... Если хотите... я вам расскажу историю этой страны по порядку... это мне будет легче... одно будет напоминать другое... только не перерывайте меня...

Незнакомец облокотился на пьедестал, как будто на кафедру, и с важным видом оратора начал так:

«Давно, давно — в XVIII столетии — все умы были взволнованы теориями общественного устройства; везде спорили о причинах упадка и благоденствия государств: и на площади, и на университетских диспутах, и в спальне красавиц, и в комментариях к древним писателям, и на поле битвы.

Тогда один молодой человек в Европе был озарен новою, оригинальною мыслию. Нас окружают, говорил он, тысячи мнений, тысячи теорий; все они имеют одну цель — благоденствие общества, и все противоречат друг другу. Посмотрим, нет ли чего-нибудь общего всем этим мнениям? Говорят о правах человека, о должностях: но что может заставить человека не переступать границ своего права? Что может заставить человека свято хранить свою должность? Одно — собственная его польза! Тщетно вы будете ослаблять права человека, когда к сохранению их влечет его собственная польза; тщетно вы будете доказывать ему святость его долга, когда он в противоречии с его пользою. Да, *польза* есть существенный двигатель всех действий человека! Что бесполезно — то вредно, что полезно — то позволено. Вот единственное твердое основание общества! Польза, и одна польза — да будет вашим и первым и последним законом! Пусть из нее происходить будут все ваши постановления, ваши занятия, ваши нравы; пусть польза заменит шаткие основания так называемой совести, так называемого врожденного чувства, все поэтические бредни, все вымыслы филантропов — и общество достигнет прочного благоденствия.

Так говорил молодой человек в кругу своих товарищей — и это был — мне не нужно называть его,— это был Бентам.

Блистательные выводы, построенные на столь твердом, положительном основании, воспламенили многих. Посреди старого общества нельзя было привести в исполнение обширную систему Бентама: тому противились и старые люди, и старые книги, и старые поверья. Эмиграции были в моде. Богачи, художники, купцы, ремесленники обратили свое имение в деньги, запаслись земледельческими орудиями, машинами, математическими инструментами,

сели на корабль и пустились отыскивать какой-нибудь незанятый уголок мира, где спокойно, вдали от мечтателей, можно было бы осуществить блистательную систему.

В это время гора, на которой мы теперь находимся, была окружена со всех сторон морем. Я еще помню, когда паруса наших кораблей развевались в гавани. Неприступное положение этого острова понравилось нашим путешественникам. Они бросили якорь, вышли на берег, не нашли на нем ни одного жителя и заняли землю по праву первого приобретателя.

Все, составлявшие эту колонию, были люди более или менее образованные, одаренные любовию к наукам и искусствам, отличавшиеся изысканностию вкуса, привычкою к изящным наслаждениям. Скоро земля была возделана; огромные здания, как бы сами собою, поднялись из нее; в них соединились все прихоти, все удобства жизни; машины, фабрики, библиотеки — все явилось с невыразимою быстротою. Избранный в правители лучший друг Бентама все двигал своею сильною волею и своим светлым умом. Замечал ли он где-нибудь малейшее ослабление, малейшую нерадивость — он произносил заветное слово: *польза* — и все по-прежнему приходило в порядок, поднимались ленивые руки, воспламенялась погасавшая воля; словом, колония процветала. Проникнутые признательностию к виновнику своего благоденствия, обитатели счастливого острова на главной площади своей воздвигнули колоссальную статую Бентама и на пьедестале золотыми буквами начертали: *польза*. Так протекли долгие годы. Ничто не нарушало спокойствия и наслаждений счастливого острова. В самом начале возродился было спор по предмету довольно важному. Некоторые из первых колонистов, привыкшие к вере отцов своих, находили необходимым устроить храм для жителей. Разумеется, что тотчас же возродился вопрос: полезно ли это? И многие утверждали, что храм не есть какое-либо мануфактурное заведение и что, следственно, не может приносить никакой ощутительной пользы. Но первые возражали, что храм необходим для того, дабы проповедники могли беспрестанно напоминать обитателям, что польза есть единственное основание нравственности и единственный закон для всех действий человека. С этим все согласились — и храм был устроен.

Колония процветала. Общая деятельность превосходила всякое вероятие. С раннего утра жители всех сословий поднимались с постели, боясь потерять понапрасну и малейшую частицу времени,— и всякий принимался за свое дело: один трудился над машиной, другой взрывал новую землю, третий пускал в рост деньги — едва успевали обедать. В обществах был один разговор — о том, из чего можно извлечь себе пользу? Появилось множество книг по сему предмету — что я говорю? Одни такого рода книги и выходили. Девушка вместо романа читала трактат о прядильной фабрике; мальчик лет двенадцати уже начинал откладывать деньги на составление капитала для торговых оборотов. В семействах не было ни бесполезных шуток, ни бесполезных рассеяний — каждая минута дня была разочтена, каждый поступок взвешен, и ничто даром не терялось. У нас не было минуты спокойствия, не было минуты того, что другие называли самонаслаждением,— жизнь беспрестанно двигалась, вертелась, трещала.

Некоторые из художников предложили устроить театр. Другие находили такое заведение совершенно бесполезным. Спор долго длился — но наконец решили, что театр может быть полезным заведением, если все представления на нем будут иметь целию доказать, что польза есть источник всех добродетелей и что бесполезное есть главная вина всех бедствий человечества. На этом условии театр был устроен.

Возникали многие подобные споры; но как государством управляли люди, обладавшие Бентамовою неотразимою диалектикою, то скоро прекращались ко всеобщему удовольствию. Согласие не нарушалось — колония процветала!

Восхищенные своим успехом, колонисты положили на вечные времена не переменять своих узаконений, как признанных на опыте последним совершенством, до которого человек может достигнуть. Колония процветала.

Так снова протекли долгие годы. Невдалеке от нас, также на необитаемом острове, поселилась другая колония. Она состояла из людей простых, из земледельцев, которые поселились тут не для осуществления какой-либо системы, но просто чтоб снискивать себе пропитание. То, что у нас производили энтузиазм и правила, которые мы сосали с молоком матерним, то у наших соседей производилось необходимостью жить и трудом безотчетным, но постоянным. Их нивы, луга были разработаны, и возвышенная искусством земля сторицею вознаграждала труд человека.

Эта соседняя колония показалась нам весьма удобным местом для так называемой эксплуатации; мы завели с нею торговые сношения, но, руководствуясь словом польза, мы не считали за нужное щадить наших соседей; мы задерживали разными хитростями провоз к ним необходимых вещей и потом продавали им свои втридорога; многие из нас, оградясь всеми законными формами, предприняли против соседей весьма удачные банкротства, от которых у них упали фабрики, что послужило в пользу нашим; мы ссорили наших соседей с другими колониями, помогали им в этих случаях деньгами, которые, разумеется, возвращались нам сторицею; мы завлекали их в биржевую игру и посредством искусных оборотов были постоянно в выигрыше; наши агенты жили у соседей безвыходно и всеми средствами: лестию, коварством, деньгами, угрозами — постоянно распространяли нашу монополию. Все наши богатели — колония процветала.

Когда соседи вполне разорились благодаря нашей мудрой, основательной политике, правители наши, собравши выборных людей, предложили им на разрешение вопрос: не будет ли полезно для нашей колонии уже совсем приобрести землю наших ослабевших соседей? Все отвечали утвердительно. За сим следовали другие вопросы: как приобрести эту землю, деньгами или силою? На этот вопрос отвечали, что сначала надобно испытать деньгами; а если это средство не удастся, то употребить силу. Некоторые из членов совета хотя и соглашались, что народонаселение нашей колонии требовало новой земли, но что, может быть, было бы согласно более с справедливостию занять какой-либо другой необитаемый остров, нежели посягать на чужую собственность. Но эти люди были признаны за вредных мечтателей, за идеологов: им доказано было посредством математической выкладки, во сколько раз более выгод может принести земля уже обработанная в сравнении с землею, до которой

еще не прикасалась рука человека. Решено было отправить к нашим соседям предложение об уступке нам земли их за известную сумму. Соседи не согласились... Тогда, приведя в торговый баланс издержки на войну с выгодами, которые можно было извлечь из земли наших соседей, мы напали на них вооруженною рукою, уничтожили все, что противопоставляло нам какое-либо сопротивление; остальных принудили откочевать в дальние страны, а сами вступили в обладание островом.

Так, по мере надобности, поступали мы и в других случаях. Несчастные обитатели окружных земель, казалось, разработывали их для того только, чтоб сделаться нашими жертвами. Имея беспрестанно в виду одну собственную пользу, мы почитали против наших соседей все средства дозволенными: и политические хитрости, и обман, и подкупы. Мы по-прежнему ссорили соседей между собою, чтоб уменьшить их силы; поддерживали слабых, чтоб противопоставить их сильным; нападали на сильных, чтоб восстановить против них слабых. Мало-помалу все окружные колонии, одна за другою, подпали под нашу власть — и Бентамия сделалась государством грозным и сильным. Мы величали себя похвалами за наши великие подвиги и нашим детям поставляли в пример тех достославных мужей, которые оружием, а тем паче обманом обогатили нашу колонию. Колония процветала.

Снова протекли долгие годы. Вскоре за покоренными соседями мы встретили других, которых покорение было не столь удобно. Тогда возникли у нас споры. Пограничные города нашего государства, получавшие важные выгоды от торговли с иноземцами, находили полезным быть с ними в мире. Напротив, жители внутренних городов, стесненные в малом пространстве, жаждали расширения пределов государства и находили весьма полезным затеять ссору с соседями — хоть для того, чтоб избавиться от излишка своего народонаселения. Голоса разделились. Обе стороны говорили об одном и том же: об общей пользе, не замечая того, что каждая сторона под этим словом понимала лишь свою собственную. Были еще другие, которые, желая предупредить эту распрю, заводили речь о самоотвержении, о взаимных уступках, о необходимости пожертвовать что-либо в настоящем для блага будущих поколений. Этих людей обе стороны засыпали неопровержимыми математическими выкладками; этих людей обе стороны назвали вредными мечтателями, идеологами; и государство распалось на две части: одна из них объявила войну иноземцам, другая заключила с ними торговый трактат.

Это раздробление государства сильно подействовало на его благоденствие. Нужда оказалась во всех классах; должно было отказать себе в некоторых удобствах жизни, обратившихся в привычку. Это показалось нестерпимым. Соревнование произвело новую промышленную деятельность, новое изыскание средств для приобретения прежнего достатка. Несмотря на все усилия, бентамиты не могли возвратить в свои домы прежней роскоши — и на то были многие причины. При так называемом благородном соревновании, при усиленной деятельности всех и каждого, между отдельными городами часто происходило то же, что между двумя частями государства. Противоположные выгоды встречались; один не хотел уступить другому: для одного города нужен был канал, для другого железная дорога; для одного в одном направлении, для

другого в другом. Между тем банкирские операции продолжались, но, сжатые в тесном пространстве, они необходимо, *по естественному ходу вещей*, должны были обратиться уже не на соседей, а на самих бентамитов; и торговцы, следуя нашему высокому началу — польза, принялись спокойно наживаться банкротствами, благоразумно задерживать предметы, *на которые было требование*, чтоб потом продавать их дорогою ценою; с основательностию заниматься биржевою игрою; под видом неограниченной, так называемой священной свободы торговли учреждать монополию. Одни разбогатели — другие разорились. Между тем никто не хотел пожертвовать частию своих выгод для общих, когда эти последние не доставляли ему непосредственной пользы; и каналы засорялись; дороги не оканчивались по недостатку общего содействия; фабрики, заводы упадали; библиотеки были распроданы; театры закрылись. Нужда увеличивалась и поражала равно всех, богатых и бедных. Она раздражала сердца; от упреков доходили до распрей; обнажались мечи, кровь лилась, восставала страна на страну, одно поселение на другое; земля оставалась незасеянною; богатая жатва истреблялась врагом; отец семейства, ремесленник, купец отрывались от своих мирных занятий; с тем вместе общие страдания увеличились.

В этих внешних и междуусобных бранях, которые то прекращались на время, то вспыхивали с новым ожесточением, протекло еще много лет. От общих и частных скорбей общим чувством сделалось общее уныние. Истощенные долгой борьбою, люди предались бездействию. Никто не хотел ничего предпринимать для будущего. Все чувства, все мысли, все побуждения человека ограничились настоящей минутой. Отец семейства возвращался в дом скучный, печальный. Его не тешили ни ласки жены, ни умственное развитие детей. Воспитание казалось излишним. Одно считалось нужным — правдою или неправдой добыть себе несколько вещественных выгод. Этому искусству отцы боялись учить детей своих, чтоб не дать им оружия против самих себя; да и было бы излишним; юный бентамит с ранних лет, из древних преданий, из рассказов матери научался одной науке: избегать законов божеских и человеческих и смотреть на них лишь как на одно из средств извлекать себе какую-нибудь выгоду. Нечему было оживить борьбу человека; нечему было утешить его в скорби. Божественный, одушевляющий язык поэзии был недоступен бентамиту. Великие явления природы не погружали его в ту беспечную думу, которая отторгает человека от земной скорби. Мать не умела завести песни над колыбелью младенца. Естественная поэтическая стихия издавна была умерщвлена корыстными расчетами пользы. Смерть этой стихии заразила все другие стихии человеческой природы; все отвлеченные, общие мысли, связывающие людей между собою, показались бредом; книги, знания, законы нравственности — бесполезною роскошью. От прежних славных времен осталось только одно слово — польза; но и то получило смысл неопределенный: его всякий толковал по-своему.

Вскоре раздоры возникли внутри самого главного нашего города. В его окрестностях находились богатые рудники каменного угля. Владельцы этих рудников получали от них богатый доход. Но от долгого времени и углубления копей они наполнились водой. Добывание угля сделалось трудным. Владельцы

рудников возвысили на него цену. Остальные жители внутри города по дороговизне не могли более иметь этот необходимый материал в достаточном количестве. Наступила зима; недостаток в угольe сделался еще более ощутительным. Бедные прибегнули к правительству. Правительство предложило средства вывести воду из рудников и тем облегчить добывание угля. Богатые воспротивились, доказывая неопровержимыми выкладками, что им выгоднее продавать малое количество за дорогую цену, нежели остановить работу для осушения копей. Начались споры, и кончилось тем, что толпа бедняков, дрожавших от холода, бросилась на рудники и овладела ими, доказывая с своей стороны так же неопровержимо, что им гораздо выгоднее брать уголь даром, нежели платить за него деньги.

Подобные явления повторялись беспрестанно. Они наводили сильное беспокойство на всех обитателей города, не оставляли их ни на площади, ни под домашним кровом. Все видели общее бедствие — и никто не знал, как пособить ему. Наконец, отыскивая повсюду вину своих несчастий, они вздумали, что причина находится в правительстве, ибо оно, хотя изредка, в своих воззваниях напоминало о необходимости помогать друг другу, жертвовать своею пользою пользе общей. Но уже все воззвания были поздны; все понятия в обществе перемешались; слова переменили значение; самая общая польза казалась уже мечтою; эгоизм был единственным, святым правилом жизни; безумцы обвиняли своих правителей в ужаснейшем преступлении — в поэзии. „Зачем нам эти философические толкования о добродетели, о самоотвержении, о гражданской доблести? Какие они приносят проценты? Помогите нашим существенным, положительным нуждам!" — кричали несчастные, не зная, что существенное зло было в их собственном сердце. „Зачем,— говорили купцы,— нам эти ученые и философы? Им ли править городом? Мы занимаемся настоящим делом; мы получаем деньги, мы платим, мы покупаем произведения земли, мы продаем их, мы приносим существенную пользу: мы должны быть правителями!" И все, в ком нашлась хотя искра божественного огня, были, как вредные мечтатели, изгнаны из города. Купцы сделались правителями, и правление обратилось в компанию на акциях. Исчезли все великие предприятия, которые не могли непосредственно принести какую-либо выгоду или которых цель неясно представлялась ограниченному, корыстному взгляду торговцев.

Государственная проницательность, мудрое предведение, исправление нравов — все, что не было направлено прямо к коммерческой цели, словом, что не могло приносить процентов, было названо — мечтами. Банкирский феодализм торжествовал. Науки и искусства замолкли совершенно; не являлось новых открытий, изобретений, усовершенствований. Умножившееся народонаселение требовало новых сил промышленности; а промышленность тянулась по старинной, избитой колее и не отвечала возрастающим нуждам.

Предстали пред человеком нежданные, разрушительные явления природы: бури, тлетворные ветры, мор, голод... униженный человек преклонял пред ними главу свою, а природа, не обузданная его властью, уничтожала одним дуновением плоды его прежних усилий. Все силы дряхлели в человеке. Даже честолюбивые замыслы, которые могли бы в будущем усилить торговую дея-

тельность, но в настоящем расстраивали выгоды купцов-правителей, были названы предрассудками. Обман, подлоги, умышленное банкрутство, полное презрение к достоинству человека, боготворение злата, угождение самым грубым требованиям плоти — стали делом явным, позволенным, необходимым. Религия сделалась предметом совершенно посторонним; нравственность заключилась в подведении исправных итогов; умственные занятия — изыскание средств обманывать без потери кредита; поэзия — баланс приходорасходной книги; музыка — однообразная стукотня машин; живопись — черчение моделей. Нечему было подкрепить, возбудить, утешить человека; негде было ему забыться хоть на мгновение. Таинственные источники духа иссякли; какая-то жажда томила,— а люди не знали, как и назвать ее. Общие страдания увеличились.

В это время на площади одного из городов нашего государства явился человек, бледный, с распущенными волосами, в погребальной одежде. „Горе,— восклицал он, посыпая прахом главу свою,— горе тебе, страна нечестия; ты избила своих пророков, и твои пророки замолкли! Горе тебе! Смотри, на высоком небе уже собираются грозные тучи; или ты не боишься, что огнь небесный ниспадет на тебя и пожжет твои веси и нивы? Или спасут тебя твои мраморные чертоги, роскошная одежда, груды злата, толпы рабов, твое лицемерие и коварство? Ты растлила свою душу, ты отдала свое сердце в куплю и забыла все великое и святое; ты смешала значение слов и назвала златом добро, добром — злато, коварство — умом и ум — коварством; ты презрела любовь, ты презрела науку ума и науку сердца. Падут твои чертоги, порвется твоя одежда, травою порастут твои стогны, и имя твое будет забыто. Я, последний из твоих пророков, взываю к тебе: брось куплю и злато, ложь и нечестие, оживи мысли ума и чувства сердца, преклони колени не пред алтарями кумиров, но пред алтарем бескорыстной любви... Но я слышу голос твоего огрубелого сердца; слова мои тщетно ударяют в слух твой: ты не покаешься — проклинаю тебя!" С сими словами говоривший упал ниц на землю. Полиция раздвинула толпу любопытных и отвела несчастного в сумасшедший дом. Через несколько дней жители нашего города в самом деле были поражены ужасною грозою. Казалось, все небо было в пламени; тучи разрывались светло-синею молниею; удары грома следовали один за другим беспрерывно; деревья вырывало с корнем; многие здания в нашем городе были разбиты громовыми стрелами. Но больше несчастий не было; только чрез несколько времени в „Прейскуранте", единственной газете, у нас издававшейся, мы прочли следующую статью:

„Мылом тихо. На партии бумажных чулок делают двадцать процентов уступки. Выбойка требуется.

P. S. Спешим уведомить наших читателей, что бывшая за две недели гроза нанесла ужасное повреждение на сто миль в окружности нашего города. Многие города сгорели от молнии. К довершению бедствий, в соседственной горе образовался волкан; истекшая из него лава истребила то, что было пощажено грозою. Тысячи жителей лишились жизни. К счастию остальных, застывшая лава представила им новый источник промышленности. Они отламывают разноцветные куски лавы и обращают их в кольца, серьги и другие украшения.

Мы советуем нашим читателям воспользоваться несчастным положением сих промышленников. По необходимости они продают свои произведения почти задаром, а известно, что все вещи, делаемые из лавы, могут быть перепроданы с большою выгодою и проч...“».

Наш незнакомец остановился.

«Что вам рассказывать более? Недолго могла продлиться наша искусственная жизнь, составленная из купеческих оборотов.

Протекло несколько столетий. За купцами пришли ремесленники. „Зачем,— кричали они,— нам этих людей, которые пользуются нашими трудами и, спокойно сидя за своим столом, наживаются? Мы работаем в поте лица; мы знаем труд; без нас они бы не могли существовать. Мы приносим существенную пользу городу — мы должны быть правителями!“ И все, в ком таилось хоть какое-либо общее понятие о предметах, были изгнаны из города; ремесленники сделались правителями — и правление обратилось в мастерскую. Исчезла торговая деятельность; ремесленные произведения наполнили рынки; не было центров сбыта; пути сообщения пресеклись от невежества правителей; искусство оборачивать капиталы утратилось; деньги сделались редкостью. Общие страдания умножились.

За ремесленниками пришли землепашцы. „Зачем,— кричали они,— нам этих людей, которые занимаются безделками — и, сидя под теплою кровлею, съедают хлеб, который мы вырабатываем в поте лица, ночью и днем, в холоде и в зное? Что бы они стали делать, если бы мы не кормили их своими трудами? Мы приносим существенную пользу городу; мы знаем его первые, необходимые нужды — мы должны быть правителями“. И все, кто только имел руку, не привыкшую к грубой земляной работе, все были изгнаны вон из города.

Подобные явления происходили с некоторыми изменениями и в других городах нашей земли. Изгнанные из одной страны, приходя в другую, находили минутное убежище; но ожесточившаяся нужда заставляла их искать нового. Гонимые из края в край, они собирались толпами и вооруженной рукою добывали себе пропитание. Нивы истаптывались конями; жатва истреблялась прежде созрения. Земледельцы принуждены были, для охранения себя от набегов, оставить свои занятия. Небольшая часть земли засевалась и, обрабатываемая среди тревог и беспокойств, приносила плод необильный. Предоставленная самой себе, без пособий искусства, она зарастала дикими травами, кустарником или заносилась морским песком. Некому было указать на могущественные пособия науки, долженствовавшие предупредить общие бедствия. Голод, со всеми его ужасами, бурной рекою разлился по стране нашей. Брат убивал брата остатком плуга и из окровавленных рук вырывал скудную пищу. Великолепные здания в нашем городе давно уже опустели; бесполезные корабли сгнивали в пристани. И странно и страшно было видеть возле мраморных чертогов, говоривших о прежнем величии, необузданную, грубую толпу, в буйном разврате споривщую или о власти, или о дневном пропитании! Землетрясения довершили начатое людьми: они опрокинули все памятники древних времен, засыпали пеплом; время заволокло их травою. От древних воспоминаний остался лишь один четвероугольный камень, на котором некогда возвышалась статуя Бентама. Жители удалились в леса, где ловля зве-

рей представляла им возможность снискивать себе пропитание. Разлученные друг от друга, семейства дичали; с каждым поколением терялась часть воспоминаний о прошедшем. Наконец, горе! я видел последних потомков нашей славной колонии, как они в суеверном страхе преклоняли колени пред пьедесталом статуи Бентама, принимая его за древнее божество, и приносили ему в жертву пленников, захваченных в битве с другими столь же дикими племенами. Когда я, указывая им на развалины их отчизны, спрашивал: какой народ оставил по себе эти воспоминания? — они смотрели на меня с удивлением и не понимали моего вопроса. Наконец погибли и последние остатки нашей колонии, удрученные голодом, болезнями или истребленные хищными зверями. От всей отчизны остался этот безжизненный камень, и один я над ним плачу и проклинаю. Вы, жители других стран, вы, поклонники злата и плоти, поведайте свету повесть о моей несчастной отчизне... а теперь удалитесь и не мешайте моим рыданиям».

Незнакомец с ожесточением схватился за четвероугольный камень и, казалось, всеми силами старался повергнуть его на землю...

Мы удалились.

Приехав на другую станцию, мы старались от трактирщика собрать какие-либо сведения о говорившем с нами отшельнике.

— О! — отвечал нам трактирщик.— Мы знаем его. Несколько времени тому назад он объявил желание сказать проповедь на одном из наших митингов. Мы все обрадовались, особливо наши жены, и собрались послушать проповедника, думая, что он человек порядочный; а он с первых слов начал нас бранить, доказывать, что мы самый безнравственный народ в целом свете, что банкрутство есть вещь самая бессовестная, что человек не должен думать беспрестанно об увеличении своего богатства, что мы непременно должны погибнуть... и прочие, тому подобные, предосудительные вещи. Наше самолюбие не могло стерпеть такой обиды национальному характеру — и мы выгнали оратора за двери. Это его, кажется, тронуло за живое; он помешался, скитается из стороны в сторону, останавливает проходящих и каждому читает отрывки из сочиненной им для нас проповеди.

ПОСЛЕДНЕЕ САМОУБИЙСТВО [1]

Наступило время, предсказанное философами XIX века: род человеческий размножился; потерялась соразмерность между произведениями природы и потребностями человечества. Медленно, но постоянно приближалось оно к сему бедствию. Гонимые нищетою, жители городов бежали в поля, поля обращались в селы, селы в города, а города нечувствительно раздвигали свои границы; тщетно человек употреблял все знания, приобретенные потовыми трудами веков, тщетно к ухищрениям искусства присоединял ту могущест-

[1] Печатается с сокращениями.

венную деятельность, которую порождает роковая необходимость,— давно уже аравийские песчаные степи обратились в плодоносные пажити; давно уже льды севера покрылись туком земли; неимоверными усилиями химии искусственная теплота живила царство вечного хлада... но все тщетно: протекли века, и животная жизнь вытеснила растительную, слились границы городов, и весь земной шар от полюса до полюса обратился в один обширный, заселенный город, в который перенеслись вся роскошь, все болезни, вся утонченность, весь разврат, вся деятельность прежних городов; но над роскошным градом вселенной тяготела страшная нищета, и усовершенные способы сообщения разносили во все концы шара лишь вести об ужасных явлениях голода и болезней; еще возвышались здания; еще нивы в несколько ярусов, освещенные искусственным солнцем, орошаемые искусственною водою, приносили обильную жатву,— но она исчезала прежде, нежели успевали собирать ее: на каждом шагу, в каналах, реках, воздухе — везде теснились люди, все кипело жизнию, но жизнь умерщвляла сама себя. Тщетно люди молили друг у друга средства воспротивиться всеобщему бедствию: старики воспоминали о протекшем, обвиняли во всем роскошь и испорченность нравов; юноши призывали в помощь силу ума, воли и воображения; мудрейшие искали средства продолжать существование без пищи, и над ними никто не смеялся.

Скоро здания показались человеку излишнею роскошью; он зажигал дом свой и с дикою радостию утучнял землю пеплом своего жилища; погибли чудеса искусства, произведения образованной жизни, обширные книгохранилища, больницы — все, что могло занимать какое-либо пространство,— и вся земля обратилась в одну обширную, плодоносную пажить.

Но ненадолго возбудилась надежда; тщетно заразительные болезни летали из края в край и умерщвляли жителей тысячами; сыны Адамовы, пораженные роковыми словами Писания, росли и множились.

Давно уже исчезло все, что прежде составляло счастие и гордость человека. Давно уже погас божественный огонь искусства, давно уже и философия, и религия отнесены были к разряду алхимических знаний; с тем вместе разорвались все узы, соединявшие людей между собою, и, чем более нужда теснила их друг к другу, тем более чувства их разлучались. Каждый в собрате своем видел врага, готового отнять у него последнее средство для бедственной жизни: отец с рыданием узнавал о рождении сына; дочери прядали при смертном одре матери; но чаще мать удушала дитя свое при его рождении, и отец рукоплескал ей. Самоубийцы внесены были в число героев. Благотворительность сделалась вольнодумством, насмешка над жизнию — обыкновенным приветствием, любовь — преступлением.

Вся утонченность законоискусства была обращена на то, чтобы воспрепятствовать совершению браков; малейшее подозрение в родстве, неравенство в летах, всякое удаление от обряда делало брак ничтожным и бездною разделяло супругов. С рассветом каждого дня люди, голодом подымаемые с постели, тощие, бледные, сходились и обвиняли друг друга в пресыщении или упрекали мать многочисленного семейства в распутстве; каждый думал видеть в собрате общего врага своего, недосягаемую причину жизни, и все словами отчаяния вызывали на брань друг друга: мечи обнажались, кровь лилась, и никто

не спрашивал о причине брани, никто не разнимал враждующих, никто не помогал упавшему.

Однажды толпа была раздвинута другою, которая гналась за молодым человеком; его обвиняли в ужасном преступлении: он спас от смерти человека, в отчаянии бросившегося в море; нашлись еще люди, которые хотели вступиться за несчастного. «Что вы защищаете человеконенавистника? — вскричал один из толпы.— Он эгоист, он любит одного себя!» Одно это слово устранило защитников, ибо эгоизм тогда был общим чувством; он производил в людях невольное презрение к самим себе, и они рады были наказать в другом собственное свое чувство. «Он эгоист,— продолжал обвинитель,— он нарушитель общего спокойствия, он в своей землянке скрывает жену, а она сестра его в пятом колене!» «В пятом колене!» — завопила разъяренная толпа.

— Это ли дело друга? — промолвил несчастный.

— Друга? — возразил с жаром обвинитель.— А с кем ты несколько дней тому назад,— прибавил он шопотом,— не со мною ли ты отказал поделиться своей пищею?

— Но мои дети умирали с голоду,— сказал в отчаянии злополучный.

— Дети! дети! — раздалось со всех сторон.— У него есть дети! Его беззаконные дети съедают хлеб наш! — И, предводимая обвинителем, толпа ринулась к землянке, где несчастный скрывал от взоров толпы все драгоценное ему в жизни. Пришли, ворвались — на голой земле лежали два мертвых ребенка, возле них мать; ее зубы стиснули руку грудного младенца. Отец вырвался из толпы, бросился к трупам, и толпа с хохотом удалилась, бросая в него грязь и каменья.

* * *

Мрачное, ужасное чувство зародилось в душе людей. Этого чувства не умели бы назвать в прежние веки; тогда об этом чувстве могли дать слабое понятие лишь ненависть отверженной любви, лишь цепенение верной гибели, лишь бессмыслие терзаемого пыткою; но это чувство не имело предмета. Теперь ясно все видели, что жизнь для человека сделалась невозможною, что все средства для ее поддержания были истощены,— но никто не решался сказать, что оставалось предпринять человеку? Вскоре между толпами явились люди — они, казалось, с давнего времени вели счет страданиям человека — и в итоге выводили все его существование. Обширным, адским взглядом они обхватывали минувшее и преследовали жизнь с самого ее зарождения. Они вспоминали, как она, подобно татю, закралась сперва в темную земляную глыбу и там, посреди гранита и гнейса, мало-помалу, истребляя одно вещество другим, развила новые произведения, более совершенные; потом на смерти одного растения она основала существование тысячи других; истреблением растений она размножила животных; с каким коварством она приковала к страданиям одного рода существ наслаждения, самое бытие другого рода! Они вспоминали, как, наконец, честолюбивая, распространяя ежечасно свое владычество, она все более и более умножала раздражительность чувствования — и беспрестанно, в каждом новом существе, прибавляя к новому совер-

шенству новый способ страдания, достигла наконец до человека, в душе его развернулась со всею своею безумною деятельностию и счастие всех людей восставила против счастия каждого человека. Пророки отчаяния с математическою точностию измеряли страдание каждого нерва в теле человека, каждого ощущения в душе его. «Вспомните,— говорили они,— с каким лицемерием неумолимая жизнь вызывает человека из сладких объятий ничтожества. Она закрывает все чувства его волшебною пеленою при его рождении, она боится, чтобы человек, увидев все безобразие жизни, не отпрянул от колыбели в могилу. Нет! коварная жизнь является ему сперва в виде теплой материнской груди, потом порхает перед ним бабочкою и блещет ему в глаза радужными цветами; она печется о его сохранении и совершенном устройстве его души, как некогда мексиканские жрецы пеклись о жертвах своему идолу; дальновидная, она дарит младенца мягкими членами, чтоб случайное падение не сделало человека менее способным к терзанию; несколькими покровами рачительно закрывает его голову и сердце, чтоб вернее сберечь в них орудия для будущей пытки; и несчастный привыкает к жизни, начинает любить ее: она то улыбается ему прекрасным образом женщины, то выглядывает на него из-под длинных ресниц ее, закрывая собою безобразные впадины черепа, то дышит в горячих речах ее; то в звуках поэзии олицетворяет все несуществующее; то жаждущего приводит к пустому кладезю науки, который кажется неисчерпаемым источником наслаждений. Иногда человек, прорывая свою пелену, мельком видит безобразие жизни, но она предвидела это и заранее зародила в нем любопытство увериться в самом ее безобразии, узнать ее; заранее поселила в человеке гордость видом бесконечного царства души его, и человек, завлеченный, упоенный, незаметно достигает той минуты, когда все нервы его тела, все чувства его души, все мысли его ума — во всем блеске своего развития спрашивают: где же место их деятельности, где исполнение надежд, где цель жизни? Жизнь лишь ожидала этого мгновения — быстро повергает она страдальца на плаху: сдергивает с него благодетельную пелену, которую подарила ему при рождении, и, как искусный анатом, обнажив нервы души его,— обливает их жгучим холодом.

Иногда от взоров толпы жизнь скрывает свои избранные жертвы; в тиши, с рачением воскормляет их таинственною пищею мыслей, острит их ощущения; в их скудельную грудь вмещает всю безграничную свою деятельность — и, возвысив до небес дух их, жизнь с насмешкою бросает их в средину толпы; здесь они чужеземцы — никто не понимает языка их,— нет их привычной пищи — терзаемые внутренним гладом, заключенные в оковы общественных условий, они измеряют страдание человека всею возвышенностию своих мыслей, всею раздражительностию чувств своих; в своем медленном томлении перечувствуют томление всего человечества — тщетно рвутся они к своей мнимой отчизне,— они издыхают, разуверившись в вере целого бытия своего, и жизнь, довольная, но не насыщенная их страданиями, с презрением бросает на их могилу бесплодный фимиам позднего благоговения.

Были люди, которые рано узнавали коварную жизнь — и, презирая ее обманчивые призраки, с твердостию духа рано обращались они к единственному верному и неизменному союзнику их против ее ухищрений — ничтожеству.

В древности слабоумное человечество называло их малодушными; мы, более опытные, менее способные обманываться, назвали их мудрейшими. Лишь они умели найти надежное средство против врага человечества и природы, против неистовой жизни; лишь они постигли, зачем она дала человеку так много средств чувствовать и так мало способов удовлетворять своим чувствам. Лишь они умели положить конец ее злобной деятельности и разрешить давний спор об алхимическом камне.

В самом деле, размыслите хладнокровно, продолжали несчастные, что делал человек от Сотворения мира?.. Он старался избегнуть от жизни, которая угнетала его своею существенностию. Она вогнала человека свободного, уединенного, в свинцовые условия общества, и что же? человек несчастия одиночества заменил страданиями другого рода, может быть ужаснейшими; он продал обществу, как злому духу, блаженство души своей за спасение тела. Чего не выдумывал человек, чтоб украсить жизнь или забыть о ней?! Он употребил на это всю природу, и тщетно в языке человеческом забывать о жизни — сделалось однозначительным с выражением: быть счастливым; эта мечта невозможная; жизнь ежеминутно напоминает о себе человеку. Тщетно он заставлял другого в кровавом поте лица отыскивать ему даже тени наслаждений — жизнь являлась в образе пресыщения, ужаснейшем самого голода. В объятиях любви человек хотел укрыться от жизни, а она являлась ему под именами преступлений, вероломства и болезней. Вне царства жизни человек нашел что-то невыразимое, какое-то облако, которое он назвал поэзиею, философией,— в этих туманах он хотел спастись от глаз своего преследователя, а жизнь обратила этот утешительный призрак в грозное, тлетворное привидение. Куда же еще укрыться от жизни? Мы переступили за пределы самого невыразимого! Чего ждать еще более? Мы исполнили, наконец, все мечты и ожидания мудрецов, нас предшествовавших. Долгим опытом уверились мы, что все различие между людьми есть только различие страданий,— и достигли, наконец, до того равенства, о котором так толковали наши предки. Смотрите, как мы блаженствуем: нет между нами ни властей, ни богачей, ни машин; мы тесно и очень тесно соединены друг с другом, мы члены одного семейства! О люди! люди! не будем подражать нашим предкам, не дадимся в обман,— есть царство иное, безмятежное,— оно близко, близко!»

Тиха была речь пророков отчаяния — она впивалась в душу людей, как семя в разрыхленную землю, и росла, как мысль, давно уже развившаяся в глубоком уединении сердца. Всем понятна и сладка была она — и всякому хотелось договорить ее. Но, как во всех решительных эпохах человечества, недоставало избранного, который бы вполне выговорил мысль, крывшуюся в душе человека.

Наконец, явился он, мессия отчаяния! Хладен был взор его, громок голос, и от слов его мгновенно исчезали последние развалины древних поверий. Быстро вымолвил он последнее слово последней мысли человечества — и все пришло в движение — призваны были все усилия древнего искусства, все древние успехи злобы и мщения, все, что когда-либо могло умерщвлять человека, и своды пресеклись под легким слоем земли, и искусством утонченная селитра, сера и уголь наполнили их от конца экватора до другого. В уреченный, тор-

жественный час люди исполнили, наконец, мечтанья древних философов об общей семье и общем согласии человечества, с дикою радостию взялись за руки; громовой упрек выражался в их взоре. Вдруг из-под глыбы земли явилась юная чета, недавно пощаженная неистовою толпою; бледные, истощенные, как тени мертвецов, они еще сжимали друг друга в объятиях. «Мы хотим жить и любить посреди страданий»,— восклицали они и на коленях умоляли человечество остановить минуту его отмщения; но это мщение было возлелеяно вековыми щедротами жизни; в ответ раздался грозный хохот, то был условленный знак — в одно мгновение блеснул огонь; треск распадавшегося шара потряс Солнечную систему; разорванные громады Альпов и Шимборазо взлетели на воздух, раздались несколько стонов... еще... пепел возвратился на землю... и все утихло... и **вечная** жизнь впервые раскаялась!..

* * *

Предшедший отрывок написан сочинителем незадолго пред его кончиною; к счастию, он не остался в этом неестественном состоянии души. В последнем отрывке видно воздействие религиозного чувства; этот отрывок, повидимому, написан в сильном волнении духа, напоминает библейские выражения, вероятно тогда читанные автором, и написан рукою почти неразбираемою; во многих местах не дописаны слова, и, кажется, недостает окончания.

1844

Владимир Сергевич Соловьев (1853—1900) — русский философ, богослов, поэт, публицист, литературный критик; почетный академик Императорской Академии наук по разряду изящной словесности. Стоял у истоков русского «духовного возрождения» начала XX века.

Владимир Соловьев — один из самых заметных русских поэтов 1880—1890-х годов, Считается одним из предтеч русского символизма 1900-х годов, во многом на него ориентировались Александр Блок и Вячеслав Иванов.

«Краткая повесть об Антихристе» — одно из самых известных произведений Соловьева-философа. В центре повествования — приход к власти на земле Антихриста.

Владимир Соловьев

КРАТКАЯ ПОВЕСТЬ ОБ АНТИХРИСТЕ [1]

Панмонголизм! Хоть имя дико,
Но мне ласкает слух оно,
Как бы предвестием великой
Судьбины Божией полно...

Дама. Откуда этот эпиграф?
Г-н Z. Я думаю, что это автор повести сам сочинил.
Дама. Ну, читайте.
Г-н Z (читает):

XX век по Р. Х. был эпохою последних великих войн, междоусобий и переворотов. Самая большая из внешних войн имела своею отдаленною причиною возникшее еще в конце XIX века в Японии умственное движение *панмонголизма.* Подражательные японцы, с удивительною быстротою и успешностью перенявши вещественные формы европейской культуры, усвоили также и некоторые европейские идеи низшего порядка. Узнав из газет и из исторических учебников о существовании на Западе панэллинизма, пангерманизма, панславизма, панисламизма, они провозгласили великую идею панмонголизма, т. е. собрание воедино, под своим главенством, всех народов Восточной Азии с целью решительной борьбы против чужеземцев, т. е. европейцев. Воспользовавшись тем, что Европа была занята последнею решительною борьбою с *мусульманским* миром в начале XX века, они приступили к осуществлению великого плана — сперва занятием Кореи, а затем и Пекина, где они с помощью прогрессивной китайской партии низвергли старую маньчжурскую династию и посадили на ее место японскую. С этим скоро примирились и китайские консерваторы. Они поняли, что из двух зол лучше

[1] Печатается с сокращениями.

выбрать меньшее и что свой своему поневоле брат. *Государственная* самостоятельность старого Китая все равно была не в силах держаться, и неизбежно было подчиниться или европейцам, или японцам. Но ясно было, что владычество японцев, упраздняя внешние формы китайской государственности, оказавшиеся притом очевидно никуда не годными, не касалось внутренних начал национальной жизни, тогда как преобладание европейских держав, поддерживавших ради политики христианских миссионеров, грозило глубочайшим духовным устоям Китая. Прежняя национальная ненависть китайцев к японцам выросла тогда, когда ни те ни другие не знали европейцев, перед лицом которых эта вражда двух сродных наций становилась междоусобием, теряла смысл. Европейцы были *вполне* чужие, *только* враги, и их преобладание ничем не могло льстить племенному самолюбию, тогда как в руках Японии китайцы видели сладкую приманку панмонголизма, который вместе с тем оправдывал в их глазах и печальную неизбежность внешней европеизации. «Поймите, упрямые братья,— твердили японцы,— что мы берем у западных собак их оружие не из пристрастия к ним, а для того, чтобы бить их этим же оружием. Если вы соединитесь с нами и примете наше практическое руководство, то мы скоро не только изгоним белых дьяволов из нашей Азии, но завоюем и их собственные страны и оснуем настоящее Срединное царство надо всею вселенною. Вы правы в своей народной гордости и в своем презрении к европейцам, но вы напрасно питаете эти чувства одними мечтаниями, а не разумною деятельностью. В ней мы вас опередили и должны вам показывать пути общей пользы. А не то смотрите сами, что вам дала ваша политика самоуверенности и недоверия к нам — вашим естественным друзьям и защитникам: Россия и Англия, Германия и Франция чуть не поделили вас между собою без остатка, и все ваши тигровые затеи показали только бессильный кончик змеиного хвоста». Рассудительные китайцы находили это основательным, и японская династия прочно утвердилась. Первою ее заботою было, разумеется, создание могучей армии и флота. Большая часть военных сил Японии была переведена в Китай, где составила кадры новой огромной армии. Японские офицеры, говорившие по-китайски, действовали как инструкторы гораздо успешнее отстраненных европейцев, а в бесчисленном населении Китая с Маньчжурией, Монголией и Тибетом нашлось достаточно пригодного боевого материала. Уже первый богдыхан из японской династии мог сделать удачную пробу оружия обновленной империи, вытеснив французов из Тонкина и Сиама, а англичан из Бирмы и включивши в Срединную империю весь Индокитай. Преемник его, по матери китаец, соединявший в себе китайскую хитрость и упругость с японскою энергией, подвижностью и предприимчивостью, мобилизирует в китайском Туркестане четырехмиллионную армию, и, в то время как Цун Лиямынь конфиденциально сообщил русскому послу, что эта армия предназначена для завоевания Индии, богдыхан вторгается в нашу Среднюю Азию и, поднявши здесь все население, быстро двигается через Урал и наводняет своими полками всю Восточную и Центральную Россию, тогда как наскоро мобилизуемые русские войска частями спешат из Польши и Литвы, Киева и Волыни, Петербурга и Финляндии. При отсутствии предварительного плана войны и при огромном

численном перевесе неприятеля боевые достоинства русских войск позволяют им только гибнуть с честью. Быстрота нашествия не оставляет времени для должной концентрации, и корпуса истребляются один за другим в ожесточенных и безнадежных боях. И монголам это достается недешево, но они легко пополняют свою убыль, завладевши всеми азиатскими железными дорогами, в то время как двухсоттысячная русская армия, давно собранная у границ Маньчжурии, делает неудачную попытку вторжения в хорошо защищенный Китай. Оставив часть своих сил в России, чтобы мешать формированию новых войск, а также для преследования размножившихся партизанских отрядов, богдыхан тремя армиями переходит границы Германии. Здесь успели подготовиться, и одна из монгольских армий разбита наголову. Но в это время во Франции берет верх партия запоздалого реванша, и скоро в тылу у немцев оказывается миллион вражьих штыков. Попав между молотом и наковальней, германская армия принуждена принять почетные условия разоружения, предложенные богдыханом. Ликующие французы, братаясь с желтолицыми, рассыпаются по Германии и скоро теряют всякое представление о военной дисциплине. Богдыхан приказывает своим войскам перерезать ненужных более союзников, что исполняется с китайскою аккуратностью. В Париже происходит восстание рабочих sans patrie [1], и столица западной культуры радостно отворяет ворота владыке Востока. Удовлетворив своему любопытству, богдыхан отправляется в приморскую Булонь, где под прикрытием флота, подошедшего из Тихого океана, готовятся транспортные суда, чтобы переправить его войска в Великобританию. Но ему нужны деньги, и англичане откупаются миллиардом фунтов. Через год все европейские государства признают свою вассальную зависимость от богдыхана, и, оставив в Европе достаточное оккупационное войско, он возвращается на Восток и предпринимает морские походы в Америку и Австралию. Полвека длится новое монгольское иго над Европой. Со стороны внутренней эта эпоха знаменуется повсюдным смешением и глубоким взаимнопроникновением европейских и восточных идей, повторением en grand [2] древнего александрийского синкретизма; а в практических областях жизни наиболее характерными становятся три явления: широкий наплыв в Европу китайских и японских рабочих и сильное обострение вследствие этого социально-экономического вопроса; продолжающийся со стороны правящих классов ряд паллиативных опытов решения этого вопроса и усиленная международная деятельность тайных общественных организаций, образующих обширный всеевропейский заговор с целью изгнания монголов и восстановления европейской независимости. Этот колоссальный заговор, в котором принимали участие и местные национальные правительства, насколько это было возможно при контроле богдыханских наместников, мастерски подготовлен и удается блестящим образом. В назначенный срок начинается резня монгольских солдат, избиение и изгнание азиатских рабочих. По всем местам открываются тайные кадры европейских войск и по задолго составленному подробнейшему плану происходит все-

[1] Здесь — эмигрантов (*фр.*).

[2] В большом масштабе (*фр.*).

общая мобилизация. Новый богдыхан, внук великого завоевателя, поспешает из Китая в Россию, но здесь его несметные полчища наголову разбиты всеевропейскою армией. Их рассеянные остатки возвращаются в глубь Азии, и Европа становится свободною. Если полувековое подчинение азиатским варварам произошло вследствие разъединения государств, думавших только о своих отдельных национальных интересах, то великое и славное освобождение достигнуто международною организацией соединенных сил всего европейского населения. Естественным следствием этого очевидного факта оказывается то, что старый, традиционный строй отдельных наций повсюду теряет значение и почти везде исчезают последние остатки старых монархических учреждений. Европа в XXI веке представляет союз более или менее демократических государств — Европейские Соединенные Штаты. Успехи внешней культуры, несколько задержанные монгольским нашествием и освободительною борьбою, снова пошли ускоренным ходом. А предметы внутреннего сознания — вопросы о жизни и смерти, об окончательной судьбе мира и человека,— осложненные и запутанные множеством новых физиологических и психологических исследований и открытий, остаются по-прежнему без разрешения. Выясняется только один важный отрицательный результат: решительное падение теоретического материализма. Представление о вселенной как о системе пляшущих атомов и о жизни как результате механического накопления мельчайших изменений вещества — таким представлением не удовлетворяется более ни один мыслящий ум. Человечество навсегда переросло эту ступень философского младенчества. Но ясно становится, с другой стороны, что оно также переросло и младенческую способность наивной, безотчетной веры. Таким понятиям, как Бог, *сделавший* мир *из ничего,* и т. д., перестают уже учить и в начальных школах. Выработан некоторый общий повышенный уровень представлений о таких предметах, ниже которого не может опускаться никакой догматизм. И если огромное большинство мыслящих людей остается вовсе не верующими, то немногие верующие все по необходимости становятся и *мыслящими,* исполняя предписание апостола: будьте младенцами по сердцу, но не по уму.

Был в это время между немногими верующими-спиритуалистами один замечательный человек — многие называли его сверхчеловеком,— который был одинаково далек как от умственного, так и от сердечного младенчества. Он был еще юн, но благодаря своей высокой гениальности к тридцати трем годам широко прославился как великий мыслитель, писатель и общественный деятель. Сознавая в самом себе великую силу духа, он был всегда убежденным спиритуалистом, и ясный ум всегда указывал ему истину того, во что должно верить: добро, Бога, Мессию. В это он *верил,* но *любил* он только *одного себя.* Он верил в Бога, но в глубине души невольно и безотчетно предпочитал Ему себя. Он верил в Добро, но всевидящее око Вечности знало, что этот человек преклонится перед злою силою, лишь только она подкупит его — не обманом чувств и низких страстей и даже не высокою приманкой власти, а чрез одно безмерное самолюбие. Впрочем, это самолюбие не было ни безотчетным инстинктом, ни безумным притязанием. Помимо исключительной гениальности, красоты и благородства высочайшие проявления воздержания, беско-

рыстия и деятельной благотворительности, казалось, достаточно оправдывали огромное самолюбие великого спиритуалиста, аскета и филантропа. И обвинять ли его за то, что, столь обильно снабженный дарами Божиими, он увидел в них особые знаки исключительного благоволения к нему свыше и счел себя вторым по Боге, единственным в своем роде Сыном Божиим. Одним словом, он признал себя тем, чем в действительности был Христос. Но это сознание своего высшего достоинства на деле определилось в нем не как его нравственная обязанность к Богу и миру, а как его право и преимущество перед другими, и прежде всего перед Христом. У него не было первоначально вражды и к Иисусу. Он признавал Его мессианское значение и достоинство, но он искренно видел в Нем лишь своего величайшего предшественника — нравственный подвиг Христа и Его абсолютная единственность были непонятны для этого омраченного самолюбием ума. Он рассуждал так: «Христос пришел раньше меня; я являюсь вторым; но ведь то, что в порядке времени является после, то по существу первее. Я прихожу последним, в конце истории именно потому, что я совершенный, окончательный спаситель. Тот Христос — мой предтеча, Его призвание было — предварить и подготовить мое явление». И в этой мысли великий человек XXI века будет применять к себе все, что сказано в Евангелии о втором пришествии, объясняя это пришествие не как возвращение того же Христа, а как замещение предварительного Христа окончательным, то есть им самим.

На этой стадии грядущий человек представляет еще немного характерного и оригинального. Ведь подобным же образом смотрел на свое отношение к Христу, например, Мухаммед, человек правдивый, которого ни в каком злом умысле нельзя обвинить.

Самолюбивое предпочтение себя Христу будет оправдываться у этого человека еще таким рассуждением: «Христос, проповедуя и в жизни своей проявляя нравственное добро, был *исправителем* человечества, я же призван быть *благодетелем* этого отчасти исправленного, отчасти неисправимого человечества. Я дам всем людям все, что нужно. Христос, как моралист, разделял людей добром и злом, я соединю их благами, которые одинаково нужны и добрым, и злым. Я буду настоящим представителем того Бога, который возводит солнце свое над добрыми и злыми, дождит на праведных и неправедных. Христос принес меч, я принесу мир. Он грозил земле страшным последним судом. Но ведь последним судьею буду я, и суд мой будет не судом правды только, а судом милости. Будет и правда в моем суде, но не правда воздаятельная, а правда распределительная. Я всех различу и каждому дам то, что ему нужно».

И вот в этом прекрасном расположении ждет он какого-нибудь ясного призыва Божия к делу нового спасения человечества, какого-нибудь явного и поразительного свидетельства, что он есть старший Сын, возлюбленный первенец Божий. Ждет и питает свою самость сознанием своих сверхчеловеческих добродетелей и дарований — ведь это, как сказано, человек безупречной нравственности и необычайной гениальности.

Ждет горделивый праведник высшей санкции, чтобы начать свое спасение человечества,— и не дождется. Ему уж минуло тридцать лет, проходят еще три

года. И вот мелькает в его уме и до мозга костей горячею дрожью пронизывает его мысль: «А если?.. А вдруг не я, а Тот... галилеянин... Вдруг Он не предтеча мой, а настоящий, первый и последний? Но ведь тогда Он должен быть *жив*... Где же Он?.. Вдруг Он придет ко мне... сейчас, сюда... Что я скажу Ему? Ведь я должен буду склониться перед Ним, как последний глупый христианин, как русский мужик какой-нибудь, бессмысленно бормотать: „Господи Сусе Христе, помилуй мя грешнаго", или, как польская баба, растянуться *кжижем?* Я, светлый гений, сверхчеловек. Нет, никогда!» И тут же на место прежнего разумного холодного уважения к Богу и Христу зарождается и растет в его сердце сначала какой-то ужас, а потом жгучая и все его существо сжимающая и стягивающая *зависть* и яростная, захватывающая дух ненависть. «Я, я, а не Он! Нет Его в живых, нет и не будет. Не воскрес, не воскрес, не воскрес! Сгнил, сгнил в гробнице, сгнил, как последняя...» И с пенящимся ртом, судорожными прыжками выскакивает он из дому, из саду и в глухую черную ночь бежит по скалистой тропинке... Ярость утихла и сменилась сухим и тяжелым, как эти скалы, мрачным, как эта ночь, отчаянием. Он остановился у отвесного обрыва и услышал далеко внизу смутный шум бегущего по камням потока. Нестерпимая тоска давила его сердце. Вдруг в нем что-то шевельнулось. «Позвать Его, спросить, что мне делать?» И среди темноты ему представился кроткий и грустный образ. «Он меня жалеет... Нет, никогда! Не воскрес, не воскрес!» — И он бросился с обрыва. Но что-то упругое, как водяной столб, удержало его в воздухе, он почувствовал сотрясение, как от электрического удара, и какая-то сила отбросила его назад. На миг он потерял сознание и очнулся стоящим на коленях в нескольких шагах от обрыва. Перед ним обрисовалась какая-то светящаяся фосфорическим туманным сиянием фигура, и из нее два глаза нестерпимым острым блеском пронизывали его душу...

Видит он эти два пронзительные глаза и слышит не то внутри себя, не то снаружи какой-то странный голос, глухой, точно сдавленный, и вместе с тем отчетливый, металлический и совершенно бездушный, вроде как из фонографа. И этот голос говорит ему: «Сын мой возлюбленный, в тебе все мое благоволение. Зачем ты не взыскал меня? Зачем почитал того, дурного, и отца его? Я бог и отец твой. А тот нищий, распятый — мне и тебе чужой. У меня нет другого сына, кроме тебя. Ты единственный, единородный, равный со мной. Я люблю тебя и ничего от тебя не требую. Ты и так прекрасен, велик, могуч. Делай твое дело во имя *твое,* не мое. У меня нет зависти к тебе. Я люблю тебя. Мне ничего не нужно от тебя. Тот, кого ты считал богом, требовал от своего сына послушания, и послушания беспредельного — до крестной смерти, и он не помог ему на кресте. Я ничего от тебя не требую, и я помогу тебе. Ради тебя самого, ради твоего собственного достоинства и превосходства и ради моей чистой, бескорыстной любви к тебе — я помогу тебе. Прими дух мой. Как прежде мой дух родил тебя в *красоте,* так теперь он рождает тебя в *силе*». И с этими словами неведомого уста сверхчеловека невольно разомкнулись, два пронзительные глаза совсем приблизились к лицу его, и он почувствовал, как острая ледяная струя вошла в него и наполнила все существо его. И с тем вместе он почувствовал небывалую силу, бодрость,

легкость и восторг. В тот же миг светящийся облик и два глаза вдруг исчезли, что-то подняло сверхчеловека над землею и разом опустило в его саду, у дверей дома.

На другой день не только посетители великого человека, но даже его слуги были изумлены его особенным, каким-то вдохновенным видом. Но они были бы еще более поражены, если бы могли видеть, с какою сверхъестественною быстротою и легкостью писал он, запершись в своем кабинете, свое знаменитое сочинение под заглавием: «Открытый путь к вселенскому миру и благоденствию».

Прежние книги и общественные действия сверхчеловека встречали строгих критиков, хотя это были большею частию люди особенно религиозные и потому лишенные всякого авторитета — ведь я о времени пришествия Антихриста говорю,— так что не многие их слушали, когда они указывали во всем, что писал и говорил «грядущий человек», признаки совершенно исключительного, напряженного самолюбия и самомнения при отсутствии истинной простоты, прямоты и сердечности.

Но своим новым сочинением он привлечет к себе даже некоторых из своих прежних критиков и противников. Эта книга, написанная после приключения на обрыве, покажет в нем небывалую прежде силу гения. Это будет что-то всеобъемлющее и примиряющее все противоречия. Здесь соединятся благородная почтительность к древним преданиям и символам с широким и смелым радикализмом общественно-политических требований и указаний, неограниченная свобода мысли с глубочайшим пониманием всего мистического, безусловный индивидуализм с горячею преданностью общему благу, самый возвышенный идеализм руководящих начал с полною определенностью и жизненностью практических решений. И все это будет соединено и связано с таким гениальным художеством, что всякому одностороннему мыслителю или деятелю легко будет видеть и принять целое лишь под своим частным наличным углом зрения, ничем не жертвуя для *самой истины,* не возвышаясь для нее действительно над своим *я,* нисколько не отказываясь *на деле* от своей односторонности, ни в чем не исправляя ошибочности своих взглядов и стремлений, ничем не восполняя их недостаточность. Эта удивительная книга сейчас будет переведена на языки всех образованных и некоторых необразованных наций. Тысячи газет во всех частях света будут целый год наполняться издательскими рекламами и восторгами критиков. Дешевые издания с портретами автора будут расходиться в миллионах экземпляров, и весь культурный мир — а в то время это будет почти значить то же, что весь земной шар,— наполнится славою несравненного, великого, единственного! Никто не будет возражать на эту книгу, она покажется каждому откровением всецелой правды. Всему прошедшему будет воздана в ней такая полная справедливость, все текущее оценено так беспристрастно и всесторонне, и лучшее будущее так наглядно и осязательно придвинуто к настоящему, что всякий скажет: «Вот оно, то самое, что нам нужно; вот идеал, который не есть утопия, вот замысел, который не есть химера». И чудный писатель не только увлечет всех, но он будет всякому *приятен,* так что исполнится слово Христово:

«Я пришел во имя Отца, и не принимаете Меня, а придет *другой* во имя *свое*,— того примете», Ведь для того, чтобы быть *принятым*, надо быть *приятным*.

Правда, некоторые благочестивые люди, горячо восхваляя эту книгу, станут задавать только вопрос, почему в ней ни разу не упомянуто о Христе, но другие христиане возразят: «И слава Богу! — довольно уже в прошлые века все священное было затаскано всякими непризванными ревнителями, и теперь глубоко религиозный писатель должен быть очень осторожен. И раз содержание книги проникнуто истинно христианским духом деятельной любви и всеобъемлющего благоволения, то что же вам еще?» И с этим все *согласятся*.— Вскоре после появления «Открытого пути», который сделал своего автора самым популярным изо всех людей, когда-либо появлявшихся на свете, должно было происходить в Берлине международное учредительное собрание союза европейских государств. Союз этот, установленный после ряда внешних и внутренних войн, связанных с освобождением от монгольского ига и значительно изменивших карту Европы, подвергался опасности от столкновений — теперь уже не между нациями, а между политическими и социальными партиями. Заправилы общей европейской политики, принадлежавшие к могущественному братству франкмасонов, чувствовали недостаток общей исполнительной власти. Достигнутое с таким трудом европейское единство каждую минуту готово было опять распасться. В союзном совете или всемирной управе (Comité permanent universel [1]) не было единодушия, так как не все места удалось занять настоящими, посвященными в дело масонами. Независимые члены управы вступали между собою в сепаратные соглашения, и дело грозило новою войною. Тогда «посвященные» решили учредить единоличную исполнительную власть с достаточными полномочиями. Главным кандидатом был негласный член ордена — «грядущий человек». Он был единственным лицом с великою всемирною знаменитостью. Будучи по профессии ученым-артиллеристом, а по состоянию крупным капиталистом, он повсюду имел дружеские связи с финансовыми и военными кругами. Против него в другое, менее просвещенное время говорило бы то обстоятельство, что происхождение его было покрыто глубоким мраком неизвестности. Мать его, особа снисходительного поведения, была отлично известна обоим земным полушариям, но слишком много разных лиц имели одинаковый повод считаться его отцами. Эти обстоятельства, конечно, не могли иметь никакого значения для века столь передового, что ему даже пришлось быть последним. *Грядущий человек* был выбран почти единогласно в пожизненные президенты Европейских Соединенных Штатов, когда же он явился на трибуне во всем блеске своей сверхчеловеческой юной красоты и силы и с вдохновенным красноречием изложил свою универсальную программу, увлеченное и очарованное собрание в порыве энтузиазма без голосования решило воздать ему высшую почесть избранием в римские императоры. Конгресс закрылся среди всеобщего ликования, и великий избранник издал манифест, начинавшийся так: «Народы Земли! Мир мой даю вам!» — и кончавшийся такими словами:

[1] Постоянный всемирный комитет (*фр.*).

«Народы Земли! Свершились обетования! Вечный вселенский мир обеспечен. Всякая попытка его нарушить сейчас же встретит неодолимое противодействие. Ибо отныне есть на Земле одна срединная власть, которая сильнее всех прочих властей и порознь, и вместе взятых. Эта ничем не одолимая, все превозмогающая власть принадлежит мне, полномочному избраннику Европы, императору всех ее сил. Международное право имеет наконец недоставшую ему доселе санкцию. И отныне никакая держава не осмелится сказать: „Война", когда я говорю: „Мир". Народы Земли — мир вам!» Этот манифест произвел желанное действие. Повсюду вне Европы, особенно в Америке, образовались сильные империалистские партии, которые заставили свои государства на разных условиях присоединиться к Европейским Соединенным Штатам под верховною властью римского императора. Оставались еще независимыми племена и державцы кое-где в Азии и Африке. Император с небольшою, но отборною армией из русских, немецких, польских, венгерских и турецких полков совершает военную прогулку от Восточной Азии до Марокко и без большого кровопролития подчиняет всех непокорных. Во всех странах двух частей света он ставит своих наместников из европейски образованных и преданных ему туземных вельмож. Во всех языческих странах пораженное и очарованное население провозглашает его верховным богом. В один год основывается всемирная монархия в собственном и точном смысле. Ростки войны вырваны с корнем. Всеобщая лига мира сошлась в последний раз и, провозгласив восторженный панегирик великому миротворцу, закрыла себя за ненадобностью. В новый год своего властвования римский и всемирный император издает новый манифест: «Народы Земли! Я обещал вам мир, и я дал вам его. Но мир красен только благоденствием. Кому при мире грозят бедствия нищеты, тому и мир не радость. Придите же ко мне теперь все голодные и холодные, чтобы я насытил и согрел вас». И затем он объявляет простую и всеобъемлющую социальную реформу, уже намеченную в его сочинении и там уже пленявшую все благородные и трезвые умы. Теперь благодаря сосредоточению в его руках всемирных финансов и колоссальных поземельных имуществ он мог осуществить эту реформу по желанию бедных и без ощутительной обиды для богатых. Всякий стал получать по своим способностям, и всякая способность — по своим трудам и заслугам.

Новый владыка земли был прежде всего сердобольным филантропом — и не только филантропом, но и *филозоем* [1]. Сам он был вегетарианцем, он запретил вивисекцию и учредил строгий надзор за бойнями; общества покровительства животных всячески поощрялись им. Важнее этих подробностей было прочное установление во всем человечестве самого основного равенства — *равенства всеобщей сытости.* Это совершилось во второй год его царствования. Социально-экономический вопрос был окончательно решен. Но если сытость есть первый интерес для голодных, то сытым хочется чего-нибудь другого.

---

[1] Дословно — любитель животных. Образовано по модели слова «филантроп»: *фило* (люблю), а *зоо* (животное) (*греч.*).

Даже сытые животные хотят обыкновенно не только спать, но и играть. Тем более человечество, которое всегда post panem требовало circenses [1].

Император-сверхчеловек поймет, что нужно его толпе. В это время с Дальнего Востока прибудет к нему в Рим великий чудодей, окутанный в густое облако странных былей и диких сказок. По слухам, распространенным среди необуддистов, он будет происхождения божественного — от солнечного бога Сурьи и какой-то речной нимфы.

Этот чудодей, по имени Аполлоний, человек несомненно гениальный, полуазиат и полуевропеец, католический епископ in partibus infidelium [2], удивительным образом соединит в себе обладание последними выводами и техническими приложениями западной науки с знанием и умением пользоваться всем тем, что есть действительно солидного и значительного в традиционной мистике Востока. Результаты такого сочетания будут поразительны. Аполлоний дойдет, между прочим, до полунаучного, полумагического искусства притягивать и направлять по своей воле атмосферическое электричество, и в народе будут говорить, что он *сводит огонь с небес*. Впрочем, поражая воображение толпы разными неслыханными диковинками, он не будет до времени злоупотреблять своим могуществом для каких-нибудь особенных целей. Так вот, этот человек придет к великому императору, поклонится ему как истинному Сыну Божию, объявит, что в тайных книгах Востока он нашел прямые предсказания о нем, императоре, как о последнем спасителе и судии вселенной, и предложит ему на службу себя и все свое искусство. Очарованный им император примет его как дар свыше и, украсив его пышными титулами, не будет уже более с ним разлучаться. И вот народы Земли, облагодетельствованные своим владыкой, кроме всеобщего мира, кроме всеобщей сытости получат еще возможность постоянного наслаждения самыми разнообразными и неожиданными чудесами и знамениями. Кончался третий год царствования сверхчеловека.

После благополучного решения политического и социального вопроса поднялся вопрос религиозный. Его возбудил сам император, и прежде всего по отношению к христианству. В это время христианство находилось в таком положении. При очень значительном численном уменьшении своего состава — на всем земном шаре оставалось не более сорока пяти миллионов христиан — оно нравственно подобралось и подтянулось и выигрывало в качестве, что теряло в количестве. Людей, не соединенных с христианством никаким духовным интересом, более уже не числилось между христианами. Различные вероисповедания довольно равномерно уменьшились в своем составе, так что между ними сохранялось приблизительно прежнее числовое отношение; что же касается до взаимных чувств, то хотя вражда не заменилась полным примирением, но значительно смягчилась, и противоположения потеряли свою прежнюю остроту. Папство уже давно было изгнано из Рима и после многих скитаний нашло приют в Петербурге под условием воздерживаться от пропаганды здесь и внутри страны. В России оно значительно

---

[1] После хлеба... зрелищ (*лат.*).

[2] Частично верующий (*лат.*).

опростилось. Не изменяя существенно необходимого состава своих коллегий и официй, оно должно было одухотворить характер их деятельности, а также сократить до минимальных размеров свой пышный ритуал и церемониал. Многие странные и соблазнительные обычаи, хотя формально не отмененные, сами собою вышли из употребления. Во всех прочих странах, особенно в Северной Америке, католическая иерархия еще имела много представителей с твердою волей, неутомимою энергией и независимым положением, еще сильнее прежнего стянувших единство католической церкви и сохранявших за нею ее международное, космополитическое значение. Что касается до протестантства, во главе которого продолжала стоять Германия, особенно после воссоединения значительной части англиканской церкви с католическою, то оно очистилось от своих крайних отрицательных тенденций, сторонники которых открыто перешли к религиозному индифферентизму и неверию. В евангелической церкви остались лишь искренно верующие, во главе которых стояли люди, соединявшие обширную ученость с глубокою религиозностью и с все более усиливавшимся стремлением возродить в себе живой образ древнего подлинного христианства. Русское православие, после того как политические события изменили официальное положение церкви, хотя потеряло многие миллионы своих мнимых, номинальных членов, зато испытало радость соединения с лучшею частью староверов и даже многих сектантов положительно-религиозного направления. Эта обновленная церковь, не возрастая числом, стала расти в силе духа, которую она особенно показала в своей внутренней борьбе с размножившимися в народе и обществе крайними сектами, не чуждыми демонического и сатанического элемента.

В первые два года нового царствования все христиане, напуганные и утомленные рядом предшествовавших революций и войн, относились к новому повелителю и его мирным реформам частию с благосклонным выжиданием, частию с решительным сочувствием и даже горячим восторгом. Но на третий год, с появлением великого мага, у многих православных, католиков и евангеликов стали возникать серьезные опасения и антипатии. Евангельские и апостольские тексты, говорившие о князе века сего и об Антихристе, стали читаться внимательнее и оживленно комментироваться. По некоторым признакам император догадался о собирающейся грозе и решил скорее выяснить дело. В начале четвертого года царствования он издает манифест ко всем своим верным христианам без различия исповедания, приглашая их избрать или назначить полномочных представителей на Вселенский собор под его председательством. Резиденция в это время была перенесена из Рима в Иерусалим. Палестина тогда была автономною областью, населенною и управляемою преимущественно евреями. Иерусалим был вольным, а тут сделался имперским городом. Христианские святыни оставались неприкосновенными, но на всей обширной платформе Харамэш-Шерифа, от Биркет-Исраин и теперешней казармы, с одной стороны, и до мечети Эль-Акса и «соломоновых конюшен» — с другой, было воздвигнуто одно огромное здание, вмещавшее в себе кроме двух старых небольших мечетей обширный «имперский» храм для единения всех культов и два роскошные императорские дворца с библиоте-

ками, музеями и особыми помещениями для магических опытов и упражнений. В этом полухраме-полудворце 14 сентября должен был открыться Вселенский собор. Так как евангелическое исповедание не имеет в собственном смысле священства, то католические и православные иерархи, согласно желанию императора, чтобы придать некоторую однородность представительству всех частей христианства, решили допустить к участию на соборе некоторое число своих мирян, известных благочестием и преданностью церковным интересам; а раз были допущены миряне, то нельзя было исключить низшего духовенства, черного и белого. Таким образом, общее число членов собора превышало три тысячи, а около полумиллиона христианских паломников наводнили Иерусалим и всю Палестину. Между членами собора особенно выдавались трое. Во-первых, папа Петр II, по праву стоявший во главе католической части собора. Его предшественник умер по пути на собор, и в Дамаске составился конклав, единогласно избравший кардинала Симоне Барионини, принявшего имя Петра. Происхождения он был простонародного, из Неаполитанской области, и стал известен как проповедник кармелитского ордена, оказавший большие заслуги в борьбе с одною усилившеюся в Петербурге и его окрестностях сатаническою сектой, совращавшею не только православных, но и католиков. Сделанный архиепископом могилевским, а потом и кардиналом, он заранее был намечен для тиары. Это был человек лет пятидесяти, среднего роста и плотного сложения, с красным лицом, горбатым носом и густыми бровями. Он был человек горячий и стремительный, говорил с жаром и с размашистыми жестами и более увлекал, чем убеждал слушателей. К всемирному повелителю новый папа выказывал недоверие и нерасположение, особенно после того, как покойный папа, отправляясь на собор, уступил настояниям императора и назначил кардиналом имперского канцлера и великого всемирного мага, экзотического епископа Аполлония, которого Петр считал сомнительным католиком и несомненным обманщиком. Действительным, хотя неофициальным вождем православных был старец Иоанн, весьма известный среди русского народа. Хотя он официально числился епископом «на покое», но не жил ни в каком монастыре, а постоянно странствовал во всех направлениях. Про него ходили разные легенды. Некоторые уверяли, что это воскрес Федор Кузьмич, т. е. император Александр Первый, родившийся около трех веков до того. Другие шли дальше и утверждали, что это настоящий старец Иоанн, т. е. апостол Иоанн Богослов, никогда не умиравший и открыто явившийся в последние времена. Сам он ничего не говорил о своем происхождении и о своей молодости. Теперь это был очень древний, но бодрый старик, с желтеющею и даже зеленеющею белизною кудрей и бороды, высокого роста, худой в теле, но с полными и слегка розоватыми щеками, живыми блестящими глазами и умилительно добрым выражением лица и речи, одет он был всегда в белую рясу и мантию. Во главе евангелических членов собора стал ученейший немецкий теолог профессор Эрнст Паули. Это был невысокого роста сухой старичок, с огромным лбом, острым носом и гладко выбритым подбородком. Глаза его отличались каким-то особым свирепо-добродушным взглядом. Он ежеминутно потирал руки, качал головой, страшно сдвигал брови и оттопыривал губы; при этом, сверкая глазами, он угрюмо произносил отрывистые зву-

ки: «So! Nun! Ja! So also!» [1]. Он был одет торжественно — в белом галстухе и длинном пасторском сюртуке с какими-то орденскими знаками.

Открытие собора было внушительно. Две трети огромного храма, посвященного «единству всех культов», были уставлены скамьями и другими сиденьями для членов собора, одна треть была занята высокою эстрадой, где, кроме императорского трона и другого — пониже, для великого мага — он же кардинал-имперский канцлер, были ряды кресел сзади для министров, придворных и статс-секретарей, а сбоку более длинные ряды кресел, назначение которых было неизвестно. На хорах были оркестры музыки, а на соседней площади выстроились два гвардейские полка и батареи для торжественных залпов. Члены собора уже отслужили свои богослужения в разных церквах, и открытие собора должно было быть вполне светским. Когда вошел император с великим магистром и свитою и оркестр заиграл «Марш единого человечества», служивший имперским международным гимном, все члены собора встали и, махая шляпами, трижды громко прокричали: «Vivat! Ура! Hoch!» Император, ставши около трона и с величественною благосклонностью протянувши руку, произнес звучным и приятным голосом: «Христиане всех толков! Возлюбленные мои подданные и братья! От начала моего царствования, которое Вышний благословил такими чудными и славными делами, я ни разу не имел повода быть вами недовольным; вы всегда исполняли свой долг по вере и совести. Но мне этого мало. Моя искренняя любовь к вам, братья возлюбленные, жаждет взаимности. Я хочу, чтобы не по чувству долга, а по чувству сердечной любви вы признали меня вашим истинным вождем во всяком деле, предпринимаемом для блага человечества. И вот, кроме того, что я делаю для всех, я хотел бы оказать вам особые милости. Христиане, чем мог бы я вас осчастливить? Что дать вам не как моим подданным, а как единоверцам, братьям моим? Христиане! Скажите мне, что для вас всего дороже в христианстве, чтоб я мог в эту сторону направить свои усилия?» Он остановился и ждал. По храму носился глухой гул. Члены собора перешептывались между собою. Папа Петр, горячо жестикулируя, толковал что-то своим окружающим. Профессор Паули качал головой и ожесточенно чмокал губами. Старец Иоанн, наклонившись над восточным епископом и капуцином, что-то тихо внушал им. Прождавши несколько минут, император обратился к собору тем же ласковым тоном, но в котором звучала едва уловимая нотка иронии. «Любезные христиане,— сказал он.— Я понимаю, как труден для вас один прямой ответ. Я хочу помочь вам и в этом. Вы, к несчастию, с таких незапамятных времен распались на разные толки и партии, что, может быть, у вас и нет одного общего предмета влечения. Но если вы не можете согласиться между собою, то я надеюсь согласить все ваши партии тем, что окажу им всем одинаковую любовь и одинаковую готовность удовлетворить *истинному* стремлению каждой. Любезные христиане! Я знаю, что для многих и не последних из вас всего дороже в христианстве тот *духовный авторитет,* который оно дает своим законным представителям,— не для их собственной выгоды, конечно, а для общего блага, так как на этом авторитете зиждется правильный

[1] Так! Ну! Так-так! (*нем.*)

духовный порядок и нравственная дисциплина, необходимая для всех. Любезные братья-католики! О, как я понимаю ваш взгляд и как бы я хотел опереть свою державу на авторитет вашего духовного главы! Чтобы вы не думали, что это лесть и пустые слова, торжественно объявляем: согласно нашей самодержавной воле, верховный епископ всех католиков, папа римский, восстановляется отныне на престоле своем в Риме со всеми прежними правами и преимуществами этого звания и кафедры, когда-либо данными от наших предшественников, начиная с императора Константина Великого. А от вас, братья-католики, я хочу за это лишь внутреннего сердечного признания меня вашим единственным заступником и покровителем. Кто здесь по совести и чувству признает меня таким, пусть идет сюда ко мне». И он указал пустые места на эстраде. И с радостными восклицаниями: «Gratias agimus! Domine! Salvum fac magnum imperatorem» [1] — почти все князья католической церкви, кардиналы и епископы, большая часть верующих мирян и более половины монахов взошли на эстраду и, после низких поклонов по направлению к императору, заняли свои кресла. Но внизу, посредине собора, прямой и неподвижный, как мраморная статуя, сидел на своем месте папа Петр II. Все, что его окружало, было на эстраде. Но оставшаяся внизу поредевшая толпа монахов и мирян сдвинулась к нему и сомкнулась тесным кольцом, и оттуда слышался сдержанный шепот: «Non praevalebunt, non praevalebunt portae inferni» [2].

Взглянув с удивлением на неподвижного папу, император снова возвысил голос: «Любезные братья! Знаю я, что между вами есть и такие, для которых всего дороже в христианстве его *священное предание*, старые символы, старые песни и молитвы, иконы и чин богослужения. И в самом деле, что может быть дороже этого для религиозной души? Знайте же, возлюбленные, что сегодня подписан мною устав и назначены богатые средства Всемирному музею христианской археологии в славном нашем имперском городе Константинополе с целью собирания, изучения и хранения всяких памятников церковной древности, преимущественно восточной, а вас я прошу завтра же избрать из среды своей комиссию для обсуждения со мною тех мер, которые должны быть приняты с целью возможного приближения современного быта, нравов и обычаев к преданию и установлениям святой православной церкви! Братья православные! Кому по сердцу эта моя воля, кто по сердечному чувству может назвать меня своим истинным вождем и владыкою, пусть взойдет сюда».— И большая часть иерархов Востока и Севера, половина бывших староверов и более половины православных священников, монахов и мирян с радостными кликами взошли на эстраду, косясь на горделиво восседавших там католиков. Но старец Иоанн не двигался и громко вздыхал. И когда толпа вокруг него сильно поредела, он оставил свою скамью и пересел ближе к папе Петру и его кружку. За ним последовали и прочие православные, не пошедшие на эстраду. Опять заговорил император: «Известны мне, любезные христиане, и такие между вами, что всего более дорожат в христианстве личною уверенностью в

[1] Благодарим Тебя, Господи! Спаси великого императора! (*лат.*)

[2] И врата адовы не одолеют! (*лат.*)

истине и свободным исследованием Писания. Как я смотрю на это — нет надобности распространяться. Вы знаете, может быть, что еще в ранней юности я написал большое сочинение по библейской критике, произведшее в то время некоторый шум и положившее начало моей известности. И вот, вероятно, в память этого здесь на этих днях присылает мне просьбу Тюбингенский университет принять от него почетный диплом доктора теологии. Я велел отвечать, что с удовольствием и благодарностью принимаю. А сегодня вместе с тем Музеем христианской археологии подписал я учреждение Всемирного института для свободного исследования Священного Писания со всевозможных сторон и во всевозможных направлениях и для изучения всех вспомогательных наук, с $1\,{}^{1}/_{2}$ миллиона марок годового бюджета. Кому из вас по сердцу такое мое душевное расположение и кто может по чистому чувству признать меня своим державным вождем, прошу сюда к новому доктору теологии».— И прекрасные уста великого человека слегка передернуло какой-то странной усмешкой. Больше половины ученых теологов двинулось к эстраде, хотя с некоторым замедлением и колебанием. Все озирались на профессора Паули, который будто прирос к своему сиденью. Он низко опустил голову, согнулся и съежился. Взошедшие на эстраду ученые теологи конфузились, а один вдруг махнул рукой и, соскочив прямо вниз мимо лестницы, прихрамывая, побежал к профессору Паули и оставшемуся при нем меньшинству. Тот поднял голову и, вставши с каким-то неопределенным движением, пошел мимо опустевших скамей, сопровождаемый устоявшими единоверцами, и подсел ближе к старцу Иоанну и папе Петру с их кружками.

Значительное большинство собора, и в том числе почти вся иерархия Востока и Запада, находилась на эстраде. Внизу оставались только три сблизившиеся между собой кучи людей, жавшихся около старца Иоанна, папы Петра и профессора Паули.

Грустным тоном обратился к ним император: «Что еще могу я сделать для вас? Странные люди! Чего вы от меня хотите? Я не знаю. Скажите же мне сами, вы, христиане, покинутые большинством своих братьев и вождей, осужденные народным чувством: что всего дороже для вас в христианстве?» Тут, как белая свеча, поднялся старец Иоанн и кротко отвечал: «Великий государь! Всего дороже для нас в христианстве Сам Христос — Он Сам, а от Него все, ибо мы знаем, что в Нем обитает вся полнота Божества телесно. Но и от тебя, государь, мы готовы принять всякое благо, если только в щедрой руке твоей опознаем святую руку Христову. И на вопрос твой: что можешь сделать для нас,— вот наш прямой ответ: исповедуй здесь теперь перед нами Иисуса Христа, Сына Божия, во плоти пришедшего, воскресшего и паки грядущего,— исповедуй Его, и мы с любовью примем тебя как истинного предтечу Его второго славного пришествия». Он замолчал и уставился взором в лицо императора. С тем делалось что-то недоброе. Внутри его поднялась такая же адская буря, как та, что он испытал в ту роковую ночь. Он совершенно потерял внутреннее равновесие, и все его мысли сосредоточились на том, чтобы не лишиться и наружного самообладания и не выдать себя прежде времени. Он делал нечеловеческие усилия, чтобы не броситься с диким воп-

ем на говорившего и не начать грызть его зубами. Вдруг он услышал знакомый нездешний голос: «Молчи и ничего не бойся». Он молчал. Только помертвевшее и потемневшее лицо его все перекосилось, и из глаз вылетали искры. Между тем во время речи старца Иоанна великий маг, который сидел весь закутанный в свою необъятную трехцветную мантию, скрывавшую кардинальский пурпур, как будто производил под нею какие-то манипуляции, глаза его сосредоточенно сверкали, и губы шевелились. В открытые окна храма было видно, что нашла огромная черная туча, и скоро все потемнело. Старец Иоанн не сводил изумленных и испуганных глаз с лица безмолвного императора, и вдруг он в ужасе отпрянул и, обернувшись назад, сдавленным голосом крикнул: «Детушки, Антихрист!» В это время вместе с оглушительным ударом грома в храме вспыхнула огромная круглая молния и покрыла собою старца. Все замерло на мгновение, и, когда оглушенные христиане пришли в себя, старец Иоанн лежал мертвый.

Император, бледный, но спокойный, обратился к собранию: «Вы видели суд Божий. Я не хотел ничьей смерти, но мой Отец небесный мстит за своего возлюбленного Сына. Дело решено. Кто будет спорить с Всевышним? Секретари! Запишите: Вселенский собор всех христиан, после того как огонь с небес поразил безумного противника божественного величества, единогласно признал державного императора Рима и всей вселенной своим верховным вождем и владыкой". Вдруг одно громкое и отчетливое слово пронеслось по храму: «Gontradicitur» [1]. Папа Петр II встал и с побагровевшим лицом, весь трясясь от гнева, поднял свой посох по направлению к императору: «Наш единый Владыка — Иисус Христос, Сын Бога живого. А ты кто — ты слышал. Вон от нас, Каин-братоубийца! Вон, сосуд дьявольский! Властию Христовой я, служитель служителей Божиих, навек извергаю тебя, гнусного пса, из ограды Божией и предаю Отцу твоему, Сатане! Анафема, анафема, анафема!» Пока он говорил, великий маг беспокойно двигался под своею мантией, и громче последней анафемы загремел гром, и последний папа пал бездыханным. «Так от руки Отца моего погибнут все враги мои»,— сказал император. «Pereant, pereant!» [2] — закричали дрожащие князья церкви. Он повернулся и медленно вышел, опираясь на плечо великого мага и сопровождаемый всею своею толпою, в двери за эстрадою. В храме остались два мертвеца и тесный круг полуживых от страха христиан. Единственный, кто не растерялся, был профессор Паули. Общий ужас как будто возбудил в нем все силы духа. Он и наружно переменился — принял величавый и вдохновенный вид. Решительными шагами взошел он на эстраду и, сев на одно из опустевших статс-секретарских мест, взял лист бумаги и стал на нем что-то писать. Кончивши, он встал и громогласно прочел: «Во славу единого Спасителя нашего Иисуса Христа. Вселенский собор Божиих церквей, собравшийся в Иерусалиме, после того как блаженнейший брат наш Иоанн, предстоятель восточного христианства, обличил великого обманщика и врага Божия в том, что он есть подлинный Антихрист, предсказанный в слове Божием, а блаженнейший отец наш Петр,

[1] Возражаю! (*лат.*)

[2] Да сгинут! (*лат.*)

лем на говорившего и не начать грызть его зубами. Вдруг он услышал знакомый нездешний голос: «Молчи и ничего не бойся». Он молчал. Только помертвевшее и потемневшее лицо его все перекосилось, и из глаз вылетали искры. Между тем во время речи старца Иоанна великий маг, который сидел весь закутанный в свою необъятную трехцветную мантию, скрывавшую кардинальский пурпур, как будто производил под нею какие-то манипуляции, глаза его сосредоточенно сверкали, и губы шевелились. В открытые окна храма было видно, что нашла огромная черная туча, и скоро все потемнело. Старец Иоанн не сводил изумленных и испуганных глаз с лица безмолвного императора, и вдруг он в ужасе отпрянул и, обернувшись назад, сдавленным голосом крикнул: «Детушки, Антихрист!» В это время вместе с оглушительным ударом грома в храме вспыхнула огромная круглая молния и покрыла собою старца. Все замерло на мгновение, и, когда оглушенные христиане пришли в себя, старец Иоанн лежал мертвый.

Император, бледный, но спокойный, обратился к собранию: «Вы видели суд Божий. Я не хотел ничьей смерти, но мой Отец небесный мстит за своего возлюбленного Сына. Дело решено. Кто будет спорить с Всевышним? Секретари! Запишите: Вселенский собор всех христиан, после того как огонь с небес поразил безумного противника божественного величества, единогласно признал державного императора Рима и всей вселенной своим верховным вождем и владыкой". Вдруг одно громкое и отчетливое слово пронеслось по храму: «Gontradicitur» [1]. Папа Петр II встал и с побагровевшим лицом, весь трясясь от гнева, поднял свой посох по направлению к императору: «Наш единый Владыка — Иисус Христос, Сын Бога живого. А ты кто — ты слышал. Вон от нас, Каин-братоубийца! Вон, сосуд дьявольский! Властию Христовой я, служитель служителей Божиих, навек извергаю тебя, гнусного пса, из ограды Божией и предаю Отцу твоему, Сатане! Анафема, анафема, анафема!» Пока он говорил, великий маг беспокойно двигался под своею мантией, и громче последней анафемы загремел гром, и последний папа пал бездыханным. «Так от руки Отца моего погибнут все враги мои»,— сказал император. «Pereant, pereant!» [2] — закричали дрожащие князья церкви. Он повернулся и медленно вышел, опираясь на плечо великого мага и сопровождаемый всею своею толпою, в двери за эстрадою. В храме остались два мертвеца и тесный круг полуживых от страха христиан. Единственный, кто не растерялся, был профессор Паули. Общий ужас как будто возбудил в нем все силы духа. Он и наружно переменился — принял величавый и вдохновенный вид. Решительными шагами взошел он на эстраду и, сев на одно из опустевших статс-секретарских мест, взял лист бумаги и стал на нем что-то писать. Кончивши, он встал и громогласно прочел: «Во славу единого Спасителя нашего Иисуса Христа. Вселенский собор Божиих церквей, собравшийся в Иерусалиме, после того как блаженнейший брат наш Иоанн, предстоятель восточного христианства, обличил великого обманщика и врага Божия в том, что он есть подлинный Антихрист, предсказанный в слове Божием, а блаженнейший отец наш Петр,

---

[1] Возражаю! (*лат.*)

[2] Да сгинут! (*лат.*)

предстоятель западного христианства, законно и правильно предал его бессрочному отлучению от церкви Божией, ныне перед телами сих двух, убиенных за правду, свидетелей Христовых постановляет: прекратить всякое общение с отлученным и с мерзким сборищем его и, удалившись в пустыню, ожидать неминуемого пришествия истинного Владыки нашего Иисуса Христа». Одушевление овладело толпой, и раздались громкие голоса: «Adveniat! Adveniat cito! Komm Herr Jesu, komm! [1] Гряди, Господи Иисусе!»

Профессор Паули приписал и прочел: «Приняв единогласно сей первый и последний акт последнего Вселенского собора, подписываем свои имена»,— и он сделал пригласительный знак собранию. Все поспешно всходили на возвышение и подписывались. В конце крупным готическим шрифтом подписался — «Duorum defunctorum testium locum tenes Ernst Pauli». [2] «Теперь идем с нашим кивотом последнего завета!» — сказал он, указывая на двух покойников. Тела были подняты на носилках. Медленно, с пением латинских, немецких и церковнославянских гимнов, направились христиане к выходу из Харам-эш-Шерифа. Здесь шествие было остановлено посланным от императора статс-секретарем в сопровождении офицера со взводом гвардии. Солдаты остановились у входа, а статс-секретарь с возвышения прочел: «Повеление божественного величества: для вразумления христианского народа и ограждения его от злонамеренных людей, производящих смуты и соблазны, признали мы за благо трупы двух возмутителей, убитых небесным огнем, выставить публично на улице Христиан (Харет-эн-Насара), у входа в главный храм этой религии, именуемый Гроба Господня, а также Воскресения, чтобы все могли убедиться в их действительной смерти. Упорствующие же их единомышленники, злобно отвергающие все наши благодеяния и безумно закрывающие глаза на явные знамения самого божества, освобождаются нашим милосердием и предстательством нашим перед Отцом небесным от заслуженной ими смерти через огонь с небес и оставляются на полной своей воле с единственным запрещением, ради общего блага, обитать в городах и других населенных местах, дабы не смущали и не соблазняли они невинных и простодушных людей своими злобными вымыслами». Когда он кончил, 8 солдат, по знаку офицера, подошли к носилкам с телами.

«Да свершится написанное»,— сказал профессор Паули, и христиане, державшие носилки, безмолвно передали их солдатам, которые удалились через северо-западные ворота, а христиане, выйдя через северо-восточные, поспешно направились из города мимо Масличной горы в Иерихон по дороге, которую предварительно жандармы и два кавалерийские полка очистили от народной толпы. На пустынных холмах у Иерихона решено было ждать несколько дней. На следующее утро из Иерусалима прибыли знакомые христианские паломники и рассказали, что происходило в Сионе. После придворного обеда все члены собора были приглашены в огромную тронную палату (около предполагаемого места Соломонова престола), и император, обращаясь к представителям католической иерархии, заявил им, что благо церкви, оче-

[1] Да приидет! Да приидет скоро! *(лат.)* Прииди, Иисус, прииди! *(нем)*.

[2] Свидетель двух смертей профессор Паули (*лат.*).

видно, требует от них немедленного избрания достойного преемника апостола Петра, что по обстоятельствам времени избрание должно быть суммарно, что присутствие его, императора, как вождя и представителя всего христианского мира с избытком восполнит ритуальные пропуски и что он от имени всех христиан предлагает Священной Коллегии избрать его возлюбленного друга и брата Аполлония, дабы их тесная связь сделала прочным и неразрывным единение церкви и государства для общего их блага. Священная Коллегия удалилась в особую комнату для конклава и через полтора часа возвратилась с новым папой Аполлонием. А между тем как происходили выборы император кротко, мудро и красноречиво убеждал православных и евангелических представителей, ввиду новой великой эры христианской истории, покончить старые распри, ручаясь своим словом, что Аполлоний сумеет навсегда упразднить все исторические злоупотребления папской власти. Убежденные этою речью, представители православия и протестантства составили акт соединения церквей, и, когда Аполлоний с кардиналами показался в палате при радостных кликах всего собрания, греческий архиерей и евангелический пастор поднесли ему свою бумагу, «Accipio et apprово et laetificatur cor meum» [1],— сказал Аполлоний, подписывая документ. «Я такой же истинный православный и истинный евангелист, каков я истинный католик»,— прибавил он и дружелюбно облобызался с греком и немцем. Затем он подошел к императору, который его обнял и долго держал в своих объятиях. В это время какие-то светящиеся точки стали носиться во дворце и во храме по всем направлениям, они росли и превращались в светлые формы странных существ, невиданные на земле цветы посыпались сверху, наполняя воздух неведомым ароматом. Сверху раздались восхитительные, прямо в душу идущие и хватающие за сердце звуки неслыханных дотоле музыкальных инструментов, и ангельские голоса незримых певцов славили новых владык неба и земли. Между тем раздался страшный подземный гул в северо-западном углу Срединного дворца под *куббет-эль-аруах,* т. е. *куполом душ,* где, по мусульманским преданиям, вход в преисподнюю. Когда собрание по приглашению императора двинулось в ту сторону, все ясно услышали бесчисленные голоса, тонкие и пронзительные — не то детские, не то дьявольские,— восклицавшие: «Пришла пора, пустите нас, спасители, спасители!» Но когда Аполлоний, припавши к скале, трижды прокричал что-то вниз на неизвестном языке, голоса умолкли, и подземный гул прекратился. Между тем необъятная толпа народа со всех сторон окружила Харам-эш-Шериф. При наступлении ночи император, вместе с новым папой, вышел на восточное крыльцо, подняв «бурю восторгов». Он приветливо кланялся во все стороны, тогда как Аполлоний, из подносимых ему кардиналами-дьяконами больших корзин, непрерывно брал и бросал по воздуху загоравшиеся от прикосновения его руки великолепные римские свечи, ракеты и огненные фонтаны, то фосфорически-жемчужные, то ярко-радужные, и все это, достигая земли, превращалось в бесчисленные разноцветные листы с полными и безусловными индульгенциями на все грехи прошедшие, настоящие и будущие. Народное ликование перешло

[1] Принимаю, одобряю, и ликует сердце мое (*лат.*).

всякие пределы. Правда, некоторые утверждали, что видели своими глазами, как индульгенции превращались в преотвратительных жаб и змей. Тем не менее огромное большинство было в восторге, и народные празднества продолжались еще несколько дней, причем новый папа-чудотворец дошел до вещей столь диковинных и невероятных, что передавать их было бы совершенно бесполезно. Тем временем у пустынных высот Иерихона христиане предавались посту и молитве. Вечером четвертого дня, когда стемнело, профессор Паули с девятью товарищами на ослах и с телегой пробрались в Иерусалим и, боковыми улицами мимо Харам-эш-Шерифа, выехали на Харет-эн-Насара и подошли к входу в храм Воскресения, где на мостовой лежали тела папы Петра и старца Иоанна. На улице в этот час было безлюдно, весь город ушел к Харам-эш-Шерифу. Караульные солдаты спали глубоким сном. Пришедшие за телами нашли, что они совсем не тронуты тлением и даже не закоченели и не отяжелели. Подняв их на носилки и закрыв принесенными плащами, они теми же обходными дорогами вернулись к своим, но, лишь только они опустили носилки на землю, дух жизни вошел в умерших. Они зашевелились, стараясь сбросить с себя окутывавшие их плащи. Все с радостными криками стали им помогать, и скоро оба ожившие встали на ноги целыми и невредимыми. И заговорил оживший старец Иоанн: «Ну вот, детушки, мы и не расстались. И вот что я скажу вам теперь: пора исполнить последнюю молитву Христову об учениках Его, чтобы они были едино, как Он Сам с Отцом — едино. Так для этого единства Христова почтим, детушки, возлюбленного брата нашего Петра. Пускай напоследях пасет овец Христовых. Так-то, брат!» И он обнял Петра. Тут подошел профессор Паули: «Tu est Petros! — обратился он к папе.— Jetzt ist es ja gründlich erwiesen und ausser jedem Zweifel gesetzt» [1]. И он крепко сжал его руку своею правою, а левую подал старцу Иоанну со словами: «So also Vaterchen — nun sind wir ja Eins in Christo» [1]. Так совершилось соединение церквей среди темной ночи на высоком и уединенном месте. Но темнота ночная вдруг озарилась ярким блеском, и явилось на небе великое знамение: жена, облеченная в солнце, под ногами ее луна, и на главе ее венец из двенадцати звезд. Явление несколько времени оставалось на месте, а затем тихо двинулось в сторону юга. Папа Петр поднял свой посох и воскликнул: «Вот наша хоругвь! Идем за нею». И он пошел по направлению видения, сопровождаемый обоими старцами и всею толпою христиан,— к Божьей горе, Синаю...

(Тут читавший остановился.)

Дама. Что же вы не продолжаете?

Г-н Z. Да рукопись не продолжается. Отец Пансофий не успел окончить своей повести. Уже больной, он мне рассказывал, что хотел писать дальше — «вот как только выздоровлю». Но он не выздоровел, и конец его повести погребен вместе с ним в Даниловом монастыре.

Дама. Но ведь вы же помните, что он вам говорил,— так расскажите.

---

[1] Ты Петр! Теперь это полностью доказано и не подлежит никакому сомнению (*нем.*).

[2] Итак, отцы, отныне мы едины во Христе (*нем.*).

Г-н Z. Помню только в главных чертах. После того как духовные вожди и представители христианства удалились в Аравийскую пустыню, куда изо всех стран стекались к ним толпы верных ревнителей истины, новый папа мог беспрепятственно развращать своими чудесами и диковинами всех остальных, не разочаровавшихся в Антихристе, поверхностных христиан. Он объявил, что властью своих ключей он отворил двери между земным и загробным миром, и действительно общение живых и умерших, а также людей и демонов сделалось обычным явлением, и развились новые, неслыханные виды мистического блуда и демонолатрии [1]. Но только что император стал считать себя крепко стоящим на почве религиозной и по настоятельным внушениям тайного «отчего» голоса объявил себя единым истинным воплощением верховного божества вселенной, как пришла на него новая беда, откуда никто ее не ожидал: поднялись евреи. Эта нация, которой численность дошла в то время до тридцати миллионов, была не совсем чужда подготовлению и упрочению всемирных успехов сверхчеловека. Когда же он переселился в Иерусалим, тайно поддерживая в еврейской среде слухи о том, что его главная задача — установить всемирное владычество Израиля, то евреи признали его Мессией, и их восторженная преданность, ему не имела предела. И вдруг они восстали, дыша гневом и местью. Этот оборот, несомненно предуказанный и в Писании и в предании, представлялся отцом Пансофием, быть может, с излишнею простотою и реализмом. Дело в том,что евреи, считавшие императора кровным и совершенным израильтянином, случайно обнаружили, что он даже *не обрезан*. В тот же день весь Иерусалим, а на другой день вся Палестина были объяты восстанием. Беспредельная и горячая преданность спасителю Израиля, обетованному Мессии сменилась столь же беспредельною и столь же горячею ненавистью к коварному обманщику, к наглому самозванцу. Все еврейство встало как один человек, и враги его увидели с изумлением, что душа Израиля в глубине своей живет не расчетами и вожделениями Маммона, а силой сердечного чувства — упованием и гневом своей вековечной мессианской веры. Император, не ожидавший сразу такого взрыва, потерял самообладание и издал указ, приговаривавший к смерти всех непокорных евреев и христиан. Многие тысячи и десятки тысяч, не успевших вооружиться, беспощадно избивались. Но скоро миллионная армия евреев овладела Иерусалимом и заперла Антихриста в Харам-эш-Шерифе. В его распоряжении была только часть гвардии, которая не могла пересилить массу неприятеля. С помощью волшебного искусства своего папы императору удалось проникнуть сквозь ряды осаждающих, и скоро он появился опять в Сирии с несметным войском разноплеменных язычников. Евреи выступили ему навстречу при малой вероятности успеха. Но едва стали сходиться авангарды двух армий, как произошло землетрясение небывалой силы — под Мертвым морем, около которого расположились имперские войска, открылся кратер огромного вулкана, и огненные потоки, слившись в одно пламенное озеро, поглотили и самого императора, и все его бесчисленные полки, и неотлучно сопровождавшего его папу Аполлония, которому не помогла вся его магия. Между тем

[1] Демонолатрия — от *греч. демон* (дух, демон) и *латро* (служить, поклоняться).

евреи бежали к Иерусалиму, в страхе и трепете взывая о спасении к Богу Израилеву. Когда святой город был уже у них в виду, небо распахнулось великой молнией от востока до запада, и они увидели Христа, сходящего к ним в царском одеянии и с язвами от гвоздей на распростертых руках. В то же время от Синая к Сиону двигалась толпа христиан, предводимых Петром, Иоанном и Павлом, а с разных сторон бежали еще иные восторженные толпы: то были все казненные Антихристом евреи и христиане. Они ожили и воцарились с Христом на тысячу лет.

На этом отец Пансофий хотел и кончить свою повесть, которая имела предметом не всеобщую катастрофу мироздания, а лишь развязку нашего исторического процесса, состоящую в явлении, прославлении и крушении Антихриста.

Политик. И вы думаете, что эта развязка так близка?

Г-н Z. Ну, еще много будет болтовни и суетни на сцене, но драма-то уже давно написана вся до конца, и ни зрителям, ни актерам ничего в ней переменять не позволено.

Дама. Но в чем же окончательно смысл этой драмы? И я все-таки не понимаю, почему ваш Антихрист так ненавидит Бога, а сам он в сущности добрый, не злой?

Г-н Z. То-то и есть, что *не в сущности*. В этом-то и весь смысл. И я беру назад свои прежние слова, что «Антихриста на одних пословицах не объяснишь». Он весь объясняется одною, и притом чрезвычайно простоватою, пословицей: *Не все то золото, что блестит*. Блеска ведь у этого подцельного добра — хоть отбавляй, ну а существенной силы — никакой.

1900

СОВРЕМЕННЫЕ РОССИЙСКИЕ ФАНТАСТЫ О КОНЦЕ СВЕТА

Сергей Лукьяненко, Андрей Кивинов
Ночь накануне

Виталий Сертаков
Проснувшийся Демон

Евгений Зубарев
2012: Хроники Смутного времени

Лучшие рассказы из сборника «Когда закончилась нефть»

Андрей Егоров
Диксон

Ирина Комиссарова
Точка невозврата

Андрей Буторин
Урочище Огненных духов

Евгений Зубарев
Победитель

Владислав Булахтин
Жизнь продолжается

Андрей Овсянников
Наблюдатель

Александр Мазин
Пятый ангел

Андрей Кивинов, Сергей Лукьяненко
При участии Сергея Гуреева, Евгения Зубарева и Александра Прокоповича

НОЧЬ НАКАНУНЕ

Пролог

Чат был маленьким.

Толик помнил вечера, когда на чат заходили случайные люди. Порой их набиралось два-три десятка, но всё это были случайные бродяги Интернета. С равной легкостью они обсуждали компьютерное железо, происки американских политиканов, родной российский бардак и вкус нового сорта пива. Надолго они в чате не задерживались. Нет, их никто не гнал, но через час-другой случайные гости уходили. Как правило — навсегда. Некоторые возвращались, но редко кто оставался надолго.

Чат был странным.

Конечно, здесь хватало и пустого трепа, и жарких дискуссий, переходящих в вялую ругань. Но было что-то еще — и вот это «что-то» Толик никак не мог для себя сформулировать. В тридцать лет он заслуженно считал себя опытным странником Интернета, имел десяток любимых ирс-каналов и веб-чатов (тихо презирая последние за популизм), умел отбиваться от атак малолетних компьютерных хулиганов, начитавшихся свежего «Хакера», а при случае и сам был способен «уронить» чужой компьютер. Работа системным администратором в музее давала Толику не слишком много презренного металла, зато избыток свободного времени, неограниченный Интернет и даже навороченный компьютер, купленный администрацией с какого-то западного гранта. Охрана давно свыклась с его ночными бдениями у монитора и ничего против не имела — двум крепким парням, коротающим рабочее время за игрой в «Квэйк», постоянно требовалась помощь специалиста, знающего местонахождение «Эни кей».

В общем, Толик по праву считал себя завсегдатаем ночных бесед в Сети.

Именно поэтому чат его смущал.

Нет, как правило, беседы были самые обычные, а темы — самые банальные. Но иногда завязывались дискуссии, которые трудно себе вообразить в три часа ночи. Вдруг начиналось обсуждение апокрифических Евангелий, вызывающее у неверующего Толика легкую растерянность. Едва он успевал найти в Сети

© С. Лукьяненко, 2010

тексты и попытаться вникнуть в предмет спора, как тот легко сворачивал на сравнение позиций Юнга и Фрейда в вопросе о роли религии в обществе. Проклиная всех философов и психологов на свете, Толик забирался в «библиотеку Мошкова» в поисках Юнга, но обнаруживал, что разговор уже перешел на более вольные темы — о возможной разумности дельфинов и не менее вероятной неразумности людей. Прочитав длиннейший пассаж о том, что вся человеческая деятельность сводится к переработке одной формы энергии в другую, то есть к хорошему пищеварению, Толик собирался уже было уйти, но тут кто-нибудь переходил к любопытным рассуждениям о проявлениях детского инфантилизма в деятельности организованных преступных группировок. И это было пускай и странно, но уже на самом деле интересно и смешно.

Конечно, можно было предположить, что в чате собрались яйцеголовые, интеллектуалы, которым только дай поговорить на заумные темы. Но ведь что-то привлекало и самого Толика, привлекало и тревожило одновременно. Будто за всеми разговорами постоянно угадывалось что-то большее... что-то недоговоренное...

Вот и сейчас, глядя в выпрыгивающие на экран строчки, Толик пытался понять, что же собрало их всех вместе. Время было еще раннее — пять минут двенадцатого, обычно в это время народ только начинал подтягиваться. Но сегодня все завсегдатаи собрались пораньше. Вот вошел в чат «Пилот» с Камчатки, у него с учетом восьмичасовой разницы уже было утро. Видимо, пришел на работу пораньше.

— Привет, пилот,— автоматически отбил Толик. Прикручивать к браузеру автоматическую «здоровалку» он считал профанацией самой идеи приветствия.

— *привет пиплы,*— как всегда не соблюдая строчных букв и знаков препинания, ответил Пилот.— *привет тол.*

Вроде бы он и впрямь был пилотом местной авиакомпании. А может быть, и нет. Кто может знать наверняка? Его страничка в Интернете была постоянно «в стадии проектирования», а единственная фотография изображала кого-то в форме на фоне самолета.

— *Ты уже тут девочка?* — Пилот настучал смайликов на полстроки.— *как дела как школа?*

«Девочка» была московской школьницей, училась в одиннадцатом классе какой-то престижной гимназии. На ее счет Толик испытывал самые большие сомнения — молоденькими девушками чаще всего представляются взрослые мужики.

— *Здравствуй, мой рыцарь!* — радостно отозвалась Девочка.— *Все в порядке? Солнышко встало?*

Вот это Толику всегда нравилось. В любом чате люди играют в какие-то игры, но здесь они были самыми приятными. Какими-то трогательными?

Девочка и Пилот играли в свою игру. Девочка «боялась», что солнце зашло навсегда. И каждый вечер она спрашивала друга, встало ли уже солнце на Дальнем Востоке.

Как правило, Пилот ее утешал. Но иногда пугал: «*нет! у нас всё еще ночь*». А иногда задумчиво сообщал, что небо над сопками затянуто очень-очень плотными облаками, и он не знает, есть ли над ними солнце...

Все-таки это было забавно.

Толик уселся поудобнее, что означало закинутые на стол — рядом с монитором — ноги. Кресло жалобно скрипнуло: лишним весом Толик не отличался, но все-таки парень был здоровый. Поглядывая на экран (после прихода Пилота все оживились), Толик взял бутылку «Невского», открыл, глотнул прямо из горлышка. Хорошо... Вечер только начинается. Спать не хочется. Запас пива и чипсов есть.

— *А у нас гроза,*— сказал Старый Еврей. На самом деле он был не очень-то стар, но жил в Иерусалиме.

— *Не врешь?* — откликнулся Синоптик. Если не врал, он действительно работал на метеостанции в ближнем Подмосковье и все претензии к сводкам погоды мужественно принимал на свой счет.

— *Вру,*— печально сообщил Старый Еврей.— *Но мне очень хочется грозы. Не подскажешь, будет?*

— *Нет,*— разочаровал Синоптик.

— *Не надо было из России валить,*— немедленно ожил «Патриот».— *Были бы тебе и грозы, и снег!*

Патриот тоже был из Москвы. Молодой парнишка, учился на втором курсе в Бауманском. Пикировка со Старым Евреем была его любимым занятием, но то ли чувство такта, то ли собственное еврейское происхождение не позволяли ему переходить опасную черту.

— *И град, и мор, и чума,*— отстучал одной рукой Толик.

— *Благодарю покорно,*— отозвался Старый Еврей.— *Вы хотели сказать «и глад, и мор», Тол?*

— *Да как угодно,*— отхлебывая пиво, ответил Толик.

В канале продолжали общаться Девочка с Пилотом. Пилот звал подругу в приватный чат, та кокетничала и выражала тревогу за свою невинность.

— *Угодно град,*— решил Старый Еврей.— *Господа, а вам не кажется, что в воздухе что-то носится?*

— *Простите, это я виноват,*— вступил в разговор «Корнеев».— *Думал, разойдется.*

Корнеев утверждал, что это его настоящая фамилия, а вовсе не заимствование у Стругацких. Но марку держал: вел себя не просто грубо, как литературный персонаж, а еще и любил всё опошлить.

— *Это носятся арабские отравляющие газы! Доставай противогаз!* — обрадовался Патриот.— *Быстро-быстро!*

Но Старый Еврей не был расположен к пикировке:

— *Я серьезно, господа. Тревога какая-то. Напряжение. Тоска. Или это у меня одного?*

Толик потянулся к клавиатуре, намереваясь описать свое прекрасное настроение, умиротворяющее воздействие пива и...

Он остановил руку.

А ведь Старый Еврей был прав... Что-то давило. Несмотря на пиво, несмотря на полную жизненную безмятежность, несмотря на мирный треп Девочки и Пилота.

— *У меня тоже,*— отбил он.

И совсем не удивился, когда эту фразу повторил Синоптик, а молчавший до сих пор Терминатор-2000 ограничился экспрессивным:

— *Точно, блин.*

Терминатор, по его словам, был крутым компьютерным хакером. Возможно, не врал — кое-что, им показанное, впечатляло. Толика смущало только слишком громкое имя — настоящие крутые парни таких погонял не носят.

— *Верно, ребята,*— отозвался Бомонд. Кто он такой — не знал никто. Ходили слухи, что это популярный рок-певец. Некоторые склонялись к мысли, что это сам Пелевин или Акунин. Одно было бесспорным: Бомонд вращался где-то в литературно-музыкально-артистической тусовке — его свежие сплетни, даже самые невероятные, неизменно оказывались правдивыми, а истории — занятными. Впрочем, Толик считал, что вахтер из концертного зала тоже знает немало сплетен...

— *И у меня та же задница,*— печально сообщил Колян, веб-дизайнер из Киева.— *Не работается, не пьется, не гуляется.*

Колян Толику нравился. С ним было проще, чем с остальными. Да и в компьютерном железе он понимал лучше всех. Даже Терминатора.

— *Вместо «задница» надо говорить «верхняя часть ноги», чудило!* — одернул его Корнеев.— *Не видишь, девочка на канале, твою мать!*

Отмалчивались только Чтец и Доктор Кеша, явно увлеченные своим диалогом. Оба они казались Толику самыми пожилыми обитателями чата, самыми серьезными и спокойными... Но называть их яйцеголовыми он не решался. Даже мысленно. В Сети трудно сохранять пиетет к кому-либо, но перед ними Толик немного робел. Только когда у гуманитариев начинались проблемы с компьютерами и они бросались к спецам за помощью, неловкость проходила.

— *Наверное, магнитные бури,*— предположил Толик, заранее готовясь к ироничному комментарию Синоптика или Чтеца.— *Влияют...*

И тут заговорил Основатель:

— *Сегодняшняя ночь — ночь накануне. Вы это чувствуете.*

Толик сдернул ноги со стола и сел прямо. Будто его вольную позу кто-то мог увидеть... Дело в том, что Основатель — тот, кто когда-то создал чат,— говорил не просто редко, а очень редко. На памяти Толика это был третий случай. Еще две реплики Основателя он читал в логах чата. Каждый раз Основатель вступал в разговор после ожесточенных споров, каждый раз высказывался кратко и веско, порождая еще больший спор. Особенно не любили соглашаться с ним Чтец и Доктор Кеша. Но через какое-то время все убеждались, что прав был именно Основатель.

Так что своей реакции Толик не стыдился. Дело и впрямь было невиданное.

— *ОЖИЛ ВЕЛИКИЙ МОЛЧАЛЬНИК!* — «закричал» Корнеев.

И тут же вступил в разговор Чтец:

— *Накануне?*

В общем-то, Основатель мог закончить разговор. Такое уже случалось — финальная туманная фраза, которая становилась понятной лишь через какое-то время. Но сегодня Основатель был явно расположен к разговору:

— *Именно. Прошу прощения за дискомфорт. В каком-то смысле мы сейчас находимся рядом, и вы чувствуете мое состояние.*

— Накануне годовщины изобретения застежки-молнии? Накануне годовщины свадьбы Гитлера и Евы Браун? — съязвил Чтец.

Толик хмыкнул, встал с кресла и выглянул в коридор. В дальнем конце, у самого выхода, лежал на полу прямоугольник света из открытой двери. Доносились азартные возгласы. Охранники, похоже, дискомфорта не ощущали. Толик допил пиво, открыл вторую бутылку, вернулся к компьютеру и прочитал выскочившие за это время строчки.

Хорошо, что он успел сесть.

— Охрана ничем не встревожена, Толик,— писал Основатель.*— Девочка, мне очень жаль, но солнышка больше не будет. Пилот, твоя ночь накануне уже закончилась. Патриот, я не думаю, что это хорошая идея. Старый Еврей — сочувствую. Не слишком ли много коньяка за вечер, Бомонд? Корнеев, и тебя туда же! Доктор Кеша, ты прав. Терминатор — нет, я не перехватываю твой приватный чат с Коляном, это невозможно технически. Синоптик, тебе нет необходимости дописывать это письмо, его не успеют прочесть. Чтец, это событие не отмечено в календаре памятных дат.*

Первым заговорил Чтец:

— Основатель, если я правильно понял, ты демонстрируешь каждому из нас свою осведомленность?

— Да.

Толик засмеялся. Потом оглянулся — будто в маленькой комнате кто-нибудь мог спрятаться. Ага. В шкафу. С ноутбуком и радиомодемом. И так — сразу у каждого.

— Ты имеешь в виду ночь накануне конца света? — спросил Доктор Кеша.

— Да.

Толик вдруг понял, что его смущало — больше, чем немыслимая осведомленность Основателя, больше, чем невнятная беспричинная тревога... Вопросы и ответы следовали слишком быстро. Будто исчезли досадливые ретрейны, будто разговор велся без маленьких, но неизбежных задержек.

Почему-то для него, компьютерщика, это было самым возмутительным. Так не бывает! Даже в фантастике о виртуальных мирах.

— Не верю,— коротко резюмировал Пилот.

— Хорошо,— легко согласился Основатель.*— Это естественная реакция. Сейчас вы поверите.*

Толик опустил бутылку с пивом, из которой так и не успел отхлебнуть. Недоуменно посмотрел на нее.

Что-то изменилось...

Секунду назад в чате шла какая-то игра. Не самая приятная, на его взгляд. Дурная игра. Да к тому же с непонятными правилами. Ну какой конец света, о чем вы?!

Теперь он верил... нет, не верил, а знал. Эта ночь — ночь Накануне. Мир погибнет. С первым лучом солнца, которое так ждет Девочка. Не Толик погибнет и не обитатели чата, а весь мир. И не просто погибнет, а гораздо хуже — перестанет существовать во все времена. Будто его и не было. Не перечеркнутый лист с надписью «планета Земля», а чистый. Будто взяли бездарную акварель на хорошем листе бумаги — и безжалостно смыли краски, готовя бумагу к новому рисунку.

— *Аналогия со смытой акварелью красива, Толик,*— подбодрил Основатель.

— *Мамочка...*— сказал Толик. У него затряслись руки, он попытался что-то набрать на клавиатуре, но понял, что не попадает по буквам.

— *Кто ты, Основатель?* — спросил Чтец.

И сразу вопрос Доктора Кеши:

— *Ты Бог? Высший космический разум? Кто или что ты?*

— *Ответ не имеет значения,*— ответил Основатель.— *Разумеется, с вашей точки зрения.*

— *Все-таки имеет,*— заговорил Старый Еврей.— *Я верю твоим словам. Это невозможно, но я верю. Значит, приходится признать, что эта ночь — ночь накануне. Но меня очень интересуют твои права на подобные действия.*

— *Что изменится? Однажды мы обсуждали этот вопрос и пришли к выводу, что разница между Богом и Высшим Разумом на данный момент неуловима для человечества.*

— *Не согласен,*— парировал Старый Еврей.— *Вопрос в этичности такого действия, как уничтожение мироздания. Бог имеет право на подобный поступок. Разум, пусть и неизмеримо превосходящий человеческий,— нет!*

— *Даже если человечество было создано этим Высшим Разумом?*

— *Конечно!*

Толику вдруг вспомнился прочитанный когда-то сборник еврейских сказок. Одна сказка поразила — в ней евреи вызвали Бога на суд за какие-то неправильные действия. Бог упирался и спорил, но судья решил, что Бог был неправ, и тому пришлось подчиниться.

— *Еврей, переспорь его,*— жалобно попросил Толик.— *Вы же все умные, евреи, так переспорь его! У вас уже получалось когда-то!..*

Если бы Толика спросили, кем он сейчас считает Основателя — Богом или инопланетным сверхразумом, он бы не ответил. В общем-то, он тоже склонялся к мнению, что для муравья разница между человеком и слоном трудноощутима.

— *Я не считаю этот довод убедительным,*— ответил Основатель.

— *Но для чего-то ты сообщил нам о ночи накануне?* — вновь вступил в разговор Доктор Кеша.— *Если уж мы вынуждены верить твоим словам — какова твоя цель? Неужели она состоит в том, чтобы отравить последние часы нашей жизни?*

— *Верный вопрос. Я решил дать шанс.*

— *Кому?* — быстро спросил Бомонд.

— *Миру. Людям. Вам.*

— *Тогда говори, время идет.*— Это сказал Чтец.

— *Нет, время пока не идет.*

Толик посмотрел на часы в уголке экрана. Без пяти двенадцать. Он дышал, двигался, пил пиво, дальше по коридору играли в «Дизматч» охранники. Но время не шло.

Почему-то это совсем не удивляло.

— *И что ты хочешь?* — Чтец как-то незаметно взял на себя основную нить разговора.— *Мы должны тебя переубедить?*

— В какой-то мере. Любая жизнь осмысленна лишь тогда, когда осознает цель своего существования. Человечество так и не смогло этого достичь. Именно поэтому сейчас — ночь Накануне.

— Ты хочешь, чтобы мы нашли смысл жизни? Сформулировали цель человеческого существования? — Чтец поставил смайлик.

— Именно этим вы и занимались все время, но слова ни к чему не привели. Последняя попытка будет иной. Вы должны доказать мне, что человечество достойно жизни.

— Должны? — уточнил Чтец.

— Можете отказаться. Но мне кажется, что вы попробуете.

— Как?

— Вы можете отправиться в любое время и в любое место человеческой истории. Решите сами, что может послужить самым веским аргументом. Когда вы вернетесь, каждый из вас приведет свои доказательства. О времени не тревожьтесь — здесь все еще будет ночь Накануне.

— Ты очень злобный бог,— написал Корнеев.

— А вы очень злые люди. Но я даю шанс. Последний шанс. Точнее — двенадцать шансов. И я надеюсь, что кого-то из вас ждет удача.

— Да никуда я не пойду,— пробормотал Толик.— *Это либо креза, либо...*

В глухой стене комнаты вдруг проступили контуры двери — ее будто выдавили изнутри, сквозь пожелтевшую штукатурку.

Толик облизнул губы и посмотрел на компьютер.

И понял, что все-таки пойдет. Как, наверно, и все остальные. Ибо, несмотря на невероятность, понял — происходящее реально.

Если вы читаете эту книгу, значит, вы еще живы.

Глава первая
КОРНЕЕВ

«Ну ни фига ж себе предъява! У вас нет смысла жизни...»

Корнеев, не сводя глаз с монитора, протянул руку к пачке сигарет, по пути зацепив китайский термос с горячим кофе. Термос опрокинулся удачно — прямо на светлые джинсы. Да еще в самую благородную область, чуть пониже ширинки.

«Блин, нормально ночка начинается! — Он вскочил со стула и принялся отряхивать джинсы.— Сначала концом света угрожают, а теперь еще и кофе пролил!..»

Вообще-то его фамилия была не Корнеев, хоть он уверял в чате, что она подлинная. Псевдоним он действительно взял из романа Стругацких, но вовсе не потому, что отождествлял себя с этим странным персонажем. Просто книга валялась на системном блоке, кто-то из сменщиков (кажется, Бонус) читал ее

© А. Кивинов, 2010

во время вахты. Дабы не ломать голову, открыл наобум и наткнулся на фамилию Корнеев.

На самом деле его звали Артуром. Артуром Юрьевичем — для младших коллег и руководства.

Он бросился в туалет, стянул джинсы и принялся замывать их в раковине, чтобы не осталось пятен. Иначе потом никаким порошком не отстираешь, даже с М-зимами.

«Не отстираешь...» Когда не отстираешь? Завтра?..

Вернувшись в подсобку, повесил их на стул, открыл небольшой шкаф-кладовку, поискать что-нибудь на замену, пока джинсы будут сохнуть. Можно, конечно, и в трусах подежурить, но мало ли что случится...

Случится? Так уже...

«Спокойно, Артур Юрьевич... Это от перенапряжения. Неделька выдалась хлопотливая, вот и переутомился... Сейчас покурю, полежу на диванчике, и всё нормализуется. Надо, кстати, врачам показаться, давление померить, анализы сдать, томографию сделать. Может, сосудик какой пережало, мозгу не хватает кислорода, из-за чего возникают галлюцинации, панический страх перед смертью и прочая мультипликация...»

Выбор одежды в шкафу оказался невелик. Чьи-то мятые шорты-бермуды с фруктовым рисунком — бананы, ананасы, киви. Артур придирчиво осмотрел их и, не найдя очагов опасных инфекций и неприличных следов, натянул. Почти его размер. Кому принадлежат шорты и что они делают в шкафу, его интересовало мало.

Видок у него, наверное, еще тот. Футболка с черепом и надписью «BORN TO KILL» [1], шорты. Не хватает загара, магнитолы на плече, заковыристой татуировки и бутылки пива в руке. И был бы великовозрастным пляжным мачо.

Когда он повернулся, чтобы все-таки добраться до пачки сигарет, опытный глаз автоматически заметил небольшое изменение обстановки в комнате. Вернее, что значит небольшое... Еще какое большое!

Прямо напротив шкафа, рядом с плакатом с репродукцией картины «Страшный суд присяжных», появилась вторая дверь. Внешне она ничем не отличалась от первой. Обычная глухая офисная дверь серого цвета. Только новенькая. Без царапин и следов ног в нижней части. То что ее не было раньше, Артур Юрьевич мог поклясться здоровьем начальника!

«Срочно, срочно анализы! Моча, кровь, флюорография, реакция Вассермана, не знаю что там еще... Всё сдам! В госпиталь готов лечь — лишь бы отпустило!..»

Он зажмурился изо всех сил, считая происходящее сном, открыл глаза.

Дверь не исчезла.

Осторожно прикоснулся к ней ладонью. Не обожгло. Комнатная температура. Обернулся на монитор. Вместо стандартной заставки «Windows» — земной шар и плавающий по экрану цифровой таймер.

«Ах какой злобный бог...»

---

[1] Born to kill *(англ.)* — рожденный убивать.

Артур Юрьевич опустился на диванчик, служащий ложем во время вахты. Тот был коротким, ноги не помещались, приходилось подставлять стул.

Курить как-то расхотелось.

Он припомнил, с чего начался разговор в чате. С общего ощущения тревоги. Да, ощущение было. Но спроси, в чем оно выражалось, он, наверное, объяснить бы не смог. Одно дело, когда по радио объявляют: «Граждане, Монголия нанесла по России ядерный удар, ракеты в воздухе, просим соблюдать спокойствие». Тут всё ясно. А сейчас? Да, в голове звучала тревожная музыка. Но это всего лишь телереклама пилюль от простатита. «Более пятидесяти процентов мужчин после сорока страдают проблемами с мочеиспусканием... Ба—ба-ба-ба!..» Она постоянно звучит и будет звучать, ибо рекламное время проплачено на долгие годы вперед.

Таймер бежал. Только тут Артур заметил, что идет обратный отсчет. Как в плохом боевике. До ноля оставалось пять с небольшим часов. Основатель играет по классическим правилам. Всё закончится с первыми петухами или лучиком солнца.

Закончится... И как, интересно, это будет выглядеть? Столкновение с кометой? Взрыв всех ядерных боезапасов? Отмена налога на добавленную стоимость? Ипотечный кризис, наконец?

«А почему он выбрал именно нас? А не каких-нибудь китайцев или эскимосов? Ксенофобия, однако. Пусть бы узкоглазые отдувались. Или черные. А то опять мы. Неужели больше всех нагрешили?»

Артур вскочил с дивана, ткнул в первую попавшуюся клавишу. Таймер не исчез. Стало быть, переговоры закончены, торг неуместен. Спасайте мир, товарищ, спасайте!

«А может, в МЧС позвонить? Так и так, через пять с хвостиком часов нам всем кердык. И Америке, и России, и Грузии, и Китаю. Конец света. Приезжайте...»

Вряд ли приедут. Но прислать кое-кого могут. Из параллельных структур.

Что он там хотел, Основатель этот гребаный? Ой, он же меня слышит! А я его молчальником обозвал, а потом и вовсе в верхнюю часть ноги послал. Прошу прощения, Ваше Высокопревосходительство, это я по запарке. И не злой вы вовсе, а так, с причудами — у каждого бывает. Так что вы хотели? Доказать, что в нашем существовании есть смысл, что переводим продукты не зря? Да легко, никаких проблем! Мало ли в нашей истории славных страниц! И не сосчитаешь! Сейчас только сбегаю в сортир, отолью, а потом прикину насчет места и времени действия.

А куда, кстати, ломануться? В голове тут же всплыли образы Джордано Бруно, Александра Матросова, Зои Космодемьянской, Юрия Гагарина, профессора Плейшнера... Словно у двоечника, которого разбудили ночью и попросили назвать любого поэта. «Пушкин, ясен перец!»

Вот, выбирай... Хотя кто его знает, как на самом деле было? Сейчас заявляют, что это все пиар-легенды. Отправишься к тому же Джордано, а выяснится, что не за убеждения его сожгли, а потому что мешок пшеницы у соседа умыкнул. И не сожгли вовсе, а повесили... Неловко получится перед Основателем.

«Извините, сам не знал... Ну клянусь, гадом буду!» Да и Матросова вроде как на самом деле не было — какой-то штрафбатовец вместо него на пулемет упал. Вроде по пьянке... Или смершевцы попросили.

Однако шутки шутками, а секундочки бегут... Быстро бегут.

Не галлюцинации это, не кислородное голодание. Не виртуальная реальность. А самая что ни на есть настоящая. Ох как мотор барабанит...

Артур выскочил из подсобки, обошел зал магазина, навестил «бледнолицего журчащего приятеля» и вернулся обратно.

Дверь не исчезла. Таймер тоже.

Бред! Бредовый бред!!! Так не бывает! Я же взрослый, вменяемый чел.

...И на хрена я полез сегодня в этот дурацкий чат? Разложил бы спокойно «косынку», посмотрел бы легкую эротику да спать бы лег. Общения, видишь ли, захотелось, идиоту. Пообщался... Вот и спасай теперь человечество, Брюс Юрьевич Виллис!

А завтра, между прочим, рабочий день. Еще выспаться надо.

Завтра... Если наступит завтра... «Коламбия пикчерс». Колумбийские картинки.

Он вытер пот с намокшего лба, дотронулся до круглой дверной ручки. Повернул. Та не подалась. Заперто...

Всё правильно. Сначала необходимо выбрать место и время. «Это ты, боярин, такую машину изобрел?..»

А не посмотреть ли действительно древнюю Москву? С Иоанном по сигаретке выкурить. Без разрешения соответствующих органов. Когда еще такой шанс представится? А по ходу дела и смысл жизни поискать.

На всякий случай надо ствол захватить. Артур прицепил на пояс брезентовую сумочку-грыжу, в которой скучали снаряженный восемью маслятами табельный ПМ и наручники. Вернулся к двери.

Ну, с Богом... Или как там теперь его называть. Ваше Благородие... Отец-основатель.

Едва он взялся за ручку, ожил оставленный на столе мобильник.

«Ну кто там еще в такое время? И в такой момент? Ночь же! Накануне!»

Это оказался Бонус.

— Артур Юрьевич! Не разбудил? — В голосе коллеги тоже играли тревожные нотки.

«Неужели и у него та же байда?»

— Нет... Я не сплю.

— У нас тут задница.

Бонус, как никто другой, мог коротко и емко передать драматизм текущего момента.

— Не задница, а верхняя часть ноги, чудило,— по привычке поправил Артур,— мы из культурной столицы, твою мать.

— Хорошо, у нас тут верхняя часть ноги. Двойник. Тетка лет двадцати пяти и пацан. Сын ее, наверное. В мусорном бачке. На Матросова. Задушены, похоже. Документов нет. Ты бы подскочил посмотреть. Может, узнаешь тетку — земля твоя. Ты на тачке? Или мне заехать?

— На тачке... Давай адрес...

• • •

Бонусом его прозвали за полезную привычку везде требовать скидки. Даже получая в оружейке пистолет, он по привычке требовал бонусный патрончик. Весь ящик рабочего его стола был завален всякими дисконтами и накопительными картами. Загляни туда посторонний, он решил бы, что за столом сидит не опер криминальной милиции, а менеджер или торговый агент. Однажды, придя в адрес, он вместо удостоверения нечаянно показал дисконтную карточку «Максидома», тоже носимую у сердца. Никто, к слову, ничего не заподозрил. Главное ведь не мандат, а внешний вид и интонация.

А вид соответствовал. Одна металлическая улыбочка чего стоила. Память о горячей точке. Год назад поехал проветриться. Спасать демократию в Закавказском регионе. Но в первый же день не рассчитал с объемом выпитого халявного спирта. В результате — падение, удар челюстью о ящик со снарядами, потеря верхних зубов и возвращение на родину в санитарном вагоне. Естественно, в рапорте указал, что подвергся атаке неустановленных бандформирований во время несения боевого дежурства. Поверили. Тем более что Бонус алкоголем не злоупотреблял. Просто расслабился на свежем воздухе по неопытности. Даже почетный значок ему дали, как участнику боевых действий, на Доску почета повесили, премию выписали. Вот так и рождаются легенды...

На золотые зубы Бонусу премии не хватило, на керамику тем более, пришлось вставлять железные. Улыбочка получилась на пять с плюсом. Подражая киногерою Сталлоне, который грыз зубочистку, Бонус тоже стал грызть. Но не зубочистку. Гвоздь-десятку. Впечатляло. Особенно подозреваемых. Да и свидетелей тоже. Рассказывали чего и не было. Лишь бы не сердить гражданина сыщика.

Недавно ему исполнилось двадцать пять, уже два года он обеспечивал конституционный порядок в шкуре территориального опера и считался ветераном отдела, ибо больше полугода на земле нынче никто не задерживался. Костлявая рука коррупции хоть и подобралась к его молодому горлу, но плотно сжать еще не успела. Над его столом висело изречение собственного сочинения: «Все ваши беды от нашего низкого материального обеспечения». Обеспечение, к слову, действительно невысокое. Отсюда и тяга к дисконтам. Жить на ментовскую зарплату — всё равно что переплывать Атлантику на байдарке. Рано или поздно утонешь. Или сожрут акулы.

Не продать пока душу дьяволу позволяла и полулегальная халтура в компьютерном магазине, который они с Артуром охраняли по ночам. Сутки через трое. Халтуру предложил Корнеев, дабы молодой коллега превращался в оборотня не так интенсивно. Пускай лучше магазин охраняет, чем банкирам и ларечникам «крыши» ставит... Третьим участником предприятия был участковый Витька Ремезов, копивший на домик в садоводстве.

Сегодня дежурил Артур. Платил хозяин небогато, по тысяче за ночь, но и работенка непыльная. Прийти, запереться, в комп поиграть, переночевать на диванчике в подсобке и получить наличность.

Когда магазин только открылся, ночных сторожей хозяин не приглашал. Доверился квалифицированной вневедомственной охране. Через месяц слу-

чилась неприятность. Вор разбил витрину и унес двадцать жидкокристаллических мониторов плюс всякого железа на пару лимонов. Поймать злодея охранники не успели, хотя согласно рапортам были на месте происшествия через три положенные минуты. Хозяин заподозрил подвох — не сами ли караульщики мониторы погрузили? Но доказать ничего не смог. Охранники били себя кулаками в бронежилеты и клялись, что честны и преданы делу. Копейки чужой ни у кого не взяли.

Хозяин позвонил Артуру, которого знал еще по техникуму морского приборостроения, где когда-то учился. Спросил совета. Артур предложил себя и еще двоих надежных людей, готовых практически даром, считай за еду, охранять вверенное имущество. Хозяин посчитал, что тридцатка в месяц, может, и дороже, чем сигнализация, но зато надежней. Ударили по рукам, и теперь господа милиционеры каждую третью ночь проводили вне родных стен. Зато лишняя десятка к зарплате помогала немного облегчить материальные страдания и поднять авторитет в обществе.

Бонус пока не женился, поэтому периодически охранял магазин не один, а с помощницами. Это не сказывалось на качестве оказываемых услуг, наоборот — повышало моральный дух.

Артур был старше напарника на десять лет. Биография довольно типичная для мента среднего уровня. Морское приборостроение не позволяло реализовать творческие наклонности. Пришлось оставить. Армия, милицейские курсы, территориальный отдел, переход в РУБОП, карабканье по служебной лесенке. Дослужился до замначальника отдела, получил майорские звезды. Когда управление упразднили (а зачем оно, если организованной преступности в России больше нет?), решил не двигать дальше карьеру, а спокойно досидеть до пенсии в своем же территориальном отделе. Обычным опером. Предлагали, конечно, должность посолидней, но Артур Юрьевич твердо заявил: «Хватит, накомандовался». Устал от интриг, без которых немыслимо ни одно серьезное учреждение. А здесь только за себя отвечаешь. На земле работенка тоже не сахар, но это если без ума носиться.

...Машину он водил заграничную. «Ауди». Тысяча девятьсот семьдесят девятого года выпуска. Но зато с гидроусилителем руля и одним кожаным сиденьем. Деньги за нее Артур пока не выплатил, но через полгода планировал рассчитаться с продавцом, школьным приятелем. Несолидно современному майору милиции ездить на малопрестижных марках. А «ауди» — это респект. Месяц назад в отдел пригнали новую «девятку». Служебную. Для руководства. «Девятка» так и стоит в гараже. Руководство не может договориться, кто на ней будет ездить. Кто ж на такую тачку пересядет после личных «лексусов» и «тойот»? Западло. Бояться перестанут.

Через десять минут после звонка он уже был на улице Матросова. Припарковался метрах в ста — ближе не имело смысла. Сейчас понаедет начальство, заставит всё японским автопромом, потом не выберешься из пробки.

Пока еще не приехало. Возле мусорного бака, огороженного декоративной кирпичной стеночкой, торчали Бонус с гвоздем в зубах, водитель и дежурный

опер из местного убойного отдела с фонариком. На стеночке белело слово «ХЮЙ». Куда катимся, если даже такие слова пишем с ошибкой...

— Доброй ночи.— Артур пожал руки коллегам.— Вернее, злой.

— А ты чего в шортах, Юрич?! — сверкнул зубами Бонус.— По приколу, что ли?

Только тут Артур вспомнил, что забыл переодеться. С другой стороны, в мокрых джинсах не очень комфортно. К тому же ему только посмотреть.

— Где?..

«Убойщик» кивнул на бак и протянул фонарик.

Женщина лежала лицом вверх. Смерть, видимо, наступила недавно, казалось, что она безмятежно спит, подложив под голову черный пакет с пищевыми отходами. Красивая. Минимум косметики, крашеные волосы убраны в хвостик. На левой скуле ссадина. Одежда — темная юбка, простенькая футболка и вязаная кофточка. В ушах маленькие серьги-капельки, явно не золото. Пара колечек на пальцах. В лучшем случае серебро.

Мальчик прижался к ее плечу лицом, словно хотел согреться. Точно, лет семь, не больше. Короткая, почти под ноль стрижка. Такая же, как у матери, футболка, тренировочные брюки, потрепанные сандалии. Левый носок с дыркой.

У обоих на шеях по красному пионерскому галстуку. Вернее, по красной тряпочке.

— Что это? — Артур приподнял краешек тряпочки на шее женщины. Несколько белых бусинок с оборванной нити скатились в недра бака.

— Галстуки, наверное... Эти, как их... колумбийские,— предположил Бонус.— Уроды...

— Там на шее следы от веревки или шнура,— показал пальцем «убойщик»,— задушили, похоже. У женщины голова разбита и трусов нет... Документов никаких. Может, была сумочка, но забрали. Ну что, не узнаешь?

Артур отрицательно покачал головой.

— Жаль... Нет ничего хуже беспризорных трупов.

Никто не объяснял друг другу прописных истин, что, если сразу установить личности, есть шанс раскрыть по горячим следам. И что сейчас предстоит нервный и нудный обход квартир в поисках свидетелей. Здесь не кино — зрителей нет, объяснять некому...

«Убойщик» окинул тоскливым взглядом многоэтажку:

— Хрен кто ночью откроет. Придется до утра ждать.

...Если оно наступит...

Сия светлая мысль посетила голову Артура, едва он увидел убитых. Делиться ею, понятное дело, не стал. Решат обкурился изъятой травой.

...Все там будем... Таймер бежит. И не факт, что получится убедить Основателя повременить. Совсем не факт. Особенно после таких живописных доказательств. «Достойны, значит, жить? Ну-ну... И пацаненка не пожалели...»

Все там будем. И этот урод... Или уроды. Вряд ли душил в одиночку. Пацан бы поднял шум.

И не поймут ведь, твари, за что их и почему. Просто исчезнут вместе с остальными миллиардами. Тихо и легко.

А может, с ними тоже пообщался Основатель? Необязательно через Сеть, а как-то по-другому. Он же Основатель. И тоже убедил в реальности происходящего? А они, решив, что всё — кердык, утро не наступит, пустились напоследок во все тяжкие. Гуляй, насилуй, убивай, за это уже ничего не будет!..

Нет, ребятки... Напрасно вы так... Еще пять часов... Будет.

Мне бы только вас найти...

Успеть найти.

И объяснить, почему вы, суки, сдохнете.

— Кто обнаружил? — вернув фонарик, спросил Артур у Бонуса.

— Вон.— Напарник кивнул на сидящего у подъезда очкарика в поношенной ветровке.— Помойку выносил, ну и...

— Помойку? В такое-то время?

Артур подошел к парню, поздоровался, затем попросил повторить рассказ. Тот сбивчиво выполнил просьбу. Так и так, не спалось, решил прогуляться, заодно выкинув мусор. Увидел трупы, испугался, вызвал милицию.

— Ты что, с фонарем мусор выносил? — хмуро уточнил опер.

— Нет... Зачем?

— И как же, интересно, ты их разглядел? — Артур кивнул на черное небо, затянутое облаками.— Луны вроде нет. Или у тебя в голове прибор ночного видения?

— Ну...— замялся очкарик,— кажется, сверкнула молния...

— Гроза кончилась два часа назад... В какой квартире живешь?

— В четырнадцатой... А что такое? Вы мне не верите?

Артур кивнул парню, чтобы шел следом, и устремился в подъезд.

Лифта ждать не стал, четвертый этаж — не высоко. Жилец бежал следом, пытаясь выяснить, что задумал этот странный господин во фруктовых шортах.

— Погодите... У меня дети... Спят.

— Не разбужу.

Дверь оказалось незапертой. В прихожей Артур столкнулся с женщиной. Халат, бигуди, ночной крем на лице, испуг в глазах.

— Здравствуйте...

— Здрасте... А вы кто?

— Милиция. Не видно разве? Кухня где?

— Там... А в чем дело? Подож...

Артур быстро прошел в указанном направлении, включил свет, распахнул дверцу шкафчика под раковиной, где по обыкновению люди устраивают домашнюю свалку бытовых отходов.

Помойное ведро было полным. Вряд ли оно успело наполниться за десять минут, пока ехала милиция.

— Мусор, говоришь, выносил? — Опер поднял глаза на побледневшего хозяина квартиры, следом зашедшего в кухню.

— Но... Я... Я не вру... Я...— залепетал очкарик, подбирая нужные слова,— я случайно...

— Случайно нашел два трупа? В темноте? Под мусором?.. Мужичок, ты решил проверить прочность моих нервов? Они сегодня не очень прочны. За последствия не отвечаю... Что ты делал у помойки?

— Но... Какая разница?.. Если б я был виноват, разве я стал бы вам звонить?

— Я мог бы рассказать тебе кучу историй, когда убийца сам звонил в милицию, но мне некогда.

— Вы думаете, это я убил?! — Растерянность на лице парня сменилась праведным гневом.

— Я думаю, что, как минимум, ты врешь.

— Нет... Правда... Клянусь. Вот, у Кати спросите.— Очкарик кивнул на женщину в бигудях.

Та о чем-то задумалась, затем негромко обратилась к Артуру:

— Можно вас на минутку? Тёма, подожди здесь.

Артур последовал за ней в прихожую, на всякий случай бегло осмотрев кухню. Нет ли улик, которые не успели уничтожить? Шнурок-удавка, например. Или красная тряпочка. Но ничего не заметил.

Женщина заговорила шепотом:

— Тёма вам не скажет... Я всё объясню... Только ему не говорите, он расстроится... Понимаете, он композитор. Сочиняет музыку,— она приоткрыла дверь комнаты, и Артур увидел краешек черного пианино,— но это не коммерческая музыка.

— Не улавливаю связи.

— Сейчас... Она никому не нужна, ее никто не покупает. А всякую ерунду Тёма отдает даром. Для сериалов там или на эстраду. Вроде как считает недостойным брать за это деньги. Принципы. А искать другую работу не хочет. Зачем, дескать, гвозди микроскопом забивать? В конце концов, мог бы спокойно подрабатывать в ресторанах, но... Тоже недостойно. Но я не осуждаю его. Творческий человек... И очень хороший.

Артур кивнул. Знакомая песня. Я гений, поэтому не отвлекаюсь на пошлый заработок.

— У него же консерваторское образование по классу композиции. Представляете, если он в ресторане пьяных гостей развлекать будет? Или двор подметать?.. С его-то Божьим даром.

«Ах какие мы гордые... Мне вот, майору милиции, не впадлу магазин сторожить...»

— Вы не могли бы ближе к делу?

— Да-да... Живем на мои, я на лотке овощами торгую, возле универсама. Но всё равно не хватает. У нас двойня, а цены, сами знаете какие. На одну школу сколько уходит.

Женщина выдержала паузу, собираясь с духом.

— Напротив дом построили, высотку. По уплотниловке. Там люди зажиточные, нам никогда квартиру в таком не купить. А мусоропровод у них плохой, всё время засоряется. Они на нашу помойку мусор и выносят. Иногда

хорошие вещи. Один раз почти новый телевизор вынесли... Вот Тема и... Ищет. По ночам... С фонариком. Не днем же... Вы извините...

Последние слова она произнесла шепотом, словно опасаясь, что сейчас Артур придет в ярость.

Артур в ярость, конечно, не пришел, но расстроился. Версия обломилась. Не «айс».

— А сегодня прибежал весь перепуганный, сказал, что там женщина с мальчиком... Вас вызвал... Ой, а вы точно из милиции?

Видимо, хозяйка только сейчас обратила внимание на внешний вид сотрудника правоохранительных органов.

— Правда,— Артур вытащил из сумочки удостоверение,— а это летняя оперативная форма одежды. Приказ министра.

Женщина внимательно осмотрела документ и, убедившись, что парень в шортах не врет, с облегчением вздохнула.

— Вы спускались вниз? К помойке? — спросил Артур.

— Нет... Что вы... Я боюсь мертвецов.

— Придется. Женщина, похоже, местная. А вы работаете продавцом. Могли видеть. Или из вашего дома. Пойдемте... Не бойтесь. Они не укусят. Если укусят, я оплачу лечение. Оденьтесь.

Артур вернулся на кухню. Бледный, как спирохета, композитор сидел на табуреточке, теребя музыкальные пальцы. Опер раздвинул шторы, выглянул в окно. Действующих лиц возле помойки заметно прибавилось. Замначальника райотдела по общественной безопасности, дежуривший по району, бригада из ГУВД, зачем-то наряд вневедомственной охраны и даже представители МЧС. Шоу начинается.

Прежде чем покинуть кухню, он обратился к композитору:

— Слушай сюда, Бетховен. Завтра пойдешь в «Нирвану»...

— Куда?!

— В «Нирвану». Ресторан такой на Матросова. Тут рядом. Найдешь администратора, скажешь, что от Артура Юрьевича. Он пристроит тебя тапером. Три раза в неделю. С деньгами не обидит.

— Но... Я...

— Иначе посажу за тунеядство. Статью снова приняли. До трех лет. Будешь на зоне уровень художественной самодеятельности поднимать.

Композитор хотел что-то возразить, но, нарвавшись на взгляд человека в шортах, обреченно кивнул головой.

Пока ждали лифт, Артур негромко попросил женщину:

— Если вдруг узнаете ее, вида не подавайте. Отойдем в сторонку, тогда скажете. Так надо.

Артур, как опытный сотрудник, был уверен, что начальство в случае положительного опознания выхватит шашки из ножен и всех бросит в прорыв. И распугает не только душегубов, но также голубей и мирно спящих граждан. И не даст исполнить задуманное. Менялись кадры, менялись названия отделов и управлений, менялись законы. Но одно оставалось неизменным. Бардак.

Замначальника райотдела, заметив подчиненного, пришел в восторг от его внешнего облика:

— Ты совсем, да?! Еще бы в плавках пришел! Здесь убийство, а не пляж! Сейчас телевидение приедет! Клоун! Волосы седые, а в заднице детство играет!

— Не в заднице, а в верхней части ноги,— буркнул в ответ Артур и подтолкнул женщину к мусорному бачку.

— Ты еще поостри!.. Выпил, так сиди дома! Не позорь погоны!

Артур не удивился напрасному обвинению в пьянстве. У него с шефом не складывалось. Имея за плечами пятнадцать лет оперативного стажа, он мог позволить себе не соглашаться с мнением руководства. Что, разумеется, ни у кого не вызывает теплых чувств. К тому ж само руководство не было образцом преданности долгу. Взять хотя бы личный автотранспорт. Далеко не семьдесят девятый год. Очень далеко. Это при окладе в двадцать тысяч карбованцев. А если про недвижимость вспомнить, то совсем грустно...

А может, осадить его, пользуясь моментом? Ночь же Накануне. Ничего за это уже не будет. Сказать, например, как он местный наркотрафик прикрывает. Или бизнес мелкий душит, веля барыгам сдавать деньги на строительство часовенки. А потом со святым отцом табош делят. Десятину церкви, как положено, девяносто процентов себе. И никто не прикопается — церковь отделена от государства.

Нет, некогда... Есть дела поважнее. Да еще Основатель услышит. Хотя он, наверное, и так знает. Поэтому и затеял игру на вылет.

— Посмотрите, не бойтесь.— Он взял у «убойщика» фонарик и осветил мусорный бак.

Женщина вскрикнула, несмотря на то что морально готовилась увидеть убитых. Потом заплакала и запричитала:

— Господи, ребенка-то за что? Подонки... Скоты... Что им мальчик сделал?.. Жалко-то как.

Артур взял ее под локоть и отвел в сторону.

— Успокойтесь... Узнали?

Женщина вытерла слезы, потом испуганно прошептала:

— А они... Нам ничего? У нас два сына...

— Ничего. Гарантирую. Не бойтесь... Да и зачем вы им?

— Только я подписывать ничего не буду, ладно?

— Я и не прошу ничего подписывать,— хмуро ответил Артур Юрьевич.

— Хорошо,— женщина еще несколько секунд помолчала, что-то прикидывая, потом согласно кивнула,— как ее звать, не знаю. Но один раз видела. Лицо запоминающееся.

— Где?

— В кафешке. В парке Целинников.

— За памятником?

— Да... Она там официанткой работала. Или со столов убирала... Недели две назад я зашла ливень переждать, зонтик забыла, так она там посуду носила. Я еще подумала — такая симпатичная, а посуду таскает...

— Не всем же моделями быть. Точно она, не ошибаетесь?

— Она... Я ж говорю — приметная.

— А мальчик?

— Не знаю... Сын, видимо... Можно я пойду? Мне к восьми в ларек... Хотя не засну, наверное...

— Идите... Благодарю... Погодите. Сейчас вас будет допрашивать следователь. Не говорите, что узнали ее. Как раз он заставит расписываться.

— Да, да... Не скажу. А вы их точно найдете?

— Мы всех находим. Стопроцентная раскрываемость.

«Но девяностопроцентная закрываемость».

Не дожидаясь, пока она скроется в подъезде, Артур знаком подозвал Бонуса:

— Погнали. Есть вариант.

— Не могу. Сейчас главковское начальство едет, надо здесь отсвечивать. Я ж дежурю.

— Ничего, обойдутся без твоих услуг. Тетка ее узнала. Поможешь.

— Лады, я только «убойщика» предупрежу.

Через минуту они уже тряслись в «ауди», летевшей вперед, словно Чапаев на белогвардейцев.

— Амортизаторы поменяй,— Бонус прислушался к стуку в подвеске,— текут уже, наверное.

— Давно вытекли...

— Не, я «немца» брать не буду. Ремонт в копеечку влетит... Прикинь, я тут «корейку» присмотрел. Двухлетней давности, без пробега по нашим дорогам. И, главное, в кредит можно взять. Так, прикинь, в банке не дают! Я два года назад уже брал на холодильник да на пару месяцев задержал. Они и пробили! А надо-то всего десятку. Мне накоротке сказали, это из-за кризиса.

— Вон, у начальника займи.

— Как же... Даст. Он себе яхту недавно купил. Двухмоторную. Блин, обидно. Тачка классная, движок один и восемь, полный электропакет, все дела... И цвет приятный. Черный металлик... Слушай, а куда мы едем?

— В кафе. Кофе попить. Для бодрости.

Он взглянул на часы. Половина первого. В пять лавочка закроется. Если, конечно, не найдем предназначение в жизни.

Предназначение... Интересно, какое предназначение у этого композитора? Сочинять никому не нужные мелодии? И сидеть до старости на шее у жены?

С другой стороны, если бы он не сочинял, а вкалывал бы тем же тапером или грузчиком, то не ползал бы ночью по помойкам. А не ползал бы по помойкам, не нашел бы сегодня женщину с пацаном... А не нашел бы, и меня б здесь не было... И не успел бы я...

Может, в этом и есть его предназначение? Всю жизнь сочинять музыку, чтобы в один, не скажу что прекрасный, момент оказаться в нужное время и в нужном месте?

И, самое интересное, он об этом даже не догадывается.

Не исключено, и я не догадываюсь, в чем мое истинное предназначение.

И никто не догадывается.

И как же в таком случае угодить Основателю? И вообще, каковы критерии оценки?!

— Охренеть! Всего на два месяца платеж задержал! — продолжал стонать Бонус.— Так не по своей же воле! Зарплату не выдали, и попал!..

А в чем предназначение Бонуса?

— Слушай, а в магазинчик наш никто не залезет, пока ты тут? Потом не расплатимся.

— Не залезут. Я оставил клона.

Езда по парковым дорожкам была запрещена, но не для его «ауди». Артур обогнул памятник трактористу-целиннику. Месяц назад какой-то шутник написал на его робе «SALE» и телефон Комитета по охране памятников. Не поленился ведь найти... Хулигана пока не поймали. Как передали в криминальной хронике, возбуждено уголовное дело по статье «Надругательство над местами захоронений». Хотя никто под памятником захоронен не был. А если и был, то негласно.

Сверкнула тропическая молния. В половину неба. Видимо, гроза не до конца израсходовала боезапас и готовилась к повторной атаке. Что и неудивительно. Все-таки ночь Накануне. А вы что хотели? Воздушных шариков, фейерверков и пения канареек?

Кафе, как и предполагал Артур, не подавало признаков жизни. Вывеска гласила, что оно служит людям до девяти вечера. Это не ресторан или ночной клуб. Обычная парковая забегаловка, где подают бутерброды, мороженое и пиво для гуляющих пролетариев и их детей.

Внутри темно. Решеточки на окнах. Амбарного замка, правда, не видно. Есть шанс, что внутри засел сторож.

Артур постучал в дверь. Прислушался. Постучал громче, потом вытащил пистолет и несколько раз ударил рукоятью.

— Да никого,— Бонус прижался лицом к стеклу.— Чего тут охранять? Бутылки пивные? Погнали назад, утром приедем. Вот-вот ливанет, а у меня зонта нет.

— Надо сейчас,— глухо ответил майор.

— На хрена? Куда спешить?.. Им уже все равно.

— Мне не все равно.

Он быстро обежал кафешку. Столики, составленные один на другой и связанные цепочкой. Несколько сломанных пластиковых стульев на земле. Ржавеющий кассовый аппарат со следами автоматной очереди — память о романтических девяностых... Дверь в подсобку обита листовым железом. Навесной замок с секретным кодом.

Артур вытащил из кармана шорт мобильник, подсветил. Подергал петли. Ерунда. Держатся на честном слове, никакой секретный код не спасет.

Сбегал к машине, отыскал в багажнике табельный ломик. Опер без фомки все равно что дирижер без палочки или омоновец без дубинки.

— Ты чего, ломать хочешь? — обалдел Бонус, чуть не проглотив свой гвоздь.— Чего ты там найдешь?

— Не знаю... Может, список телефонов под стеклом у директора.

— На хрена? До утра не подождать, что ли? На крайняк участкового поднять можно, у них все директора заведений переписаны.

— Долго. Подсвети лучше.— Артур протянул напарнику мобильник.

— А если охрана приедет? Наверняка шалман под сигнализацией. Стрелять начнут.

— Ничего, у нас тоже пушки имеются. Отобьемся... Кончай ныть. Всё на себя возьму, если что.

Петли, несмотря на внешнюю хлипкость, оказали упорное сопротивление. Не давали товарищу майору нарушить законодательство и превысить должностное положение. Возился минут десять. Бонус стоял на стреме с пистолетом в руке, поглядывая по сторонам. Но вряд ли кто в такой час и такую погоду гуляет по парку. Даже белочки попрятались в дупла. А ручной парковый медведь в берлогу.

Наконец петли сдались, замок упал к ногам. Артур толкнул дверь и, подсвечивая мобильником, двинулся внутрь. Бонус остался на улице, чтобы в случае появления вероятного противника подать сигнал тревоги.

Одна из дверей подсобки вела в зал, вторая в кабинет директора. Тут же стояли сложенные грибочки-зонтики. Надо Бонусу один вынести, чтобы не промок.

Директорская дверь тоже оказала сопротивление. В том смысле, что имела замок, правда, врезной. Но взломать его оказалось делом двадцати секунд. На конкурсах профмастерства в этой дисциплине Артур неизменно занимал первые места. Это наследственное. Мать говорила, что его прадедушка был первоклассным медвежатником.

Те, кто завтра обнаружат взлом, изрядно поломают голову. Кто же это сковырнул все замки, но ничего ценного не прихватил?

Завтра... Блин, никак не привыкнуть, что завтра-то может и не быть...

Войдя, нащупал выключатель, зажег свет.

На директорском диванчике, подогнув ноги и положив под голову подушечку, мирно спал человек. Молодой. В милицейской форме. На полу стояли потрепанные берцы, из которых выглядывали зеленые носки, добавляя в атмосферу веселых красок. Портупея с кобурой висела на стуле. Кобура не пуста. Тут же китель. Если верить погонам — лейтенантский. На зажженный свет человек никак не отреагировал, продолжая сладко храпеть.

Артур наклонился к его лицу. Мент был не из их отдела. Возможно, соседский... Чужую территорию, однако, занимает. Да еще так халтурно халтурит. Взорвут — не проснется.

В принципе, можно и не будить. Пошарить по директорскому столу и отвалить. И пушку прихватить. Для науки.

Но придется. Наверняка он знает уборщицу-официантку.

— Эй, сторож,— майор потряс лейтенанта за плечо,— кофейку не приготовишь?

Мент вздрогнул, открыл глаза, несколько секунд таращился на Артура, затем перевел взгляд на стул, где висела кобура. Она была уже пуста, ствол опер на всякий случай вытащил. А то еще пальнет спросонья, не успеешь и ксиву показать. И ведь прав будет. Какой-то чудик в шортах взломал замок, проник в охраняемое помещение. Попробуй догадайся, что это офицер милиции при исполнении.

— Ты кто? Ты что тут...

— Спокойно. Управление собственной безопасности.— Артур с расстояния показал удостоверение.— Халтурим, значит? А как же положение о прохождении службы?

— Я... Я не халтурю... Просто... Проверял санитарию и...

— Какую ты санитарию проверял? Где работаешь?

Лейтенант сел на диванчик, поправил волосы и назвал номер отдела. Как и предполагал Артур, сосед. Участковый.

— Во, еще и на чужой грядке. Что, на своей земле места не найти?

— Это знакомый мой.— Парень виновато кивнул на директорский стол.— У них сторож заболел. Попросил одну ночь подежурить. Бесплатно.

— Крепко дежуришь. Хоть гвозди выпрямляй. Полчаса стучались.

— Там звоночек есть.— Участковый о чем-то задумался.— А как... Как вы сюда?..

— Закрываться надо,— не стал пугать парня Артур.

В кафе, судя по звукам, зашел Бонус. Но направился не в директорский кабинет, а в зал.

— Кто там? — опасливо прислушался участковый.

— Свои. Вернее, наши. Так, ты проснулся или взбодрить?

— Да я и не спал, в общем... Так, прикорнул...

— Тогда отвечай быстро и четко. Уборщица здесь работает. Светленькая, лет двадцати пяти. Симпатичная. Знаешь ее?

— Надя?

— Наверное... Сын есть у нее? Лет семь..

— Да... Костик. А зачем она вам?

— Была б не нужна, не спрашивал. Где живет, знаешь?

— Рядом где-то... Можно у Михалыча посмотреть.— Парень поднялся с дивана, сел за директорский стол, выдвинул ящик и, порывшись в бумагах, достал потрепанный блокнот.— Вот... Победы, пятнадцать, корпус три, тридцать четыре. Телефон надо?

— Давай.

Участковый записал номер на листочке и протянул оперу. Внешний вид пришельца, к слову, его совершенно не удивил. Это ж отдел собственной безопасности, чего с них взять?

Артур прикинул, что лучше — звонить или съездить. Выбрал последнее, тем более что ехать не очень далеко. Не исключено, что убийца кто-то из близких, поэтому грамотнее нагрянуть без предварительного звонка.

— Ты ее сегодня видел?

— Нет,— ответил участковый и на всякий случай добавил: — Честное слово. Я к десяти прихожу, а все в девять уходят.

— А как сама? По жизни?

— Да нормальная вроде... Без задвигов. Я ее вообще-то не очень знаю. Так, привет-привет. Она ж уборщица обычная.

«А я целый лейтенант».

— С кем живет?

— Откуда я знаю? Пацана ее видел, она иногда с ним приходит... Надо у Михалыча спросить.

— Сами спросим. Телефон дай.

Участковый назвал номер по памяти. Артур вбил его в свой мобильник. Затем вернул лейтенанту пистолет:

— По понятиям, ты мне поляну выкатить должен за пушку. Но я не люблю понятий. Дверь почини. Там петли сорваны.

Не простившись, он вышел из кафе, по пути окликнув Бонуса. Тот сел в машину не с пустыми руками. Пара бутылок пива, несколько бутербродов, «Сникерс» и пакетики с орешками.

— Во, бонус за моральные страдания. Ночь длинная, без провианта не дотянуть... Ну чего там?

Артур рассказал.

— Директору будем звонить?

— Шум поднимет. Сперва к ней прокатимся.

Когда выехали из парка, ливень ударил с такой силой, что у «ауди» прогнулась крыша. Народ забился по квартирам, и только стойкие куртизанки не покидали рабочих мест, зарабатывая на хлеб и бижутерию.

— Ого... Боженька заплакал,— прокомментировал Бонус, надкусывая халявный бутерброд.

Артур включил древний «Pioneer» послушать новости. Вдруг про конец света уже все знают... Но новостей не было. Транслировали старенькую жизнеутверждающую песенку «Queen». «All dead, all dead» [1]. Словно по заказу для товарища майора. Основатель опять ненавязчиво напомнил, что шутить не собирается.

— Слушай, Бонус,— Артур посмотрел на небо,— представь, что сегодня последний день. То есть ночь.

— В каком смысле?

— В прямом. Завтра — конец света. Метеорит там, потоп, война ядерная... Что бы ты сделал?

— Чего это ты вдруг? — не прекращая жевать, удивился напарник.

— Так, погодой навеяло.

— Ну что-что... Взял бы коньячку, рванул бы к чиксе и, так сказать, по полной программе. А что тут еще придумать? Не огород же копать и не показатели улучшать... А то и с двумя сразу. А ты?

— Я? Я б с тремя.

Дом нашли не сразу. Район неблагополучный, таблички с номерами повсеместно аккуратно разбиты. Уборщица Надя проживала в обычной пятиэтажной хрущобе.

Артур посмотрел на ноги. Да, в шортах несолидно. Но выбора не было.

Пока добежали до подъезда, успели промокнуть. Подсвечивая тем же мобильником, нашли нужную квартиру. Бонус заглянул в замочную скважину:

— Не спят. Свет горит.

Достал пистолет и нажал кнопку звонка. Быстрые шаги, щелканье отпираемого замка.

— Надь, это вы? — Голос принадлежал молодому мужчине.

— Милиция,— ответил Артур, приготовив удостоверение.

Дверь тут же открылась. Никакой техники безопасности. Точно, парень лет семнадцати. Тонкая шея, узкие плечи, подростковая сутулость. Футболка, треники. Свисающие наушники от плеера.

---

[1] All dead (англ.) — все смертны.

Артур представился, назвал номер отдела.

— А вы точно к нам?

— Точно.

Из комнаты вышла женщина чуть старше средних лет. Халат, тапочки. Возмущение на лице:

— Кто вы? В чем дело?!

Шорты и мокрая футболка Артура с надписью «Рожденный убивать» могли возмутить кого угодно.

— Из милиции,— на сей раз ответил Бонус, переложив гвоздь из одного уголка рта в другой. Для доходчивости. Но ксиву всё же показал.

Женщина, достав из кармана халата увеличительное стекло, изучила их удостоверения.

— Надежда Викторова кем вам приходится? — оторвал ее от разглядывания голограммы майор.

— Дочерью... А что случилось?

Артур незаметно подтолкнул коллегу, чтобы тот помалкивал. Если сейчас сказать правду, полезной информации не получишь. Наверное, это жестоко, но дело важней.

— Ничего. Ищем одного ее знакомого. Сергеева Игоря. Знаете такого? — Артур врал профессионально, научился за долгие годы работы в органах.

— Нет, не слышала.— Женщина растерянно посмотрела на парня. Тот тоже покачал головой.

— А ты кто такой? — ткнул ему пальцев в грудь Бонус, поддержав игру.

— Я Надин брат... Живу здесь.

— Документы принеси.

Парень, пожав плечами, скрылся в комнате.

— А где сама Надежда?

— Не знаю... Она уехала к подруге... Я уже волнуюсь... Час ночи, а их все нет. Транспорт уже не ходит.

— Их?..

— Она уехала с Костиком, с сыном. И трубку не снимает. Что за манера? Засунет в сумку на самое дно, а ты нервничай... Подождите, что за Игорь Сергеев?

Вернулся парень с паспортом. Бонус для блезиру принялся изучать документ.

— Я же сказал, знакомый ее. Вы звонили подруге?

— Конечно. Они ушли от нее часа два назад. Тут езды-то... Сорок минут на метро.

«Черт,— подумал Артур,— погано, если случайный вариант. Могли сесть в тачку к каким-нибудь уродам. Те порезвились и выкинули».

— Можно телефон подруги?

Женщина надела очки и взяла с полочки записную книжку. Продиктовала номер, который Артур также занес в мобильник.

— Звать ее как?

— Алла.

— Это она пригласила Надю?

— Не знаю... Надя сегодня выходная. Она два через два работает. В парке Целинников, в кафе. Часов в семь сказала, что съездит к Алле. Костик с ней напросился.

— Где живет Алла?

— На Васильевском. Раньше здесь жила, они с Надей со школы дружат. Потом к бабушке переехала...

— Чем занимается, не в курсе?

Надина мать как-то обреченно вздохнула, махнув рукой:

— А-а! По ресторанам гуляет... Да по парням. Непутевая какая-то. Я Надю прошу, чтобы с ней не общалась, да разве они слушают?..

— Как я понял, Надя не замужем.

— Нет... Не складывается...

— Бывает. Вы точно ничего не слышали про Сергеева? — поддержал игру Бонус.

— Впервые слышу. Да что за Сергеев? Что он натворил?

Артур мог сочинить любую правдоподобную историю, но не стал. Таймер бежит. В иной ситуации он потратил бы на разговор с матерью часа четыре, а то и больше, вытягивая информацию о дочери.

— Завтра объясним. Извините за вторжение. Спокойной ночи.— На пороге он обернулся.— Да... Вот еще. Какая у Нади сумочка? Ну, в смысле, как выглядела?

— Обычная... Черная, под крокодилову кожу. С вишенками. А почему вы спрашиваете? Что все-таки случилось? Где Надя? Где Костик?

Сыграть достоверно не удалось, мать заподозрила неладное.

— Они вернутся... Я обещаю. Ложитесь спать.

...Артур никогда не обещал того, что не сможет сделать.

Сейчас пришлось.

В машине он сунул Бонусу мобильник:

— Звони в дежурку, пусть пробьют данные Аллы.

Чтобы не терять времени, взял курс на Васильевский остров. Мосты уже разведены, придется ехать в обход, по вантовому.

— Хрен они пробьют. В «бандита» режутся.

Когда вышел закон об игровых зонах и стали закрываться павильоны, один автомат коллеги конфисковали у хозяина игрального зала на память. Поставили в дежурную часть рядом с ящиком для доносов. Скидывались с получки по сотне и заряжали, благо закон не распространялся на учреждения, служащие народу. В трудную минуту снимали нервное напряжение. Первый джекпот сорвал, разумеется, замполит.

— Звони, звони...

К ливню добавился град. Машину могло занести на повороте, но Артур не снижал скорость. Даже храбрый «участник боевых действий» почувствовал себя неуютно. И пристегнулся ремнем.

— Не гони так. Скользко.

Майор не ответил, всматриваясь в дорогу.

Свернув с кольцевой, он не прекратил гонку. Притормаживал лишь на перекрестках.

— Все наши беды от превышения скорости,— философски заметил Бонус.

— В каком смысле?

— Во всех.

Алла жила на дальней от центра стороне острова, в доме дореволюционной постройки. Здесь гроза уже отстрелялась, в огромных лужах отражались освещенные окна и неразбитые фонари.

Домофон отозвался пьяным женским голосом:

— Кто там?

— Полиция штата Калифорния.

Начались обычные в таких случаях препирательства: «Не вызывали, приходите утром, не имеете права». Артур не стал устаивать диалог, просто рванул дверь на себя, благо она была деревянной.

У квартиры повторил просьбу открыть, в случае отказа пообещав взорвать кумулятивным снарядом. Бонус подтвердил серьезность намерений, сунув в скважину свой гвоздь.

Женщина, хоть и была под градусом, оценила серьезность намерений и впустила ночных гостей из карательных органов. К слову, градус был не очень высок. Она самостоятельно держалась на ногах и вполне членораздельно возмущалась. Внешне же она походила на подержанную машину. Пять лет пробега без капремонта, морда битая, но покрашенная, торг уместен.

— Заткнись,— вежливо прервал приветственную речь Артур Юрьевич, отодвинул хозяйку и быстро осмотрел ее жилище. Ничего, кроме обычного бардака, не обнаружил. Незаправленная тахта, слой пыли, хоть картошку сажай. На кухонном столе — полупустая поллитровка, рюмка, пластиковый стаканчик с остатками квашеной капусты и шкурки от докторской колбасы.

— Ты Алла?

— Ну я. Чего дальше?

— В одиночку бухаешь? — показал на бутылку Артур.

— А что, не имею права?

— Имеешь.

Одета она была не по-домашнему. Словно не спать собралась, а на дискотеку.

— Алло, господа... В чем пафос?

Общение с представителями милицейской интеллигенции, видимо, было для Аллы делом привычным, и должного трепета она не испытывала. Но все же не смогла скрыть волнения, которое было вызвано отнюдь не ночными визитерами и не шортами Артура Юрьевича. Пальчики тряслись, глазки моргали, уши краснели.

— Дурой не прикидывайся... Надя была у тебя? С пацаном?

— Ну была.— Алла уселась на табурет и закурила с третьей попытки. Не могла попасть сигаретой в зажигалку.

— И куда они делись?

— Уехали... Часов в десять. Позвоните ей, спросите.

— На чем уехали?

— Откуда я знаю? Я их не провожала. На метро, наверное.

— А у тебя что делали? — Артур еще раз обвел взглядом кухню.

— Так, приехали, поболтали. Выпили немного. Костя телик смотрел, а мы на кухне сидели.

— Еще кто-нибудь был?

— Никого. Послушайте, какие проблемы? Ну ладно позавчера шумели, а сегодня-то...

— Проблемы у тебя.

Артур начинал закипать. С Аллой надо работать долго и обстоятельно. Но у него не было такой возможности. Плюс не было уверенности, что убийство совершено знакомыми Нади и что подруга к нему вообще причастна.

— И ты отлично знаешь, почему мы здесь. Поэтому и водку жрешь сама с собой.

Артур набрал ее номер. Мобильник отозвался из комнаты. Он кивнул Бонусу, тот сходил за трубкой и начал просматривать входящие звонки.

Алла, несмотря на алкоголь в крови, бросилась на опера с криком «Отдай!», но нарвалась на хорошо поставленный удар в челюсть. Бонус не рефлексировал по поводу нарушения прав человека, к тому же женского пола. Нам, участникам боевых действий, чужды сопливые эмоции. Звон разбившейся тарелки, грохот упавшего тела...

— Сядь на место... Юрич, тут пара телефончиков стремных. Особенно последний. Пробьем и прокатимся.

Повторять попытку нападения Алла не стала. Она поднялась, разревелась, потом, смазав тушь руками, шепотом спросила:

— Что с ними?

Артур ответил. Подробно. И про мусорный бак, и про галстуки.

— О, господи...

Она быстро вылила остатки водки в рюмку, но выпить не успела — майор был начеку.

— Сначала расклад, потом травись. И давай без недомолвок. Здесь не мочалку украли.

— Будем бить,— добавил Бонус, вытащив изо рта гвоздь.

Алла вытерла нос, поставила рюмку обратно. Как и подозревал Артур, опьянение было больше показным. Для публики. Если язык чуток и заплетался, то мозг работал в нормальном режиме.

— Мы на той неделе у Пашки были... Дубровкина. Там, нам Матросова. Это приятель наш. В одной школе учились. Он на пять лет старше.

— Дубровкин? Который за бакланку сидел? В смысле, за хулиганство,— припомнил майор.

— Да... Он.

Майор сделал знак Бонусу, чтобы включил диктофон в мобильнике. На случай, если утром дама откажется от своих слов, останется хоть какое-то доказательство.

«Доказательство... От тебя сейчас других доказательств ждут».

— Но сейчас он бизнесмен, в нефтяную контору пристроился. Пасьянсы из кредиток раскладывает. «Мерина» себе купил, квартиру в новом доме.

— Напротив Надиного?

— Да... Двушку. Ремонт сделал. Ну и пригласил нас. Похвастаться. Типа, каким крутым стал. Полянку накрыл. Сходили, посмотрели. Хата как хата... Сели, выпиваем. Тут приятель его притащился. Гарик. Игорь, то есть. Тоже из нефтяных кругов. На коксе вроде сидит. Пашка говорил.

— Так на нефти или на коксе? — уточнил Бонус.

— На том и другом. Чтобы был кокс, нужна нефть.

— Не перебивай,— шепнул Артур, потом кивнул Алле: — Продолжай.

— Ну чего... Посидели, выпили... Этот Гарик на Надю глаз положил. Я сразу поняла. Она ж красавица...

Последнее слово было сказано с легким раздражением. Даже сейчас, зная, что подруги нет в живых, Алла тайно завидовала ее внешним данным, как и заведено у лучших подруг.

— Но — обломилось... Надька тоже с гонором, да и язык подвешен. Гуляй, типа, мальчик... Обойдусь без любви с первого цента. Дурочка... Я понимаю, мужик бы был у нее постоянный... Всё выбирает. Вот, довыбиралась...

— А пацан от кого?

— А...— поморщилась Алла.— Курсант один. С Дальнего Востока или с Камчатки. Учился здесь. На гражданского летчика. Надька глупая была, голову потеряла. Женимся, женимся... А он, как узнал, что она ребенка ждет, тут же к себе слинял, даже училище не закончил. И ей бросить пришлось. Сначала с Костей сидела, а потом не до учебы. Семью кормить надо. Мать на инвалидности, диабет у нее. Братец только школу закончил да Костик. Всё на ней.

Алла снова закурила:

— Мыкалась, мыкалась... Сейчас в кафе, два через два. Да квартиры отстойщикам всяким убирает. С ее-то внешностью!.. Дурочка. Мужики слюни пускают, а она всё того придурка с Камчатки забыть не может. Он бы, козел, хоть копейку на сына прислал. Сволочь!.. В общем, отбрила этого Гарика. А чего он ей сделал? Подумаешь, ущипнул. А она дверью хлопнула да сказала ему пару теплых... Я ей после позвонила, мозги вправила. Одно дело, когда ее клиент драный в кафе ущипнет, за это можно и по роже, другое — знакомый навороченный. Тем более в шутку.

— Логично,— поддакнул Бонус.

— А этот, видать, не привык, когда дверью хлопают и посылают. С его понтами — западло... Короче, вчера Пашка позвонил. Часов в пять. Так и так, Гарик извиниться хочет, приходите. С нас шампанское и цветы. Я прикинула, что по телефону Надьку не уговорю.

— А тебе очень хотелось сходить,— догадался Артур.

— А почему нет? Это ж не гопота помойная. Серьезные люди.

— Да уж... Серьезней некуда. Дальше.

— Позвонила Надьке. Приезжай, посидим поболтаем. Типа, я платье новое купила, заценишь. Она приехала. С Костей. Посидели, выпили немножко. Она вино привезла. Я про Гарика разговор завела, мол, мучается парень, переживает. Извиниться хочет. Типа, не подумавши полез. А Надька и сама поняла, что переборщила. Ладно, говорит, поехали, пускай извиняется. Я, дура, ей тему прогнала, что он запал на нее. Не по-детски. Дескать, Пашка сказал. А что такого? Я ж ей помочь хотела! Чего она без мужика мается?

— Помогла. Спасибо.

— Тачку поймали, приехали. Она думала Костика домой закинуть, а тот заканючил — хочу с тобой, хочу с тобой. Пришлось брать... Ну, в общем, Пашка с Гариком уже хорошие были. Правда, поначалу, в благородных поиграли. Пардона просим, готовы искупить кровью. Искупили...

Алла опять заревела, стала обзывать себя грязными словами и просить у подруги прощения. Артур подмигнул Бонусу, мол, не зря съездили, потом поторопил даму:

— Не реви. Что дальше было?

— Мы в гостиной сидели, Костик телик смотрел на кухне. Потом Пашка меня в спальню заманил и говорит шепотом — поезжай домой. Гарик с Надькой поговорить хочет один на один. А при посторонних стесняется. Ты выйди на площадку покурить и линяй по-английски. Я, дура, и поверила. Ну кто ж такое предположить мог?! Тем более Костик с ней. Это как обнюхаться надо! Да у меня и в мыслях ничего дурного не было! Пашку мы с пятого класса знаем! Ну да, выпивал, из школы один раз чуть не отчислили. Но кто из нас не выпивал?! Не мог он... Это Гарик. Пидор...

— Мог не мог — не твоя забота,— прервал Бонус.

— Погоди,— притормозил напарника Артур,— так ты уехала?

— Конечно! Я ж как лучше хотела!

Алла протрезвела окончательно. Не исключено, что она недоговаривала, но в целом пока не врала.

— Ну и всё... Домой вернулась. Как раз гроза начиналась.

— Всё?! А чего ж ты водку-то пить стала? От счастья, что жива осталась? Эй, девочка, сосредоточься! — Артур пощелкал перед ее лицом пальцами.— Или тебя к помойке свозить на экскурсию?

Алла поднялась, включила воду и вымыла лицо. Больше не садилась:

— Не надо... Мне Пашка позвонил. Сказал, если будут спрашивать, то мы у них не были. Надя с Костиком от тебя ушли, и больше ты их не видела. Я спросила, что случилось, а он не ответил.

— Во сколько звонил? — уточнил Артур.

— В десять пятнадцать,— ответил за Аллу Бонус, показав входящие на мобильнике.— Это его номер?

— Да... Он на нервяке был. Я сразу поняла: что-то стряслось... Еще пригрозил. Не дай бог, ляпнешь...

— Ну, правильно пригрозил... Как только алкоголь выветрится, поймет, что ты не подружка, Алла, а живой свидетель. Готовься.

— Но вы же их...

— Но пока-то не поймали. А они в пятнашки начнут играть. На выбывание.

Алла принялась активно жевать ноготь на мизинце.

— Номер хаты его давай,— оторвал ее от процесса Артур.

— Девяносто восьмая.

— Этаж?

— Четвертый.

— «Мерин», говоришь, у него? Не показывал случайно? Из окошка?

— Показывал. Если не соврал, что это его. Серебристый такой. С двумя дверьми.

— Окно на помойку выходит?

— Нет, на улицу. Помойка во дворе.

— Ладно, теперь можешь плакать,— разрешил Артур Юрьевич.— Нет, еще вопрос. Сумочку она у тебя не забыла?

— Нет, она за тачку платила, кошелек доставала.

— Понял. Теперь слушай. Сиди дома, на звонки не отвечай, двери никому не открывай. Кроме нас, конечно. Мы позвоним условным — два длинных, один короткий. Меня звать Артуром. Мобилу твою мы временно конфискуем.

— Зачем?

— Чтоб Дубровкину не стуканула сдуру. Кто тебя знает... На память ты его номер вряд ли помнишь.

— Я не буду ему звонить! Я что, ненормальная?

— Мы все иногда ненормальные. В зависимости от обстоятельств... Береженого Бог бережет.

«Или Основатель?»

Бонус сунул Аллин «Самсунг» в карман и цепким взглядом обшарил кухню — не конфисковать ли еще чего, представляющего интерес для следствия. Но ценных предметов быта или деликатесных продуктов питания не наблюдалось.

— И завязывай куртизанить,— предупредил Аллу майор.

В другой раз он, конечно, не оставил бы такого свидетеля, забрал с собой. И если надо, прятал бы до суда.

Но сегодня будет ЕГО суд.

На обратном пути застряли. На кольцевой, перед вантовым мостом, не удержавшись на мокрой дороге, перевернулся дальнобойщик на «КамАЗе». Перевернулся неудачно — перегородил три полосы. Несмотря на ночь, мгновенно образовался хвост из таких же грузовиков и запоздалых легковушек.

Артур попытался втиснуться без очереди, но без толку — спешил не только он. До ближайшего съезда с кольцевой три километра. Очередь еле двигалась.

— Быстрей бы по городу доехали, заметил Бонус,— ночью пусто.

— Мосты.— Артур нервно барабанил пальцами по рулю.

Вантовый мост через Неву не разводился.

— Хотя куда теперь спешить? Расклад ясен, а эти упыри никуда не денутся. Они ж не олигархи, за бугор не слиняют. Отловим. Ты чего, этого Дубровкина знаешь?

— Не очень. По пьяни забирали как-то. Из «Нирваны».

— А сидел за что?

— Не повезло. На Невском наши оппозицию гоняли, а он мимо шел. Омоновец дубинкой зацепил, Паша ответил сгоряча. В отдел загребли вместе с оппозицией. Всем по году за хулиганство. Не за политику же...

— Так, может, он и правда в оппозиции?

— Ага. Из него карбонарий, как из жопы пистолет. Правда, парнишка нервный. Топ-менеджер хренов...

Артур посмотрел на небо. Нет ли грозного лика и грозящего пальца? Нет, одни тучки и реклама страховой компании на огромном щите. Летящий к земному шару огромный метеорит и слоган «Конец света — не повод для расстройства. Работаем круглосуточно».

«Интересно, это тоже приветик от Основателя? Вряд ли, скорее, причуды рекламного агентства. На всем бизнес делают. А что, может, позвонить, застраховаться, пока не поздно? От конца света? За дурака не примут — сами же предлагают. Правда, непонятно, кто страховку получит».

— Я пока вздремну,— Бонус откинул кресло,— всё равно стоим. Опер спит — служба идет.

Артур вышел из машины оценить обстановку. Впереди мелькали маячки «скорой», видимо, есть жертвы. Что и неудивительно в такую ночь.

Он не ошибся. «КамАЗ» протаранил отбойник на разделительной полосе и снес столб. Кабина всмятку. Вместе со всеми, кто в ней был. Ночка удалась...

В пробке потеряли сорок минут. Еще двадцать мчались по городским улицам, окатывая водой из луж круглосуточных торговцев арбузами.

Возле помойки продолжался осмотр. Начальственных машин прибавилось. Все хотели лично найти какую-нибудь улику и отличиться. Артур объехал место происшествия, притормозил у противоположной стороны нового дома. Разбудил Бонуса и велел подождать в машине. Сам выскочил, нашел нужный подъезд и вычислил окна. Алка не обманула, четвертый этаж. Есть лоджия, но она застеклена. Свет не горит. Либо затихарились, либо свалили.

Посмотрел на парковку. Серебристый «мерин» мок вместе с другими машинами прямо напротив окон своего хозяина... Блин, справа от него еще один. И тоже с двумя дверьми... Придется пробивать, какой из них Дубровкина. А это время. Но рисковать нельзя.

Переписал номера, вернулся в машину, позвонил в дежурку — установить хозяев. Дежурный пообещал, но не быстро — все на ушах, он не успевает на звонки отвечать. Даже ручку у «бандита» дернуть некогда.

Оставалось наблюдать за окнами. Артур ненавидел ждать, особенно находясь в цейтноте. Иногда, застряв в пробке, парковал машину и шел пешком. Даже зная, что потеряет больше времени.

Бонус, не догадываясь о планах напарника, недоумевал:

— Чего ты мудришь? Вон командиров сколько. Доложим, пускай штурмуют! Мокруха вообще не наша забота, а «убойщиков»! Мы, блин, раскрыли, так еще и задерживать должны. А нас даже в приказ не включат!

— Ты хочешь попасть в приказ?

— Дело не в том... Я за справедливость.

— Я тоже. Поэтому задержим сами.

Свет в окнах Дубровкина не зажигался. Жалюзи не шевелились. Скорее всего господа укатили на машине этого Игоря-Гарика и сейчас продолжают вечеринку. Либо вызвали такси. Деньги у ребятишек водятся. «„Газпром" — мечты сбудутся».

Через пятнадцать минут Артур перезвонил в отдел. Дежурный сумел отбиться от «бандита» и установить хозяев «мерседесов». Один действительно принадлежал Дубровкину.

— Так... Я сейчас пошумлю,— Артур достал из-под сиденья оперативный ломик,— а ты встань у подъезда. Если выскочит — треножь.

— Он здоровый?

— Не очень. Постарайся, чтобы не орал. Потом тащи в подъезд.

— А если оба выскочат?

— Как говорят наши друзья-американцы, полицейский значок уважают многие, а револьвер — все. Клади на землю. Я подстрахую.

Они вышли из машины. Бонус притаился за одним из припаркованных у подъезда джипов. Кустов возле дома еще не посадили, иных укрытий не было. Подъезд, как и окна Дубровкина, выходил на проспект.

Артур подошел к «мерседесу». Тот стоял прямо под фонарем. Специально, чтобы воры побоялись поживиться содержимым салона. Под стеклом мигала синяя лампочка сигнализации. Майор знал эту систему. У хозяина пейджер — если что-то случится с машиной, он заголосит. Что нам и надо.

Обидно, если их не окажется дома. Машину жалко, хоть она и неживая. Лишь бы наши не услышали. А то прибегут, начнут в свистки свистеть, матом ругаться.

Короткий удар.

Треск разбитого лобового стекла.

Тревожная песня сирены...

Артур не остановился на достигнутом. Фары, окошки...

«Хозяин, хозяин! Убивают!!! Просыпайся, беги на выручку!»

Майор рассчитал правильно. Звонки в дверь и уговоры открыть ни к чему бы не привели. А окажись в квартире посторонние, то последствия вообще непредсказуемы. Возьмет Дубровкин гостей в заложники и потребует вертолет до Лондона. Один раз такое в практике Артура уже случалось. Заглянул случайно к свидетелю уточнить кое-что, а у того земляк в гостях, за которым восемь похоронок. В заложники свидетеля и взял. Два дня выкуривали со спецназом и собаками. Свидетеля всё же успел уложить.

А «мерину» уже все равно. Даже если конец света не наступит, хозяин за его руль не скоро сядет. Или совсем не сядет.

Жалюзи дернулись! Есть! Пьяный, а соображает, когда дело доходит до уничтожения личного имущества... Но свет не врубает! Не совсем, значит, пьяный. Ничего, сейчас окончательно протрезвеешь...

Удар по капоту. Очень больно! Стекло можно заменить без проблем, а кузовные работы подороже встанут. Извини, «мерин», лично к тебе я претензий не имею. Все претензии к хозяину.

Артур не изображал из себя Терминатора. Наоборот, качался, тряс головой и матерился. Пьяный мудак в шортах безобразничает, обычное дело. И милицию вряд ли кто вызовет — пускай хозяин сам разбирается и выясняет, за что его тачку громят. Может, водой из лужи кого окатил...

Майор бросил взгляд на освещенный подъезд. Между этажами мелькнула тень бегущего вниз человека. Он сделал знак Бонусу, мол, готовься к при-

ему дорогого гостя, сам же всё той же качающейся походкой двинул к парадному.

— Ты чё, пидор, творишь?!!

Прокричать слово «Убью!» молодой нефтяник не успел. И вообще ничего не успел. Выскочивший из засады Бонус, не вынимая изо рта гвоздя, без стеснения зарядил Дубровкину ногой в паховую область, как рекомендуют учебники по самообороне. Одновременно, словно по заказу, сверкнула молния, усиливая эффект. У нас же здесь не сериал дешевый, а высокобюджетный фильм. Звезд, правда, нет, но зато трюки на славу.

Тут же зажал ладонью рот посиневшему от боли и страха Паше и с помощью подсечки опрокинул на асфальт. Не удержался и следом загремел сам. Даже героический участник боевых действий имеет право на ошибку.

Хорошо, что Артур Юрьевич был уже рядом.

Прыжок, удар голой коленкой в голову врага. Принуждение к миру. Враг прекратил сопротивление.

Бонус сцепил руки браслетами. Чужие, разумеется. За спиной.

Подняли, подхватили, понесли. Быстро, словно на учениях по гражданской обороне.

Подъезд, лифт, площадка...

Дверь незаперта. Как юноша разволновался из-за машинки! Даже запереть не успел...

Артур велел Бонусу подержать задержанного, сам аккуратно, держа наготове ствол, прошел в квартиру. Нащупал выключатель, зажег свет — тихариться не имело смысла.

Гостиная. Стол с остатками жратвы и выпивки. Три розочки в вазе. На стене деревянное распятие. Богобоязненные мы, крестики носим... Рядом с распятием — мишень от дартса.

Пусто. В смысле безлюдно. Дальше — спальня. Покрывало на полу. Разворошенная кровать. Но не Пашей. Паша в джинсах и футболке. Видимо, сидел в гостиной, когда автопейджер сработал. Думу думал горькую, что делать. Волновался, переживал, вместо того чтобы следы заметать.

А следы — вон они, возле кровати. Бусы рассыпанные, трусы рваные. Утюг брошенный. С длинным шнуром. Есть что предъявить.

На лоджии — никого. Сверху «мерседес» смотрелся очень хорошо. Жаль, не успел крышу рихтануть.

Проверил на всякий случай шкафы, кладовую, ванную и сортир. Если кто-то и был в квартире, то только в прикроватной тумбочке.

Вернулся на площадку. Дубровкин, дыша перегаром и заикаясь, угрожал и требовал зачитать его права. Видимо, Бонус уже представился. Доходчиво. Нечаянно перекусив свой гвоздь. Поэтому Паша и заикался.

Артур схватил его за футболку, поволок следом. В спальне подсек и ткнул лицом в бусинки. Потом поднял утюг и шнуром обмотал Пашину шею. С точки зрения криминалистики, он был неправ — на шнуре могли остаться следы. А уж с точки зрения уголовного процесса, вообще незачет...

Но у нас ночь Накануне.

Никто не узнает и не погрозит пальцем.

— Молись, баклан!..

Дубровкин захрипел, начал пускать пузыри, замахал руками, мол, дайте слово перед смертью молвить. Артур ослабил шнур.

— Это не я! Клянусь!.. Здоровьем клянусь! Не убивайте!!! Это Гарик! Переклинило его! Не надо, не надо! А я не хотел!

Дубровкин сморщил рожу и заревел, словно провинившийся детсадовец, оставленный без компота.

— Рассказывай, урод,— Артур отпустил его и снял с шеи шнур,— чего ты не хотел?

— Чтобы он... Отговаривал, в общем...

...Ничего неожиданного опера не услышали. Гарик положил глаз на Надьку, а она посмела взбрыкнуть. Да еще по морде дала. Такое приличные люди не прощают. А особенно сын известного, высокосидящего папаши.

— Того самого? — переспросил Артур, услышав фамилию.

— Да...

Попросили Алку заманить подружку в хату. Она действительно не знала, зачем. Потом велели свалить. А Надька с пацаном притащилась. Пацана на кухню отправили, там телик есть. Мультики включили.

Гарик Надьку в спальню позвал, та лоханулась, пошла. Дальше предъявил — типа, чего ты, сучка кафешная, брыкаешься? Не хочешь проблем — в койку падай. Она — к дверям. Гарик ей в челюсть кулаком, потом подушку на голову.

— Что, один?

— Ну... это... Он же здоровый парень. А много ли ей надо? Я отговаривал его, но...

Надьке удалось вырваться. Закричала, что его посадит. Тут Гарика и переклинило, даром что в две ноздри кокса зарядил. Утюгом приложил, потом шнур на шею. Попугать хотел. Да не рассчитал...

— Я просил пацана не трогать... Правда... Но он же невменяйко...

— Скажи еще, на колени перед ним встал.

...Потом завернули в покрывало и по очереди вынесли на помойку. Сверху закидали мусором, чтобы не нашли. Сумочку тоже выкинули. Алке позвонили, что она у них не была...

— А тряпки вокруг шеи? На хрена?

— Я ж говорю, переклинило его. Кокс колумбийский, вот и решил им колумбийские галстуки сделать. Из ее же платка.

«Ох, неспроста Основатель задумал мероприятие именно сегодня... У нас не только экономический кризис... Черепно-мозговой. Попробуй докажи право на существование после таких подвигов...»

— Где он сейчас?

— Не знаю... Он уехал сразу...

Артур вновь схватил утюг и носиком саданул по дубровинской коленке. Тот испуганно вскрикнул и забился в судороге. Полицейский значок уважают многие, утюг уважают все.

— Не доводи до греха. Еще раз спрашиваю, где он?

— В клубе, наверное! В «Убежище»! Он там все время зажигает! Это бати его клуб!

— На чем поехал?

— На машине.

— Понятно, что не на метро. Что за тачка?

— «Кайен». «Порш». Желтый металлик.

— Под коксом за баранку сел? — уточнил Бонус.

— Да кто ж его остановит?

Артур бросил утюг в угол, закурил:

— Где этот клуб?

— На Петроградке. В бывшем бомбоубежище, за женским монастырем.

— Одет во что? Быстро!

— Пиджак такой... светлый. Синяя рубашка.

— Фотка есть?

Дубровкин робко кивнул на мобильник. Бонус открыл альбом с картинками, начал листать.

— Вот,— затормозил Паша.

Улыбающаяся физиономия. Без особых примет, как пишут в сводках. Артур постарался запомнить.

До окончания отведенного Основателем срока полтора часа.

В принципе, если зайти в дверь даже за минуту, время остановится. Можно успеть. Правда, Артур пока так и не решил, куда отправится доказывать право на существование.

Он жестом позвал Бонуса в гостиную, где озвучил новые вводные:

— Я в клуб. Останься с этим. Сиди, пока не позвоню.

— Может, наших позвать? Ясно же все. Чего мудрить? Я, между прочим, дежурю. Случись что, кто поедет?

— Я постараюсь побыстрее. А наших звать не надо. Слыхал, кто у него папашка? Тут же просигналят. Чадо ваше порезвилось, имейте в виду. Все ж повязаны...

— Ну да,— с грустью согласился Бонус.

— Ты времени не теряй. Побеседуй с ним, пока он утюгом подогретый. Что еще про этого Гарика знает. Если интересное расскажет, сразу звони.

— А если ему кто позвонит?

— Не отвечайте. Пьяный он. Спит.

Артур слетел вниз, добежал до машины, с третьей попытки завел двигатель. Гонка по городу не прошла даром для старушки «ауди». Пенсионный движок перегрелся. К тому же ремень генератора держался на матерном слове. Новый стоил дорого, ибо машина была старой, и купить запчасть можно только по заказу. А семейный бюджет не рассчитан на приобретение предметов роскоши. Завтра вон за секцию Лешке платить. И квартплата на подходе.

Лешке, его сыну, тоже семь. Как и Костику...

Возле Летнего сада машина умерла окончательно. Ремень не выдержал нагрузки. На оставшейся энергии аккумулятора Артур дотянул до моста через Неву. Мост уже свели, но радости это не добавило.

Он быстро прикинул. Тачку на последнюю сотню — смешно. По удостоверению никто не повезет — рыночные отношения. Бегом до клуба уйдет минут сорок. Про волшебную дверь в этом случае можно забыть, вернуться он не успеет. Но если рвануть в компьютерный магазин сейчас, успеет. «За час уложусь, нормативы сдавал недавно».

К тому же не факт, что урод именно в клубе. Даже если поехал туда, мог уже слинять.

Артур вышел из машины. Для очистки совести заглянул под капот, хотя и так было понятно, что исправить он ничего не сможет. Закрыл двери, добежал до площади перед мостом — там постоянный пост ГИБДД, можно попросить тачку. Но пост пустовал, в такую погоду хороший начальник на службу подчиненного не выгонит.

Попробовал голосовать. Бесполезно... Какой вменяемый ночью подсадит человека в бермудах? Даже за двойной счетчик.

Человек в бермудах еще раз посмотрел на часы, злобно сплюнул на мокрый асфальт и побежал на мост.

...На рамке его встретили два строгих вышибалы с дубинками-металлоискателями. На их лицах читалось, что заведение частное,— посетителя могут не пустить без объяснения причин. Табличка у дверей рекомендовала соблюдать приличную форму одежды. Подпадают ли под это определение фруктовые шорты и футболка с надписью «Рожденный убивать», нигде не разъяснялось. Но это мало волновало майора.

— Отлить пусти,— он предъявил удостоверение,— очень хочется. Простатит. Еле добежал...

Тяжелое дыхание и струившийся пот подтверждали слова.

— Лечиться надо,— сочувственно порекомендовал один из вышибал, уступая дорогу.— Туалет внизу, в конце малого зала.

— Благодарю.

Рамка противно зазвенела, среагировав на ствол и наручники. Артур спустился в бывшее бомбоубежище. Народ активно клубился, несмотря на будний день. Происходящее напоминало танцы в вагоне метро в час пик. Плюс дымовая завеса, официанты с подносами и голая девица на шесте. Монотонная музыка заглушала голоса.

«Убежище».

Но никто не прятался. Все танцевали, нюхали кокаин, пили алкоголь и веселились. Хотя в чем заключается веселье, майор не понимал. Но чувствовал, что им весело. Артур был уверен, что подобное времяпровождение вышло из моды лет пять назад. Выходит, ошибался.

Искать Гарика в этом заведении, ориентируясь на фотографию из мобильника,— пустое занятие. Но он был здесь — прежде чем спуститься в «Убежище», опер осмотрел парковку. Вряд ли «порш» цвета мочи принадлежал кому-то еще. Слишком редкий окрас. Трюк с разбитым стеклом уже не прокатит. Паркинг наверняка под камерами слежения, сразу охранники прибегут. Ждать хозяина возле машины тоже опасно. Когда он выйдет? А время не резиновое.

Да, у парнишки высокая степень отморожения. Задушил двоих и тусоваться поехал, вместо того чтобы в нору забиться.

Он протиснулся сквозь танцующих. Никто не обращал внимания на его внешний вид. Скорее обратили бы, будь он в костюме с галстуком.

Заметил свободное место у столика-грибка, встал, осмотрелся. Светлый пиджак, синяя рубашка. Дохлые приметы. К тому ж Дубровкин мог и соврать. Вернее, умышленно перепутать. Можно, как в кино, позвонить ему на трубку, но в этом грохоте все равно ничего не услышишь.

Дама на шесте закончила акробатический этюд, в углах зажглись лампы, освещая зал. Он действительно был стилизован под бомбоубежище. Тяжелые двери с поворотными ручками-колесами, темно-зеленые стены, вместо картин — инструкции по оказанию первой помощи и правила пользования противогазами. Трубы вентиляции под потолком. Барная стойка, шест и кислотная музыка немного выбивались из композиции.

— Здравствуй!!!... Скучаешь?!!

Артур повернулся на перекрикивающий музыку голос. Рядом пристроилась девица лет восемнадцати. Невысокого материального достатка, судя по одежде и украшениям. И невысокого сословия, судя по манерам и отсутствию чувства меры в косметике. От нее пахло мятным ликером и общежитием.

— Очень! — крикнул на автомате Артур и продолжил сканировать зал.

— Ты один?!

— Ну, раз скучаю, значит, один!

— Я составлю компанию?! Не возражаешь?!

— Составляй!

Черт... Время, время...

— Меня Катей звать!! А тебя?!

— Артуром!

— Юрой?! — не расслышала девица.

— Артуром!

— Красивое имя! Коктейлем не угостишь?!

Она не походила на куртизанку, хотя те обхаживают клиента подобным манером. Скорей всего искала любви с первого цента, как говорит Бонус. На внешность жертвы не ориентировалась. Подумаешь, в бермудах. Лишь бы человек был хороший и с жилплощадью. Наверняка приехала в Питер из какого-нибудь прекрасного далека. Живет в студенческом общежитии и готова стать частью интерьера любого состоятельного мужчины.

— Угощу!.. Потом!

— А ты местный?!

— Да!

— А я из Великобельска! От слова «белочка»! У нас белок много... А здесь учусь!

«Дьявол, ни одного светлого пиджака! И фотка на мобильнике неизвестно когда сделана. Не подходить же и не спрашивать: „Это не ты Гарик, который двоих задушил?“»

Кстати, не исключено, что не двоих... Слишком просто на мокрое пошел, даже под кокаином.

— Что?!

— Учусь здесь! В педагогическом!

— На учителя?!

— Нет, на юриста!.. А ты чем занимаешься?!!

— Писатель я! Фантаст! — наобум прокричал Артур.

Раз в педагогическом учат на юристов, то почему он не может быть фантастом?

Интересно, а в чем предназначение этой Кати? В высоком смысле? Для чего-то ведь она нужна? Ей-то лично все ясно. Зацепиться за кого-нибудь, устроиться. Чтобы смело смотреть в светлое завтра. И не шариться по ночным клубам, рискуя подцепить СПИД или сесть на иглу. Не исключено, уже подцепила... Или ее предназначение в том, чтобы, как и тому композитору, оказаться в нужном месте в нужное время? И показать, например, мне Гарика...

— Прикольно! Ты здесь в первый раз?!

— В первый!

Предназначение? У каждого есть предназначение.

— А ты не в первый?!

— Нет! Тут классно!..

«У нас в педагогическом такие стипендии, такие стипендии, хоть каждую ночь веселись!»

— Слушай,— Артур приобнял девицу за талию, подвинул к себе и прокричал в ухо: — Мне тут друга одного найти надо! Гариком звать! Его папаша этот клуб держит! Ты же здесь всех знаешь! Не покажешь?!

— А зачем он тебе?!

— Предложение есть! Коммерческое! Долго объяснять! С меня еще коктейль!

Мимо продиралась сквозь народные массы официантка.

— Девушка! — крикнул ей Артур.— Два коктейля!

«Проявляй к свидетелю истинный, а не показной интерес».

— Каких?!

— На ваш вкус!

«Денег и на половинку не хватит».

Официантка кивнула и скрылась в массах. Катя больше не задавала вопросов, только еще плотнее прижалась к Артуру. Любовь!

— Он в том зале сидел! — Она показала на дверь с ручкой-колесом в дальнем углу.

— В светлом пиджаке, да?!

— Нет! В кожаном! В черном!

— Точно?!

— Конечно!

— Давно приехал?!

— Не знаю, я только пришла.

Приметы, однако, не совпадают. Наверное, переоделся. У Нади голова разбита, мог заляпаться в крови. Либо Дубровкин, падла, соврал...

— У него «порш», да?!

— Да! Желтый!

Артур с трудом расцепил Катины объятия. Она выполнила свое предназначение.

«Куда ты, Юра, куда? А как же я?!»

— Подожди, я сейчас! Потороплю с коктейлем!

«All dead, all dead...»

Гарик, как и предполагал Артур, не посыпал голову пеплом и не глушил совесть коктейлями. Шептался с блондинкой, прижав ее к стенке. Блондинка смеялась и целовала его. Если это, конечно, был именно Гарик. По крайней мере на рожу с мобильника Дубровкина он походил не очень.

Артур дотронулся до сумочки-грыжи, на ощупь расстегнул молнию. Пистолет был теплым — нагрелся от разгоряченного тела.

Нет. Сначала с ним надо поболтать. И послушать, что скажет.

Подойти и попросить выйти? На мента человек в бермудах не очень похож, есть шанс, что прокатит.

А если не пойдет? Он же накрученный, с распальцовкой. Чего ему ходить?

— Вон туалет,— чья-то рука опустилась Артуру на плечо.

Он вздрогнул, обернулся. Вышибала металлоискателем указал на дверь:

— Я ж сказал, в конце второго зала.

— Да-да... Я понял. Спасибо.

Наверное, они заподозрили, что опер пришел сюда вовсе не пописать. Ночью отлить можно под любым кустом, особенно когда ксива в кармане. Никто не предъявит.

Он быстро скрылся за дверьми мужского отделения. Тишина резанула по ушам. Заскочил в свободную кабинку. Возможно, здесь тоже есть камеры наблюдения. Записывать, как богемный народ нюхает кокс или жрет таблетки. На долгую коммерческую память... Под ногой хрустнул брошенный кем-то шприц.

Набрал домашний номер Аллы. Два звонка, пауза, повтор.

— Алло.

— Это Артур.

— Да-да... Слушаю.

— Никто не звонил?

— Нет...

— В чем был Игорь, помнишь?

— Да, конечно... В кожаном пиджаке и джинсах. Черных. И рубашка. Светлая. Бежевая, кажется. Вы... вы его поймали?

— Практически.

Артур отключил связь. Ну, Дубровкин... Сколько раз зарекался верить на слово. Неужели нельзя было позвонить Алке сразу? Нет, ты не настоящий профи, Артур Юрьевич. Но зачем Дубровкину гнать такую залепуху? Он же сдал своего приятеля! На что расчет? Что не поймаем?

Хрен с ним, сейчас это не столь важно. Важно, что вышибала наверняка торчит за дверью и ждет. Чтобы проводить господина оперуполномоченного

на свежий воздух. Нечего ему в «Убежище» делать. Тут серьезные люди таблеточный бизнес мутят. А уважаемые гости отдыхают в меру своей испорченности. Ни в коем случае нельзя им мешать.

Артур вышел из кабинки, включил воду, склонился над раковиной. Возле соседней фыркал пузатый отрок с прилизанными назад патлами и узорами татуировок на руках. Больше в сортире никого не было.

С минуту мыл руки, затем подставил лицо под холодную струю. Если за ним и наблюдают, ничего аморального не заподозрят. Не ноги же он моет.

Полчаса... Тридцать минут... У него всего тридцать минут. Что делать?!! Влетать в зал, объявлять приговор и... стрелять?

Не дадут. Да и левого зацепить можно в суматохе...

Отрок вышел. На секунду через дверь в сортир ворвалась музыка, и снова всё стихло. Правда, сосредоточиться мешал по-прежнему крутящийся в голове старенький хит «Queen».

Он продолжал тупо мыть руки. Думайте что хотите! Вот такой я! Настоящий мент с чистыми руками!

Потом поднес их к тепловентилятору. Обсохнуть надо.

Снова ворвался монотонный бесконечный аккомпанемент кислотного веселья. Артур через зеркало посмотрел на дверь.

...Ему должно было повезти! Он чувствовал, чувствовал это, когда побежал к мосту! Иначе совсем несправедливо. Совсем...

Убийца Нади и Костика зашел в крайнюю кабинку. Дверь не запирал. От кого запираться? На стоящего у фена человека в шортах внимания не обратил.

Всё, даже если прибежит охрана, ему никто не поможет. И ни авторитетный папа, и ни платиновые адвокаты.

Артур подскочил к дверце, на ходу выхватив пистолет из грыжи.

— Занято!

— Свободно!

Носком ботинка ударил стоящему перед унитазом убийце в коленный сгиб. А когда тот с криком присел, зажал его шею между черепом на футболке и левым предплечьем. В правый же висок с силой вдавил ствол «макарова».

И, разумеется, разъяснил права. В свободной форме. Суть их сводилась к простой формуле: дернешься, сука,— сдохнешь.

Несмотря на разъяснение, Гарик попытался вырваться, схватившись за левую руку Артура. На пол, сорвавшись с клипсы на его ремне, упал модный IPhone. Не подчинившись «закону бутерброда» — экраном вверх.

Засохшая кровь на манжете рубашки... Даже не переоделся, ублюдок!

«Лицо подлежит ответственности только за те общественно опасные действия, в отношении которых установлена его вина...»

Вина установлена!

Артур отпустил его и толкнул вперед. Гарик успел подставить руки и уперся в стену. Затем развернулся, попытался отступить, но вместо этого грохнулся на унитаз.

Майор, не опуская пистолета, повернул дверную задвижку:

— Привет, Гарик... Отдыхаешь?

— Ты... Ты чё?..

— Не ты, а вы... Уважай старших...

Артур представился, как предписывает приказ. Фамилия, звание, должность.

Он не собирался произносить голливудских монологов типа «сейчас ты будешь долго и мучительно умирать, вспоминая всю свою никчемную жизнь».

Просто зачитает приговор и приведет его в исполнение.

Зачитал... Прицелился...

Гарик не оправдывался, шипел какие-то дешевые угрозы. А может, дорогие, что уже не принципиально.

Зазвенел валяющийся у ног IPhone. Блин! Кто нас беспокоит в такой неподходящий момент?

Опустил глаза. На экране высветилась фотография. И черт бы с ней, но...

Это была фотография Дубровкина. Паша высунул язык и растянул пальцами рот. «Комеди клаб» хренов...

Что за фокусы? Как он может звонить? Он же скован наручниками за спиной. Что там случилось? Освободился?! Сбежал?! А Бонус?!

Не опуская пистолета, Артур медленно нагнулся, поднял телефон и нажал кнопку «Ответить» на экране.

— Алло! Гарик! Гарик! — Дубровкин не говорил, а орал, словно кот, угодивший лапой в мышеловку.

— Да,— глухо ответил майор.

— Я тебе уже полчаса звоню! За тобой менты едут! Вали из клуба!

— А... Ты где?

— Дома! Мне позвонить разрешили! Уходи быстрее!

Полчаса звонит. В зале грохочет музыка, Гарик просто не слышал звонка. Справедливость есть!

Артур швырнул телефон в унитаз.

...Молодец, Бонус. Вот и заработал на «корейку». Черный металлик. Безо всякого кредита. Гарика ведь еще поймать надо... А Дубровкин, хоть и бухой, рассчитал трезво. Фотку другого человека показал, приметы левые назвал, звоночек телефонный купил. Купил-купил, здесь без вариантов. Кто ж теперь Гарика поймает? Папашка не даст, ушлет на какие-нибудь офшорные острова. А пока Гарик не пойман, можно все на него валить. Да и с адвокатом приятель поможет, а то и с ментами вопрос решит...

Кризис. Полный кризис.

И не абы когда, а именно сегодня всё проявилось. Как на лакмусовой бумажке Потому что сегодня ночь Накануне, которая всё расставляет по своим местам. Страшный суд присяжных. Вся веселуха повылезала.

Нет у нас шанса. Ни малейшего.

...Чего ты медлишь? Стреляй! Никто не услышит! Вышиби ему пропитанные кокаином, очумевшие от безнаказанности и халявных денег мозги! Покажи этому хозяину жизни, что такое настоящий рок-н-ролл! Сейчас прибежит охрана! Стреляй! Ты прав! Сто человек из ста будут на твоей стороне! Никаких сомнений! Он ведь даже не оправдывается и не просит пощады! Значит, виновен! Неотвратимость наказания — принцип любого законодательства.

И главное, через двадцать пять минут все равно all dead.

Стреляй!!! Ты же настоящий мужик! Опер. Не Бонус. Безо всякой сопливой лирики! Вспомни, как год назад уложил ковбоя, убившего свою семью! Терзался тогда? Ни секунды! Правда, ковбой тоже стрелял.

Представь, что и этот стреляет! Или хочет завладеть табельным оружием. По-любому, даже если Основатель повременит с концом света, ты отпишешься. И любой суд тебя оправдает. Да если и не оправдает — плевать! Уже плевать! Главное — случится торжество высшей справедливости.

Стреляй!! Быстрее!!!

Слышишь, как загрохотала музыка? Кто-то зашел в сортир.

У тебя две секунды! Ты мужик!

Артур прищурил глаз и приставил пистолет ко лбу посиневшего от страха убийцы.

«All dead, all dead...»

* * *

Он гнал «порш», словно жокей гонит лошадь на ипподроме. Разве что не пришпоривал и не стегал кнутом. Но орал примерно так же. На посту возле моста окатил дождевой водой выскочившего из будки гаишника. Тот хотел броситься в погоню, но передумал, заметив крайне блатные номера.

На одном из поворотов не удержал машину, выскочил на тротуар и протаранил пирамиду арбузов. Продавец успел отпрыгнуть в сторону. Красивый, наверно, кадр для боевика... Щетки смыли красные ошметки с лобового стекла.

В магазин он ворвался за две минуты до... Таймер работал, дверь не исчезла.

Реальность.

Артур отдышался, собрался с духом, повернул ручку и толкнул дверь.

Она открылась.

Он оказался на пороге уже знакомой квартиры. Из гостиной доносился смех. Бросил взгляд на кухню. Мальчик смотрел мультфильмы.

Артур неслышно прошел по коридору, остановился возле застекленной двери.

За сервировочным столиком с закуской и выпивкой сидели четверо. Надя, Алла, Гарик и Дубровкин. Дубровкин рассказывал анекдот. «Вот уже год она каждый день выходила к метро с табличкой „Умерла мама, помогите на похороны". И только соседи по коммуналке знали, что она не врет».

Все, кроме Нади, засмеялись, потом выпили. Она действительно была красивой. Была...

И выглядела очень грустной. Словно предчувствовала.

...Нельзя исправлять прошлое. Даже если имеешь такую фантастическую возможность. Иначе не по правилам. Наверное, Основатель забыл предупредить. Кто знает, не приведет ли это к еще более страшным последствиям? Спасешь двоих, а погибнут сотни.

Исправленному — не верить. Это не работа над ошибками и не испорченный договор страхования жизни.

Артур шагнул в комнату. На него никто не обратил внимания.

Его не видели!

Основатель не дурак. Всё предусмотрел. Он не даст изменить прошлое. Наблюдай, но не вмешивайся.

Он подошел и взял Надю за руку. Она никак не реагировала.

— Уходите! Немедленно уходите! Слышите?!

Она не слышала. По-прежнему грустно смотрела в окно.

— Уходите! Я останусь вместо вас! Уходите!!!

Артур хотел опрокинуть стол, но руки прошли сквозь него, не сдвинув с места.

— Уходите!!!

Ему показалось, что их взгляды встретились. Возможно, случайность.

Дубровкин жестом позвал Алку в спальню.

Уходите!!!

Гарик поднял валявшийся на полу дротик от дартса и метнул в мишень, висящую за спиной Артура. Дротик прошел сквозь майора и воткнулся в распятие, не попав в цель.

...Они с Надей снова посмотрели в глаза друг другу. Это уже не могло быть случайностью. Надя видела его. Или чувствовала присутствие.

Стоп! А может?.. Может, всё не по-настоящему?! Основатель просто придумал игру! Придумал правила! Я хотел зайти в дверь, но тут позвонил Бонус, попросил приехать... Случайность? Нет! Основатель создал условия, чтобы посмотреть на последствия. Кто как себя поведет. В этом и есть его план! Легко доказывать на чужих примерах, а ты попробуй докажи на своем! Не подозревая, что ты сам и есть доказательство. Ах, молодца! А это значит...

Значит, в реальной жизни ничего не случилось. Надя и Костик живы, а не лежат в мусорном баке! А я только играл в заданных условиях! Я же сыщик, как сразу не догадался?!

Или... или я все-таки ошибаюсь?

Алла вышла из спальни:

— Надь, я сейчас вернусь. Совсем забыла, мать просила заскочить... Я буквально туда-сюда...

— Хорошо.

Через минуту она покинула квартиру.

— Мне тоже пора. Дела.— Гарик встал с кресла, нечаянно зацепив початую бутылку с красным вином и запачкав манжет рубашки.

Надя принялась вытирать столик салфеткой.

— Надь, еще раз извини за прошлый раз... Не знаю, что на меня нашло. Дурак...

— Ничего... Я уже забыла.

— Я позвоню как-нибудь, если не возражаешь. Поужинаем... Или просто поболтаем.

— Конечно.

Он галантно поцеловал ей руку и вышел в прихожую...

Да! Это всего лишь игра! Они остались живы! Живы!!!

Артур проводил Гарика до дверей. Тот обулся и покинул квартиру. Майор вернулся в комнату, подбежал к окну. Увидел, как моргнул фарами желтый «порш», как Гарик уселся в него и отчалил.

Всё! Я угадал! Ха-ха-ха!!!.. Он никого не убивал! Это игра! Можно уходить!

Когда он уже взялся за ручку волшебной двери, услышал странные звуки из ванной. Притормозил и заглянул внутрь.

Перед зеркалом стоят Дубровкин. На стеклянной полочке белела дорожка из порошочка. Паша нагнулся с ней, поднес к носу трубочку и жадно втянул кокаин. С наслаждением зажмурился, потом открыл глаза и, мерзко улыбнувшись, посмотрел на свое отражение...

Отражения не было...

Артур увидел только себя!

Дубровкин по-волчьи принюхался, обернулся назад, словно почуяв присутствие постороннего, и облизнул желтоватые клыки.

Ха-ха-ха... А теперь можно и порезвиться...

И это не было условиями игры. Это было по-настоящему... Как и те красные галстучки, повязанные жертвам.

Чтобы не сразу нашли следы от зубов.

«...Как же ты мог перепутать вино на манжете с кровью?! Как же ты мог поверить на слово?! Положился на интуицию, на опытность? Сыщик хренов! Очки купи!»

Нельзя менять прошлое, Корнеев. Нельзя исправлять ошибки, нельзя вернуть потерянное безвозвратно... Как бы ни хотелось.

Надо просто не допускать ошибок. По возможности... Какие бы эмоции тобой ни управляли.

Основатель рассчитал грамотно. В этом и было испытание.

А сейчас возвращайся и жди приговора.

Он, покачиваясь, словно пьяный, вернулся в прихожую и открыл дверь...

Глава вторая
БОМОНД

«Не слишком ли много коньяка за вечер, Бомонд?»

Не слишком. Всего-то...

Аркадий взглянул на стоявшую возле монитора поллитровку «Багратиона». Чуть больше трети в остатке. Нормальная рабочая доза. И потом, это не только за вечер. Начал-то практически днем, в шесть часов, когда сел за работу.

© А. Кивинов, 2010

Он вообще в последнее время не мог работать без алкоголя. И вовсе не потому, что спиртное якобы стимулирует мозговые клетки. Просто то, чем он занимался, не приносило особого удовольствия. Скорее, наоборот,— вызывало легкую тошноту, грозящую со временем перейти в устойчивый рвотный рефлекс.

Аркадий трудился преимущественно по ночам. В шесть вечера садился за потертую, отполированную до блеска клавиатуру, на которой уже не было видно букв, а в четыре утра вставал из-за стола. Разумеется, делал перерывы. Один из них приходился на одиннадцать вечера. Под именем Бомонд он заходил в чат и общался с населением, дабы быть в курсе царящих в обществе настроений. Что в его профессии абсолютно нелишне. Да и некоторые удачные фразы посетителей тут же копировал в специальную папочку. Пригодятся. Тем более что никто не предъявит права на авторство. Это же Сеть.

Байки о знаменитостях, которые он рассказывал в чате, имели реальную основу. Некоторые истории происходили на его глазах, а некоторые с его участием. Обидно, что сам он знаменитостью не считался.

Аркадий был сценаристом. С его точки зрения, как минимум, талантливым. Хоть и без специального образования. Образование лишним не бывает, но, коли нет в тебе искры Божьей, никакие курсы или институты не помогут.

И как часто это случается у гениев с большой буквы «Г», творец вступал в непримиримый конфликт с ремесленником, что и вызывало устойчивую потребность в коньяке.

Он считал себя творцом, а от него требовали ремесла. Те два сценария, которые он, выражаясь языком поэтов, писал кровью, так и пылились в ящике стола, зато пустышки для ситкомов [1] или криминальных саг продюсеры брали на ура.

Поначалу он старался не халтурить, тщательно продумывал диалоги, логику поступков героев, но конвейер работал без остановки, и он махнул на качество рукой. Использовал штампы, воровал цитаты из других фильмов, а иногда откровенно прикалывался. Благо деньги платили, а народ кушал и требовал еще. Да и какое тут может быть качество, если в тридцать минут экранного времени надо помимо купленного у американцев или французов бредового сюжета впихнуть скрытую рекламу всякого ширпотреба? А потом еще слушать не менее бредовые замечания редактора и соглашаться с ними. Ибо, если не согласишься, тут же найдут замену.

Постепенно он вообще перестал спорить и делал то, что говорили. Надо пять трупов за серию — без проблем, надо десять шуток про секс — без вопросов!

Когда-то, миллион лет до нашей эры, он кропал статьи для городского еженедельника и подрабатывал сочинительством женских любовных романов для крупного издательства. Однажды коллега, халтуривший на популярном милицейском сериале сценаристом, попросил подменить его на пару серий. «Там

---

[1] Ситко́м — ситуационная комедия (англ. Situation Comedy, sitcom) — жанр комедийного телевизионного сериала с постоянными основными персонажами и законченным сюжетом в каждой серии. Для ситкомов характерен закадровый смех.

ничего сложного — есть заданные герои, придумываешь простенькую историю по схеме „преступление — раскрытие — пьянка" и пишешь диалоги. Деньги небольшие, но, глядишь, заметят».

Попробовал. Придумал. Написал. Заметили. Предложили написать еще. Необязательно на милицейскую тему. Ну и понеслось... Еженедельник остался без журналиста, а издательство без любовного беллетриста Вероники Грин. Такой псевдоним выбрал Аркадий, потому что первый гонорар ему заплатили черным налом в зеленых долларах. Ее, вернее, его последняя повесть «Ночь Накануне», пылившаяся на подоконнике, была единственным напоминанием о незадавшейся писательской карьере.

К сорока трем годам, несмотря на полторы сотни написанных сценариев, он оставался известным лишь в узких кинематографических кругах.

Творил он в однокомнатной квартирке, оставшейся от покойных родителей. С собственной семьей не сложилось. Женился рано, еще в студенчестве, по пламенной любви, но быстро и так же пламенно развелся. Теперь регистрировать отношения не спешил. Любовь любовью, но потом ведь имущество делить придется.

Прочитав фразу Основателя о коньяке, он почти инстинктивно оглянулся на окно — задернуты ли шторы? Просвет шириной в ладонь имелся. Аркадий встал, осторожно выглянул наружу. Теоретически за ним могли наблюдать из дома напротив. Или из салона женского белья, расположенного левее. Или, если уж совсем постараться, с крыши ночного клуба «Убежище», неоновая вывеска которого светилась справа.

Но зачем?!

В принципе, под ником Основатель мог скрываться какой-нибудь приятель, знающий об особенностях его творческой кухни. Тогда всё понятно — прикол в стиле Ури Геллера. Типа, читаю позорные мысли на расстоянии.

Интересно, а про остальных тоже знал? Или пальцем в небо?

От раздумий его оторвал забренчавший в прихожей телефон. Ага, наверно, звонит этот неизвестный приятель. Признаться в розыгрыше и посмеяться.

Аркадий вышел из комнаты и снял трубку:

— Слушаю.

— Алло, Аркадий Петрович! Добрый вечер!

Нет, не приятель. Звонила ассистент режиссера, Людочка Савельева,— юная особа, страстная поклонница Гоши Куценко, побрившая голову до зеркального блеска и наколовшая профиль кумира на костлявом плече.

— Извините, что так поздно, но я по поручению Ильи Васильевича. Он с Валерием Михайловичем срочно улетел в Париж. Что-то там не в порядке с условиями лицензии. Просил сценарий отправить прямо Игорю, на его адрес.

Илья Васильевич руководил проектом, в котором участвовал Аркадий. Валерий Михайлович был главным редактором. Оба в обязательном порядке вычитывали сценарии, делали замечания и только после внесения правки утверждали и передавали молодому режиссеру Игорю, фамилию которого Аркадий, если честно, не помнил. Если Илья Васильевич по каким-либо причинам не успевал прочесть, то работу принимал Валерий Михайлович.

— То есть они не будут читать?

— Просто не успеют. Застряли в аэропорту, идет очень сильный грозовой фронт, не могут вылететь. И почту им не сбросить, там попросили отключить мобильники и ноутбуки. Но они вам доверяют.

— Пускай прочитают завтра.

Утром Аркадий должен был отправить текст. Ни днем позже. Конвейер не допускал простоя. День, от силы два на подготовку — и «мотор!».

— Завтра им будет не до того. И послезавтра тоже.

— Понял... Хорошо, отправлю.

— Спасибо, Аркадий Петрович.

Разумеется, он работал над «Огнем на поражение» (так назывался проект) не один, а в составе бригады сценаристов. Строго к определенному числу должен был сдать очередную серию. Сюжетов он не выдумывал, ему присылали синопсис — краткое содержание. Мог что-то менять, но по мелочи. Какие-либо несоответствия с остальными сериями устранял Валерий Михайлович.

Хорошо, что не требовали творить в офисе, как, например, в студии «Глобал», где сценаристы по восемь часов молотят в замкнутом пространстве под присмотром редактора с плетью.

«Огонь на поражение» был типичным представителем криминального «мыла», снимаемого по лицензии, купленной у французов. С русской поправкой на кровь. У французов ее было раза в три поменьше. Рейтинг, словно индейские боги, требовал кровавых жертвоприношений. Можно было убить больше, но меньше — ни в коем случае. Реквизиторы не успевали подвозить бутафорскую краску на площадку.

Сценаристов, как и актеров, не баловали материально. Один попытался поднять планку гонорара, но тут же был заменен штрейкбрехером. А устраивать забастовку, как в Голливуде, никто не решался по этическим соображениям.

Концепция проекта тоже не отличалась оригинальностью. Несколько ментов в исполнении малобюджетных звезд из серии в серию ловили таких же низкобюджетных злодеев. Причем, как правило, злодеев из интеллигентской или богемной среды. А откуда же еще маньякам да извращенцам браться? Не из трудящихся же и уголовников.

Менты, разумеется, побеждали. Публике это нравилось. На то они и сказки, чтобы нравиться. В тонкостях милицейской работы Аркадий особо не разбирался. Да и чего там разбираться? Лишь бы погонь со стрельбой побольше да бандиты пострашнее.

Историю, которую он сегодня заканчивал, похоже, придумал человек, явно переборщивший с травкой. Несколько интеллигентов в масках грабят банк и захватывают заложников. Охранника образцово-показательно мочат. Изымают бабки вкладчиков из хранилища, после чего требуют у властей зеленый коридор до аэропорта. Среди заложников оказываются мужчина и женщина. Находясь в плену, они знакомятся, изливают друг другу душу и, естественно, влюбляются. В финале героические менты штурмуют банк, разгоняют злодеев, но один из освободителей нечаянно стреляет в женщину, которая красиво умирает на руках не успевшего отлюбить ее мужчины. Для Франции, возможно, обычная история, но для нас...

Но, как говорится, лицензионному продукту в зубы не смотрят. Такая, в общем, криминальная драма, в которую каким-то образом необходимо засунуть рекламу стирального порошка, таблеток для повышения потенции, тренажера для пресса и сухого корма для хомяков. Причем не просто показать их в кадре, но и обыграть в сюжете. Единственным ноу-хау продюсеров были закадровые стоны. Примерно как закадровый смех.

Автор усилил сценарий еще парой покойников, банковскому служащему разбил голову, а влюбленному мужчине для большего драматизма прострелил коленку.

После перерыва «на чат» ему оставалось доделать последнюю сцену, в которой мент нечаянно прикончит женщину, и отправить материал режиссеру.

Но тут вмешался Основатель.

И предложил иной сценарий.

...Аркадий сходил на кухню, глотнул воды, вернулся за компьютер, но вдруг замер, словно на стоп-кадре. Между платяным шкафом и рабочим столом появилась дверь. Самая настоящая деревянная дверь. С наличниками и золотистой ручкой. Причем вела она не к соседям, а... на улицу. Прямо с третьего этажа!

Он громко икнул, затем бросился к окну, открыл его и, перегнувшись через карниз, выглянул наружу. С внешней стороны ничего особенного. Стена и стена. Сверкнула молния, порыв ветра едва не опрокинул его с карниза. Грозовой фронт.

Захлопнув окно и задернув штору, он осторожно подошел к двери и взялся за ручку. Током не ударило. Ручка не двигалась.

Погладил рукой деревянную обшивку. Перекрестился, хотя в Бога не верил.

Схватил бутылку, залпом выпил до дна остаток коньяка. И только потом понял, что погорячился с алкоголем.

...Неужели «белочка»?! Сколько он работает над «Огнем»? Пятый месяц. Последние три — с употреблением. Почти каждую ночь... Растянутый запой. Да еще сюжеты полоумные. Тут не только двери начнут мерещиться! Всё, дописался!

И еще сцену доделывать! Да какая, к черту, сцена! Тут у нас посерьезней сюжетец!

Он попытался сосредоточиться, вспомнить, что читал о белой горячке. Какие у нее симптомы, кроме галлюцинаций? Сколько надо выпить, чтобы она наступила? Вспомнил, что она случается, когда резко бросаешь бухать.

Аркадий ущипнул себя за руку, почувствовал боль. Значит, не всё потеряно. Взглянул на текст. Буковки, конечно, слегка прыгали, но реплику героя он прочитал и смысл уловил. Если бы он находился в горячке, вряд ли бы понял.

Спокойно! Надо позвать кого-нибудь и спросить, видит ли он дверь? Вместе с ума не сходят!

Кого? Соседей!

Он быстро сменил треники на джинсы, натянул поверх майки футболку. Через минуту позвонил в квартиру напротив, но, увы, никто не открыл. Скорее всего сосед умотал на дачу. На всё лето.

Спустился на второй этаж, повторил попытку. Но хозяйка, старушенция, держащая семь вонючих кошек, категорически заявила, что двери ночью не откроет. Опасается, мол, вооруженного разбоя.

— Да даже если и сосед?! Иные соседи хуже фашистов! Утром открою! Не мешайте спать!

В следующей квартире долго узнавали, что хочет Аркадий:

— Какая еще дверь? Выпили, так сидите дома и не морочьте людям голову.

Он вернулся ни с чем. Дверь не исчезла. А может, это парейдолический эффект? Когда на стенах, например, вырастают цветы или появляются картины. Или зимой видишь лето. Случается от переутомления...

Нужен свидетель! Если скажет, что никакой двери нет, значит, можно смело и уверенно вызывать психиатрическую бригаду. Укол галоперидола, и всё пройдет.

Аркадий вернулся в комнату, еще раз выглянул в окно. Никого... Да если б кто и шел, как его заманить в квартиру? «Не хотите ли приятно провести время? Не бойтесь, я не маньяк, просто херня всякая мерещится».

Клуб! «Убежище»! Можно познакомиться с кем-нибудь и пригласить! Да! Это выход!

Он вытащил из шкафа черный вельветовый пиджак с потертыми локтями, надел ботинки. Захлопнул дверь и слетел вниз.

На рамке его обыскали, ничего запрещенного не нашли, но пропускать не хотели, дескать, дресс-код не подходит. Аркадий показал наличность, после чего охрана посторонилась. Коньяк на ночном прохладном воздухе частично выветрился, реальность он воспринимал более-менее адекватно.

В дальнем углу он обнаружил свободный столик-грибок и сразу плюхнулся на стул. Наверное, он выглядел не очень современно, хотя, говорят, вельвет снова вошел в моду.

«Надо же, из бомбоубежища клуб сделали... Или это тоже парейдолический эффект? Блин, а музыку нельзя потише сделать? Хоть на пару минут! Мне ж познакомиться надо».

— Здравствуй!!! Скучаешь?!!

Он повернулся на голос. Рядом пристроилась девица лет восемнадцати—двадцати. С зелеными губами, в лиловых лосинах и блузке, скрывающей острую грудную недостаточность.

— Конечно, скучаю! Не видно разве?!

Приходилось орать, перекрикивая музыку.

— Я составлю компанию?! Не возражаешь?! — Девушка сразу перешла на «ты», что говорило о серьезности ее намерений.

— Не возражаю! Составляй!

— Меня Катей звать! А тебя?!

— Аркадием... Петровичем. Как Гайдара!

— А кто это?!

— Так... Артист один!

— Класс! Коктейлем не угостишь?

— Легко! Хоть двумя!

Он сделал знак продирающемуся сквозь толпу официанту, заказал пару коктейлей.

— А ты местный?!

— Да!

— А я из Великобельска! От слова «белочка». У нас белок много... А здесь учусь! А ты кто?

Опять «белочка». Ох, неспроста это, неспроста!

— Сценарист!

— Ух ты! Правда?!

— Правда! «Мой любимый дядюшка», «Право на выстрел», «Огонь на поражение»!

— Класс! А Гошу Куценко видел?!

— Видел!.. Слушай, чего мы глотки надрываем? Пойдем ко мне, я тут рядом живу! Поговорим спокойно, коньячку дернем! У меня монпансье есть.

— Ура!

С Катиного лица можно было писать рождественскую открытку.

До дома пришлось бежать, начался дождь. В подъезде Катя принялась отряхивать ладошкой воду с Аркадия. И делала это весьма профессионально.

Н-да... А говорят, сюжеты у нас в кино не жизненные. Еще какие жизненные. Вот так интеллигенты и заманивают дурочек в логово. Сажают на цепь, насилуют, а потом стихи читают собственного сочинения или письма любовные.

В квартире Катя по-хозяйски прошла в комнату и, прищурившись, взглядом математика обвела апартаменты, высчитывая полезный метраж. Не ахти, конечно, но зато потолки высокие, можно второй этаж сделать.

— Ты один живешь?

— С продюсером. Но он бывает не каждый день.

— А я в общежитии. Скучно там.

Дверь по-прежнему чернела на стене. Аркадий подозвал Катю и показал на нее пальцем.

— Ты что-нибудь видишь?

— Ничего...

«Фу-фу-фу... Слава богу... Значит, все-таки обычная „белочка". Ура! Здорово! Просто счастье!»

— Дверь как дверь... У тебя там еще комната? Или ванная?

И это очень огорчило... Если не сказать больше... Запахло концом света.

— Так... Пошла на хер отсюда, шалава великобельская!!! — Он махнул рукой, зацепив стопку листов с распечатанным текстом. Листы, словно белые чайки, закружили по комнате и медленно приземлялись на пол.

— Аркадий... Вы что?!

— Не вы, а ты! Уматывай в свое «Убежище», сопля зеленая! В общаге ей скучно! В цирк иди, там весело!

— Но... ты же... сам... Монпансье... Коньяк...

Прекратив дискуссию, он схватил слегка сопротивлявшуюся Катю за руку и выволок на площадку.

«Пидор!» — услышал Аркадий, захлопнув дверь.

Но это его не тронуло. Волновало другое. Что теперь делать?!

Для начала — проверенное средство. Открыл бар, схватил вторую бутылку «Багратиона», зубами вырвал пробку, сделал несколько глотков. Занюхал компьютерной мышкой.

«Что он там хотел?.. Эй, как тебя... Основатель! Чего, спрашиваю, ты там хотел?! Какие тебе доказательства нужны?! Помог бы лучше последнюю сцену написать. Концом света все угрожать горазды! А мне сегодня текст сдавать!»

Аркадий поставил бутылку, постарался взять себя в руки. Сел на диванчик. Гул в голове мешал сосредоточиться.

«Предлагает отправиться куда захочу... А куда я хочу? В Диснейленд я хочу. Не был никогда... С горки прокатиться... Может, сгонять напоследок?..

Кто он такой? Господь Бог? Вроде говорил, что да. И что с того? Я, может, тоже бог, хоть и не умею фокусы с дверьми показывать...»

Вспомнилась фраза одного французского писателя: «Только Бог и сценаристы повелевают человеческими судьбами, но никто не знает их в лицо».

«Да, я тоже повелеваю судьбами! Хочу убью, хочу воскрешу! И даже Бога могу сделать простым смертным, а смертного сделать Богом! Я круче в тысячу раз! Несколько ударов по клавишам, и раб превращается в господина, нищий в богатого, больной в здорового! Слабо тебе так, Основатель?.. Может, посоревнуемся? Молчишь?!»

Аркадий снова начал закипать.

«Никто не знает нас в лицо? Так давай исправим это положение. Ты увидишь меня, я тебя. Выпьем по рюмашке на брудершафт, подискутируем о смысле жизни. Через чат-то как-то не по-человечески. И не по-божески. Ну что, готов принять гостя? Накрывай поляну!»

Он вытер рукавом пиджака мокрый от дождя лоб, встал с дивана, взял бутылку и решительно шагнул к двери. Судя по расположению петель, она открывалась наружу. Достаточно повернуть ручку и толкнуть.

«Я хочу попасть к Основателю»,— словно волшебное заклинание произнес про себя Аркадий и взялся за ручку.

Но она не двигалась.

— Что, не пускаешь? — Он еще раз безуспешно подергал ручку.— Боишься? Какой же ты, в задницу, Основатель?! Открывай! Ну!.. Я же петли сгрежу! У меня «болгарка» есть!

Основатель не желал никого впускать в свои апартаменты. Ничего удивительного, это его святое право. Никто не должен его видеть. Как в старом анекдоте про художника. «Что вы нарисовали?! Где вы видели Бога в ботинках?!» — «А где вы видели Бога без ботинок?»

— Нет, ты меня впустишь! За базар отвечать надо! — Аркадий отступил на пару шагов и с разбегу ударил плечом в дверь.

С таким же успехом он мог ударить в Кремлевскую стену. Не достучишься.

— Открывай! Открывай, слабак! — Кулаком он въехал по обшивке, затем опять отхлебнул из бутылки.— Я тебе сейчас объясню свое предназначение! Конец света он, видишь ли, задумал!

Аркадий повернулся, снова отступил к столу, чтобы совершить очередную попытку штурма. Сценаристы, вперед!..

Нечаянно наступил на валявшийся на паркете лист сценария и поскользнулся. Нога пошла вперед, он, соответственно, опрокинулся назад, прямо на дверь. («„Багратион" — почувствуй вкус победы!»)

Но, прежде чем удариться о дверь, он успел произнести про себя вполне уместную в таких случаях фразу:

— Твою мать! Сценарий долбаный!

Дверь неожиданно распахнулась, и Аркадий с криком полетел вниз...

* * *

— Лис, здесь еще один! В сортире прятался!

— Я ж говорил, проверь!

— Да я проверял! Вроде не было! В бачке, наверно, сидел.

— Волоки к остальным! Обыскать не забудь!

Первое, что увидел перед собой Аркадий, была чья-то рожа в маске белочки. Второе — ствол помпового ружья, нацеленный ему в лоб. И третье — дверь с табличкой «М», из которой он, собственно, и вывалился.

«Опять белочка!»

Пока он соображал, куда провалился, здоровенная рука в перчатке вывернула его карманы. На пол полетели связка ключей и упаковка таблеток для повышения потенции «стойрофен», рекламу которых постоянно крутили по ТВ. Как в его пиджаке оказались пилюли, Аркадий понятия не имел, он пока не жаловался на проблемы с потенцией.

Бумажник с деньгами переместился в ветровку «Белочки».

— Алло, уважаемый, в чем дело?! Отдайте бумажник!

Он попытался вырваться, но тут же получил ружейным прикладом по левой почке, взвыл от боли и больше не сопротивлялся. Второй удар, теперь уже тяжелым ботинком в нижнюю часть поясницы, опрокинул его на мраморный пол холодных тонов. Он заскользил вперед, пока не уткнулся в женскую ножку правильной формы. Поднял глаза. Лицо тоже правильное. Очень правильное. И сильно испуганное.

— Вы не ушиблись?

Ей было не больше двадцати пяти. Короткая, аккуратная прическа. Блондинка, стройная фигурка, голубые глаза, аромат Елисейских Полей, яркая помада, глубокое декольте, прикрытое легким шарфиком. Мини-юбочка, высокий каблучок. Классика жанра.

— Не ушибся.

Аркадий сел на пол, потер бок и, наконец, огляделся.

Он находился в зале какого-то банка, если судить по застекленным стойкам с соответствующими надписями. Банка небольшого по размерам, но достаточно зажиточного — зал был отделан дорогими материалами, украшен старинной люстрой, а потолок позолоченной лепниной.

Метрах в десяти от него, на полу в осколках стекол спиной кверху лежал секьюрити. В районе головы лужа крови веером. Именно «в районе», потому что самой головы просто не было. Так, кровавые ошметки... Часть мозга бедняги прилипла к стенду с объявлениями и рекламой выгодных кредитов. Видимо, стреляли в упор...

Входную дверь подпирал опрокинутый стол. Возле которого с поднятыми руками стоял молодой мужчина в банковской униформе. Живой щит. Жалюзи

на окнах были плотно сдвинуты, но, судя по пробивающемуся сквозь них свету, сейчас был день.

Вдоль центральной стойки, на полу, словно окурки в пепельнице, закрыв головы руками, сидели и лежали человек семь в такой же униформе и пяток клиентов. Персонала явно маловато, в солидных банках трудится гораздо больше народа. Да и охранников с десяток, не меньше, а тут всего один. Впрочем, возможно, сегодня выходной либо это маленький банк.

Некоторые женщины плакали, но никто ничего не говорил, видимо, получили приказ заткнуться. Над ними, с помповым ружьем наперевес, возвышался «Белочка». Еще двое, соответственно, «Мишка» и «Зайчик», перегружали деньги в рюкзаки из металлических ящиков, которые приносил из хранилища «Кот». Последний боец в образе лиса наблюдал за улицей, держа на мушке пистолета затылок клерка. Возможно, в хранилище был еще кто-то, взламывавший ячейки.

Снаружи доносились вой милицейских сирен, хриплые крики в мегафоны, предлагавшие сложить оружие и выпустить заложников.

«И кто ж из них Основатель? „Мишка" или „Белочка"? С кем диспут зачинать?»

Самое интересное, опьянение мгновенно исчезло, словно он принял отрезвляющего лекарства. Основатель свой хлеб ел не зря — подобные трюки Геллеру и не снились...

— Убирайтесь! — заорал в форточку «Лис».— Иначе начнем валить людей!

— Какие ваши условия?! — донеслось с улицы.

— Убрать, на хер, спецназ и подогнать к дверям автобус!.. До аэропорта — зеленый коридор!.. Через десять минут не будет — получите первого покойника!

Для убедительности «Лис» выстрелил в потолок, повредив лепнину. Заложники вскрикнули, втянули головы и зажали уши руками.

Аркадий тоже вздрогнул от грохота выстрела. Блондинка зажмурилась и практически легла на пол.

«Где я мог слышать этот диалог? Я его определенно однажды уже слышал. Дежавю? Может, вместо божественных покоев я оказался в одной из своих прежних жизней? Основатель нахалтурил? Боги, говорят, тоже ошибаются».

С улицы снова попытались вступить в переговоры:

— Мы выполним все ваши условия. Выпустите хотя бы женщин и детей.

«Какую ерунду они несут! Это же банк, а не детский сад! Откуда тут взяться детям?»

...Ерунду?!!

Он вдруг понял, где слышал этот разговор! Да что значит слышал! Он же сам написал его! В серии, которую не успел закончить! Банк, заложники, любовь...

Ох, мамочки! Получается...

Получается, он попал в собственный сценарий! Поэтому и персонала немного, и всего один охранник, чтобы не было столпотворения в кадре. Небольшой кинематографический допуск.

Но как? Он же хотел увидеть Основателя! Почему тогда он здесь, а не у Него?

Потому что...

Он наступил на упавший лист сценария, поскользнулся и...

«Долбаный сценарий!»

Всё ясно. «Вы можете выбрать любое место и время...»

Выбрал, блин! «Огонь на поражение»!!

Стоп, тогда получается, вовсе это не бандиты и заложники, а просто актеры и статисты. Но где тогда съемочная группа, где режиссер Игорь? Где передвижная кухня с кинокормом, в конце концов?

Нет, это не съемки... Это по-настоящему! Никакого кино! Никаких декораций! Никакого корма! Всё вживую. И мертвый охранник тоже не статист. И кровь — не кетчуп...

Вспомнилась еще одна цитата. На рабочем столе Аркадия лежал сборник высказываний знаменитых людей, в который он периодически заглядывал, дабы вложить в уста персонажа какую-нибудь умную реплику. Некоторые фразы оседали в памяти. Эта принадлежала, кажется, Эйнштейну. «Бог изощрен, но не злонамерен».

Да уж... Еще как изощрен! Прямо садист какой-то... Засунуть автора в его же собственное произведение!

Техническая сторона вопроса Аркадия волновала мало. Он же Основатель — ему законы материального мира по барабану.

Но на всякий случай надо убедиться, что догадка верна.

Сценарист пододвинулся к блондинке и прошептал:

— Простите, а вы из какого театра?

Блондинка с удивлением посмотрела на него и также шепотом ответила:

— Я не из театра... Я стоматолог. Вернее, помощник стоматолога.

Стоматолог... Да, именно такую профессию он решил дать героине. Еще выбирал, что лучше — учитель или врач. А потом вспомнил, как недавно лечил зубы в одном частном кабинете. Врачу ассистировала молодая блондинка с голубыми глазами. В марлевой повязке. Она так нежно уговаривала Аркадия не бояться, что он невольно запомнил ее образ. И воплотил в сценарии. И даже дал подлинное имя с бейджа на халате. Правда, фамилию не придумал — в кадре она не звучала, нечего путаницу вносить.

— А вас, случайно, не Валерией звать?

— Ой... А мы разве знакомы?

— Я лечил у вас кариес... Месяц назад. По тысяче двести за зуб. В кабинете на Садовой. Возле «Апрашки».

— Да... Погодите, погодите... А вы, кажется, Сергей.

— Аркадий.

— Странно. Мне казалось, Сергей. Хотя я, возможно, ошибаюсь, у нас много пациентов, всех не запомнить... Представляете, какая нелепость. Я зашла сюда буквально на секунду, посмотреть курс валют. Возвращалась из зоомагазина, купила корм хомячку и заглянула. Хороший, кстати, корм, «Грызунчик» называется. Рекомендую. В нем правильно сбалансирован минеральный комплекс и много витаминов...

«Что она несет? Какой минеральный комплекс, какие хомяки? В такой-то момент?.. Ах, да... Это же я сам написал. Продактплейсмент» [1].

— А тут эти... Охранника убили... Господи, и зачем мне сдался этот курс валют? Все равно денег нет. Кризис.

«Погоди... А кому это она говорила в сценарии?!»

Аркадия окатило жаром, словно он нечаянно сел на красную кнопку ядерного чемоданчика.

«Кому-кому?! Герою! По имени Сергей! У которого в кармане лежал „стойрофен". Выходит, я оказался в шкуре... главного героя? Который влюбляется и которому... прострелят ногу?!..»

Судя по ушибленной почке, это произойдет не понарошку. Без каскадеров.

Ах какой изощренный Бог!

У него задрожали пальцы, словно руку посадили на электрический стул... Нет, нет, он не Сергей... Сергей другой.

Он оглянулся на заложников. Единственный мужик, могущий подходить на роль возлюбленного, находился метрах в пяти и вряд ли планировал знакомиться с Валерией. К тому же он был в церковной сутане. Аркадий специально придумал это, чтобы каким-то образом охарактеризовать персонажи. Два пенсионера и юноша восемнадцати лет явно не подходили на роль романтического влюбленного. Были еще банковские клерки, но к основной сюжетной линии они отношения не имели.

Значит, я...

Досочинялся, придурок! Горка трупов, мозги на стенде. Чтобы после премьеры критики не обвинили в том, что сценарий написан без мозгов...

Надо ноги уносить, пока их не прострелили. А унести можно только одним способом — через сортир. Откуда пришел. Туалет в зале, между прочим, тоже его выдумка. По сюжету герой забежал в банк справить нужду, услышал стрельбу, спрятался, но его нашли... Вообще-то в банках вряд ли есть общественные туалеты, но это ж кино. Художественный вымысел. Если по правде — так вообще ничего не снимешь. К тому же Аркадию было просто лень выдумывать, за каким бесом героя занесло в банк.

Он осторожно отодвинулся от блондинки и пополз к заветной двери.

— А ну назад, импотент! Сядь где сидел! — «Белочка» навел на него ружье.

Пришлось подчиниться.

«Белочка», «Зайчик», «Мишка»... Это тоже он придумал. Взял идею голливудского боевика «На гребне волны», где налетчики грабили банки, надевая забавные маски президентов США — Никсона, Кеннеди, Рейгана... А у меня пусть наряжаются зверушками. Главарь у них, если я не забыл, «Лис».

— Вы пользуетесь «стойрофеном»? — с легким восторгом спросила Валерия.

— Да не мой это! Нормально у меня всё!

— Правильно делаете, кстати,— словно не услышав ответа, продолжила девушка,— очень хорошее средство.

---

[1] Продактплейсмент — скрытая реклама.

«Она-то откуда знает?! Откуда-откуда... Это у меня надо спросить!.. Кстати, я ведь в нее влюбиться должен. А она в меня...»

Он еще раз взглянул на Валерию. Внешность у нее, в принципе, пятизвездочная. Насчет души — не уверен. Впрочем, согласно синопсису, душа в данный момент в расчет не принималась. У них любовь с первого взгляда. Это же кино. Герои смотрят друг другу в глаза и понимают, что нашли свое долгожданное счастье.

Крики и стрельба, раздавшаяся где-то в недрах банка, отвлекли его от высоких мыслей. В зал выскочил еще один участник действия. В маске бобра. С пистолетом наголо.

— Лис, они хотели взять нас через черный ход! Волка зацепили! Мы еле отбились!

— Ах, вот как... Ладно,— «Лис», держа наготове пистолет, быстро подошел к заложникам,— я их предупреждал.

Он схватил за шиворот одного из клерков и поволок к дверям. Там приказал подняться и встать рядом со вторым.

— Прошу прощения, господа, но лично к вам у меня никаких претензий. Извините, что не снимаю перчаток.

Последнюю часть реплики Аркадий стырил из «Однажды в Америке», рассчитывая, что ее мало кто вспомнит.

«Лис» поднял пистолет и приставил к затылку первого заложника.

Аркадий автоматически отвернулся. Ибо это уже не кино. И реальная смерть будет сильно отличаться от бутафорской.

«Что, стыдно, господин сочинитель?»

Грянул выстрел. И почти сразу второй. Заложники возле стойки закричали, словно пули попали в них. Бандиты на сей раз не приказали им заткнуться. Наоборот — пускай ваши вопли слышат там, на улице. И побыстрей шевелятся.

В принципе, клерков можно было и не убивать. Или хотя бы не обоих. Но Аркадий хотел создать напряжение — ведь это же закон жанра. Где вы видели боевик без невинноубиенных? Опасность для героев должна быть смертельной, а главгады страшными.

Так, однако пора линять. Извини, Основатель, я просто ошибся дверью. Чего я тут тебе смогу доказать? В такой нервной обстановке?

Воспользовавшись тем, что «зверушки» отвлеклись на расправу, он, словно каскадер, перекатился к углу стойки, вскочил на ноги и рванул к дверям с буковкой «М». Но не рассчитал с обувью. Домашние войлочные тапочки предательски скользнули по мраморному полу, и второй раз за вечер Аркадий не устоял на ногах.

— Ой!

Подняться не дали. «Белочка» сделал ему качественную подсечку, и он вновь оказался в партере, как говорят борцы. Удар по ребрам перевернул его кверху лицом.

— Ты куда, импотент? Добрых слов не понимаешь?!

— Шустрый какой, однако! Прострели ему ногу, чтоб больше не бегал! — приказал «Лис».

«О, боже! Как я мог забыть?! Ведь герой тоже попытался убежать именно через сортир — там имелось специально придуманное окошко во двор. Но поскользнулся на крови и...»

Сцену со стрельбой в ногу Аркадий позаимствовал из «Криминального чтива».

— Не-е-е-е-е-е-е-е-е-т!!!!!!!!!

— Да.

Помпуха была заряжена картечью. Повезло, если это можно назвать везением,— часть заряда ушла в пол. Но даже половины хватило, чтобы испытать истинное наслаждение.

В сценарии сцена выглядела так: «Сергей хватается за колено, морщится от боли и негромко стонет».

В жизни оказалось гораздо забавней. Какое там «негромко», какое там «морщится от боли». Орал так, что заглушил бы хор Министерства внутренних дел...

«Идиот! На хрена я это написал?! Не было ведь в синопсисе никакой ноги! Проявил инициативу!.. Ой как больно! Хорошо, что не отрезали палец,— имелась такая идейка...»

Мясо не разлеталось по сторонам, как изображают в блокбастерах, но, взглянув на рану и увидев окровавленную кость, он чуть не потерял сознание от ужаса.

Но потом все-таки потерял.

От болевого шока.

«Белочка» спокойно вернулся к выполнению своих обязанностей по охране общественного порядка, оставив раненого там, где тот упал.

Когда Аркадий пришел в себя, он увидел над собой заплаканную Валерию. Она перетягивала его бедро шелковым желтым шарфиком. Под головой сценариста лежала ее сумочка, почему-то не отобранная налетчиками.

— Я наложила жгут, надо остановить кровь. Потерпи немного, сейчас все пройдет. Кость не раздроблена, ты сможешь ходить...

Голос был таким же мягким и нежным, как тогда, в стоматологическом кабинете.

— Сволочи, подонки, ублюдки, козлы вонючие, скоты, отморозки поганые... Что ты им сделал?

В нее можно было влюбиться.

Как и предполагал синопсис.

— Потерпи, Сереженька...

— Я Аркадий...

— Ой, извини... Это от волнения.

Нет, не от волнения.

Но ему сейчас не до любви. Боль накатывала жгучими волнами. Он боялся смотреть на ногу, отвернулся в сторону и увидел застреленных клерков. Да, на экране это выглядело бы по-другому. Но есть правда жизни, а есть правда кино.

«И зачем я их убил? Пускай бы жили...»

— А кровь отстирается,— продолжала успокаивать Валерия.— «Ориель» удаляет даже застаревшие пятна и, главное, предотвращает образование накипи.

«Какая накипь, что она несет?!. Черт, опять забыл. „Ориель“ — один из спонсоров сериала».

Девушка положила ладонь ему на мокрый лоб:

— Всё будет хорошо... Вот увидишь: всё будет хорошо.

— Мне надо туда,— прошептал Аркадий, показав пальцем на дверь.

— В туалет? Придется потерпеть... Они не пустят. И потом, ты все равно не сможешь встать.

Он попробовал пошевелить раненой конечностью. Бесполезно. Такое ощущение, что ноги просто не было. Но он должен, должен добраться до двери. Ну, Основатель... Я с тобой еще поговорю. И не в режиме on-line.

Заложники продолжали плакать, святой отец крестился, менты вели пустые переговоры... Бандиты уже запаковали награбленное в большие рюкзаки и собрались в зале. Им оставалось только уйти. Но власти не желали их выпускать. Кризис.

«Что там дальше по сценарию? С налетчиками попытается договориться один из главных героев-ментов. Предложит обменять себя на кого-нибудь из заложников. Но по нему дадут очередь из автомата и тяжело ранят в голову. (У актера напряженный съемочный график, в паре следующих серий его надо вывести из кадра.) Спецназовцы будут изучать схему банка, подготавливая штурм. Второй главный мент вспомнит, что прямо под банком есть старинный проход, оставшийся с семнадцатого века, и можно попытаться найти его...

А в это время несчастный Сережа, он же Аркаша, продолжает общаться с Валерией, влюбляясь все больше. Боль должна уйти, и он разговаривает, уже не морщась.

Ага, ушла, как же! Нога горит так, будто испанский сапог надели. Надо было хоть врачу какому-нибудь позвонить, проконсультироваться, что испытывает человек при подобном ранении. Но у нас же допуски... Художественный, блин, вымысел. Да и герой — парень мужественный. Умеет терпеть.

Но я-то не умею!»

Валерия негромко рассказывала про свою жизнь. Про медицинский институт, неудачный брак, рождение дочери, которая сейчас на даче с родителями, про хомячков. Дочка болеет, нужны деньги на лекарства, поэтому приходится работать в две смены.

Аркадий знал содержание монолога, сам же его и писал. Поэтому особо не вслушивался. Его больше волновала дверь с литерой «М». И, конечно, непроходящая боль.

— А ты кем работаешь? — спросила девушка.

«Не все ли теперь равно?! Мне ногу прострелили, инвалидом останусь, кем бы ни работал!»

— Геологом,— прошептал Аркадий, вспомнив профессию героя.

— Здорово... А почему ты в тапочках?

Этого, разумеется, в сценарии не было. Но, как известно, иногда персонажи начинают жить собственной жизнью.

— Ботинки утонули... В экспедиции. Жарко мне...

Валерия нагнулась к его лицу и несильно подула на глаза. Ее дыхание пахло мятой. Вернее, «Орбитом» с мятой. Странно, ведь рекламы жевательной

резинки в сценарии не предусматривалось. Если только режиссер не договорился по-тихому, что иногда случалось.

— У тебя очень красивые глаза,— прошептала она,— цвета индиго.

«Какая ахинея! Индиго! И как я мог такое написать?! А как они могут такое смотреть?!»

— Аркадий, как ты думаешь, нас освободят?

— Освободят.

Боль не отпускала, но он старался говорить, не морщась. Нельзя выглядеть слабаком в глазах такой девушки. Даже если сам ее и выдумал.

— Представляешь, я такая невезучая. Всё время попадаю в какие-нибудь переделки. Однажды ехала с дачи...

— А автобус перевернулся.

— Да... Откуда ты знаешь?

— Иногда я умею читать мысли... Наследственное.

— А что ты еще читаешь?

— Несколько человек погибли, но ты отделалась легкими ушибами. Потом ты застряла в лифте и просидела там восемь часов, пока не приехали спасатели...

Валерия испуганно посмотрела на Аркадия:

— Ты... Ты волшебник.

— Я не волшебник, я только лечусь...

— Так, может, скажешь,— она с ненаигранной грустью посмотрела ему в глаза,— почему я такая невезучая?

...Они еще несколько секунд рассматривали друг друга, потом она снова заплакала.

В этом месте он должен был сказать приободряющую шутку про геологов, которую прочитал в Сети, но напрочь ее забыл. Придется импровизировать:

— Ты смотрела «Апокалипсис» Гибсона?

— Про индейцев?

— Да... Помнишь сцену, когда главный герой выбегает на поляну, а там гора гниющих трупов?

— Конечно... Очень ужасно.

— Если делать покадровую перемотку на DVD, то среди трупов увидишь клоуна из «Макдоналдса».

— Серьезно?!

— Абсолютно. Двадцать пятый кадр. Но вовсе не для рекламы «Макдоналдса». Просто потом Гибсон дал эту информацию в Сети, и все бросились покупать диски, чтобы удостовериться. Только бизнес, никаких приколов. Вот так и человек — вечно ищет свое счастье.

Аркадий улыбнулся, Валерия тоже. Чтобы успокоить ее, он рассказал еще пару баек из жизни звезд.

— У тебя есть кто-нибудь? — осторожно спросила девушка, когда он, устав, замолчал.

— Нет... Раньше была... Очень давно.

Валерия, не закрывая глаз, начала медленно наклоняться к его лицу, словно хотела рассмотреть, есть ли у него кариес. Но он точно знал, что сейчас по

сценарию будет поцелуй. Когда она наклонилась, ему удалось рассмотреть ее декольте, что немного приглушило боль. Ого! Вернее — о-го-го!

— А-а-а!!! Нога!!!

Этого в сценарии не было. Но разве всё предусмотришь?

— Ой, извини...

— Ничего, но больше так не делай... Послушай... Мне во что бы то ни стало надо в туалет. Это вопрос жизни и смерти. Попробуй их отвлечь.

— Каким образом?

«Если бы знал, что окажусь здесь, написал бы для нее сцену стриптиза. А по залу бы бегали молоденькие официантки и предлагали кофе с эклерами».

— Ну придумай что-нибудь... Попроси воды, скажи, что тебе плохо. Мне бы только допрыгнуть до дверей... Там окно, и я выскочу... Под банком есть подземный ход, я покажу его спецназу.

— Хорошо, я попробую.

Но выполнить задуманное она не успела. Потому что, согласно сценарию, следующая сцена была со святым отцом. Для перебивки.

Батюшка решительно поднялся и начал проклинать налетчиков, говоря, что всех их ждет Страшный суд и всем им гореть в геенне огненной. Он требовал выпустить заложников, покаяться и помолиться. За что получил прикладом в живот от «Белочки» и упал обратно.

Без этого эпизода тоже можно было обойтись, но Аркадию не хватало материала до нужных пятидесяти двух минут, приходилось искусственно наращивать объем. И, как оказалось, не зря. Он сумел пододвинуться к двери еще на несколько сантиметров.

Он посмотрел на часы. В принципе, менты вот-вот должны отрыть подземный ход и начать операцию по освобождению. Конечно, это откровенный рояль в кустах, но для сериала с таким бюджетом вполне сойдет. Самого лаза в кадре показано не будет. По тем же бюджетным соображениям.

— Знаешь, Аркадий,— Валерия вновь опустилась рядом с ним и положила ладошку ему на лоб,— удивительно, но я нисколько не жалею, что зашла в этот банк.

«Знаешь, Роза, я нисколько не жалею, что выиграл билет на этот пароход...» — Дж. Камерон, «Титаник».

Наверно, с экрана реплика звучала бы вполне гармонично. Но сейчас... Совершенно не звучала. Палата номер шесть, психиатрия. Как же он, опытнейший сценарист, мог скатиться до таких штампов? Ладно бы еще пародию сочинял, «Гитлер капут» какой-нибудь. Неужели тебе уже все по барабану, Аркадий Петрович?

Наверное...

Забыл, что должен отвечать за каждое слово, за каждую запятую. Любить своих героев, сопереживать им. Они же живые люди. Хоть и выдуманные. И зрители тоже живые люди, а не безликий показатель рейтинга... Ведь тебе доверяют, от тебя ждут откровений, а не набора клише. Даже в таком дешевом продукте, даже когда всем остальным тоже все по барабану, кроме бабла. Ты же творец, а не ремесленник. Деньги деньгами, но...

За базарчик отвечать надо. Отвечай.

— Может, это наказание за наши грехи? — негромко продолжала Валерия.— У меня очень плохие предчувствия... Мне сегодня приснился сон. Ко мне подошла цыганка, взяла руку, развернула ладонью вверх и сказала: завтра ты умрешь. Я проснулась в холодном поту... Пыталась снова заснуть, чтобы досмотреть сон и увидеть другой финал... Но... не получилось. Позвонила подруга, спросила какую-то ерунду, в общем, больше не заснула. А я верю в то, что сны бывают пророческими. Мне уже несколько раз такие снились... И потом сбывалось... А у тебя такое было?

Аркадий молча кивнул. Насочиняешь всякой ерунды в сценарии, а потом она происходит в реальной жизни. А все спрашивают: «Как ты узнал, как ты узнал?» Вот так и узнал.

— Если что, передай Алешке с мамой, что я их очень любила,— продолжала Валерия.— Жалко их...

Он посмотрел на нее. Она очаровательна в своей грусти. Если б это происходило по-настоящему, он бы в нее наверняка влюбился.

Но это и происходит по-настоящему!

— Почему жалко? Их же здесь нет.

— Я верю снам. Значит, я умру.

— Успокойся. Сон — это всего лишь разгрузка мозга. Не более.

«Да, согласно синопсису, умрешь... Но синопсис не сценарий... А последняя сцена еще не дописана...Ты должен отвечать за своих героев, даже если никто больше не отвечает, ты должен любить своих героев, даже если никто не любит».

Следующей фразы Валерии не было в сценарии, что и понятно, он же не закончил работу. Но наступило время последней сцены, и персонажи продолжали жить.

Она вдруг как-то растерянно и виновато посмотрела на Аркадия, выпрямилась и быстро застегнула пуговки на блузке. И неожиданно перешла на «вы», заговорив при этом чуть официальным тоном:

— Вы извините, Аркадий... Я тут такой чепухи наговорила. Сама не знаю, что со мной случилось... Со страху, наверное. Не обращайте внимания. Как нога?

— Больно.

— Ой, у меня ж коньяк есть. Погодите.— Она осторожно вытащила из-под головы раненого сумочку, достала маленькую фляжку.— Выпейте. Это хороший коньяк. «Багратион».

— Спасибо... Я не пью.

— Я тоже не пью... А куда деваться по такой жизни? — Она сделала пару глотков.

Потом опустила фляжку, обиженно, словно ребенок, посмотрела на дверь банка, возле которой строили баррикаду «зверушки», и как-то буднично, безо всякого театрального пафоса полушепотом произнесла:

— Вы не представляете, как я хочу жить... Не представляете...

— Ты будешь жить,— так же, без надрыва прошептал Аркадий.— Обещаю.

Валерия снова грустно усмехнулась:

— Вы же не Бог...

— Не Бог... Я гораздо круче.

«Наверно, это от потери крови»,— прочитал он в ее голубых глазах.

И уже никакого намека на любовь. Что и неудивительно. Нужен ей этот стареющий геолог в вельветовом пиджаке, как лифту руль.

Кино закончилось.

Но он-то должен любить своих героев.

— Лера, сейчас в окно кинут газовую гранату, потом начнется стрельба. Сразу прячься за стойку, ложись на пол и не двигайся, пока всё не кончится.

— Они что, все-таки начнут штурм? Здесь же люди. Заложники.

— У них нет другого выхода. Если дать этим уйти, они натворят еще больше бед.

Не объяснять же, что на экране должна быть красивая картинка, динамика и спецэффекты для освоения бюджета.

— Ничего не бойся. Падай и не вставай. Поверь, всё будет нормально. Ты не умрешь.

Боль опять накатила. Аркадий застонал. Прополз еще несколько сантиметров.

— Смотри,— он кивнул на дверь,— менты подгоняют автобус. Но это отвлекающий маневр. Вон в то окно влетит граната... Запомни, сразу беги за стойку и зажми рот и нос платком...

— А как же вы?

— Ничего со мной не будет. Я заговоренный.— Он через силу улыбнулся.

В ту же секунду на улице, возле дверей банка, послышался звук мотора. «Белочка» и «Лис» направились к заложникам, чтобы взять несколько человек в качестве живого щита.

Но дойти не успели.

Разбив окно, в зал, как и предполагал автор сценария, влетели две дымовые гранаты. Одновременно из коридора, ведущего из помещений банка, выскочили несколько человек в черных комбинезонах и с противогазами на лицах.

«„Зверушки" против ниндзя в новом сезоне на канале НТВ!»

Да, сцена недописана, но синопсис утвержден!

Огонь на поражение!

— Беги! — подтолкнул Валерию.

Но она, вместо того чтобы выполнить рекомендацию, схватила Аркадия за пиджак и поволокла к стойке. С линии огня.

И делала это не потому, что, согласно синопсису, влюбленная героиня пытается помочь герою и в результате погибает. Нет — никакого синопсиса! И она в него не влюблена.

Она делала это просто потому, что была хорошим человеком... И хотела спасти другого человека.

Ну что, Основатель?! Какие тебе еще нужны доказательства?!

— Беги! Беги!!!

— Не бойтесь, я помогу вам... Потерпите...

Едкий дым резанул по глазам, попал в легкие. Она закашлялась. Он тоже.

— Беги, дура!!! Что ты делаешь?! — Он оттолкнул Валерию.

Не побежала.

«Белочка» подскочил к ней, схватил за волосы и поднял на ноги, прикрывшись, словно щитом.

Аркадий здоровой ногой ударил бандита в коленный сгиб, но тот устоял, повернулся и саданул ботинком в челюсть. Стрелять «Белочка» не стал, потом придется перезаряжать ружье, а спецназовцы вряд ли дадут это сделать. Просто упер ствол под лопатку Валерии:

— Не подходить!!! Я убью ее!!!

Остальные заложники, едва началась стрельба, легли на пол. И только батюшка попытался отобрать пистолет у «Бобра», нанося удары наперсным крестом по его башке.

Кровь наполнила рот сценариста. Снова настоящая, а не клюквенная. Аркадий выплюнул на пол выбитый зуб и пополз к двери сортира. Он спасет ее, обязательно спасет!

Потому что он тоже хороший человек! И отвечает за свои слова! За свои запятые и точки! Просто в конвейерной суете забыл, что даже черными красками надо рисовать свет.

Еще есть время! Лишь бы доползти!

В зале появился очередной персонаж. В гражданской одежде, но с противогазом на голове. Тот самый мент, который...

Успеть... Успеть...

На экране происходящее смотрелось бы очень впечатляюще. Да еще под трагическую музычку. Все рейтинги наши.

— Брось ружье!!!

— Пошел ты!!!

Мент вскинул пистолет, прицелился.

Аркадий зарычал от досады. До двери оставалось чуть больше метра.

Он закричал.

Это на долю секунду отвлекло бандита, но не мента. Герой, согласно концепции, настоящий профи. Не отвлекается по пустякам. И стреляет метко.

Валерия попыталась вырваться, сдвинулась в сторону, и в этот момент грянул выстрел...

Аркадий из последних оттолкнулся ладонями от пола и рыбкой нырнул в дверь.

* * *

Он яростно молотил по стертым клавишам, не чувствуя боли в пораженных артритом пальцах, не обращая внимания на слезящиеся от старенького лучевого монитора глаза. Он написал последнюю сцену, полностью изменил предыдущие диалоги и некоторые события. Он оставил в живых обоих клерков и спас Валерию. Он убрал скрытую рекламу и кровь из кадра. Он не халтурил, он отвечал за каждую запятую, словно это был последний сценарий в его жизни.

Потом он вошел в почтовую программу и отправил работу режиссеру. Тот не будет ничего менять, это не его дело. Скушает по обыкновению поллитровку коньяка и снимет как написано. Лишь бы успеть до возвращения боссов.

И только после этого Аркадий посмотрел на ногу.

Раны не было, хотя она немного побаливала, видимо, по запарке он зацепился за край стола. Пощупал челюсть. Зубы на месте.

«Дьявол, мне же надо искать доказательства! Отправляться в прошлое или будущее! Идиот!»

Он вскочил с кресла, повернулся к двери.

Ее не было. Зато было кое-что другое.

На пыльном полу, возле старого шкафа, словно свидетельство реальности произошедшего, лежал желтый шелковый шарфик.

...

Режиссера Игоря, фамилию которого Аркадий не помнил, разбудила гроза. Он попытался снова заснуть, но, поворочавшись с полчаса, понял, что бессонница опять победила.

Встал с кровати, прошел в рабочий кабинет, присел к компьютеру. Чего зря время терять? Лучше днем покемарить пару часов. А пока прогнать сценарий, его уже должны были прислать.

Загрузил почту. Да, так и есть. Новая серия.

На чтение ушло минут сорок.

«Что за чепуха? В синопсисе было совсем другое... Может, сценарист что-то напутал? Девку же убить надо, в этом весь изюм...»

Он протянул руку за мобильником и набрал номер. Продюсер уже должен приземлиться.

— Алло, слушаю.

— Илья Васильевич, это Игорь... Извините, что ночью... Аркадий прислал мне сценарий... По-моему, он сделал немного не то...

Глава третья
ДОКТОР КЕША

...В комнате появилась еще одна дверь. Она аккуратно проступила в свободном от мебели простенке. Обои бесследно пропали. От пола до потолка нарисовались четкие контуры. Потом плавно выросла ручка. Дверь тихо скрипнула и приоткрылась. Совсем немного, буквально на пару миллиметров. Как бы обозначив готовность к приему гостя...

В отличие от обитателей Сети, стесняющихся публичности, Доктор Кеша за ником не прятался. Он действительно был доктором. Обычным хирургом в заурядной больнице. Единственное лукавство доктора заключалось в том, что вне чата Кешей он оставался лишь для старых институтских приятелей. В реальном мире его давно величали по имени-отчеству. У нас не Дикий Запад, чтобы обращаться к седому, хотя еще и крепкому, мужчине просто по имени,

© С. Гуреев, 2010

как к официанту... Но, с другой стороны, такой ник был проще. К тому же вызывал ностальгическую усмешку у самого Иннокентия Андреевича и позволял сохранять демократизм в отношениях с молодежью.

На странный чат Доктор Кеша попал по наводке Чтеца. Здесь можно было вести интеллектуальные беседы в шутливой манере. Или на полном серьезе обсуждать смешные глупости. Хождение в Сеть Иннокентий Андреевич воспринимал как эрзац-вариант нормального человеческого общения. В больнице времени на разговоры никогда не хватало. А дома напрочь отсутствовали собеседники, поскольку семьи у него не было. У хирургов частенько происходит фигня с личной жизнью. Такая специфика. Поэтому он частенько забредал в чат, поболтать после нервотрепки рабочего дня...

А начало недели у Иннокентия Андреевича как раз не заладилось. Во время дежурства поступили двое тяжелых. Один не перенес операцию. Второй остался в реанимации с минимальными шансами выкарабкаться. После суток пришлось отбиваться от назойливых пациентов, требующих какого-то особого ухода и внимания. Как будто в бесплатной раздолбанной райбольнице есть отдельные палаты и груды дорогостоящих лекарств!.. А тут еще руководство устроило очередное ненужное совещание посреди рабочего дня. Итог — отвратительное настроение, головная боль и острая нелюбовь к действительности. А венец всего — немыслимое заявление Основателя и эта дверь...

Шаркая тапочками, он сходил на кухню, сварил кофе в любимой медной турке, разбавил молоком. Возвращаться в комнату не хотелось. Появилась спасительная мысль: всё происходящее — внезапное психическое расстройство от компьютерного излучения...

Иннокентий Андреевич попытался покончить с проблемой хирургическим путем. Он вернулся к своему письменному столу, резко присел и выдернул шнур питания из розетки.

Выпрямлялся Доктор Кеша долго. Очень не хотелось поднимать голову. Все существо противилось тому, что он мог увидеть. Тому, что боялся увидеть. Потому что характерного щелчка не прозвучало. И не было шороха, с которым гаснет обесточенный монитор. Обострившийся слух по-прежнему фиксировал мерное гудение компа. Голубоватый отблеск экрана не пропал, не изменил интенсивности.

Подобное способно разрушить нестойкую психику. Но у старого хирурга вместо нервов были канаты. Пусть довольно потертые и измочаленные, но еще крепкие.

— Вывод один,— пробормотал он, но не торопясь взглянуть на экран.— Если комп не вырубился, а дверь появилась, значит, возможно всё.— Он решительно поднялся. И ехидно пробурчал: — Спасти человечество? Бегу, бегу...

Он развернул кресло и, не вставая с места, задумчиво изучил неопровержимое доказательство Божественного промысла. Приступ религиозного экстаза ему не грозил. Креститься и падать на колени не хотелось. Мысли, конечно, немного путались. Не без этого. Но оставались четкими и внятными.

— Задача ясна — найти смысл жизни,— подбодрил себя Иннокентий Андреевич.— Надо куда-то пойти и найти! Чего уж проще...

Но подниматься не поспешил. В его годы суетиться было глупо. Приступать к лечению, не выбрав четкую тактику, мог только практикант-интерн. А нормальный, разумный человек обязан сначала всё хорошенько обдумать. Тем более, время пока позволяло.

— Смысл жизни...— произнес доктор.— Смысл существования человечества...

Немолодой мужчина машинально взъерошил ежик седых волос. На память пришли метания юности, мучительный поиск этого самого смысла на заре молодости. Тогда казалось, что вот-вот — и откроются ослепительные истины. Подскажет кто-то из признанных мудрецов. Или отыщется какая-нибудь замечательная книга. А может, даже удастся докопаться самостоятельно. До самой главной цели своего появления на свет, прихода в этот огромный и противоречивый мир...

Годы прошли. Молодость промелькнула и исчезла. Вместе с ней куда-то подевался и романтический запал в поиске смысла жизни. Видимо, по причине полной безнадежности. И вдруг — всё то же самое, но для человечества в целом!

Иннокентий Андреевич задумался надолго. Мозг переключился на режим наивысшего напряжения. Из потаенных закоулков извлекались примеры, цитаты, чужие и свои мудрые мысли. Собственная жизнь переплелась с мировой историей. Мелькнули и пропали названия философских трудов. Простые человеческие радости и беспримерный героизм получили новую оценку.

Наконец, старый хирург едва заметно вздрогнул, приходя в себя. Размышления завершились. Он открыл глаза. Рука сама потянулась к остывшему кофе. Иннокентий Андреевич сделал глоток, поморщился и порывисто встал.

Ему захотелось осмотреться на прощание. Привычно прикоснуться к любимым вещам. Погладить старый желтеющий фикус, оставшийся от бабки с дедом. Прижаться щекой к родительской фотографии. Он не был сентиментален. Просто ночь Накануне, скорее всего, была последней в его жизни. Впереди ждала пустота, небытие. А это навевало определенные эмоции. Не страх, нет,— слишком много он видел чужих смертей, чтобы бояться своей. Но печаль, тоска и щемящая грусть сжимали сердце. Не отпускали, задерживая перед обычной на вид дверью.

Он коснулся ручки. Шероховатая пластмассовая поверхность оказалась чуть теплее, чем ожидалось. Хотя так, наверное, и должно было быть. Там, куда он собирался, стояла жара. Точно стояла. На сто процентов. Иннокентий Андреевич усмехнулся. Пора было действовать. От сомнений и колебаний не осталось и следа. Как обычно перед сложной операцией, эмоции отступили на второй план.

— Ворвемся — разберемся! — сказал он себе.

Старая хирургическая присказка успокоила. Иннокентий Андреевич повернул ручку и толкнул дверь...

Переход между мирами выглядел буднично. Не взрывались ослепительным блеском причудливые туннели, не было падения в пропасть, как это показывают в американском кино. По одну сторону осталась нормальная среднестатистическая квартира в обычной пятиэтажке. По другую — возник коридор,

погруженный в полумрак. Их разделял дверной косяк, окрашенный слегка потрескавшейся масляной краской. И всё. Больше никаких спецэффектов. В открывшейся реальности стояла тишина, нарушаемая негромким мерным гудением неведомого механизма. Где-то поодаль виднелось тусклое желтоватое пятно света.

У Иннокентия Андреевича мелькнуло сомнение, что всё сработает как надо. Ошибиться не хотелось. Он прокашлялся и отчетливо произнес:

— Больница. Восемьдесят первый год. Четыре утра. Седьмое августа.

Слегка всколыхнулся затхлый воздух. Звук прокатился вдоль обшарпанных стен, завяз в потемках и стих.

Ничего не изменилось.

Иннокентий Андреевич сделал шаг, непроизвольно нашаривая ногой опору, будто боялся провалиться сквозь бетонный пол. Дверь скрипнула и захлопнулась с легким щелчком. Он нащупал ручку, потянул на себя. Безрезультатно. Очевидно, вернуться можно было только с готовой историей. Или никогда...

Вдруг накатил страх. Стало не по себе. Организм выдал стандартную стрессовую реакцию, вышвырнув в кровь весь запас адреналина.

На адаптацию понадобилось несколько минут. Сердце перестало метаться по грудной клетке в приступе бешеной тахикардии. Пульс пришел в норму. Давление снизилось, шум в ушах утих. Хирург выдохнул и зашагал вперед, ориентируясь на пятно света.

Стояла типичная августовская жара. Даже под утро горячий воздух обволакивал тело. И это была больница. Больница, в которой он проработал всю карьеру, от момента распределения до ночи Накануне.

Сразу за ближайшим изгибом коридора обнаружились знакомые интерьеры. Электрическая подстанция с аварийным генератором издавала мерный гул, нарушающий тишину. В ряд стояли каталки перед больничным моргом. Светилась стеклянная дверь, ведущая в приемное отделение.

Все было знакомо. Именно так этот подсобный коридор выглядел раньше, в восьмидесятых. Без ламп дневного света, со старыми стульями, задвинутыми в угол. Да и дверь в приемное отделение давно уже сменили на железную, чтобы отгородиться от террористов и бомжей.

План, зародившийся за время, проведенное у монитора с застывшей последней строчкой, обрел шанс на осуществление.

После критической оценки гардероба выяснилось, что спортивный костюм и тапочки смотрятся вполне органично. В местных условиях вполне можно сойти за заблудившегося пациента. Для первого этапа — достаточно. Он хмыкнул, вдруг осознав себя шпионом в родной больнице. Но то, что он собирался совершить в собственном прошлом, к веселью не располагало.

Иннокентий Андреевич на секунду застыл, прислушиваясь, потом встрепенулся и зашагал на второй этаж.

Больница спала. По дороге в хирургическое отделение никто не встретился. В ординаторской тоже было пусто. Его это не удивило. Тот день — седьмое августа восемьдесят первого года — он помнил очень хорошо. Даже слишком. Особенно последнюю операцию длинного суточного дежурства...

Часы у входа в отделение показывали десять минут пятого. Как раз в это время весь персонал сгрудился в операционной. Там же должен был находиться и Доктор Кеша. То есть сам Иннокентий Андреевич образца прошлого века. Без тюнинга в виде седины и морщин. Молодой и неопытный. Растерянный и немного бледный.

Собственно, растерянной выглядела тогда вся бригада. Можно сказать, на грани паники. Это он помнил. И пациента помнил. И весь ход операции, до последней детали. Несмотря на прошедшие годы, ни одна подробность не затерялась, не стерлась...

Парнишку привезли под утро. Ему недавно исполнилось семнадцать. Совсем мальчик. Множественные ножевые ранения. Тогда это было в редкость. Народ еще не озверел от нищеты и безнадеги. Не куражились, пьянея от безнаказанности, бандюки в спортивных костюмах. Не бродили хищными стаями наркоманы в поисках одиноких прохожих. Парню просто не повезло. Провожал девушку, наткнулся на полупьяную шпану. У одного из малолетних идиотов оказался нож...

И именно в этот день Доктора Кешу угораздило заступить на первое самостоятельное дежурство. До приезда той бригады «скорой помощи» всё шло неплохо. Он успел вправить вывих плеча, прооперировать два аппендицита, купировать почечную колику и принять целую кучу пациентов.

Разумеется, на смене он был не один. Хирурги всегда дежурят бригадой. Но именно в этот день он заступил основным оператором. Кроме него, в смене работали два врача-интерна, не имеющие дипломов. Ну и спивающийся на глазах доктор Скуранский. Порядочная, надо сказать, сволочь. Да и хирург никудышный.

В приемное отделение они прилетели втроем (кто-то из интернов застрял в перевязочной, заканчивая гипсовать вправленный вывих плеча). Их встретил истошный девичий вопль:

— Не умирай, Володя-я-а!!! Позовите же доктора кто-нибу-удь!!!

Девушка, честь которой отстаивал кавалер, кричала не останавливаясь. Платье на ней висело клочьями. В прорехах виднелись синяки и ссадины. Хорошо хоть изнасиловать девчонку не успели... Рядом в беззвучной истерике билась мать.

Вид пациента вызывал ужас. Сквозь повязки, наложенные впопыхах фельдшером «скорой», проступала кровь. Из-под салфеток, прижатых к шее, она текла ручьем. Самая большая рана по краю брюшной стенки вообще оказалась неприкрытой. На каталку свисали сизые кишки с зияющими разрезами. Из них по разорванной рубашке скатывалось дерьмо, впитываясь в подоткнутую простыню.

Скуранский тихо взвыл:

— Бли-ин! Вляпались!

Доктор Кеша подскочил к бессознательному телу и заорал санитарам:

— В операционную, быстро!

Он чувствовал, что счет идет на минуты. Пациент уходил на глазах. Массивная кровопотеря с болевым шоком.

Сестра «приемника» вместе с интерном оттеснили рыдающих родственниц. Кеша нащупал сонную артерию и попытался прижать ее к шейному позвонку, чтобы остановить кровотечение. Без особого успеха.

Каталка, громыхая, помчалась к лифту.

Не сказать, что у вчерашнего выпускника мединститута совсем не было опыта. Всё же он проучился два года в ординатуре. То есть — именно на хирурга. И самостоятельно оперировал далеко не первый раз. Но вся сложность этой кровавой и страшной профессии заключается в том, что двух одинаковых операций не бывает. А бесценный опыт приходит с годами, как и навыки, и уверенность в себе.

Да, ему было страшно. Да, когда он лихорадочно натягивал перчатки, у него дрожали руки. Но, кроме него, никто не мог спасти парнишку, лежащего на столе.

И он обязан был попытаться это сделать.

После того как разрезанная одежда упала комком на кафельный пол, вся бригада невольно оцепенела. Пьяные ублюдки убивали жертву неумело, но очень старательно. На теле насчитывалось с десяток ран, не считая порезов на руках. Там, где были задеты легкие, пузырилась красная пена. Из бокового разреза, протянувшегося от ребер до пупка, вываливались поврежденные кишечные петли, источающие зловонные ручейки содержимого. Отовсюду текла кровь. Особенно обильно — из поврежденной артерии на шее.

— Не жиле-ец! — проскулил Скуранский.

— Не надо раньше времени...— прошептала ему операционная сестричка.

— Не лезь! — грубо оборвал ее тот.— Твое дело инструмент протирать, а не вякать!..

Анестезиолог дал наркоз и начал переливание крови, чтобы хоть немного задержать падающее давление.

— Начинайте обрабатывать,— скомандовал Доктор Кеша, преодолевая страх и растерянность.— Я сейчас...

При поступлении сложного больного дежурный хирург обязан был доложить заведующему отделением. Он дважды набрал нужный номер. Трубку никто не снял. Как выяснилось после, заведующий с семьей уехал в отпуск на день раньше, предупредив только начмеда. Тот попросил кого-то оповестить дежурную смену. Кто-то положил на это с прибором...

Иннокентий Андреевич прошелся по ординаторской. Тогда, в восемьдесят первом году, Доктор Кеша прибежал сюда перед самым началом операции. Значит, в запасе имелось минут тридцать, не больше. Для выполнения задуманного требовалось кое-что найти.

На его памяти здесь прокатился не один ремонт. Из мебели с тех пор не осталось ни гвоздика. Но он отлично помнил эти старые скрипучие столы и массивные шкафы с объемистыми недрами. Нужная вещь должна была лежать в нижнем ящике одной из тумбочек.

Старый хирург протянул руку... Она прошла сквозь твердую поверхность, не встретив никакого сопротивления! От неожиданности он чуть не грохнулся на пол. Сгоряча рука снова потянулась к деревянной ручке и схватила... пустоту.

Иннокентий Андреевич заметался по помещению, пытаясь прикоснуться хоть к какому-нибудь предмету. И не смог.

Впадая в отчаяние, он гулко, по-звериному зарычал. Понимание пришло резким толчком. В этой реальности — в прошлом — у него не было возможности влиять на события! Его тело здесь, в восемьдесят первом году, было нематериально. Стать свидетелем того, что должно произойти, еще раз испытать кошмар той давней ночи не было ни сил, ни мужества.

Еще один рык пронесся по ординаторской, не потревожив застоявшегося воздуха.

Там, в операционной, предстояло умереть мальчику. Просто так. Потому, что обстоятельства сложились не в его пользу. А Основатель решил пошутить. Позволил попасть сюда, но не разрешил вмешиваться...

Или все-таки позволил?

Привычка искать выход из любой даже безнадежной ситуации заставила прекратить истерику. Иннокентий Андреевич замер, лихорадочно размышляя. Выход должен был найтись во что бы то ни стало!

Он поднял глаза к потолку и взмолился:

— Не знаю, как тебя называть: Основатель, Бог, Высший Разум... только дай мне возможность спасти человека! Можешь взять взамен что хочешь. Кажется, принято предлагать душу? Или жизнь. Или... Точно! Давай договоримся?! Возьми мою жизнь вместо жизни парнишки?!

Ответом была тишина. Потолок не разверзся. В пространстве не засветились буквы. Даже компьютера, чтобы вступить в диалог с Основателем, здесь не было.

Иннокентий Андреевич остервенело рванул ворот спортивной куртки, собираясь разразиться проклятиями. И вдруг замер. Он смог прикоснуться к себе! Значит, по отношению к себе он материален!

Хирург нащупал в кармане брелок на связке ключей. В китайских щипчиках для ногтей имелся небольшой ножик. Минуты, оставшиеся до встречи с самим собой, неумолимо улетали. Решение требовалось принять быстро. И он его принял:

— Думаешь, я блефую? Думаешь, не смогу отдать жизнь?! Сейчас поверишь!

Не очень хорошо заточенное лезвие вонзилось в мышцу. Открыть бедренную артерию удалось со второй попытки. Кровь ударила фонтаном.

Он почувствовал, что вот-вот потеряет сознание, но не испугался. В голове билась одна мысль: «Лишь бы получилось!»

Моментально набухла приспущенная штанина. Потом захлюпало в тапках. Иннокентий Андреевич поскользнулся и внезапно врезался плечом в угол шкафа. И тут же пришло осознание того, что Основатель услышал его. И выполнил просьбу.

Совершив жертву, он получил возможность жить и двигаться в другой реальности.

Всё остальное оказалось намного легче.

Он выдернул из раны нож. Кровотечение сразу уменьшилось. На то, чтобы найти бинт и наложить повязку, ушло полторы минуты. До прихода начинающего хирурга Кеши в ординаторскую времени почти не оставалось.... Но он успел.

Преодолевая головокружение и огибая липкую багровую лужу, натекшую под ноги, Иннокентий Андреевич нащупал в тумбочке флакон темного стекла и комок марли. Заправил шприц снотворным.

Закончив приготовления, он присел на стул и застыл, готовясь к встрече...

Снаружи послышались торопливые шаги.

Иннокентий Андреевич поднялся. Ему доводилось читать в фантастических романах, что встреча с самим собой в прошлом может привести к каким-то катаклизмам. Но тогда Основатель предупредил бы об ограничениях. Значит, вероятность благополучного исхода возрастала.

Дверь распахнулась. Доктор в колпаке и маске ворвался в ординаторскую.

Булькнула жидкость, выливаясь из флакона. Марля, пропитанная эфиром, накрыла лицо вбежавшего. Преодолевая слабость, Иннокентий Андреевич навалился всем весом на худощавую спину... самого себя? На свою спину?..

На миг его одолела оторопь. Но молодое крепкое тело под ним энергично задергалось, стремясь освободиться. Последние сомнения отпали. Пришла пора действовать.

Железный захват сковал голову пленника. Резкий запах эфира усилился. Два тела грохнулись на пол, чудом миновав кровавую лужицу на входе, и покатились, сбивая стулья. Тот, кто оказался внизу, внезапно обмяк.

Некоторое время Иннокентий Андреевич по инерции продолжал принудительный наркоз. Потом тяжело поднялся, отбросив остропахнущую марлю. Он наклонился и медленно стянул намокшую маску с худощавого бледного лица. У его ног лежал... он сам. Только лет на тридцать моложе.

К счастью, парадокса не случилось. Катаклизмы просвистели мимо. Встреча прошла в теплой и дружественной обстановке. Иннокентий Андреевич потрепал себя, молодого, по щеке и произнес приглушенным голосом:

— Не переживай, всё будет нормально.

На сентиментальности времени не оставалось. В операционной умирал мальчик. А без хирурга операция начаться не могла. Ввел лежащему снотворное.

Он торопливо переоделся, маскируясь под себя самого. Колпак с маской спрятали седину и морщины. Мешковатый хирургический костюм скрыл размытые контуры отнюдь не юношеской фигуры. Эфирный наркоз в сочетании с парой ампул снотворного должен был действовать минимум часа четыре. Во избежание разоблачения, Доктор Кеша остался спать в шкафу. А его потертый жизнью двойник пулей вылетел из ординаторской.

Возле оперблока он немного притормозил. На банкетке сидела мать парня. Темные заплаканные глаза полыхнули надеждой. Иннокентий Андреевич не мог забыть этот взгляд долгие тридцать лет. Тогда, в восемьдесят первом, он отвернулся и пробежал мимо, потому что боялся и предвидел встречу после операции. А сейчас он коснулся ее плеча и негромко сказал:

— Я его вытащу.

В его голосе была стопроцентная уверенность. Потому что эту операцию он продумывал десятилетиями. Вспоминал детали, поправлял себя, шлифовал каждый прием.

И теперь не сомневался, что выполнит всё безукоризненно...

В суматохе ему удалось натянуть перчатки самостоятельно. Кисти рук — последнее, что могло выдать возраст,— надежно скрыл непрозрачный белый латекс. Втянув живот, Иннокентий Андреевич метнулся к столу. Приглушив голос, чтобы убрать возрастную хрипотцу, он буркнул:

— Начали.

— Где ты бродишь? — прошипел Скуранский.

— Звонил шефу.

— Всё равно не успеет! Из-за тебя только время потеряли. Теперь точно упустим, даже если шеф приедет! — заныл Скуранский.

От него явственно несло свежим водочным выхлопом. Видимо, успел приложиться к стакану где-то по дороге к операционной. Но это были мелочи. Иннокентий Андреевич помнил, что полупьяный первый ассистент достоял до конца, не покачнувшись. Остальное не имело значения. В данный момент его интересовало только состояние пациента. А тот уходил на глазах. Не помогало ни струйное вливание гемодеза с полиглюкином, ни переливание крови. Кровотечение продолжалось, давление падало.

— Разрез! — коротко скомандовал хирург.

Анестезиолог сделал отметку в карте.

Хрустнул скальпель. Кожа посредине живота развалилась в стороны.

— Сушим. Шить.

Несколько мелких подкожных сосудов ушли под зажимы. Иннокентий Андреевич оперировал быстро и четко. Отточенные за годы работы движения могли бы броситься в глаза. Но он не осторожничал. Сестры на операционное поле смотрели редко. А интерны, не вполне понимая, что происходит, схватывали только общую суть. Скуранский же весь сосредоточился на том, чтобы не выпустить крючки, расширяющие рану, изредка пьяно икая.

Швы на порезанные участки кишечника легли ровно, один к одному. Память работала как идеальный штурман. Со стороны могло бы показаться, что доктор заранее знает, где прячется очередная дырка в кишке. На поиск не тратилось ни единой лишней секунды. На самом деле Иннокентий Андреевич отчетливо помнил, как убегали минуты, а он копался в порезанных петлях. Находил, зашивал, обрывая нитки, и торопился дальше. А кровотечение продолжалось, убивая пациента...

Он закончил работать на брюшной полости в рекордные сроки. Такой темп был чем-то совершенно немыслимым, невероятным. Даже Скуранский почувствовал какой-то подвох, но спьяну не сообразил. Только проворчал, наблюдая, как отмывается дерьмо с брюшины перед наложением дренажей:

— Наверняка не всё заштопал!

— Уходим на грудь,— сказал Иннокентий Андреевич.

Легкие он ушил красиво и качественно. У него был свой почерк. Подобные раны в лихие девяностые попадались часто. Материала для отработки навыка хватало. На этом этапе маскироваться под начинающего Доктора Кешу уже не имело смысла. Поэтому интерн, зажимающий рану на шее, что-то заподозрил. Он попытался заглянуть в лицо хирургу, рассмотреть глаза. Иннокентий Андреевич заметил и тут же рыкнул, стараясь сделать голос потоньше:

— Стой спокойно!

Подействовало. Правда, неизвестно насколько. Потому что таиться стало труднее. Распаханная меж ребер грудная клетка требовала приложения максимума усилий. Приходилось творить вещи, на которые начинающий хирург не способен в принципе. Но вроде проскочило. Хотя, будь потрезвее Скуранский,— расшифровал бы в два счета.

На исходе второго часа дело дошло до раны на шее. Иннокентий Андреевич поменялся местами с врачом-интерном. Проклятая жара добралась до операционной. От потери крови немного кружилась голова. В перчатках хлюпал пот. Спина промокла насквозь. Болела рана на бедре. Ноги гудели, руки подрагивали от напряжения. Но наступал самый важный этап. На нем они потеряли парнишку...

Тогда, в далеком прошлом, стоило им перестать прижимать рану, отнять салфетки, как в потолок ударила струя крови. Найти сосуд в ране не удалось. Пережать тоже. Кровопотеря, и без того поставившая пациента на грань смерти, резко увеличилась. Сердце остановилось. Анестезиолог орал, пытаясь его запустить. Доктор Кеша копался, все еще надеясь отыскать проклятую артерию. Скуранский старательно изображал непрямой массаж. В две вены переливались растворы и эритроцитарная масса...

Но парень ушел.

Потом, на вскрытии, выяснилось, в чем заключалась ошибка. Часть крови из поврежденной артерии попала между мышцами. Гематома сместила сосуды. Искать их нужно было совсем не там... К тому же у пациента обнаружили аномальное расположение сонной артерии. Это делало поиск совсем безнадежным. Да и саму операцию признали жестом отчаяния при «повреждениях несовместимых с жизнью». КИЛИ — комиссия по изучению летальных исходов — вины хирурга не усмотрела. Наверное, сделали скидку на возраст и стаж. Плюс коллегиальность...

Но сам Иннокентий Андреевич знал, что парнишку можно было вытащить.

Просто не хватило опыта, знаний и удачи.

Зато теперь...

Он не стал убирать салфетки. Не пошел на осмотр раны. Вместо этого скальпель прошелся чуть ниже, возле ключицы.

— Ты что, охренел?! — завопил Скуранский.

Крючки в его руках дрогнули. Он попытался их убрать.

— Держать! — яростно захрипел Иннокентий Андреевич.

Края раны разошлись в стороны. Но ассистент не успокоился, продолжая ныть по нарастающей:

— Салага, ты на кого вякаешь? Совсем долбанулся! Угробишь парня, а нам отвечать...

Препираться с ним не стоило. В глубине разреза показалась синеватая жила сосудисто-нервного пучка. На то, чтобы выделить из тканей артерию, понадобилось несколько экономных аккуратных движений.

Мягко хрустнул сосудистый зажим, перекрывая кровоток.

— Лигатуру. Перевязываем.

— Ты же ему сонную перекрыл, придурок! — в голос завопил Скуранский.— Он же подохнет!

Иннокентий Андреевич слишком устал, чтобы объясняться. Перевязанная ветка была всего лишь наружной сонной артерией. Многочисленные соединения с внутренней позволяли выключать ее из кровотока без последствий.

Он коснулся занемевшей руки интерна и убрал ее вместе с грудой пропитанных кровью салфеток. Фонтан не возник.

— Есть давление! — устало сказал анестезиолог.— Вытащили.

— Да не будет он жить без сонной!..— выкрикнул Скуранский.

Даже под маской было видно, как у него побагровели и затряслись щеки. Затхлая вонь перегара поползла над операционным столом. Иннокентий Андреевич брезгливо отстранился и процедил:

— Захлопни пасть!

В ответ раздался новый истеричный вопль:

— Да что ты из себя строишь, козел?! Салага! Сопля зеленая!

Внезапно Иннокентий Андреевич вспомнил, как в восемьдесят первом году на комиссии по летальным исходам Скуранский топил молодого коллегу, усердно поливая грязью. Как злобно тыкал ему в спину пальцем, сообщая матери о смерти сына. Как отравлял жизнь последующие несколько лет, постоянно напоминая об этом случае. Очень захотелось воплотить в жизнь то, о чем тогда мечталось. Отказывать себе он не стал...

Старый хирург отодвинулся от стола и с размаху врезал кулаком в припадочно трясущуюся челюсть. Хрустнула кость. Скуранский отлетел в угол и выключился. Сверху на него рухнул тазик с отработанным перевязочным материалом...

Под изумленными взглядами сестер и интернов Иннокентий Андреевич стянул расстерилизованную перчатку. Он небрежно кинул ее на бессознательное тело. Потом развернулся, направляясь к выходу из операционной. Он шагал, тяжело припадая на порезанную ногу, немного ссутулившись. Маскироваться больше не было сил. Да и необходимости.

— Всем спасибо,— сказал он на прощание.— Заканчивайте без меня.

Никто не обратил внимания на его морщинистую руку, оставшуюся без перчатки, на походку немолодого человека, на густой хриплый голос. Пациент был спасен. Кое-кто получил по заслугам. А все остальное народ не интересовало.

Анестезиолог хмыкнул и произнес, ни к кому конкретно не обращаясь:

— По-моему, на фоне алкогольного опьянения коллеге стало плохо. Мне кажется, он просто упал в обморок.

Коллектив дружно поддакнул, возвращаясь к работе.

Возле оперблока сидела заплаканная женщина. Увидев выходящего хирурга, она встрепенулась. Губы ее приоткрылись, но решимости спросить не хватило. Мать безнадежного пациента приподнялась, жалобно комкая блузку на груди.

— Будет жить,— устало произнес Иннокентий Андреевич.— Я же обещал.

Женщина обессиленно упала на банкетку, не в силах прошептать ни слова.

Иннокентий Андреевич зашел в ординаторскую. Оставалось нанести последний мазок, завершающий картину. Он вытащил из шкафа мирно посапы-

вающего доктора Кешу, переложил на диван, бросил рядом мокрый, испачканный кровью халат, колпак, маску и вторую перчатку. Затем натянул спортивный костюм. Напоследок по ординаторской пронесся шепот:

— Ты извини, парень.

Мимо постовой сестры, задремавшей на посту, он прошел на цыпочках, изображая заблудившегося пациента. Та не проснулась. Не вызывая лифт, он спустился вниз. Подсобный темноватый коридорчик неподалеку от морга был безлюден. Нужная дверь нашлась без труда. Она была немного приоткрыта, как бы приглашая войти. Иннокентий Андреевич обернулся, прощаясь с восемьдесят первым годом, и ушел...

В комнате по-прежнему горел монитор. Рядом с компьютером валялся неподключенный шнур питания. Часы показывали без пяти минут час. Он тяжело опустился в кресло, на мгновение прикрыл глаза, собираясь с мыслями. Потом решительно склонился над клавиатурой и напечатал:

«В истории земной было предостаточно дряни. Но ты не посчитал это достаточным основанием для того, чтобы стереть с лика планеты человечество.

Хорошего, благородного, чистого и светлого тоже было немало. Но ты не счел доброту и любовь искуплением грехов.

Да, мы не совершенны! Но ни за что не поверю, что именно сейчас кто-то решил поставить на нас точку, если не будет найден смысл существования. Глупо ожидать, что за одну ночь, за двенадцать отчаянных попыток, возможно разгадать величайшую тайну мироздания. Нельзя даже предположить, что кто-то вот так запросто расшифрует главный стимул движения вперед, разложит по полочкам вечное стремление к совершенству, выведет формулу, примиряющую добро и зло...

Поэтому я не искал ответа на твой вопрос. Пусть попытаются молодые. Им нужен смысл, у них все впереди. А я просто исправил ошибку, о которой жалел всю жизнь.

Кстати, спасибо за предоставленный шанс».

Глава четвертая
ЧТЕЦ

«Чтец, это событие не отмечено в календаре памятных дат».

Владимир Дмитриевич еще раз перечитал фразу Основателя, желая убедиться, что она не померещилась.

Убедился.

На всякий случай уточнил: *«Основатель, если я правильно понял, ты демонстрируешь каждому из нас свою осведомленность?»*

«Да»,— выдал монитор.

© А. Кивинов, 2010

Это была заявка на победу. И не на победу технического прогресса, хотя, теоретически, можно предположить, что в монитор или системный блок кто-то вмонтировал устройство, позволяющее считывать мысли пользователя. Нет, если бы подобные эксперименты и проводились, то не здесь.

Кажется, у нас всё по-взрослому, без подвоха в стиле программы «Подыгрыш». И, похоже, остальные участники чата не прыгают от радости. Наверняка их мыслишки тоже были угаданы точно. Вернее, прочитаны. Никакому Копперфильду подобный фокус не под силу. А кому под силу? Алану Чумаку?

Сейчас уточним.

«Кто ты, Основатель?»

Вопрос дополнил Доктор Кеша: *«Ты Бог? Высший космический разум? Кто ты или что ты?»*

«Ответ не имеет значения. С вашей точки зрения».

О-о-о, как-то слишком обтекаемо. И можно было бы махнуть рукой, сказав: «Ну вот, один раз угадал, а теперь пошло словоблудие».

Но махать не хотелось.

И даже не потому, что Основатель попал в десятку с памятной датой.

Он угадал состояние. Тревога. Не воздушная. И отнюдь не связанная с надвигающейся грозой.

Памятная дата...

Да, всё верно. Когда речь зашла о конце света, Владимир Дмитриевич почти автоматически вспомнил, что однажды уже покидал этот самый свет. Ненадолго, но покидал. И вспомнил потому, что завтра собирался отметить это безразличное миру, но не безразличное ему событие. Отметить без гостей и застолья. Не так, как отмечают дни рождения или юбилеи. Просто поднять рюмку и посидеть в своей комнате, как делал каждый год. И будет очень несправедливо, что именно завтра всё закончится.

Хотя, если закончится в другой день, тоже, наверное, несправедливо. И неправильно.

Он имел право на последнее утверждение. Он уже доказал это. По крайней мере самому себе. В ту памятную, не отмеченную в календаре дату. Двадцать семь лет назад.

Ему едва исполнилось семнадцать. Теплое лето восемьдесят первого года. Четвертый час ночи. Юго-Запад столицы, дворик в районе проспекта Вернадского, освещенный одиноким фонарем. Не снятый с крыши дома лозунг «О, спорт,— ты мир!». Напоминание о прошедшей Олимпиаде. Музыка «Queen» из открытого окна. Кто-то смелый поставил тяжелый бобинный магнитофон прямо на подоконник. Забрать ведь могут. И магнитофон, и меломана. Это же не наш советский Лев Лещенко, поющий: «До свидания, Москва, до свидания!» Это же ихний, буржуинский Фредди Меркьюри, поющий: «All dead». Пропаганда, можно сказать, насилия и упаднических настроений. Да еще в ночное время.

Витьку Морозова, который принес в школу кассетник с последним альбомом «Queen», разбирали на комсомольском собрании. Володя сидел в прези-

диуме. И вынужденно соглашался с гневом секретаря школьной комсомольской организации, что подобное поведение недостойно молодого строителя коммунизма. Это полное моральное разложение, позор и предательство.

Соглашался, потому что от секретаря зависела положительная характеристика, необходимая для поступления в институт. Вообще-то в любой институт желательна положительная характеристика, но в этот она была нужна особо положительная.

Витьке объявили выговор с занесением в учетную карточку.

Володя же, вернувшись домой, включил тот самый альбом, переписанный за два рубля у того самого Витьки.

...Они возвращались из кино. Он и Катя. С фестивального фильма, с последнего, ночного сеанса. Фильмы, идущие вразрез с политикой партии, можно было увидеть только во время фестивальных показов. Никакой буржуазной пропаганды в них, как правило, не было, но они не бичевали пороки западного общества, а это уже само по себе пропаганда. Поэтому, дорогие товарищи, смотрите кинопродукцию развивающейся Индии и социалистической Польши.

В том фильме красавчик Ален Делон играл освободившегося из тюрьмы гангстера, который знает, где спрятаны награбленные его бандой сокровища. Он не был отягощен моралью. Но всё равно выглядел положительным героем. Потому что он — Делон. А всё остальное неважно, скольких бы полицейских он ни укокошил и скольких бы женщин ни соблазнил.

Билетов на фестиваль французского кино в свободной продаже, разумеется, не имелось. За исключением кассы для моряков загранплавания. Для них оставляли небольшую бронь в качестве поощрения за тяжелый труд. Именно этой кассой и воспользовался Володя, уговорив соседа-моряка одолжить ему соответствующий документ.

Ночь в очереди на ящиках. Восемь рублей за два билета на последний сеанс.

Деньги он заработал прошлым летом, на каникулах, съездив на Север, в геологическую экспедицию в качестве подсобного рабочего. Хватило на магнитофон, джинсы и еще осталось на мелкие расходы.

Вообще-то фильм волновал Володю во вторую очередь. А в первую — одноклассница Катя. Первая красавица королевства. И в силу этого недоступная. И вряд ли пошла бы с ним на индийский фильм. Но на Делона... Устоять невозможно.

Всё утро, словно девчонка, он не отходил от зеркала. Подбирал прическу, мерил рубашки из своего небогатого гардероба. И — летал! Он идет в кино с самой Катькой! На Делона! Фантастика!

В кинотеатре, как истинный джентльмен, он купил ей мороженое и предложил поиграть на игровом автомате в «Морской бой». На раздевание. Шутка. Никаких крамольных мыслей по поводу Кати у него не возникало. Ему вполне хватало, что хотя бы два ближайших часа они будут просто рядом.

Во время сеанса он не позволил себе ничего аморального типа нечаянно положенной руки на ее плечо. Но после фильма высказал робкое пожелание проводить ее до дома.

— Конечно,— легко согласилась Катя, желая отблагодарить кавалера за доставленное удовольствие. Тем более что сеанс закончился в четверть второго ночи, и блуждать одной по ночному городу совершенно не хотелось.

Метро уже закрылось, другой общественный транспорт тоже не ходил, денег на такси у Володи не осталось, пришлось идти пешком. В принципе не очень далеко, десять троллейбусных остановок. Часа за полтора дойдут. Для него это счастье в чистом, неразбавленном виде. Завтра все обзавидуются. С самой Катькой гулял под луной!..

Маму он предупредил, что придет поздно, Катя своих предков тоже. По пути к ее дому они обсуждали Делона и, кажется, «Машину времени», чей «Поворот», несмотря на потуги властей, крутился почти в каждой семье. Потом Володя вспомнил пару героических историй, приключившихся с ним во время поездки в геологическую экспедицию. Остаток пути перемывали косточки учителям и одноклассникам.

В своем дворе Катя услышала голос Фредди Меркьюри.

— Это «Queen»? — уточнила она.

— Да. Семьдесят седьмой год. Песня «All dead».

— All dead? Все умрут?

— Точнее, все смертны...

— И они поют об этом?

— А почему нет? Не про мишку же им олимпийского петь и не про комсомольские стройки. Темы должны быть разными.

— Да, наверное...

После случившегося через минуту он перестал любить «Queen». Хотя «Queen» был здесь абсолютно ни при чем. Просто он играл в тот самый момент.

...Парни вышли из-за кочегарки. Четверо. Одного из них Володя знал — его отчислили в прошлом году из школы за то, что отбирал деньги у малолеток, а одного жестоко избил. Говорят, он уже успел побывать в колонии за кражу. Остальных видел впервые, но, судя по виду, они не входили в первые ряды строителей коммунизма.

Случайно ли они появились именно в тот момент или дожидались их, он так и не узнал. Скорее, второе. Катя притягивала к себе не только отличников или хорошистов. Кто хозяин двора? У кого должно быть всё лучшее? У этого вшивика из десятого «б» или у нормальных мужиков? Как он вообще посмел к ней подойти?! И как она посмела гулять с ним?!

В руках одного была недопитая бутылка портвейна «777» (в народе его прозвали «Три топорика»), двое дымили папиросками. У четвертого лопнул сосуд на правом глазу. Именно на эту деталь Володя почему-то обратил внимание.

Предчувствуя неладное, он сделал вид, что не заметил их. А сам подтолкнул Катю к дорожке, ведущей через детскую площадку к ее подъезду. На площадке сидел мужичок с болонкой, видимо, собачке приспичило выгуляться. Если что, вмешается...

Маневр не удался. Тот, которого отчислили, якобы нечаянно зацепил Володю плечом и тут же сам предъявил:

— Ты чё, щегол?!

Еще двое моментально встали за их с Катей спинами.

Наверно, в иной ситуации Володя не стал бы церемониться. Собрался бы с силами и рванул с места стометровку. Бегал он прилично, и вряд ли его бы догнали. Но сегодня, во-первых, он был с Катей, а во-вторых, находился под впечатлением фильма, в котором смелый и мужественный Делон расправлялся с куда более серьезными противниками. И не бегал по кустам, как слабак.

— Сам щегол.

Прозвучало не очень решительно, но этого хватило бы на десяток драк. Первым Володю ударил... нет, не отчисленный, а тот, с красным глазом. Бил в челюсть, но Володе удалось уклониться, и кулак лишь чиркнул по уху.

— Что?! Брыкается, сука!

Мужичок с болонкой моментально исчез в темноте.

— Ребята, не надо! Ну что вы в самом деле?! — Катя вцепилась в руку красноглазого, но парень с портвейном грубым толчком опрокинул ее на гравий детской площадки.

Володя ударил его в здоровый левый глаз. Но противник находился в большей весовой категории, и удар не принес желаемого результата. Он даже не сдвинулся с места. К тому ж удар, видимо, был не совсем умелым. Володя не Делон — бьет не как надо, а как получится.

«All dead, all dead...»

Никто не выглянул из окна и не вышел на балкон, чтобы окриком пресечь драку. Хотя крики Кати в ночной тишине разбудили бы мертвого. Но, видимо, все слушали «Queen» и не хотели слушать ничего другого.

Нож был у четвертого, самого неприметного.

Первый тычок пришелся в левую часть живота. Володя даже не понял, что произошло, ибо сначала не почувствовал боли. В свете фонаря увидел мутно-красное пятно на отутюженной утром светлой рубашке.

Он опять попытался ударить красноглазого, но лишь повалился на гравий. Шпана, вместо того чтобы разбежаться, поняв, что переборщили, бросилась добивать жертву. То ли, словно акулы, почуяла большую кровь, то ли каждый считал делом блатной чести закончить начатое.

Еще два удара пришлось в живот, четвертый в грудь, и, наконец, нож резанул по артерии на его шее.

Володя инстинктивно схватился за горло, пытаясь остановить кровотечение, но тут же потерял сознание от болевого шока. Перед глазами, словно в тумане, мелькнуло улыбающееся лицо Делона на фоне лозунга «О, спорт,— ты мир», и пошли титры.

В смысле — один титр.

«Конец фильма».

Потом он плыл по голубому небу на огромном белом облаке, словно олимпийский мишка на воздушных шариках. Прыгал на нем, как на батуте. Ему было очень хорошо, так хорошо, как никогда не было раньше. Иногда внизу под ним мелькали странные картинки — кафельная больничная стена, почерневшее от ужаса лицо мамы, окровавленный белый халат.

И, словно музыкальный фон,— голос Фредди Меркьюри.

Но при всей сказочности этого состояния ему почему-то не хотелось оставаться в сказке.

Мама потом сказала, что надежды не было.

Она тогда плохо соображала. Помнила, как ехала с плачущей Катей в «скорой», как разрыдалась в приемном покое, услышав вердикт кого-то из медперсонала «без вариантов». Как перед оперблоком, где она, сидя на банкетке, молилась про себя, к ней подошел врач в марлевой повязке, положил руку на плечо и негромко пообещал: «Я его вытащу». И как, спустя четыре часа, выйдя из операционной, сообщил: «Будет жить... Я же обещал».

После, в приемном покое у сестрички, она узнала, что операцию проводил доктор Скуранский.

В последующие девять лет, в ту памятную, не отмеченную в календаре дату, мама привозила ему в больницу цветы. На десятый ей сообщили, что доктор Скуранский по непонятной причине выбросился из окна своей квартиры. Якобы алкоголь. Мать узнала, где он похоронен, и отвезла букет на его могилу.

В институт Володя поступил на следующий год. Той же зимой ему пришла повестка из военкомата. Придя туда, он спросил, а почему зимой? Ведь осенний призыв уже закончен. «А ты не знаешь, что в мире происходит?» — мрачно спросил дежурный офицер. В мире происходил Афганистан...

В армию его не забрали по состоянию здоровья. Когда врач на медкомиссии ознакомился с принесенной им медицинской карточкой, то удивленно поднял глаза на призывника, не сказав ни слова.

Парням дали по два года колонии. Один оказался пасынком какого-то партийного функционера среднего звена, поэтому суд счел возможным назначить наказание ниже низшего предела. Правда, того, что бил ножом, так и не нашли. Остальные в голос заявили, будто бы познакомились с ним в этот же день, кроме клички, ничего о нем не знают, и вообще, это он предложил им выпить, а затем кого-нибудь пощекотать. А после драки куда-то смылся.

Катя вышла замуж три года спустя после случившегося. За какого-то курсанта военного училища. Уехала с ним по распределению на Кавказ.

Володя тоже женился. На пятом курсе института. Познакомились на студенческой дискотеке, которую как раз и вел. Знакомство оказалось удачным. Через две недели подали заявление. И, несмотря на малооптимистичные прогнозы близких, до сих пор не разбежались. Двое детей-близняшек, сейчас уже взрослых, жена — дизайнер садовых участков. Отдельная квартира, дача. Мама по-прежнему жила на Юго-Западе, в том же доме. Хорошая, спокойная работа, тьфу-тьфу — никаких особых проблем со здоровьем. У дочки — первая любовь.

И завтра всё должно исчезнуть... Насовсем. Без дураков.

Он вынырнул из воспоминаний, посмотрел на монитор, где участники чата продолжали выяснять, что задумал Основатель.

«Верный вопрос. Я решил дать вам шанс».

«Кому?» — написал Бомонд.

«Миру. Людям. Вам».

«Torga говори, время идет»,— потребовал Владимир Дмитриевич.

Основатель ответил. Не совсем доходчиво и внятно.

«Ты хочешь, чтобы мы нашли смысл жизни? Сформулировали цель человеческого существования?» — Владимир Дмитриевич по привычке поставил смайлик.

Когда после ответа Основателя он печатал очередной уточняющий вопрос, из висящего над дверьми динамика раздался голос звукорежиссера Димы:

— Владимир Дмитриевич, эфир через две минуты.

Он автоматически посмотрел на часы, висевшие на стене рекламного отдела. Две минуты до полуночи. Обычно в это время он уже сидел у микрофона в студии. Ровно в двенадцать запускал гимн, затем представлялся и зачитывал приготовленные редактором новости.

Собственно, поэтому Владимир Дмитриевич и назвался Чтецом. В чат он забрел случайно, примерно полгода назад, зацепившись взглядом за необычное мнение кого-то из участников по поводу последнего фильма Михалкова. Участник не просто обозвал его дерьмом, но и подробно расписал, в чем состоит дерьмовость. Причем в довольно остроумной манере. Кажется, это был Патриот.

Владимир Дмитриевич присоединился к обсуждению. Следующим вечером он вновь заглянул в гости к маленькому коллективу, а через неделю стал постоянным его членом. Мало того, втянул Доктора Кешу, с которым часто спорил на форуме одной городской газеты.

Компьютер с выходом в Сеть стоял в кабинете рекламного отдела. По обыкновению, Владимир Дмитриевич приходил на работу за час до эфира, чтобы полазить по Интернету. Не удовольствия ради, а дабы быть в курсе общественных настроений. Истинных настроений, поскольку газеты и радиостанции за редким исключением озвучивали только позицию властей, не говоря уже про телевидение. В Сети же можно уловить мнение народа на те или иные события. Особенно в чатах. А знать мнение народа для солидного радиоведущего совсем нелишне. К тому же во время общения встречались удачные речевые обороты, которые он вставлял в свои монологи.

Без пяти он входил в студию-«аквариум», надевал наушники, садился к микрофону и начинал работу. Читал новости, рекламу, ставил музыку, подготовленную редактором, проводил конкурсы, выполнял заявки слушателей, страдающих бессонницей. Модного слова «диджей» при озвучивании своей профессии он старался избегать, представляясь просто ведущим или чтецом.

Смена заканчивалась в шесть утра, он прощался со звукорежиссером и охранником, доходил до станции метро, приезжал домой и отсыпался до трех дня. А в десять вечера снова ехал на смену. Наверное, кого-то подобный график не устроил бы, но Владимир Дмитриевич за пять последних лет так привык к нему, что, предложи ему шеф поработать в дневном эфире, он бы отказался.

Станция вещала не только на Москву, но и на несколько регионов, в том числе и Питер. Особой популярностью она пользовалась у дальнобойщиков, гнавших свои грузовики по ночам, и у круглосуточных охранников. Да и вообще, судя по рейтингам, ночные программы станции довольно востребованы.

Непоследнюю роль в этом играл Владимир Дмитриевич. Возможно, потому, что, в отличие от большинства коллег по эфиру, был не молод-зелен. И в силу этого мог с позиции лет рассуждать на житейские и не очень житейские темы, находить общий язык со слушателями своего возраста, звонившими в студию, иметь собственное мнение, которое убедительно доказывал. Народ ему верил. Об этом говорили письма, приходившие в редакцию, и интернет-форум станции. А что такое доверие? Это рейтинги. А рейтинги — это материальные блага. Поэтому руководство ценило услуги Владимира Дмитриевича и регулярно выписывало ему премии, дабы он не переметнулся к конкурентам. Но он и не собирался. На станции он считался аксакалом, работал практически с первого дня ее основания, и, в принципе, его всё устраивало, за исключением организационных мелочей. Стычек с руководством и коллективом никогда не возникало, ведущий умел находить компромисс со всеми. В интригах не участвовал и никого не подсиживал.

— Владимир Дмитриевич, пора,— еще раз напомнил о наступлении полуночи звукорежиссер Дима.

Ведущий быстро вылез из-за стола шефа рекламного отдела, сунул в карман футляр от очков, сделал пару шагов и замер...

Слева от двери появилась вторая.

Примерно такая же по внешнему виду, но менее обшарпанная. Вернее, совсем не обшарпанная. Буковок не хватает. «М» и «Ж». Для полной гармонии.

«Неплохая работа,— автоматически отметил Владимир Дмитриевич, не так давно делавший ремонт на даче.— Наличники прибиты ровно, зазор между полотном и косяками минимальный, даже шлицы на шурупах в одинаковом положении. У плотника пятый разряд, не меньше».

Поклонник Стивена Кинга станцевал бы гопак от восторга. Но Чтец в мистику не верил. И поэтому тут же схватился за круглую ручку новой двери, пожелав узнать секрет фокуса. Может, голограмма или проекция из спрятанного в шкафу кинопроектора?

Ручка оказалась настоящей. Твердой и холодной. Никакой голограммы. Правда, она не проворачивалась. Видимо, потому, что не выбрано место, как оговорено в условиях конкурса. Сейчас, сейчас...

— Володя, блин! Эфир!

Ладно, вернусь во время рекламной паузы. Плюнуть на прямой эфир в связи с объявлением конца света он не мог по причине внутренней и служебной дисциплины.

Он повернул ручку старой двери, пробежал по коридору и приземлился в «аквариуме». Дима, сидевший за стеклом напротив, уловил изменения в состоянии ведущего или разглядел бледность лица.

— Владимир Дмитриевич, у вас все в порядке?

— Да,— мрачно пробубнил ведущий.

В полном. Полнее не бывает...

Он надел наушники, очки, взял лист с новостями, лежащий перед микрофоном.

Новости заготавливал редактор, распечатывал и оставлял на столе. Зачитывать их полагалось трижды — в двенадцать, в три и в пять часов. Если ночью в

мире или стране случалось сверхважное событие, редактор присылал текст по электронной почте прямо на стоящий в «аквариуме» монитор.

Помимо листов с новостями, на рабочем столе находился план ночной программы, список музыкальных композиций и стакан с водой. Музыку ставил Дима, но объявлял ведущий. Хотя и он сам мог поставить ту или иную песню, если, например, у звукооператора случится приступ клаустрофобии или он просто заснет за пультом.

Часы пробили полночь, Дима запустил гимн Родины. Разумеется, никто из присутствующих в студии не вставал. Что касается охранника — милицейского пенсионера в чине подполковника, то он уже полчаса спал на банкетке в своей каморке.

Пока играла главная мелодия государства, Владимир Дмитриевич пробежал глазами программу. Всё как обычно. Музыкальная викторина, концерт по заявкам, «Ночной разговор» — тема «Как на вас отразился мировой кризис», и под утро — традиционное юмористическое шоу-розыгрыш «Разбуди друга». Всё как всегда. Без сюрпризов.

«Вы можете отправиться в любое время и в любое место человеческой истории... Когда вы вернетесь, каждый из вас приведет свои доказательства...»

Нет, что-то здесь явно не так. Чтобы рассказать про чей-нибудь подвиг во имя жизни на земле, вовсе не обязательно куда-либо отправляться. Достаточно набрать в поисковике фамилию какого-нибудь известного героя, скачать информацию и предоставить Основателю. Вот, гляди — доказательства налицо. А тут просят самого отправиться. Нет-нет, здесь явно закрался подлый подвох...

Пока Владимир Дмитриевич напряженно размышлял, гимн закончился. Пора сказать людям правду. Ведущий пододвинул микрофон, положил перед собой лист, поприветствовал слушателей и принялся читать. В смысл текста он особо не вдумывался, голова была занята проблемой спасения человечества и заменой линз в очках. Возраст, возраст... Хотя вроде и не старый. А завтра есть шанс остаться вечно молодым. Ну не то чтобы молодым, но остаться.

Продолжается визит президента по Восточному побережью Африки... Это новый этап отношений между Россией и племенами... Упор будет сделан на экономическое сотрудничество... Безвизовый режим... Награжден высшей наградой... И бусами из слоновой кости... Фотографирование в национальных костюмах — набедренных повязках, украшенных местным орнаментом с бисером...

Завтра в Москве открывается Европейский экологический саммит... Ведущие авторитеты... Представители «Большой восьмерки», ожидается приезд самого...

Правительство Москвы разрешило провести марш несогласных, но не по Тверской улице, как требовала оппозиция, а в Южном Бутово...

Безрезультатно закончилась проверка Генеральной прокуратуры по факту исчезновения миллиона долларов, выделенных правительством на борьбу с коррупцией в городе Великобельске...

В Гвинее-Бисау женщины одного из племен убивали новорожденных мальчиков, чтобы таким образом остановить войну с соседним племенем, длящуюся

более двадцати лет. Что послужило причиной для кровопролития, уже никто не помнит, но племена упорно продолжают боевые действия. И только такими радикальными мерами, по мнению женщин, можно принудить мужчин к миру...

В средней школе Воронежа старшеклассники на перемене изнасиловали в туалете ученика пятого класса. Задержанные характеризуются положительно...

И в завершение выпуска о погоде... Завтра в Москве ожидается... Конец света.

Последние два слова Владимир Дмитриевич произнес про себя, хотя, если бы произнес вслух, никто бы не заметил. Либо принял за остроту ведущего.

Дима поставил «Отель „Калифорния"». Станция была с уклоном в ретро.

Ну и что теперь делать? Идти к компьютеру и доказывать, какие мы хорошие? Что Гвинея-Бисау — это досадное исключение, что мы сами вправе изменять свою жизнь, что никому не позволено в одночасье решать быть или не быть? Даже Основателю пятого разряда. Что ты, Основатель, если нормальный мужик (или не мужик), вместо бестолковых экспериментов обеспечил бы всеобщее счастье и процветание, а лично мне достроил бы баню на дачном участке. Потому как подлый экономический кризис сожрал финансовые сбережения, и строительство баньки придется заморозить.

Совсем рехнулся... Да величайшие умы человечества до сих пор не смогли найти смысл жизни, а мы, двенадцать случайных прохожих, должны до рассвета его отыскать. Нормальная задачка. Как раз для Голливуда. Там бы справились. Двести миллионов бюджета, пара звезд, дорогущие спецэффекты — вот и весь смысл.

А может, конкурс объявить в прямом эфире? На означенную тему. Победителю лучшей истории приз — компакт-диск с автографом Основателя. Или с моим, на худой конец. Слушатели активно включатся в диалог, начнут рассказывать слезливые истории про спасенных котят или утопающих. Глядишь, всем миром и справимся. Спасем человечество от напасти.

Нет. Это было бы слишком просто, как в «крестиках-ноликах». А Основатель шахматист. Гроссмейстер. Попробуй переиграй...

«Eagles» покончили с «Калифорнией». Дима завел следующую композицию.

Час пролетел, как одна минута, а ничего конструктивного в голове ведущего не возникло.

Пора начинать музыкальную викторину. Сказать вступительное слово, объяснить правила, поблагодарить спонсора и ждать звонков. Здесь от Владимира Дмитриевича требовалось повышенное внимание. Ночная смена — не дневная, редактора, отсеивающего ненужные звонки, нет, и следить, дабы звонящий нечаянно не ругнулся матом или не крикнул «Смерть легавым от ножа!», приходилось ведущему. Прямой эфир на самом деле был не совсем прямым. А с трехсекундной задержкой. Чтобы успеть «запикать» непарламентское слово или оборвать связь.

А попробуй отследи, когда сам играешь блицпартию с нехилой ставкой... Викторина.

Дима показал жестом — «Начали!».

— Доброй ночи, друзья... По-прежнему с вами... В прямом эфире... Напоминаю телефон...

Скороговорка, никаких веселых импровизаций. Не хотите — не слушайте и не звоните... Хотя страдает рейтинг.

Знак Диме. Тот поставил в эфир исковерканный компьютером фрагмент песни, название которой и предстояло угадать слушателю.

«А мне надо угадать кое-что другое. Что у кое-кого на уме... Чтобы наступило светлое будущее...

Чтобы наступило... Стоп. Согласно условиям викторины, я могу отправиться в любое место и время человеческой истории. А вдруг получится отправиться в завтра? Или послезавтра. И посмотреть, как там человечество? Живо ли, здорово ли? Весело ли по-прежнему? И существует ли оно вообще? Узнать заодно, как сыграют „Локомотив" с „Зенитом", чтобы, вернувшись, сделать ставочку на тотализаторе. И если всё в порядке, сидеть и не нервничать. Продолжать вести музыкальный конкурс.

Не знаю, получится ли такой скрытый маневр, но почему бы не попробовать? По уху, что называется, не ударят. Извини, Основатель, но я имею право на подобный ход. Что не запрещено, то разрешено.

Ну а если вместо улиц, домов и людей, увижу черную или белую пустоту, тем более нечего дергаться. Уйду из эфира, поеду домой, выпьем с верной супругой по сто граммов оставшегося со дня ее рождения „Реми Мартина" и будем ждать. Детей предупреждать не стоит. Зачем омрачать последние минуты?..»

— У нас первый звонок... Алло, вы в прямом эфире. Представьтесь, пожалуйста...

— Здравствуйте... Меня зовут Основатель... Неплохая идея, Чтец, но я предусмотрел подобный вариант. У тебя не получится заглянуть в завтра, это противоречит здравому смыслу... И поставь, пожалуйста, для меня песню группы «Queen».

— Какую?

— Ты сам знаешь какую...

Блин! Померещилось? Или...

Владимир Дмитриевич посмотрел на Диму. Тот вел себя естественно. Не крутил пальцем у виска и не возмущался.

— Здравствуйте... Меня зовут Андрей. Я из Москвы...

— Оч... Очень приятно, Андрей... Вы угадали, какую композицию замаскировал наш компьютер?

— Да... Это песня группы «АВВА». Кажется, «Последнее лето».

— Вы совершенно правы! Действительно, это нестареющий хит прекрасной шведской команды. Поздравляю... Скажите, вы любите эту группу?..

— Да, ничего была банда... Особенно эта тёлка с черн...

— Что ж, сейчас мой помощник объяснит вам, как получить приз, а я поставлю песню «Последнее лето» в нормальном варианте.

Дима принялся диктовать звонящему адрес станции, а Владимир Дмитриевич положил руку на мышь компьютера, чтобы запустить трек.

Достаточно навести курсор на название и щелкнуть кнопкой.

Но он почему-то не щелкал...

Почему ему именно сейчас захотелось услышать мелодию, под которую его убивали, он объяснить не мог. Может, потому, что его сейчас снова убивают? И это условный рефлекс? Или высший некосмический маразм? Так или иначе, но пальцы набрали на клавиатуре «All dead», кнопка щелкнула, и песня пошла в эфир.

Дима удивленно взглянул на ведущего и включил внутреннюю связь:

— Владимир Дмитриевич, это не та тема. Заглушить?

— Не надо. Пусть играет... Я потом извинюсь.

Он вышел из «аквариума». У него есть три с небольшим минуты, чтобы дойти до рекламного отдела, заглянуть в завтра и вернуться. За дверью, если верить Основателю, время остановится.

Куда податься? На Пятую авеню? Нет, он там уже был, ничего хорошего. На Елисейские Поля? Полюбоваться заодно летним Парижем. Обойдусь, сейчас не до любований.

Это должна быть родина. Там хоть объясниться по-русски смогу.

Москва, центр. Три часа дня. Завтра. Что может быть проще?

Загадал, повернул круглую ручку. Она поддалась. Владимир Дмитриевич толкнул дверь и сделал шаг вперед.

Вместо Красной площади или, к примеру, Тверской он оказался в малопривлекательном дворике. Обернулся назад — за спиной бледно-желтая стена дома и обитая железом дверь. Надпись «Электрощитовая» и пририсованный баллончиком половой член. Всё понятно — это путь к возвращению. Остроумно. «А не пошел бы ты на... Владимир Дмитриевич».

Дом был жилым, пятиэтажным. С двух сторон к нему примыкали еще два здания, ограничивая внутреннее пространство дворика. В стене одного из них чернела арка, ведущая на улицу или проспект. Прямо напротив двери электрощитовой возвышалась кирпичная стена, ограждающая благоухающий тухлой селедкой мусорный контейнер. Стена, как и дверь, тоже пострадала от любителей баллонного импрессионизма. Возле стены ржавел забитый мусором кузов какой-то старой иномарки. Еще с десятка два машин полностью занимали свободную площадь двора, оставляя лишь небольшую дорожку для прохода людей и проезда транспорта.

Здешние дворники совершенно незаслуженно получали зарплату — мусор валялся не только возле бака, но и разлетелся по газонам и тротуару. Несколько голодных ворон воевали на асфальте за яблочный огрызок, а в дальнем углу двора смрадно дымилась подожженная кем-то старая автомобильная покрышка.

Может, Основатель не так понял и отправил меня в Гвинею-Бисау?

Но это было не столь важно. Даже если б жильцы дома справляли нужду прямо с балконов на прохожих, Владимир Дмитриевич не придал бы этому никакого значения. Главное, не было пустоты. Пускай это не Красная площадь и не Мавзолей, но мир существовал... Нет, с Мавзолеем не очень удачное сравнение. Для полного успокоения необходимо увидеть живых людей и возвращаться во вчера, в студию.

Он прошел вдоль кирпичного ограждения помойки прямо по тому месту, где сражались вороны. Удивительное дело — при его приближении они не разлетелись, а продолжили битву за пропитание. Владимир Дмитриевич по инерции махнул ногой, но птицы не обратили на него внимания, словно он был невидим. Слово «Кыш!» тоже не произвело на пернатых впечатления. Ведущий остановился, присел и поддал рукой по ближайшей к нему вороне. Но та не сдвинулась с места, а рука прошла сквозь нее, не причинив ни малейшего вреда. Он ударил посильнее, но результат тот же. Птицы его не видели.

Так-так-так... Может, люди все-таки исчезли? Остались лишь дома, машины и животный мир? Поэтому-то его и не видят?! Надо срочно найти трудящихся, если они, конечно, не сгинули, как динозавры.

О, а вот и они. Трудящиеся. А не динозавры.

Из припаркованного сразу за помойкой черного корейского джипа вышли трое. Первый, сидевший за рулем, худощавый мужчина лет тридцати пяти, был в легкой черной куртке, кепочке и джинсах. Солнцезащитные черные очки, усики. Второй — лет двадцати пяти, не старше. С кирпичным выражением лица, картофельным носом, крепко сбитый. В грязно-зеленой ветровке и рэперских шароварах. На бритой почти под ноль голове зеленая повязка, но не с арабской вязью, как у ваххабитов, а с переплетенными белыми веточками. И, наконец, третий. Ровесник Владимира Дмитриевича. Тоже в ветровке, тоже бритый и тоже с повязкой. Невысокий, среднего телосложения. На пальцах татуировки-перстни, которые обычно накалывают себе уголовные элементы в местах усиленного комфорта.

— Господа, которое нынче число? — естественным вопросом решил привлечь их внимание Владимир Дмитриевич, приблизившись вплотную.

Господа не отреагировали. Продолжали разговаривать между собой, даже не обернувшись на голос. Владимир Дмитриевич ладонью дотронулся до рэпера. Ноль на фазе.

Логично. Ни в будущем, ни в прошлом ничего менять нельзя. Но он и не собирался. Оставалось узнать сегодняшнюю дату, вернуться в рекламный и отправить Основателю еще один смайлик.

Проще всего дойти до ближайшего газетного киоска и взглянуть на свежие газеты.

Но что-то Владимира Дмитриевича заставило притормозить. Вернее, не что-то, а кто-то. Последний мужичок, ровесник...

Черты его лица показались ведущему знакомыми. В общем-то, ничего удивительного. Жизнь длинная, мало ли где могли пересекаться? Перстни на пальцах... Лет десять назад, когда он работал на телевидении, ездил делать репортаж в колонию. Может, там? Или еще где?.. Почему-то есть уверенность, что знакомство было не самым приятным.

Он решил убедиться, что не ошибся, и прислушался к разговору.

— Всё запомнили? — строго обратился мужчина в очках к двум другим.

— Да,— в унисон кивнули те.

— Тогда с Богом.

Молодой воровато огляделся, сунул руку за пазуху и вытащил пистолет. Владимир Дмитриевич не особо разбирался в моделях, но то, что пистолет не

игрушечный, определить смог. Парень передернул затвор, поставил на предохранитель и сунул оружие за брючный ремень.

— Чего, сдурел? — зашипел усатый.— В тачке не мог зарядить?

— Забыл,— виновато ответил рэпер.

— Всё, давайте... Я буду ждать, где договорились. Расчет по результату.

Усатый (видимо, старший трудового коллектива) сел обратно в джип и завел двигатель.

Не надо обладать аналитическим умом, чтобы понять — коллектив занимался не рекламными акциями. У второго бойца под ветровкой тоже какой-нибудь огнестрельный аксессуар. И замыслили господа не раздачу стикеров и не уличный концерт.

Владимир Дмитриевич посмотрел на номер джипа. Номер как номер. Московский регион. На всякий случай запомнил, благо тот был простым. Вдруг пригодится? Какие-то ребятки тревожные...

Джип сдал назад, развернулся, но покинул двор не через арку, а протиснулся в просвет между домами. Парни же зашагали к арке. Чтец пристроился сзади, в метре от них, благо Основатель обеспечил вполне надежное прикрытие.

— Блин, еле успел,— пожаловался младший... Пгикинь, поезд на два часа опоздал.

Он немного картавил, вместо «р» произнося «г».

— На хрена ты вообще туда ездил? Потом не мог?

— Бгательник попросил помочь с делом одним. Зато ночью отжег с козой местной у него на хате. Стгашненькая, но под пивасик хогошо пошла.— Картавый жестом изобразил коитус, затем продолжил: — Как бы с баблом не кинули. С них станется.

— Разберемся... Не спалиться бы... Работенка нервная. Такая, блин, мясорубка начнется!

— Да чё ли там негвного? Свалить, главное... Слышь, мне обязательно на погажение шмалять?

— Как выйдет... Хотя жмуров ОМОН и так настрогает. По-любому мэрия всё спишет.

«Однако, любопытный получился бы материал. Мэрия, жмуры... Надо было диктофон из студии захватить,— подумал Владимир Дмитриевич,— а потом прокрутить запись в эфире. Все рейтинги наши. Хотя... Кто ж такое даст прокрутить?»

Со стороны улицы арка ограждалась решеткой с калиткой. Парни немного постояли возле нее, оценивая обстановку. Ведущий тоже бросил взгляд сквозь прутья.

Арка выходила на Тверскую. Ошибиться невозможно, если всю жизнь прожил в Златоглавой. Напротив арки, с той стороны,— забитая досками дверь дорогого магазина. Неряшливая надпись на фанерке: «Boutique закрыт. Кризис». Да, Основатель не обманул, здесь почти центр. Через полкилометра Манежная площадь, а там и Кремль с Мавзолеем.

По Тверской, по направлению к Красной площади неспешно двигалась пестрая колонна демонстрантов. Студенты, пенсионеры и творческая интеллигенция, как говорят в репортажах. У многих на головах зеленые ленточки с

веточками. В руках тоже веточки, но уже настоящие. Лозунги «зеленой» направленности в защиту окружающей среды, типа «Нет мусорным свалкам!» и «Смерть нарушителям конвенции по охране водоемов!». Речевки и выкрики на ту же тематику. Но среди невинных призывов мелькали и политические: «Мэра в отставку!», «Долой режим олигархической диктатуры!», «Уходите по-хорошему, сволочи!» Несколько гаишников и постовых без особого энтузиазма сопровождали колонну, а какой-то подполковник вяло бубнил в мегафон просьбу не нарушать общественный порядок и немедленно разойтись, грозясь в противном случае принять меры. Но на него никто не обращал внимания, чего, наверное, он хотел и сам. А то ведь действительно пришлось бы принимать меры. А оно надо при его-то окладе?.. Кто реально мог разогнать протестующих, так это автомобилисты, оказавшиеся заблокированными на прилегающих к Тверской улицах.

Владимир Дмитриевич вспомнил новостную сводку, зачитанную им чуть более часа назад. «Экологический саммит, представители Евросоюза... Марш несогласных, Южное Бутово...»

Значит, эксперимент удался. Он оказался в будущем. Можно уходить. Но он остался. Когда еще представится такая возможность?

Повод для демонстрации у несогласных вполне невинный — защита окружающей среды. Попробуй не разреши, когда пол-Европы на саммите тусуется. Сразу шум поднимется... Поэтому пришлось разрешить. В Южном Бутово. Но кто же туда из Европы поедет? Нужен центр. И даже не Васильевский спуск, а самый что ни на есть центральный центр. Вот они и двинули по Тверской, заодно развернув политические лозунги. Почему бы не воспользоваться моментом? Властям остается терпеть, не будешь же при западных журналистах смутьянов дубинками разгонять? Поэтому гаишники и постовые колонну сопровождают, а не ОМОН со спецназом.

Пока ведущий анализировал ситуацию, парни открыли калитку и моментально влились в колонну. На них никто не обратил внимания. Не в костюмах же они клоунов из Макдоналдса. Такие же повязки, такие же ветровки. Практически форма. Свои. Наши.

Владимир Дмитриевич тоже примкнул к колонне. Его не заметили бы и подавно, даже будь он голым. Обычное волшебство. Или высший космический разум. Для уверенности он стукнул по плечу идущего перед ним пенсионера, но тот даже не обернулся. Подобрался поближе к подозрительной парочке.

— Долой! — проголосил старший.

— Долой! — отозвалась толпа.

«Где, где я его видел? Эти узковатые глаза, чуть свернутый нос...»

Колонна слегка замедлила ход. Ведущий посмотрел вперед. Метрах в пятидесяти, возле здания Госдумы, дорогу перегородили несколько милицейских автобусов и шеренга бойцов ОМОНа.

«Ага, все-таки решили не пускать. И так послабление сделали, раньше не разогнали. Но к Думе — ни-ни».

Тройка офицеров отделилась от отряда и шагнула навстречу колонне. У одного в руках мегафон. Колонна опять сбавила темп. Задние ряды принялись напирать на идущих впереди.

Парочка пробралась к краю колонны, уйдя из центра. Владимир Дмитриевич следовал за ними, словно невидимая тень.

Офицер приложил мегафон к губам и прокричал:

— Внимание! Ваша демонстрация незаконна. Немедленно разойдитесь и прекратите нарушать общественный порядок. В противном случае мы будем вынуждены применить силу. Повторяю! Немедленно разойдитесь!

— Долой!!! — вновь прокричал кто-то из толпы.— Мэра в отставку!

— Давай! — негромко бросил старший картавому, накинув на голову капюшон ветровки.

Затем запустил руку за пазуху, обернулся, чтобы убедиться, что на него никто не смотрит, и извлек водочную поллитровку. Через секунду бутылка, кувыркаясь, рассекала воздух по большой дуге в направлении омоновцев. Не долетев пару метров до шеренги, она грохнулась на асфальт и разлетелась на осколки. Вылившаяся из нее смесь с шумным хлопком вспыхнула и метнулась по инерции вперед, оставляя за собой огненный шлейф. Коктейль имени Молотова. Смерть фашистам!

Почти одновременно картавый, тоже уже накинувший капюшон, выхватил из-за пояса пистолет и дважды выстрелил в троицу, преградившую путь колонне. Наверно, он был неплохим стрелком. Офицер выронил мегафон, схватился за шею и опустился на колени.

Бойцы, поняв, что случилось, с дубинками наперевес и криками «Мочить!» бросились в атаку. В толпу полетели дымовые шашки с ароматом «Dior». Одна пролетела прямо сквозь Владимира Дмитриевича и приземлилась возле студента с плакатом «Не хотим дышать дерьмом!». А придется...

Парочка провокаторов не стала дожидаться приближения отряда и метнулась к ближайшему подъезду. Дверь была на кодовом замке, но замок не оказал сопротивления. Видимо, «бомбисты» всё продумали до мелочей. И подготовили путь к отступлению.

Невидимый ведущий рванул за ними, пройдя сквозь молодого продавца DVD-дисками и его складной столик. Продавец был облачен в потертый камзол и треуголку, один глаз перевязан ленточкой, вместо левой ноги — деревяшка. Вылитый Джон Сильвер из «Острова сокровищ». Пират не Карибского моря.

В парадной оказался второй выход. Господа проскочили его, бегом миновали двор и нырнули в следующий подъезд. Там бросили пистолет, ветровки и повязки, оказавшись в респектабельных пиджаках. Вновь закружили по дворам, пока не выскочили в почти безлюдный переулок.

Там их уже поджидал знакомый джип. Правда, на его лобовом стекле появился значок Министерства юстиции, а на крыше мигалка. Господа впрыгнули в приоткрытую дверь, и машина сорвалась в галоп. Догнать ее Владимир Дмитриевич при всех своих волшебных способностях не сумел бы. Он отдышался, постоял немного и побежал обратно, на Тверскую.

А на Тверской писалась картина маслом, достойная кисти Верещагина. «Апофеоз войны». Дым, огонь, вода. Битые стекла, битые лица, битые машины. Давка, крики, хлопки автоматического оружия, звуки ударов резины по мясу. Мат и кровь, кровь и зубы. Сломанный столик, слетевшая треуголка,

ползающий по газону одноглазый, одноногий пират, хрустящий под ментовскими берцами контрафакт — «Ночной дозор», «Каникулы строгого режима», свежий Спилберг, официально презентуемый лишь в декабре. Запоздалые крики в мегафон «Прекратить или применим силу!».

Ни фига себе экология...

Оказавшийся рядом с ведущим омоновец почти в упор выстрелил в него из большого пистолета, но резиновая пуля прошла сквозь Владимира Дмитриевича и ударила в грудь молодому очкарику, повалив на асфальт, словно кеглю. Собственно, в очкарика боец и метил. Вторая резинка попала в голову молодой девице с зеленой повязкой. Девица тоже рухнула, повязка из зеленой превратилась в черную, а белые листочки на ней стали красными... Оружие останавливающего действия.

Омоновцам, впрочем, тоже приходилось несладко. Они не рассчитывали на подобный ход событий и явно уступали в количестве. У нескольких толпа отобрала щиты и дубинки, повалила на землю и молотила подручными средствами. Двое уже не подавали признаков жизни, но их упорно продолжали мутузить. Со стороны Манежной показалось подкрепление — БТРы с водометами на крышах и пехота. Трудящиеся с балконов фиксировали происходящее на мобильники для программ «Вы очевидец», «Шокирующее видео» и «ЧП за неделю». Западные туристы ухитрялись позировать перед объективами фотоаппаратов. «Сма-а-йл! Чи-и-и-з!» По возвращении можно выложить в своем блоге — «From Russia with Love».

Репортер какой-то зарубежной телекомпании взахлеб вещал перед камерой о происходящем, но закончить сюжет не успел, сбитый струей воды. Вместе с оператором. Когда же попытался подняться, один из омоновцев добил его ловким ударом приклада в голову, несмотря на предупредительный крик «Pressa!». Но наши менты языками не владеют.

Да это же война... Настоящая война... На асфальте убитые люди. Много людей. Возможно, случайных. Правильно старший сказал: мясорубка.

Может, это и есть конец света, обещанный Основателем? Время сейчас нервное, кризисное. Достаточно искры, и разгорится пожарчик покруче, чем в семнадцатом. А кто-нибудь под шумок и даванет на ядерную кнопочку.

И всё. До свиданья, Москва, до свиданья, олимпийская сказка — прощай. Планета под названием Земля исчезнет из Солнечной системы.

И это будет уже завтра. Вернее, уже сегодня, спустя несколько часов.

Владимир Дмитриевич бросился обратно, к знакомой арке. Ему никого не приходилось расталкивать, и никто не мешал бегу. Но бежать было всё равно тяжко. Во-первых, возраст, во-вторых, не боевые ранения. Основатель явно недоработал. Забыл убрать сопротивление воздуха.

Возле арки лежал тинейджер. С разбитой головой. Без движения. Рядом рюкзачок с вывалившимися конспектами и веточка. Ведущий притормозил, нагнулся, автоматически приложил палец к шее и, разумеется, ничего не почувствовал. Не в смысле пульса, а вообще. Впрочем, и так понятно, что мальчишка отгулялся.

— Я вытащу тебя,— прошептал Владимир Дмитриевич,— обещаю.

Проскочил арку, двор, рванул дверь электрощитовой с членом...

Его оглушила офисная тишина, нарушаемая лишь звуками фортепьяно и сладким голосом Меркьюри, доносившимися из студии. На секунду ведущему показалось, что он снова оказался в далеком восемьдесят первом, в том самом дворе. Ведь сегодня памятная дата, не отмеченная в календарях.

— Ты чё, щегол?

— Брыкается, сука...

Крик Кати:

— Ребята, не надо! Ну что вы, в самом деле?!

И музыка — «All dead, all dead»... А потом...

...Боже мой! Это же... Это же тот самый... Неприметный. С ножом...

Владимир Дмитриевич наконец вспомнил, где видел старшего. Да, сейчас у него не было шевелюры, он заматерел, изменился. Но взгляд... И натура. Ударить и смыться. Как тогда...

Повадки не меняются с годами. Особенно когда за них платят.

Песня заканчивалась, пора возвращаться в «аквариум». Но есть еще время, чтобы ответить Основателю. Мол, мир не исчезнет, пугай кого-нибудь другого.

Ведущий, не садясь на стул, склонился над клавиатурой, набрал текст. Бросил взгляд на монитор.

«Чтец, не строй иллюзий. Считай, что это была моя ошибка. Вопрос остается открытым. Жаль, что ты использовал единственную попытку вхолостую».

Владимир Дмитриевич поднял глаза на дверь. Двери не было... Песня закончилась.

Он вернулся в «аквариум», попытался успокоиться и отдышаться. Не получилось. Наклонился к микрофону...

— Увы, бывает и так. Техника тоже устает. Но давайте простим нашему компьютеру ошибку, тем более что группа «Queen» не самый плохой вариант. А теперь обещанное «Последнее лето».

В иной день в подобной ситуации Владимир Дмитриевич рассказал бы какой-нибудь анекдот или минуты на три развил бы тему компьютерной ошибки. Но сегодня не до того.

«Я видел завтрашний день, но не факт, что он наступит... Но при удачном раскладе он все-таки может наступить. А стало быть, всё остается в силе».

Он вновь покинул «аквариум», добежал до комнатки охранника. Тот, как и предполагалось, сладко спал на боевом посту.

Разбудить!

— Сергей Николаевич!

— Что?! — вскочил с банкетки часовой.— Кого берем?!

— Никого... Вы же в милиции работали?

— Ну работал... Если это работа...

— У вас же наверняка знакомые остались... Надо срочно установить хозяина машины по номеру. Очень срочно. Сделаете?

Подполковник в отставке нацепил очки, лежащие на тумбочке, и громко чихнул. Затем высморкался в огромный расписной платок и ответил:

— Сделать-то не вопрос, Владимир Дмитриевич... Только эти ж оборотни на коммерческие рельсы встали. Знакомый не знакомый, а справочка платная.

Кризис. А когда срочно — двойной тариф. Ничего не поделать, на одном окладе не протянуть.

— Я заплачу.

— Плакать не надо, нужны деньги.

— Будут, будут деньги... Я иногда путаю ударения.

— А-а-а... Тогда диктуйте номер. Пробью, если машина московская.

Ведущий продиктовал. Бросился обратно в «аквариум». Надо продолжать эту идиотскую викторину. «Улыбчивым» голосом нести всякую чепуху, дабы ночной слушатель не сменил волну.

— У нас есть звонок!.. Увы, к сожалению, вы не угадали... Но не расстраивайтесь, у вас еще будет возможность... Спасибо, и вам того же... Алло, говорите, вы в прямом эфире...

За долгие годы работы на станции Владимир Дмитриевич научился говорить одно, а думать о другом. В хорошем смысле этих слов. Например, вчера во время викторины он прикидывал, где подешевле купить вагонку для бани. А сегодня — как разрулить ситуацию с завтрашней бойней, про которую еще никто не знает. За исключением, конечно, тех, кто ее устроит.

Текущую политическую ситуацию он примерно представлял. Кризис не жалел ни старого, ни молодого, ни бедного, ни богатого. Несогласные под этим предлогом развернули знамена во всю ширь. Коммунисты и эсеры к ним не примыкали — их вполне устраивала нынешняя власть, хотя они и кричали, что находятся в оппозиции. Народ пока не был готов идти на баррикады, но при удобном случае пару-тройку супермаркетов разгромил бы. Или водочных магазинов. Жрать-то хочется...

В правительстве начались перестановки — попытка успокоить общественность, мол, мы не сидим сложа руки. Либо просто очередная схватка за портфели под благовидным предлогом.

Под градоначальником тоже зашаталось кресло — сказались непопулярные антикризисные меры. Да и с высшим руководством у него разногласия. Финансовые или политические — не столь важно, ибо это, по большому счету, одно и то же.

Кому выгодна завтрашняя провокация? Высшему руководству? Получается — да. Убиваются два зайца — раскрывается истинное лицо оппозиции с последующим запретом любых ее выступлений и появляется отличный повод снять мэра. Почему недоглядел? Почему допустил?.. И время удачно выбрано — президент в Африке с официальным визитом... Но при чем тогда мэрия, про которую упомянул старший и которая всё спишет?

Впрочем, ей по-любому придется списывать...

— Вы в прямом эфире... Говорите...

— Алло! Алло! Сережа, ты? Это тетя Наташа! Не знаешь, бабушка завтра поедет на участок?

— Перезвоните, видимо, вы ошиблись номером.

— Не поедет? А дай мне ее.

— Всего доброго.

А может, все-таки мэр? Мало ли там какие подводные течения, мало ли чьи денежные потоки пересеклись?

Или силовики? У них тоже свои группировки и кланы. Кто-то с мэром в доле, кто-то нет. Джип-то с лейблом — Министерства юстиции.

И несогласные хороши. Под прикрытием зеленых веточек вышли. За природу мы беспокоимся, за чистый воздух.

— Алло, а можно привет передать? И заказать песенку?

— Можно. Но только через полтора часа в программе по заявкам. А сейчас викторина... Надо угадать, кто устроит завтра бойню на Тверской.

Последнее предложение снова не было озвучено.

В «аквариум» заглянул охранник. Улыбнулся и потер палец о палец. Задание выполнено, разрешите получить доход. Владимир Дмитриевич поставил песню и вышел в коридор:

— Ну что?

— Данного номера в картотеке ГИБДД не числится,— бодро, почти по-военному доложил отставник.

— Как не числится? Я же сам видел.

— Возможны варианты. Либо номера липовые, либо машина принадлежит очень секретному ведомству. Но это менее вероятно, у спецслужб легальные номера. Чтоб гаишники не тревожили.

— Министерство юстиции может быть? Или мэрия?

— Вряд ли. Им нет никакого резона тихариться. Наоборот... Владимир Дмитриевич, я тысячу человеку обещал.

«Не тысячу, а пятьсот»,— подумал ведущий, но деньги отдал. Подполковнику тоже жить надо.

Вернулся в «аквариум», продолжил викторину.

Нет, номера не липовые, слишком рискованно вешать их на машину с мигалкой. Стало быть, очень секретное ведомство. В котором не будут переживать из-за десятка-двух покойников. ФСБ? ГРУ? ФСО? Или еще какие-нибудь три знакомых буквы?

В любом случае, ребята готовы на любые жертвы. И не собираются подставлять своих людей. Со стороны наняли.

И что же делать? Кого предупреждать?

Звонить несогласным? Они и слушать не будут, посчитают, что это происки властей. Провокация, чтобы сорвать демонстрацию. Да и как я сейчас найду несогласных?..

В мэрию сообщить? Там докапываться начнут, откуда информация. Или вообще разговаривать не станут.

В милицию? И что я им скажу? Что побывал в будущем по воле неизвестного Основателя? Пришлите автоматчиков на мотоциклах! Ответ предсказуем. В дурку его, в дурку, к поэту Бездомному!

— Итак, последняя загадка на сегодня... Слушайте внимательно, песня довольно известная, и вы ее наверняка знаете...

Или завтра приехать в тот двор и устроить разборку? Напомнить старшему про восемьдесят первый год, дать в рожу... А дальше что? Наверняка на подобный случай у господ предусмотрен запасной вариант. Не эти, так другие коктейль в омоновцев метнут.

Да и не хотелось, положа руку на ногу, никаких разборок. Можно ведь и пулю невзначай получить. Пистолет-то у них настоящий. И коктейль тоже.

— Вы совершенно правы! Конечно же, это «Pink Floyd». Композиция «Money», что означает «Деньги». Которые, по мнению многих, решают все. Но, слава богу, это не так. Конечно же, не всё. Правда, гораздо увереннее это произносишь, имея пару миллионов на счету в банке «Резерв», спонсоре сегодняшней викторины...

Разборки не хотелось... Особенно с публикой, для которой количество жертв не имеет значения. Одним больше, одним меньше... «По предварительной версии, ведущий популярной радиостанции подвергся нападению неустановленных хулиганов или грабителей. Возбуждено уголовное дело, мы будем следить...» И ни популярность не спасет, ни связи.

После того случая в восемьдесят первом Владимир Дмитриевич стал осторожным. И, услышь на ночной улице крики о помощи, подумал бы, а стоит ли бросаться сломя голову. И, наверное, он имел на это право. Потому что побывал *там*. Прокатился на облаке.

Конечно, он не занимал позицию «моя хата с краю», но и на баррикады не лез. Всегда пытался найти компромисс. Сейчас его всё устраивало. Спокойная работа, позволяющая даже в кризис оставаться на плаву, относительная популярность, уважение коллег и начальства. Стабильность.

И всё потерять? Ведь это чистая случайность, что он загадал завтрашнюю Москву. Загадай Токио или Лондон, ничего бы не узнал...

Жертвы всегда были и будут. Они неизбежны. Спасешь одного — погубишь другого...

Главное — мир не исчезнет...

Песня заканчивалась. Впереди выпуск новостей. Монитор ничего нового не выдал, значит, нужно повторить уже сказанное и начинать концерт по заявкам.

У тебя есть единственный вариант.

Тебе поверят. Твое слово имеет вес... И оно посильнее удара кулаком по морде. Но только сказанное в прямом эфире. Так ударь. Отомсти хотя бы за себя. Ведь тот урод и дальше будет резать и стрелять людей... Только ты можешь его остановить.

Станцию лишат лицензии... Пострадают владельцы, руководство, сотрудники. Господа, затеявшие большую бойню, не простят. И сюсюкаться не будут. Какая, на хрен, свобода слова?! Очумели? В стране кризис, мы принимаем реальные меры, а вы мешаете. Вам что велено? Читать по бумажке про визиты президента, викторины проводить и концерты по заявкам. Вот и проводите, а не лезьте в серьезные игры. Может, мы тоже спасаем мир. Своими способами.

Последний куплет. Затем Дима поставит отбивку, и пойдет блок новостей.

Кто-то из великих сказал: для победы зла достаточно, чтобы хорошие люди ничего не делали...

«Что ты несешь? Взрослый человек, а всё на цитаты киваешь... Успокойся!»

Возможно, тот мужик с болонкой тоже был хорошим.

Дима дал сигнал.

Владимир Дмитриевич отпил из стакана воды, снял очки и пододвинул микрофон...

— В эфире выпуск новостей...

Глава пятая
ДЕВОЧКА

— Я поговорила с врачом,— Лиз отвернулась в сторону, боясь смотреть сестре в глаза.

— И что?

— Десять процентов на удачу... Если не меньше... Извини, Кейт... Ты сама попросила сказать правду.

— Да, Лиз, я помню... Спасибо.

Кейт опустила голову на подушку, повернув к окну, за которым чернело ночное небо с бисером звезд. И светилась яркая, как галогенный фонарь, луна.

Интересно, почему ей не страшно? Совсем не страшно. Ведь это же всё, конец. Завтра она уже не увидит луны. Не увидит Лиз, не увидит даже этой бежевой стены в веселый лиловый цветочек, не увидит свои любимые бои без правил по SSN и шоу «Ты дурак».

— Когда начнется операция?

— В семь утра.

— Значит, у меня еще шесть часов.

— Да, Кейт... Всего шесть часов...

— Лиз... Ты можешь выполнить одну мою просьбу? Совсем маленькую...

«А сколько у меня? — Катя оторвалась от книги и посмотрела на овальные часики, подаренные отчимом на выпускной.— Примерно столько же. Ой-ой-ой... Мало-то как».

Она вскочила с тахты и выглянула в окно. Никакой галогенной луны, никакого бисера. Тучи и зигзаги молнии над шпилем Петропавловки.

«Спокойно... Возьми себя в руки. Кейт попала в более страшную ситуацию и не паниковала. А здесь? Чья-то идиотская шутка.

Солнышко, о котором я в тот момент подумала? Ну и что! Я всегда начинала чатиться с этой фразы. Вот Основатель и угадал.

А мысли остальных? Судя по всему, они тоже оказались угаданными. С точностью до запятой.

Ой-ой-ой... Тревожно как-то. Не по-детски тревожно».

Десять минут назад она поднялась из компьютерного клуба в свою комнату. Клуб работал до половины первого. Потом приходил охранник с вахты, выгонял студентов и вешал на металлическую дверь огромный замок. В прошлом году клуб обворовали, вынеся пять компьютеров, поэтому теперь туда подвели

© А. Кивинов, 2010

сигнализацию, включаемую охранником. А ему, как и всем нормальным людям, хотелось выспаться. Поэтому — на выход.

И посоветоваться не с кем. Лена, соседка по комнате, уже уехала на малую родину гулять каникулы, а с остальными студентами, проживающими в общаге, у Кати как-то не складывалось. Парни обращали на нее до обидного мало внимания, а девчонки считали дремучей провинциалкой. А какая она провинциалка? В их Великобельске двести тысяч населения. Не Питер, конечно, но и не деревня. Районный центр с двумя дискотеками и краеведческим музеем. Она тоже собиралась домой, но поезд только через неделю, раньше не было билетов.

В чат Катя влезла год назад, когда еще училась в одиннадцатом классе. У отчима был комп с выходом в Сеть. Днем отчим лазил по закрытым научно-философским сайтам, а вечером уходил на аккумуляторный завод в ночную смену. На пару часов Катя получала доступ к старенькому компьютеру, на большее просто не хватало сил — молодой организм нуждался в здоровом сне.

В чате она назвалась Девочкой. Просто Девочкой. Почему-то постеснявшись своего Великобельска, соврала, что живет в столице. Учится в престижной гимназии. В остальном не лукавила. Подружилась с Пилотом, которого звала рыцарем и постоянно приветствовала вопросом о вставшем солнышке. Видимо, тому нравилось подобное двусмысленное приветствие, и он охотно включался в беседу.

В реальной жизни ей не хватало общения, но Сеть возмещала эту потребность. Правда, огромные социальные серверы типа «В контакте» она не любила. Возможно, потому, что на них тусовались знакомые, с которыми разговаривать не хотелось. Другое дело маленький, почти интимный чат.

В Великобельске после школы она не осталась. Раскрутив отчима на необходимую сумму, поехала искать счастья в Питер, где жила тетя Валя, дальняя родственница мамы. Поступила в колледж-техникум и поселилась в студенческом общежитии, но не бросила старых друзей по чату. Но опять пришлось слукавить. Пилот как-то вспомнил, что учебный год закончился, и поинтересовался, чем теперь занимается Девочка. «Университет. Юридический факультет» — Катя выбрала престижное направление. Не писать же, что учится на техника холодильного оборудования... Почему-то подумала, что Пилот перестанет с ней разговаривать. А тот, то ли по привычке, то ли по забывчивости, встречал ее дежурной фразой: «Как дела, как школа?»

В чате ей нравилось быть своей, ведь каждому человеку нужна своя команда. Любая команда, даже виртуальная, где его бы приветствовали, радовались успехам и сочувствовали горю. Та, где его бы слушали. Где бы сопереживали. Где можно спросить совета и его получить.

Иногда Катя не понимала, о чем спорят ее виртуальные друзья. Особенно Чтец и Доктор Кеша. Она понятия не имела, кто такие Фрейд и Юнг, но ей все равно было интересно. К сожалению, время общения пришлось сократить. Клуб закрывался рано. Она заметила, что Чтец после полуночи тоже сворачивается, но никогда не интересовалась почему.

В Питере у Кати появился еще один собеседник и где-то даже советчик. Про него она не говорила никому, даже Ленке и Пилоту. Хотя ничего необыч-

ного в собеседнике не было, многие считают это вполне нормальным... Она советовалась с книгой.

Катя нашла ее под кроватью, когда поселилась в комнате. Старенькая, чуть пожелтевшая, в мятой мягкой обложке, видимо забытая предыдущим жильцом. Вероника Грин. «Ночь Накануне». На обложке — целующиеся взасос парень с девушкой на фоне небоскреба. Ради любопытства решила прочитать. Открыла первую страницу и очнулась лишь под утро, когда будильник напомнил, что пора идти на вступительный экзамен. Экзамен чуть не провалила, не потому, что не знала предмет, а потому что находилась под впечатлением от прочитанного. Хорошо, что конкурс был небольшим и «тройки» хватило для поступления.

История оказалась очень яркой и душевной. Лос-Анджелес, несколько лет назад. Две сестры-близняшки Кейт и Лиз. По двадцать два года. У Кейт врожденный порок сердца. Нужна операция. Вернее, уже не нужна. Шансов на успех почти никаких. Но родители уговаривают врачей все-таки рискнуть, надеясь на чудо. Врач соглашается, тем более что его труд хорошо оплатят: отец близняшек — владелец сети закусочных. Накануне операции Лиз пробирается в палату и рассказывает несчастной сестре правду. Кейт уже не выйдет из палаты. Она умоляет сестру остаться вместо себя в клинике и дать ей возможность в последний раз насладиться жизнью. Хотя бы на шесть часов. Несмотря на болезнь, Кейт может самостоятельно передвигаться и отдавать отчет своим действиям. Сестры переодеваются, Кейт уходит, обещая вернуться к утру, а Лиз занимает ее место.

Дальше, собственно, и начинается действие. Шесть часов последней ночи в жизни. Случайная встреча в ночном ресторане с парнем по имени Лео, которого преследуют бандиты, желая вернуть найденные им случайно деньги мафии. Погони по ночным улицам, засады, ловушки и жестокой мордобой с кровью. То, чего Кейт так не хватало в ее спокойной, обеспеченной жизни. Ну и в конце шестого часа страстное соитие на крыше небоскреба. Разумеется, с признанием в любви. Кейт ничего не говорит Лео про свою болезнь, дабы не расстраивать юношу.

Но внизу влюбленных ждет засада. Молодой человек погибает на руках у Кейт от разрывной пули в грудь. Но всё равно он счастлив. Как и она. Ибо поняли, в чем смысл жизни. В большой и светлой любви. А вовсе не в деньгах мафии, которые она отдает нищему афроамериканскому мальчику-инвалиду, поющему для прохожих гангстарэп.

Затем Кейт возвращается в клинику, ее кладут на операционный стол и делают анестезию. На последней странице она спокойно засыпает с твердой убежденностью, что прожила свои двадцать два года не напрасно. До скорой встречи, Лео...

На последнем предложении Катя не выдержала и разрыдалась в подушку. Стесняться было некого, Ленка в первый же час пребывания на питерской земле ускакала в ночной клуб знакомиться с достопримечательностями.

Спустя неделю Катя перечитала книгу, настолько сильными оказались впечатления. Предложила Ленке, чтобы иметь возможность обсудить, но та отмахнулась, заявив, что чтение книг это вчерашний день. Интернет же есть с картинками...

Попыталась найти в магазинах еще что-нибудь из прозы Вероники Грин, но безуспешно. Один из продавцов сказал, что за последние пять лет она не выпустила ни одной новой книги, а старые давно распроданы. В библиотеке колледжа тоже развели руками. Да, были, но находятся в невозврате.

В чате она поинтересовалась у Пилота, читал ли он «Ночь Накануне»? Пилот ответил, что, кроме полетных карт, сейчас ничего не читает.

Вскоре Катя в третий раз прочла «Ночь», хотя знала сюжет и диалоги практически наизусть. Поняла, почему книга так притягательна. Кате, как и Кейт, не хватало романтических похождений. Что у нее за жизнь? Утром и днем техникум, затем «Доширак», вечером общежитие — и снова «Доширак». Мало того, она стала советоваться с книгой. Когда попадала в нестандартную ситуацию или не знала, какое принять решение, наугад открывала роман и читала верхнюю строку. Как правило, помогало. Видимо, книга платила добром за любовь.

Вот и сегодня, убежав из клуба, она первым делом бросилась к советчице. Не глядя, раскрыла затрепанную книжку и наткнулась на диалог Кейт и Лиз в палате. Именно здесь сестры договариваются о подмене.

«Это не случайно,— подумала Катя,— ведь ситуация очень похожа. Основатель тоже дал шесть часов. После чего начнет операцию. И вероятность того, что она закончится благополучно, тоже крайне мала.

И меня зовут Катя, то есть Кейт. И сестра у меня Лизка. Правда, не близняшка и ужасная эгоистка и вредина. Но остальное сходится. Значит?.. Значит, надо провести эти последние часы как провела их Кейт... Вкусив все прелести жизни. А повезет — найти свою единственную любовь».

Катя взглянула в зеркальце, висящее на стене. Она очень даже ничего, с ее точки зрения. Внешность немного портят очки, но их можно снять. И чего этот идиот Генка Смирнов из их группы говорит, что, когда она выходит на улицу, собаки начинают скулить от страха? Может, они просто голодные.

Катя расстегнула пластмассовую заколку, подаренную мамой на восемнадцатилетие, распустила локоны. Интересно, она похожа на Кейт? Та тоже была русоволосой. И возможно, у нее тоже секлись концы, хотя в романе об этом ничего не сказано.

Нужна косметика. Кейт воспользовалась косметичкой Лиз, чтобы скрыть болезненную бледность. У Кати своей косметики не имелось, она считала, что и без нее прекрасно выглядит. Зачем зря студенческую копейку переводить? Но можно позаимствовать у Ленки, она, кажется, кое-что оставила.

Катя раскрыла соседскую тумбочку. Ага, есть! В маленьком пакетике нашелся огрызок карандаша для подвода глаз, высохшая тушь, золотистый патрончик с остатками темно-зеленой губной помады и два презерватива китайского производства. Всё, кроме последних, пойдет в дело. Хотя... Их тоже захватим на всякий случай. Конец света концом, но подстраховаться не помешает. Вдруг Основатель передумает?

Тушь она развела водой из чайника, помаду растопила теплым дыханием, карандаш очинила тупым столовым ножиком.

Нанесла боевую раскраску. Супер! Плохо, нечем замазать прыщики на лбу, а давить опасно, говорят, можно занести инфекцию. Вон, Лизка давила, а потом в диспансер целый месяц бегала на уколы.

Теперь озадачиться гардеробом. В ее единственной юбке и вязаной розовой кофточке до колен искать смысл жизни бесполезно. Нужно что-то приметное, броское. Ленка из шмоток ничего не оставила, боясь воровства. На всякий случай Катя открыла их общий шифоньер и осмотрела полки. Есть! Лиловые лосины в светлый горошек спрятались за пустой бутылкой из-под винного напитка «Столовый». Немного маловаты, но натянуть можно. Плохо, что не стираны, но сейчас не до чистоты — часики тикают.

Натянула лосины. А их почти не видно. Юбка мешает. Ничего, укоротим. Придется ножиком, ножницы есть у коменданта, но он давно ушел. Ножик тупой, точилка тоже у коменданта. Обидно. Значит, просто подвернем.

Подвернула, зажав края булавками. Неплохо вышло, хотя с футболкой смотрится не очень. Надо надеть Лизкину блузку. Ее Лизке подарила мама на шестнадцать лет, а потом Лизка передарила Кате на восемнадцать. Блузка великовата, Катя надела ее поверх футболки. Из украшений выбрала бусы из пластмассового жемчуга. Дедушкин подарок. Слово «выбрала» не очень точно — бусы были единственным предметом роскоши.

Прямо как в книге. Там сестры тоже поменялись одеждой...

Выбор обуви невелик. Кроссовки и кремовые босоножки, подаренные крестной на совершеннолетие. Конечно, босоножки — если пойдет дождь, кроссовки промокнут, будет не очень удобно. Правда, они немного жмут...

Накинула кофточку. Нет, не смотрится. Бросила ее на тахту. Потом еще раз взглянула в зеркало, сняла очки, поправила клипсу на левом ухе и выскочила из комнаты, не заметив, что рядом с шифоньером появилась еще одна дверь...

Кейт вышла на улицу... И сразу окунулась в беспокойную атмосферу большого города. Свет неоновых реклам касался крыш, проносящихся мимо авто, словно пробуя их на вкус. На огромных щитах менялись картинки, предлагающие вечное счастье в виде товаров народного потребления и пищевых продуктов. Бары и рестораны манили обещанием незабываемых впечатлений. Она прошла мимо нескольких таких заведений — сердце подсказывало — не то, а права на ошибку у нее нет, слишком мало времени отмерила судьба. Поэтому она выбрала самый скромный и неброский бар с тусклой вывеской «Lost show», что означало «Помирать, так с музыкой».

Громила-швейцар впустил ее внутрь. Помещение оказалось камерным. Круглая барная стойка в центре зальчика. Несколько белых мужчин на высоких табуретках — каждый занят своим стаканом и своими мыслями. За столиками по углам — две афроамериканские парочки, в дальнем углу смуглый араб. Когда она вошла, никто даже не повернул головы.

Кейт устроилась на табурете, машинально глядя на спину бармена, колдовавшего над бутылками. Она прикурила сигарету, выпустив в потолок струю дыма,— дым казался таким же нереальным, как и всё происходящее. Завтра реальности для нее уже не будет. А что будет? Что?

Занятая внутренним монологом, она не сразу заметила — ее внимательно разглядывают. Молодой мужчина напротив... Золотистые вьющиеся волосы, широкоплечий, довольно привлекательный... В общем, ничего особенного. Но

глаза... Таких глубоких глаз она не видела раньше. В его взгляде читался не просто праздный интерес. Что-то в нем такое было... Некий странный микс из целой гаммы эмоций и чувств. И печаль, и горький опыт, и надежда. Где-то в глубине словно притаился страх, а на поверхности мерцали озорные огоньки. Как ни странно, всё ее существо вдруг откликнулось на этот взгляд. Они как будто настроены на одну волну.

— Здравствуй... Скучаешь?

Катя вышла из общежития. Бездомный пес Яндекс, лежавший на ступеньках, заскулил и пополз к кустам. Пса прикормил охранник. Яндексом его назвали студенты за умение в любом месте отыскать что-нибудь съедобное.

«Наверно, грозы испугался,— подумала Катя,— бедненький, он даже не знает, что это его последняя ночь».

Она посмотрела на вечернее небо, но без очков ничего, кроме лохматых туч, не разглядела. По раскатам грома догадалась, что вот-вот начнется гроза. А зонтик есть только у коменданта.

Куда пойти? Как Кейт, в ресторан? В кошелечке всего сто родительских рублей, даже на кофе не хватит. Если не заказывать — выгонят. Искать смысл жизни на темной улице как-то страшновато, по голове могут настучать или в милицию заберут.

А улица была темна. И чертовски непривлекательна. Совсем не Лос-Анджелес. И даже не Великобельск с его маленькими уютными домиками и зданием драмтеатра на центральной площади, в котором даже зимой не отключали отопление и можно было погреться.

За перекрестком произрастал трехметровый ядерный гриб, по периметру которого бегали веселые огоньки. Ночной клуб «Убежище». Один раз Катя была в нем. Ленка затащила. Сама-то она там постоянно зажигала. Кате не очень понравилось. Шумно, и потом скошенной травой пахнет, голова болит. Ленка пыталась научить, как правильно знакомиться с парнями, но парни предпочитали смотреть футбол по телевизору над барной стойкой. Катя не пробыла в «Убежище» и часа. Во-первых, скучно, во-вторых, надо было готовиться к коллоквиуму. И в меню не было «Доширака».

Но сегодня выбора нет. В «Убежище» пускают бесплатно, это главное. И люди там есть. Пока живые.

Строгая надпись над входом гласила, что лица моложе восемнадцати лет допускаются в клуб только в сопровождении родителей или взрослых. Кате было восемнадцать, но выглядела она значительно моложе, поэтому могут быть проблемы. Паспорт она не захватила, он находился у коменданта в качестве залога за матрас. В связи с экономическим кризисом наиболее предприимчивые студенты повадились продавать их на вещевом рынке дачникам. Комендант принял меры.

— Покажите ваш паспорт...— осипшим голосом по привычке запел вышибала.

— Вам нужен «гексорал»,— посоветовала Катя.

— Не помогает.— Он опустил глаза на ее ноги в горошковых лосинах и замер, словно лежачий полицейский.

Катя прошла мимо застывшей фигуры, спустилась по ступенькам. Возле рамки металлоискателя положила связанную бабушкой сумочку на специальный поднос. В сумочке были ключи от комнаты и кошелек. Могли зазвенеть. Но зазвенели шпильки, поддерживающие подол юбки. Впрочем, второй вышибала, как и первый, на это не отреагировал.

— Можно? — на всякий случай спросила Катя.

Вышибала едва заметно кивнул головой. Дескать, можно. Катя забрала сумочку и прошла в зал.

Зал «Убежища» освещался скудно, как и полагается подобным заведениям. Это создавало определенные неудобства, учитывая, что девушка оставила в комнате очки. Расплывчатые лица, троящиеся светильники, темная однородная масса танцующих. Надо занять место. Не стоять же в проходе.

О, словно по заказу! Человек, стоящий за ближайшим столиком-грибком, быстро поднялся и растворился во мраке. Занимаем.

Она запрыгнула на высокий стульчик-пуфик, закинула ногу на ногу. Вспомнила правило, рассказанное опытной Ленкой. Ни в коем случае не показывать вида, что ты тут новенькая. Наоборот, ты тут всех знаешь, зажигаешь через день и лично знакома с хозяином.

Кейт, кажется, закурила. Но Катя не злоупотребляла никотином. Отчим говорил, что никотин убивает не только лошадей, но и вообще всех парнокопытных. Можно, конечно, рискнуть, попросить...

Что там было дальше? Кейт увидела Лео, который поначалу не обратил на нее внимания. Лео сел за соседний столик, и Кейт спросила, не скучно ли ему.

Прищурившись, она оглядела ближайшие столики. Свободных парней не высмотрела. А спрашивать у кого-нибудь про скуку в присутствии спутницы чревато, можно и пилкой для ногтей в глаз получить.

— Заказывать что-нибудь будем? — поинтересовался официант в подвязанном вокруг пояса черном фартуке.

— «Доширак» есть?

— Простите, а что это? Спиртное?

— Нет... Еда. Вкусная.

— Извините,— парень виновато развел руками.

— Ну, плохо...— жеманно вздохнула Катя.— А что есть?

— Пожалуйста.— Официант положил на столик кожаную папочку, мельком взглянув на ее лосины.— Коктейли, закуски.

— Я выберу.

— О'кей.

Она раскрыла папочку и тут же закрыла обратно, поняв, что ее ста рублей хватит разве что на зубочистку или перечницу.

Ну, где же ты, Лео? Где? Это же последняя ночь! Я должна найти этот чертов смысл жизни. Должна! А то так и умру, не попробовав! Это ужасно несправедливо.

Нет, всё должно получиться! Книга еще ни разу не подводила!

И не подвела!

Спустя минут пять в зал зашел молодой, симпатичный мужчина. Такой же, как у Лео, коричневый пиджак, такие же светлые волосы. Или темные, что не

так важно. Кажется, он взволнован. Встал за свободный столик, сразу закурил, принялся осматривать зал. Да, это шанс! Надо использовать, пока не использовали другие. Началась романтика!

Катя спрыгнула со стульчика, по пути сбила с ног официанта и зашла со спины новичка. Придется кричать — проклятый гангстарэп закладывает уши.

— Здравствуй!!! Скучаешь?!! — Она сразу обратилась на «ты».

Парень повернулся, но разглядеть его лицо Кате помешал фонарь, светивший из-за его спины.

— Конечно, скучаю!!! — прокричал он.— Не видно разве?

У нее получилось! Теперь надо закрепить успех!

— Я составлю компанию, не возражаешь?!

— Не возражаю! Составляй!!!

Катя запрыгнула на второй свободный стульчик.

— Меня Катей звать!!! А тебя?!

— Аркадием... Петровичем. Как Гайдара.

Она ничего не слышала про Гайдара, наверно, это какой-нибудь модный диджей. Несмотря на то что в родном Великобельске было целых две дискотеки, ни на одной из них она ни разу не была, поэтому плохо ориентировалась в современной музыке.

— А кто это? — уточнила она.

— Так... Артист один.

— Класс! Коктейлем не угостишь?!

— Легко!!! Хоть двумя!

Лео тоже угощал Кейт коктейлем! Сходится!!! Потом он пригласил ее прогуляться по Санта-Монике и Голливудским холмам!

Он сделал знак официанту и, когда тот подошел, заказал пару коктейлей.

— А ты местный?! — спросила Катя.

— Да!

— А я из Великобельска,— она решила играть в открытую,— от слова «белочка». У нас белок много. А здесь учусь! А ты кто?

Волнуясь, она немного «гыкала» и «хтокала». Никак не избавиться от провинциального акцента...

— Сценарист!

— Ух ты! Правда?!

— Правда. «Мой любимый дядюшка», «Право на выстрел», «Огонь на поражение»!

Ничего из перечисленного Катя не смотрела. Она предпочитала сериал «Родись счастливой» и программу «Тайны нанотехнологий», где был очень симпатичный ведущий в таких же круглых, как у нее, очках.

Но это и неважно, что не смотрела. Главное, что Лео тоже отправил один сценарий на студию. И его обещали купить. И если бы не мафия, он бы стал профессиональным сценаристом.

Это не просто совпадение! Это судьба.

— Класс!!! — Катя не могла сдержать радости.— А Гошу Куценко видел?

Она сама не знала, почему вспомнила про Гошу. Наверно, для поддержания разговора.

— Видел!!! Слушай, а что мы глотки надрываем? Пойдем ко мне, я тут рядом живу! Поговорим спокойно, коньячку дернем! У меня монпансье есть!

Лео предложил выпить Кейт мартини и закусить устрицами. Но какая разница, монпансье или устрицы?! Главное, смысл один и тот же!

— Ура! — не сдержалась Катя.

Выходя, она не заметила выражения лица вышибалы. Такое бывает, когда помойный бомж вместо медной лудяги вдруг достанет из кармана платиновую карточку какого-нибудь центрового банка. С отсканированной фотографией небритой и опухшей физиономии.

На улице уже резвилась гроза. Не захлебнуться бы...

— Бежим! — Аркадий схватил Катю за руку и устремился вперед.

Она не бежала, а летела. Забыв и про конец света, и про Основателя. Ей было так радостно и волшебно, словно она попала в самый настоящий голливудский фильм. Раньше такое случалось только во сне. Вот недавно, кстати, приснилось. Она голосовала на обочине. Остановился смуглый, белозубый юноша на мотоцикле, немного похожий на молодого Джонни Деппа. Они мчались по солнечной долине, Катя крепко обхватила его мускулистый торс, чтобы удержаться в седле. Он привез ее на свою виллу. Она сразу прыгнула в бассейн, прямо в платье. Юноша прыгнул следом, но уже без платья. В смысле, безо всего... И когда они начали обниматься, сказке пришел конец, потому что вернулась с дискотеки подвыпившая Ленка и нагло включила свет.

А сегодня всё наяву. Бассейн, конечно, у Аркадия вряд ли есть, но ванна наверняка имеется. А в ванне тоже очень романтично. Если зажечь свечи и набросать лепестков роз, как советуют в журнале «Мила», найденном под тахтой в общежитии.

Катя по-прежнему не могла разглядеть его лица — слишком темно плюс трехминусовая близорукость. По дороге он ничего не говорил. Молчала и она, целиком погрузившись в сладкие фантазии.

В подъезде не оказалось лампочки. Аркадий остановился, тяжело дыша. Она уловила запах крепкого алкоголя. Так иногда пахло от отчима, когда он возвращался со сверхурочных. Ну и что? Это вовсе не означает, что ее новый знакомый плохой человек.

— Погоди,— Катя аккуратно освободила свою руку,— ты весь мокрый, я отряхну.

Можно было, конечно, и не отряхивать, но Кате вдруг захотелось сделать для него что-то доброе и приятное. Ведь он тоже сделал для нее столько хорошего...

Держась за руки, они поднялись на этаж.

— Проходи. Можешь не разуваться.— Аркадий слегка подтолкнул ее в спину.

Катя прошла в комнату, где уже горел свет. Уловила тот же алкогольный дух, к которому добавился аромат жареной селедки и ее любимого «Дошырака». Прищурилась, чтобы получше разглядеть обстановку. Ничего комнатка, даже больше их гостиной в квартире отчима. Компьютер, стопки бумаг на столе, початая бутылка коньяка, незаправленная тахта. Календарь с голой женщиной на стене. Не обманул, и в самом деле сценарист... Лео, кстати, тоже жил

небогато. На съемной квартире где-то на окраине Лос-Анджелеса. Но это не помешало Кейт полюбить его. Ведь любят не за жилплощадь, даже если нет своего угла.

— Ты один живешь? — на всякий случай спросила Катя, подразумевая женскую половину.

— С продюсером,— ответил стоящий у нее за спиной Аркадий,— но он бывает не каждый день.

Интересно, продюсер мужчина или женщина? Но уточнять не стала.

— А я в общежитии. Скучно там...

Она повернулась, чтобы улыбнуться. Но не улыбнулась. Блин, а он не такой уж и привлекательный, как ей показалось в темноте. Во-первых, возраст. Чуть помладше отчима. Во-вторых, лицо. Совсем не Джонни Депп и не Лео. У их соседа по площадке такое бывает после двухнедельного запоя. Небритый, с синяками под глазами. Да еще слипшиеся от дождевой воды волосы, словно «Доширак», растворенный в холодной воде. И фигура подкачала. Живот, лавиноопасно свисающий над брючным ремнем, кривоватые ноги. Вряд ли Кейт влюбилась бы в такого. Лео был строен и хорошо сложен, а Аркадий... хорошо разложен. Но ничего, может, у него светлая душа, как у героини «Родись счастливой». Нельзя же судить о людях только по внешности. Вон, ее соседка по лестничной площадке в Великобельске вообще на Шварценеггера похожа. А душа добрая — сорок бездомных кошек в однокомнатной квартире держит. И восемь собак.

Он подтолкнул ее к стене и указал пальцем на стену:

— Ты что-нибудь видишь?

— Ничего,— без очков Катя действительно ничего, кроме черной двери, не видела,— дверь как дверь. У тебя там еще комната? Или ванная?

Ей хотелось, чтобы там была ванная. Она бы невзначай упомянула статью из «Милы»...

— Так...— вдруг ощетинился Аркадий, словно пойманный на крючок ерш.— Пошла, на хер, отсюда, шалава великобельская!

Он махнул рукой, сбив со стола пачку листов. Кате показалось, что она ослышалась. Возможно, это гром за окном. Нет... Не послышалось. Это было понятно по его взорванному неожиданной эмоцией лицу.

— Аркадий... Вы что?!

— Не вы, а ты!.. Уматывай в свое «Убежище», сопля зеленая! В общаге ей скучно! В цирк иди, там весело!

У Кати перехватило дыхание. Она ожидала всего чего угодно, кроме этого. За что? Почему? Он же сам пригласил ее... Она отряхнула его от дождевой воды и не сделала ничего предосудительного! Что происходит?! В книге такого не было!

— Но... Ты же... Сам... Монпансье... Коньяк...

Не дав договорить, Аркадий грубо схватил ее за руку и поволок в прихожую. Когда он захлопывал за ней дверь, у Кати непроизвольно вырвалось нехорошее слово «пидор». Так отчим обычно реагировал на очередное заявление их губернатора или клип Филиппа Киркорова. Сама Катя никогда матерными словами не ругалась. В их школе и дворе это было не принято. Выпалив

нехорошее слово, она испугалась. Вжав голову в плечи, помчалась вниз, подозревая, что несостоявшийся кавалер может догнать и ударить. Не догнал. Даже не попытался.

Кейт вышла из бара. Небо плевалось дождем, словно насмехаясь над ней. Но Кейт не замечала дождя. На нее словно надели скафандр, сделавший ее нечувствительной к происходящему снаружи, но внутри которого ее терзала нечеловеческая боль.

Подобного разочарования она не испытывала ни разу в жизни. Даже узнав, что болезнь не оставила ей шансов на продолжение. Да и зачем ей такое продолжение... Если ей не удастся испытать самого главного, ради чего стоило жить,— Любви...

Встреча с Лео подарила надежду, но надежда растаяла, не успев превратиться во что-то большее. Как внезапно исчез и сам Лео, стоило ей отвернуться на пару секунд. Судьба словно издевалась над ней в эту последнюю ночь. Что ж, если небо не знает жалости — она принимает вызов. Она уйдет из этого жестокого мира с легкостью — может, там, в мире ином, будет лучше. С таким существованием расстаться проще. Ни сожалений, ни раскаяния. Раскаиваться пока не в чем и сожалеть тоже не о чем. Разве что об этом светловолосом и голубоглазом парне, взгляд которого обещал так много...

Рядом затормозила машина, но она шла дальше, не останавливаясь.

— Эй, красавица!

Она повернула голову, лишь когда парень выскочил из старенького «форда» и осторожно взял ее под локоть. Их взгляды встретились.

Это был Лео...

Катя не заплакала. Какой смысл? Всё равно никто не увидит. Плакать надо на людях, чтобы посочувствовали, пожалели и поддержали. А кто сейчас поддержит? Вороны? Но эмоции бурлили, как вода в стакане с кипятильником, так, что хотелось запустить камнем в витрину.

Негодяй! Что она ему сделала? Почему он ее вышвырнул? Может, не понравился вопрос, с кем он живет? Но она же безо всякой задней мысли поинтересовалась! Или продюсер, про которого он говорил, все-таки мужчина? А ее он пригласил из любопытства? Испытать, что такое любовь с женщиной. А в последний момент испугался... Да нет, уж больно странно он себя повел. Скорее всего, решил, что на его квадратные метры позарилась. «Да нужны мне его метры. Всё равно к утру их не будет. И его, старого маразматика, тоже не будет. Так тебе, подлецу, и надо!»

От этой мысли ей стало немного легче. Потому что Катя привыкла сначала думать о других и лишь затем о себе.

Она не знала, куда идти. Обратно в «Убежище»? Но она промокла до нитки. Что там мокрой делать? Это, наверное, неприлично. Да и не пустят в таком виде. Назад в общагу? В комнату? Лечь на тахту и искать романтику в обществе тараканов? Или смотреть по черно-белому ящику ночной выпуск «Смехопа-

норамы» для взрослых с политическими шуточками? Нет уж, спасибо. Поэтому просто брела по мокрому тротуару куда глаза не глядят, ибо без очков всё равно ничего не видела.

Катя неожиданно вспомнила свою школьную любовь. В одиннадцатом классе она влюбилась в учителя труда. У него были сильные руки, которыми он ловко и грациозно управлялся с напильником. Фартук, бандана... Ему было около тридцати, но разница в возрасте ее не смущала. Он никогда не ставил двоек и со всеми учениками разговаривал на «вы». Даже с ней. Катя несколько раз порывалась открыться ему, но не хватало духу. Решила, что сделает это во время выпускного. Но не сложилось. За две недели до бала учителя забрали в милициию и не вернули обратно. Говорили, будто он приставал к мальчишкам из младших классов. Но Катя не верила. Ведь милиция сажает невиновных, об этом всё время говорят по телевизору и в Сети. Наверно, его оклеветали враги. Она поклялась, что дождется его, хотя восемь лет — это много. А сегодня едва не нарушила клятву. Смалодушничала. Но у нее есть оправдание: завтра — конец света.

Предавшись приятным воспоминаниям, Катя не услышала шума приближавшейся машины и вернулась в настоящее, когда та веером окатила ее водой из лужи.

Девочка остановилась, обхватив себя руками. Вообще-то Питер не Сочи, здесь даже летом в одной блузке гулять по ночам чревато. Да еще ставшей от воды практически прозрачной.

Машина, облившая ее, притормозила, затем сдала назад. Катя не разглядела марку, могла лишь уверенно заявить, что кузов был темного цвета.

— Эй, кгасавица!

Голос, раздавшийся из салона, принадлежал молодому человеку. Человек слегка картавил.

— Вы мне?

— Тебе, тебе...

Опять как в книге. Кейт тоже шла по улице, и ее на машине догнал Лео. И тоже назвал красавицей...

Да, книга не подвела ее! Не могла подвести! История с Аркадием была чистой случайностью. А романтика только начинается! Ура!

— Отдыхаем или габотаем? — Человек наклонился к пассажирскому окну. Катя не могла разглядеть его лица. Слишком темно. Но голос звучал приятно, несмотря на дефект речи.

— Я учусь.

— Тоже неплохо... Одна, что ли, учишься или стагший есть?

Она не поняла вопроса. Возможно, парень имел в виду старосту группы? Но откуда он может про него знать? Неужели интуиция? Когда Кейт и Лео встретились, им показалось, что они знают друг друга всю жизнь.

— Нет, не одна. В группе. А староста уже уехал.

— Ггуппешник, значит... Бодгит. А где остальные?

— Тоже разъехались. А у меня билет через неделю.

— Гастголегы... Я тоже не местный... Ладно... Хата есть?

— Я в общежитии живу.

— Тогда садись. У меня тут бгатуха гядом. У него пгикольно. За часок уложимся.

«Целый час на дорогу,— подумала Катя,— много. В моем-то положении... Но выбора нет».

— Чего гастегялась? Садись, садись, у меня тги часа всего. А деньгами не обижу.

Надо же, словно мысли мои читает...

Катя ощутила холодок в районе солнечного сплетения. У него тоже три часа. И про деньги упомянул. Не исключено, деньги мафии. Всё сходится...

— Скажите, а вы «Ночь Накануне» Вероники Грин не читали случайно?

— Вегонику читал, и Анжелу читал, и Магго читал. Много кого читал. И всех ночью! Садись, не боись! — улыбнулся парень и закаркал, в смысле — засмеялся. Просто смех у него такой... грубый, мужской. Настоящий мачо. Как Лео.

Катя открыла дверь и опустилась на сиденье авто. Иномарка. Сиденья удобные, не то что в зеленых «Жигулях» отчима.

Парень газанул с места, машина с посвистом рванула по безлюдной улице.

В салоне она немного разглядела водителя. Лет двадцать пять, может, чуть старше. Немного картофельный нос, голый череп. Ну и что? Брюс Виллис тоже лысый, а играет одних героев. Внешность не показатель, хотя лучше бы он был, как Лео, золотогривым. Одежда неброская — жилетка, футболка, джинсы. Простой рабочий парень.

— А как вас зовут?

— А чё ты «выкаешь»? Или стагший заставляет? Типа, культугная столица?

— Нет... Просто... Мы незнакомы.

— Ну и как тебя звать?

— Кейт... То есть... Катя.

— Кейт,— усмехнулся парень.— Как вы только себя не обзываете... Я однажды с Гегтгудой отжег. А потом узнал, что она Галя из Магиуполя. Пгикинь — Гегтгуда! Гегоиня Тгуда!

— Это бывает,— посочувствовала Катя.— Хуже нет, чем разочароваться в человеке. Особенно в любимом человеке.

— Ну, я не скажу, что газочаговался,— пожал плечами парень,— габотала она не по-детски. Только зачем цену себе набивать?

— А тебя как звать?

— Зови меня Леопольд. Ну или Лео. Для пгостоты.

Катя вздрогнула. Лео! Боже мой! Лео! И это не сон! Это наяву, пускай и ночью! Она нашла его! Она не зря мечтала!

— Ты сказал, у тебя три часа,— вспомнила она.

— Да, в семь билет в Москву. Я оттуда сам. К бгательнику на пагу дней пгиезжал погостить. У него подгуга здесь. А тачка его, я гешил пгокатиться по пгиколу. «Фогд»... Ты чего тгясешься? Замегзла, что ли? Там ветговка сзади, набгось.

— Нет, ничего... Спасибо.

Это заботливое «набрось» согрело Катю лучше пухового одеяла. Потому что Лео из книги тоже предложил Кейт свою куртку. И марка машины та же. «Форд».

Он сделал музыку погромче. Верещала столичная ретростанция. Катя не очень любила старинную музыку. Дома она была вынуждена слушать шансон, который постоянно крутил отчим, а по ночам, когда его не было, тайно заводила диски Энрике Иглесиаса и Димы Билана. А утром прятала пластинки за буржуйку. Но однажды зимой отчим случайно нашел их и сжег, несмотря на то что Катя на коленях умоляла пощадить Диму с Энрике. «Не порти вкус, дочка,— сказал отчим, бросая диски в огонь,— ты мне еще спасибо скажешь». После чего завел «Владимирский централ, ветер северный».

Самое ужасное, что здесь, в культурной столице, тоже мало кто слушал ее любимцев.

Но сейчас ей было всё равно, что играет. Еще пятнадцать минут назад она и представить не могла, что окажется в теплой машине с молодым человеком по имени Лео! Такое бывает только в кино! Жаль, ее не видит Ленка, она бы умерла от зависти!

— Обратно отвезти не смогу, не по пути.— Лео достал сигарету и прикурил от большой бензиновой зажигалки.

Катя пока и не собиралась ехать обратно. Ведь приключение только начинается!

— Ничего, не волнуйся... Я доберусь.

— Сама-то откуда?

— Из Великобельска. От слова «белочка».

— Откуда только не едут... Ликегу хочешь? Для газоггева? Или стагший не велит?

— Староста уехал, я же говорила.

Катя практически не употребляла спиртного, отчим с детских лет привил ей ненависть к алкоголю. Дескать, у нее плохая наследственность по отцовской линии. Родной папенька ухитрился умереть от цирроза в тридцать лет. И даже на выпускном она пила лимонад «Колокольчик». Но сегодня выпьет. Потому что Кейт в книге тоже выпила виски, предложенный Лео.

— А виски нет?

— Губа не дуга. Нет, тока ликег. Но он не паленый, отвечаю.

Лео протянул руку к бардачку, она разглядела на его пальцах татуировки-перстни. Один такой был у отчима. Как-то Катя спросила, что это означает. Отчим покраснел и сказал, что в армии был писарем. Связи она не поняла, но больше не переспрашивала. Наверно, это какой-то тайный знак посвященных.

Лео достал плоскую початую бутылку с тягучей жидкостью зеленого цвета, протянул Кате:

— Стаканов нет, давай из гогла. Пгиедем, я тоже дегну.

Она отвинтила пробку, в нос ударил холодящий запах мяты. Сделала глоток... А ничего, кстати, не так и противно, как она предполагала. Даже вкусно. И не горько.

— Э-э! Ты не увлекайся! — Лео отобрал бутылку, когда в ней осталось на пару наперстков ликера.— А то отгубишься еще. А мне бгевна не нужны.

Катя не поняла, о каких бревнах идет речь, но уточнять постеснялась. Алкоголь начал ознакомительное путешествие по невинному девственному телу.

В режиме суперблиц. Когда через три минуты Лео окатил водой из лужи какого-то ночного велосипедиста, Катя, вместо того чтобы возмутиться, неожиданно рассмеялась. Лео тоже засмеялся.

Она не видела, куда они едут, но ей было всё равно. Хоть на острова Зеленого Мыса. Лео был рядом с ней! В эту последнюю ночь!

А почему последнюю? Кто это вдруг решил? Основатель? Какой еще Основатель? Кто он такой?! Подумаешь, про солнышко угадал. Ха-ха-ха! Фокусник!.. Видел бы он, какие фокусы отчим с картами показывает!

Катя опять засмеялась. Озноб отпустил. Ей стало необыкновенно тепло и хорошо. Словно она оказалась на солнечном пляже и бежала вдоль берега моря, взбивая ступнями пену. А навстречу бежал Лео. Он был в красной бандане, такой же, как у учителя труда, и в ярких шортах. Его загорелое тело играло мускулами, а солнечный зайчик отражался от белоснежных зубов. Как он красив! Еще немного, и они сольются в объятиях под завистливыми взглядами курортников... А потом нырнут в воду и будут резвиться, словно дельфины.

— Слышь, Кейт, когда пгиедем, скажи Людке — это бгательника подгуга, что мы с тобой давно знакомы... Лады?

— Что? — Катя вернулась с курорта.

— Ну, она не любит, когда вот так... Хай поднять может. Договогились?

— Конечно,— улыбнулась Катя.

Да и могла ли она отказать Лео в таком пустяке? Скажет всё что угодно и кому угодно.

— Ского уже... Я пгосто Питег не очень знаю, кгуга дал.

Музыка подыгрывала настроению. Фонарики за стеклом кружились в ритме шансона. Ей хотелось кружиться вместе с ними. От счастья. Может, в этом и есть смысл жизни? Даже если всего несколько минут тебе так хорошо, что ты можешь искренне сказать: «Да, я счастлива»,— значит, жизнь прожита не зря. А если не минут, а часов? Слышишь, Основатель? Если ты, конечно, слышишь. Я счастлива!

Алкоголь, как всегда, победил. Ну, по крайней мере, занял ключевую высоту, с которой удобно обстреливать любые мишени.

Она повернула голову и придвинулась к Лео, чтобы получше разглядеть его лицо. «И с чего я решила, что он несимпатичен? Да Джонни Депп по сравнению с ним вампир с похмелья! А его картавость так трогательна...»

Музыка кончилась. Ей захотелось прижаться к его плечу, как это делала Кейт...

Кейт, милая Кейт... Спасибо тебе за всё.

— Ты чё, пгямо в тачке хочешь? Неудобно же... Потегпи, почти пгиехали.

Лео нежно убрал ее голову со своего плеча и свернул в арку. Как он обходителен, как мил... А куда мы приехали? И зачем? А, какая разница! Жаль, что ее не видят Ленка и Лизка. Особенно Лизка.

Лео нашел свободное место, сдал назад, чтобы развернуть машину. Еще немного и... Они начнут целоваться. Сначала немного осторожно, а затем пылко и страстно, смачно причмокивая. Он будет ей шептать смешные глупости, а она говорить, что он открыл ей новый мир, и рассказывать свой последний сон. Всё как в книге... Еще немного...

— В столице два часа ночи... В студии с экстренным выпуском новостей Владимир...

Уже два? Как быстро! Хотя какая разница? Ей уже всё равно. Она нашла то, что искала.

— По сообщению информированного источника, завтра во время проведения марша несогласных готовится провокация...

— Лео... знаешь, мне раньше казалось...

— Тихо ты! — нервно прервал ее парень, крутанув ручку на приемнике.

— ...В сторону бойцов спецподразделений будет произведено несколько выстрелов из пистолета и брошена бутылка с зажигательной смесью... Провокаторы скроются в ближайшем подъезде, после чего уедут на машине с номером... Цель провокации... Возможны жертвы...

Ну что он слушает эту ерунду, вместо того чтобы целоваться? Лео! Я же здесь! Твоя Кейт! Я жду!

Лео неожиданно грязно выругался. В том числе тем нехорошим словом, которым она обозвала Аркадия. Только во множественном числе. Потом посмотрел на нее. Даже без очков Катя увидела, что его лицо не отражает эмоций, характерных для любовной преамбулы. Скорее, испуг и расстройство.

— Так! Вали отсюда, шалава великобельская! — Несколько капелек его слюны попали ей на лицо.— Быстго!

— Лео... ты что?!

— Пошла, говогю, на хег!

Он выскочил из машины, обежал вокруг и рванул пассажирскую дверь. Схватил Катю за блузку и вытащил из салона. Блузка треснула по шву.

— Лео, что случилось?! У тебя неприятности? Но не волнуйся, все образуется... Надо верить в лучшее.

— Заткнись! — Он захлопнул дверь, пиликнул сигнализацией и побежал к ближайшему подъезду.

Через пару секунд от Лео остались лишь брызги слюны на лице несчастной Кейт.

На улице, за аркой, ей стало плохо. Снова начался озноб. Катя обняла стойку рекламного щита, чтобы не упасть, ибо земля качалась под ней, словно палуба во время шторма. Жадно хватила ртом воздуха и закашлялась. Ее вырвало зеленой жижей, смешанной с непереваренным «Дошираком». Рот наполнился горечью.

Такого в книге не было. Кейт не блевала на улице под рекламный щит «Измени жизнь к лучшему»! И ее не обзывали шалавой. Дважды.

— Нажралась, шалава...

Трижды...

Мимо проехал велосипедист. Кажется, тот самый, которого они облили из лужи.

Да что ж они все?! Что я им сделала?! Почему шалава? Что за слово такое дурацкое?..

Катя сделала пару шагов, но затем вернулась и закидала содержимое желудка землей из ближайшей клумбы. Отчим приучил ее к порядку. Фраза «Наследил — убери» была одной из самых любимых.

Ей стало немного легче. По крайней мере физически. Душевная рана попрежнему была открыта, и из нее хлестала кровь — примерно так описала бы чувства героини Вероника Грин.

Что случилось? Почему Лео испугался ее? Или не ее?.. Может, она опять сказала что-нибудь не то? Но она просто не успела ему ничего сказать! И что ей теперь делать? Куда идти?

Она огляделась. Незнакомая холодная улица. Она плохо знала город, как и Лео, этот козел картавый. Подняла голову на рекламный щит. Девушка, похожая на солистку группы «Виагра», эротично облизывала новый мобильник. «Открой для себя мир лизинга!»

Как им не стыдно! В их Великобельске никогда бы не повесили такой гадости.

Катя, обняв себя за плечи, пошла вперед. Точнее, назад, по направлению к мелькнувшему между домами шпилю Петропавловки. Он служил хорошим ориентиром, и она не заблудится.

Заблудится? А куда она собралась? В общагу? Лечь на тахту и проплакать остаток последней ночи?

Не-е-е-т... Она не сдастся просто так. Вспомнилось строгое лицо отчима. «Нет такого замка, который бы не открылся. Главное, была бы дверь».

Да! Она найдет эту дверь и войдет в нее! Она не слабачка! Она еще возьмет от жизни всё. Как в рекламе «Пепси»! Вперед! У нее еще есть три часа!

На обратную дорогу ушло два, потому что Катя все-таки заблудилась. Да и расстояние оказалось неблизким. Ужасно разболелась голова, хотелось спать, но зато она полностью протрезвела на свежем воздухе. Она найдет свое предназначение, несмотря на рваную блузку. Она сможет...

Вышибала в «Убежище» уже не обратил на нее никакого внимания. Она спустилась в зал, прошла в туалет. Боже мой! Дождь смыл тушь с ресниц, на голове черт-те что!.. В таком виде счастья не поймаешь, только неприятности и герпес. На умывальнике слева от нее лежала приоткрытая косметичка, немного запачканная белым порошком, видимо мелом. Ее хозяйка, девушка лет двадцати, сидела на полу с закрытыми глазами, прислонившись спиной к кирпичной стене. Вряд ли она заметит, что кто-то воспользуется ее косметичкой. Но Катя никогда не брала чужих вещей без спроса, отчим говорил ей, что красить — самое последнее дело.

— Простите, можно я возьму вашу тушь? Мне на минуточку.

Сидящая на полу барышня никак не отреагировала, поэтому Катя посчитала, что она не возражает. Нашла в косметичке тушь, подкрасила ресницы.

— А румяна можно?

Хозяйка косметики лишь дернула правой ногой. «Спит, наверное».

Больше Катя не спрашивала. Оживила губы вишневой помадой, припудрилась, наложила тени и, сказав девушке «спасибо», вышла из туалета.

Нашла свободный столик, хотя гулящей публики не уменьшилось. Парень-официант тут же ее заметил.

— Что-нибудь хочешь?

— Нет пока... Я... позову.

— Те два коктейля я включу в счет.

— Но я их не пила! — возмутилась Катя, вспомнив про коктейли, заказанные Аркадием.

— Ты их заказала.

Парень умчался в противоположный конец зала. Катя осмотрелась, вновь прищурив глаза. Кажется, за время ее отсутствия здесь ничего не изменилось. Всё тот же туман из сигаретного дыма, мерцающие лампочки, та же девица на шесте, изображающая лизинг, снующие, как пестрые экзотические рыбки, юноши и девушки, бьющая по мозгам монотонная музыка и запах скошенной травы. И ни одного свободного мужчины...

Следующие полчаса не привнесли в обстановку никаких принципиальных изменений. Из туалета вышла проснувшаяся хозяйка косметички и устремилась на танцпол зажигать.

Но что же делать? Основатель, прогнанный было ликером, снова вернулся и маячил перед глазами. И сейчас, на трезвую голову, Кате казалось, что его угроза выключить свет гораздо реальней, чем в начале ночи.

Она уже не могла спросить совета у Кейт. В это время они с Лео предавались любви на крыше небоскреба. А Катя находится под землей, безо всякой любви и даже намеков на небоскреб. И вряд ли за оставшееся время в ее жизни случится романтическое приключение. Но она решила ждать до конца. Каким бы этот конец ни был.

И дождалась! В зал спустился новый гость. В футболке и шортах-бермудах, что говорило о романтических наклонностях. Занял место за столиком и начал присматриваться к гостям клуба. Катя поняла, что это ее шанс.

К сожалению, она знала только один рецепт быстрого знакомства. Тот самый, из книги.

— Здравствуй!.. Скучаешь?!

Парень обернулся. Какой-то он запыхавшийся, словно убегал от стаи собак.

— Очень!

— Ты один?!

— Ну, раз скучаю, значит, один!

— Я составлю компанию?! Не возражаешь?!

— Составляй!

Парень тоже, как и она, явно куда-то спешил. Это чувствовалось. Что ж, может, и к лучшему...

— Меня Катей звать! А тебя?!

— Артуром!

Катя не расслышала:

— Юрой?!

— Артуром!

Почти Лео.

— Красивое имя! Коктейлем не угостишь?

Парень оценивающе посмотрел на Катю. В его взгляде она не прочитала осуждения или презрения.

— Угощу!.. Потом!

— А ты местный?!

— Да!

— А я из Великобельска! От слова «белочка»! У нас белок много! А здесь учусь!

Кажется, он ее не очень внимательно слушает. Пялится в зал, словно ищет в потемках кого-то, но не может никак отыскать.

— Что?! — не поворачиваясь, переспросил он.

— Учусь здесь! В педагогическом! — разволновавшись, Катя перепутала высшие учебные заведения.

— На учителя?!

— Нет, на юриста!.. А ты чем занимаешься?

— Писатель я! Фантаст! — по-прежнему не оборачиваясь, ответил Артур.

Везет ей, однако, сегодня. Сценаристы, писатели. Наверно, тот, из Москвы, был поэтом.

— Прикольно! Ты здесь в первый раз?!

— В первый! А ты не в первый?!

— Нет! Тут классно!

Ничего классного, как уже было сказано, Катя в «Убежище» не находила, но ответила так, памятуя совет Ленки. И, похоже, подруга была права, ибо Артур тут же обнял Катю за талию и придвинул к себе.

— Слушай! — Он закричал ей прямо в ухо.— Мне тут друга одного найти надо! Гариком звать! Его папаша этот клуб держит! Ты же здесь всех знаешь! Не покажешь?!

Катя знала здесь далеко не всех, вернее, никого не знала. Но кто такой Гарик и как он выглядит, представляла. Во время первого похода в «Убежище» Ленка показала его. Она мечтала заманить его в свои ажурные сети, но безуспешно. Когда полчаса назад Катя возвращалась из туалета, видела Гарика в соседнем зале. Или человека, похожего на Гарика. Без очков она не дала бы ста процентов гарантии. Гарик шептался с какой-то малолеткой.

— А зачем он тебе?! — Катя в свою очередь обхватила парня за торс и крепко сжала футболку.

— Предложение есть! Коммерческое! Долго объяснять! С меня еще коктейль! — Артур сделал знак продиравшейся сквозь толпу официантке.— Девушка, два коктейля!

— Каких?

— На ваш вкус!

Официантка кивнула и устремилась к стойке.

— Он в том зале сидел! — показала Катя.

— В светлом пиджаке, да?!

— Нет! В кожаном! Черном!

— Точно?!

— Конечно! — Катя решила не метаться, вспомнив слова отчима, что менжеваться в ответственный момент гораздо хуже, чем уверенно ломать не ту дверь.

— Давно приехал?!

— Не знаю! Я только что пришла!

— У него «порш», да?

— Да! Желтый!

Этим «поршем» Ленка прожужжала Кате все уши. И даже во сне она иногда кричала: «Порш»! «Порш»! Желтый «порш»! А, проснувшись, плакала.

Артур оторвал Катину руку от футболки:

— Подожди, я сейчас... Потороплю с коктейлем...

Но пошел не в сторону бара, а в соседний зал.

— Куда же ты, Юра?!

Новый знакомый скрылся в тумане. Катя не побежала за ним. Конец света концом, но и собственное достоинство должно быть.

Девушка-официант принесла два коктейля в конусных стаканах, окантованных сахарным песком. Трубочка, лимончик, льдинки.

— Что-нибудь еще?

— Нет, спасибо.

От коктейлей пахло мятой. Катя осторожно взяла соломинку в рот, но пить не стала, вспомнив суровое лицо отчима. «Не алкоголь выбирает жертву, а жертва алкоголь».

«Послушайте, папа! Я уже взрослая! Хватит изводить меня своими нотациями! Подумаешь, коктейль!»

«Муравью и капля — море».

«Сам ты муравей!»

Незримый спор продолжался пять минут. Когда же Катя решилась на первый глоток, со стороны туалета раздался громкий хлопок, словно лопнуло колесо машины. Музыка в этот момент стихла, поэтому хлопок услышали даже в дальнем зале. Все, словно по команде «Равняйсь!», повернули головы.

Спустя несколько секунд из малого зала выскочил Артур. Кате показалось, что в руке он держал предмет, похожий на пистолет. Вышибала, бросившийся было ему наперерез, получил рукояткой в нос и рухнул под столик. Больше никто не рискнул встать на пути человека в бермудах, и он без труда выбрался из клуба.

«Боже мой... Да это же... Это же киллер!!! Настоящий киллер! Убивший сына хозяина! А я... Я сама показала на него! Я — сообщница! И теперь...»

Вполне логичная мысль пронеслась в голове быстрее пули.

«Что там с концом света, еще непонятно, но в тюрьму меня посадят точно! С кем он стоял за столиком?! С Катей! С кем шептался?! С ней же! Кому, блин, коктейль заказывал?! И ничего не докажешь! Потому что отчим сказал как-то: ты ничего не должен доказывать. Доказывать должны они. И они это, черт возьми, умеют!»

Надо бежать! Пока охранники не пришли в себя! Ее не найдут, ее здесь никто не знает! Да что же сегодня за ночь такая?!

...На улице, когда она остановилась, чтобы отдышаться, ей стало ужасно стыдно. Ведь она не заплатила за целых четыре коктейля. А они, наверное, были страшно дорогими и вкусными...

Катя вернулась в свою комнату. На тахте лежала «Ночь Накануне». Она взяла книгу и зашвырнула ее под тахту, где когда-то нашла.

«Всё вранье...»

Упала на тахту лицом в подушку.

«Основатель... Я ничего не смогла, у меня ничего не вышло... Но я очень хочу жить... Даже безо всякой романтики... Пожалуйста, не убивай нас. Ты разве судья, чтобы казнить или миловать? А отчим говорил, что виновным человека может признать только суд. Если, конечно, не заплачено... Но если ты судья, тогда будь справедливым. Нет... Милосердным... Ведь любой может ошибиться... И потом... Нельзя лишать жизни только за то, что не знаешь своего предназначения.

Пожалуйста, пожалей нас безо всяких доказательств... Пожалуйста...»

И она тихонько заплакала...

Кейт вернулась в палату. Она уже ничего не боялась... Эта ночь заменила ей целую жизнь. Кейт познала любовь, ревность, радость встречи, горечь потери, необратимость случившегося... Она поняла, что иное мгновение стоит целой жизни, а время может быть настолько плотным, что за пару часов удается испытать такую остроту чувств, которую большинство людей не испытает и за десятки лет. И что можно стать счастливым даже за день до смерти.[1] *Теперь она знала: судьба обошлась с ней гуманней, чем со многими,— оборвав всё на самом пике, лишив ее обыденности и серой суетливости будней, которые неизбежно следуют за любым праздником. И за праздником чувств — тоже.*

И ей было совсем не страшно умирать, ибо она прожила жизнь не напрасно.

Она легла на больничную койку, закрыла глаза и улыбнулась...

Глава шестая
СИНОПТИК

Ущербность оперативных сотрудников секретных служб заключается именно в том, что сами они своей ущербности не замечают.

«Синоптик, тебе нет необходимости дописывать это письмо, его не успеют прочесть...»

Какого черта?

Синоптик отдернул пальцы от клавиатуры, будто за долю секунды она раскалилась до обжигающей металлической красноты.

---

[1] «И что можно стать счастливым даже за день до смерти» — фраза нагло украдена Вероникой Грин у Гюстава Флобера.

© Н. Филатов, 2010

Какого черта...

Нашли тоже время.

Оборачиваться он не стал — прежде следовало сообразить, какой именно первой реакции ожидают от него проверяющие. А потом уже поступить соответственно.

В том, что это очередная дурь, сомнения не было — какая-нибудь идиотская проверка на лояльность, затеянная службой собственной безопасности или инспекцией по личному составу.

Ничего удивительного.

Немного обидно, конечно, когда копаются в том, что ты привык считать своей личной жизнью,— но таковы издержки профессии. Не нравится — снимай погоны и ступай, как говорили раньше, в народное хозяйство...

Синоптик перевел взгляд на тревожно застывший экран монитора.

Помнится, давным-давно на психологических тестах при поступлении в органы безопасности кандидату обязательно задавали вопрос: «Верите ли вы, что за вами могут наблюдать из телевизора?» Ответишь «да» — могут посчитать потенциальным параноиком с манией преследования. Ответишь «нет» — того и гляди прослывешь ограниченным типом без оперативного воображения.

А теперь...

Ох уж эти современные средства технического контроля — и так ими уже все стены в городе утыканы снизу доверху. Гвоздя вбить некуда без риска угодить в микрофон или скрытую видеокамеру.

Хотя интересно все-таки, когда именно эти ребята успели «зарядить» его кабинет и персональный компьютер? Разрешение на подобные мероприятия могло быть получено только на самом верху. Значит...

Может быть, имеет смысл прервать соединение?

Синоптик положил ладонь на теплый пластиковый бочок компьютерной мыши, и как раз в этот момент на экране высветился вопрос:

«Основатель, если я правильно понял, ты демонстрируешь каждому из нас свою осведомленность?»

«Да».

...В следующее мгновение не произошло ничего.

И все-таки мир, окружавший Синоптика, уже не был прежним — он отличался от самого себя так, как отличается темное облако перед грозой от своего же собственного отражения в лесном озере.

Синоптик заставил себя оторваться от монитора.

На столе перед ним, слева, рядом с клавиатурой белел девственно-чистый лист бумаги. Синоптик сам положил его на привычное место, прежде чем зайти в чат,— и прекрасно помнил, для чего это было им сделано, однако...

На белоснежном бумажном листе начали медленно, как в проявителе для фотопленки, проступать, строчка за строчкой, слова, которые он еще только хотел, но так и не успел написать:

«...Пойми, сынок, в этом мире никто ничего тебе не должен. Хороших людей, конечно же, больше, чем плохих. Но даже они любят тебя меньше, чем се-

бя... Хороших людей много, но еще больше — никаких. И я хочу, чтобы ты был готов. Готов к тому, что тебя будут предавать, будут бить по самому больному, посмеются над твоей одеждой, фигурой, лицом, походкой, посмеются над чувствами... Я хочу, чтобы ты был готов к хамству, равнодушию, к голоду и нищете... Сынок, в этой жизни недостаточно одной светлой головы. У головы должны быть острые, крепкие зубы...»

Еще пять минут назад Синоптик ни за что не поверил бы, что волосы на голове могут шевелиться.

Привычная шариковая ручка лежала рядом с листом бумаги — и, судя по всему, не имела ко всему происходящему ни малейшего отношения.

— Твою мать...— Как ни странно, больше всего поразило Синоптика то, что проявившийся текст, без сомнения, был написан его собственным почерком.

Изображение на мониторе медленно потемнело и почти сразу же стало вовсе неразличимым — так, как исчезают обычно из видимости предметы, погруженные кем-то под воду на достаточную глубину. Вместо него все пространство экрана заполнила приземная синоптическая карта Северного полушария — с четко прочерченными изобарами и линиями атмосферных фронтов, с зонами осадков и мелкой цифирью метеорологических кодов.

Вот оно, значит, как, уважаемый гражданин Основатель?

Чувство юмора, значит, демонстрируете? Ну-ну...

Неформальное свое прозвище Синоптик получил давно, любил его и носил с полным правом. Потому что лишь поначалу, на первых ступеньках служебной карьеры, это прозвище было всего лишь формальной отсылкой к его первому высшему образованию — впоследствии обрело оно совсем другой, много более значимый смысл.

Или даже, пожалуй, сразу несколько смыслов.

Синоптик, как известно,— специалист, дающий прогноз погоды на основании не всегда полных и далеко не всегда достоверных сведений, поступающих из самых различных источников: со стационарных постов в городах, с кораблей и судов, пересекающих океаны, с заполярных метеостанций, даже из космоса. И поэтому для того, чтобы правильно оценить ситуацию, для того, чтобы предсказать, как она переменится во времени и в пространстве, настоящий синоптик непременно должен обладать не только некими профессиональными знаниями, но и опытом, воображением, интуицией...

Недаром же слово синоптик по-гречески означало *способный все обозреть или одновременно все видящий*. И недаром именно так, с разной степенью зависти или уважения, называли его между собой коллеги и сослуживцы по Управлению — за способность охватить взглядом сразу все элементы происходящего, представить себе картину в целом, почувствовать любой процесс в развитии и выдать в конце концов для сведения руководства максимально достоверный прогноз.

Кроме того, имелось у этого слова и еще одно значение, уходившее корнями не куда-нибудь, а в богословскую традицию. Синоптиками принято было называть трех евангелистов — Матфея, Марка и Луку, описавших почти одновременно события, увиденные собственными глазами...

— Мы потом споем с тобой, Лизавета...

Эта фраза из старого фильма о женщинах и войне с давних пор была любимой присказкой Синоптика.

— Выполним вот боевое задание — и споем.

Что-то вновь изменилось в окружающем мире.

Однако теперь Синоптик уже не чувствовал даже, а совершенно точно понимал — источник тревоги, некоторое материальное воплощение неведомой опасности теперь находится прямо здесь, в кабинете, у него за спиной.

Синоптик медленно, чтобы не спровоцировать никого на агрессию, обернулся.

Дверь?

Обычная, совершенно безликая дверь — не слишком дешевая, но и без претензий на роскошь. Такие двери обычно устанавливают после ремонта в районных администрациях или управлениях внутренних дел.

Единственным отличием именно этой двери от тысяч и тысяч подобных дверей было то, что еще минуту назад ее в кабинете не существовало. Синоптик совершенно точно помнил: между несгораемым ящиком для документов и старинными часами, на которые он смотрел буквально только что, всегда оставалось только пустое пространство стены, покрытой однотонными бежевыми обоями.

Здравствуйте, приехали...

Хорошо, если это всего-навсего острый психоз, вызванный перенапряжением последних недель.

Хуже другое — а что, если спецслужбы потенциального противника нашли все-таки способ активного воздействия на человеческую психику через Интернет? Не секрет, что не только мы, но и американцы, и китайцы, и даже израильтяне давно ведут работы в этом направлении. Секрет только в том, кому и как далеко удалось продвинуться...

Синоптик потряс головой.

Ерунда! Всё не так. Всё значительно хуже.

Просто очень уж хочется найти происходящему хоть какое-нибудь рациональное объяснение.

Хотя с другой стороны...

Как учили когда-то основоположники марксизма-ленинизма?

Материя — это объективная реальность, данная нам в ощущении?

Синоптику никогда не нравилось это определение из учебника, хотя всех советских студентов заставляли зубрить его наизусть. Оно его, скажем так, не устраивало. Потому что, к примеру, сейчас можно сесть в самолет и всего через несколько часов приземлиться в Австралии. А вот средневековый европеец, к примеру, ничего не знал про эту самую Австралию и даже не догадывался о ее существовании. Так что же, семьсот лет назад континент этот вместе со всеми его кенгуру, бумерангами и аборигенами не был объективной реальностью только из-за того, что не был дан этому самому европейцу «в ощущении»?

Ерунда...

Не отрывая настороженного взгляда от двери, Синоптик медленно потянул на себя верхний ящик письменного стола. На ощупь достал из него пистолет в кожаной наплечной кобуре, продел руку в петлю, пропустил ремешок вниз, до пояса...

Пистолет был тяжелым, не слишком удобным и не имел никакого отношения к обычным служебным обязанностям Синоптика. Однако тяжесть табельного оружия, странным образом, успокоила его — и побудила совершить следующий поступок, почти необъяснимый с точки зрения здравомыслящего человека, зато вполне естественный для офицера любой спецслужбы мира.

Синоптик опять, не глядя, сунул руку в ящик стола и порылся в россыпи различных канцелярских мелочей — есть! Комок пластилина, холодный и неподатливый поначалу, очень скоро размяк у него в кулаке.

Ну допустим.

Скважины для ключа, кажется, не наблюдается. Простая латунная ручка, такие же петли...

Пересилив себя, Синоптик оторвался от кресла, сделал несколько осторожных шагов и преодолел расстояние, отделявшее его от загадочной двери.

Пластилина оказалось вполне достаточно, чтобы замазать щель между дверным полотном и коробкой как раз в нужном месте, на уровне предполагаемого замка. Оставалось только достать металлическую печать с личным номером — и выполнить на податливой массе пару отчетливых, ясно читаемых оттисков...

Ладно. Первое дело сделано. Будем надеяться, что никто теперь через эту чертову дверь оттуда, с чужой стороны, в кабинет незамеченным не проникнет.

Однако, на всякий случай, следовало еще подстраховаться...

Синоптик поднес руку к собственному затылку, поморщился, потряс рукой, расправляя по воздуху короткий волос, выдернутый из прически,— и опустился на корточки. На то, чтобы прилепить один конец волоска прямо к полу, а другой к дверному полотну, потребовалось всего несколько секунд.

Дополнительный контроль никогда не помешает.

Кажется, всё?

Противопехотную растяжку на дверь Синоптик устанавливать не стал. Во-первых, в его кабинете всё равно не нашлось бы подходящей гранаты, а во-вторых, это был бы уже перебор...

• • •

Когда-то человека искушала плоть — теперь его искушает блудливый разум...

Вернувшись к столу, Синоптик немного отодвинул кресло и развернул его так, чтобы удержать в поле зрения одновременно и дверь, и погасший экран монитора.

Лист бумаги, исписанный собственным почерком Синоптика, никуда не исчез.

«...Извини, сынок. Очевидно, все-таки страсть к обобщениям — категория возрастная. Каждого, кто дожил до первых седин или же до начальной стадии геморроя, вечно тянет поделиться с окружающими, родными и близкими секретом, как он этого добился. Поверь мне — чужой опыт недорого стоит! Если, конечно, он сам по себе. Редко кто способен пропустить чужой опыт через

собственные мозги, печенку, ребра... Иначе человечество не крутилось бы тысячелетиями на одном месте».

Да, это были именно те слова, которыми он хотел бы продолжить свое так и не начатое письмо.

— Чертовщина какая-то...

Если исходная ситуация абсурдна по определению — значит, нет никакого смысла искать выхода из нее традиционными методами. Служебная дисциплина и многолетний опыт работы в *системе* предписывали Синоптику самое простое решение: когда не знаешь или не понимаешь, что вокруг тебя происходит, необходимо срочно доложить об этом непосредственному начальнику. И запросить хоть каких-нибудь указаний, переложив на руководящие плечи всю ответственность за последствия.

Доложить, конечно, можно.

Так, мол, и так, получил от персонального компьютера указание спасти мир, вижу двери в стене, и вообще — кто-то читает мои мысли, а потом переносит их на бумагу. На основании вышеизложенного прошу отстранить меня от операции, пока не начал ходить под себя или бегать по улицам в голом виде, оскорбляющем человеческое достоинство и высокое звание офицера.

Искренне ваш, Наполеон Бонапарт из галактики Альфа Центавра...

Смешно. Смешно — и глупо. Нельзя, да и незачем, никому ничего докладывать.

Какая, собственно, задача поставлена перед ним?

Спасти мир. Спасти человечество...

Всего-навсего?

Выполняйте, товарищ полковник!

Есть спасти мир, товарищ Основатель!

Вольно... кругом... шагом марш...

И ничего особенного — считается ведь, что для этого секретные службы всегда и существовали.

Синоптик никогда не считал себя трусом.

Воевать по-настоящему ему не довелось, однако в так называемых горячих точках он все-таки пару раз побывал — именно так, как *бывают* на войне журналисты, командированные милиционеры и проверяющие из Москвы. На Кавказе, в горах, по Синоптику даже стреляли, и он тоже в кого-то стрелял — поэтому две боевые медали носил с не меньшим правом, чем некоторые из его сослуживцев.

Впрочем, для того чтобы сделать в *системе* карьеру, одного этого явно бы не хватило. Чтобы не потонуть, надо было, как на болоте, вовремя перепрыгивать с кочки на кочку — и ни в коем случае не останавливаться. Тем более что за прошедшие годы могущественное секретное ведомство, в котором работал Синоптик, столько раз упраздняли, сливали, переименовывали и реформировали под корень, что даже самые матерые кадровики часто путались, оформляя пенсионные документы...

Конечно, Синоптик не мог не замечать, что организация, к которой он принадлежал, вся эта *система*, надежно замкнутая суровыми законами конспирации на узкий круг профессионалов, буквально на его глазах превращалась в

подобие масонской ложи. Отчего? Да оттого, что оперативная работа вообще здорово деформирует психику — и постепенно даже к собственному народу начинаешь относиться как к населению вражеского государства. Высокие, благородные цели всё меньше оправдывают выбранные для их достижения средства и незаметно вытесняются сугубо тактическими, прикладными задачами...

В родной стране приходилось действовать, как в каком-нибудь Гондурасе.

Любой шаг, неверный с точки зрения текущего политического момента, вполне мог стоить Синоптику персонального светлого будущего — и, тем не менее, к сорока двум годам он все-таки дослужился до полковничьих погон, персонального автомобиля с шофером и собственной секретарши в приемной. Конечно, Синоптик старался еще поддерживать спортивную форму и по-прежнему дважды в неделю ходил в зал — но давно уже предпочитал боевым единоборствам оздоровительные системы.

А вот с семейной жизнью как-то не очень сложилось — после развода жена его с сыном-тинейджером проживала отдельно и теперь, кажется, во второй раз собиралась выходить замуж.

За иностранца.

В прошедшие, славные и суровые, времена такое просто невозможно было бы себе представить.

А сейчас — ничего, обошлось без последствий.

Демократизация общества, понимаешь ли.

Просвещенный либерализм...

Некоторое время назад Синоптика пригласили на самый верх — в один из тех московских кабинетов, которые никогда не показывают по телевизору. Объяснили, что от него требуется. Намекнули — зачем и кому это нужно, а затем недвусмысленно дали понять, что теперь перед ним открываются два пути. Можно отказаться от поступившего предложения — и спокойно досиживать до пенсиона по выслуге лет, неторопливо подыскивая себе теплое место в какой-нибудь коммерческой структуре. Или ответить согласием, чтобы сделать рывок на такой верх карьеры, с которого даже падать приятно и вовсе не больно...

Синоптик подумал — и согласился.

Это был его шанс, и упустить этот шанс оказалось бы глупо. А что касается морали...

Меньше всего беспокоили Синоптика так называемые муки совести. Слишком много он их на своем веку насмотрелся — и у начинающих взяточников, и у наркоманов, впервые обокравших собственных родителей, и у продажных милиционеров, у депутатов и проституток, подхвативших дурную болезнь... Ничего, потом все как-то переживают, обходятся.

В конце концов, высоких идеалов много, а жизнь у человека одна...

Тихо и монотонно, словно опасаясь чего-то, напомнил о себе аппарат внутренней связи. Выдержав, по обыкновению, довольно продолжительную паузу, Синоптик придавил пальцем красную кнопку:

— Слушаю.

— Товарищ полковник, машина внизу.

— Спасибо. Пускай подождут...— Нет, не было и не могло быть никакого сомнения — всё, что происходит сейчас, странным образом связано с некими запланированными на завтра событиями, которые Синоптик подготавливал на протяжении последних полутора месяцев.

Разумеется, он достаточно хорошо представлял себе, как на практике выглядит то, что в секретных отчетах и планах принято называть *мероприятиями по дестабилизации политической обстановки*.

Да, конечно же, в результате народного гнева непременно сгорит пара-тройка ни в чем не повинных автомобилей. А может, их и больше сгорит — какая разница? Всё равно почти все машины сейчас в городе застрахованы, так что владельцы, скорее всего, не пострадают. Так же, как и хозяева дорогих магазинов, которым обязательно возместят по страховке ущерб за витрины, разбитые уличными хулиганами, и за товар, опрометчиво выставленный в этих витринах...

Да, конечно, прольется некоторое количество крови.

Однако, согласно прогнозу, подготовленному соответствующим отделом Управления специальных операций, величина людских потерь в ходе массовых беспорядков ни в коем случае не должна выйти за предельно допустимые значения. Синоптик в своей аналитической записке даже сравнил этот показатель, для совершенной наглядности, со средним статистическим числом погибших и пострадавших в дорожно-транспортных происшествиях по городу за выходные дни, так что получалось — обыкновенному человеку участвовать в митинге и демонстрации едва ли не безопаснее, чем просто поехать на дачу...

Если верить оперативной сводке по состоянию на двадцать три часа, всё пока шло в соответствии с планом. Как это пишется в театральных программках?

Действующие лица и исполнители...

Действующие лица были готовы — впрочем, в большинстве своем они даже не подозревают, что вынуждены участвовать в чужой пьесе с трагическим и беспощадным финалом.

Из конца в конец города колесят микроавтобусы, развозя по адресам много сотен зеленых матерчатых ленточек, которые завтра с утра начнут раздавать демонстрантам. На подходе и рефрижератор со свежими, только что срезанными ветками рябины — символом нового экологического движения, активисты которого как раз сейчас дописывали последние лозунги.

Студенты, пенсионеры, так называемая творческая интеллигенция...

Хорошие лозунги, хорошие люди.

Неравнодушные... Несогласные...

Делегаты Экологического саммита, иностранные журналисты и представители Евросоюза в организованном порядке, за счет принимающей стороны, досматривали «Лебединое озеро».

Начальник всех городских милиционеров только что вылетел на международный симпозиум по проблемам организованной преступности не то в Ниццу, не то в Арабские Эмираты, приказав на прощание не поддаваться на провокации и уважать права граждан.

А вот пожилой подполковник, которому завтра с утра заступать на дежурство по городу, уже пошел в спальню, к жене — уже не те годы, чтобы засиживаться до полуночи...

Действующие лица и исполнители...

Исполнители, в общем, тоже были готовы — и находились под наблюдением. Завтра перед обедом, в назначенный час и в назначенном месте, их встретит оперативник, раздаст *реквизит*, доставит на место, потом заберет — после акции... Были готовы уже и люди, специально обученные работе с так называемым *расходным материалом*. Люди, которым предстояло принять этих исполнителей на конспиративной квартире, чтобы позаботиться об их недолгой дальнейшей судьбе. Был готов даже тот, кто также в назначенный день и в назначенном месте случайно найдет не подлежащие опознанию трупы...

Скорее бы уже утро...

Наверное, это было бы очень неплохо — регулировать течение жизни наподобие водопроводного крана. Захотелось — прибавил событиям интенсивности, надоело — перекрыл на какое-то время причинно-следственную связь. И отдыхай себе, переваривай... Можно горячее сделать, можно про запас набрать — тут уж кому как нравится.

К сожалению, на подобные шуточки способен оказался только Основатель...

Но еще совсем недавно Синоптик и не подозревал о его безграничных возможностях, поэтому предпочел скоротать затянувшийся вечер перед *активной фазой мероприятия* так, как делал это на протяжении последних недель — за не обязывающей никого ни к чему болтовней с анонимными собеседниками в чате.

И вот, на тебе... скоротал вечерок! Снял, понимаешь ли, нервное напряжение.

Синоптик с раздражением посмотрел на экран монитора.

Да, разумеется,— этот чат...

Кто вообще придумал подобные виртуальные комнаты для свиданий? Кто додумался до того, чтобы раскидать их по Всемирной сети?

Синоптик напоролся на чат почти случайно, прочесывая периферийные ресурсы Интернета в поисках некоторой дополнительной информации по агентурному делу «Двойной дозор». Тогда сверху поступило распоряжение оперативно и быстро отработать так называемых Светлых и Темных — две противоборствующие неформальные группировки, активность которых внезапно превысила показатели фонового режима. И те и другие оказались неплохо, со знанием дела законспирированы, однако соответствующими службами было отмечено их активное проникновение в политику, в органы власти и в творческие круги. Обе структуры использовали в своей деятельности, как правило, обычные формы и методы, присущие тоталитарным сектам, однако некоторые обстоятельства наталкивали на предположение об устойчивых связях неформалов с организованной преступностью.

Между прочим, серьезных репрессий в отношении них удалось избежать, в немалой степени благодаря Синоптику,— именно он доказал, в конце концов, московскому руководству, что ни Светлые, ни Темные не управляются из-за рубежа и не имеют ярко выраженной антигосударственной направленности. После этого с лидерами обеих группировок провели профилактическую работу, агентурное дело списали в архив — а Синоптик, так уж получи-

лось, приобрел на память об этом деле привычку наведываться время от времени в чат, где уже обитали тогда Основатель, Пилот, Патриот, Доктор Кеша и, кажется, кто-то еще.

Привычка эта была, наверное, вредной, но чертовски приятной — как хорошая сигарета после утренней чашки кофе. Синоптик отдыхал в чате от профессионального знания однообразия, скуки и мерзости так называемых общественно-политических процессов, происходивших и происходящих в стране,— и оттого, наверное, у него ни разу не возникало желания, даже мимолетного, докопаться до подлинных данных о личности своих сетевых собеседников. Пускай, если хотят, остаются Бомондами, Девочками, Терминаторами, Толиками...

На глаза Синоптику опять попался лист бумаги, исписанный его собственным почерком:

«...Знаешь, сынок, я тут как-то заметил, что одной из ярких черт нашего русского национального характера является способность любое дело закончить выпивкой и хорошей дракой. И дело тут не в агрессивности — просто традиция. Так уж заведено! Вроде пятичасового чая у англичан или обязательных немецких сосисок к пиву. Лучшие друзья испокон веку от души выворачивали друг другу скулы на деревенских престольных праздниках, позже — квасили кулаками носы в хмельном полумраке танцевальных площадок, рабочих клубов и даже институтских выпускных вечеров. Интеллигенция, правда, предпочитала выяснять отношения другими способами. Но, во-первых, еще неизвестно, что лучше, а во-вторых — где она, та интеллигенция? Ау-у-у! Единичные экземпляры — на грани вымирания...»

Синоптик взял со стола бумажный лист и аккуратно сложил пополам.

Потом сложил еще раз.

Потом еще раз.

Получился аккуратный белый прямоугольник, который Синоптик убрал в карман брюк.

Разберемся...

Интересно, с чего это он как раз сегодня вечером вообще решил написать письмо сыну?

Раньше вроде бы никогда не писал. Да и по телефону-то они последний раз общались, кажется, на день рождения. Или это было уже потом, весной?

Мальчишка учится в каком-то колледже. Второй или третий курс...

Как все-таки время летит... Синоптик попытался представить себе собственного ребенка — худого, неловкого и нескладного, как и все они в этом возрасте.

И неожиданно ясно и четко, как на огромном экране кинотеатра, увидел его, распластавшегося без движения прямо напротив какой-то глухой подворотни. Голова сына была неестественно запрокинута, лоб и верхнюю половину лица прикрывала намокшая кровью повязка...

Совсем рядом лежал рюкзачок с вывалившимися конспектами и знакомая зеленая веточка.

Синоптик отогнал видение и прислушался к собственным ощущениям.

Страха по-прежнему не было.

Ладно. Ноль информации, как его ни умножай, все равно дает в итоге нолик.

Синоптик встал, оделся, привычно похлопал себя по карманам: ключи, документы, бумажник.

По правде говоря, он всегда завидовал тем, кто в любое время года позволяет себе обходиться без пиджака или без куртки,— счастливые люди, никаких забот о том, куда положить удостоверение и как незаметнее пристроить пистолет...

— Дежурный?

— Слушаю, товарищ полковник.

— У нас всё в порядке?

— Да вроде без происшествий. А что?

— Ничего. Я спускаюсь. Поеду один. Приготовьте ключи.

Монитор на столе затаился в режиме ожидания.

Ну что же... Говорят, еще вечером второго мая сорок пятого года в Берлине трамвайные контролеры взыскивали с перепуганных пассажиров штрафы за безбилетный проезд. Поразительно. Русские уже вели уличные бои на окраинах города, генералы разбитого вермахта сдавались в плен со своими штабами, а дисциплинированные, незаметные винтики умирающей государственной машины Третьего рейха продолжали крутить свои маленькие шестеренки.

Синоптик протянул руку и, в полном соответствии с инструкцией по безопасности, обесточил компьютер, с некоторым усилием выдернув вилку электрического провода из розетки. После этого он прошел в противоположный конец кабинета — к двери, втиснутой Основателем между часами и несгораемым ящиком, чтобы проверить печати.

Видимых повреждений не замечалось.

Контрольный волосок внизу тоже был пока в целости и сохранности.

Значит, можно идти.

Потому что, когда вдруг не понимаешь, что делать и кто виноват,— надо просто выполнять свой служебный долг.

Потому что лучше, в конце концов, сделать и пожалеть, чем не сделать и раскаиваться...

* * *

Электроника на панели приборов показывала двенадцать часов ноль две минуты.

Первым делом Синоптик вынул из-под лобового стекла специальный пропуск, числившийся за Управлением юстиции Московской области. Теперь, без мигалки на крыше и без этого пропуска-«вездехода», черный джип с оперативными номерами абсолютно ничем не выделялся из общего потока городского транспорта.

Хорошая, рабочая корейская машина...

Ну что ж, поехали.

Выруливая за ворота, Синоптик — скорее, по водительской привычке, чем по необходимости,— включил автомобильную магнитолу.

Передавали, как обычно, выпуск новостей.

«Продолжается визит президента по Восточному побережью Африки... Завтра в Москве открывается Европейский экологический саммит...

Правительство Москвы разрешило провести марш несогласных, но не по Тверской улице, как требовала оппозиция, а в Южном Бутово...

И в завершение выпуска о погоде. Завтра в Москве ожидается конец света...»

Ерунда. Слуховая галлюцинация.

Надо будет завтра прикупить чего-нибудь в аптеке. Чего-нибудь успокоительного, с витаминами...

Если, конечно, оно вообще наступит, это самое завтра. А ведь запросто может и не наступить, да?

Вы ведь именно это имели в виду, гражданин Основатель?

Эх, попались бы вы мне где-нибудь на Кавказе, во время спецоперации...

Автомобилей на набережной было немного.

Синоптик сбавил скорость, показал поворот, чтобы перестроиться,— и почти сразу напомнила о себе радиостанция. Услышав протяжный тональный сигнал, Синоптик переключил ее в режим громкой связи:

— Докладывай.

— Возникла проблема. На питерской кольцевой только что опрокинулся грузовик с *реквизитом*. Протаранил отбойник на разделительной полосе и снес ограждение.

— Он еще в Питере?!

— Застрял в Торфяновке [1] на таможне. Пришлось гнать, вот и занесло на мокрой дороге. Но если быстро перегрузить, то к девяти *реквизит* будет в Москве.

Дожили... Даже реквизит для операций спецслужб приходится делать за бугром. Кризис, видишь ли... А вот у «фиников» никакого кризиса...

— Пострадавшие есть?

— Так точно... Кабина всмятку. Вместе со всеми, кто в ней находился.

— Плохо.

— Я понимаю.— По голосу оперативника, отвечавшего за негласное сопровождение объекта, было ясно, что он растерян и даже, пожалуй, немного напуган.

— Журналисты какие-нибудь уже появились?

— Пока вроде нет. Только «скорая помощь». Там ведь почти сразу пробка образовалась...

— Ладно, я понял. Доложите дежурному. Пусть немедленно организует перегрузку *реквизита* на другой транспорт. Далее...

Переговоры по рации заняли не больше десяти минут — за это время Синоптик успел найти подходящее место и припарковать автомобиль в пустынном, плохо освещенном переулке.

Не выключая двигатель, он достал из наружного кармана пиджака мобильник и по памяти набрал номер, который когда-то считался его домашним.

Бывшая жена сняла трубку после второго гудка:

— Алло?

---

[1] Торфяновка — таможенный пост на границе с Финляндией.

Раньше, помнится, в прошлой семейной жизни, спать она ложилась довольно поздно, далеко за полночь — и привычкам своим, судя по всему, не изменила.

— Это я. Позови Малыша.

— С чего это вдруг?

— Позови Малыша, я сказал!

К счастью, женщина по многолетнему личному опыту знала: когда бывший муж начинает говорить таким тоном, с ним лучше не спорить. По возможности, также следует обойтись без вопросов.

— Его нет дома.

— Где он?

— Гуляет...— В голосе бывшей супруги начали появляться тревожные нотки.— Что-то случилось?

— Он у тебя что, постоянно по ночам где-то болтается?

— Между прочим, парню уже восемнадцатый год. И вообще, с какой стати я тут должна...

— Мне нужен его телефон.

— Зачем?

— Мне срочно нужен его мобильный телефон.

— Послушай-ка, милый мой, знаешь что...

— Телефон!

— Ладно, записывай...— Немного повозившись с кнопками памяти, женщина продиктовала номер сына и только после этого позволила себе еще раз поинтересоваться: — Что случилось? Послушай...

Но Синоптик уже закончил разговор с бывшей женой, потому что было не до нее.

С первого раза он не дозвонился — никто не брал трубку. Синоптик набрал автоматический повтор вызова... то же самое, раз за разом. Неожиданно высветился параллельный звонок.

— Ну, чего тебе?

— У Малыша всё время занято,— виновато сообщила женщина.

Кажется, теперь она была испугана по-настоящему.

— Я знаю. Это я ему звоню.

— Слушай, можешь ты все-таки сказать, что случилось?

— Нет. Не могу.

— Не можешь или не хочешь?

— До свидания.

— Постой, нет! — Женщина громко всхлипнула в телефонную трубку.— По-моему, он сегодня собирался с ребятами в ночной клуб...

— Куда?

— Кажется, в «Подземку»...

— Знаю,— непроизвольно, как это часто бывает, кивнул Синоптик.

— Его что, задержали? Скажи мне... С наркотиками? Милиция?

— Нет, всё, успокойся. Нет времени...

Синоптик прервал соединение и прикрыл глаза, чтобы представить себе карту столицы. Никакой спутниковый навигатор для определения маршрута ему не требовался — центральные районы города он знал прекрасно и почти

сразу сообразил, как лучше и проще доехать до бывших складов, в которых теперь располагался модный молодежный клуб.

Надо ехать...

По идее, следовало бы предварительно пробить место нахождения сына через его мобильный телефон — при современном уровне развития сотовой связи делалось это технически просто, быстро и с достаточно высокой точностью.

Однако Синоптик отчего-то был уверен, что необходимости в этом нет.

И действительно, джип едва успел тронуться с места, как в салоне автомобиля настойчиво зазвучала мелодия вызова.

— Малыш?

— Папа? Это ты мне звонил? — В словах сына и его интонации явно слышалось намного больше удивления, чем радости.

— Ты где?

— А что случилось?

— Ты где, сынок? — повторил вопрос Синоптик.

— В клубе. В этом самом... в «Подземке»...

— Не ходи завтра никуда.

— В каком смысле? — Видимо, парень действительно не понимал, что имеет в виду так внезапно напомнивший о себе родитель.

— Ни на митинги, ни на какие демонстрации... вообще никуда не ходи,— Синоптик замешкался на мгновение и добавил: — Пожалуйста...

— Я и не собирался.

— Вот и хорошо. Знаешь что? Оставайся на месте, сейчас я подъеду.

— Зачем? Да что случилось-то? Что-нибудь с мамой?

— Да нет, всё в порядке, ты только дождись меня...

Выкатившись на широкую и пустынную ночную набережную, Синоптик начал разгоняться — однако сразу же вынужден был сбавить газ. Посреди мокрой, блестящей после недавнего дождя мостовой валялась дохлая кошка. Судя по относительно аккуратному виду, сбили ее совсем недавно и еще не успели раскатать колесами из конца в конец проезжей части.

Кошку было жалко.

Людей — нет, а вот кошку...

Чтобы отвлечься, Синоптик опять включил автомобильную магнитолу.

All dead, all dead...

Все умирают.

Очень духоподъемная композиция.

Синоптик протянул было руку, чтобы переключиться на другую, более веселую волну, но его движение прервал тональный вызов оперативной радиостанции. Старший группы наружного наблюдения доложил из Питера, что один из ключевых исполнителей завтрашнего мероприятия подобрал на обочине какую-то проститутку и посадил ее в свою машину.

— Не препятствовать,— распорядился Синоптик.

Что же мы, в конце концов, не люди? Пусть расслабится. Напоследок. Лишь бы на поезд не опоздал.

По радио шла какая-то очередная дурацкая викторина с призами.

— Вы совершенно правы! Конечно же, это «Pink Floyd». Композиция «Money», что означает «Деньги». Которые, по мнению многих, решают все. Но, слава богу, это не так. Конечно же, не всё. Правда, гораздо увереннее это произносишь, имея пару миллионов на счету в банке «Резерв», спонсоре сегодняшней викторины... — изгалялся ведущий до отвращения жизнерадостным голосом.

Как ни странно, Синоптик теперь уже совсем не беспокоился по поводу завтрашнего дня.

Да, конечно. Да, разумеется...

Всё, что ему там, в кабинете, привиделось, не имело в действительности ни малейшего отношения ни к нему самому, ни к его близким. Там, в подворотне, на грязной траве — это ведь был совсем другой, незнакомый подросток. Он даже не был похож на его сына...

Синоптик оказался уже на подъезде, совсем недалеко от клуба, когда, после очередной музыкальной композиции, ведущий объявил:

— В столице два часа ночи... В студии с экстренным выпуском новостей Владимир...

Ладно, послушаем.

Врожденное, отточенное годами реальной оперативной работы чутье на опасность заставило Синоптика насторожиться:

— По сообщению информированного источника, завтра во время проведения марша несогласных готовится провокация... В сторону бойцов спецподразделений будет произведено несколько выстрелов из пистолета и брошена бутылка с зажигательной смесью... Провокаторы скроются в ближайшем подъезде, после чего уедут на машине с номером... Цель провокации... Возможны жертвы...

* * *

Если слишком туго закрутить гайку, можно сорвать резьбу.

Не убирая ногу с педали газа, Синоптик проскакивал перекресток за перекрестком, почти не обращая внимания на светофоры, монотонно отсчитывающие секунды равнодушными желтыми линзами.

Связь куда-то пропала. Ни по рации, установленной в автомашине, ни по одному из мобильных телефонов на его вызовы никто не отвечал.

Надо срочно вернуться и через дежурного... Синоптик покосился на циферблат — только третий час ночи, еще можно успеть...

Стоп! Пустая затея. Видимо, произошла утечка информации. Это не смертельно. Наверняка подобный вариант развития событий был заранее предусмотрен. Просто в основной план теперь будут внесены дополнительные коррективы. И самые радужные для него, Синоптика.

Ничего удивительного. Современные правоохранительные системы, спецслужбы и преступные сообщества организованы так, что предательство или ошибка какого-нибудь одного, даже самого важного человека глобально повредить им не может. А вот тому, кто допустил косяк или предал, это будет стоить так дорого, что лучше уж самостоятельно пойти — и закопаться на ближайшем кладбище.

«Основатель, мы живем в страшном и глупом мире... Который сотворили себе сами».

Синоптику не раз приходилось угадывать в одинаково мутных, запавших глазах своих нынешних руководителей отблеск медных фанфар и автоматных трассеров. Такие глаза бывают иногда у взрослых мальчиков, не доигравших в свое время в «войнушку» и в солдатики...

Ничего не поделаешь. Все они относили себя к категории профессиональных игроков — люди были для них не более чем неодушевленными исполнителями, и потеря пешки или даже ферзя огорчала, но в меру. Ну скажите, какой смысл расстраиваться из-за подобной ерунды, если всегда можно снова расставить фигуры и предложить сопернику взять реванш? В конце концов, почти каждый из них рассчитывал вовремя уйти в тень, оставив после себя пустую, залитую кровью шахматную доску...

Единственная ценность любого скандала заключается в его своевременности.

Все остальное вторично. Значит...

Show must go on? Представление продолжается?

Of course. А як же ж!..

И конец света должен состояться при любой погоде.

Все мы участвуем в одной игре. Только некоторые сидят за карточным столом, а остальные позволяют тасовать себя в колоде.

...Кажется, клуб должен располагаться где-то здесь, поблизости.

Точно! Фары корейского джипа выхватили из темноты кривую стрелу указателя, намалеванную на стене дома. Теперь надо аккуратно протиснуться между соседними зданиями и заехать во двор...

Припарковать машину прямо напротив входа не удалось — ничего похожего на VIP-стоянку для посетителей здесь не было предусмотрено, а небольшое пространство перед парадными, асфальтовая дорожка и даже чахлые городские газоны оказались плотно забиты разнообразным транспортом, принадлежащим обитателям соседних домов.

Синоптик медленно покрутился по двору, стараясь не зацепить края водосточных труб, выступающие в самых неподходящих местах, и машины, настороженно подмигивающие красными точками сигнализации, и, в конце концов, остановился прямо на выезде. Ничего страшного — вряд ли кто-то из добропорядочных граждан надумает прямо сейчас, посреди ночи, выезжать из дома.

Заглушив двигатель, Синоптик снова достал мобильный телефон и набрал номер сына.

На этот раз он отозвался практически сразу:

— Папа?

— Да. Я уже здесь. Я приехал.

— Подожди минуточку, сейчас выйду.

— Давай поскорее.

Люди обычно отличаются от зверей — если это не стоит им слишком дорого.

И все-таки обидно, что традиции профессиональных спецслужб уходят в прошлое. Неписаный кодекс чести, наивные правила честной игры... Это, на-

верное, оттого, что в шпионы полезли все кто ни попадя — журналисты, артисты, домохозяйки. Откуда же взяться культуре оперативной работы? Особенно теперь, когда всё измеряется в евро, долларах, фунтах стерлингов, и даже в неконвертируемых израильских шекелях и китайских юанях...

Ожидание начинало действовать на нервы.

Синоптик пошевелился и вспомнил — надо же...

А ну-ка, посмотрим.

Плотный бумажный прямоугольник почти не смялся в кармане брюк. И аккуратные, ровные строки, написанные почерком Синоптика, тоже никуда не исчезли.

«...Сынок, я давно уже пришел к выводу, что суммарное количество разума на планете — величина постоянная. А население планеты все увеличивается и увеличивается, понимаешь? Да, и вот еще что. Для того чтобы считать себя мужчиной, вовсе не достаточно только ходить в туалет с соответствующей буковкой на двери. Необязательно носить погоны, чтобы считаться солдатом. И необязательно быть солдатом, чтобы уметь умирать. К тому же...»

Текст загадочного послания, адресованного его сыну, обрывался на середине обратной страницы. И Синоптик вдруг понял, что многоточие в конце фразы таит в себе куда больше неприятных неожиданностей, чем все другие знаки препинания.

Интересно... Письмо не дописано и не подписано.

Мысли умные вдруг иссякли?

Паста в шариковой ручке высохла?

Или закончилось время, отпущенное Основателем?

Синоптик опять набрал последний номер, сохранившийся в памяти телефона:

— Алле, сынок?

— Да, папа, да, я иду...

— Не выходи, не надо.

— Что? Слушай, папа, здесь шумно, я что-то не понял...

— Сиди на месте! Я перезвоню.

Синоптик поднял глаза и увидел большую темную автомашину с тонированными стеклами, неторопливо заполнявшую собой единственный проезд между домами.

— Однако быстро вы меня нашли, ребята...

Оказавшись внутри, во дворе, перед клубом, автомашина замерла на некоторое время — как хищный зверь, которому перед началом удачной охоты необходимо прислушаться и принюхаться к окружающей обстановке.

Потом из машины, почти одновременно, вышли трое.

Водитель, худощавый мужчина лет тридцати пяти, был одет в неприметную черную куртку и джинсы. Половину лица его закрывали солнцезащитные очки, которые в три часа ночи смотрелись нелепо и одновременно угрожающе.

Второй — тот, что сидел за водителем,— выглядел лет на десять моложе. Крепко сбитый, со сломанной переносицей и настороженными злобными глазками, он был одет так, чтобы ничто не стесняло движения,— в грязно-зеленую брезентовую ветровку и широкие шаровары. На голове у него темнела

повязка, но не с арабской вязью, как у ваххабитов, а с переплетенными белыми веточками.

Третий, выбравшийся через заднюю дверь автомобиля последним, тоже намотал на голову повязку с эмблемой экологического движения — и это, пожалуй, всё, что Синоптику удалось разглядеть при ночном освещении.

«Прокололись,— по многолетней привычке оценивать действия подчиненных подумал Синоптик,— грузовик-то с реквизитом еще в Питере... Значит, нацепили образцы, бараны...»

Тем временем трое мужчин уже быстрым шагом направились к джипу.

— У попа была собака...

Как писал один умный еврей, в этой жизни можно быть только попом. Или собакой. Или куском мяса. Четвертого не дано.

Синоптик увидел, как водитель на ходу поправляет под курткой ремень кобуры.

Спохватился, достал пистолет и привычным движением загнал патрон в патронник...

Он не любил стрелять первым.

Но иногда просто не остается выбора...

Глава седьмая
СТАРЫЙ ЕВРЕЙ

«Надо было захватить зонт... И теплую одежду. После ближневосточной жары здесь довольно прохладно».

Юрий Яковлевич поежился от холода и посмотрел на затянутое грозовыми тучами ленинградское небо. Да, не питерское, а именно ленинградское. Он так и не смог привыкнуть к новому имени Северной столицы и, видимо, уже не привыкнет.

Легкую рубашку-бобочку уже можно отжимать. Хорошо, догадался вместо привычных сандалий надеть ботинки. Все-таки заграница, надо соответствовать...

Он добежал до огромного тополя, мощная листва которого немного сдерживала дождевую воду, и осмотрелся. Штамп «всё изменилось до неузнаваемости» вряд ли передал бы увиденное. Если отбросить фасадный тюнинг, улица в целом сохранила свои прежние черты. Те же здания, те же газоны, та же церковь на перекрестке. Конечно, сменились вывески. Вместо советского «Гастроном» над козырьком витрины теперь светится «Петровский Банк», а в обычную квартиру на первом этаже вселился салон красоты. С крыши дома с колоннами исчез лозунг «Пятилетку — за три года!». Время в тогдашней России, вернее, СССР измерялось в пятилетках — от съезда до съезда. Социалистический календарь. Интересно, а сейчас какой-нибудь есть? От выборов до выборов, например? Или от кризиса до кризиса?

© А. Кивинов, 2010

Ночное освещение, вопреки ожиданиям, оказалось на уровне. По крайней мере здесь, на Большом проспекте Васильевского острова. Транспорта не так много, оно и понятно — будничная ночь плюс погода. Нормальные люди по домам сидят.

И на удивление чисто. Ни пластиковых бутылок на тротуаре, ни пакетов с мусором, выброшенных из окон, ни сломанных бельевых прищепок, которых на улицах его района в Иерусалиме великое множество. Впрочем, здесь центр, на окраинах наверняка гораздо грязнее.

Ловить такси не имело смысла — ехать всего пару кварталов. Никто, наверное, не повезет. Да и денег ни копейки шекелей, как говорит сосед Юрия Яковлевича по лестничной площадке, эмигрировавший в Израиль из постсоветской Одессы. Бумажник остался в пиджаке. Забыл от волнения. А возвращаться рискованно: Основатель не обмолвился о количестве попыток.

Юрий Яковлевич протер носовым платком намокшие линзы в очках, приставил ладонь ко лбу наподобие козырька и, прижимаясь к стене дома, где было посуше, устремился вперед, по направлению к гавани.

Через пару минут быстрой ходьбы он вновь остановился, но не потому, что устал. По мере приближения к цели ноги превращались в поролоновые, словно у путника, дошедшего по пустыне до оазиса, но вдруг понявшего, что это даже не мираж, а брошенные декорации к голливудскому фильму.

Заныло плечо — последствие осколочного ранения. Оно всегда начинало болеть, когда он волновался. И сердце постукивает не столько от усталости, сколько от возбуждения. Не притормозило бы... Волноваться никак нельзя, прошлогодний инфаркт был первым звоночком. А как тут не волноваться?

Спокойно, спокойно... Возьми себя в руки. Случались переделки и посерьезней. Граммов сто крепкого алкоголя, кстати, сейчас бы совсем не помешали.

Он ощупал карманы брюк. Ключи от машины, носовой платок. О, несколько монеток примерно на десять шекелей! Значит, не совсем пропащий. Плохо, паспорта нет. Заберут в полицию — попробуй объясни, что ты не нарушитель визового режима и не шпион, а просто ищешь смысл человеческого существования, а в Ленинград попал через дверь. Окно — в Париж, дверь — в Ленинград, газопровод — на Украину... Оказаться в местной психиатрической клинике или тюрьме хотелось меньше всего.

Он посмотрел вперед. Сразу за поворотом, на противоположной стороне улицы, нужный ему дом. На нулевом, вернее, первом этаже там когда-то располагался магазинчик политической литературы, где продавались труды основоположников марксизма-ленинизма. На стеклянной витрине тогда светился тройной профиль «Маркс—Энгельс—Ленин» обрамленный, словно нимбом, надписью: «Вперед, к победе коммунизма!», и возвышалась пирамидка из запылившихся и выгоревших на солнце брошюр с работами вождей мирового пролетариата, что говорило об отсутствии спроса на товар и убыточности заведения. Но у лавки в то славное время был богатый хозяин, не переживавший из-за подобной ерунды.

В студенчестве Юрий Яковлевич несколько раз заходил в магазинчик. Покупал ленинские статьи для последующего конспектирования. Обязательный пункт учебной программы. Однажды прикололся и шепотом спросил у пожи-

лой женщины-продавца, нет ли последней книги Солженицына. Та так же шепотом, посмотрев по сторонам, предложила зайти через два дня. Заходить Юрий Яковлевич не рискнул. Могла ждать засада.

...Нужно взять себя в руки, продумать линию поведения. В таком виде идти нельзя. Успокойся, ты солидный человек, а не сопливый студентишка. Кстати, студентишкой быть лучше.

Он сделал глубокий вдох, свернул за угол и... застыл на месте от увиденного. Да тут не один инфаркт заработаешь!

В том же магазинчике, в той же витрине светился неоном тот же тройной профиль вождей! И тот же нимб призывал к победе коммунизма! И те же книги пылились за стеклом!

«Может, Основатель не так понял и вернул меня в прошлое?! Дьявол, наверное, я не так сформулировал задачу! Мне совсем не надо в прошлое!»

Самое любопытное, что черная дверь в магазин была приоткрыта. А из-за тяжелых оконных штор пробивался свет. Кстати, сколько сейчас по местному времени? В Иерусалиме полночь... Значит, здесь час ночи. Неужели в час ночи кому-то нужны ленинские труды?

На несколько секунд Юрий Яковлевич даже забыл о цели своего экскурса, если его можно так назвать. Перешел улицу, взялся за ручку двери. Прислушался.

И вновь продолжается бой!
И сердцу тревожно в груди!
И Ленин такой молодой,
И юный Октябрь впереди!

Кажется, это Кобзон... В смысле, поет... И на фоне песни — шершавый голос дорогого Леонида Ильича: «Политика разрядки международной напряженности, проводимая Советским Союзом, чмок-чмок...»

За дверьми оказался квадратный предбанник, освещенный тусклой лампочкой необычной, бочкообразной формы. Бог мой, это же лампочка Ильича!.. Слева, на зеленой стенке, золотистый барельеф самого Вождя, справа — пожелтевший разворот «Правды» за 1967 год. Над вторыми дверьми — популярнейший лозунг развитого социализма «Слава КПСС!». Пахло, правда, не социализмом, а ароматным шампунем. Прямо как у них в Иерусалиме перед Шаббатом, когда жители намывают подъезды.

«Что за чертовщина?! Мне не нужен 1967 год!.. Интересно, а та женщина-продавец тоже здесь?»

Юрий Яковлевич стряхнул с рук дождевую воду и осторожно вошел внутрь книжной лавки.

Вместо прилавка теперь стояла небольшая барная стойка. В полутемном торговом зале несколько пустующих столиков. В качестве скатертей — ярко-красное сукно. Старорежимные графины и граненые стаканы. На стенах — портреты членов Политбюро. На специальных полочках — знакомое темно-синее собрание ленинских сочинений. В дальнем углу — гипсовый бюст Вождя. А над дверьми в туалет — бичующий плакат середины семидесятых — «Позор израильской военщине!».

Бармен, мужчина лет пятидесяти, облаченный в темно-зеленый френч времен НЭПа с гвоздичкой в петлице, не отрываясь, смотрел по черно-белому «Рекорду» выступление товарища Брежнева на каком-то съезде.

Сразу за дверьми на стульчике кемарил еще один человек, лет на десять помоложе. В строгом черном костюме. При появлении Юрия Яковлевича он проснулся и придирчивым взглядом чекиста осмотрел гостя. Не заметив ничего подозрительного, опять закрыл глаза, погрузившись в сон.

Больше в заведении никого не было.

Бармен, заметив посетителя, убавил звук у телевизора плоскогубцами — бегунок на панели был сломан. Затем улыбнулся.

— Доброй ночи... Проходите... Выпить, закусить?

До Юрия Яковлевича наконец дошло — в магазине теперь располагался бар.

— Шолом... То есть... Здравствуй,— едва слышно ответил он, на израильский манер сразу перейдя на «ты».— Здесь ведь раньше магазин был, верно? Книжный.

— Ну, может, когда-то и был... До нас тут турфирма базировалась. Теперь вот мы...

Юрий Яковлевич нерешительно подошел к стойке. Бармен тут же положил перед ним обычный тетрадный лист с написанной от руки шапкой «Прейскурант». Дальше, также выведенный от руки, шел перечень блюд и напитков. Глаз успел выхватить коктейль «Слеза комсомолки» и салат «Субботник в Кремле». Цены, однако, были совсем не социалистическими. Сколько стоила советская поллитровка, гость помнил прекрасно. Да и как можно забыть то, что впиталось с молоком матери? Фигурально, конечно, выражаясь...

Мужчина во френче ждал, не снимая с лица капиталистической улыбки. Вряд ли в годы застоя официант ресторана вот так же улыбался гостю. Историческая неточность, однако.

— Да я, в общем-то... Просто мимо шел.— Юрий Яковлевич вновь растерянно оглядел интерьер.— Погода не очень...

— Ничего страшного! Главное, ведь зашли... Как обстановочка? — Бармен кивнул на зал.

— Необычно... А это... По убеждениям? Или...

— Или,— понял вопрос бармен,— хозяина идея. Он, между прочим, бывший секретарь райкома комсомола. Туристам нравится. Особенно эмигрантам. Многие даже плачут. Отзывы в книге оставляют. А чем еще народ завлекать? Сиськами голыми? Так они уже надоели. А здесь ностальгия... Для души... Сейчас вот приходится по ночам работать. Кризис.

— Что-то с народом не очень... Кажется, я единственный.

— Это из-за погоды. Штормовое предупреждение передали. Даже град обещали. А то и снег. С погодой тоже кризис.

— А Брежнев настоящий? — Юрий Яковлевич указал на телевизор.— Не компьютерный?

— Разумеется! Шефу кассету перегнали на телевидении за штуку баксов. И то по большому блату. Интересно, между прочим, рассказывает. Я даже заслушался про разрядку напряженности...

— Если бы в семьдесят первом кто-нибудь сказал, что в будущем записи с речью дорогого Ильича будут пользоваться таким спросом, я таки обозвал бы его лжецом и устроил дебош.

— Ну, будущее невозможно предугадать. Но одно могу сказать совершенно четко — даже самые страшные трагедии со временем служат темой для анекдотов.

— Да, случается,— Юрий Яковлевич взял с ближней полки томик Ленина, развернул и вслух прочитал заглавие: — «Детская болезнь левизны в коммунизме». Надо же... Я думал, муляж.

— Обижаете,— развел руками бармен.— Правда, из-за этого проблем много.

— Почему? Власти притесняют?

— Властям по барабану... Гости книги воруют! Представляете? Они двадцать лет назад никому не нужны были, а сейчас их воруют! А попробуй достань на замену! Дефицит! Как копченая колбаса в восьмидесятом. Я бы знал, лет двадцать назад прикупил бы пару фургонов. А сейчас бы бизнес сделал.

— Лампочка тоже ленинская? — Гость кивнул на предбанник.

— А как же! — с нескрываемой гордостью ответил бармен.— У музея выкупили несколько штук. Пришлось трансформатор ставить, чтобы не перегорели... А телевизор вообще еле-еле нашли. Раритет. Дороже плазменной панели.

Он с нежностью протер мутный кинескоп салфеткой. Потом, вспомнив о прямых обязанностях, кивнул на меню:

— Ну как? Выбрали?

— Дело в том,— спохватился Юрий Яковлевич, похлопав себя по карману,— я оставил бумажник в гостинице. Хотел просто прогуляться, а тут дождь... Есть только десять шекелей мелочью.

— Шекелей? Это Израиль, кажется? — Бармен бросил взгляд на плакат про военщину.

— Да, верно... Я турист. Раньше здесь жил. В Ленинграде.

— Я догадался... Акцент... Шекель — это сколько в рублях?

— Можно посчитать... Сейчас доллар — три с половиной шекеля. Какой курс рубля?

— Утром был двадцать восемь.

Бармен профессионально щелкнул костяшками огромных счет, лежавших на стойке, и выдал результат:

— Восемьдесят рублей. На сто граммов «Столичной» хватит. А я потом у вашего брата, сиониста, поменяю.

— Я, вообще-то, не сионист.

При слове «сионист» спящий у дверей мужчина встрепенулся, открыл глаза, но, не заметив ничего подозрительного, опять уснул.

— Фээсбэшник,— шепотом пояснил бармен.— Действующий, между прочим. Подхалтуривает у нас вышибалой. Неофициально. Под легендой вербовки туристов.

— ФСБ — это бывшее КГБ?

— Ну... А в вашем Моссаде халтурят?

— Не знаю,— растерялся «сионист»,— вряд ли... Им и так неплохо платят.

— Эх,— вздохнул мужчина,— с чего начинается родина... Ну что, наливать?

— Наливай,— Юрий Яковлевич положил на стойку мелочь.

Бармен достал из холодильника бутылку «Столичной» со знакомой золотисто-красной этикеткой, свернул пробку. Не целясь и не пользуясь мерной мензуркой, налил в граненый стакан ровно сто граммов. Со словами «от заведения» положил на стойку ириску.

Юрий Яковлевич взял стакан и сел за дальний столик. Время терпит, надо немного обсохнуть и собраться с мыслями.

Кобзона сменил Лев Лещенко, певший про Байкало-Амурскую магистраль. Интересно, ее достроили? Или медведи не дали?

Водка оказалась настоящей, как и книги, как Брежнев, как лампочка. Заведение держало марку. В Иерусалиме тоже можно было купить «Столичную», но стоила она там довольно дорого — все-таки импортный товар. Он предпочитал местную водку с нескромным названием «Голд».

Озноб почти сразу прошел. Оставалось привести в порядок мысли, что гораздо труднее.

Зачем он попросил Основателя перенести его сюда? Что хочет здесь увидеть, что хочет сказать?

Ей сказать...

Попросить прощения? Сослаться на обстоятельства? Так почему раньше не извинился? Ждал конца света? Неплохой повод.

Там, возле двери, он воспользовался старым еврейским постулатом — сделай, потом узнаешь результат. Ибо первый порыв, если он искренен, правильный. А сейчас прикидывал — не погорячился ли? И не стоит ли вернуться обратно, оставив всё как есть?

И, главное, что он хочет услышать?

В девяносто пятом, когда он приехал в Ленинград, у него была возможность увидеть ее. Не рискнул. И даже не стал выяснять у знакомых, как она живет. И с кем. Не так давно полазил по социальным компьютерным сетям, но ее нигде не нашел. Жива ли она вообще?

За окном сверкнула молния, и по стеклу ударил очередной залп дождя. Надо же, как тогда. В шестьдесят седьмом. Даже под дождь попал и промок насквозь. Не случайность, наверное. И не совпадение...

Это был сентябрьский понедельник. Их повезли на уборку картошки. Популярное развлечение для студентов и интеллигенции того времени. Весь первый курс Корабелки — кораблестроительного института. Безвозмездная шефская помощь социалистическому сельскому хозяйству. Чтобы зимой не умереть с голоду. Начертательная геометрия подождет, а советский желудок ждать не будет.

Загрузили студенчество в шесть автобусов — общественный транспорт на картофельные плантации не ходил. Часа полтора тряслись, травя анекдоты и тайком распивая портвейн из термосов. Пить в открытую не рисковали — это грозило отчислением и отправкой в армию.

На полях кураторы групп построили студентов и обозначили задачу. Каждому за смену сделать две борозды. Борозда начинается прямо у ваших ног, а

заканчивается в светлом будущем, то есть за горизонтом. Введение в начертательную геометрию. В качестве орудия труда — деревянный ящик. Наполняем — относим — берем новый — снова наполняем... Такой вот нехитрый алгоритм. Перевыполнить план можно, сделать меньше — ни-ни. Это предательство интересов Родины в момент противостояния с озверевшим империализмом.

Кураторы групп дали отмашку, студенты встали в позы крабов и нехотя поползли выполнять шефский долг. Наиболее предусмотрительные привязывали к спинам доски. И не зря — через час работы нежные студенческие позвоночники начинали просить пощады у хозяев. Но хозяева были непреклонны — план есть план.

Позвоночник Юрия Яковлевича, или тогда просто Юрика, тоже не отличался крепостью и выносливостью. К середине первой борозды студент корпусного факультета походил на ползущий по полю подбитый немецкий танк, толкающий перед собой деревянный ящик с клубнями. Разве что дыма из башни не было. Сосед по борозде предложил термос, но глоток алкоголя ослабил мучения лишь на несколько минут. В довершение всего, как по заказу, пошел холодный осенний дождь. Чтобы трудовой подвиг действительно выглядел подвигом. А Юра по юношеской беспечности даже не взял полиэтиленовую накидку. В итоге его легкая матерчатая курточка через десять минут превратилась в тяжелую, а на кеды налипло по пять кило грязи.

К дождю прибавился ветер, что грозило сделать подвиг последним. Воспаление легких, с трудом залеченное прошлой весной, могло дать рецидив. Однако студент честно выполнил нормо-план. Дрожа от холода, буквально зубами собрал последние клубни на борозде, ибо окоченевшие пальцы уже не слушались. Оставалось доползти до автобуса и вытянуть ноги. А завтра снова вернуться на поле боя.

И так целую неделю.

Но доползти до автобуса не дали. Вдруг выяснилось, что два несознательных студента с факультета машин и механизмов в обеденный перерыв переборщили с «чаем», потеряли управляемость и спикировали в автобус. В результате три борозды остались неубранными. То есть подвиг не состоялся. А что такое целых три борозды для такого города, как Ленинград? Это, можно сказать,— всё! Как он зиму перезимует?! Выход один: что одни не смогли — доделают другие.

Кураторы прикинули и решили разделить эти три борозды на две группы, работавшие по соседству. Корпусную и машинно-механическую. За полчаса управятся. В приказной форме решение было объявлено строю, омываемому нескончаемыми потоками дождя.

Никто, конечно, решению не обрадовался, но открыто не возмутился. Против плана в то чудесное время не попрешь — чревато статьей за антисоветскую деятельность.

Но один диссидент всё же отыскался:

— А с какой это стати мы должны за них доделывать? Завтра приедут и закончат.

— Кто это там недоволен? — взглядом снайпера, выбирающего жертву, посмотрел на студенческий строй куратор — бородатый преподаватель математики средних лет.

Недовольным был Юрик. Нет, действительно. С какой стати? Он еле на ногах стоит, мокрый до нитки, а те два орла в теплом автобусе дрыхнут. Ладно б ноги подвернули или температура была под сорок. А то напились! А ты за них лишние полчаса раком под дождем ползай! Где справедливость? Пускай завтра сами корячатся. Да и кураторы хороши. Одно дело, когда по-человечески просят, другое — вот так, в приказном порядке.

— Ну я...

Ответил без вызова, но достаточно громко.

— Ты кто у нас по фамилии? — Куратор еще не успел запомнить первокурсников.

Юрик представился.

— Я не понял,— тоже без вызова спросил математик,— мы учиться не хотим?

— А при чем здесь учеба? Это же не семинар, а картошка.

— При том, вьюноша, что служба в Советской Армии — почетный долг каждого гражданина. Вопросы есть?

Юра промолчал. С подобными убедительными и, главное, логичными аргументами не поспоришь.

— Кто еще имеет возражения?

Строй безмолвствовал. Хотя ни одному из присутствующих совершенно не хотелось доделывать чужую работу.

— Я...

Юрику показалось, что он ослышался. Но по одновременному повороту студенческих голов понял, что нет. Голос раздался из соседней, машинно-механической группы. И был он не мужским.

— Кто? — переспросил математик.

— Я...

Из второго ряда строя вышла высокая девушка в такой же легкой, как у Юрика, курточке и синих тренировочных штанах. На голове белая кепочка с пластиковым козырьком и торчащим из-под нее хвостиком. Сейчас такие называют бейсболками. На ногах матерчатые кеды с налипшей грязью. И, разумеется, как и студент-корпусник, она была мокрой до неприличия.

Когда протестует один, это недоразумение, когда двое... Аргумент с отправкой в армию в случае с барышней уже не прокатывал. Но восстановить конституционный строй было необходимо. Дабы болезнь не превратилась в эпидемию.

— Как фамилия? — по-прежнему спокойно уточнил куратор.

— Алехина...— Девушка виновато потупилась, словно стесняясь своей фамилии, и часто заморгала.

— Хорошо... Можете быть свободны... Вы тоже, молодой человек. Завтра в десять подойдете к Василенко.

Василенко был замом ректора по воспитательной работе, говоря по-армейски — замполитом. И, по слухам, весьма строгим. К примеру, бумага из мили-

ции о задержании студента, даже случайном, воспринималось им как личное оскорбление. После чего студент переставал быть студентом.

— Да,— словно вспомнив, добавил математик,— автобус предусмотрен только для тех, кто работал. Всего доброго... Начинаем!

Последняя реплика была обращена к остальной аудитории. Студенты вяло распределились вдоль борозд и заняли г-образные позы.

Юрик растерянно переглянулся с поддержавшей его девушкой. Это что ж, им теперь до города своим ходом добираться? И что значит не работали? Они ж норму выполнили! Да и на чем отсюда уедешь? К тому ж у него в кармане мок единственный пятачок на метро.

Но канючить пощады он не собирался. Начал бастовать, так иди до конца, а то не протест это, а демагогия. Потом уважать перестанут.

— Да и пожалуйста... Сами доедем.— Он повернулся к девушке: — Ты со мной?

Она молча кивнула, ибо тоже, видимо, решила идти на принцип.

Юрик сбегал к автобусу и спросил у водителя, как добраться до города.

— Километра четыре до станции. Вон по той дороге. Там на электричке до Варшавского вокзала. А зачем тебе? Я же довезу.

— По идеологическим соображениям. Слава КПСС!

Он кивнул девушке, и они побрели через картофельное поле к раскисшей от дождя грунтовке.

— Тебя как звать?

— Варя... Варвара...

— Я Юра... Юрий. Как Гагарин.

Вообще-то, он обратил внимание на нее еще в автобусе, по дороге из города. Она спала на впереди стоящем сиденье, прижав голову к стеклу. И как-то по-детски улыбалась во сне. И была очень симпатичной. Во время работы Юра периодически поглядывал на сокурсницу и даже немного ревновал, когда какой-нибудь из студентов заводил с ней разговор.

Четыре километра показались ему стометровкой. Сразу исчезла боль в спине, озноб, усталость. И даже перспектива оказаться в казарме не особо пугала. Он предложил ей свою куртку, но она отказалась.

Сначала они обсуждали случившееся. Варя согласилась с Юрой, что неправильно заставлять работать людей в такую погоду, да еще таким тоном. Одно дело, когда солнышко припекает, другое, когда мокрый, как собака в проруби.

Потом переключились на учебу и жизнь. Как и он, Варя была коренной ленинградкой, жила на Васильевском острове с родителями. Варварой ее назвали в честь бабушки, погибшей в блокаду. Поступила в корабелку, да еще на «мужской» машинный факультет по настоянию отца, полжизни проработавшего инженером на Балтийском судостроительном заводе, находившемся здесь же, на Васильевском. Захотел создать трудовую династию. Мама заведовала детскими кружками в заводском Доме культуры. Сама же Варвара любила историю, думала поступать в университет, но отец убедил, что история это не профессия. Ее можно изучать и так.

Юра поведал, что живет вдвоем с мамой, отец бросил ее, когда она была беременной, поэтому он его никогда не видел. В чью честь его назвали Юрием,

не знал. Мама — стоматолог в районной поликлинике. В кораблестроительный институт поступил по прозаическим соображениям. Это был ближайший технический вуз от их дома. Все-таки шесть лет ездить. Экономия времени и денег. Корабли же как таковые его не особо привлекали. В школе он увлекался химией и один раз даже сорвал контрольную, незаметно расплескав слезоточивый раствор.

— Но как же потом? — искренне удивилась Варя.— Чем ты будешь заниматься?

— Пока не знаю. Наверное, меня распределят в какой-нибудь НИИ или конструкторское бюро. У нас всех — одна дорога. К полной победе коммунизма. Прямая, безо всяких поворотов.

Далее перешли к музыке и книгам.

— А тебе нравится Лариса Мондрус? [1] — спросила Варя.

— Не очень. Я «Битлз» больше люблю. У них недавно пластинка вышла. По Би-би-си крутили. Я записать пробовал, не получилось. Глушат.

На окончание школы мать купила Юре бобинный магнитофон «Аккорд», большой дефицит по тем временам. Правда, не было хороших записей, приходилось довольствоваться эстрадой социалистических стран. Как-то, зайдя в музыкальный магазин, поинтересовался ради хохмы, нет ли пластинки Элвиса Пресли. Продавец, женщина средних лет, на всякий случай осмотрев товар, безо всякой иронии ответила: «Нет. Возьмите Леонида Утесова».

— А ты не боишься слушать Би-би-си?

— Ну я ж не на улице слушаю. Забираюсь дома под кровать, чтобы никто не видел.

Варя так очаровательно улыбнулась, что Юрик едва устоял на скользкой от дождя дороге. Коварное чувство под названием «влюбленность» уже начало расставлять на пути молодого человека опасные для здоровья ловушки.

— А я недавно у подружки на магнитофоне одну песню слушала. Песня так себе, но в певице что-то есть. Может, заметят. Она молодая совсем. Пугачева. Алла. Не слышал?

— Нет. Ни разу.

Денег на билеты у Вари тоже не оказалось. Кроме такого же пятачка на метро. Пришлось ехать зайцами, кредитных карточек в то время еще не придумали. Электричку ждали минут сорок, прыгая от холода по платформе. Когда отъезжали, увидели подходящую к станции толпу сокурсников во главе с математиком. Как выяснилось на следующий день, автобусы намертво застряли в грязи и самостоятельно выбраться не могли. Студенты отправились на станцию, а водители автобусов в правление совхоза искать тракториста.

По закону совести, электричку навестили контролеры. Вместо билетов Юрик и Варя показали студенческие билеты и по пятачку.

— С картошки едете? — спросила женщина-ревизор.

— Ага. У нас автобус сломался.

---

[1] Лариса Мондрус — популярная эстрадная певица конца шестидесятых, уехавшая в Германию.

Женщина устало махнула рукой и пошла дальше. Студенчество дохлое, что с них взять...

На вокзале Юрик благородно вызвался проводить Варю до дома. Чтобы узнать, как она отреагирует и заодно где живет. Варя не возражала. Последний пятачок ушел на поездку до ее станции. Ничего, в крайнем случае дойдет пешком — от Васильевского острова до конца Садовой не так и далеко. Особенно если бегом. И когда на душе праздник.

В десять утра следующего дня они были у замполита Василенко. Тот, выслушав историю, минуту-другую молчал, грозно нахмурив брови, затем велел отправляться на картошку. Тех двух студентов, нарушивших трудовую дисциплину, уже через две недели забрали в армию.

Вопреки опасениям, ни Юрик, ни Варя не простудились. И на другой день снова месили грязь на полях страны. Вместе убирая одну борозду.

...Юрий Яковлевич вздрогнул от очередного раската грома. Бармен по-прежнему увлеченно слушал Генерального секретаря, вышибала дремал на табуреточке. Остатки согретой ладонями водки в стакане терпеливо ждали.

Он посмотрел на потолок. Варя жила на третьем этаже. Прямо над магазинчиком. Квартира слева от лестницы.

Он понятия не имел, кто там живет сейчас. Был шанс, что она не сменила жилплощадь, но очень маленький. За месяц судьба человека может сделать непредсказуемый зигзаг, а уж за сорок лет... Конечно, он мог бы попросить питерских знакомых поискать ее адрес по компьютерной базе или еще как, но не решался. Точнее, боялся.

Но когда Основатель объявил свой приговор, первое, о чем он подумал,— так и невыполненное обещание вернуться. И другой возможности выполнить его больше не представится. Основатель не оставит шансов, это было понятно с самого начала. Кто мы такие, чтобы мир спасать? Обалденные авторитеты? Да он просто решил понаблюдать за ними, как ученые наблюдают за мышами, которым ввели смертельный препарат. Давайте, мышки, шевелитесь, у вас целых пять часов, а я записывать буду...

Даже если бы Основатель не угадал с фразой «Старый Еврей, сочувствую» и даже если бы не появилась дверь, Юрий Яковлевич поверил бы в реальность происходящего. Кто-то называет это шестым чувством.

Поэтому он решил вернуться. Как обещал.

...Он приехал к Варе вечером, чтобы наверняка застать дома. Квартирные телефоны в то время были большой редкостью, поэтому молодые люди не могли созвониться и договориться о встрече. Варя не удивилась его приходу, их отношения из детско-влюбленных давно переросли в серьезно-взрослые со всеми сопутствующими этому состоянию процессами. Она была его женщиной, он ее мужчиной. Документально-юридически закрепить этот факт они решили сразу после защиты дипломов. Самостоятельную семейную жизнь, сидя на шее у государства и родителей, начинать не хотелось.

Варя работала за кульманом, готовила чертежи для дипломного проекта. За окнами было еще светло — белые ночи, и свет она не включала.

— Чай будешь? — предложила она, сняв заколку и распустив свои чудесные черные локоны.

— Да... Хотя... Не надо...

— Что-то случилось? — догадалась Варвара по его рассеянному поведению.

Юра опустился на диван рядом с большим плюшевым зайцем.

— Варь... Нам дали разрешение...

Она нечаянно зацепила баночку с чертежной тушью. Тушь пролилась на паркет, но Варя не побежала за тряпкой.

— И ты... Уедешь?

Она знала ответ. Он был написан на мужественном лице ее мужчины.

— Я должен отвезти маму... Но потом вернусь... Как только ее устрою. Обязательно...

Вернуться назад было труднее, чем уехать. Эмиграция — это билет в один конец. Ведь он становился предателем родины. Которому нет прощения. И Юра знал об этом. Хотя не считал себя предателем. И не собирался никуда уезжать, если бы не мама.

Год назад у нее обнаружили опухоль в печени. Она созвонилась со старшим братом, Юриным дядей, живущим в Иерусалиме. Дядя с семьей перебрался туда в середине пятидесятых еще до разрыва дипломатических отношений между СССР и Израилем. Каким образом перебрался, мама не рассказывала, но, скорей всего, нелегальным или полулегальным. Дядя работал врачом в одной из клиник Иерусалима. Убедил, что у них лучшие в мире онкологические больницы, и, если действовать оперативно, можно надеяться на выздоровление и реабилитацию.

Но кто ж просто так отпустит простого советского человека, пускай даже еврея по национальности, в рассадник сионизма? Год мытарств в проверяющих инстанциях и затем «музыкальный» отказ — за отсутствием мотива. Болезнь — это не мотив, лечитесь в наших, советских, больницах, а не во вражеских государствах...

Поэтому мама подала документы на выезд по причине воссоединения с семьей. Включила в прошение и Юру. Брат, конечно, поможет на первых порах, но у него своих забот полно. Юра, как любящий сын, согласился. Хотя и не без раздумий и переживаний. Во-первых, жизнь в Союзе, в общем-то, его устраивала, а во-вторых, здесь была Варя. Поэтому он твердо решил, что после обустройства матери вернется назад. Каким образом, не знал, но вернется. Потому что Варю никто бы в Израиль не отпустил, а уезжать нелегально — навлечь беды на оставшихся родственников. Да и как нелегально уедешь? Не подземный же ход рыть под «железным занавесом»?

Юра не очень рассчитывал на удачу, многие годами ждали разрешения на выезд. Но в 71-м в Питере произошло незначительное событие, не освещенное в тогдашних СМИ. Так называемое «самолетное дело». Попытка угона самолета в Израиль. Заговор раскрыли, беженцев повязали прямо на аэродроме Ржевка, зачинщиков расстреляли, остальных отправили в лагеря. Всё вроде

бы хорошо, но осадочек остался. История просочилась в западную прессу. Советский Союз подвергли жесткой критике и пригрозили экономическими санкциями. Во избежание негативных последствий, осторожный Леонид Ильич велел увеличить квоту на эмиграцию в Израиль и упростить процедуру проверки.

Юра с мамой как раз и попали в эту квоту. Ну и мамины связи помогли — зубы надо было лечить и комитетчикам, и партийным функционерам. При этом, разумеется, эмигрантов объявили изменниками родины со всеми вытекающими последствиями, типа передачи квартиры в собственность государства, выплаты денег за «бесплатное обучение» в советских вузах и, разумеется, увольнения с работы.

Юру вызвал Василенко. Странно, но не набросился с порога, обвиняя в предательстве. Сначала выслушал. Узнав о причине отъезда, снова, как тогда, на первом курсе, долго хмурил брови. Потом достал из стола бумагу из райкома партии с напечатанной рекомендацией исключить студента-ренегата из комсомола, а следом и из вуза по компрометирующим мотивам. Таковых у Юры не имелось, учился он нормально, госэкзамены сдал, дисциплину не нарушал. Но при желании повод найти можно. Про комсомол и говорить нечего: за одну только мысль об отъезде во вражеское государство — билет на стол.

И самое обидное, что до защиты диплома оставался месяц. Невыполнение рекомендации райкома грозило Василенко, как минимум, лишением должности, а то и исключением из партии, что еще хуже.

— Значит, так... Диплом защищай. С комсомолом сам разбирайся. Лучше напиши заявление с просьбой исключить. Так будет проще и тебе, и секретарю.

Спустя годы Юрий Яковлевич узнал, что Василенко до последнего оттягивал время, заверяя райком партии, что вот-вот вышвырнет из института этого отщепенца. Умер он во время путча гэкачепистов. От инфаркта.

Маме же не дали уволиться по собственному желанию. Обвинили в злостном нарушении трудовой дисциплины. Но ей было уже всё равно.

Хорошо, хоть не травили в прессе.

— Когда вы... уезжаете? — еле слышно спросила Варя, переварив нерадостную новость.

— В августе. Самолетом до Вены, а там...

Она положила циркуль, села на диванчик и тихо заплакала. Юра присел рядом, обнял ее и прошептал:

— Я вернусь... Обещаю.

— Я буду ждать...

...Юрий Яковлевич допил водку. Бармен, заметив это, предложил:

— Может, еще? За счет заведения.

Гость отрицательно покачал головой.

— Вы откуда сами?

— Из Иерусалима.

— Нет, я в смысле — откуда уехали?

— Отсюда. Из Ленинграда.

— Ну и как? Не жалеете?

Юрий Яковлевич не ответил. Что тут ответить? Чтобы жалеть, надо знать, что было бы, если бы остался.

На первое время остановились у дяди Бори — так звали маминого брата. Врачи в Израиле зарабатывали неплохо, у дяди был собственный дом в престижном районе Иерусалима. Он выделил сестре одну из детских комнат. Договорился с клиникой и оплатил часть расходов на операцию. Остальную сумму внесла мама — практически все, что удалось выручить от продажи мебели, украшений, утвари, плюс накопления.

Но вопрос о собственном жилье оставался актуальным. У дяди своя семья, причем не маленькая. Знающие люди предложили вариант — публично заклеймить бывшую родину, поведать об ужасах, творящихся в Союзе, и, наоборот, воспеть прелести земли обетованной. Тогда сионистские организации помогут и с жильем, и с работой. Но Юра отказался. И не потому, что собирался вернуться. Он же не предатель. Хотя мысль о возвращении не оставил.

Узнав о намерениях племянника, дядя Боря провел с ним политинформацию.

— Во-первых, вернуться тебе не дадут. Как бы ты ни старался. Местным невыгодно — страдает авторитет, да и в Союзе ты теперь никому не нужен. Затравят. Смирись и живи спокойно здесь.

— Но я не могу! Там ребята, там Варя! Она ждет, я обещал! Как, кстати, в Ленинград позвонить?

— Послушай опытного в таких делах человека. Не мучай ни ее, ни себя. Не звони и не пиши. Совсем.

— Почему?!

— Это как болезнь. Чем больше запускаешь, тем тяжелее лечить. Поэтому надо резать сразу. Поверь, не ты первый, не ты последний. А она тебя поймет. Любовь на расстоянии — не любовь, через полгода обоим надоест.

— Но я же обещал! Она будет ждать! Мы же пожениться хотели!

— Сколько ждать? Десять лет? Пятнадцать? Я тебя умоляю. А мужчина должен быть при женщине.

Юра аж вздрогнул, представив, что Варя, его Варя, живет с кем-то другим.

— И еще один момент. Так сказать, политический. Ты же не хочешь, чтобы у нее или у ее семьи были неприятности из-за переписки с изменником родины?

— Я не изменник!

— Мы тут все изменники. А то, что неприятности будут, можешь не сомневаться.

— Но мне надо сообщить, что мы долетели, устроились,— не успокаивался Юра.— Дать ей наш адрес, наконец!

— Юрий, я похож на человека, который желает вам с мамой зла?.. Да, тебе больно, ей больно, но, если ты напишешь хоть слово, вам будет больнее в десятки раз. Видел бы ты, какие трагедии здесь случаются... Переболей. Тяжело первые полгода. Потом полегчает.

Дядюшка рассказал пару печальных историй из эмигрантской жизни, призывая думать не сердцем, а головой.

Если бы не аргумент о возможных неприятностях в Вариной семье, Юра не внял бы советам.

Первое время Варя снилась ему каждую ночь. И все сны заканчивались одинаково плохо. Они расставались, а он не знал ее адреса и номера телефона. Разыскивал ее, кричал от сердечной боли и просыпался в холодном поту...

Днем было легче, ибо времени на печальные мысли просто не оставалось. Всё время уходило на добычу шекеля насущного. Дядюшка помог с трудоустройством — Юру приняли в контору, занимавшуюся проектировкой яхт. Практически по специальности. По вечерам подрабатывал в местном супермаркете, выкатывая в зал тележки с товаром. Три раза в неделю ходил на курсы иврита. В банке взяли машканту — кредит на покупку квартиры.

Маму удачно прооперировали. Предстоял еще дорогостоящий курс химиотерапии, но, главное, она будет жить.

А через три месяца Юра познакомился с Зоей...

Дождь внезапно кончился. Видимо, грозовой фронт двигался с большой скоростью. В баре появились новые гости. Молодая парочка, скорее всего, студенты. Они взяли по одному стакану воды без газа, сели в темный угол, под бюст Вождя и принялись страстно целоваться.

«Как жаль, что я не родился на тридцать лет позже. Впрочем... У каждого времени есть свои минусы и есть свои плюсы».

Сорочка немного подсохла. Юрий Яковлевич поднялся из-за стола, подошел к стойке:

— Благодарю. У вас хорошая водка.

— Всегда рады,— улыбнулся бармен,— заходите.

Он вышел на улицу. До знакомого подъезда несколько шагов. Сердце опять принялось вырываться из грудной клетки, словно невинный узник из каземата.

«Спокойно, спокойно... Я просто спрошу у жильцов, не знают ли они про нее? Конечно, в час ночи это не совсем вежливо, но, если люди хорошие, войдут в положение. Извинюсь, скажу, что рано утром у меня самолет. Давай, не тяни, раз уж пришел...»

Он посмотрел на окна ее квартиры. В одном горел свет. Да-да, это ее окно, он не ошибается. Третий этаж, рядом с водосточной трубой. Однажды Варя захлопнула дверь, а родители уехали на Ладогу, кататься на байдарках. Службы спасения тогда не существовало, поэтому спасать положение пришлось Юре, благо, что окно не было закрыто. Забирался по трубе, без страховки. Забрался.

Дверь в подъезд оказалась с переговорным устройством. Не очень удачно. Могут просто послать. Но выбора не было. Раз свет горит, значит, не спят.

Он набрал номер Вариной квартиры, нажал колокольчик. После третьего звонка в домофоне послышался щелчок от снятой трубки и раздался немного взволнованный женский голос:

— Кто там?

— Простите, ради бога... Я ищу Алехину Варвару... Она жила здесь раньше.

Голос ничего не ответил, но замок двери загудел и щелкнул. Юрий Яковлевич толкнул дверь. Она открылась.

Подъезд оказался довольно чистым, видимо, здесь недавно делали ремонт. Вместо старых деревянных почтовых ящиков новые, металлические. Как и у них в Израиле, из ящиков, словно языки, свисает спам — рекламные листовки. Часть разбросана по полу. Но в остальном вполне пристойно. Кто-то даже поставил кадку с искусственной пальмой и повесил зеркало в раме. Перед ним Юрий Яковлевич остановился и посмотрелся в него. Мачо с лысиной. Красавец списанный.

Лифта в доме не было. Держась за старые деревянные перила, он поднялся на третий этаж. Вместо деревянной, обитой черным дерматином, вход в квартиру теперь охраняла металлическая дверь.

Когда он ступил на площадку, она приоткрылась, и из темноты квартирного коридора донеслось негромкое:

— Здравствуй, Юра...

...То «сочувствую», упомянутое Основателем, относилось к Зое.

Это случилось в ноябре 2002-го. Во вторник. Но сначала была цепочка мелких, вроде бы не связанных друг с другом событий.

Накануне Юрий Яковлевич проколол колесо на своей «мазде». Проколол до обидного нелепо — наехал на осколок выброшенной из окна пивной бутылки. Обычная местная практика. Нелепость была не в бутылке, а в том, что он поехал не привычным маршрутом, а решил немного срезать.

Пришлось тащиться в мастерскую, где добросовестный механик не просто поменял колесо, но и намекнул на проблемы с подвеской и шаровыми опорами. И, конечно, пообещал всё исправить за один день по вполне умеренной цене, ниже которой не отыскать во всем Иерусалиме

Юрий Яковлевич не отказался, подвеска действительно постукивала. Всё равно пришлось бы гнать машину в ремонт.

Утром они с Зоей собирались в центр, надо было купить подарок на день рождения племяннику, младшему сыну дяди Бори. Пришлось ехать на автобусе. Вообще-то, Юрий Яковлевич должен был съездить один, но Зоя решила составить компанию — у нее отменился урок с учеником, и появилось два часа свободного времени.

Народу в автобусе было довольно много — приближался час пик. Многие держали билеты в зубах — местная традиция, к которой Юрий Яковлевич так и не смог привыкнуть. За две остановки до рынка в переднюю дверь зашел мальчик с ранцем за спиной, явно ортодокс — облаченный в традиционную одежду и повесивший искусственные пейсы. На него никто не обратил внимания, ну мальчик и мальчик. Он не сунул билет в рот. Ни Юрий Яковлевич, ни Зоя вообще не видели его, они стояли на задней площадке.

Мальчик улыбнулся пассажирам, что-то прокричал на арабском, и через секунду в автобусе прогремел взрыв. Люди, стоявшие рядом со смертником, погибли на месте. Взрывной волной вынесло стекла, поранив прохожих. Пояс шахида, как потом выяснилось, оказался с металлической начинкой, рассчитанной на осколочные ранения.

Восемь убитых, более сорока раненых.

Юрию Яковлевичу, если можно так сказать, повезло. Он стоял за пластмассовой пластиной, ограждающей место кондуктора, которая и приняла на себя часть ударной волны. Лишь один осколок зацепил плечо да слегка контузило голову. А Зоя...

...Несмотря на протесты врачей, он прорвался в реанимацию. Ей сделали операцию, но шансов практически не было. Он сел рядом с женой и положил руку на ее бинты. Она уже отошла от наркоза и могла говорить. Вернее, шептать. Увидев мужа, она улыбнулась. А когда он начал ее успокаивать, говоря, что всё обошлось, и скоро ее выпишут, она неожиданно прервала его, едва слышно спросив:

— Юра... Ты по-прежнему любишь ее? Скажи, я не обижусь...

— С чего ты взяла?

— Ты несколько раз звал ее во сне. Я не говорила тебе...

Он погладил ее по руке и так же негромко ответил:

— Зоинька, я люблю только тебя...

Она еще раз улыбнулась и закрыла глаза. Юрий Яковлевич заплакал...

...Когда Основатель написал про ночь Накануне, он почему-то вспомнил Зою. Вернее, то идиотское проколотое колесо.

«Старый Еврей, сочувствую...» — отозвался Основатель.

Юрий Яковлевич даже не попытался вернуться в прошлое, чтобы спасти жену. Он сразу понял, что это невозможно.

Время необратимо.

От проколотого колеса не уйдешь...

— Ата бэ седер?

— Что? Прости, я не расслышала.

— Ой, извини... Это на иврите. Приветствие такое. Как дела, по-русски.

— А-а-а... Нормально... Проходи. Что ты встал в дверях?

Это была Варя. Конечно, сильно изменившаяся, но Юрий Яковлевич сразу узнал ее. Вместо прежних локонов до пояса теперь аккуратное каре. Но всё такие же длинные ресницы, не нуждающиеся в туши, всё такие же озорные и немного грустные глаза, та же родинка на правой щеке, всё тот же детский, не огрубевший за годы голос, такая же стройная фигура.

Варвара Алехина.

Невеста из прошлой жизни...

На ней был легкий сарафан, словно она не спала, а ждала кого-то. Он уловил легкий аромат ландыша, значит, ей по-прежнему нравились эти духи.

— Ну, проходи, проходи,— повторила Варя, отойдя в сторонку и включая свет.— Ну что ты как не родной...

Юрий Яковлевич совершенно не представлял, как себя вести. Он был готов к чему угодно, но только не к такому. Она не прыгнула ему на шею с криками радости и, наоборот, не вцепилась в лицо, проклиная. Не захлопнула дверь и

не произнесла киношного: «Ты?!» Варя вела себя так, словно они расстались не сорок лет назад, а на прошлой неделе. Самое удивительное, что она тоже его сразу узнала. Сразу, не вглядываясь в лицо — типа, где я могла вас видеть?

Он переступил порог, зашел в прихожую.

— Боже мой, ты же весь промок! Ночью обещали грозу, надо было взять зонт. Ступай в ванную, я сейчас посмотрю что-нибудь сухое. Да, тапочки под полочкой...

Она скрылась в дальней комнате, где когда-то жили ее родители. Юрий Яковлевич всё еще не пришел в себя. «Что происходит? Что с ней?» Он нагнулся, достал пару совершенно новых шлепанцев, прошел в ванную.

На полочке над раковиной стаканчик с одной зубной щеткой. На вешалке желтый халатик, на стиральной машине косметичка, футляр от очков и старый дамский журнал. Никаких следов мужского присутствия.

Она приоткрыла дверь и просунула туда клетчатую рубашку с коротким рукавом и синие тренировочные брюки:

— Возьми. Это Артура. Он примерно твоей комплекции, должно подойти. Вещи чистые. А свои повесь на сушилку.

«Артур... Что еще за Артур?»

Он развернул рубашку. Действительно, почти его размер. Переоделся. Все ещё по инерции, не приходя в сознание, как говорят доктора. Повесил свои вещи на сушилку и с опаской вышел из ванной.

— Я здесь,— донесся голос из кухни,— проходи.

Она заваривала чай. На столе уже стояли две чашки, сахарница и неразрезанный ореховый тортик. Когда-то он любил такие... Вместо прежних полок с утварью теперь аккуратные мебельные ящички. Всё выдержано в едином стиле, даже занавески подобраны. Ремонт делал человек со вкусом. Чистота и порядок. Не на месте лишь кулинарная книга «Если к вам неожиданно пришел Барак Обама», брошенная на микроволновку.

— Садись, грейся... У меня есть рябина на коньяке. Кажется, она тебе нравилась. Будешь?

«Бог мой, она помнит, что мне нравилось!» Действительно, в советское время это был весьма уважаемый у гурманов ликер, не обошедший стороной и Юрия Яковлевича.

Варя достала из одного из ящичков запечатанную бутылку с винтовой пробкой и пару рюмок. На бутылке чернела знакомая этикетка с гроздью рябины и медальками — призами за победы на выставках. Где она откопала такое? Это же настоящий артефакт. Коллекционеры телефон оборвут, если узнают...

Юрий Яковлевич скрутил пробку, поднес горлышко к носу. Она самая. Рябина на коньяке, родная, «из страны Оз». Настоящая. «Если к вам неожиданно пришел бывший жених».

Он вдруг вспомнил, что заявился с пустыми руками, не захватив никакого подарка, даже цветочка. Впрочем, до подарков ли ему было?

— Ты пьешь зеленый чай? Мне подруга из Китая привезла. Очень вкусный.

Неужели у нее нет более актуальных вопросов? Например, как он здесь оказался и вообще как он сам? Стоп! А может, у нее психологический шок от

встречи? Такое случается. Не знаешь, за что хвататься, что спросить. Да, наверное, шок. У меня самого шок.

— Я пью зеленый чай.

— Ну и отлично.

Она разлила по чашкам светло-желтый напиток.

Юрий Яковлевич подумал, что ему было бы комфортней, если бы Варя плеснула этим чаем ему в лицо, обозвала подлецом и спросила: «Зачем приперся, старый маразматик?» Речь, разумеется, шла о душевном комфорте. По крайней мере он был готов к взрыву эмоций, он бы всё понял. А здесь?.. Про какую-то китайскую подругу объясняет.

— Я не разбудил тебя?

— Нет, что ты... Я никогда рано не ложусь. На работу только к двенадцати, я высыпаюсь.

— К двенадцати? Так поздно?

Кажется, он тоже немножко сбрендил от происходящего. Несет какую-то не относящуюся к делу чепуху. Да, встречу с Варей он представлял несколько по-другому.

— У нас плавающий график,— буднично ответила она.

— Где «у нас»?

— В редакции. Я работаю в небольшом издательстве. Мы специализируемся на исторической литературе. Объемы небольшие, но на жизнь хватает. В институте было хуже... Бери торт. Он свежий.

Она подала ему серебристую лопатку.

— Спасибо... В институте?

— Да. НИИ. Он развалился пять лет назад. Сейчас там одни офисы. И те тоже развалились из-за кризиса. Даже обидно. Я в него после корабелки пришла. Такая была мощная контора. И ничего не осталось.

Он вспомнил, что она увлекалась историей. Надо же. Все-таки устроилась по призванию.

— Ты, случайно, никого не ждешь? — Юрий Яковлевич пока не притрагивался к чаю, боясь расплескать его от волнения.— Торт свежий, сарафан вот...

— Ну конечно жду,— улыбнулась Варя,— тебя... Ты же обещал вернуться.

Ага, это уже ближе к теме. Подколола. Еще немного, и всё встанет на свои места.

— Извини... Задержался немного.

— Ничего, я всё понимаю. Это же не на соседнюю улицу сходить.

В ее голосе не было ни намека на иронию. Хотя в этом и есть высокое мастерство артиста.

— Ты почти не изменился...

— Ты тоже... У тебя не найдется закурить? — вдруг спросил он.

— Я, вообще-то, не курю, но Артур оставил свои сигареты. Погоди.

Варя ушла в комнату. Второй раз она упоминала какого-то Артура. Что за таинственный субъект?

Она принесла раскрытую пачку «Винстон-лайт», положила крышечку от банки вместо пепельницы. Юрий Яковлевич тоже не курил, после инфаркта

врачи категорически запретили. Только в особо тревожных случаях. Чтобы взять себя в руки.

— Как ты устроился? Расскажи.— Варя села напротив, подперев голову ладонями.

— Я... Нормально... Скоро на пенсию выйду.

— А где живешь?

— В Иерусалиме...

— Ух ты! Ну, рассказывай, рассказывай.

— У меня своя квартира. На улице Авраам Альмалиах. Очень красивая улица. По одну сторону дома́, по другую сплошные заросли кустов и русло высохшей реки. Одним концом она упирается в шоссе. На нем тихо разве что в Шаббат, да и то не всегда. С другой стороны улицы теннисный центр, а еще дальше стадион «Тедди», где играет местная футбольная команда «Бейтар». Принадлежит, кстати, нашему... вашему соотечественнику... В дни игр там такое творится! У меня угловой дом. Четыре этажа. Я живу на последнем. Мои окна выходят на сосны. Они растут рядом с детской площадкой перед домом. Чуть подальше, за шоссе, заброшенный сад, по нему гуляют косули, но их никто не трогает, представляешь...

Юрий Яковлевич постепенно успокаивался. Даже отпил чая.

— А с кем ты живешь? — перебила Варя.

— Сейчас один... Сын с женой и дочкой уехал в Канаду в 2003-м. Там поспокойней. Но он прилетает два раза в год, постоянно звонит... У него неплохой бизнес. По строительной части. Сейчас, правда, не очень — тоже кризис. Но он не унывает... Мама умерла еще в семьдесят пятом, ее так и не смогли вылечить. А Зоя погибла. Теракт.

Он не стал уточнять, что Зоя это жена.

— Бедненькая... Жалко как...

И вновь это было сказано безо всякой издевки.

Он обратил внимание на фотографию в рамке, стоящую на холодильнике. Варя с молодым парнем лет тридцати. Парень обнимает Варю за плечо. Ей на фото около пятидесяти.

— А ты как?

— Тоже нормально... Здоровье, тьфу-тьфу, в порядке. Давление иногда скачет, это от мамы досталось. Она с ним мучилась...

— Мама жива?

— Умерла два года назад... А папа в девяностом. Обширный инфаркт... Ой, мы ж про «Рябину» забыли. Наливай.

Юрий Яковлевич потушил сигарету, разлил ликер:

— За встречу.

Они выпили. Да, это был тот самый, забытый вкус. Всё по-настоящему.

Варя начала что-то рассказывать про сокурсников. Юрий Яковлевич уже никого не помнил, поэтому слушал не особо внимательно, размышляя о своем.

Да, он представлял их встречу совершенно по-другому. Всю израильскую жизнь ему снилась эта встреча. Иногда он встречал Варю случайно, в каком-нибудь людном месте и пытался извиниться... Иногда видел во сне институт, куда его почему-то отправили на курсы повышения квалификации, и он встре-

чал ее в аудитории. Она была одета в «картофельную» матерчатую курточку, тренировочные брюки, кеды и белую шапочку с козырьком. И никогда не старела.

И самое любопытное, что ее поведение в его снах было примерно таким же, как наяву. Ни малейшего упрека, никаких обвинений. Спокойный разговор, будто они видятся каждый день.

Сегодня она даже не поинтересовалась, как он оказался в Ленинграде. Почему пришел к ней ночью. Неужели это ее не интересует?

Но самое главное было в другом. Юрий Яковлевич поймал себя на мысли, что все эти сорок лет подсознательно думал о ней. И не потому, что хотел извиниться. А потому, что это была его единственная женщина... Первая. И единственная... Живя с Зоей, он постоянно спрашивал себя, счастлив ли он. И приходил к неутешительному выводу, что лишь пытается внушить себе это. Вернее, уговорить.

У него в Иерусалиме был знакомый художник. Лет сорока от роду. Рисует портреты туристов. Ну и серьезные картины тоже. Вполне состоялся, устраивал свои выставки в местном зале. Нормальный мужик, без задвигов. Кроме одного, по личной части. Лет двадцать назад посмотрел фильм с Софи Марсо, француженкой. И сбрендил. Заявил, что другой женщины ему не надо. И никаких возражений слушать не желает. При этом понимает, конечно, что никогда ее даже не увидит вживую. Понятно, когда девчонки сопливые в звезд эстрады влюбляются. Так это с годами проходит. А здесь взрослый мужик! И не проходит! Уж и Софи Марсо далеко не та, что в молодости, ан нет! Это моя женщина! Единственная и неповторимая.

Так и Юрий Яковлевич... Глупость вроде полная... Или не глупость?

— Хочешь еще? — Варя кивнула на пустую чашку.

— Нет... Спасибо... Варь... Я виноват перед тобой.— Он вдруг почувствовал себя не уважаемым человеком предпенсионного возраста, а робким первокурсником.— Но... Это жизнь...

— Почему ты виноват? — совершенно искренне спросила она.— Что-нибудь случилось?

Ну да. Уехал, бросил невесту и даже весточки не прислал.

— Ну... Я не писал тебе... Хотя мог... И не позвонил. Думал, так будет лучше.

— Господи, я же всё понимаю. Ни в чем ты не виноват. И потом... Ты же вернулся.

Снова подколка? Не похоже.

Он хотел признаться, что уже приезжал в Ленинград, но не рискнул. Варя могла расстроиться. А ему очень не хотелось, чтобы она расстраивалась.

И что дальше? Увидел? Извинился? Облегчил душу? До свидания...

Но ему совершенно не хотелось уходить. И еще ему показалось, что он вообще никуда не уезжал. Вот сейчас на кухню зайдет Варина мама, он, как всегда, стеснительно вскочит и поздоровается. Мама спросит, как сессия. Он ответит — успешно. Потом она упрекнет Варю, что та не погладила свою юбку, а Варя прошепчет: «Можно об этом потом?..» Когда мама уйдет в комнату, они начнут целоваться. В результате убежит кофе.

— О чем ты задумался? — прервала его воспоминания Варя.

— Мне кажется, я никуда не уезжал,— негромко признался он.

— Мне тоже так кажется.

— Кто это? — Он показал на фотографию в рамке.

— Артур. Сын.

— Твой? — от волнения задал идиотский вопрос Юрий Яковлевич.

— Наш...

Она вновь ответила так спокойно, будто он спрашивал ее о прогнозе погоды на завтра.

— В ка... каком смысле — наш? — чуть не поперхнулся Юрий Яковлевич.

— В прямом... Мой и твой. Он родился через семь месяцев после вашего отъезда.

Да-а-а... Ночь Накануне продолжала преподносить сюрпризы. Сын! Его сын!

Нет, не может быть, она просто решила его разыграть!

Он пригляделся к фотографии. Нет, не розыгрыш... И не фотомонтаж. Похож, очень похож. На отца. На Юрия Яковлевича.

Как же так?! Почему она ничего не сказала?! Почему хотя бы не позвонила?! А, ну да... Куда звонить?

— Что с тобой, Юра?

— То есть... Это мой сын?

— Конечно... У тебя еще и внук есть. Десять лет. Игорек. Очень хороший мальчик. Жаль, что Артур уделяет ему так мало времени. А это неправильно, чем бы ни занимался.

— А чем он занимается? — спросил окончательно обалдевший новоиспеченный счастливый отец и дед.

— В милиции служит, представляешь? Да еще в криминальной. Уже майор. Можно ему позвонить.— Варя взяла трубку стационарного телефона, висевшего на стенке.— Хотя нет, не стоит... Он сегодня магазин охраняет. Зарплата у них не ахти, приходится халтурить... Пускай выспится. Пойдем, я покажу тебе фото Игорька.

— Да... Сейчас...

У него просто не было сил подняться. Да и у кого их хватит после подобных новостей. Сын, внук... Больше никаких сюрпрайзов? Может, еще внучка есть? Повторный инфаркт на подходе.

— Тебе нездоровится? Если сердце, у меня есть лекарства.

— Нет-нет... Всё нормально. Я еще выпью?

— Конечно. Ты сиди, я принесу альбом.

Она ушла с кухни. Юрий Яковлевич налил полную рюмку «Рябины», залпом выпил, схватил «Обаму» и несколько раз обмахнулся словно веером. Жарковато, однако...

Почему она ничего не сказала ему тогда, еще до отъезда? Не знала, что находится в положении? Ерунда, два месяца — не две недели. Ведь всё бы было по-другому!

Или нет? Да, он всё равно не вернулся бы, но он бы знал, что у него есть сын!

А если... Если она просто не захотела ему мешать начать новую жизнь? Не мешала завести семью, не заставляла разрываться между двумя домами?

Но при этом не начала новую жизнь для себя... И все эти годы...

Боже мой!..

Она все эти годы ждала его возвращения! Каждый день! Ждала, что в любую секунду он позвонит в дверь! Поэтому и встретила его спокойно, словно из длительной заграничной командировки. Поэтому и одета не в ночную рубашку, а в сарафан. И даже тапочки купила... И «Рябину» хранила на случай его возвращения.

Он же обещал вернуться. И она ждала. Как тот его израильский знакомый художник ждет Софи Марсо. И тоже, наверное, держит в домашнем баре какой-нибудь ее любимый напиток. И тапочки.

Сорок лет!

Да она просто ненормальная!

Или наоборот? Мы все ненормальные? Живем по принципу «Так надо, так положено, чтобы всё было как у всех». А она живет как хочется ей. Она хотела ждать его и ждала, ни на секунду не сомневаясь, что дождется. Кто бы и что бы ей ни говорил, покручивая пальцем у виска.

Варя вернулась на кухню с пузатым фотоальбомом. На первой странице их фотография. Черно-белая. На той самой картошке. Для институтской газеты. Она тогда раздобыла негатив.

...Варя листала альбом, давала пояснения, но он не слушал...

Он даже боялся представить, что может испытывать в момент встречи женщина, сорок лет ждавшая своего мужчину.

Юрий Яковлевич смотрел не в альбом, а на нее. И он увидел абсолютное счастье. Очень светлое и чистое. Которого стоит дожидаться даже сорок лет.

Основатель, ты спрашивал, в чем смысл человеческого существования? Может, в этом?

Основатель... Ночь Накануне...

Юрий Яковлевич вспомнил, почему он здесь, что завтра уже не наступит. И ее счастье будет таким коротким. А это неправильно. Совсем неправильно. И несправедливо.

— Варечка,— он взял ее за руку,— извини, мне надо ненадолго уйти. Просто я не успел закончить кое-какие дела.

— Дела?. Ночью? — Варя закрыла альбом и часто заморгала. Она всегда так моргала, когда волновалась.

— Да... Я потом всё объясню... Мне действительно надо уйти.

— Конечно, конечно... Юра... Но... Ты вернешься?

— Обязательно... Обещаю.

— Я буду ждать... Ой, погоди... Опять началась гроза. Ты снова промокнешь. Возьми мой зонтик.

— Спасибо... Я верну...

...Он бежал по Большому проспекту Васильевского острова в домашних тапочках, забыв, что врачи запретили ему нагрузки. В рубашке и брюках своего сына, сжимая в руке сиреневый в горошек зонтик. Он так торопился, что не стал переодеваться. Ничего, сейчас ночь, и его никто не видит.

Чуть не пропустил улицу, на которой находился дом с дверью. Немного отдышался и рванул ручку. «Спасибо, что воспользовались услугами компании „Основатель и К°",— самый быстрый в мире способ путешествий».

Через минуту он сидел перед монитором в своей квартире на Авраам Альмалиах и барабанил по клавишам.

...До конца света оставалось три с небольшим часа.

И Старый Еврей не мог его допустить. Потому что обещал вернуться.

И возвратить зонтик.

Глава восьмая
ПИЛОТ

Пилот открыл глаза и понял, что оказался возле параши.

В смысле, в туалете. Мужском. Явно общественном, судя по количеству кабинок, писсуаров и сидящему на кафельном полу малолетке с деревянным взглядом. Хотя, кто его знает, может, и в частных домах уже есть подобные отхожие места. С кабинками и с малолетками.

Заведение не отличалось изяществом дизайна. Что-то среднее между вокзалом и неблагополучной закусочной. Разве что почище да хлоркой не воняет. Темно-зеленые стены, простецкий кафель, трубы под потолком, пара раковин. Рядом с зеркалом намертво прибита картонка со схемой эвакуации при пожаре, огнетушитель и табличка с просьбой не забывать своих вещей и не употреблять наркотиков. Красная стрелка на схеме указывала на дверь, через которую сюда вошел Пилот. Надо же... Пожарный выход через мужской сортир. А почему не через женский? Дискриминация, нарушение прав...

Из-за второй, основной двери доносились монотонные напевы импортной попсы. Видимо, там шла дискотека или что-то подобное. Некультурно-массовое.

Впрочем, это волновало его меньше всего. И цвет стен, и дискотека, и табличка. Интересовал совсем другой вопрос. Какого черта он оказался именно здесь, возле, пардон, параши? Ведь он загадывал несколько иное. Более приятное. И совсем не связанное с дерьмом.

Он сказал четыре слова: «Я хочу к ней». А вдруг Основатель неправильно понял? Но он же умеет читать мысли и должен был врубиться, что речь идет не о параше, а о человеке.

О Кристине.

А тут вместо нее какой-то обкурившийся или обнюхавшийся недоросль, тройка писсуаров и четыре кабинки. Явная нестыковочка. Может, этот красавец и есть Кристина? Поставил на сайт знакомств фото фактурной блондинки, назвался симпатичным бабским именем и переписывался с ним полгода. Ничего удивительного, Пилот и сам не без греха. И фотку тоже загрузил не родную. Какого-то «ковбоя Мальборо» с небритым подбородком...

© А. Кивинов, 2010

Черт, неужели он самый? Видок-то у него явно педерастический — сережки, розовая челка, губы в черной помаде... Ну я попал, не дай бог кто узнает... Хотя кто теперь узнает? Конец света на носу. Обидно, что последние часы пройдут так бездарно. А повторить попытку Основатель вряд ли даст.

Странное дело, Пилот совершенно не боялся смерти. Вернее, если бы сейчас в него направили ствол револьвера, в штаны, наверное бы, наложил. А смерти от Основателя не боялся. Интересно, у других из чата такие же ощущения? Это ведь будет не больно. Просто закончится кино про планету Земля. А где-то начнется новое. И напоследок дана возможность оторваться или завершить дела. Всего двенадцати господам. Непонятно, правда, за какие заслуги. Поиск смысла жизни — это так, для отвода глаз. Блеф.

На всякий случай Пилот заглянул в кабинки. Пусто. В писсуары заглядывать не стал. Потряс за плечо парня, затем поднял голову за челку:

— Кристина?

— Чё? Сам ты... Пида...

Договорить он не сумел, не хватило силенок. Свалился на пол. Для него конец света уже наступил.

Фу-у, вроде не Кристина...

Остается дверь. Возможно, она там. Если фотография подлинная, он узнает ее.

Перед тем как покинуть туалет, глянул в зеркало. Видок, конечно, не презентабельный. Синяя шерстяная олимпийка с проплешинами на локтях, тренировочные штаны с обвислыми коленками и кеды. Свистка только не хватает. Тренер Гус Хиддинк. Но кто ж предполагал, что Основатель затеет такую авантюру? А то б накинул что-нибудь более приличное. И прическу бы заказал. Остается надеяться, что Кристина так обрадуется его появлению, что не обратит внимания на прикид.

Он толкнул дверь и оказался в темном зале, напоминавшем бомбоубежище. Правда, в бомбоубежище не бывает барных стоек, танцпола и не носятся официантки с подносами.

На него никто не обратил внимания, лишь парень в майке и таких же, как у него, трениках лениво покосился и тут же отвернулся. Тоже, наверное, тренер.

Пилот шагнул в темный закуток слева от туалетной двери и осмотрелся.

Интересно, в каком он городе? Кристина писала, что живет в Питере, но могла и соврать. Пилот повернулся к парню в майке:

— Старина, это какой город?

Старина нисколько не удивился. Видимо, в здешних местах этот вопрос не являлся чем-то из ряда вон.

— С утра был Питер... А сейчас?.. Хрен его... Могли подрихтовать.

— А время? Сколько на твоих?

— Полпервого. Если не села батарейка.

...Половина первого. Как и у них. Один часовой пояс. «Пилот, твоя ночь накануне уже закончилась...» Что Основатель хотел этим сказать? Что я выбыл из игры и не смогу поучаствовать в спасении мира? Но дверь же появилась. Значит, смогу. Условия для всех одни. Почему же тогда «закончилась»?

Кристина не обманула с местом жительства. Это вселяло надежду, что он все-таки попал в нужный адрес. Только где тут ее искать? Народу, как на голодной демонстрации в неурожайный год. И освещение, как в деревне после революции,— одна лампочка Ильича на всю избу. Ходить и каждой в личико заглядывать? Можно вместо Кристины получить в дыню.

Мимо пронеслась официантка с двумя пивными бокалами. Пивка бы, кстати, не помешало, а то уже и вкус забыл. Денег нет, но они и не нужны. Всегда можно уйти через запасную туалетную дверь.

— Эй... Девушка... Бокал пива.

— Какого?

— Вкусного!

Официантка кивнула и устремилась к стойке.

Музыка вдруг резко стихла, зазвучала сирена, забегали лучи прожекторов, и строгий мужской бас тоном военного диктора объявил:

— Внимание, воздушная тревога! Внимание, воздушная тревога! Всем в укрытие! В небе ночной пилот Кристи-и-и-на!

Зал взорвался аплодисментами, сирену сменили мощные гитарные рифы. Лучи прожекторов слились в одной точке, застывшей на небольшом возвышении с никелированным шестом-пилоном. Откуда-то сверху из темноты по натянутому канату к шесту спустилась крылатая девушка в блестящем футуристическом одеянии. Крылья, понятное дело, были ненастоящими, но всё остальное... Высший пилотаж.

Приземлившись, вернее, пришествившись, она начала танец, именуемый в народе стриптизом.

Это было великолепное зрелище. Не какое-то вялое кувыркание у шеста, а действительно хорошо поставленный номер, в котором главным был именно танец, а не филейные части женского естества.

Пилот застыл в своем закутке, обалдев от увиденного, и не вышел из этого состояния, даже когда принесли пиво.

— Пожалуйста... С вас пятьсот рублей.

— Потом!

— Но вы же заказали!

— Расхотел!

Это, несомненно, была она. Его подруга по переписке. Фотография не лгала.

Вот это да! Фантастика! Ну, Основатель, ну спасибо! За часик с такой женщиной не жалко и человечеством пожертвовать! Высший пилотаж! Неужели это правда, неужели не сон? Час назад он такого и представить не мог!

Кристина совершила очередной умопомрачительный кульбит и скинула верхнюю часть костюма, обнажив грудь. Пилот чуть не захлебнулся от восторга и принялся рисовать в воображении греховные планы. С учетом его вынужденного воздержания, они были на редкость эротичными. А когда танцовщица осталась в одних стрингах, он зарычал, словно голодный хищник, увидевший наконец в саванне группу туристов.

И он сможет обладать всем этим богатством совсем скоро!

А то что сможет, он не сомневался. В виртуальном общении они давно расставили все акценты, вплоть до... Правда, Кристина ни разу не говорила, что

танцует именно стриптиз, но это не великий обман. Возможно, она здесь просто подрабатывает. Стриптиз не проституция, а народный промысел.

Их переписка была инициативой Пилота. Он увидел на сайте знакомств ее фотографию и сразу оценил качество работы Творца. Пять с плюсом. Жаль, в объектив не попала фигура, но зато лицо... Конечно, имелась большая доля вероятности, что фото липовое,— с таким личиком и не найти себе спутника жизни? Но он ничего не терял, поэтому вышел на связь.

«Привет. Я — Пилот. У меня много свободы. Могу поделиться».

Видимо, подобное обращение привлекло ее внимание.

«Привет. Я Кристина. А в каких единицах ты измеряешь свободу?»

«В условных. В зависимости от ситуации. Иногда в часах, иногда в долларах, иногда в килограммах. Например, сейчас у меня есть час свободы, и я готов потратить его на тебя».

«Трать».

Он начал тратить. Практически через день. Вернее, через ночь. Хотя свобода для него была очень острым дефицитом. Но он не жалел. Потому что общение с ней зацепило его по-настоящему. Вроде бы те же слова, что и у других, но... Было что-то еще, не поддающееся логическому объяснению. Что-то на уровне эмоций. То, чего не имелось у остальных. И главное — такое случилось впервые. Впервые ему было по-настоящему интересно и хотелось продолжения. Как в хорошем сериале, Кристина всегда прерывалась на самом кульминационном моменте. И незаметно у него изменились первоначальные планы.

Как-то он поинтересовался — это твоя настоящая фотография? «Да,— коротко ответила она,— а твоя?»

«Нет»,— признался он, хотя, будь это не Кристина, наверняка соврал бы.

«А почему не поставишь настоящую?»

«Пока не имею права. Это связано с работой. Но когда-нибудь обязательно поставлю. Но ты не волнуйся. Я не урод».

На прошлой неделе она оставила номер своего мобильника. Но он пока не звонил. На то имелись причины.

...Какая женщина!

Кроме стрингов, на ней остались перчатки с встроенными лазерными фонариками на пальцах. Она, словно снайпер, высматривала в зале жертву и открывала огонь. Несколько случайных выстрелов достались и Пилоту.

Он по-прежнему не мог прийти в себя и очнулся только после того, как танцовщица застыла в финальной позиции. Публика засвистела и затопала ногами от восторга.

Кристина подхватила с пола сброшенные крылья, спрыгнула с возвышения и пролетела через зал к тяжелой двери с ручкой-колесом. Такие обычно бывают на подводных лодках.

— Конец воздушной тревоги! Всем выйти из укрытия!

Лучи прожекторов исчезли, опять зажглись лампочки Ильича.

«Ничего святого,— подумал Пилот.— В городе, где до сих пор помнят звук настоящих сирен и голос настоящего диктора, таким манером объявлять стриптиз. Впрочем, в зале вряд ли есть те, кто помнит».

Пилот быстро, расталкивая локтями «клубящийся» народ, добрался до двери с колесом. Она оказалась незапертой. Но перешагнуть высокий порог он не успел. Чья-то тяжелая рука легла на плечо:

— Туда нельзя. Служебное помещение.

Он повернулся. Над ним возвышался юноша таких габаритов, что спорить с ним рискнул бы разве что Николай Валуев. Судя по беджу на пиджаке, юноша трудился охранником-консультантом. Наверное, консультировал, как правильно падать на землю после удара по морде.

— Мне... Кристину... На минутку. Я ее знакомый...

Консультант оценил тренировочный костюм гостя, затем снял с пояса мобильник:

— Серега, тут Кристину спрашивают... Знакомый якобы... Спроси у нее.

Затем посмотрел на Пилота.

— Звать как?

— Юра... То есть... Пилот. Скажите Юра-пилот.

Охранник повторил, выслушал ответ, затем отрицательно покачал стриженой головой:

— Не знает она никаких пилотов. Свободен.

— Нет-нет, она просто забыла.— Пилот не отпускал колеса на двери.— Скажите, что я из Сети... В смысле, с Камчатки. Вчера мы говорили с ней о вулканах. Я рассказывал, какие у нас красивые вулканы. А она написала про Париж, куда ездила весной по путевке. Это я, я...

— Ты с Камчатки прямо в трениках прилетел, пилот?

— Нет... Просто... Я тут случайно... Вещи вчера промокли, пришлось в этом. Я только ради нее здесь... Позови, пожалуйста...

— Ладно, стой.

Вышибала переступил порог и скрылся в подсобном помещении.

Всё, сейчас он ее увидит! Лишь бы пришла, лишь бы узнала его! А потом разберемся, как, где и сколько раз пообщаться.

Она, конечно, удивится. Еще вчера ночью он писал ей с побережья Тихого океана, а сегодня оказался в Питере. Хотя, на самом деле, не с побережья, но про это рассказывать не стоит. Как и про Основателя. Решит, что шизофреник. Скажу, что прилетел, внеплановый рейс. «Я же пилот». Насчет фейсконтроля он не переживал. Плейбоевская внешность его ни разу не подводила. Женщины его любили. Практически всегда. Сбой был только один раз...

Конечно, он не всё рассказывал о себе, как наверняка и она. Но и люди, живущие годами рядом, не всё рассказывают друг другу.

Господи, ну долго он там будет ходить?

Наконец дверь сдвинулась, вышибала вышел из подсобки. За порогом стояла она, Кристина. Его Кристина. В накинутом на плечи серебристом покрывале, видимо, из танцевальной экипировки. До сумасшествия красивая и желанная. Ночная фея.

— Вот этот,— указал здоровяк на Пилота.

— Привет,— негромко поздоровался он, таращась на нее, словно взяточник на конверт с деньгами.

— А ты кто? — не ответив на приветствие, прохладно спросила Кристина.

— Я — Пилот.— Он улыбнулся и сделал шаг, чтобы его лицо попало в свет лампочки.— Юра. С Камчатки... Вот, прилетел.

Она слегка прищурилась, немного подалась вперед:

— И что? Автограф хотите?

— Нет... Я хотел... Поговорить.— Пилот слегка потерял контроль.— Кристина, это же я... Из Сети...

— Женя,— она обратилась к вышибале,— я же просила не дергать меня по ерунде. У меня еще три номера, дай хоть полчаса передохнуть.

— Он сказал, что тебя знает.

— Мало ли что он сказал?! Ты что, не видишь, это ненормальный какой-то?!

— Погоди-погоди...— Пилот выставил вперед руки, словно опасаясь удара.— Конечно, я ее знаю! И она меня. Кристина! Мы вчера с тобой... Про вулканы, про Париж... А позавчера про Пелевина... Я прилетел, Кристина... Всего на пару часов!

— Слушай, Жень. Скажи наверху, чтобы не пускали всех подряд. Достали сумасшедшие. Вроде не весна, а обострение у каждого второго.

Она поморщилась от запаха, исходившего от Пилота, повернулась и пошла прочь.

— Кристина, погоди! Сегодня последняя ночь, мы больше не увидимся! Никогда.

Танцовщица не ответила и даже не покрутила пальцем у виска.

— Давай отсюда,— с легким сочувствием предложил консультант,— а то у тебя точно будет последняя ночь, Пелевин. Это не твоего уровня птичка.

Он крутанул ручку, задраив отсек.

Пилот еще минуту-другую пялился на дверь. Затем медленно поплелся в свой угол, пытаясь найти причину случившегося. Какого, вообще, черта? Основатель не мог ошибиться. Он отправил меня к ней. Может, она не захотела общаться при вышибале? Блюдет имидж? А тут такое чудо в кедах... Или увидела виртуального любовника живьем, поняла, что вариант явно нулевой и лучше сразу отшить? Конечно, он без лимузина, без бумажника и кутюрного костюма — зачем такой подарочек нужен? Одно дело писать, что деньги не главное, другое — думать. Странно, что она вообще искала спутника жизни через Сеть. С такой-то внешностью достаточно пальцем щелкнуть, и претенденты в очередь встанут.

Нет, так просто он не уйдет. Она сказала, что будет еще выступать. Надо повторить попытку. Терять всё равно нечего. Осталось несколько часов свободы. Если сейчас измерять ее в часах.

А пока можно вернуться к пиву. Хотя выпить в кредит не получится. Они деньги сразу требуют. Но попробовать стоит.

Пилот решительно направился к стойке и взгромоздился на свободный стульчик-грибок. Бармен, молодой парень, на автомате улыбнулся ему. Он не удивился олимпийке и треникам. По сравнению с черными губами и розовой челкой это верх презентабельности.

— Слушай, брат, я приятеля жду. У него деньги. Ты мне не нальешь пока? Пивка. Любого.

Бармен еще раз улыбнулся, согласно кивнул и снял со специальной вешалки над баром последний пивной бокал.

— Слушай... Сейчас летчица выступала... С крыльями. Кто такая?

— Что, понравилась?

— На подругу одну похожа. И тоже Кристиной звать.

— Ну, вообще-то, она не Кристина. Дорогая девочка, ловить нечего. Даже Гарика отшила.

— Какого Гарика?

— Сына хозяина этого клуба... Поговаривают, что она того... Розовая. Лесби. Только этого еще не хватало!

— В мюзик-холле танцует. А здесь так, подхалтуривает. По штуке за номер. Разве плохо?

— Точно розовая? Лесбиянки обычно страшные. На мужиков похожи.

— Откуда знаешь?

— Так это... Читал. В журнале «Садоводство».

— Ну, свечку не держал, не знаю... Но с парнями я ее ни разу не видел... Угощайся.

Он нацедил в бокал пива и поставил его на картонный кружочек. Пилот залпом осушил половину.

«Ну, дела... Что ж она мне голову морочила полгода? Про трагическую любовь плакалась, что ей так интересно со мной, что я не такой, как все... Одно утешает, что хоть баба, а не мужик».

У бармена зазвонил мобильник. Он отошел в сторонку, поговорил с минуту и вернулся к стойке.

Мобильник! Она же дала ему мобильник! И он записал его! Надо просто позвонить и попросить выйти!

Он вывернул карманы треников и вытащил обрывок газеты с написанным карандашом номером:

— Брат, один звоночек не дашь сделать?

— У тебя и трубы нет?

— Прикинь, сегодня оставил в тачке, так долбанули по стеклу и увели. Уроды. Новую еще не успел купить. Ты не волнуйся, я за минуту уложусь. Если что, заплачу.

— У меня безлимитка,— бармен снял трубку с пояса,— звони. Только не в Австралию и не на телевикторину.

— Не, мне в Питер.

Пока Пилот набирал номер, бармен наклонился к торчащему из стойки микрофону.

— Юлька, тут бокал разбили с пивом, убрать надо...

...Он зажал правое ухо рукой, чтобы грохот музыки не мешал разговору, и отвернулся от стойки. Впрочем, как по заказу, музыка кончилась, остался лишь гул зала.

Гудок. Первый. Второй...

На третьем он почувствовал странный эффект. К гудку внутри мобильника добавилась внешняя мелодия. Кажется, из какого-то старого французского фильма. Он поднял глаза, чтобы понять, откуда льется музыка, но в этот момент в трубке раздался голос. Женский:

— Алло... Я слушаю.

— Кристина?.. Это ты?

Небольшая пауза. Легкое удивление:

— Кто это?

— Это Пилот. Юра... Это ты, Кристина? — еще раз спросил он.

— Да, это я...

Теперь он мог поклясться, что голос из трубки звучит в унисон с голосом внешним. И где-то совсем рядом.

Он присмотрелся. Перед ним стояли несколько девиц, но никто не разговаривал по мобильнику.

— Алло, Юра... Ты где?

Теперь он услышал ее. За своей спиной. Резко обернулся и увидел. Прямо напротив себя. Одной рукой она сжимала мокрую тряпку, второй прижимала трубку к уху.

— Я здесь, Кристина...

* * *

В ней не было ничего особенного. Встреть ее Пилот на улице, он даже бы не обернулся. Не уродина, конечно, но и не... Кристина. Возраст — около двадцати пяти, рост ниже среднего, фигура так себе — фитнесом уже не исправишь, лицо, если замазать веснушки и подвести глаза, на троечку вытянет. В общем, не гламур. Танцовщица с половой тряпкой. На ней были джинсы, футболка, клеенчатый фартук, из кармашка выглядывали желтые резиновые перчатки.

— Юр, ты извини...

Она повторила это уже в третий раз. До этого оправдывалась, что воспользовалась чужой фотографией как приманкой, а потом просто испугалась, что он прекратит с ней общаться, если она признается. Это якобы был ее первый опыт виртуальных отношений, на другие предложения после знакомства с Пилотом она не реагировала и просто не знала, как себя вести. То же касается и имени. Думала, что обыкновенная Юля не привлечет внимания. Кристина намного заманчивей. И фотку, и псевдоним позаимствовала у стриптизерши. Видела, как по ней мужчинки слюни пускают...

Ну-ну... Он сам виноват. Знал же, что за броскими именами и фотками прячутся в лучшем случае малопривлекательные неудачницы. И все-таки повелся. Как лох дешевый. Обидно. Последние часы земного существования будут потрачены вхолостую.

Кристи... тьфу ты, Юля... пока ничего не спрашивала про него. Ни как он тут очутился, ни как ее нашел, почему он в таком виде. Только извинялась и пыталась оправдаться.

Они сидели на улице, под открытым небом, недалеко от служебного входа в «Убежище». На двух пластиковых ящиках из-под пива.

— Про Париж тоже сочинила? — мрачно усмехнулся Пилот.

— Нет, Юрочка, нет... Я там правда была. Три дня. Накопила и съездила. Очень хотела посмотреть. И с танцами не обманула. Я хореографией занималась... До шестнадцати. Потом сказали, что мало перспектив.

«Еще бы... С такой фигуркой».

— И вообще ни с чем тебя не обманывала, ну кроме... Но я все равно буду танцевать. Уже танцую. В группе. Белли-данс. Восточные танцы. Два раза в неделю. Педагог сказала, у меня способности. Но, чтобы выступать на сцене, надо много заниматься, брать частные уроки. А это дорого. Поэтому я здесь... зарабатываю на занятия. Просто... Кризис сейчас, никуда не устроиться. И «Крупу» я на самом деле закончила... Институт культуры. Имени Крупской... А ты? Правда летчик?

— Пилот... Гражданская авиация. Вот, прилетел.

Из двери убежища выглянула официантка, пошарила глазами и, увидев Юлю, позвала ее к станку, мол, заканчивается посуда.

— Сейчас,— отозвалась та.

— У вас что, нет посудомоечной машины?

— Есть, но у нее цикл мойки большой — два часа. Не справляется. Руками быстрее. Я в перчатках мою, но все равно кожа на руках сохнет. Приходится кремом мазать.

Смешной разговор. Про посудомоечную машину. За три часа до...

— Ты каждую ночь здесь?

— Нет, два через два. Но я и в выходные по ночам почти не сплю. Привычка. Днем отсыпаюсь. Ты ведь тоже не спишь?

— По-разному... Слушай, а эта... Кристина... Подружка твоя, что ли?

— Нет... Просто знакомая. Она профессиональная танцовщица из мюзик-холла, у нас подрабатывает. Понравилась?

— Да, ничего...

— Юр... прости, пожалуйста.

Заладила... Основатель простит.

Он молча кивнул. Как говорил один его знакомый — вся жизнь состоит из обломов. И даже рождение — тоже облом. Потому что рано или поздно придется умереть.

А сегодня двойной облом. Что не может не огорчать.

— А как ты меня нашел? — наконец вспомнила Юля.— Я же не писала, что...

— Понимаешь, час назад я болтал в одном чате. Вдруг появился посетитель и заявил, что он Бог. Сказал, будто утром наступит конец света, но у нас есть шанс доказать ему, что человечество имеет право на существование. Можно отправиться в любое место и время, чтобы найти смысл жизни. Но затем вернуться и доложить. Появилась дверь, я зашел в нее и оказался здесь.

— То есть... ты... хотел спросить совета у меня? — нисколько не удивившись, спросила Юля.

— Нет. Просто захотел встретиться... Живьем.

Она опустила глаза, словно стесняясь. Конечно. Нехорошо обманывать.

— А ты гораздо симпатичней того, что на фотографии,— неожиданно сказала она, подняв голову.— Правда.

«Зато ты не гораздо».

— Я тебя таким примерно и представляла. А почему ты не мог поставить настоящую фотку?

— Потому что я жулик. Знакомлюсь с женщинами в Интернете, окручиваю, а затем прошу прислать мне денег на билет. Билет с Камчатки до Москвы стоит под тысячу долларов. Невелик навар, но если знакомых много... А у меня их много.

— Ты и меня хотел окрутить?

— Да.

— И почему не окрутил?

— Передумал...

Юля немного помолчала, затем негромко спросила:

— Я совсем не в твоем вкусе, да?

Признание Пилота она истолковала по-своему. По-женски.

Он повнимательнее посмотрел на нее:

— Ну не то чтобы...

— Но не Кристина,— подсказала она.

— Типа того.

Он решил, что лучше не притворяться. Какой смысл?

— Да,— вздохнула Юля,— она красивая... Очень красивая.

Сверкнула молния, осветив шпиль Петропавловки. Забарабанили первые капли, пока еще не бронебойные.

— Знаешь, я в Париже под дождь попала. Прямо на набережной Сены. В деловом районе. Забрела, пока гуляла. И, как назло, вокруг ни одной кафешки, чтобы переждать, ни магазина. Одни офисы. И зонтика не было. Иду, мокну. Вдруг меня догоняет парень. Немного похож на молодого Джо Дассена... И раскрывает надо мной зонт. Причем только надо мной. Сам под него не вставал, держал на вытянутой руке и мок. Так мы и шли, пока дождь не кончился. Потом что-то сказал и убежал. Знаешь, чего мне больше всего тогда хотелось?..

— Ну?

— Чтобы дождь не кончался...— Она повернула ладонь к небу.— А сейчас, чтобы он не начинался...

— Почему?

— Потому что это хороший повод уйти... Разве не так?

Пилот посмотрел на небо. Грозовая туча радовала размерами. Да, повод отличный. Но почему-то, словно им управлял кто-то другой, он покачал головой:

— А тебе не хочется, чтобы я уходил?.. Не волнуйся, я могу остаться. Время еще есть.

И, словно проверяя искренность намерений, кто-то сверху включил воду на полную мощь.

Но они остались на ящиках. А Юля продолжала рассказ о Париже. В этом что-то было. Ночь, гроза, пивные ящики, Париж.

— Гляди заболеешь,— прервал ее Пилот, почувствовав озноб.

— Какая разница? Ведь твой бог сказал, что утро не наступит.

— А если он передумает?

— Простуда не смертельная болезнь. «Террафлю», «колдрекс», «Для нос», наконец. Аптека рядом. И потом... С чего ему передумывать? Ты разве доказал, что мы достойны жизни? Ты нашел смысл?

— Пока нет... А что бы ты ему ответила?

— Не знаю... Может, рассказала бы про нашу соседку. Она детский врач. Ей девяносто три. Что в таком возрасте надо человеку? Наверное, уже ничего. А она каждое утро ходит в свою поликлинику, чтобы лечить совершенно незнакомых детей. И завтра собирается пойти. У нее есть деньги, ей не нужно зарабатывать, но она ходит... А может... Ничего бы не отвечала... Потому что это полнейшая глупость. Искать смысл жизни вместо того, чтобы жить. Дурак твой бог.

Из подсобки второй раз высунулась официантка:

— Юль, ну кончай болтать! Посуды нет!

— Сама помой, не развалишься! — ответил за Юлю Пилот.

— Мне за это не платят!

Нет, с ним явно что-то не то. Вписывается за особу, которая его, по большому счету, провела. Вместо того чтобы сказать ей пару ласковых или просто уйти. А он сидит тут, мокнет под дождем, разговоры разговаривает. Может, она гипнозом владеет?

— Я пойду,— она поднялась с ящика,— за меня действительно никто не вымоет — они и так там зашиваются, самое горячее время. Видимо, сейчас в этом мой смысл.

— Погоди... Ты это, Юль... Извини...

— За что? Всё равно я ни на что не надеялась... Я же знаю, что вам всем надо.

Последнее предложение было сказано без малейшего упрека или усмешки. А с какой-то искренней заботой и сочувствием в голосе.

— Улетай... Мне было интересно с тобой переписываться. Пока, Юра. Вернее, прощай.— Отойдя на несколько шагов, она остановилась, обернулась и грустно улыбнулась.— Передавай своему богу привет. И попроси, чтобы он не убивал нас... Даже если вы ничего не сможете доказать.

Она скрылась за дверью. Пилот остался на ящике.

Что-то замкнуло внутри. И даже выйди сейчас Кристина и предложи бархатные ласки, он бы, наверное, отказался. Что, что с ним произошло?

Первый раз живьем увидел то, что всегда оставалось за кадром? Или просто жалко стало?..

Погоди, а за что, собственно, ее жалеть? Она что, рассчитывала, что он подхватит ее на руки, признается в любви и увезет на бригантине с алыми парусами? Ага, сейчас, побежал... Нечего чужие фотографии ставить, коль своя не глянец. Так что, девочка, никаких обид... Мой посудку и радуйся, что по шее не схлопотала за подобные фокусы.

Приободренный этой мыслью, Пилот вскочил с ящика и устремился назад, в «Убежище». На стойке ждал недопитый стакан, а вокруг женщины, жаждущие любви. Жаль, олимпийка промокла. Придется остаться в футболке. Но в данном заведении это не грех.

Едва он уселся на грибок, ведущий объявил очередной номер Кристины. На сей раз безо всякой воздушной тревоги. Сейчас дива спустилась не на крыльях, а выплыла из-за ширмы, завернувшись в большое покрывало. Зазву-

чала тема из старенького голливудского ужастика про вампиров, на сценке зажглись факелы, и начался танец. Практически такой же, как в фильме, только змея на шее Кристины была не настоящей, а резиновой. Или полиуретановой, что в данном случае не принципиально.

Пилот облизнулся. Обидно. Крайне обидно, что это не она.

Он принялся сканировать зал в поисках достойной кандидатуры для плотских утех. Еще есть время. Если получится договориться по-быстрому, вполне можно успеть. А в том, что получится, он не сомневался. В подобные заведения за этим и ходят. Можно даже не искать, через пять минут сами подбегут и предложат. Безвозмездно либо в долг.

Кристина продолжала танцевать со змейкой, Пилот продолжал пить пиво. Когда она закончила выступление, он услышал голос бармена, говорившего в микрофон:

— Юля, бокалы под коктейли принеси... Юль, ты слышишь?

— Нет ее тут,— ответил какой-то мужик,— ревет в кладовке. Сейчас позову.

И почти тут же Пилот услышал ласковый шепот:

— Привет... Как дела?

На соседнем грибке примостилась толстушка, затянутая в черную кожу, словно подарочная кукла в целлофан. Ленточки с бантиком не хватает.

— Отлично.

— Не угостишь коктейлем?

— Сам на халяву пью.

— Что, и закурить нету?

— А кокаина тебе не надо?

Толстушка обиженно фыркнула и спрыгнула с грибочка. Типа, ну и дурак.

«Точно, дурак. Чё те надо? Сам же хотел! Иди догони, скажи, что пошутил. Ты хочешь любви? И она хочет. Она тебя устраивает? Устраивает. В твоем вкусе. Так в чем же дело?»

Не побежал. Остался на грибке. Идиотизм какой-то.

— Друг-то твой не пришел? — напомнил бдительный бармен.

— Нет пока... Не бойся, заплачу.

— А он точно придет?

— Точно.

Пилот не засекал, сколько прошло времени. Пива больше не заказывал, да и вряд ли бы бармен налил еще.

Он просто сидел на грибочке и тупо разглядывал гуляющий народ. Народ, совершенно не замороченный на поиске смысла жизни и конце света. И вообще, похоже, ни на чем не замороченный. К нему больше никто не подходил, видимо, толстушка доложила о бесперспективности знакомства с человеком в футболке и кедах. И сам он ни к кому не хотел подходить и ни с кем разговаривать.

Пилот уже смирился с тем, что ничего не сможет доказать Основателю и что с первым лучом солнца все исчезнет. И этот клуб, и эти люди. И Кристина, и Юля, и он сам.

Наверно, уже пора возвращаться. А что будет, если не вернуться? Взять и остаться. Какая разница, где встретить конец света? Во всяком случае, здесь гораздо комфортнее. Ну разве что придется заплатить за выпитое пиво.

Нет, надо вернуться. Хотя бы затем, чтобы узнать, что скажет Основатель. Он же должен что-нибудь сказать, прежде чем нажмет кнопку «Delete».

А он должен передать ему слова Крист... то есть Юли. «Дурак ты, ваше благородие». Обязательно должен передать. Чтоб не так обидно было.

— Который час? — Он повернулся к бармену.

— У тебя и часов нет. Тоже украли?

— Сам отдал. Благотворительность. На разработку газовых месторождений.

— Половина пятого. Где твой приятель?

Пилот посмотрел на зал:

— Вон он. В шортах. Возле туалета. Меня, наверное, ищет. Пойду позову.

Он спрыгнул с грибка и направился в мужское заведение, к пожарной двери. Дойти сразу не удалось, по пути зацепил того самого чудика с розовой челкой и черными губами, уже пришедшего в себя. Чудик хотел возбухнуть, вцепился в футболку. Пилот мог бы успокоить его одним ударом, но просто вырвался и пошел дальше.

Возле дверей туалета он услышал мощный хлопок. А через пару секунд его чуть не сбил с ног тот самый товарищ в шортах. В руках «приятель» держал дымящийся пистолетик. Кажется, родной «макарыч».

Пилот бросился внутрь. Уловил запах сгоревшего пороха. Дверь одной из кабинок была приоткрыта. Он заглянул в нее...

Парень лет тридцати сидел на унитазе, не сняв мокрые брюки. Не двигался, лишь таращился на Пилота каким-то отсутствующим взглядом. То что он жив, сомнений не вызывало. Над головой, сантиметрах в пяти, белела свежая выбоина — пыль от штукатурки припорошила его волосы. «Не спускайте в унитаз посторонние предметы».

«Хорошие здесь розыгрыши... Веселые».

— Ты в порядке? — спросил Пилот.

Парень молча кивнул.

«Веселитесь дальше, ребята... Недолго осталось».

Он захлопнул кабинку и подошел к пожарной двери. За спиной послышались взволнованные голоса, возня. Пилота это не беспокоило. Он взялся за ручку-колесо.

«Ты гораздо симпатичней того, что на фотографии... Я хотела, чтобы дождь не прекращался... Я же знаю, что вам всем надо...» «Она ревет там...»

Почему Основатель сказал ему, что твоя ночь уже закончилась? Он что-то предвидел? Может, предвидел, что я все-таки не вернусь? Но это невозможно предвидеть.

Хотя... Основатель наверняка решил, что он воспользуется такой возможностью.

Да, он не вернется.

Но совсем по другой причине.

Пилот опустил руку, повернулся и быстро прошел мимо копошащихся возле парня охранников-консультантов. Вернулся в зал. Народ по-прежнему веселился.

До конца света оставалось тридцать минут. Хотя бы на эти тридцать минут он сможет подарить ей маленькое счастье.

И это будет его искуплением. Пускай даже частичным.

Он зашел в подсобку, толкнул дверь кухни:

— Юль ... Это я. Знаешь, наверное, он действительно дурак... Давай я тебе помогу. У тебя есть еще перчатки?..

• • •

— Сергей Михайлович, разрешите?

— Заходи. Ну, что там?

Запыхавшийся капитан внутренней службы подошел к столу начальника колонии строгого режима и обреченно доложил:

— В зоне его нет. Перетрясли все. Надо докладывать в управу, пусть объявляют тревогу. Далеко не уйдет. На вечерней поверке он был.

— Докладывать...— зло повторил начальник.— Второе ЧП за месяц... Жди подарков. Как он вообще мог уйти? Не под землей же! Машины ночью выезжали?

— Нет, ни одной.

— Так как же?!.. Может, еще поискать? Дрыхнет где-нибудь... На промке [1] или в клубе. Найдется гаденыш — сгною в карцере!

— Кстати, про клуб. Утром я заходил туда. Иду мимо, гляжу через окно — монитор горит. А вечером всё выключено было и клуб закрыт, сам проверял.

— Ну и?..

— Дверь дернул — не заперто... Компьютер работает, мало того, к Сети подключен. На столе ключ от клуба. Ключей всего два — один в дежурке, второй у завклубом. У Васильева, из первого отряда, ну, вы знаете. Я к нему — кому давал ключ? Он сначала блеять начал, что сам ночью заходил, якобы обогреватель забыл выключить, но, когда я его поприжал,— капитан ударил кулаком о кулак,— признался, что отдал Леонову.

— Зачем?

— Ну, якобы тому срочно понадобилось в Интернет. Я Васильева еще попытал...

— Он хоть цел? — перебил начальник.

— Да что ему будет с четырех ударов? Сибиряк. Короче, он Леонову уже полгода ключ по ночам давал. Не бесплатно, конечно.

— Ур-род!

— Я поднял приговор на Пилота...

— Какого пилота?

— Это кличка Леонова. Он учился на пилота гражданской авиации, но недоучился. Выперли за какой-то косяк... В общем, сел он за то, что баб разводил.

---

[1] Промка — производственный цех в колонии.

Брачный аферист. Знакомился в Сети, переписывался, затем встречался. Просил денег и отваливал. Доказали один эпизод, но наверняка их пара десятков, а то и больше. Видимо, и сейчас не угомонился.

— А деньги как ему сюда передавали? Не по Интернету же?

— Мог быть подельник на воле. Или еще как-то. Мошенники — ушлый народ.

— Ладно, с этим разберемся. Главное, найти его. Васильева в карцер, чтоб неповадно было ключи раздавать. Замену подыщем... Перетряхните еще раз клуб. Каждый закуток. Давай действуй.

— Может, на станцию позвонить? В пикет? Пусть посмотрят.

— Позвони. Только предупреди, чтобы панику пока не поднимали. И еще... Отключи в клубе этот долбаный Интернет. Я, как чувствовал, нельзя ставить.

— Сделаю,— кивнул капитан и быстро вышел из кабинета.

Глава девятая
ПАТРИОТ

Это было смешно. Разумеется, сначала я не поверил ни единому слову Основателя.

Даже когда увидел эту странную дверь — в капитальной стене, выходящей на улицу. Двадцать шестой этаж, между прочим,— выше только крыша и августовские звезды.

Впрочем, ну и что? Ну да — дверь. Раньше действительно не было. В моей халупе вообще никаких дверей, кроме входной и туалетной, сроду не было. Папаша пожадничал, выбрал самый дешевый вариант однокомнатной квартиры — студию в новостройке.

Аванс в банк, конечно, тоже папаша внес. А потом, буквально на следующий день, вещички мои за дверь покидал, чтобы я, значит, не задерживался в родных пенатах. И вот результат — теперь я до конца жизни должен выкладывать изодранным кризисом капиталистам тысячу «умученных енотов» ежемесячно.

Хотя мне и такой вариант был в радость. Иначе где бы я жил сейчас? В недостроенном коттедже вместе с очередной папашиной пассией, неубедительно изображающей на публике любящую мать? Это притом, что она всего на четыре года меня старше, зато в двадцать четыре раза самоувереннее. Она ведь и поныне уверена, что изменит его, а он искренне верит, что она никогда не изменится,— сколько тысяч лет женщины и мужчины, вступая в брак, повторяют эту ошибку снова и снова?..

Я поднялся с кресла и тут же, неловко цепляясь руками за лакированную крышку стола, осел на пол — от долгого сидения за компьютером затекли до бесчувствия ноги.

Впрочем, чему я удивляюсь — как вернулся вечером от Алены, так и не вставал, а чем сейчас так занят был, уже и не вспомню. Надуманные новости,

© Е. Зубарев, 2010

пошлые картинки, истеричные обсуждения сомнительных или откровенно бредовых историй.

Интернет-зависимость — вот как это называется. Я болен, это несомненно. Шесть часов субботнего времени потратить ни на что! Инфантильный переросток... Курсовик еще в прошлый понедельник полагалось сдать, а у меня в заветной папочке, кроме оглавления, и поныне хранится ноль байт информации. А теперь вдобавок ко всему доказывать надо, что мы не самые плохие верблюды. Куда-то там отправляться, чего-то делать... Иначе грозят концом.

Да чего проще? Надо просто решить вопрос с ксенофобией, расовой дискриминацией, притеснением секс-меньшинств, с прочими аморальными явлениями. И все решится само собой. Кто тогда на человечество посмеет руку поднять? Да никакой Основатель не сможет!

Я поднялся, подошел к двери и перечислил упомянутые пороки.

— Хочу, чтоб ничего этого не было.

Толкнул дверь, сделал шаг вперед и...

...Оказался в собственном совмещенном санузле. Интересно, что этим хотел сказать Основатель? Что подлинная толерантность бывает только в сортире?

Даже если это не галлюцинация, мне это неинтересно. Хотя это, конечно, галлюцинация. Посиди дебилом шесть часов подряд у компьютера, набегут и ангелы с крыльями, и черти с пивом, и соседи с дьявольскими искушениями...

Осторожным нажатием на кран я пустил воду. Она пошла. Выключил и прислушался. Мне не почудилось: из гостиной отчетливо доносились озабоченные голоса вперемешку с невнятным лязгом.

Нормально, да? Мой дом — моя крепость, ага. Здравствуйте, зеленые человечки с Марса! Санузел направо, диван налево, обувь снимаем при входе или дарим мне моющий пылесос — папаша сгоряча наобещал весной, да зажал, жмот похотливый. Зато ей подарил сумочку «Birkin» стоимостью в 12 месяцев выплат моей чертовой ипотеки.

Голоса в квартире стали развязней, а лязгать принялись вызывающе громко. Я внутренне подобрался, резко распахнул дверь туалета и оторопел — в стене гостиной, вместо приоткрытой двери, теперь зияла ровная прямоугольная дыра, сквозь которую видно было ночной город во всем его великолепии. Напротив дыры висела, заметно покачиваясь, неказистая строительная люлька с тремя небритыми таджиками на борту. Люлька освещалась откуда-то сбоку чрезвычайно мощным прожектором, отчего по всей гостиной метались угловатые черные тени вперемешку с ослепительными бликами.

Таджики, гортанно переругиваясь, прилаживали к стенке странные железные конструкции омерзительного грязно-ржавого цвета. Конструкции блестели и позвякивали.

Я смотрел на все это великолепие минут пять, подыскивая подходящие по случаю слова, но так ничего путного и не подобрал, а потому просто спросил, неожиданно севшим голосом:

— Вы что, совсем уже охренели, чурки сраные?!

Ближайший ко мне монтажник, седоволосый меднолицый мужик в удивительно чистом оранжевом комбинезоне, бросил на меня осторожный взгляд, а потом быстро отвернулся и продолжил вкручивать в мою стенку огромных размеров железный штырь. Остальные гастарбайтеры даже голов не повернули, только поворчали между собой на тарабарском наречии и опять принялись увлеченно стучать железками.

Я прошел по гостиной, осматривая повреждения. Незваные гости вместе со стеной разворотили несколько книжных полок, а одна из металлических балок насквозь пробила старенькую, еще советских времен, 50-ваттную колонку. Я вспомнил, как в прошлом году тащил эту колонку на своем горбу на свой унылый 26-й этаж. Лифт, между прочим, тогда еще не был введен в эксплуатацию. А еще не было света, и я проклял недобросовестных строителей, продажных чиновников, да и всё человечество разом, пока пробрался в полутьме пожарной лестницы с этой нелегкой, а главное, крайне неудобной ношей до своей квартиры.

Обида и злость вдруг захлестнули меня от пяток до макушки. Я в два прыжка оказался возле дырки.

— Баста, карапузики! — Я заорал первое, что пришло в голову, и схватил седого мужика за оранжевый воротник. Получилось лишь пару раз ткнуть ему кулаком по ненавистной загорелой морде, когда он вдруг неожиданно ловко выкрутился из куртки и запрыгнул в люльку, откуда к нему тянули свои грязные руки его товарищи. Потом раздался мерзкий скрежет, и люлька рухнула вниз, как подбитый бомбардировщик. Спустя пару секунд погас и прожектор.

Я остался один на один с ночным городом, который теперь очень хорошо был виден сквозь полуразрушенную стенку. Там было так тихо, что я слышал шум в собственной голове. А еще из дыры окатывало влажными и холодными порывами ветра — ночь, улица, фонарь и всё такое...

Я отошел в центр гостиной, но и туда доставали холодные воздушные струи. Пришлось сбегать в прихожую, надеть куртку и тщательно ее застегнуть. Потом мне в голову пришла очевидная мысль, и я направился к выходу на лестницу.

Первая дверь у меня открывается внутрь, и я открыл ее легко, а вот второй двери я не увидел — вместо нее показалась голая бетонная стена во весь проем. Я пнул стену для пробы пару раз, но всё было ясно и так.

Замуровали, демоны!..

В карманах брюк нашелся сотовый телефон, но я уже не удивился, обнаружив, что сети он не видит.

Что у нас еще придумано для индивидуумов, потерявших связь с остальным человечеством? Телефон, телеграф, почта и, если верить классику ленинизма, мосты. Это всё полагалось решительно захватывать, если хочешь контролировать ситуацию, и я стал всерьез обдумывать, как буду сейчас это делать.

В свое время городской телефон в студии я устанавливать не стал — на фига он нужен, только деньги зря платить. Зато есть ноутбук, он подключен к выделенной линии, а значит, я могу попросить о помощи сетевых друзей. Или Алену...

Ну да, конечно, Алену! Заодно будет повод помириться.

Я во всех подробностях представил, как недоверчиво дрогнет ее голос, когда она услышит из динамиков своего компьютера мою версию сегодняшних событий, и как потом, после небольшой паузы, она задумчиво скажет, по провинциальной привычке манерно растягивая гласные: «Ну-у-у, раз такое дело, при-ихо-оди-и ко мне-е. Или, может, мне-е к тебе приеха-ать?»

А я буду снова и снова рассказывать ей, что она, глупая женщина, опять ничего не поняла, и что двери на лестницу у меня теперь нет, зато есть дверь практически на крышу.

Возвращаясь в гостиную, я сразу бросил нетерпеливый взгляд на правый угол монитора. Так и есть: на рабочем столе уныло помаргивал перечеркнутый красным крестиком индикатор подключения к сети. Кабель, значит, тоже обрубили, затейники.

Ну как после этого прикажешь оставаться толерантным к братьям нашим меньшим из солнечного Таджикистана? Да я практически скинхед уже, вот только побриться наголо осталось.

Я постоял, глупо переминаясь, посреди гостиной, потом подошел к дыре и осторожно глянул вниз, так далеко, насколько хватило смелости наклониться. Внизу по-прежнему было тихо, что, кстати, удивляло больше всего — футбол ведь только что закончился, наши опять победили, несмотря на подлые происки судьи, так что москвичам полагается пить, орать и запускать фейерверки.

Словно услышав мои мысли, полуночный двор вдруг взорвался звуками и светом — как-то сразу внизу обнаружилась прорва развеселого народа, завизжали женщины, тупо загоготали мужики, отчаянно заголосили сигнальными сиренами машины, а возле меня начали взрываться разноцветные петарды... Что-то в этом было ненастоящее, постановочное, и я минут десять смотрел вниз, пытаясь уловить, где и в чем меня обманывают, но так ничего и не понял, зато здорово продрог.

Повинуясь скорее инстинкту, чем разуму, я начал было двигать вдоль стены шкаф на место дырки, но шкаф оказался тяжелым, а я слабосильным. Потом я вспомнил про лист гипсокартона, живущего в прихожей со времен вселения, и сходил за ним.

Лист покрылся пылью, оброс наклейками, газетами, одеждой, но сохранил свои главные функциональные свойства — он был большим и плоским. Я стряхнул с него на пол весь мусор и отволок в гостиную, где и прислонил к стенке.

Дыра в результате сократилась в размерах кардинально — осталась небольшая щель под потолком, но эту проблему я оставил на завтра. Главное, чтоб до утра сюда не являлись джентльмены в оранжевых курточках — против строительной техники, особенно такой штуки, как чугунный шар на цепи крана, которым регулярно пугают обывателей по телевизору, я, конечно, долго не выстою.

В гостиной сразу стало теплее, и я расстегнул куртку, оглядываясь по сторонам.

Да вот же окно в мир — телевизор! Эту песню не задушишь, не убьешь — уплачено вперед за шесть месяцев. Сейчас специально обученные люди мне

расскажут, что, собственно, произошло в одном из спальных микрорайонов столицы и кто позволил вырезать двери в стенах квартир добросовестных заемщиков.

Я нашел пульт, устроился в кресле и включил первый попавшийся канал. Гостиная наполнилась криками мирных обывателей, на которых напали вооруженные злодеи в масках. Один из злодеев показал в камеру свое ужасное помповое ружье и тут же отстрелил голову зареванной, но симпатичной блондинке. Эпизод закончился огромными титрами по всему экрану: «„Огонь на поражение". Смотрите сегодня в 23.55».

Я быстро переключил канал, пока опять не началось. Теперь звука не было вообще, зато на экране в неприличных подробностях была видна обстановка чей-то холостяцкой квартиры — книжный стеллаж из ИКЕА, такая же самосборная стойка с дисками, неровно уложенный неведомыми халтурщиками паркет, разбросанные по полу носки, лист гипсокартона, прислоненный к стене...

До меня наконец дошло, что именно я вижу, и я встал, приглядываясь к потолку у себя за спиной, пытаясь понять, где могла быть размещена камера.

Никакой камеры на потолке я не увидел, но это ни о чем не говорило — сейчас навострились делать камеры такими мелкими, что они влезают в задницу пчелы, вместо жала. Сам недавно читал в «Комсомольской правде», как такая пчела прилетела к грузинскому президенту и едва не надругалась над ним, уколов куда не следовало. По счастью, грузинские спецслужбы эту пчелу самоотверженно поймали и потом нашли на ней лейбл Тульского оружейного завода и даже факсимиле министра обороны России.

В гостиной вдруг мигнул и погас свет, затем выключился телевизор, и меня окутал абсолютный мрак — даже взрывающихся во дворе петард не стало видно. Я услышал, как в комнате что-то с грохотом рухнуло, потом еще что-то, а потом раздался топот множества ног, и вокруг меня началась какая-то возня.

Через минуту я осознал, что меня пытаются избить — правда очень неумело.

Я пригнулся, шагнул назад, к противоположной стенке, встал там, широко расставив ноги, как учили, и нанес вслепую пару ударов левой прямо в эпицентр этой невнятной суеты. Со второго раза я попал во что-то теплое и рыхлое, но тут же получил в ответ неожиданно мощную оплеуху откуда-то сбоку, потом вялую плюху спереди, а потом меня треснули по башке чем-то тяжелым, и я присел на пол. Сел не потому, что потерял сознание, а чтобы показать, что не готов к дальнейшему сопротивлению вслепую.

Бить меня прекратили, но присутствие посторонних я по-прежнему слышал и даже чувствовал — пахло от них так, как пахнет от типичных гастарбайтеров: табаком, чесноком, по́том и обидой на все человечество.

— Ты должен измениться, Иван! — строгим голосом с ясно ощущаемым акцентом сказал мне из темноты неизвестный, прерывисто всхлипывая после каждого слова, будто человеку только что сбили дыхание. Небось это ему я попал в грудину со второго раза.— Все люди рождены равными! Все люди — братья! Ты понял, Иван?!

Я благоразумно промолчал. Драться мои незваные гости, конечно, не умеют, но, чтобы выкинуть человека с 26-го этажа, много умения и не надо.

— Прощай, Иван! Впредь веди себя достойно. Открою тебе тайну: ты под наблюдением уважаемых людей. Вся Европа на тебя смотрит, Иван!

Я снова услышал множественный шорох и невнятные восклицания вокруг, потом почувствовал резкий порыв ветра, и тут же включили свет.

В гостиной было пусто. На полу валялся лист гипсокартона. Он оказался сломан в нескольких местах и вдобавок раздавлен всюду, где не был сломан. А еще незваные гости опрокинули кресло. К счастью, больше никаких серьезных разрушений они не нанесли.

Вот же уроды! Я встал, прошелся по гостиной, разминая ноги и осматривая комнату в поисках каких-нибудь оброненных гостями предметов, потом подошел к самому краю своей домашней дыры.

И вновь, как в прошлый раз, сначала я увидел притихший темный двор, а спустя пару секунд там будто включили электричество и появились толпы веселого народа, фейерверки и прочий праздничный футбольный антураж. Был бы здесь хотя бы четвертый-пятый этаж, спустился бы вниз не раздумывая — на том же сетевом кабеле, он ведь прочный и длинный. Но с 26-го этажа без компьютерных эффектов не спустится даже Крепкий орешек.

Я поежился от холода и направился к шкафу — вынимать книги и шмотки. Эта работа отняла около часа, зато потом освобожденный от вещей шкаф я передвинул к дыре одним движением. Дыра исчезла почти полностью — осталась небольшая щель сбоку, но она не раздражала, с ней было даже как-то привычно. Впрочем, если незваные гости захотят повторить визит, шкаф им не сильно помешает — хватит одного пинка, чтоб опрокинуть эту жалкую баррикаду.

Я поднял кресло, поправил стол, который в суматохе сдвинули от стенки, и наткнулся взглядом на сейф. Там, между прочим, пылится ружье «ТОЗ-106», известное в народе под прозвищем «смерть председателя» за свой вызывающий внешний вид — обрез, да и только. Впрочем, вещь эта вполне легальная, и разрешение на нее у меня имеется. Вопрос только, поможет ли ружье в моей ситуации? Куда стрелять — в окно, в дыру или, может быть, в телевизионную антенну?

Я уселся в кресло, не выпуская из вида сейфа. Впрочем, так ничего и не придумав, я снова включил телевизор. Экран мигнул, и картинка моей халупы, снятой уже с другой точки, быстро сменилась обрыдлым рекламным роликом. Потом в кадре появился нервно улыбающийся юноша, который бодро тараторил плохо выученный текст на фоне странного сооружения, напоминающего ядерный гриб:

— Только что в питерском ночном клубе «Убежище» совершено покушение на Гарри Миришвили, сына авторитетного петербургского предпринимателя. Убийца выстрелил молодому человеку в лицо и скрылся, не заплатив за два коктейля. Ущерб клубу составил свыше тысячи рублей. По счастливой случайности, Гарри остался жив — пуля прошла чуть выше головы. Объявлен план «Перехват».

Я вздрогнул и быстро переключил канал. Как же это надоело, в самом деле! Пожалуй, будь я на месте Всевышнего, то после просмотра нашего телевизора без колебаний прикрыл бы всю эту лавочку под названием Земля.

Я опять вспомнил про странные угрозы Основателя и опять не поверил в реальность этих угроз. Я вообще человек недоверчивый, а уж верить кому-то в Сети — просто смешно.

Потом я пару минут рыскал по телевизионным каналам, но своей квартиры больше не увидел — в эфире был стандартный набор концертов, сериалов и приевшихся телеперсон.

Мне вдруг смертельно захотелось спать — видимо, сработал условный рефлекс хомо сапиенса на российское телевидение. Но заваливаться спать с дыркой в стене было страшно — ведь стоит мне уснуть, как наверняка опять кто-нибудь явится.

Я стал думать, кто были эти гости и чего им от меня надо. Самым здравым предположением стала идея про рейдеров, вознамерившихся отнять у меня мою халупу. Но это выглядело не слишком логично — мне за квартиру еще лет пятнадцать платить, что тут сейчас отнимать, десятую часть от тридцати ипотечных метров? И что потом делать — жить здесь с дыркой и моим трупом в придачу? А если труп выкинуть, на запах падали немедленно явятся банкиры — оформлять страховку по поводу смерти заемщика. Тогда вся афера пойдет насмарку, а меня придется хоронить за государственный счет. Нет, тут что-то не то...

Я посмотрел через щель во двор и, смущаясь сам себя, неловко крикнул:

— Люди, помогите! Эй, вы там!.. Убивают!

В ответ раздалось несколько взрывов петард, потом прямо возле моего окна взорвалась ракета, и нестройный мужской хор продекламировал матерные футбольные частушки. Потом эти же мужики вдруг запели — неожиданно сочными, звонкими голосами — «All dead» старых добрых «Queen».

Я был с ними совершенно согласен. Действительно, мы все когда-нибудь умрем. Впрочем, сейчас важно другое — даже если бы меня резали на мелкие кусочки, людям вокруг это было бы неинтересно. Хотя всё равно странно, что никто из соседей не вызывает милицию или МЧС — дырища-то в стене немаленькая, неужели снизу не видно?

А может, сбросить им, бесчувственным уродам, что-нибудь тяжелое на их глупые головы, чтоб озаботились моей проблемой?

Я обвел взглядом гостиную, но ничего подходящего не увидел. Ведь, падая с 26-го этажа, любой предмет станет орудием убийства, даже УК РФ с комментариями популярного юриста и по совместительству президента страны Дмитрия Медведева.

— *Готова ли такая неоднозначная страна, как Россия, стать полноправным членом международного сообщества?* — вдруг громко спросил меня телевизор.

Я испуганно уставился на экран, ожидая увидеть очередную гастарбайтерскую морду. Но это были обычные ночные новости, прямой эфир из какой-то европейской ассамблеи. Хмурый, явно невыспавшийся репортер, почти не пряча шпаргалку, зачитывал оттуда про что-то общечеловеческое и мультикультурное, к чему призывали приобщиться даже таких неотесанных международных субъектов, как Россия.

— *А что, Семен, разве у кого-то в ПАСЕ есть сомнения по поводу нашей страны? Разве наша страна не является частью Европы?* — с неожиданной экспрессией спросила репортера грудастая блондинка из телестудии.

— *Э-э, хм, э-э,*— потерянно замычал репортер Семен, сбившись с мысли и теперь шаря глазами по спасительной шпаргалке. Впрочем, он быстро сориентировался и, отложив бумажку, объяснил ситуацию своими словами: — *Елена, на этот счет мнения депутатов Европарламента разделились. Некоторые полагают, что наша страна должна быть подвергнута суровым санкциям. Говорят даже о гуманитарной операции по принуждению России к общечеловеческому миру. Впрочем, пока надо дождаться заключения некой секретной Комиссии ПАСЕ под руководством Отто Газенвагена, которая завтра должна завершить работу и представить отчет Совету НАТО.*

— *Совету НАТО?* — изумленно переспросила блондинка, приложив руку к своей выдающейся груди.— *Семен, вы не ошиблись? Комиссия по этике и НАТО... При чем тут вообще НАТО?*

Репортер деликатно кашлянул и поднял перед собой шпаргалку:

— *Здесь так написано, Елена. Это документ. И я его могу продемонстрировать.*

Елена подняла тонкие брови к самому потолку и пожала голыми плечами:

— *Ну, раз написано, значит, так и есть,*— пробормотала она и устало улыбнулась телезрителям.— *Спасибо, Семен. Мы продолжаем наш выпуск... В Багдаде совершена очередная серия терактов...*

Про теракты в Ираке я смотреть не стал и защелкал пультом, разыскивая местные новости. Увы, новостей больше нигде не нашлось, зато нашлось неожиданно много каналов с порнухой. Но порнуху смотреть было неинтересно, и я снова начал было щелкать пультом, когда позади меня вдруг раздался мягкий упрек:

— Зря переключил, это как раз был хороший фильм. Очень тонкий, чувственный, пронзительный. Да и снят истинным художником, Хуаном Альфонсом...

Я вздрогнул и обернулся. В прихожей, небрежно прислонившись к вешалке, стоял рослый белобрысый парень в обтягивающей футболке и неприлично коротких шортах. Парень неприятно ухмыльнулся, выждал паузу, картинно потянулся, чтобы мне лучше было видно его мускулистое тело, и мягко шагнул вперед. Я пригляделся и понял, что вдобавок к своему пляжному виду этот тип был еще и босой.

— Ты как сюда вошел, приятель? — спросил я, с тоской понимая, что его ответ наверняка будет стопроцентным враньем, а узнать правду я смогу, только сломав гостю как минимум обе ноги. Но драться с таким лосем — это вам не таджиков гонять по квартире. Вон какой здоровый черт вымахал — мужественная белокурая бестия с плаката... И где только таких делают, их даже в Германии на развод не осталось, а уж у нас в России откуда им взяться — кругом чурбанье да пидарасы...

Белобрысый сделал еще два мягких кошачьих шага и оказался в одном прыжке от меня.

Я встал с кресла, но первым кидаться на гостя было неохота. Я стоял напротив нагло ухмыляющейся морды и малодушно убеждал себя, что всё обойдется, потому что и раньше всегда обходилось, если не дергаться раньше времени и не нагнетать.

— Какой ты милый, когда напуган,— ласково сказал мне этот хмырь, всё так же криво ухмыляясь заметно накрашенными губами. Тут до меня наконец-

то дошло, что мою тихую холостяцкую обитель посетил типичный гомосексуалист. По-нашему — пидарас. А ведь, пока помалкивал, так был на человека похож...

— Стой, где стоишь, козел,— строго приказал я, чтоб сразу было ясно, что я не из этих, противных, но он лишь отрицательно покачал головой и сделал пару уверенных шагов к шкафу.

— У тебя здесь дует ужасно. Как же тут можно спать? Простудимся! — укорил он, сложив пухлые губки капризным бантиком.

— Ты как сюда вошел, козлина?! — повторил я свой вопрос и пошел вперед, примериваясь вломить незваному гостю с левой руки. Если сразу попасть точно в челюсть, потом можно, не торопясь, добавить пяткой в опорное колено, и всё — клиент готов, а я герой, разорвавший пасть пидарасу. Потом пацанам из универа можно будет в красках рассказать про кровавую битву и избавление мира от голубого паскудства...

Белобрысый дернулся от первого удара и потому попал я плохо — кулак скользнул по гладковыбритой щеке, уткнувшись в мускулистую шею. А колено гость уже ударить не позволил — поймал мою руку на излом и принялся откровенно куражиться, наклоняя меня в разные стороны легким поворотом заломанной руки:

— А вот такая поза тебе нравится, голубчик? — с непритворным интересом спрашивал меня этот козел, а я мог только мычать в ответ от боли и возмущения.

Потом он все-таки отпустил меня, и я поспешил отойти на пару шагов, к столу и встал там возле кресла. Оттуда я с ненавистью глядел на гостя, прикидывая, чем смогу его остановить, прежде чем он снова за меня примется. Такой лось и изнасиловать сумеет, если жестко работать начнет — по почкам настучит или руки на излом защемит. Есть ведь такие заломы, что хрен выкрутишься. Что делать-то, граждане?

На кухне набор ножей имеется, но ножами я пользоваться не умею. Ножами только чурки горазды орудовать, а правильный джентльмен обязан свои проблемы на кулаках решать. Ну, это если по понятиям действовать. Хотя какие могут быть понятия с такими козлами — вломился, содомит, в чужую хату и глазки строит, как у себя в голубятне. Я даже зарычал от негодования, и белобрысый чутко откликнулся на мои невысказанные эмоции:

— Эк тебя колбасит, дурашку. А ведь я ничего плохого тебе еще не сделал. Мне просто надо у тебя тут до воскресенья перекантоваться. Не возражаешь?

— Перебьешься,— отозвался я, бережно растирая вывихнутое левое плечо.— Пшел отсюда.

Гость ухмыльнулся:

— А как я выйду? Покажи, будь другом.

Я быстро прошел мимо него в прихожую, отпер первую дверь и с минуту молча смотрел на бетонную стену. Это была настоящая стена, без обмана, и я снова несколько раз пнул ее в разных местах пока еще здоровой правой рукой. Без толку, конечно. Ну и что я должен сделать, убить себя об эту стену?

Я растеряно оглядел стену, первую дверь, а потом и всю прихожую. В углу за дверным косяком проявилась мутная тень, и я радостно хмыкнул, пригля-

дываясь,— там стоял, аккуратно прислоненный, позабытый застройщиками-халтурщиками прут арматуры метровой длины.

Когда я вернулся в гостиную, незваный гость уже сидел в кресле за моим столом и азартно шарил в папках моего компьютера.

— А ты, значит, натурал? Как все обыватели, живешь, не выделяясь. Серая мышка, опора президента и правительства... Или есть варианты, но ты не пробовал? — донеслось до меня.— Я смотрю, у тебя тут в основном девушки на фото. С девушками любишь развлекаться, да? А тебя как зовут? Меня вот Юлианом родители назвали, представляешь...— бодро тараторил он, пока я шел к нему из прихожей, закипая с каждой секундой.

На экране появилось фото Алены топлес — я хорошо помнил, когда делал этот снимок. Прошлым летом это было, мы тогда были с ней в Филевском парке, загорали на пляже Москва-реки.

— Ничего себе такая, годная девушка. Рот чувственный, минет должна грамотно делать,— одобрил Юлиан, не оборачиваясь, и я без замаха влепил ему прутом по затылку.

Юлиан хрюкнул и сполз с кресла на пол. Погас свет, и я, догадавшись, что сейчас последует, на ощупь продвинулся к стене — ждать визита воспитателей.

Через несколько секунд возле дырки действительно послышалась яростная возня, затем на пол с грохотом рухнул шкаф, а потом наступила напряженная тишина.

Я затаил дыхание, вглядываясь в беспросветную тьму перед собой. В гостиной ничего не происходило, но какие-то подозрительные звуки в ванной я уловил. Из распахнутой дыры опять начал дуть пронизывающий ветер, и я, на ощупь подцепив полы, запахнул куртку поплотнее. Вокруг было по-прежнему тихо, и я решился сделать осторожный шаг в сторону ванной, крепко сжимая прут в правой руке.

По ногами хлюпнуло, и я скривился при мысли, что это кровь Юлиана. Потом я сделал еще один шаг и почувствовал, как кровь заливает меня почти по щиколотку.

* * *

Включили свет, и я перевел дух. Юлиана возле кресла не было. На полу, раскинув распахнутые дверцы, как подломанные крылья, валялся шкаф, а из ванной, весело журча, ручьем текла холодная вода.

Я бросился в ванную, пытаясь ступать на цыпочках, но потом плюнул на эти предосторожности, поскольку ноги все равно сразу намокли по щиколотку и выше.

Вода водопадом била из магистральной трубы, срезанной чем-то мощным, вроде «болгарки», под самый уровень пола. Трубу отрезали только снизу, а потом просто отогнули в сторону. Я попробовал вернуть трубу на место, но не смог — толстенная, из литого металла, она принципиально не гнулась.

Тогда я нашел в углу вантуз и приставил его к фонтану. Разумеется, это тоже не помогло. Уровень пола в ванной был пониже, чем в гостиной, так что воды было мне уже почти по колено, а потом она переливалась через дверной ко-

сяк и веселым водопадом низвергалась наружу. Как это можно остановить, я не понимал. Пойти тряпку какую-нибудь найти и тупо забить дырку? А где я возьму тряпку?

За дверью послышались возбужденные голоса, и я осторожно выглянул из ванной, держась свободной рукой за обрезанную трубу, чтобы не поскользнуться.

На этот раз гостей было не меньше двух десятков — и как они только поместились в моей скромной гостиной. Так и есть, ко мне на дом явился полноценный цыганский выводок: не меньше десятка разновозрастных детей, трое-четверо волосатых, нечесаных, неумытых мужиков и пять-шесть упитанных матрон в ярких национальных одеждах.

— Эй, молодой-красивый, счастье тебе будет, и долгие года, и жена красавица, и дети здоровые! — бойко заголосили женщины, едва увидев меня. Как я понял, голосили они по инерции, потому что затем на них грубо цыкнули мужчины, и в гостиной тут же стало тихо.

— Здравствуй, хозяин! Я — барон Стефан,— веско произнес невысокий, но плотный мужик в старой, вытертой на локтях кожаной крутке и таких же потрепанных джинсах. Цыган протянул ко мне свою холеную правую руку, каждый палец которой был унизан золотым перстнем, и замер в торжественном ожидании.

Я не двигался, задумчиво оглядывая всю эту кодлу. Железный прут в правой руке здорово мешал мне думать. То есть думать как раз не хотелось вовсе. Хотелось сразу начать крушить арматурой все эти подозрительные глумливые физиономии, а потом вышвырнуть окровавленные тела с 26-го этажа и заняться наконец проблемой утечки воды в ванной. Но я понимал, что это было бы неконструктивно, нетолерантно и нецивилизованно. Кроме того, было неясно, куда потом девать детей,— я, хоть и озверел не на шутку за последние сутки, долбить детей арматурой был еще явно не готов. Пусть мои визитеры хотя бы первые начнут грубить, а там посмотрим.

Так что я, с трудом отрывая мокрые тапки от залитого водой пола, неспешно добрел до барона и все-таки пожал протянутую руку. Барон удовлетворенно крякнул, ощерился золотой челюстью на своих подданных, и тут же вокруг поднялся прежний гвалт. Один из мужчин, тощий, как велосипед, старик, одетый в китайский «Адидас», по-хозяйски сунулся в ванную, и я пошлепал за ним — проследить, чтобы не спер что-нибудь ценное. Но старик решил не воровать мои дорогие шампуни и бритвенные лезвия, а направился точно к эпицентру локальной техногенной катастрофы. Там, сокрушенно покачав грязно-пепельными кудрями, старик ухватился за трубу, встал на одну ногу и стряхнул туфлю, а затем стянул выцветший, неопределенного цвета носок. Потом он внимательно посмотрел на отверстие, выкатил на него и без того круглые глаза, огорченно покачал головой и, переменив ноги, стянул второй носок тоже. Оба носка он скатал в грязно-серый кляп, а затем ловким движением вбил его в трубу. Фонтан послушно затих, а старик воткнул босые ноги обратно в разношенные туфли и важно прошествовал обратно в гостиную, по пути бросив на меня укоризненный взгляд.

Тем временем женщины уже разжились у меня на кухонной стойке несколькими кастрюлями и большой салатницей, выстроились в цепочку к унитазу и

умелыми, на удивление отработанными движениями принялись собирать воду с пола. Что интересно, дети без понуканий помогали взрослым, отжимая в кастрюли какие-то тряпки — похоже, детали своей одежды, потому что у меня в квартире грязной ветоши быть не могло. В общей суматохе не принимали участия только мужчины. Они уселись рядком на моем диване, как вороны на заборе, а барон занял кресло за моим столом. При таком раскладе мне садиться было некуда, и я, сделав пару шагов, встал возле шкафа, растерянно озираясь.

— Садись сюда, брат! — позвал меня давешний старик, приглашающе похлопывая высохшей рукой по моему дивану.

Я отрицательно покачал головой, и старик тут же насупился, сложив руки на груди и с демонстративным равнодушием откинувшись на спинку дивана:

— Брезгуешь, брат? Не уважаешь, значит. Ну-ну.

Молодой, лет двадцати, цыган, сидевший справа от старика, достал характерно скрученную папиросу, подмигнул мне и закурил. Сладкий резкий запах поплыл по гостиной. Парень закашлялся, еще раз подмигнул мне и сказал:

— Давай сюда, покурим.

Я помотал головой.

— Здоровый образ жизни? — хмыкнул цыган.— Фигня всё это. Ты только представь, ну прожил ты лет сто благочестивой жизни, умираешь на смертном одре в окружении родственников и друзей. А через пять минут вокруг тебя трехглазые инопланетяне. Вырывают из твоих семипалых лап бальбулятор, спрашивают: «Ну как, торкнуло? Не шняга? Стоит курить? Говори, что видел...» Будешь курить?

Я опять покачал головой, повернулся к столу спиной и стал рассматривать двор через дырку в стене. Во дворе было тихо и темно, а потом вдруг по всей дыре, как по экрану, проступила заставка медиаплеера, и я зажмурился, отгоняя наваждение. Когда я открыл глаза, заставка уже исчезла, а передо мной снова был унылый ночной двор. Потом я услышал голос барона и обернулся. Старательно подражая телевизионным дикторам, барон читал сводку новостей с монитора моего ноутбука:

...В Центральном округе столицы второй раз за неделю подверглись нападению неизвестных артисты Цыганского ансамбля мультикультурного центра имени академика Сахарова. Неизвестные, выкрикивая ксенофобские лозунги, избили металлическими прутами двух мужчин, собаку неизвестной породы и одну женщину, а затем скрылись...

Я смущенно кашлянул, потоптался на месте, пряча прут за спину, но это выглядело глупо — мои гости расположились всюду, в том числе и у меня за спиной. Судя по неодобрительному гулу, прут увидели все. Идиотская ситуация.

Барон на мгновение обернулся ко мне, сверкнув зубами:

— А ты, я смотрю, из скинхедов будешь, хозяин? — и тут же снова уставился в монитор.

Я опять промолчал, но потом до меня дошло, что наконец починили сетевой кабель и я могу сейчас связаться с кем угодно через Интернет.

Я вздохнул, собрался с силами, потом решительным шагом подошел к столу и забрал мышку из рук барона:

— Пусти-ка, отец...

Барон без возражений отдал мне мышь, но из кресла вставать не стал, так что мне пришлось запускать скайп в крайне неудобной позе, а потом еще выдергивать из-под волосатого локтя барона наушники с микрофоном.

Прут арматуры я положил на стол, потому что одной рукой все это делать было невозможно, а бросать хорошую вещь на мокрый пол не хотелось.

Алена ответила после долгих, с пару минут, дозвонов.

— Алена? Привет! Слушай, у меня тут такие проблемы...

— Знаю я твои проблемы! — перебила она меня отрывисто, позабыв про свой фирменный растянутый слог.— Мне уже позвонили и рассказали...

— Кто позвонил? — опешил я.

— Кто надо. Дознаватель из РУВД. А то ты не знаешь, ты ведь сам дал мой телефон в прокуратуре! Нашел кого впутать в свои грязные делишки. Ну ты и скотина! После всего, что я тебе отдала, чем жертвовала, чем поступилась для тебя как женщина... Я, конечно, и раньше понимала, что ты на этой национальной теме шизанутый, но не думала, что до такой степени... Патриот, мля. Спаситель отечества... Дебил ты конченый! Я тебя знать не хочу после этого...

— Ален, я не понимаю, о чем ты...— заскулил я, но она отключилась, а индикация скайпа показала, что Алена вообще вышла из программы или даже из Сети.

Я снял наушники и невидящими глазами посмотрел на экран. Впрочем, вдруг увидев свое имя, я вчитался в новость из топа неведомого информационного агентства:

Иван Зарубин, ксенофобствующий маньяк из Новых Черемушек, нашел себе очередную жертву. После жестокого убийства трех таджикских гастарбайтеров обезумевший студент Бауманского университета напал на двадцатилетнего визажиста Юлиана Семеонова, хорошо известного в столице и даже за пределами МКАД. Маньяк проломил несчастному юноше голову металлическим прутом и выбросил с балкона своей квартиры, расположенной на 37 этаже...

Мельком я отметил, что журналисты, как всегда, врать горазды — нет же у меня в квартире балкона и не было никогда. И этаж, само собой, на 11 номеров меньше. Впрочем, какая разница — о чем я, в самом деле, думаю?!

Цыганский барон втихаря цапнул со стола мой прут и с неподдельным интересом принялся его разглядывать. Особенно любопытным показался барону окровавленный конец арматурины — его барон даже понюхал, прижимаясь кривым волосатым носом к самому краю железки.

Потом в поле моего зрения вдруг попала худенькая девочка лет десяти, в углу гостиной старательно отжимающая ярко-оранжевую кофточку в мою фирменную пароварку. Заметив, что я смотрю на нее, девочка нахмурилась и очень ясным, звонким голосом заявила:

— Обскурантизм фашистской идеологии, расизм, антисемитизм, национализм, шовинизм — всё это ослепляет человека, делает его неразумным животным. Короче, зря вы так с людьми, дядя Иван. Мы же не виноваты, что у нас кожа другого цвета,— сказал она, взглянув на меня ясными детскими глазами, попутно оголив плечо, чтоб я смог увидеть ее татуировку «We are the World, we are the People» на ее гладкой смуглой коже.

— А ведь мой дед с фашистами воевал,— глухо проронил старик в спортивном костюме со своего почетного места на диване.— Как же могло случиться, что в стране, победившей фашизм, буйным цветом расцветают нацистские организации?

Ему тут же ответили женщины с галерки, усевшиеся рядком на корточках вдоль северной стены.

— Ксенофобия и расизм, как правило, расцветают махровым цветом на теле гибнущих империй,— со знанием дела заявила одна из матрон, попутно отжимая в мою кастрюлю край своей безразмерной юбки.

— Фашизм и сталинизм — позор России! — подняла палец к потолку ее соседка и в доказательство смачно плюнула на мой пол. По воде, залившей гостиную от края до края, пошли широкие круги.

— Проблему толерантности стоит рассматривать сквозь широкую призму междисциплинарного подхода, а не узких политических тенденций...— затянул новую тему старик, поджав тощие ноги подальше от мокрого пола, но старика перебил барон:

— А пускай-ка этот фашист покается! Пора бы уже. Пусть, гад, признает свою вину. Тогда можно будет простить — как Бог велел.

Барон пружинисто встал, двумя широкими шагами отодвинув меня на середину гостиной. Мощный мужик оказался, килограмм под девяносто, не меньше. В руках у него был мой железный прут, и держал он его крайне умело — в правой руке под прикрытием полусогнутой левой.

Может, кому-то эта сцена сейчас и покажется смешной, но у меня тогда реально затряслись колени. Каяться мне было не в чем, и они это знали, но, что будет, если я не покаюсь, отлично знали и они, и я. В такой ситуации полагалось бы проснуться, и я замотал головой изо всех сил, не зная, как еще можно избавиться от окружающей меня фантасмагории.

Увы, ничего не изменилось — кроме выражений лиц. Лица были недобрые, и с каждой секундой они становились всё злее и злее, даже у детей.

— Мне очень жаль, граждане,— сказал я предательски дрогнувшим голосом, отступая к прихожей.

— А уж как мне жаль, не поверишь, брат! — зловеще сказал барон, расставив пошире ноги и замахиваясь прутом.

Окончательно потеряв лицо, я рванул в прихожую, отпихивая подло бросающихся под ноги цыганят. Мне вдруг пришла в голову безумная мысль, что если вернули Интернет, то, может быть, и дверь на лестницу тоже вернут, и тогда я успею удрать из этого сумасшедшего дома...

Увы, распахнув свою дверь в третий раз за сутки, я опять увидел за ней ровный бетон без каких-либо намеков на отверстия или проемы.

Тогда я повернулся лицом к преследователям. Все пятеро цыганских мужиков столпились в прихожей, вооружившись подручными предметами — кроме железного прута у барона, оказались востребованными оба табурета от моей шведской кухонной стойки и две бутылки из-под советского шампанского с грамотно отбитыми горлышками. Иззубренные края «розочек» блестели точь-в-точь как блестят акульи зубы в детских мультиках, и я снова подумал, что участвую в очевидном фарсе, просто с хорошей компьютерной графикой и текстурой.

— Кайся, нацист! — строго приказал мне барон, делая осторожный шаг вперед.

— Хорошо,— выдавил из себя я, вжимаясь в холодную бетонную стену.— Каюсь. Ох как каюсь! Реально каюсь, короче, мужики. А что говорить-то?

Цыгане вдруг заулыбались, легко опустив табуреты и «розочки».

— Повторяй за мной,— тоже ухмыльнулся барон.— «От имени Российской империи призываю к покаянию весь свой народ за бесчисленные страдания, причиненные угнетаемым нациям. Также каюсь в грехе цареубийства, каюсь за угнетение эвенков, поляков, финнов, тунгусов-маньчжуров, грузин, чеченцев и армян, каюсь в угнетении казахов и узбеков, украинцев и ингерманландцев, хантов и бурят, евреев, греков и молдаван, китайцев и чувашей. И не их только одних, обитающих в Москве, но и жителей всей России, а также тех, которые уже скончались или не родились...»

Я начал было послушно повторять за ним, но это все оказалось невозможно запомнить, и я начал ошибаться с первого же предложения, назвав тунгусо-маньчжуров тунгусо-чувашами, а в грехе цареубийства нечаянно обвинил грузин и евреев.

— Да я смотрю, ты вообще не раскаялся, сука! — возмутился барон и без замаха ударил меня прутом в голову.

Я зажмурился от страха и неожиданности, но успел отпрянуть назад и, поскользнувшись, плашмя упал на пол. Тут же погас свет, и я затих на мокром полу в ожидании неминуемой расправы. Боли не было, но это еще ни о чем не говорило. Впрочем, вокруг было тихо. Я с минуту щурился в абсолютный мрак прихожей, а потом заметил слабое свечение из гостиной и по-пластунски прополз пару метров вдоль стены на свет. Там я снова замер, стоя на четвереньках и напряженно прислушиваясь. Было так тихо, что стало слышно, как у соседей снизу смеются олигофрены в телевизоре.

Я осторожно оторвал от пола одну руку и потер ушибленный лоб, пытаясь понять, насколько серьезным было мое ранение. Череп вроде остался цел, даже кожа не поцарапана, и это обстоятельство меня воодушевило. Я вдруг подумал об унизительности своей позы и всей ситуации в целом, после чего, подчиняясь порыву, решительно встал во весь рост, готовый смело ударить в ответ любого, самого страшного врага.

С моих мокрых штанов даже не капало, а текло, но, кроме этого пошлого журчания, в квартире не было слышно ничего.

* * *

Когда включили свет, я был готов к чему угодно. Но, оглядев пустую прихожую, где среди прочего хлама в лужах воды валялись две «розочки», два табурета и один металлический прут, я понял, что очередное приключение опять закончилось почти без потерь для моего здоровья.

Я прошел в гостиную и с нарастающим раздражением уставился в прямоугольную дыру. За дырой светало. Меня опять потянуло в сон, но заснуть в обстановке такого бардака я бы не смог физически...

Под кухонной стойкой я нашел большой пластиковый пакет и принялся собирать туда весь хлам, валявшийся на влажном от недавнего потопа полу. Одних тряпок набралось килограммов на десять, еще было полно мокрых кульков с шелухой от семечек, фантиков от дешевых леденцов, несколько пустых сигаретных пачек, пара пустых пивных бутылок, старые кирзачи и просто несметное количество окурков.

Я очистил прихожую и почти убрался в гостиной, когда в дверь вдруг позвонили. Ну да, именно позвонили. Это простое событие ввело меня в состояние абсолютного ступора, и я выслушивал трели своего модного электронного звонка несколько минут. Потом я побежал в прихожую, как был, с огромным пакетом мусора в руках.

Я отворил первую дверь, а за ней увидел родную металлическую. Приглядевшись, я заметил ошметки серой пленки, не слишком аккуратно отодранной от двери и косяка. Я принялся размышлять, могла ли такая пленка ввести меня в заблуждение, изображая бетонную стену, но тут снова раздался нетерпеливый звонок, и я быстро отворил наружную дверь.

Мимо меня, деликатно пихаясь, тут же проскользнули двое молодых людей, кажется парень с девушкой, обдав меня каким-то сладким парфюмерным запахом. Они нервно прокричали мне уже из прихожей:

— Закрывайте скорее дверь, убьют же!..

Я действительно услышал какие-то злобные выкрики на лестнице, потом чьи-то руки с той стороны потянули мою дверь наружу и я рефлекторно начал сопротивляться, вцепившись в дверную ручку изо всех сил. Мои незваные гости бросились на помощь, тонкие пальчики ухватились за замок, засов и за всё, за что можно было уцепиться в моей двери, после чего сопротивление с той стороны было сломлено, и мы захлопнули дверь.

Я повернул ключ трижды и еще накинул засов, затем повернулся к своим визитерам — кажется, четвертым за эту ночь.

Передо мной стояли юноша и девушка, очень схожие в своих тонких, женственных фигурах, вычурных шелковых кофточках, джинсах в обтяжку, прическах и даже в выражении лиц.

— Мы Лера и Валера,— пропели они одинаковыми тонкими голосочками, откликаясь на мой немой вопрос.

Вообще-то мне не хотелось разговаривать, я надеялся, что сразу после уборки смогу прилечь на диван и поспать хотя бы несколько часов. Но ведь не будешь же спать, пока в квартире околачиваются неизвестные.

— Чаю? — осведомился я, закрывая вторую дверь.— Или, может быть, стаканчик водки?

— Неплохо бы,— кивнуло мне одно из существ, облизнув тонкие бледные губы. Полупрозрачная кофточка этой особы была розового цвета, а у другой — голубая. Во всем остальном мои гости были настолько идентичны, что я принял бы их за близняшек — если они, конечно, перестали бы нежно держаться за руки и поглаживать друг друга.

Я убрал мешок с мусором с дороги, переставив его в угол прихожей, и пошел к кухонной стойке. В холодильнике должны были жить две бутылки водки — одна, початая, литровая; другая, пол-литровая, для особо важных гостей, дожидалась своей участи запечатанной.

Но водки в холодильнике не нашлось никакой. Я осмотрел все полки, потом в замешательстве открыл морозильную камеру, но и там ничего актуального не обнаружил.

— Цыган в квартире не было? — неожиданно хриплым, тревожным голосом поинтересовалось существо в голубой кофточке.

— Были,— развел я руками, а потом захлопнул холодильник.

— Дык фиг ли ты тогда тут ищешь? — искренне удивилось существо.— Ты бы еще деньги начал искать, дурачина...

Я внимательно взглянул на этого наглого комментатора. Передо мной стоял молодой человек в голубой шелковой кофточке и джинсах, плотно обтягивающих хилые конечности. На голове у него росли длинные пегие волосы, в обоих ушах висело по сережке, а в носу сияло что-то неземное, блестящее, серебристое с розовым.

— Сопли подотри,— посоветовал я, и оно испуганно достало кружевной платочек из кармана джинсов.

— Это пирсинг,— сказало оно потом, обиженно наморщив короткий, «пуговкой», носик.

Мне вдруг самому страшно захотелось выпить, так что я упрямо продолжил поиски: пошарил за холодильником, потом полез в кухонный шкаф за стойкой и нашел там, к своей радости, хоть и открытую, зато практически полную бутылку коньяка. Я показал рукой, откуда можно взять стаканы, и оба моих визитера, толкаясь худосочными задницами, рванули к полке с посудой. Потом все уселись на табуретах вокруг стойки, я разлил коньяк по стаканам, и мы начали светскую беседу.

— От кого бегали-то, зайцы чахоточные? — спросил я доброжелательно, слегка размякнув от первого глотка коньяка.

— Вы что, не знаете? Несогласные митингуют, нон-стоп, по всему городу. Их менты гоняют и еще эти... добровольцы. Ну, те, которые на всё согласные. Заодно и неформалам достается,— рассказало розовое существо, нервно вздрогнув пегой челкой.

— Неформалов православные хунвейбины по всему городу долбят. Второй год пошел, как долбят. Что тут нового, дядя? — раздраженно добавило существо в голубой кофточке.

Оказалось, мои гости живут в доме напротив. Они как раз топали с автостоянки домой, но черт их дернул зайти по дороге в супермаркет, где у входа дежурила банда православной народной дружины. Стриженые юноши, вставшие с золоченым иконостасом наперевес, разумеется, отреагировали на появление пошлой парочки и попытались вручную лишить нарушителей общественного порядка пирсинга и слишком длинных волос.

Я ополовинил свой стакан и сказал то, что думал:

— А зачем вы извращаетесь, черти бесполые? Умыли бы свои морды крашеные, надели бы нормальные шмотки — никто бы вас не тронул. Меня вот они не трогают, уважают. А на вас смотреть противно. Сам бы плюх вам навешал, да руки марать неохота.

Оба существа промолчали, глядя куда-то на донышко своих стаканов, и я не стал больше ничего им говорить — всё равно бесполезно.

Я долил себе коньяка, поставил бутылку на стойку возле голубой кофточки — чтобы этот чудак дальше сам наливал своей чудной бабе,— и пошел к креслу за компьютерным столом. Монитор проснулся, когда я двинул мышкой по столу, а на индикаторе Сети приветливо заморгали крошечные экраны. Сеть есть, слава Основателю!

Я торопливо запустил браузер и влез в новостной топ.

Президенты США и России обменялись резкими заявлениями. Угроза военного конфликта становится реальной как никогда!

Международная организация «Репортеры против тирании» поставила Россию на 178 место в мире по уровню гуманизма по отношению к животным в области животноводства и птицеводства.

Подростки в селе Горелово на спор забили участкового компьютерными мышками, завезенными в село в ходе реализации в Саратовской области национального проекта «Доступное образование».

Комиссия ПАСЕ под руководством Отто Газенвагена готова к объявлению результатов по России. Из 12 реперных источников комиссии только один может изменить негативные выводы социологов. По неофициальной информации, этот источник находится в Москве. Совет НАТО рассмотрит выводы комиссии Газенвагена на утреннем заседании.

Брюссель отмел обвинения Москвы в подготовке неспровоцированного нападения — все переброски военной техники и снаряжений производятся в рамках давно запланированных учений НАТО «Принуждение к свободе», а не «Понуждение к миру», как полагают в Москве.

Юбилей Филиппа Киркорова привел к резкому росту индекса потребления гусиной печени и антибактериальных препаратов в Москве.

Потом до меня дошло, что историю про дырку в моем доме следует искать в местных новостях, и я минут десять азартно шарил в поисковых системах, формулируя различные варианты запросов. Впрочем, всё это оказалось бесполезным — моя локальная техногенная катастрофа интересовала только меня.

Затем я наконец вспомнил про скайп и просто позвонил дежурному префекту в районную управу. Я не стал надевать наушники — воткнул один динамик в ухо, а микрофон придерживал свободной рукой.

Дежурный взял трубку после двух десятков звонков и отвечал поначалу крайне грубо, но, когда я назвал свой адрес и имя, его голос стал подобострастным до неприличия:

— Ох, такая честь для нас, Иван Андреевич! Вы можете звонить в любое время, вам мы всегда рады! Что за проблемы у вас, расскажите?

— У меня таджики дырку в капитальной стене проломили, на 26-м этаже,— сообщил я.— И еще цыгане по дому шастают, как собаки. Водку сперли, нагадили везде...

— Безобразие! Это просто возмутительно! — тут же отозвался дежурный.

— Вы примете меры? — нажал я.

— Да! Конечно! Мы обязательно примем меры! Спасибо, что позвонили! — заверили меня с удивительной экспрессией.

Это была очень странная реакция, и от неожиданности я сам отключился. Я просто не знал, что полагается дальше говорить, когда чиновник с тобой совершенно согласен.

— А ты чего, мужик, вправду ничего не знаешь, что ли? — донесся до меня писклявый голос от кухонной стойки, и я невольно поморщился, поворачиваясь лицом к этим убогим.

— Что я должен знать? — довольно искренне удивился я.— Наши взяли Тбилиси? Президент России принял ислам? Партия власти сдалась прокуратуре?

Обе разноцветные кофточки противно затряслись, дерзко хохоча, и я поднялся с кресла, медленно, но верно закипая. Я подошел к ним ближе и увидел, что моя бутылка из-под коньяка уже пуста. Это обстоятельство разозлило меня еще сильнее.

— Над чем ржем, гости дорогие? — спросил я, подходя к стойке и примериваясь к голубой кофточке. Бить по-взрослому бабу было все-таки как-то непривычно, а вот ее мужика, пусть и в прозрачной кофточке, воспитывать вручную, наверное, не так противно, как кажется.

— Вы извините, я вовсе не над вами смеюсь,— испуганно встрепенулся молодой человек, но было поздно — я уже завелся.

Я не стал бить его кулаком по напудренной морде, как следовало бы, а просто отвесил пару саечек и потом еще, не сдержавшись, как следует, подергал за уши. Экзекуцию он перенес молча, как нечто заслуженное, разве что сильно жмурился.

— Дурак ты, Иван Зарубин,— расстроенно сказала мне со своего места розовая кофточка.— Теперь с тебя последние баллы спишут, которые за наше спасение сначала начислили. Ты же почти спас нашу Родину, а теперь все испортил, дурачина!

Я посмотрел в ее дерзкие глазки, ища подвоха, но она лишь ухмыльнулась:

— Всё пропало, Иван! Нам же всем теперь кранты! Газенваген всем нам теперь ожидается!

— Кому — нам? — Я подошел поближе и уставился на бутылку из-под коньяка. Там не осталось даже на глоток, и теперь я размышлял, можно ли послать эту розовую дуру в магазин или придется топать самому, потому что дура не пойдет, а этот ее утлый овощ тем более. Да и не донесут они водку — накостыляют им возле магазина добропорядочные граждане и выпьют за мое здоровье.

Розовая кофточка вдруг встала с табурета и присела на корточках рядом со своим приятелем, нежно поглаживая его по тощим ляжкам и совершенно игнорируя мое присутствие. Юноша по-прежнему жмурился, а по его гладким щекам катились слезы обиды и жалости к самому себе. Я бессмысленно потоптался рядом с ними, и тогда она рявкнула, кривя тонкие губы:

— Иди телевизор включи! Сам всё увидишь, дебил... Миротворец, мля.

Я послушно вернулся к креслу и включил телевизор.

На экране появилась встревоженная физиономия ведущей новостного канала, а еще одно напряженное лицо строго смотрело на меня со студийного монитора.

— *Семен, каковы выводы Комиссии по этике? Что за рекомендации получил Совет НАТО?* — Голос блондинки-ведущей звенел от напряжения.

— Ох, Елена, боюсь, что всё очень плохо,— хмуро отозвался Семен, оглядываясь в кадре по сторонам большого холла.

За спиной репортера вдруг началось беспорядочное движение людей в строгих костюмах, которых преследовали телевизионщики с огромными камерами на плечах. Еще несколько десятков фоторепортеров слепили их вспышками.

— *Ага, Елена, вот и заседание завершилось. Сейчас Отто Газенваген сам расскажет журналистам, к какому выводу пришла его Комиссия и какие рекомендации даны Совету НАТО,*— затараторил репортер, выходя из кадра.

Некоторое время камера показывала суету в холле, где перед толпой журналистов выстроилось в шеренгу несколько хорошо одетых мужчин с крайне серьезными лицами. Потом один из них сделал шаг вперед и заговорил по-английски. Репортер принялся синхронно переводить, заменяя непонятные слова тревожным блеянием:

— *Комиссия под руководством уважаемого Отто Газенвагена, который, э-э, ранее поработал в Европе в качестве, э-э, в общем, известный уже европейцам политик. Так вот, Комиссия Газенвагена пришла к выводу, что жители Российской Федерации не соответствуют высоким стандартам европейского мультикультурного общества, стандартам ЮНЕСКО в области гуманитарных отношений, стандартам Второго всемирного клерикального конгресса и, э-э, в общем, еще какому-то стандарту мы не соответствуем, Елена, я не успел понять, какому именно, он очень быстро говорит.*

Елена недоверчиво покачала головой, с изумлением оглядела свою выдающуюся грудь, совершенной формы талию и растерянно пожала голыми плечами в камеру.

— *Каким еще стандартам мы не соответствуем, Семен? Что за глупости, в самом деле?* — сердито воскликнула она.

Семен, не слыша возмущенных комментариев из студии, продолжал упрямо переводить:

— *...Целью работы Комиссии по этике был мониторинг социальных настроений и, э-э, еще чего-то интересного в российском обществе. Э-э, изучались процессы укрепления демократии, социальной справедливости, сохранения исторической преемственности. Развитие мультикультурного гуманитарного взаимодействия в контексте современных тенденций и, э-э, всё такое. Двенадцать реперных источников изучались без их ведома, но в соответствии с европейскими правилами мониторинга, с соблюдением всех необходимых формальностей и законодательного акта «О свободе информации», а также, э-э, других актов и законов...*

— *Семен, будет лучше, если вы своими словами перескажете, а то ничего не понятно,*— осадила его ведущая.

— *Да мне самому не всё понятно, Елена,*— признался репортер.— *Кажется, помимо пиплметров от Геллапа, для мониторинга дополнительно использовались еще двенадцать человек, проживающих в России. Искусственно создавались определенные коллизии, а комиссия фиксировала реакцию объекта с помощью видеокамер и свидетелей.*

— *Ну и каков же результат?* — заинтересовалась Елена.

— *Отто Газенваген говорит, что никто из испытуемых не набрал больше 45 баллов по тесту Ганди—Соланы—Арафата, а чтобы страна была призна-*

на мультикультурной, нужно получить в среднем не менее 50. Тесты безнадежно провалены, и теперь Совет НАТО должен принять решение.

— Какое еще решение? — насторожилась ведущая.

— Э-э, члены Комиссии как раз сейчас говорят, что это должно быть взвешенное и адекватное решение,— отозвался репортер.

— Ну *хорошо, мы вернемся к этой теме позже,*— легко завершила беседу ведущая.— *К другим новостям. Министр сельского хозяйства России назвал смехотворными обвинения международной организации «Репортеры против тирании». Напомним, в своем меморандуме эта организация обвинила российских производителей в низком уровне гуманизма в сфере животноводства и птицеводства. Есть у международных правозащитников серьезные претензии и к российским пчеловодам...*

Я сделал звук потише и повернулся к своим гостям.

— Ты еще можешь спасти мир,— патетично крикнула мне от кухонной стойки розовая кофточка.

— Мы верим в тебя, Зарубин,— сипло добавила голубая.— Прикинь, нашу с тобой Родину реально бомбить сейчас начнут, если ты не спасешь ее! Ты и есть тот самый двенадцатый реперный источник — на тебя вся надежда. Давай, Зарубин, ты же патриот или кто?! Вставай! Действуй!

Я действительно встал, потрясенный торжественностью минуты. Из дыры в стене потянуло свежим утренним ветром, и я подошел к ней поближе, расправляя плечи и вглядываясь в наливающееся пронзительной синевой небо. Внизу, на детской площадке у дома, я заметил огромную толпу людей. Некоторые из них держали в руках транспаранты.

Я пригляделся: «Мы верим в тебя, Зарубин!», «Иван — мы с тобой!», «Все люди братья!», «Россия вспрянет ото сна!», «Партия сказала „надо!", народ ответил — „есть"!», «Победа будет за нами!»

Я улыбнулся и помахал рукой. Меня заметили снизу, отозвавшись радостным гулом и криками, а потом запели что-то радостное, бодрое и воодушевляющее. Мир, в сущности, прекрасен, а все люди действительно братья, подумал я и снова улыбнулся им всем.

— А что мне надо сделать-то? — Всё с той же рассеянной улыбкой я повернулся к своим чудаковатым гостям, которые уже не казались мне такими противными. Ребята как ребята, хотя и немного странные.

Розовая кофточка вздохнула:

— Такие дела, Зарубин. Там, в Европе, странная система подсчета баллов. В общем, тебе надо поднабрать за оставшийся час еще хотя бы баллов сорок, а то у тебя сейчас меньше десяти. Зато, если ты наберешь эти дополнительные баллы, тогда суммарный результат по всем контрольным точкам станет выше пятидесяти. И Россия будет спасена. Сейчас весь мир смотрит на тебя, как на «Евровидении»! Дерзай, Зарубин. Набери уже баллов для Родины! Родина у нас одна, Зарубин! Ты ведь любишь Родину, Зарубин? Или ты реально не понимаешь, как надо действовать?

— Как? — Я подошел поближе.

— Больше всего очков европейцы дают за нетрадиционный секс с альтернативно одаренными людьми.— Розовая опять коротко вздохнула.— За один

акт сразу двадцать пять баллов начислят, так что, если два раза успеешь, как раз полтинник заработаешь. Это реальная тема, она в ПАСЕ точно прокатит, зуб даю!

— Во имя мира и добра, Зарубин! — сипло добавила голубая кофта, потирая красный от саечек лоб и малиновые уши.

До меня наконец дошло, о чем они рассуждают, но я пребывал в таком глубоком ступоре, что даже мычать не мог от возмущения.

В прихожей послышался шум, потом хлопнула дверь, и в мою гостиную вошел Вольф Владимирович собственной персоной.

— Ну что, кто тут у нас объект RUS-12? — Партийный босс по-хозяйски огляделся и пошел ко мне, расстегивая на ходу брючный ремень.— Или ты Родину не любишь? — добавил он, увидев мое лицо.

— *Бомбардировщики НАТО приведены в состояние повышенной готовности и находятся на взлетных полосах в ожидании команды «старт»!* — заполошно вскрикнул телевизор.

«Господи! — взмолился я, поднимая глаза к потолку.— Ты что, действительно хочешь этого от меня?!»

— *Генеральный секретарь НАТО признал, что альянс может отменить решение о бомбардировке в течение ближайших 30 минут, если подтвердится информация о сорока дополнительно набранных россиянами баллах,*— заверил телевизор и деликатно выключился.

— Не тушуйся! Если что, я тебе помогу, миротворец! — обнадежила розовая кофточка, сбрасывая туфли и сладко потягиваясь.

— Ломаю вас всех в моих объятиях,— закричал партийный босс, срывая с себя рубашку.

— Свет хотя бы погасите,— сказал кто-то чужой моим голосом, и наступила тьма.

Глава десятая
СИСАДМИН ТОЛИК

Первые пятнадцать минут Толик, не двигаясь, сидел в своем вращающемся кресле и пялился на недопитое пиво. Словно искал в пиве смысл жизни. Многие, по данным Минздравоохранения, находят.

И неизвестно, сколько бы просидел еще, но внизу, на вахте, запиликал звоночек — кто-то хотел попасть в музей. Ночные гости были редкостью. Как правило, заблудившиеся туристы, заметившие свет на вахте, звонили, чтобы узнать дорогу к отелю. Иногда нетрезвые господа просили пустить погреться. Но это зимой.

Толик очнулся, снял трубку внутреннего телефона, нажал кнопочку вахты. Обычно он не делал этого, охрана сама разберется с визитером. Но сейчас почему-то решил, что пришли именно к нему.

© А. Кивинов, 2010

— Сергей, кто там?

— Чудик какой-то,— отозвался охранник,— насчет конца света плетет.

— Что? — вздрогнул Толик.— Какого конца?!

— Не знаю... Дескать, завтра конец света, хотел бы поговорить. Чокнутый, наверное. Я не буду впускать.

— Погоди, погоди... Впусти. Это ко мне.

— Лады, как скажешь.

Что еще за очередной сюрприз? Неужели Основатель лично пожаловал? Подтвердить сказанное... Однако, жарковато становится. На всякий случай неверующий сисадмин перекрестился. В фильмах про вампиров и прочую нечисть герои держат перед собой крест. Креста при себе не имелось. Толик быстро скрутил его из пары канцелярских скрепок и сжал в кулаке. Береженого Бог бережет.

В зале послышались шаркающие шаги, через несколько секунд дверь медленно отворилась, и в кабинет зашел субъект лет сорока, сильно небритый и не очень опрятный — запах едкого пота и немытого тела валил все живое в радиусе двух метров. На субъекте была великоватая матерчатая жилетка и полуразложившиеся от старости джинсы. Под жилеткой — заношенная футболка с рекламой стирального порошка, видимо приобретенная во время промоакции. На ногах разбитые кроссовки. В руках субъект держал брезентовую авоську. Для организатора конца света он выглядел как-то несолидно. Мог бы костюмчик надеть. И побриться.

Впрочем, Толика волновал вовсе не внешний вид вошедшего.

— Вы Основатель? — встав с кресла, резко спросил он у мужчины, сделав ударение на последнем слове.

— Ну... Скажем так: я пришел от него.— Субъект почесал подбородок и поставил авоську на стол. Кивнул на недопитое пиво: — Не угостите? Я вообще-то не пью, это грех, просто в горле пересохло ...

Толик протянул бутылку. Субъект жадно припал к горлышку и в два глотка расправился с остатками пива. Затем довольно крякнул, поставил бутылку на пол и присел на музейный стул, стоявший в кабинете в качестве декорации.

Да, вполне логично. Основатель не может посетить сразу двенадцать мест. Вот и прислал гонца. Пока непонятно для чего. Возможно, уточнить условия задачи или объяснить, как пользоваться дверью. Пошаговая инструкция.

Сисадмин заметно растерялся. Он просто не представлял, с чего начать разговор. И как себя вести в подобной несколько необычной ситуации. Беседовать лицом к лицу с посланником Бога ему за свою тридцатилетнюю жизнь пока не доводилось.

Впрочем, посланник начал первым:

— Вы знаете, что завтра наступит конец света?

— Ну... В общем... предполагаю,— уклончиво ответил Толик.— Если Основатель не гонит.

— Основатель говорит только истину. А вы готовы к нему?

— К чему?

— К апокалипсису.

— Ну, специально я, конечно, не готовился,— Толик окончательно растерялся,— да и не успел бы... Но... Основатель, кажется, дал шанс на спасение.

— Да! — заметно обрадовался гонец.— Именно! Но шанс не для всех!

— Это я понял... Но почему именно нам?

— Потому что мы любим его, Основателя. Вы ведь любите его?

— Ну не знаю... Мы переписывались иногда... Спорили. Если я буду любить всех, с кем переписываюсь... С ума сойду, наверно.

— Во-первых, он не все,— с легкой обидой произнес посланник,— только благодаря ему существует жизнь... Вас как звать?

— Толиком... Анатолием.

— Очень приятно.— Гость не назвал свое имя.— Видите ли, Толя, он жизнедатель. Он желает, чтобы Землю населяли счастливые люди, которые бы никогда не болели и не страдали. Замысел его прекрасен. Но что происходит сегодня? В мире царят преступность, войны, терроризм. Голод. Люди любят деньги, удовольствия, но не любят его. Замечаешь ли ты таких людей в своем окружении? Признайся, что да... И в результате наступают последние дни. Ты чувствуешь их приближение?

— Из-за кризиса, что ли? Ну, зарплату нам, конечно, урезали, но, говорят, это ж временно...

— Нет. Последние дни уже наступили, завтра миру конец. Но ты верно сказал — у нас есть шанс. Подожди...

Посланник порылся в авоське и выудил пеструю брошюру. На обложке четыре улыбающихся человека — мужчина, женщина и мальчик с девочкой — стояли в обнимку на фоне экзотических зарослей, переходящих в величественный пейзаж. По всей видимости, семья, хотя мальчик, в отличие от остальных, был негром. Из зарослей выглядывал такой же улыбчивый лев, а на лужайке мирно паслись антилопы.

— Вот послушай...— Посланник развернул книжицу и, прищурив глаза, зачитал: — И сказал Иисус: «Наблюдайте же за собой, чтобы ваши сердца никогда не отягощались перееданием, пьянством, развратом и житейскими заботами и чтобы тот день не застал вас внезапно, как ловушка. Ибо он найдет на всех живущих по всему лицу земли...»

— Ну-ка дайте-ка.— Толик, протянул руку за брошюрой.

— Пожалуйста. Можешь сам убедиться.— Посланник трепетно вручил книжицу.

«„Чему учит Библия",— прочитал сисадмин.— Made in...»

Блин, это ж обычный сектант! Конец света, вечная жизнь в раю... Всех достали. Поэтому и баламутят по ночам, чтобы днем в глаз не получить. Надо ж как ему подфартило...

Толик перевел дух. Хотя переводить рано. Ладно этот чудик, но дверь-то — вон она! Ждет. И Основатель тоже ждет...

Посланник продолжал что-то бубнить про райскую жизнь, но сисадмин не слушал его. «Вы можете отправиться в любое место человеческой истории... Когда вернетесь, здесь все еще будет ночь Накануне».

Отправиться, конечно, можно. Но хорошо бы на ком-нибудь проверить, вернешься ли обратно. А то останешься в истории насовсем... Но на ком проверить?

Так вот же... Сидит напротив. Пускай сходит на разведку. Если вернется живым-здоровым, тогда уж и я...

— Послушайте...— Сисадмин прервал сектанта, когда тот самозабвенно доказывал, что отдать жизнь за Бога это совсем не страшно.— Вы действительно думаете то, что говорите?

— А как же иначе? Лукавство — козни Сатаны! Я вам сейчас прочитаю...

— Не надо, не надо,— остановил его Толик, поднявшись с кресла.— То есть, если бы Иисус велел вам пойти на смерть, вы бы пошли?

— Конечно! Ради Царствия Небесного. Ведь в Библии сказано...

— Хорошо, хорошо, я сам потом прочитаю... А вы хотели бы его увидеть, ну, скажем так, живьем? Прямо сейчас?

— Но это, к сожалению, невозможно. Иисус был распят две тысячи лет назад.

— Да, я помню... Я вас не спрашиваю, возможно это или нет. Я спрашиваю — не хотели бы?

— Ну,— опять почесал подбородок посланник,— не откажусь...

— Что ж, отлично... Идите сюда.

Толик взял слегка растерявшегося сектанта под локоть и подвел к появившейся двери.

— Значит, так... Повторяйте вслух: «Я хочу увидеть Иисуса и готов отдать за него жизнь, если потребуется».

Вторую часть предложения сисадмин произнес для очистки совести. Кто его знает, что там за дверью? Вдруг человек погибнет? А раз он сам желает — это не грех.

— Быстрее, быстрее...

— Я хочу увидеть Иисуса и готов отдать за него жизнь, если потребуется.

Толик резко рванул дверную ручку на себя, схватил мужичка за шиворот и толкнул вперед, после чего захлопнул дверь и вернулся к компьютеру. Оставалось ждать и надеяться, что товарища не кинут на съедение львам в Колизее или не распнут на кресте.

Ждать пришлось долго. Неизвестно, сколько времени сектант провел в той реальности, но здесь прошло четыре с небольшим часа. Толик уже начал нервничать и прикидывать, что делать. Не милицию же вызывать! Попытался повернуть дверную ручку, но она не поддалась, видимо, система рассчитана на одного человека. Может, написать Основателю, что вышло недоразумение? Но ничего, кроме откупоривания очередной бутылки пива, Толик делать не стал.

Когда нервное напряжение достигло высшей точки, дверь наконец распахнулась, и ночной гость в прямом смысле рухнул к ногам сисадмина. Толик вскочил с кресла и перевернул мужика лицом вверх. В нос ударил мощнейший выхлоп алкоголя, разбавленный ароматом дорогих духов. Щеки сектанта украшали следы ярко-красной губной помады. В правой руке он сжимал ажурный дамский чулок. Ширинка на джинсах была расстегнута, полосатые трусы застряли в молнии.

— Эй! Что с тобой?

Гость ничего не смог ответить по той причине, что находился в невменяемом состоянии, называемом в литературе «в умат». Либо «в говно». И, судя по чулку, надрался он совсем не с Иисусом.

Вот шаромыжник!.. Видимо, Основатель отправил его не туда, куда он попросил вслух, а туда, куда желал на самом деле. Судя по всему, в бордель. Выпивка, женщины, халява... Проповедник хренов. Конец света, конец света... Чтоб сердца ваши не отягощались пьянством, перееданием, развратом... Урод!

Толик несильно пнул лежащего по ребрам ногой. Тот, вместо того чтобы возбухнуть, широко улыбнулся, огляделся и, заметив дверь, пополз к ней.

— Куда?! — Толик схватил мужичка за шиворот.— Обойдешься... Ишь, понравилось.

Поставив на него ногу, он дотянулся до трубки телефона:

— Серега, давай сюда... Надо вывести этого...

Через пару минут, во время которых сектант не оставлял попыток прорваться к двери, охранник был в кабинете:

— Ого... Ты его, что ли, загрузил?

— К Боженьке сходил. Давай вынесем.

Охранник подхватил мужичка под мышки, Толик взял за ноги, повесив на левую авоську.

— Да куда он сейчас в таком виде? — засомневался добрый охранник Серега.— И метра не пройдет.

— Ты предлагаешь оставить его здесь? Ничего, сам нажрался, сам пускай и выкручивается. Положим на газон, потом вызови ментов, пускай забирают.

— Это можно. Хотя я думал, это твой знакомый.

— Обознался.

Слабо сопротивляющееся тело доволокли до центрального входа и уложили под ближайший куст. Авоську поставили рядом. Охранник глянул на небо:

— Гроза опять собирается. Как бы не простудился, да не загнулся.

— Ничего, он смерти не боится. Его райские кущи ждут. Вызывай милицию.

На обратном пути в кабинет Толик прикидывал, куда бы отправиться искать смысл жизни. Может, тоже бордель заказать? Помирать — так от оргазма.

И практически себя уговорил, но тут случилось непредвиденное.

Двери уже не было! Не осталось ни малейшего следа, ни малейшего намека на ее присутствие!

«Вот зараза! Почему Основатель не предупредил, что можно воспользоваться проходом всего один раз?! Разве это по правилам? И я вместо того, чтобы прогуляться самому, отправил этого немытого засранца! А он быстро смысл в жизни нашел. Благо, что халява! „Здрасте, девочки!“»

Толик устало опустился в кресло.

«Ну и что теперь делать? Написать Основателю, что проводил следственный эксперимент, проворонил единственную попытку и не нашел смысла человеческого существования? Нормальный аргумент. Представляю, каким будет ответ».

Посмотрел на монитор. По нему бегали тараканы — заставка такая. Интересно, а тараканы тоже исчезнут? Они, говорят, самые живучие. Со времен динозавров сохранились.

Эти тараканы вдруг натолкнули Толика на неожиданную мысль. Ведь когда-то давным-давно человечества не существовало. Бегали по земле всякие

пресмыкающиеся, насекомые там разные... И никто им концом света не угрожал. Динозавры вымерли, но не потому, что земля исчезла. Всемирное похолодание и всё такое... Человек, по версии Дарвина, возник в результате эволюции. Рос, развивался, учился, бухал — короче, эволюционировал. Божественное происхождение пока отложим в сторону.

И вдруг появляется некто, кто объявляет, что завтра он всё ликвидирует. Нет, раньше Апокалипсисом тоже пугали. Перед каждым тысячелетием или просто круглой датой. В Средние века даже конкретная дата была названа. Причем в Европе и Азии одновременно. Народ приготовился, выходные костюмы надел, с близкими простился. Апокалипсис, конечно, не наступил, если не считать, что в этот день Колумб нечаянно открыл Америку. Но это совпадение, не больше.

А тут вдруг — на тебе! Готовьтесь! Безо всяких шуточек... Но можете доказать, что достойны жизни. А каковы критерии оценки доказательств?! Ведь что для человека является дикостью, для тигра или волка считается нормальным. И наоборот.

Какой, стало быть, вывод? Основатель, кем бы он ни был, мыслит человеческими категориями! А не тараканьими! Значит, он — человек, а не нечто абстрактное! Им управляют не животные инстинкты, но, прежде всего,— разум и эмоции.

И тогда возникает главный вопрос. Почему именно сегодня? Финансовый кризис? Чепуха, случались кризисы и покруче. Падение нравов? Глупости! Были времена и пострашнее. Почему тогда?!

Толик вытащил из стола последнюю бутылку пива, сорвал пробку и выпил половину из горлышка.

Ответ, при всей сложности вопроса, очевиден. У этого конкретного человека что-то случилось! То, что может произойти у любого нормального человека. Только этот наделен какими-то фантастическими способностями, но он прежде всего человек. У которого не оказалось никого рядом, с кем можно просто поговорить. С глазу на глаз. Кому можно выплакаться в жилетку и уронить голову на плечо... И он решил наложить на себя руки. Но перед этим помучить всех остальных... Типа, попробуйте отговорить.

«Возможно, я ошибаюсь, возможно, просто брежу, но... Это единственный шанс. Надеяться на то, что удастся его разубедить виртуально — гиблое дело. Тут нужен только живой разговор. За бутылочкой хорошего виски.

А раз это человек, который выходит в Сеть, значит, этого человека можно найти. Не исключено, что он живет на другом конце земного шара, но, как минимум, я отыщу номер телефона... Я же системный администратор... Это моя работа».

Он вспомнил похожую историю, недавно случившуюся в Англии. Местный пацан решил наложить на себя руки, но перед тем сообщил об этом подруге по социальной сети, живущей в Штатах. Та быстро сориентировалась, вычислила его домашний адрес и позвонила в Скотленд-Ярд. Когда полицейские приехали, пацан был еще жив, хотя и заглотил лошадиную дозу снотворного. Успели откачать...

Толик поставил бутылку, пододвинул кресло к столу и щелкнул мышкой. Основатель, как и все остальные, выходит в Сеть через сервер. Провайдер присваивает ему IP-адрес. Узнав который, можно установить и адрес клиента.

Для опытного хакера, которым был когда-то сисадмин, задача не представляла сложности. Сейчас-то он завязал с хакерством от греха и Управления «К» подальше, но опыт не пропьешь...

Пальцы забегали по «клаве».

Ему повезло, если в подобной ситуации это можно назвать везением. Провайдер находился в Питере. Кое-кого из этой компании Толик знал лично. Порывшись в блокноте мобильника, он отыскал номер. Правда, человек мог спать, но был шанс, что он сидит в Сети или дежурит.

Сисадмину повезло: человек дежурил. Толик, разумеется, не стал объяснять истинную цель задачи. Так, мол, нахамил один муфлон, хочется съездить к нему домой и дверь поджечь...

Человек заканючил:

— Толян, у нас же конфиденциальность. Жалоба будет, штрафанут или турнут. А где я в кризис работу найду? Или ты мне пособие оплатишь?

— Я всё понял. Сколько?

— Не, старик, дело ведь не в деньгах, пойми правильно... Это же разглашение коммерческой тайны. А рубли сейчас не деньги. Если только в евро...

— Не томи.

— Сотки хватит. За фамилию и адрес.

— Фамилии не надо.

— Тогда полтинник...

— Годится. Не переживай, клиент жаловаться не пойдет. Я дверь ему аккуратно подожгу. Никакого бензина. Только спирт.

— Лады... Я перезвоню.

Толик отключил трубку, выглянул в окно. Капли дождя ударили по металлическому карнизу, создавая апокалипсическую симфонию. Как там сектант? Уже забрали? Действительно ведь простудится... Он выглянул в окно, но внизу было слишком темно.

Интересно, он один из всех догадался просчитать адрес? Это ведь лежит на поверхности. А кстати... Читает ли сейчас Основатель мои мысли? Он же умеет...

Толик вернулся за стол, вошел в чат, но ничего нового не увидел. Два варианта — либо Основатель не у компьютера, либо может читать мысли, только когда собеседник в Сети. И то и другое сисадмина устраивало. Если нагрянуть в гости к нему неожиданно, можно рассчитывать на успех.

Приятель отзвонился через десять минут. Назвал адрес, еще раз попросил быть аккуратным и сообщил время и место, куда принести плату за разглашение коммерческой тайны. Толик пообещал привезти тридцать сребреников без задержек и в полном объеме. Он, конечно, валюту не печатал, но что такое полста евро для спасения человечества? Здесь и сотни не жалко.

Адрес находился на Петроградской стороне. Не офис — жилая квартира. Минут двадцать по ночному городу. Толик вырубил компьютер, сунул в карман курточки библейскую брошюру, запер дверь и бегом спустился вниз.

— Серега, я на полчасика. Мир спасу и обратно.

— Дело хорошее, валяй.

Сектант по-прежнему спал на газоне, и, судя по улыбке, дождь его не беспокоил. Ментов на горизонте не было. В такую погоду хорошая собака хозяина не выгонит.

Толик залез в свою старенькую «девятку», запустил движок. Порылся в бардачке, нашел дежурный баллончик «антиполицая». Пивной выхлоп, конечно, не коньячный, но рисковать не стоит. Апокалипсис апокалипсисом, но права терять не хочется. Вряд ли Основатель поможет их восстановить.

Включил приемник. Что там в бренном мире происходит? Жив ли еще мир?

«...*Примерно полчаса назад возле столичного ночного клуба „Подземка" произошла перестрелка между неустановленными лицами. В результате два человека убиты на месте, один в тяжелом состоянии госпитализирован. По всей видимости, погибшие принадлежали к движению „зеленых". При них обнаружены головные ленточки с соответствующей символикой. Как известно, завтра „зеленые" проводят демонстрацию, приуроченную к проходящему сейчас в Москве Европейскому экологическому саммиту. Не исключено, что случившееся — предупреждение вла...*»

Толик переключил волну. В последнюю ночь хотелось позитива. На секунду пришлось отвлечься, чтобы не столкнуться с подрезавшей его древней «ауди», превышающей лимит скорости минимум в два раза. Хорошо, что сам Толик, несмотря на спешку, не превышал и сумел увернуться. Правда, машину на скользкой от дождя дороге немного занесло, и она пересекла двойную осевую. И по закону пьяного бутерброда тут же возник дорожный милиционер, прятавшийся от дождя в своем «форде». Ради предотвращения аварийной ситуации пожертвовавший кителем и комфортом.

— Лейтенант Акимцев. Пересечение двойной осевой... Права и документы на машину.

— Да я ж не по своей вине! — попытался возразить Толик, доставая бумажник.— Это черт на «ауди»! Чуть не протаранил! Вы б его тормознули!

— А пива сколько выпил?

Нюх у инспектора был заточен на поиск алкоголя, что у таможенного спаниеля на наркотики.

— Не пил я ничего!

— Анатолий Сергеевич, это грубое нарушение правил дорожного движения. Вплоть до лишения прав.

Рассказывать инспектору про конец света не имело никакого смысла. И не потому, что не поверил бы. Просто не имело...

— У меня с собой только тысяча.

— Вы предлагаете мне взять взятку, чтобы я закрыл глаза на явное нарушение? Так?

— Ну не то чтобы предлагаю,— растерялся Толик, привыкший решать вопросы с гаишниками на месте,— просто... я спешу. Очень спешу...

— Разве это мои проблемы? Или проблемы людей, которых вы можете покалечить? Пройдемте в машину.

«Ну, блин... Видимо, штуки маловато. Здесь лишением прав года на полтора тянет, минимум десятку стоит».

Сисадмин не соврал, у него действительно имелась только тысяча, да и то мелкими купюрами.

— Слушай, брат. Правда спешу. Хочешь, паспорт в залог оставлю. Завтра привезу, сколько надо.

Из «Форда» вылез второй инспектор. В капитанских погонах.

— Лех, прикинь,— обратился к нему лейтенант,— он мне деньги предлагает.

«А что ж тебе, продуктовый набор предлагать? Или машину помыть?»

— Да-а, совсем народ башку потерял. Одни нули в глазах... Тащи его сюда.

«Не, ну точно конец света! Гаишники денег не берут! Всё, приплыли!»

— Ребят, вы не так поняли,— стал оправдываться Толик, выйдя из машины,— я готов любой штраф заплатить. И протокол составить. Только завтра. Поэтому и говорю — возьмите тысячу и паспорт в качестве залога.

— Мы что, по-вашему, ломбард? Сколько вам выписать, пускай суд решает. Наше дело — протокол. Прошу.— Капитан был подчеркнуто вежлив.

В «форде», вместо традиционной «трубочки», капитан протянул Толику пустой стакан:

— Дыхните.

Сисадмин выполнил просьбу. Дыхнул. Осторожно, не во всю мощь легких. Капитан сунул мясистый нос в стакан, секунд пять принюхивался:

— Две с половиной бутылки пива. Скорее всего, «Балтика», семерка. Верно?

Возразить было нечего. Почти нечего.

— Пятерка.

— Да, возможно,— согласился капитан,— насморк поганый, никак не проходит.

Толик решил повторить попытку подкупа:

— Я могу в евро...

— Ну что за народ! Вам же сказали: с судьей разбирайтесь.— Инспектор положил на колени папку с протоколом и щелкнул авторучкой.

На составление бумаг ушло минут двадцать. Инспектор не грубил, по ходу радовал статистикой пьяных аварий.

— Увы, Анатолий Сергеевич. Правила пишутся кровью,— он протянул сисадмину авторучку,— читайте и подписывайте.

«Управление в нетрезвом виде, пересечение двойной осевой...» Жесть. В другой бы раз Толик потребовал проведения медицинского освидетельствования, но сейчас не до того. Подписал без сопротивления.

— Всего доброго.— Инспектор закрыл папочку и протянул Толику бумажку: — Завтра с этим в народный суд Центрального района. К десяти утра. Машину мы отгоним на стоянку.

— Погодите, погодите... Как отгоните? Мне же ехать надо...

— В таком виде?.. У вас, кажется, есть тысяча. Поймайте такси. Не волнуйтесь, ничего из вашей машины не пропадет. Мы несем ответственность за сохранность имущества. Всего доброго, Анатолий Сергеевич. Не садитесь больше за руль, если выпили. Подумайте о людях, которые могут пострадать.

Лейтенант вежливо открыл двери, дав понять, что процедура закончена. Сисадмин покинул салон, на его место сел лейтенант.

— Ну что? Он? — Инспектор обернулся назад, наблюдая за удаляющимся нарушителем.

— Похоже. Всё вроде сходится. И «девятка», и двойную осевую внагляк пересек, и бухой. И, главное, штуку предложил. Всё как предупреждали.

— А мне чего-то тревожно,— не успокаивался лейтенант.— Предупреждение — это, конечно, хорошо, но собственная безопасность хитрая. Не знаешь, где подставу ждать.

— Не дрейфь! Я что, за бесплатно информацию купил? Десятку отдал!

— Десятку чего? Долларов?

— Сдурел? Мы же европейская страна, а не Гондурас какой! Евро, конечно. Поэтому иди и работай спокойно...

Толик долго не мог успокоиться. И вовсе не потому, что завтра в суде придется воевать за свои права. До завтра еще дожить надо. «Что будет, если все, как эти гаишники, перестанут брать взятки? Точно апокалипсис. Половина народа окажется без водительских удостоверений и, соответственно, без работы. Бизнесмены начнут платить только белую зарплату, на которую можно прожить не больше недели... Нет уж... Пускай лучше берут...

Блин, о чем ты думаешь? Меньше часа до рассвета...»

Он прибавил шагу. Курточку на голову не накидывал — не имело смысла, дождь бил крупнокалиберными патронами. Идти оставалось немного — перемахнуть мост через Неву, а там рукой подать...

Никаких неприятностей больше не случилось, если не считать, что в ботинках хлюпала вода. Ничего, можно попросить у Основателя сушилку для обуви. Не откажет, наверное, в такой ерунде.

Толик миновал ночной клуб «Убежище», где, как писали в газетах, в открытую торговали не содержащими наркотических веществ таблетками экстази. Вроде безалкогольного пива. По вкусу они были примерно такими же, как настоящее экстази, и действие оказывали такое же, но наркоконтроль придраться не мог. Несколько контрольных закупок ни к чему не привели. Экспертиза всякий раз показывала, что таблетки не содержат запрещенных компонентов.

Нужный дом, если, конечно, это был тот дом, архитектурной и исторической ценности не представлял. Обычная дореволюционная постройка со следами капитального ремонта. Весьма скромно для жилища Бога, мог бы что-то поромантичней выбрать.

На подъезде, как принято у нормальных Основателей, домофон. Позвонить или сломать? Вот в чем вопрос.

Ни звонить, ни ломать не пришлось. За дверью грохотнул опустившийся древний лифт, пискнул домофон, и из подъезда вышел пузатый дедок с бульдогом на поводке. Не Основатель, случайно? Вряд ли. Если б еще с голубем был, а то с бульдогом...

Толик шмыгнул в подъезд, развернул бумажку с адресом, бросил взгляд на ближайшую дверь. Нужная квартира на третьем этаже. Поднялся пешком, чтобы согреться.

Дверь Основателя оказалась белого цвета, в отличие от всех остальных на площадке. Возможно, в этом был некий символизм. А возможно, просто не нашлось темной краски.

Прежде чем нажать кнопку звонка, Толик прижал к замочной скважине ухо. Но не услышал ничего сокровенного. И не сокровенного тоже.

Сжал в кулаке канцелярский крестик и поднес палец к кнопке.

«А что говорить, если спросят „Кто там в такое время?" — „Извините, не вы ли, случайно, давали объявление о продаже дивана?"»

Вытащил из кармана брошюру. Если что, закосит под сектанта.

С силой вдавил кнопку. Зазвенели колокольчики. Главное, что не реквием.

Никто ничего не спросил. Дверь бесшумно открылась. На пороге стояла блондинка. Очень красивая. Очень-очень красивая. Красивее не бывает. Видимо, секретарша. У солидного Основателя и секретарша должна быть центровой. Никакого намека на сон. Ни ночной рубашки, ни крема на морде, ни бигуди в волосах. Футболочка с бисером, джинсы, тапочки.

— Вам кого?

— Хм... Вы извините, если разбудил... Мне ваш адрес дали... Не удивляйтесь... Мне нужен Основатель... Если это имя вам о чем-то говорит.

Она несколько секунд внимательно изучала гостя:

— Говорит... Проходи. Основатель — это я.

* * *

— Не удивляйся обстановке... Вообще-то я могла бы позволить себе и Зимний дворец, но зачем? Ведь истинное удовольствие в процессе достижения богатства, а не в обладании самим богатством, согласись. Я искренне не понимаю коллекционеров, тайно владеющих мировыми шедеврами. Если только они не кайфуют от самой охоты за ними... К тому же я не люблю выделяться и привлекать внимание. Так гораздо удобней... Ты сильно промок, простудишься... Хочешь выпить?

Надо же, какая забота о приговоренном за полчаса до казни.

— Не откажусь. Права все равно отобрали.

— У меня есть «White Horse». Налить?

Надо же... Она знает его любимый сорт. Любимый, потому что самый дешевый. Но про это точно не писал в чате. Впрочем, чему удивляться? И с чего это он решил, что Основатель должен обязательно быть мужчиной? Только потому, что слово мужского рода.

— Наливай.

Она открыла небольшой бар в потертой мебельной стенке и достала початую темно-коричневую бутылку. Сняла пробку и наполнила пару простеньких стопок. Принесла из кухни бутерброд с сыром и блюдце с нарезанным лимоном не первой свежести.

Толик, благодарно кивнув, взял вискарь:

— Твое здоровье.

Они выпили, не чокаясь. Словно на поминках. Напиток оказался настоящим, не бодяжным. До бара Основателя бутлегеры еще не добрались.

На психологическом состоянии сисадмина это сказалось тут же. В кровь попали молекулы храбрости.

— Слушай... Я не успел спросить... Почему именно сегодня?

— Что сегодня?

— Ну, конец света. Ни сто лет назад, ни завтра. Что на тебя вдруг нашло? С подружкой, что ли, поругалась?

— Не фамильярничай... Я тебе не девочка из бара...

— Извини... те...

— Ничего на меня не находило... Просто устала... И всё надоело.

— Что всё?

— Только не строй из себя психотерапевта.

— Но ты ведь ждала, что кто-то придет. И, кстати, хотела этого. Просто сказать напрямую стеснялась. Я пришел, готов выслушать и оградить от опрометчивых поступков... Так от чего ты устала? И при чем здесь мы?..

Она посмотрела на бутылку, потом решительно взяла ее и отхлебнула прямо из горлышка. После чего разразилась живописными ругательствами, самыми невинными из которых были «мерзавцы» и «скоты». С последним словом за окном грянул гром.

— Ну вот,— испуганно констатировал Толик,— процесс пошел. Главное, не держать в себе.

— Замолчи... Вот вы мне где уже!.. Достали до синевы в глазах! Один этот коротышка кривоногий чего стоил. Не знаю, что я в нем нашла. Помочь решила... А он... козел похотливый...

— Ты о ком?

— О Бонапарте. Подсказала, дура, как австрийцев в Италии разгромить. Думала, человек в люди выбьется, взаимностью ответит. Ответил... Подцепил эту прошмандовку Жозефину. Мало ему на Березине дали... И Альберт хорош... Написал бы он свою докторскую без меня. Открыл бы теорию, как же!.. Чего ему не хватало? Так нет, студенточек подавай. Женился, детишек родил. А ты, милая, свободна, гуляй. Помогла, и спасибо... Про Казанову я вообще не говорю... Импотент... Вылечи, вылечи... Вылечила... Сволочь пиконосая.

В иной ситуации Толик уже бы набирал телефон скорой психиатрической помощи на своем старом мобильнике.

Блондинка сделала еще пару глотков и продолжила:

— А Пикассо?.. А Пресли? Кем бы они без меня были?!

— Погоди, погоди... Так тебя мужик, что ли, бросил? — догадался Толик.

— Ну не баба же...

— Ну и кто он, если не секрет? Тоже какой-нибудь гений? Не Коля Басков случайно? Его нынче все любят.

— Да какой гений? Кто его гением-то сделает, если не я? Всей его гениальности хватило выклянчить у папашки желтый «порш»! Гарик-фонарик...

— Ну и зачем ты с ним связалась? Послала бы...

— Да потому что это единственное, что я не умею! Понимаешь?! Единственное, что я не могу,— это заставить себя полюбить! И наоборот! Я ничего не могу с собой сделать, когда влюбляюсь сама! А они пользуются!

— То есть Наполеон и остальные знали, кто ты?

— Напрямую я им не говорила... Но не дураки же, догадывались...

— И этот, как его, Гарик... Тоже знает?

— Нет... Я никогда раньше времени не представляюсь... Вы же, гады, выгоду искать начнете... А хочется-то другого.

Она немного успокоилась. Алкоголь еще раз подтвердил свои терапевтические свойства.

— Ты хочешь сказать, что те... гении предпочли тебя другим, даже зная, кто ты?

Она как-то беззащитно и жалобно кивнула головой:

— Представляешь?.. Почему? За что? Я же на всё для них готова... Чего Гарику не хватает?

Толик украдкой посмотрел на блондинку. Да, Гарик точно идиот. Такая красотка даже без своих способностей на миллион тянет, выражаясь фигурально. И остальные тоже идиоты. С другой стороны, характер у нее еще тот. Чуть что — и конец света. Как с такой уживешься? Лишний раз оплеуху не дашь.

— А он не сказал?

— Нет... В любви клянется, а сам... Ни одну смазливую мордашку не пропускает. Я-то знаю...

Да, она знает. Всё знает.

— Ты уверена, что дело только в них?

— А в ком?

— Я, конечно, ничего не хочу сказать, но... Сама посуди. Люди, зная, кто ты, тем не менее, предпочитают обыкновенных женщин. Возможно, не таких красивых и не таких талантливых... Может, всё дело в тебе? Взять хотя бы сегодняшний случай. Вместо того чтобы спокойно разобраться в случившемся, ты угрожаешь концом света совершенно посторонним людям, требуя доказать, что человечество достойно жизни. Кому такое понравится? Мне вот точно не понравилось.

— Я и хотела разобраться... Что вам всем надо... Еще выпьешь?

— Наливай.

Она наполнила стопку. Толик пригубил и поставил на столик. Прикинул, что в этой весьма нестандартной ситуации лучше оставаться трезвым. Эта мадам поопасней гаишника...

— Ну и как? Разобралась?

— Пока нет...

— Боюсь, и не разберешься. Здесь не существует алгоритма. Это было бы слишком просто.

— Тогда, может, расскажешь, что надо лично тебе? — усмехнулась она.— И в чем смысл твоего существования?

Толик еще раз посмотрел на нее и тоже усмехнулся:

— Хм... Может, лучше сходим куда-нибудь завтра? В театр или на концерт. В капеллу, наконец.

— А потом зайдем к тебе...

— Необязательно. Я могу показать наш музей. Там есть пара-тройка любопытных экспонатов. Хоть и поддельных. Подлинные давно украли.

— Но после-то всё равно пойдем к тебе?

— Ну зачем так сразу?.. Если ты сейчас читаешь мои мысли, то видишь, что я говорю искренне.

— Вижу... Мне не очень нравится эта поза.

— Хм... Ну, это... Как бы... Случайно промелькнуло. Ты не подумай плохо... А вообще, это нечестно. Ты чужие мысли читаешь, а твои никто. Тут, блин, ни с кем не уживешься.

Она вдруг побледнела и вскочила с кресла:

— Пошел вон отсюда! Урод! Одно у вас на уме! Выметайся!

Толик тоже вскочил на ноги:

— Погоди, погоди... Ты пойми, так мозг устроен. Даже если не хочешь о чем-то думать, то всё равно думаешь. Ничего не попишешь. Рефлекс. А так я к тебе очень хорошо отношусь, ничего лишнего не позволил бы... Ты не горячись... Пожалуйста, успокойся.

— Я сказала, пошел вон! — Она схватила «Белую лошадь» за горлышко.

Толик не мог читать ее мысли, но в данной ситуации это было необязательно. Он понял, что через секунду бутылка разобьется о его голову. Не спуская глаз с блондинки, он выскочил в прихожую, по пути чуть не свалив устаревший ноутбук, лежавший на письменном столе.

— Всё, всё... Ухожу,— не глядя, он влез в мокрые ботинки,— ты только не горячись, ладно? Не делай резких движений. Очень жить хочется. Пока. Был рад познакомиться... Пиши, звони, никаких проблем. Меня, кстати, Толиком звать, а тебя?

— Евой!

Ну, другое имя и представить невозможно.

Он захлопнул за собой белую дверь, сбежал вниз, затем остановился и на цыпочках вернулся обратно. Прислушался.

Кажется, она плакала. Хотя, возможно, это был шум листвы, доносившийся с улицы.

Ничего, сейчас он вернется в музей и что-нибудь ей напишет. К этому времени она уже успокоится.

На лестнице он разминулся с пенсионером и его бульдогом. Бульдог грозно зарычал, но хозяин дернул за поводок:

— Фу, Леон...

Толик вышел из подъезда. Посмотрел на часы. До рассвета оставалось минут двадцать. Он присел на металлическое ограждение газона, бросил взгляд на ее плотно зашторенные окна, но никого не увидел.

И что она хотела этим сказать? Нет, не тем, что выгнала его. А вообще — сегодняшней ночной историей. Действительно узнать, что нам надо? Вряд ли. С ее-то опытом и возможностями? Или насмотрелась сериалов про брошенных баб? Или просто нервный срыв?

Не везет ей, видишь ли, Наполеон, блин, не угодил. Нарвалась бы на какого-нибудь таджикского мачо, который вместо сопливых разговоров залепил бы в ухо и отправил коз доить. Вот и вся любовь. Сразу бы успокоилась, красотка...

Вообще-то ее понять можно. Поживи с человеком, которого видишь насквозь. Когда он говорит одно, а думает другое. Точно сорвешься. И самое обидное, другого взять негде. Потому что таковых просто не существует. Кроме, конечно, президента. Он клятву давал — что думать, то и говорить. Но президент сейчас нарасхват.

А может, она решила найти такового среди нас? Устроила проверочку на вшивость. Типа, на кону белый свет, проявите, господа, истинные качества. Ну а кто победит в конкурсе, с тем и закручу любовь-дружбу.

Толик еще раз посмотрел на ее окна. Он-то точно выбыл из борьбы. Хотя ни о чем уж таком крамольном не думал. Ну представил, как... А кто не представляет?..

Жаль, конечно...

Или не жаль? Он с первой-то женой больше пяти месяцев не выдержал. Безо всякого чтения мыслей. А тут и двух дней не протянет... Да, девочка не подарок. И яхтами с бриллиантами ее не соблазнишь. К тому ж мы стареем, а она вечнозеленая, как елка. Да, трудно быть Евой...

Интересно, а она тоже исчезнет вместе с остальными? Или отсидится в богоубежище?

Впрочем, какая разница? Главное, нам сматываться некуда.

И остается одно. Достойно, по-мужски уйти. Чтоб знала, коза, что не пионеры перед ней, а реальные перцы.

Толик лег на мокрый газон лицом вверх, мужественно улыбнулся и закрыл глаза. Через минуту он

спал, как настоящий герой, которому всё по барабану, в том числе и конец света. Сказалась бессонная ночь, нервное напряжение и виски, смешанное с пивом.

И во сне он увидел бесконечное небо со звездами. И с одной, самой яркой звезды к нему летели два добрых ангела-телохранителя. Чтобы забрать в другую реальность, где никогда не случится апокалипсиса.

* * *

Обтерев тряпкой мокрые лапы бульдога, пенсионер прошел в ванную, вымыл руки. Затем переместился в комнату. Где чуть не сбил с письменного стола ноутбук.

— Лена, ну сколько можно просить, чтобы ты не оставляла компьютер на краю стола. Дорогая же вещь. И я могу зацепить, и Леон... И вообще, прекращай сидеть по ночам, у тебя режим. А то я спрячу компьютер... Ой!.. А это?!!.. Это что такое?! Кто разрешал брать мой виски? Что ж ты делаешь, а?.. Ты же знаешь, что тебе категорически запрещено! Почти целую бутылку!.. А лекарства? Почему ты до сих пор не приняла лекарства? Хочешь нового приступа? Хочешь снова на полгода в интернат? Я же поручился за тебя перед доктором!

А ты так себя ведешь?! Ну разве можно?!.. Лена! Это совершенно недопустимо! Немедленно глотай таблетки!.. Или я вызываю «скорую»!

* * *

— Глянь, вон еще один на газоне. Тормози.

Милицейский джип марки «УАЗ» со скрипом остановился, водитель со старшиной выскочили из салона и подошли к лежащему на траве человеку.

— Пьяный?

— Да наверняка. Вискарем пахнет.

— Обыщи, может, документы есть.

— Так... Повестка в суд, бумажка с адресом, ключи... Книжка. О, смотри, как у того, возле музея. Про райскую жизнь.

— А-а-а... Опять сектант. Тоже конца света ждет. Видать, у них это массовое. Ну ничего, мы сейчас устроим ему конец света... Грузи.

Никто бы не упрекнул Толика в бездействии. Просто иногда обстоятельства сильнее нас. Особенно в эпоху товарно-денежных отношений. Конечно, приятель мог назвать правильный IP-адрес. Но тогда вряд ли бы заработал пятьдесят евро. Потому что адрес принадлежал самому Толику.

Основатель любил пошутить.

Глава одиннадцатая
КОЛЯН, ВЕБ-ДИЗАЙНЕР ИЗ КИЕВА

Его разбудил шум включившегося вентилятора. Комп был старым, каждые десять минут требовал охлаждения и периодически рычал, словно буксующий трактор. Давно следовало бы заменить агрегат, но сейчас Колян экономил, ибо страна жила в эпоху перемен. А перемены — это непредсказуемость, и лучше иметь в чулке пару тысяч гривен, чем не иметь.

Он оторвал голову от стола и, протерев глаза, взглянул на монитор. Изображение планеты с таймером пока не исчезло. Значит, он рано проснулся. Или мало выпил.

А может, все-таки глюк? От переутомления. Текущий месяц выдался ударным. Приближались четырнадцатые за последний год выборы в Раду, кандидатом требовалась сетевая поддержка, и хорошие веб-дизайнеры были нарасхват.

Он осмотрел рабочий стол.

Увы, не глюк. Слева, рядом с пузырьком глазных капель, стоял еще один пузырек. Тоже капель. Желудочных. Объемом ноль семь и крепостью сорок три. С акцизной маркой на непонятном языке. На дне пузырька оставалось на

© А. Кивинов, 2010

пару пальцев продукта. На полу краснела пластиковая корзина, доверху наполненная бутылками с разнообразными спиртными напитками. Начиная текилой и заканчивая чешским пивом.

— Ого! Да мы еще поживем! — обрадовался Колян, оценив запасы.

Обычно он ломался после половины литра. Даже если с закуской. А тут — почти всю бутылку вискаря употребил. Растем, однако, над собой.

Но рекорд настроения не поднял... Бутылки-то не игрушечные. И взялись они не из секретера. Ту, что из секретера, они с другом Лехой приговорили еще в воскресенье. И больше он ничего не покупал. И клиенты не дарили.

Некая сумбурность мыслей была вполне объяснима. Никто сразу не придет в себя после такой дозы. Даже чемпион мира по армрестлингу.

В комнате стояла духота. Не поднимаясь с кресла, Колян дотянулся до окна и толкнул его. Свежий воздух немного отрезвил.

Так... Надо сосредоточиться...

Напротив, на крыше универмага висел рекламный слоган мобильного оператора «Будущее зависит от тебя».

Будущее... Да, да... Именно от меня... Он протянул руку к недопитому виски.

...Он общался в чате, потом какой-то крендель потребовал доказательств хрен знает чего, и в комнате появилась лишняя дверь. Колян не испугался, но возмутился. Он только-только поклеил новые обои! Какой еще смысл жизни?! Мы же в европейской стране! А там смысл давно найден! И кто это тут вякает? Я и в суд могу подать! Страсбургский! Я свободная личность, а не жопа заводная! Какой такой Основатель? У нас один основатель — законно избранный президент. И ничего никому я доказывать не собираюсь!

Но протест на словах — это не протест. Нужно действие! Мозг, однако, ничего конкретного предложить не смог. Не в полицию же бежать с заявлением и не в администрацию президента звонить?! А таймер на мониторе завел обратный отсчет. И Колян понял, что жизнь дается человеку один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно. А что у этого Основателя на уме? Сожжет всех или утопит, как цуциков. То есть мучительно больно. Срочно нужна анестезия. Да и вообще, зачастую это самый надежный и единственный выход. Взять и просто уйти в другую реальность.

Собственных запасов анестезии не оказалось. Но зато в шкафу спрятались отложенные гривны. Он достал их, пересчитал. На билет в другую реальность хватит. Только где взять этот билет? На днях президент, подражая Европе, издал указ, запрещающий торговлю спиртным после двадцати двух. И ведь все тут же подчинились! Даже бабки, гнавшие самогонку, угомонились. Хотим жить в цивилизованной стране!

Выход нашелся моментально. Есть же незаконно поставленная дверь! Через которую якобы можно попасть куда угодно. Вот и проверим.

Блин, только кому наши гривны нужны? Хорошо, что часть заначки перевел в более стабильную валюту.

«Хочу туда, где сейчас можно купить не паленый алкоголь по разумным ценам!»

Толкнул, закрыл глаза, шагнул.

Открыл глаза.

Небольшой, довольно аккуратный лабаз, ряды пестрых бутылок на стеллажах. На любой вкус. Кемарящий у кассы молодой парень-продавец, играющий в тетрис охранник с дубинкой на поясе.

— А где я? — вопрос автоматически слетел с губ Коляна.

— Это твоя родина, сынок,— на чистом русском вяло ответил охранник, не отрывая глаз от тетриса.

Это была не его родина. На родине не продавали алкоголь после двадцати двух. На родине уважают законы. Не то что здесь, у москалей.

Но спорить он не стал, не затем пришел.

— Старина, а вы евро берете? — обратился Колян к проснувшемуся продавцу.

— Мы берем во всем. Финансовый кризис.

— А в гривнах?

— Это украинские, что ли? Извини, не формат.

— Ладно, тогда в евро.

Колян взял красную пластиковую корзину, прошел вдоль стеллажа. Ценников под бутылками не висело. Он выбрал вискарь ноль семь и бутылку дорогого чешского пива. Умирать, так по-европейски.

— Настоящий? — Он показал бутылку продавцу.

— А какой же еще? Не искусственный же.

Больше ничего брать не стал, хотя магазин предлагал широкий ассортимент выпивки. Но был лимит суммы. Всего двадцать пять евро.

И тут голову веб-дизайнера посетила первая за прошедший час креативная мысль. Да еще какая мысль! Мыслища!

А НА КОЙ ХРЕН ВООБЩЕ ПЛАТИТЬ?!

У нас же ночь Накануне! Достаточно прыгнуть обратно в дверь! И никто не догонит! Как же он сразу не дотумкал до такой очевидной вещи!

Да это же практически счастье!

А с москалей не убудет. Они семьдесят лет над нами издевались, так хоть я за родину отомщу! Так им, козлам, и надо!

Колян повернулся обратно к стеллажу и принялся быстро наполнять корзинку наиболее достойными представителями класса алкогольных напитков. Уложился минуты за три. Решил не стесняться. Конец света еще под вопросом, а второй халявы от Основателя вряд ли дождешься.

Когда ручки корзинки грозились лопнуть от перегрузки, он отвернулся от стеллажа и посмотрел на работников магазина. Охранник по-прежнему рубился в тетрис, продавец пялился в темное окно.

Колян дотащил корзину до расчетного узла, поставил на ленту, полез в карман, якобы за кошельком. Убедившись, что охраннику нет до него никакого дела, схватил корзину, ногой толкнул створку турникета и бросился к входной двери.

Охранник дернулся в погоню, но безуспешно — фактор внезапности сделал свое дело. Покупатель выскочил на улицу.

Продавец присоединился к погоне, которая обещала быть удачной. С таким грузом грабитель вряд ли убежит далеко.

Но, увы. За дверьми магазина никого не оказалось. Освещенная фонарями улица была абсолютно пустынна. Побегав немного вдоль посаженных кустов и покричав нецензурщину, потерпевшие вернулись к магазину.

— Наверно, в хату какую-нибудь нырнул,— выдвинул версии охранник.

— Задолбали эти русские туристы. Третий случай за неделю. Как были оккупантами, так и остались! Скорей бы границу закрыли!

Продавец дернул на себя стеклянную дверь магазина, в которой отразился подсвеченный прожекторами Старый Томас...

Глава двенадцатая
ТЕРМИНАТОР-2000

Терминатор (от лат. termino — разграничиваю, разделяю), линия на диске планеты или спутника, отделяющая освещенное (дневное) полушарие от тёмного (ночного).

Большая советская энциклопедия

Дверь была хорошая. Как раз такая, чтобы удостоверить — фирма у Основателя солидная. Это Терминатору понравилось. В остальном что-то было не так. Задача, которую предложили решить, была типичной. Терминатор сам любил такие. Хочешь пробраться в систему — загрузи её невыполнимой задачей. Пока все силы противника будут идти на решение нерешаемого — делай что хочешь.

А что на самом деле хотел Основатель? Основатель, который читал мысли и запросто навешивал двери. Спасти мир чужими руками?

Терминатор занимался компьютерами достаточно давно, чтобы чувствовать клавиатуру продолжением руки, но любил бумагу. И карандаш.

Под тонким грифелем задача послушно распадалась на части. Первая — открыть дверь. Вторая — пройти сквозь дверь неизвестно куда. Третья — спасти мир. Основатель делает акцент на спасении мира, а на самом деле — похоже, ему позарез нужно, чтобы просто открыли дверь. На всякий случай — через открытую дверь можно не только выйти. Может, Основателю не терпится вломиться, а без приглашения он не может? В чате двенадцать человек, рассчитывать на двенадцать открытых дверей — глупо, нужно какое-то число — меньше двенадцати, больше одного — для чего?

Кстати, еще одну дверь Основатель навесил прямо в сетке. Коль зашел в чат — готовься — рано или поздно, кто-то придет к тебя из чата. Почему бы и не Терминатор-2000?

Дело было привычное, в конце концов, деньги он зарабатывал именно за это — за взломы. Какой-то особой защиты Основатель не ставил, видно, не по-

© А. Прокопович, 2010

считал нужным. Защита была, но от новичка. Оно и верно, в чате для двенадцати человек ожидать атаки опытного взломщика, а то и целой команды хакеров — не приходится, пользы никакой. Ломать ресурс без денег и славы не станет никто. Кроме — вот такого сомневающегося в дверях и предчувствиях.

Все шло по-писаному, он скользил от каталога к каталогу, обходя файрволы и взламывая коды. Терминатор всегда точно чувствовал этот момент — нужно остановиться и подождать. Не торопясь приготовить кофе: мало воды, много сахара, пить — маленькими глотками. Все было так — и не так. Пройдя первичную защиту, пробиваться стало куда сложнее, но... Не было еще в его богатой практике таких взломов — трудно, но без неожиданностей. Защита как будто была рассчитана именно на Терминатора — так мог бы выстроить ее он сам. Другим — трудно, для него — ожидаемо преодолимо.

Кофе кончился. Останавливаться Терминатор не привык. Через час он подобрал последний пароль и вышел в корневой каталог. Делай что хочешь. Теперь ему понадобится не чашка — большущий кофейник.

Терминатор потыкался в папки. Потом сделал ошибку — посмотрел свойства. Не существует компьютера, чтобы держать такое количество инфы. Не построили еще. Миллионы террабайт — не может папка с таким объемом так легко открываться, ее вообще просто не может быть. Тысячи, миллионы папок. Комп с таким объемом информации должен занимать... Терминатор присвистнул, по его прикидкам получалось, что Солнечной системы для такого монстра было бы маловато.

Начал искать подвох — папочки послушно открывались, открывались папки в папках и так — очень долго. Слишком долго для подделки. На всякий случай Терминатор проверил основную директорию на наличие скрытых папок. Одна. Объем уже привычный — гигантский. Название тоже хорошее. «Earth». По-русски — «Земля». Забавно — голубая мечта хакера,— не хотите ли хакнуть Землю. Извольте.

Папочка манила, звала — соблазн был велик. Хакер глянул на часы — время поджимало. Что бы на самом деле ни готовил Основатель, времени оставалось все меньше. Подумалось — а ведь все-таки подловил он меня — не все ли равно — зайти в дверь или вломиться туда, куда заманили. В том, что его заманили, Терминатор уже не сомневался. Не сомневался и в том, для чего. По замыслу, он должен был уже по локоть закопаться в папку «Earth». Ничего хорошего после такого папке с любым названием ждать не приходилось. Почему-то Основателю было важно, чтобы сделал это кто-то другой. Правила игры?

Терминатор-2000 не случайно взял такой ник, у него были на то причины. Куда более веские, чем можно представить, но сейчас он взялся за дело, которым не занимался никогда, но знал, что сделает его лучше кого-либо другого.

Терминатор-2000 стоил целой команды хакеров, он взламывал сайты Пентагона и ЦРУ, но о лучших его операциях знали только заказчики и пострадавшие. Жемчужиной был взлом VISA. В принципе, после этого можно было уйти на пенсию. После взлома сервера карточной империи заказы Терминатор брал из-за сложности и нестандартности, не столько для заказчика, сколько для себя. То, что он делал сейчас... Ему поступали и такие предложения — более чем достойный оклад, солидные компании, престижные должности. Не

было желания. Он всегда оставался Терминатором — взламывающим, разделяющим. Никогда — защищающим, сберегающим. Сейчас — все изменилось, он трудился в поте лица над тем, чтобы создать лучшую из существующих защит.

Папка «Earth» обрастала файрволами, динамичными паролями, роботами — сторожами. Терминатор не повторялся — каждая охранная схема работала по принципиально отличной от других схем. Его защиту нельзя будет ни предвидеть, ни преодолеть. Фишка в том, что защита, которую он создал, была в постоянном движении, тот, кто решил бы ее преодолеть, столкнется с тем, что ему придется каждый раз начинать сначала. Защита все время менялась, жила, одновременно умирала и рождалась заново. Подобрать код — невозможно. Он остановился тогда, когда понял, что на большее не способен. В каком-то смысле то, что он создал,— было шедевром. Он не смог бы этого сделать, если бы не подключил возможности каталога, в котором работал. Сейчас, около десяти процентов всех вычислительных возможностей гигантской системы, взломанной Терминатором, работало на защиту одной папки.

Осталось — нанести последний штрих. Все-таки хакер он или не хакер?

Он представил, как международная космическая станция будет пролетать над Гималаями. И ее обитатели увидят нечто странное. Величайшая горная система Земли сложится в буквы, буквы во фразу — «ДОСТУП ЗАПРЕЩЕН». Чуть ниже — в предгорьях затаится еще одно послание: «I'll BE BACK». Терминатор-2000 не шутил, он просто информировал.

Глава последняя,
ОНА ЖЕ ЭПИЛОГ

— По-моему, ты неверно сформулировал задачу. В результате они просто перепугались.

— Я сделал все правильно. Искренним человек бывает лишь в том случае, когда не знает истинного смысла вопроса. Как в том анекдоте про теплую водку, потных женщин и отпуск в январе. Сам посуди, ну что бы мне ответили, если б я предложил сделать их миру апгрейд [1], попросив написать, как им плохо живется?

— А ты действительно хотел сделать апгрейд?

— Конечно. Конец света вовсе не означает плохой конец. Если бы они меня удовлетворили, я перевел бы их на следующий уровень. Скажем так, более комфортный и спокойный для жизни.

— Ты уже делал подобное?

---

[1] Апгрейд (*англ.*) — улучшение.

© А. Кивинов, 2010

— И не раз.

— А каков сегодняшний итог?

— Увы... Видимо, их все устраивает. Ни один не ответил, что смысла жизни они не видят, что их мир далек от совершенства и не заслуживает снисхождения. Вместо этого принялись решать какие-то свои проблемы, ворошить прошлое, пытаясь исправить ошибки юности. Или просто воспользовались благоприятной ситуацией в меркантильных целях, чего я никак не ожидал.

— Были и такие?

— Да. Один попросил переместить его в супермаркет, набрал там спиртного и убежал через дверь, не заплатив. После чего банально напился и до сих пор спит. И я должен улучшать ему жизнь? Пусть сам улучшает, когда проснется.

— Ты уже объявил им свое решение?

— Нет, и не буду. Пускай думают, что им просто повезло.

...

Старый Еврей стоял перед своим окном дома на улице Авраам Альмалиах и смотрел на заброшенный сад. Тот, где днем гуляли косули. Через несколько минут взойдет солнце. Верхушки сосен, росших на детской площадке, уже осветились. Он был почему-то уверен, что солнце взойдет. Но, даже если не взойдет, для него это не будет так трагично. Ведь сегодняшней ночью он, наконец, получил то, чего не мог получить последние сорок лет. Успокоение...

Его сын Артур, находившийся в этот момент в промокшем от дождя Питере, сидел на диванчике в маленькой комнате компьютерного магазина и смотрел на экран монитора, где таймер отсчитывал последние секунды. И ему тоже было спокойно. Хоть он и не наказал настоящего убийцу, но смог удержаться от убийства невинного. То есть до конца остался настоящим профессионалом. И уходил с чистой душой...

Как и Чтец, сделавший этой ночью, пускай маленький, но собственный выбор. Сейчас, сидя в темном кабинете напротив портрета Дзержинского, он странно улыбался, несмотря на выбитый зуб и кровь, наполнившую рот. Несмотря на вопли двух людей в серых костюмах, что-то кричавших про национальную безопасность и обещание сгноить в лагерях...

А спасший его Доктор Кеша спешил в приемный покой больницы, не гадая, наступит ли рассвет. Ибо его гораздо больше волновало, сможет ли он вытащить только что доставленного раненого с тремя огнестрельными ранениями. Есть вещи поважнее конца света.

Раненый же, носящий в определенных кругах псевдоним Синоптик, уже не чувствовал боли. Он видел бегущего к нему навстречу улыбающегося сына и тоже улыбался ему. Потом они садились на пестрый воздушный шар и улетали на поиски волшебной страны, про которую он читал ему в детстве...

...Пилот, стоявший возле мойки, нечаянно зацепил стакан. Стакан разбился, разлетевшись на тысячи осколков. «На счастье»,— улыбнулась Юля, находившаяся рядом. И никакой Основатель не смог бы отобрать у нее этого счастья.

...Совершенно трезвый Аркадий, он же Бомонд, вообще не следил за таймером. Потому что до хрипоты ругался с продюсером, не опасаясь услышать в ответ: «Да пошел ты, найдем нового сценариста!» Он уже не боялся уйти.

Его книга «Ночь Накануне» валялась под тахтой, стоявшей в комнате студенческого общежития. На тахте сидела Девочка и плакала. Она ничего не могла написать Основателю, потому что компьютерная комната откроется в десять утра. Оставалось лишь шепотом умолять его пожалеть этот прекрасный, добрый, красивый и такой прикольный мир. И пообещать, при положительном исходе, покрасить все общежитие в розовый цвет.

Патриот еще раз вспоминал те мгновения, когда действительно стал патриотом. Героем с большой буквы «Г».

Сисадмин Толик, проснувшийся в темной камере отдела милиции, понял, что конец света все-таки наступил, и грязно обругал невинную девушку по имени Ева.

Терминатор-2000 вернулся из виртуальной реальности и рассматривал через программу Google-Earth Гималаи. Никаких изменений не увидел. И не смог бы увидеть. Его сразу насторожило, что мироздание работает под Windows. Куда логичней было бы под Unix.

И только Колян, веб-дизайнер из Киева, ни о чем не переживал. Впрочем, нет. Один момент, даже при полной потере сознания, его волновал. Если все закончится благополучно, он попросит Основателя повторить ночь. Ночь Накануне.

P. S. После прочтения книги настоятельно рекомендуем осмотреть помещение, в котором находитесь. Если вдруг появилась лишняя дверь, возможно, кто-то делает незаконную перепланировку.

Виталий Сертаков

ПРОСНУВШИЙСЯ ДЕМОН

1
ОБРАТНЫЙ ОТСЧЕТ

Глаза открылись, и человек закричал.

То есть хотел закричать, но сразу же начал задыхаться оттого, что рот распирал широкий резиновый загубник. От загубника в глубину гортани тянулся упругий захват, не дававший возможности шевельнуть языком. Человек понял, что не может не только крикнуть, но даже свободно сглотнуть. Конструкция, раздвигающая губы, позволяла лишь с натугой дышать. Воздух, попадавший в легкие, был очень холодный и отдавал кислинкой.

Он еще раз сморгнул и понял, что его так напугало.

Серая тварь.

Прямо напротив его глаз из голубоватого стекла смотрела адская харя с торчащими из раздутых ноздрей трубками и круглыми резиновыми нашлепками на выбритых висках. Вместо нормального человеческого рта у серокожего чудища торчало спереди нечто вроде хоккейного забрала, куда уходил голубой гофрированный шланг и две красные трубки, потоньше. Макушку укрывала свободная полупрозрачная шапочка вроде тех, что надевают в душ дамы, берегущие прическу. С глазами тоже что-то было не в порядке. Шапочка крепилась ко лбу широкой мягкой банданой, из нее к каждому глазу тянулся тонкий розовый волосок. По поверхности волосков перекатывались еле заметные капельки жидкости.

Глаза моргнули; человек вынужден был признать, что видит собственное отражение. Мозг попытался унять нарастающую панику и прислушаться к телу. И руки, и ноги оставались на своих местах. Человек лежал на спине и почти не мог шевелиться. Голову что-то удерживало повернутой в правую сторону. То, что он принял за зеркало, оказалось узким прозрачным окошком. Слабый рассеянный свет шел откуда-то сзади, а за окошком было темно, поэтому он видел только себя. Распахнутые от ужаса глаза, капли пота на лбу под эластичной повязкой, бьющаяся на шее вена.

© В. Сертаков, 2004

Он попробовал пошевелить пальцами и сделал несколько открытий. При нажатии указательным пальцем на невидимую кнопку прямо перед глазами, в нижней части «иллюминатора» заиграл целый ряд зеленых цифр и букв. Буквы шли латинские, но он их легко прочел. Одни цифры постоянно менялись, другие оставались неподвижными. «Давление», «Пульс», «Частота дыхания»... Некоторые слова он узнавал, но никак не мог припомнить, что они означают, например «Лейкоциты». Всего шестнадцать параметров. Он увлекся изучением зеленой панели и тут же понял, что не имело смысла с таким напряжением втягивать кислород. Механизм, пленником которого он оказался, сам исправно подавал воздух в шланг. Человек попытался задержать дыхание. Несколько секунд ничего не происходило, потом раздался щелчок, и поверх зеленых цифр побежала красная надпись: «Принудительная вентиляция. Профилактика системы через пять секунд».

Он не стал дожидаться выполнения угрозы и снова задышал. Красные буквы исчезли. Уже хорошо! По крайней мере, эта штука не пытается его убить. Возможно, он попал в аварию и находится в барокамере?

Легкое движение средним пальцем. Новая картинка. «Мышечный тренинг. Уровень нагрузки — 4. Частота — 120 минут. Задайте другой режим».

Он пошевелил подушечкой безымянного пальца. Еще одна зеленая сетка с цифрами. «Температура реагента», «Скорость циркуляции протектора», «Давление среды»... Нет, это не барокамера и не реанимация. Не может такого быть, чтобы больной сам регулировал параметры жизнеобеспечения.

Человек обрадовался, что не потерял способности трезво мыслить. Кроме того, его не затрудняли сложные слова. Поскольку этот узкий гроб способен выполнять команды изнутри, значит, появляется возможность выбраться отсюда. Он подвигал бедрами, пытаясь определить на ощупь наличие одежды. Согнул колено и тут же уперся ногой в стенку. Действительно, похоже на гроб. Было еще что-то, жутко его раздражавшее. Сразу он не понял, но теперь, когда первый страх отступил, возник тревожный вопрос: как давно я тут лежу? Он явственно ощущал мягкую помеху в районе заднего прохода и еще какую-то конструкцию, фиксирующую член. Сколько времени надо проваляться в забытьи, чтобы в зад воткнули клизму? Нет, не клизму.

Он вспомнил слово. Катетер.

Предплечье левой руки стягивали как минимум две повязки, зато правая была почти свободна. Ничего страшного, сказал он себе. Ничего страшного. Раз я очнулся, это должны заметить те, кто снаружи, врач или сестра. Сейчас кто-нибудь подойдет и заговорит со мной, все встанет на свои места. Так бывает после аварий: провалы в памяти, и все такое прочее...

Человек честно подождал, считая до тысячи. Никто не появлялся, и свет по ту сторону окна так и не зажегся. Он напрягал слух, но, кроме тихого шипения воздуха в шланге, не доносилось ни звука. Присмиревший было страх зашевелился липкими змеиными кольцами в области сердца. Спокойно, повторил человек, надо вспомнить, как меня зовут. Я думаю, а значит, и говорю на русском. Стало быть, и имя у меня должно быть русское. Я жив, и уже не умру. А раз ко мне никто не подходит, наверное, так и надо. Вероятно, врачи заняты

другими пациентами или у них собрание. Или сейчас ночь... Как же меня зовут? Как страшно, оказывается, забыть собственное имя.

Под правой кистью оставались неизученными две кнопки. По сигналу мизинца перед носом вспыхнули электронные часы. Минута четырнадцать, тринадцать, двенадцать...

Обратный отсчет! Правее единички ровно светились десять нулей. Какое-то время он беспомощно глядел на смену цифр. Итак, напрашивалось объяснение, что часы показывали как раз полторы минуты, прошедшие с момента, как он очнулся. А зачем тогда столько нулей справа? А вдруг он космонавт и летит с катетером в заднице к далекой планете? И будет лететь еще несколько тысяч лет? Он изо всех сил напряг память, но ничего, даже отдаленно связанного с космонавтикой, на ум не приходило. Он понятия не имел, чем занимался до того, как угодил в гроб с окошком, но явно не исследованиями космоса.

«...Американцы еще не слетали к Марсу». Ух ты, возникла связная мысль, первое отчетливое воспоминание! Отголосок телепередачи или газетной статьи. Он так увлекся этой идеей, что не сразу заметил произошедшие на экране изменения. Поверх линии нулей пульсировала голубоватая надпись: «Процесс завершен. Преждевременная разгерметизация. Нарушение температурного режима. Состояние организма стабильное. Ручное управление — код 110».

Как набрать этот чертов код? Внутри него шевельнулось воспоминание. Так и есть, под неподвижной ладонью левой руки располагалась миниатюрная клавиатура. На ощупь он набрал нужную комбинацию.

«Подтверждение любой клавишей». Человек напряг пальцы, готовясь ввести это самое подтверждение, но в последний миг задержался. Почему «преждевременная разгерметизация»? Что может быть не в порядке снаружи? Потоп? Радиация? Змея страха снова шевельнула кольцами, на спине проступил пот. Теперь он вполне чувствовал собственное тело. Он лежал совсем голый, а по всей длине туловища под ним перекатывались тугие подвижные валики, вроде массажера. Это и есть массажер, сказал он себе. Анатомическая массажная лежанка для капсулы полужидкого типа... Черт возьми, из каких закоулков мозга он выкопал подобную тарабарщину?

Воспринимая височной костью оглушительные удары сердца, он опустил левую ладонь на клавиатуру. Раздался протяжный чмокающий звук, словно воздух вырвался из-под неплотно пригнанной крышки на банке домашних консервов, и голубое оконце плавно скользнуло вверх. Человек скосил глаза и увидел белую крышку капсулы, вставшую на попа, в ногах лежанки. Крышка была огромна, не менее двух метров длиной, полна проводов и всяких непонятных приспособлений. Окошек оказалось два, слева и справа от головы лежащего человека. В процессе мышечного тренинга затылочный захват должен был менять положение головы, чтобы голова не оставалась запрокинутой...

Черт подери, для пациента он слишком подкован! Неужели кто-то способен добровольно забраться в этот напичканный проводами футляр? Он предпринял попытку сесть, вытащил изо рта загубник, из носа шланги, освободил язык. Воздух снаружи ему сразу не понравился. В отличие от свежего морского запаха в камере в «палате» стояла жуткая духота, и плюс к тому пробивался еще какой-то противный запашок. Больница, твердил он, сражаясь с

браслетами на левой руке. В больнице всегда неприятный запах, ничего удивительного.

Но идея насчет больницы казалась ему все менее убедительной. Ни в одной больнице, даже ночью, не должна стоять такая мертвая тишина. И вдобавок к тишине — абсолютный мрак! Единственным источником света оставался круглый плафончик светильника в головах лежанки. Человек резко потянул с макушки полиэтиленовый берет и чуть не завопил от боли. На его полностью выбритой голове крепились десятки тончайших проводков. Он стиснул зубы и принялся отдирать их по одному, точно Гулливер, вырывающийся из веревок лилипутов. Вдобавок к проводам голову и лицо покрывал слой неприятного на ощупь мельчайшего порошка, вроде талька.

Наконец он освободился от всего, что его держало, и принял сидячее положение. Из правого металлического бортика капсулы, похожей снаружи на овальную джакузи, выступали три огромные сенсорные клавиши: «Вызов дежурного», «Вызов врача» и «Пожарная тревога». На сей раз все на русском языке. Он нажал на «врача», затем подождал и перепробовал все три. Безрезультатно. Никто не спешил на помощь к пациенту. И ни единый звук не достигал ушей.

Человек ухватился за влажный бортик, напомнивший ему уплотнительную резину на дверце холодильника, и перебросил наружу левую ногу. Почти сразу нащупал подошвой рифленый резиновый коврик. Почему-то это придало ему уверенности; еще не дотянувшись ступней до пола, он уже знал, что встретит резину. Влажными были не только податливые борта капсулы. Все тело, казалось, недавно изваляли в прокисшем студне.

— Эй! — негромко сказал он.

Звук растворился в холодном безмолвии. Только теперь он ощутил царящий вокруг мороз, по голой коже поползли мурашки.

— Так и заболеть недолго! — вслух пожаловался он.— Есть тут кто живой?

Молчание.

Он перебросил через край вторую ногу, сделал попытку встать и чуть не растянулся на твердом резиновом полу. Мышцы дрожали, точно у древнего старика. Может, я и есть старик, подумал он, успокаивая дыхание. Он ощупал себя в темноте. Нет, с телом все в порядке, ему... Ему тридцать один год. Замечательно... Раз вспомнился возраст, так и до имени недалеко. Вероятно, он здорово ослаб за время лечения. А вдруг был сломан позвоночник и он пролежал несколько месяцев на вытяжке?

Спустя минуту человек поднялся, и, опираясь одной рукой о спасительный борт капсулы, предпринял отважную вылазку в сторону стоящей вертикально крышки. С каждым шагом к нему возвращалось чувство равновесия. За крышкой его поджидало новое открытие: три ступеньки вверх, широкий полукруглый пульт и кресло. Поеживаясь от холода, он опустился на невидимое во мраке кожаное сиденье, бегло ощупал консоль. Его руки помнили невидимые ряды выключателей! Над головой находились какие-то агрегаты, в слабом свете фонаря он различал свисавшие с потолка шланги, отдельные фрагменты подъемного механизма крышки.

«Аварийное питание. Капсула 1. Капсула 2. Капсула 3». Ему пришлось встать на колени и приблизить лицо вплотную к прозрачному щитку, чтобы

разглядеть показания приборов. Все циферблаты были давно мертвы. Аварийное питание... Это означало, что в больнице или в том месте, которое он принял за больницу, что-то произошло со светом. Видимо, все побежали устранять аварию?..

Но где-то же должна находиться стена, а значит, и дверь! Нет, дверь должна быть сзади! В этот момент он совершенно отчетливо вспомнил, как выглядит и каким образом отпирается дверь у него за спиной. Внешний противосейсмический каркас и внутри титановый шлюз с пневматической доводкой... Черт! Человек схватился за голову, уткнулся горячим лбом в приборную доску. Прямо перед глазами прочитал: «Ответственный за противопожарное состояние поста Денисов А. К.».

Денисов, прошептал он. Ну конечно, Толик Денисов. Если его тут нет, должен быть Мирзоян. Но Мирзояна тоже нет, а такого просто не может быть, потому что... Провал.

Он выставил руки перед собой и почти сразу обнаружил выход. Дверь была огромна, потому что именно через нее завозили по утопленным в полу рельсам собранные капсулы... Он отключил мозг и позволил ладоням самостоятельно нащупать колесо. Конечно, раз не светится огонек на магнитном замке, придется крутить вручную. Человек всей тяжестью навалился на железный обруч. Неужели он так ослаб? Колесо не поддавалось, а ведь еще вчера запор снимался одним пальцем!

Он сделал несколько приседаний, чтобы разогнать кровь. Одеревеневшие руки не желали слушаться. Наконец показалось, что колесо поддается. Он нащупал голой пяткой косяк, уперся, скрипя зубами от напряжения. Вчера? Кто сказал, что эту махину трогали вчера? Ему в голову закралось подозрение, что, возможно, счет его болезни идет не на месяцы, а на годы. Ведь была же статья о женщине, перевернувшейся в автомобиле и пролежавшей в коме около четырех лет!

Внутри запора что-то гулко звякнуло, каучуковые направляющие заскрипели под полом, и титановая махина, обитая трехслойной звукоизоляцией, чуть отошла в сторону. Образовавшейся щели ему оказалось достаточно, чтобы понять — в институте случилось кое-что похлеще сбоя на подстанции. В институте?! Он решил не заострять внимания. Чем меньше он станет себя мучить, тем быстрее вернется память. Надо быстрее осмотреться и желательно найти хоть какую-то одежду!

От внезапного света человек был вынужден прищуриться. Плавающий мостик сейсмотамбура выглядел вполне обыденно, но следующая дверь стояла открытой, что нарушало все инструкции... Обдирая бока, он протиснулся в щель. Здесь дышалось гораздо легче, зато из-под ног взметнулось целое облако пыли. На первый взгляд помещение напоминало внутренности огромной трансформаторной будки или телефонной станции. Ряды серых высоченных шкафов с выдвижными модулями внутри, батарея рубильников, закрытые щиты с изображением молнии и пирамидами запасных плавких вставок. Грубый резиновый пол, дохлые мухи, дохлые пауки. Он никак не мог понять, откуда идет свет. С высокого потолка свисали десятки ламп, все заросшие паутиной и выглядевшие так, будто к ним никогда не прикасалась тряпка убор-

щицы. Заглядывая в сумрачные закоулки между шкафами, он прошлепал до поворота. И здесь встретил окно.

Точнее, не окно, а нижний краешек окна, сантиметров двадцать. Под самым потолком, метрах в трех от пола, забранный стальной двойной сеткой, за которой просматривались толстенные прутья решетки. Стекло было невероятно грязным, но как раз сейчас сквозь заросли паутины наотмашь бил тугой солнечный луч. Теперь человек знал, что очнулся днем, и не на поверхности земли, а в глубоком подвале. Поэтому здесь так холодно. Гигантское подвальное помещение изгибалось под прямым углом. За поворотом силового оборудования больше не встречалось, проход сужался метров до пяти в ширину. Коридор снизу доверху рассекала решетка с двустворчатыми воротами, и сразу за ней — толстое стекло. За преградой, метрах в пяти впереди, различались точно такое же громадное стекло и следующая решетка. Слева от сквозных, приоткрытых сейчас ворот на «нейтральной полосе» находилась стеклянная кабинка, в которой стояло серое от пыли кресло и такого же цвета — монитор компьютера. По другую сторону от резиновой дорожки человек заметил шкафчики для одежды и белую дверцу со значком душевой. Он подумал об одежде, но, шагнув в проход, тут же забыл обо всем.

2
Подземелье мертвецов

Напротив будки проходной, уткнувшись лицом в канавку для мытья обуви, лежал труп мужчины в желтом комбинезоне. Труп лежал здесь не просто давно, он почти полностью мумифицировался. Все, что осталось от контролера,— это голые кости, обтянутые коричневым пергаментом, и комбинезон.

Человек резко оглянулся. Показалось, что сзади кто-то стоит. Пусто. Это солнце за мутным окошком спряталось за тучку, отчего по дальним углам подвала метнулись длинные тени.

Мотор на двери бездействовал. Его это уже не удивило. Здесь не функционировала ни одна система, за исключением абсолютно автономного «спального блока». Стоп! Он замер с поднятой ногой. Спальный блок? Ну да, конечно, он ведь спал... Сколько же способен человек, черт возьми, проспать, если мертвец успел разложиться, а никто так и не пришел его проведать? Человек протиснулся между застывшими стеклянными створками, но, прежде чем дотронуться до трупа, направился вправо, к своему шкафчику. Рукоятка привычно повернулась и тут же переломилась пополам. Хозяин шкафчика отшатнулся. Створка открылась с пронзительным скрипом, повиснув на одной петле. Из глубины на него смотрел голый широкоплечий парень с налысо обритым синим черепом, весь живот и ноги в противных зеленоватых потеках. Он потер кулаком заплесневевшую табличку и ощупью, как слепой, прочитал подушечками пальцев: «Коваль. Мирзоян». Пять шкафчиков с одной стороны

прохода, пять с другой. Два без табличек. Итого шестнадцать человек. Да, их было шестнадцать человек, четыре смены. Но он без сомнения шагнул именно к этому, третьему слева, шкафчику.

— Моя фамилия Коваль,— сообщил он отражению.

Осипший голос опять повис, точно запутался в свисающей отовсюду паутине. Человек снова закашлялся, в горле першило, словно перед этим он кричал на футбольном матче. Остаточное действие реагента... Внутри шкафчика висела одежда, но стоило ему протянуть руку, как стало ясно, что подобрать здесь гардероб будет крайне сложно. Светло-синие джинсы почти истлели на сгибах и развалились на части при попытке взять их с полки. Шерстяной свитер при первом же прикосновении рассыпался трухой. По сути дела, это был уже не свитер, а массовое захоронение моли. Внизу стояли две пары обуви. Рассохшиеся, почерневшие кроссовки. Он потянул одну из них, сгнившая подошва осталась на полу. Вторая пара выглядела поприличнее. Короткие прорезиненные сапожки от костюма химзащиты. Он вытряхнул из них остатки истлевших стелек и натянул на ноги.

За дверью душевой рука привычно потянулась к выключателю. Нулевой эффект. Неясный отсвет из коридора сюда почти не доходил, но под потолком имелась такая же оконная щель. Ему показалось, что в глубине комнаты что-то лежит.

Или кто-то. Сердце отбивало не меньше сотни ударов. Можно было закрыть дверь и уйти. Уйти и продолжать бояться. Слава богу, те, кто оборудовал душевую, не удосужились намертво замазать окно.

Коваль бочком ступил на порог. В сапогах он чувствовал себя увереннее, хотя все время хотелось присесть и отдохнуть. Малейшие нагрузки давались с трудом. Я подхватил инфекцию, отстраненно подумал он, разглядывая второй найденный труп, у меня одышка от каждого шага. Прошло невероятно много времени, возможно, лет десять. В институте все погибли, затем снаружи ввели карантин, забили наглухо двери и забыли меня здесь. И я все забыл, болезнь съела мой мозг.

Второй мертвец выглядел не намного лучше первого. Мужчина был полностью укутан в белый комбинезон из прочной немнущейся ткани, и на высохшем черепе болталась такая же прозрачная шапочка, которую Коваль оставил в капсуле. Мертвец сидел в позе мыслителя, сжимая в кулачке шприц, подпирая спиной следующую дверь с едва заметной надписью: «Дезинфекция». За этой дверью Коваль сделал первую удачную находку. Точно такие же, как на трупе, висящие в ряд белые комбинезоны. Он вытащил их наружу, целую груду, и принялся перебирать, поднимая повыше к свету. Костюм с вышитой фамилией «Коваль» на нагрудном кармане пришелся ему идеально впору. От материи разило затхлостью и мышами, пластами осыпался грязно-белый порошок, но серьезных повреждений не наблюдалось. Под фамилией на кармане более мелким шрифтом значилось имя. Боясь ошибиться, он вернулся в машинный зал, на солнечную сторону.

— Меня зовут Артур Коваль,— едва ли не плачущим голосом повторил он в пустоту.

Связки сели окончательно, хватило трех слов, чтобы охрипнуть. Коваль вернулся в помещение душевой, зашел в первую попавшуюся кабинку и

повернул кран. Что-то хрустнуло, и смеситель вместе со штангой душа остался у него в руке. Вот так, мечту о помывке придется отложить до лучших времен.

С минуту он стоял в задумчивости, трогая носком сапога желтый комбинезон контролера. Переворачивать труп не хотелось. Артур поднялся в будку, где стоял компьютер. Мокрый бетонный пол покрывал ковер бледного мха, где-то неторопливо капала вода. От ватной гнетущей тишины начинало звенеть в ушах. Кроме того, внезапной дикой болью свело желудок. Сколько времени я не ел? И что я вообще ел, пока лежал в капсуле? Нет ответов. Он не без труда выдвинул четыре насквозь проржавевших ящичка в металлическом столе. Внутри лежали какие-то бумаги, но стоило притронуться, как они рассыпались скользкими лохмотьями. Зато он нашел спички. Первые три не зажглись, но четвертая внезапно вспыхнула, испугав его. Спички — это замечательно, осталось найти, из чего сделать факел.

Слева находились стеклянные воротца, через которые он пришел, а справа, за пределами «нейтральной полосы», Артур еще не был. За правыми воротами висела плотная чернильная темнота, хотя Коваль подозревал, что как раз там находится выход наверх. «Запретная зона. Доступ только для персонала пятого отдела!» — прочел он задом наперед надпись на дверях.

Он нашел, из чего сделать факел. Между шкафами «телефонной станции» обнаружился старинный покосившийся стеллаж, битком набитый технической документацией. Здешние бумаги изготавливались, очевидно, из какого-то особого состава и сохранились почти идеально. Артур не стал портить глаза, изучая чертежи, хотя ему почему-то показалось, что он обязательно бы в них разобрался. Он работал в пятом отделе и, следовательно, не мог не знать, чем тут занимаются. Возможно, он был не самым худшим инженером до того, как... уснул. Уснул?! Да, он именно так подумал, именно это слово. Но если он уснул, то куда делись остальные тринадцать человек? Лежат где-то мертвые?

Поджигая один пучок бумаг от другого, он ринулся в запретную зону. На сей раз пришлось изрядно повозиться с замком. Только повиснув всем телом на рычаге электропривода и оторвав его «с мясом», он сумел отодвинуть тяжелую створку.

Уходящий в непроглядную темень широкий коридор. Склизкие стены в бурых разводах. Европанели, здесь всюду были приличные панели, механически отметил Коваль. Артур поджег новую связку газет, ступил шаг, другой. Под ногами чавкнула вонючая грязь. Он поскользнулся и еле сумел удержать равновесие. Импровизированный факел нещадно чадил в поисках кислорода. В судорожных сполохах Коваль успел заметить бескрайнюю лужу, в которой плавали неясные обломки, покосившийся пожарный щиток и решетку старинного лифта напротив. Факел рассыпался багровыми искрами, и вновь спустилась темень. Артур затаил дыхание. Издалека доносился ритмичный шорох, точно некрупный зверек скребся когтями по металлу. Минуту Коваль постоял, прислушиваясь и чувствуя, как на затылке дыбом встают волосы. Ему вспомнился голливудский фильм о мутировавших в канализации гигантских муравьях. Крыс тут быть и не могло, жратвы никакой, а воды по колено.

— Никаких гигантских муравьев не бывает! — твердо заявил Коваль и на ощупь двинулся туда, где раньше заметил пожарный щит. Сапоги по щиколот-

ку погрузились в ледяную воду. Внезапно что-то мягкое коснулось его ноги. Артур сжал зубы, чтобы не закричать. Крюки, на которых когда-то висел инструмент, давно сгнили, от топора ничего не осталось, но лом он нащупал.

— Так-то лучше! — угрожающе сообщил он невидимым обитателям подземелья.— Теперь мы вернемся и кое-что проверим...

Где-то наверху тучи окончательно закрыли солнце. Пока он отсутствовал, в силовой стало значительно темнее. Если не выбраться отсюда до вечера, придется коротать ночь наедине с двумя трупами... и с теми, кто скребет когтями во мраке. Артур, старательно сдерживаясь, чтобы не обернуться, спокойным шагом пересек проходную пятого отдела, прислонил свое орудие к стене и свернул еще несколько факелов. Пока Артур распихивал их по карманам, его настиг очередной желудочный спазм, значительно сильнее предыдущего. Хоть бы сухарик какой найти, подвывая от боли, мечтал он. На кухне должна быть еда, всегда была...

Кухня. Он безошибочно свернул в щель между одинаковыми железными шкафами, нащупал узкую дверцу. Кухней они любовно называли созданный из бывшей лаборатории химреактивов уютный буфетик. Мгновенная вспышка в мозгу... Он вспомнил, как сам набивал по стенам вагонку и мастерил подобие барной стойки. Буфетик соединялся смежным проходом с «нижним» кабинетом профессора Телешева... Он вспомнил, куда ведет коридор за пределами запретной зоны. Это был вовсе не коридор, а продолжение подземного пандуса для грузовиков. Дальше, за поворотом, там, куда ему очень не хотелось идти, обязаны были находиться раздвижные ворота и пост охраны. А рядом с решеткой грузового лифта, если она также не обвалилась, должна начинаться узкая металлическая лестница наверх, в наземные помещения пятого отдела. Он выберется, но сначала...

— Меня зовут Артур Коваль,— шепотом повторил он.— Я старший научный сотрудник отдела, кандидат наук, и работаю в институте...

Провал. И черт с ним! Артур израсходовал еще три спички, пока новый факел не занялся, и толкнул дверь кухни. В нос ему ударил застоявшийся болотный смрад. От вагонки, самодельной деревянной мебели и бара осталась кучка трухи. Штукатурка со стен обвалилась, обнажив кирпичные своды конца девятнадцатого века. Потолок в двух местах треснул, из черных дыр сочилась ржавая вода. Стараясь не наступать в скопления белесых грибов, Артур поджег следующий факел и заглянул в кабинет шефа.

Профессор Телешев был здесь. Коваль ни за что бы не признал в кучке тряпья своего шефа, но никто, кроме профессора, не осмеливался сесть на его место, за угловой стол. Мебель для «нижнего» кабинета подбирали из новомодного пластика, под цвет офисной оргтехники, поэтому сильно пострадали только стены и шкафы с книгами. Очевидно, за стенкой в буфете лопнул радиатор, и кипяток хлестал до тех пор, пока не опустели батареи на всех шести этажах...

Телешев сидел за столом, положив голову на руки. Сквозь истлевший рукав костюма желтела кость. Напрашивалось лишь одно объяснение. Пока он спал, институт охватил неведомый вирус, но с родимым пятым отделом это никак не могло быть связано. Возможно, во втором или в третьем что-то перехимичили?

Но, в таком случае, о чем думает начальство наверху, почему никто не спустится похоронить людей? Факел горел все хуже. Артур уже собрался уходить, но тут приметил напротив стола квадратную дверцу сейфа из нержавейки. Ключ торчал в замке, но Ковалю показалось, что сейф не заперт.

Бумаги и диски на нижней полке слиплись в сплошной пористый комок. Зато на верхней полочке Артур обнаружил кое-что любопытное — завернутый в многочисленные слои полиэтилена картонный журнал и там же дискету. Он смахнул перчаткой слой плесени, опустил факел ниже.

«Тем, кто выживет!»

У Артура остался последний сверток листов. Он вытащил из сейфа пакет и заспешил в силовую. Живот пока не давал о себе знать. Возможно, что он не болен, возможно, что зараза миновала его. За несколько минут, в поте лица орудуя ломом, он сумел отодвинуть дверь сейсмотамбура достаточно, чтобы туманный свет достиг самых дальних закоулков камеры. Затем, в три захода, перенес внутрь всю оставшуюся сухую макулатуру, разделил ее на несколько частей и поджег. Как он и догадывался, помимо капсулы номер один вдоль задней стенки, опутанные проводами, стояли еще две пустые титановые «усыпальницы» с опущенными крышками. Ни одна система не отвечала на запрос, экраны оставались пустыми и темными.

Читать он не разучился. Дотлевала на резиновом полу последняя кучка бумаги, но Артур ни на что уже не обращал внимания.

«Журнал наблюдений. Начат семнадцатого февраля две тысячи шестого года. Пост дежурного инженера пятого отдела.

Камера глубокого анабиоза.

Произведена загрузка капсулы номер два, сроком на восемь суток.

Тип реагента — полужидкий азотный, криопротектор четвертой серии. Испытуемый — Мирзоян Александр, возраст тридцать два года. Комбинированное охлаждение по схеме профессора Телешева. Скорость достижения расчетного давления среды — три часа семнадцать минут.

Двадцать пятое февраля две тысячи шестого года.

Процесс выхода прошел успешно. Скорость — два часа пятьдесят минут. Состояние испытуемого хорошее. Кристаллизация отдельных капилляров. Моторика в пределах нормы. Отправлен в медицинский блок.

Шестое марта две тысячи шестого года.

Произведена загрузка капсулы номер один, сроком на тридцать дней... Испытуемый — Денисов Анатолий...

Процесс выхода прошел успешно...»

Артур сглотнул.

Третье июня. Установлена последняя капсула. Загружены сразу две, сроком на два и три месяца соответственно. Применен новый тип реагента, испытанный ранее на собаках. Артур вдруг явственно увидел себя двумя этажами выше возле самой первой, газовой капсулы, доставленной из Америки. Алик

Мирзоян держит барбосу пасть, отвлекает его косточкой, пока Лида выстригает шерсть на затылке, чтобы прикрепить электроды. Телешев стучит по клавишам компьютера, Артур с Толиком таскают баллоны с газом... Сумасшедшее времечко...

Коваль подышал на слипшиеся страницы.

Одиннадцатое сентября того же года. Испытуемый впервые ложится в капсулу сроком на целый год. Артур вспомнил. Именно тогда было принято решение о полном переходе на отечественный реагент. Возникала опасность нарушений в работе синапсов, отвечающих за кратковременную память. И еще, были подписаны контракты на участие западных ученых в испытаниях. Схема Телешева признана самой успешной.

Дальше, когда же дойдет очередь до него? Ага! Десятого января две тысячи седьмого Коваль испытывает на себе третью капсулу высокого давления, с массажной лежанкой и новым типом мышечной стимуляции. Недолгое погружение, три недели... Нет, не то. Ага, вот оно! Седьмое октября две тысячи седьмого года. Капсула номер три. Красовецкая Елена, срок три года. Капсула номер два. Дэвид Паунти. Сроком на четыре года. Стоит пометка: оплачено британской стороной. В первую капсулу ложится Коваль. Лену Красовецкую Артур смутно помнил, фамилия Паунти ему ничего не сказала.

Так, Коваль Артур... Он замер. Не может быть! Нет, здесь какая-то ошибка. Он захлопнул журнал. Остальное дочитаем позже.

Первая капсула была загружена на двадцать лет.

3
ГОЛУБОГЛАЗАЯ СМЕРТЬ

Он выбрался на карниз через окно третьего этажа. На первых двух этажах, в пятом и четвертом отделах, царил полный разгром. Мебель лежала перевернутой, компьютеры разбиты, пол устилал хрустящий ковер из остатков лабораторного оборудования. И везде заросли, залежи пыли. Окна первых этажей всегда закрашивались снизу на три четверти и оборудовались двойными решетками, посему Артуру хватало освещения, но бросить взгляд во двор он не мог. Парадный вход, где обычно сидела охрана, как и калитка во двор, оказались забиты снаружи. Причем именно грубо забиты; он подошел и потрогал торчащие внутрь сквозь мореный дуб блестящие острия гвоздей. В институте не было ни воды, ни электричества. Сначала у Коваля создалось впечатление, что в корпусе побывала шайка взбесившихся вандалов, но, зайдя в медицинский блок, он изменил мнение. Какими бы безумцами ни родились те, кто вывернул наизнанку сейфы и вырвал из полов ценнейший старинный паркет, к медицинскому оборудованию они явно относились иначе. Здесь также порядочно пошуровали, но не сломали, а вынесли содержимое лечебницы куда-то наружу.

Постепенно он заметил еще несколько странностей. Лампы дневного света, пусть и бездействующие, оставались на местах, но не встретилось ни одной целой лампочки накаливания. Будто кто-то шел и бережно собирал их, точно грибы. Также пропал весь инструмент с пожарных щитов, кроме баллонов. Большая столовая больше всего походила на стенд для испытания боевых гранат; среди груд разбитой фарфоровой посуды Артур засек несколько самых обычных крыс, разбежавшихся при его появлении. Но нигде он не встретил ни одной кастрюли или обломка алюминиевой вилки. На еду для себя он больше не надеялся. Оставалось уповать, что за пределами института простирается не радиоактивная безжизненная пустыня, а родной любимый город.

У Артура в трех местах кровоточили ладони, перчатки комбинезона он изорвал в хлам, когда пробирался вверх по лифтовой шахте. Тяжелый люк черной лестницы одолеть так и не сумел, это была одна из тех могучих железяк, что устанавливали в брежневские годы на случай ядерной атаки. Пришлось расширить проем в решетке шахты и карабкаться в полной темноте по шатким мокрым крюкам, вбитым в кирпичную кладку. Дважды крюки сгибались под его тяжестью, и Коваль, мокрый от ужаса, повисал над черной бездной. Наконец над головой сквозь решетку первого этажа забрезжил слабый отсвет. Почти сразу Артур увидел и лифт. Многотонная громада застряла, перекосившись, между первым и вторым этажами. Прямо в лицо Артуру целилась огромная ржавая пятка амортизатора.

Затаив дыхание, стараясь не раскачивать опасно скрипящие ступени, человек выбрался на узкий порожек. К счастью, раздвижную секцию кто-то выломал до него. Не понадобился и лом, который Коваль кое-как прикрутил за спиной куском провода. Целлофановый пакет из кабинета шефа он сунул за шиворот, прямо на голое тело. Внизу его больше ничего не интересовало, и Артур не испытывал малейшего желания посетить подвал вторично. Когда он только начинал подъем, догорел последний факел, спички кончились, и ему показалось, что в темноте под ногами, совсем рядом, что-то пробежало. Что-то приличных размеров.

Явно не крыса.

Теперь он отсасывал кровь из царапин, сплевывал и размышлял, где бы раздобыть хоть огрызок пластыря. Из санчасти исчезло все, даже такие никогда не используемые предметы, как кислородная подушка и костыли. Артур стоял, сплевывая кровь, и прислушивался к зданию. Людей не было и здесь, испарился весь персонал, около пятисот человек. Он слышал только ровный посвист ветра в вентиляции и еще какой-то странный монотонный звук, вроде шуршания домашнего ткацкого станка.

Шит-та, шит-та, шит-та...

Был момент, когда он склонялся к мысли о срочной эвакуации. Тогда объяснялась бы забитая гвоздями дверь. Но даже при самом паническом бегстве инженеры не стали бы уродовать собственные рабочие места. Артур видел оставленную дорогостоящую электронику, микроскопы, лазерные принтеры, которые в случае пожара следовало выносить в первую очередь. Вандалы не тронули электромоторы, но поснимали с приводов резиновые ремни.

На площадке второго этажа Артур нашел еще два трупа. Таскать ржавый лом давно надоело, он оставил его где-то в столовой в надежде подыскать более компактное и удобное средство обороны. Но, натолкнувшись на мертвецов, понял, что с разоружением поторопился. Женский труп полусидел на лестнице, прислонившись спиной к перилам, и сжимал в засохшей ладони упаковку одноразовых шприцев. Перед смертью женщина носила длинное кожаное пальто, почти в целости сохранившееся, поэтому Коваль не мог видеть, что произошло с туловищем. Зато он хорошо рассмотрел, во что превратились ее ноги и голова. Череп женщины с редкими ошметками волос на затылке валялся тремя ступеньками ниже, весь покрытый следами зубов. Левая плюсна и кусок берцовой кости, обернутые в остатки лакированного сапога, также послужили кому-то источником питания. Одного взгляда на следы укусов Артуру хватило, чтобы опознать собачьи зубы.

Или ему почудилось, или роль сыграли натянутые до предела нервы. Где-то вдали, сквозь бесконечное «шит-та», прозвучали легкие шаги. Коваль резко обернулся.

Никого. Полутемный коридор, ряд прямоугольников света, падающих на противоположную стену из закрашенных окон. Анфилада душных, пустынных залов. Артур вдруг обратил внимание, что на окнах отсутствуют тяжелые бархатные портьеры, гордость директорского этажа. Действительно, в левом крыле второго этажа размещалось начальство, и погром носил тут более утонченные, причудливые формы. Грабители не тронули стойки с видеоаппаратурой, но скатали и унесли ковровые дорожки. На плоском экране огромного японского телевизора в кабинете зама по науке кто-то оставил пальцем еле заметную надпись. Более свежие слои пыли почти скрыли послание, и Артур прошел бы мимо, если бы не остановился заглянуть в вывернутый из стены сейф. Дверцу, очевидно, выдернули «с мясом», а потом опять захлопнули. На дне сейфа лежало несколько банковских пачек по пятьсот и тысяче рублей. Здесь, в закрытом стальном ящике, не было сырости, крыс и насекомых, и банкноты сохранились прекрасно. Двадцать лет, ошарашенно повторил Артур, или десять, или пять. Он вскрыл верхнюю пачку. Пальцы дрожали. В тот момент, когда он рвал бумагу, ему снова почудился посторонний звук, гораздо ближе. Словно легкий топоток двухлетнего ребенка по толстому ковру...

Он замер, затем резко оглянулся. Нет, ничего. Легкое облачко пыли. Шитта, шит-та, шит-та...

Самая свежая купюра была датирована две тысячи двадцать шестым годом. Нет, что-то здесь не то! Коваль присмотрелся к деньгам внимательнее. Да, в «его время» пятисотрублевка выглядела несколько иначе. Добавились две горизонтальные полоски, на просвет профиль Петра чередовался с двуглавым орлом, и, кроме того, деньги стали заметно крупнее. Если купюра выпущена всего год назад, сказал себе Артур, то это означает, что институт покинут совсем недавно. Но мертвецы явно пролежали в подвале не год, а гораздо дольше! И одежда успела развалиться, и ни следа запаха. А пыль, а пауки? Да в жизни, даже за три года, не наросло бы столько грязи! Он выпустил пачку из рук, деньги веером разлетелись по кабинету.

Может быть, он перележал, переспал лишнего в капсуле? Нет, это невозможно, аппаратура совсем недавно убедительно продемонстрировала, что программа прошла без малейшего сбоя. Ему даже не понадобился дежурный инженер, чтобы самостоятельно покинуть лежанку. Артур поднял глаза от сейфа к настенному телевизору и тут рассмотрел на сером экране остатки каракулей.

Неведомый писатель оставил надпись на немецком языке. Артура приятно удивило, что, оказывается, он понимает немецкий. «Где кончается философия, там начинается биология».

Занятные интеллектуальные потуги для того, кто грабит сейфы! Артур уже шагнул в холл, туда, где раньше заметил второй труп, но внезапно его пронзила самая противная за сегодняшний вечер мысль. Три мертвых тела внизу — это крайне неприятно. Здесь еще два, к тому же после смерти обглоданные собакой или волком. Скорее, собакой... Но нетронутые грабителями десятки тысяч рублей — это гораздо серьезнее десятка трупов. Если людям стали по какой-то причине безразличны деньги, это...

Напрашивающийся вывод обещал лишить его остатков рассудка. Лучше пока заняться чем-то более конкретным.

Второй безголовый труп принадлежал мужчине и находился примерно в таком же состоянии, что и женский. Человек, когда его застигла смерть, сидел, непринужденно развалясь в кресле, в холле перед кабинетом одного из замов. Он так и умер, положив ногу на ногу. У несчастного отсутствовали обе кисти. Оставляя после себя в пыли рифленые следы, Артур подошел к мертвецу и потихоньку опустился на корточки. Возле левой ноги лежало что-то блестящее. Не сводя глаз с мумии, Коваль потянул на себя пластмассовый предмет, похожий на узкую клетку для яиц или на ячеистую внутренность конфетной коробки. Из десяти ячеек семь были свободны, а в трех покоились полные ампулы с мутной жидкостью внутри. Артур перевернул упаковку, сдул приставшие к пластику пылинки. Значительная часть этикетки отсутствовала; то, что ему удалось прочитать, не добавило ясности. «Вакцина № 3/1. Препарат комбинированного... активен против штаммов... блокирует синтез... Режим дозирования: 4 раза в сутки...»

Так. Шприц-тюбик у охранника в подвале, у тетки на лестнице, а у этого кадра целая батарея ампул. Очень похоже, что все они страдали и умерли от одной и той же болячки. То ли не сумели вовремя принять лекарство, то ли вакцина № 3 перестала действовать?

Добравшись до третьего этажа, Артур был вынужден присесть на подоконник, чтобы немножко перевести дух. Он не помнил наверняка, но вряд ли на тридцать первом году жизни страдал одышкой и аритмией. Путешествие по мертвому институту его доконало. Очевидно, двадцать лет в капсуле не прошли даром. Организм наверняка нуждался в поддерживающей терапии, в укрепляющих лекарствах. Если бы он мог хоть что-то вспомнить из этой области! Внешне мускулатура выглядела прекрасно, но с каждым шагом он все больше слабел. Хотя Коваль и помнил, где оставил лом, на то, чтобы вскрыть парадный вход, сил ему не хватит. Нечего и думать. Придется уходить через окно. Напротив окон курилки раньше находилась крохотная площадка пожарной лестни-

цы, по ней можно было бы спуститься во двор. Как же найти нужный кабинет? По-стариковски кряхтя, Артур поднялся и зашаркал по коридору.

За четвертой дверью справа ему встретилось окно без решеток и краски, правда, невероятно грязное. Но за потеками грязи просматривалась сварная трубчатая конструкция, а дальше — до боли знакомый облезлый колодец двора. Рамные шпингалеты буквально вросли в древесину. Артур пересек пустую курилку, подергал ставни. Придется разбить стекло. Ничего подходящего под рукой не валялось, кроме пластов штукатурки, насквозь проросшей грибом.

Снова этот шелестящий звук, еле уловимое царапанье, буквально рядом, за стенкой. Точно двое или трое маленьких детей пробежали на цыпочках по лакированному паркету. Маленькие дети или... большие собаки. Артур заозирался в поисках оружия. Дверь в коридор оставалась распахнутой. Ему почудилось или там действительно промелькнула тень? Дикое животное на третьем этаже закрытого учреждения, практически в центре Петербурга, возможно, подверженное бешенству. Нормальная собака не станет кидаться на людей, даже мертвых. Совершенно невероятно, но не более невероятно, чем открытый сейф с деньгами.

Его мечущийся взгляд упал на лопнувшую батарею отопления. Лед, взломавший когда-то чугун изнутри, давно превратился в воду, вытек и испарился. Под весом батареи дюймовая труба, уходящая в потолок, оторвалась и болталась в проржавевшей насквозь муфте. Коваль ухватился за трубу обеими руками, приготовился рвануть, но усилий не понадобилось. Железяка отвалилась неожиданно легко, и Артур сразу почувствовал себя увереннее. Не винтовка, конечно, но и на том спасибо. Теперь он мог разбить стекло, не опасаясь пораниться. Коваль поднял трубу над головой, замахнулся, но в последний момент что-то его удержало от удара. Он не позволит пустым страхам взять над собой верх! Если он сейчас, в собственном институте, где проработал не менее пяти лет, боится выйти из курилки, то что он будет делать дальше, на улицах?

Шит-та, шит-та, шит-та...

Ни звука человеческого голоса, ни гудков машин, ни малейшего намека на город с четырехмиллионным населением, только надоедливый шепот таинственного агрегата за окном. Коваль перехватил трубу покрепче, выставив впереди тяжелый зазубренный конец, и, выдохнув, шагнул в коридор.

В коридоре его поджидала лысая собака.

Артур остановился, точно лбом налетел на невидимое препятствие. Он не испытывал страха перед меньшими братьями, но подобную тварь даже представить было непросто. Пес воплощал худшие сны наркомана. Очень отдаленно, толстыми подушками лап, он напоминал добермана, но голова скорее принадлежала неблизкому родственнику колли. Но не отсутствие породы вызывало дрожь, и даже не то, что зверь разгуливал по закрытому «ящику». В конце концов, вахтеры вечно подкармливали дворняг. Артур внутренне усмехнулся, точно наблюдая себя со стороны. Его мозг, защищаясь от безумия, мерил действительность категориями нормального мира. Но ничего нормального в мире за двадцать лет, похоже, не осталось. На собаке практически

не росла шерсть; морщинистую, почти черную кожу покрывал слой коросты. На Коваля смотрели пронзительно-голубые глаза.

Пес переступил с лапы на лапу и издал короткое ворчание. В холке зверь едва достигал половины метра, и Артур уже прикидывал, что легко сумеет отогнать больное животное, тем более что бешенством здесь и не пахло. Но в эту секунду пес сделал неуловимое движение и мгновенно очутился на два метра ближе. Артур даже не успел сообразить, как это получилось; наверное, он сморгнул или случайно отвлекся. Теперь со зверем их разделяло не более семи метров усеянного мусором коридора. Было в собаке еще что-то неправильное, но в полумраке Артур никак не мог разглядеть, что именно ему не нравится.

Следующий прыжок он почти успел засечь. Артуру почудилось еле заметное движение за спиной; еще не начав оборачиваться, он отметил, как вздулись мышцы на лапах собаки. Он осознал ошибку слишком поздно, его внимание каким-то образом отвлекли.

Черт, ему внушили, что позади кто-то есть! Позади никого не оказалось — пустой коридор и три закрытые двери. Но лысый пес приблизился еще на два метра и снова застыл, как изваяние. Теперь на его облезлую морду падал свет из окна, и Коваль разглядел так раздражавшую его деталь. Под торчащими подвижными ушами животного раздувались влажные жаберные щели.

— Хорошая собачка,— одобрительно пробурчал Артур, делая мелкий шажок назад, по направлению к курилке.— Просто замечательная собачка. Теперь слушай меня, кусок шланга! — Он попытался взять угрожающий тон, но осипшие голосовые связки предательски срывались на фальцет.— Если заеду по зубам патрубком, мало не покажется!..

Он не задумывался, слышит его лысая тварь или нет. Вполне вероятно, что где-то водятся собачки с голубыми глазами, но не с жабрами! Артур вдруг совершенно отчетливо понял, что, если эта пакость на него сейчас бросится, он вряд ли сумеет отбиться даже с трубой в руках, слишком уж она шустрая. Действия собаки чем-то напоминали поведение удава. Две льдинки, не моргая, уставились в глаза человеку. Коваль почувствовал, как крупные капли пота стекают по вискам. Псина гипнотизировала его, совершенно очевидно она ждала, чтобы он на долю мгновения ослабил внимание. Артур, не прекращая буравить противника взглядом, сделал еще шажок к спасительной двери. Теперь ему оставалось запрыгнуть внутрь и запереться изнутри. А потом он разобьет окно и спустится во двор, спустится, даже если лестница давно сгнила!

Его спасла от опрометчивого поступка вторая собака. Много позже он будет заново переживать свой первый день и будет поражаться, как ему крупно повезло и каким чудом было то, что он не повернулся в тот момент спиной. Вторая собака походила на первую примерно как потомственный борец сумо похож на гимнастку. У нее тоже присутствовали четыре конечности и голубые глаза. На этом сходство заканчивалось. Свою широкую пасть пес не мог закрыть по определению: мешал тройной ряд зубов. Верхние клыки росли один над другим, заканчиваясь ниже обвислых брылей. Возможно, прабабка ходячего кошмара согрешила с мастиффом. Так же, как и первый, пес не страдал от наличия жабер и отсутствия шерсти, но вдобавок располагал кожистыми перепонками на коротких кривых лапах. Рыхлой комплекцией зверь отдален-

но напоминал бассет-хаунда, если возможно представить бассета с телом полуторараметровой длины. Наверное, из-за неудачного телосложения ему было так трудно преодолевать ступеньки. Собака, высунув язык, вырулила с лестничной клетки и коротким тявканьем дала о себе знать товарищу. Или спросила, почему товарищ до сих пор не позавтракал этим сероголовым бритым придурком. Коваль понятия не имел, что означает тявканье, но готов был дать голову на отсечение, что между псами на короткое время возникло бурное общение. Правнук колли молча повернулся к собрату и молча смотрел на него секунды две...

Морок рассеялся. Артуру хватило времени, чтобы задом пересечь порог и захлопнуть дверь.

Коваль упер один конец трубы под дверную ручку, а другой, острый, с силой загнал между рассохшимися паркетинами. Затем ноги его подогнулись, и старший научный сотрудник плюхнулся на пол, прижимая дверь спиной. Но курительную комнату никто не пытался взять штурмом. За тонким слоем пластика стояла полная тишина. Артур проверил, крепко ли держится импровизированный запор, затем, пошатываясь, добрался до окна. По пути он поднял с пола кусок штукатурки.

Грохот от разлетающихся осколков его оглушил. Артур расчистил перчаткой подоконник и вылез на карниз. Теплый и удивительно свежий воздух ворвался в легкие. Слишком свежий для Петроградской стороны, невесело констатировал он, пробуя на крепость пожарную лестницу. Надо же, он вспомнил, где находится институт! Осталось вспомнить, где он сам живет, точнее, жил. Артур потерял уже второе средство самообороны, но о том, чтобы вернуться в комнату и забрать трубу, не могло идти и речи. Скорее он кинется вниз, чем опять повстречается с этой сухопутной акулой!

4
ГОРОД ЛЫСЫХ ПСОВ

Двор почти не изменился. Такой же узкий мрачноватый колодец, пирамида нераспакованных ящиков на асфальте, неприветливые окна второго корпуса напротив. Артур подвигал пальцами, разгоняя кровь, и решительно начал спускаться. Насколько ему смутно припоминалось, из двора на улицу можно было выбраться двумя способами. Либо преодолеть двойные ворота в грузовой подворотне с натянутой поверх кольев колючей проволокой, либо через второй корпус. Уже на уровне второго этажа он увидел, что черный вход во второй корпус стоит распахнутый, и внутри — хоть глаз выколи. Нет, сказал он, только не это. Все что угодно, но в здание он больше не войдет. Хотя собаки ведь могли поджидать его и на улице!

Он чуть не заплакал от безысходности. На уровне трех метров от земли лестница обрывалась, дальше предстояло прыгать. Коваль помедлил, прислуши-

ваясь, жадно вбирая ноздрями немыслимо чистый воздух. Стояло лето, тополиный летний вечер, градусов двадцать тепла. Пух залетал откуда-то сверху, кружился сказочными водоворотами над крышей, оседал невесомыми сугробами на карнизах. В голубом квадрате неба черными точками мелькали птицы. Артур задрал голову и увидел то, что производило такой странный шум.

Шит-та, шит-та...

Над крышей второго корпуса, видимо в следующем проходном дворе, неторопливо махали лопастями четыре ветряные мельницы. Еще две завалились набок, потеряв лопасти. Определенно, такие новшества Артур бы запомнил, стало быть, ветряки установили уже после его «погружения». Очень возможно, подумал он, эти трехлопастные гиганты спасли его жизнь. Откуда взялась энергия для отвода реагента в капсуле, для поднятия температуры? Для запуска программы мышечной стимуляции, вентиляции легких и еще множества тонких операций, обеспечивающих выход из анабиоза? Дизель, предназначенный для дубляжа подстанции, в случае перебоев с током наверняка давным-давно выработал запас топлива. И вот Коваль спасен и висит на последней перекладине лестницы, боясь спрыгнуть на асфальт, потому что там его могут подкараулить лысые собаки. Вместо цветов и оркестра.

Ему сразу понадобится оружие. Артур осмотрелся и приметил, как ему показалось, подходящую вещицу. Возле открытого канализационного колодца валялся кусок оконной решетки — три заостренных прута, прихваченные сваркой к закругляющемуся фрагменту узора. Вполне приличные прутья, почти не ржавые. Он разжал руки и полетел вниз. От хлопка его падения по двору пронеслось протяжное звонкое эхо, но никто не выскочил ни из люка, ни из дверей соседнего корпуса. Морщась от боли в пятке, Артур заковылял к своему новому оружию. Два метровых прутка отделились легко; он подумал и взял оба с собой. Очевидно, до погружения в сон он не только занимался иностранными языками, но отличался завидной бережливостью, потому что моток проволоки, на которой поднимал из подвала лом, Артур сохранил в кармане комбинезона. Кусок провода он повесил через плечо и закрепил один прут за спиной, соорудив подобие ножен.

Теперь он был готов к выходу в город. Но перед тем как направиться к воротам, он зачем-то подошел к открытому люку и заглянул внутрь. Артур не смог бы объяснить, какая муха его укусила,— ну люк и люк. Так нет ведь, поперся. Гораздо позже он научился всем своим внезапным порывам находить объяснения: очевидно, в минуты крайней опасности активизировались какие-то подспудные чувствительные центры в мозгу. Если бы не эти озарения, не дожить бы до следующего утра!

В люке, вверх ногами, застрял человек. Артур отшатнулся: по ботинкам трупа ползала крыса. Первым позывом было немедленно повернуться и бежать к воротам, но он себя пересилил. Потому что это был свежий труп. Относительно свежий; возможно, мужик провисел вверх ногами в люке дня два, но никак не годы. И умер он явно не из-за отсутствия вакцины. На человеке был надет серый костюм военного покроя, вроде полевой милицейской формы, вполне привычная офицерская портупея, брюки заправлены в высокие шнурованные ботинки.

В спине убитого Коваль насчитал четыре дырки, скорее всего, от пуль. Провалиться дальше, в шахту люка, телу мешал торчащий из глубины вентиль. Лица убитого Артур рассмотреть не мог. Физиономию мертвеца закрывал противогаз, плотно схваченный ремнями на русом затылке. Тело уже начинало разлагаться, живот мертвеца вздулся, но, как ни странно, не наблюдалось и следа от крысиных или собачьих зубов. Зато с портупеи свешивались сразу две кобуры. Одна пустовала, зато в прорези другой Артур совершенно четко видел рукоятку пистолета.

Такой возможности могло больше не представиться. Коваль еще раз внимательно осмотрелся, прут положил рядом, сам опустился на живот. В глубине колодца, в метре от висящей головы мертвеца, вильнула хвостом крыса. Почему же они все-таки его не едят? Чтобы не было так страшно, Артур пытался отвлекать себя всякими глупыми вопросами. Черт, как далеко, не дотянуться! Он задрал голову над потрескавшимся асфальтом — показалось, что в спину уперся недобрый остановившийся взгляд. Мигом перекатился на спину, держа перед собой заостренный конец прута.

Никого. Слепые, серые от копоти окна безразлично окружали пространство двора. Артур успокоил дыхание и вытащил тело из люка почти до пояса. Потом свалился рядом, обливаясь потом и чувствуя, как в животе назревает новый спазм.

Затем он поднял глаза и увидел перед собой лысых псов. Сразу троих. Эти здорово отличались от предыдущих, были гораздо тщедушнее, но излишним миролюбием явно не страдали. Псы разделились и наступали на Артура сразу с трех сторон. Три пары голубых глаз на голых, пятнистых, как у гиен, мордах. Центровой, очевидно, командовал в стае, с большой натяжкой его можно было принять за бульдога, если бы не широкий и плоский, как у выдры, хвост.

Не смотреть им в глаза, главное — не смотреть! Артур расстегнул кобуру на боку мертвеца и достал тяжелый пистолет. Ощутив в ладони рифленый пластик рукоятки, он почти сразу вспомнил, как стрелял на военной кафедре института. Боже, как это было давно! На собак оружие произвело ошеломляющее действие. Артур даже не успел сообразить, как снять пистолет с предохранителя, а псов словно ветром сдуло. С ума сойти, проклятые твари понимали, что именно человек держал в руках и какую угрозу им это несло...

Коваль слегка повеселел, он даже не успел в этот раз толком испугаться. Осмотрел пистолет; на ладони лежал не привычный армейский «макаров», а какая-то неизвестная импортная модель, возможно, выпущенная гораздо позже седьмого года. Полный магазин на четырнадцать патронов, еще один запасной в кармашке кобуры. Морщась от отвращения, Коваль расстегнул на убитом портупею. Работать приходилось вслепую, постоянно обшаривая глазами двор. Лысые гады могли вернуться с подкреплением, но без портупеи некуда сунуть оружие. Перепоясавшись, он хотел уже подняться с колен, но тут заметил в глубине колодца рюкзак. Несколько секунд Артур боролся с желанием плюнуть на все и спешно смыться. Он нисколько не сомневался, что за ним наблюдают. Псы притаились за пирамидой ящиков, сваленных в дальнем конце двора. Спускаться в люк рядом с трупом было равносильно самоубийству, а чтобы дотянуться рукой до кожаных лямок, не хватало каких-то тридцати сан-

тиметров. Наконец он придумал. Засунул конец железного прута в канавку люка и соорудил что-то вроде крючка. Затем, одной рукой поводя из стороны в сторону пистолетом, опустил крюк в яму.

Рюкзак весил килограммов десять, не меньше. Как и хозяина, его не тронули зубы хищников. От поклажи мертвеца исходила слабая, но устойчивая горьковатая вонь. Артур принюхался и обнаружил, что точно так же пахли брюки убитого и портупея, которую он реквизировал. Это меньше всего походило на запах гниющей плоти, скорее создавалось впечатление, что вещи пропитаны специальным составом. Артур решил, что исследует содержимое находки попозже. Пусть даже там окажется кусок другого трупа — оставаться здесь он больше не мог. Обитатели подвалов ждали случая, чтобы напасть.

Еще не дойдя до ворот, Артур понял, как сюда попал малый в противогазе. Оба гидравлических привода отсутствовали, створки свободно покачивались на сквозняке. Видимо, парень забежал во двор по глупости, спасаясь от погони, заметался в четырех стенах и не нашел ничего лучшего, как спрятаться в люке. Тут его и застрелили. В спину. Коваля передернуло. Что происходит в Питере, черт возьми?

Действительность превзошла самые кошмарные прогнозы. Жители покинули город...

Скрепя сердце Артур вынужден был признать очевидный факт: даже за двадцать лет асфальт бы не сдался под натиском зелени. Что-то произошло со временем. Или с капсулой. Узкий переулок, обсаженный редкими тополями, превратился в неухоженную лесную просеку. Асфальт вздыбился, раскрошился на куски, порой Артуру приходилось искать место, куда поставить ногу. Под лопнувшим уличным покрытием змеились корни деревьев, кое-где образовались каверны глубиной в несколько метров, отовсюду лезла трава, достигавшая метровой высоты. Тополя, осины, ели, даже клены и дубы сплетались в вышине, загораживая небо. Деревья прорвали линии электропередачи, лезли ветвями в разбитые окна. Артур заметил бетонный столб, вырванный из земли и повисший на проводах как нелепое украшение могучего тополя.

Этот парень в люке... Если несчастье, поразившее людей внутри института, случилось так давно, почему убитый разгуливал в противогазе? Неужели зараза жива до сих пор?

Коваль, сжимая в руке пистолет, пробирался вдоль стены здания, тут ему казалось спокойнее. Метров через двести, он знал, переулок свернет направо, а там рукой подать до Каменноостровского проспекта. В тенистой листве голосили птицы. Артуру показалось, что в траве промелькнуло мелкое животное, возможно, кошка, или, чем черт не шутит, заяц. Один раз он совершенно отчетливо расслышал в ветвях заунывное мяуканье, но кошка к нему не спустилась. Другой раз, он мог поручиться, из чащи прозвучало козлиное блеяние.

За поворотом он опять вдали увидел псов, штук восемь. Судя по всему, стая охотилась, но явно не на него, или преследовала какое-то крупное животное. Издалека послышался яростный лай, затем все стихло. Здания дореволюционной постройки, вдоль которых он брел до сих пор, кое-как держались, но открывшийся за поворотом вид заставил Коваля охнуть. Вдоль бывшего теперь Каменноостровского парковалось когда-то множество автомобилей. Теперь

от них остались, в лучшем случае, истончившиеся ржавые скелеты. На проезжей части кое-где сохранялась разметка, но мостовую во всех направлениях рассекали глубокие трещины, заросшие диким кустарником. Большинство новых домов на противоположной стороне проспекта частично обрушилось, первые этажи зияли провалами разбитых витрин. У семиэтажной стеклянной призмы выпала на тротуар вся фасадная стена, обнажив торчащие пеньки перекрытий. Тысячи ласточек сновали сквозь бесчисленные щели в стенах. У многих зданий проломились крыши, и через окна верхних этажей Коваль различал нежное вечернее небо. Впереди, метра на три над землей, вертикально вздыбился обломок бетонной лестницы с перилами. Артур постоял минуту над жерлом облицованного мрамором тоннеля.

«Метрополитен. Станция «Австрийская площадь». Половина букв с гранитной стенки осыпалась. Любопытно, при нем эту станцию еще не построили. Очевидно, совершенно новая ветка, по которой он почти наверняка никогда уже не проедет. Возле ступеней Коваль наткнулся на полустершуюся металлическую табличку: «Внимание! Зона карантина! Проход только по пропускам!»

После станции метро он прошел мимо двух роскошных магазинов. То есть они давно не могли называться роскошными, но отголоски былого величия сохранились. Продуктовый супермаркет, весь в зеркалах, был буквально вывернут наизнанку, точно внутри потопталось стадо слонов. Зато следующий магазин напомнил Ковалю пыльные купюры из сейфа института. Артур стоял перед ювелирной лавкой. От уличных стеклянных витрин ровным счетом ничего не осталось, зато в глубине помещения, на прилавках, аккуратными рядками поблескивал благородный металл. Он намеревался зайти внутрь, как вдруг обострившееся чувство опасности заставило его обернуться.

Дорогу перебегала огромная серая кошка, держащая в пасти только что убитого, еще трепыхавшегося голубя. А возможно, это была совсем и не кошка: разве у кошек торчат наружу нижние клыки, как у кабанов? Как ни странно, голубь напомнил Артуру о еде. Он чувствовал, что восприятие потихоньку притупляется или измученный мозг, защищаясь, возводит своеобразную преграду между сознанием и внешним миром. Артур зашел в ювелирный и расстегнул молнию на дурно пахнущем рюкзаке.

В обоих отделениях не встретилось ничего протухшего. Несколько кусков вяленого мяса, кулек с окаменевшим обломком сероватого сахара, огромная телефонная трубка, похожая на первые изыски «Форы». Фляга с водой, порядочный кусок хлеба, пузырек с маслянистой желтоватой жидкостью внутри и самое тяжелое — железный ящичек. Первым делом Артур впился зубами в хлеб и не мог остановиться, пока не сожрал половину краюхи. Вода во фляге обладала потрясающим вкусом... Совершенно точно, что не водопроводная.

Ужиная, он не прекращал следить за обстановкой на улице. Один раз в дебрях кустарника скользнуло что-то черное, но Коваль не успел разглядеть. Ему крупно повезло проснуться не лютой зимой, а в период белых ночей. Но ночь, пусть и белую, проводить под открытым небом недопустимо. Ему необходимо найти убежище. Он заметил, что начал рассуждать, как заправский индеец. И с едой он поступил соответственно, половину хлеба и мясо оставил

на потом. Артур решил, что дойдет до Невы, и если никого не встретит, то придется срочно определяться с ночлегом. Убирая остатки ужина, он замер с протянутой рукой. Издалека донесся тоскливый, леденящий кровь вой.

Да, нужно срочно найти ночлег...

Коваль вскрыл плотно притертую крышку стеклянного флакончика, и в нос тут же ударила многократно усиленная волна того самого горького запаха, что пропитал все вещи. Возможно, это лекарство или средство от насекомых, выкидывать не стоит. Железный ящичек оказался на поверку термосом. Внутри корпуса находилась колба с широким горлом, а внутри нее, переложенные тряпочками, стояли плотно закупоренные пробирки. Температура в термосе давно выровнялась с температурой снаружи, и содержимое пробирок, вне сомнения, испортилось, но, следуя странному наитию, Артур закрыл термос и снова сунул его в рюкзак.

Метров через пятьдесят, там, где раньше располагалась резиденция «Ленфильма», он наткнулся на баррикаду. Причем не самодельную, а построенную по всем правилам военного искусства. Проспект перегораживали грамотно уложенные противотанковые ежи, дальше в несколько рядов тянулись разные виды колючей проволоки, мешки с песком, над которыми прищурились бойницами долговременные огневые точки. Четыре дота были построены на славу, из подручных материалов, но щедро облиты цементом, и походили на торчащие из асфальта серые фурункулы. Сейчас цемент раскрошился, в трещинах росли полевые цветы, порыжевшую колючую проволоку разметало ветром. Коваль, тщательно глядя под ноги, поднялся на бруствер из мешков, оглянулся в обе стороны. От кого держали оборону строители баррикады? Ясно лишь одно: ее воздвигли, чтобы не пропустить врага в центр города, на Троицкий мост.

Проспект расстилался, словно забытая в лесу взлетная полоса... Ни взорванных танков, ни останков пехоты на подступах к ежам. Спускаясь с верхотуры, Артур заметил на песке множество следов. Некоторые принадлежали собакам, но имелись тут и следы копыт, и даже отпечатки голой ступни человека. За последним дотом он набрел на полностью разложившийся труп лошади под седлом, а дальше лежали четыре собачьих трупа. У двоих псов в лобных костях зияли аккуратные отверстия.

Коваль хотел пройти мимо, но вдруг затормозил. У этих собак с шерстью было все в порядке, и, насколько он разглядел, не наблюдалось никаких отклонений. Он заставил себя подойти вплотную, достал из-за спины прут и потыкал в серую шкуру ближайшего зверя.

— Сдохнуть мне, если ты не волк! — сообщил Артур оскаленной челюсти.— Где же тот, кто тебя пристрелил?

Возможно, стая взяла человека на лошади в кольцо, он отстреливался, а потом бросил лошадку волкам и бежал пешком? Нет ответа. Артуру последнее открытие совсем не понравилось. Лесные хищники в центре Петроградской стороны; ладно бы еще где-нибудь в новостройках... Начинало смеркаться, солнце закатилось за крыши; он прибавил ходу, держа курс на мечеть. Издалека он различал полосатый шлагбаум и новый ряд песочных укреплений, прямо под минаретами. Над шлагбаумом полоскался на ветру железный щит с бе-

лыми выцветшими буквами. Артур изо всех сил напрягал зрение, пытаясь прочесть, что же там написано. Он уже не прятался в тени домов; дважды, прямо на глазах, сверху падали куски лепных украшений и фрагменты водосточных труб. Теперь он выбрал другую тактику — шел прямо по центру проспекта, далеко обходя препятствия, за которыми могли спрятаться собаки или другие хищники.

Надпись на плакате стала вполне различимой. Коваль сложил разрозненные буквы в слова, перечитал снова и снова, не доверяя собственному зрению, и тут его впервые серьезно отвлекли.

5
ЧУЖОЙ СРЕДИ СВОИХ, ИЛИ О ВАЖНОСТИ ОГНЕВОЙ ПОДГОТОВКИ

Зелень возле метро «Горьковская» меньше всего походила на аккуратный садик. По правую руку от Артура переливался всеми оттенками зеленого настоящий бурелом, точно вид с картины Шишкина. Чащоба выползла на проезжую часть, раскроила остатки булыжной мостовой, вырвала из земли рельсы. Но плотную стену леса разрезала выжженная широкая, метров пяти, просека, ведущая к ступеням метрополитена. Видимо, дорожку неоднократно поливали каким-то горючим веществом, чтобы преградить путь растениям, поэтому поверхность земли покрылась толстым слоем золы. Артур обогнул лежащий на боку, проросший шиповником остов автобуса и увидел первых живых людей.

От счастья у него чуть не остановилось сердце. Несколько раз Артур разевал рот, но так и не смог выговорить ни слова. А когда к нему наконец вернулась речь, выяснилось, что люди находятся в серьезной беде. Двое парней, по виду совсем молодые ребята, держали круговую оборону как раз посередине просеки, между облезлой тумбой метрополитена и выходом на проспект. Один из них был ранен и не мог уже стоять на ногах. Привалившись спиной к ноге товарища, парнишка натягивал зубами конец бинта, обмотанный вокруг левого предплечья. В правой руке, уперев ложе в колено, парень держал спортивный арбалет. По левой, разодранной, штанине растекалось темное пятно. Буквально в трех шагах, нашпигованные стрелами, подыхали три лысые собаки. Еще несколько тварей, прижимаясь к земле, кружили поодаль. Напарник раненого держал друга за шкирку и рывками тянул в сторону станции подземки. Одежду парней составляли грубые брезентовые куртки и такие же штаны, словно скроенные из палаточной ткани. На затылках у обоих болтались на ремнях респираторы. За спиной у стоящего на ногах крест-накрест висел охотничий дробовик с пистолетной рукояткой и длинный тесак в самодельных ножнах, в свободной руке обороняющийся сжимал еще какое-то оружие.

Парочка, несомненно, пыталась пробиться к метро, но путь к ступеням преграждали еще не менее десятка собак. По сравнению со стаей в институтском

дворе эти, видимо, гораздо лучше питались в детстве и выросли, как на подбор, до размеров крупной овчарки. Впрочем, с такой внешностью размеры теряли значение. У самого мелкого между лопатками просматривались два позвоночника, другого отличала полная асимметрия, словно его слепили из двух разных собак. Один кобель валялся на спине с выжженной в боку дырой, еще один крутился волчком, наматывая на лапы собственные кишки. При этом никто не лаял и не рычал, слышалось лишь шумное дыхание. Парень водил оружием из стороны в сторону, дергая за собой ослабевшего товарища; псы перемещались, не решаясь напасть, но все время сужали кольцо. Либо у оборонявшегося кончились патроны, либо он берег последний, но Артур был уверен, что стрельбу бы он услышал издалека.

Еще минута, и обоим ребятам конец! Артур скинул с плеча лямку рюкзака, проверил в кармане запасную обойму и, не скрываясь, побежал через улицу. Перепрыгивая трещину в асфальте, он заметил на рыхлой сырой земле четкий отпечаток огромной когтистой лапы. Здесь не так давно прошла кошка, скорее всего, из тех кошек, что оглашают ревом африканские саванны. Почти не испытывая удивления, он вспомнил о находящемся поблизости зоопарке.

— Эй! — что было силы завопил Артур.— А ну стой!

Псы, атаковавшие раненого, его услышали и мгновенно обернулись. Глаза ближайшего зверя покрывала белесая пленка катаракты, но шириной грудной клетки он мог бы поспорить с лучшим ротвейлером. Для собак картина боя резко поменялась, четверо из них теперь сами оказались в окружении. В стороны разбежаться они тоже не могли. Загородив зверям выход на проспект, Артур понял, почему обуглившаяся аллея не уступала зарослям жасмина, наседающего с обеих сторон. По обочинам были вкопаны в землю и связаны между собой куски двухметровой железной ограды.

Людей появление подмоги поразило не меньше, чем собак. Артур не ошибся, парни были совсем молодыми, хоть и заросли бородами.

— Ты подземник? — хрипло выкрикнул раненый. Он глядел на Артура округлившимися глазами и, забыв о своей ране, выронил изо рта бинт.— Где твоя маска? Даляр, ты взгляни, он ходит без маски!

Тот, кого звали Даляром, чуть отодвинулся в сторону, и Артур понял, почему он не отвечает и почему не было слышно стрельбы. В зубах бородатый Даляр сжимал длинный узкий кортик, а в свободной руке — сигнальную ракетницу.

— Я не подземник! — покачал головой Коваль.— Как их прогнать?

— Стреляй! — немедленно откликнулся раненый.

— Я могу попасть в вас! Я плохо стреляю! — пожаловался Коваль.

Точно разгадав, о чем он говорит, собаки выстроились на одной линии между людьми. Теперь Коваль действительно не мог стрелять без риска зацепить ребят.

— Сзади! — выкрикнул вдруг раненый.

Артур крутанулся на пятке, и очень вовремя. Длинными плавными прыжками к нему приближались еще две огромные собаки. До первой оставалось не более трех метров, когда он перехватил пистолет обеими руками и трижды выстрелил. Отдача толкнула Артура назад с такой силой, что он споткнулся и упал на одно колено.

С деревьев вспорхнули сотни пернатых, город откликнулся пистолету громоподобным эхом. Первые два выстрела не причинили никому вреда, ствол пистолета сразу же задрался вверх. Но пес уже летел, готовясь вцепиться Ковалю в горло, и сам наткнулся на пулю. Вторая собака передумала атаковать и рывком ушла в сторону, в метровые заросли крапивы.

В ту же секунду четверка окруженных за спиной Артура сделала попытку прорвать кольцо. Они оставили в покое раненого и гуськом понеслись вдоль ограды.

— Убей их! — вопил парень.

Артур, не вставая с колена, повернулся и совсем близко от лица увидел безжалостные голубые глаза и распахнутую розовую пасть. Пуля угодила псу в глотку и отшвырнула его назад, на бегущих следом приятелей. Даляр отпустил воротник раненого, взмахнул кинжалом и одновременно разрядил ракетницу.

Один из лысых мутантов, пронзительно скуля, отлетел к ступеням метро, ракета с шипением воткнулась ему в бок и продолжала гореть, разбрызгивая оранжевые искры. Другие развернулись и бросились бежать, протискиваясь в щель под покосившейся оградой. Раненый опрокинулся на спину, но успел выпустить стрелу, затем аккуратно отложил арбалет в сторону и метнул в убегающих врагов два ножа. И стрела, и ножи достигли своих целей. Отдаленный потомок черного терьера тоненько завизжал, зашатался и рухнул. Стрела пробила ему затылок и вышла под горлом.

Ножи перебили сухожилия на задних лапах следующему беглецу, но он упорно ковылял прямо на Артура. Коваль слышал собственный крик и продолжал давить на спусковой крючок, пока мускулистое черное месиво перед ним не прекратило шевелиться.

Люди выиграли бой. Одиннадцать собак погибло, остальные бежали. Даляр как ни в чем не бывало ходил от одного трупа к другому и при помощи кинжала извлекал ножи и арбалетные стрелы. Раненый парнишка забинтовал наконец руку и занялся прокушенной ногой. Артур устал так, словно целый день разгружал угольную баржу, он мог только сидеть и дышать ртом. Тошнотворный запах паленого мяса забивал ноздри. Даляр закончил собирать стрелы, вернул их напарнику, извлек из подсумка шприцы и трижды уколол его в ногу и руку. Только после этого он обратил внимание на Артура:

— Что у тебя с головой? Ты из Чухни?

— Нет, я местный. Я долго спал... — Коваль впервые осознал, что не сможет внятно объяснить, откуда появился. У него крепло подозрение, что эти люди понятия не имеют об анабиозе.— Я ученый, из института...

—Ученый? — Парни переглянулись.— Ты из южного каравана?

— Нет, я же говорю — я местный. А голова обработана специальным составом, чтобы не росли волосы.

— Где твоя маска? Маска, не понятно? — Даляр тронул ремень респиратора.— Ты что, ковбой?

При этих словах раненый бородач звонко расхохотался:

— Какой из него ковбой! Он стреляет, как мамаша Рубенс. Выпустил двенадцать пуль, и только три в цель. Дружище, у тебя патроны растут на грядке? Кто учил тебя стрелять?

Коваль слегка обалдел от такого напора.

— Ты не подземник, не ковбой и не пришел с караваном! — подытожил Даляр, поигрывая кинжалом.— Ты не из команды губернатора, иначе стрелял бы, прежде чем поднимать крик. И ты не из портовых, те не ходят без клинков. Без маски гуляют заразные или дураки. Лучше тебе оказаться дураком, приятель! Как тебя зовут?

— Вы могли хотя бы сказать спасибо! — запоздало обиделся Коваль.— Меня зовут Артур.

— Извини Даляра, дружище! — вступился раненый.— Он злится, потому что израсходовал на меня всю столбнячную сыворотку. Меня зовут Людовик.

— Много болтаешь! — окрысился Даляр.— Ладно, Лю прав. Спасибо тебе. Дыши! — Он достал из кармана тонкую пачку бумажек, оторвал одну и положил в двух шагах от Коваля.— Ты что, не понял? Дыши!

Артур потянулся за крохотным розовым листочком и только тут заметил, что Людовик вполне серьезно целится ему в лицо из арбалета. Артур поднес листок ко рту, старательно подышал. Ничего не произошло, но парни облегченно вздохнули.

— Порядок! — сказал Даляр.— Ты тоже шел в подземку?

— А эти собаки... — Артур покосился на трупы.— Они могут вернуться?

— Он точно не питерский.— Людовик, опираясь на плечо товарища, поднялся на ноги.— Ты встречал хоть одного местного, кто не знает повадок булей?

Даляр задумчиво покачал головой, не спуская глаз с притихшей улицы:

— Они вернутся, когда уйдешь ты. Були не выносят огнестрельного и портовых клинков. Но если ты собираешься и дальше бродить здесь один, то лучше отдай пистолет мне. Через час появятся летуны и волки, они не боятся пороха.

— Я не хочу тут оставаться! — подскочил Артур.— Возьмите меня с собой, пожалуйста. Возьмите меня к людям.

— Все люди разные! — философски улыбнулся Людовик.— К каким людям ты хочешь попасть?

Теперь они оба выжидающе глядели на Коваля. Артур понял, что, если он сейчас скажет что-то неправильно, как-то неверно себя поведет, парни просто бросят его здесь, наедине с волками. Он зря понадеялся на их благодарность. Точнее, на благодарность он и не рассчитывал, он сломя голову кинулся на помощь, просто потому, что его так воспитали... Кто меня воспитал, спросил он у спящей памяти? Кто мои родители? Нет, с капсулой явно что-то случилось, раз я не могу даже вспомнить, как выглядели самые близкие люди!

— Я хочу попасть к людям,— осторожно произнес Коваль,— которые следуют законам.

— Законам? — усмехнулся Людовик.— Как ты считаешь, Даля, папа Рубенс следует законам? Знаешь, дружище, если у тебя есть чем заплатить подземникам, можешь отправиться с нами к папе, и сам ему задашь вопрос.

— Мне нужно забрать рюкзак!

Артура охватило невыразимое облегчение. Опасаясь, что новые друзья передумают, он чуть ли не бегом вернулся за своей поклажей. Парни ждали его

на ступеньках. Если они собираются спуститься в метро, подумал Коваль, то я пас. Пешком топать по тоннелям — ничего страшнее не придумаешь.

— Почему вы зовете Рубенса папой? — спросил Артур.

— Обычно спрашивают, почему папу зовут Рубенс! — скупо улыбнулся Даляр.

Оказалось, что у него тоже имелся багаж, просто во время сражения два длинных баула валялись в стороне. Теперь Людовик не мог нести свою поклажу, и Артур вызвался помочь. Баул был не столько тяжелым, сколько неудобным, и казалось, что набит внутри травой.

— Он папа, потому что папа! — Людовик протянул Ковалю старинный портсигар, заполненный вручную скатанными папиросами.— Там, откуда ты появился, иначе называют людей, способных иметь детей?

— Эээ... Вот я, например, вполне способен иметь детей, но никто не зовет меня папой.— Артур бросил эту вполне невинную фразу, подтягивая лямки вещмешка, и потому не сразу заметил повисшее вокруг тяжелое молчание. Он в испуге поднял глаза. Неужели все-таки сморозил какую-то оскорбительную глупость? Оба попутчика находились в явном замешательстве.

— Откуда ты знаешь, что можешь иметь детей? — К Даляру вернулось обычное недоверие.

— Ну, видишь ли... — Артур замялся.— Так получилось, что моя девушка дважды от меня... беременела.

Ну конечно! Как он мог забыть... Наташка. В мозгу Коваля словно что-то перевернулось, он скривился, сжав руками виски. Мгновенно все стало на свои места. Он жил с Натальей, на папкиной даче под Сестрорецком, а родители последние два года осваивали новую квартиру на Ржевке. Он вспомнил мать и отца, вспомнил до мельчайших подробностей, как они с папашей закладывали фундамент и как Наталья отказалась жить вместе с его предками... Господи, что с ними со всеми? Где сейчас Наташа?

— Это такая шутка, приятель? — Даляр положил руку на рукоятку кинжала. Артур впервые обратил внимание на холодное оружие своего визави. И кинжал, и внушительный ятаган за спиной Даляра были настоящими произведениями искусства. Затейливая резьба покрывала сталь, на гарде переливались грозди драгоценных камней.— Ты хочешь сказать, что дважды выигрывал маму? Или в вашем городе избыток родящих женщин?

— Это не шутка! — заторопился Артур.— Я все объясню. Просто до того, как я уснул, мы жили вдвоем с моей девушкой...

Вечернюю тишину прорезал далекий рев. Людовик встрепенулся и не дал Артуру закончить фразу. В который раз бородатый весельчак разрядил обстановку:

— Даля, надо спешить! Приятель помог нам, а остальное подождет!

— Ты прав! — Даляр оставался мрачен, но руку с оружия убрал.— Уходим! — Он повернулся и первым направился к пандусу.

Коваль мысленно перекрестился. Чтобы остаться в живых, ему придется теперь взвешивать каждую фразу! А еще предстояло выяснить, какой же идет на самом деле год?

Вместо стеклянных дверей все входы и выходы из метро ощетинились грубой каменной кладкой. Только в одном из проемов вместо камня блестел

металл. Даляр первым зашел в узкую нишу, приподнялся на цыпочки, и в руке у него оказался старинный эбонитовый телефон с ручкой и переговорным рожком. Таким аппаратом пользовался еще Ленин в фильме про революцию. Даляр осторожно размотал провод, сделал несколько вращательных движений. Артур глядел, затаив дыхание. Человечество откатилось назад как минимум на сотню лет! Только сейчас он всерьез поверил в происходящее. Из трубки аппарата раздался треск, затем мужской голос отчетливо произнес: «Горьковская».

— Три человека на «Адмиралтейскую»,— словно речь шла о вызове такси, отозвался Даляр.— Мы из Эрмитажа.

— Пароль? — скучно спросил голос.

— Минога.

Даляр передал трубку Людовику, скинул рюкзак и, на ходу вытаскивая кинжал, ринулся вниз по ступенькам. Артур напрягся, хватаясь за пистолет, но ничего опасного не предвиделось. Один из тех псов, которых поразил Людовик из арбалета, каким-то чудом выжил и медленно отползал в кусты. Даляр нагнулся и легким движением перерезал собаке горло. Затем не поленился проверить остальных. Коваль снова ощутил тошноту.

— Так обязательно поступать? — тихо спросил он у Людовика, ожидающего у трубки.

— Раненый буль не умирает! — просто ответил бородач, и тут трубка разразилась длинной тирадой.— Хорошо! — ответил кому-то Людовик и вернул телефон в железный ящичек, крепившийся на косяке.— Ждать минут двадцать. Слышишь, Даля?

Налетевший порыв ветра принес запах большой воды. Артур вдруг заметил, что жутко натер ноги в резиновых сапогах. Он ощупал себя и убедился, что пакет с журналом не потерян, а только соскользнул на спину. Людовик присел, вытянул забинтованную ногу и принялся чистить арбалет. Даляр хмуро пыхтел папироской, быстро скользя глазами по окрестностям. Живых собак не было видно, на каркас лежащего автобуса с громким хлопаньем крыльев приземлились два баклана. Где-то вдали раздавалось заунывное мяуканье, но низкий рык больше не повторялся. Артуру показалось, что в густеющей синеве над кронами деревьев кружатся несколько хищных птиц.

— Скажите,— осмелился он,— эта надпись, она давно там висит?

— Какая надпись? — не понял Даляр.

— Вон там, возле мечети. Насчет захоронения.

В который раз он вызвал своим поведением замешательство.

— Ты владеешь письмом? — почти с уважением осведомился Людовик.— Тогда прочти нам.

— Там написано... — Артур откашлялся. Наорался он за последний час, а связки все никак не окрепнут.— Там написано: «Зона строгой изоляции. Захоронение номер шесть. Въезд по пропускам!»

— Это было всегда! — непонятно отозвался Даляр, катая в зубах вонючую папиросу.

— Отчего умерли эти люди? — решился Артур.

— С какого острова ты приплыл, приятель? — Даляр выплюнул окурок, подхватил с гранитных ступеней вещмешок. За нержавеющей дверью метро кто-то гремел засовами.— Только не говори, что научился читать в лесу!

— Но я и правда не знаю! — взмолился Артур.— Мой папа об этом не рассказывал! — на ходу сочинил он.

Дверь с противным скрежетом поползла вбок. Изнутри ударил поток настоящего электрического света. И в этом волшебном сиянии, словно ангел, преграждающий смертным доступ в рай, стоял огромный мужик с пулеметом Дегтярева наизготовку. Людовик, придерживая кровоточащий локоть, уколол ухо Коваля усами:

— Все люди передохли от болезни СПИД, дружище! И если на твоем острове не знают, что это такое, да еще и раздают девок, клянусь мамой Рубенс, я хоть завтра отправлюсь туда!

6
ПЛЕННИК ЭРМИТАЖА

В вестибюле станции, кроме волосатого громилы с пулеметом, Коваль, впервые с момента пробуждения, встретил женщину. Оба сотрудника подземки одевались так, словно готовился авангардный показ мод. Но если амбал просто ограничился потертым лисьим полушубком и расклешенными штанами из портьерного бархата, то на женщине под меховой накидкой поблескивало атласное платье, а голову венчал восточный головной убор с остатками роскошного плюмажа. Они разбирают одежду из музеев, вскользь подумал Коваль. У женщины было простое круглое лицо и почти не портящие ее тяжелые очки с бифокальными линзами. В руках она держала внушительный гроссбух.

— Проездные предъявлять в открытом виде! — Громила добродушно ощерился, указывая на табличку со знакомым текстом, висящую над останками турникетов.

Людовик открыл подсумок и передал женщине несколько мелких предметов; та ссыпала их в металлический ящик с петлями, затем навесила на петли замок и сделала запись в журнале. Тут оба подземника разглядели лысую голову Артура и удивленно замерли.

— Он без маски! — пророкотал великан.— Даляр, вам надоело жить?

— Я его проверил, он чист,— парировал бородатый.

— Чем заплатишь, красавчик? — деловито осведомилась женщина, занеся над гроссбухом перьевую ручку.

Коваль нерешительно открыл рюкзак и показал содержимое. Людовик присвистнул, Даляр поболтал на свету пузырек с вонючей жидкостью и покачал головой.

— Ты прикончил кого-то из людей губернатора? — очень спокойно поинтересовался громила с пулеметом. Артур обратил внимание, что у мужика не хватало трех пальцев на правой руке.— Ладно, мазь меня устроит. Пошли!

— Зато нас не устроит,— холодно сказал Даляр.— Запиши на него трудодни.

Подземники переглянулись.

— Нам все равно,— хмыкнула женщина.— Но мы его не знаем. Я запишу трудодни на тебя.

— Годится! — кивнул Даляр и опустил пузырек к себе в карман.

После чего великан снял с плеча пулемет и вернул железную дверь на место. Женщина подняла свой переносной сейф и исчезла в боковом проходе, там, где еще читались полустершиеся буквы: «Линейный отдел милиции».

— Вперед,— сказал подземник и первым шагнул в наклонную шахту.

В эту секунду Ковалю стало ясно, куда девались лампочки из института. Одна свисала на длинном шнуре, освещая круглый зал станции, другая неярко горела примерно посередине шахты, следующая угадывалась внизу, в вестибюле.

Они спустились пешком, на замершем эскалаторе кое-где не хватало ступенек. В нижнем вестибюле Артур понял, зачем подземники напяливали на себя мех. Если наверху гостило лето, то на станции не выветривался промозглый застоявшийся холод. Свет одинокой лампы не достигал жерла тоннеля, почти на уровне рельсов плескалась маслянистая вода. Сквозь бурый налет лишайников на осыпающемся кафеле угадывался веселый рекламный щит: сочная блондинка приглашала посетить турецкие курорты. Мужик с пулеметом не делал попыток спуститься в тоннель, остальные тоже чего-то ждали.

И дождались. Сначала раздался стук, потом из мрака, лязгая и скрипя, выкатилась платформа поезда, без стен и крыши, зато с двумя рядами сидений и прилично сохранившейся кабиной машиниста. За сиденьями, в сетчатом коробе, оглушительно ревел дизельный движок. Водитель дрезины, всклокоченный рыжий субъект в тулупе, лихо затормозил напротив группы новых пассажиров. Кроме него на платформе кутались в меха еще четверо. Их лиц Коваль так и не сумел разглядеть.

Путешествие в подземке он запомнил, как сплошную пляску зубов. Когда дрезина разогналась под горку, передние фары достаточно разгорелись, освещая бесконечные лужи и струящиеся по бетонным сводам ручейки. В самом глубоком месте дрезина выскочила на ярко освещенный пятачок. Коваль успел заметить десятка два рабочих, копошащихся возле насоса. Другие закидывали лопатами цемент в бетономешалку. Говорить не было никакой возможности, в узком пространстве тоннеля рев двигателя заглушал все звуки, от запаха солярки слезились глаза, но, когда дрезина вылетела к платформе «Невского проспекта», Артур решился задать вопрос:

— Зачем они цементируют стыки? Это же бесполезно. Под давлением породы кольца расходятся, потому что проржавела арматура!

— Если подземники перестанут затыкать дыры, их зальет водой! — пожал плечами Даляр.— Ты можешь предложить что-то поумнее?

— Следовало бы сначала укрепить кольца,— осторожно настаивал Артур.— Можно было бы изнутри вбить клинья, а затем наварить жесткую конструкцию... То есть, я хотел сказать, если, конечно, имеется сварочный аппарат...

— Сварка у нас есть,— отозвался вдруг рыжий машинист.— Но сейчас нет никого, кто умеет работать с газом. А ты что, инженер? Ты справишься с аргоном?

Все пассажиры вагона прекратили курить и разом уставились на Коваля. Он почувствовал себя крайне неуютно, черт его потянул за язык! Дрезина неподвижно зависла посреди полутемных аркад «Невского проспекта», дизель постукивал на малых оборотах. Двое мужчин вышли, обменявшись рукопожатием с водителем, зато добавилось сразу четверо вооруженных до зубов парней, и с ними маленькая женская фигурка, с головы до ног закутанная в меха. Машинист не трогал с места, очевидно, ждал кого-то еще.

—Да, я инженер! — ответил Коваль, гадая про себя, хорошо это или плохо.— И думаю, что сумел бы запустить аргоновый аппарат. Но не в одиночку, конечно...

— Даляр, твой приятель москвич? — почтительно осведомился машинист. От волнения он даже вспотел, на чумазом лице сверкали зубы и слезящиеся белки глаз.— Дружище, я не поверю, что ты музейщик. Даляр, давай я отвезу его к полковнику, и если он не врет насчет сварки...

— Парнишка, если ты инженер, так, может, и моторы перематывать умеешь? — обернулся к Артуру другой подземник, из тех, что сели на дрезину раньше его,— кряжистый мужик, закутанный в облезлый тулуп.

Артур чуть не ответил, что для замены обмотки совершенно не требуется инженерное образование, но тут Людовик довольно сильно пихнул его в бок.

— Он едет с нами к папе Рубенсу! — пресекая дальнейшие расспросы, отрубил Даляр.— Если полковник захочет получить инженера, пусть сначала договорится о цене!

Подземники не стали возражать. Артур потихоньку пришел к двум любопытным выводам. Во-первых, он научился отличать служащих метро от пассажиров. Абсолютно все, кто работал внизу, одевались в мех, невзирая на лето. Иначе, видимо, сырость и холод, а также полное отсутствие вентиляции легко приводили человека к простудам и ревматизму. А во-вторых, Артур почувствовал, что его не особо глубокие, базовые знания могут сослужить неплохую службу, возможно, даже сделать его большой шишкой... Из полумрака на перрон вышли еще трое пассажиров, одетых точно так же, как мертвец, с которого Коваль снял портупею. Сердце екнуло у него в груди, но мужчины не обратили на соседей ни малейшего внимания, уселись впереди и разом задымили. Дрезина тронулась с места. Перед погружением в тоннель в самом конце станции на проволочной растяжке висели сразу два мигающих фонаря. Под фонарями на мраморной стене Коваль прочел крупные буквы, отпечатанные трафаретом: «Нахождение в метро без средств индивидуальной защиты карается смертью! Военный комендант...»

Метров через триста водитель виртуозно притормозил прямо напротив очередной лампы, снял с петли на стене телефонную трубку:

— Диспетчер? Это шестой экспресс. Я на Невском, ухожу по кольцу на «Адмиралтейскую», затем вернусь обратно.

— Правый путь свободен! — прохрипела трубка.— Будешь возвращаться, пропусти одиннадцатый!

— Принято! — ответил машинист, затем скинул тулуп, нашарил под сиденьем монтировку и спрыгнул в невидимую лужу.

Оказалось, что до пояса он на нем охотничьи сапоги. Перекинув стрелку, рыжий вернулся на свое место, и платформа, громыхая, устремилась в боковой тоннель. Из всех пассажиров только люди губернатора, одетые в серые комбинезоны, обладали сносным огнестрельным арсеналом и настоящими противогазами. Четверо угрюмых мужчин, вошедших вместе с дамой, даже здесь не разомкнули кольцо вокруг нее. Артуру показалось, что за спиной у каждого из них торчат тонкие блестящие полоски наподобие длинных шашлычных шампуров, но спрашивать Людовика он не рискнул.

На «Адмиралтейской» машинист соскочил со своего сиденья, чтобы лично попрощаться с Артуром. Людовик при этом раздувался от гордости. Даляр недовольно сопел и с нарочитой озабоченностью затягивал на спине инженера лямки вещмешка, демонстрируя, кто здесь хозяин. К счастью, станция оказалась неглубокая, наверху короткой лестницы троицу поджидал коротко стриженный дед в изгрызенном молью собольем палантине. Обязанности кассира исполняла высокая тощая девица в чернобурке, с обрезом за спиной. Людовик послал ей воздушный поцелуй. Кассирша фыркнула и отвернулась с нарочитым безразличием, но, когда бородач проходил мимо, охнула и потребовала показать ей раны. Дед отодвинул тяжелые засовы и выглянул наружу, держа наизготовку потертый «калашников». Даляр нетерпеливо постукивал ногой, Людовик с театральным удовольствием показывал девушке следы укусов. Наконец раненый получил в подарок чистый бинт, короткий поцелуй в щеку, и подземка осталась позади.

На брусчатке Дворцовой площади Коваля вновь охватило чувство полной нереальности происходящего. Он прихрамывал в арьергарде, оберегая натертую пятку, и вертел головой. Оба его провожатых решительно двигались к парадному входу в Зимний дворец, нисколько не отвлекаясь на красоту летнего вечера. Едва покинув подземку, Даляр шумно втянул ноздрями воздух и вытащил из ножен осыпанный алмазами ятаган. Людовик натянул тетиву арбалета. По площади среди холмов мусора ветер катал целые океаны тополиного пуха. Ни единого прохожего не встретилось им навстречу, но на горбу Дворцового моста, возле костра, Коваль разглядел три малюсенькие фигурки всадников. Начало пустынного Невского перегораживала еще более внушительная баррикада, чем на Петроградской. Между покосившихся пулеметных гнезд из залежей песка торчал спаренный хобот корабельной зенитки. Вдоль Александровского сада змеился глубокий ров с размытыми краями и остатками колючей проволоки. В разбитых окнах бывшего морского училища гнездились сотни чаек, окаменевшие сосульки птичьего помета свисали с карнизов. Шестерка коней на арке Главного штаба находилась на месте, но половина скульптур с карнизов Зимнего осыпалась вниз. Или их столкнули, мрачно подумал Коваль... Зато на крыше крутились десятка два ветряков и стоял непонятно как туда взлетевший вполне целый троллейбус без колес. На подступах к царскому крыльцу начиналась гораздо более свежая линия обороны, построенная по иному принципу.

Из булыжной мостовой торчали два ряда наклонных деревянных кольев, а далее дворец окружала густая сеть колючей проволоки разной конструкции.

Артур не видел, что происходит на набережной, но со стороны Мойки ограда достигала здания Эрмитажного театра и терялась в сумраке Миллионной. По углам здания и возле мостика, держа под прицелом площадь, замерли три бронетранспортера. Стены до второго этажа превратились в сплошные жестяные заплаты. Судя по выбоинам, Зимний неоднократно обстреливали. Выше защитники музея ограничились решетками, во многих окнах горел свет. Из узкой бойницы, прямо над Каретным въездом, в лицо Артуру нацелились стволы пушек. Между рядами колючки оставался проход в виде сложного лабиринта, так что путники шли сначала влево, а затем вправо, по очереди подставляя бока наблюдающим снайперам. Снайперов Коваль заметил, уже когда к Даляру вышел часовой. Как минимум трое, посверкивая прицелами винтовок, дежурили на крыше. Очевидно, если бы Артур шел во дворец один, то не добрался бы живым и до Александровской колонны. Музейщики, повторял он про себя, музейщики. Банда, захватившая Эрмитаж во главе с папой Рубенсом, который знает, что такое законы. Звучит. Впрочем, он мог бы остаться в метро; судя по всему, тамошний полковник ничем не хуже и любит инженеров.

Часовой перекинулся с Даляром парой слов, затем кивнул и исчез за маленькой дверцей. Внутри товарищи Артура сняли с него мешок, и Людовик отправился в госпиталь. Больным он не выглядел, но раны требовали более серьезной обработки. В последний момент, перед тем как захлопнулась калитка, Артур невольно оглянулся на площадь. Со стороны Адмиралтейского проспекта, разрывая тишину дробным цокотом, рысила, запряженная цугом, четверка лошадей. Длинный закрытый экипаж на колесах размером в рост человека мягко покачивался на рессорах. Кучер сидел в закрытой будочке, а выше, из люка в крыше, по пояс торчала девушка в каске и бронежилете. Из-под уродливого головного убора выбивались длинные светлые локоны. Лица девушки Артур так и не увидел, его закрывал бронированный щиток. Стрелок медленно вращался, опершись рукой о крышку люка. При появлении дилижанса из бронетранспортера выскочили четверо парней и потянули в стороны ажурные створки тяжелых ворот. Еще двое спешно организовали проход в колючей проволоке. Не снижая темпа, кучер заложил вираж, и копыта лошадей загрохотали во внутреннем дворе. Артуру вспомнился мультфильм про маленького муравья, который во что бы то ни стало стремился засветло достичь родного муравейника.

Над равнодушным ангелом поднимался бледный серп луны. Голодный ветер свистел над безлюдным городом, где-то далеко, на пределе слышимости, раздалось несколько выстрелов и конское ржание. Затем, один за другим, раздалось десять ударов колокола. По периметру площади шел человек с факелом и разжигал огонь в железных бочках. Языки пламени с гудением лизали прохладный воздух наступающей белой ночи. Во дворе фыркали лошади, пахло сеном и жареным мясом.

— Артур! — позвал Даляр.— Тебя зовет папа Рубенс.

Часовой выкинул наружу окурок и захлопнул калитку. У него не было огнестрельного оружия, но грудь перепоясывал патронташ, в гнездах которого вместо патронов торчали узкие метательные ножи. Не менее десятка. На рос-

кошной плечевой перевязи висел тяжелый казацкий палаш. Но не стальной голубоватый лед клинка напугал Коваля больше всего. В глубине вестибюля, на изысканной восточной оттоманке, увешанной золочеными кистями, царапая когтями древнюю парчу, дремало создание, словно сошедшее со страниц «Тысяча и одной ночи». Впрочем, сказками тут и не пахло. Артуру хотелось ущипнуть себя за ногу.

Лысые собаки, по сравнению с полутораметровым монстром, оседлавшим бесценную кушетку, представлялись невинными ягнятами. Животное ни в коем случае нельзя было назвать безобразным, скорее наоборот, оно обладало воистину дьявольской грацией. Коваль вспомнил, что он когда-то читал о тигре-альбиносе. Безусловно, зверь принадлежал к отряду кошачьих, к густой белой шерсти хотелось прижаться щекой и запустить в нее руки. Все четыре ненормально длинные конечности, в отличие от присущих кошкам подушечек, заканчивались вполне оформленными пятипалыми кистями. Громадная голова «тигра» росла из необычайно вытянутой, складчатой, как у мастиффа, шеи, и дремал он, откинув ее на спину, на манер африканского фламинго. Зубы под усатой губой ничем особым не выделялись, зубы как зубы, как у нормального взрослого тигра. Словно почувствовав внимание, зверь приподнял веки и потянулся.

Артур встретился с ним глазами и понял, что по своей воле он из дворца не выйдет.

7
СЕМЕЙКА РУБЕНС

Поспевая за своим молчаливым провожатым, Коваль уже не сомневался: в Зимнем проживало гораздо больше народу, чем в бытность российских императоров. Дворец превратился изнутри в настоящий мегаполис, скорее, даже в гигантский табор. Почти весь первый этаж и подвалы занимали производства. Здесь располагались пекарня, слесарный и столярный цеха, конюшня, автоцех, мастерская экипажей, сапожники и даже маленький пивной завод. Впрочем, далеко не все делалось лишь в целях собственного потребления; проходя, например, мимо стеклодувного цеха, Артур успел заметить целые штабеля остывающих бутылок, проложенных соломой, словно предназначенные к отправке.

Ценнейшие паркетные полы почти нигде не сохранились, на месте снятых гобеленов тянулись километры телефонных проводов. Сантехники, дробя античную мозаику, вбивали крепежные крюки для прокладки водопровода, по мраморным лестницам волокушами поднимали дрова. От зеркал остались одни рамы, зато картины и скульптуры не сильно пострадали от нашествия людей. Большинство наиболее дорогих произведений искусства было когда-то давно, еще до эпохи папы Рубенса, отправлено в подвал и заперто под замок.

Чего нельзя было сказать о драгоценностях. Уничтожению, разборке, распилу подверглись все без исключения предметы из золота и прочих драгметаллов. Точно так же люди растащили все холодное оружие и пригодную для бытовых нужд посуду. Музей преобразился в колоссальное общежитие, где каждый метр пространства поклонялся богу функциональности.

Большинство залов второго этажа разделялись на секции, двери запирались, и жизнь за дверями во многом напоминала коммунальное сосуществование. Даляр показал Артуру пятачок, где орудовали жилищные маклеры; наиболее ценными считались «квартиры» с исправными каминами и действующей канализацией. Туалеты и водопровод проводить начали буквально пару лет назад и дотянули еще не везде, сантехники как раз заканчивали монтаж насосной станции. Остро не хватало людей, способных производить элементарные инженерные расчеты. Старшего водопроводчика, по словам Даляра, купили на три месяца в Москве и отдали за него четырех дойных коров и два ящика патронов к пистолетам, не считая оплаты труда. Коваль хотел спросить, какой валютой рассчитались с инженером, но тут путь преградила забавная процессия.

Люди сновали во всех направлениях, поодиночке и группами; после заброшенных переулков Петроградки Артур снова, почти с наслаждением, ощущал себя городским жителем. Внезапно Даляр рванул гостя за рукав, увлекая в сторону. Шедшие впереди женщины также прижались к стене. По лестнице, раздвигая толпу, поднимались шестеро мордоворотов в мотоциклетных шлемах. Первый непрерывно дул в свисток, замыкающий прикрывал спину широким плексигласовым щитом. А между ними, почти незаметные на фоне огромных охранников, взявшись за руки, почти бежали шестеро детей — четыре мальчика и две девочки. Кавалькада с топотом пронеслась по коридору, свист постепенно удалялся, а прохожие как ни в чем не бывало возвращались к своим маршрутам. Встреченным детишкам было от пяти до десяти лет, и до Артура вдруг дошло, что ни одного свободно гуляющего ребенка во дворце не встретилось. Раза два он видел подростков лет четырнадцати, и то исключительно в сопровождении взрослых...

На момент пробуждения Коваля в Зимнем проживало более четырех тысяч человек, но точную цифру Даляр назвать затруднился. Артуру хотелось о многом спросить, но, верный своей мрачноватой манере, Даляр неохотно раскрывал рот. За позолоченной дверью с табличкой «Санчасть» Коваля встретила черноглазая женщина в зеленом халате, респираторе и резиновых перчатках. Не успел Коваль осмотреться, как с него стянули одежду, в вену воткнули иглу, довольно грубо обследовали рот, уши и отправили в душ. Вода! Господи, какое счастье, оказывается, всего лишь окатиться двумя ведрами горячей воды. Больше двух ведер ему не предоставили, и мыло в санчасти оказалось какое-то черное, вонючее, но и этого убожества хватило, чтобы вернуть коже естественный цвет.

Едва одолев приемную папы, Коваль понял, откуда взялись такие нерусские фамилии. Стены канцелярии украшал полный набор картин однофамильца. Искусство Фландрии немного потеснили, заняв пространство вдоль стен шкафами, но в целом зал остался прежним, добавочный интерьер поражал вакхическим размахом. Очевидно, папе нравились женщины известного

телосложения; Коваль не стал уточнять. В приемной к ним присоединился перебинтованный заново и сменивший одежду Людовик. Переодевался он, без сомнения, в большой спешке, исполосованные шрамами руки по локоть торчали из французского парадного камзола восемнадцатого века.

Двое охранников, вооруженных «калашами», вторично заставили Артура раздеться и развязать мешок. Пистолет и железные прутья пришлось оставить на ответственное хранение. Кроме папы, в кабинете толпилась уйма народу. Артур не сразу понял, к кому подходить представляться. Возле огромной раскрашенной карты Питера суетились с мелками два старичка в военной форме без знаков отличия. Девушка в кожанке кормила сквозь решетку сидящих в клетке волчат. Она сидела на пятках, держа на коленях миску с мясом, и обернулась на шум. Коваля встретили распахнутые карие глаза, чуть вздернутый нос и запачканные сажей румяные щеки. Несмотря на то что локоны она спрятала под кепку, Артур моментально узнал пулеметчицу с дилижанса. Он улыбнулся и кивнул как можно приветливее, но ответной улыбки не дождался. Девушка опять отвернулась к визжащим от нетерпения молодым волкам.

За грандиозным письменным столом, заваленным бумагами, оживленно беседовали четверо. У Артура мелькнула мысль, что дубовым мастодонтом вполне могли пользоваться российские самодержцы. Следовало отдать должное «скромности» нынешних владельцев Зимнего. Коваль наметил толстого усача, но папой оказался совсем другой человек, поджарый сухопарый дядька с сигарой в зубах. Папа ухитрялся разговаривать сразу по двум телефонам, но, заметив Даляра, приглашающе помахал рукой:

— Я слушаю.

Следующие двадцать минут Коваля никто не перебивал. У папы Рубенса дважды гасла сигара, и дважды он наклонялся к тлеющей жаровне с торчащими оттуда палочками благовоний. Девушка в кепке разожгла старинный примус и поставила сверху простенький трехлитровый чайник, украшенный вензелями с императорской короной. Несколько раз, поочередно и вместе, тарахтели телефоны; трубку брал либо смуглый усатый толстяк в кашемировом свитере, либо другой сосед, хмурый, чернявый, похожий на кавказца. Коваль не сразу заметил, что в кабинете появилась еще одна женщина, рослая, пышнотелая, настоящая русская красавица. Ее спокойную, уверенную красоту не портил даже шрам на щеке. Мама Рубенс не стала садиться в кожаное кресло, которое ей подвинул кто-то из мужчин, вместо этого она, бесшумно двигаясь, расставила на ломберном столике чашки немецкого фарфора, розеточки под варенье и серебряное блюдо на львиных лапах, полное орехов и сухофруктов.

Чем дольше Артур говорил, тем понятнее ему становилось, что папа Рубенс не зря занимает свой пост. Зрачки главаря музейщиков кололи собеседника, как лезвия стилетов. На его худощавом скуластом лице не отражалась ни одна эмоция. Когда Артур выдохся и замолчал, в канцелярии установилась гробовая тишина; лишь волчата возились в клетке, и задумчиво посвистывал чайник. Никто не проронил ни слова, пока не подал голос папаша Рубенс:

— Еще раз назови адрес, где ты нашел убитого.

Старичок в военном френче быстро сверился с картой.

— Это не территория мэрии, папа. Район слева от Каменноостровского держат ребята мамы Кэт.

— Идиоты,— процедил кавказец.— Мама Кэт хочет войны с мэром?

— Это был человек губернатора! — Папа кивнул на открытый термос с пробирками.— И мы знаем, что это такое, не так ли, Сапер?

Сапером звали длинного худого человека, одетого в шелковый халат и убийственно похожего на артиста Басова.

— Если это вытяжка, значит, губернатор опять заигрывает с колдунами!

— Но он не дошел? Почему вытяжку не забрали? — спросил усатый.

— А может, его прикончили случайно? Дикари?

— Мама Кэт не жалует убийц в своем районе. Дикари бы не решились...

— Я имел в виду желтых дикарей.

Коваль вертел головой, пытаясь вникнуть в смысл разговора.

— А кто у вас главнее — мэр или губернатор? — спросил он Людовика. За все это время Людовик и Даляр не произнесли ни слова. Вежливо слушали старших.

— У губернатора больше солдат,— откликнулся папа Рубенс.— Но мэр контролирует электростанцию и водит дружбу с нефтяниками. Предоставь нам разобраться с твоей находкой. Ты сказал, что был инженером? Умеешь работать со сваркой?

— Да. Хотя я давно не пробовал...

— Электродвигатели?

— В принципе...

— Понимаешь схемы проводки?

— Думаю, что справлюсь.

— Подземникам ты сказал, что справишься наверняка.

— Справлюсь, если хоть немного почитать...

— Впрочем, насильно тебя здесь никто не держит. Можешь переночевать и отправляться куда угодно. Можешь прожить у нас неделю. Вот это... — Папа покрутил в руке пузырек с желтой мазью.— Это лучшее доказательство, что ты не врешь. Один флакон мази против булей стоит дороже месяца работы любого инженера. Ты мог использовать мазь, и були бы тебя не тронули. Ты никудышный солдат, но бросился на помощь нашим людям. Они заслуживают взыскания. Ходили покупать у ковбоев лечебные травы и не взяли достаточного количества патронов...

Даляр и Людовик понурились.

— Его могли снабдить колдуны! — возразила мама Рубенс.

Впервые Артур услышал ее низкий мелодичный голос и тут же понял, что этой женщины, возможно, следует бояться больше, чем ее мужа.

— Колдуны не станут нарушать соглашения с губернатором,— осторожно возразил Сапер.

— Я не хочу никуда уходить! — твердо заявил Артур.— И я не встречал ни одного колдуна!

— Тогда чего ты хочешь? — Папа Рубенс, не мигая, буравил его иголками зрачков.— Мы не дикари. Назови цену. Что ты хочешь за мазь, вытяжку и пистолет?

— Мне ничего не надо! — разозлился Артур.— Я не знаю, сколько я проспал. Я не знаю, какой сейчас год. Я только недавно вспомнил, кто мои родители и моя жена...

— Жена?! — хором воскликнули старички у карты.

— Жена?! — словно эхо, откликнулась мама Рубенс.

— Ну да, жена... Ну, не официальная, гражданская жена.— До Артура запоздало дошло, что он сморозил очередную глупость.

Даляр кашлянул и поднял руку, словно школьник за партой:

— Разреши, папа! Я не успел доложить. Он читает на двух языках и говорит, что женщина дважды понесла от него ребенка.

Вот теперь в канцелярии повисла не просто тишина, а общее немое изумление.

— Он утверждает, что способен быть папой?

— Да что тут такого необычного? — взорвался Артур.

— Мы проверим! — шепотом произнесла мамаша Рубенс, но ее услышали все. Мамаша покосилась на белокурую девушку в кепке. Та сидела на краешке широкого подоконника и, заметив взгляд мамаши Рубенс, скривила губы.— Мы проверим. Миша, если приятель не врет, то отпускать его нельзя.

— Да я и сам не хочу уходить! — У Артура немного отлегло от сердца.

— Когда я еще был ребенком,— папа в очередной раз разжег сигару. Ни Артуру, ни остальным соратникам курить он так и не предложил,— полвека назад, я слышал истории о том, что на Кавказе сохранились деревни, где почти каждый мужчина мог делать живых детей...

— Сколько лет назад? — жалобно переспросил Коваль, но Рубенс его не услышал. Или сделал вид, что не слышит.

— Вот что, Артур,— перебил главарь сам себя.— Завтра уходит большой караван в Москву, нам будет не до тебя. Остановимся пока на трех моментах. Ты становишься музейщиком. Согласен?

Артур кивнул.

— Когда караван уйдет, ты проводишь моих людей в свой институт, и мы заберем ветряные электростанции. Странно, что мама Кэт их проглядела...

— Их тяжело заметить... — вставил Коваль, но Людовик уже пихнул его ногой, призывая заткнуться.

— Второе! — невозмутимо продолжал папа.— Я повторюсь. Мы не дикари. Это значит, что у нас все работают. Неделю можешь отдыхать, мазь того стоит. Затем найдешь Сапера, он распределяет трудодни и командует производством. Примешь присягу. Если захочешь уйти после присяги, тебя найдут и убьют. И последнее. Твой случай уникален. Мы не слышали ничего подобного. Если ты можешь быть отцом, ценность твоей личности резко возрастает. Никогда и никому больше об этом не говори, если не хочешь, чтобы тебя выкрали. Даляр, заберете его к себе. Охраняйте его жизнь, как он охранял вашу.

— Мы поняли, папа!

— Для остальных сочиним сказку. Пусть все думают, что ты пришел с караваном ковбоев из Риги. Никто не сможет это проверить, ковбои не нанимают охрану в городе. Всем понятно? Я спрашиваю, все поняли, что Артур пришел с ковбоями из Риги? — Михаил оглядел присутствующих немигающим стек-

лянным взглядом. Ковалю показалось, что по залу пронеслась, шевеля волосы на макушках, невидимая секира.

— Поняли, папа...

— Понятно...

— Отлично! — сменил тон Рубенс.— Лидия, налей нам чаю. Ближайшие дни я буду занят, нам не удастся поболтать. Так что пользуйся чаепитием, задавай вопросы. Я вижу, ты чувствуешь себя неловко в нашем обществе?

— Да нет, все нормально. Просто я...

— Меня зовут Чарли! — подал руку толстяк.— Я старшина Торговой палаты Питера и веду в Эрмитаже коммерческий отдел. Надумаешь что-нибудь купить, сперва посоветуйся со мной.

— Чарли в курсе всех сделок от Чухни до Кавказа! — рассмеялась Лидия, наливая Артуру заварку.— Он знает цены на товар раньше, чем его привозят на торги. А это Руслан,— представила она черноволосого кавказца.— Наш министр обороны.

— Рад познакомиться! — Рукопожатие Руслана больше походило на стальной зажим.— Перед тем как выйти в город, проведешь недельку в тире. Даляр тебя проводит. Хочешь жить — научись метать ножи.

Кроме Сапера в чаепитии приняли участие и оба похожих друг на друга старичка. Впрочем, они на поверку оказались братьями. Лев возглавлял учебный процесс для детей и курсы ликбеза для оболтусов вроде Людовика, а заодно отвечал за перепись книг и библиотечный обмен с другими колониями в городе и за его пределами. Аркадий ведал строительством и в текущий момент исполнял обязанности главного инженера, но признавал, что знаний у него для этого недостаточно. Недаром Чарли Рокотов был вынужден с согласия папы выписать из Москвы толкового сантехника. Зато у Аркадия имелся потрясающий нюх на нужные для коммуны приспособления и инструменты. Как понял Артур из разговора, не так давно Аркадий доложил папе, что по заброшенным домам собрано достаточно материалов для строительства новой котельной. Подключив новую котельную, музейщики могли бы попытаться протопить корпус Генерального штаба и до зимы переселить часть людей туда. Если верить Людовику, население дворца прирастало, разными путями, человек на десять в месяц. Кто-то приходил от ковбоев, иначе говоря, обычных фермеров, кто-то откупался из других коммун или соглашался продаться навсегда, прельщенный лучшими условиями содержания. Лев не строил оптимистичных прогнозов относительно роста населения; никто толком не понимал, становится людей больше или нет. Артуру эти упоминания о мягкой «работорговле» немного резали слух, но постепенно он привык. Выяснилось, что торговцы, такие как Чарли, участвуют от имени своих коммун в постоянных «ярмарках вакансий», и для специалиста совершенно незазорно стоить сотню верховых лошадей или двадцать подвод с картофелем.

Оставался еще один член Совета, мама Рона, строгая черноглазая женщина средних лет в зеленом халате, что брала у Коваля кровь. Она появилась на несколько минут, во всеуслышание поздравила Артура с успешным прохождением экспресс-теста и удалилась, сославшись на тяжелых пациентов. Ковалю объяснили, что медики уровня мамы Роны представляли собой колоссальную

редкость; и даже когда ее покупали на время чужаки, папа посылал вместе с ней четверых телохранителей. Неделя работы мамы Роны в чужом госпитале и обучение тамошнего персонала стоили покупателям пяти ящиков дефицитнейших патронов, или тонны овечьей шерсти, или сотни пар первоклассных кирзовых сапог. Дороже медиков, сказал Чарли, стоят только мамы. Но главную головную боль для мамы Роны во дворце представляли не обычные больные, пострадавшие от укусов хищников или подхватившие лихорадку.

Главной заботой был детский сад. Теперь Артуру стало ясно, почему жители Зимнего прижимались к стенкам, освобождая путь телохранителям, ведущим детей в санчасть на прививку. Детский сад прятали в самой надежно охраняемой части здания. Очень давно, еще при прежнем папе, специально заколотили окна в висячие сады, чтобы создать малышам возможность без опаски гулять на свежем воздухе. Под детским садом понимались и ясли, и школа, где преподавал Лев,— все возрастные категории от грудного возраста до двенадцати лет, когда детям разрешалось опять жить с родителями и вместе со старшими впервые покидать дворец. Никто из членов Совета не мог припомнить, кем и когда был установлен такой порядок, но все сошлись во мнении, что изоляция обеспечивает для маленьких жителей наибольшую безопасность. Там, где детей не охраняли, процент гибели был намного выше.

И последней, кого представили Артуру, была та самая нахохлившаяся пулеметчица в кепке. Арина, третья дочь Лидии и приемная дочь папаши Рубенса. Девушка так и не оттаяла, напротив, отозвав мать в угол, несколько минут с ней о чем-то шепотом пререкалась и вернулась красная и еще более злая. Тем не менее кабинет она не покинула, осталась до конца трапезы. Артур сначала думал, что Арина просто пользуется служебным положением отчима и не имеет к Совету никакого отношения, и был крайне удивлен, узнав правду. Скорее из вежливости к столу пригласили Даляра и Людовика, которые вели себя тише предметов обстановки.

Арина в свои двадцать четыре года возглавляла Стражу караванов. Было бы естественным предположить, что она подчиняется «министру обороны» Руслану, но ситуация оказалась намного тоньше. Девушка обладала какими-то чрезвычайно редкими способностями, позволявшими ей заранее чувствовать опасность. Она сопровождала дальние экспедиции с двенадцати лет и своим присутствием спасла не одну сотню жизней, не говоря уже о товарах. Одной коммерческой ловкости Чарли для ведения дел было недостаточно, а статус начальника стражи ставил Арину наравне с членами Совета.

Папа ясно дал понять, что не хочет распространяться на эту тему, и Артур сдержал любопытство. Судя по тому, что папа Рубенс, несмотря на явные заслуги, не освободил незадачливых сборщиков трав от наказания, никакой демократией в Зимнем не пахло. Людовику и Даляру предстояло по пять лишних дней отработать на заготовке дров.

В течение ужина Коваль имел неоднократную возможность убедиться в организаторских талантах и непреклонной воле Михаила. Раз десять в дверь стучали, приходили люди с различными донесениями и просьбами. Папа молниеносно решал вопросы, звонил кому-то, иногда посылал курьера. Но чаще не сходя с места переадресовывал проблемы подчиненным, подчеркивая, что

приемные часы Совета длятся круглые сутки. Возражений он не слушал, просто стоял и смотрел на собеседника или молчал в трубку. Первым, допив чай, ушел Руслан, сославшись на проверку караулов. Затем откланялись Чарли с Сапером и отправились готовить караван. Коваль хотел покинуть канцелярию вместе с парнями, но хозяин кабинета остановил его движением руки. Наконец в зале осталось семейство Рубенс и «министр образования».

Как выяснилось, семья не ограничивалась мамой, папой и дочкой. Лидия, помимо Арины, родила еще троих дочерей и двоих сыновей. Из всех детей лишь младшая дочь оказалась мамой и принесла, начиная с семнадцати лет, Рубенсам уже троих внуков. Первый муж Лидии, отец Арины, погиб, когда дочери исполнился год. Михаил Рубенс трижды выигрывал Лидию в честном состязании, заслужив право на постоянную семью с ней. При этом он со спокойным лицом сообщил Артуру о том, что Лидия уже в браке родила двоих детей от других мужчин, и эти дети по договору были отправлены к отцам: сын — в Москву, а дочь — в Хельсинки. За каждого из этих «незаконных» детей мама получила порядочный выкуп, что моментально сделало ее состоятельной женщиной. Финны заплатили стадом в двести голов скота, а богатые московские подземники рассчитались пятью сотнями доз антибиотика. Не так давно на одном из фармацевтических предприятий бывшей столицы удалось восстановить производство пенициллина. Но такие выкупы действительно могли себе позволить только богатые коммуны.

Мама Рубенс тоже совершенно не тяготилась изменами, настолько редким даром стало материнство. Артур сначала понял так, что Михаил трижды дрался за Лидию в буквальном смысле слова, но опять не угадал. Среди дикарей так и происходит, подтвердил Лев, потому они и не могут десятилетиями создать устойчивых коммун. Самый сильный там получает маму, и прекрасно, если он не может стать отцом. Потому что его неминуемо прибьют из-за угла, и общество лишится будущих детей, которых и так чрезвычайно мало. В цивилизованном обществе все иначе. Женщина, способная рожать, а таких около десяти процентов, не вольна жить где и с кем захочет. Она не может быть одна, но может взять в мужья сразу троих, ее право, лишь бы они были папами. Во всех питерских коммунах таких женщин брали на полное содержание и требовали от них только одного — рожать как можно больше и, по возможности, от разных мужчин. Реальных производителей мужского пола появлялось на свет еще меньше, чем потенциальных рожениц. Лев сказал, что виной всему последние вакцины, использовавшиеся во время разгара пандемии.

Михаил не дрался за Лидию на ножах, просто редкие заезжие конкуренты, даже предлагавшие невесте целые состояния, не выдерживали беспристрастного отбора. Кто-то баловался наркотиками, кто-то имел явные признаки мутаций, кто-то был неизлечимо болен. В этом месте рассказа Артура подкараулило очередное потрясение. Отбором занималась не невеста, а отдельный независимый орган — Совет врачей. Медики, вроде мамы Роны, съезжались для консилиумов со всего города и принимали решения. Естественно, той качественной диагностики, какой она была до массовых смертей, не существовало, но в среде лекарей находились люди, подобные Арине, умевшие предугадывать отклонения в развитии плода. Совет врачей не мог допустить, чтобы

мама потеряла два-три года жизни на вынашивание больного ребенка. Посему лишь спустя двенадцать лет отыскались двое здоровых, которым Лидия родила детей.

Теперь-то Ковалю стало ясно, почему все так переполошились, узнав о его «редких» способностях. Здорового папу могли, конечно, выкрасть, но проще было его купить на время, так что Рубенс несколько сгущал краски. В то же время мамаш берегли как зеницу ока. На сегодняшний день в Эрмитаже на тысячу двести женщин приходилось сорок восемь здоровых рожениц, а большой караван, уходящий утром в Москву, вез на продажу четырех будущих молоденьких мамаш. Девушки стоили больше, чем все остальные товары, вместе взятые.

Артур какое-то время сидел, совершенно оглушенный от полученной информации. Он даже не сразу придумал, о чем еще можно спросить.

— А этот зверь, внизу?..

— Подарок с Урала,— улыбнулся Михаил.— У нас их несколько. Понятно, что тебя так напугало. И тигр, и були, и многие другие новые виды, которые появляются постоянно, еще не самое страшное. Були, например, возникли именно здесь, на берегах Балтики. Мой отец рассказывал, что во времена его молодости их еще не было. Поэтому нам и нужен толковый сантехник, чтобы обезопасить водозабор...

— Я читал в старых газетах,— добавил Лева, почесывая редкую бородку,— что в Балтике растворяется огромное количество вредной химии, сброшенной туда во время прежних войн. Кроме того, в год Большой смерти испортились очистные сооружения, а спустя десять лет умерли леса на юге, там, где стоит брошенная ядерная станция. Птицы, собаки и другие звери пили эту воду и пьют до сих пор. Тебе повезло, что не встретил летунов или болотных котов. Впрочем, они редко заходят в город или днем сидят в подвалах... Тигр очень тихий, по сравнению с тем, что можно встретить, скажем, на правом берегу...

— И по сравнению с людьми, Лева! — уточнил Рубенс.— Понимаешь, Артур, Лева среди нас, музейщиков, самый образованный человек. Не так давно он выдвинул одну теорию, и я склонен считать, что он прав.

— Он перетаскал сюда всю Публичную библиотеку. Даже в коммуне соборников нет столько книг. И он прав, иначе этот бред не объяснить! — Лидия ласково погладила мужа по плечу и подлила ему кипятку в чашку.— Лева, расскажи!

Лев покраснел от смущения, но было видно, что ему очень льстят похвалы начальства.

— Идея абсолютно не нова. Но, приняв ее на веру, мы почти сразу получаем объяснения многим странностям, которые происходят последние годы, а для вас, Артур, они, очевидно, покажутся чудесами...

— Вот что! — Папа Рубенс поднялся. На высокой спинке его резного кресла красовался двуглавый орел со скипетром и висел облезлый горностаевый палантин.— Лева, забирай Артура с собой, там поболтаете, а я вынужден вас покинуть. Или после долгого сна тебе не терпится поспать, дружище?

— Так сколько же я проспал? — Шутка Рубенса вернула Коваля на грешную землю. О самом главном он так и не выяснил!

Мама Рубенс мягко потрепала его по плечу, Лев сделал вид, что ищет что-то в своей кружке, Арина отвернулась к волчатам.

— Идет две тысячи сто двадцать седьмой год от Рождества Христова, приятель.— Михаил обогнул ломберный столик, испытующе глядя Артуру в глаза.— Соборники, хранящие время, не ошибаются. Ты проспал в холоде сто двадцать лет!

8
НОВАЯ РУССКАЯ НЕЧИСТЬ

Несмотря на преклонный возраст, Лева проскакивал сумрачные повороты Зимнего с резвостью теннисного мячика. Даляр заступал в ночной караул, а раны Людовика не очень понравились маме Роне, и она забрала юношу в госпиталь. Остаться одному после последнего известия Артуру совсем не улыбалось, лучше провести ночь в обществе книжника. Коваль внезапно осознал, что означает срок в сто двадцать лет. Даже если бы не случилось массовых смертей, за век растворились в земле все, кого он знал. Он не найдет даже детей и внуков своих друзей... Он не найдет даже могилы матери и могилы жены.

— На мой взгляд, слово «нечисть» не годится! С мифологией указанные явления не имеют ничего общего...

— Простите? — Артур помотал головой. Оказывается, Лева давно что-то говорил, а он прослушал самое интересное.

— Я повторяю. Нечисть существовала в сказках. Ни один сказочный персонаж не встречается в реальной жизни. Осторожно, ступеньки!

«Министр образования» уверенно спускался по спиральной лесенке. Коваль уже позабыл, насколько Эрмитаж огромен. Кроме того, Лев вел его закоулками, недоступными простым экскурсантам двадцать первого века. Здесь не так пахло горелым деревом, дымом и уборной, как в жилых помещениях

— Идея состоит в следующем! — Чувствовалось, что библиотекаря безумно тянет с кем-нибудь поделиться. Лидеры коммуны, по горло занятые бытовыми проблемами, слишком редко уделяли время отвлеченным теориям. Это безнадежно, вскользь подумал Артур, люди деградируют, и процесс не остановить, пока не восстановится нормальный прирост населения... — Идея состоит в том, что с падением численности людей возникают... как бы это сказать... Держите свечу, здесь темно! Я надеюсь, вы читали книги? Ах, о чем я спрашиваю? Все люди до года Большой смерти читали... Большой смертью мы называем две тысячи двадцать шестой год.

И что я заметил? Максимум так называемых чудес пришелся на незапамятные библейские времена. А если мы коснемся национальной сказочной традиции? Русские ведуны, волхвы прекрасно себя чувствовали, пока во всей Древней Руси проживало не более десятка миллионов человек. А змеи горынычи, кикиморы, лешие и прочая нечисть? Я ничего не утверждаю, но то, что проис-

ходит последние десять лет... Вы меня понимаете? Поставьте свечку сюда. Сейчас я разожгу камин...

— А что происходит?

Артур осмотрелся. Лева действительно перетаскал в Эрмитаж значительную часть Публички. В центре уставленной книжными шкафами залы на потертом персидском ковре покоился огромный глобус в человеческий рост. На глобусе, свесив лапы, дремала здоровенная летучая мышь.

— Может быть, ничего не происходит.— Лева присел на корточки перед мраморным зевом камина, достал из-за уха плачущего Купидона лучинку.— Может быть, все это было и раньше, но умело хорошо прятаться. Но, вероятнее всего, мы стоим на пороге совершенно новой эры, эры возрождения альтернативного разума. И альтернативных форм неразумной жизни. Такое впечатление, что вернулся прежний вакуум, агрессия человечества на планете прервалась, и вакуум стремится заполниться... Понимаете? Судя по Питеру, людей на планете осталось немного. В городе постоянно живет не более сорока тысяч человек. Шесть больших коммун и десятка три мелких банд. Одиночки погибают. Насколько нам известно, то же самое в других крупных городах. Здоровые мамы рождаются слишком редко, молодежь не учится грамоте, их заставляют с двенадцати лет работать. Отсюда и суеверия... Взгляните, это летун! — Лев пощелкал пальцами перед носом летучей мыши.

Зверек расправил крылья, приподнял узкую морду и вдруг одним прыжком переместился на подставленный книжником локоть. Коваль невольно сделал шаг назад. В позе охотничьего сокола ночной хищник достигал размеров взрослого гуся. Но помимо двух когтистых лап, обнявших руку библиотекаря, мышь имела еще одну точку опоры. Метровой длины голый крысиный хвост продолжал обвиваться вокруг круглого набалдашника, которым заканчивалась ось глобуса. Последние десять сантиметров хвоста были плотно зашиты в кожаный мешочек.

— Это летун, и если с ним себя правильно вести, то в доме не страшны никакие грызуны. Даже були их побаиваются. Но в некоторых коммунах уже расцветает мракобесие, люди всерьез приписывают летунам волшебные способности. Что я могу сделать один? Еще двадцать лет, и вырастут сегодняшние дети. Мы сами готовим почву для нечисти, понимаете? Я тридцать раз ходил с караванами на юг, на запад и на восток. На пути караванов встречаются немыслимые создания. Но мы не дикари, пока не дикари. Мы понимаем, что эти создания — не оборотни, не вампиры. Возможно, последствия аварий после года Большой смерти. Но поймут ли это наши дети? Не я один храню знания, но передавать их малышам все труднее. Еще пара поколений, и суеверия захлестнут мир!

— Я тоже сперва испугался булей. В них есть что-то... Что-то сверхъестественное.

— Ни в малейшей степени. Они способны к примитивному гипнозу, регенерируют ткани, дышат под водой и дьявольски изворотливы. Но вам простительно... Бог мой, до сих пор не могу поверить, что говорю с человеком, родившимся до Большой смерти. Слушайте, неужели вы понимаете латинское письмо?

— Английский и немного немецкий.

— Потрясающе! Если вы не выберете инженерную должность, я буду на коленях просить папу оставить вас моим преемником. Английский, подумать только! — Лева нежным движением вернул вампира на верхушку глобуса.— Но мы отвлеклись. До последнего времени я был уверен, что все природные чудеса можно объяснить вредной химией. До последнего времени. Пока не понял, что возник вакуум разума.

— И кто же его хочет заполнить? — В колеблющемся свете камина Артуру почудилось, что тени на лепном потолке движутся как-то не так. Он громко откашлялся, отгоняя наваждение.— Колдуны? Вы сами сказали, что чудес не бывает...

— Колдуны — всего лишь люди, родившиеся под Красной луной. Не вздумайте болтать об этом во дворце, но... — Лев заговорщицки поманил Коваля к себе.— Например, Арина. Если бы она родилась не здесь, а в лесных колониях или в Озерках, то стала бы самым настоящим колдуном. Она возит с собой в караване мальчишку; ему всего тринадцать, но парень уже слышит зло. Мы отдали за него соборникам четыре тонны масла и сорок свиней. Соборники поклоняются Христу, но Христос их не выручил...

Хе-хе! Дураки, они продешевили. Колдуны из Озерков опоздали, мы первыми явились за парнем. Колдуны рождаются, когда стоит полная луна, а свет заката наполняет ее кровью. Они рыщут повсюду, отыскивая детей, родившихся под Красной луной. Но два года назад на один из сборных караванов губернатора под заброшенным городом Тверь — ты слышал о таком? — напала банда. Там заправляли колдуны, которые научились переделывать обычных детей. Понимаете, к чему это ведет? Мы стараемся сохранить цивилизацию, а они еще хуже соборников, они тянут человечество не к Богу, который покинул нас, они тянут нас в леса. Смотрите!

Лева подхватил со стола тяжелый серебряный подсвечник, поманил Коваля за собой. На стене, за стеллажами, висели две огромные карты — города и страны.

Артур пригляделся. Год издания две тысячи двадцатый. За шесть лет до Большой смерти. Карта города была разлинована разноцветными мелками, из карты России, в европейской части страны, торчало несколько флажков.

— Здесь наша территория, от Дворцового моста до Лавры, оттуда вниз, до набережной Робеспьера, а на юге, как видите, до синего собора. А здесь — маршруты караванов...

— Погодите! Я встретил Даляра на Петроградской.

— Мама Кэт гарантирует нам безопасность. Мы лечим ее людей. Вы же видели, у нас сохранилась прекрасная лаборатория и лучший больничный комплекс в городе. За это они снабжают нас бумагой, тканями и выделяют солдат для охраны сборных караванов. Мама Кэт контролирует дорогу на Чухню, до старой крепости.

— Там, наверху, в стенах следы обстрелов.

— Войны в городе давно закончились. Если мелкая шайка совершит убийство, против нее объединятся все. Их уничтожат, как бешеных волков.

— Как булей?

— Не путайте. Булей нельзя уничтожить. Разве можно уничтожить вид, который потеснил крыс?

— Зачем же тогда пушки, колючая проволока и караулы? Кто на вас нападает?

В танцующем пламени свечей печальное Левино лицо походило на сморщенную мордочку лесного гнома. Он помолчал, разглядывая что-то на потолке, затем тяжело вздохнул:

— Об этом я вам и говорю. Суеверия, которые могут оказаться не совсем суевериями. Два месяца назад не вернулись наши голуби из Гатчины. Там жила сильная коммуна ковбоев. Причинить вред ковбоям считается страшным преступлением, понимаете? Они откармливают скот, пекут хлеб.

Лев перевел дух. Извлек из кармана кусок вяленого мяса, не глядя швырнул летуну. Вампир, секунду назад казавшийся воплощением сна, рванулся вперед и молниеносно щелкнул челюстями.

— И что случилось с ковбоями? — Коваль облизнул губы. Он вспомнил, что придется в одиночку возвращаться назад по неосвещенным потайным переходам Зимнего и разыскивать холостяцкое жилье Даляра.

— Случилось нечто непонятное. Коров и свиней охватило бешенство, даже домашнюю птицу пришлось уничтожить. Много людей пострадало... Это надо видеть, сложно описать. Вам покажется невероятным, но существуют силы, способные управлять растениями. Ковбоев никто не трогает, они умеют постоять за себя. Даже мелкие банды выделяют им людей на трудодни. Идут слухи, что возле города видели Качальщиков. Тех, кто раскачивает землю,— Библиотекарь понизил голос.— Месяц назад собиралась Дума, пришли даже колдуны из Озерков и Рыбацкого. Раньше они игнорировали Думу, но после того как Качальщики стерли город Вологду...

— Как это «стерли»?!

— Там не было жителей. Но караваны, идущие к Северному морю, останавливались там на отдых. Пять недель назад город Вологда исчез, растворился в лесу. Качальщики умеют делать такие штуки, но считалось, что они не появляются ближе Уральского хребта. Многие вообще полагали, что их не существует.

— Как они могли растворить в лесу целый город, пусть и заброшенный? — Подлаживаясь под тон старика, Артур тоже понизил голос.

Где-то вдали раскатисто ударил колокол, ему ответил другой, повыше тоном, и опять все стихло. Вампир на глобусе поскреб когтями по лакированному дереву, и Артур вспомнил очень похожий звук, что он слышал в подвале института. Летуны с ядовитыми колючками на хвостах, одним ударом парализующие взрослого волка. Летуны, предпочитающие для дневного сна сырые подвалы старого города...

— Качальщики — не совсем люди.— Лев смотрел без тени иронии.— Если не сказать хуже. Очень непросто описать то, чего сам никогда не видел. Эти... существа умеют находить слабые точки мироздания и раскачивают Землю... Они могут настроить природу враждебно к человеку. По сути дела, они считают, что Бог недоделал свою работу в год Большой смерти. Но кроме них есть и другие. Шептуны, дети Чингисхана, это дикие банды на лошадях. Они жуют

дурман и становятся неуправляемыми. Это дети тех, кто до катастрофы жил в деревнях, в крови у них зависть, в их легендах поет ненависть. Некоторые банды скатились до уровня первобытных племен, от русского языка у них остался один мат, а шептуны из-за дурмана рано теряют голос и даже матерятся шепотом.

Когда нам приходится идти с ними на контакт, мы специально гоним для них дурную водку, потому что только водку они уважают. Если они попадают в дома, то любят испражняться прямо в комнатах, где едят, но при этом им нравится жить в тепле и иметь горячую воду. Но они хотят все сразу и бесплатно. Иногда прорываются в город, воруют женщин. Вы видели охрану на мосту? Пока работает подземка, с севера мы защищены, но Нарвская коммуна дважды подвергалась разграблению. Но я не это хотел показать. Видите черные флажки с датами? Это места, где исчезли караваны.

— На них напали?

— Вероятно. Еще двадцать лет назад мы торговали с Екатеринбургом, Нижним и Пермью, а прежний мэр отправлял товары даже в Новосибирск и Красноярск. Сначала пришлось забыть о сибирских маршрутах, хотя там есть многое, чего нам не хватает. Потом, как видите, перестали ходить и на Урал.

— А железные дороги не сохранились? Караваны идут пешком?

— Железные дороги? А, вы о паровиках! В Москве пытаются наладить сообщение. А еще я встречал паровиков из Новосибирска. Они приезжали в Нарвскую коммуну, специально насчет покупки паровозов. На территории нарвских есть целый музей древних машин, но нет угля. Угля полно на Урале и в Кемерово...

— И что? — Коваль понял, что знает ответ.

— И ничего. Они ушли назад с караваном бывшего мэра Черняка, и больше не вернулись. Караван тоже исчез. Хотите печенья?

— Нет, благодарю... — Артур ощущал настоятельную потребность вырваться на свежий воздух. Казалось, что книжные шкафы кружатся вокруг, затопляя воздух миазмами плесени и смерти. Миллионы мертвых слов, которые никто не читает, кроме несчастного старика. Они — как миллионы погибших людей, прах которых порождает теперь чудовищ... — А тот караван, что идет завтра? Он тоже сборный? Если на дорогах так опасно...

— На Московской трассе шептуны и чингисы нам не страшны. Арина слышит их за десять километров, понимаете? А серьезную угрозу представляют только они. Торговлю нельзя останавливать...

— Я помню. Либо мы строим цивилизацию, либо уходим в лес.

— Именно. Караван не сборный, но охраны достаточно. Мы наняли ковбоев и людей мамы Кэт.

— А дикари могут от кого-нибудь узнать заранее о караване? О товарах?

— Дело не в товарах, но они нападут наверняка, если узнают, что мы везем женщин.

— А сколько стоит нанять солдата со стороны?

— Недешево. Спросите лучше у Чарли, это его стихия. Но Рубенс вынужден нанимать чужих, мы же не можем оголить караульную службу. А еще Руслан обязан выставлять людей в городские патрули...

У Коваля родилась отчаянная идея:

— Папа сказал, что мне придется целую неделю толкаться без дела, пока я не приму присягу. Может, мне заменить одного из наемников и поехать с караваном? Я чувствую себя обязанным. Вдруг я смогу быть чем-нибудь полезен в дороге?

— На самом-то деле вас обидело, что Рубенс запретил вам покидать музей? — Лева улыбнулся, снова напомнив Артуру детские книжки про хитрых гномов.— Здоровый папа слишком ценен для коммуны. Вы можете получить максимум благ, вообще не закрывая трудодней.

— Я так не смогу. В любом случае я буду работать. Наверное, из меня плохой солдат, но что-то я умею... — Артур хотел показать Леве ту часть рабочего журнала Телешева, из-за которой он так стремился попасть в караван. Но что-то его остановило.

— Не сомневаюсь. Уже знание английского дает преимущество. Нам не придется нанимать у соборников толмача на переговорах с финнами и шведами.

— Значит, меня не отпустят с караваном?

Библиотекарь удивленно покачал головой:

— Артур, вы меня неверно поняли. Никто не может вами командовать до присяги. Я уверен, что папа сочтет ваше предложение благородным. Скажу по секрету: вы уже за один вечер заслужили у Михаила репутацию. А он не из тех, кто легко доверяется чужим.

— Это я заметил... А что будет со мной после присяги? Я буду обязан ходить на цыпочках? Он пользуется здесь царской властью?

— Конечно.— Лева был чрезвычайно серьезен.— Абсолютной властью. До следующих выборов.

— Слава богу! Я уж думал, он у вас пожизненно.

— Гм! Вот у мамаши Кэт власть пожизненная, но это их внутреннее дело. Выборы проходят раз в год, тайным всеобщим голосованием.

— Всеобщим?

— А как же? Не я один читаю старые газеты, Артур. Нам известно, как выбирали своих лидеров до года Большой смерти. Перед толпами дураков разыгрывали целые представления, молодым было на все наплевать, а старики голосовали за тех, кто обещал им кусок хлеба и новые вставные зубы. Потом бумажки с подписями кидали в отхожее место, и у власти оставались те же воры. Пока нас мало, Артур, мы можем позволить себе тайное всеобщее голосование. За месяц до выборов кандидаты пишут свое имя в вестибюле. Потом они могут два раза выступить перед людьми. Папу выбирают все члены коммуны с двенадцати лет. Голоса подсчитывают прилюдно, на большом Совете. Впрочем, закон действует не так давно. Лет тридцать назад даже у нас голосовали криком, за год могли смениться четверо старейшин. Тогда коммуна чуть не погибла...

— Подождите, Лева! — Артур понял, что ему не давало покоя.— Выходит, что музейщики живут и работают как одна артель? У вас нет частной собственности? В таком случае напряженность неизбежна!

— Одному не выжить. Можете попытаться.

— А что произойдет, если папа?..

— Вы хотите сказать, если папа попытается узурпировать власть? Присядем!

Лев опустился в бархатное кресло, погладил ладонями золоченых грифонов на ручках. Коваль осторожно разместился напротив. Мебель императорского двора жалобно скрипнула. Вампир на глобусе приподнял одно сморщенное веко и снова погрузился в свои охотничьи мечты. Дрова в камине горели ярко и ровно, распространяя несравненный аромат деревенского уюта. На фоне этого домашнего тепла Артур почувствовал вдруг, каким промозглым холодом тянет по ногам.

Книжник придал осанке торжественность:

— Во время ужина вы спросили о законах. Перед вами человек, которому доверено их сохранять и укреплять. После меня этим займется мой преемник. Папа Рубенс не зря пропустил ваш вопрос мимо ушей, это моя обязанность просветить новичка. Принципиальных законов в коммуне музейщиков немного, и написаны они давно, когда я еще был ребенком. Все очень просто. Воровство, насилие, предательство, убийство караются виселицей. Драка, пьянство, трусость в бою, отказ от работы, оскорбление любого жителя музея, неподчинение приказам Совета влечет за собой год работ в подземке или высылку. Большинство провинившихся предпочитают подземку.

— У вас настолько хорошо живется?

— Вы напрасно иронизируете. Между коммунами поддерживается постоянная связь. В лучшем случае, у преступника есть слабый шанс примкнуть к заводским бандам. Даже соборники в Лавре, хоть и кричат о гуманизме, не возьмут к себе вора.

— Значит, оступившийся человек обречен?

— Артур, Эрмитаж никого не держит силой. Если человек ничего не должен коммуне, он волен забрать свою долю в любом виде и поселиться где угодно. Он может даже нанять стражу для переезда, скажем, в Хельсинки или Стокгольм. А потом вернуться назад и вторично принять присягу. Но вас, насколько мне помнится, интересовал вопрос силового захвата власти. Так вот, коммуна Эрмитажа существует уже семьдесят лет, она имеет самую устойчивую традицию, заведенную еще мамой Ксенией, мир ее праху. Поэтому мы живы, а других давно нет. Выбранный папа клянется на могиле Ксении служить своему народу. Он может ошибаться, как любой человек. Совет заседает без папы каждую неделю и каждую неделю спрашивает у меня, хранителя законов, не сделал ли папа что-то сознательно против интересов музейщиков.— Лев выразительно помолчал.

— И если такое произойдет, вы отправите Михаила в отставку? — с легким сарказмом осведомился Коваль.

— Михаил у власти уже шестой год, и пока люди выбирают его,— невозмутимо ответил библиотекарь.— Но такие решения на моей памяти Совет принимал дважды. Это тяжелые решения, потому что они грозят бунтом... Артур, я вам ясно прочел, что гласит закон. За предательство полагается смерть. Никакого суда. К отцу, предавшему народ, немедленно пошлют палача.

9
КАРАВАН

Московский караван выглядел более чем внушительно. Вымершая ночью, Дворцовая площадь походила с раннего утра на раздольную деревенскую ярмарку. Грохот колес, звон железа, хохот, лай собак, разноголосое пение сливались в оглушительный озабоченный хор. В распоряжении музейщиков было несколько вполне работоспособных тягачей и достаточный запас солярки, пополняемый коммуной нефтяников, но осилить развалившийся тракт могли лишь повозки на конской тяге и тяжелые тракторы.

Впереди обычно ехал тот самый запряженный шестеркой броневик, встретившийся Артуру вечером, причем лошадей тоже укрывали защитными попонами. Вооружение броневика составляли два пулемета, снятые с танков, и скорострельная пушка с патрульного пограничного катера. За броневиком шел «Кировец» с поднятым ковшом — на случай дорожных завалов. Позади кабины тракториста мастеровые оборудовали вращающееся «рабочее место» стрелка. Следом построились восемнадцать обитых металлом «вагонов» на базах многоосных прицепов. Только колеса на осях крепились весьма специфические,— широкие — утыканные самодельными шипами, способные преодолеть любые ямы. Каждую платформу также волокла четверка тяжеловозов. Для заболевших лошадей и фуража выделялся отдельный «вагон». Далее катился спальный дилижанс для пассажиров и домик для отдыха свободной смены охраны. Замыкающим шел еще один трактор, он тащил на лебедке настоящий, почти не гнилой «Урал» с прицепом. В крытом кузове грузовика умещалась легкая зенитная установка, а в прицепе, на платформе,— пушка с противолодочного крейсера. Пушку для каравана любезно смонтировали портовые в обмен на все тот же остродефицитный пенициллин. Дополнительно на крыше каждого грузового фургона размещался пулеметчик, и десятка два конных охранников с ружьями скакали по сторонам.

Коваль разглядывал маленькую армию в безмолвном удивлении. Он с трудом представлял себе, каким безрассудством надо обладать, чтобы схлестнуться с подобной мощью — либо на вооружении у дикарей, в валдайских лесах, имелся танковый корпус. Словно отвечая его тревогам, мимо прошли четверо солдат, пригибаясь под тяжестью армейских минометов. Еще двое катили тележку с гранатами. Возле каравана суетились не менее сотни человек. Грузчики, построившись змейкой, передавали в чрево фургонов мешки с тканями, вязанки сапог, закатывали бочки с соленой рыбой и ягодой, вязанки волчьих шкур и свиных кож. На носилках бережно поднимали переложенные соломой ящики со спиртным. По волокушам канатами втягивали грубые стальные болванки. Верещала в клетках племенная птица, рвались с поводков собаки, ржали лошади. Наконец-то Артур встретил обыкновенных собак. Их привели ковбои — меднолицые заросшие дядьки на конях. Они же предоставили Эрмитажу недостающих лошадей. В счет оплаты Чарли Рокотов брал с собой троих пассажиров из фермерской команды.

Всего пассажиров, не считая мамаш, набралось семнадцать человек, из них четыре женщины. Мама Рона отправляла в Москву одну из своих подручных учиться новым приемам в стоматологии. Под присмотром Руслана из дворца показалась шестерка дюжих «гвардейцев», сопровождавших сундук с дорожной казной. Золото вернулось в свои права, и Артур лишний раз поразился дальновидности давно почившей мамы Ксении, мир ее праху, занявшей под колонию именно Эрмитаж. Как оказалось, мэр печатал на Монетном дворе некоторое количество золотых денег, но весовые обломки из запасников дворца обеспечивали музейщиков «твердой валютой» на десятилетия вперед.

Своей должности шеф безопасности соответствовал идеально. Несмотря на сутолоку и постоянный приток народа, Руслан обеспечивал на площади идеальный порядок. По периметру, никого не пропуская, стояли цепью солдаты с собаками и ручными волками на длинных поводках. Еще дальше, встречая гостей, носился покореженный военный джип с автоматчиками. Стрелки на обитых железом тачанках держали под прицелом Мойку и Адмиралтейский проспект. Руслан сам подошел поздороваться. Артур испытывал перед ним некоторую неловкость, потому что от его услуг в качестве охранника отказались. Папа, однако, нашел хитрый выход и придумал для дополнительного пассажира особое поручение. Еще с раннего утра люди Рубенса сгоняли к мамаше Кэт и заявили права на ветряные мельницы, обнаруженные Ковалем. Полный комплект отбить не удалось, но и две штуки стали знатной добычей, что дополнительно подняло рейтинг Артура. Заглянувший после ночного караула Даляр пожал Артуру руку и подарил прекрасный охотничий нож.

— Жаль, что Лю огорчится! — скупо усмехнулся солдат.— Он ведь поверил, что ты с рыбацких островов, где не прошлась Большая смерть.

Коваль получил еще одно доказательство того, что папа Рубенс ничего не забывает. И сержант Даляр, и Людовик были сняты с караулов и вместо других солдат приписаны к каравану. Наказание теперь ждало их по возвращении. Папа Рубенс вручил Артуру рекомендательное письмо для главы московской коммуны паровиков. Но еще сильнее, чем железная дорога, Михаила вдохновил проект радиосвязи между столицами. Коваль ничего не обещал, но высказался в том духе, что если ему отыщут два прилично сохранившихся телеграфных аппарата, то он попробует что-нибудь наладить. О проводной связи пока никто и не мечтал; большинство столбов по дорогам давно попадали, потянув за собой кабель. С подачи Коваля главному инженеру поручили совершить набег на Музей связи, о котором почти забыли. Артур был немного ошарашен скоростью, с которой папа принимал решения. С одной стороны, это не могло не радовать. Без такой буйной энергии удержать в кулаке дивизию разномастных граждан было бы непросто. В случае успеха проекта Артуру светила великолепная карьера — должность начальника всей питерской дальней связи. В случае успеха...

Он особо не обольщался. В тот момент ему казалось странным, что за столько лет не нашлось никого, способного организовать элементарный телеграф. Артур никак не мог привыкнуть к мысли, что люди просто не помнили, как пользоваться техникой двадцатого столетия. Старых книг никто не читал, а технические навыки передавались практически без записей, живым приме-

ром наставников. Нефтяники хранили в танкерах море сырья, но ни одна живая душа не представляла, как запустить производство солярки. Коваль решил пока помалкивать о своих школьных знаниях, чтобы папа не передумал и не посадил его на цепь.

Между фургонами подвесили телефонные провода, охрана построилась для последнего напутственного слова, и караван начал разворот в походный порядок. Номинально старшим назначался Чарли, но на весь путь до бывшей столицы бразды правления переходили к Арине. Коваль видел, с каким почтительным вниманием слушают хрупкую девушку головорезы мамы Кэт и суровые деревенские парни, увешанные дробовиками. Всего под ее командой собралось сто двадцать бойцов и тридцать человек обслуги. Изнутри штабной дилижанс оказался половинкой купейного вагона от николаевского экспресса, и Чарли Рокотов забрал Коваля в свое двойное купе. За перегородкой размещалась личная охрана, отборный «спецназ» Руслана и дорожная казна. В следующее купе, отделанное мехами, никто не допускался. Артур краем глаза заметил там ванну и маленькую кухню с керосиновой плиткой. Будущих мам заранее окружали комфортом.

Следующий час Артур почти безвылазно провел переходя от одной смотровой щели к другой. Караван миновал арку Генштаба, свернул на Невский, затем на Садовую и, чуть замешкавшись у баррикады в начале Московского проспекта, вышел на стартовую прямую. Не прошло и суток, а Коваль рассматривал родной город под совершенно иным углом. Не как несчастный голый беглец, а в статусе значимой персоны. Центральные районы сильнее всего пострадали от уличных боев. Артур мог только догадываться, какие вооруженные драмы разворачивались тут век назад.

У Елисеевского гастронома не хватало половины фасада, обуглившиеся аркады Гостиного двора торчали, как ребра уснувшего морского исполина. По шпилю бывшей Думы, вне сомнения, палили из пушек. Не менее страшным разрушениям подверглись и другие дома на Перинной, крыша торговых рядов рухнула, словно примятая великанской пяткой. Из выбитых окон Пассажа на всех этажах росла трава. Могучие жеребцы Клодта оставались на местах, зато особняк Белосельских-Белозерских выгорел дотла. Но за дорожным покрытием в центре присматривали, кто-то регулярно выжигал наступающие армии кустарников, по центру проезжей части в несколько рядов были уложены бревна. Возле спуска в метро копошились десятки человеческих фигур, пара лошадей тащила по Садовой дребезжащий трамвай с понуро торчащей стрелой подъемного крана. Пропуская караван, подземники махали вслед, кто-то перекрестил трактор, две пожилые женщины в черном держали иконы.

На Московском проспекте в районе парка Победы произошла первая остановка. На стенке штабного купе висели три доисторических телефонных аппарата, по одному из них Чарли коротко поговорил и раздраженно выругался. Оказывается, банда под героическим названием «Восьмая дивизия» требовала плату за проезд. «Дивизионщики» размещались в сталинских домах, примыкавших к парку, и в здании новой Российской библиотеки. На арене бывшего стадиона они разводили скотину и содержали неплохой ипподром.

Коваль вслед за Чарли поднялся в башню над вагоном. Пассажирам категорически возбранялось покидать караван вне запланированных привалов, и Артур никак не мог увидеть, что происходит впереди. Чарли снова перекинулся парой фраз с Ариной; выяснилось, что «Восьмая дивизия» права, музейщики оставались должны по какому-то старому спору двадцать трудодней или соответствующий эквивалент в золоте. Когда вопрос был урегулирован, «Кировец» взревел, на передней карете ударили в колокол, и гигантские колеса снова загремели по деревянной мостовой.

Артур прилип к смотровой щели. Ему хотелось зажмуриться или протереть глаза. На обочинах проспекта стояли четыре танка. Гусеницы боевых машин давно прогрызли сорняки, но поворотные механизмы башен выглядели вполне исправно. Верхом на сияющих свежей краской стволах восседали молодые люди в коротких армейских дубленках на голое тело и провожали караван задумчивыми взглядами.

— Чарли! — спросил Коваль.— Эти ребята, они приносят какую-то пользу? Нам обязательно им платить?

— Как тебе сказать... — Рокотов скорчил забавную рожу, показывая, что понял иронию.— Считается, что банда охраняет южный въезд. Иногда они проводят скачки или кулачные бои и приглашают всех желающих. Здесь не так-то много развлечений.

— Они берут со всех плату за проход?

— Со всех плату взять невозможно, только с тех, кто нуждается в хорошей дороге. Любой всадник объедет их заставу по соседним дворам.

— Выходит, они не защищают город, а только собирают мзду с караванов?

— Ты прав, но не торопись с выводами! — Чарли бросил на Артура быстрый взгляд.— Питер невозможно обнести стеной. Уже много лет коммуны и банды выставляют мобильные патрули. Они надежнее любых застав. С тех пор, как шептуны вырезали банду речников. Знаешь, где когда-то был Речной вокзал?

Артур кивнул.

— В патрулях есть особые люди, их присылают колдуны,— продолжал Рокотов.— А иногда обходимся без их помощи. У губернатора есть двое мальчишек, и у портовых тоже; их носят на носилках и охраняют надежнее, чем золото. Зато наши колдунчики помогают вылавливать шпионов, проникших в город.

— И что с ними делают? Убивают?

— Ну зачем же? — искренне опечалился главный коммерсант.— Раньше убивали сразу, потом пытались отправлять на пожизненные работы. Но дикари не любят труд. Так что теперь, если поймают живьем,— Чарли сделал паузу,— их продают другим диким племенам. Им всегда нужны рабы, а платят они хорошо.

— Как так можно? — опешил Артур.— А если человек пришел с миром? Так и меня могли продать кочевникам?

— Тебя бы не продали. Тебя видела Арина, и, кроме того, ты понравился Лапочке.

— Лапочке?

— Ну да, тигру. Это не просто сибирский кот. Он, пожалуй, поумнее некоторых людей! — Чарли заразительно захохотал и сразу стал похож на шкодливого мальчишку.— Пошли вниз, надо успеть позавтракать. Слышишь колокол?

— А куда мы опаздываем? — Коваль потеснился, уступая место пришедшему на смену новому стрелку. Прежний парнишка отсалютовал и передал сменщику подводную маску.

— Встречаются ловкачи,— объяснил Рокотов,— способные со ста шагов попасть отравленной стрелой в глаз. Угощайся, у нас с собой целая бочка прекрасной рыбы из Ладоги!

Артур отдал должное: жареная рыбка, действительно, была восхитительна.

— Мы не опаздываем.— Чарли промокнул усы вышитой льняной скатеркой.— Но скоро на нас нападут.

— Как это?

У Артура рыба застряла в горле. Он приставил глаз к дырочке в стене. Караван, набрав умопомрачительную скорость, километров пятнадцать в час, неторопливо рассекал совхозные просторы. За стенками дилижанса метров на двадцать тянулась полоса выжженной земли, а дальше сплошной стеной поднимались настоящие северные джунгли.

— Очень просто! — Рокотов с наслаждением рыгнул и похлопал себя по внушительному животу.— «Восьмая дивизия» ухаживает за дорогой до развилки, а дальше мы предоставлены самим себе. Ты доел? Хорошо, тогда можешь взглянуть. С другой стороны!

Коваль прильнул к смотровой щели в коридоре и мысленно поблагодарил попутчика за проявленную заботу о его аппетите. По правую сторону зарастающего шоссе в два ряда стояли виселицы. «Восьмая дивизия» наглядно демонстрировала заезжим «туристам» свое гостеприимство. Некоторые мертвецы были вполне свежими, от других остались одни кости. Под виселицами шныряли какие-то мелкие животные, но из дилижанса рассмотреть их было невозможно. Под высокими, небрежно сколоченными вышками горели костры. Часовые прятались в закрытых «скворечниках». Коваль успел заметить, как с одной из вышек взлетели два белоснежных голубя. За неимением лучшего человечество возвращалось к проверенным почтовым технологиям.

Мы обязаны возродить нормальную связь, подумал Артур. Он и сам не заметил, как употребил местоимение «мы». Музейщики постепенно становились его новой семьей...

За частоколом виселиц тянулся последний форпост цивилизации: грандиозная линия дзотов даже спустя столько лет не потеряла своего устрашающего величия. По обе стороны от шоссе, несмотря на буйную молодую поросль, угадывались остатки широкой контрольно-следовой полосы, некогда оставленной защитниками Петербурга. На том месте, где водителей встречал указатель поворота на Пушкин, сохранился пробитый множеством осколков железный щит. Под щитом, покуривая, сидели у костра несколько бородатых мужиков в тулупчиках «Восьмой дивизии». Внезапно конная охрана каравана сбила строй. Лошади под ковбоями хрипели и вставали на дыбы. Ближайший наездник вынужден был спешиться и, осыпая коня градом ударов, буквально волок его за собой.

— Видишь? — равнодушным голосом спросил Рокотов.— Там, за пушкой...

Артур всмотрелся. Чуть в стороне от костра, прикрытая маскировочной сетью, несла дежурство артиллерийская батарея. Если губернатор контролировал арсенал несуществующего нынче МВД, то «восьмая» почти сплошь состояла из потомков военнослужащих. Вполне естественно, что в их распоряжении оказались значительные «осколки» военной техники, а выстрелить из пушки по прямой мог бы и дебил. За сетью взгляд Артура нащупал какое-то шевеление.

— Они что, тоже ручные? — только и мог выговорить он.

— Они хуже диких!..— прокомментировал «министр торговли».

Связанные цепями в упряжки, на привязи бесновались шесть болотных котов. Артур уже не удивлялся, что лошади испытывали такой панический ужас. На своих домашних предков серые чудовища походили не больше, чем альбинос Лапочка. Каждый размером со взрослую рысь, только в два раза шире, с вытянутыми вперед кабаньими клыками и торчащими, как у тойтерьеров, щетинистыми ушами — настоящие исчадия ада. В стане хищников валялся обглоданный лосиный скелет. Могучие рога, как протянутые кисти рук, взывали к низким облакам.

Сразу за развилкой хорошая дорога закончилась. Шипованные колеса запрыгали в глубоких колеях. Двое дядек в полковничьих папахах вручную крутили тяжелый ворот, задвигая на трассу бревно шлагбаума. На расстрелянном щите Артур не без усилий прочитал выцветшую от дождей надпись: «Водитель, стой! Въезд только для санитарного транспорта. За нарушение режима открываем огонь без предупреждения!»

С ума сойти, поежился будущий начальник связи, какой кошмар должен был происходить вокруг города, если оборону держали воинские части! А судя по разбитому в хлам центру, удержать оборону они не смогли...

В купе негромко постучали.

— Пошли! — сказал Чарли.— Тебя ждут.

В центре вагона было оборудовано нечто вроде кают-компании с овальным столом посередине. Сейчас тут собрались все пассажиры, кроме мам, и свободная от вахт охрана. Четверых юных «невольниц», похоже, не видел никто; их провели в вагон через второй тамбур и заперли в купе.

Люди буквально стояли друг у друга на головах. Коваль невольно поежился, попав под обстрел десятков любопытных взглядов. На фоне лохматой толпы он, с едва появившимся пушком на темечке, чувствовал себя голым. Но отвертеться от пресс-конференции не удалось. Еще во дворце Чарли предупредил, что слухи разносятся быстро, и полгорода в курсе о человеке, родившемся до года Большой смерти. Легенда о парне из Риги провалилась.

— Спрашивайте! — обреченно предложил Коваль и уселся на предоставленный ему стул венецианской работы.

Последующие два часа он четырежды прикладывался к бутылке с драгоценным пшеничным пивом, чтобы промочить горло. Он никогда так долго не говорил. Артур переживал, что людей будут волновать какие-то глобальные проблемы, связанные с катастрофой, ведь об этом периоде он ничего не знал. Но большинство вопросов были зациклены на самых земных, обыденных темах.

Большой ажиотаж вызывали семейные отношения; многие попросту не верили, что женщины и мужчины могли свободно сходиться и расходиться, строить новые союзы и разрушать старые. Несколько раз откровенная беспардонность ставила Артура в тупик, он беспомощно оглядывался на Рокотова, ища его поддержки, но торговец только пожимал плечами. Ему, как и прочим, совсем не казалось бесстыдным копаться в чужом белье. Шоком для присутствующих стали сведения о старом российском Уголовном кодексе и о свободном перемещении детей по городу.

— Как это может быть,— возмущался взъерошенный старичок в потрескавшихся очках и огромной, до колен, нейлоновой рубахе,— чтобы вор украл дважды и после этого был опять отпущен на свободу?

Кают-компания согласно загудела.

— О каком перевоспитании ты говоришь, дружище? — брызгал слюной очкарик.— Если вор уже получил год подземных работ или год рубил лес, этого вполне достаточно, чтобы воспитать любого. Следующим наказанием может быть только виселица.

Коваль не знал, что ответить. С сегодняшней точки зрения, старик был абсолютно прав...

— Как опасна была ваша жизнь! — тоненьким голоском протянула одна из женщин.— Нам читали древние газеты, но мы и поверить бы не могли, что под колесами телег тогда гибло больше людей, чем жителей в нашей общине...

У Артура комок подкатил к горлу. Он все еще не мог привыкнуть к тому, насколько неузнаваемо изменился мир. С этими недоверчивыми, заскорузлыми людьми предстояло провести неделю; вот во что превратились привычные восемь часов в ночном поезде. Расстояния снова измерялись средневековыми мерками, и если люди срочно не наладят связь и не запустят паровики, то дальше станет еще хуже. Шоссе окончательно зарастут лесом, в котором станут хозяйничать кошмарные герои сказок. А там, по логике вещей, недолго до человеческих жертвоприношений! Артур и представить себе не мог, насколько скоро сбудутся его мрачные прогнозы...

Склянка на головном броневике отбила полдень.

— Привал! — объявил Чарли, вытаскивая слегка одуревшего от жары и духоты Артура из плотного кольца любопытных. Пассажиры все никак не желали его отпускать, и пришлось пообещать, что завтра экскурс в прошлое будет продолжен.

На самом деле, невзирая на усталость, Артур был даже рад. Благодаря попутчикам он почти полностью восстановил в памяти детали последних дней. А главное, он вспомнил, как так могло случиться, что он согласился на двадцатилетнее погружение. Это замечательно, что он проснулся сейчас и здесь; в ушедшем мире ему снова бы не захотелось жить...

Тосно караван обошел стороной. Коваль спросил, почему не поехали по новой трассе, которую прокладывали еще при нем, а выбрали старую двухколейную дорогу. Рокотов сумрачно потеребил усы и пообещал кое-что показать.

Фургоны организованно разворачивались в широкое кольцо посреди просторного участка земли, вытоптанного следами тысяч колес и конских копыт.

В центре круга оказались обе пассажирские повозки и целый табун запасных лошадей, которых Коваль раньше не заметил. Очевидно, ковбои пригнали их позже. Броневик и «Урал» с гаубицей неторопливо барражировали снаружи, а третий, дальний, круг образовала редкая цепочка конных стражников.

Артур соскочил с подножки. От лесного чистейшего воздуха кружилась голова. Он огляделся и, к собственному удивлению, убедился, что место ему знакомо. Караван остановился на подступах к нефтебазе. Из бурьяна торчали почерневшие от времени останки автозаправки, на опушке в зарослях малины угадывались фундаменты административных зданий, а над кронами леса, словно забытые космические корабли, пузырились стационарные танкеры.

— С другой стороны! — подсказал Рокотов.

Артур сначала не понял, куда указывал толстый палец коммивояжера. Взбегающий по пологому склону лес выглядел вполне обычно. Но все же, все же...

— Черт! — выдохнул Коваль.— Но так не бывает!

10

ЗЕЛЕНАЯ АТАКА И ДЕТИ КРАСНОЙ ЛУНЫ

— Поэтому уже девять лет никто не ходит по верхней дороге.— Чарли свернул самокрутку и поднес к глазам бинокль.— На Валдае такие вещи происходили слишком часто. Там никто не хочет селиться, хотя для скота места отличные. Здесь тоже жили ковбои... — Он передал Артуру бинокль.

Коваль настроил оптику и замер.

Сначала ничего не происходило. Лес как лес.

Затем он опустил взгляд чуть ниже и убедился, что зрение его не обмануло. Ветра не было, но трава шевелилась... Совсем недавно на месте чащобы расстилалось вспаханное поле. На краю опушки, там, где дикая зелень вгрызалась в оставшиеся от стоянки авиационные плиты, еще клонились от ветра недозревшие ржаные колосья и прослеживались отчетливые следы вспаханных борозд. Но дальше, метрах в десяти от пятна бетонки, раздвигая культурные побеги, непроходимым колтуном поднимались колючие заросли. Лес шел в атаку на поле. Именно такое, шекспировское, сравнение пришло Артуру в голову. И наступление тянулось не годами, что было бы нормальным, оно происходило прямо на глазах.

Словно от ветерка, чуть шевельнулись кусты боярышника, в другом месте тень от осины стала капельку длиннее. На другом конце стоянки ярко-зеленое покрывало травы чуть пригнулось, по нему прокатилась слабая волна, будто пробежали сотни полевок, и снова все замерло. Но травка стала заметно гуще и оказалась ближе к дороге. Совсем капельку, возможно, на пять сантиметров. Если не смотреть внимательно, можно и не заметить! Было в этой тихой атаке что-то непередаваемо жуткое; Артур не представлял себе, как он теперь боси-

ком сможет пройтись по лугу. Если растения обрели такую скорость роста, то что им помешает изменить и способы питания?

Полная тишина и едва заметное движение слева. Артур мигом повел окулярами. Осыпалась земля на борозде, полегло еще с десяток колосков, на их месте, откуда ни возьмись, расправлял жесткий ствол люпин. Теперь — то же самое справа. Только что там торчал продолговатый камень, а теперь его заслонила россыпь невянок. Цветы покачивались, будто их сию секунду воткнули в землю... Нет, полнейшее наваждение! Коваль мог бы поклясться, что группа молоденьких ясеней секунду назад занимала другое положение. Но ни один представитель флоры на Земле не способен в таком темпе пускать новые побеги. Исключение составлял бамбук, которого в Ленинградской области в помине не водилось, да и бамбук вел себя повежливее!

Притихший научный сотрудник вернул бинокль молча наблюдавшему за ним Рокотову.

— Они... оно сожрало поля фермеров?

— Угу. Растворило. И привело в бешенство скотину. Но дело не в посевах. За горкой — отсюда не видно — стоял большой поселок и завод. Поселок мертвый, там никто после Большой смерти не жил. Завод очень грязный, там все завалено старой резиной, целые поля старой резины. Даже земля ею пропахла. Наверное, они делали из старых колес новые, не знаю. Или просто жгли колеса. Там была труба, и вся земля в округе черная. Теперь нет ни завода, ни деревни, ничего. Но зараза поползла дальше и захватила чистые ранчо...

— И что? Ничего нельзя сделать?

— Уже делают.— Рокотов сплюнул.— Нефтяники выжгут заразу. Вторично оно не вырастет, но ковбои уже не вернутся. Они никогда не возвращаются туда, где... где собственные свиньи пожрали их детей. А ты бы вернулся? Вот именно! — Чарли похлопал Коваля по плечу и тяжело спрыгнул в засохшую грязь. Два рослых бодигарда уже поджидали его внизу, еще двое остались в вагоне.

Артур поплелся следом, вспоминая вчерашнюю речь библиотекаря.

— Лева Книжник — самый умный человек в Совете,— тяжело сопя, покивал Чарли.— Пожалуй, даже умнее меня. Ха-ха! Но я не могу говорить его умными словами. Я умею торговаться и знаю, как не разорить коммуну. Но как остановить Тех, кто раскачивает...

— Неужели с ними нельзя договориться?

— Они не желают ни с кем договариваться. Когда им что-то надо, они приходят и берут. Иногда платят. Они не враждуют с городскими, они враждуют с городами, и никто не может их остановить... А вот и нефтяники. Наконец-то!

В просвет между фургонами с треском и грохотом вкатился удивительный экипаж, мечта воинствующего футуриста. Широкая платформа на гусеничном ходу венчалась решетчатой башней, на вершине которой в будке от подъемного крана сидел человек в водолазном шлеме и держался за ручки огнемета. То, что это именно огнемет, а не водяная пушка, Артур догадался сразу: хобот орудия и передний бампер машины почернели от копоти. Гусеницы были не «родные», а узкие, снятые с портативных немецких экскаваторов. Под башней, поверх платформы, стоял снятый с колес американский кабриолет

вызывающего оранжевого цвета. В нем сидели еще двое, без шлемов, но в компании с огромным бурым медведем.

«Господи,— быстро произнес Артур, зажмуривая глаза,— Господи, не дай мне сойти с ума! Если у них собаки плавают, как акулы, то почему бы медведям не летать?»

Но медведь никуда не полетел. Лошади, спокойно жевавшие сено, забеспокоились, но мохнатый гигант вел себя удивительно мирно. На шее у зверя крепился широкий ошейник с цепью, намотанной вокруг заднего сиденья кабриолета. Позади шестиместного ландо на платформе тягача помещались баллоны с горючим для огнемета и высокая проволочная клетка. В клетке на деревянном чурбане сидел чумазый мальчишка лет десяти и играл с двумя крошечными медвежатами. Дизель последний раз взревел, заслонка на трубе поднялась, выпустив в небо струю жирного дыма, и все стихло.

Пассажиры дилижанса боязливо обступили нефтяников. С водительского места поднялся худой мужчина с обветренным смуглым лицом, в брезентовой пожарной робе. На плече у водителя, перебирая морщинистыми лапами, восседал какой-то крылатый хищник, похожий на сокола. Нефтяник окинул толпу мимолетным взглядом и безошибочно выделил Арину.

Они помахали друг другу, затем мужчина легко спрыгнул на землю. Сокол захлопал крыльями, но удержался на плече. Начальница стражи пожала приезжему руку, затем о чем-то спросила мальчика в клетке. Медведь вел себя так, будто его ничего не касалось. Чарли, увлекая за собой Коваля, протиснулся сквозь толпу, и Артур разглядел топтыгина вблизи. Медведица-мать, несомненно, побывала не в одном сражении; под шерстью змеились десятки грубых шрамов, отсутствовали половина уха и треть нижней губы, на левой лапе когда-то неправильно срослась кость. Артур попытался представить зверя, который мог бы сломать медведице лапу, но ничего страшнее капкана не придумал.

— Привет, Рокотов! — звучно пробасила женщина с пассажирского сиденья лимузина.— Ты не научишь Андрюшу, как растолстеть? Он жрет за троих, но не может набрать и капли жира!

Андрюша захохотал так, что сокол чуть не свалился с плеча.

— Мама Луга! — Чарли церемонно поклонился, приложив ладонь к сердцу.— Это чудесная тайна моего рода, как сохранять жир в теле, и я унесу ее в могилу.

— Маме Луге нравятся заморыши вроде тебя! — Андрей обнялся с торговцем, быстрым взглядом скользнул по белому комбинезону Коваля.— Как здоровье мамы Рубенс?

— Спасибо, нефтяник. Она сильна, как твои медведи.

— Доволен ли папа Рубенс мазутом?

— Мазут прекрасно горит. Ты получил наш металл?

— Да. Железо крепкое. Я рад тебе, торговец.

— Я рад тебе, нефтяник.

Арина Рубенс терпеливо ждала, когда церемония приветствий закончится, никак не подавая виду, что караваном командует именно она.

— Что ты скажешь нам, дочь Красной луны? — непринужденно повернулась к девушке мама Луга.

Артур вздрогнул, но остальные восприняли обращение как нечто само собой разумеющееся.

— Я слышу их за рекой,— нахмурилась девушка, поправляя каску.— А что скажешь ты, сын Медведя?

Началось, механически отметил Коваль, взрослые люди непроизвольно играют в индейцев. Мы тихо сползаем к тотемам, ритуальным кострам и пляскам смерти...

Сын Медведя, держа на руках пушистого медвежонка, вылез из клетки и передал сына мамаше; та немедленно начала его вылизывать. Второй медвежонок, оставшись один, жалобно повизгивал. Мальчик уселся на гусенице, болтая босыми ногами в дырявых штанах.

— Они за рекой,— подтвердил мальчик, наклонив голову к плечу, словно прислушиваясь.— Сотня конных в болоте, еще сотня в лесу, и с ними...

— Я слышу железо,— немного погодя добавила Арина.

— Пушки? — напрягся Чарли.

— Нет, не пушки.— Девушка сняла каску, наморщила лоб.

Артура сзади подергали за рукав. Он оглянулся и увидел расплывшуюся до ушей физиономию Людовика. На ноге незадачливый воин еще носил повязку, но это не освободило его от первой смены караула.

— Будет драка! — возбужденно поведал Людовик.

Он хотел еще что-то сказать, но тут сын Медведя встрепенулся:

— Дети Чингиса привели крылатых змей!

По толпе пронесся ропот. Чарли открыл и закрыл рот, Людовик икнул и перекрестился.

— Откуда, приятель, ты знаешь про крылатых змей? — грозно спросила мама Луга.— Не пугай людей сказками!

Она шевельнулась на своем сиденье, укрытая вязаной попоной, и тут Артур увидел, что мама Луга кормит грудью ребенка.

— Ты хочешь переждать день? — Главный нефтяник повернулся к Арине. С Рокотовым военные вопросы не обсуждали.— Утром, если захочешь, мы пошлем за ковбоями. Проводят вас до Вечного пожарища. Семьдесят клинков они выставят. Заплатишь всадникам золотом, а коммуне — пару коней.

— Мы не будем ждать! — поджала губы Арина, рыскнула глазами по толпе, нашла Людовика.— Солдат, ступай в мою машину, скажи, чтобы сыграли подъем. Мы выступаем!

Людовик без единого слова сорвался с места. Над стоянкой поплыл колокольный звон.

— Ты права, дочь Красной луны! — одобрительно кивнул Андрюша и погладил сокола.— Чем раньше вы переправитесь, тем меньше времени останется у дикарей на подготовку. Мы наведем понтон.

— Мы знаем, что нас ждет засада, и полезем напролом? — Коваль никак не мог воспринять такую нелепую логику.

Спешащий к вагону Чарли остановился так резко, что Артур стукнулся о живот главного торговца.

— Приятель, Арина знает, что делать. Если мы промедлим, дикари поймут, что мы боимся. А если мы боимся, у них может возникнуть мысль переплыть

реку и напасть на нас тут. А если это случится, о дружбе с нефтяниками мы можем забыть!

Чарли повернулся, но Коваль схватил здоровяка за локоть:

— Подожди! Кто-то сообщил дикарям, что мы идем? Не слишком ли вовремя засуетились эти лесные братья? Возможно, я плохо стреляю, но мозги у меня в порядке. Нефтяники предлагали вам нанять фермеров, но сами умыли руки. Дикари ждут нас на том берегу, но не суются на этот. Что ты на это скажешь?

Чарли попытался вырвать руку, но Коваль держал его крепко.

— Знаешь, приятель,— нехотя огрызнулся торговец,— я ведь не верил, что ты проспал сотню лет в ледяной ванне. Я склонялся к мысли, что ты приплыл с норвежских островов. Но теперь я тебе верю. Только идиот из прошлого может так рассуждать. Клянусь прахом мамы Ксении, тебя убьют раньше, чем ты примешь присягу, если не научишься жить среди людей!

— Я спросил тебя: почему дикари не трогают нефтяников? Мама Луга продает им горючее, ведь так?! А нас считает хорошим тоном предупредить?

Артур посторонился, пропуская бегущих минометчиков. С крыш фургонов опускали на борта дополнительные листы железа, лошадей укутывали толстыми попонами, поверх крепили кольчужные сетки.

— А если и так?! — перекрикивая команды сержантов, вспылил Рокотов.— Это их дело, а не наше. Горючее нужно всем. Мама Луга не спрашивает меня, с кем я иду торговать. Она выполняет свои обязательства. На территории ее коммуны мы можем прожить хоть месяц, и ни один чингис или шептун нас не тронет. А если ее люди захотят пожить на площади перед дворцом, мы тоже умрем, но никого к ним не подпустим. На древнем языке это называется дипло-ма-ти-я! Ты понял, приятель? Ну, чем ты еще недоволен? Надумал остаться? Валяй! Присягу ты не принял, вольный человек. Ступай к маме Луге, она со своим караваном отправит тебя в город...

— Я-то тебя понял, уважаемый член Совета! — Вслед за телохранителями Артур поднялся в штабной вагон.— Только твоя дипломатия называется немножко иначе. Это куриная слепота.

Караван на рысях вылетел к воде. Старый мост через Тосну провалился посередине. Сотней метров ниже команда нефтяников на тросах тянула к пирсу секцию армейского понтона. Коваль позаимствовал у Рокотова бинокль, навел на противоположный берег.

Зубчатая стена деревьев, завалившаяся на бок опора передач, засыпанная сучьями нитка шоссе. Где-то вдалеке, на пределе видимости, поднимались к темнеющему небу ниточки дыма. Волнистая линия холмов подернулась туманной дымкой, четкие линии размазывались, растекались, точно неокрепшие краски на промокшем холсте. Низкие угрюмые тучи на горизонте соединялись в сплошной свинцовый фронт и, крадучись, цепляясь мохнатыми щупальцами за кроны деревьев, ползли к реке. Словно силы зла собрались там, подумал Артур, и тут же себя одернул. Не хватает еще, чтобы он начал верить в чертей и драконов! Нет и не может быть твари страшнее человека...

— Если умеешь, помолись! — серьезно посоветовал Чарли, натягивая поверх свитера мелкоячеистую кольчугу.— Здесь кончается цивилизация. Дальше до

города Клин нет ни одной коммуны. Нам никто не поможет. А если ты полагаешь, что мы кого-нибудь боимся...

Он принял от помощника два снаряженных арбалета, просунул в оконную щель дуло охотничьей двустволки. На столике появились самодельные патроны, набитые мелкими гвоздями.

Нефтяники притянули понтон к железному пирсу; две каурые лошадки, повинуясь кнуту, ходили по кругу, наматывая на бобину стальной трос. Выше по берегу Артур заметил трактор с огнеметом и медведицей. Андрюша и сын Медведя сидели на капоте и передавали из рук в руки бутылку. Мама Луга кормила ребенка.

Колокол звякнул трижды. Ведущий «Кировец» выпустил облако дыма, опустил ковш и, лязгая, выполз на просевший пирс. Погонщики щелкнули бичами, и переправа началась.

11
ДРАКОНЫ ЧИНГИСОВ

Все обитатели пассажирского вагона, за исключением Рокотова с охраной и Коваля, улеглись на пол. Всадники растянулись эскадроном и первыми вступили на доски понтонов. Арина безостановочно отдавала по телефону короткие распоряжения, сержанты отчитывались о готовности к бою.

Раскачиваясь на колдобинах, груженая колонна вползала в лес. Никто больше не трепался, доносился лишь скрип несмазанных подшипников и хруст сухих веток под колесами. Коваль сидел напротив Чарли, сжимая в руке ствол, и спрашивал себя, боится он или нет. Страха, пожалуй, не было, но нервы натянулись до предела. Далеко впереди заржала лошадь, чуть громче обычного заревел трактор. Опять все стихло. И в ту же секунду, словно по команде, воздух разорвал душераздирающий вой. Чингисы кинулись на абордаж.

По стенам вагона что-то дробно заколотило, в спертом и без того воздухе распространился жуткий смрад. Потянуло горелым. Чарли схватил в каждую руку по арбалету и ринулся в тамбур. В своем железном одеянии и мотоциклетном шлеме с надписью «вервольф» он походил на разъяренного носорога. Двое охранников с автоматами так и остались сидеть на сундуке, а двое других кинулись догонять патрона. Артур в три прыжка поднялся по лесенке в «башню». Не успел он добраться до верхней ступеньки, как в пулеметную щель влетела стрела с горящей тряпкой на конце. Вот она, ваша дипломатия, матерился Артур, затаптывая пламя. По счастью, никого из четверых бойцов, лежащих у амбразур, не задело. Ближайший пулеметчик повернул красное от напряжения лицо, и Коваль узнал Даляра. Люди Арины не получили пока приказа стрелять, караван продолжал движение. Артур прильнул к свободной щели и увидел дикарей.

То, что он увидел, ему совсем не понравилось. Может, они и не читали газет, но орудовали совсем не как глупые индейцы в вестернах. Никто из чинги-

сов не скакал вдоль поезда, подставляясь под пули. Несколько десятков всадников совершали непрерывный круг по лесу. Появляясь по одному, они выпускали горящие стрелы и сразу исчезали в чаще. Их мишенью были не крытые железом фургоны, а ноги лошадей. Несмотря на длинные, волочащиеся по земле попоны, дикари своего добились, ровный ход экипажей застопорился. Возницы не могли спуститься с козел, чтобы помочь взбесившимся от боли животным. Для перестроения в боевой порядок у фургонов не хватало места, деревья примыкали к дороге почти вплотную.

И тут на прицепе «Урала» заклокотала пушка. Ковалю показалось, что он моментально оглох. В лесу в течение нескольких секунд образовалась довольно широкая просека, в которой взлетали вверх щепки, целые кусты и окровавленные ошметки тел. Затем после непродолжительного молчания канонир перенес огонь на левый фланг. Еще пять-шесть секунд непрерывного грохота. Потери врага было трудно оценить, некоторое время из леса никто не показывался. Зато, повинуясь приказу Арины, из нижних люков фургонов посыпались стрелки и выдвинулись на обе обочины, где и залегли с арбалетами и винтовками. Сверху Коваль их прекрасно видел. Погонщики получили возможность заменить раненых животных. Ни один из пулеметчиков в «башне» так и не выстрелил. Не успел к Артуру вернуться слух, как из броневика разом шарахнули гранатометы. Четыре гранаты со свистом ушли в зенит, чтобы разорваться совсем недалеко, метрах в ста от трассы. Земля содрогнулась, и опять все стихло, но спешившихся ковбоев уже не было видно. Они обеспечили прикрытие и углубились в лес.

Ай да девчонка! Если минометчики сумели взять правильный угол, то почти наверняка их огонь достиг цели. Коваль сильно сомневался, что Арина разбирается в военном деле, но «лунный» дар позволял ей чувствовать скопление неприятеля. Звякнул колокол, и караван тронулся с места.

Минуту спустя лес начал редеть, потянулось мшистое болото, утыканное сгоревшими трупами деревьев. Из «башни» было видно, что впереди болото исчезало, сменяясь довольно сухим плоским участком, где фургоны могли бы встать кольцом. Караван набрал порядочную скорость, километров двадцать пять в час, лошади пошли рысью, сбиваясь в галоп, свистели кнуты, гортанно кричали возницы. Артур уже начал надеяться, что бой завершился, но оказалось, что все только началось.

Головной «Кировец» уткнулся в завал. Ни малейшего сомнения в том, что стволы, в два обхвата толщиной, приволокли сюда загодя! Следовало бы показать эту баррикаду «великому дипломату» Чарли, но Рокотов наверху не появлялся. Впрочем, со своим животом он бы застрял на лесенке!

Не успела по эстафете пройти команда «Стой!», как прозвучала следующая: «Лошадям — лежать!» На глазах изумленного Артура происходили чудеса дрессуры. Закутанные в тлеющий войлок лошадки послушно подгибали колени, превращаясь в покрытые сетью холмики. Мгновением позже зазвонил телефон, и Даляр взял трубку. Еще миг спустя Коваль глянул в щель и замер.

По болоту мчались драконы.

Конечно, им было далеко до легендарных змеев горынычей, но при соответствующем уходе, лет за «цать», крылатые змеи вполне могли бы дать почву

новому фольклору. Коваль как завороженный следил за приближением чешуйчатых гадов и вспоминал документальный фильм про аллигаторов. Если аллигатору повезет, то он достигнет максимальной величины к пятидесяти годам...

Не может быть, чтобы эти уродцы собирались жить так долго! Напротив, все дело в бешеной смене поколений; очевидно, мутация ускорила развитие до такой степени, что за пару десятков лет могли появиться совершенно новые адаптивные способности... Крылатые еще неважнецки летали; им требовалась возвышенность или долгий разгон. Они лупили по воздуху трехметровыми кожистыми крыльями и щелкали неприятными треугольными челюстями. Задача детей Чингиса была видна, как на ладони: запугать врага, чтобы музейщики не смели и носа высунуть из укрытий. Первая часть плана дикарям вполне удалась, защитников каравана практически парализовало от ужаса. Младшие командиры надрывали глотки, почти непрерывно звенел колокол, трещали телефоны, но приказы выполнялись плохо. Если дикари начнут выбивать музейщиков из каждой повозки поочередно, нам каюк, решил Артур...

Завершить мысль ему не пришлось, потому что из мха, в двух десятках метров, поднялся юноша с кустиком на голове и выстрелил в штабной вагон из заплечной ракетной установки. В долю секунды, пока дикарь жал на курок, его горло насквозь пробила арбалетная стрела. Поэтому палец юного «ракетчика» дернулся, и снаряд угодил в стоящий спереди фургон с сеном.

У Артура появилось ощущение, словно ему врезали по обоим ушам раскаленными утюгами. Задняя половина фургона перестала существовать, а передняя горела, как нефтяной фонтан. В этом фонтане бились и заживо сгорали три раненых коня. Огромное окованное колесо взлетело в воздух и, падая, убило еще одну лошадь. Даляр кричал на подчиненных, открыл огонь одиночными, но остальные стрелки вжали головы в плечи, провожая глазами пикирующих змеев. Броситься вниз и забиться под полку парням мешала угроза петли.

Из болота поднялся еще один камикадзе со «стингером», но его уложили до выстрела, как вскочившую мишень в тире. Из соседнего вагона пытались стрелять по летающим ящерицам, которые, не причиняя особого вреда, кружились над обочиной. Две штуки подбили, еще одну срезал кто-то впереди, и тут разом затарахтели тяжелые пулеметы броневика и автоматчик в тракторе.

Мох зашатался, как поверхность студня, и десятки почти голых, перемазанных глиной людей с воем и гиканьем припустили в атаку. Почти сразу же объявился еще один «ракетчик», на сей раз слева. Он метил в грузовик с пушкой, и его снаряд достиг цели. Прицеп подпрыгнул и завалился набок, колеса беспомощно вращались в воздухе. Из упавшего прицепа, словно живой факел, вылетел канонир и, размахивая конечностями, угодил в самую гущу дикарей. Артур понимал, что со своим пистолетом он не внесет серьезных изменений в ход сражения, оставалось только крутить шеей и наблюдать. Автоматчики кое-как мобилизовались и срезали первую волну нападавших, но дикари не залегли, а продолжали неистовый бег. Затем защитники каравана получили новую команду, и в ход пошли арбалеты. Раз огнестрельное оружие не остановило врага, Арина решила экономить патроны. Из леса с саблями наголо вырвалась конница Эрмитажа и обрушилась бандитам во фланг. Бой сразу стал

протекать намного тише, пока не случились два события, качнувшие чашу весов в пользу чингисов.

Сквозь кусты ломилась толпа вражеских всадников, не добитых в первой атаке. Две конные когорты схлестнулись с оглушительным лязганьем. Даляр перевел пулемет на стрельбу очередями и за полминуты опустошил магазин. После этого у него остался маленький импортный автомат. Примерно то же самое произошло и с другими стрелками.

Конница врага несла тяжелые потери, но авангард добрался до фургонов. Возниц закалывали прямо в будочках, десятки вопящих дикарей влезли на крыши, взламывали забитые окна и двери. Отдельный отряд чумазых тащил на себе бревна, которые просовывали между спицами колес, другие набрасывали на ступицы ржавые цепи.

Вдоль дороги послышалось нарастающее тарахтение. Шедший впереди колонны трактор развернулся и, прыгая по кочкам, возвращался по обочине назад. Дикари облепили кабину, как муравьи сахарную голову, колотили дубинками по кожуху мотора, но тракторист упорно мчал вплотную к фургонам, сметая зазевавшихся. Стрелок за его спиной садил по нападавшим короткими очередями, ему вторили тяжелые пулеметы броневика. Но тракторист, укрывшийся за толстой обшивкой, смотрел только вперед, и не мог видеть того, что происходило сзади. А сзади из болота показалось черное дуло; чингисы подтянули артиллерию! Предупредить смельчаков не было никакой возможности, подбитый двигатель «Кировца» ревел на пределе, из-под капота валил дым; под колеса трактора угодило не менее десятка зазевавшихся дикарей...

Пушка выстрелила.

Первый снаряд угодил в заднюю ось дилижанса охраны. Многотонная конструкция поднялась на дыбы, роняя куски брони. Всадники в волчьих шкурах, визжа, как сотня чертей, прыснули в стороны. Многие не успели отскочить и погибли вместе с защитниками дилижанса. Почему молчит наша пушка, думал Артур, что случилось? Пулемет Арины — Коваль уже узнавал его по звуку — тарахтел непрерывно; дикари не смели приблизиться к передним повозкам, там их срезало, словно нож проходил сквозь масло.

Один из соседей Даляра откинулся назад, вместо глаза зияла черная дыра. В салоне визжали женщины, кто-то надсадно кашлял и матерился. Сквозь пол поднимался запах горящего мазута. Дикари снизу подожгли фургон! Десятки рук раскачивали забитые окна, срывали листы обшивки. Визг мамаш в укрепленном купе срывался в ультразвук.

— Пушка! — крикнул Артур в ухо почерневшему от копоти Даляру.— Надо зарядить пушку!

Тот, не отвечая, тер слезящиеся глаза и лихорадочно перезаряжал дробовик. В его автомате патроны тоже кончились. Коваль махнул рукой и решил спуститься вниз. Следовало что-то немедленно придумать: из лесочка к горящей колонне неслась очередная партия свежей конницы. Из-за обилия засохшей глины на лицах физиономии дикарей напоминали оскаленные красные черепа.

За всадниками, хрипя от натуги, тяжеловозы волокли по трясине еще одно орудие, на сей раз гораздо более серьезного калибра. Целый взвод чингисов,

утопая по колено в грязи, помогал лошадям, но дело продвигалось медленно. Зато вторично жахнула та пушечка, что разнесла фургон стражи. Снаряд попал в трактор. Когда рассеялось облако от взрыва, на площадке «Кировца» не оказалось ни кабины, ни люльки стрелка. Мотор, как ни странно, продолжал работать, и двухметровые колеса кружились на месте, волоча за собой куски человеческих тел. Чингисов, похоже, не волновала убыль в своих рядах; вместе с трактористом разнесло на части человек восемь дикарей.

Коваль решил не дожидаться, когда пушка выстрелит в третий раз, спрыгнул в проход, и, как оказалось, очень вовремя. Недоразвитые дракончики, которых он чуть не пожалел, планировали сверху на крыши вагонов. Кто-то управлял действиями гадов и людей, потому что дикари разом отхлынули от вагонов. Чарли в тамбуре издал радостный боевой клич, и двое лесных жителей, не успевших пригнуться от его стрел, повалились замертво.

Двухдюймовые когти заскребли по металлу, и почти сразу раздался душераздирающий вой. Кричали автоматчики в «башне», кричал Даляр, сбивая с волос пламя. Треугольная чешуйчатая морда ящера просунулась в амбразуру и выпустила ревущую струю синего пламени. Вторая рептилия добралась до заколоченного досками окна и тоже дыхнула огнем. Внутренняя обшивка кают-компании вспыхнула, как порох.

Люди орали и бросались в тамбур, закрывая лица, в узком проходе образовался затор из тел. Артур схватил чей-то противогаз, перекатился на боковую полку. Сверху из башенки вывалился Даляр. Бровей у него не было, половина бороды превратилась в пепел, куртка на спине дымилась. Второй автоматчик истошно орал и катался, суча ногами. В соседних вагонах дела обстояли не лучше, организованная оборона разваливалась. Нападение с неба совершенно деморализовало музейщиков. Отовсюду слышались вопли обожженных людей, кашель и стоны. Драконы почти одновременно атаковали все отверстия и щели в обшивке; часть защитников побросала оружие и лежа молилась...

— Зенитка! — крикнул Артур.— Даляр, как добраться до зенитки?!

— Ляг на пол и молчи! — На щеке сержанта расплывался ожог.— Если я покину фургон без приказа, меня казнят! Твое дело — доехать живым, не высовывайся!..

Никто не доедет живым, подумал Коваль, если и дальше следовать приказам. Из «башни» опускался тошнотворный запах паленого мяса. Дракон, очевидно, взлетел набраться сил. Его товарищи атаковали передние повозки, оттуда доносились нечеловеческие вопли вперемешку с беспорядочной пальбой. От забитого досками хвоста вагона надвигалась сплошная стена огня. Пожар охватил стенку купе, где ехали мамы, и подбирался к казне. Изнутри в дверь со всей силы колотили, но в общем вое девушек никто не слышал. Стражники подняли в полу крышку люка и хотели пропихнуть туда кованый сундук, но пассажиры прыгали в дыру, спасая собственные жизни.

Артур сорвал с подушки наволочку, намочил водой. Затем обмотал мокрой наволочкой голову и, пригнувшись, ринулся в огонь. Дверь в купе мамаш удерживал запор с висячим замком. Коваль ощупал дужки и приказал визжащим внутри девушкам отойти влево. Вроде бы его услышали. Артуру пришлось вы-

пустить три пули, прежде чем скоба развалилась пополам. Затем он навалился на косяк, чувствуя, как расплавленная пластмасса капает на руки.

Одна девица, наглотавшаяся дыма, лежала без движения, Коваль неловко закинул ее на плечо. Трое остальных, непрерывно визжа, вжимались в стену. Отодвигая дверь, Артур успел увидеть коричневые когти. Змея висела снаружи, отдирая доски с забитого окна. Артур выстрелил трижды, во все стороны полетели щепки, но когти разжались.

Мамочки, не дожидаясь приглашения, пряча под платками волосы, выскочили в коридор. По внутренней обшивке сидений плясали верткие алые язычки. Навстречу мамашам уже спешил амбал, охранявший казну; ему и передал Артур потерявшую сознание девушку. В последний момент мамочка очнулась и, словно не желая расставаться со своим спасителем, вцепилась Артуру в лямку комбинезона. Совсем близко от своего лица Коваль увидел пухлые губы и огромные, залитые слезами, серые глаза. Ему почудилось...

На мгновение время для него остановилось. Девчонка была как две капли воды похожа на...

Но тут змея забарабанила в соседнее окно, и время опять потекло в бешеном темпе. Артур вылил себе на темечко остаток воды из фляги и поспешил к Чарли.

Пулеметы броневика еще огрызались, им вторили автоматчики из того трактора, что шел в арьергарде. Коваль, перехватывая руками за выступающие части, как обезьяна, под потолком рванулся к передней площадке. Несколько обезумевших пассажиров разметали телохранителей Рокотова и выскочили наружу, прямо под стрелы залегших в болоте дикарей.

Обе двери стояли нараспашку. Чарли и его парни организовали своеобразный конвейер. Двое стреляли в обе стороны из арбалетов и ружей, третий, по центру, заряжал. Затем они менялись. Все трое были ранены, в кольчуге коммивояжера застряли две стрелы, плечо пропиталось кровью, но он словно не замечал этого. Стрелял Чарли метко и поворачивался удивительно шустро для своей комплекции. У подножки вагона выросла целая гора трупов; уцелевшие дикари расползались в стороны. Те пассажиры, что в поисках чистого воздуха покинули фургон, также лежали убитыми.

— Мы сгорим! — Артур пытался перекричать бушующее за спиной пламя.— Надо вывести людей!

— Не время! — Чарли спустил тетиву, кинул арбалет заряжающему и тут же пригнулся. Прямо над его шлемом ударилась о железный лист вражеская стрела.— Они только этого и ждут, чтобы захватить пленных! Груз они тоже не тронут. Гляди, сейчас ребята мамы Кэт зададут им жару!

Коваль сначала не понял, о чем тот говорит, но выглянул в проем и застал совершенно фантастическую картину. Драконы описывали над колонной восьмерки, поднимаясь вверх и пикируя, как заправские штурмовики. Двое ящеров рвали на части застрявшую в постромках лошадь, еще несколько лошадей горели заживо, не в силах выбраться из-под кольчуг. Вдоль линии фургонов на обочине образовался сплошной завал из мертвых дикарей. Уцелевшие отошли в болото и вяло перестреливались с защитниками каравана.

Среди горелых стволов мелькала фигурка с двумя ракетными установками на плечах. У врага закончились ракеты, но длинноствольную гаубицу уже начали разворачивать к дороге. С расстояния примерно в сто пятьдесят метров бойцы Арины могли только наблюдать за приготовлениями чингисов. Снайперов в отряде не было. Внезапно доморощенные артиллеристы в третий раз выстрелили из маленькой пушки. Снаряд прошел с перелетом, но, словно дождавшись этого сигнала, из лесочка, в тыл дикарям, ударил «засадный полк». Это были те самые бойцы мамы Кэт, которых Арина отправила в лес после первого залпа минометов. Не ожидавшие подвоха дикари развернули коней, но расчет большой гаубицы уже был напрочь уничтожен. Затеялась рукопашная, «глиняные морды» отвлеклись от обстрела фургонов...

В отряде мамы Кэт народу было немного, человек двадцать, но дрались они как черти, используя тактику древних. Первая пятерка пальнула картечью из обрезов и тут же залегла. Вслед за ней отстрелялся второй эшелон.

Дикари валились, как костяшки домино, пятясь, отступали к дороге, но оказаться под огнем драконов им тоже не улыбалось. Ружья у них присутствовали, но большей частью чингисы посылали стрелы или сражались холодным оружием. Коренник, тащивший гаубицу, провалился в яму, его добили ножами. Ствол орудия задрался вверх и начал медленно оседать в сторону.

— Пора! — скомандовал своим Чарли.— Комар, выводи мамочек через низ. Сначала мамы! Всех вперед, в фургон с железом, там есть место. Вратарь, смени Лося на золоте! Вратарь, ты оглох?!

Артур обернулся к притихшему Вратарю и почувствовал, как встают дыбом волосы на затылке.

12
О ПОЛЬЗЕ ПВО

Не успел громадный Комар броситься мимо Артура в пылающее нутро вагона, как его напарника постигло несчастье.

— Берегись! — завопил Коваль, но было уже поздно.

Напротив левой распахнутой двери повисла черная тень. Двухметровая крылатая тварь уцепилась когтистой лапой за косяк и сунула в тамбур уродливую голову с непропорционально большими, выпуклыми, как у коровы, буркалами. Телохранитель отшатнулся, хватаясь за нож, и его движение спасло жизнь остальным. Змей уже разевал пасть, и Коваль видел, как из-под вздернутой верхней губы выдвигаются две дополнительные ороговевшие ноздри, точно миниатюрные ракетные сопла.

Но тут Вратарь взмахнул ножом, змей переключил внимание, вторая «куриная» лапа ударила человека в плечо и оторвала от пола. Нож застрял у змея в брюхе, охранник завизжал, Чарли бросил арбалет и потянулся за револьвером на поясе. Змей, опираясь на хвост и вторую лапу, лупил снаружи вагона

крыльями и таскал обмякшего охранника по тамбуру, как куль с тряпьем. Из плеча его фонтанами била кровь, глаза закатились. Наконец ящер отшвырнул израненного солдата прямо на грудь Рокотову, тот не удержался на ногах, и они вместе повалились на пол.

Дракон зашипел, встряхивая лапой. Вся рука солдата, до плеча, осталась у него в когтях. Коваль обеими руками обхватил пистолет, уперся спиной в раскалившуюся стенку и выстрелил шесть раз, прямо в разинутую пасть.

— Делаешь успехи, дружище! — простонал Чарли.— Ах скотина! Эта скотина убила Вратаря...

Вратарю уже никто не смог бы помочь; еще до того как парень истек кровью, у него была сломана шея. Мертвого дракона отбросило наружу вместе с рукой Вратаря и куском переборки. Еще не долетев до земли, зеленое туловище гада вспыхнуло; очевидно, Коваль перебил в теле крылатого трубопровод с горючей смесью. Артур спрыгнул вниз, и почти сразу возле уха просвистела стрела. Он распластался и пополз под защиту колеса. Колеса действительно горели, но с другой стороны. Сквозь нижний люк Комар с Лосем принимали кашляющих, отплевывающихся людей. Пассажиры гуськом пробирались по направлению к фургону с металлом. Артуру предстояла прогулка в другую сторону.

— Приятель, вернись! Тебя порвут на части! — Внушительная пятерня Рокотова схватила его за шиворот.

— Я бы рад! — отозвался из канавы Коваль.— Отправь тогда людей к зенитке! Змеев надо отогнать!

— Не могу! — простонал толстяк.— Они боятся! Если ты погибнешь, папа утопит меня в Неве!

Артур чуть не рассмеялся. Историческая фраза! Даже теперь Рокотова пугал гнев Рубенса. Мгновение спустя Артура чуть не раздавила туша торговца. Они переглянулись и, не сговариваясь, поползли назад под чадящей повозкой охраны. Дилижанс, где должна была отдыхать свободная смена, выгорел почти дотла, но несущая база от седельного тягача и шасси остались целыми. Натянув маску, ежесекундно ожидая выстрела или хлопанья адских крыльев, Коваль достиг задних колес и прямо перед собой увидел изрешеченную пулями морду «Урала». Трактор стоял в стороне, скатившись на обочину, с задранным вверх ковшом. Мотор работал, и оба человека в кабине были живы, но остались без патронов. Стоило водителю приоткрыть дверцу, как из болота прилетала стрела и отскакивала от обшивки.

Тракторист проводил ползущего в канаве «министра торговли» застывшим взглядом и снова убрал лицо подальше от щелки. Миновав трактор, Коваль понял, почему тот не едет. Дикари намотали на заднее колесо нечто вроде рыбацкой сети с длинными крючками. Стрелок в задней люльке прикончил как минимум шестерых; чумазые дядьки в лаптях и грязных шкурах устроились в болотной траве, в затылок друг другу.

Они жуют дурман, вспомнил Артур. Они жуют дурман и перестают бояться смерти. Им приказали остановить трактор, и они пошли, прекрасно видя, что наматывать сеть придется прямо перед дулом пулемета! Лежа в глубокой колее, Артур почти ничего не видел и молил об одном: чтобы с неба не спики-

ровала еще одна летающая паяльная лампа. Один дракон, громыхая железом, разгуливал по крыше, прямо над головой. Другой рвал на части трупы, лежащие на обочине. Рокотов шумно пыхтел за спиной. Молодец, с неожиданной теплотой подумал Коваль. Вот я лезу на рожон от безысходности, а он вообще не обязан подвергать себя риску. Мог бы переждать, но не сидится ему!

Прицеп с пушкой лежал на боку, но орудие выглядело совсем неплохо. Вражеский снаряд разбил в щепу заднюю часть платформы вместе с поворотным механизмом. Башню теперь придется крутить вручную, но сначала надо перевернуть прицеп! В кабине «Урала» кто-то громко стонал. Артур поднял голову, и кровь застыла у него в жилах. Казалось, уже ничему он сегодня не мог испугаться, но вид крылатого змея, выгрызающего человека сквозь пулеметную амбразуру, заставил бы любого неделю не спать.

Гад висел, опираясь широким крокодильим хвостом о капот, а единственной целой лапой вцепившись в зеркальце заднего вида. Голову и чешуйчатую шею он просунул в кабину.

— Я прикончу эту суку! — Чарли щелкнул револьвером.

— Нет! — прошептал Артур.— Не трать патроны, он и так подохнет. У него перебиты крылья и хлещет кровь. Скорее, нам надо расчехлить зенитку!

Тем не менее остаток пути под открытым небом до бампера он проделал на боку, с замирающим сердцем ожидая струи огня. Но ящер так и не прервал трапезы. Чарли прикрывал Артура, пока тот взбирался на высокий борт, затем и сам, оглядевшись, направился следом. Но опасаться им было некого. Внутри под тлеющим шерстяным пологом, утыканным стрелами, словно шкура дикобраза, остывали четыре мертвых дикаря.

Впервые Артур рассмотрел их вблизи. Несмотря на пугающую боевую раскраску, последователи Чингисхана являли довольно жалкое зрелище. Как и расстрелянные на дороге сородичи, эти четверо также не отличались молодостью и богатырским сложением. Ничего удивительного, что они выкупают своих пленных, подумал Артур, пробираясь по трупам к зенитке, ведь у них почти нет молодежи. Нелепый способ поддержания рода — выкрасть четверых девчонок ценой сотни убитых! Нет, здесь что-то неправильно...

Боевой расчет орудия защищался до последнего. Врагов, напавших на машину, было намного больше, но остальные ушли, не найдя для себя в кузове ничего интересного. Из кабины стонов уже не доносилось, но дракон все еще был там, хрустел челюстями.

— Помоги мне их оттащить! — попросил Коваль, разрезая ножом полог на борту.

Он посмотрел на свои руки и удивился, что они практически не дрожат. А еще он сорвал ноготь, порезался, вся левая кисть была в крови и ожогах, но боли не ощущалось. Вдвоем с Чарли они вытащили зенитчиков из кресел.

— Ты умеешь из этого стрелять? — благоговейным шепотом произнес толстяк.

— Придется научиться! — Коваль снял подаренный Людовиком свитер и подстелил его на металлическое сиденье. Не хотелось усаживаться в кровавую лужу. Теперь он остался в своем привычном, но давно не белоснежном комбинезоне.

— Арина! — сказал Рокотов.

— Что «Арина»?

Коваль покрутил ручки; зенитка была древняя, как баллисты Архимеда, но механизм находился в рабочем состоянии. Интересно, сколько у него в лентах патронов?

— Пулемет молчит... — Здоровяк всхлипнул.

Тут только Артур заметил, насколько стало тихо. Оба пулемета с броневика Арины молчали.

— Откинь тряпку и ложись! — Коваль и сам не заметил, как начал отдавать приказания.

Чарли сдернул полог, откатился в сторону. В глаза ударил солнечный свет. Словно по закону подлости, грозовые тучи раздвинулись, подставляя место баталии для обзора равнодушной синеве. Коваль опустил щиток целеуказателя, нащупал педаль, левая ладонь легла на рычаг горизонтального разворота. Четыре ствола послушно сместились вправо. Максимальный угол возвышения не превышал шестидесяти градусов, дальше в механике что-то заклинило. Коваль смутно догадывался, что без компьютера верную точку упреждения ему не поймать, оставалось бить прямой наводкой.

Над караваном кружили драконы; за несколько последних минут их стало еще больше. Музейщиков сковал страх, фургоны выглядели брошенными, ни одна живая душа не высовывалась наружу. Драконы разгуливали по крышам, пробуя на зуб башенки стрелков. Почти из всех амбразур валил жирный дым. Чадили колеса, трупы животных, и вонючее облако гари плотным одеялом расстилалось над болотом.

— Отец-Спаситель! — пробормотал Чарли, мелко крестясь.— Это все колдуны! Проклятые колдуны! Мы погибли...

— Вы не встречались с крылатыми раньше?

Рокотов повернул белое, как промокашка, лицо. Из прокушенной губы капала кровь.

— Никогда! Мы слышали о змеях, что плюются огнем, но не верили... Эту высотную пушку мы таскаем с собой против летунов, но им хватало легкой взбучки!

— Я бы тоже не поверил. Тут что-то не так... — Артур освоился с вертикалью, бросил взгляд на болото.— Чарли, у меня к тебе две большие просьбы. Ты слушаешь меня? Во-первых, подбери автомат и прикрывай мою задницу!

—Уже! — Торговец быстро приходил в себя; привычный румянец возвращался к нему на щеки. В обеих руках он держал по АКМ, снятых с убитых зенитчиков.

— И второе! — добавил Коваль, устраивая пальцы на гашетке.— Обещай мне, если останешься жив, разобраться с нефтяниками!

Секунду спустя он сильно пожалел, что не снял с головы убитого стрелка пробковый шлем с наушниками. Грузовик задергался, как погибающий в агонии мамонт, трупы дикарей подпрыгивали на платформе, словно марионетки. Чарли что-то орал, раздувая щеки, еле успевая уворачиваться от летящих под ноги болванок. Коваль пытался удержать в центре визора хотя бы одну крылатую цель, но установка скакала в руках, подбрасывая его на сиденье; четыре

ствола с сумасшедшей скоростью поочередно откатывались назад, выплевывая гильзы и требуя новый патрон.

Он разжал онемевшую ладонь и услышал наконец, о чем тщетно кричал Рокотов.

— Они уходят! Смотри! Эти суки испугались!

Штук пять Коваль превратил в решето; остальные змеи, не делая попытки напасть, разом взмыли вверх и, точно повинуясь неслышной команде, замахали крыльями в сторону леса.

— Ими кто-то управляет, ты понял?! — Артур все не мог прийти в себя от возбуждения.— Они расчищали дорогу пехоте! Чингисы вернутся!

Далеко на болоте «засадный полк» из ковбоев и бойцов мамы Кэт под ударами вражеской конницы нестройно откатывался к лесу. К счастью, пехота имела в болоте преимущество, лошади застревали в чавкающей грязи, но у охраны каравана, отрезанной от арсенала, кончились патроны. Коваль оказался прав. Едва крылатые выстроились в косяк, дикари пришли в движение и снова бросились к фургонам. Мало того, впереди, там, где мох кончался и зеленел лужок, показалось еще десятка четыре всадников. Артур проверил боезапас.

— Чарли, я удержу их! Беги к Арине, к своим людям, собирай всех. Мы должны немедленно перейти в атаку, сблизиться с ними! Иначе они снова загонят нас в повозке и натравят змеев!

Рокотов прислонил к борту один из автоматов, секунду помялся, затем махнул рукой и спрыгнул вниз. Коваль проводил взглядом его неловкую тучную фигуру и вернулся к обязанностям стрелка. В перекрестье прицела Артур не видел ничего смешного, но на губах его играла улыбка.

Невидимый факир, управлявший змеями, не рассчитывал, что у противника имеются средства ПВО. Коваль уже немного освоился с системой наведения и бил короткими очередями. Зенитка выплевывала в секунду не меньше полусотни снарядов. Две цепочки трассирующих огней догнали плотно летящую крылатую стаю и в одно мгновение превратили ее в фарш. Артур прошелся слева направо, затем сверху вниз. Возможно, кто-то выжил, но старшего научного сотрудника это мало интересовало. Бегущие по полю дикари тоже заметили бесславный конец своей авиации и, дико улюлюкая, сменили направление.

Господи, хоть кто-нибудь их может отвлечь? Неужели все бойцы Эрмитажа погибли? Максимум три минуты, обреченно прикинул Артур, и уроды будут здесь. Вот и напросился в Москву, сам виноват...

Он до максимума опустил стволы и с радостью убедился, что свеженький конный отряд на поляне накрыть успевает. Пехоту уже поздно, а вот конников — легко. Кстати, там были не только конные, Артуру на мгновение показалось, что вдали, за линией всадников, стоял открытый экипаж, и в нем сидел кто-то в белом... Наверное, показалось, да и какая разница, если через десять секунд от кавалерии чингисов остался мелко нарезанный гуляш.

Осинки, березы, липы переламывались пополам, как спички. На том месте, где гарцевали всадники, теперь горела земля. Вот и все, зенитка замолчала. Очень возможно, что где-нибудь лежали запасные ленты, но на перезарядку у

Артура не было времени. Он спустился в кузов, подобрал автомат, посмотрел на него, как на детскую игрушку. После корабельной артиллерии старый добрый «калашников» выглядел несерьезно. Сколько же лет старичку?

Возможно, секунд сорок у него еще оставалось. Коваль осторожно высунулся и не поверил своим глазам. Чингисы исчезли, все до единого. Среди подгнивших пеньков, с трудом доставая увязающие копыта, бродили покинутые лошади. Скрипнула дверца трактора, оттуда осторожно выглянул солдат. Увидел мертвого ящера на капоте «Урала» и вжал голову в плечи.

Дверца штабного вагона распахнулась, на обочину, озираясь, спустились три внушительные фигуры. Коваль узнал Комара и Лося. Караван медленно возвращался к жизни, хлопали крышки люков, послышался первый смех и плач, удары топоров. По мокрым кочкам, еще не веря своему счастью, обалдело озираясь, возвращались из леса остатки бойцов мамы Кэт.

— Наше дело правое! — Артур выпустил из рук автомат и без сил привалился к кабине.— Мы победили! Я вам покажу «дипломатию»!

13
ДОРОЖНАЯ ДЕМОКРАТИЯ

— Эй, ты что, оглох?

— А?..— Визгливый голос доносился до Коваля, словно через толстый слой ваты.

— Тебя зовет госпожа Рубенс. Пошевеливайся, приятель. Если ты не можешь идти, я тебя отнесу.— Солдат заметно смягчился, углядев, в каком состоянии находится человек, за которым его посылали.

Коваль на самом деле чувствовал себя не лучшим образом, его буквально качало от усталости. Если бы сейчас снова пришлось стрелять, он не сумел бы поднять пистолет. Ковыляя за своим провожатым в командирскую повозку, он трижды упал. Вокруг «поезда» шла вялая восстановительная работа, но люди двигались заторможенно. Солдаты не решались удаляться от обочины, при каждом громком звуке многие боязливо приседали. В стороне, среди трупов дикарей, Артур заметил раненого дракона. Упавшей лошадью придавило крыло, тварь могла только громко шипеть и бить по воздуху хвостом. Солдаты, увидев змея, попрятались за повозкой; не нашлось смельчака, который бы вышел и пристрелил его.

Плохо дело, вяло подумал Коваль, они совершенно деморализованы. Это я должен забиться в щель, а не они, профессионалы, черт возьми!

Беглого взгляда хватило, чтобы понять — Арина Рубенс тяжело ранена. Лицо девушки покрывала смертельная бледность, поперек щеки тянулся стянутый суровой ниткой шрам. Ковалю бросился в глаза ворох пропитанных кровью тряпок в изножье койки. Рослый мужчина в кольчуге навалился на девушку, удерживая ее, пока лекарь извлекал стрелы. Коваль видел только смуглую тонкую

кисть с обкусанными ногтями, вцепившуюся в предплечье «санитара». В качестве антисептика лекарь использовал спирт. А еще раненой вкололи какой-то наркотик, потому что, когда наконец Арина заговорила, зрачки ее плавали и туманились, а все движения потеряли резкость.

— Мне доложили... что ты спас молодых мамаш и караван...

— Это неправда,— попробовал отбиться Коваль.— Я всего лишь на время заменил убитого стрелка.

— Не лги мне, приятель! — Арина сглотнула, в уголке ее рта проступила капля крови.

Двое бойцов из ее личной охраны придерживали начальницу в сидячем положении. Артур уже знал, что случилось. В последнем усилии, убедившись, что подчиненные окостенели в страхе, а пулемет выведен из строя, Арина перехватила поводья у кучера своего броневика и, свернув с дороги, протаранила вражескую пушку.

Расчет орудия бежал, двоих дикарей Арина пристрелила из револьвера, но дилижанс застрял в грязи. Его мог бы вытащить трактор, но трактор тоже был подбит. В дилижансе на тот момент кроме девушки находились шестеро бойцов, все отчаянные рубаки, и мальчишка, будущий колдун Эрмитажа. Никто из них, несмотря на страх перед ящерами, не прекратил стрельбу, но, когда они вылезли, чтобы извлечь броневик из грязи, затаившиеся дикари напали. Завязалось самое настоящее побоище, Арину ранили четырежды. Одного ящера старшина телохранителей Серго зарубил рыцарским мечом. Несомненно, погибли бы все, но как раз в этот момент Коваль дал первый зенитный залп, и враги разбежались.

— Серго, звони общий сбор... — Каждое слово Арине давалось с трудом, но щуплая начальница продолжала удерживать власть.

Врач непрерывно промокал ей лоб и подносил к ноздрям коробочку с белым порошком. В дверях броневика один за другим появлялись младшие командиры. Тот, кого звали Серго, горбатый крепыш с рукой на перевязи и забинтованным ухом, бросился отбивать склянки. Явился Чарли в сопровождении Комара.

— Госпожа, мы потеряли двадцать семь человек и половину лошадей. Целиком выгорело четыре повозки. Кормушка для скота, вахтовый запас спирта и кухня. Также не удалось спасти сушеную ягоду, птицу, часть кожи. Опрокинулся фургон со стеклом, развалился пополам. Автомобиль с пушкой также испорчен, не сможет ехать своим ходом. Один трактор разбит. Запас топлива не пострадал, казна в сохранности. Погибли четверо пассажиров, госпожа. Один нарвский, один соборник, двое наших. Ковбои молчат, но солдаты мамы Кэт хотят повернуть назад. Их сержант говорит, госпожа, что они возвратят двойную плату, но не пойдут дальше. Они говорят: даже если впрячь всех коней чингисов, нам не сдвинуть караван...

— Мамы? — перебила девушка.

— Все целы, госпожа, но одной очень плохо. Мы потушили пожар и вернули их в купе. Та светленькая, Надя, дочь Авроры Ван Гог, она надышалась дыма и не приходит в себя...

Вернулся Серго, выполнявший, видимо, и обязанности начальника штаба:

— Люди боятся строиться на открытом месте, госпожа!

— Скажи им... — Арина закашлялась, выгнулась на койке. Врач и телохранители бросились поднимать свалившееся одеяло. На секунду перед Артуром мелькнули бурые от крови бинты. Всю верхнюю половину тела девушки, живот и грудь закрывала сплошная повязка. Он невольно вздрогнул, представив себе, какую боль дочке Рубенса приходилось испытывать.— Скажи им, я слышу... Чингисы ушли. Впереди чисто. На два дня пути чисто. Крылатых тоже нет, кроме двух... Двух раненых. Добейте их...

— Нет! — вклинился Артур.— Пожалуйста, госпожа! Оставь этих змеев в живых...

Сержанты переглянулись. Кроме Даляра, остальных четверых Артур не знал. Чарли пытался подавать Ковалю знаки. Арина с трудом сфокусировала на нем огромные зрачки:

— Зачем тебе жизнь демонов, приятель? Хочешь продать их в Москве?

— Госпожа, дай мне четверых солдат,— заторопился Коваль. Он ощущал ускользающее внимание девушки.— Я хочу показать всем людям, что им нечего бояться. Тогда тебе легче будет восстановить порядок. Я привяжу змеев, чтобы они бежали за повозкой, и, когда мы войдем в Москву, мальчишки будут смеяться и кидать в них камни...

— Он ненормальный, госпожа! — обратился к Арине один из командиров, рослый бугай, похожий на прибалта.— Никто не посмеет коснуться демона, плюющего огнем! Это посланцы ада, вызванные колдунами! Все знают, но никто не смеет говорить об этом громко: есть плохие места, и их все больше. Там быстрее растет трава, и родятся птенцы о двух головах. Там светится вода в ручьях, и рыбы умеют выползать на берег. В такие места уходят колдуны, чтобы пролить на плохую землю свое семя. И от семени их плохая земля рождает демонов — крылатых змеев и других чудовищ. Не слушай чужого, госпожа. Мы должны облить нечисть мазутом!..

Аудитория зашумела.

— Госпожа, надо вернуться к нефтяникам, купить хлеба!..

— Пусть ковбои приведут свежих лошадей!

— Собрать новый караван, вместе с губернатором!

— Вернуть угоревшую девчонку маме Роне!..

Арина, словно не замечая общей паники, задумчиво смотрела на Коваля. Он оглянулся, ища поддержки, и внезапно обрел ее в лице вихрастого подростка с котенком на руках. Парень встретил растерянный взгляд Артура и неожиданно открыто улыбнулся. Арина с усилием подняла руку, мужчины разом примолкли.

— Тебе надо взять второе имя, приятель...

— У меня есть фамилия, госпожа. Коваль.

— Это непонятно... Что такое «коваль»?

— На украинском языке это «кузнец».

— Хорошо... — Она сделала попытку улыбнуться.— Ты работал, как настоящий кузнец... Дайте ему сказать. Этот человек проявил храбрость и достоин, чтобы его выслушали. Демоны плюются огнем. Как ты сделаешь, чтобы люди их не боялись?

Арина быстро переглянулась с Чарли и Серго. Артуру показалось, что относительно его персоны уже принято какое-то решение.

— Госпожа... — Коваль сосредоточился.— До того как уснуть долгим сном, я изучал строение животных и человека. На земле не рождается существ, способных создавать в организме горючую смесь. Не потому, что это невозможно теоретически, но любой внутренний орган отвечает тем или иным функциям питания, сохранения рода и так далее. Выработка жидкости или газа, которые способны вступить в скоростную реакцию с кислородом, не дает ничего, кроме... — Коваль почувствовал, что его не понимают. Он выражал мысли слишком заумно...

— Страх! — вдруг добавил из своего угла подросток. Мужчины уставились на мальчика с нескрываемой робостью, но тот лишь снова улыбнулся, уже привычный к своему привилегированному положению.— Ты смеялся, но плакал. Потому что умный и глупый. Огонь живой и мертвый. Он для страха и смеха, верно?

Арина улыбалась, смежив веки. Шрам на ее щеке с каждой минутой все сильнее набухал.

— Ты прав... сын Красной луны! — поклонился Артур. К нему вдруг вернулось самообладание, словно мальчишка посылал по воздуху невидимые флюиды.— Пока все прятались, я разрезал ножом одного из мертвых демонов! — Он подождал, пока уляжется эффект от сказанных слов, и обратился опять исключительно к начальнице стражи: — Так вот, госпожа. Это никакой не демон, а всего лишь ящерица с измененным ДНК... Э-э-э, как же вам объяснить? Ее вывели искусственно. Я постарался изучить орган, вырабатывающий пламя. Такого органа нет.

— Как нет? — подскочил Рокотов, другие тоже заворчали.— Караван до сих пор горит!

— Такого органа нет! — повышая голос, повторил Артур.— Есть лишь устройство для хранения под давлением какого-то количества газа, воспламеняющегося при контакте с воздухом. Когда газ внутри кончается, змей превращается в большую кусачую ящерицу. Достаточно опасную, если сунуть ей руку в пасть, но неповоротливую на земле и неуклюжую при боковом ветре в воздухе. Я наблюдал, как они летели. Крылья тоже до конца не продуманы...

— Ты хочешь сказать?..— Арина жестом подозвала лекаря, тот промокнул ей лоб и пересохшие губы тряпкой.

— Я хочу сказать, госпожа, что змеев сделали люди — инженеры-генетики. Но при этом у них отсутствовало воображение. Они сделали змеев именно такими, какими сами представляли демонов по древним книгам, накачали их горючей смесью, чтобы напугать нас. Когда горючий газ кончился, их позвали назад, чтобы «зарядить» снова. Но змеев даже не смогли научить отличать своих от чужих, они бросаются на все живое. Я сразу не обратил внимания, но теперь вспомнил, где я их видел. Жил такой художник — Иероним Босх, он рисовал...

Рев протестующих голосов заглушил его речь. Больше всех распалялись двое — татуированный дядька, с бородой, заплетенной в косички, весь в грубой свиной коже, и длинный, в матросском бушлате, с набором метательных клинков за спиной. Перекрикивая друг друга, они наперебой требовали от Арины вернуться в стан нефтяников за подмогой, а лучше — вообще отсту-

пить до Питера. На рукавах у обоих были вышиты две золотые полоски — знаки сержантской власти.

— Если мы повернем назад,— медленно выговаривая слова, Рубенс подозвала к себе мальчика с котенком,— то после нас не решится пройти ни один караван.

— Но такого никогда не было, госпожа!

— Чтобы у дикарей появились пушки и змеи!

— Они продались колдунам! Они заколдованы...

— Серго, скольких мы убили? — перебила паникеров Арина.

— Семьдесят четыре трупа, госпожа! — отрапортовал «начальник штаба».— Не считая тех, кого догнали в лесу. Не считая тех, кого убил Артур Кузнец. Слишком мелкие куски.

— Ты называешь их «заколдованными», Василий? — спросила начальница, обращаясь к татуированному громиле.— Серго, скажи им.

— Мы нашли раненого Качальщика.

Горбун извлек из-под лавки инкрустированную кавалерийскую саблю, потрогал ногтем острие и, как бы невзначай, оставил оружие на коленях.

— Что?!

Фраза Серго произвела оглушительный эффект. Даже угрюмый Даляр подпрыгнул на месте.

— Артур Кузнец стрелял по нему из зенитки. Мои люди собирали оружие и нашли двух целых коней и коляску. В коляске был Качальщик. Мы насчитали шестерых Желтых из его охраны. Все мертвые. Качальщик ранен.

— Ты уверен, что это Качальщик? — нервно спросил Рокотов.

— В коляске был тигр. И еще... кто-то. Там ничего не разобрать. Качальщик успел выстроить круг. Он защитил себя, но вокруг него сплошная каша. Кабан нашел его, кинул нож и промахнулся с пяти шагов. Ты можешь представить, Даляр, чтобы Кабан промахнулся? Это Качальщик, больше некому. Он ранен осколками, но не подпускает...

Сержанты ахнули. Живого Качальщика никто из них не встречал. У Ковала голова шла кругом.

— Но мы никогда не теряли столько своих людей! — на грани истерики продолжал Василий.— Ты же знаешь, госпожа, я ходил с тобой восемь раз. Я дрался с шептунами у Быстрой реки, с Желтыми дикарями из Клина, с их болотными котами. Я не испугался колдунов из Ярославля, хотя они напустили на наших людей язву...

— Но сегодня ты испугался, Василий!

Мгновенно возникла тишина. Слова Арины прозвучали не как намеренное оскорбление, скорее как... приговор.

— Сегодня ты испугался! — с усилием повторила она, сплетаясь пальцами с мальчишкой-колдуном. Тот прикрыл глаза, опускаясь на колени у деревянного ложа. Между детьми луны настраивалась невидимая, неощутимая связь. Котенок зашипел и метнулся под лавку.— Ты укрылся за броней, как трусливая старуха, вместо того чтобы поднять свой взвод в бой! А ты, Матрос, где был ты, когда Артур Кузнец, человек, не принявший присяги, один воевал с демонами? Где были твои смельчаки, кто обязан был сменить убитых возле высотной пушки? Ты лежал задом кверху под кроватью и молился?

Лицо Матроса приобрело багровый оттенок. Снаружи доносился визг пил, частые удары топоров: рабочие восстанавливали обгоревшие колеса, скрепляли оборванные телефонные провода. Внутри броневика раздавалось лишь сиплое дыхание раненой, и прыгала в клетке под потолком однокрылая синичка.

Коваль не успел заметить, настолько быстро все произошло. Серго, не вставая с железной лавки, выбросил вперед саблю. Клинок воткнулся Василию в грудь, пришпилив его к стене, как огромную бабочку. Один их охранников Арины перехватил руку Матроса с ножом, другой неуловимым движением перерезал сержанту горло. Артур оцепенел. Чарли, Серго, Даляр и оба оставшихся в живых командира выглядели спокойными, будто ничего и не случилось. Все были ранены по несколько раз, но правдоподобно изображали равнодушие к собственным порезам. Лекарь, худенький мужичок в резиновом фартуке, снял щипцами со спиртовки железную миску со шприцами.

— Христофор назвал мне еще шесть имен... — У Арины изо рта снова пошла кровь, но она не выпускала из потной руки исцарапанную грязную ладошку мальчика.— Серго, ты казнишь их перед строем. Дашь Кузнецу людей, пусть он сделает с крылатыми все, что хочет. Он прав. И если не найдется мужчины, кто посмеет убить Качальщика, это сделает Кузнец. Он пройдет в круг...

— Будет сделано, госпожа!

— Теперь ты! — Раненая повернула мутные запавшие глаза к Артуру.— Я скоро умру... Я верю Христофору... Он умеет слышать людей лучше, чем я... Что бы ты сделал на моем месте? Говори!

У Артура вторично возникло чувство, будто за него заранее все решили. Как бы выступить, чтобы самому не оказаться с дыркой в животе?..

— Ты поступила верно, госпожа. Эти люди своей трусостью подвергли опасности всех. Я считаю... — Он оглянулся на Чарли, но торговец был невероятно серьезен.— Я считаю, что караван должен идти дальше. Но не только днем. Дикари знают, где караваны останавливаются на ночевки. Мне кажется, имеет смысл сбить их планы и идти ночью. Идти безостановочно. Троих надежных людей послать назад, пусть купят у нефтяников лошадей. За двойную или тройную цену. Потом они нас догонят. Трактор поставить сзади, пусть тянет сразу три фургона, самые легкие. Зенитку поставить вперед. Впереди колонны, в двух километрах, я бы послал легкую повозку с бочкой горючего и несколько конных. Чтобы шли по сторонам дороги, максимально широко, и поджигали лес. Мы создадим, таким образом, сплошную полосу огня. Получится просека, нам легче будет возвращаться... — Артур перевел дух.— Я разберусь со змеями, но позволь сохранить жизнь Тому, кто раскачивает землю...

— Ты не понимаешь! — встрял Серго.— Если мы не сожжем его, он убьет всех нас. Он снова напустит на нас крылатых. Качальщика нельзя зарубить или убить пулей, его оживит земля. Только огонь...

— Это правда? — обратился Артур к Христофору. Ему показалось, что парнишка едва заметно улыбается.— Никто не видел Качальщика, но хорошо известно, как с ним поступить.

— И правда, и неправда! — отозвался малыш, баюкая безвольную ладонь Арины.— Он виноват, но прав. Он злой, но добрый. Он мертв, но жив.

Да, к стилю этого парня еще нужно привыкнуть, подумал Артур, а вслух продолжал:

— Если он тот, кого все так боятся, то нам вдвойне важно захватить такого пленного. Девушка действительно может умереть от отравления. Если то, что я слышал о Качальщиках от Левы, правда, то мы заставим его вылечить мамочку! Что касается остальных дикарей... Я не знаю, что вы обычно делаете с трупами?

— Бросаем волкам! — отозвался Даляр.

— Если госпожа позволит, я бы поступил иначе, как парни из «Восьмой дивизии». Не лучше ли потратить лишний час и прибить их к деревьям, вдоль дороги? Пусть те, кто придет сюда ночью, а они придут, устрашатся твоего гнева...

— Нефтяники не продадут нам коней,— тихо возразил Чарли,— а пошлют к ковбоям. Мы потеряем сутки.

— Продадут, если мы сделаем так, как я предлагаю. Когда они наведут переправу, я сам переведу на ту сторону реки с пушкой и поставлю их перед выбором. Или лошади, или я подожгу нефть. Они предатели.

— Ты с ума сошел, приятель! — разинул рот незнакомый сержант.

— Помолчи, Кастет! — приказала Арина.— Ты слышал, Кузнец, что люди боятся идти. Их не собрать даже в строй походного Совета. Такое случается, не удивляйся. Нечасто двадцать человек сгорают заживо.

Очередной ребус, в отчаянии подумал Коваль. Они из меня оракула собрались сделать, что ли? Какого черта я при всех резал эту змею? Вспомнил, как лягух в институте препарировал, и не удержался от соблазна. Он бы не удивился, обнаружив в теле дракона детали искусственного механизма. Действительно, и дилетанту в физике стало бы очевидно, что при массе в двести кило подъемной силы крыльев явно недоставало для длительного полета. Драконов словно собрали из кусков, на живую нитку...

— Я не считал себя жестоким человеком, госпожа. Напротив, из меня неважный боец, но если ты спрашиваешь... — Артур вздохнул.— Сотню лет назад так никто не поступал, но сейчас я бы не стал собирать всех бойцов вместе, а попытался бы поднять дисциплину повзводно. Чарли мог бы сообщить, что выдает жалованье, чтобы взводы заходили в штабной вагон по очереди. А там мы бы спросили каждого, хочет он бежать, как крыса, или остается верен присяге. Полагаю, достаточно повесить троих-четверых, и дисциплина восстановится. Но когда соберется... Как вы это назвали? Строй походного Совета, имеет смысл расстрелять перед строем или зарезать,— он глянул на лежащего в луже крови Матроса,— тех, кто раньше пытался перечить командирам...

— Да, я снова ошиблась в тебе, Артур Кузнец! — Арина подставила лекарю вену.

Коваль внутренне сжался, ожидая нападения, но никто не шевельнулся. Христофор что-то говорил, склонясь к самому уху девушки. Даляр задумчиво покусывал ус, Чарли менял окровавленную тряпку на плече. Серго ножиком счищал грязь с сапога, его сабля так и торчала из груди убитого сержанта. Вытащить ее никто и не подумал.

— Мое решение! — Новая порция наркотика придала светловолосой атаманше сил.— Мы идем в Москву. Пока я жива, но не могу ходить, я назначаю нового начальника охраны вместо себя. Если я умру, Серго соберет Совет. Тогда вы кинете жребий. Маршал, я верно излагаю закон?

Лекарь почтительно поклонился:

— Твоя власть, госпожа.

— Чарли Рокотов, ты представляешь в караване правую руку папы Рубенса. Спроси у этого человека, Артура Кузнеца, хочет ли он принять присягу.

Особого выбора Ковалю не предоставили. Он понял, что отказаться означало нажить себе множество врагов, невзирая на боевые заслуги. И кто его за язык тянул? Ехал бы себе спокойненько дальше эконом-классом, под боком у главного торговца, кушал бы рыбку, глядишь, и до столицы бы добрался. А теперь сунут в руки меч пуда на полтора, или арбалет, и пойдет он маршировать под командованием Даляра. Маршировать — это ерунда, на военной кафедре учили, а вот как правильно махать этим самым мечом? Вот ведь вляпался!

Его поставили на колени перед построившимся каре и надрезали левую руку. Три старых члена коммуны трижды повторили вопрос, и Артур трижды ответил положительно о своем желании по гроб жизни служить папе и музею. Коваль повторял слова, словно украденные из клятвы юных пионеров, и смешивал свою кровь с кровью Чарли, Даляра и Людовика. Людовика принесли на носилках, он поминутно впадал в беспамятство от новых ран, но сам вызвался быть поручителем.

Весьма неприятной частью церемонии стал болезненный татуаж левого уха. По завершении процедуры произошло то, чего старший научный сотрудник и обладатель белого военного билета никак не мог ожидать. Он легко бы вступил в коммуну и без поручителей. Но только благодаря доверию троих чужак мог надеяться на ответственный пост. Принесли Арину, закутанную в одеяло, с лицом, будто присыпанным мелом. Христофор остался в броневике. Позже Артура посвятили в страшную подробность: в случае возможного пленения охранники были обязаны убивать детей Красной луны, но не оставлять их врагам.

— Этот человек пришел к нам недавно, но трижды показал свою преданность Эрмитажу и храбрость в бою. Он спас двоих наших солдат от своры булей, он спас от гибели наших мамаш, он не испугался крылатых змеев. Я не могу вести караван. Мое решение: старшина Абашидзе займет место начальника стражи до моей смерти. Артур Кузнец вместо Серго становится старшиной моей личной охраны. Слово Совета?

Вперед выступил Серго:

— Музейщики! Есть тут человек, кто скажет слово против Артура Кузнеца?!

Солдаты и торговцы молчали. Коваль был уверен, что кто-нибудь да возмутится, но по важным физиономиям Серго и Рокотова понял — все давно решено.

— Слушайте все! — из последних сил напрягая связки, вещала девушка.— Там, за болотом, на холме лежит раненый Качальщик! — По нестройной линии солдат прошел боязливый шорох. Пассажиры, стоящие отдельной группой, загомонили, женщины заплакали. Арина выждала, пока установится тишина.— Точнее, мы думаем, что он из этой породы. Я слышу его иначе, и Христофор слышит в нем кровь нелюдя. Вокруг него четверо наших с ружья-

ми, но пули не берут демона... Артур Кузнец сказал, что сам пройдет в колдовской круг и возьмет Качальщика в плен. Мы везем четверых мамаш, и одна из них умирает. Артур Кузнец сказал, что уговорит Качальщика очистить девочке кровь. После этого он вернется и займет место старшины охраны.

Строй замер, полторы сотни пар глаз нацелились на человека, стоящего на коленях в центре. Даже женщины перестали голосить. Насколько Артуру помнилось, он обещал несколько другое. Коваль поднялся, отряхнул с колен налипшую траву. Отступать было поздно. Арина и ее юный помощник рассудили хитро; близкий контакт с «демоном» должен был немедленно поднять авторитет новоиспеченного начальника.

Артур вздохнул и хотел уже направиться к полянке, где истекал кровью таинственный колдун, но Серго схватил его за рукав:

— Ты не можешь просто уйти, старшина. Тебе подчиняются десять человек, это лучшие бойцы папы. Дай команду, что им делать. Назначь мне двоих новых сержантов. Четверо из тех, на кого показал Христофор, бежали в лес, но двое трусов тут. Прикажи своей охране их казнить. Можешь оставить при себе людей Арины или набери других. Строй не разойдется, пока ты не позволишь...

Да, подумал Коваль, вот оно, бремя власти. В прежней жизни старший научный сотрудник и кандидат наук командовал четверкой очкариков и отчасти уборщицей. Теперь неизвестно за какие заслуги ему достался десяток головорезов и четыре девицы на выданье. Совершенно некстати Артура посетило недавнее виденье. Пухлые кривящиеся губы, огромные серые глаза, слезы на полудетских щеках. И запах. От девчонки пахло сладковатым теплом, как от ребенка...

— Слушай мою команду! — Будущий старшина прочистил горло. Его маленькое войско построилось отдельно, рядом с носилками Арины.— Вы двое — остаетесь наводить порядок в броневике и ухаживать за госпожой. Смазать оружие, проверить ходовую часть. Затем вы двое — поймайте двух свежих лошадей, впрягите вместо убитых. Найдите чем покормить. Остальные до моего возвращения поступают в распоряжение старшины Абашидзе. Серго, я доверяю вам назначить новых командиров взводов... — Начальник стражи одобрительно кивнул. Коваль набрал воздуха в легкие: — Разойдись!

Из люка броневика Артуру улыбался Христофор.

14
ТОТ, КТО РАСКАЧИВАЕТ ЗЕМЛЮ

Последние метры до обломков кареты Артур преодолел на подгибающихся ногах. То, что он увидел, никаким объяснениям не поддавалось. Он переступил через оторванную ногу лошади, через останки белого тигра. Артур старался не глядеть, куда ставит ногу; выделенные Рокотовым ботинки хлюпали при каждом шаге. Поляна, где поджидал исхода битвы кортеж Качальщика, пре-

вратилась в форшмак из конского и человеческого мяса. Но посреди этого кошмара в окружении четверых испуганных солдат возвышалось почти целое кожаное сиденье и кусок задней рессоры. Остальные части кареты выглядели так, будто ее перемололи в мясорубке. Среди щепок и тлеющей горы гусиного пуха, выставив кадык, лежал труп Желтого дикаря. Точнее, верхняя половина трупа. Под потеками охряной краски на щеке убитого проступала самая обычная кожа. Это иллюзии, прикрыв глаза, повторял себе Коваль. Сплошные иллюзии, атрибуты воинской чести, никакого волшебства нет!

— Ты пришел, Проснувшийся демон...

Человек в карете улыбнулся Артуру одними губами. Он должен был очень страдать. Ниже левого колена, прорвав кожу, выступал обломок кости, белая свободная хламида превратилась в грязную бахрому. Один острый осколок торчал у человека из плеча, другой распорол лоб.

Но Качальщик улыбался. Его длинные седые волосы были заплетены в безукоризненные тонкие косички. Возраст колдуна Артур бы затруднился определить, он вообще не мог сконцентрироваться на его внешности. Черты лица человека в белом будто ускользали, расплывались, стоило на секунду задержать взгляд. Четверо бугаев с ружьями нестройно читали молитвы, не решались подбираться ближе пяти метров; один держал перед собой в вытянутой руке распятие.

— Я не демон,— сказал Коваль.

Внезапно он увидел круг радиусом метра полтора, о котором говорил Серго. Внутри круга не упал ни один снаряд; даже несмотря на ранения, человек на сиденье кареты выглядел, словно спустился в ад с небес.

— Но ты проснулся.— Голос Качальщика звучал, как шепот осенних листьев.— И не боишься магии земли. Помоги мне. Ведь ты пришел, чтобы мне помочь?

— Не подходи к нему, дружище! — истерически выкрикнул за спиной боец с распятием.— Он выпьет твою память, он нашлет на тебя язву!

Остальные держали побелевшие пальцы на спусковых крючках. Стук топоров у дороги затих. Коваль обернулся. Десятки застывших лиц, видимых отсюда, с холма, как размытые пятнышки, следили за ним. Где-то там был улыбающийся Христофор.

— Ты прошел в круг, а меня боишься, Проснувшийся демон? — вновь улыбнулся обладатель африканских косичек.— У меня нет оружия, а вас — пятеро. Если ты мне не поможешь, я умру.— Качальщик левой рукой приподнял обрывки одеяния, и Коваль увидел еще одну страшную рану на правом боку, заткнутую пучками травы.— Ты хочешь, чтобы я умер, старшина?

— Я не дам тебе умереть,— решился Артур,— если ты дашь клятву, что поможешь мне!

— Точнее, не тебе, а мамочке, так? — Смех Качальщика прозвучал печально и тихо, но Коваль почувствовал, как колени снова становятся ватными.— Конечно, я спасу ее. Ведь я не меньше твоего желаю ей долгой жизни.

— Мое дело — довезти ее живой до Москвы! — не согласился Артур, потихоньку приближаясь к кругу.— Дальше меня не касается. Теперь я понял! Это ты затеял побоище. Посмотри, мерзавец, сколько людей погибло по твоей прихоти!

— «Прихоти»? — вполне искренне удивился человек в белом.— Этому сброду были нужны ваши никчемные товары, а девок бы они насиловали и держали впроголодь. В лучшем случае, родилось бы двое-трое детей, и те погибли бы от гнуса и лихорадки.

— Это ты наслал драконов?!

— Ну конечно! — нисколько не смутившись, отозвался Качальщик.— Меня интересуют только мамы. Вашему бестолковому Рубенсу не раз и не два предлагали вдвое больше золота, чем вы получите в Москве, и, заметь, без людских потерь. Я охотно поболтаю с тобой попозже, а теперь помоги мне встать. Иначе мне наступит конец и твоя девица умрет!

Коваль шагнул в круг, наклонился и сделал попытку взять Качальщика на руки. Он «нелюдя» пахло на редкость приятно, сухим сеном и цветочным чаем, совсем не так, как от немытых солдат. Сзади щелкнул затвор, охранники испустили одновременный сдавленный стон. Но ничего ужасного не произошло. Качальщик оказался легким и горячим.

— Не надо меня нести,— почти приказал он.— Просто помоги мне достать ногами землю и отгоняй этих насекомых...

Раненый небрежно махнул головой в сторону солдат и с видимым наслаждением погрузил ступни в сырую траву. Артур примостился рядом, придерживая Качальщика за плечи.

— Солдат, позови сюда лекаря и носилки. Скажи Маршалу, что здесь открытый перелом и рваная рана в подвздошной области... Впрочем, ты не запомнишь. Пусть захватит все, что есть.

— Будет сделано! — Бойцу не терпелось смыться с места происшествия.

— Погоди! Передай Рокотову, чтобы маму, ту, что не дышит, тоже срочно сюда! Срочно!

— Ты делаешь успехи, Проснувшийся!

Качальщик разогрелся, как маленькая доменная печка. Несмотря на крохотный рост и потерю крови, он с удивительной силой цеплялся за Артура обеими руками. От каравана уже бежали подручные Чарли с девушкой на носилках. Артур на минутку отвлекся, а когда вновь повернулся к Качальщику, не поверил своим глазам.

Трава вокруг босых ног волшебника скукожилась и осыпалась пеплом. Кривой осколок снаряда, торчавший из плеча, исчез; рваная дыра на лбу также затянулась новой розовой кожей. Качальщик уже не держался за Артура, он скатился с сиденья, упал на бок и прижимал обе ладони к земле. Там, где легли его ладони, влажная почва трескалась, превращаясь в поверхность иссушенной зноем степи. Острые лопатки трепыхались под хламидой, как зачаточные крылья. От всего маленького тела колдуна шел настолько нестерпимый жар, что солдаты с ружьями попятились, отворачивая лица.

— Клянусь святой Ксенией, мир ее праху! — прошептал доктор, выпуская из рук металлический чемодан со своими инструментами.

Коваль кинул взгляд на Надю Ван Гог. Этот идиотизм с новыми фамилиями, позаимствованными с полотен мастеров, начал его доставать. Девушка выглядела хуже некуда. Бледный оттенок ее кожи сменился на синюшность, волосы прилипли к потному лбу. Комар и Лось мягко опустили носилки в десятке

шагов, не решаясь подойти ближе. В их глазах плескался первобытный ужас. Если сейчас кто-нибудь из этих идиотов выстрелит, маме наступит капец, подумал Коваль. Выход только один. Он с хозяйским видом достал из кобуры свой пистолет и приставил к затылку распластавшегося на земле Качальщика.

— Вы все! Уберите ружья и отправляйтесь работать. Сержант скажет, что вам делать. Доктор, ближе ко мне! Лось, Комар, нечего пялиться, разойдитесь на двадцать шагов и прикрывайте нас. А ты!

Коваль схватил колдуна за шкирку и чуть не завопил от боли; на ладони моментально вспухли волдыри. Но он превозмог себя и, взяв под мышки, рывком поднял Качальщика на ноги. Тот болтался, как сломанная марионетка, а на том месте, где он только что лежал, почва спеклась коричневой коркой, точно под действием напалма. Одежда на раненом «арестанте» полностью выгорела, но раненым он уже не был, скорее пребывал в подобии шаманского транса. Обнажилась худая мускулистая спина. Чудовищный порез справа, под солнечным сплетением, практически зарубцевался, малая берцовая кость непостижимым образом вернулась на место, раздувшаяся лиловая икра опадала на глазах.

— Если ты немедля не займешься женщиной, я тебя пристрелю! — пообещал Артур.— Я вытащил твою поганую задницу из круга, иначе бы ее давно нашпиговали дробью. Действуй, или я стреляю!

Предоставленный сам себе, Качальщик опять мягко сложился, точно из него вынули все кости. Коваль уже хотел пнуть его в бок или приказать облить водой, как вдруг чародей очнулся:

— Принесите ее мне. Сюда, под руки. И не угрожай мне смертью, демон.

Потом они сидели с лекарем в сторонке и ждали, вдыхая воздух через рот. Вокруг все настолько пропиталось запахом горелой плоти, что Артуру казалось невозможным хоть когда-нибудь отмыться. Он вспомнил бойцов, заживо сгоревших в башне вагона, и новая волна ненависти к голому придурку поднялась в груди. Качальщик, точно услышав чужие мысли, отвернул на секунду лицо от лежащей перед ним мамы и взглянул Артуру в глаза. Впервые он сознательно не прятал свою внешность, а словно вызывал противника на дуэль. Маршал сгорбился, прикрываясь руками, но старшине охраны не пристало бояться лесных знахарей!

Коваль отважно встретил взгляд прозрачных, как слеза, студенистых зрачков и почувствовал, будто его мозг включили в розетку. Пистолет в руке вдруг стал невероятно тяжелым, сердце застучало быстрее, затем замедлилось, вызвав по всему телу волну холодного пота.

— Она будет жить, демон. Еще раз говорю: не пытайся угрожать мне смертью, даже мысленно. Ты не рад, что она будет жить?

— Я рад, что коммуна не потеряет деньги.

— Если тебе нравится врать мне, я не могу это запретить... — Шелестящая музыка неторопливой речи колдуна струилась, как змея между мшистых камней... — Но не ври себе, Проснувшийся. Я слышу, о чем ты думаешь. Ты думаешь о том, что девчонка похожа на твою бывшую женщину, которую ты убил...

— Заткнись, подонок! — прошипел Коваль. Подняться не было сил.

— Ты думаешь, что хитрее всех остальных. Думаешь, что разгадал ее план, этой дочурки Рубенса.—Длинные бледные пальцы Качальщика плавали в сан-

тиметре от тела неподвижно лежащей мамаши, но зрачки его дрожали в унисон со зрачками Коваля.— Ты полагаешь, что достаточно войти в магический круг, и тебе, простофиле, не умеющему держать в руках оружие, доверят охрану? Папа Рубенс большой зазнайка и самодур, но он не идиот. Знаешь, с кем он поговорил первым делом, после того как докторица принесла ему твои анализы? С моим братом. Он послал голубя моему брату. В письме было сказано, что в Эрмитаж пришел чистый, совсем чистый человек из прошлого, о котором предупреждали Те, кто раскачивает. Ты не просто производитель. Есть надежда, что твои дети, поголовно, станут папами и мамами...

— Стало быть, я — живая легенда? — Артур вдруг заметил, что лекарь давно и крепко спит, а охранники отошли слишком далеко и ничего не слышат.

— Не перебивай! — слегка рассердился Качальщик.— Этому индюку Рубенсу мы предложили за тебя столько, что папа любой другой коммуны согласился бы не рассуждая. Но он уперся. Вместо того чтобы отдать человека, который пришел к нему случайно, папаша придумывает сотни способов, как тебя возвысить. Разве я не прав, демон? Наверняка музейщики предлагали тебе самые теплые местечки? И тут некстати подвернулся караван в Москву. Насколько мне известно, тебя готовы были посадить под арест, лишь бы ты не сбежал в другую банду. По мне, так все они одинаковы, вымирающее бездарное племя... Но в последний момент Рубенс испугался на тебя давить. Он испугался, что ты сбежишь или, того хуже, сбежишь в Москве. Он придумал для тебя все мыслимые сладкие должности...

Коваль чувствовал себя абсолютно раздавленным.

— Не переживай так сильно, ты действительно проявил храбрость в бою. В вашем караване есть трое, которые слышат меня, и я слышу их, особенно мальчишку. Это он подсказал дочери Рубенса возвысить тебя до старшины. Это большая честь по их понятиям, можешь гордиться. Девчонка обрадовалась, что таким образом может угодить отцу. Потому что, как они считают, теперь Кузнец никуда не убежит. Не обманывай себя, Проснувшийся. Ты потеряешь власть при первой же ошибке. Чтобы казнить неугодных, надо быть членом их дурацкого Совета...

— А ты-то что хочешь? Зачем ты напустил змеев?

— А мы хотим с тобой одного и того же, демон.

Качальщик показал верхний ряд зубов, общее выражение его лица по-прежнему ускользало от собеседника. Зато Коваль увидел другое.

Уже не маленький пятачок, а здоровенный круг обугленной земли, метров шесть в диаметре, окружал чародея и Надю Ван Гог. Все, что валялось в траве, в пределах круга — мертвые дикари, лошади, сбруя,—словно расплавилось, как сало на сковороде. Книжник Лева рассказывал Ковалю о таких выжженных пятнах, их называли «плевками Сатаны». Артур обернулся к дороге. Солдаты закончили разборку завала, возницы впрягали лошадей, трактор волок по обочине прицеп с пушкой. Человек тридцать, не отрываясь, следили за манипуляциями Качальщика.

— Мы хотим одного,— повторил волшебник.— Только я не вру себе. А ты врешь. Я хочу получить женщин, и ты хочешь получить женщину, именно эту. Ты просто об этом не задумывался, но я слышу тебя. Она напоминает тебе...

Ладно, не буду! — Он мягким движением погладил волосы девушке.— Твоя натура не воспринимает, как это может быть, чтобы женщин продавали на племя. Как это может быть, что женщина не принадлежит тебе безраздельно. А у питерских музейщиков, поверь мне, еще весьма мягкие взгляды в данном вопросе. Женщин не хватает, в большинстве банд их вообще ни о чем не спрашивают. Я слышу тебя, демон. Ты растерян, ты в панике. Ты не можешь поверить, что отношения вернулись к своим естественным началам. Если мы не поможем друг другу, ты обречен. О каких железных дорогах идет речь? Где вы возьмете чугун? Ты видел, что стало с рельсами? В лучшем случае, ты получишь у них двойную порцию свеклы и станешь хряком-производителем.

— Скажи мне честно... — Артур замялся.— Вы люди или нет?

— Такие же, как ты, и совсем другие. Но не путай Тех, кто раскачивает Землю, с презренными бандами колдунов, пожирателями поганок. Мой дед родился на Вечном пожарище, слышал о таких?

— Ты предлагаешь мне предательство, Качальщик?

— Я предлагаю тебе идти с теми, кто тебя ждал. Ты не найдешь в Москве тех, кого надеешься оживить.

— Откуда ты знаешь, зачем я иду в Москву?! — У Артура по спине поползли мурашки.

Надя Ван Гог открыла глаза. Секунду девушка лежала, ничего не соображая, затем согнулась пополам в припадке рвоты. Словно разбуженный ее кашлем, очнулся лекарь, попытался вскочить на ноги и тут же отпрянул назад. Подошвы его ботинок дымились. Качальщик и мамочка словно находились в эпицентре взрыва, куда никто не мог проникнуть.

— Мой дед родился на Вечном пожарище в те времена,— Качальщик легко разогнулся, повязал вокруг бедер остатки хламиды,— когда земля на пожарище еще светилась по ночам. Он был из первых, кто научился раскачивать, из первых, кто составлял Книгу. Он сказал, что Проснувшийся демон будет один. Мой дед, мир праху его, никогда не ошибался. Ты один, Артур Кузнец. Мама будет жить. А теперь можешь связать мне руки. Насекомые побоятся ко мне подойти. И помни — ты обещал мне жизнь.

15
РАБОЧИЙ ЖУРНАЛ

...Меньше всего я хочу предстать старым пердуном, который обо всем догадался заранее. Никто не представлял, чем все закончится, даже деятели в Кремле, что делили прибыль от нашей смерти. Но, как всегда, интересы государства оказались у нас в стране выше интересов личности. Разве в России когда-нибудь было иначе? Если кто-то доберется до моих записок, это еще не будет означать, что болезнь отступила. Но когда она действительно отступит, тогда на обломках нашей мудрой власти появится совсем новое общество. Я на-

деюсь, ничего общего с тем, что сегодня, и сам смеюсь над своими надеждами. Все повторяется...

Слишком пафосно вышло, не правда ли? Но вполне простительно для человека, который знает, сколько ему осталось. Очень вас прошу — внимательно прочитайте эти строки. Так и хочется выкрикнуть: будьте бдительны! Но это не мои слова, да и призыв бесполезный. Мы никогда не научимся бдительности, наш народ слишком доверчив. Те, кто наверху, они еще лет двести бы заставляли нас ходить строем, окажись среди них хотя бы парочка толковых экономистов. Но они срезали все мясо, а мы по вечерам, на кухнях, грызли бесконечные мослы под названием «русская духовность». Очень удобное питание; тратишь уйму усилий, дабы не помереть с голоду, но отвлекает от мыслей о мясе...

Возможно, одно из самых больших заблуждений — это нелепая вера в тех, кого мы «выбрали» нами руководить. Не дайте себя обмануть тем, кто говорит, что лучше вас знает, что вам нужно. Мы дали себя обмануть в очередной раз. Наш великий народ в очередной раз сам себя засунул в петлю, а потом удивился, почему государство не хочет ему компенсировать потери. Мы так любим все получать на халяву. Только на сей раз все гораздо хуже. Дело не ограничилось Россией.

Последние месяцы я много прочел о ВИЧ и сделал несколько любопытных выводов. Собственно, я начал читать, только когда дело коснулось меня лично.

Вот вам первый вывод. Маленький человек считает, что он вправе думать только о себе, потому что обо всех нас позаботятся те, кто наверху. Это не так. Без комментариев.

Второе. Если у вас под окнами раз в месяц зарежут человека, вы начнете паниковать. Если убийства будут происходить раз в неделю, вы начнете пользоваться другим выходом, и приобретете пистолет. А если трупы начнут находить ежедневно, вы станете спокойно перешагивать через них, спеша с утра на работу. Мы привыкли к ВИЧ-инфекции, и она перестала быть модным словечком дня. Немножко выросли продажи презервативов. Немножко чаще наркоманы стали покупать новые шприцы. Это все. СПИД растворился в рекламных роликах, как мода на атипичную пневмонию, зеленую лихорадку и птичье бешенство. Проблемы технотронного террора, аэрозольные наркотики и прочие щекочущие темы поставили СПИД в один ряд с раком и инфарктом. Конечно, от болезней сердца умирает гораздо больше людей, но когда в медицине описан инфаркт, а когда появилась эта новая напасть!

Итак, мы привыкли.

Третье и последнее. Я устал драться за науку. Они говорят, эти великие государственные мужи: что вы суетитесь? По всему миру происходит миграция ученых, это нормальный процесс!

Я не возражаю. Пусть уезжают, раз это нормально. Мы живем вроде бы в свободной стране. Тогда, говорю я, дайте нам те десять миллионов, которые вы собираетесь отдать за рубеж! Мы сделаем вакцину лучше и дешевле! Ведь те люди, которым вы платите за границей, опираются на труд моих же учеников!

Спорить с ними бесполезно. Они нанимают инофирмы для ремонта Кремля. Турки строят нам дома, итальянцы копают метро, а украинцы мостят дороги. Немцы снабжают нас материалом для зубных коронок, а финны продают нам

бумагу. Это называется вход в рынок, это называется интеграция. Я спрашиваю, почему мы финансировали сто миллионов доз, завезенных из-за океана, а не построили на эти деньги новейший центр по борьбе с вирусом? Те люди, что доят страну десятилетиями, опять распорядились иначе. Им, как всегда, было наплевать, что несчастная дойная корова уже еле стоит на ногах. Им нужна международная суета, «круглые столы» и вечный «откат» в их безразмерные карманы. На эти деньги мы могли бы испытать десятки вариантов вакцины.

Возможно, я неправ, и в стране уже не осталось умов, способных одолеть проблему. Сейчас, когда подо мной трясется пол, а по улицам грохочут танки, поздно рассуждать. Но еще пять лет назад можно было спасти положение, и я об этом кричал на всех углах. Не я один, нас были сотни, и не только в России. Но кто услышит сотню старых дураков, когда страну ждет великое будущее? Ее всегда ждет великое будущее, потому что у нее великое прошлое. Жаль, что настоящее подкачало. Сегодня гремят фанфары, потому что дядя Сэм снимает торговые ограничения, великая страна входит в еврозону, получает кучу привилегий, которые никто из нас не заметит! А от России всего лишь требуется не упрямиться и подписать несколько долговременных пакетов!

Мы покупаем у них ферментированную курятину и униженно просим приобрести у нас немножко стали. Мы радуемся, что их «Шаттл» застрял на орбите Марса, поскольку это даст нам парочку мелких заказов на производство устаревших носителей. От Карелии до Камчатки мы развлекаем подростков и старух их телешоу, но держим на голодном пайке десятки молодых режиссеров. Они уже воротят нос от нашей нефти, но Министерство здравоохранения — с помпой! Как всенародный праздник! — объявляет о том, что мы должны купить сто миллионов доз. Для начала. А затем еще четыреста миллионов — для проведения полного курса. Потому что в России нет, видите ли, достаточных мощностей для такого производства. Потому что если не купить сегодня, то завтра будет поздно. Гениальная уловка коммивояжеров, в лучших традициях героев О'Генри!

Нас никто не собирался травить. Поверила не только Россия, поверил весь мир. Ведь испытания прошли успешно, это подтвердили ведущие медики. Весь мир увидел больных, вернувшихся к жизни. За три года были получены две Нобелевские в разделе медицины, и все в связи с победой над СПИДом. А какая атака началась на моих коллег, которые рискнули заявить, что имеются собственные разработки, ничем не хуже. Только дайте нам немного денег на оборудование, на клинические исследования, говорили они. Нам достаточно одной десятой, нет, одной двадцатой от тех сумм, что пойдут за океан и на всеобщую вакцинацию...

Их практически заклевали. Что показывали пять лет назад по телевизору, между рекламой музыкального унитаза и предложениями индивидуальных телешоу? Показывали, как счастливая голая парочка выбрасывает в окно презерватив и кидается в постель под недремлющим оком веселой медсестры с инъектором в руке! СПИД побежден, четыре укола, и вечный иммунитет гарантирован. Пять лет им казались вечностью.

Если после пожаров, которые неминуемо начнутся, выстоит библиотека, то попрошу обратить внимание на мои статьи в «Аргументах», «Красном Кре-

сте» и «Ведомостях». Мои статьи легко обнаружить по той реакции, которую они вызвали: «Господин Профессор отказывает в жизни восьми миллионам инфицированных детей!», «Почем гуманизм для избранных, доктор Телешев?»

И так далее, огромный снежный ком, целая лавина. А я всего лишь утверждал, как и многие мои коллеги, что пять лет — совершенно недостаточный срок для того, чтобы осмелиться на поголовную вакцинацию. Лечите больных в последней стадии, но не трогайте детей! Кто нас услышал? Нас заглушил хор несчастных матерей, и они были правы. Тысячи подростков умирали ежедневно, в две тысячи двадцатом году уже никто не мог назвать точного числа инфицированных. В африканских странах вообще прекратили подсчеты... Мало того, мне указали сверху, оттуда, где распределяют наши с вами деньги. Они сказали, что это вообще не моя профильная проблема, и посоветовали дальше замораживать своих лягушек. Иначе, тонко намекнули они, можно ведь повернуть дело и так, что на опыты с анабиозом не хватит средств в бюджете. И я вышел из игры. Те, кому надо, знали, что мы давно ушли от лягушек и получили неплохие результаты на добровольцах. Теперь я уже не боюсь сглазить, потому что для меня все закончено, я могу с гордостью сказать — результаты потрясающие! При этом никому не интересно, что кандидаты наук поочередно моют полы в отделе, потому что за подобную зарплату у нас больше месяца не задерживается ни одна техничка.

Прошло четыре года, и наркоманы вернулись к многоразовым уколам. Грандиозный успех вакцины, ничего не скажешь! От гепатита, правда, она не защищала, как и от венерических инфекций. А еще спустя три месяца начался этот кошмар. Оказалось, что вирус никуда не исчез, а перешел на четыре года в латентную форму и приобрел устрашающие свойства. Теперь новые штаммы не разрушались во вредных для них средах организма, а устойчиво диффундировали в слюнные железы. ВИЧ стал воздушно-капельной инфекцией, и мы никогда не узнаем, какую роль сыграла в этом пресловутая вакцина. Но я уверен, что она спровоцировала коллапс, она подтолкнула вирус к изменениям. Когда опасность заметили и оценили, начался такой хаос, который вам не представить. Инкубационный период сократился до трех месяцев. Прежний вирус был гораздо лояльнее. Думаю, вас окажется слишком мало, чтобы вообразить, как сотни тысяч людей штурмуют больницы в поисках спасения. И такие же толпы пытаются вырваться из города; у кого имеется загородная недвижимость, те надеялись отсидеться. Только отсидеться не получается. В отличие от старого доброго ВИЧ новая зараза чрезвычайно устойчива. Она сохраняется в воздухе и воде неопределенное время. Наверняка существует способ обеззараживания, но некому этим заняться.

Нельзя сказать, что американцы подкачали. Они в ускоренном темпе начали производство новых вариантов вакцины, и на сей раз раздавали ее безвозмездно. Один вариант, другой и третий. Но стоило им блокировать один штамм, как появлялся следующий. Также бесплатно они поставляли миру респираторы и противогазы. Аналогичные акции начались и в других странах. К слову сказать, у нас эти абсолютно бесплатные подарки внезапно обрели стоимость. Небольшую, но все-таки... Люди, которые знают, что нам нужно, ухитрились сделать так, что гуманитарную помощь продают на каждом углу. Они извлекают

деньги даже из нашей смерти. Впрочем, на смерти делать деньги порой легче всего...

Слишком поздно. Я валюсь с ног. Нужно колоться шесть раз в сутки, строго по часам, приходится вставать ночью. Вакцина ненадолго блокирует вирус, но все мы медленно умираем. Кто забыл сделать хотя бы один укол — умирает быстро. Вчера я был наверху, жуткое зрелище. Ваши дети, если они родятся, никогда не узнают, как прекрасен был этот город белыми ночами. Они увидят лишь то, что от него осталось. Красный Крест не успевает собирать трупы. Без противогаза на улицах появляться нельзя, могут забить камнями. Примут за бешеного, из тех, кто хочет утащить за собой в могилу побольше народу. При мне люди дрались у больницы, стенка на стенку, милиция не вмешивается. Последние месяцы милиция занята исключительно защитой себя. Люди превращаются в зверей. Некоторым кажется, что, если попеременно принимать старую и новую вакцину, можно остановить заразу, но старых ампул почти не достать. Аптеки разграблены. На моих глазах убили женщину-фармацевта, которая отказалась пустить грабителей в склад. Я хотел отоварить карточки на хлеб и четыре часа простоял в очереди. Так и не дождался. Еду раздают армейские полевые кухни. После того как ввели комендантский час, на улицах стало спокойнее, но подростки подкарауливают стариков, получивших свою порцию консервов. Все время стреляют. Пьяные офицеры гоняют с девками на джипах, а солдаты стреляли по женщинам. Армию пустили в город, и теперь никто не знает, как городу от нее защититься. Целая толпа женщин отправилась к продовольственным складам. Впереди шли священники с иконами. Прошел слух, что на Бадаевских складах прячут муку. Когда я пришел отоварить свои мучные талоны, трупы кидали в грузовики. Вповалку, как засохшие новогодние елки. Именно тогда, стоя среди розовых от крови сугробов, я понял: это конец.

В город вошла Восьмая бронетанковая дивизия, страшное дело. Им приказано поддерживать порядок. Кто осуществляет власть, не совсем понятно. Губернатора никто давно не видел. Из продовольственных магазинов вынесли все, даже соль, метро не работает. Таксисты не останавливаются, мне с трудом удалось поймать машину. Деньги водителя не интересовали, только еда. Деньги — это такие бумажки, на которые можно было поменять любой товар. Хорошо, что у меня с собой была сушеная рыба, Денисов привез. Денисов снабжает меня водой. Он и Мирзоян нашли источник, там собирается не так много народу по ночам и стоит военный патруль, так что драк почти не случается. В одни руки разрешено наливать двадцать литров, не больше, но и то замечательно. В городе могут появиться серьезные инфекции, в некоторых районах не действует канализация. Денисов говорил с танкистами. Они утверждают, что есть места, где люди ходят без масок и почти нет заразных. Какие-то деревни под Псковом, куда не доехала вакцина. Вполне вероятно, что заразились не все, но проверить это невозможно. Остается уповать на наше бездорожье; глухие деревни выживут, но в кого превратятся их обитатели? Выезд из города закрыт, поезда стоят. Денисов пытался проехать на велосипеде, но везде солдаты с собаками и стреляют в воздух.

Молодежь насильно забирают на уборку трупов. Им выдают скафандры и двойной армейский паек. Бригады вскрывают квартиры, а затем ставят на

дверях кресты, если жильцов не осталось. Денисов говорит, что не мог есть свой паек после кладбища... Это не кладбище, а братская могила. Это конец. Осталось два телевизионных канала, но нам не показывают, что происходит в мире. Ходят слухи, что Останкино под контролем силовиков. Показывают одни старые фильмы и эстраду. Вечный праздник. Они опять решают за нас, что мы хотим смотреть и слушать. Полгода тому назад главный эпидемиолог Москвы предлагала проверить детские учреждения и вывезти всех здоровых детей в лагеря. Вместо этого столичный мэр устроил парад воздушных шаров. Очень красивое зрелище.

Удивительно, но электричества нам пока хватает. Благодаря нашему закрытому статусу институт запитан отдельным защищенным кабелем. Весь квартал вокруг стоит без света, а мы греемся у рефлекторов. Я стараюсь не покидать подвал, все время находится какая-то работа. Мирзоян слышал разговоры военных. Атомную электростанцию решено заглушить, но нас как военный объект это никак не коснется. Энергия будет поступать...

Теперь о главном. Слева по коридору титановая дверь. Это называется «камера анабиоза», но вам название ничего не скажет. В первой капсуле спит человек, наш сотрудник. Артур Коваль. Для того чтобы его оживить, достаточно нажать кнопку или опустить рычаг на пульте. Пройдет три часа, и он проснется. После пробуждения, если все пройдет нормально, надо достать из-под пульта бикс. Там витамины в порошках и инструкция. Человек будет нуждаться в этих порошках. Я хочу сказать... Если Артур выживет, значит, институт работал не зря. Хотя вам этого не понять.

Я виноват перед тобой, Артур. Очень виноват.

Ты ведь помнишь, как мы все были против — и научный совет, и кафедра. Все были против этого безумного плана — загрузиться на двадцать лет. Я пытался тебе помочь, хотя никогда не стал бы так поступать из-за женщины. Ты сделал для нее все, что мог, ты бегал вечерами на вторую работу, ты брал переводы. Еще раз повторюсь — ты ни в чем не виноват, парень. Я не отец тебе, но теперь мне простительно высказаться, потому что все позади, и я помню тебя и твою девочку студентами. В молодости хочется брать от жизни все, я сам был таким. Однако если ты проснешься среди людей, вспомни мои слова. Семья — это гавань, а не океан, хотя в океане, вне сомнения, много интереснее...

На совете возникло множество трудностей. Никто не хотел верить, что человек добровольно согласился уйти в капсулу на двадцать лет. Ты об этом не знаешь, но Ракитский назначал две психиатрические экспертизы под видом штатного обследования. Они пытались найти причину твоего поступка и не находили. До чего мы дошли, раз не верим в то, что кто-то может пожертвовать собой ради других! В этом вся беда. Те, кто решает за нас, не верят в героизм. Они боятся, что мы вдруг можем поверить. Этого они не допустят. Верить, с их точки зрения, можно только в интерес. В «откаты»...

Поэтому, Артур, я и прошу у тебя прощения. Я обманул и тебя, и Толика, и Сашу, и всех остальных ребят. Никто бы никогда не дал разрешения на такой эксперимент. Двадцать лет. Мне пришлось пойти на большие хитрости. Для всех, кроме пятого отдела,

Первая капсула считается аварийной. Мы ежедневно, все эти годы, отслеживали, как у тебя дела. Мы не прикасаемся к твоему столу и шкафчику с одеждой. Но я виноват перед тобой дважды. А может быть, ты еще скажешь мне спасибо, если проснешься. Потому что неделю назад я перепрограммировал капсулу. После того как умерла Лена Красовецкая. После того как стало ясно, что она заразилась и наградила нас всех. Кроме меня, знает Толик Денисов. Теперь он совсем не тот Толик, с которым ты учился на одном курсе. Возможно, ты не узнал бы в лысом толстяке, отце двоих детей, своего закадычного дружка. Прошло девятнадцать лет. Денисов давно ушел от нас преподавать, но в этом месяце он вернулся. Ему просто некуда стало идти. Толик похоронил всех домашних, похоронил всех друзей на кафедре в Университете. Он пришел ко мне с собачкой на руках. После нас останутся собаки и кошки...

Денисов очень помог. Честно говоря, была у меня мыслишка и самому замерзнуть лет на двадцать. Чего скрывать, надежда-то всегда остается. А вдруг спустя двадцать лет наши друзья за океаном нащупают ту самую спасительную вакцину? Нет, конечно, нет. Некому искать лекарство, за океаном тоже все кончено. И сердце не выдержит погружения. Денисов запустил ветряки. Толик провел колоссальную работу, хотя ноги его держали все хуже. Последний день Толик кололся восемь раз за сутки... Я перепрограммировал капсулу на двести лет сохранения. Когда упадет напряжение в городской сети, включатся наши дизеля. Затем питание камеры будет осуществляться от ветряков. Если и они сдохнут, заряда батарей хватит на расконсервацию... Артур, все данные говорят о том, что организм сохранится и сто, и двести лет в капсуле.

Конечно, лучше бы ты «залег в берлогу» на десять лет позже, потому что в Штатах появились новые криопротекторы, дающие гарантию стопроцентной однородности при охлаждении. Четвертая серия, что заменила твою кровь, безнадежно устарела. Но ткани растрескаться не должны, и давление капсула держит превосходно. Относительно мозга ничего определенного сказать не могу, огромный срок. Прежние трудности с памятью наверняка будут иметь место. В любом случае, при повышении температуры на полградуса схема циркуляции реагента сама начнет вырабатывать энергию. Эту гениальную разработку, новый тип аккумулятора, Денисов принес из военного института, где преподавал. Вроде бы мы предусмотрели все. Но не только это.

Артур, я послал Мирзояна в Москву. Через друзей в комендатуре он выбил себе пропуск. Тех, кто не является носителем, военные берут к себе в самолет. Нам понадобились все связи, чтобы отправить Алика. Две недели назад я говорил по спецсвязи с Ракитским, сотовые операторы давно отключились. У них, в НИИ холода, лежали на тот момент в капсулах пятеро. Две супружеские пары, по семь лет каждая, и еще один мужик, ты его должен помнить аспирантом — Антонов. Он испытывает новую, «сухую», капсулу. Сухую капсулу предложили швейцарцы, уже после тебя. Якобы есть любопытные данные для онкологов. Теперь уже неважно. Важно другое.

Пришлось сказать Ракитскому о тебе, он выслушал почти спокойно. Мне кажется, я убедил его не будить этих пятерых. Кроме того, я просил его найти Патрика, созвониться с Берном. Мирзоян получил от нас с Денисовым все инст-

рукции по сборке батарей и комплектующие. Беда в том, что связь пропала окончательно. Я не знаю, успел ли Алик перепрограммировать капсулы.

Наверное, я не имел права так поступать с тобой. Возможно, ты проснешься последним человеком, не затронутым вирусом. Но если спустя двести лет чудо произойдет, на всякий случай не забывай о пятерых в столице. И еще. Если ты встретишь женщину, которая будет ждать тебя дома и не будет ждать, когда ты отвезешь ее на курорт, вспомни мои слова.

Дамы и господа! Тем, кто найдет эти записки. Если человек в первой капсуле погиб, запишите координаты в Москве, Берне, Ганновере и Париже. Там находятся аналогичные лаборатории, но самая передовая база — в американском Институте крионики...

16
КАК ТРУДНО СТАТЬ ЧЕКИСТОМ

Ниже твердым почерком Телешева были указаны адреса и нарисованы подробные схемы проезда. Дальше текст повторялся на английском и немецком языках. С обратной стороны журнала страниц сорок занимали распечатки с результатами опытов, которые Коваль прочел раньше. Сухие цифры и графики, для непосвященного бы показавшиеся полной абракадаброй. Коваль вырвал листок с адресами. Он и сам не знал, почему не показал журнал папе Рубенсу. Что-то его остановило.

Пять человек. Две супружеские пары, что вполне естественно, и какой-то Антонов, которого он должен знать. Наверное, такой же неудачник. Или, напротив, счастливчик. Улегся и проспал всю гражданскую войну... Шанс, что они живы, ничтожен. Тем не менее он обязан без помощи всяких там пап и мам добраться до НИИ. Чтобы у Рубенса не возникло ненароком мыслишки, будто все пятеро станут его пожизненными вассалами. Если они не погибли раньше, сказал себе Артур, я сам их вытащу. Московский институт я помню. «А что ты будешь делать, если они разморозились? — спросил его ехидный голосок.— Оседлаешь коня и поскачешь в Швейцарию или в Германию? В самолет тебя никто не посадит, это точно. Или вырежешь из бревна весла и поплывешь через океан? Там не пять, в Америке все пятнадцать капсул...»

Он сидел, кутаясь в тулупчик, и воспаленными от дыма глазами следил за проплывающей цепочкой костров. Караван шел не останавливаясь и не сбиваясь с ритма. За последним фургоном, привязанные за шеи цепями, шипели и плевались в пыли два крылатых змея. Рептилии ни черта не видели в темноте, спотыкались, но неумолимые цепи волокли их за караваном. Изредка кто-нибудь из крылатых пытался плюнуть огнем, но на бегу это плохо получалось. Сидящий на платформе грузовика охранник по приказу Коваля хлестал змея бичом, приучая к хорошим манерам. Не дожидаясь удара, твари принимались верещать, припадали на лапы, как побитые собаки. Солдаты хохотали. Именно

этого Коваль и добивался — чтобы люди перестали бояться. За спиной костры разгорались, превращаясь потихоньку в неровную алую просеку. Даляр покуривал рядом, баюкая на плече автомат. Когда мы пойдем назад, подумал Коваль, ни одна сволочь не подберется к нам незаметно. Я превращу эти заросли в степь. Я буду их жечь до тех пор, пока на километр от дороги не останется ни единой травинки.

И мы дойдем до Москвы. Если дружки Качальщика попробуют нас остановить, я прикажу казнить его и повешу вверх ногами на стреле крана. А в Москве я найду Институт холода.

Это эгоизм, но человеку очень плохо, когда он один.

Коваль не мог отделаться от мысли о капсулах в столичном институте. А еще он вспоминал эту девчушку, Надю Ван Гог. Интересно, какая на самом деле у нее должна была быть фамилия? Она и вправду похожа на Наталью. Она такая, какой Наташка была в ее возрасте, лет в семнадцать. И взгляд, и жесты удивительно, до боли, напоминают обо всем. Пользуясь нынешним статусом, Артур имел право навестить мамочек,— двойная золоченая повязка открывала ему беспрепятственный доступ в купе. С ней, черт возьми, стоило поговорить, чтобы стряхнуть наваждение! Почти наверняка она окажется недалекой, зацикленной на своей исключительности дурехой. Скорее всего, не умеет читать и писать и никогда не высовывала носа за пределы центра города.

Какой интерес может вызывать девица, не способная внятно связать пару фраз? Достаточно этой самой пары фраз, чтобы посмеяться над собой и над ехидными пророчествами колдуна! Так Артур твердил себе и с раздражением убеждался, что наваждение не проходит...

Общим решением девушек перевели в дилижанс к Арине и выделили одну из четырех клетей. Здесь им было не так удобно, но гораздо спокойнее под неусыпным вниманием четверых подчиненных Коваля. Несколько раз за вечер он порывался туда отправиться осведомиться о ее здоровье. И всякий раз придумывал повод, чтобы не идти. Потому что в пятом фургоне, в железном сварном баке, куда в Москве засыплют порох, трясся седой человек в ватнике на голое тело.

Арина сказала, что Качальщика ни в коем случае нельзя подпускать к земле и даже везти его в деревянной клетке. Вокруг него должен быть металл, чтобы колдун не набрался от природных материалов новой страшной силы. Когда Коваль вел связанного врага мимо фургонов, люди расступались в стороны и отворачивали лица. Качальщик улыбался и не делал малейшей попытки сбежать.

Теперь Коваль был вынужден сам носить злодею воду, потому что от еды старик отказался. И снова он лишь молча улыбался своему тюремщику из мрака железной темницы. Только один раз, когда Коваль предложил ему выйти и размять ноги среди тюков с товарами, Качальщик тихо спросил:

— Ты не забыл мои слова, демон? Мы оба хотим одного и того же. Мы оба хотим, чтобы девчонка родила тебе детишек. Ты ведь думаешь о ней, я слышу...

Когда Коваль с грохотом захлопнул тяжелую крышку люка, пальцы его дрожали. Двое солдат, стоявших возле походного «карцера» с ружьями наизготовку, отшатнулись, увидев его лицо. Коваль в последнее время чувствовал, что рядовые бойцы и в нем самом подозревают какое-то мистическое начало.

Он трижды проверил вооружение броневика, познакомился с подчиненными. Затем обстоятельно выяснил у Серго свой круг обязанностей. Второй раз в жизни сел на лошадь и, нервничая под взглядами ковбоев, объехал караван. Слава богу, удержался в седле. Затем он проверял караулы и полевую кухню. Как он уже догадался, старшина личной охраны совмещал должности начальника штаба, фискального органа и исполнителя наказаний. Последнее было малоприятно, но крайне почетно. Он становился глазами и ушами Арины. Артур дал себе слово, что не станет ни на кого «стучать», его ведь могли нарочно спровоцировать, чтобы проверить лояльность. Положение главы тайной полиции во все века было крайне двусмысленным. Либо ты подозреваешь всех, либо поплатишься за доверчивость. Самым неприятным оказался момент, когда Абашидзе познакомил его со «штатными осведомителями». Круг замыкается, тоскливо размышлял Артур, выслушивая данные о череде мелких правонарушений. Легкие наркотики, поножовщина, азартные игры... Этого лишить дневного жалованья, того отправить в наряд по кухне, а задремавшего на посту вообще полагалось гнать из коммуны. Или повесить. Вот тебе и возврат к честной артели! Впрочем, кто он такой, чтобы воспитывать людей?

Старшине выдали обмундирование: пару кожаных сапог и шерстяные носки. Ему полагался теперь лишний кусок вяленого мяса и сколько-то овощей, но Коваль отдавал льготное питание в общий котел. Гораздо более приятными подарками стали автомат и метательные клинки, оставшиеся от Матроса. По возвращении старшина должен был получить четыре доли золотом от жалованья рядового бойца.

Словом, Коваль провел день и ночь в бесконечных хлопотах, не позволяя себе думать о девушке в купе. И чем чаще он приказывал себе о ней не вспоминать, тем отчетливее убеждался, что попал под действие известного синдрома «белой обезьяны» Ходжи Насреддина. Он чувствовал, что стоит дать слабину, и Качальщик возьмет над ним верх. Неизвестно как, но подчинит себе. Проезжая мимо порохового погреба, Коваль невольно втягивал голову в плечи. Пленный враг улыбался ему оттуда сквозь тройную стену из дерева и металла. Руки Артура саднили от ожогов, и мази Маршала помогали мало. Он догадывался, что старый лис с косичками мог бы вылечить его гораздо быстрее, но обращаться к демону ни капельки не хотелось.

Возможно, Качальщик врал насчет Москвы. Даже наверняка врал, чтобы запутать и запугать, чтобы Артур почувствовал себя совсем одиноко. Какие-то телепатические способности у мерзавца явно имелись. Артур никому не рассказывал об их последнем коротком разговоре. Еще когда он вел связанного демона к фургону, а люди расступались в стороны и отворачивали лица, тот внезапно осклабился и тихонько сказал:

— Три цены...

— Что «три цены»? — не понял Коваль. Он был взвинчен до предела; похоже, солдаты и ему начинали приписывать магические способности. Только этого не хватало, испугался Артур, подобные страхи закончились в свое время кострами инквизиции...

— Ты думаешь о том, как выкупить девчонку, демон! — практически не разжимая губ, нашептывал Качальщик.— Тебе и за двадцать лет не скопить

столько золота. Мои братья дадут за каждую из них три цены. Слышишь, три цены! А сероглазая будет твоя, я тебе обещаю. Она будет твоя... Ты только отдашь нам первых троих детей, больше мне ничего не нужно.

— Заткнись! — Коваль еле сдерживался, чтобы не ударить полуголого старика.— Торговаться будешь не со мной!

— Только с тобой, Проснувшийся, только с тобой. Вам не пройти дальше Вечного пожарища, спроси об этом сына Красной луны. Мальчишка знает... — От смеха Качальщика в животе у Артура началось брожение.— Мне нечего обсуждать с насекомыми. Они вымрут, как вымерли остальные. Пусть несут дальше свою вонючую рыбу и меняют ее на зерно. Если ты пойдешь со мной, караван останется цел, я обещаю...

У Артура тряслись поджилки, когда он захлопнул за колдуном тяжелую крышку «карцера». Возможно, ублюдок врал насчет московской лаборатории, на которую надеялся Телешев.

Но Надя Ван Гог была чертовски похожа на Наталью.

И старшину Кузнеца чертовски тянуло ее увидеть.

И все это происходило жутко не вовремя.

17
ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ

С первыми лучами солнца над башней броневика Коваля четырежды ударил колокол. Новоиспеченный старшина едва ухитрился заснуть под самое утро на постоянно скачущей жесткой койке. До этого он часа полтора лежал на спине, уставясь в темноту, и решал для себя банальнейшую дилемму. Или колдун берет «на понт», или каравану действительно грозит серьезная опасность. Перебрав все варианты, ночью Коваль пошел советоваться с Христофором. Арина спала, укутанная, как бабочка перед появлением на свет, и Маршал к ней никого не подпускал.

Христофор не удивился, он словно ждал заранее, когда его разбудят. В обычной своей иносказательной манере мальчик подтвердил, что за пожарищем большая опасность. А может, и не опасность. Качальщика следовало убить, но нельзя этого делать. Иначе будет плохо, но хорошо. Последняя мысль потрясала своей глубиной. Трактуй, как душе угодно!

А потом прискакал Серго, весь черный от копоти, потрепал обескураженного старшину по плечу и сказал, что нет ничего необычного. Мамочек постоянно пытаются перекупить в пути, и Качальщики в том числе. Только они никогда не действуют сами, это первый случай. Ни одна питерская коммуна, если ее руководство в здравом уме, не отдаст своих женщин в лес, даже за большие деньги. Кто из москвичей с ними будет после этого торговать?

Коваль так и не понял, как ему поступить. Лично его никто не обвинял в сочувствии к лесному колдуну; в конце концов, тот спас от смерти самое цен-

ное — не рожавшую маму. Но музейщики, похоже, не верили, что поимка Качальщика сойдет с рук. Чарли — тот вообще с Артуром почти не разговаривал, вроде как сторонился.

Колокол вторично отбил четыре удара. Коваль высунулся из люка, протирая глаза, и увидел Вечное пожарище. Открывшаяся картина настолько не походила ни на один земной пейзаж, что старшине расхотелось завтракать. Нечто, вызывающее сердцебиение и одновременно завораживающее, отголосок кибернетических фантазий и череда биологических ошибок... Никакого пожара тут не было и в помине. Угрюмая равнина пепельного цвета поросла папоротником, но не целиком, а неровными участками, словно ровесники мамонтов отваливались с поверхности почвы. Проплешины покрывал колючий серебристый мох, издалека похожий на ковер из кривых гвоздей. Изредка встречались бугры из тесно сплетенных между собой уродливых стеблей, покрытых бледным желтоватым налетом. Артур настроил бинокль. Возможно, посреди стелющегося пятнистого покрывала, которое он вначале принял за папоротник, росли совсем новые виды деревьев. Но, присмотревшись, он узнал в скрюченных, лишенных коры стволах... березы. Во всяком случае, ни на что другое эти грибообразные создания не походили. Он долго, пока на сетчатке не начали плясать мушки, вглядывался в горизонт. Над чуждым, лишенным хлорофилла ландшафтом не вспорхнула ни одна птица. Кое-где серую равнину пронизывали узкие лощинки, похожие на звериные тропки, но ни один листик не шевелился. Тот, кто протоптал ходы, не стремился к знакомству...

На память пришли рассказы библиотекаря. Мертвые леса на юге Питера, дожди, после которых с елей опадали иголки, отработавшая в закрытых технологических циклах вода, просочившаяся в почву и реки... Коваль попытался представить местность с высоты птичьего полета.

Вечное пожарище напоминало гигантский язык, протянувшийся через Новгород, через Ильмень-озеро и дальше на восток, туда, где должен был находиться городок Барановичи. Длину «языка» оценить было невозможно, а в ширину он превышал сорок километров. Караван подошел к границе «мертвой зоны» в темноте, и Серго впервые нарушил план, предложенный Артуром. Через пожарища ночью не ходили. Никто не мог припомнить, чтобы днем здесь случалась какая-либо неприятность, никогда не нападали звери или дикари. Но бывалые путешественники передавали из уст в уста веселенькую легенду. Даляр поведал эту историю без намека на улыбку; Ковалю не хотелось верить, но в этом мире редко шутили.

На другом Вечном пожарище, что пересекало мурманскую трассу, несколько лет назад потерялся конный отряд, человек в тридцать. Дикарей в тех краях практически нет, слишком холодно зимой, и движение слабое. Люди очень торопились; по слухам, они везли в Питер что-то скоропортящееся и решили не устраивать ночлега на границе «живой» травы. Через четыре дня их вышел искать другой отряд. Нашли нетронутые грузовики. Рыба, естественно, испортилась, лед растаял, но половина протухшего груза оказалась раскиданной на дороге, словно его растаскивали вручную. Затем поймали двух лошадей под седлом, точнее, животные сами вышли к людям. Потом нашли еще одну лошадь. Она стояла в стороне, метрах в десяти от дороги, понурившись, будто

спала. Отыскались смельчаки, решившиеся подобраться поближе. Когда к лошади подошли вплотную, оказалось, что она не дышит и словно одеревенела. И внутри, под кожей, она была пустая, как барабан. Не падала она только потому, что ноги ее сантиметров на десять ушли в синий мох. Синий мох не просто поглотил ее ноги, он забрался лошади в уши, облепил снизу живот и даже торчал из ноздрей.

— Синий мох? — переспросил Артур и облизнул пересохшие губы.

— Синий,— спокойно подтвердил Даляр.— Там синий мох и желтые сосны. На соснах видели летунов, но не таких, как в Питере. Крупнее.

— Так это летуны? — Артур припомнил флегматичного вампира на глобусе.

— Нет. Летуны пьют кровь, но не могут высосать коня изнутри. И упыри не съели бы сорок человек,— подчеркнул сержант.— Но через пожарища ночами больше не ходят. Днем безопасно, главное — не покидать дорогу.

Лошади шагали через мертвую равнину больше семи часов. Здесь примолкли даже собаки ковбоев, над потными конями не кружили слепни, затих стрекот кузнечиков. Даже солнце светило тусклее обычного, словно задыхаясь в колышущемся жарком мареве. Волчий вой, преследовавший караван всю предыдущую ночь, остался далеко позади.

Вероятно, Сосновоборская АЭС, размышлял Коваль, вращаясь вместе с биноклем. Нет, далековато. А может, совсем другая станция, о которой он ничего не знает, также брошенная служащими. Сколько лет прошло, с тех пор как радиоактивная туча пронеслась над этим местом, и какую дозу тут можно подхватить сегодня? По идее, все давно должно улечься, но почему не видно даже насекомых? Случилась протечка в хранилище отработанной воды, или рвануло, как в Чернобыле? Неизвестно, никто уже не вспомнит.

— Старшина! — С броневиком поравнялся один из всадников «зажигательного» отряда.— Здесь ничего не горит, слишком сыро. И кони не сойдут с дороги...

Артур вглядывался в порождения мирного атома и убеждал себя, что ошибается. Возможно, с радиацией тут все в порядке, но каких масштабов тогда достигало химическое заражение? Да и какой химией без авиации можно превратить такой кусок земли в пепелище? Наверное, сюда долетали семена и споры нормальных растений и пытались укорениться в почве. То, что прижилось, хотелось обойти стороной и ни в коем случае к нему не прикасаться. Торчащие из рыхлой земли скрюченные корни, усаженные блестящими образованиями вроде гриба чаги. Только чага не колышется от ветра, будто студень... А вот здесь наверняка стояла деревня; сохранились фундаменты домов, покрытые тем же сероватым, крапчатым налетом, как и ветки прорастающих сквозь камни кустов. Между фундаментами, там, где когда-то хозяйки копались в огородах, тянулись к небу полуметровой высоты поганки. Или не поганки, а, скорее, моховики с волосатыми шляпками. Только в каком учебнике описаны моховики, у которых ножки, как у банановых пальм? Коваль отвел глаза и стал смотреть на дорогу. Покрытие здесь сохранилось даже лучше, видимо, трава погибла когда-то прямо под асфальтом. Кони стражников без приказа рысили теперь впереди броневика; животные не желали делать и шагу в сторону. Солнце вставало, разгоняя на своем пути густую пелену тумана, но в

звенящем безмолвии слышался лишь рокот «Кировца» и дребезжание десятков колес. Ни один жучок, пчела или стрекоза не проснулись в отравленных папоротниках.

Однажды Артуру почудилось какое-то движение в группе искореженных березок на пригорке, метрах в пятидесяти от шоссе. Он резко повернулся и успел уловить, как что-то черное спряталось под пологом стелющейся пятнистой листвы. В кого могло превратиться животное, обитающее здесь? Старшина вспомнил слова Качальщика: «Мой дед родился, когда земля на пожарище еще светилась...» Возможно, дьявол с косичками имел в виду совсем другое пожарище. Никто ведь не считал, сколько таких же чумных языков лизнули Россию, сколько вредных производств рухнуло, источая вокруг себя смерть.

Колонна миновала длинный, держащийся на честном слове мост. Из мелкой ленивой речки торчали обломки какой-то конструкции, возможно, затонувшей пристани. А на горизонте, к великому облегчению Коваля, непроходимыми дебрями поднимался самый обыкновенный лес.

И на опушке горели костры.

18
ЗАСТАВА ШЕПТУНОВ

Передний дозорный поднял руку с желтым платком; насторожившиеся пулеметчики облегченно вздохнули. Навстречу шел другой караван. Там, где Вечное пожарище заканчивалось, на вытоптанном поле среди самой обыкновенной травы музейщиков поджидали пятнадцать фургонов. Это шли навстречу ребята из Петрозаводска. Рокотов обнялся с их главным коммивояжером, сторговал в аренду десяток свежих тяжеловозов. Толпа людей собралась вокруг привязанных драконов.

Новости разносились быстро и столь же быстро обрастали сказочными подробностями. Не прошло и десяти минут, как солдаты и торговцы стали подходить к броневику Арины, как на экскурсию, чтобы посмотреть на Артура Кузнеца. Но после того как обнаружилось, что в пороховом танке содержится живой Качальщик, старший встречного каравана немедленно протрубил подъем. Несмотря на то что у многих нашлись старые знакомые и все были рады встрече посреди безлюдного тракта, у Артура возникло противное ощущение. Присутствие Качальщика словно сделало людей Эрмитажа изгоями, возле них теперь боялись надолго оставаться. Коваль в который раз спрашивал себя: как поступить, если стражники взбунтуются и потребуют казни демона? Кроме Христофора, похоже, один Серго понимал важность живого пленника; рядовые солдаты, да и члены торговой миссии, помощники Рокотова, носили всевозможные амулеты, обереги и искали способ, как уклониться от вахты при «карцере».

У северян имелся свой «оракул», девчонка лет семнадцати, она полагала, что на два дня пути все чисто. Христофор на это лишь покачал головой и остал-

ся при своем мнении. Арина в дебаты не влезала, весь день у нее был сильный жар.

Когда последние повозки северян растаяли в дрожащем воздухе пожарища, Коваль попытался прислушаться к собственной интуиции. Ничего хорошего интуиция не говорила. То, что представлялось мирной пасторалью для парней с Онеги, вполне могло выйти боком для музейщиков. Когда светило начало клониться к закату, колонна преодолела еще одну речку, и сразу за мостом дозорный выкинул красный флаг. Команда «поджигателей» уже успела сделать свою работу, поэтому в клубах расползающегося дыма Артур не сразу заметил препятствие. Что-то там стояло, впереди на горке. Что-то блестящее.

— Шептуны,— сказал Христофор и положил в рот вареную картофелину.

— Много их?

Мальчик поднял котенка и потерся носом о пушистую мордочку. Иногда Коваль спрашивал себя, на кой черт они катают с собой этого прохвоста.

Серго трижды прозвонил в колокол, давая сигнал к обороне. На сей раз вокруг дороги расстилалась ровная поляна, и возницы начали немедленное перестроение в боевой порядок. Но закончить не успели. Пока команда Артура задраивала щели и занимала места в оружейных башнях, совсем близко раздался такой забытый и такой сладкий для ушей Артура шум — неторопливое тарахтение четырехтактного мотоциклетного движка. На пару секунд Коваль словно растворился в этом рокоте. Это звучало...

Это звучало, словно отголосок колыбельной, и в то же время словно по горлу провести холодным лезвием. Этот низкий рокот возвращал его в упоительные мгновения детства и поднимал со дна души то, о чем он мечтал никогда не вспоминать. Это было то, что убило Наташку...

Артур загнал в двустволку патроны и выпрыгнул наружу. Между всадниками охраны, нарочито не замечая нацеленных стволов, в седле роскошного «харлея» развалились двое шептунов. Для своих более чем преклонных лет мотоцикл выглядел совсем неплохо. Очевидно, дикари недавно распотрошили забытый склад автоконцерна. Кроме того, у них в шайке имелся одаренный механик, виртуоз своего дела. Коваль сразу отметил «неродные», неестественно огромные амортизаторы, крепящиеся на приваренных профилях, и широченные шипованные колеса. На передней вилке вместо фары крепился пулемет со спиленным стволом.

Шептун заглушил мотор. Стало совсем тихо. Оба байкера выглядели под стать транспортному средству; скорее всего, экипировку они подобрали там же, где мотоцикл. И оба, судя по расширенным зрачкам, как следует накачались «дурью». Водитель, скуластый, похожий на башкира, сложил руки в обрезанных перчатках на руле. Сложной огранки камни переливались на его татуированных фалангах. Пассажир, смуглый, бородатый, лицо в мелких точках окалины, откинулся на спинку сиденья. Заходящее солнце отражалось в десятках заклепок на его куртке, под коленями раздувались объемистые кожаные сумки с вышитыми орлами...

— Я слушаю,— ровно сказал Серго.

Башкир облизнул губы. Артур кинул быстрый взгляд на дорогу. В сотне метров тарахтел еще один «харлей».

— Торжок,— сиплым голосом сифилитика, никаким не шепотом произнес бородатый.— Дорожная застава.

— Это хорошо,— согласился Абашидзе.— Хорошо, если в Торжке появилась новая коммуна. Я верно тебя понял, шептун?

Башкир осклабился, обнажив черные огрызки зубов. Похоже, ему доставляло удовольствие видеть десяток направленных на него ружей. Его сосед пошевелил ногой в клепаном «казаке», медленно выпустил изо рта сгусток коричневой слюны и медленно сплюнул.

— Ты врубился, городской. Забашляй, и получишь полста бычков до Твери. Прокатишься, муха не насрет.

— Звучит соблазнительно,— мягко кивнул Серго.— С охраной спокойнее. Но мы только что встретили колонну из Петрозаводска. Впереди нет ни желтых, ни чингисов. Или для нас особые правила?

— Не кроши сухарь, городской! — Шептун запалил папиросу.— У тебя четыре мамки. Толкнешь одну нам и вали.

— Ты же вроде говорил о налоге? — удивился Серго.— За женщин уже уплачено. Ты прекрасно знаешь, шептун, так дела не делаются. Застолбите место, откройте коммуну или хотя бы общину. Вступите в пакт вольных поселений. После этого торгуйте. Мы не можем продавать женщин в никуда.

— Три цены.— Бородатый опять сплюнул. От его папиросы воняло совсем не табаком.— Налог — херня. Насыплешь хавки для кобыл.

К Абашидзе бесшумно подошел сержант, пошептал что-то на ухо, затем переместился к Артуру:

— Они обходят нас по лесу, двумя колоннами, старшина. Два огнемета, человек сорок лучников, десятка два с огнестрельным.

Серго по-прежнему вел себя крайне миролюбиво, словно и не получал предупреждения.

— Ты не хочешь торговать честно, шептун? Люди — не кобылы. Я вижу, что говорю с дикарем. Мы не продаем своих людей дикарям.

Башкир не перестал улыбаться, но теперь его улыбка выглядела так, будто в рот сунули распорку.

— Кого ты назвал дикарем, подвальная крыса? — Руки бородатого медленно потянулись к седельным карманам. Но он тут же спохватился и толкнул напарника в бок.

Двигатель «харлея» взревел, из-под заднего колеса полетели камни.

Серго отвернулся, что-то скомандовал подчиненным.

Мгновение спустя бородач перекинул ногу, развернулся задом наперед. Из выхлопных труб ударили жирные струи дыма.

Лошадь ближайшего всадника в испуге поднялась на дыбы. В дилижансе колокол сыграл тревогу.

Мотоцикл проехал уже метров пять, набирая скорость. Второй «харлей», на пригорке, тоже завел мотор. Музейщики, не обращая внимания на байкеров, разбегались по фургонам. Хлопнули бичи, повозки пришли в движение, готовясь замкнуть круг.

— Старшина!

Артур обернулся. Сержант махал ему, собираясь задвинуть бронированный люк.

Абашидзе вприпрыжку бежал к пушке, на ходу выкрикивая команды. Возницы выпрягали лошадей.

Хохочущий байкер на заднем сиденье «харлея» поднимал обе руки с обрезами.

Коваль вскинул двустволку, удивляясь, как медленно все происходит, и спустил курки. Он никогда в жизни не стрелял из охотничьего оружия и не додумался даже упереть приклад в плечо.

Ружье ударило его в грудь с такой силой, что старшина запнулся и при всем честном народе шлепнулся в грязь. Цель удалилась уже метров на двадцать, но дробь шептунов догнала. Бородатый дикарь принял в грудь содержимое обоих патронов, однако и башкиру хватило гвоздей. «Харлей» вылетел с дороги, словно крыльями, взмахнув кожаной бахромой на изогнутом руле. Смуглолицый тоже успел выстрелить, но запоздал самую малость. Пуля просвистела в сантиметре над головой начальника стражи.

— Я попал! — засмеялся Коваль.— Мать твою, я попал!

Все лица повернулись к нему. Серго почесал в затылке и показал Артуру большой палец. Мотоцикл, как огромный блестящий жук, крутился на боку. Вылетая из седла, дикарь выкрутил газ до предела. И сразу же, точно выстрелы Коваля послужили сигналом, по стенам фургонов заколотили пули. Артур еле успел вкатиться под спасительную защиту брони. Ружье осталось на улице. Внутри пулеметчики лязгали лентами, вопил котенок, верещали в своей комнатке мамочки, поэтому старшина не сразу расслышал слабый голосок Арины:

— Береги мам, Кузнец...

— Постараюсь! — бодро откликнулся он.— Эй, левый борт! Стрелять только одиночными! Ваш сектор от края дороги до столба. Задняя башня от поваленного столба до малинника. И только по моей команде! Не выдавать себя!

— Понял, старшина!

Справа, за пригорком, из бурьяна торчали остатки стен какого-то длинного одноэтажного строения, и первые шептуны появились именно оттуда. Ковалю хватило секунды, чтобы ощутить разницу с предыдущим противником. Эти парни вообще не стремились атаковать. Они не высовывались из укрытия.

— Они ждут... — пробормотала девушка.— И это плохо...

— Плохо! — согласился жующий Христофор.— Понятно и непонятно.

— Что тебе понятно, мать твою?! — в сердцах выругался Артур.— Ты можешь хоть на минуту прекратить жрать и сказать что-нибудь вразумительное?

Мальчишка засмеялся. Вместо него ответила Рубенс:

— Они окружили нас... чтобы задержать... Они ждут... Я слышу.

В тишине зазвенел телефон. Коваль схватил трубку.

— Старшина? Это я, Серго. Посмотри вперед, на дорогу.

Артур пересек коридор. У соседней смотровой щели тяжело дышали бойцы. Каждый из этих «элитных» охранников стоил в бою как минимум пятерки дикарей. А может, и целого десятка. Они метали ножи с обеих рук в кувырке и попадали с десяти шагов в цель. Каждый из них с кинжалом мог выйти против своры булей, что являлось высшим экзаменом. О такой «спецподготовке»

Коваль мог лишь мечтать. Но сейчас оба дрожали, как побитые дворняги, учуявшие волчью стаю. Артур прищурился, ломая голову, что могло так напугать его отважных подчиненных.

По центру дороги, не скрываясь, неторопливым шагом приближались три фигуры в белом. Слева шел мужчина, он держал на согнутом локте берестяное лукошко и угощал своих спутниц. Обе женщины были немолоды, с длинными седыми гривами, схваченными повязками, как конские хвосты. Поравнявшись с рокочущим мотоциклом, который так и вспахивал задним колесом воздух, крайняя женщина сделала брезгливый жест рукой, словно отгоняя от себя надоевшего комара. В мгновение ока вокруг погибших байкеров возникла ревущая стена огня. Соседи Коваля отпрянули от щелей, сам он не мог оторвать взгляда. Еще секунда. Женщины подставили ладони, мужчина насыпал им ягод из лукошка. Пламя улеглось, словно ничего и не было, а на обочине образовалась неровная блестящая клякса, точно поверхность застывающей лавы.

— Плевок Сатаны! — выдохнул пулеметчик.— Храни нас святая Ксения!

И словно в ответ на его мольбу в железном ящике захохотал пленный Качальщик.

19
ПЧЕЛИНЫЙ ЭСКОРТ

Переговоры шли недолго, минуты две. Дабы ни у кого не осталось сомнений, одна из женщин легким взмахом руки убила четверку коней, жевавших сено. При этом она их даже не могла увидеть, все животные находились внутри сплошного кольца повозок. Затем Качальщица вызвала начальника стражи. Абашидзе шел к ней через пустой круг, образованный повозками, и, казалось, стал меньше ростом. Он даже не сделал попытки выстрелить или достать саблю. Стоял понурившись и слушал. Зато, пока Серго слушал, из кустов попытались выстрелить в него. Наверное, кто-то из шептунов надумал отомстить за смерть друзей-мотоциклистов.

Раздалась автоматная очередь, но Артур мог поклясться, что мужик с лукошком опередил ее на микроскопическую долю секунды, словно предвидел. Не оборачиваясь, продолжая закидывать в рот спелые ягоды малины, колдун пошевелил пальцами. Вокруг Серго и троицы в белом на краткий миг повисла прозрачная, почти неощутимая завеса и вновь пропала. И в тот же момент сквозь траву, сквозь кусты и обломки коровника пронеслась тугая волна, оставляя после себя гладкий след. Точно гигантская змея проползла, сминая все на своем пути. Никто так и не увидел, что стало со стрелком. Зато минутой позже все увидели войско шептунов, улепетывающее со всех ног к лесу.

Переговоры закончились. Абашидзе повернулся к командирскому броневику. Сквозь бойницы на него смотрели сотни напряженных глаз.

— Кузнец! — еле слышно произнесла Арина. Она вообще ничего не могла видеть, лежала в постели, задрав к низкому потолку заострившиеся скулы.— Кузнец, они хотят тебя.

— Меня?!

— Тебя и наших мам. Они говорят, что предлагали тебе побег вместе с Надей Ван Гог, еду и свой дом в их деревне. Это правда?

— Правда, госпожа...

— Они говорят, что ты отказался. Почему ты мне не сказал?

— Не знаю... — Коваль смутился.— Я боялся, что все начнут подозревать меня... Ну, что я рано или поздно сбегу.

— Не лги мне! — Арина хрипло рассмеялась и тут же закашлялась.— Если бы ты согласился, мы потеряли бы одну маму, а нынче потеряем всех. Самое смешное, что они заплатят. Святая Ксения, мир праху ее! Никогда такого не было, чтобы я не довела караван до Москвы...

В люк постучали. На пороге стоял Серго. На него нельзя было смотреть без жалости.

— Они требуют освободить демона, госпожа.

— Ты начальник стражи,— отмахнулась Арина.

Лекарь суетился возле нее, собираясь менять повязки. Мамочки высыпали из своей каютки в узкий коридор и стояли плотной стайкой, прижавшись друг к другу. Артур поймал взгляд Нади Ван Гог. Наконец-то он смог ее увидеть, и никто не посмеет сказать, что Кузнец подстроил это свидание нарочно. Девушки выглядели даже менее испуганными, чем солдаты. Конечно, подумал Артур, они же привыкли, что их носят на руках. При любом раскладе с мамашами будут обращаться не как с обычными пленными. Им до старости обеспечено содержание, даже у дикарей. Надя, закусив губу, тоже глядела на старшину. На ней было надето простое платье из грубой ткани, но Артур знал, что за каждой мамой числится несколько сундуков с приданым, а в Москве каждую ждет почти полкило золота в виде украшений.

— Они требуют выдать Кузнеца и всех мамаш. Иначе мы не пройдем.

— Твое решение, Серго?

— Я сказал им, что, если нас не пропустят, мы убьем Качальщика. На это они ответили... — Старшина тяжело вздохнул.— Они ответили, что я не могу угрожать смертью, поскольку сам не умирал.

Коваль хмыкнул. Абашидзе покосился на него и продолжал:

— Они сказали: никто не знает, что такое смерть. Может быть, сказали они, быть мертвым гораздо лучше, чем живым. Смешно угрожать добром, сказали они. Мы можем убить Качальщика, дочь Красной луны, пока он замурован в железе, но это нас не спасет. Тогда они возьмут свое силой и не заплатят. Я не могу решать один, дочь луны. Позовем Чарли. Пусть это будет решение Совета.

— У нас есть время на Совет? — Арина подставила левую руку для укола. Маршал перетянул ее плечо веревкой, растер посиневший, истерзанный локоть самогоном.

— Да, госпожа. У нас есть время, пока Те, кто раскачивает, не доели ягоды. Так они сказали.

В броневик ввалился увешанный оружием Рокотов:

— Плохо дело... Над нами пчелы.

— Пчелы? — непонимающе наморщил лоб Серго.— Какие еще пчелы?

— Дикие, мать вашу! Да поглядите сами!

Старшины бросились к двери. Едва взглянув вверх, Артуру захотелось спрятаться, и почему-то мучительно зачесалась шея. Метрах в пяти от земли, прямо над фургонами наливалось и крепло гудящее черное облако. Зрелище было одновременно жутким и завораживающим. Артур почувствовал себя кроликом, попавшим в поле зрения питона. Наверное, примерно то же самое ощутили и остальные бойцы, кто успел заметить новую опасность.

Серго вполголоса выругался по-грузински, Чарли стянул с темечка кольчужный капюшон и вытирал вспотевший лоб. Кто-то молился за плечом Артура, быстро и почти беззвучно. Туча становилась все гуще и насыщеннее, сотни и тысячи насекомых вливались в нее ежеминутно, добавляя свои тонкие голоса в общее яростное рычание.

— Их миллионы! — прошептал Рокотов.— Как такое возможно, сейчас не сезон...

— Здесь им вообще неоткуда взяться! — отозвался Серго.— Вокруг сплошной сырой лес. Демоны привели их за собой. Будь у нас тысяча ружей, это не поможет...

Ревущая туча плавно изменила очертания, превратившись в огромное пульсирующее кольцо и достигая уже десятка метров в диаметре. Затем кольцо медленно наклонилось, будто поворачиваясь на невидимой оси, и так же медленно начало сдвигаться к задравшим головы командирам. Артур представил себе, как вся эта масса, оснащенная миллионами ядовитых жал, ринется на них. Это конец, у музейщиков не оставалось выбора.

— Скажи им! — Коваль потряс Абашидзе за плечо.— Скорее, скажи им, что мы согласны! Я выпущу Качальщика и уйду с ними!

— Я не могу! — завопил Серго.— Папа утопит меня за трусость.

— Тогда ты погубишь всех! — Коваль обернулся. В просвете между бортами сдвинутых фургонов было видно, как три пожилых человека безмятежно лакомились ягодой, словно их ничего не касалось.— Ты погубишь караван. Христофор, эй, обжора! Посоветуй что-нибудь!

Мальчик вылез на подножку, сложил ладошку домиком, вглядываясь в дьявольский пчелиный хоровод. Затем закинул в рот кусок сушеной груши и сказал, ни к кому не обращаясь:

— Кто уходит, тот возвращается. Всем плохо, и всем хорошо.

На этом закончился малый полевой Совет. Освобожденный Качальщик, как ни странно, больше не злорадствовал. Он несколько раз сморгнул, привыкая к солнечному свету, затем блаженно улыбнулся, коснувшись босыми ступнями земли. С минуту покачался на пятках и ушел, не оглядываясь, к своим товарищам. Пчелы гудели, лошади фыркали и жались друг к дружке. Несколько человек уже были укушены, но никто не жаловался. По одежде Артура ползали сразу три пчелы, а на крыши фургонов они опускались тысячами, подвижными гирляндами свисали с веревок и проводов. Несколько ковбойских собак перегрызли поводки и, поджав хвосты, приседая, устремились к лесу, другие прятались под колесами машин.

Колдуны позволили мамочкам взять с собой приданое и не возражали против оружия Артура. Из-за поворота выкатился небольшой крытый экипаж, запряженный четверкой серых превосходных рысаков. Стараясь не смотреть вверх, втягивая головы в плечи, торговцы покидали в багажное отделение тюки и сундуки. Кроме личных вещей, Коваль на правах старшего распорядился перенести в новое походное жилье ванну и пару самодельных «буржуек» с запасом угля. Рокотов на все махнул рукой, а Качальщики были заняты неспешной беседой, точно семья воскресным вечером на травке дачного участка. Серго молчал, поглаживая саблю. Пчелиное гудение перекрывало прочие звуки, людям приходилось кричать, чтобы услышать друг друга.

Когда все было закончено, один из возниц вручил Ковалю кнут и показал, как управляться с лошадьми. Старшину понизили до кучера, невесело пошутил Даляр. Он глядел на боевого товарища, как на мертвеца. Качальщики доели ягоды и поджидали на обочине. Было заметно, что у многих так и чешутся руки открыть по ним огонь, но против мириадов маленьких убийц никто бы не устоял.

— Я был неправ,— сказал Артур Арине Рубенс на прощание.— Лучше бы мы пожертвовали одной мамой тогда...

— Нет! — отмахнулась девушка. Наркотик уже сделал свое дело, и глаза ее снова налились огнем.— Не твоя вина. Нас ждали. Посмотри, демоны поступили благородно. Это их плата.

Артур выглянул в окно и обомлел. Вдали, между каркасом поваленной водокачки и одиноко торчащей кирпичной трубой, на склоне холма копошилось что-то желтое. Коваль сначала не понял, что это может быть. Просто мозг отказывался поверить глазам.

— Один к тридцати, вполне справедливо! — нервно хохотнул Рокотов, и тут же затих под стальным взглядом Арины.

На пологом склоне лежали и сидели, связанные веревками, десятки людей, больше похожие на диких зверей, чем на представителей гомо сапиенс. Спутанные гривы волос, немытые тела в разводах краски, не одежда, а обрывки тряпок. Что-то с толпой было не так: то ли дикари нанюхались дурмана, то ли все поголовно были пьяны.

— Но... это же люди! — выдавил Артур.

— Это Желтые дикари,— без улыбки отчеканила дочь Рубенса.— Сто двадцать штук. Мы продадим их в Твери шептунам или погоним до Москвы. За тебя не дали ничего, кроме вот этого.— Она указала на небольшой ящик, укрытый тканью.— Открой, Кузнец, только осторожно. Береги пальцы, щенки опасны.

— Пусть они дикари, но они люди! — упорствовал Коваль.— Разве Эрмитаж занимается работорговлей?

— Ты знаешь умные слова, как наш Лева! — Арина поморщилась: лекарь принялся срезать с ее плеча присохшие бинты.— Есть разные Желтые дикари. Эти — хуже волков, но могут работать. Качальщики подобрали их на Желтых болотах. Ты слышал про Желтые болота? Нет? Чарли, скажи ему!

— Это далеко отсюда,— толстяк махнул рукой на восток.— Там раньше, до Большой смерти, делали химию для полей. Люди умерли, а химия осталась и течет с речной водой. В тех местах рождаются уроды. С ними невозможно раз-

говаривать, но можно заставить работать. Шептуны продадут их угольщикам, на шахты. Им там будет даже лучше. Будут кормить и дадут теплую постель.

— Это немыслимо!

Артур покачал головой, но спорить было не с кем. Хваленая демократия Эрмитажа трещала по швам. Качальщик снова оказался прав. Люди вернулись к истокам, «право сильного» больше не прикрывалось либеральными лозунгами. Артур откинул тряпку с ящика. Это оказался не ящик, а крепкая железная клетка. В ней, обнявшись, лежали два маленьких, длинношеих, белых, как пух, тигренка. Вот они, подарочки с Урала, вспомнил Артур. Вот он, дружеский привет папаше Рубенсу.

— Я не хотел говорить! — Он задержался в дверях, последний раз оглядев «командный состав». Возможно, и сейчас не следовало развязывать язык, но Артур совсем не был убежден, что встретится с музейщиками еще раз. Возможно также, что его слова приведут к смуте и брожению в коммуне. Однако сотня беззащитных связанных идиотов подействовала на него сильнее, чем сотня чингисов, которых он сам предложил повесить на деревьях. Те были врагами и погибли в бою, но узаконивать рабство — это уж слишком! — Арина, для тебя не станет новостью, что папа Рубенс предупредил Качальщиков обо мне?

— Что?! — Все трое выпучили глаза.

— То самое,— устало подтвердил Коваль.— У твоего отчима на голубятне есть птицы, которые летают к братишке нашего бывшего арестанта. Не знаю насчет мамаш, но про меня Качальщики знали заранее. Выходит, папаша обменял меня на двух тигрят?

Он махнул рукой и, не дожидаясь реакции, зашагал к ожидавшему экипажу. Пчелы гудели, свиваясь в колышущуюся «восьмерку». Качальщица угощала мамочек ягодой. На козлах кареты сидел бывший «арестант». Заметив Артура, он приветливо похлопал по скамейке подле себя и тут же, как заправский возница, щелкнул кнутом.

Стоило лошадям тронуться, пчелиный рой тоже пришел в движение, сопровождая карету на солидном расстоянии, как почетный эскорт. Артур последний раз оглянулся на караван. В открытом люке броневика торчала тоненькая фигурка Христофора. Одной рукой мальчик держал яблоко, другой махал вослед Ковалю.

Кто уходит, тот возвращается, сказал маленький философ.

Но философии больше не было, осталась одна биология.

20
НАДЯ ВАН ГОГ

Артур потерял счет дням. На восьмые или девятые сутки карета вкатилась на центральную площадь провинциального городка, и Качальщики позволили провести первую ночь в постелях. До этого лошади шли беспрерывно,

хотя и крайне медленно. Пчел давно отпустили, вместо них экипаж сопровождала стая волков. Звери явно шли не по своей воле, иногда начинали грызться между собой, но не отставали. Бежать при таком раскладе не было никакой возможности, да Артур и не решился бы на побег в этих глухих местах. Качальщики продвигались проселочными дорогами, почти все время на восток.

Иногда встречались участки, где колея напрочь заросла травой. Тогда Ковалю вручали длинный нож, оба колдуна также слезали на землю и помогали расчищать дорогу. Иногда карета буквально продиралась сквозь заросли, чтобы через минуту опять очутиться на тропе. Артур не представлял себе, какой надо обладать памятью, чтобы запомнить сотни развилок и поворотов. Типа с косичками, бывшего арестанта, звали Исмаил, его товарища, управлявшего волками,— Прохор. Женщины оказались сестрами, фантазия их родителей не пошла дальше Анны Первой и Анны Второй. Как понял Коваль, существовали еще Анны Третья и Четвертая. Дальше знакомства разговор не пошел. Анны кормили и купали девушек, грели воду, порой помогали мужчинам толкать застрявшую повозку, по ночам поочередно несли вахту. Хотя в вахтах особой надобности не возникало; Артур давно понял, что на Качальщиков не осмелится напасть ни одна живая тварь.

Они миновали десятки бывших поселений, иногда на горизонте возникали дымки, по ночам на склонах холмов мелькали огоньки костров. Несколько раз на пути встретились «плевки Сатаны», сгоревшие черные проплешины. Либо в этих местах кто-то из Качальщиков восстанавливал силы, либо оборонялся против врагов. Исмаил оставил прежнюю болтливость, замкнулся, а Прохор, похоже, общался исключительно с животными. Он мог часами идти впереди кареты под проливным дождем, баюкая на руках волчонка.

Наконец маленький караван добрался до приличного асфальта. Измученных волков отпустили в лес.

— Город Шарья,— коротко пояснил Исмаил.— Будете спать в гостинице. Никуда не выходить, воду не пить, ночью окна не открывать. Здесь полно... — Он подумал и не закончил фразу.

За сотню лет гостиница сохранилась совсем неплохо. Первые два этажа были разграблены и почти полностью выгорели, но выше в запертых номерах Артур нашел даже застеленные постели, а в душевых — и кусочки задубевшего мыла подле мутных зеркал. Сначала он разместил девушек. Прохор добыл где-то гвозди и молча кивнул на оконные проемы. Сквозь потеки многолетней грязи стекла почти не пропускали света, но Ковалю пришлось наглухо забить окна, разломав для этого несколько столов. Он попытался было выяснить, кого следует опасаться, но Прохор, по обыкновению, не ответил.

Сам Качальщик бродил без оружия и безбоязненно поворачивался к Артуру спиной. Когда «люди в белом» собрались вчетвером посреди площади и разожгли костер, Коваль вновь поймал себя на том, что не может ясно запомнить их лиц. Все приятели Исмаила тщательно маскировали свою внешность. Коваль следил за ними с балкона. Чего добивались эти люди или нелюди? Ради какой забавы они преодолели путь почти в тысячу километров и собирались идти еще дальше? Неужели только ради глупого предсказания? Ну, прозрел в

свое время облучившийся старичок, так что теперь, из живого человека хотят сделать идола?

В дверь номера тихонько поскреблись. От многолетней сырости дерево тысячу раз разбухало, косяки перекосились, от петель остались одни воспоминания. Поэтому Артур просто прислонил дверь к проему и придвинул одну из кроватей. Для приличия. Снаружи в темном коридоре, отвергая приличия, стояла Надя Ван Гог.

— Заходи! — Хозяин пропустил гостью, широким жестом указал на брошенную на полу шубу.— На кровать лучше не садись.

— Я знаю,— кивнула девушка.— Там живут жуки. Мы тоже спим на полу.

Он отвернулся и стал смотреть в окно, как Исмаил подбрасывает сучья в огонь. Спиной он чувствовал ее взгляд. За девять дней лесных переходов Артур ни разу не заговорил с ней. Когда его просили помочь девушкам, он подходил и помогал, таскал воду, ломал ветки, делил мясо. Только он был виноват в том, что четыре мамы не добрались до Москвы. Он подвел музейщиков, подвел Чарли. Когда карета застревала, мамочки выходили и ждали. Артур, увязая по колено, вытаскивал облепленное грязью колесо и старался не оглядываться. Потому что на него смотрела Надя. А стоило ей отвернуться, как он сам впивался в нее глазами. Эта молчаливая игра продолжалась ежедневно, а вечерами он боролся с желанием подойти и сесть рядом с ней у костра.

Он подвел караван, и это было замечательно. Слишком стремительно, слишком непредсказуемо все поменялось; возможно, его ожидала кирка в угольной шахте или цепь на шее в пещере оракула... Но Надя Ван Гог не попала в столицу, и это было также замечательно.

На площади рассыпались искрами уже четыре костра, и Прохор затевал пятый. В доме напротив отеля в пустых проемах первого этажа колыхались обрывки занавесок. Словно голодный великан ползком подкрадывался к людям, быстро шевеля языком в беззубой пасти.

— Как твое имя, Кузнец?

— Артур.— С ней надо было что-то делать. Или немедленно прогнать, отгородившись грубостью, или приласкать. Девушка подошла и встала рядом, опершись коленкой о низкий подоконник. Этот, якобы непроизвольный, жест был ему так хорошо знаком. Вечная игра, подумал Артур, даже здесь ничего не меняется. Наверное, это здорово, но, чтобы прикоснуться к ней, мне понадобится выпивка. Надя была слишком похожа на ту, другую, которую он сам послал когда-то навстречу гибели... А если я ее прогоню, то потом не прощу себе!

Девушка оперлась кулачками о раму и чуточку прогнулась, бессознательно повинуясь мужскому взгляду. Женственная фигурка, копна густых волос, в которые мучительно хотелось запустить руки. Она прогнулась еще капельку, и под платьем обозначились две крепкие налитые половинки.

— Это правда, что ты проспал сто двадцать лет?

— Правда.— Он заставил себя смотреть ей в глаза.— А это правда, что у тебя уже есть ребенок?

Она кивнула. В огромных серых глазах отражались пляшущие точки костров.

— Девочку увезли скобари.

— Ты скучаешь по ней? — Артур понимал, что делает ей больно, но не мог остановиться.

— Скучаю?.. Да, но так заведено. Девочку увезли по договору.— Надя дотронулась до его руки.— Я не смогла поблагодарить тебя, Артур Кузнец. Подруги сказали, что ты вынес меня из огня.

— Не за что,— Коваль пожал плечами.

Мамочка совсем недавно купалась, от ее волос пахло свежестью и горьковатым травяным настоем. Он уже знал, что самодельные шампуни отпугивают насекомых. Рокотов тоже мазал голову, но от торговца в результате нестерпимо несло чесноком.

— Почему ты сторонишься меня, Артур Кузнец? Разве я не нравлюсь тебе?

— Сколько тебе лет?

— В прошлом месяце исполнилось девятнадцать.

— Ты мне очень нравишься.— Он никак не мог понять, кто за кем ухаживает. Девчонке стукнуло девятнадцать, а она уже распрощалась с собственной дочерью.— Ты пришла, чтобы переспать со мной? Тебе так велел Качальщик?

— Исмаил сказал, что ты можешь быть папой.— Она не обиделась, но и не улыбнулась.— Если бы меня продали в Москву, мне достался бы мужчина только в той коммуне. Раз все сложилось иначе, я выбираю тебя. Или тебе больше нравится Марина?

Коваль даже не помнил, кого из мам как зовут. Остальные были для него на одно лицо.

— Я не хотел бы просто переспать с тобой...

— А чего ты хочешь?

— Если нас разлучат, мне будет больно. Поверь мне, девочка, я знаю эту боль. Не хочу пережить это снова...

— А если не разлучат?

— Ты не боишься Качальщиков?

Он дотронулся до ее щеки, провел большим пальцем по бровям, по верхней приподнятой губе. Девушка чуть заметно подалась навстречу ласке, прикрыв ресницами глаза.

— Мне не сделают дурного,— просто сказала она.— Но они не хотят, чтобы люди жили в городах. Их все боятся, но колдуны страшнее. Я была еще маленькой, когда папа Рубенс вел войну с озерными колдунами. Все коммуны воевали с ними. Я помню, как мы стояли у окна и смотрели на площадь. Пойманных колдунов вешали, а потом сжигали.

— Зачем такая жестокость? — Артура передернуло. Он снова почувствовал, как они далеки. Эта юная женщина, спокойно рассуждающая о виселице, вполне могла бы быть потомком Наташи, правнучкой. Если бы он сам не убил собственных будущих детей...

— Потом с колдунами помирились. Они обещали, что не будут больше насылать болезни и насильно кормить своих рабов грибами...

Надя придвинулась еще ближе, теперь ее губы шевелились в сантиметре от его губ. Коваль взял ее левой рукой за затылок и сразу почувствовал, как спадает напряжение. Волосы на ее затылке были мокрыми после купания, и горячая спина под платьем тоже не до конца просохла.

— Тот, кто раскачивает Землю, сказал, что мы можем жить вместе, Артур Кузнец.— Она шептала Артуру в ухо, медленно двигая всем телом, отвечая поглаживаниям его рук.— Мы можем жить, сколько захотим, а потом можем уйти, когда я рожу троих детей...

— Зачем им наши дети? — Коваль поцеловал ее в шею, правая его ладонь соскользнула вниз. Мамочка Надя пришла к нему в одном платье на голое тело и пушистых шерстяных носках с помпончиками.— Я не желаю провести остаток дней в лесу...

— Они догонят тебя, котенок! — Надя потянула какую-то тесемку, и платье распахнулось у нее на спине. Затем она привстала на цыпочки, давая возможность запустить руку в жаркую ложбинку меж ягодиц, а сама уверенно просунула коленку ему между ног.— В городе скучно... Гораздо лучше жить в сельской общине. Я родилась в семье ковбоев. Когда мне исполнилось восемь, чингисы сожгли посевы, и отец переселился к музейщикам. Он и сейчас пасет стадо на этом... как его... на Марсовом поле. М-м-м! Еще раз дотронься до меня там... Ты построишь дом, и соседи не будут орать за стенкой, как в этом жутком Эрмитаже... Ах, сильнее, еще...

— Так ты не питерская?

Артур стянул с нее платье, затем нагнулся и снял с ее ног носочки. Прошла тысяча лет с тех пор, как он хотел женщину с такой неистовой силой. Надя держалась за его плечо, послушно приподнимая одну и вторую коленку. Оставшись нагишом, она положила руки на затылок и медленно повернулась спиной. Коваль пожалел, что в мире больше нет фотоаппаратов. Вышел бы отличный снимок — изящная фигурка, утопающая по щиколотку в мехах. Чуточку полные ноги, но тяжеловатый низ лишь добавляет изящества тонкой бархатной спине. Последние закатные лучи разрезают мглу, играют на трепещущих ямочках ягодиц, на блестящих мускулистых бедрах, на приподнятых, напрягшихся икрах... Она точно извивалась под его голодным взглядом; под матовой кожей от покрытой пушком шеи до пяток пробегали мягкие, упругие волны.

— Сколько у тебя было мужчин? — Какая-то часть его «я» все еще сопротивлялась столь нахальному натиску. Оставалась вероятность, что девушку просто загипнотизировали, чтобы добиться естественной реакции самца...

— Только один... — Надя снова не обиделась, скорее удивилась. Она, не отрываясь от шубы, расставила ноги чуть шире, затем медленно оглянулась и облизнула два пальца. Так же неторопливо провела рукой у себя между ягодиц. На спине остался влажный след, Коваль не мог от него оторвать взгляд.— Ты совсем не знаешь законов, котенок. Мама может ложиться только с папой. Потрогай меня, как раньше...

— Ты любила его?

Артур скинул куртку. Теперь он каждым волоском на груди чувствовал тепло ее лопаток. Он развязал ленточки в ее волосах и зарылся губами во влажную, пахнущую травой макушку.

— Я хочу любить тебя, котенок... — Она качнулась, а затем бережно, но крепко, обеими руками, взяла его между ног.— Разве ты не хочешь лечь со мной? Я же видела, как ты смотрел. Ты ведь смотрел на меня, правда?

Правда, подумал Коваль, и это была его последняя связная мысль. Какого черта, сказал он себе, стряхивая с ног штаны! Если люди распилили все золото Эрмитажа, на которое не смели дышать сотни лет, чтобы купить коров, а коровы эти жрут траву там, где горел вечный огонь, значит, и ему не зазорно стать производителем в новом человеческом стаде.

Для своих лет Надя Ван Гог была слишком опытна, но Артуру стало наплевать на ее прошлое. Главное, что она слушалась его рук и ни разу не ошиблась, выполняя его безмолвные команды. Артур клал ей ладонь на скользкую от пота поясницу, и девушка прогибалась, оставляя зад во власти его второй руки, а плечами и грудью вдавливаясь в колючий мех. Затем он брал ее за горло, и она моментально переворачивалась, упираясь в пол лишь затылком и ступнями.

Закатив глаза, выходила в фантастически высокий мостик, но не сжимала колени, а, наоборот, раскрывалась еще шире, точно не желая отпускать его мокрые, жадные пальцы. Затем Надя оседлала его и начала дрожать всем телом и в последний миг упала Артуру на грудь, кусая его запястье. Но он тогда сдержался и заставил ее приподняться, и она послушно поднялась на корточки, занавесив запрокинутое лицо волосами. И только застонала, когда он дал ей облизнуть оба своих средних пальца и, преодолевая слабое сопротивление, завел их оба «с черного хода». Потом она расслабилась и начала слабо шевелить бедрами, пропуская его все глубже, и Артур ощущал пальцами толчки собственной плоти в глубине ее жаркого, источающего мускус тела.

И снова она падала на него лицом и до крови кусала плечо, удерживая клокочущий крик. И, едва отдышавшись, брала обе его ладони и клала себе одну на грудь, а другую — в пах, точно приглашая своего господина повелевать. И, повинуясь, моментально разворачивалась спиной, распахивая перед ним самую желанную для мужчины картину. И нетерпеливо вздрагивала на слабеющих коленках, ловя раздвинутыми до предела половинками его раскаленное, бушующее желание. А затем билась в судорогах, сплетая с ним пальцы, ухитрилась довести его почти до края, чтобы в последнюю секунду перевернуться и упасть ему на грудь, обвивая шею и подставляя поцелуям мокрое от пота горло. Артур попытался вырваться, но не сумел, его уже захлестнуло потоком и тащило сквозь искрящуюся воронку туда, где взрывались тысячи бенгальских огней...

— Я хочу, чтобы родился мальчик... — Надя прижималась к нему животом, грея дыханием ключицу. Капельки пота стекали в ложбинку ее позвоночника; Артур собирал их пальцем и облизывал. У нее был очень вкусный пот... — Качальщик сказал: если я рожу мальчика, его воспитают Хранителем равновесия...

— Это еще что за чертовщина? — Ковалю было лень разозлиться, даже присущее ученому неистовое любопытство хотело спать.

— Я не знаю, котенок! — честно призналась Надя.— Наверное, это кто-то важный в их общине.

— Неужели они не могли найти мамочку поближе? Стоило затевать бучу, переть полмесяца по лесам ради нас с тобой, чтобы воспитать из ребенка шамана?..

Надя подняла голову. Коваль не видел выражения ее лица под шапкой волос. Из потолочных трещин свисали лохмотья паутины, блики костров пляса-

ли на остатках кафеля в душевой. Где-то вдали за мертвым городом нарастал тоскливый волчий вой. Косая ухмылка полумесяца поднялась над перилами балкона.

— Качальщик сказал... — Надя помялась, лизнула Артуру сосок.— Он сказал, что Хранители рано умирают, потому что плохая наследность.

— Наследственность?

— Да, это самое слово... Они никак не могут сделать, потому что их слишком мало, с хорошей наслед...ственностью, ага. Они не выдерживают ветра... Исмаил сказал, что если я рожу от тебя двоих чистых мальчиков и они это... удержат ветер, то третьего ребенка я смогу оставить себе.

— Да что они не могут сделать-то?! Какой ветер? — Коваль подумал, что напрасно сердится. Качальщик вряд ли что-то скрывал, у девчонки просто не хватало словарного запаса.

— Ветер... — Она смешно наморщила лоб.— Ветер, чтобы сломать равновесие. Чтобы не осталось городов.

21
ХРАНИТЕЛИ РАВНОВЕСИЯ

На второй день от скуки Артур принялся выбивать двери в свободных номерах. На третьем этаже он обнаружил несколько мертвецов и бар, набитый пыльными бутылками со спиртным. На четвертом старшине повезло. Парочка влюбленных, видимо, знавших, что смерть уже близко, устроила в комнате грандиозную попойку. Помимо обнявшихся под остатками одеяла скелетов, Коваль нашел в шкафу любимое оружие Терминатора: два короткоствольных «ремингтона» в густой смазке и несколько коробок патронов. Также присутствовали бейсбольная бита, два ржавых револьвера и АКС без патронов. Либо человек, скончавшийся в лучшей гостинице провинциального городка, был криминальным авторитетом, либо в какой-то момент оружие стало доступным каждому. Неизвестный эпикуреец прихватил с собой на тот свет сразу трех подружек.

Еще два женских трупа лежали валетом в почерневшей ванной. Перед дверью в ванную громоздилось несколько ящиков с бутылками из-под шампанского, а на полочке среди засохшего мыла, шампуней и птичьего помета валялось пыльное зеркальце, трубочка и вскрытая пачка желтого порошка. Ласточки пробрались в номер через разбитую форточку и устроили несколько гнезд под люстрой.

Артур забрал годные стволы и вернулся к себе. Висящая над городом тишина угнетала. Качальщики третий день жгли костер и ночевали под открытым небом рядом с пасущимися скакунами. Выходить на улицу не хотелось, все это он видел еще в Питере. Русла покинутых улиц, словно пересохшие вены, на перекрестках тромбы из автомобильных кузовов. И потрескавшаяся площадь,

заросшая, красная от ржавчины, точно остановившееся сердце. Девушки тоже не вылезали из номера, они разместились все вместе и коротали вечера песнями, не желая слушать заунывные стоны ветра в прогнившей вентиляции.

Утром четвертого дня за ним пришли. У костра появились два новых персонажа. Один — такой же, как Исмаил, бледный, с косичками и плавающим, неразличимым лицом — оставался в седле. Коваль плохо разбирался в скаковых породах, но жеребец под всадником показался ему огромным, гораздо выше и крупнее всех виденных когда-либо коней. Предрассветный туман скрадывал детали, и, лишь подойдя вплотную, Коваль убедился, что это не сон. Мужчина среднего роста мог пройти под брюхом коня, почти не нагибаясь. Шкура титанического животного отливала агатовым блеском, мускулистая грудь была шириной с капот «Запорожца». Неподалеку пощипывал травку второй такой же монстр, а его хозяин жарил над огнем грибной шашлык. Над площадью поднимался тревожный, щекочущий ноздри запах. Коваль уже привык, что люди в белом ничего не делают просто так, и не стали бы зря поддерживать шесть костров. В каждый они кидали щепотки разных снадобий, и к смолистому аромату примешивался дурман колдовских добавок.

— Это и есть Проснувшийся, пощадивший моего брата? — Любитель подосиновиков поднял косматую голову.— Угощайся, демон.

Впервые Коваль встретил молодого Качальщика и сразу понял, что мужчина чем-то отличается от остальных. Не только сорокалетним возрастом. Он принадлежал к иной породе, к какой-то из восточных национальностей, возможно, квартерон от таджика. Артур примостился напротив, отдал должное грибам. В конце концов, новые хозяева не сделали ему ничего плохого, и следовало отвечать вежливостью.

— Зачем тебе столько железа? — спросил парень. Его черные глаза под густыми нахмуренными бровями смеялись.— Винтовка, пистолеты... На кого ты собрался охотиться? Оставь все это здесь. Мы с тобой немного прокатимся,— и коротко свистнул, подзывая коня.

Исполинский конь подбежал; от каждого его шага вздрагивала земля. На спине жеребца крепилось двойное седло, и свисали две пары стремян. Прохор подсадил Артура и отправился дальше, опорожнять над кострами свои мешочки. Исмаил запрыгнул позади второго наездника, обе Анны остались сидеть на тротуаре, взявшись за руки, в позах индийских йогов. Коваль поднял глаза. С балкона гостиницы ему махала Надя. Артур внезапно понял, что, если их надумали разлучить, он перетрет любые цепи и найдет ее, пусть даже придется идти пешком через всю страну...

В следующую секунду Качальщик дал шенкеля. Артур судорожно вцепился в луку седла, чтобы не полететь с высоты двух с половиной метров на щебенку, оставшуюся от бывшей мостовой. Отстав на два корпуса, за ними пылил второй всадник.

Черный жеребец оказался иноходцем. Покачиваясь в плавном механическом ритме, он проносился вдоль покосившихся, ушедших в землю домиков предместья. Подкованные могучие копыта, каждое размером со сковороду, высекали искры из бордюров, когда всадник срезал путь через дворы. Раскинувшись в шпагате на широкой спине, Артур чувствовал себя трехлетним

мальчишкой, которого отец привел в парк покататься. Качальщик вдруг перебросил босую ногу в белых мешковатых штанах и повернулся к пленнику лицом.

— Натрись! — «Таджик» протянул Артуру баночку со знакомым желтоватым горьким содержимым.— Здесь водятся плохие кровососы. Обычно они летают ночью, но, если такой комарик укусит тебя днем, будешь долго болеть.— Он молча смотрел, как Артур втирает мазь в лицо и шею.— Оставь у себя; когда будем у воды, натрешься еще раз.

— Ты не похож на других,— сказал Коваль.— Зачем я тебе нужен? Некому оплодотворить женщин?

— Зови меня Бердер. Ты тоже не похож на других. Исмаил убил много городских, но ты не взял его жизнь. Почему?

— Он спас угоревшую маму.

— Ты мог убить его позже. Почему не убил?

Коваль растерялся. Что он мог ответить на такой вопрос? Что надеялся сделать из живого Качальщика выгодного заложника?

— Ты надеялся на ответное благородство? — угадал Бердер.— Сто лет назад все воины так поступали?

— Понятия не имею! — признался Артур.— Я не воин и никогда им не был.

— Я вижу, что ты не воин. Ты обвесился железом, но не умеешь с ним обращаться. Я просил тебя выкинуть весь металл, но ты оставил нож. Выброси! Ты книжник?

— Да... Пожалуй, я книжник.— Артур с сожалением проводил глазами улетевший в кусты десантный нож Матроса.— Ты не ответил. Зачем я вам нужен?

— Таких, как я, называют Хранителями равновесия,— улыбнулся Качальщик и что-то сделал со своим лицом, точнее, прекратил его прятать под зыбкой пленкой тумана. Он был похож на американского итальянца Сильвестра Сталлоне в молодости, губы так же кривились книзу, когда Бердер выдавливал улыбку.— Там, куда мы едем, нельзя носить железо. Железо мешает ветру.— Он еще раз пошевелил краешками губ и повернулся к Артуру спиной.

Кони пронеслись мимо облезлой, покосившейся звонницы, и город Шарья как-то разом оборвался. Кончились унылые безжизненные кварталы, провалившиеся тротуары и поросшие крапивой крылечки. У Артура захватило дух при виде открывшейся перспективы. Встающее над лесом светило окрасило туман во множество оттенков розового. Стальная поверхность реки, будто проснувшись от ласкового прикосновения солнечных лучей, подернулась рябью, вздохнула; в глубине качнулись бесчисленные пряди водорослей, серебряными искрами пронеслись стаи рыб. На высоком берегу поднимали свои золотые головки легионы одичавших подсолнухов. И под всплывающим, точно пуховая перина, речным туманом гуляли черные кони. А ниже, на обкатанной ветрами гальке, на отмели, сидели в кружок восемь мужчин в белом.

— Бердер, осталось шесть минут!

Исмаил соскочил на землю, обнялся с каждым на пляже. Все они были мужчины в возрасте, только один, крайний слева,— почти подросток. Артура завели в круг, кто-то потеснился, уступая ему место на циновке. Как и прежде, он не чувствовал себя пленником, скорее почетным гостем. Исмаил ни разу

не сказал ему «спасибо» за то, что остался жив, но остальные, несомненно, были наслышаны о приключениях каравана. Качальщики передавали из рук в руки берестяную флягу, предложили и Ковалю. Пожалуй, это была первая шутка лесных колдунов. От кислейшего клюквенного морса у Артура чуть не возникло косоглазие. Он осмотрелся. Окружающие помалкивали, словно кого-то ждали. Через шесть минут должно было произойти нечто, ради чего Коваля сюда и привели. Одно из опасных таинств, к которым он себя готовил все эти дни, и все равно оказался не готов...

Подросток положил в середину круга обломок доски, затем принес и поставил на нее высокую птичью клетку. Только вместо попугая внутри, изнемогая от тесноты, дрожал бобер. Бедное животное скребло когтями, прихватывало зубами железные прутья, но не имело возможности даже повернуться. Складывалось такое ощущение, что бобер вырос в клетке, постепенно заполняя ее собой.

— Ты долго учился, книжник Артур! — Бердер вытащил из-за пазухи скальпель в кожаном футляре.— Но все твои знания здесь ничего не стоят. Ты хочешь понять, но не поймешь, пока сам не увидишь. Ты хочешь увидеть? — Солнечный луч плясал на отполированном острие. Бобер жалобно повизгивал в клетке.

Коваль сглотнул. На противоположном берегу реки из зарослей высокой травы высунулись две треугольные морды. Затем еще две, и еще. Целое семейство драконов со сложенными за спиной крыльями направлялось на водопой. Подслеповато щурясь на солнце, рептилии погружались в жидкую грязь, довольно отфыркивались, хлопая по воде хвостами. Два змея устроили шумную возню, не поделив дохлую рыбину. Качальщики не обратили на драконов ни малейшего внимания. Ни у кого из них не было часов, но Артур не сомневался, что время они чувствуют идеально. Девять человек ждали, замерев, точно каменные изваяния. Драконы напились и уползли. Кони щипали траву.

Нечто назревало. У Артура заколотило в висках. Он сдержал себя, чтобы не оглянуться; казалось, огромная тень подкралась и дышит в затылок.

— Пора! — Старец по левую руку от Бердера тряхнул косичками.

— Пора! — подтвердил Исмаил.— Во благо равновесия!

— Во благо равновесия! — словно эхо, отозвался Бердер и кольнул бобра скальпелем.

Животное забилось и заплакало, прямо как маленький ребенок. Коваль хотел отвернуться, но сидел, точно завороженный.

— Во славу Книги! — В руке другого Качальщика также мелькнуло острие.

Грызун уже не плакал, а визжал, кровь заливала его мех и стекала наружу, на камни. Клетка чуть не упала на бок, но кто-то подхватил ее и вернул на место.

— Во славу Книги! Во благо равновесия! — Удары сыпались на беззащитного зверька со всех сторон, но ни один укол не был смертельным.

— Смотри! — Исмаил схватил Артура за локоть.— Смотри, демон, как расплавится мерзкая кучка камней!..

Артур не сразу понял, куда надо смотреть, а когда поднял глаза, забыл и про бобра, и про крокодилов на берегу Ветлуги.

Город Шарья расплавлялся. При каждом ударе скальпеля с окраинными домами происходили удивительные изменения. Маковка церкви дрогнула, накренилась и обрушилась в клубах пыли. Несколько лодочных гаражей надулись, словно их распирало изнутри, и разом взорвались. Голыши на пляже тряслись, подпрыгивали, как шкварки на сковороде; глинистый откос покрылся кавернами, корни сосен шевелились, будто гигантские разъяренные анаконды. Кирпичный забор, огибавший дюжину двухэтажных коттеджей, на которых до сих пор висели тарелки спутникового телевидения, закачался и осел. Коттеджи век назад погибших миллионеров складывались, как карточные домики.

От богатых резиденций фронт невидимой волны переместился дальше. Бесшумно, точно смятая промокашка, рухнул пятиэтажный фасад банка, фабричная труба пошла трещинами и взорвалась на миллион кусков. Наступила очередь девятиэтажек. Эти не распадались на части, а уходили под землю с низким вибрирующим гулом, словно вместо фундаментов под ними разверзлась пустота.

Коваль и не догадывался, как мало нужно, чтобы стереть с лица земли целый город. Всего лишь легкие толчки. Впрочем, в этих краях никогда не наблюдалось сейсмической активности... Какая, к черту, активность, оборвал он себя, почти оглохнув от воплей бобра. Истерзанное существо в клетке больше ничем не походило на трудолюбивого строителя запруд, теперь это был сплошной комок визжащего мяса.

Но не это оказалось самым страшным. Лес наступал на город, а впереди него катилась полоса жары. Вода у берега вскипала; там, где река плескалась о камни, поднимался пар. Голыши под доской, на которой сидел Артур, раскалились, как в сауне. Сама доска начала снизу обугливаться. На крайней улочке, где еще минуту назад вздымались тучи строительной пыли, стремительно прорастала трава. Взламывая ошметки железобетонных конструкций, словно великаны, потягивающиеся после долгого сна, разворачивались ветви деревьев. Коваль мог бы поклясться, что подобные исполины никогда бы не выросли естественным путем на российском Севере. Как, впрочем, и крылатые аллигаторы. Как и лошади размером с американского бизона.

Еще до того как бобер умер, все было кончено. Огромный пласт почвы сдвинулся и сполз в реку. Тысячи тонн воды хлынули в новое русло, смывая остатки пристани и мощенного декоративной плиткой променада. Последние часовые цивилизации, бетонные фонарные столбы над прокисшей дорогой, вдруг один за другим ушли в землю, словно их засосали зыбучие пески. А потом не стало и самой дороги, по которой черный конь привез Артура на пляж. Камни остывали.

Но общество на берегу не расходилось. Мальчишка унес клетку, бросил на камни мокрую мешковину. Фляжка с морсом пошла по второму кругу. Те, кто раскачал Землю, выглядели не лучшим образом. Исмаил будто постарел лет на пять, у Бердера капала кровь из прокушенной губы, а под глазами залегли черные тени. Его сосед, старик с косичками, поднял трясущуюся руку:

— Да пребудет мир в равновесии, братья!..

Через щиколотку Коваля скакнула лягушка, затем еще одна. Он отдернул ногу; по камням спешил целый выводок змей. За змеями последовали тучи

насекомых; выше по склону, в сторону нового лесного массива, с хрустом ломилось зверье покрупнее. Несколько лосей переплыли реку и отряхиваясь вышли на берег метрах в десяти от людей. Растопырив лапки, с ветки на ветку перелетали многочисленные беличьи семейства. Ковалю показалось, что выше по течению вдоль кромки воды пронеслась огромная кошка с торчащими кисточками на ушах.

Бердер подозвал коня.

— В городе... там остались женщины! — Артур вспомнил про Надю. К собственному удивлению он обнаружил, что образ Натальи уже не мешает ему, как раньше. И еще он обнаружил, что безумно соскучился по маленькой лохматой шалунье.

— Города больше нет! — Бердер скривил губы.— Садись на коня, книжник. Баккарди их вывел, не тревожься!

— Ты все понял, Артур Кузнец? — За спиной, опершись на плечо самого юного участника колдовства, стоял Исмаил.

— Я понял... Вы уничтожаете все, что создано человеком. Сначала вы расплавляли деревни, затем принялись за брошенные города. Я одно не возьму в толк. Какого черта ваши братишки напали на ковбоев под Тосно? Вы знаете, сколько людей остались без крова?! Чем вам не угодили мирные фермеры?

— Ты меня разочаровываешь, Проснувшийся! — Оба коня шагали бок о бок по заросшей молодым ельником опушке.— Лично мне на них наплевать. Но нарушается равновесие. Никто не желал зла фермерам. Возле Тосно оставался вредный завод, и узел уже звенел, притягивая ветер. Если бы мы не поторопились, Земля бы качнулась на тысячи километров. В Шарью мы вернули равновесие тоже вовремя, теперь Слабые метки ушли...

— Равновесие, это когда домашние свиньи бросаются на детей, я правильно понял? — Что-то в Ковале непоправимо сгорело за эти дни. Он никогда в прежние времена не приходил с такой скоростью в ярость. Или все еще находился под впечатлением от колдовства и не мог себя контролировать. А возможно, виной его бешенства был сладкий дым от костров...

Над всадниками тремя эшелонами летели птицы. Пернатые, подчиняясь воле людей, тоже переселялись на новые квартиры. Огненной стрелкой промелькнула впереди лисичка. Оглянувшись на людей, приподняв черную лапку, зверек на секунду замер; в зубах у лисицы, растопырив конечности, висел ее новорожденный щенок.

— Равновесие было нарушено не вчера и не в год Большой смерти. Люди нарушили порядок в те века, когда построили первый вонючий город и заявили, что законы Земли их больше не волнуют. Они придумали для себя отдельные законы, и первый, самый удобный, гласил... Знаешь, как звучит главный принцип человечества, Проснувшийся книжник? Я тебе скажу! — Исмаил нагнулся к Артуру, от него остро пахло чесноком.— Он звучит так: все, что растет, бегает, плавает и летает на этой планете, это для нашего удовольствия и наших желудков.

— В год Большой смерти,— добавил Бердер,— равновесие чуть было не восстановилось.

— Но не восстановилось! — весело подхватил Коваль.— Потому что люди выжили. Какая жалость, правда? Зато теперь шайка свихнувшихся садистов

режет бобров, чтобы довести Божью кару до конца. А другая шайка заживо сжигает мирных торговцев. Это путь к равновесию, колдун?

— Совсем не обязательно бобры. Для раскачивания подойдет любое живое существо, иногда — растение. Самое сложное — это отыскать и удерживать Слабые метки, узлы натяжения. Метки рождаются там, где осталась грязь прежнего мира. Если за ними не следить, не кормить их грязью, то может родиться такая Слабая метка, с которой уже не справится никто. Тогда в мир придет иное равновесие, в котором людям не будет места... — Хранитель помолчал, вглядываясь в жаркую темноту леса.— Иногда мы справляемся втроем, иногда собирается девять братьев. Череповец расплавляли двумя общинами, день и ночь. Мне исполнилось восемь лет, но отцы взяли с собой всех, кто уже мог слышать метки. Три человека погибли, мир их праху, но ветер мы удержали... Раскачивать Землю несложно, этому мы учим обычных городских детей, а Хранителей мало. Истинными Хранителями становятся только потомки тех, кто родился на Вечных пожарищах.— Разозлить Бердера не представлялось возможным, перед Артуром сидел фанатик, истово преданный своим диким ритуалам.— Наши деды начали писать Книгу, не вашу дурацкую Библию, а настоящую Книгу нового мира. Мы закончим работу, потому что так сказано, и равновесие вернется в мир. И ты поможешь нам, Проснувшийся, так сказано в Книге!

— Вы всерьез считаете, что я помогу вам изгонять фермеров? — У Артура в голове все смешалось.— Даже если бы я умел воевать, я не стану убийцей мирных граждан. Вы меня с кем-то спутали, ребята, я самый обычный человек.

Его отважная речь не произвела на Качальщиков должного впечатления. Исмаил насыпал в ладонь Бердера горстку сухофруктов, его молчаливый спутник набивал трубку. Кони пересекли бетонную дорогу, ведущую теперь в никуда. Вместо кольцевой развязки с указателями улиц возник непроходимый частокол елей.

— Ты обычный человек, но в тебе есть забытая справедливость. Твоя справедливость отвечает трем главным узлам равновесия, но она же приписывает нам злобу и коварство. Ты дашь свое семя мамам и вырастишь Тех, кто раскачивает. Ты будешь жить в общине Хранителей и будешь учиться, пока не станешь нашим клинком. Ты получишь женщину, которую выбрал. Так сказано в Книге. А затем, когда ты поймешь нашу правоту, ты покинешь общину и сделаешь то, ради чего проснулся...

Жеребец под Артуром всхрапнул, почуяв кобылу. Впереди, на залитой солнцем полянке, из каменных плит развалившегося фундамента поднимались заросли малинника. Там же стояла знакомая карета, и Анна Первая подвешивала кобылицам на морды торбы с зерном. Мамочки собирали ягоды, повизгивая от радости, как выпускницы детского сада. С Надей ничего не случилось. Коваль прикрыл глаза, чувствуя теплую волну, прокатившуюся по сердцу. Как мало человеку надо, подумал он, иногда достаточно слышать смех женщины, с которой провел всего пару часов в постели... Черт, неужели эти маньяки запрут его на несколько лет в чащобе? Да и пусть запрут, лишь бы с ней!

— Так ради чего я, по-твоему, проснулся?

Коваль спрыгнул с коня; Надя уже бежала навстречу.

— Ты найдешь Слабые метки там, куда нам закрыт вход. В вонючем городе, где равновесие нарушено сильнее всего, где собрано все зло российской земли. Ты разрушишь Москву, Проснувшийся демон.

22
ВРАГИ И СОЮЗНИКИ

Артур потерял счет дням. Первые два месяца он делал зарубки ножом на столбах у входа в новое жилище, но потом запутался. Много раз ему приходилось покидать дом, отправляясь вместе с Качальщиками в дальние экспедиции, а вернувшись, он не мог восстановить календарь. Собственно, ему предоставили не один дом, а целых три, но большую часть из редких спокойных ночей Коваль проводил с Надей. После тридцатой зарубки он еще строил планы на побег, а после сорок второй понял, что никуда не уйдет, пока не подержит в руках будущего ребенка.

Надя Ван Гог была беременна, и еще две женщины понесли от него. Обеих Артур увидел в лесной общине впервые, их привезли из каких-то дальних уральских поселений. Единственным человеком, который испытывал стыд и неловкость при подобных обменах, был сам Артур. Если Надя и ревновала, то никак этого не показывала. В конце концов будущий отец успокоил себя тем, что после вторых родов его супруге должны были подыскать нового муженька на пару ночей. Это было дикостью, но здесь это было нормально. Женщины-Качальщицы точно так же, как городские, страдали бесплодием.

Сознание Артура притупилось, он словно плавал постоянно внутри огромного звуконепроницаемого пузыря. Неделя проходила за неделей, но скучать было некогда; напротив, он с трудом урывал минуты для отдыха. Ему ни разу не напоминали о далеких стратегических планах, и постепенно Артур примирился с пленом, с тяжелым трудом и изматывающей муштрой. Он учился, прижав ухо к земле, узнавать походку лесных зверей. Он учился по запаху определять вредные промышленные зоны. Первый раз он просидел неделю на болотной кочке, пока не угадал, в каком месте Бердер зарыл ртутный термометр.

Три месяца он стонал и плакал, пока ноги не привыкли ходить босиком. А потом снова плакал, потому что пришлось босиком ходить по снегу. Дважды он едва не замерз, когда Бердер оставлял его спать в сугробе. Пока он не привык регулировать температуру тела, он передвигался вприпрыжку, поминутно растирая пальцы. Его кусали восемь раз, прежде чем он нашел общий язык со всеми собаками деревни. А после Бердер возил его вместе с другими учениками, подростками, в другие деревни, чтобы и там бросить наедине с собаками.

Когда он почувствовал себя комфортно и мог засыпать, привалившись к любому незнакомому псу, и уже считал себя лучшим кинологом всех времен и

народов, Бердер перешел к волкам. Сначала, правда, к волчатам. А затем отдал Артуру на воспитание едва вылупившегося крылатого змея.

По вечерам метали ножи; Бердер полагал, что при свете дня и дурак успеет попасть в две подкинутые глиняные плошки. Сам он сбивал, не давая долететь до земли, целых шесть штук. Ночами разыскивали заброшенные деревни и колодцы с чистой водой. Находить деревни, где не водилось вредных производств, было тяжелее всего, они почти не «пахли». Но только навострившись отделять невинные скопища домишек от источников злостной химии, можно было перейти к поиску Слабых меток...

Артур говорил себе, что никто не заставит его пойти на убийство невиновных, но ничего плохого нет в том, чтобы получше изучить общество самых загадочных, окутанных легендами жителей Урала. Никто не требовал от него присягать на верность, как папа Рубенс, и никто не проводил с ним политинформаций. Все были слишком заняты.

Артур понятия не имел, сколько сотен километров они отмахали от Шарьи по дорогам и без дорог, прежде чем достигли общины. Сначала около часа лошади рысили среди огородов и возделанных полей, затем показались первые дымки и крепкие, сбитые из цельных бревен дома. Деревня располагалась в лесу, под таким густым пологом листвы, что даже в сильные дожди капли до земли почти не долетали. Пленник так и не узнал, сколько людей проживало здесь постоянно, мамочки и детишки появлялись и исчезали. Одним краем деревня выходила на реку, по ней сплавлялись на лодках и плотах, но воду никто не пил, потому что сразу за границей вековых елей начиналось Вечное пожарище, откуда и текла река. За пожарищем ленивыми зелеными горбами тянулся Уральский хребет.

Здесь не росли пятнистые папоротники, местная пустыня уже начала зарастать первыми здоровыми побегами, но со стороны мертвой зоны на несколько километров тянулся высокий рукотворный вал и ров с черной водой. Это был единственный забор в деревне и за ее пределами. В сезон сбора урожая Качальщики приводили издалека пленных дикарей; те помогали собирать картошку, косить на зиму сено и подсыпали вал. Затем вдоль рва проходили Хранители и рассеивали над водой черный порошок. Вряд ли это служило целям обеззараживания, зато Коваль собственными глазами видел, что лесные зверьки и отставшие от стада коровы резко поворачивали в сторону, едва учуяв преграду. Очевидно, граница сдерживала ту, другую, живность, что могла явиться со стороны пустыни...

Он навидался разных дикарей — и шептунов, и чингисов, и Желтых, и много других племен, рассеянных по забытым совхозным усадьбам и уцелевшим поселкам. Многие сохранили речь и выглядели вполне разумными, но встречались и такие, кого понуждали к работе лишь порцией дурмана. Некоторые пытались бежать. Застав пару таких попыток, Артур навсегда отказался от подобной идеи. За беглецами не отправляли стражу, да и не было среди Качальщиков вооруженных бойцов. Повинуясь приказу, над лесом взлетали крылатые змеи. Или, уткнув морды в землю, неторопливой трусцой исчезала в зарослях волчья стая.

Старшего Хранителя законов звали Прохор Второй, он жил в длинной избе на пригорке вместе с четырьмя учениками и ученицами. Там же располагалась

своего рода лаборатория, где Хранители выводили новые виды. Коваля в лабораторию не приглашали; подобные умения были доступны лишь потомкам первых мутантов. Зато Прохор Второй беспрепятственно пускал его в библиотеку, хотя книги здесь оказались весьма специфические. Атласы по зоологии и анатомии, всевозможные учебники по химии и ботанике, справочники по рефлексотерапии, иглоукалыванию и прочим восточным хитростям. Помимо драконов, к первому снегу Анна Четвертая, любимая ученица Хранителя, вывела чрезвычайно полезную в хозяйстве породу двухметровых бескостных окуней. Окуни задумчиво плавали в пруду и жрали все, что им кидали.

Прохор признавал, что крылатые змеи удались не вполне, но продолжал их штамповать, скрещивая клетки жаб, пойманных на границе пожарища. В хозяйстве от драконов не было никакого толку, но в качестве средства устрашения дикарей они подходили идеально. Единственный серьезный минус — на всю зиму рептилии засыпали.

Анна Третья, дочь Первой, увлеченно занималась ночными птицами. Несколько раз, задрав голову, Коваль наблюдал, как пятнадцатилетняя девчонка, усевшись верхом на ветке, кормит сырым мясом филина, размерами не уступающего взрослому грифу. Коваль не мог отделаться от мысли, что он где-то уже все это видел. Словно наряду с волшебными способностями Качальщики впитали в кровь разрозненные обрывки сказочного фольклора. Девочки, кормящие филина, огнедышащие змеи, гигантские кони с двумя сердечными мышцами и кошачьими глазами, способные сутки напролет скакать по лесам...

Он уже знал, что существуют как минимум четыре большие общины Качальщиков, и самая крупная — на севере, в месте бывшей дислокации атомоходов. Артур смутно вспоминал, что там же, в беломорских шхерах, военные консервировали отработанное топливо с подводных лодок. С северянами поддерживалась постоянная связь без всяких голубей; именно туда и повез пленника Бердер в первую «командировку». Первые два дня пути их сопровождали трое мужчин, затем попутчики свернули. Им предстояло растворить какой-то городок, где обнаружился намек на звенящий узел. Слабые метки постоянно смещались, и служба Хранителя меток днем и ночью просиживала над картами. Когда три «плавающих» узла собирались треугольником, Качальщики ловили благоприятный момент и срывались в лес. В дом Хранителя меток Коваля не приглашали, но и не отказывали в посещениях.

Судя по старым картам страны, к зиме сто двадцать седьмого года колдуны очистили от следов цивилизации колоссальные области. К востоку от Урала на тысячу километров не оставалось ни одной деревни. Кое-как держались крупные города, и в этом заключалась самая интересная для Артура тайна. Качальщики избегали крупных технических объектов. Исмаил не врал. Поселки, где жители восстановили промышленность, они не трогали. На европейской части страны экспансия «новых зеленых» шла медленнее, а к поясу московских пригородов ни один колдун не приближался.

Коваль научился спать в седле и не боялся уже управлять черным иноходцем. Жеребец мчался за своим собратом, не останавливаясь, с разгона переплывал реки и взбирался по кручам, а позади, отставая, чтобы полакомиться всем, что движется, мчалось звено крылатых. Когда бестолковые ящеры че-

ресчур увлекались преследованием добычи, Бердер слезал с коня и нещадно стегал их кнутом. Коваль всякий раз вздрагивал, когда чешуйчатые твари щелкали зубами возле сапог Качальщика. Он не решился бы повторить такой опыт, для плотоядных рептилий Артур еще долго оставался чужим.

В северную общину Коваль ездил трижды и всякий раз проводил там по три недели. Местные Качальщики резко отличались от уральских, и здесь он впервые встретил настоящих уродов. Очень многие рождались и вырастали лысыми, даже в пятом поколении. Многие страдали врожденной слепотой. Как ни странно, слепой была и Хранительница Книги.

Высокая худая женщина в длинном шерстяном пончо быстро провела ладонью по лицу Артура. За ее спиной на укрытых мехами лавках собралось все взрослое население деревни. Коваль чувствовал дьявольскую усталость после недельной гонки, но отдохнуть ему не позволили. Оглядываясь потом в прошлое, он так и не смог вспомнить ни одного праздного дня.

Он представлял себе священное писание Качальщиков в виде громоздкого тома, но книг оказалось несколько. Старые книги размножали и рассылали по общинам, а свежую заполняли прямо сейчас. По сути, история народа писалась ежедневно. Все большие и малые новости, происходящие в мире Качальщиков, находили немедленное отражение в Книге. Второй раз после пробуждения Коваля усаживали перед аудиторией, и снова он говорил больше четырех часов. Но, в отличие от лекции в пассажирском вагоне, здесь его никто не перебивал и не задавал идиотских вопросов. Иногда вежливо просили повторить, когда трое писцов не успевали. Наконец страницы, посвященные Проснувшемуся демону, были завершены, просушены и подшиты в новую тетрадь.

Больше от пленника не требовали раскрывать рот. Три недели Артур постигал новые предметы. В пять утра он окунался в бочку с ледяной водой и разогревал ее своим телом, затем до завтрака растирал в ступке травы, учился накидывать лассо и объезжать оленей. Кормили невкусно, но до отвала. После завтрака он надевал толстые перчатки и штаны. Его тренировали обороняться против собак. На исходе второй недели он потерял килограммов пять веса, но, не допуская укусов, ломал лапы четверым, а то и пятерым зверям. После обеда ему предоставляли час на сон с одним условием: спать приходилось на тонкой ветке или лежа в колодце с полой трубочкой во рту. К концу первой «командировки» Артур засыпал по команде стоя или в любом другом положении. И просыпался тоже по команде. После «отдыха» он вместе с местными подростками учился читать следы или выходил на рыбалку.

Рыбу следовало ловить голыми руками. Добыча начинающего охотника и рыболова становилась его ужином, поэтому Коваль почти каждый вечер ложился спать на голодный желудок. В лучшем случае ему удавалось перехватить ягод или запечь парочку грибов. Охотиться он так и не научился ни на Севере, ни «дома», на Урале.

После ужина начиналось самое трудное — рукопашный бой. Представления местных «инструкторов» о самообороне значительно отличались от методик начала двадцатого века. По крайней мере, от европейских методик. Артур не обладал и малой толикой тех навыков, которые достались мутантам по наследству.

Зализывая раны, он с горьким смехом вспоминал, как обманчиво легко повязал раненого Исмаила. Артура ставили в центр круга диаметром метра два и кидались в него камушками. Сначала два, затем четыре человека обстреливали его, норовя попасть в голову. Когда он научился уклоняться, в ход пошли пращи, а круг под ногами уменьшили до размеров канализационного люка. На восьмой день Бердер несильно выстрелил в Коваля из лука. Стрела застряла под лопаткой, и было очень больно. На одиннадцатый день ему завязали глаза и велели ловить камни. Пару штук он поймал, но едва не лишился зубов.

Когда наступала темнота, переходили к последней процедуре — игре в пятнашки. Бердер сказал, что настоящий воин не должен допустить контактной борьбы. Воин, обнявшийся с противником, подставляет под удар спину. В тесной землянке при свете масляных ламп за Артуром гонялись четверо с короткими дубинками в руках. Периодически «водящий» менялся, и Артур, в свою очередь, преследовал полуголого лысого пацана, норовя достать его палкой. Обороняющемуся было разрешено все, нападавшие могли только салить.

К финалу третьей недели Коваль мог уже продержаться почти четверть часа, не задетый дубинкой. Бердер сказал, что для начала неплохо. Большей похвалы от него Коваль за два года не услышал.

Иногда тренинги сменялись не менее захватывающими химическими опытами. Следовало запомнить запахи нескольких сотен травок, собранных от Поморья до Кубани, и безошибочно подбирать пропорции лечебных мазей. В следующий приезд на Север ему доверили подготовку ядов и наркотических препаратов. Все, что годилось для лечения, точно так же могло и убивать. Особую осторожность надо было соблюдать с растениями, собранными в зонах пожарищ. Одна капля выжимки из какого-то неведомого гриба могла остановить кровь и заживить любой порез, но две капли этого же вещества убивали человека за полсекунды. За подобные препараты городские очень хорошо платили, и Артур вспомнил найденного им во дворе института убитого курьера. Тот тоже нес в термосе выжимку...

Едва завидев дымки родной деревни, Артур ощутил в груди нарастающую радость. Он начал привыкать к своим новым соседям и не мог пока сказать, хорошо это или плохо. Человек может выжить везде, говорил он себе, обнимая ночью Надю Ван Гог. Вопрос в том, как человек видит свое предназначение. Эти суровые люди, несмотря на свои безумные теории равновесия, создали достаточно крепкое и справедливое общество. Общины удерживались артельным трудом, практически не развивая частную собственность, и в основе крепости отношений лежала великая цель. Сознание исключительности прививалось с детства, хотя при этом же оборотной стороной медали вырастал червячок ущербности. Качальщики вырастали, зная о всеобщей ненависти и страхе, зная, что путь в города им отрезан. Ссориться с сородичами было бесполезно, так и так вернешься в деревню...

Возможно, здесь ему тяжелее, чем в родном городе, но зато безумно интересно. Его не поставили, как пленного дикаря, чистить выгребные ямы или ухаживать за свиньями. К обязательным повинностям относилась работа на полях и охота, но в поисках пропитания участвовала вся деревня, не исключая старейшин. А могло ведь все оказаться иначе, и жил бы Артур не в отдельном,

пусть и однокомнатном, домике, а в сыром бараке под охраной голодного крокодила. Пусть Исмаил с Бердером лелеют насчет него самые бредовые планы, главное — продержаться, а там посмотрим. Главное — пережить зиму, не забыть алфавит, не опускаться до животного...

Коваль вваливался ночью и целовал спящую жену. Во сколько бы он ни появился, за полночь или под утро, Надя поднималась и с закрытыми глазами шла доставать из печи горячие кастрюльки, закутанные в полотенца. Даже когда жена была нездорова, Артура ждала натопленная баня и свежая постель. Коваль жалел ее, пытался отговаривать, но перешибить воспитание Надиной матери так и не сумел.

Еще одна житейская мудрость. Возможно, у них с Натальей и возникало столько проблем от незанятости. Слишком много свободного времени оставалось для самокопания и взаимных упреков. Чем меньше мы рассуждаем о любви, тем крепче наши семьи, посмеивался новый многоженец. Люди вернулись к естественным отношениям, и пропала нужда в психоаналитиках, потому что, когда все заняты, нет места неврозам. Вот и она, пусть не счастлива, но вполне довольна. И носит моего ребенка, как странно... А счастлив ли я? Шут его знает. Говорить с ней особо не о чем, курорты и модные показы не появятся в ближайшую тысячу лет...

После первой поездки Коваль участвовал в семнадцати больших и сорока малых охотах, и как-то зимой, пробираясь за компанию с псами сквозь сугробы, он впервые почувствовал медвежью лежку. Это было, как внезапно понять чужой язык или научиться плавать. С того дня он начал выходить в лес один. Он перестал бояться, теперь он слышал. Он знал, как правильно прикрыть глаза и погрузить себя в состояние отрешенности, когда в ушах начинают стучать сердечки всех теплокровных в округе. Прохор Второй учил его подчинять себе любое животное. Это оказалось намного сложнее, чем уклоняться от камней. Когда по команде Артура с дерева спустилась белочка, чтобы минутку посидеть на его плече, он чуть не завопил от радости. И тут же потерял тонкую нить волевого усилия, что удерживала грызуна в повиновении. Белка укусила его и стрелой умчалась по стволу, но Коваль был счастлив. Прохор Второй улыбался в бороду.

Пока Артуру подчинился ящер, прошло еще три месяца. И прошло еще полгода, прежде чем на зов человека из бурелома вышел медведь и улегся у его ног. Кроме Прохора Второго, наибольшие проблемы Ковалю доставляла Первая Анна. Он чувствовал себя полным идиотом, сидя по четыре часа с зажатым в кулаке стебельком травы. Лучше бы я проснулся в век качественного колдовства, в век заклинаний и вредных гоблинов, жаловался супруге несостоявшийся старшина. Надя не спорила, она прекрасно пользовалась языком, но не для поддержания бесед. А травинка в кулаке оставалась сухой и холодной, потому что о колдовстве и заклинаниях Анна ничего не знала и научить не могла. Оживлять сено следовало усилием мысли.

Коваль думал об этой проклятой травинке по утрам, когда перехватывал ладонью летящие стрелы. Он вспоминал о ней по ночам, когда со связанными кистями рук убегал от вооруженных кнутами всадников. Он проклинал ее, когда учился метать пращу и добывать в сыром лесу огонь. Он тысячи раз втыкал соломинку в снег, зная, что добивается невозможного. Рядом с ним у Анны Третьей, Храни-

тельницы в шестом поколении, посреди сугроба расцветал розовый куст. Эти детки, они были другими, в их жилах текла измененная кровь пожарищ...

Он оживил травинку в тот день, когда Надя Ван Гог родила сына. Коваль был ужасно доволен, что двух других беременных от него женщин давно увезли из деревни. Качальщики жили по своим правилам и обменивались живой силой, еще находящейся в утробе матерей.

Возле хибарки Коваля собралась вся деревня. Он трогал полустершиеся зарубки на столбе, глядел в холодное апрельское небо и слушал крики своего ребенка. Он уже не знал, кем себя чувствует,— пленником, подмастерьем или пресловутым Клинком, обещанным Книгой. За девять месяцев Артур не прикоснулся к огнестрельному оружию, ни разу не услышал оскорбления и не поймал на себе косой взгляд. Питер он вспоминал все реже, и не разрушенный Питер, где разгуливали лысые псы, а тот, прежний, где под пролетами вздыбленных мостов плавали катера, а на граните набережных целовались парочки...

На влажной весенней земле раскидали солому и поставили длинные столы. Здесь были все: и Хранительница времени, старуха Ильма, и Хранитель полей, одноглазый Борис с сыновьями, и знатоки Слабых меток, Матвей и Алина. Пришли с детьми и внуками, точно так же, как приходили и в другие дома, когда там рождались дети. Они не делали разницы между семьей Коваля и своими родичами...

Хозяйка рода, мама Клавдия, приняла роды и вынесла младенца показать толпе. Ее появление встретил общий рев и грохот глиняных кружек. А запутавшийся в чувствах папаша переживал на задворках избы последние пароксизмы боли. Слезы лились из его глаз, Артур смеялся и плакал, держась за живот. Его учителя явно перестарались, последние дни от мучений жены он неоднократно валился на снег, сжимая зубы, чтобы не закричать.

Черт подери! Он не женился до погружения, а эта девочка, с которой его не связывало ничего, кроме удивительного совпадения и нечастых битв в постели, девочка, которую он не видел месяцами, стала теперь его семьей. Настоящей семьей, которую надо кормить и о которой надо заботиться...

И в этот момент Ковалю попался на глаза пучок соломы. Он присел на корточки и проделал в мерзлой земле ямку. Воткнул туда засохшую травинку и обнял ее ладонями, уже не сомневаясь, что на сей раз все получится. Когда Артур, спустя четверть часа, разжал руки, глаза заливал пот, сердце колотилось, но посреди обледенелого двора тянулся к солнцу зеленый росток.

— Неплохо! — сказал из-за плеча Бердер и увел ослабевшего ботаника за праздничный стол.

— Когда вы заберете ребенка? — между поздравлениями осмелился спросить Артур.

Бердер переглянулся с мамой Клавдией. Повитуха смеялась, подливая мужчинам хмельной квас.

— Сегодня ты сделал мертвое живым. Когда ты научишься делать живое мертвым, ты будешь готов уйти.

— А если я никогда не научусь? Ведь пчелы меня так и не слушаются. И невидимкой быть не получается. И дерево без пилы не могу повалить...

— Значит, мы ошибались! — пожал плечами Бердер.— И зря ловили для папаши Рубенса тигрят.

Оба улыбались, и оба понимали, что говорят не о том. Оба понимали, что говорят не о ребенке и не об ожившем пучке сена. Итальянские губы Хранителя силы кривились, за зиму Бердер еще больше поседел, и Артур вдруг представил себе, каким станет воспитатель бойцов лет через двадцать. Возможно, все останется как есть, и вы сохраните свою смехотворную лесную демократию, думал он, прихлебывая черный квас, но все ведь может пойти иначе. Вдруг ты решишь, что на правах лучшего воина тебе незачем подчиняться старейшинам и стоит потребовать самый жирный кусок мяса за риск? А вот сидит Борис, Хозяин дерева, лучший плотник, столяр, мастер. Что, если ему надоест получать общий паек наравне со скотоводами, и он потребует платы за каждый табурет? А потом начнет учить пацанов за деньги... Сколько еще продержится ваш первобытный строй? А что случится, если попробовать забрать ваших деток в большой город, которого вы так боитесь? Вдруг никто не погибнет, как вы им внушаете, а напротив, детишкам там понравится? Не бог весть что, ни театров, ни музеев, но какие возможности для начинающих капиталистов...

— Через месяц мы снова едем в Мурманск.— Бердер поднял за шкирку крутящегося под столом волчонка.— Вместе с тобой еще три ученика. Хранительница ждет тебя, чтобы продолжить Книгу. Потом мы поговорим о Москве.— Он повелительным жестом велел Артуру замолчать.— Если у ребенка нет отца, старейшины решают, кем он вырастет.

— А если отец уходит и возвращается? — Артур понизил голос, но Хранитель силы легко угадывал слова по губам.

— Пока отец жив, никто не имеет права на его женщину и его детей.

— Ты негодяй! Это называется бить «ниже пояса»! — покачал головой Коваль.— Ты говорил, что Надя должна родить еще от двоих мужчин?

— Не обязательно! — глядя Ковалю в глаза, Бердер сунул волчонку ладонь в пасть.— Мы сами пишем Книгу, Клинок. А когда мы ее потом читаем, рождаются законы. Ты поговоришь с Хранительницей и сам решишь, как тебе поступить.

Вот сволочи, подумал Коваль, принимая очередное поздравление, вот мерзавцы! Они поймали его в капкан. Теперь, когда он не побоялся бы один пройти полстраны, когда лес стал для него родным и ни одно живое существо не задержало бы его на пути в столицу, чертовы колдуны добились главного.

Теперь ему есть что терять.

23
КАК ПИСАТЬ КНИГИ

— Расскажи мне о ней.— Мама Рита курила кальян. Незрячие глаза ей заменяли сверхъестественная ориентация и слух. По звуку перьев на бумаге она моментально угадывала, кто из писцов допустил ошибку.— Ты слишком часто вспоминаешь о ней, Проснувшийся, из-за этого не можешь обрести равновесие. Расскажи, и я не буду давать тебе советов.

И неожиданно для себя Артур начал говорить. Он молчал целый год, ни с кем не делясь своей застарелой болью. Ему казалось, что раз не нашлось друзей, способных понять, даже в институте, то уж всяко незачем мусолить прошлые беды со вшивыми дикарями.

— Она... Мы познакомились на моей защите. Ах, что я говорю? Как же вам объяснить... Впрочем, неважно. Я был книжником, ученым, я работал в таком месте, где придумывали, как лечить людей холодом и как сделать, чтобы человек мог заснуть на много лет и проснуться без потерь для здоровья. Понимаете? А Наташа была студенткой, она писала диплом... Черт, опять не то!

— Не волнуйся, Клинок! — мягко перебила мама Рита.— Говори, как умеешь, не ищи слова для меня.

— Ну вот. Мы начали встречаться, а потом стали жить вместе. Все началось из-за моей матери, то есть нет, нельзя так говорить. Я один виноват. У Наташи мы жить не могли, потому что там тесно, и ее отец тогда сам недавно женился. Ее мать умерла, словом, ситуация была непростая. Мы могли бы снимать квартиру, но я пожадничал. Все, что случилось, вышло из-за моей жадности. Мои предки были, в общем-то, не против, чтобы Наталья переехала к нам, в трехкомнатную. Места бы всем хватило. Сначала мы так и сделали, месяц все было хорошо, но потом...

— Наташа не поладила с твоей матерью?

— Да, то есть нет. Все сложнее, а вообще-то такая глупость. Понимаете, моей матери стало казаться, что отец...

— Что он заигрывает с твоей женщиной? — Как хорошо, что мама Рита была слепой. Коваль бы не выдержал сейчас чужого сочувствия.

— В общем, да. Такого никогда раньше не случалось, я хочу сказать, что даже представить себе не мог. Но родители со мной эту тему не поднимали, я уходил утром и возвращался поздно вечером... Вы только не подумайте, никаких сцен не было, но однажды вечером...

Однажды вечером я пришел, а Наталья сидела во дворе, на качелях, и она была пьяна. Впервые я видел ее пьяной. Она сказала, что наверх больше не поднимется и чтобы я забрал ее вещи. Она сказала, что сейчас же уедет домой, а если я хочу строить отношения и дальше, то должен выбирать между ней и мамочкой. Она прямо-таки выплюнула мне в лицо — «с мамочкой»! Мне так и не удалось заставить ее вернуться. Когда я пришел домой, мать наглоталась сердечных капель и заперлась, не стала со мной говорить. А отец пил водку и понес такую чушь, что я уже не знал, к кому из них первому вызывать «скорую»... то есть лекарей. Я отвез Наташу на такси к ее мачехе, отец ее был в командировке. Короче, общая истерика...

Никто мне так и не признался, в чем дело, сколько я ни бился. Вы поймите, я очень любил эту девушку и тогда бы, наверное, простил ей все. У меня не было случая ее ревновать, просто мы... Мы тогда почти нигде не бывали вместе, я работал, Наташа ухаживала за умирающей матерью, я никогда бы не стал следить за ней...

— Ты узнал, что она заигрывала с твоим отцом у тебя за спиной, так?

— Тогда я ничего не узнал.— Артур, как ни странно, начал постепенно успокаиваться.— Наташа даже перезванивалась с моей мамой. Они словно

сговорились, упирали на то, будто слегка повздорили. Ну, две хозяйки на одной кухне, и все такое...

Вы понимаете? Я не стал докапываться, да и некогда было во все влезать. Теперь я думаю, что, если бы тогда настоял на своем, все пошло бы иначе. Папа пару раз пытался со мной поговорить, он видел, что я дуюсь на маму, и чувствовал свою вину. Как-то он даже выпил для храбрости и целый вечер крутился возле меня. Наверное, у меня были проблемы на работе в тот день, я уже не помню, но помню, что вернулся и нагрубил матери. Она спросила что-то вроде: «Когда ты остепенишься?», а я крикнул в ответ...

Короче, я выразился в том духе, что пытался остепениться, но из-за бабской стервозности, скорее всего, останусь холостяком. Маме стало нехорошо, и отец чуть было не рассказал мне все, но так и не отважился. Теперь я не понимаю, как я мог не замечать его мучений. В сущности, он не сделал ничего страшного...

— Почему вы не построили отдельный дом, Артур?

В жаркой тишине натопленной избы слышалось лишь потрескивание поленьев и скрип пера. Артур уже привык, что все слова Проснувшегося демона становились частью Книги, частью общей истории Качальщиков. Ученица разожгла для мамы Риты кальян.

— Тогда жилье было слишком дорого... — Он замялся.— Даже дом в лесу стоил больших денег.

— Кто с тебя брал золото за постройку дома в лесу?! — Мама Рита была искренне поражена.

— Государство, или владелец земли. Кроме того, стройматериалы были, мягко говоря, мне не по карману...

— Государство? — Хранительница оживилась.— Кучка старейшин, заявлявших, что реки и леса принадлежат им, так ведь?

— Ну... не совсем так, но в принципе верно. Одним словом, при той моей зарплате это было невозможно — купить квартиру или дом. Но у папы была дача в садоводстве. Э-э-э... это такой домик за городом, в котором живут только летом, там нет отопления... Глупо звучит, да? И я подумал: пока жарко, почему бы нам не пожить с Наташей на даче? Огурцами мы не занимаемся, электричка рядом, до города полчаса. Ну, лето перебьемся, а там придумаем что-нибудь. Ведь получилось нелепо, всего месяц прошел семейной жизни, и разбежались. У меня водилась монета, я подрабатывал на переводах, мог бы снять хату. Но я пожадничал, повел себя, как последний скопидом. Я так хотел скопить на новый мотоцикл... Мотоцикл — это такая машина...

— Я знаю, что такое мотоцикл.— Мама Рита выдохнула дым.

— Наташа согласилась пожить лето на даче. Мне показалось, она даже обрадовалась. И она сама нашла «харлей». Мой старый мотоцикл, даже не мой, а отца. Это была жутко древняя модель, но исправный, на ходу. Я гонял на нем, пока учился в школе, когда приезжал на каникулы, и все пацаны мне жутко завидовали. В тот вечер мы отпраздновали... повторное начало семейной жизни, выпили немного, короче, валяли дурака. Наташка попросила ее покатать, а потом заявила, что и сама умеет ездить. Оказывается, ее бывший парень занимался в мотоклубе. Милая история, да? Если бы я не был под мухой, я ни за что

бы не согласился. Да кроме того, мне бы и в голову не пришло, что «харлей» заведется, аккумулятора вообще не было...

Но он завелся с разбега, представляете? Да, эта проклятая железяка завелась, и мы часа два гоняли по дорожкам садоводства, распугивая коз и велосипедистов. Наташа меня просила дать ей самой прокатиться, но я боялся. Хотя там было пусто, и ни одной машины. Мы даже подрались тогда, в шутку, конечно... — Коваль спрятал лицо в ладонях.— А потом мы решили поехать в круглосуточный магазин, купить чего-нибудь сладкого к чаю, и еще шампанского. Я пошел в магазин, а ее оставил в седле, и мотор работал. И, как назло, представьте себе, в одиннадцать вечера в лабазе собралась очередь. Там орала музыка, и не было слышно, что происходит на улице. Когда я вышел с шампанским и с вафельным тортом, она уже уехала.

— Она была смелой женщиной...

— Да, пожалуй. Хотя я не назвал бы это смелостью. Потом, после похорон, когда мать мне все рассказала, я понял. Это называлось «попробовать в жизни все». Я ее совсем не знал, Наташу, не знал, чем она занимается без меня. Я был настолько влюблен, что не замечал очевидных вещей.

— Она упала с мотоцикла?

— Она столкнулась с грузовиком, с мусоровозом. Там, на скамеечке, сидели ребята, пили пиво, они мне потом рассказывали. Сначала она ждала меня, затем проехалась пару раз по кругу, но не знала, как включить фару. Выключатель давно сломался, там следовало соединить проводки. Так она и уехала, без света. Главная аллея освещалась фонарями, но Наташка, наверное, решила проехать по кругу, как это делали мы вместе. Или просто разогналась и не успела развернуться в конце дороги, успела только свернуть. Мусоровоз сдавал задом, огни были в порядке, но шоферу бы и в голову не пришло, что кто-то влезет ему под задние колеса. Он и увидел ее уже после того как мотоцикл загорелся... — Артур налил мятного чая из огромного медного самовара.

— Ты не все рассказал.

— Почти все. Просто мама решила, что, возможно, мне будет не так больно, если я узнаю... За тот месяц, что мы прожили вместе, она дважды заставала отца на кухне с Наташкой и один раз видела их вместе в мороженице. То есть ничего такого, понимаете? Они кушали на кухне и хохотали, вот и все. Но мама прожила с папой много лет и заметила, что он стал тщательнее бриться и перестал носить дома тренировочный костюм. Второй раз она застала их, когда папка с Наташей пили вино и сидели почти в обнимку. А потом мать встретила их в мороженице.

— Что такое «мороженица»?

— Гм... Это такое место, куда люди приходили покушать.

— Общинная кухня?

— Нет, не совсем. Там подавали только сладкое замерзшее молоко, смешанное с ягодами и орехами.

— Это хорошая мысль. Кушать замерзшее молоко было непристойно?

— Конечно, нет. Да это и не было дорогое кафе, а так, буфет в магазине. Отец сидел с сумками, с хлебом, да он и не пытался прятаться. Наоборот, заме-

тил маму и помахал ей. Но это... Как бы вам объяснить? Папа не сделал ничего плохого, дело было не в нем, вы понимаете?

— Думаю, да... — Хранительница задумалась.— Твоя женщина позорила твои чувства. Ты любишь ее и теперь, Клинок?

— Теперь мне легче. В те дни... В те дни мне не хотелось жить. Я никого не любил до нее. Были, конечно, увлечения, но так, несерьезно... Все девушки мне казались скучными, они норовили устроиться перед телеком с вязанием в руках. Наталья была совсем иная, с ней я никогда не скучал. В общем, когда ее не стало, я потерялся. Я ухватился за эту идею — уснуть на двадцать лет. Мы не нашли бы ни одного добровольца на такой срок, понимаете? То есть вышло так, что я смалодушничал, я спрятался от своей вины в капсуле. Вместо того чтобы заниматься наукой — а ребята во мне нуждались,— я спокойненько уснул...

— Ты доволен семьей?

— Да, мама Рита. Я встретил добрую женщину и уже год живу с ней в согласии. Она родила мне сына. И поверьте, порой я даже благодарен Исмаилу. Если бы не он, я бы так и жил прошлым...

— Я обещала тебе не давать советов.— Сухие губы Хранительницы тронула улыбка.— Но скажу то, что думаю. Ты считаешь, что несправедливо избежал гибели в год Большой смерти. Но Хранители памяти вписали твое имя в Книгу почти семьдесят лет назад. Хранители памяти умеют видеть грядущее, но селятся отдельно. Тебе незачем с ними встречаться,— перебила она вопрос Артура.— Этим людям тяжело в сегодняшнем дне, они слышат другие времена. Ты поступил верно и проявил смелость. Твой старейшина Институт — я правильно его называю? — мог усыпить вместо тебя вора или убийцу, но ты решился испытать новое волшебство на себе. Ты благородно поступил, и оставим это.

Послушай теперь меня. Еще два года ты будешь учиться, пока твоя женщина выносит второго ребенка. Ты будешь оберегать ее от тяжелой работы и учиться. Тебе никогда не стать таким, как наши воины, но Бердер сделает все, чтобы ты мог выжить один. В городе и в лесах. Молчи, не перебивай меня, я слышу твои мысли. Ты думаешь, почему мы не выбрали кого-то другого? Ты думаешь, мы, как ваши городские соборники, молимся на Книгу и боимся ступить шаг? Нет. Лишь два года назад Хранителям памяти открылось, что наша борьба не будет успешной, пока существует Москва. Другие города не так важны. Москва притягивает метки... Они приходят с Востока и кружат, кружат, как трупоеды, они слышат грязь. Если Хранители пропустят к Москве одну из Слабых, по-настоящему Слабых меток, что способны взрывать Землю...

Мы можем воспитать ребенка, даже двадцать или сто детей, и воспитать из них настоящие клинки, в сто раз лучше тебя. Но у нас нет столько времени ждать, пока дети вырастут. А те, кто сейчас в твоем возрасте, боятся и не пойдут в город. Туда могут пойти только горожане, но кто из них захочет служить Качальщикам? Кто из них поверит Книге?..

— А почему вы считаете, что я должен поверить? — робко осведомился Коваль.— Вы понимаете, что идете против естественного исторического пути? Промышленность неизбежно будет развиваться, и неизбежно появится государство, сколько бы вы ни старались...

— «Государство»! — фыркнула старуха.— Это слово шипит, как десяток вонючих летунов. То, что ты рассказывал здесь старейшинам про ваше государство, звучало страшно, как стон шатуна, и воняло, как гнилая вода, текущая с пожарищ. Что для тебя сделало государство? Ты не имел дома, где растить детей, ты ночами боялся отпускать свою женщину на улицу. Твой друг не хотел быть воином, но его увезли насильно, так ведь? Его увезли, и дали оружие, и заставили стрелять в мирных селян в горах. Потому что старейшинам в Москве так захотелось. Его убили, и никто не помог старикам. И тогда твой отец продал мотор, и мать продала золото, чтобы купить тебе... как это? Освобождение, так? Скажи мне: они поступили мудро?

— Я у них был единственный сын.

— Я спрашиваю: они поступили мудро или глупо?

— Это тяжелый вопрос... Наверное, в то время они поступили правильно. Они спасли меня от Чечни.

— Значит, когда простые горожане, не книжники, выкупают своих сыновей, это хорошо. А старейшины, которые правили в Московской крепости, посылали вас умирать. Эти люди в горах... Почему нельзя было поставить граничную стражу, выкопать ров вокруг их деревень и отозвать воинов? Ты говорил, что горцам принадлежало не так много земли.

— Все так запуталось... — Коваль нахмурился, подыскивая ответ.— Они этого и добивались, чтобы отсоединиться. Правительство считало, что нельзя нарушать целостность государства...

— Опять ты произносишь это слово, Клинок. Какой бы вопрос я ни задала тебе о временах до Большой смерти, выходит, что люди хотели одного, а государство всегда делало наоборот. А когда я спрашиваю тебя, чьи решения были мудрыми, ты вздыхаешь и боишься собственных ответов. Я спросила тебя, почему твоя сестра хотела жить в Петербурге и не могла наняться на работу. Что ты ответил? Ваше государство не давало ей... как это? Про-пис-ку! Потому что она приехала из азиатского города...

— Из Душанбе.

— Да. Я забываю это имя... А там твою сестру и ее мужа чуть не убили и отняли у них дом. Что сделало твое государство? Кто послал воинов, чтобы заступиться за людей? А что ты говорил о своей матери, помнишь? Она нанималась много лет, но за работу получала не золото, а бумагу. Я знаю, вы все тогда получали бумагу. Но твоя мать отдавала свои бумаги... как это?

— В банк.

— Банк! Звучит как выстрел. И что сделало государство, когда старейшины этого самого банка ничего не отдали твоей матери? Не ты ли мне рассказывал в свой прошлый приезд, что эти же старейшины опять собирают золотые бумаги и живут в богатых домах на морских островах? Почему их не повесили за ноги и не надрезали им вены, чтобы ночью их поганые глаза выедали совы? — Хранительница закашлялась. Одна из девчонок поднялась и принесла маме чай.— Я не буду спорить с тобой, Клинок. Ты будешь учиться. Год, если надо, два или три. Пока не найдешь равновесие в душе. Ты верно чувствуешь справедливость, но тебя приучили быть послушным. Когда ты сумеешь жить по справедливости, а не по запретам, ты будешь готов стать Клинком.

— Но ведь я и здесь слушаюсь! — уперся Артур.— Иначе будет полная анархия. Ведь Качальщики тоже стремятся к организации, госпожа!..

Хранительница поднялась, давая понять, что аудиенция завершена.

— Ты ошибаешься в главном, Клинок. Ты слушался Бердера и других старейшин, потому что все это время боялся. Мы сделаем все, чтобы ты перестал бояться. Ты станешь свободен и поймешь, что никто тебя не держит. Ты мог бы уйти из общины в любой момент. Я хочу, чтобы тебя держал не страх, а справедливость.

— Госпожа! Только один вопрос, госпожа... — Артуру показалось, что второго такого момента не будет.— Моя жена, Надя... Это Исмаил так сделал, что я влюбился в нее?

Хранительница от души рассмеялась, закутываясь в шубу:

— Хоть мои глаза и не видят, я семь раз становилась матерью и познала пятерых мужчин. Но только одного я не могу забыть, Клинок. Он был норвежцем и не говорил по-нашему. Кожа его пахла солью, а ладони были шершавые, как кора столетней сосны. Он исколол меня бородой, так что утром пришлось намазаться маслом. Он оставил мне синяки по всему телу, так сказала моя сестра. Пальцы его были крепкие, как волчьи капканы. Он приплывал ко мне дважды, пока не стало ясно, что я понесла. Папа Клемент отдал ему на корабль четверых оленей. Прошло тридцать лет, Артур Кузнец, глаза мои так и не открылись. Но, если ты меня спросишь, я выберу не солнечный свет, а вкус соли на языке. Если ты сам не отдашь душу злу, никто не выберет за тебя, Артур.

24
НАЧАЛО БОЛЬШОЙ ПОЛИТИКИ

Буланый рысак переступил тонкими ногами и потянулся доверчивой мордой к человеку за шлагбаумом. Кобыла отвернулась и, натянув поводок, пощипывала молодую травку в расщелинах дороги.

— Путевая скотинка! — Человек в зеленой фуражке потрепал коня по холке.— Сколько хочешь за него, мужчина?

Бородатый дикарь в седле вежливо улыбнулся и отрицательно покачал головой:

— Лошади не продаются, стражник. Я могу бесплатно угостить тебя и твоих друзей чистой водой, вяленым мясом и фруктами, но я ничего не продаю. Я уже сказал, что не торговец.

— Тогда кто ты такой?

Человек за шлагбаумом быстро переглянулся с обоими подчиненными. Один солдат прятался в узкой бойнице цементного бункера, другой сидел, развалясь на коляске мотоцикла, и держался за приклад автомата. Стражнику не нравилось спокойствие дикаря. Конечно, всадник был дикарем, кожа его лица обветрилась до красноты, а ступни босых ног в стременах казались вырезан-

ными из мореного дуба. К бокам коня были приторочены набитые кожаные баулы, но ни ружья, ни арбалета у гостя не имелось. По крайней мере, на виду. И это казалось очень странным.

— Откуда ты едешь? Ты отстал от каравана?

— Нет, я один.— Бородатый почесал коня за ухом, и у стражника вдруг екнуло сердце. За обшлагом рукава незнакомца блеснула сталь.— Я еду из... скажем так, из окрестностей Екатеринбурга.

— Что?! Ты смеешься над нами, мужчина? Где твое оружие? Ты один едешь верхом от Урала? Ты колдун?

— Не совсем один, и не колдун... — Дикарь опять улыбнулся, но улыбка его не была теплой.— Мои товарищи отстали немного. Они не хотят идти в Москву, а у меня там есть дела. Я ответил тебе, стражник? Пожалуйста, открой и пропусти меня...

— Я не стражник! — озлился обладатель военной формы.— Ты что, не видишь погон? Я капитан безопасности. Ну-ка, дыхни! — Он протянул уже знакомую дикарю розовую бумажку.

Тот послушно дыхнул. Цвет не изменился.

— Разве болезнь еще ходит? — удивился бородатый.— Мне говорили, что последнего заразного забили камнями лет десять назад... А ты действительно капитан! — вгляделся босоногий наездник.— Послушай, капитан. Я мог объехать вашу заставу полем, но не хотел терять время. По пути я проехал десятки селений, где живут люди, и, как видишь, цел. Я стою здесь и разговариваю с тобой, хотя солнце садится, а мне хотелось бы до темноты достичь Москвы. Как ты думаешь, служивый, почему я добрался досюда сквозь заставы?

Капитан кинул косой взгляд на напарника и подумал, не позвонить ли в гарнизон. Солдат на мотоцикле, одетый в железнодорожный китель и пятнистые штаны, навел оружие на конного. Капитан вдруг понял, что ему еще в этой истории не нравится. Собаки не лаяли. Все три волкодава должны были уже рваться с поводков, но ни один даже не появился из-под навеса.

— Мне плевать, как ты ехал раньше,— сплюнул старший пограничник,— но здесь положено платить. Заплати, я тебе дам жетон, по нему тебя пустят переночевать в нашем гарнизоне. Или у тебя нечем заплатить? Тогда мы вызовем патруль и сдадим тебя майору. Он проверит, кто ты такой и откуда взялся!

Капитан взял коня под уздцы. Теперь, если будет доказано, что он поймал колдуна, а скорее всего, так оно и есть, одна из лошадок ему гарантирована...

— У меня есть чем заплатить,— не меняя тона, ответил дикарь.— Но тебе я ничего не дам, потому что платить не за что. Если сумеешь, подойди и возьми сам.— С этими словами бородатый расстегнул висевший у седла подсумок, засунул туда руку и показал целую пригоршню драгоценных камней. Затем матерчатая крышка подсумка опустилась, а дикарь вернул руку на седло.

Капитан беспомощно оглянулся на сержанта. Он не решался просто так выхватить револьвер и пристрелить наглеца. Солдат в амбразуре присвистнул; он немножко разбирался в камнях. Если это не подделки, то на майских торгах за то количество, что небрежно таскал в сумке вшивый дикарь, можно было бы купить целое стадо! Последние годы камни снова пошли в цену...

— И возьму!

Капитан кивнул сержанту. Тот, уже не скрываясь, поднял автомат. Дикарь скрестил руки на груди и отвернулся, словно речь шла не о нем. Капитан пролез под шлагбаумом и запустил руку в глубину подсумка.

Дальнейшее произошло настолько быстро, что боец в дзоте, которому судьба отпустила еще пятьдесят лет, всякий раз начинал задыхаться и махать руками, не в силах внятно описать события. У капитана кровь отхлынула от лица, он потерял фуражку и вытаращился на свою ладонь, на которой теперь не хватало трех пальцев. После этого он завопил тонким голосом, брызгая слюной, а сержант открыл стрельбу. Точнее, он передернул затвор и выпустил очередь в землю. После этого выронил оружие и схватился за левый глаз, из которого торчал метательный нож. Третий стражник располагал только арбалетами, причем последней модификации, сразу на три стрелы без перезарядки. Три стрелы он и выпустил, а затем еще три. Когда он снова поглядел в щелку, дикарь все так же незыблемо сидел на коне, а капитан валялся в пыли, прижимая к груди изуродованную кисть. Босоногий колдун поднял голову и, глядя арбалетчику в глаза через темную прорезь бойницы, выпустил из ладони шесть сломанных стрел.

— Выйди и подними бревно! — приказал колдун.

Солдат, чувствуя, что его неудержимо тянет по-большому, семенящими шагами покинул укрытие. На стенке висел телефон, и он мог бы позвонить, и должен был позвонить, но не решился ослушаться жуткого гостя. А еще он мог бы спустить собак, достаточно было выдернуть крюк из железного кольца. Арбалетчик спустился на три ступеньки из цементной башенки, увидел псов и понял, что отныне он сделает все, о чем бы ни попросил пришелец. Клыкастые звери, каждый крупнее взрослого волка, повизгивали, как щенята, и, натягивая цепи, ловили кусочки мяса, которые швырял им колдун. Зажмурившись, стрелок крутанул ворот с противовесом. В руках у колдуна, как и прежде, не наблюдалось никакого оружия.

— Мои пальцы! — верещал капитан.— Эта сволочь откусила мне пальцы!

Шлагбаум поднялся, и дикарь тронул коня. Кобыла неохотно припустила следом. Арбалетчик не смел поднять взгляд, по спине его струился пот, он чувствовал, что еще немного, и он обделается, не сходя с места, на дороге. Прямо напротив его лица очутилась голая мускулистая лодыжка, вся в шрамах и ссадинах.

— Ты тоже хочешь плату? — Дикарь приоткрыл подсумок.

Боец задрожал всем телом, но любопытство пересилило. Он взглянул и, пошатнувшись, плюхнулся задом в апрельскую грязь. Из сияния драгоценностей торчала плоская треугольная голова с двойным рядом загнутых внутрь зубов в открытой пасти. В зубах монстр перекатывал безымянный палец капитана с надетым широким железным кольцом. Кольцо, видимо, и мешало обитателю сумки проглотить добычу.

— Я не убью тебя,— сказал голос сверху,— если ты мне пообещаешь, что не пошлешь по следу других. Если за мной будет погоня, я вернусь и отдам тебя крылатому. Он еще маленький, ему требуется много мяса, чтобы вырасти. Ты веришь, что я вернусь?

Солдат закивал, истерически всхлипывая.

— Теперь послушай,— бесстрастно продолжал колдун.— Слюна Мига не позволяет крови сворачиваться. Твой капитан, скорее всего, умрет. Если ты перевяжешь ему руку, он выживет и скажет майору, что это ты поднял шлагбаум и пропустил колдуна. Он подлый человек.

— Я... я... я не трону его.

— Это твое дело. Что такое Гарнизон? Это коммуна?

— Нет... Здесь у нас три... — Арбалетчик все еще всхлипывал.— У нас три коммуны. Гарнизон подчиняется Кремлю.

— Вот как? — Кажется, впервые дикарь удивился.— Сколько солдат в гарнизоне?

— Во... восемьдесят.

— А в коммунах нет своих бойцов? Сами они не могут защитить город?

— Им запрещено. Указ президента...

— Надо же, у вас появился президент! Я три года не был в... Москве, солдат. Кто вас, в таком случае, кормит? Коммуны?

— Нет, это тоже запрещено... — Солдат размазывал по лицу слезы.— Не три года... Прости, господин, я не хотел сказать, что ты лжешь. Но такой порядок установлен уже больше пяти лет. Коммуны платят оброк в Кремль, а уже оттуда нам присылают жалованье и еду. Гарнизоны следят, чтобы оброк уходил вовремя...

— Экономичная схема, а главное — оригинальная... Я не понял, для чего тут стоит гарнизон, солдат. Я не вижу следов боев. Кто нападает на город, солдат?

— Никто... — Арбалетчик осмелился поднять глаза.

Колдун спустился на землю, чтобы забрать автоматы стражников. Вблизи он оказался совсем не таким высоким и страшным, как казалось раньше. Длинные русые волосы, связанные в две косицы, были заправлены за ворот свободной дерюжной хламиды. И боже мой! Арбалетчик ощутил тошноту. За спиной у демона висел длинный мешок, из которого, прорвав ткань в двух местах, торчали желтые когти.

— Я люблю животных! — не оборачиваясь, сообщил колдун. Он отрешенно посмотрел на корчащегося в луже крови капитана и легко запрыгнул в седло.— Значит, на город никто не нападает? Это я знаю и без тебя, солдат. На три дня пути от транспортного кольца дикарей нет уже много лет. Тогда зачем ты здесь? Тебе нравится отнимать деньги у тех, кто слабее? Отвечай!

— Не убивай меня, господин, прошу тебя!

— Отвечай, это важно! Откуда ты родом?

— Я из тульской общины оружейников. Папа послал меня в гарнизон в год Холодной смуты... Это все отец, я не посмел ослушаться. Он сказал, что солдатом безопасности быть почетно и спокойно. Безопасность не дерется с дикарями, нас все слушаются...

— Это что за чертовщина — «холодная смута»?

— Но ты сказал, что не был в Москве всего три года!

— Черт возьми, приятель! Если хочешь знать, я вообще из Питера, но политикой интересовался мало. Говори!

— Что ты хочешь узнать? Когда семь лет назад президенты начали дележку земель за Кольцевой дорогой, они договорились, что их люди будут драться на холодном оружии...

— Час от часу не легче! Так у вас тут несколько президентов?

— Было четверо, теперь осталось двое. Наш гарнизон подчиняется кремлевскому папе Ивану. Есть еще президент большой Думы, но скоро его свалят... Папа Иван — настоящий президент России, потому что только у него есть огненные грибы.— Арбалетчик ощутил легкое дрожание почвы. Он сразу понял, что это такое: грузовик вез патрули на смену, двенадцать человек. Дикарь сидел, понурившись, в седле, и долю секунды солдат колебался. Но затем он вспомнил про шесть пойманных в полете стрел:

— Господин, сюда едут. Тебе надо уходить...

— Я слышу,— отозвался колдун, задумчиво почесывая бородку.— Как ты сказал: «огненные грибы»?

— Да, господин. Папа Иван дружит с колдунами со Старой площади. По слухам, такой колдун может пожать тебе руку, и через три дня наступит страшная смерть... А еще колдуны показали папе Ивану тайную комнату, где живет страж огненных грибов. Никто не знает, что это такое, но колдуны никогда не врут...

— Все ясно! — Колдун подобрал поводья.— Я проехал полстраны и не верил тому, что мне говорили друзья. Здесь невозможно дышать, солдат. Прощай, и прими совет — уходи в коммуну, пока тебя не засосало. В тебе еще есть честность.

— Спасибо тебе! — Стрелок облизнул пересохшие губы, провожая глазами маленький вьючный караван.— Спасибо, что не убил меня, господин!

У колдуна оказался превосходный слух. Он придержал коня и обернул к сидящему в грязи человеку неожиданно грустное лицо:

— Ты умрешь и без меня, приятель. И очень скоро, если не бросишь свое занятие.

— Я брошу! Я уйду, клянусь, господин!

— Вот и хорошо.— Колдун пришпорил жеребца босыми пятками.

Над столбе шлагбаума болтался щит с кривыми буквами: «Город Королев».

25
КЛИНОК И ПОРЯДОК

Следующий раз одинокого путника с двумя навьюченными лошадьми пытались задержать на Второй кольцевой дороге. Стража пропускного пункта издалека, с вышки, следила, как путник искал проход в сплошной полосе противотанковых ежей. Он медленно ехал вдоль шоссе и на ходу грыз цыпленка. Лейтенант безопасности прекрасно видел лицо дикаря в мощный армейский бинокль.

— Задержать? — лениво осведомился один из сержантов.— У него нет на шее жетона.

— Вижу, что нет. Похож на южного ковбоя, мог выйти и без жетона.

— И пешком обошел Москву? — фыркнул сержант.— Я возьму Ласку и схожу проверю, лады?

— Давай! — согласился лейтенант и занялся мозолями на ногах.

Когда спустя минуту он заметил, что внизу подозрительно тихо, то выглянул с башни и от удивления уронил на ногу кусачки. Ласка, непредсказуемая зверюга, лежала, раскинув лапы и довольно разъявив пасть. Дикарь спустился с коня, сидел рядом на травке и почесывал урчащего «азиата» по рыжему мохнатому животу. Сержант Халява лежал здесь же, лицом в землю, с руками на затылке и не делал попыток подняться. Ниже его скрещенных рук, вцепившись когтями в голую шею, восседало настолько кошмарное чудище, что остальные стражники на башне начали немедленно творить молитвы.

— Не стоит, лейтенант! — Путник поднял глаза.— В меня вы не попадете, а парнишка умрет. Летун нервничает, когда шум... Лучше отоприте калитку.

— Не стрелять! Никому не стрелять! — выкрикнул лейтенант, как-то сразу поверив, что шесть винтовок не зацепят единственного человека.— Я калитку не открою. Не открою я, не открою!

Летун задрал мышиную морду с красными лучиками кошачьих зрачков и пронзительно зашипел. Лейтенант понял, что он ни за какие сокровища не спустится вниз.

— Гора не идет к Магомету? — непонятно спросил дикарь и исчез.

Что-то сверкнуло, шестеро бойцов в левой башенке Ярославской заставы на мгновение зажмурились, а когда лейтенант открыл глаза, посланец ада уже стоял рядом с ним. Хозяин вампира меньше чем за три секунды поднялся по вертикальной бревенчатой стене. И при этом он был босиком.

— Пощади меня, великий чародей! — Старший патруля бухнулся на колени.— Пощади, я поставлю за тебя дюжину больших свечей Блаженному!

— Не надо мне свечей.— Колдун открыл планшет, развернул на полу карту столицы.— Рисуй.

— Что рисовать, господин?

— Ты человек служивый, должон все знать. Рисуй мне границы коммун. И подписывай.

— Я... я не знаю точных границ, великий... И у нас нет коммун, в столице только гарнизоны. Я не имею права!

— Мне позвать моего друга? — Бородатый чужак внезапно схватил лейтенанта за мизинец и больно его вывернул.— Ты знаешь, как охотится летун? — Бешеные зрачки ввинчивались патрульному в мозг.— Когда он бьет хвостом, никто не успевает увернуться. Никто. У вас тут таких нет, это балтийские, северные зверушки. Он ударит тебя и отлетит. Он будет ждать. А я ждать не буду, я уйду. Летун будет ждать, пока у тебя не отнимутся ноги. Потом руки. Потом он начнет тебя есть. А поскольку он маленький, а ты большой, то трапеза затянется надолго. Ты будешь рисовать, паршивец?

Лейтенант потянулся к мелку.

— Сколько всего жителей сейчас в городе?

— Никто не считал! — буркнул лейтенант.— Говорят, что внутри кольца живет около ста двадцати тысяч.

— Скажи своим орлам, чтобы открыли ворота. Ты пойдешь со мной. Скажи, что, если за нами будет погоня, я отдам тебя летуну.

— Нет! Меня повесят за уход с поста!

Дикарь задрал подбородок. Над потолочной крестовиной башни ворковали почтовые голуби. Секунду спустя пушистые белые трупики попадали вниз. Лейтенант закрыл глаза и читал все молитвы, которые помнил.

— Мне очень жаль птиц. Я всего лишь хотел попасть в Институт холода. Я готов был заплатить за вооруженную охрану по городу. Вместо этого твой солдат спустил на меня собаку. Этот город разочаровывает меня второй раз за день. Садись на лошадь и поезжай впереди. Будешь показывать дорогу, вот адрес. И не вздумай меня запутать. Кстати, оторваться тоже не пытайся, кобыла слушает только меня. Ласка мне нравится, ее мы возьмем с собой.

Несчастный пленник в этом нисколечко не сомневался. Почти в полной темноте всадники миновали спорткомплекс «Олимпийский». Над чашей стадиона полыхали костры, оттуда доносились нестройные вопли и лязг оружия; шло какое-то состязание. На пересечении с Сухаревской всадников остановил патруль Чистопрудного гарнизона. Лейтенант показал жетон безопасности. Он мог бы закричать и броситься с лошади на землю, но на спине, в тоненьком холщовом мешке, поскрипывал зубами летун. Начальник патруля просто был не в состоянии ни о чем думать, кроме как о ядовитых шипах на хвосте упыря. Колдун с интересом поглядывал по сторонам, иногда задавал нелепые вопросы. Они довольно долго ждали на Сретенке, пока ковбои прогоняли скот. Лейтенанту показалось, что колдун рассердился, когда узнал, что стадо, клейменное квадратом, принадлежит не гарнизону, а лично папе Якову, главе Чистопрудных. Потом странный чародей долго не мог поверить, что некоторые гарнизоны открыли бордели, и женщин туда отдают за долги.

Они дворами проезжали места последних боев, где упрямцы из Китай-города пытались противостоять солдатам Кремля. Ни за какие блага патрульный не осмелился бы один, в темноте, путешествовать по чужой территории, но владелец летуна был непоколебим и требовал вести коротким путем. Лейтенант с гордостью поведал, что лично выкуривал повстанцев из Ивановского монастыря. Эти глупцы не соглашались продавать своих пацанов президенту по твердым ценам. Они утверждали, видите ли, что Ярославль и Питер платят больше за будущих бойцов. Пришлось их научить порядку. Теперь главари сидят в тюрьме, самых ярых повесили, остальные отрабатывают на полях.

— Их убивают за то, что они хотят торговать по свободным ценам? — мрачно уточнил волшебник.

— Они нарушили порядок, господин. Но «китайцев» мы подмяли быстро, вот с курскими пришлось повозиться. Сказать по правде, господин, большая ярмарка собиралась на земле курских много лет. Туда вся Россия съезжалась. Но получилось как? Папа Иван, наш президент, очень добр. Он предложил курским без драки перевести большую ярмарку за Малый Каменный мост. Потому что приходят тысячи со всей страны, и никто не платит Кремлю. Курские отказались, дураки! Теперь у них нет ни ярмарки, ни гарнизона. Теперь на Курском вокзале заправляет префект президента.

— У Кремля больше всего людей?

— М-м-м... Три тысячи стволов мы можем выставить в один день, господин. Да к нам все время приходят новые люди, отовсюду...

— Значит, президент Иван заставляет другие гарнизоны продавать Кремлю товар по низким ценам?

— Почему по низким? По справедливым, господин. Вот, например, речники. Год назад они взбунтовались, потому что хотели на всех пристанях торговать рыбой по своей цене, а дальше их не касалось. Но папа Иван радеет за народ, он сказал речникам, что люди бедные и не станут больше платить за рыбку, как за свинину. Он честно предложил этим жадным гадам, что Кремль будет скупать у них все на первой пристани по хорошей цене. Они уперлись. Конечно, сотню лет наживались на нас, а теперь им прижучили хвост!

— И чем кончилось?

— Сейчас полный порядок. Мы утопили четыре баржи вместе с их главарями. Теперь все общины речников продают рыбку только Кремлю.

— А в Москве после этого не стало меньше рыбы?

— Ты прав, господин, несколько месяцев рыбы вообще не было. Как и ковбои, речники перестали ездить на ярмарки. Но потом мы послали к предателям гарнизоны, и все наладилось. Кое-кого пришлось повесить, конечно, не без этого... Мой взвод, господин, усмирял шайку речников в Рублево. Четыре дня мы выкуривали этих демонов из их землянок, пока они не сдались. Полковник пожаловал мне перстень, и еще мне было позволено взять двух девок. Жаль, ни одна не оказалась мамашей...

— И что с ними? Ты живешь с ними?

— Зачем, господин?! Я отдал их в бордель. Одна, правда, померла во время черной язвы, но вторая до сих пор приносит мне доход. Она красивая и здоровая. Если господин пожелает...

Постепенно заложник успокоился: чародей не проявлял явной враждебности. Возможно, мне еще удастся его задобрить, размышлял лейтенант, я отдам серебряные браслеты, я оплачу ему девок из «Балчута»... А может, я ему понравлюсь, и чародей возьмет меня в обучение? Вдруг он сам предложит? Ведь отказываться нельзя, его мышь сожрет меня заживо! Святой Василий, мир праху твоему, за что ты меня караешь?..

— Здесь! — сказал лейтенант, указывая на темную гранитную громаду, окруженную широкой полосой кустов.— Тот адрес, что ты искал, господин. Если позволишь зажечь фонарь, там на стене должны быть цифры, номер дома.

— Нет! — Колдун спешился.— Никакого огня. Теперь давай мешок и уходи.

— Как «уходи»? Ты меня отпускаешь?

Лейтенант двумя пальцами передал хозяину его мешок с мышкой, и только тут до него дошло, что придется возвращаться пешком через весь город. А после объяснять капитану, почему остался жив. И неожиданно для себя он проблеял:

— Позвольте мне остаться с вами, господин.

— Ты боишься темноты? — Бросив уздечку, колдун уверенным шагом продирался сквозь кусты к воротам здания.— Хотя, конечно... Как тебя зовут, лейтенант?

— Мое имя Андрей Порядок.

— Как?! — Босоногий демон расхохотался, настолько непринужденно хлопая себя руками по ляжкам, что Порядок невольно улыбнулся в ответ.— Это знаковый момент! — непонятно сказал демон.

— Я осмелюсь спросить: как твое имя?

Лейтенанту очень хотелось вытащить из голенища нож; он никогда не ходил в темноте без ножа, но при колдуне стеснялся. Тот тем временем толкнул дверь. Ласка сунула во мрак лохматую голову и коротко рявкнула.

— Зови меня Артур Клинок. Теперь запали фонарь.

— Что ты здесь ищешь, господин? Эти улицы проверены много раз, там ничего нет.

— Помолчи. Посвети здесь...

— Я боюсь спускаться, господин. Эта лестница такая старая. Видите, там над входом звезда, значит, внизу пусто! У меня всего одна бутыль масла, господин! Смотрите, великий, даже собака не хочет спускаться!

Овчарка кружилась вокруг лестничного пролета и ворчала, оскалив пасть. Что-то она унюхала там, внизу, куда не достигал ни единый луч света. В здании института пронзительно пахло мышами и гнилым деревом.

— Вот что! — Клинок нетерпеливо обернулся.— Ты служишь в безопасности и на голову выше меня, а ведешь себя не как Порядок, а наоборот. Или ты заткнешься, или подожди меня тут.

— Нет, только не тут. Я отсюда в жизни один не выберусь! Говорю тебе, господин Клинок, я знаю парней, что проверяли этот квартал. Мой бывший капитан...

Беспрерывно стеная, он ковылял вслед за колдуном. Один пролет, другой. Здесь ступени треснули и обвалились вниз, пришлось пробираться по опорному, звенящему под ногами швеллеру. Перила тоже оторвались и повисли над пропастью, словно воротничок из чугунного кружева. В неясном свете масляного фонаря по мокрым от протечек стенам ползали мокрицы и улитки. Лестница спускалась вокруг квадратной шахты. Ласка урчала, осторожно пробуя каждую ступеньку лапой. Порядок заглянул в проем шахты и на самом дне разглядел фрагменты человеческого скелета. Кого-то уже скинули вниз... Нельзя было идти ночью, в отчаянии сетовал лейтенант. Ласка никогда не боится просто так; если здесь окопались крысы с полигона, нам не жить...

— Это здесь,— сказал Коваль. Овчарка подпрыгивала, норовя лизнуть Артура в шею. Он провел ладонью по глухой бетонной стене.— Посвети мне!

Телешев не мог ошибаться, думал Артур, разглядывая вырванную из журнала страницу со схемой. Где-то здесь должен быть рубильник... И рубильник нашелся, но электроны в щитке замерли много десятилетий назад. Понадобятся гранаты, а скорее — направленный взрыв.

— Хочешь послужить великому делу порядка? — Коваль придал голосу торжественность.— И прекрати озираться. Это всего лишь крысы.

— Я хочу послужить, господин, но это не крысы. То есть это могут быть не совсем крысы. Даже Ласка боится...

Огромная собака действительно терлась между людей, как беспомощный щенок. Коваль расслабился и перенес всю энергию восприятия на зрение.

Метрах в двадцати за поворотом лестницы, по которой они спустились, копошились три живых существа. Явной угрозы они не излучали, но Коваль усилил напор. Два широких коридора крест-накрест, их пересекают два прохода поуже. Множество полузатопленных помещений, ни одного крупного животного. Дальняя часть подвала обвалилась, повсюду плескалась вода. Видимо, не так давно просело все цементное основание здания и продолжало мягко уходить в грунт. Лишь за спиной Артур чувствовал мощный титановый каркас. Несомненно, сейсмотамбур. Но входа не было.

Из бокового прохода двигалось нечто живое и, судя по вздыбившейся шерсти собаки, крайне злобное. Всего лишь крысы, но крысы очень большие, размером с фокстерьера.

— Порядок, они агрессивны?

Лейтенанта в который раз затрясло. Он почти перестал бояться своего собеседника, но теперь оживали его худшие предчувствия. Он не видел соперника и заранее готовился к смерти.

Коваль следил, для верности закрыв глаза. Две хвостатые твари, принюхиваясь, продвигались вдоль стенки. Еще две исчезли. Фонарик скорее коптил, чем светил. Артур стоял на ледяном цементном полу, но тут у него мелькнула замечательная идея. Он переместился на шаг в сторону, и правая нога провалилась в лужу. Какое счастье, земля! Кольцо восприятия немедленно замкнулось, разгоняя сердце, сжигая жиры, но он сразу услышал и собаку, и лошадей, и крыс. Секунду спустя он уже знал, что их окружают минимум восемь подвальных хищников. И никто из них не подчинится воле Артура. Как и пчелы, как и прочие представители коллективного разума. Подобные штуки городскому, пусть и демону, были не по плечу.

— Если это черные крысы, господин, то не страшно. Если рыжие — их завезли с южного полигона,— то нам конец... Я видел, как одна такая крыса ела человека, хотя у нее не было задней части...

— Встань мне за спину и помолчи.

Коваль зажал зубами четыре ножа, крайне осторожно откупорил плоский флакончик в поясной сумке. Затем по очереди макнул лезвия в яд.

У него имелось тридцать клинков, понадобилось тринадцать. Бердер бы сказал: «Плохо» — дважды кидал в одного зверя. Извиняло только то, что кидал в полной темноте.

— Все,— сказал Артур, успокаивая сердце. Он срочно нуждался в глюкозе.— У тебя есть еще масло для фонаря?

— Немного, господин, и тряпка кончилась... Великий колдун, возьми меня к себе в ученики! Как ты это делаешь?! Я чуть не уделался со страху!

— Я не колдун. Возьми нож и обрежь шерсть собаке, сделай факел. Потом сходи и принеси мне тринадцать ножей. Надень перчатку и не прикасайся к лезвиям, пока не прокалишь их на огне. Для смерти достаточно малейшей капли. Я не слышу радости, Порядок? Неважный настрой для ученика.

Когда на перекошенных плитах, покрытых белесой грибницей, задымил вонючий костерок, Коваль увидел своих противников. Грызунам досталось от людских экспериментов еще больше, чем питерским булям. Темно-рыжая, в проплешинах, шерсть, голый хвост, щетинистый горб на затылке. Скакатель-

ный сустав на задних лапах развернут в обратную сторону, и вообще задняя конечность вдвое длиннее передней, как у кенгуру. Слепые бусинки глаз, точно у крота, и неправильный прикус. Нижняя челюсть выдавалась вперед, обнажая зубки, скорее подходящие доберману. Ласка тихо подвывала у Артура за спиной.

— Они не живут при свете, господин. Говорят, что их завезли случайно, с полигона, где добывают гранаты. Там бункеры и гнилая вода. От гнилой воды все изменяется. Комары вырастают с воробья, а крысы их ловят. Мы выслеживаем их и сжигаем, но днем. А ночью они нападают на скот. Одна крыса может задрать целое стадо свиней, просто так, будто волк...

— Пошли! — скомандовал Коваль. У него в голове забрезжила новая мысль. Если повезет, можно будет обойтись без гранат.— Нам выше этажом, но надо найти эту же точку.

Точку они искали недолго. У патрульного заметно отлегло от сердца, потому что на первом этаже в окна проникал лунный свет, и, стало быть, крысы здесь не достанут. Коваль развязал мешок, вручил Порядку топор:

— Ломай пол, приятель. Вскрывай-вскрывай, пока не дойдем до перекрытия.

Лейтенант скинул куртку и взялся за дело. Вдвоем они часа за два содрали верхний слой досок, вычерпали труху и достигли кожуха вентиляционного колодца.

— Руби железо!

Затем лейтенант спустился в дыру и на ощупь прорубил еще две металлические преграды, а также несколько сетчатых фильтров. Когда отверстие стало достаточным, Коваль опустил в темноту веревку с горящим концом. И почти сразу увидел край анабиозной капсулы. Ласка сунула нос в дыру, но ничего подозрительного не унюхала. Лейтенант сидел на полу и дышал, как загнанная лошадь, разглядывая то, что осталось от топора. Хорошо, что я прихватил этого тяжеловеса, порадовался Коваль. Если придется вытаскивать людей через вентиляцию, один я не справлюсь...

Они сколотили из досок подобие лестницы. Высота потолка в камере превышала три с половиной метра. Затем накидали вниз топлива для костра и спустились. У Артура пересохло в горле, когда он с факелом в руках подошел к первой капсуле. Свершилось то, о чем он мечтал три года. Чудо уже то, что он сюда добрался, несмотря на препятствия. А вдвойне будет чудом, если из московской пятерки кто-то окажется живым...

Из окошка первой капсулы на Коваля смотрела оскалившаяся мумия. Порядок охнул и забормотал молитвы. Вне сомнения, он считал, что присутствует на дьявольском обряде в заколдованном подземелье, откуда живым уже не выйдет.

— Это обычные люди! — как можно мягче сказал Артур.— Они уснули до Большой смерти, понимаешь?

Вторая и третья капсулы. То же самое. Даже не мумии, а сплошное месиво, видимо, температура реагента поднялась слишком быстро. Ковалю хотелось заорать от безысходности. Следующие два агрегата стояли пустые. Еще одна капсула, с мертвецом внутри. Порядок молился. Очевидно, он полагал, что колдун прямо сейчас оживит скелеты, и они полезут к нему обниматься.

И тут Коваль увидел слабый свет. Совсем крохотные голубые огоньки у изголовья двух последних лежанок. Та самая криобатарея, о которой писал Телешев, последняя разработка Толика Денисова. Замерев от вспыхнувшей надежды, Коваль протер иллюминаторы. Мужчина и женщина. Оба целы, хотя лиц практически не разглядеть. Маски на месте, а выше, словно застывшая слюда, сантиметровый слой реагента. Он нагнулся к пульту, но все приборы оказались мертвы. Единственным доказательством, что капсулы в режиме функционирования, оставалось бледное свечение индикатора.

Выбора нет, сказал себе Коваль, и повернул оба выключателя. Моментально пространство внутри капсул осветилось, и в окошках побежали перевернутые задом наперед зеленые цифры. Точно такие же, что встречали его три с лишним года назад. Программа реанимации запустила обратный отсчет.

— У нас три часа, лейтенант! Можешь поспать,— сказал Артур, поудобнее усаживаясь на мешке.

В дыру на потолке проникал неясный лунный свет. Овчарка время от времени поднимала мохнатую голову: Ласка терпеливо дожидалась нового хозяина, ушедшего под землю.

— Я не усну, господин, тут слишком холодно! — Порядок лязгал зубами. Периодически он разжигал костер, а затем задыхался от дыма.— Ты пришел в столицу, чтобы оживить этих могучих магов, господин?

Колдун долго не отвечал, и патрульный уже решил, что тот заснул.

— Не только за этим! — наконец отозвался голос из мрака.— Мои друзья, они живут далеко отсюда, просили меня узнать, как тут у вас дела... — Колдун вздохнул.— Они считают, что в Москве царит беззаконие и страдают много людей.

— Но это совсем не так! — горячо заступился за родимый край лейтенант.— Ты же заметил, господин, какой на улицах порядок. Если бы господину было угодно задержаться, я показал бы ему столицу днем. С моим жетоном безопасности,— он звякнул цепочкой,— мы пройдем везде...

— Я видел виселицы на мосту. Человек двадцать, не меньше.

— Ах эти! Это бунтовщики из Люберец, они посмели заявить, что будут сами торговать птицей с Ярославлем. Представь себе, они хотели оставить казну без оброка.

— А Ярославль? Их коммуны тоже подчиняются Кремлю?

— Пока нет, господин. Но это ненадолго! Ходят слухи, великий,— Порядок понизил голос,— что очень скоро мы выступим туда и поставим гарнизон. Они совсем обнаглели, ярославские!

— Я слышал, что у папы Ивана есть огненные грибы? — как бы невзначай осведомился Коваль.

— Мой господин, об этом нельзя говорить, но... — Патрульный подобрался поближе, словно его кто-то мог подслушать.— Наш мудрый президент, мир дням его, заключил союз с колдунами из полигона, что добывают порох и гранаты. Никто не знает где, но за городом есть большие подземелья. Там стоят моторы, которые можно разбудить. А на моторах лежат железные трубы. В трубах спят огненные грибы. Есть тайные заклинания, которые могут их разбудить...

У Коваля внезапно заломило виски. Это круто, дальше некуда, рассуждал он. Видимо, оперативно-тактические ракеты малого радиуса. А почему бы и нет? Он представил себе армаду грузовиков на деревянных колодках, законсервированных в ангаре, щедро политых маслом, и зачехленные тупые рыла боеголовок. А тайные комнаты? Забытые командные пункты, где хранятся шифры на запуск, или как у них там это называется? Возможно, что для подобной техники не нужны никакие шифры...

— Знаешь, господин, я сначала испугался, что ты из Тех, кто раскачивает... Ведь известно, что они умеют подчинять себе зверей и убивают одним взглядом. Я так испугался, господин, но потом увидел, что ты сражаешься железом. Я уже решил, что сбывается легенда о Проснувшемся демоне...

— Как ты сказал?!

— Ну, это, конечно, сказки, но есть те, кто верит. Нам рассказывал на моленье настоятель собора Святого Василия. Он хоть и колдун, но добрый человек, прямо как ты, господин. Он говорил про гадания на крови дикарей. Когда поймали и пытали мерзких колдунов с востока, что насылали язву на скот, они признались, что гадали на крови и видели, как придет в Москву Качальщик по имени Проснувшийся демон, и наступят от него великие беды и гибель... Это глупость, я понимаю, господин. Мерзкие колдуны всегда обещают погибель, когда их пытают. Но они плохие, не такие, как ты, великий...

— Помолчи-ка! — Коваль снова почувствовал себя рыбой, поддетой на крючок.— Ты поведал мне много интересного. Раньше я склонялся к мысли, что в Москве мне делать нечего, но теперь я, пожалуй, задержусь.

— Я так счастлив, господин! — В мыслях патрульный уже представлял, как он приведет столь ценного человека к капитану. Или нет, лучше сразу к полковнику! — Ты даже можешь, господин, если захочешь, быть представленным самому президенту. И заслужишь великие богатства благодаря своим чудесным умениям. Ты увидишь, что твои друзья ошибались, и в столице полный порядок.

— Это меня больше всего и пугает! — чуть слышно отозвался колдун.

26
ХОТЕТЬ В ПАРИЖ НЕ ВРЕДНО!

Пробуждение прошло нормально. Последние минуты Артур провел, неотрывно наблюдая за процессами в капсулах. Едва загорелась надпись об успешном завершении процесса, он не стал ждать, пока человек внутри очнется, и принялся крутить подъемный винт вручную. В первой капсуле лежала женщина. Едва открыв глаза, она принялась орать, забилась в угол и глядела на Коваля с выражением пещерного ужаса. Даже электроды с головы позабыла снять. Мужчина из второй капсулы вел себя приличнее, хотя тоже здорово перетрухнул. Артур уже решил, что оба повредились мозгами, и теперь у него на

руках окажется вместо соратников парочка пускающих пузыри идиотов. Он открыл мешок и кинул им одежду. Женщина осознала свою наготу и тут же прикрылась. Коваль даже не успел заметить, красива ли она. Потом он поставил себя на место проснувшихся людей, отошел в тень и заговорил. Он употребил все свое красноречие, чтобы успокоить их страхи.

Спустя какое-то время мужчина натянул штаны и подошел представиться:

— Сергей Дробиченко. А это моя жена Людмила.

Людмила стучала зубами. Для Коваля, который давно не обращал внимания на такую ерунду, как холод, стало очевидным, что спасенные в самом скором времени попросту замерзнут. Он поднял за шкирку лежащего ничком на полу лейтенанта. Порядок тут же бухнулся на колени и принялся умолять великих колдунов сохранить ему жизнь. Как ни странно, поведение и одежда стражника подействовали на супругов Дробиченко отрезвляюще. Кое-как все четверо по самодельной лесенке выбрались наверх и, к радости Порядка, разожгли наконец нормальный костер.

При виде того, во что превратился институт, у полуголого инженера отвалилась челюсть. Коваль послал к Людмиле Ласку; женщина обхватила собаку и уставилась в огонь. Артуру очень не нравилось ее состояние, лучше бы она продолжала плакать. Искры взлетали к высокому потолку, выхватывая из темноты развороченные стеллажи и обломки оборудования. В разбитые окна стучали кусты, порывами налетал колючий ночной ветер.

— Господи! — сказал Дробиченко, вернувшись с короткой экскурсии по этажу.— Там за окошком стоит лошадь!

— Это моя! — кивнул Артур.— Не желаете подкрепиться?

Он вытащил из мешка свои запасы. Слишком хорошо Коваль помнил, как его сгибало в дугу первые часы. Убедившись, что Людмила способна самостоятельно питаться, он протянул супругам журнал Телешева. Закончив читать, Дробиченко некоторое время сидел неподвижно и шевелил губами, как двоечник, забывший у доски ответ. Он был очень смешной, лысый и тощий, с оттопыренными ушами. Людмила повязала на голове какую-то тряпку, чтобы скрыть бритую макушку. Коваль посчитал это добрым знаком: раз женщина вспомнила о мужском внимании, стало быть, оклемается...

— Выходит, Ракитский, не спросив нас, изменил режим? Но это произвол!

— Иначе вы были бы мертвы,— холодно ответил Артур.

— А остальные? Там сказано, что...

— Никто больше не выжил. Остальные капсулы повреждены. Теперь вы можете слушать? Люда, я к вам обращаюсь!

Женщина кивнула. Останавливая взгляд на костюме и черных пятках Коваля, она и теперь слегка замирала, но самообладание уже возвращалось к ней. Артура вторично кольнуло нехорошее подозрение. Ему очень не нравилось, когда люди не смотрят в глаза.

Он снова заговорил. Ученые понимали по-английски, и Коваль, насколько позволила память, объяснил им, кто такой его спутник и почему не стоит быть особо доверчивыми в его присутствии. Затем отослал лейтенанта сторожить вход, хотя в этом не было никакой надобности. Он ни слова не сказал о Качальщиках, но попытался в общих чертах передать ситуацию в Москве и за ее пре-

делами. Дробиченко долго молчали, переваривая оглушительные новости. Только теперь до Артура дошло, что совсем не обязательно ученые его послушают и уедут в Питер. Для него раньше не возникало сомнений, что именно так следует поступить, но теперь он крепко задумался. Рядом сидели взрослые самостоятельные люди, которые, безусловно, требовали ухода и поддержки, но вполне могли отказаться от его услуг.

— Стало быть, работорговля? — опустив голову, уточнил Сергей.

— Все к тому идет.

— И фашистская клика во главе?

— Пока что скорее мафиозная структура. По крайней мере, кремлевцы строят жизнь «по понятиям». И контролируют они даже не все Подмосковье. Но замахиваются на всю страну. Один мой местный знакомец назвал это возвратом к естественным общественным отношениям.

— Ну разумеется... — Дробиченко пожевал копченую цыплячью ножку.— А что за границей?

— Примерно то же самое. В смысле плотности населения. Последние лет двадцать наладилась торговля. Про Москву не знаю, но питерские ходят караванами в Финляндию, Польшу, Литву, Швецию... Впрочем, границы теперь весьма условны.

— И что вы предлагаете нам делать? Чем лучше ваш папа Рубенс, чем новый президент? Может, лучше махнуть в эмиграцию?

— Именно это я и намеревался вам предложить. Вместе отправиться в Берн или Париж. Возможно, нам удастся разбудить коллег...

— Вы только что сказали, что нет ни поездов, ни авиации! — гневно перебила Людмила.— Вы полагаете, что мы пойдем в Париж пешком?! Больше делать нечего!

— Ты же сама хотела! — заикнулся супруг, виновато поглядывая на Коваля.

— Хотеть не вредно! — всхлипнула Людмила.— Ты как всегда, Серж. Сначала бросаешься, ни с кем не посоветовавшись...

— Да, знаете ли... — нерешительно добавил Сергей.— Мы вам, конечно, верим, но хотелось бы пообщаться с кем-то из руководства...

— Руководство?! — Артур сдержал ругательство. Черт подери, с этим инженером они говорили на разных языках! Или он за три года совсем одичал? — Вы можете присоединиться к любому из столичных гарнизонов, а их более двадцати, не считая пятидесяти мелких банд.

— Позвольте! Мы похожи на людей, способных вступить в банду?

— Вам так или иначе придется кому-то подчиняться,-- развел руками Артур.— Но здесь я прогнозирую бесконечную войну за сферы влияния. Папу Ивана рано или поздно грохнут, как любого тирана, может даже начаться общее восстание.

— Он действительно Иван, или претендует на лавры Грозного?

Артур посмотрел в окно. Над столицей занимался рассвет. Радуясь первому теплому утру, в палисаднике принялись куролесить сотни пернатых.

— Не он, так другой... Ребята, нас отшвырнуло назад на тысячу лет.

— Вы сами убивали людей?

Людмила не сводила с Коваля колючего взгляда, но стоило ему повернуться, как она тут же прятала глаза. Коваль почувствовал, что начинает раздражаться, а это было совсем ни к чему.

— Иначе бы убили меня, сударыня. И вы бы навсегда остались в капсуле. Вас устраивает такой ответ?

— Секундочку! — забеспокоился Сергей.— Уж не намекаете ли вы, что и нам придется стрелять? Меня от этого увольте!

— Вы можете поехать со мной в деревню. Там вам не придется брать в руки оружия...

— В деревню?! — саркастически хмыкнула Людмила.— Для того я готовила докторскую, чтобы копаться в навозе?

Оба Дробиченко, насупившись, молчали. Артур решил смягчить разговор:

— Я предлагаю вам поехать со мной, и совсем не обязательно в Питер... Я так ждал этого дня. Я ждал, когда смогу пообщаться не с дикарями, а с современниками.— Он не находил, что еще сказать.— Но сейчас вам лучше подождать меня здесь. Я добуду вам еду и лошадей. Ни в коем случае не выходите наружу. Ласка останется и будет вас защищать...

— Мне нужно принять душ! — перебила Людмила.

— Сожалею, но здесь нет воды.

— Нет воды?! Но я же не могу ходить как...как...

— Как я, вы хотите сказать? Я уверен, что найду вам воду.

— И это! Что это за дрань? — Людмила брезгливо рассматривала кожаные штаны.— От них воняет!

— Да, одежонка слегка подкачала! — неловко рассмеялся Сергей.— И правда, воняет. Видимо, мездровали некачественно. Кроме того... Короче, я уже распорол ногу. Вы не могли бы найти нам обувь? У меня сорок второй, а у Люды тридцать седьмой размер...

— Тут же была раздевалка! — вспомнила Люда.— Там все мои вещи и косметика. Серж, сходи посмотри!..

— В раздевалку вы не попадете! — урезонил женщину Артур.— Все подвальные помещения затоплены.

— Бред какой-то! Но магазины-то работают?

Ковалю показалось, что он сходит с ума. Чтобы не нагрубить, он быстро пробормотал слова извинения и покинул комнату.

Лейтенант исчез. Сбежал, собака, подумал Артур, полной грудью вдыхая талую апрельскую свежесть. Конь обрадовался, увидев хозяина, подошел и ткнулся в ухо слюнявыми губами. Некоторое время Артур прикидывал, как лучше поступить. Вряд ли Порядок приведет подмогу, он же понимает, что его не будут здесь ждать. Да, не вышло из парня ученика чародея, ну и бог с ним. Такого все равно не перевоспитаешь. А вот с Дробиченками гораздо хуже, пройдет время, прежде чем они адаптируются. Нет, не то чтобы он разочарован, но неужели у академика Ракитского не нашлось в штате никого поумнее?..

Коваль покормил дракона и поднялся в седло. Затем долго свистел в бесшумный свисток, подзывая летуна. Наконец, сытый до неприличия вампир появился, плюхнулся в мешок и уснул, выставив раздутое пузо.

—Хорошо тебе! — сказал летуну Артур.— Ты при любой власти пожрать найдешь!

Летун открыл один глаз и сказал «Кха!» С его морды свисал пучок вороньих перьев. Коваль сверился по карте и отправился в сторону ярмарки. Если где-то и продают лошадей, то именно там. Потом он представил себе, как долго придется уговаривать Людмилу Дробиченко сесть на лошадь, и поежился.

Москва была огромна, она разрослась еще больше. Многое Артур узнавал, но за двадцать лет до катастрофы построили и кое-что новенькое. Москворецкая набережная стала двухъярусной, за Устьинским мостом появился еще один, высокий, однопролетный. У Москворецкого моста он издали заметил трехуровневую развязку, а под ней баррикаду, прогуливающихся часовых и посчитал за лучшее объехать по другой стороне реки. Прямо под опорами моста стояли на якоре четыре сцепленных между собой рыбачьих баркаса. На одном из них дымилась печурка, а дядьки в ватниках готовились выбирать сети.

Не встретив больше ни одной живой души, Коваль огородами выехал к храму Георгия Победоносца, оценил размеры разрушений и свернул к Болотной набережной. Он вынужден был согласиться, что столичные улицы смотрелись лучше. Скорее всего, судя по отсутствующим перилам набережных, армейские бульдозеры в дни кризиса просто сметали в реку брошенный транспорт. Несколько таких заросших лопухами машин, точно стадо слонов, пришедших на водопой, Артур заметил у самой воды. Потом ему встретился подбитый танк. Следов тяжелой артиллерии пока не наблюдалось, но стены всех нижних этажей зданий были густо нашпигованы пулями.

Навстречу проехал почти целый джип, только вместо резины на скатах крутились какие-то тряпки. Трое небритых парней, сидевших в машине, проводили всадника хмурыми взглядами. На борту джипа красовался аляповатый трехцветный символ. Коваль вспомнил, что уже встречал такие же на стенах домов. Принадлежность одного из гарнизонов. Они уже поделили весь город, мрачно размышлял он, везде метят территорию. Наверное, тут нигде нельзя просто так взять и вселиться в полюбившийся дом. Вот я, например, с детства мечтал пожить в исторической сталинской высотке... Высотки, кстати, остались на местах, ни одна пока не рухнула. Но помимо них, всматриваясь в рассветное марево, Коваль заметил еще целый ряд циклопических сооружений, скорее всего, на самых окраинах города. Часть из них почернела от бушевавших некогда пожаров, но кое-где на большой высоте светились огоньки.

Ярмарку он сначала унюхал, а уже потом увидел. Несмотря на ранний час, остров кишел народом. Здесь раскинулись сотни, а может, и тысячи палаток. Торговали с телег и высоких фур, запряженных быками, из сбитых на скорую руку контейнеров и прямо на земле. Всю Берсеневскую набережную занимал бесконечный ряд дощатых сходней, к которым в очередь швартовались целые флотилии рыбацких судов. С грохотом и песнями грузчики катили бочки и кидали из рук в руки товар помельче. У дальнего причала стояла длинная баржа-лесовоз; такелажники вручную разворачивали стрелу с подвешенной сетью, заполненной дровами. Со стороны Большой Полянки ржала и мычала сухопутная колонна. Стражники с жетонами Кремля на груди поднимали бревно, пропускали телеги по одной. На облучок взбирался мальчишка и, как заправ-

ский лоцман, сопровождал очередного негоцианта в отведенный ряд. Везли все подряд. В конце апреля Артур никак не ожидал встретить фрукты, но мимо прокатились три телеги, забитые ящиками с яблоками.

Свиные полутуши в мешковине, засыпанные колотым льдом, привязанные за ноги вопящие индюшки, откормленные на печень неповоротливые гусаки. Следом за гусями прошла повозка, заполненная валенками, и закрытый железный фургон с оружием. На крыше передвижного арсенала восседали четверо молодцев самого свирепого вида. Коваль отыскал коновязь, где за мелкую монету можно было оставить лошадь. В который раз он убедился, что отстал от жизни. Служитель «паркинга», вороватого вида малый в кроличьей безрукавке на голое тело, наотрез отказался принимать золотой лом. Только президентские монеты, настаивал он, стреляя глазами, но в конце концов жадность взяла верх. Артур получил медный номерок, не догадываясь еще, что совершает глупейшую ошибку. Он оставил притороченными к седлу оба тюка и подсумок.

И он оставил в подсумке дракона.

27
ЗНАКОМСТВО С ИНКВИЗИЦИЕЙ

Ярмарка производила грандиозное впечатление. Несмотря на гвалт и суету, в оптовых секторах царил полный порядок. Коваль уже понял, что все товары сначала выставлялись здесь, проходили через посредников Кремля и лишь потом разбирались мелкими торговцами. На его глазах в считанные минуты купили целый караван с медом. Главная контора, где проходили крупные сделки, находилась, очевидно, в бывшем Театре эстрады, но среди рядов тоже бродили оптовики в окружении четверых дюжих офицеров безопасности. Деньги носили в кованых неподъемных сундуках. К «обменнику» тянулась длинная очередь, начальство ярмарки разрешало к свободному хождению только местное золото и серебро. Медь принималась и посторонней чеканки, но шла по абсурдно низкому курсу, практически на вес.

Артур постоял минутку, пытаясь разобраться в хитросплетениях цифр на огромной грифельной доске. Рубли ярославские, казанские, рязанские, тамбовские... Чем дальше шли торги, тем быстрее курс менялся не в пользу провинции. При равном весе и содержании золота в монетах ни один российский рубль не достигал в цене и восьмидесяти процентов от столичного. Но самое интересное ждало Коваля на другой доске. Марка, крона, фунт... Черт подери, выходит, от евро ничего не осталось и старушка Европа возвращается к удельным княжествам?

Он заставил себя оторваться от расчетов и уже направился в сторону усыпанной песком арены, где по кругу галопировали лошади, когда все и произошло.

— Вот он! Это он! — Истошный крик перекрыл остальные звуки.

Все головы повернулись в одну сторону. Разрезая толпу, как нож режет масло, к Артуру неслась шестерка вооруженных солдат. За их спинами, прижимая к груди обмотанную окровавленным тряпьем руку, бесновался тот самый придурок, которому Артур доверил коня.

— Это он, мерзкий колдун! Это Качальщик, убейте его!!

Все стало ясно. Воришка, вместо того чтобы защищать доверенное имущество, полез в сумку с камнями и напоролся на вечно голодного Мига. Если дракончика не кормить, он бы еще долго оставался маленьким и надежным стражем карманов; последняя модификация, выведенная Прохором Вторым, позволяла замедлять рост на несколько месяцев.

— Убейте его!

В Артура, почти в упор, целились из шести ружей. То, что осталось от несчастного Мига, один из патрульных держал на острие казачьей сабли. Толпа мигом отхлынула в стороны, освобождая круг. Коваль проклинал себя за глупость. Проехать полстраны, миновать два пожарища, дважды драться с дикарями, чтобы попасться таким нелепым образом! От пули не уйти... Он расслабил дыхание, концентрируясь на обступивших его солдатах. Нет, бесполезно. Коваль мог бы их обмануть, всех шестерых, но с рынка его не выпустит толпа. Он видел, как женщины показывали пальцами на мертвого змея, как крестились старики и сжимали кулаки мужчины. Неужели они убили и коня? В крайнем случае, он мог подозвать жеребца свистом...

— Я умираю! Лекаря! Позовите лекаря! — «Парковщик» катался в пыли, безуспешно пытаясь остановить кровь.

— Ты можешь спасти его, мужчина?

Артур обернулся. На площадке перед обменным пунктом почти не осталось людей. Толпа отступала, растворяясь в щелях между повозками. Перед Ковалем стояли трое. Один — высокий, очень худой человек с желтым лицом и набрякшими мешками под глазами. В руках человек держал очки с сильными стеклами и неторопливо протирал их замшевой тряпочкой. Высокие залысины, парадная офицерская шинель без знаков различия и блестящие, как зеркало, хромовые сапожки. На шаг позади говорившего насупились двое амбалов, по виду обычные телохранители. Оба также целились в Коваля из револьверов.

Единственным острым воспоминанием, посетившим Артура в тот критический момент, была отчетливая картинка: Надя Ван Гог стоит на пороге дома, держа за руку старшего сына. Маленькая Белочка лежит, спеленутая овечьим одеяльцем, у отца на руках. Повитуха ошиблась, вторым родился не мальчик... Он целует дочь в розовую пуговку носика и передает теплый сверток матери. Потом поворачивается и уходит не оглядываясь. Он так и не успел понять в безумном ритме лесной учебы, любит ее или нет...

— Могу... — осторожно ответил Коваль.— Могу вылечить и его, и тебя.

— Спаси его! — Человек надел очки. Он прекрасно собой владел, но от Коваля не укрылось, что вторая часть фразы была услышана.— Возможно, я сохраню твою жизнь.

Отступать было некуда. Коваль достал из поясной сумки нужный флакончик. Бедолаге развязали руку; из обрубков пальцев хлестала кровь.

— Это все? — Очкарик оставался недвижим.

— Все! — сказал Коваль.— Рана затянется. Этот человек — вор, он пытался...

— Мне это известно. Он будет казнен,— холодно отрубил собеседник.— Ты Качальщик?

— Нет! — Артур лихорадочно продумывал линию поведения. Какое счастье, что он оставил летуна возле института, охранять кобылу! — Я просто странник из Питера и подобрал этого зверька на пожарище...

— Ты не Качальщик.— Голос очкарика звучал, как скрип несмазанного колеса.— Те не заходят в города. Ты колдун, раз сумел приручить дьявольское отродье...

— Умоляю! Пощадите, ваша святость! Пощадите, это все он, колдун! — «Парковщик» уже оправился от своей раны и теперь бился в руках двоих сержантов безопасности.

Очкарик на раненого даже не взглянул, он продолжал изучающе рассматривать Коваля.

— Ваша святость? Ты соборник... господин? — вовремя поправился Артур.

— Я настоятель собора Святого Василия Блаженного, отец Карин.— Было видно, что Карин ожидал от Артура какой-то реакции и не смог сдержать удивления, когда реакции не последовало.— Взять его. Если у тебя есть оружие, лучше отдай сам.

В затылок Коваля уперлись два ствола. Мгновением позже он был обыскан; отняли все ножи, отняли пращу, золото и наборы химикатов. Кое-что, впрочем, не нашли. Карин пошевелил носком сапога горку «вещественных доказательств»:

— В каземат его.

— За что? — осмелился Артур. Раз на месте не расстреляли, следовало попробовать на зуб местное законодательство.— Я не сделал ничего дурного, пришел купить лошадь.

— За что? Ты убил двух патрульных в Королеве. Ты провез в город крылатую змею. Ты похитил офицера безопасности и пытался обратить его в колдуна. Ты расплачивался кусковым золотом. За каждое из этих преступлений ты заслуживаешь казни.

У Артура все внутри опустилось. Не стоило недооценивать ищеек Кремля. Видимо, служба оповещения была поставлена здесь гораздо лучше, чем он мог предполагать. Ему заломили руки и бегом пронесли через опустевшие ряды. За пределами рынка Карина ждал обитый жестью автобус «мерседес». Коваля втолкнули в заднюю дверь и повалили на пол железной клетки, приковав наручниками к прутьям. Он даже не мог приподняться и сесть, так и лежал всю дорогу, набивая шишки. В салоне витала чудовищная смесь запахов из отрыжки, немытых тел, горелого можжевельника и жженого сахара. С поправкой на повсеместное отсутствие асфальта, автобус мчал на бешеной скорости.

Когда Артура вытащили наружу, левый бок болел так, словно его час топтали ногами. Но ногами арестованного не били, только сунули пару раз в ребра для придания верного направления. На шею накинули затяжную петлю и поволокли по низким сводчатым коридорам. Это были старые, очень старые казематы; возможно, они помнили еще крики поднятых на дыбе стрельцов. Воз-

можно, в этих сумрачных застенках раскаленными щипцами пытали зачинщиков многочисленных русских смут...

Он видел в темноте, но смотреть было не на что. Камера едва превышала четыре квадратных метра, а разогнуться мешал мокрый кирпичный потолок. Коваль ощупал стены. Толщина их составляла не меньше метра, кроме того, застенок явно находился ниже земной поверхности. Тяжелая дверь, запертая двумя щеколдами и крюком. И, что хуже всего, слой безжалостного камня под ногами, ни клочка земли, где можно было бы почерпнуть силу. Холод его не беспокоил, а без еды Артур мог обходиться много дней. Больше, чем за себя, он волновался за супругов Дробиченко. Что с ними будет, даже если лейтенант Порядок не привел в институт солдат? Они остались без еды и пищи в промерзшем здании, где подвалы кишат крысами-людоедами...

Артур расслабился и постарался разглядеть внешние границы своей темницы. На этаже размещались еще четыре каморки и запертая снаружи дверь на лестницу. За ней человек, охранник. Как минимум еще одна железная дверь, выше этажом, за ней Коваль тоже чувствовал людей. Он так и не придумал, как себя вести. Допустим, положить тюремщика, когда тот принесет воды, не составит труда, но дальше ему не прорваться. Это только в кино злодеи покидают тюрьму, прихватив заложника. Коваль почему-то не сомневался, что Карин, не сморгнув глазом, пожертвует десятком подручных.

Он заставил себя плюнуть на проснувшихся ученых, но мысли о семье отогнать не мог. Возможно, подобные чувства начинает испытывать каждый заключенный, раздувая в себе память об оставленных на воле близких. А у кого нет близких, начинают их придумывать, чтобы хоть как-то убаюкать себя, будто их кто-то ждет и помнит за пределами темницы... Он не мог с уверенностью ответить даже себе, какие чувства испытывает к матери своих детей. Привязанность? Симпатия? Уважение? Нелепые, поблекшие слова из сгинувшей эпохи, давно растерявшие смысл. Здесь понимали глагол «любить», очевидно, этот символ пребудет вечно, даже если выжившие после катастрофы перебьют друг друга и на планете останутся два последних человека...

Он так мало времени проводил с женой наедине. Двадцать дней в месяц он гонял с Бердером и другими наставниками по лесам и болотам наравне с мальчишками и девчонками, как перероток Ломоносов, осваивал науку выживания и науку подчинения земли. Его прежние знания оказались невостребованными; в отличие от городских жителей Качальщики почти не интересовались техникой прошлого. И проникаясь собственной обидной никчемностью, бывший отличник и стипендиат сильнее других вгрызался в неразрешимые, казалось, тайны. А когда пролетели три года, случилось, похоже, как в известной сказке Пушкина. Он понял, что никаких тайн не существует, но есть люди, принявшие дар общения с живым миром Земли... Он глазом не успел моргнуть, как сделал первые шаги сын и произнесла первое слово дочка.

Они так и не поженились официально и не справляли никаких обрядов. Теперь он вспоминал Надины глаза перед расставанием и корил себя, что так и не сказал ей нечто важное. Редкими ночами, когда Артур оставался дома, они неистово занимались сексом, а после он спал как убитый, чтобы вскочить в полпятого, окатиться ледяной водой и снова нестись... Но всегда под рукой

оказывался узелок с едой и чистая одежда. А потом он возвращался и колол дрова, и резал вместе с мужиками скотину, и возил картошку с полей, и давил масло, и стриг овец, и опять валился замертво. Даже уходя, он не был с ней ласков...

Двадцать семь часов девятнадцать минут. Чувству времени его научил Исмаил. Спустя двадцать семь часов и девятнадцать минут за Ковалем пришли. Когда с головы сняли мешок, Артур не смог удержаться от улыбки.

— Чему ты смеешься, колдун? — Карин стоял в глубокой дверной нише, заложив руки за спину. Несмотря на жар, идущий от огромного очага, шинель он даже не расстегнул.

— Я не смеюсь, я улыбаюсь. Ты, должно быть, умный человек, раз достиг высокого положения, а пользуешься дешевыми эффектами.

— Ты говоришь непонятные слова. Откуда ты родом, колдун? — Карин стянул с рук перчатки и бросил их на низкий дубовый стол. По соседству с перчатками лежал полный набор «заплечного» инструмента: щипцы, клещи, гвозди и прочие малоприятные штуковины.

— Я родился в Петербурге.

— В какой коммуне?

Карин махнул солдатам. Артура прислонили спиной к металлической решетке, кисти рук замкнули в широкие стальные браслеты.

— Это была маленькая банда, Литейщики,— соврал Артур.— На Выборгской стороне. Теперь ее нет.

— Я выясню. Как твое имя?

— Меня зовут Клинок.— Артур подумал, что стоит назваться последним, сельским, именем. Если у соборника есть глаза и уши в Питере, его легко рассекретят. Люди Рубенса вряд ли позабыли своего «зенитчика». Что касается банды Литейщиков, то команда с таким именем действительно существовала и рассыпалась, по словам книжника Левы, лет двадцать назад. Пусть копают...

— У кого ты учился магии? — Карин жестом отослал подчиненных.

— Моя мать разбиралась в травах. Это все, что я умею, святой отец.— «Прости меня, мама»,— подумал Коваль. Он ведь почти и не соврал, мама работала в аптеке.— На самом деле я инженер.

— Вот как? — Карин прошелся по залу. Подкованные сапоги звякали о каменные плиты.— От чего ты хотел меня вылечить, инженер?

— От хронического гепатита, святой отец. Твоя печень серьезно больна. Кроме того, у тебя почечная недостаточность и артроз.

— Не понимаю, говори проще!

— У тебя желтуха, и болят суставы, святой отец.

— В Кремле лучшие лекари не могут вылечить мою желтуху.

— Они лечат правильно, настоятель. Но ты усугубляешь болезнь. Ты пьешь нечистую воду и слишком много самогона.

— Ты мечтаешь купить свою жизнь, Клинок?

— А ты пытаешься угрожать мне смертью, настоятель?

— Только безумцы не боятся смерти.

— Тебе ли не знать, святой отец, что смерть может оказаться благом?

— Клянусь святым Василием, это великолепно! — Карин захлопал в ладоши. Четыре его тени от укрепленных в стенах нефтяных факелов заметались,

как попавшие в силок птицы.— Инженер, который возит полную сумку алмазов, ручного змея, лечит желтуху и рассуждает, как монастырский монах! Я скоро начну гордиться знакомством с тобой! — Настоятель, кусая губы, прошелся между пыточных орудий.— Если ты такой умный, почему не работаешь на богатого папу? Что ты искал в Москве?

— Я уже говорил. Всего лишь хотел купить запасную лошадь.

— Вот как? А я почти поверил, что ты умный.— Настоятель дернул за свисающую вдоль косяка веревку. Узкая стрельчатая дверь отворилась, и в помещение ввели... Сергея и Людмилу Дробиченко. Оба щурились, приноравливаясь к темноте, но выглядели совсем неплохо. Руки не связаны, ни следа побоев. На груди Сергея красовалась треугольная бляха со сложной гравировкой; из своего угла Артур не мог в деталях ее рассмотреть.— Ты для них хотел купить лошадей? Думаю, ты опоздал, колдун. Эти люди уже приняли присягу президенту, мир дням его, целовали крест в соборе и получили рабочие места. Мужчина показал свои знания и удостоился звания подмастерья. Возможно, он станет мастером или даже инженером. Мы ценим умных людей, преданных великому делу объединения России. Очень скоро мастер Сергей, если будет хорошо работать, сможет сам купить табун коней... Это он поднял вас из волшебного сна? — Карин указал на распятого Артура.

— Да, ваша святость.— Сергей прятал глаза, Людмила с ужасом оглядывала зал.— Это он разбудил нас.

— Он призывал вас бежать из Москвы?

— Да, ваша святость...

— Почему? — Дробиченко затих. Настоятель прошелся из угла в угол.— Если вы будете молчать, я могу подумать, что лейтенант безопасности Порядок солгал перед военным судом.

— Он не солгал! — Коваль услышал срывающийся голос Людмилы.— Лейтенант сказал правду... ваша святость. Этот человек утверждал, что в Москве у власти находятся злые люди...

За бывшими научными сотрудниками захлопнулись двери. Карин грел ладони над огнем. Сполохи пламени дрожали в его измученных бессонницей глазах.

— Мне жаль тебя, настоятель...

— Вот как? — Карин продолжал думать о чем-то своем.

— Да, мне жаль тебя. Ты поднял тяжелую ношу, и она не дает тебе спать ночами.

— Кто ты на самом деле, Артур Коваль?

— Подойди поближе, я тебе скажу.

Карин остановился напротив. Его дыхание отдавало гнилью, морщинистая щека подергивалась.

— Раз ты не хочешь вымолить для себя жизнь, как насчет свободы? Ты останешься жив, но пожалеешь об этом. Я даю тебе последнюю возможность задержать меня здесь. После этого тобой займутся мои люди, а мы не увидимся очень долго. Возможно, несколько лет.

— Я воспользуюсь твоей любезностью, святой отец. Когда-то меня звали Артур Коваль, но это в прошлом.— Артур смотрел соборнику в зрачки. Насто-

ятеля качнуло, точно под воздействием невидимого магнита он сделал неловкий шажок вперед, затем еще один. Теперь пленник и инквизитор стояли лицом к лицу.— Меня зовут Проснувшийся демон.

28
НОВЫЕ ОПРИЧНИКИ

Карин с коротким воплем отшатнулся, но было уже поздно. Шип воткнулся ему в нижнюю губу. Артур выплюнул тонкую трубочку и аккуратно выкатил из-под языка следующую. Настоятель, дрожа всем своим длинным телом, валялся на полу. Остановившиеся глаза уставились в закопченный потолок.

— Слушай меня, Карин! Ты слышишь только меня, других звуков для тебя нет. Только мой голос, Карин, голос твоего господина. У тебя жутко болит голова, у тебя раскалывается голова. Ты не можешь пошевелить ни рукой, ни ногой. Тело не подчиняется тебе...

Ты слышишь только меня. Твои уши готовы взорваться изнутри. Ты чувствуешь, что они вот-вот лопнут. Только я могу тебя спасти. Только я могу помочь тебе и убрать страшную боль. Только я могу помочь тебе встать. Без моей команды ты обречен на неподвижность...

Ты слышишь только меня. У тебя так шумит в ушах, ты почти оглох от боли и слышишь только мой голос. Я — твоя последняя надежда на спасение, Карин. Сейчас ты встанешь и поможешь мне освободить руки. Я случайно зацепился. Если ты не поможешь мне, головная боль убьет тебя... — Настоятель катался по полу, сжимая виски ладонями.— Только я спасу твои глаза. Если я не помогу, твои глаза зальет кровь. Ты уже чувствуешь, как кипит твой мозг. Встать!!

Со второй попытки настоятель поднялся на ноги.

Артур походил по пыточной камере, разминая затекшие руки, осторожно подергал дверь. В отличие от соборника он уже никуда не торопился. Напротив, теперь следовало поступать крайне взвешенно. Он уже поспешил вчера, слишком поспешил, и проклинать несостоявшихся докторов наук нет никакого смысла. Кафедральные ученые; он и сам был таким же когда-то. Нет, пожалуй, в чем-то он от них отличался...

Еще несколько минут, пока наркотик будет действовать, инквизитор мог сообщить немало ценного.

— Отвечай мне. Сколько человек входит в Совет президента?

— В Большом круге — шестнадцать...

— Есть еще и Малый круг? Отвечай! Иначе я верну боль в твою голову!

— В Малом круге четверо...

— Ты состоишь в Малом круге?

— Да... Я главный духовник святого войска...

— Экая каша у вас в башке, святой отец... Замполит, стало быть. Это правда, что ваши люди через отравленные перчатки убили двоих кандидатов в президенты?

— Не так... Семена Задиру отравили грибами.

— Тоже неплохо!

Коваль прислушался. Из дымохода донесся далекий низкий звук. Потом еще, снова и снова. Он насчитал одиннадцать раз. Колокола собора опережали его «внутренние» часы на две минуты.

— Сколько гарнизонов Москвы не подчиняются вам?

— Три...

— Когда вы намерены их уничтожить? Говори! Говори, иначе я запущу тебе в рот зубастого червя, и он выгрызет изнутри твои глаза. Смотри! — Коваль поднес к желтому лицу настоятеля пустую ладонь.— Видишь, какие зубы? Он очень голоден и с удовольствием полакомится тобой...

— Нет, прошу тебя, не надо!! — Карин бессильно задергался в стальных браслетах.

— Тогда отвечай! Кто еще бунтует против отца Ивана?

— Чертановские ковбои... Они не платят десятину. Выгнали кремлевский гарнизон... Туда пойдет моторный батальон с минометами...

— Что их ждет?

— Малый круг постановил забрать в Кремль только мам. Остальных молодух — в бордели...

— Можешь не продолжать. Сколько солдат у Кремля здесь и сколько в удаленных гарнизонах?

— Сорок сотен в столице и шестнадцать за Кольцевой дорогой...

— Солдаты и офицеры получают что-то еще, кроме еды и монет?

— Всем... Всем, кто честно служит, Большой круг нарезает землю.

— Ага! Земли тех гарнизонов, что вы подчинили?

— Да...

— Стало быть, вся Москва уже поделена! С ума можно сойти... Что принадлежит тебе лично, какие здания? Отвечай, или я выпущу червя!

— Мне пожалована земля между Москвой-рекой и каналом и право на сбор налогов с ярмарки и пристаней...

— А что папа Иван будет делать дальше? Когда вы подчините все малые города за Кольцевой? — Артур затаил дыхание. От ответа Карина зависело очень многое, хотя в главном сомнения уже отпали. Единожды начавшись, экспансия не закончится. Новоявленные опричники постепенно втянут всю страну в гражданскую войну.

— Малый круг будет думать, а не Иван...

— Как так? — Этого Артур не ожидал.— Разве не президент у вас главный?

— До власти все охочи, Клинок... — Похоже, Карин начал трезветь.— Сегодня один папа, завтра другой, а России крепкий кнут завсегда нужен. Иван трусоват... Третий год уж говорим, что пора ярославцев в реке топить. На Рязани-то обжегся, у них много пушек на моторах сохранилось...

— Мне говорили, вас все боятся, потому что у Ивана есть ключ от огненных грибов?

— Ключ! — Карин сдавленно хихикнул.— Вот что тебе нужно в столице... Ты никакой не демон! Не по росту шапку выбирать вздумал, колдун! Ты, дурак босоногий, хоть слышал, что такое электричество? По ночам стража зажигает сотню ламп над Кремлем, но надо в сто раз больше, чтобы справиться с ядерным оружием...

— Я не ослышался? Ты сказал «ядерное оружие»? Откуда ты знаешь это слово, настоятель?

— Я умею читать... Теперь я понял, кто ты.— Карин окончательно пришел в себя и, даже будучи связанным, попытался принять величавый вид.— Мы думали, это байки пьяных стариков. Люди болтали, что в Питере объявлялся человек, проспавший много лет в стеклянной кровати, так же как эти... Как я сразу не понял? Так ты инженер?.. Послушай! — Настоятель перешел в наступление.— Если бы ты признался сразу, не сидел бы в каземате. Развяжи меня, я приглашаю тебя пообедать со мной! Ты получишь дом, слуг и щедрое жалованье. А главное, звание инженера! Нигде тебя не будут ценить так, как в Москве!

— Заткнись.

— Что?! — Желтое лицо настоятеля пошло пятнами.

— Ты слышал. Дай мне подумать.— На верстаке, предназначенном для выламывания суставов, Коваль нашел узелок со своими пожитками, отобранными на рынке, и очень обрадовался. Он закатал штанину и вернул в потайной карман два неиспользованных дурманящих шипа.

— Забудем то, что было! — Карин взял себя в руки.— Ты нарушил закон, но тебе очень повезло, что я оказался на ярмарке. Стражники могли пристрелить тебя...

— Я ценю твою доброту, святой отец! — Коваль отцепил один из наручников, пропустил цепь через прутья решетки и опять защелкнул его на руке настоятеля.— Теперь пошли!

Коваль дернул шнурок. Снаружи раздался топот кованых сапог и лязганье засова. Еще до того как дверь отворилась, Артур учуял запах перегара. Два кряжистых опричника в форме речного флота и летных погонах, толкая друг друга, скатились по ступенькам и замерли, не успев достать оружие. Коваль держал лезвие у горла настоятеля. Минуту спустя он тщательно запер раздетых и связанных лейтенантов и продолжил путь к солнцу. Выше этажом Коваль наткнулся на некое подобие проходной. Карин плелся впереди, подбадриваемый уколами в шею, и засевший в будочке служивый вытянулся во фрунт.

Впрочем, в отличие от предыдущих алкашей этот среагировал необычайно быстро. Он попытался зарубить Артура палашом. Настоятель немедленно воспользовался моментом, свалился на пол и шустро пополз через порожек в открытую дверь. Стражник ударил трижды, два раза попал в стену, третий раз угодил в торчащий из кладки крюк и сломал клинок у самой гарды. Артур уже повернулся, намереваясь распрощаться, но услышал за спиной щелканье затвора. Неудачливый фехтовальщик поднимал карабин. Ковалю жутко не хотелось никого убивать; до сих пор, стоило закрыть глаза, он видел лицо мертвого мотоциклиста на заставе, но времени на уговоры не оставалось. Он нырнул

под ствол, отводя взгляд противника левой вскинутой рукой, и коротко кольнул его в солнечное сплетение.

Настоятель за это время чуть не успел удрать, возвращать его вниз по ступенькам пришлось волоком. У Артура возникла идея навестить остальных заключенных. В первой камере парились сразу трое. Увидев соборника, дружно повалились в ноги. Судя по офицерским регалиям, все обитатели застенка принадлежали к кремлевской армии.

— Недоимщики! — брезгливо процедил Карин.— Собирали дорожный налог в своих областях, да много от казны утаили...

— Дорожный налог — это хорошо! — согласился Артур, запирая камеру.— С ними сами разбирайтесь. А кстати! Раз дорожный налог в области берете, стало быть, новые дороги там строите?

— У себя в областях пусть сами общины и строят! — брезгливо скривил рот святой отец.— Нам своих почти пять сотен азиатов прокормить надо, что Тверскую мостят. Москва — в первую голову!

— Это завсегда! — охотно поддакнул собеседник, поднимая очередной крюк.— Москва в первую голову, а дальше пусть все дерьмом зарастет...

В трех следующих камерах сидели:

1. Майор, незаконно оттяпавший себе кусок площади со всеми строениями в районе метро «Таганская». Причем судить его собирались не за то, что он выгнал на улицу несколько десятков человек из разоренного чужого гарнизона (за это его, наоборот, наградили), а за то, что в свою пользу трактовал земельный кадастр.

2. Пожилая, добродушная на вид мама, бывшая глава одной из бывших Люберецких шаек. Сопротивляясь притязаниям законной власти, она собственноручно потравила большую часть своих родственников. Ей вменялся саботаж. Артур подумал и решил, что не хочет освобождать старушку.

3. Группа юных грабителей. Работали в столице по найму, но вкалывать оказалось тяжело и скучно. Гораздо проще оказалось нападать по ночам на загулявших торгашей. Всей четверке был прямой путь в суд большого круга, а оттуда на виселицу, не начни они при аресте выкрикивать антипрезидентские лозунги. Уголовниками радостно занялся политический сыск. Коваль поглядел на избитые таджикские хари и грустно притворил дверь.

— Негусто,— сообщил он настоятелю.— Не получилось из меня Зорро... Кстати, где мой конь?

— Я достану тебе любого коня или мотор...

Карин еле стоял на ногах; до Артура запоздало дошло, что настоятель был далеко не молод и в любой момент мог из заложника превратиться в беспомощного пациента. Вот только «скорой помощи» здесь взяться неоткуда...

— Ты хочешь мотор? — прохрипел Карин, опираясь на стенку.— Я никогда не вру и не предлагаю дважды. Я дам тебе лучший мотор и жетон безопасности. Отпусти меня, мне плохо...

— Нет, родной...— Коваль подхватил настоятеля в охапку, закинул на плечо карабин и шагнул к выходу.— Я слишком многим поверил за последние дни... Я почти отвык от вашей долбаной цивилизации. Настраивайся на долгий путь!

29
УГОЛЬ МАРКИЗА КАРАБАСА

Коня ему было жаль. Такого орловца не достать днем с огнем. Оставалась еще надежда, что патрульные не нашли Чернику, которую он привязал во дворе института. Лошадей на местный рынок, со слов того же злополучного Порядка, гнали преимущественно из Средней Азии, и ничего путного на ярмарке Артур встретить не ожидал.

За последней дверью никого не было. Вот так все просто, удивился Коваль, оглядывая загаженный Васильевский спуск, стаи ворон на мусорных кучах и непременную принадлежность крепостей — торчащие из красных зубцов самой известной стены России перекладины виселиц. Он уже понял, где находится. Над головой нависала мозаичная твердыня, спасенная двести лет назад от разрушения другой тиранией. Настоятеля пришлось переодеть в сержантскую форму. Из собора непрерывно тянулись люди, и Артур рассудил, что слишком знакомая столице фигура в шинели соберет целый полк заступников. Карин неловко брыкался, когда его лишали сапог, и отказывался от чужих растоптанных ботинок. Пришлось его несколько раз стукнуть по больной почке, а затем слегка усыпить.

Красная площадь изменилась неузнаваемым образом. ГУМ сгорел до основания; по завалам ползали фигурки в пестрых халатах и откалывали годные для будущих строек кирпичи. Внизу стоял немецкий грейдер с прицепом, в который кирпичи бережно складывали. В дырявом чреве бэтээра стражники жгли огромный костер. Спасская башня лишилась звезды и половины циферблата. Видимо, в свое время по ней стреляли долго и безнаказанно. Вместо елок вдоль плит с урнами вождей тянулся двойной ряд бревенчатых изб. Оттуда на всю площадь разносился запах жареного мяса, звон гитар и нестройное хоровое пение.

Брусчатка исчезла под толстыми слоями прессованного мусора. В нескольких местах, там, где не оттаяли еще последние сугробы, мусорные кучи вздыбились волнами, точно курганы степных воинских захоронений. В Воскресенские ворота непрерывным потоком вливались груженые подводы. Обратный, порожний, поток, грохоча по деревянным настилам, уходил по Варварке. С диким свистом пронесся поставленный на автомобильную раму паровик. В клубах дыма голые по пояс люди закидывали в топку метровые поленья.

В Мавзолей, очевидно, стреляли из крупного калибра и прямой наводкой. Усыпальница обрушилась, а в стене позади нее появились две зигзагообразные трещины. Прямо над уцелевшей гранитной плитой с буквой «Е» на веревочках сушилось белье и гуляла коза. Коза питалась остатками веников, потому что крайняя в ряду изба, судя по столбу дыма и воплям изнутри, исполняла функции бани. И отовсюду невыносимо воняло. Весна растапливала залежи отбросов, смердящие разноцветные ручейки сливались в потоки и устремлялись к реке. Коваль старался дышать ртом. Сегодня он, как никогда, понимал Качальщиков. Наверняка в Эрмитаже пахло немногим лучше, но три года,

проведенные на свежем воздухе, давали себя знать. Он пожалел, что не захватил противогаз, но в столице почему-то не носили масок. Возможно, он отстал от жизни, и маски не носили уже нигде?

Он принял решение. Подхватив Карина в охапку, дождался, когда мимо пойдет длинная пустая подвода, укрытая рогожей, и рванул с места. Им встретилось несколько мужчин без знаков различия; Артур весело помахал, изображая пьяного, тянущего под мышки еще более пьяного дружка. Ноги соборника волочились по земле. Когда Коваль закинул его нескладное туловище на телегу, один ботинок остался на дороге. Возница обернулся и собрался поднять крик, но Артур подскочил и мигом снял все вопросы. В карманах святого отца нашлось достаточно золота, чтобы купить экипаж вместе с кучером.

— Напился, видишь? — Артур запихал настоятеля под рогожу. Тот моментально стал черным: телега ехала с разгрузки угля.— Мужчина, не подвезешь нас?..— Он назвал адрес, готовясь упрятать под рогожу и возницу, если тот начнет упрямиться.

Но парень не упрямился. Его ожидал еще один рейс в угольную гавань, от такого количества денег он слегка ошалел и долго подозревал какой-то подвох, пока Артур не выдумал легенду о двух питерских инженерах, подрядившихся на ремонт подземки, сорвавших солидный куш и на радостях наклюкавшихся. Артур, в свою очередь, был потрясен, когда узнал, что собеседнику едва стукнуло двадцать четыре года. Выглядел тот на все сорок. Шелушащаяся серая кожа, заеды на губах, остатки жидких волос. На жилистой, почерневшей от угольной крошки груди в разрезе ветхой рубахи кошмарной россыпью бугрились прижженные головки фурункулов.

Когда Артур осторожно дал понять вознице, что работал у подземников по найму и теплых чувств к папе Ивану не питает, парень сразу подобрел и разговорился. Дальше пассажиру оставалось только поддакивать и поглядывать назад. Повозка, запряженная двумя костлявыми пожилыми меринами, ползла еле-еле, и ускорить их задумчивый шаг не представлялось возможным. Оставалось уповать, что Карина не хватятся хотя бы час.

Паренька звали Маркиз, потому что в доме, где он вырос, единственная книга, не пошедшая на растопку печи, повествовала о похождениях маркиза Карабаса. Кто такой был на самом деле маркиз Карабас, юный «аристократ» не знал, а Коваль решил, что просвещать его не стоит. Детство Маркиз провел в Брянске, и, как почти всякое детство, оно оставило ему одни хорошие воспоминания. Разве что жрать было нечего. И постоянно холодно. И многие умирали, потому что иногда в городе появлялись заразные больные. Артур так и не понял, о каких болезнях шла речь — о неведомых отголосках ВИЧ или о более вероятных в такой грязи тифе и холере. Еще на общину Маркиза нападали дикари, но потом пришли колдуны и предложили защиту. Колдуны вылили в речку немножко плохой воды, совсем немножко, и сказали, чтобы никто не пил три дня. Потом в речке всплыла вся рыба, умерли те, кто не послушался и попил. А еще несколько коров. Но это ерунда, потому что умерли почти все дикари, что жили ниже по течению. Здорово, правда?

— Здорово! — согласился Артур, прикидывая после этого рассказа, где бы поскорее отмыть ноги.

Карин тихонько похрапывал под рогожей, никто за ними не гнался, и Артур уже почти поверил, что удастся добраться до лошади. Главное, найти Чернику, а дальше, ночью, он выберется...

После того как дикарей потравили, колдуны поселились в городе и брали к себе маленьких за плату. Колдуны пришли с юга, с Украины, и многие были очень страшные, но к ним привыкли и почти не боялись. Мамы к ним не шли, потому что пап среди колдунов было всего двое, но и от тех дети рождались страшные. Один такой страшный, с подогнутыми ногами и мягкой головой, родился, еще когда Маркиза не было на свете. Женщины плевались, когда видели его, но страшный вырос и потом стал самым лучшим лекарем. Именно он приказал остальным колдунам сжечь за городом повозку со снадобьями, которые они когда-то привезли с Украины. Зато он умел заговаривать кровь, и к нему приносили женщин, кто не мог разродиться. Он держал их за руку, и все получалось легко и быстро, почти без крови.

Страшный первый сказал мужчинам, что на Украине есть под землей черный горючий камень, и много камня осталось в паровиках на станции Конотоп. В Москве уже давно появились деньги, и страшный сказал, что можно хорошо заработать, если возить черный камень в столицу. И топить им дома лучше, чем деревом.

Уродец оказался прав, и отец Маркиза уже в первую зиму хорошо заработал на горючем камне. Община сумела купить хороших коней, а их было тогда совсем мало. Настолько мало, что пахать пытались на коровах и свиньях. А потом все стали возить уголь и жили хорошо, пока из Москвы не пришел гарнизон папы Ивана.

Случилось это четыре года назад. В Брянске сосуществовали четыре общины, часто дрались, но уличные бои закончились до рождения Маркиза. Поэтому, когда в городе объявился батальон солдат с автоматами, никто не почувствовал угрозы. Кроме колдунов, которые ушли заранее. Капитан похвалил брянских и сказал, что отныне Москва их будет охранять. От кого охранять-то, удивились местные? От орловских, что ли, али от калужских? Так там, почитай, половина родичей...

— А как же дикари? — разволновался капитан.

— Дак вот,— похвалились брянские,— а арсенал-то на что? Стволов-то полно от прежних лет осталось, а патронов прикупили, потому как теперь при деньгах. Ни один дикарь не сунется.

— Патронов прикупили? — покачал головой капитан.— А кто вам разрешил незаконно приобретать и хранить? Еще с позапрошлого года президент возложил охрану вас на нас. Так что либо сдавайте все железо добровольно, либо отберем силой! — И солдаты для убедительности пальнули из пушки. По складу с углем. Понятно, чем кончилось.

— Да, кстати, насчет уголька! — вспомнил капитан, когда общинники осознали, что от восьми вагонов конотопского топлива остались одни воспоминания.— Кто тут у вас самый главный? Извольте подписать две бумаги! Торговать с Москвой вам теперь будет намного выгоднее, радуйтесь! Во-первых, вам не придется больше развозить уголь по всяким дырам вроде Калуги, все тащите к нам. Мы сами разберемся, кому сколько дать и почем. И насчет цен

можете больше не беспокоиться, не придется думать, сколько удастся выручить. Как большой круг определит, такая оптовая цена и будет... А второй договорчик, так тот вообще зашибись! Согласно ему наш гарнизон будет вас круглый год охранять. То есть на Украину мы с вами не поедем, там уж вы сами, и до Москвы тоже не поедем, мало ли чего в дороге может случиться... Зато тут, в Брянске, и заставы поставим, и подорожные будем собирать, чтоб не шлялись всякие. Прикиньте, удобство какое? Не надо вам больше своих преступников судить. Сами все сделаем, по московскому закону. Не дай бог, какая сволочь от работы отлынивать будет... Ну, это я так, к слову! Так, кто главный, прошу подписать!

— Так вить... не шибко грамоте обучены! — застеснялись папы, все еще не отошедшие от гибели плодов своего двухмесячного труда.

— Это фигня! — приободрился будущий генерал-губернатор.— Я и сам, кроме слов на заборах... Но порядок есть порядок! Да, чуть не забыл. Кто откажется подписать, тот не патриот России и враг государства. Кто хочет быть врагом государства?

Старейшины посмотрели на пушку и поставили крестики на неведомых договорах. Никто не захотел быть врагом государства.

— А теперь,— повеселел капитан,— ознакомьтесь с обязанностями по договору. Обязанностей у вас всего две, мне даже стыдно о них упоминать. Первая — это полностью кормить, поить и одевать охраняющих вас парней. Дома мы себе сами выберем. А вторая повинность — будете отдавать в казну пятую часть барышей. Делиться надо, мужики!

— Как это, как это? — пискнул кто-то шибко грамотный.— В Москве оберут, ишо и тут пятую часть отдавать? Два оброка с одного барыша? Да где ж такое видано?!

Миром дело не закончилось. Горожан собралось раз в двадцать больше, и кремлевский батальон спешно отступил, оставив на поле боя десяток убитых. Москва большая, сказали старики, на хрена платить этим выскочкам? И повезли опять уголек в столицу. Только дальше Калуги подводы не прошли, наткнулись на заставу. Пришлось заплатить, не так чтоб шибко много... Но в столице их ждал серьезный удар. Никто из прежних клиентов не хотел покупать уголь. И не только уголь, но и картоху, и свеклу, и соленья... И даже меняться, как раньше бывало, отказывались. Все торги только через кремлевский рубль да через ярмарки.

— Вишь, как повернулось! — шепотом делились бывшие компаньоны.— Ивановские псы откопали в подвалах золота немеряно, что до Большой смерти страна копила. Указ издали, что у кого нержавейные металлы найдут или стволы нарезные, тот не патриот и враг единой неделимой России. А по такой вине кара одна, известно какая... А теперича все нержавейные рубли других городов они плавят, из них свои льют, чтобы только кремлевские ходили. А на рынках ставят свой рубль чуть не в два раза тяжелее даже питерского. Во как! И менялы все из псов безопасности.

— Так может, это, ну их, ваши ярмарки? — выдвинули гениальную идею брянские.— Давайте отъедем за город и там по-быстрому махнемся? А то у нас уже варенье на жаре киснет!

— Ехай без нас! — извинялись компаньоны.— Не то нас потом в вашем же варенье и утопят! На пять дней пути везде ихние гарнизоны! Не поймешь, кто правит. То ли старики, то ли сопливые мальчишки с автоматами...

— Да откуда ж они столько народу-то набрали, чтоб вторую власть устроить?

— А очень просто! Плотют-то им сколько? То-то! И лошади с кормом дармовым им положены! И мотоциклы от немца им завезли, во как! И любой дом для гарнизона, самый лучший в городе, могут забрать! А ишо грамоты, пустые, с подписями да печатью Малого круга, им дают! Это значит, чтоб наделы раздавать! Кого хочут, того и впишут!

— Дык земля-то общая завсегда была...

— Была, да сплыла. Плюнуть не успели, пяти лет не прошло, а на самых жирных кусках столбы с московскими бляхами. И заводы, что по железу, и нефтяные бочки... Сами-то в крепости сидят, а попробуй сунься...

— Так выходит, они сами себе все грамоты и раздают?

— Выходит, что так. Кто ж из молодых не захочет у них-то послужить? Это тебе не уголек возить, не за клюквой кверху жопой по болотам шарить! Так что везите все на рынок, нет больше правды, заместо нее — закон.

Делать нечего, не везти же все назад. Слили брянские ребята свой товар оптом. Подсчитали — прослезились. В обратный путь закупились — так чуть не разрыдались, такие цены в столице накручены. Назад приехали, а там не батальон, а войско целое стоит. И амбары с зерном горят. И самые ярые враги единой неделимой государственности развешаны на березах. Вместо капитана войсками командовал высокий человек с желтым лицом. Он не кричал и не хихикал. Он показал два подписанных договора и очень тихо объяснил, что старейшины общин нарушили закон.

Кое-кто из вновь прибывших припомнил, что договором предусматривались твердые цены, но в столице приняли топливо совсем на других условиях. Для особо непонятливых человек растолковал, что за истекший месяц изданы новые поправки к законам. И поправок будет столько, сколько пожелает Большой круг. Ибо все это в интересах народа. А кто против народа, пусть сделает шаг вперед.

Врагов народа в Брянске не нашлось.

С тех пор Маркиз гонял подводы с углем и дарами леса. Что интересно, сделки теперь оформлялись на рынке, а потом приходилось переться через весь город и выгружаться, где укажут. В Кремле — это еще хорошо, близко. Гораздо более загадочной стала система расчетов. Москвичи все охотнее брали в долг.

— Вы что, нам не верите? — удивлялись они, когда брянские просили оплатить хотя бы предыдущую партию.— Куда мы, по-вашему, денемся? Мы же представляем не частную лавку, а государство! Эх вы, темнота! Кремлю сейчас нужны ваши деньги, ненадолго. Для вашего же блага! Мы покупаем слона. Вы же хотите, чтобы в нашей великой стране был живой слон?

— Оно конечно!..— мялись брянские, придавленные широтой столичных замыслов.— Однако нам вить налог бы надо вам же заплатить! И гвоздей бы прикупить, стекла, одежонки...

— Какое нахальство! — в сердцах восклицали оптовики.— Вы их только послушайте! Вы же сами хотели торговать со столицей. Получили самые выгодные условия. Ну где вы еще найдете такой рынок? Ну, не хотите, катитесь в Питер или в Астрахань... если живыми доберетесь.

Московский тракт теперь надежно охранялся, а до Питера или на юг пришлось бы собирать большой караван с охраной. Денег на это не было. Как не было и уверенности, что загадочный закон не запрещает торговать с Питером.

— Так что вот какие дела, господин инженер! — закончил Маркиз.— Дальше проехать не могу, вишь, разворочено все...

— Ничего, здесь уже близко. Мы дойдем.

В переулке не было видно ни единой живой души. Когда-то здесь прорвало водопроводную магистраль, размыло грунт, и огромный пласт асфальта встал на ребро, перегородив проезжую часть. Над открывшейся ямой возвышался край ледяного тороса, точно оплавившаяся сахарная голова. Крыша ближайшего особняка давно обвалилась и увлекла за собой перекрытия двух нижних этажей; в результате шикарный дом превратился в иллюстрацию для учебника по гражданской обороне. Артур предположил, что пройдет насквозь. Он нахлобучил Карину на лицо шапку, взвалил обмякшее тело на плечо.

— Эка братишку твово разморило-то... А у вас-то, в Питере, все босиком ходят или тока инженеры? — вдогонку выкрикнул возница.

— Те, кто за правду,— босиком. Кто за порядок — по-всякому! — не оборачиваясь, отозвался инженер. Увлеченный прыжками по подгнившим балкам, он не заметил, как в другом конце переулка из подворотни выкатился открытый вездеход.

— Босиком чешет! — сказал своим спутникам кудрявый, покрытый шрамами детина.— Дуло спрячь! За мертвого и десятки не дадут!

30

О ПОЛЬЗЕ ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ, ИЛИ ПРОДЕЛКИ ЛЕТУНА

Коваль нашел невредимую Чернику и страшно обрадовался. Кобыла от тоски погрызла все сухие ветки во дворе, но летуну было вообще нечем поживиться. Без хозяина он даже ночью не осмелился вылезти из мешка, но из вредности изорвал в клочки свою переносную «квартиру». Теперь скалился изнутри, злой и пристыженный. Чернику бы летун ни за что не тронул, поскольку был воспитан, как сторожевой пес, и полагал ее частью хозяйского имущества. Кроме того, частью детской дрессировки являлось упражнение с миской лошадиной крови. Человек давал попробовать и тут же больно ударял по носу прутиком, пока не возникало стойкой гастрономической неприязни. А главное оружие — хвост — наливался транквилизатором лишь на второй год жизни. К счастью, на боку у не расседланной Черники оставался еще один

кожаный баульчик с сушеным мясом и фруктами, так что лакомства хватило на всех.

Артур не стал заходить в институт. Если бы у парадного входа появились чужие, он бы заметил. Судя по следам, Сергей и Люда Дробиченко ушли сами, никто их не заставлял. Сначала пробирались вдоль кустов, затем свернули на подъездную аллею, ведущую к упавшим воротам. Собака ушла за ними. По пути Ласка несколько раз останавливалась и оглядывалась, не решаясь подчиняться новым хозяевам. Скорее всего, она уже вернулась на ярославскую заставу.

Артур разбудил Карина. Сначала тот не мог понять, куда его завезли, затем попросился в туалет, после сообразил, что находится в Москве, осмелел и потребовал еды. Получив отказ, надулся, но на лошадь влез без споров. Видимо, рассудил, что лучше путешествовать верхом, чем с мешком на голове поперек седла. Он предпринял единственную и последнюю попытку сбежать, пока Артур перетягивал подпругу. Отпросившись по-большому, невинно отошел в кустики, а затем тихой сапой принялся отступать за угол. Он полагал, что пробирается незаметно, но производил больше шума, чем стадо кабанов на водопое.

— Святой отец,— тихо позвал Коваль, заканчивая собственное бритье,— вернитесь, я вам что-то покажу.

Чертыхаясь, Карин побрел обратно. Безусловно, трусом он не был, но реально оценивал шансы. Против человека, который трижды почти не сходя с места уклонился от удара палаша, шансов выстоять не имелось. Карин вернулся и увидел летуна.

— Когда ты неосторожно упал на лестнице в соборе, святой отец, я вытер тебе разбитый лоб платочком и дал моему другу понюхать.— Коваль блефовал, настраивать летуна на убийство было делом опасным.— Не уходи далеко, святой отец, мой друг догонит тебя. Я смотрю, тебе знакомы его повадки?

— Да, я их встречал... — Настоятель совсем упал духом.— Только не черных, а зеленых. В детстве у меня в клетке жил один.

— Значит, правду говорят, что ты из общины колдунов?

— Я из гадальщиков.

— Здорово! Садись на лошадь, только не вздумай держаться за мою шею...— Артуру почудилось, что за зданием со стороны улицы затарахтел мотоциклетный движок. Еще один мотор проехал по параллельному переулку, где они распрощались с угольщиком Маркизом. Не слишком ли бурные потоки транспорта в квартале, где никто не живет? — Так погадай мне, святой отец! Например, скажи... Те люди, что караулят нас за углом, начнут стрелять, зная, что могут попасть в тебя?

Карин окаменел.

— Не оборачивайся, святой отец. Двое идут сзади, но они за забором и пока нас не видят.

Артур перехватил поводья левой рукой. Стрелком он как был, так и остался никудышным, именно поэтому разрядить трофейный карабин следовало в первую очередь. Чтобы не давил лишним грузом.

Черника тоже чувствовала опасность, холка ее напряглась, уши вздрагивали. Поэтому Артур так и горевал о потере жеребца; эти коники воспитывались в лесу и на чужаков реагировали враждебно.

До угла массивного здания института осталось три метра. Другого выезда из дворика не предусматривалось. Прямо по курсу — накренившаяся стена соседнего дома и узкий проход налево. Под копытами Черники хрустело бетонное крошево. Когда-то здесь поднимался грузовой пандус, но теперь ушел в землю вместе с подвалом.

Позади треснула ветка. Преследователи преодолели ограду и продирались сквозь кусты. Артур отпустил поводья и сунул левую руку под куртку. Можно было бы забраться в угловое окно и убежать коридорами первого этажа. Но лошадь не умела лазить в окна. Лошадь, которая его не бросила, как другие, а честно ждала больше суток...

— Ша, приехали! — произнес низкий прокуренный голос, и навстречу вышли четверо.

Карин втянул голову в плечи, а мгновением спустя и Артур понял — братишки не имели к кремлевской армии ни малейшего отношения. Скорее, они имели к ней серьезные претензии.

— Слазий давай! — со скучной интонацией, точно выполняя ежедневную надоевшую работу, приказал главарь. Рот у него до конца не закрывался, потому что левую щеку оттягивали вбок три или четыре уродливых шрама. Шапка каштановых кудрей на фоне перекошенной рожи выглядела нелепым париком. За его плечом, прикладом вверх, болталось богато инкрустированное ижевское ружье с обрезанным стволом.

Все четверо нарядились не по погоде и чем-то смахивали на кочаны с капустой. Скорее всего, спали, никогда не раздеваясь, в этом же сборном гардеробе выезжали на «промысел». А менять ночлег им приходилось частенько; лейтенант Порядок с большим удовольствием рассказывал Артуру, как обращается законная власть с бандами. Если разбойников находили, то квартал оцепляли с собаками или с волками, но в отличие от прежней милиции зверей отпускали с поводков.

Рыжий косоглазый парень в кожаном пиджаке без рукавов нацелил на Артура ружье:

— Винтаря сюды, жива!

— Ну, лови! — Артур послушно кинул карабин. Кинул чересчур сильно, так что бандюги малость отшатнулись. Рыжий поймал карабин за ствол, прикладом попало по плечу кучерявому.

Коваль синхронным движением выхватил из манжетных петель клинки. Разговаривать тут было не с кем.

Рыжий упал на четвереньки, хватаясь обеими руками за горло. Атаман успел дернуться, лезвие пробило ему щеку и застряло в верхней десне. Самое интересное, что применять огнестрельное оружие никто не спешил. Третий разбойник выхватил турецкий ятаган и попытался отрубить Артуру ногу. Четвертый, заросший бородой кавказец, схватил Чернику под уздцы.

Это была с его стороны непростительная ошибка. Артур шлепнул кобылу в бок, она прянула назад, готовясь встать на дыбы, и оставила на лбу и груди кавказца четкие следы от подков. После такого демарша темпераментный горец упал, и земные печали для него закончились. Карин тоненько взвизгнул и кубарем скатился на землю.

Обладатель ятагана, промахнувшийся в первый раз, снова пошел в атаку. Он исполнял для устрашения несложный, но очень эффектный трюк; Артур когда-то видел подобные представления в цирке. Лезвие крутилось вокруг кисти с такой скоростью, что сливалось в сплошной блестящий круг. Атаман ревел, пытаясь извлечь из щеки нож, рыжий норовил встать и снова падал, фонтанируя кровью из распоротого горла, Карин что-то бубнил внизу...

Коваль потянул из седельной сумки ни разу не опробованный «ремингтон» и запоздало осознал, что саблей крутили перед его носом совсем не для устрашения.

На шее затянулась петля. И сразу же рванули с такой силой, что, будь его ноги в стременах, оторвали бы голову. Но стремена Артур уступил настоятелю; вылетая из седла, он успел сделать три вещи: щипнул летуна, разрезал веревку и спустил курок.

Летун, словно того и ждал, вырвался из мешка и вцепился в харю кудрявого главаря. На свету зверь видел плохо и реагировал на кровь. Чувствуя, что ему заживо сдирают кожу с лица, кудрявый забился в истерике и получил два удара ядовитым хвостом.

Коваль в этот момент пролетал над задыхающимся Кариным. Того тоже душили арканом, но отвлеклись на более занятные события.

Любитель фехтования, увидев, что за пакость кромсает голову коллеге, попытался голыми руками схватить летуна за крылья, но это было неправильно. Потому что, в отличие от осы, парализующей жидкости у вампира хватало на шесть ударов. Коваль кривил душой, пугая незабвенного лейтенанта Порядка медленным поеданием заживо. На самом деле паралич наступал очень быстро.

Артур упал. Веревку он перерезал лезвием, вшитым в манжет, но эти сволочи делали арканы из какой-то синтетической бечевы. Петля настолько глубоко врезалась в кожу, что остановился кровоток в сосудах; еще немного — и конец.

Он упал, но не на спину, как ожидали те четверо, а на ноги, как учил Бердер. Выстрел всех напугал, но никого не задело. Определенно, ребятишки привыкли заниматься своим ремеслом в тишине. Артур отшвырнул оружие, обеими ногами посылая тело в сторону, противоположное наклону головы. Гильза еще не успела упасть на землю, когда он раскрутил цепь с грузилом и, один за другим, послал два ножа. В ответ просвистел заряд дроби, но основная масса угодила в то место, где Коваль находился мигом раньше. Четыре дробины ужалили в бок, в ключицу и обожгли в двух местах плечо. Досталось и Чернике.

Бедняжка жалобно заржала и метнулась в сторону, прихватив за собой хрипящего настоятеля. Его левая нога так и висела в стремени.

Двое из оставшейся четверки съежились, как бумажные фантики над пламенем свечи, баюкая свои вспоротые животы. Третий, разглядев летуна, издал вопль на грани ультразвука и помчался наутек. Он успел сделать полтора шага, когда обвившаяся вокруг шеи цепь рванула его назад, спиной на острие кинжала.

Лошадь брыкалась в тупичке, по ее глянцевой шкуре многочисленными ручейками стекала кровь, но навзничь лежащий Карин застрял между двух деревьев и не давал Чернике сбежать. Тот, что стрелял в Артура, высокий здоровяк с перебитым носом и абсолютно белыми безумными глазами, сделал еще один

заход. Он отступил на шаг, переломил ствол и судорожно пытался подцепить ногтем горячий капсюль.

— Уходи! — посоветовал Коваль и вытащил из-за обшлага очередное лезвие.— Брось ружье и уходи!

Не послушав совета, грабитель одной левой защелкнул затвор, а в правой руке у него уже появился тяжелый длинноствольный пистолет. Так он и свалился, целясь из двух стволов в вечереющее, ослепительно чистое небо... Коваль подошел и, кривясь от запаха, при помощи кинжала извлек клинки.

Его левый рукав стал горячим и мокрым, на боку тоже расплывалось пятно. Головой он мог двигать лишь с большой осторожностью. Срочно требовалось найти тихое место и залатать пробоины. Но не здесь...

Как ни удивительно, косой рыжеволосый парень был еще жив. Артур знал, что стоит вытащить нож из его горла, и все закончится. Смертельно раненный, рыжий смотрел на свою недавнюю жертву с такой мольбой в глазах, что у Артура не поднялась рука его трогать. Проверять остальных не возникало желания, тем более что летун не закончил трапезы.

— Зачем... я тебе... нужен? — проскрипел настоятель, когда к нему вернулась речь.— Или... убей меня... сейчас, или нас... убьют вместе!

— Нет уж! — возразил Артур, кое-как, наспех, накладывая шину на сломанную ногу.— Мне нужно, чтобы с тобой, святой отец, пообщались мои друзья...

— Мне нечего скрывать... Что ты хочешь, я и так расскажу, без пыток...

— Вот и прекрасно!

Артур смазывал раны Чернике. Большинство дробин он сумел «вытянуть» руками. В своем организме он навел порядок довольно быстро, но принял решение два инородных тела пока не трогать. После, все после...

— Мне и надо, чтобы ты все рассказал, святой отец.

— Ты не вырвешься из Москвы... Это были бандиты, а не стража. Поэтому не стреляли, хотели продать нас дикарям... Совсем обнаглели, днем нападают! Но меня ищут и знают в лицо. Убьют лошадь, пешком не уйдешь...

— А мы, святой отец, дальше на лошади не поедем!

Хоть бы подвернулся навстречу приличный человек, горевал Артур, обнимая дрожащую кобылу за шею. Отдал бы тебя бесплатно, лишь бы не обижали. Еще одна подобная стычка, и Чернику застрелят. Да где тут найдешь приличных людей?..

31
БАЙКЕР ПОНЕВОЛЕ

За поворотом в тени стоял обшарпанный до невозможности вездеход без крыши, армейский жесткий вариант. Артур так и не сумел угадать его марку; складывалось впечатление, что джип собирали не так давно. А за джипом Коваля ждал очередной кусок преследующего его наваждения. Задрав, как соро-

чьи хвосты, самодельные глушители, там отдыхали два спортивных байка. Коваль перенес соборника в машину, туда же покидал мешки и все пригодное оружие. Уложил Карина на заднее сиденье, закутал одеялом. Адепт малого круга выглядел хуже некуда, по лицу его крупными каплями стекал пот, и без того нездоровая кожа потемнела. У Коваля даже мелькнуло сомнение, правильно ли он поступил, захватив столь хворого «языка»...

Затем предстояло самое тяжелое. Хрипя от натуги, Артур втолкнул через заднюю откидную дверь тяжелую двухцилиндровую «ямаху». Модель была абсолютно незнакома, и некоторые детали компоновки наводили на мысль, что машина создана уже после того, как он «уснул». Бак мотоцикла разбойники заполнили по горловину, но, открыв его, Артур удивился, как двигатель до сих пор справлялся. Безусловно, в столице отыскался умник, восстановивший производство бензина, но пока научатся делать горючее требуемого качества, вся техника встанет. А вот переборкой движков вряд ли кто-то занимается.

Аккумулятора и ключей зажигания он не нашел, зато обнаружил торчащую сбоку в капоте ручку с тросом, как в лодочных моторах. С четвертой попытки вездеход затрясся, выплюнул черное масляное облако, из всех щелей в салон хлынули отработанные газы, а скрежет и визг вентилятора оповестили прилегающие кварталы о начале автопробега. У Артура нашлись даже зрители, двое мальчишек лет двенадцати. Он встретился с ними в третьем по счету переулке, куда пытался свернуть в поисках ровного асфальта. Когда Артур, налетая грудью на руль, сражался с подгоревшим сцеплением, дети проводили его огрызками яблок и дружеской матерщиной.

При повороте на Басманную Артур освоился и промахивал рытвины, почти не снижая скорости. Видимо, эта трасса считалась стратегической. Поверх растворившейся мостовой в три наката лежали огромные бревна, стянутые костылями и проволокой, так что Артур отважился переключить на третью передачу. Черника послушно бежала следом. На дырявом пассажирском сиденье в мешке недовольно шипел обожравшийся крови летун. Артур не позволил хищнику кусать никого, кроме главаря банды, который был заранее обречен. Настоятель подпрыгивал, скрипел зубами, но молчал.

В том месте, где раньше зеленел сад Баумана, при свете костров валили деревья, тут же обрубали сучки и волоком доставляли к дороге. Дальше, у станции подземки, улица сужалась. Здесь дорожники укладывали самую свежую мостовую, ярким пламенем в бочках горел мазут, и варились в котлах бараньи ребра. Коваль осторожно объехал толстого мужика в желтой каске и резиновом плаще, по виду — начальника работ. Толстяк стоял под полиэтиленовым навесом, там, где над столом горела электрическая переноска и ругались бригадиры. На Артура никто не посмотрел, гораздо больше внимания привлекла его породистая лошадь.

Чем дальше они продвигались к Кольцевой, тем безлюднее становились проспекты. Основная масса служивых и мастеровых переселилась ближе к центру, а граждане «независимых» гарнизонов жили компактно в своих «исторических» квартирах и в сумерках не особо разгуливали. Коваль почти не смотрел по сторонам, все внимание сосредоточивая на жутких ямах и нерастаявших сугробах. Сюда дорожники еще не добрались. Зима в этом году при-

шлась снежная, сточные колодцы давно забились грязью, и порой казалось, что вездеход не едет, а плывет среди бесконечных струй талой воды. Несколько раз машина застревала, тогда Артур выходил, впрягал уставшую Чернику, и вдвоем они кое-как справлялись.

Он рассудил, что выбираться стоит там же, где вошел в город. Собственно, мегаполис простирался на многие километры и за пределами кольца, но обитали там в основном ковбои, лесорубы и охотники. Артур встречался с десятками людей из этой породы и почти не сомневался, что ярых сторонников президента среди них нет. Главное — незаметно миновать ворота...

Незаметно не получилось. Он сделал все, чтобы обойти площадь Трех вокзалов по самой большой дуге. Несколько раз, завидя впереди подозрительное движение, снова и снова забирал вправо, но на пересечении с Краснопрудной машину обстреляли. Позже Артур убеждал себя, что мог бы проехать иначе, но в тот вечер, натыкаясь на завалы и ряды колючей проволоки, он не решился соваться во мрак старых московских переулков. На Ярославском вокзале три года назад обитала та самая коммуна «паровиков», к которым и посылал его Рубенс. Как давно это было, поразился Артур... Он успел забыть о том горделивом, боевом настрое, который владел им тогда. Как он надеялся восстановить связь, пустить тепловозы, а там, чем черт не шутит, и электровоз! Он всерьез уверял библиотекаря Леву, что достаточно запустить пару котлов на теплоцентрали, и энергии хватит для подземки...

Он спрашивал себя: что если забрать Надю и переселиться в город?

Допустим, не сюда, пусть Качальщики разбираются с Москвой как хотят, а в Питер. И можно не к папе Рубенсу, который также поступил не совсем красиво, можно пойти к мэру. Инженеры нужны везде. Многое он подзабыл, но это не страшно, почитает. Страшно другое: он слишком привык к тому, что недалекий перевозчик угля Маркиз называл объемным словом «правда».

Вполне вероятно, что лесная демократия Качальщиков не продержится долго, и прав окажется старый книжник из Эрмитажа. Население возрастет, старые волшебники станут легендами, колдуны уже тянутся в города, и образовавшуюся брешь планетного разума опять заполнят самые обычные люди. Малые и крупные царьки с имперскими замашками и подавленным детским честолюбием. И священная борьба соратников Бердера сохранится лишь в виде Книги. Хотя вряд ли сохранится; такие люди, как Карин, обычно жгут книги из самых лучших побуждений...

От тягостных мыслей Коваля отвлек свист пуль. Палили из автомата, издалека, и очередь прошла высоко над головой. На севере города когда-то шли серьезные бои; он ошибался, полагая, что столицу не затронули волнения. Гостиница «Ленинградская» светилась множеством ярких огненных точек над безжизненными руинами кварталов, точно океанский лайнер среди холодной пучины океана. Коваль уже понял, что ошибся, и надо было с самого начала уходить по Сретенке, там, по крайней мере, расчищали проезжую часть...

Еще одна очередь, и сразу же стук копыт. Их догоняли. Артур огляделся. Слева — сплошная мешанина из сгоревших станционных зданий, перевернутых вагонов, упавших железнодорожных кранов. Справа — бесконечное море тающего снега и вздыбившиеся над ним, точно вершины затонувших аттрак-

ционов, изогнутые обломки рельсов. Единственная сухая дорожка, по которой он приехал, прямиком вела к завалу. Лошадь пройдет, но для джипа оставалось слишком мало места. Коваль сам загнал себя в тупик.

Он оглянулся. Три всадника миновали полузатопленное здание депо и готовились выйти на «финишную прямую». До того, кто скакал первым, оставалось метров триста. Отступать было некуда, но после схватки с грабителями у Артура не добавилось желания драться.

— Я не вышел на моление... — глухо произнес настоятель.— Это патруль безопасности. Если ты отпустишь меня, я скажу, чтобы тебя не трогали... Ты сможешь уйти.

— Начнется стрельба — не вздумай высунуться, святой отец! — Артур пошарил в мешке, выложил на капот три булыжника. Вместе с конем он потерял значительную и лучшую часть своего арсенала. На ярмарке остались маленький арбалет и лук, и оба бумеранга, и очень удобные палочки, нечто вроде нунчаков... — Отпустил бы меня на рынке — махал бы сейчас кадилом!

— Не понимаю...

— Тогда молчи.

Трое с автоматическим оружием — это серьезно, подпускать нельзя. Артур встряхнул кистью и начал плавно раскручивать пращу.

Молоденький сержант, что было сил погонявший низкую мохнатую лошадку, ничего не успел понять. Час назад капитану позвонили по вертушке, он всех поднял по тревоге и велел прочесывать улицы. На авто приехал взмыленный посыльный из Кремля и сообщил, что из каземата малого круга сбежал опасный колдун. А после этого, озираясь, посыльный сообщил уж совсем невероятную новость, в которую никто не поверил. Якобы колдун темными чарами опутал самого настоятеля собора и утащил за собой.

Никто точно не знал, как выглядит колдун. Одни приписывали ему крылья, как у огненного змея, и раздвоенный язык длиной в метр. Другие, напротив, утверждали, что он снаружи, как человек, но пасть, как у волка, и вчера утром откусил человеку голову на рынке. Не совсем было понятно, кого и где искать, но гонцы полетели и в те гарнизоны, куда не дотягивались телефонные провода. Всех мужиков собирали с оружием, под команду свободных кремлевских офицеров.

Меднолицый человек в джипе с трусящей позади кобылой не только не остановился по приказу, но зачем-то свернул в тупик. А теперь он стоял возле машины по щиколотку в ледяной воде и крутил над головой какой-то тряпкой. Потом человек сделал непонятное движение, точно поскользнулся, а секунду спустя что-то тяжелое и твердое ударило сержанта в левый глаз, и он завалился набок. Лошадь пробежала еще немного, затем перешла на шаг и остановилась в недоумении. Солдат, скакавший следом, сам был из ковбоев, знал, что такое праща, но заметил второй бросок слишком поздно. Солдату повезло больше, камень попал в лоб, скрытый под меховой шапкой, и только на время его оглушил. Третий участник состязаний, отставший на сотню метров, дал еще одну бесполезную очередь и ускакал за подмогой.

Артур откинул одеяло. Солнце почти закатилось, но и в сумерках было заметно, что у Карина начинается сильный жар. За три года в лесу Артур, конечно, не

стал первоклассным медиком, да Качальщики никого и не лечили. Единственным пациентом в деревне был он сам, и дважды в первую зиму простужалась Надя. Качальщики не лечили и не лечились, они слушали свой организм и настраивали его на дыхание Земли. Этим врожденным навыкам никто Артура учить и не пытался, зато дали с собой в путь десяток пузырьков на все случаи жизни.

— Выпей! — Он с трудом заставил святого отца разжать зубы.— Не бойся, это травяной сбор. Поможет твоей печени... Теперь выпей это, укрепляющее. Я привяжу тебя ремнем. Не вздумай за меня хвататься...

— Ты безумец... Нас уже ищет вся Москва...

Коваль сознавал, что придется бросить все. Запасную одежду, еду и, главное, Чернику. Самый лучший орловец не угонится долго за мотоциклом... Затем он помолился. Молитва его состояла из пяти слов: «Всем моим врагам таких прогулок...»

«Ямаха» завелась легко, круга три пробежался — и готово. В одном цилиндре клапаны отбивали собственный похоронный марш, другой нагло дымил, сцепление еле слушалось, но в целом доисторическое чудо откликалось на руки человека. Все управление скоростью было переброшено на ручной акселератор, что Артура вполне устроило. Он поерзал на седле...

Тело вспоминало. Четыре года назад, нет, сто двадцать четыре года назад он дал себе зарок не прикасаться к байку. Он не то чтобы садиться, он на них смотреть не мог. Это была абсолютная нелепость, и Коваль внутри прекрасно сознавал, что старенький «харлей» ни в чем не был виноват. Но именно оттого, что невозможно было найти виноватого и не на ком было выместить злобу, он по странной прихоти возненавидел лучшего товарища своего детства. Кроме «американца», отец покупал сыну в свое время «яву», а позже, уже после института, Артур сам собрал денег на старую «хондочку». Погонял на ней два года, затем покрасил, подновил хром и втридорога продал пацанам из мотоклуба. Тогда по стране гуляла несусветная инфляция, а начинающий аспирант нуждался в компьютере. Наука становилась важнее любимой техники...

Он тронул с места, боясь какой-нибудь странной реакции организма, боясь, что загнанные внутрь воспоминания вырвутся наружу, но ничего такого не случилось. Машина пошла легко и мощно, заполняя тело восторгом, полузабытым чувством покорителя. На лошади совсем иначе, лошадь — это твой товарищ, напарник, иногда друг. Но когда под задницей, чаще стука сердца, взрываются порции бензина и два центнера железа готовы встать на дыбы от одного движения ладони, это вам не в «мерсе» пылить...

— Тебя убьют! — простонал в самое ухо Карин.— На всех заставах — пулеметы!

— Ты прав, но мы не поедем через северные заставы! — Артур сбросил обороты, разогнался, пробуя тормоза.— Мы двинем на юг, по Варшавскому или Каширскому тракту, там, где ночью выходят караваны.

— Генерал безопасности посадит сотню солдат на мотоциклы!..

— И все ваши солдатики гоняют с тринадцати лет? — зло рассмеялся Коваль.— Они прошли мотоклуб и байкерские тусовки? — Он отпустил сцепление и, взметая фонтаны брызг, покатил в обратном направлении. Растерявшаяся Черника запоздало бросилась следом.

Артур больше не скрывался и мчал напропалую, держась южного направления. Карту центра он представлял смутно и, чтобы не сбиться с дороги, рванул по верхнему ярусу Садового кольца. Здесь, как и в Питере, встречались остатки баррикад, но большинство из них растащили, освободив широкие проходы. По левой стороне Садового кольца сто лет назад шли танки. Скелеты многих из них, «обглоданные» новыми жителями внутри и снаружи, до сих пор «украшали» вечернюю столицу. Там, где кружились танковые колонны, от асфальта ничего не осталось.

По правой стороне приходилось двигаться галсами, чтобы не столкнуться с медленно ползущими повозками. Карин скулил от страха и боли, когда Артур укладывал байк почти параллельно земле. Но больше соборник боялся летуна в рюкзаке, который от потери ориентации прихватывал когтями спину пассажира. На двух заставах их пытались задержать. Артур замедлялся, изображая послушание, затем в последний момент поднимал машину на дыбы, и стражники успевали только отскочить. За Краснохолмским мостом за ними увязалась конная погоня, но вояки быстро отстали. Артур провел кусочек показательного выступления.

Моля Бога, чтобы не попалась яма, позволил всадникам приблизиться вплотную. Они не стреляли — видимо, информация о похищении Карина прошла по официальным каналам. Дождавшись, пока рядом, слева и справа, замелькают ноги лошадей, он резко дал по тормозам, выкручивая руль, упал всей массой на левую сторону, тут же поддал газу... «Ямаху» развернуло на месте, задним колесом угодило ближайшей лошади по ногам; та взбрыкнула и упала, кувыркаясь вместе со всадником. Остальные четверо кавалеристов по инерции пронеслись вперед, бестолково осаживая коней. Артур дал газу. Карин ему жутко мешал держать равновесие, но хотя бы не брыкался.

Наездник, скакавший справа, успел развернуться лишь наполовину и тут в метре от своего бока увидел неудержимо приближающееся широченное резиновое колесо. Конь от удара повалился набок, сломав наезднику в двух местах ногу о дощатую мостовую. Еще одного, усатого парня с накрученным на локоть лассо, Артур ранил метательным ножом. И тут же дал стрекача. По мосту приближался целый эскадрон.

Как только стало темно, пришлось снизить скорость, но Артур сразу получил преимущество. Теперь он видел патрули издалека и заблаговременно объезжал их. Солдаты жгли факелы и, растянувшись цепью, обшаривали дворы. Один раз Артур минут десять простоял в нише, ожидая, пока подвыпившая, хохочущая поисковая группа пройдет мимо. В подвальные окна бойцы кидали горящую паклю или фонари на палках, но сами спускаться не отваживались. Карин скрипел зубами, наблюдая такое «усердие».

— А чего ты хотел, ваша святость? — успокаивал Артур.— Тебя ж никто не любит.

В тот момент, когда вдали заполыхали сотни огней большой стоянки, настоятель впервые всерьез поверил, что его увозят из Москвы. Справа от Каширского тракта и до и после Кольцевой бетонки ночевали многие десятки погонщиков и бедных торговцев, у которых не было лишних денег заплатить за ночлег в гарнизонах. Утром вся эта громадная масса придет в движение, одна

река подвод потечет в южные губернии, другая двинется к ярмарке — пополнять карман связанного, избитого человека, что трясся на заднем сиденье мотоцикла.

— Зачем я тебе нужен... демон? — безнадежно спросил Карин.

— Чтобы спасти Москву.— Артур полной грудью вдыхал ароматы просыпающихся от зимней спячки полей.— Ты расскажешь моим друзьям все то, что говорил мне. Как хорошо у вас жить и как все счастливы, что появилась крепкая власть. И сколько сделал для народа президент. Видишь ли, мне мои друзья не очень верят. Я им много раз говорил, что без государства никуда, они не верят. Вот я и подумал, не с пустыми же руками возвращаться, возьму тебя с собой... То, что мне было нужно для... э-э-э... работы, украли вместе с конем. Так что настраивайся спасать Москву, речь готовь.

— Да от кого? — опешил настоятель.— От кого спасать-то?

— От меня, ваша святость. От меня.

32
СПОР БЕЗ ВЫИГРЫША

— Не дергайся! — сердито повторил Исмаил.— Если будешь мешать, я сломаю тебе ребро.

Артур так и не удалил две дробины, теперь обе обросли мясом, но при беге и даже при быстрой ходьбе доставляли неудобства.

— Я виноват. Я потерял обоих коней и змея... Чернику убили просто так, представляете? Ни за что. Эти сволочи убили ее из вредности, за то, что она бежала за мной. А я ничем не мог ей помочь... — Артур лежал на широкой доске и говорил без передышки, чтобы отвлечь себя от боли. Несмотря на всю полевую анестезию, пулевые отверстия нагноились. Исмаил раскалял над огнем крючки и довольно грубо ковырялся в ранах.— Я потерял все твои приспособы для меток, учитель... Я не специально...

— Это ничего. Слабая метка может быть чем угодно. Лежи тихо...

Когда Артур покидал «базовый лагерь», Качальщиков было всего трое — Бердер, Исмаил и Анна Вторая. Расположились в заброшенной деревеньке, не доезжая Сергиевого Посада, в единственном прямо стоящем здании, маленькой церквушке. Большинство изб на обеих улицах деревни превратились в покатые холмики. Вернувшись, Артур, к немалому изумлению, застал в церкви «старшего генетика» Прохора и еще двоих незнакомых старичков из какой-то дальней общины. Мотоциклист так устал, что мог лишь смотреть и хлопать глазами. Прохор смеялся в бороду, он мало говорил. Оставалось предположить, что чародеи догнали авангард экспедиции по воздуху.

Как всегда, Те, кто раскачивает, знали о приближении любого человека заранее, и даже знали, что Коваль везет с собой пленного. Уже наготове была куча раскаленных камней, оставалось смести с них угольки, намочить веники, и

следующий час Коваль провел, нежась в самой потрясающей баньке... Исмаил непрерывно окуривал всю округу таежными благовониями, но даже на таком удалении лесные жители ощущали запах столицы и никак не могли от него избавиться. Артуру, напротив, казалось, что после липкой, гнилостной атмосферы он попал в настоящий рай.

В пути Артур заправлялся дважды, по сути дела, отнимал топливо у встреченных автовладельцев. Но после второй заправки мотор застучал с перебоями, и до деревни он доехал почти на честном слове. Бердер вышел навстречу, дождался, пока Артур слезет и отстегнет от себя пребывавшего в полной отключке Карина. Артур уже знал, что последует дальше: один из тех «фамильных» трюков, которые ему не суждено было постичь.

Три секунды спустя на месте, где стояла «ямаха», бугрилась и опадала раскаленная спекшаяся корка. После проведенной стерилизации плевок Сатаны просуществует две недели, а потом на его остатках еще сильнее пойдут в рост побеги.

— Зачем ты привез его с собой? — Исмаил пустил по кругу ковшик с густым пахучим отваром.— Этот жалкий колдун не сказал ничего нового.

Седой Качальщик мотнул головой в сторону лежанки, где забинтованный, словно мумия, тихо страдал настоятель. В процессе осмотра выяснилось, что у святого отца сломано два ребра, воспалились фурункулы на спине и почти отказала почка. Теперь он лежал, до ушей залитый отварами, намазанный притираниями, и редко дышал через рот. Его даже не унесли в сторонку, пусть себе слушает...

— Я поверил... — Артур чувствовал каждой клеточкой тела такую блаженную истому, что самые простые слова давались с трудом.— Мне казалось, он сумеет убедить вас...

— Убедить в чем, Проснувшийся?

— В моей правоте. Историю нельзя остановить... То, что делают эти люди, жестоко, но необходимо.

— Необходимо было бить тебя и угрожать пытками? — поднял брови Бердер.

Белые старички переглянулись и одновременно затянулись из узких лакированных трубочек. Они курили не табак, а какую-то цветочную смесь, от которой у Артура все плыло перед глазами.

— А разве ваше племя ласково обращается с врагами? Вы продаете людей, как скотину!

Артур знал, что может выплескивать из себя любые оскорбления, наставников это не трогало. Заставить их изменить принятое мнение могли не слова, а только очень серьезные обстоятельства.

— Хорошо! — сдался он.— Хорошо, попробуем иначе. Вы надеялись, что едва я вернусь в город, как тут же воспылаю к нему ненавистью. Не скрою, так и случилось, но это не повод, чтобы навязывать сотням тысяч людей, как им жить. В таких решениях нет справедливости, о которой вы печетесь... Разберитесь вы, наконец, в собственных терминах! Я прожил тридцать лет в обществе, где справедливость понималась точно так же, люди были не глупее вас, но есть справедливость частная, а есть общественный интерес.

Меня забрали в тюрьму, могли пытать или даже убить. С точки зрения моей жены, это было бы жуткой дикостью и вандализмом, потому что я не сделал ничего плохого. Для большинства рыночных торговцев, я уверен, солдаты Карина тоже малосимпатичны. Подумаешь, паренек расплатился осколком от яйца Фаберже! Подумаешь, отрубил палец ворюге! Да так жулику и надо! При других обстоятельствах меня бы, возможно, даже спрятали от патруля. Это и есть та самая правда, о которой вы так заботитесь, чистой воды анархизм. А теперь взглянем на дело иначе.

Вот вам другой пример. В восемнадцатом веке жил один неглупый мужик, он объяснял это лучше меня... Так вот: скажем, меняльная лавка, из нее когда-нибудь вырастет первый московский банк. Богатый меняла дает денежки в долг, под процент. Не понимаете? Ну, чтобы вернули больше, чем взяли. Кто занимает деньги? Бедный караванщик, скажем, из Брянска. Ему надо перекрутиться, купить-продать, оставить семье и так далее... И вот бедняга не справился, не может вернуть долги.

О чем кричит ваша «справедливость»?! Как так можно, заявляете вы, тащить доброго, ни в чем не виноватого трудягу в тюрьму, бить его плетьми, продавать в рабство? И вас, конечно, поддержат сотни тысяч бедняков. Они с радостью похватают камни. И если солдаты, охраняющие менялу, не будут смельчаками и не разгонят толпу из пулеметов, можете не сомневаться: ваша «правда» возьмет верх. Конечно, это же так очевидно! Как можно давать еще больше наживаться лихоимцу, который и без того ездит на моторе и захапал себе кучу денег!

Но эти же ненавистные солдатики спасли бы рыночного воришку от расправы толпы. А торговцы, которым очень хотелось бы махнуться напрямую — ты мне сапоги, я тебе — груздей моченых, втайне рады, что появилась наконец стабильная валюта и за нее можно приобрести на рынке все. Все, что нужно, а не метаться по темным углам в поисках товара. Плюс к тому, на рынке тебя охраняют, и ближние дороги уже стали спокойны...

— Ты хочешь сказать, что доволен Москвой?

— Совсем нет,— горько улыбнулся Артур.— Но люди не были довольны и до года Большой смерти. Я просто стараюсь, в который раз, втолковать, что вы заняты безнадежным делом. Вы пытаетесь отделить добро от зла, а это нереально. Не я это сказал. Мне тоже очень хотелось бы помочь забитому ковбою, которого обдирают налогами московские вояки. Мы можем прийти в его деревню и прогнать гарнизон. Мы можем заставить купца вернуть деньги тем беднякам, что брали у него в долг, а теперь проданы ему с потрохами. И чего мы добьемся? Лично я не желаю стать героем фольклора вроде Емельки Пугачева или Стеньки Разина. Эти чудовища со своим обостренным пониманием правды не принесли народу ничего, кроме многолетних страданий. Поймите же, мы можем спасти десяток обиженных, но нанесем удар по системе взаимной безопасности, по общественному интересу. Купец больше не даст денег в долг, рубль обвалится, и пострадают все! Ковбой откажется содержать солдат, и рано или поздно его дом сожгут соседи или дикари. Только никто уже не защитит его! Пусть сейчас всем плохо, но так бывало и раньше. Либо появится сильное государство, либо по дорогам будут носиться банды шептунов...

Качальщики молчали. Незнакомые старики посасывали свои трубки, заполняя прогретую внутренность церкви сладковатым дурманом, Бердер раскладывал вокруг костра сырые поленья. Карин валялся, спеленутый, на постели из еловых лап и не подавал признаков жизни. Дым от костра поднимался к прорехам в крыше, обволакивал стены, где в вышине еще грозили пальчиками почерневшие лики православных святых. Сразу за церковью начиналось кладбище, но за век снега и дожди размыли могилы. Сквозь пролом окна Артур видел кусок решетки, изъеденную временем верхушку косого креста и почти вертикально торчащую из лужи крышку цинкового гроба. В таком гробу когда-то привезли из Чечни соседа Серегу... На деревьях уже набухали почки, по обломкам рухнувшей звонницы сосредоточенно вышагивали грачи, подступивший к деревне лес вздыхал, точно живой, и отряхивал на землю миллионы брызг.

— Мы не отделяем добро от зла,— медленно произнес Исмаил.— Мы слушаем Землю, а Земля для всего сущего на ней — всегда добро. До Большой смерти не было Тех, кто раскачивает. Потому что земля справлялась сама с теми ранами, что вы ей наносили. Мы читаем книги, Артур. Последнюю сотню лет до Большой смерти Земля почти не справлялась. Вы забрали у нее почти все, не спрашивая. Как нас назвал твой знакомый музейщик? Альтернативным разумом? Сложное слово, но я понимаю. Этот самый альтер... разум должен был появиться намного раньше. Но я имею в виду не Тех, кто раскачивает, совсем другое. Теперь неважно, после Большой смерти Земля качнулась, они погибли...

Ты думаешь, Проснувшийся, что Вечные пожарища — это самое печальное, что есть на планете? Это не так. Ты знаешь, что последние двадцать лет вытекает в землю из древних заводов? А такие заводы повсюду. Люди ушли, а порошки, несущие смерть, остались. Мы пытаемся их остановить, но не успеваем, нас слишком мало. Ты помнишь, я брал тебя с собой на северный берег? Помнишь кладбища птиц, целые стаи птичьих скелетов? Помнишь рыб без глаз, рыб, покрытых язвами, тысячи мертвых рыб, вмерзших в лед у берега? Они погибли от огненных грибов, что давали тепло и свет... Только Те, кто раскачивает, поняли, чем опасны огненные грибы. Они остаются внутри рукотворного камня, они больше не дают тепла, они не двигают больше подводные корабли, но они не спят... Они продолжают раскачивать Землю, а не мы.

Понимаешь? Если бы миллионы людей не умерли от болезни СПИД, Земля скинула бы их. Она уже начала раскачиваться, еще тогда, но вы не замечали!

Исмаил говорил все быстрее. Это была первая столь долгая проповедь, которую услышал от него Коваль за три года. Сейчас Качальщик не на шутку разгорячился; на обычно безмятежном, непроницаемом лице разлился румянец, сцепленные в замок руки, напротив, побелели.

— Вспомни хорошенько, Клинок, разве не было такого в давние времена, чтобы большие рыбы сами бросались на сушу, ища себе смерть? Разве не было такого, чтобы из грязных озер навсегда улетали птицы? А сколько тысяч уродов рождалось у ваших женщин?

— Такое случалось, но...

— Просто вы не понимали, что это значит! Земля уже качалась, Слабые метки уже бродили по ее поверхности, и достаточно было самой малости... Когда мой дед был еще ребенком, он нашел на краю теплого пожарища живую

траву. Это пожарище не породил мертвый завод, там сошел с пути паровик, что вез военную химию... Мой дед взял в ладонь эту травинку, она была единственной посреди пустыни. Он дотронулся до нее и понял, что нашел один из звенящих узлов. Он нашел такую Слабую метку, которая могла бы раскачать не то что Вологду или Шарью, она могла бы раскачать всю Землю между океанами. И знаешь, что он сделал, Проснувшийся?

Ты чувствуешь справедливость, ты не тронул бы этой травы, возможно, даже бы полил ее водой, но не более того. А такой человек, как Карин, он бы прошелся по ней сапогом. Просто так, без удовольствия, но наступил бы, чтобы зеленые лепестки не нарушали серого цвета смерти! И таких, как твой соборник, в городах — большинство.

Если они встретят цветок, то непременно сорвут его, чтобы выкинуть. Если в городской пруд спустится дикий лебедь, они убьют его и зажарят, как будто им не хватает еды! Они сливают свое дерьмо в реку, из которой пьют воду! Они плодят болезни вокруг своих жилищ, потому что каждый выплескивает нечистоты под дверь соседу!..

Они боятся всего, что не подчиняется их бездарному городскому колдовству, они боятся нас и запугивают детей. Они не представляют, сколько сил мы тратим, чтобы сохранить равновесие Земли. Они ненавидят нас, потому что мы раскачиваем слабые узлы, а на самом деле мы их же и спасаем! Посмотри, что ревнитель церкви носит на груди! — Хранитель расстегнул на спящем Карине рубаху, брезгливо подержал на ладони целую пригоршню амулетов и оберегов.

Чего там только не было! На веревочках вперемешку висели христианские кресты разных конфессий, полумесяц пророка и могендовид, какие-то баночки с волосяными кисточками, пожелтевший зуб тигра и даже миниатюрный костяной слон с позолоченными бивнями.

— Этим насекомым все равно, кому лизать пятки. Они будут поклоняться тому знаку, который носит их хозяин. Если папа любит объезжать коней, то они, ради того чтобы остаться при власти, тоже полюбят эту забаву! Они готовы отбить себе жирные задницы и свернуть шеи, но будут делать вид, что им нравится падать в грязь. Если старого хозяина убьют и придет новый, покровитель холодного оружия, они специально выучатся махать саблей, лишь бы не потерять милостей новой власти. А прежнего хозяина тут же забудут и знак его силы упрячут подальше... А ты, Клинок, нахваливаешь мне их «государство»!

Мой дед был одним из первых Хранителей равновесия, он три дня пролежал возле кустика на пожарище, оберегая его своим теплом, укрывая его от ветра и насекомых. Когда шел дождь, он расстилал одежду, чтобы собрать для растения побольше воды. Там его и нашли родичи. Не все умели слышать, в те годы небо было отравлено дурным запахом смерти. Земля тогда еще не забрала кости миллионов умерших, повсюду жгли костры из человеческих тел, и запах этот мешал Хранителям. Моя прабабушка, мать моего деда, рожала его в первой лесной общине, возле пожарища, но сама она была городская, из Перми. Когда она захотела привезти сына в город, он сразу начал задыхаться. И остальные маленькие тоже. Тогда и стало понятно, что дети из Вечных пожарищ не могут вернуться в города.

И вот они, родичи, собрались вокруг моего дедушки и смотрели, как он спит на сером пепле, обняв зеленый росток. И стали они охранять этот кустик по очереди, не отлучаясь ни днем, ни ночью, ни в самые лютые холода. Охраняли его долго, пока рядом не выросла еще трава и метка не потеряла силу. Те, кто умел слышать, понимали, что дед случайно нашел огромную редкость. Слабые метки такой мощности попадаются раз в двадцать лет и обычно там, где нет ничего живого... Где живое пытается вернуться, и если его убить, то Земля не выдержит и взорвется...

— Что значит «взорвется»? — Коваль уже не знал, чему верить. За три года он привык, что никакого волшебства, в смысле черной магии или говорящих котов, не существует, а нынче его снова погружали в трясину сверхъестественного.

— Взорвется — это не означает, что погибнет.— Голос Исмаила был печален, а глаза засасывали, как ледяные бездонные омуты.— Земля сметет всех нас, и ей будет все равно, что шесть поколений Хранителей отдали жизнь во имя спасения равновесия... Ты слышал о Хранителях памяти?

— Мама Рита, мир дням ее, говорила, что мне незачем с ними встречаться.

— Она права! — кивнул Исмаил.— Эти люди плохо выносят общество. Мой младший брат Кристиан один из таких, он живет у озера Валдай со своей женщиной и детьми...

— Так это ему донес Рубенс о моем появлении в музее?

— Да. Кристиан не ищет общения, но к нему ездил и Миша Рубенс, и другие питерские папы, кто хотел увидеть будущее. Но будущее предсказать не так уж сложно, потому что перед нами всегда лишь его малая часть. Время похоже на старую сосну. Далеко вверх тянется голый ствол прошлого, затем идет тонкий срез настоящего, который тут же сменяется кроной. И каждая веточка на кроне, каждая иголка — это один из путей, который ты выберешь. И Кристиан может разглядеть лишь одну из тысяч иголок...

— Это называется многовариантностью...

— Пусть так. Я не знаю умных слов. Я познакомлю тебя с Кристианом, но не ради будущего. Он покажет тебе прошлое, для него это легко. Не то прошлое, которое тебе знакомо. И не то прошлое, о котором ты читал в книгах. Он покажет тебе такое давнее прошлое, о котором не слышал ни один книжник до Большой смерти. То, что было пять миллионов лет назад. И то, что было двадцать миллионов лет назад. И шестьдесят миллионов лет назад.

— И что я должен увидеть? Процесс размножения мастодонтов? Или любовные игры диплодоков?

Исмаил укоризненно покачал головой:

— Я не знаю, кто такие диплодоки. Ты увидишь разумных, Проснувшийся.

— Твой младший брат ошибается. Миллион лет назад на планете не существовало людей.

— А разве я говорил о людях?

— Уж не хочешь ли ты сказать, что?..

— Кристиан не видит все ветки будущего, но прошлое понятно ему, как ствол сосны. Трижды на Земле появлялись разумные, и трижды они нарушали

равновесие, раскачивали живую природу до предела... И всякий раз на планете начинался хоровод Слабых меток. Как гнойная сыпь, что предшествует распаду тела. Как таежные клещи, что вгрызаются под кожу и делают там норы, а затем одним ударом яда отнимают у человека жизнь. Планета терпит разумных, пока они не нарушают равновесия... — Исмаил вытер пот со лба. Коваль чувствовал, что еще немного, и он потеряет сознание. Это не было гипнозом, но от Качальщика исходила такая энергия, что спина покрылась мурашками и покалывало в подушечках пальцев.— Когда Слабых меток становится так много, уже не нужно ждать, пока соберется узловой треугольник. Взмах серпа, раздавленный под сапогом жук, пролитая в реку бутылка нефти — все что угодно!! Трижды планета рожала разумных, и трижды они несли угрозу самой жизни. И планета сметала их, как ты сметаешь с одеяла насекомых, прежде чем положить туда своего сына!

Затем пришли люди. Ты много нам рассказывал, Клинок, о том, сколько атомных станций вы построили. О том, сколько рек вы перегородили плотинами. Сколько леса вы вырубили, чтобы печатать книги. Сколько нефти вы взяли из почвы, и сколько миллионов моторов превращали эту нефть в смертельный дым. А теперь я спрошу тебя. Ты до сих пор уверен, что болезнь СПИД поразила человека случайно?

— Ну... Находились соборники, которые кричали, что это небесная кара, Божий промысел...

— Если бы на небе жил Бог,— отмахнулся Исмаил,— мой брат сказал бы мне об этом первому... Теперь послушай Прохора, он скажет тебе главное.

— Считая от года Большой смерти, никогда не плодилось столько Слабых меток... — Прохор Второй немного гнусавил: один из «экспериментальных» медведей когда-то заехал ему лапой в нос.— Мы следим за теми, что бродят вблизи древних заводов или там, где под землей спят огненные грибы. Мы расплавили тысячи поселков, и там, где мы прошли, звон прекращался, и наступало равновесие. Теперь метки уходят на запад, они стягиваются вокруг Москвы, потому что Земля чувствует здесь наибольшую угрозу. Пока еще, после Череповца и двух военных баз за Уралом, ни разу не складывался звенящий узел такой силы, как нашел дед Исмаила, но это может случиться в любой момент. Равновесие пока что держится. Как только папа Иван или кто-нибудь из его врагов, неважно кто, доберется до древнего оружия, миру наступит конец. В столице и вокруг нее слишком много опасного...

— Погоди, Прохор! — Коваль плеснул себе в лицо колодезной воды, сразу стало лучше, мысли потекли ровнее.— Если я верно понял, Москву надо расплавить, чтобы выжил род людской? Но это же абсурд! Есть ведь и другие города!

— Петербург не так опасен.— Прохор достал из золы картофелину.— Сегодня там нет человека, который собирается отравить целый город.

— Господи! Да о ком это ты?!

— О президенте Иване... — Артур чуть не подпрыгнул. Вместо Прохора ответил настоятель. Дышал он через силу, но температура, по-видимому, спала, снадобья Хранителей сделали свое дело.— Папа Иван собирается отравить воду в Волге, чтобы вынудить Ярославль платить налог.

33
НОВЫЙ ДРУГ ЛУЧШЕ СТАРЫХ ТРЕХ

— Да это же черт знает что! — подскочил Артур.— Волга, она же длинная, так и до самой Москвы дойдет!

— Не дойдет... — Карин слабо подвигал пальцами.— Колдуны сказали, что яд разлагается быстро, у них есть книги...

— Уж не ты ли, гад, сам и предложил? — вкрадчиво осведомился Коваль.— А теперь решил под святого закосить?

— Не он! — отозвался Бердер.— Он предлагал копить силы и выступить против Ярославля большой армией на следующий год. Но в голове у нашего соборника есть задумки и похуже. Я прав, насекомое? Это место, к западу от Москвы, называется Красногорск-3. Скрытый въезд под землю, большие ворота. За воротами другие. Там стоят моторы, не меньше тридцати. Все они исправны. И на моторах уложены ракеты. Отдельно, ниже этажом, хранятся детали к этим ракетам. Без деталей они не могут взрываться. Моторы можно запустить, а ракеты нельзя, потому что ими управляло... м-м-м... стеклянный сосуд с нержавейными металлами внутри...

— Компьютер! — подсказал Коваль.— Там и золото, и платина...

— Эти ком... пьютеры они оживить не могут. Но люди Карина забрали с собой одну ракету и дали инженерам. Инженеры сказали, что ракету можно оживить, хотя это опасно, но внутри нее есть еще один... ко... эта самая штука, и непонятно, как ракету направить.

— Без гироскопов она начнет метаться, как заяц в капкане! — успокоил Артур.— Но скорее всего никуда без программы не улетит, взорвется на старте.

— А это неважно, где она взорвется! — сказал Бердер.— Даже если ракета не породит огненный гриб, может возникнуть та самая Слабая метка...

У Карина задергалась щека. Телепатия Качальщиков повергала его в панический ужас. Артур вспомнил, как Исмаил в день знакомства довел его до белого каления угадыванием мыслей. Он обернулся к Бердеру:

— Если вы... начнете расплавлять Москву, погибнет уйма народу!

— Я говорил тебе три года назад и сейчас повторю. По тем Слабым меткам, что бродят вокруг Москвы, нам быстро не собрать узлы. Нас слишком мало, а город огромен. Есть метки в самой Москве, в центре. Если качнуть оттуда, распад пойдет тихо...

— Очень тихо! — вставил слово Исмаил.— Люди успеют заметить и уйти.

— Мы не убийцы! — добавил Прохор Второй.

Теперь все пятеро смотрели на Артура. Просто смотрели, ничего не говоря. И снова, как ни странно, на помощь пришел Карин:

— Мы можем пойти вместе... Меня люди послушают. Я скажу им, что был у Красных колдунов, и они предсказали землетрясение.

— Ты первым делом побежишь спасать президента! — Артур пожалел, что так и не врезал святому отцу в ухо, пока тот был цел.

— Иван — трус и дурак! — скривился Карин.— Против него готовят заговор. Когда его убьют, будет трое желающих сесть на его место. Тут уж как повернется...

— Все ясно! — сказал Артур.— Тебя могут повесить за компанию... Значит, другого пути нет? — повернулся он к поджидающим Хранителям.— Нет другого пути остановить эти самые Слабые метки? Н-да... И потом! — спохватился Артур.— Я этому серому кардиналу не верю, он сдаст меня с потрохами. А если его отпустить вперед, то меня пристрелят, не доезжая до Кольцевой! Там полгорода с автоматами гуляют!

— Вы отправитесь вместе, Проснувшийся! — улыбнулся один из незнакомых дедушек.

— Ты ошибся, Качальщик! — Хохот настоятеля звучал, как воронье карканье.— Ты тоже веришь в глупые сказки? Ваш подмастерье никакой не демон! Поищите кого-нибудь понадежнее. Если бы не я, его забили бы кольями темные крестьяне на рынке!

— Это не сказки, соборник! Так написано в Книге, а наша Книга никогда не врет! — важно заявил Прохор.

— Я тоже доверял Красным колдунам,— отмахнулся Карин.— И чуть было не поверил ему, но затем кое-что вспомнил! Проснувшийся демон должен был явиться в Москву верхом на крылатом змее, а ваш Клинок приехал на кобыле. У него, правда, имелся змей, но тот вряд ли бы и зайца унес!

— Ах, вот ты о чем!

Прохор внезапно повеселел, засмеялись и старички, похожие на добрых лесных гномиков. Затем расхохотался Исмаил и, наконец, вечно неулыбчивый Бердер. Артур переводил глаза с одного на другого и никак не мог понять причину общего веселья. Он вообще никогда не видел Качальщиков смеющимися, да еще столь упоительно, разве что на праздниках рождения детей...

— Ты нам очень помог, соборник! — утирая слезы, выговорил Исмаил.— Ради одних этих слов тебя следовало сюда притащить и вылечить! Выходит, что Красные кровопийцы не всегда врут! В Книге не было этих строк, но теперь все совпало! — И старик кинулся обниматься с Бердером, что было уж совсем большой редкостью.

— Да что я такого сказал? — недоумевал Карин, не зная, то ли обидеться, то ли подхихикнуть вместе с этими непонятными Качальщиками.

Прохор Второй загадочно посмотрел на Артура, затем сунул два пальца в рот и пронзительно свистнул. Сначала ничего не произошло, затем пропали голоса птиц. В наступившей тишине стало слышно, как потрескивает остывающая зола и свистит в кронах озорной весенний ветер. А потом Артур краем глаза уловил какое-то движение, оглянулся на разбитое окно и... прирос к полу.

На лужайку перед церковью величественно и неторопливо выходил крылатый змей. Этот взлетит, почему-то сразу понял Коваль и чуть не поперхнулся слюной. На сей раз Прохор постарался на славу. Любопытно, как это ему удалось так долго скрывать свою последнюю разработку? Заодно стало понятно, каким образом троица генетиков догнала авангард с такой скоростью...

Это был настоящий Змей Горыныч, совсем не классический пузатый дракон из области британского фольклора. Существо, стоящее на лужайке, обла-

дало вполне приличными аэродинамическими качествами. Поджарое тощее тело, метров шести в длину, маленькая узкая голова. Короткий мощный хвост не волочился бестолково по земле, как у прежних «моделей», а приподнимался вверх наподобие паруса. Зато две пары крыльев за спиной. Каждое из передних, маховых, крыльев превышало длину тела. Задние, очевидно, выполняли функции рулей и, как выяснилось позже, позволяли змею зависать на месте по принципу вертолета. Лапы остались прежние, крокодильские, слишком маленькие для такого огромного туловища, отчего рептилия слегка смахивала на таксу.

— Прохор, ты превзошел себя! — прошептал Артур.— Восемь конечностей, это нереально!

Карин тоже оглянулся. Под впечатлением от увиденного вскочил на сломанную ногу и упал в костер. Если бы не Бердер, пришлось бы лечить настоятеля от ожогов.

— Я на... на этом никуда не полечу! — помертвевшим голосом заявил настоятель.

— Не правда ли, она прекрасна? — Прохор вышел на улицу, потрепал зверя по голове. Драконихa сразу потянулась к сумке, ожидая от хозяина лакомства.— Это не только моя заслуга. Семен и Марти, мы работали вместе! — Он махнул в сторону своих скромных помощников. В глазах обоих старичков светилось обожание. Они буквально боготворили свое детище.

— Из какой детской книжки ты ее вытащил?

Артур тоже вышел на воздух. На спине змея крепилась сложная упряжь. Три седла, место под багаж, даже крепления для оружия. Сложная уздечка из сыромятных ремней крепилась под крыльями и нижней челюстью, охваченной толстым металлическим намордником.

— Никакие удила не выдержат давления зубов, мы пробовали! Кроме того, она хватает птиц на лету! — любовно поглаживая зверя по жесткой зеленой чешуе, нахваливал Прохор.— Теперь самое главное, Клинок. Мальвина очень пуглива. Если этот безумный соборник будет продолжать свои вопли, девочка испугается и может перевернуться...

— Как... как ты ее назвал?! — давясь от смеха, спросил Артур.

— Мальвина! — ответил маленький Семен. Он доставал из мешка и кидал в пасть драконихе нещипаных куриц, та заглатывала, не жуя.

— Вроде бы это имя из датского фольклора! — проявил осведомленность Прохор.— Мне подсказал кто-то из детей. Слушай, Клинок, я покажу тебе, как управлять. Запомни три вещи. По земле ее не гонять, это полетный вариант. Фруктами не кормить, будет поносить. И ни в коем случае не ругать и не замахиваться. Это тебе не лошадь, с ней надо обращаться бережно! Она лучше, чем оба твоих коня и Миг впридачу, она стоит троих старых друзей, поверь мне! Подойди, Мальвина понюхает тебя, и мы вас оставим наедине. Все как обычно, ты же знаешь. А потом посмотрите по карте, куда лететь, это в самом центре...

Установив первый ментальный контакт с драконом, Артур еще раз поразился творческому гению Прохора. Мальвина была гораздо умнее обычных змеев. И гораздо более тонко устроена, что ли...

— Ну что, милая? — спросил Артур, глядя драконихе в томные, обрамленные двойным рядом ресниц глаза.— На тебя вся надежда. Рот открой, у тебя там гадость какая-то застряла...

Мальвина послушно разззявила пасть. Артур вынул нож и вытащил застрявшую между резцов куриную лапу. Каждый зуб превосходил размерами спичечный коробок. Мощные когтистые лапы нервно скребли дерн.

Коваль оглянулся. Позади стоял Бердер. Его белая льняная рубаха раздувалась на спине, как парус.

— Ты хотел о чем-то спросить, Клинок?

— Да, учитель.

— Наш ответ: да. Если ты сделаешь все, как надо, сможешь забрать женщину и обоих детей. Можете уйти, когда захотите.

— Ты тоже хотел спросить меня, учитель? — Коваль вдруг вспомнил, как он когда-то не мог рассмотреть лиц Качальщиков. Насколько ловко они прятались от всякого чужого, и насколько родными эти фанатики стали для него теперь...

— Я уже спросил и уже получил ответ, Клинок.

А я вот не получил ответа, подумал Артур, глядя вслед учителю.

Я не уверен, что хочу возвращаться в Питер.

34
ПРОСНУВШИЙСЯ ДЕМОН

Коваль чуть не плакал от восторга. Даже несмотря на лютый холод, качку и встречный ветер, пробиравший до костей, ему хотелось кричать на всю округу. Мальвина махала крыльями с пугающей частотой, пока не набрала километровую высоту. Здесь она периодически отдыхала, отдаваясь во власть воздушных потоков, а затем под седлом снова начинали сокращаться стальные мускулы, оба седока зажмуривались и прижимались к горячей, как печка, спине. Сиденье скорее напоминало не седло, а жесткие штаны с двумя широкими лямками, крест-накрест облегающими плечи. В противном случае никакой наездник не сумел бы удержаться; драконихa, в отличие от сказочных собратьев, рыскала из стороны в сторону, а иногда проваливалась в воздушные ямы. Лица пришлось натереть жиром и вдобавок замотать головы толстыми шарфами.

В таком виде Коваль больше походил на старую цыганку или бедуина, но зато появился повод посмеяться над иллюстраторами старых романов-фэнтези. Никто из этих ребятишек и близко не представлял, каково это — подставить рожу ветру на скорости километров двести в час, да еще на такой высоте.

Он сверился с внутренним будильником и потянул на себя вожжи. Мальвина чуть развернула левое крыло навстречу ветру и, гася скорость, начала снижение по плавной дуге. Заходящее солнце выкинуло последний отчаянный

луч из темной гряды облаков, и вокруг Артура, насколько хватало глаз, развернулась панорама неописуемой красоты. Излучина Москвы-реки полыхала всеми оттенками, от бледно-розового до глубокого ультрамарина. Прямо над головой, так близко, что казалось — протяни руку и утащишь за собой, свисали снежно-белые сталактиты облаков, небо на западе переливалось алым, а на востоке переходило в осязаемую чернильную завесу.

Гусиный клин, смешно вытягивая шеи, разворачивался чуть ниже пересекающимся курсом, а еще ниже, словно неведомые волшебные деревья, покачивались у земли тонкие колонны сонных дымков. Сверкнули в закатном мареве шпили университета; принимая перекличку, откликнулись огнем армады южных небоскребов, потянули спины уставшие за день мосты, и сквозь неумолчный свист ветра докатились, наконец, перезвоны со столичных колоколен. Растянувшиеся до горизонта кварталы погружались уже в сумрак, но в центре сияли сотни огней. Влажная майская морось колыхалась над великим городом, и, точно злой вестник ночи, спускался в сияние костров восхищенный и плачущий человек, прозванный Проснувшимся демоном.

Над застывшим озером ЦПКиО Артур отважился на резкий вираж, чуть не стоивший дрожащему позади настоятелю двух передних зубов. Мальвина все команды воспринимала без задержки и, сложив крылья, камнем ринулась вниз. Затем Карин вторично стукнулся носом о спину Артура, когда захлопали задние крылья и драконица пошла на посадку. Десятка два метров она неслась у самой поверхности земли, перебирая лапами, и казалось, что собирается с размаху врезаться в громаду Центрального Дома художников, но все обошлось.

В наступившей тишине было слышно, как перекликаются часовые на Крымском валу и тарахтит на реке простуженный дизель.

— Ступай! — сказал Коваль, высвобождая застывшего настоятеля из плена ремней.— У тебя час с небольшим. Если я узнаю, что ты пошел не в ближайший гарнизон, а в Кремль, ящерица тобой позавтракает.

Карин, опираясь на костыль, сделал два неуверенных шага. Его здоровое колено подогнулось, и настоятель плюхнулся на обломок каменной тумбы. Затем его вырвало. К счастью, в темноте Артур не видел его лица.

— Мы ведь больше не увидимся, демон? — глухо спросил из мрака Карин.— Я хотел бы как-то отплатить тебе...

— Предупреди людей. Это лучшая благодарность.

— У меня больше не болит в правом боку... И пропала кровь, когда я хожу по нужде. И что-то в ноге изменилось. Спасибо.

— Лучше бы у тебя в голове что-нибудь изменилось... Что ты будешь делать, святой отец? Вряд ли кремлевских радостно примут погостить в той же Туле или Брянске?

— Не знаю... — Карин тяжело вздохнул.— Я попробую собрать новую общину.

— Без Ивана? Опять рвешься к власти?

— Иван не доживет до утра! — Настоятель зло рассмеялся.— Я говорил ему, что нельзя трогать спящее оружие! Мои братья дважды гадали на козлиную кровь и дважды видели бездну. Я уйду на юг и соберу новую общину, из преданных людей...

— Ступай уже! Горбатого могила исправит...

Когда ковыляющая фигура настоятеля скрылась у моста, Артур привязал Мальвину к дереву. Сделал он это чисто символически; легче было бы удержать дога привязанным к одуванчику. Затем скормил ей остаток курицы и велел ящеру притвориться корягой. Артур поймал себя на том, что бессознательно оттягивает главный момент. Самостоятельно он занимался этим первый раз и оттого немного психовал. Он не ощущал в себе морального права раскачивать, его родители не мерзли в болотах под радиоактивными дождями, не дрались за кусок хлеба, не приручали диких зверей...

Он развязал мешок и на ощупь слил в котелок жидкости из трех бутылочек. Затем добавил туда же нужные порошки. Подождал, пока разгорится огонь под котелком, и осторожно слил бурлящую вонючую похлебку в миску. Теперь предстояло действовать с предельной аккуратностью, малейшая ошибка могла погубить все дело. Он сделал короткий надрез на левом запястье и проследил, как кровь, капля за каплей, тонет в зеленоватом бульоне. Как только жидкость зашипела и окрасилась в ровный кирпичный цвет, он отдернул руку и замочил в миске заготовленные тряпки. Затем, встряхивая обожженными пальцами, слегка отжал тряпицы и вытащил из заплечных ножен длинный кривой нож. Бердер затачивал лезвие больше часа, водя по куску грубой кожи, и малейшее неосторожное прикосновение могло нанести глубокую рану. Артур натянул длинные плотные перчатки. Из отдельного запечатанного пузырька, стараясь не капнуть на кожу, он пролил на лезвие черную, как смола, воду. Одна капля такой воды — и человека не спасет даже Анна Первая, лучшая знахарка общины. Черную воду готовили особым образом из той мертвой влаги, что сочилась в ров на краю пожарища.

Коваль искал молодые деревья, старые не годились. Он выбрал три подходящих ствола, обернул вокруг них еще горячие, остро пахнущие травами тряпки и сделал на коре по два надреза в виде косого креста. Мальвина следила за хозяином, ее глаза вспыхивали, как у огромной кошки, отражая лунный свет. Затем она улеглась на брюхо и принялась шумно устраиваться на ночлег.

Первые деревца оказались ложным следом. Артур повторил операцию, затем еще раз, отойдя подальше. Бердер не мог ошибаться...

Седьмой по счету ясень оказался именно тем, что он искал. Еще не веря собственным глазам, чувствуя предательскую дрожь в коленях, Артур подобрался к дереву вплотную. Слабая метка, вот она! Он, самый обычный человек, никому не известный инженер, только что вызвал к жизни страшную силу природы! У Артура было такое чувство, будто он активировал детонатор водородной бомбы. И почти сразу же сквозь мозг пронеслась теплая, ободряющая волна — это откликнулись разумы пятерых дожидающихся его Качальщиков.

Юный трехметровый ясень колотило, как в лихорадке. Словно гигантский чокнутый крот подкопался под корни и пытался вытолкнуть дерево наружу. Артур сделал еще один надрез. Теперь раскачивался не только ясень, теперь в движение пришли как минимум шесть или семь крупных деревьев вокруг.

Мальвина подняла голову и низко заворчала. У ясеня сползала кора, скатываясь, точно засохшая змеиная кожа, одна за другой чернели и отпадали налившиеся соком почки. Затем раздался протяжный хруст, и ствол треснул

пополам. Обрывки мокрых тряпок полетели на землю. В местах надрезов древесина превратилась в гниющую труху.

Артур застыл на месте, не в силах оторвать глаз. Соседний большой ясень накренился, с чавканьем из почвы показались узловатые переплетения корней. Земля под ногами вздрагивала все ощутимее.

Над парком вспорхнули сотни птиц, но не улетели, а построились в жутковатый могильный хоровод. Они не каркали, не чирикали и не курлыкали, они молча носились по кругу, и каждую секунду к ним прибывало пополнение. Внезапно Артур ощутил резкую боль в правой лодыжке. Он нагнулся и, если бы не отточенная реакция, был бы вознагражден укусом в лицо.

Белка промахнулась самую малость, приземлилась и тут же бросилась в атаку вторично. Артур зарубил зверька в полете, почти машинально. Еще две белки прыгнули на него из темноты; их постигла та же участь. Мальвина зарычала в полный голос и поднялась на ноги. Тугой поток воздуха от взметнувшихся крыльев ударил Артура в спину. Драконихa чувствовала колебания земли гораздо острее человека и нервничала в опасном месте.

Птиц стало очень много. Коваль почти их не различал на фоне ночного неба, но чувствовал, что их уже несколько тысяч. Там кружили перелетные пернатые, не добравшиеся еще до родных водоемов, и местные, зимовавшие в Москве синицы, галки, голуби... С ужасающим грохотом отломилось сразу несколько веток у дряхлого тополя. Артур еле успел отскочить. Нападение белок его отрезвило. Хорошо, что в парке нет других, более крупных, зверей. Правда, Мальвина его защитит, если что, но против столь многочисленного воздушного противника и дракон может оказаться неважным телохранителем. Задрав оскаленную пасть к небу, драконихa тоже прислушивалась к неумолчному шелесту тысяч маленьких крыльев.

Земля уже не просто вздрагивала, она плясала под ногами. Артур чувствовал себя как на палубе катера, у которого в шторм отказал мотор. В десятке метров от него почва вздыбилась, пошла трещинами, из которых тут же хлынула вода. Несколько деревьев попадали, образовав непроходимый частокол. Обветшавшая каменная беседка на пересечении аллеек вдруг подскочила в воздух и рассыпалась на части. И тут ушей Артура достиг низкий вибрирующий гул. Он отскочил в сторону от летящей сверху ветки, обернулся и... ощутил, как встают волосы на затылке. Громада Выставочного зала медленно, но неуклонно уходила под землю. К счастью, здание не очень подходило для жизни, ни единый огонек не мелькал в черных провалах оставшихся на месте окон. Исполинская конструкция, кряхтя, расползалась, с визгом отлетали облицовочные камни, словно тонкая проволока, рвалась железная арматура...

Но зал не просто засасывало в почву, что-то происходило и с рекой. Артуру почудилось, что река приблизилась. Или часть берега вместе с набережной ушла под воду, или начался неслыханный доселе разлив. С оглушительным ревом, подобно цунами, вода заливала внутренности бетонной коробки. Рядом с погибающим Домом художников тянулись в небо какие-то легкие ажурные конструкции. Только когда они со скрежетом и звоном начали распадаться на части, Артур понял, что это такое. В парке оставался кусок американских горок, каким-то чудом продержавшихся стоймя целое столетие. И теперь эта

циклопическая «верблюжья спина» и кольцо «мертвой петли» начали неторопливое падение.

Артур кинул взгляд в сторону Крымского вала. Святой отец не подвел, на мосту нарастало движение. На фоне горящего в бочках мазута хорошо было видно, как из центра потянулся ручеек подвод и моторных транспортных средств. Слышались крики, целая толпа собралась у парапета, показывая пальцами в парк, носились всадники с факелами и газовыми фонарями. Если эпицентр находится здесь, подумал Артур, стало быть, разошлось еще не так далеко! Но сумеют ли Качальщики выполнить вторую часть плана и «погасить волну» за пределами столицы?

В эту секунду земля заходила ходуном, и в метре от Артура образовалась глубокая расщелина. Он отпрыгнул, но нога встретила пустоту. Для того чтобы вернуть равновесие, надо было найти хотя бы одну точку опоры. Артур упал, и тут же что-то острое ударило его в спину. Ворона. Коваль машинально отмахнулся, но птица спикировала второй раз. Он перекатился на спину, готовясь обороняться. Большой, отравленный ядом нож пришлось выкинуть, а вместе с ним и перчатки...

Несколько болезненных щипков вернули его к реальности. Ворона была не одна, с десяток птиц кружили, норовя заехать клювами ему в голову. Артуру показалось, что среди ворон появился какой-то хищник; мгновение назад он отчетливо видел короткий изогнутый клюв, но теперь большая птица исчезла.

Защищая локтем глаза, он поднялся на ноги и тут же услышал низкий рык Мальвины. Все что угодно, только не это! Если дракон сойдет с ума или решит переметнуться в лагерь нападавших, ему не выбраться из парка! Артур рванулся что было сил, подзывая ящера коротким свистом. Бердер просил дождаться, пока в центре не обозначится «знак отлива», иными словами, пока «волна» не уйдет дальше, оставляя пятачок спокойствия. Но, судя по поведению птиц, до спокойствия было далеко...

Он продвигался вперед, думая только о том, чтобы не упасть, и почти ничего не видя перед собой. Второй длинный кинжал остался в седле, поэтому отбиваться приходилось двумя короткими клинками. С каждым взмахом руки он рассекал одну, а то и сразу двух обезумевших птиц, стараясь не упустить момент, когда появится настоящий враг.

Он снова свистнул, но Мальвина не слышала его. В парке творилось настоящее светопреставление. Один за другим, точно костяшки домино, рушились дома, примыкающие к лесному массиву по Большой Якиманке. Они даже не рушились, а почва под ними становилась вдруг жидкой и засасывала здания, тут же сжимая их и перетирая в крошку. Грохот стоял такой, точно вблизи закрутились десятки каменных жерновов.

Из-за шума Коваль окончательно растерялся. Он не слышал, не чувствовал, где находится драконица, вокруг громоздились сплошные завалы, ровные аллеи превратились в ямы и кратеры, а птицы продолжали молча пикировать на голову. Слава богу, им недоставало ума нападать снизу.

Обе руки Артура по локоть были покрыты стекающей кровью, лицо он опустил вниз, отбиваясь вслепую, и в подобной позе, вспоминая хичкоковский кошмар, выбрался наконец на относительно ровное место. И почти сразу ему

в ногу вцепилась крыса. От неожиданности он покачнулся и чуть не упал. Привычное, выработанное годами тренировок восприятие покинуло его. Обычно хватало легкого усилия, чтобы подчинить своей воле птицу или мелкое млекопитающее, но сейчас ни одна из этих безумных тварей не проявляла признаков послушания. Вторая крыса бросилась на грудь, совсем близко от лица Коваль увидел ее ощеренную пасть. Одновременно острый клюв ударил в левое плечо, а по лицу хлестнуло мощное крыло.

Артур расслабился, высвобождая энергию боя, и тут же завертелся в диком танце. Он колол и рубил налево и направо, он кувыркался и давил их ногами, иногда не различая, где верх, где низ. Кто бы мог предположить, что в крохотном лесочке посреди города обитает такое множество мелкого зверья! Под натиском наступающей воды крысы катились бесконечным визжащим потоком, и не только крысы. Каждое животное, почуяв человека, забывало о вселенском ужасе и кидалось на него, обнажив клыки. Коваль зарезал десятка три крыс, по счастью, самого обычного размера, штук пять бакланов и кошек, без счета чаек и птиц помельче.

Его одежда превратилась в лохмотья, левую штанину по колено оторвала дикая собака, Артур сломал о врага четыре последних лезвия. Мышей, белок и прочих мелких грызунов, норовивших забраться под одежду, он давил голыми руками. Но большинство из них успевали укусить его хотя бы раз. Хуже всего была рана на локте. В горячке он не сразу заметил, что рука перестает слушаться, а затем в рукаве стало горячо, а пальцы скрутило, как у паралитика...

В тот момент, когда невидимая крупная птица схватила его когтями за шею и рассекла клювом лоб, что-то изменилось вокруг. Могучая туша дракона стремительно надвинулась из темноты и подмяла человека под себя. Испугаться у Артура не хватило сил. Он лежал на спине, почти раздавленный брюхом ящера, и сплевывал кровь. Мальвина услышала его крик и пришла на помощь. Она защищала хозяина, как защищала бы детенышей, накрыв своим телом.

Верхняя губа Мальвины приподнялась, освобождая скрытую пару ороговевших ноздрей. Миг спустя горло рептилии содрогнулось, и над трясущейся поляной пышным фиолетовым сполохом раскрылся огненный цветок. Плотная струя огня ударила в небо, в самую гущу птиц, мигом превратив их в кричащие факелы. Затем Мальвина повела головой, выжигая полукруг на поверхности земли, и опять задрала морду вверх.

Живое море хлынуло вспять, крысы и мыши на бегу превращались в скелеты, дикие кошки катались, теряя остатки шерсти. Освещая побоище, сверху падал настоящий ливень из горящих трупов птиц. Несколько облезлых псов, роняя слюну, кинулись на Мальвину сбоку и повисли на крыле. Драконихa взвыла, стараясь их скинуть, Артур освободился и кое-как встал на четвереньки.

Ему удалось усилием воли остановить кровь, но левый глаз ничего не видел. Правый локоть превратился в сплошной голый нерв. Вокруг стало светло как днем. Горело все, даже то, что не должно было гореть: сырые корни деревьев, насквозь промокший кустарник. Отвратительно воняло паленой шерстью. Мальвина каталась по земле, ударами хвоста раскидывая нападавших, но тех было слишком много даже для такого гиганта, как она. За кругом затухающего

пламени Артур видел тысячи и тысячи маленьких свирепых глаз, полчища наземных и летающих живых существ, порожденных его волшебством. На земле огонь слабел, но в спутанных ветках ближайших кустарников неистово бушевал пожар. Улучив момент, когда Мальвина перекусила шею очередному псу, Коваль прыгнул в седло.

— Хоп-па! — Он дергал вожжи, но рептилия, взбешенная дракой, не реагировала.

Она крутилась на месте, делая короткие плевки. Каждый сгусток огня достигал цели, но сражаться против вставшей на дыбы природы они не могли. Артур понятия не имел, на сколько еще Мальвине хватит заряда. Чтобы набрать полный объем горючей смеси в мешок, расположенный между легкими, Прохор в течение недели каждый вечер поил свою питомицу особыми тайными отварами. Синтез в организме ящера заканчивался лишь на пятый день.

— Хоп-па!

Коваль завладел наконец вторым кинжалом и почувствовал себя увереннее. Драконица ревела, приседая на вздувшихся лапах, одна из кожаных пластин крыла была располосована когтями. Под сорванной броней чешуи на боку багровели лохмотья мяса. И тут на Коваля бросилась корова. Такого поворота он никак не ожидал, корова не могла родиться в степи, она принадлежала людям. В паху буренки раскачивалось увесистое вымя, на лопатке виднелось треугольное клеймо, а на шее болтался кусок оборванной веревки. Налитые кровью глаза излучали такую свирепость, что Артур пожалел об оставленном в деревне ружье. Корова бежала, сосредоточенно выставив рожки, и ей, похоже, было наплевать, кто там впереди — дракон или болонка. Никакие метательные ножи бы ее не остановили. Мальвина как раз отвлеклась на очередную собаку, когда корова с разбегу ударила ее рогами в бок. Такого удара чешуя не выдержала, рептилия издала сумасшедший вопль, дернулась всем телом, рога застряли, и корова тут же сломала себе шею.

— Хоп-па! — Коваль дубасил драконицу пятками и наконец поймал слабый отголосок ее возбужденного сознания.— Давай, милая, давай!! — умолял он, оттяпывая головы сразу двум осатаневшим котам.

Мальвина распустила все четыре крыла и без разбега поднялась в воздух. Артур обнаружил, что забыл просунуть правую ногу в седельные «штаны», и какое-то время с риском для жизни болтался над пропастью. Подтягиваться он мог только левой рукой, правое предплечье, порванное собачьими зубами, бездействовало. Кровь уже не сочилась, рукав намертво прирос к коже, но при любом движении боль стреляла от кончиков пальцев до затылка.

Он направил дракона в сторону, иначе они угодили бы в самый центр птичьей стаи. Несколько секунд крылатый змей летел как бы между двумя живыми пульсирующими облаками. Снизу, давясь от ярости, выпрыгивали в воздух очнувшиеся от сна сухопутные обитатели парка. Сверху, угрожающе шелестя крыльями, нависала орда еще более грозного противника...

Потом, когда Коваль понял, что опасность миновала, что они вырвались, он позволил себе достать флягу и, скрипя зубами от боли, отмыл спекшиеся ресницы. Внизу разворачивалось страшное и безумно красивое зрелище. От солнечного диска на западе оставался узенький серп, и в косых лучах заката быв-

ший Парк культуры трепетал, словно живот умирающего в агонии зверя. «Волна» достигла середины реки, и маслянисто-блестящая стена воды готовилась обрушиться на Пречистенскую набережную. Парк смотрелся так, точно туда недавно угодил метеорит, деревья валились спиралью, кронами от центра. Выдергивая ветки, поднимая в воздух тучи грязи и строительного мусора, раскручивался невиданный для центра России смерч. Там, где проносился вихрь, срывало даже верхний слой почвы. Но Коваль уже знал, что на месте погибших растений через короткое время, как на дрожжах, поднимутся свежие непроходимые заросли.

Храм Святителя Николая накренился под углом градусов в двадцать и вот-вот собирался осыпаться. Не осталось ни Выставочного зала, ни жилых кварталов к востоку. По прилегающим улицам во всю мочь удирали пешие и конные, а асфальт под их ногами расплавлялся и проседал. Вдали столкнулись и горели два автомобиля. Артур не мог не усмехнуться. Последние минуты его пробирал безотчетный нервный смех. Очевидно, это было первое серьезное дорожное происшествие с участием моторных средств за прошедшие сто лет.

Он направил дракона к Кремлю. Пока что здесь не качало, но внизу наблюдался беспорядок. На площади горели десятки костров и поминутно вспыхивали новые. Непрерывный поток беженцев уходил по Воздвиженке и Тверской, мощным набатом гудели колокола. Где-то в темноте северных кварталов проносились трассирующие автоматные очереди. Цунами, поднятое первыми толчками, улеглось, но как раз в этот момент волна достигла опор Москворецкого моста и разом смыла несколько десятков подвод и автомобилей.

Артур напряг зрение. В черной воде среди ледяного крошева барахталось целое стадо мычащих, обессилевших коров. Некоторые пытались выбраться, но течение волокло их за собой. Люди с пристаней кидали веревки и сами бросались в реку, пытаясь спасти скотину. Лучше бы они этого не делали, мрачно подумал Коваль. Как только «волна» накроет район, скот взбесится и кинется топтать своих же хозяев. Все будет против людей. Все будет против людей, пока не восстановится равновесие...

Последнее, что он видел, разворачивая все еще ворчащего дракона на север, была мгновенная кончина причалов вокруг большой ярмарки. Баржа с лесом стояла почти вертикально, словно последний кутузовский гренадер, отдававший честь погибающему городу.

35
ПРАВО НА ЛЕВО

— Ты хочешь, чтобы я решала за тебя? — Надя вынула из печи дымящийся пирог с брусникой и поставила перед ним на стол.

Артур вздохнул:

— Я никогда ни о чем не советовался с тобой.

— Ты не такой, как другие музейщики. И ты не такой, как здешние. Ты сердишься тогда, когда другие смеются, и смеешься, когда другие серьезны.

— Что ты хочешь сказать?

— Ты не можешь скрыть своей злобы... — Надя Ван Гог распустила волосы и принялась их расчесывать, как делала всегда, когда волновалась.— Ты сердишься оттого, что я должна в будущем году лечь с другим мужчиной.

— А я должен радоваться? — Он свирепо кромсал пирог левой рукой. Правый локоть до конца так и не восстановился. Порванное сухожилие срослось неправильно, и Бердер намеревался в ближайшем будущем провести новую операцию.

— Я же говорю, ты не такой, как все. Ты прожил со мной почти четыре года, но в чем-то не меняешься... Ты же знаешь, что год мой живот отдыхал, а теперь я обязана понести нового ребенка.

— Кстати, почему не слышно детей?

— Твой сын ушел в лес с Хранительницей. Она хвалит его, говорит, что он добьется успехов. А Белочку ты, как всегда, не приметил. Она спит в обнимку с собаками.

— Ты могла бы родить еще ребенка от меня.

— На кого ты сердишься, Кузнец? На законы, которые дают жизнь всем? Или на Землю, которая отняла эту жизнь в год Большой смерти?

— И ты туда же, вслед за Хранителями? Подводишь научный базис...

— Ты опять говоришь непонятно! — Надя подошла, отобрала у мужа нож и придала пирогу божеский вид.— Ты очень умный, Артур Кузнец. Иногда я думаю, что ты не только умнее меня, ты умнее и многих здешних мужчин... Я не знаю, о каком базисе ты говоришь, но Анна Вторая мне многое рассказала. После Большой смерти мать-Земля сделала так, что женщины разучились рожать. Земля высушила их чрева, чтобы люди никогда больше не плодились... А те, кто стали мамами, несут свой долг с радостью. Если мы не будем ложиться с чужими мужчинами и не будем продавать им детей, люди погибнут.

— Я все понимаю, но мне от этого не легче...

— Тем более, ты знаешь, Артур: я лягу с ним всего раз, ну, может, два. Он хороший папа, он сделал здорового сына внучке Прохора. Он приедет и уедет. Вы даже не встретитесь, и заплатишь ему не ты, а община.

— О! Еще этого мне не хватало!

— И ребенок проживет с нами совсем недолго. Его увезут на юг.

— Прелестно! Я, конечно, понимаю твое спокойствие. Тебе ведь известно, что я спал с другими женщинами. Теперь вроде как твоя очередь, да?

— Ты хочешь обидеть меня, Артур Кузнец? Ты обязан был делать детей, ты же папа... Почему я должна страдать, ведь ты не ушел навсегда к другой маме?

— Куда я от тебя денусь...

Положительно, ее невозможно было переубедить. Любые аргументы, любые его эмоциональные всплески неизменно разбивались о преграду из меланхоличной доброты. Из ее слегка замедленного, умиротворенного добродушия. Из ее запаха, в котором он всякий раз безвозвратно тонул, теряя остатки раздражения.

— Ты же мать, ты не будешь скучать по ребенку?

— Не знаю, наверное, буду...

За окошками сгущался сумрак, и Надя отошла зажечь свечи.

Коваль смотрел, как она тянется к полке, напружинив сильные икры, как выгибается знакомо и маняще ее спина, и с облегчением подумал, что жена почти не располнела после очередных родов. Он спорил с ней, даже ругался, и чем дольше ругался, тем отчетливее понимал, что говорит не о том и в который раз не говорит с ней о главном.

С Натальей все было иначе, по сути дела, Наталья стала первой женщиной, с которой он отважился вместе жить. Чувства здесь ни при чем, чувства — это совсем другое. Нельзя ставить рядом две зубные щетки только потому, что тебе с ней хорошо в постели. Так говорил Артуру отец, и Артур полностью разделял папкины взгляды.

Вот, например, принято считать, что семью надо строить с той женщиной, с которой мужику удобно. Такую фразу как-то раз выдала Артуру замечательная, разумная девушка, сокурсница. А что такое «удобно»? — подумал он тогда. Это когда тебя ждет горячий суп и белье постирано? Или когда она сидит в уголке и вяжет, не мешая мужу смотреть футбол или отправиться в бар с друзьями, чтобы дернуть пивка? Или удобная — это та, что никогда не станет тебя пилить из-за маленькой зарплаты и будет радоваться каждому подаренному одуванчику?

Он легко влюблялся, как-то довелось испытать настоящую страсть, но стоило Артуру представить, что очередная пассия станет его заученно целовать перед сном и встречать с работы с телефонной трубкой в одной руке и половником — в другой, как вся страсть улетучивалась. Не сразу, конечно, не в один день, но вожделение уступало место животному страху. Он уже не видел в очаровательном длинноногом создании источник наслаждения, он способен был представлять ее лишь растрепанной, стервозной каргой, днем и ночью вытрясающей из него душу нелепыми и бестолковыми требованиями.

Но со «стервозной каргой» он был готов смириться. В конце концов, ревность и чувство собственницы у них у всех в крови от рождения. Гораздо сильнее, если призадуматься, его пугало другое. Пугало как раз то, что составляло оборотную сторону домашнего «удобства». Артур не представлял, как люди, даже имеющие деньги, десятилетиями проводят семейные вечера у телевизора. Как это можно, вооружившись чипсами или орехами, обняться и часами сидеть, уставившись в «ящик». Он отказывался понимать, почему, располагая средствами, нельзя нанять няню для ребенка, а самим весело проводить время.

Наташка была первая, кто сказал ему, что деньги нужны для путешествий. Она никогда не надевала дома тренировочный костюм. Либо носила летние брючки, либо, когда предки уезжали, разгуливала перед ним по квартире голая. Она не смотрела сериалы и не затевала готовку сложных салатов, чем постоянно раздражала маму. Мама считала, что сын погибнет от голода. Наталья запросто могла позвонить ему на работу и сообщить, что у нее на руках билеты на ночной концерт. Она без малейшего сожаления отказалась от покупки шубы в пользу Мальдивских островов. До островов они так и не доехали...

А теперь... Что случилось со мной теперь, спрашивал себя Коваль, покачивая на коленке столь знакомое и, черт возьми, родное тело Нади Ван Гог. Не-

ужели я старею, раз счастлив этому брусничному пирогу, и свитерам, что она мне вяжет, и разогретой бане?..

— Может, я и буду скучать,— задумчиво произнесла Надя,— но у меня есть ты и есть двое детей. Кроме того... Ты опять будешь сердиться, но послушай! Ведь мы же не доехали до Москвы, я так и не получила золота. Я знаю, в этом ты похож на Качальщиков, для тебя богатство — не важная вещь. Но если ты хочешь, чтобы мы вернулись в Питер, мы не можем поехать бедными. Там везде теперь деньги! У Анны есть друзья среди тамошних колдунов. Они говорят, что торговцы теперь покупают все только за рубли... А если мне суждено родить здоровую мамочку, старухи сразу скажут об этом. Ты же знаешь, здесь все такие умные, гораздо умнее питерских лекарей. Если мы продадим мамочку, то станем очень богатыми. Мы отдадим общине половину и все равно останемся богатыми...

— Тогда, по твоей логике, надо нарожать еще пяток детишек от разных мужиков, так? Представляешь, сколько свиней или дикарей ты сможешь купить?!

— Ты опять сердишься. А ты знаешь, Артур Кузнец, что случилось бы со мной, если бы я доехала до Москвы? Анна мне рассказывала, и я ей верю. Ты не веришь ей?

— Да верю-верю, тут не врут...

Надя вытащила из печки горшочки с мясом, разлила по ковшикам напитки. Алкоголь в будние дни не полагался, но она поразмыслила и все-таки выставила бутыль ягодного самогона. Гости могли постучаться с минуты на минуту.

— Я жила бы в Москве очень хорошо. Даже гораздо богаче, чем в Питере. Если хочешь знать, мне никогда бы не пришлось работать, как я работаю тут, в лесу... Ну пожалуйста, не обижайся! Вот ты опять сердишься, но ты же не виноват, что мы попали к Качальщикам. Зато мы теперь вместе, и я не жалею, что приходится работать. Там я бы ничего не делала, это точно. За мной бы всюду ходила охрана, и каждый месяц мне платили бы столько, сколько имеет мастер или даже инженер. Я могла бы купить целое стадо овец, тысячу или даже больше. И могла бы купить землю и нанять десять женщин сучить шерсть и вязать зимнюю одежду, как я это делаю тут одна. Я это говорю только для того, Артур Кузнец, чтобы ты понял: я довольна тем, что живу с тобой. Знаешь почему? Потому что в Москве женщин покупают, как желтых дикарей. Я была бы богата, но жила бы с тем мужчиной, который бы меня купил...

— Но караван вез вас всех в коммуну паровиков! Вас покупала коммуна, а не какой-то уездный князь!

— Как будто ты не слышал, что стало в Москве с коммунами! Когда мы ехали в караване Рубенса, паровики уже подчинялись папе Ивану. Они делали все, что им приказывали из Кремля. Когда у них не было денег расплатиться за пищу, они отдавали кремлевским своих мам, чтобы те рожали детей!

— Я ничего не знал об этом!

— Откуда тебе знать? Ты пробыл в музее всего сутки... Ты рассказывал мне о большой ярмарке, помнишь? А ты слышал о том, что в Москве, до того как вы ее расплавили, было целых два ночных рынка, где продавали людей?

— К этому я уже привык, лучше молчи. Не начинай старых споров, для тебя ведь дикари тоже не люди!

— Я говорю не о тех, кто потерял язык... Я говорю о том, что в Москву приходят караваны с юга. Не с Украины, а с юга, где живут богатые азиаты. Анна мне рассказывала. Они торгуют ночью и дают за русских женщин столько золота, сколько не может заплатить ни одна община, ни один гарнизон. Не знаю, куда теперь они будут ходить, когда Москвы не стало. Может, доберутся до Питера... Анна говорит, что, пока в столице было четыре президента, там тоже собиралась Дума, и вместе они решили, что ни женщин, ни мастеров не будут продавать азиатам. Никому — ни азиатам, ни немцам, ни пшекам.

— Но мастер может и сам уйти...

— Ты забыл законы? В Москве еще строже, чем в Питере. Если мужчина хочет уйти, он уходит, но оставляет коммуне все. Женщину он тоже забрать из города не может. Но от немца многие возвращались, там хорошо жить, и наших мамочек не обижают. А от азиатов никто не возвращался. Анна говорит, там женщин одевают в платья из золота, но не выпускают одних из дома. Там у одного мужчины может быть три жены...

— У них и раньше так было принято.

— Я не знаю, что было до Большой смерти, Артур Кузнец.— Надя расставляла на скатерти блюда с соленьями.— Но я вижу, что стало бы со мной, если бы караван дошел. Я ходила бы в золотом платье, и дети мои...

— Опять ты про золото?! — Коваль, забывшись, хлопнул по колену правой рукой и чуть не завопил от боли.

— Я не про золото, Кузнец... — Жена подошла к нему вплотную, обвила шею руками.— У тебя столько шрамов, ты стал, как настоящий солдат... — Она поцеловала его в лоб, туда, где остался след от когтей.— Я говорю о том, что счастлива с тобой. Я говорю о том, что ни о чем не жалею. И мне грустно, когда я вижу, как ты не спишь ночью. Молчи, молчи, дай мне сказать... Когда ты веселый, я радуюсь вместе с тобой, потому что ты — мой мужчина. Но я вижу, как иногда ты скучаешь о другой женщине. Ты умный, ты был книжником, и до сих пор читаешь. Ты думаешь, что тебе нужна умная жена, такая, как Арина Рубенс. Умная, смелая, как воин, красивая, сильная. Я не такая, Артур, я не умею читать, я не всегда понимаю твои слова. Когда ты болел, когда Исмаил привез тебя из Москвы, и лежал целую неделю горячий, ты называл меня Наташей.

Я не хотела это вспоминать и никогда бы не вспомнила, но сегодня ты начал ругать меня из-за чужих мужчин... Эта Наташа, она была твоей женой до года Большой смерти, да? Ты любил ее, Артур, я понимаю. Она, конечно, была не такая дура, как я. Она умела читать и управлять мотором и еще много чего. Тогда женщины вели себя иначе, да? И ты много раз говорил с ней, пока лежал горячим, а мы тебя лечили. Ты говорил и просил у нее прощения. У меня ты никогда не просил прощения, Артур. И со мной ты никогда не говорил так, как с ней. Я многого не поняла, о чем ты говорил, но я не сердилась на тебя. Потому что ты мой мужчина, Артур Кузнец. Я и сейчас не сержусь... — Она поцеловала опешившего мужа поочередно в оба глаза.— Я только не хочу, чтобы ты думал, что я живу с тобой, потому что так решил Исмаил или кто-то еще...

— Я так не думаю! С чего ты взяла?! — Он чувствовал, что краснеет, и ничего не мог с этим поделать.

— Ты думаешь... — Надя закусила губу и на секундочку стала той же девчонкой, которую Коваль когда-то выносил из огня.— Ты думаешь, что счастье — это что-то громкое... Я не знаю слов, Артур. Ты думаешь, что в Питере тебе было бы лучше, потому что там столько людей и женщин... Знай только, что, если ты уйдешь и останешься там, я всегда буду тебя ждать. Всегда, пока земля не заберет меня...

36
ТАЙНА СТАРОЙ БОЧКИ

— Так!! Это что за слезы?! — В дверях стоял Прохор Второй, баюкая на плече новорожденного медвежонка. Из-за его могучей спины выглядывали Анна и две лукавые мордашки ее дочерей.

Надя вскочила, утирая глаза, и завертелась, рассаживая первых гостей.

Артур чувствовал себя немного оглушенным и не сразу сообразил, что это такое горячее лизнуло его в нос.

— Вырастишь сам! — громоподобно вещал Прохор.— Если что, Четвертая тебе поможет. Самый сильный в помете, должен быть самым сообразительным. Николку не подпускай, не удержит. Эй, Клинок, ты меня слушаешь?

— Да, я слушаю, учитель... — Коваль перевернул медвежонка, ощупал лапы, заглянул в глаза.— Спасибо тебе, это дорогой подарок!

Анна принесла еще более ценный сувенир — полный набор оживляющих лекарских снадобий взамен того, что пропал вместе с конем на ярмарке. В многочисленных кармашках кожаного пояса в пузырьках и мешочках таились такие редкости, за которые любой озерный колдун отдал бы если не руку, то половину зубов. Причем Анна не рыскала по полям, она чувствовала растения издалека и никогда не запоминала их названий. Обе дочери, Третья и Четвертая, подарок приготовили сообща. Несколько странный выбор для девочек-подростков, но обе очень старались. В плотном мешочке гудел пчелиный рой.

— Это солдаты! — гордо заявила Четвертая.— Ты будешь их кормить, И они будут тебя защищать. Ты ведь не умеешь сам приручать пчел... — и немедленно получила подзатыльник от матери.

Пришел Исмаил и положил на стол нечто длинное, завернутое в промасленную тряпку. Присутствующие дружно закрутили носами. Коваль уже понял, что под ветошью скрывается металл. Такие подношения были совсем не свойственны лесному народу, стремящемуся избегать игрушек ушедших времен. Артур развернул тряпки и ахнул. Незнакомый ему «никонов», модификации двадцатого года со складным кевларовым прикладом, лазерной оптикой и вороненым глушителем на подвижном стволе. Четыре спаренных рожка патронов. Оружие буквально плавало в густой жирной смазке.

— Я тут подумал,— крутя ус, небрежно заявил Хранитель,— ты ведь не только с пчелами обращаться не умеешь, но и стрелок никудышный...

Грянул такой хохот, что подпрыгнула посуда на столе, а медвежонок со страху спрятался под лавку. В сарайчике заворчали проснувшиеся собаки.

— Спасибо, учитель...

— Сегодня я не учитель,— отмахнулся Исмаил, не скрывая удовольствия.

Бердер пришел с женой Катериной и притащил еще один пережиток прежних веков — ножное точило. Маленький Семен принес на себе огромный мешок ангорской шерсти, выменянный у южных Качальщиков. Хозяйка рода и главная акушерка мама Клавдия презентовала две пары потрясающих непромокаемых сапог на меху. Потом пришли соседи, знатоки меток — Матвей и Алина, с новеньким неводом. И последним заявился еще один мучитель Артура, Хранитель полей. Одноглазый Борис оставил всех троих сыновей на уборке урожая, но сам не посмел нарушить новую традицию.

Первое слово, по старшинству, предоставили маме Клавдии. Артур мимоходом подумал, что именно благодаря ему у лесного народа проснется тяга к праздникам. А там и до гуляний недалеко, и до украшения елок! Качальщики сидели вокруг стола с закусками притихшие, непривычно смущенные, как детишки в детском садике накануне Восьмого марта.

— Я болтать-то не мастерица! — Мама Клавдия поскребла волосатый подбородок. На ее плече, укрытом пуховым платком, шевелил усиками белый крысенок.— Тебе, Клинок, вроде как сегодня тридцать пять лет. Сам сказал. Это хорошо. Скажу так — это лучше, чем восемьдесят один. Самый крепкий год для мужика. Еще и хрен стоит, и седой волос не пошел... Раньше мы пили, когда малыши рождались. Редко веселились. Поэтому мне по нраву, что сегодня и бражка на столе, и водочка. Вот только думаю: это когда ж мы работать будем, коли каждый захочет на свое рождение гостей созывать? Мне ж тогда и роды принимать некогда станет, а? Буду пьяная круглый год ходить!

Она раскатисто захохотала, показав два оставшихся зуба. Гости на протяжении речи изо всех сил сдерживали смех. Даже Надя, вытирая платочком набухшие от слез глаза, и та невольно прыснула.

— Бердер мне сказал, что желание за тебя загадать надо! — посерьезнела Клавдия.— Вот какое желание тебе, Клинок. Много силы в тебе, много. И правду ты понимаешь верно, ту правду, что для всех... Ты для всех добра хочешь. Это хорошо. Только во всяком человеке есть две правды. Та, что для всех, и та, что для себя. Вот моя правда — она маленькая. Что старухе надо? Варенья немного да чтоб дровишки в печи были, косточки погреть. У каждого свое, не будем... Я о тебе, Клинок. Нам не говори, себе скажи, чего хочешь, какую правду выберешь. Для всех мил не будешь, нет... Ах, не мастерица я болтать-то! Выпьем, что ли?

Выпили. И опять выпили. И ушла потихоньку напряженность, и уже сбегал хозяин в подвал за новой бутылкой можжевеловой настойки, и хохотали, вспоминая охоту, и как рыба утащила сына одноглазого Бориса в реку, и обсуждали виды на урожай, что можно и что нельзя продать. И так же спокойно, как зерно и кормовую свеклу, обсуждали, сколько желтых дикарей нужно оставить на зиму, а сколько можно отпустить — или лучше не отпускать, а продать на север. Исмаил возражал, утверждая, что желтые дикари плохо выносят заполярный климат, часто мрут и что больше для продажи годятся чингисы, те спокойно спят на снегу...

Потом обсудили торговлю с бурятами. Прохор посетовал, что узкоглазые в обмен на алмазы требуют все больше только городских детей, новорожденные дикарей их теперь не устраивают. Постепенно разговор вернулся к Слабым меткам. Матвей летал на втором драконе Прохора к Москве, там теперь постоянно дежурили трое Качальщиков из южных губерний. Земля успокоилась, лишь на день пути не достав до Твери. Метки исчезли, это было хорошо. Большинство людей успело спастись, это было неплохо. Качальщики воспользовались моментом и задешево покупали у нищих отчаявшихся переселенцев их малолетних детей...

Артур слушал и не слушал. Он выпил гораздо больше обычного, комната качалась перед глазами. Подперев щеку, он смотрел через стол на жену. Господи, думал он, вот оно, то самое, что так верно подметила старуха! Все эти милые люди, которые приняли его как родного и принесли ему самое дорогое на день рождения, навсегда останутся для него дикарями. Все они — и Качальщики, и горожане — останутся для него чужими, если он не привыкнет жить по законам этого мира. Хранители, если потребуется, будут сражаться за него, и они же, не моргнув глазом, его подставили. Они послали его на массовое убийство, исходя из своих представлений о правде.

И они не настолько глупы, чтобы не чувствовать эту разницу. И Бердер, и тем более Исмаил. Вчера их бредовая фантазия принесла гибель столице, и он был с ними заодно. Какую идею выдаст завтра их безумная Книга? Эти твердолобые не понимают, что мир не может застрять на уровне примитивного рабовладения... Господи, зачем я столько выпил? И Надя, Наденька... Какой я дурак...

— ...Лес растет очень быстро... — До Артура дошло, что Матвей продолжает говорить.— На месте столицы сейчас непроходимая чаща, и лес продолжает наступать. Я дважды облетал на крылатом и не нашел места для посадки.

— Что тут такого? — Осоловевший Прохор пьяненько хихикал.— После возвращения равновесия... так всегда происходит... Мать-Земля пожирает следы людей!

— В этот раз зелень наступает слишком быстро! — Матвей опасливо покачал большой круглой, как горшок, головой.— И впереди идет трава, которой раньше не было... Метки исчезли, но мне было неспокойно! По слухам, Ивана убили, но другой президент собрал солдат, и сейчас они штурмуют Казань. Они требуют дать им место внутри города и еду...

— Это не наше дело! — рассмеялся маленький Семен.

— Если Иван жив, то снова создаст свое царство! — Артуру было не до смеха. История возвращается, повторял он про себя. Они же ни черта не знают, для них мир только начинается, они не верят, что все их идеи давно высказаны и истлели вместе с книгами... Ох, на кой ляд я так нажрался?..

Вместо того чтобы применить свои способности для спасения тысяч голодающих, эти чокнутые анархисты плодят сказочных зверей, они отгородились завесой жутких суеверий, они верят, что можно прожить, собирая орехи и воруя чужих детей. А что они станут делать, когда в общине соберется не полтораста человек, а несколько тысяч?..

— Пойдем на воздух! — Бердер потянул именинника под мышки.— Нам надо поговорить, Клинок!

— Я идиот! — пожаловался Артур, когда учитель усадил его на врытую в землю скамейку.

— Ты просто перебрал медовухи! — Вот кто всегда держал себя в руках, так это Бердер. Воспитатель воинов смотрел трезво и печально, массируя ученику одним пальцем точку в основании шеи.

Артур поочередно растер левой ладонью уши. За окнами избы метались огоньки свечей и хохотали гости. Июльская листва нашептывала свои вечные колыбельные засыпающим птицам. С полей к амбарам ползла последняя груженая телега. Лохматый мальчишка, сын Бориса, с длинной трубочкой в зубах важно восседал на вершине горы из корнеплодов. На пригорке, там, где собрались в кружок соседские избы, словно соревнуясь, чья печь издает более вкусный запах, водили хоровод девчонки с венками на русых головках. А высоко, где купались в бескрайнем океане рваные клочья ваты, одна за другой зажигались далекие искорки звезд.

— Представить не могу, мне тридцать пять,— сказал Артур, словно пробуя на вкус эту цифру.

— Это хорошо,— уголками губ улыбнулся Хранитель.— Ты сумел дожить до зрелости.

— А я ведь сделал гитару! — рассмеялся именинник.— Ага, сделал и забыл вам сыграть. Ты хоть знаешь, что такое гитара?

— Анна мне говорила, что ты просил ее подобрать жилы... Это для музыки?

— Да, это для музыки... — Артур полной грудью вдыхал вечерний аромат, избавляясь от остатков хмеля.— Представь себе, Хранитель, я до сегодняшнего дня не знал, что такое счастье. Ты знаешь, что такое счастье?

— Расскажи мне.— Бердер утрамбовал в трубочку цветочный табак.

— Ха! Об этом непросто рассказать... Знаешь, пока я учился в школе, я гонял на мотоцикле и слушал рок. Девчонкам нравилось, что я их катал на байке, а мне нравилось, что можно легко менять девчонок. Это было потрясное время, Хранитель! А потом я решил сам выучиться играть на гитаре. Тогда я считал, что делаю это потому, что смогу играть как настоящие звезды, как Маккартни или даже как Хэндрикс... Все это ерунда, теперь смешно вспоминать. На самом-то деле все мы выкобенивались, чтобы понравиться девушкам. Только и всего. В глубине души, вот здесь,— он постучал себя в грудь,— я понимал, что никакой рок-звезды из меня не выйдет. И байк, и гитара, и баскет — все это было и продолжалось в институте...

А потом началась эта дурацкая война, началось это побоище в Чечне, и никто ни хера не понимал. Никто не понимал, как такое случилось, что ушли войска и оставили все оружие, и никто из толстожопых генералов, как всегда, ни в чем не виноват. А к соседям приехал гроб. В гробу был мой лучший друг, он был старше меня на два года. Когда его забрали, никто не сказал, что повезут в Чечню, он даже автомат в руках не умел держать! — Коваль всхлипнул. Снова начала кружиться голова — то ли от алкоголя, то ли от дурманящего дыма, что облачком висел вокруг Хранителя.— Ты понимаешь, Бердер, мы даже не смогли с ним проститься, так его изуродовали. Гроб приехал уже запаянный.

И тогда моя мать сказала, что она лучше даст себя убить, чем отпустит сына в армию. Мои предки продали все, что могли, чтобы меня отмазать. Это бы-

ло... Это было как обухом по голове. Я чувствовал себя полным дерьмом, понимаешь? Не потому, что мне было стыдно не идти маршировать, тогда уже многие косили, а потому, что я не знал, как смотреть в глаза дружкам, которые возвращались... И знаешь, я в первый раз тогда задумался, что такое счастье. Мы сидели втроем с мамой и папой, и я спросил маму: ну что ты плачешь, все уже позади, не пойду я в армию. А она сказала, что для нее единственное счастье — видеть сына живым. А отец сказал, что, если я буду продолжать гулянки и вылечу из института, он ничего не сможет сделать. И я поверил...

Я не словам его поверил, а поверил, когда мы гроб с телом Сереги несли... И я забросил все, в один момент повзрослел. Я хочу, чтобы ты врубился, Бердер, дело не в том было, что я испугался. Ты же знаешь, я дерусь, и убивать научился! Но подохнуть ни за что! Подохнуть, потому что наверху кто-то так за меня решил! Я за мать испугался и послал все к черту — и группу, и байкерские тусовки, и баскетбол, и на дискач ходить перестал. Для чего все это, я потом понял. Все это для женщин, чтобы быть самым крутым и нравиться теткам. В этом вся соль. Все, что мы делаем, даже когда не сознаем этого, мы делаем только для них.

Я пришел к папаше и сказал... Гляди, сказал я, я продал мотоцикл. Вот деньги. И гитару продал. А теперь скажи мне, в чем твое счастье? Неужели ты живешь, как мама, ради меня? Папка дал мне подзатыльник и ответил, что я длинный балбес. Я живу, чтобы была счастлива твоя мама, сказал он.

И когда я в эту тему воткнулся, я стал лучшим на курсе, прикинь! Это я, один из главных прогульщиков. Мне уже на четвертом предложили место в аспирантуре, потом я перевелся, но это другая песня... Я воткнулся, что все для них, и надо стараться чего-то достичь, иначе ни одна нормальная девушка не захочет иметь со мной дело. Бердер, я работал, как черт... Наверное, я хорошо работал, раз до сих пор жив, правда? Ха-ха!

Но я ошибался в другом, Хранитель... Я все время искал нечто особенное, понимаешь? Мне казалось, что моя жена никогда не станет домашней клушей. Она должна быть самой красивой, самой стильной, иметь престижное образование, как минимум знать английский... Я представлял, как мы вместе займемся дайвингом, горными лыжами... и всякой прочей лабудой. И мне казалось, что я нашел такую. А потом я сам посадил ее на мотоцикл...

Ладно, к черту! Все к черту! Сегодня я понял... Я понял, что зря подсмеивался над предками. Счастье, оно... совсем не в дайвинге и не в английском... Вот так.

Бердер выколотил трубку. На его загорелом скуластом лице ничего не отражалось.

— Я не понимаю многих слов, но я слышу твои мысли, Клинок. Я рад, что не ошибся в тебе. Прости маму Клавдию, она не хотела тебя обидеть.

— Да ерунда!

— Нет, не ерунда. Ничего не произносится случайно. И мама Клавдия знала, о чем я буду с тобой говорить...

— Мать вашу, что еще стряслось?! Если тебе пришло в голову расплавить Питер, то на меня не рассчитывай. Я лучше суну Мальвине башку в пасть!

— Мальвина не станет тебя есть! Речь совсем о другом... Пойдем прогуляемся до реки! — Бердер неожиданно взял Артура под локоть.— Мама Клавдия очень боится и попросила меня подготовить остальных...

— Да что такое?! Почему именно она?

— Потому что она занимается маленькими детьми. Поговорим сначала о тебе, Клинок. Ты поступишь так, как решил. Но ты не можешь уехать в Питер прямо сейчас. Во-первых, твоя рука. Во-вторых, я не отпущу тебя, пока мы не закончим с урожаем и не набьем на зиму дичи. Это месяц. Но это не все. Мальвина донесет тебя до Ильменского пожарища, дальше придется идти пешком. Вокруг города живут тысячи ковбоев. Если насекомые увидят змея, тебя убьют. Ты научился неплохо драться, но ты не Качальщик и не сможешь остановить толпу! Исмаил соберет для тебя хоть сотню дикарей, но...

— Я не удержу их!

— Да, ты не Качальщик и не умеешь владеть толпой. Это невозможно воспринять. Ты освоил, как при помощи укуса травы управлять лишь одним человеком... Поэтому мы считаем, что тебе еще надо кое-чему научиться.

— Мы? Кому это так важно, чтобы я дошел?

— Важно мне и маме Клавдии. Нет, не пугайся, Слабых меток искать не надо. Если ты согласишься задержаться еще на год, я постараюсь научить тебя.

— На год?!

— Ты вправе уйти хоть сегодня. Но помни, что в Москве тебе повезло! Тебя предали люди, которых ты же освободил от волшебного сна! Исмаил предостерегал тебя, чтобы ты не пытался их разбудить! Книга никогда не врет — Проснувшийся демон только один. Эти жалкие насекомые наверняка погибли, а в Питере у тебя нет друзей. Папа Рубенс уступил власть губернатору...

— Ты не говорил мне об этом!

— А зачем? Послушай и поверь мне. Я тебя никогда не обманывал. Тебе надо научиться управлять дикой стаей. Не прирученным летуном, а дикой стаей! Тебе надо научиться убивать живое, не прикасаясь, и научиться скрываться там, где скрыться негде. И задерживать дыхание под землей. И наводить морок на толпу. И еще многое другое... Времени очень мало, я прошу всего год. Один год, Клинок!

Артур оглянулся на деревню. От волшебной панорамы убегающих вдаль пологих холмов у него всегда захватывало дух, но сегодня вечером было не до привычных пасторалей.

— На что тебе мало времени, Хранитель?

— Ты знаешь, что дети, рожденные от Качальщиков, не выносят городов. Не те дети, которых мы покупаем или берем силой, а прямые потомки рожденных на пожарищах... — Бердер отвернулся и смотрел на поднимающийся серп луны.— Так вот. У Хозяйки рода есть бочка из-под химии, она спрятана глубоко в подполе, в старой хижине... Ни один Качальщик не может провести возле этой бочки больше минуты. И новорожденные тоже начинают задыхаться. Твои сын и дочь не задыхались, они городские. Но месяц назад впервые...

Артура пронзила догадка:

— Возле бочки выдержали дети Качальщиков?!

— Да. Правнук Семена. Он не знает, не вздумай сказать. И еще одна девочка с Севера. Мы точно знаем, что ее отец Качальщик. Это седьмое поколение, Клинок... — Хранитель сгорбился, точно нес неподъемную тяжесть.— Сегодня тайна известна нам троим, но завтра это же произойдет в других общинах.

В Книге сказано об этом, но раньше мы не могли прочесть. Там сказано: «Когда взойдет седьмой колос, корни его сгниют, но початок нальется невиданной силой»...

Завтра это станет известно всем, а послезавтра дети подрастут и поймут, что смогут уйти в города. Теперь ты понимаешь, почему я прошу тебя задержаться? Я соберу старейшин и обещаю тебе, что чужой мужчина не притронется к твоей жене.

— Но что я могу?..

— Если ты выживешь в Питере, ты сможешь сделать так, чтобы там выжили наши дети. Иначе придет день, когда некому будет хранить равновесие.

37
ХИЩНИК ПРОТИВ ТЕРМИНАТОРА

Всадник водил биноклем слева направо и никак не мог ухватить маломальски приемлемый ориентир. Каурый жеребец нетерпеливо перебирал ногами, но хозяин не спешил. Той дороги, по которой шли когда-то московские караваны, больше не существовало. Вместо нее сквозь серое волнующееся море Вечного пожарища разбегались десятки узких тропок. Само пожарище тоже сильно изменилось; повсюду поднимались угловатые островки скрюченных деревьев, покрытые желтоватой густой паутиной, будто мухи, закукленные запасливым пауком. Эти желтые островки неровными рядами тянулись до самого горизонта. Они взбирались на холмы посреди высокого папоротника, они торчали в лощинах, раздвигая заросли голубоватого грибного студня, они рассеивали споры даже вдоль границы пожухлой зеленой травы.

В то же время всаднику показалось, что пожарище съежилось, уменьшилось в размерах. Он оглянулся назад, туда, откуда приехал. За спиной кружила пурга из кричаще желтых, оранжевых и бурых листьев. По осеннему лесу метались и опадали бесконечно яркие шуршащие буруны. Да, удовлетворенно кивнул всадник, оно отступает. Раньше мертвечина захлестывала за бетонный блиндаж ГАИ, но за четыре года жизнь отвоевала себе почти километр. Это хорошо.

— Хорош-ш-шо, хорошш-шо... — повторил сентябрьский лес, словно соскучился по человеческой речи.

Всадник нагнулся и поворошил лезвием сабли рыхлую кочку. Из павшей листвы пустыми глазницами в небо смотрел человеческий череп. Но человека на коне не интересовали кости, он навидался их слишком много, чтобы уделять внимание такой ерунде. Он щипал ус и думал о тех, кто проделал тропинки в море пятнистых папоротников.

Дорога заросла. Об этом предупреждал Кристиан, брат Исмаила. Старый Хранитель выполнил обещание, проводил до скита и познакомил Коваля со своим загадочным родственником. Коваль ожидал, что встретит насупленного

затворника, но тот оказался крепким улыбчивым мужиком лет пятидесяти, лет на двадцать моложе старшего брата. И жил он с семьей не в землянке, а в добротном кирпичном коттедже посреди целого поселка из таких же, только заброшенных, миниатюрных замков. Кристиан накормил гостей, но, невзирая на родственные связи, коня оценил очень дорого. Исмаил, очевидно, надеялся получить для своего протеже хотя бы намек на пророчество, но брат молчал. Когда Качальщик помахал им рукой, сделав прощальный круг на Мальвине, до Артура дошло, что улыбка хозяина была лишь маской, навечно прилепившейся к лицу. За вечер здоровяк едва выдавил пару слов. Получив плату, он потрепал Дятла по холке и сказал только одно:

— Люди злы. Выбери в союзники меньшее зло... — И ушел, захлопнув дверь.

Артур поднял глаза к ржавому флюгеру на крыше «замка» и понял, что ждать здесь больше нечего. Размышляя, что могла означать фраза человека, к которому на поклон ездили лидеры общин, Артур миновал остатки поселка, потом долго ехал вдоль реки и наконец уперся в пожарище. Внутренний компас не мог его подвести. Лес окончательно победил московскую трассу. Можно было попытаться объехать пожарище, дать небольшой крюк в сотню километров, но человеку свойственно держаться известных путей. У Артура не было никакого желания углубляться в озерный край. Еще более опасным представлялись восточные леса, кишевшие дикарями...

Он тронул поводья. Навьюченный конь не подавал признаков тревоги. Часа полтора дела шли совсем неплохо, пока пламенеющий лес окончательно не исчез за горизонтом. Артур вслушивался в нежное бормотание ветра, вслушивался в себя и не мог понять, откуда возникла безотчетная, сосущая тоска. Небо оставалось изумительно чистым, ни одно насекомое, ни одна птица не вспорхнули из-под копыт. Иногда крапчатые листья папоротника поднимались высоко, почти вровень со стременами, и тогда Артур видел, что конь шагает не по голой земле, а по пружинящему ковру из жесткого серебристого мха. Иногда человек устраивал перекличку с прочими членами «команды». Пчелы ни о чем не думали, их коллективный мозг был занят растворением большого куска свекольного сахара, а оба летуна ощутимо нервничали в карманах сумок. И чем дальше человек углублялся в безмолвие серой степи, тем сильнее они волновались.

Коваль старался держать направление, но не позволял Дятлу сходить с тропинок. В какой-то момент, объезжая очередное скопление больных растений, окутанных желтой паутиной, он заметил впереди прогалину. Затем пришлось свернуть вправо, потому что на пути возникла россыпь огромных бородавчатых грибов. Конь остановился как вкопанный, захрапел и категорически отказался приближаться к «поганкам» ближе десятка метров.

Когда они обогнули неприятный участок, Артур поднес бинокль к глазам и присвистнул. Сомнений не осталось: впереди и слева виднелась дорога. Тот кусок асфальта, что пропал раньше, появился снова. Значительный участок шоссе состоял из авиационных плит, которым не могла повредить никакая камнеломка даже за сотню лет. Но, выбравшись на бетон, Артур не почувствовал облегчения. До заката оставалось совсем немного времени, а впереди с

обеих сторон трассы, насколько хватало глаз, расстилалась зловещая серая плешь, утыканная бугорками желтой паутины.

Коваль резко обернулся. Никого. Ему почудилось мимолетное движение за спиной, словно что-то маленькое и темное перелетело через дорогу. Конь всхрапнул и насторожил уши. Артур поехал рысцой по самому центру полосы обгона, изо всех сил крутя головой по сторонам. Лучше бы он остался на ночлег в лесу или в коттеджном поселке, ну потерял бы еще часов пятнадцать! По сравнению с прошедшим годом это фигня...

На сей раз человек был настороже и успел обернуться, прежде чем обитатель пожарища юркнул в мох. То, что Артур увидел, ему совсем не понравилось. Нечто длинное, масляно-блестящее, похожее на гофрированный черный шланг со множеством мохнатых ножек. И неизвестно, видел он все тело или только кончик хвоста. Летуны уже не просто нервничали, они ворчали и шипели в сумках. Коваль расстегнул оба кармана, давая возможность маленьким дружкам подышать воздухом, и пустил коня галопом. Цокот копыт раскатился звенящей дробью, горький ветер, словно тугое полотнище, обвил лицо, и Артур понял, что его так угнетало. Не было эха. Подковы жеребца взметали фонтанчики цементной пыли, грохот поднимался над трассой и тут же исчезал, словно поглощенный сырой периной тумана.

Туман наползал справа, тянулся к дороге тысячами голодных щупалец. Черт знает что, подумал Коваль, подгоняя коня, только что ведь было сухо, как в предбаннике! Один из летунов вдруг зашипел и высунулся, стреляя пунцовым язычком. Впереди на обочине дороги возвышалось что-то большое. Чуть просевшая набок крытая грузовая машина, запряженная парой мохнатых низкорослых лошадок. Обе лошади выглядели совсем как живые, и, если бы не ржавчина, насквозь проевшая борта машины, Артур решил бы, что путники свернули с дороги совсем недавно. За кузовом первого грузовика, перегораживая путь, лежала на боку длинная шаланда, прицеп без мотора. Задние колеса торчали над дорогой, а весь передок глубоко утонул в... траве. Еще одна новость! Коваль и не уловил, когда папоротник сменился высокой травой, такой же серовато-бурой, смахивающей на осоку, но покрытой сверху донизу короткой белой щетиной. Трава колыхалась и издавала мерзкий скребущий звук, словно тысячи кузнечиков терли крылышками. С платформы упавшей шаланды на бетонку высыпалась груда ящиков, но никто их не собрал. Артур резко осадил коня и снял с плеча автомат. Требовалось всего лишь на пару метров углубиться в траву, чтобы обойти препятствие, но он удержал коня. Ветер стих, но трава шевелилась неправильно. Чуточку сильнее, чем следовало...

Обе лошадки, запряженные в грузовик, стояли понурясь, не шевелясь. Ветерок играл их спутанными гривами, шкуру покрывали темные пятна лишая, но морд не было видно, бурая осока поднималась здесь очень высоко. Бока у Дятла дрожали, не слушаясь человека, он боязливо отступал назад. Второй летун тоже наполовину высунулся из кармана и задрал хвост. Задранный хвост был очень плохим признаком, хуже некуда, вампир чувствовал настоящую опасность и готовился не к нападению, а к обороне.

Гибкое лоснящееся тело проскользнуло среди щетинистых стеблей. Коваль не успел нажать на курок, как неуловимая тварь исчезла.

Снова шорох позади.

Коваль дал команду летунам. Новая порода вампиров была воспитана так, что они практически не испытывали чувства страха, но это замечательное качество имело свои минусы. Летуны быстро заводились и перли на рожон. Артур посмотрел туда, куда указывали чуткие мышиные носы, и обмер.

Из темного пятна на боку мертвой лошади, которое он издалека принял за лишай, высунулась блестящая черная голова, похожая на мяч для регби, лишенная глаз и ушей. Несомненно, прототипом кошмарного создания послужило насекомое, скорее всего червяк, но во что он превратился! За головой, прикрытой подвижными хитиновыми пластинами, потянулось блестящее змеиное тело, усеянное десятками волосатых крючков. Наконец монстр выбрался целиком и устроился на спине лошади, поводя из стороны в сторону дрожащим рыльцем. Пластины на кончике его морды раздвинулись, и показался подвижный розовый хоботок наподобие комариного, но толщиной в руку ребенка. Если это червяк, сказал Коваль летуну, то я — самый маленький лебедь. Летун не возражал.

Вторая такая же полутораметровая гусеница выбралась из дыры на затылке второй лошадки. Обитатели пожарища пожирали трупы изнутри! При этом паралич наступал настолько быстро, что животные не успели даже упасть. Затем гусеницы, очевидно, обрабатывали внутренности животных каким-то цементирующим составом, превращая их в свои жилища. И не просто жилища... Артур почувствовал, как к горлу подступает рвота. Вслед за большим червяком из дыры в шкуре на свет выбрались два совсем крохотных, длиной меньше локтя, и устроились рядом с мамашей. Безглазые морды поблескивали на солнце, как опущенные мотоциклетные щитки.

Но бóльшую тревогу вызывало другое. Все, чему Артур кропотливо учился, ему не помогало. Уродливые и в то же время гармоничные в своем уродстве создания, плоды молекулярных аномалий, не желали подчиняться его воле. Либо они были слишком глупы и не обзавелись развитым мозгом, либо их разум неизмеримо отличался даже от разума летуна, который тоже не состоял в родстве с канарейкой... Но летуны слушались, и драконы, и прочие «произведения» Прохора! Артур достиг высшей степени концентрации, он слышал на десяток километров вокруг, но его сознание не воспринимало ничего, кроме тока жидкостей в безмозглых растениях.

Миг спустя тренированное тело, опережая мысль, отреагировало на опасность. Еще не полностью развернувшись в седле, Артур метнул клинок. Летуны взвились в воздух, их шипение показалось Артуру самой прелестной музыкой. Блокируя пути к отступлению, по дороге с невероятной скоростью приближались сразу три «гусеницы». Ближайшая спружинила и откатилась в сторону. Нож ударился о бетон и отлетел. Коваль не мог поверить своим глазам: мутант опережал его в скорости реакции!

Старый летун Чакка молнией упал на врага сверху и замолотил хвостом. Второй летун перехватил червя уже в полете. Членистое тело согнулось дугой и вдруг подскочило вверх, вытягивая хобот. Артур сдернул автомат с предохранителя и повел длинной очередью по траве, боясь зацепить мышей. Оставался один только выход — бежать вперед, но коня предстояло провести по

обочине в обход перевернувшегося прицепа. Чакка, старый и более опытный охотник, перекусил противника надвое и бросился на помощь другу. Второму летуну повезло меньше, червяк извернулся и ткнул его в бок хоботком. Летун засадил ядовитые шипы в хвост врагу, но, когда подоспел товарищ, был уже мертв. Обе половинки разорванного червя, брызгая черной кровью, расползались в разные стороны.

Артур поливал огнем тех чудищ, что жили в мертвых лошадях. Одна «гусеница» разлетелась на части, а другие с удивительным проворством шмыгнули в траву. Лошадь завалилась набок, словно деревянная кукла. Чакка взлетел на крышу грузовика, грозно щелкая челюстями. Второй летун замер на дороге в обнимку с чудовищной гусеницей и на глазах превращался в окаменевший памятник самому себе. Метрах в шести от машины трава заколыхалась, и на дорогу высунулись еще два удлиненных черных рыла. С задранных вверх хоботков стекал зеленоватый сироп. Обе твари будто намеревались высморкаться. Дятел дергался и ржал, вне себя от ужаса.

Артур вспомнил кое-что и сменил рожок. Теперь он стрелял зажигательными, и щетинистая трава на обочине вспыхивала, как порох. Для верности он повел стволом по широкой дуге. Оставалось заставить Дятла шагнуть с дороги в горящую траву, чтобы обойти шаланду. Конь совершенно вышел из повиновения, Артуру пришлось спрыгнуть на землю и буквально тащить его за собой. Летун завопил, как сотня разъяренных кошек, и бросился на очередную гусеницу. Чудищу опалило половину туловища, но оно продолжало двигаться в немыслимом темпе. Летун дважды ударил хвостом, зависая в воздухе, и дважды промахнулся. Червь бежал, не приняв боя.

Артур заставил жеребца обогнуть препятствие и снова вскочил в седло. Его окружали еще четыре живых «шланга» на бетонке и несколько штук в дымящихся зарослях. Позади за шаландой Чакка из последних сил сдерживал врага. Судя по воплям, отважный упырь пока что сражался.

— Хищник против Терминатора! — сказал коню Артур и вспорол мешочек с пчелами.— Как это мило, что мы породили и тех и других...

Улей послушно повис на протянутой ладони.

— Вперед, братва! — выкрикнул Артур и сменил автомат на дробовик.

Верный «ремингтон» спасал его второй раз. Ближний червяк сложился пополам и готовился плюнуть, когда заряд крупной дроби оставил от него кровавые ошметки. Пока в ладони невыразимо долго скользил затвор, дымящийся ствол уже развернулся в противоположную сторону. Из травы, точно королевские кобры перед броском, выскочили сразу два монстра. Пластины на их мордах приподнялись, как усы у оскалившегося черного терьера. Совсем близко Коваль увидел сетчатую мембрану рта, покрытую слизью, и две пары коротких трепещущих щупалец по бокам. Дробовик рявкнул, от отдачи коня шатнуло в сторону, обеим гусеницам снесло головы. Еще один хищник плюнул из дальних кустиков, но Артур пришпорил Дятла и опередил врага на долю секунды. Он уже насмотрелся, чем грозит прямое попадание.

Пчелы вели себя замечательно. Потеряв две трети личного состава, отважная армия сладкоежек очистила местность за шесть секунд. Коваль не стал раздумывать, сколько еще гусениц спешит к нему выяснить отношения, и что

было сил стегнул перепуганного Дятла. Тому не понадобилось повторять, и спустя минуту они летели по дороге, оставив дьявольский серпентарий далеко позади. Остатки пчелиной семьи догнали хозяина, уже когда впереди замаячили первые нормальные деревья. Летун не вернулся.

Дав измученному жеребцу отдых, Артур честно подождал маленького друга минут двадцать. Ветер нес из леса прохладу и запахи далеких дымков, а со стороны отравленной саванны подкрадывалось вязкое облако тумана.

— И все-таки молодцы мы, что не пошли в обход, верно? — спросил Коваль у жеребца.

Тот вращал налитым кровью глазом, могучие ребра ходили ходуном, с морды капала пена.

— Страшновато к озеру-то соваться! — доверительно продолжал Артур.— Там колдуны, говорят. Ну их к богу! А тут полчаса позора, мокрые штаны — и мы почти дома. Верно я говорю?

38
РАЗОЧАРОВАННЫЙ СТРАННИК

Артур почел за лучшее просочиться сквозь заставы «Восьмой дивизии» в темноте. Остаток ночи он провел в одном из заброшенных домов на окраине Павловска. Пришлось сделать изрядный крюк, поскольку старые дороги рассыпались окончательно, а следуя проселочным колеям, он трижды выезжал на частные ранчо ковбоев. Всякий раз одинокого путника встречал бешеный собачий лай, а однажды его обстреляли. Нечего было и надеяться, что кто-то ночью окажет гостеприимство. Вокруг Павловского дворца в парке полыхали костры, прогуливались вооруженные люди, а возле ограды он приметил парочку болотных котов без ошейников. Артур решил, что выяснять отношения с местной коммуной ему незачем.

В пять утра он остановил коня перед величественным когда-то аникушинским обелиском. Стела и гранитное кольцо, символизирующее разрыв блокады, сохранились, но от скульптурных групп остались одни обломки. Гостиница «Пулковская» перенесла в свое время прямое попадание снаряда, или на нее скинули авиабомбу. Во всяком случае, ударная волна, превратившая здание в гору щебня, пронеслась по площади и сшибла с постаментов все фигуры. Сама площадь в человеческий рост заросла травой и кустарником, и оттого памятник казался упавшим и забытым марсианским звездолетом.

Артур вспомнил о танковом заслоне в районе парка Победы и решил двигаться вперед исключительно дворами. До Обводного канала у него это неплохо получалось. Он заметил, что в городе стало намного больше людей. В шесть утра уже гремели подводы, кто-то пытался заводить мотор, навстречу проехал трактор, тащивший за собой целых три прицепа с бочками для питьевой воды. На Обводном путника шокировала новая линия заграждений. Раньше — он

мог поклясться — этих заслонов не было. Напротив каждого моста со стороны центра выросли свежие баррикады, торчали пулеметы, а из второго этажа бывшего Фрунзенского универмага обнюхивали канал стволы легких пехотных пушек.

Еще меньше Ковалю понравилось то, что он увидел, заглянув за парапет. По центру канала в грязной вонючей воде плыла баржа со связанными людьми на борту. Четверо парней с собаками охраняли полтора десятка арестантов. На груди у тюремщиков Коваль разглядел убийственно знакомые бляхи... Нет, не может быть, уговаривал он себя, просто померещилось!

К мосту стекалась разношерстная толпа работяг, стремящаяся перебраться на тот берег. Крестьяне, рыбаки, мастеровые проходили или проезжали через распахнутую настежь проходную, и никто их не задерживал. Но когда подошла очередь Артура, навстречу ему, подняв ладонь, выступил дюжий стражник в железной рубахе.

— Ты чей?

— Музейщик.

— Ты не похож на музейщика.— Парень перекатывал в зубах жвачку и смотрел не моргая. Сзади, опираясь на приклад карабина, выдвинулся еще один стражник.

— Я был в Перми, четыре года работал инженером. Теперь вернулся домой.— Артур постарался ничем не выдать своего волнения. Не стражники его пугали, а то, что болталось на шее у второго. Кремлевский жетон безопасности.

— Долго же ты шел! — с непонятным выражением заметил часовой.— Как твое имя, и кто может подтвердить, что ты из Эрмитажа?

— Меня зовут Артур Кузнец. Меня знает Старшина торговой гильдии Чарли Рокотов, Хранитель закона Лев Свирский, распорядитель работ Сапер... А еще лекарь Эрмитажа мама Рона, начальник охраны Руслан... Этого достаточно? — Ковалю отчего-то не хотелось называть имена Рубенсов.

Оба стражника при упоминании о Руслане переглянулись и ощутимо напряглись.

— Эй, служба! — Старик-крестьянин свесился с высокого борта повозки.— Не задерживай народ! Отведи в сторожку и разбирайся!

Вслед за дедком принялась скандалить вся очередь. За Артуром собралось уже человек сорок.

— Слезай с коня! — приказал Артуру часовой.— Мы проверим, кто ты такой!

— А кто ты такой, чтобы проверять меня?

— Видел это? — Стражник продемонстрировал бляху.— Или ты, деревенщина, не знаешь, что это такое?

Его напарник лениво перехватил ружье за ложе:

— Где твой паспорт? Почему прешь в центр с автоматом? Где у тебя клеймо на автомате?!

— Паспорт не успел обменять... — Коваля этот диалог перестал забавлять.— Я проеду в Эрмитаж и получу у Рубенса документ. И проеду со своим оружием.

Вокруг внезапно стало очень тихо. Из железного, слепленного из разноцветных кусков вагончика появился третий стражник, краснолицый толстяк с лейтенантскими звездочками на плечах.

— Кого ты хочешь надуть, мерзавец? — От лейтенанта несло перегаром.— Твоего Рубенса давно сместили. Город подчиняется господину губернатору. Слезай немедля и покажи, что в мешках! Не слышал, что тебе сказал офицер внутренних войск?!

— Как вы мне надоели! — простонал Коваль, освобождая ногу от стремени.

В следующий миг он перехватил дробовик за ствол и сунул караульному, что стоял ближе всех, прикладом в зубы. Железные доспехи лязгнули о мостовую. Его товарищ не успел вскинуть ружье, как вороненый ствол уперся ему в лоб.

— Кинь пушку и прыгай в воду! Ну, живо! — Коваль придал лицу зверское выражение. Часовой попятился, выставив перед собой ладони, отпустил ружье и проворно полез через парапет. Из канала взлетел фонтан брызг, очередь нестройно захохотала. Лейтенант мигом протрезвел и попытался нащупать за поясом пистолет.

— Даже не пытайся! — сурово одернул Артур.— Ну, твоя очередь купаться! Считаю до трех! Раз...

Долго упрашивать лейтенанта не пришлось. Горланящая толпа, радуясь неожиданной бесплатной оказии, с криками ломанулась через ворота. Две мокрые головы, отдуваясь, как тюлени, разрезали грязную поверхность воды, стремясь к ближайшему спуску. Третий стражник ворочался в луже, пуская кровавые пузыри из разбитого рта. Поток людей обтекал его слева и справа, а какой-то мальчишка нагнулся и снял с руки лежащего массивный золотой браслет.

К вечеру весь город будет знать, хмурился Коваль, нахлестывая жеребца. Первый признак диктатуры — это заборы. Они ставят заборы и разоружают людей. Но сами разбегаются при малейшем сопротивлении... Они способны бить только слабых, только тех, кого легко запугать. Но люди, черт подери, и не планируют сопротивляться, у них совсем другие задачи. Они кормят семьи и растят детей, пока эти гады набирают силу! Ей-богу, с такими подонками поневоле станешь анархистом...

Ворота в Зимний покачивались, распахнутые настежь. У въезда во дворик внутри огороженной площадки мужик с саблей сторожил десяток самых разных автомобилей. За пределами «охраняемой стоянки» в полном беспорядке расположилось великое множество конных и моторных экипажей. Некогда чисто выметенная, площадь представляла собой настоящую мусорную свалку. У подножия Александровской колонны двое молодых людей, взобравшись на козлы, рисовали на огромном холсте чью-то усатую физиономию. Со стороны Адмиралтейства, там, где раньше бил фонтан, у свежесколоченной коновязи кушали овес десятки нерасседланных лошадей. Памятуя о столичных приключениях, Артур заранее спрятал под куртку автомат и посулил сторожу золотой за особое внимание к его коню. Впрочем, одноногий инвалид на жулика не походил.

Никем не остановленный, одинокий странник поднялся по мраморной лестнице. На втором этаже ему снова встретилось усатое лицо со слегка выпу-

ченными глазами. Здоровенный лист крашеной фанеры висел под самым потолком. Из-за фанерки выглядывало слегка обиженное «Святое семейство». Затем Артуру пришлось потесниться, пропуская целый взвод юношей, у каждого из которых на левой стороне груди поблескивал бронзовый треугольник. Внутри треугольников изображался какой-то символ; не звезда, как в столице, что-то иное. Артур не стал всматриваться, чтобы не привлекать лишнего внимания.

— Святая Ксения! — прошептал Лева, роняя очки.— Этого не может быть! Откуда ты взялся?! Ты сумел бежать от Качальщиков?

— Можно и так сказать...

Артур прошелся по библиотеке, потрогал глобус, машинально погладил дряхлого сонного летуна. У книжника при этом невинном жесте округлились глаза. Все в этой сумрачной зале осталось по-прежнему: карты на стенах, паутина по углам, уютный запах подсыхающих поленьев в камине. И Лева был все тот же, седенький, шустрый, но поведение его заметно изменилось. Он стал каким-то пришибленным, что ли...

— Я жил у них в общине. Я работал. У меня трое детей и жена. Думаю, пока тебе достаточно? — Артур не мог сдержать улыбки при виде обалдевшей физиономии книжника.— Теперь ты мне скажи: что с папой Рубенсом?

Лева стрельнул глазами на дверь:

— Так ты ничего не знаешь? После того как стало известно о его дружбе с колдунами, начался бунт. Михаил бежал вместе с женой. Папу выставила родная дочь. Арина вышла замуж за сына губернатора...

— Вот как? А почему внизу нет охраны? Где Лапочка?

— Так ты совсем... Не вздумай ни с кем говорить, иначе угодишь на виселицу. Есть люди, которые еще помнят, как ты голыми руками повязал Качальщика и спас целый караван. Мне рассказал Рокотов, о Кузнеце ходили легенды! А тигр... Лапочку застрелили, охрана теперь только ночью, и только из офицеров тайной службы...

— Тогда почему меня должны повесить?

— Потому что легенды теперь не нужны, и вспоминать героев опасно. Свободной коммуны больше нет, а ты говоришь крамольные вещи. Весь город уже год подчиняется губернатору. Началось с драки в Думе. Они и так вечно скандалили, а в тот раз сцепились из-за того, чья очередь выделять людей на осушение подземки и подвоз чистой воды. От нас в Думе заседала Арина Рубенс, Рокотов, Аркаша, мой брат, и еще двое. Они предлагали голосовать в закрытую, но тут приперлись эти, мелюзга с правого берега, и заявили, что тянуть жребий нечестно. Потому что в их общинах мало народу, а у нас от каждой тысячи представлено по человеку. Получается, что крупные коммуны их забивают. Они сказали, что вообще больше не дадут людей в патрули, потому что «Восьмая дивизия» собирает с входящих в город нечестный налог, а с патрульными из общин не делится...

Слово за слово, заварилась такая каша, что думских пришлось разливать водой. Пока они дрались, губернатор собрал своих головорезов и окружил здание. Он их продержал целый день и заставил проголосовать за передачу власти ему одному. Он все сделал хитро, и лично мне кажется... — Лева горе-

стно возвел глаза к потолку.— Лично мне кажется, что без Арины тут не обошлось. Она умная, и, кроме того, ее дар слышать... Конечно, она начала играть в пользу своего свекра, а как же иначе?

Я ее не осуждаю. Арина вернулась во дворец с солдатами губернатора и разоружила обоих братьев Абашидзе, Руслана и Серго, ты их должен помнить. Потом у них якобы нашли письма от Мишки Рубенса и обвинили в заговоре. Абашидзе бежали из города, и с ними десятка два верных им парней...

Так и пошло, они захватывали власть, поочередно нападая на разные районы. Мама Кэт держалась дольше всех, но губернатор объявил, что набирает новое войско, общее для всего города. Так и назвали — «внутренние войска». Им положили двойное жалованье и стали выделять квартиры в Михайловском замке. Раньше там жила община папы Арбузика, его губернатор обвинил в уклонении от налогов на строительство дорог. Всех выгнали из замка и раздали комнаты солдатам. Я говорю, без Арины не обошлось; только она умеет угадывать, кто что думает... Ну вот, мужики от мамы Кэт тут же побежали наниматься в войско.

— Постой, Лева! — Коваль затряс головой.— Я не могу поверить, что губернатор подмял весь Питер. Насколько я помню, он пожилой больной человек и не гнался за властью...

— А он и не гнался! Все началось с этого соборника.

— Как ты сказал?! — Артур поперхнулся чаем.

— Ты знаешь, что случилось в Москве? — Лев понизил голос, на цыпочках подбежал к двери, проверил, не подслушивают ли снаружи.— Москвы больше нет. Ее растворили Качальщики, это точно. Лишь они способны поднять Землю на дыбы! Из Москвы целый год шли к нам беженцы. И приперся целый гарнизон их поганого президента, папы Ивана. Президента убили его же солдаты, гарнизон привел один из московских соборников. Они встали за городом, больше трех тысяч штыков, представляешь? Там были не только бойцы, почти тысяча женщин и дети. И все кремлевские слушали этого соборника, как родного отца. Он сказал, что будет говорить с тем, кто в Питере главный. К нему поехали старейшины от Думы, никто не хотел, чтобы такая голодная армия вошла в город.

Но соборник не стал говорить с думскими, он тайно встретился с губернатором. Он заставил Думу принимать решения под дулами автоматов. Этот лис убедил губернатора принять всех солдат на довольствие губернаторской коммуны. Они заняли Серый дом. Это там, на Литейном...

— Я знаю. Там им самое место.

— И все, Артур! Спустя месяц губернатор разогнал Думу и запретил коммунам содержать свою стражу. Кто не послушался... Парни из гарнизона сожгли две коммуны дотла. Они умеют воевать гораздо лучше нас. А потом они поставили своих людей на всех дорогах и назвали себя пограничными войсками. И к ним тут же побежали присягать бандиты из мелких шаек. Всем понравилось быть пограничниками, собирать деньги на дорогах и ничего не делать...

— А что Арина? Ты же говорил, она имеет влияние на губернатора?

— Еще какое! Стало быть, она тоже была не против. Если хочешь знать, я думаю, девочка побаивается кремлевских или договорилась с ними отдельно. Если уж быть до конца честным, Артур, то много и хорошего сделано. Губернатор

отобрал у мэра золото и запретил другим чеканить монету. Он открыл большие ярмарки, как было раньше в Москве. Он посылает солдат собирать урожай. Теперь мы меньше зависим от ковбоев, город не только покупает еду, как раньше, а получает натуральный процент в казну и на склады. Амбары забиты зерном на два года вперед. Он мостит дороги и посылает команды гонять булей...

— Значит, вам нравится при новой власти? Кстати, а как выглядит этот соборник? Случаем, не такой высокий, хромой, в очках?

— Так ты его видел? — возбужденно всплеснул руками книжник.— Его же встречают только на проповедях. Считается, что Питером управляет губернатор, но все знают, кто стоит за его спиной. Потому что солдаты преданы...

— Карину?

— Тише, Артур, тише! Помимо внутренних войск, он устроил тайную полицию и личную стражу, и еще особый отдел при войске. Называется тра... три...

— Трибунал?

— Ага! Я все забываю, что ты родился до Большой смерти. Как жаль, что мы так и не поговорили, ты столько знаешь! Да, в этом трибунале люди с закрытыми лицами, они следят за остальными солдатами и офицерами, и все их боятся...

— Я что-то слышал вскользь об этом Карине,— небрежно бросил Коваль.— Почему его нельзя увидеть?

— Потому что он сажает деревья.

— Что?! — Такого поворота Артур не ожидал.

— Сажает деревья,— подтвердил библиотекарь.— Не один, конечно. Выгоняют команды девчонок на поля, где шли вырубки, и заставляют пропалывать и сажать. У кого саженцы не привьются, тех отправляют под землю. Они обложили дерном древние свалки, свалок больше нет, повсюду посадки. А весной знаешь, что случилось? Никто в Думе бы до такого не додумался! Это все он...

Рыбу глушить запретили! Еще деды наши глушили, а тут указ вышел: на ловлю рыбы особый жетон, за деньги, и только трем общинам рыбаков. А глушить вообще нельзя, смертью карается! Инженера из Чухни выписали, губернатор ему дом подарил и дикарей дал в прислугу, чтобы рыбный завод на Ладоге поставил. Теперь вся рыба вроде как казенная, и свободных цен больше нет! А еще соборник наладил очистку воды, привез от немцев инженеров. Теперь за ведро помоев, вылитое в Неву, можно схлопотать пять лет подземных работ. И нужники нельзя ставить где попало! Все помои приказано сливать в специальные бочки и вывозить за город, на свалку. Этот Карин, он помешан на чистоте, но не только...

С ним всюду полусотня, преданные ему бандиты, они готовы по его приказу перерезать глотку любому и умрут за хозяина. Карин раздобыл старые военные карты, что нарисованы до Большой смерти. Он ездит со своими людьми по тем местам, где жили военные, и сжигает все. А если они находят подземные хранилища оружия, они взрывают выходы и засыпают землей! Я точно знаю, без Арины он не находил бы эти места так легко. А еще он убедил губернатора отогнать из города все корабли, где есть химия. Всю химию, что находят по старым заводам, тоже собирали на баржи и вывозили, но не в залив. Ты бы видел! Они заставили ковбоев пригнать сотню быков и утащили баржи с

химией вверх по течению, а там перегружали и везли в лес. Карин нашел место, бетонное хранилище...

— Значит, он чистит город? Не вижу в этом ничего дурного...

— Он открыл новую церковь, а соборников из Лавры заставил повторять его проповеди. Кто не послушал... — Лева сделал характерный жест рукой возле горла.— Он говорит, что Питеру придет конец, как и Москве, если не будут следовать его заветам. И ему верят, Артур! Ты бы видел, какие толпы он собирает. Он так говорит, что люди рвут на себе волосы и катаются в пыли. Он всех убедил, что он один знает, как спасти наш город.

Люди Карина ловят буля и режут на части на глазах у прихожан. Это становится традицией — убивать животных, вроде...

— Вроде жертвоприношений?

— Хуже. Когда древние резали коз на алтарях, они молили богов о благодати. А Карин не говорит о хорошем и не взывает к Богу. Он доводит себя и других до безумия, он кричит о близкой гибели. Если мы не спасем город, кричит он, придут твари с пожарищ и пожрут нас, а земля засосет наши дома. Ты бы видел, что творится с толпой, когда кремлевские режут булей! Страшно смотреть...

Понимаешь, губернатора устраивает вся эта трескотня. Никто не копает под его власть, напротив. Вот рыбаков разорили, куда им податься? Они теперь за краюху хлеба горбатятся, дороги кладут. Карин предложил издать указ, запрещающий вырубки в парках. Чтобы на дрова теперь можно было рубить только старые дома. Губернатор сначала противился, затем подписал и только выиграл от этого. Все здания в городской черте теперь принадлежат казне. Хочешь обзавестись дровишками на зиму — плати! И пожаров меньше стало; почитай, гореть нечему уже. А срубишь дерево — заплатишь своей шкурой. Рубли так и посыпались в казну, а Карина еще больше боятся. К власти он не рвется...

— Но ты же ему не веришь?

— Как тебе сказать? — Книжник отвел глаза.— Чарли многих знал в Москве. Только гарнизон Кремля вышел из столицы почти без потерь... Они пришли с золотом, бабами и даже со своим скотом. Люди говорили, что там творилось. Три дня Москва качалась, но местные надеялись, что все уляжется. Не улеглось, им пришлось бежать, побросав имущество. А кремлевские ушли в первую ночь и забрали все ценное, что могли унести. Земля вставала дыбом, и река бросалась на город, как болотная кошка... Соборник знал, он заранее предугадал то, что случится.

— Сволочь!

— Что?

— Нет, ничего, продолжай. Выходит, он предвидел катастрофу, а спас только своих?

— Ну не только. В Питер до сих пор идут тысячами, но больше народу осело у ковбоев. Честно говоря, не всем по вкусу новая власть... Ведь мы в Эрмитаже больше не шьем платье, не льем стекло. Мы гоним спирт. Да-да, это Карин так надоумил губернатора, чтобы каждая коммуна занималась одним делом. Конечно, оно выгоднее для города, это понятно. Водку можем делать только мы. Если у кого найдут самодельную — виселица. Доходы большие, но ковбои начали пить. Раньше так не пили, Артур, раньше работали и просили взамен товары мастеровых. Теперь все готовы обменять на водку...

— А кто командует Эрмитажем?

— Мой брат, Аркадий.— Лева бросил косой взгляд на Коваля, проверяя его реакцию.— Конечно, ты скажешь, что Аркаша — не личность, не герой. Так оно и есть. Он и как инженер не особо одарен. Но губернатору такие и нужны! Сидит тихонько в Думе, кивает вместе с остальными. В общинах нынче правят не папы, а эти... пири... при... Московское словечко, все время забываю!

— Префекты?

— Во-во! Ты все знаешь, ты ведь книжник... Что поделать, не время для орлов, Артур! Поэтому я за тебя и боюсь... Народ присмирел, а для меня счастье, что префектом поставили Аркашу. Благодаря его заступничеству я могу читать...

— Эка! Я не пойму, Лева, губернатор запретил читать?

— Почему же? Читай, коли умеешь, но... Я умоляю тебя, Кузнец, эти слова не для чужих ушей. Ты как появился в музее, сразу уехал, я не успел познакомить тебя с Самуилом Крохой. Мой друг, он живет у портовых. Он умеет рисовать. Ты видел, на площади малюют портрет губернатора? Кроха давно собирал детишек, у кого получалось водить углем или кистью. А нынче все они рисуют губернатора и получают за каждый портрет по рублю серебром. Не хочешь рисовать губернатора — топай, работай в другом месте. Не хочешь работать — отправят под землю! А знаешь, что делают с портретами, Кузнец? Люди губернатора их продают...

— Да быть не может? Кому нужна его харя?

— Тише, умоляю тебя, тише! Мальчишке, что малевал, платят рубль серебром, а продают по три рубля золотом. Корову можно купить! Общины же и покупают. Аркадий вон для Эрмитажа шесть штук заказал. Зато когда усатый в гости приезжает, доволен!

— Черт знает что! — Ковалю казалось, что он никак не может очнуться от сна.

— Так что Кроха запил,— грустно продолжал библиотекарь.— И мне учить детей больше не позволено. Теперь всех вместе учат, в Лавре соборники школу открыли. Утром на портрет губернатора молятся и читают хором про его великие дела... Разбуди ночью любого ребенка и спроси — на сколько пудов картошки мы собрали больше в этом году, чем в предыдущем. Не сомневайся, тебе ответят. На утренних проповедях только и твердят о том, на сколько пудов мы живем лучше, чем в прошлом году.

У меня был ученик, его дед возит в город торф для растопки. Пять лет назад он возил торф, и сейчас возит, и будет таскаться в лес на своей телеге до самой смерти. Как ему платили буханку в день и пять монет серебра в месяц, так и платят, только губернатор заменил серебро медяками. Все серебро уходит на закупки нефти. Соборники в школе твердят детям, что в нынешнем году город собрал в казну на шесть пудов серебра больше прежнего, а через шесть лет удвоит запас. А дед возит торф, ему без разницы, что там удвоится. Может, он и не проживет эти шесть лет...

Древние книги читать детям не велено, а мне указано собирать лекарские да по инженерному делу. Про остальное говорят, что вредное. Что ни день, боюсь, как бы указ не вышел пожечь книги-то...

— Дай мне очухаться, Лева! — Коваль походил из угла в угол, растирая уши.— Значит, без паспорта я жить не могу?

— Никак. И Аркаша тебе не даст. Только в учетном приказе, на Исаакиевской площади.

— И выбирать, где жить, тоже не имею права?

— Пятьдесят километров отмахай, там без бумаги заселяйся. И то — неведомо, сколько так проживешь... И потом — ты за паспортом придешь, в оборот возьмут. Или подмастерьем, или мастером придется соглашаться.

— А в Эрмитаже я могу остаться? Полно же пустых комнат?

— Всюду клерки бродят, которые по учету,— угрюмо отозвался библиотекарь.— Не спрячешься, продадут. Наши же и продадут. Испоганились людишки, Артур, раньше не было такого. Друг за другом следят. Страшно мне, ночами не сплю, так страшно... Вроде и сыты все, и даже праздники древние вспомнили, в Новый год хоровод водили и елку зажигали...

А мне страшно. Самуил спился, Чарли пьет, Сапер повесился... А еще Санечка был, в коммуне мэра, музыку умел на рояле делать, ноты понимал. Никто не умел, он один. Ему сказали, что заберут с роялем в Думу, для них музыку делать, для старейшин. Он отказался, просил, чтобы детей дали учить, как раньше. Детей ему учить больше не позволили, рояль сломали. Он бежал в Чухню, а кто-то его у норвегов видел...

Клерки ходят и солдаты с ними. Ежели в пустом доме заколоченном кого найдут без гербовой бумаги — сразу в кандалы. А то и пристрелят, это запросто. Им за каждого бродягу платят больше, чем офицерам. Детишки больше не в тайную стражу хотят, а в клерки. Там сытнее.

— Это точно,— согласился Коваль.— Там всегда было сытнее. Вот что, Лева! Я тебя покину, у меня на заставе небольшой спор утром состоялся. Не хочу, чтобы из-за меня проблемы появились. Позже еще увидимся! И пожалуйста, не говори никому, что я приходил, ясно?

— Да уж куда яснее! — печально усмехнулся книжник.— Куда пойдешь-то?

— Да вот, один добрый человек посоветовал... — Артур напоследок угостил летуна кусочком сала.— Я его слов поначалу не понял, а теперь все разъяснилось. Пойду искать в союзники меньшее зло.

39
МЕНЬШЕЕ ЗЛО

Артур не стал брать с собой огонь. Глаза быстро приспособились к темноте, а дым факела отбивает обоняние. За последнюю неделю он трижды выбирался из города и трижды возвращался назад, переодеваясь и меняя лошадей, чтобы не маячить на породистом животном. Коня он оставил на попечение Левы, а поклажу и оба ствола спрятал в капсуле. В городских катакомбах автомат ему не помощник. Спустя четыре года Артур вернулся туда, откуда начинался его путь наверх.

Проходя по гулким коридорам пятого отдела, он испытал смешанные чувства. Вот шахта, по которой он карабкался с липкими от ужаса руками, не представляя, что ждет его наверху и обмирая от каждого шороха. А за этой дверью, где они с Мирзояном и Денисовым в незапамятные времена обсуждали очередной матч или новенькую сотрудницу, он впервые столкнулся с лысым псом... Сегодня вечером он был вполне настроен на такую встречу, но институт хранил молчание. Артур слышал, как в глубинах чердака любовно перекликались голуби и дребезжала на ветру оторванная оконная рама. Институт был мертв, как океанский лайнер, навсегда потерявший свою преданную команду. «Навсегда»,— повторил Артур. Слово каталось на губах, словно засохшая ягода, безвкусная и чуточку горькая.

Команды «зачистки», несомненно, побывали здесь еще раз, но оба корпуса не сочли пригодными для жилья. Исчезли остатки паркета, деревянные перила и двери. Вынесли даже стенные панели — словом, все, что могло гореть. Следы десятков сапог взбаламутили вековую пыль. Доблестные клерки даже сняли ботинки с трупов, валявшихся на лестнице.

Он спустился в канализацию через люк котельной. Большая труба имела слабый уклон, и он прикидывал, что метров через двести окажется под руслом Невки. Артур считал шаги. В пространстве, где ни зрение, ни обоняние не могли зацепиться за какой-то достаточно верный ориентир, приходилось полагаться на шестое чувство. Или считать шаги.

Через пятьдесят метров Коваль вышел к развилке и разглядел высоко над головой маленький рваный кусочек неба. Он угодил в один из канализационных коллекторов; грязь под ногами уже не чавкала, а хрустела, как пересохшие листья. Если предыдущий отрезок был почти свободен, то впереди трубу на треть заполняли многолетние отложения.

Артур дотронулся до огромного вентиля. Что-то хрустнуло, и половина железного колеса осталась у него в ладони. Из прогнившего косого фильтра шелестящим дождем посыпался поток ржавчины. Здесь даже не пахло гнилью. Очевидно, сточные колодцы находились выше уровня мостовой, или вода уходила в почву сквозь трещины.

Еще через пятьдесят шагов Коваль начертил угольком крест на вогнутой стене трубы. Теперь ему приходилось идти согнувшись, рискуя зацепить головой свисающие из люков обломки лестниц и куски арматуры. Грязь стала чуть жиже, и далеко впереди послышался какой-то равномерный ухающий звук, словно работала помпа. Потом он услышал запах, почти незаметный, но это был тот самый запах. Окажись Артур здесь четыре года назад, он не почувствовал бы ничего, кроме паники и дикой клаустрофобии. Со всех сторон ему бы чудились клыки и когтистые лапы...

Он медленно продвигался вперед, ухающий звук стал ближе, теперь среди глухих тонов различалось металлическое звяканье. Либо труба проходила вблизи ветки метро, где заключенные откачивали воду, либо на поверхности над одним из люков работал мотор. Внезапно труба стала шире. Артур приподнял нос, шевеля в темноте ноздрями, точно терьер, выслеживающий лису. Он не сразу догадался, где находится. В конце концов, сюда приглашали на экскурсию не каждого горожанина.

Труба никуда не исчезла, она плавно сворачивала, но в месте поворота, очевидно, произошел разрыв. Сразу за разрывом жерло перекрывала толстая решетка, а за ней Артур чувствовал следующую, с более мелкой ячейкой. Еще он чувствовал впереди огромную массу металла и воду, много тонн стоячей цветущей воды. До сих пор в подземелье не встречалось ни мокриц, ни других насекомых, любящих влагу, а теперь Коваль слышал неумолчное зудящее пение сотен комаров.

Он находился на границе очистных сооружений, на первом форпосте. Мощный стальной каркас, удерживающий переплетения труб и очистные ванны, просел под собственной тяжестью, или его подмыли грунтовые воды. Так или иначе, сварная конструкция лопнула и потянула за собой трубопроводы. Артур мелкими шагами добрался до места разрыва. Труба под ногами слегка раскачивалась. Он оценил расстояние до решетки метра в два с половиной, опустился на четвереньки и ощупал край. Запах стал сильнее. Из провала тянуло сырой землей, но он уже не сомневался, что придется прыгать; трещина уходила слишком глубоко.

Он щелчком, вслепую, убил комара, затем еще одного. Можно было вернуться и попытаться пройти с другой стороны. И потерять еще три часа. Три часа он ползает под городом... Нет, случайностей не бывает. Если ему суждено подохнуть в этой дыре, то не играет роли, через какой люк он поймает за хвост свою смерть!.. Коваль оттолкнулся и прыгнул.

Ноги повисли над пропастью, но руками он намертво вцепился в решетку. Фильтр давно держался на честном слове, осталось его только раскачивать. Спустя четверть часа его пальцы кровоточили, плечи и колени онемели от напряжения, но прутья подались. Вторую и третью решетки Артур выбил с одного удара. А дальше труба закончилась, он не удержался на скользком порожке и полетел в воду. По счастью, тут оказалось совсем неглубоко, но воняло так, что Артура чуть не вырвало. Впервые за годы он почувствовал себя некомфортно босиком. Ступни точно погрузились в ледяной шевелящийся кисель. Здесь, в очистных ваннах, кишела жизнь, и жизнь не в самых приятных ее проявлениях. Слава богу, он влил в себя достаточно снадобий Анны и не боялся заразиться.

Артур уже понял, что к центральной городской станции этот подвал не имеет никакого отношения; скорее всего, он пробрался в сточную систему одного из крупных заводов. Как и прежде, он не видел ни зги, но обострившееся восприятие подсказывало, что подземное сооружение имеет по крайней мере три уровня и занимает пару тысяч квадратных метров. Он успокоил дыхание, вытер руки о штаны и шагнул на узкий металлический мостик. Мостик подозрительно заскрипел, но Коваль уже ничего не слышал. Он увидел глаза.

Две голубые льдинки перемещались в полутора метрах над ним, затем замерли. К ним присоединилась еще одна пара, чуть больше первых.

— Хорошая собачка,— сказал Артур и потянул за лямку рюкзачка.— Смотри, какая вкуснятина у меня есть для тебя. Хорошая собачка! — Он вспомнил, как точно так же подлизывался к лысому крокодилу в курилке.

Коваль чувствовал, как еще один буль подкрадывается сзади, совсем молодой, почти щенок. Он подкрадывается и сам очень боится человека. Замеча-

тельно! Человек шел на запах и не ошибся. Здесь у них гнезда, и наверняка есть выход к реке, куда псы выплывают за рыбой. Но еще больше человека возбуждало то, что он их слышал... В отличие от плюющихся червяков с пожарища разум собак был открыт для него. И разум не был враждебным. Они не доверяли, они боялись, они готовились защищать щенков, они страшно хотели есть, но... они слышали и откликались.

Артур не видел щенка, которого кормил с рук. Потом к нему подплыли еще два, совсем маленькие; толкаясь и ворча, они принялись сражаться за кусок бекона. Их мать заволновалась и негромко рявкнула из темноты, но Артур успокоил ее одним ласковым прикосновением мысли.

— Хорошие собачки! — повторил он, вытряхивая последние крошки.— А теперь мне нужно, чтобы вы пошли и привели остальных. Я отведу вас туда, где много-много свежего мяса... Я отдам вам целую свинью, нет, целое стадо свиней.— Он без труда представил себе это стадо — освежеванные дымящиеся туши на крюках — и швырнул этот образ собакам.

Булей трясло от возбуждения.

— Приведите сюда остальных, приведите всех! У нас будет самая сильная, самая смелая стая! — Его волосы взмокли от пота. Артур чувствовал, как непроизвольно дергаются мышцы на щеках и под глазами. Удерживая волю на пике, на самом острие сознания, он раздувал внутри себя огонь вожака. Стая приняла его за своего, но не к этому он стремился. Они должны быть готовы умереть за вожака...

В три часа ночи Коваль вывел их к скотобойне. Точнее, его вывели туда були, но сами псы давно бы уже не отважились на такой поход. Как и положено, бойни имелись у каждого из трех рынков, но их охраняли не хуже арсенала. По периметру цеха прогуливалась шестерка матерых волков и сторожа с пулеметами. Волки свободно бегали между двумя линиями колючки, и до прихода утреннего смотрителя никто бы не отважился к ним подойти. Кроме одного человека.

Артур позволил волкам облизать себе руки. Затем выдернул щеколду и выпустил их во внутренний двор, туда, где носился кислый аромат забоя и вокруг дубовых колод валялись кости животных. Выскочившие на шум сторожа, не протестуя, отдали колдуну оружие и ключи от бетонного ангара. В стойлах, чуя хищников, исходили пеной коровы. За перегородкой оглушительно верещали свиньи. Артур запер горе-охранников в сторожке и позволил волкам выпотрошить свинью. Пока волки насыщались, они были неуправляемы, и Артур не смел к ним подходить. Потом он запер их в сарайчике и привалил дверь. Настала очередь его стаи.

Их собралось несколько сотен. Многие пришли под землей, по водопроводу и канализации. Они пробирались дворами и плыли по каналам, неуловимыми тенями пересекали проспекты и бесшумным валом катились по заросшим травой переулкам. Лева был прав: военные вытеснили дикую живность из центра, большинство булей обитали в новостройках, стараясь держаться Невы. Коваль знал, что не имеет права показать робость, но внутренне он содрогнулся. Разлагавшаяся в водах Балтики химия превратила животных в ходячие экземпляры для кунсткамеры. Более того, в темноте ему показалось, что на зов откликнулись не только собаки. Во всяком случае, не совсем собаки... Он от-

резал себе изрядный ломоть грудинки и зажарил над огнем в будочке охраны. Не подкрепившись, не стоило и думать, чтобы двигаться вперед. Он потерял слишком много сил под землей, но Бердер сказал бы, что сделано неплохо. По другую сторону забора, окружавшего базарные ряды, надрывались обычные собаки. Сделано неплохо, но главное только начиналось...

Часовому, что боролся со сном на третьем этаже резиденции, вдруг почудилось, что площадь перед памятником царю подернулась мелкой рябью. Он встряхнул головой, хотел окликнуть товарища, но, когда снова посмотрел вниз, ничего странного не заметил. На противоположной стороне здания другой солдат обратил внимание на то, что Мойка ведет себя как-то странно.

Только что стоял полный штиль, и тут поверхность воды покрылась волнами, будто вверх по течению шел косяк рыбы. Но тревогу он поднимать не стал, потому что ничего опасного не случилось. Вместо этого он оглянулся, не подсматривает ли сержант, и быстро раскурил самокрутку с дурманящей травой. За кило травки он отдал азиату на рынке полный рожок патронов, но дело того стоило. За дурман могли, конечно, вышвырнуть из тайной стражи и отправить в пограничный гарнизон, но без риска жить неинтересно. Зато девчонкам нравится...

Парадное крыльцо стерегли двое «безликих», из тайной полиции. Они не спали и не курили, вместо курева они жевали совсем другую траву, дающую ночную бодрость и зоркость. Лица обоих полицейских скрывали вязаные капюшоны с дырками для рта и глаз. Старший последние семь минут все чаще поглядывал на большие напольные часы, установленные в специальной будочке. За дверями у печки давно уже грелась смена передвижного патруля, а машина все не показывалась. Джип должен был вернуться с объезда минимум четверть часа назад, но, сколько полицейский ни вслушивался, знакомое тарахтение мотора не достигало его ушей. А своим слухом он гордился. Ничего, только плеск воды и лязганье весел в уключинах ночующих за мостом лодок. Машины иногда ломались, но не обе же одновременно. Кроме того, куда-то запропастился конный патруль городской стражи. Последний раз они подлили горючего в бочки, стоящие по периметру площади, три часа назад, и с тех пор не появлялись. Полицейскому это совсем не нравилось. Он решил, что подождет еще пять минут и ударом в рельсу поднимет все свободные смены...

— Кто-то идет! — озабоченно произнес молодой напарник и упер сошки пулемета в мешок с песком.

— Ты рехнулся! Кто может идти в три часа ночи? — Старший оглядел пустую площадь, но на всякий случай дернул за веревку. В холле дворца коротко забренчала трещотка.

— Да вон же, вон!

— Да где, черт тебя дери? — Полицейский передернул затвор и влез по лесенке на вершину баррикады. Он различал лишь темную громаду собора и конную скульптуру древнего императора на пьедестале. Пламя в бочках почти погасло.

— Эй, что там, капитан? — Трое «безликих», побросав кружки с чаем, выскочили на крыльцо.— Мотор приехал?

— Ни хрена не вижу! — злобно отозвался капитан.— Яшка, лупи в рельсу, кажись, неладно что-то!

— Святые отцы! — пробормотал, не двигаясь с места, молодой полицейский. Вместо того чтобы подать сигнал тревоги, он словно прирос к прикладу.— Он смотрит на меня! Там, справа!

Капитан скосил глаза и чуть не проглотил свою жвачку. Со стороны Морской улицы, царапая сотнями когтистых лап по сырой брусчатке, на него катилась нескончаемая волна диких псов. За спиной капитана трое патрульных вскинули обрезы, но не успел прозвучать первый выстрел, как на втором этаже забили в колокол. Затем дважды тявкнула пушка; ослепив до рези глаза, вспыхнули на площади фонтаны разрывов. На короткое время живая лавина замедлилась, но бреши тут же затянуло.

Новый звук заставил капитана перевести взгляд налево. В Мойке кипела вода. Десятки и сотни блестящих тел выпрыгивали из глубины, взлетали над парапетом и, сливаясь во второй яростный вал, стремились к крыльцу. Им не было числа.

Одновременно грохнули обрезы, и со второго этажа заговорил автомат. Первую шеренгу собак раскидало. Полицейский не верил своим глазам: раненые падали и скуля продолжали ползти вперед. Колокол звенел не переставая. В верхних покоях и казармах вспыхивали огни.

— Он смотрит! — продолжал стонать Яшка.

— Стреляй! Стреляй, дурень! — прохрипел капитан, сам бросаясь к пулемету.

Он оттолкнул напарника, положил щеку на приклад и в прорези прицела увидел человека. Человек неторопливо брел по центру площади, зарываясь голыми ногами в гниющие листья, а слева и справа от него бурлило море голубых глаз. Лысые псы расступались, оставляя человеку проход. Человек шел и смотрел прямо в глаза капитану.

Полицейский почувствовал, что не может пошевелить пальцем. Ему требовалось совсем небольшое усилие, чтобы накрыть колдуна и его свору градом свинца; лоб покрылся потом, мочевой пузырь дал слабину, но палец на курке не сдвинулся и на миллиметр. Где-то наверху зазвенело разбитое окно, с карниза сыпался дождь из горячих гильз, над ухом дважды выстрелили из обреза, кто-то из подчиненных тряс полицейского за плечо.

Потом стало совсем тихо, и капитан понял, что остался один. Он продолжал смотреть в глаза грустному бородатому человеку и не мог ни встать, ни пошевелить рукой. Яшка лежал рядом, запрокинув голову. Из-под его вязаной маски стекала тонкая струйка крови. А на груди у младшего патрульного, шевеля жабрами, устроилось мокрое голубоглазое чудовище. Оно улыбнулось капитану двойным рядом зубов и прыгнуло ему на горло. Это было последнее, что увидел начальник «безликих».

Подобно кипящей лаве, свирепая лавина ворвалась в здание и растеклась по коридорам, сметая все на своем пути. Дежурная полусотня личной стражи была уничтожена прямо в казарме. Через пять минут от мечущихся между коек солдат остались клочья одежды и залитые кровью полы. Проснувшиеся клерки и члены семей прыгали в окна со второго и третьего этажей, кто-то пытался выбраться через чердаки. Но всюду люди натыкались на сплошное сужающееся кольцо собак. Возле покоев губернатора стражники с пулемета-

ми ненадолго замедлили атаку булей. Собаки карабкались по трупам своих же товарищей, пока гора из мертвых тел не закупорила напрочь два лестничных пролета. На второй лестнице четверо телохранителей развернули рукав огнемета. Двое без устали, скинув куртки, дергали рычаги ручного бензонасоса, а вторая пара, покрытая копотью, словно черти в аду, заливала площадку огнем. Их ладони, несмотря на толстые рукавицы, покрылись волдырями, но стражники не отступали. Терять им было нечего.

Буквально позавчера именно эти двое под руководством его святости распяли троих щенков булей, выкололи им глаза, а затем медленно выпустили кишки. Изловить щенков было совсем несложно, всем известно, где були выходят по ночам рыбачить. В центре их почти не осталось, но на правом берегу полно нор; достаточно подвесить слегка протухшую рыбку над железным сачком, и молодняк попадется в ловушку! Теперь стражники не сомневались, что свора пришла мстить. Мстить за всех, кого они убили в последний год.

Командовал охраной плотный старик, он служил губернатору пятнадцать лет с того дня, как нынешний глава захватил свой пост. Он хорошо помнил прежнего губернатора, глупца задушили ночью в собственной постели. Он потакал книжникам, а старую гвардию, что привела к власти его отца, заставлял работать наравне с крестьянами. Нынешний губернатор жил по закону и отлично знал свое место. Командир охраны мог бы забрать своих людей и сбежать от собак, он знал тайные ходы, что вели наружу к Неве или выходили во двор к гаражам. Но знал он и то, что, если губернатор погибнет, соборник Карин найдет их из-под земли. Этот чертов колдун видел насквозь...

Командир личной стражи приказал бросить бесполезный огнемет и прочее железо. Он собрал оставшихся в живых людей, их было не больше дюжины, и приказал любой ценой удерживать угловой коридор, где находились спальни губернаторской семьи. Вот-вот должно было подойти подкрепление. Находясь наверху, он не мог знать, что квартировавшая на первом этаже рота «безликих», приставленная Кариным, вырезана до последнего человека, почтовые голуби валяются на чердаке мертвыми, а телефонные провода перекушены. Не знал он и о том, что в гараже давно горит броневик губернаторской семьи, а от лошадей в стойлах остались обглоданные скелеты.

Стражники жевали траву и оттого не чувствовали страха. Они перегородили коридор старой мебелью и собрались плотной группой, обнажив сабли. Пожар еще сюда не добрался, он веселился этажом ниже — жадно обгладывая шкафы с документацией, уничтожал многолетние труды клерков. Уже погибли данные по оброкам и недоимкам, погибли дарственные на землю и карты наделов, погибли важнейшие государственные бумаги. Из покоев семьи губернатора выскакивали полуодетые люди; все, кто мог носить оружие, спешно разбирали ружья и автоматы. Атака псов прошла настолько быстро, что никто не успел понять, кого надо бояться. Гражданские выбегали в коридор, но не видели ничего опасного, только дюжину ощетинившихся клинками телохранителей. Все слышали рев пожара и спрашивали друг друга, что случилось. Окна покоев были давно и наглухо заколочены в целях безопасности после давнего нападения шептунов на Нарвскую коммуну. Начальник стражи колотил в дверь спальни губернатора, он нуждался в ключах от пожарной лестни-

цы. От дыма становилось невозможно дышать, на этаж поднималась удушливая вонь горелого мяса.

Получив ключи, старик-полковник, стараясь не сорваться на бег, отправился к пожарному выходу. За ним, отшвыривая друг друга, ринулась толпа домочадцев. Общими усилиями скинули крюки с тяжелых дверей. На пожарной лестнице не было ни дыма, ни собак, только паутина и кромешная тьма. Тут до всех дошло, что впопыхах забыли прихватить фонари. Молодые мужчины побежали назад, женщины и дети жались друг к дружке, не решаясь сделать и шагу вниз.

— Что там, ребята? — крикнул подчиненным старшина.

— Пусто! — отвечали ему верные рубаки. Они уже устали держать сабли и ножи наизготовку. Они закрыли лица мокрыми тряпками, выбили ставни на окне в торце коридора и по очереди бегали глотнуть свежего воздуха. Перекрытие этажа раскалилось настолько, что начали уже тлеть доски и дымились подошвы сапог.

— Пусто, никого нет!

— Они отступили!

— Эти гады боятся огня!

Ни черта они не боятся, подумал старый вояка. В отличие от зеленой молодежи он дрался с булями еще в те годы, когда они безбоязненно бросались на людей в центре Питера. Он был ребенком, когда из города, спасаясь от псов, тысячами бежали крысы. И в том, что псы перестали нападать на горожан, совсем не было заслуги соборников, как они врали на молениях. Старики прекрасно понимали, что из реки ушла наконец древняя химия и очистились леса. У зверюг появилась пища; еще немного, и они сами покинули бы город и убрались к Ладоге. И то, что происходило этой ночью, командир стражников никак не приписывал личной мести.

— Тихо! — Старшина поднял руку. Тут было не до субординации.— Тихо, заткнитесь все!

Солдаты затаили дыхание. Ровный гул наступающего пламени. Хлопки взрывающихся бутылок на нижней кухне. Ни лая, ни криков...

— Господин полковник! — робко позвал один из бойцов.— Стоит ли тащиться через гараж, если парадный вход очистился?

— Заткнись! — Старик обернулся.

Люди губернатора все так же толпились за поворотом, не отваживаясь спускаться. От группы полуодетых женщин отделилась стройная фигура в кольчуге.

— Ты тоже слышишь, госпожа? — одними губами прошептал полковник. Они стояли плечом к плечу, тертый служака и третья из невесток губернатора. Стояли и смотрели в темный задымленный пролет, где уже плясали первые язычки огня.

— Прикажи им бросить оружие,— столь же тихо ответила женщина.— Это не поможет...

Собаки покинули здание, в огромном дворце остались лишь горы трупов и горстка насмерть перепуганных жителей. Тех, что еще вечером представляли в городе верховную власть.

Но интуиция никогда не подводила командира.

Самое страшное только начиналось.

40
ПРАВДЫ И ЗАКОНЫ

Теперь слышали и солдаты. По охваченной пламенем лестнице шлепали босые ноги. Первым на площадку шагнул высокий небритый мужчина. Его темно-русые волосы были уложены в две аккуратные косички вокруг загорелого лба. По краям серых глаз разбегались лучики морщинок. Торс мужчины облегала плотная матерчатая куртка со множеством накладных карманов и широкими загнутыми манжетами. Ночной гость носил кожаные короткие, чуть ниже колен, штаны. Из заплечных ножен торчала рукоять кинжала, еще два ножа висели на поясе. Но человек не воспользовался оружием.

Он привел его с собой.

Следом за мужчиной, фыркая на огонь и поджимая лапы, поднимались по ступенькам четыре болотных кота. В молодости полковник хаживал с подобными зверюгами в патрули; они слушались, пока их досыта кормили, но даже тот, кто кидал им мясо, не рисковал поворачиваться спиной. А таких здоровых полковник и не встречал...

Коты равнодушно оглядели солдат и принялись вылизывать шерсть. Чужак перешагнул через груду оружия на полу, бросил косой взгляд на вжавшихся в стену бойцов.

— Здравствуй, госпожа.

— Здравствуй и ты, Кузнец.

— Я рад, что ты выздоровела.

— Мы тоже не верили, что ты жив.

Коваль обошел Арину и направился к плотной группе людей, собравшихся у черного выхода. Мужчины отважно прикрывали спинами женщин. Огромные кошки закончили туалет и припустили вслед за хозяином. В толпе раздались сдавленные крики, одна из старух забилась в истерике. Коваль подошел вплотную; мужчины прятали лица. Но не все. Тоненький рыжеволосый юноша лет семнадцати стоял чуть в стороне и, глядя с улыбкой на укротителя котов, жевал овсяную лепешку.

— А ты все так же жрешь не переставая? — усмехнулся Артур.— Не ожидал я, что и ты с ними...

— Я с ними и без них. Ты нашел, но ищешь.— Юноша перестал улыбаться и спрятал лепешку в карман.— Смелый, но боишься.

— Что я ищу, Христофор?

— Нашел правду — потерял закон. Нашел закон — потерял правду.

— Тут ты прав, дружище... Где он, Арина? — не оборачиваясь, спросил Артур.

— Оставь отца в покое, прошу тебя!

Арина Рубенс слишком резко шагнула вперед; коты разом выгнули спины и оскалили зубы. Одного сжатия челюстей хватило бы, чтобы перекусить мужскую лодыжку. Полковник лихорадочно вспоминал все забытые в детстве молитвы. Две женщины истерически завизжали.

— Где он? — повторил Артур, осаживая хищников взглядом.— Тот, кто посылает людей на смерть, и сам не должен быть трусом...

— Это правда, а не закон,— тихо вставил Христофор.

— Согласен,— кивнул Артур.

— У него больное сердце... — Арина боялась сделать шаг. Напротив нее сидел кот, облизывал лапу и тер себя между ушами. Полосатая голова мутанта находилась на уровне ее пояса.— Тебе же не он нужен, правда, Кузнец?

Старшина охраны оглянулся. Огонь достиг верхней площадки и в бешеном темпе пожирал коридоры. Один за другим плавились и разлетались плафоны ламп, апельсиновой кожурой свернулась краска на стенах, разом вспыхнули несколько картин в дорогих рамах. Закрывая лица руками, пятились уцелевшие солдаты; под ногами у них чадил утеплитель и горели два слоя досок. Артур и кошки очутились как бы в окружении: слева дюжина безоружных бойцов, справа — два десятка гражданских.

— Кто из них твой муж? Этот?

Артур поймал перестрелку их взглядов. Арина тщательно скрывала растущую панику. На секунду он даже позавидовал дочери Рубенса. Она искренне любила мужа и боялась за него. Напротив Коваля, понурившись, стоял яркий, красивый парень с тонкими усиками на подвижном лице. В его физиономии без труда угадывались черты папаши, даже усы он отпустил из фамильной гордости. Парень изо всех сил старался сохранить горделивую осанку, но это у него неважно получалось.

Одна из кошек подошла и потерлась Ковалю о бедро. Он потрепал хищника по кисточке на ухе. Секундой позже в толпе произошло какое-то быстрое движение. Артур мгновенно присел, и короткая стрела воткнулась в дверной косяк. Один из бойцов за спиной Коваля сдавленно крикнул и упал, суча ногами.

— Нет! — крикнула Арина.

Женщины с визгом подались в стороны. Кошка зашипела и намеревалась рвануться вперед, но Коваль ухватил ее за загривок. Его правая ладонь уже снова была пустая.

На полу с клинком в глазу корчился один из родственников правителя. Возле него валялся маленький разряженный арбалет.

— Ты и ты! — приказал Артур, безошибочно определяя носителей угрозы.— Две секунды разоружиться!

И обернулся к солдатам за спиной. Боец, что не выкинул револьвер, тоже был мертв.

— Я же просила тебя! — Арина готова была вцепиться полковнику в волосы. Тот отступал от нее, белый как мел.

— Полковник! — Артур поманил старика в погонах.— Кто среди этих людей занимает посты в правительстве? Ты видел, что я не люблю, когда меня обманывают. Быстро, иначе по твоей милости погибнут невиновные!

— Кошки устали,— вдруг не к месту вымолвил Христофор. Впервые, насколько Артур его помнил, юный оракул выдал нечто неоспоримое. И он был прав. Коты все тяжелее удерживались в подчинении, они боялись огня, боялись людей и отвратительно чувствовали себя среди здешних запахов.

— Еще как устали! — согласился Коваль.— Я жду, полковник!

— Не надо! — подался вперед муж Арины.— Я занимаю пост Старшины топливной палаты. Мой брат,— он кивнул на соседа,— Старшина дорожников. Еще здесь наш племянник, Георгий, он начальник подземки. Больше никого. Остальные ни в чем не замешаны. Это просто наши семьи. Можешь убить нас, но отпусти детей.— Артуру показалось, что сын губернатора был почти горд тем, что проявил отвагу на глазах у жены.

— Полковник! Скомандуй солдатам, пусть выводят людей через черный ход. Там внизу, в гараже, сидит кошка, но вас не тронет. Я ей скажу. И всех переправьте к Думе. Если посмеешь меня ослушаться, люди погибнут! А вы, родные, останьтесь!

Коваль чувствовал жуткую усталость. Самым сложным оказалось не привлечь к боевым действиям котов, а вывести из боя и отправить вплавь на тот берег тысячу собак. Он до сих пор чуял боль их ран и неугасший боевой настрой.

— Я никуда не пойду! — заявила Арина, прижимаясь к мужу.

— Как угодно! — Коваль не настаивал. Ему попался на глаза жующий Христофор.— Ты, я смотрю, тоже не торопишься?..

Старый усатый человек с выпученными глазами лежал на высокой кровати и действительно выглядел очень больным. Но Коваль очень быстро определил, что губернатора сегодня, как назло, посетил один из обычных ночных приступов, о которых никто, кроме ближнего окружения, не догадывался. Через часок все войдет в норму, думал Артур, разглядывая новоявленного тирана. Такие вот сморщенные глисты, несмотря на больное сердце и прочие пробоины, доживают обычно до глубокого маразма...

— Берите его на руки! — скомандовал Коваль.— И галопом вниз. Если, не дай бог, у кого-нибудь появится идея ткнуть меня в спину, лучше заколите себя сами. Всем понятно?

— Куда мы едем? — готовясь к смерти, спросил кто-то из сыновей.

Артур, собираясь в поход на резиденцию городского главы, позаимствовал в губернаторском гараже приличную карету. Моторному транспорту он доверял все меньше.

— Мы едем в Думу. Там подождем остальных.

— Что ты задумал, Кузнец? — Арина Рубенс сверлила его глазами.— Тебе ведь не мы нужны?

— Где он, Арина?

Копыта коней отбивали дробь по ночным мостовым. За кучера сидел Христофор. В городе, судя по всему, заметили пожар. Сразу в нескольких местах колотили в рельсы, звенели колокола. Навстречу пронеслось несколько экипажей, набитых людьми с баграми и прочим пожарным инструментом.

— Он за городом, со своими «безликими». Собирался на запад, в сторону Нарвы, но я не уверена... Никто не знает, где он.

— Ты позовешь его сюда.

Арина переглянулась с мужем.

— Ты боишься его, дочь Рубенса? Я запомнил тебя совсем другой. Что они сделали с тобой, девочка?

Арина смотрела в окно; губы ее кривились:

— Не сомневайся, Кузнец. К нему уже поехали и без меня!

— А ты, родимый, стало быть, топливом командуешь? — переключился Артур на губернаторского сынка.— Ты, наверное, инженер?

— Нет... — потупился тот.

— Через твою палату идет в Питер вся нефть, уголь, торф, да? И дерево тоже?

— Только то дерево, что на растопку...

— Замечательно! Это твои бойцы вешают замерзающих зимой людей за срубленную елку?

— Артур, я прошу тебя, прекрати! — взмолилась Арина.

Ее супруг покрылся пунцовыми пятнами, прочие родственнички помалкивали. Губернатор, завернутый в одеяла, тихо стонал позади. Карета, подпрыгивая на ухабах, въехала на мост.

— А ты помолчи! — бросил Артур.

— Не я пишу законы! — пытался оправдываться «нефтяной король».

— Сколько тебе лет, парень?

— Двадцать семь...

— Ты учился у книжников?

— Нет...

— Ты разбираешься в том, как нефть перегнать на бензин? Ты хоть знаешь, что можно купить на те медяки, что вы платите за торф и уголь? Ты осведомлен, сколько топлива в сезон потребляет город?

— Нет, нет, нет...

— Ты запретил малым артелям продавать лес кому они хотят? Ты знаешь, сколько народу ваша сраная лавочка пустила по миру?

— Я только исполнял! — Парень чуть не плакал.— Я делал, как решала Дума...

— Но ты же понимал, что душишь малых собственников? Ты оглох? Я тебя спрашиваю, говнюк! Ты понимал, что разоряешь людей?

— Легко спросить о правде. Нелегко спросить о законе,— прокомментировал с облучка жующий Христофор.

— Павел, будь мужчиной! — прикрикнула на мужа Арина.— Что ты воешь, как баба?!

— Я... я понимал... — выдавил наконец третий сын губернатора.— Но так было лучше для города. Я старался для всех, я верил отцу и выполнял решения Думы. С них и спрашивай, откуда такие указы...

— Мне ваша коллективная порука вот где! — Артур провел ногтем по горлу.— Это болезнь! Во всей стране не найти человека, который готов отвечать за воровство! Ничего, я вас заставлю...

Два кота, которых он взял с собой в экипаж, норовили ухватить кого-нибудь за пятку. Несчастные собеседники Артура то и дело поджимали ноги.

— Так, теперь ты! — Коваль повернулся к Арине.— Меня всегда интересовало, милочка, что чувствуют жены бандитов. Расскажи-ка мне!

— Павел не бандит!

— А кто бандит? Тот, кто грабит прохожих на большой дороге?! — Коваль схватил женщину за плечо.— Может, и так, а может, у мальчишки с большой дороги просто не было отца, чтобы накормить и всыпать по заднице! Он, конечно, не прав, но он всего лишь мелкий пакостник по сравнению с твоим свекром. А у твоего Павлика все есть, и папа, и мама. И сытое детство, и слуги, и

охрана. Все, что надо, хоть обожрись! Но это не мешает вашей веселой семейке грабить народ!

Вот я и спрашиваю тебя, Арина Рубенс. У тебя отросла вторая задница?! Зачем лично тебе две спальни и еще пять комнат? Твой отец никогда не спал на двух кроватях. Слушай, больше ста мелких артелей и общин посылают в город людей на заработки. Потому что им не прокормиться. И что творят твой Павлик с братьями и папашей? Они платят работягам медяками, которые невозможно обменять на серебро. А музейщиков вы заставили гнать самогон и поставили кабаки по всем дорогам. И эти самые нищие общинники, заработав в Питере копейки, тут же сливают их в ваших кабаках.

Что ты мне скажешь, дочь Рубенса? Когда-то я думал, что меня предал Качальщикам твой отец. Потом я был ему благодарен. Ты предала отца, ты подняла бунт против него и уничтожила лучших людей, самых преданных Эрмитажу... Почему ты молчишь, Арина? Ты сама выбрала этот путь, в отличие от муженька, тебе не приказывала Дума. Я спрашиваю, как тебе спится ночами, жена?..

— Ты убьешь нас? — глухо ответила она.

— Следовало бы вас судить. И вас, и всех остальных начальничков...

— Ты хочешь бунта, Кузнец?! Ты будешь доволен, если пьяная толпа растерзает нас и разграбит казну?

— Поэтому суда не будет... — вздохнул Артур.— Не доросли вы еще до этого. А может, и не дорастете никогда. Слушай меня, дочь Красной луны. Сейчас мы приедем в Думу, твой муж пошлет гонцов ко всем старшинам палат и ко всем выборным кивалам. И ко всем начальникам застав, чтобы сняли патрули и привели личный состав на площадь. Когда все соберутся, ты сообщишь людям три новости. Ты скажешь, что губернатор очень болен и не может руководить городом. Он уезжает в деревню на долгое лечение.

Ты скажешь, что соборник Карин задумал убить всех старейшин и семью губернатора. Для этого он поджег дворец и натравил псов. Всех вас спас Артур Кузнец, он заставил псов отступить и держит их в своей власти... И Артура Кузнеца губернатор назначает, вместо себя, командовать городом.

— Но мне никто не поверит!

— Поверят, когда увидят собак. Були ждут нас в подвалах Думы. Дума единогласно проголосует за нового губернатора. После этого я отпущу заседателей и назначу новых старшин палат. И последнее, что ты скажешь. Всех командиров патрулей, начальников малых гарнизонов, что квартируют в городе, ты пригласишь в здание. Там с ними поговорю я. Кто откажется сдать оружие, будет убит на месте.

— А что будет с нами?

— Разве я не сказал? Поскольку мне не собрать честный суд, вы все отправитесь в одно прелестную деревушку на Урале. Там вас быстро перевоспитают. Сколько всего старшин? Человек тридцать? Значит, с семьями наберется сотня. Там прекрасный воздух, грибы, рыбалка. Лет за десять окрепнете, заодно вспомните, как работать в поле.

— На Урал?! Мы погибнем в дороге...

— Ты забыла, как водить караваны, детка? Не трусь, караван будут сопровождать твои старые друзья. Не забыла еще братишек Абашидзе?

— Серго?! Ты врешь, чертов колдун! — Арина уже не сдерживалась, орала во весь голос.— Он сбежал к моему отчиму и наверняка сгинул среди озерников!

— А вот тут промашка вышла! — широко улыбнулся Коваль.— Я отыскал и Серго, и Руслана. Руслану найдется о чем с тобой поговорить в пути. А чтобы у вас не возникло желания повернуть с полдороги назад, я придам ему в помощь сотню-другую булей.

— Они сожрут нас!

— Будете вести себя тихо — не сожрут. Под Новгородом караван встретит один улыбчивый дяденька, кстати, самый настоящий Качальщик, давний знакомый твоего отчима. Со всеми жалобами на собак до конца путешествия будете обращаться к нему...

— Но ты же один, Кузнец! — опомнилась Арина.— Как ты один заставишь нас уехать? У Павла сотни преданных солдат...

— Уже нет, госпожа. Сегодня ночью предатель Карин послал булей в Михайловский замок и Серый дом. У вас больше нет солдат. Разве что пограничные гарнизоны, которые уже завтра присягнут новому губернатору. Но у меня имеется неплохая личная стража. Двадцать штыков под командой Серго Абашидзе.

Арина и трое мужчин выглядели абсолютно раздавленными.

— И когда... Когда ты хочешь нас выселить?

— Сразу после того как распущу Думу. Фургоны уже готовы.

Артур отдал проголодавшейся кошке последний кусок мяса.

— Так вот чего ты добивался, Кузнец! — глотая слезы, злобно прошипела Арина.— Кричал о справедливости, а сам незаконно мечтаешь захватить власть?! Чего тебе не хватает? Ты мог бы все иметь и так! А теперь берегись. Каждую минуту ты будешь ждать пули в спину...

— Хотел правды, получит закон! — звонко расхохотался Христофор. Юнец обернулся, и Коваль увидел, что глаза его оставались очень грустными.— Сам теперь станешь законом — потеряешь правду...

— Я об этом догадываюсь, дружище... — почесал затылок Артур.— Этим всегда и заканчивается. Но я попытаюсь удержаться, честное слово, попытаюсь...

41
ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

— Ты так и не поймал соборника, папа?

— Нет, сынок. Никто не знает, куда он сбежал.

— А вдруг это он подсылал к тебе убийц в прошлом году?

— Нет, сынок. Это были наши, питерские, соборники. Не бойся, Серго всех переловил.

— Их повесили, папа?

— Почему ты спрашиваешь?

— Ты говорил, что мы никогда не должны врать друг другу, так?

— Да, сынок. В противном случае мы потеряем уважение и дружбу.

— Я слышал, как дядя Христофор говорил с какой-то женщиной. Она сказала, что губернатор Кузнец повесил шестерых невиновных. Что только трое сговаривались отравить тебя... Это правда, отец?

— Я доверяю Серго. Он спасал меня от трех покушений.

— Ты говорил, что, если человек не хочет врать другу, он должен сказать, что не будет отвечать на вопрос. Ты не хочешь мне ответить, папа?

— Я отвечу тебе. За последние годы погибло много людей, чья вина не заслуживала смерти. Не шестеро, а намного больше.

— Почему все так? Старшина книжников, когда ведет у нас уроки права, говорит, что в Петербурге правит диктатор. Это плохое слово, да? Он называл тебя плохим словом?

— Ах, Лева! Болтает при детях всякую чушь... Книжник прав, сынок. Но тут ничего не поделаешь. Слово не очень хорошее, но иначе никак. Не получается жить так, чтобы все были довольны. Кто-то страдает. Представь себе, дружище, что соборникам удалось бы отравить и меня, и Серго. Зато те шестеро, которых считают невиновными, остались бы жить. Так тебе больше нравится?

— Мама говорит, нельзя накликать беду! Не говори так... Я бы тогда отомстил за тебя.

— Вот видишь. Ты начал бы войну, и погибли бы сотни. Это тяжелый выбор, сын. Постарайся пока не думать об этом. Скажи лучше: тебе нравится здесь?

— Я соскучился по маме и по деревне.

— Тебе не нравится учиться?

— Нравится... Папа, Христофор сказал, что ты приказал книжникам летом открыть этот... университет. И что он будет не здесь, а в общине. А меня возьмут туда?

— Да, он будет в общине. Ты же знаешь, что Хранители не могут жить в городе. Они согласились учить только там. Но не я буду решать, возьмут ли тебя. Поедут лучшие.

— Но папа, ты же можешь приказать!..

— Ну-ка тихо! Ты что-то сказал?

— Нет... Я случайно. Тебе послышалось.

— Прекрасно. Будем считать, что мне послышалось. Мама скоро приедет. А потом на все лето вы с братом улетите учиться к дяде Бердеру. Пока меня нет, ты старший в семье, отвечаешь за сестру и младших братьев.

— Ты опять уезжаешь?..

— Ненадолго.— Артур поднялся и кивнул охране. Он смотрел через окно, как за подростком захлопнулась дверь броневика, и четверо дюжих сержантов в форме губернаторской гвардии поскакали вслед отъехавшей машине. И так будет всегда, подумал он. Либо тихая жизнь в лесу, либо вечный бой.

— Старшины собрались, господин.— Секретарь держал под мышкой папку с бумагами и несгораемый сундучок с большой губернаторской печатью.

— Уже иду... — Коваль поднял руки, давая возможность двум желтым дикаркам застегнуть на нем латы. Двойняшек привезли в город в пятилетнем возрасте, обе были преданы и покорны, но так и не выучились нормально говорить.— Как дела у деда, Миша? Помогли лекарства?

— Ему лучше, господин.— Юноша отвесил короткий поклон.— Он благодарит тебя за приглашение и за все, что ты сделал для семьи Рубенс, но вряд ли покинет озеро. Он говорит, что его сердце не переживет возвращения в Эрмитаж...

— Когда поедешь на озеро, передай деду, что его всегда ждет здесь стол и кров.

— Спасибо, господин...

У выхода из кабинета двое гвардейцев взяли на караул. Еще двое, сверкая полковничьими погонами, встали по бокам, готовясь сопровождать губернатора в Большой круг. Артур машинально кивнул и уже сделал шаг, когда заметил у одного из караульных плохо вычищенное оружие и небритые щеки.

— Представься, солдат.

— Рядовой Иван Оглобля! Второй взвод первой роты гвардейских клинков! — выпучив глаза, отрапортовал солдат.— Командир роты — капитан Людовик Четырнадцатый!..

— Не ори так... — поморщился губернатор.— Ты не хочешь служить в гвардии, солдат?

— Никак нет, хочу, господин!

— Ты не хочешь учиться в академии и стать офицером? Ты хочешь возить навоз?

— Никак нет... — Солдат был готов расплакаться и в ужасе переводил взгляд с губернатора на полковника.— Хочу служить, господин!

— От тебя на посту разит брагой. Грязное оружие. Всю ночь перед заступлением пил? Отвечать!

— Да...

— Как тебя учили отвечать, солдат?

— Так точно! — У бойца по вискам струился пот. Остальные военные прекратили дышать. Молодой Рубенс превратился в статую.

— Полковник! — повернулся губернатор к офицеру эскорта.— Прими у этого солдата оружие. Пусть отправляется в казарму, приведет себя в порядок. Офицера, который сегодня принимал заступающую смену, разжаловать в рядовые и отправить в Петрозаводский гарнизон. С правом выслуги. Через полчаса жду готовый приказ на подпись. В шестнадцать часов доложишь мне об исполнении.

— Слушаюсь! — вытянулся Даляр.

— Людовик ведь у тебя в подчинении? — вполголоса спросил Артур, когда они спускались по лестнице.

— Так точно, командир.

— Насколько я помню, у него два взыскания за год? Накажи его своей властью. Это будет третье, последнее, взыскание. Передай ему, что я никогда не забуду, как он поручился за меня на полевом Совете, но погоны рядового я ему обещаю!

— Будет сделано, командир.

Две дюжины мужчин, сидевших в приемной, вскочили при приближении губернатора. Коваль заметил в толпе двух женщин со старшинскими бляхами, подошел к ним первый, пожал руки. Михаил Рубенс открыл папку и откашлялся.

— Недельный отчет префекта Петроградского района.

Коваль слушал хорошо поставленный баритон старшего сына мамы Кэт, одобрительно кивал, когда речь шла о новых газовых фонарях, об успешном лицензировании извозчиков, о перевыполнении налогового плана по малому бизнесу. Он слушал и вспоминал, как четыре года назад другой сын бывшей хозяйки Петроградской стороны пытался принять участие в покушении на губернатора... Правда, остальные члены семьи сами пришли с повинной и сразу отмежевались от опасного родственничка, и все-таки... Заговорщиков казнили. Возможно, следовало бы всех неблагодарных детишек мамы Кэт сослать...

— Я правильно понял, префект? Наши ссуды ковбоям на открытие торговых лавок оправдались?

— Верно, господин! На двадцать три выданные ссуды пять не вернули. Разорились. Но налоги остальных перекрыли убыток во много раз. И цены на рынках упали...

Следующим был доклад мэра Выборга. Три вопроса. Многие ковбои не хотят отпускать детей в городскую школу, возражают против обучения грамоте. Кричат, что не позволят своим отпрыскам сидеть за партой вместе с детьми дикарей.

— Передашь списки зачинщиков генералу Абашидзе. Старшина книжников! — Коваль обернулся к Леве.— Свяжись с директором тамошней школы, пусть представит пятерых лучших учеников к награде. Родителям каждого — по пять рублей золотом...

— Будет сделано, господин.

Второй вопрос касался закладки рыбачьей флотилии. Третья проблема Коваля позабавила. Финны возражали против пограничных поборов с их караванов, что ходили в глубь России. Не желая платить, обходили заставу лесными тропами.

— Генерал!

— Слушаю, командир!

Серго облысел, растолстел, но зато его горб стал почти незаметен, а в черных глазах таилось прежнее веселое бешенство. Он, как и прежде, был готов по приказу хозяина на месте зарезать любого ослушника. Охотнее всего Серго бы зарезал Арину Рубенс, но до нее было далеко. Если Даляр командовал личной гвардией, а Руслан Абашидзе возглавлял городской гарнизон и на пару с Бердером военную академию, то на Серго лежала самая грязная работа — управление всеми пограничными войсками. Губернатор за успешное подчинение Пскова пожаловал генералу здание Пулковской обсерватории и прилегающие охотничьи угодья.

— Генерал, к моему возвращению подготовь предложения по укреплению дороги. А пока что забери арестантов, что сажают лес, пусть роют канавы вдоль трассы на три дня пути. И ни одно дерево чтоб не срубили! Выкапывать и пересаживать, ясно?

— Так точно, командир!

— Михаил, сочинишь сегодня для финнов бумагу, пусть толмач переведет, а я до отъезда поставлю подпись! Напиши: хоть одна повозка пройдет дальше

Выборга без нашей гербовой бумаги — мы от их Лапеенранты камня на камне не оставим! Только вежливо напиши, понял?

— Будет сделано.

Серго довольно щурился.

Потом заслушали доклад старшины лекарской палаты мамы Роны о вспышках черной язвы под Сертолово и нуждах Медицинского института, что праздновал свою трехлетнюю годовщину. Затем выступал начальник Счетной палаты. Речь шла о зарубежных спецах, нанятых для организации первой биржи. Дело шло крайне туго; если у германцев и шведов уже появились в свободной продаже акции, то в Питере никто не желал вкладывать кровные накопления даже в первую государственную железную дорогу.

— Еще вопрос, господин... Те два чешских инженера, которых мы выписали для запуска стекольной фабрики. Они подали прошение. Говорят, что за двадцать рублей золотом в месяц готовы остаться и открыть свои цеха. Но это грабеж, господин!

— Где старшина Промышленной палаты? Передай им наши предложения. Цена нас устраивает. Контракт с каждым на пять лет при условии, что, кроме цехов, откроют стеклодувную школу. За каждого готового мастера получат отдельно по пять рублей золотом. Если нет, пусть убираются. Найдем других...

— Будет сделано.

— Что еще по Счетной палате?

— Проблема с паспортами, господин. После того как Большой круг принял закон о защите граждан, мы не справляемся с очередью. В Гатчине скопилось семнадцать тысяч человек, желающих осесть в Петербурге. Люди едут даже из Сибири и Крыма, господин. Они откуда-то узнают о ссудах и пенсиях!

— И что плохого? Мы этого и добивались. Или у нас не хватит на пенсии старикам?

— На пенсии хватит, но художники не успевают рисовать портреты к паспортам! И еще возникли беспорядки среди тех, кого мы уже пустили в город. Избили несколько клерков и полицейских! Некоторые беженцы не хотят заселяться согласно ордерам Жилищной палаты. Они привыкли жить общинами, господин!

— Серго! — Ковалю было достаточно обменяться с генералом одним взглядом.— Зачинщиков в тюрьму! Их семьи выселить из города. Судебной палате — в субботу назначить публичный суд, чтобы весь город знал...

— Будет сделано, господин.

К трем часам дня совещание закончилось, и губернатор позволил себе ненадолго расслабиться в ванной. Мускулистая рослая женщина из клана озерных колдунов растворила в хвойной пене несколько капель из разноцветных флаконов. Затем она намазала ладони бодрящей мазью и принялась втирать снадобье в плечи и спину хозяина. Коваль откинулся в целебном пару и сквозь потеки воды на огромном стенном зеркале разглядывал свою распаренную физиономию. На висках волосы полностью поседели, лоб покрыт морщинами и старыми шрамами. Два шрама от укусов на левой щеке, на шее — след стрелы, в ключице — вмятина от кинжала... Вроде бы он ничего важного не упустил, хотя все упомнить практически нереально...

Когда Артур поднялся в висячий сад, грузчики закончили паковать вещи. Старшина книжников лично проверял баулы, Даляр ковырялся с оружием. Два правнука Мальвины, сопя и игриво покусывая друг друга, топтались возле кормушки. Белобрысый мальчишка, внук Качальщика Семена, подсыпал драконам в мясо лечебную зелень. Как и прежде, с крылатыми не боялись общаться только дети и внуки Хранителей.

В нынешнем году в городскую школу привезли уже сорокового ребенка из родившихся в деревнях. Всякий раз отбивать шестилетних детей у родителей Ковалю приходилось с боем. Как ни странно, он получил неожиданную поддержку от Хранительницы Книги. Исключительно благодаря маме Рите удалось убедить Качальщиков отпускать детей каждые полгода в город. Теперь малышей привозили из тринадцати лесных общин, даже с Дальнего Востока. Маленьких хранителей охраняли надежнее, чем городскую казну. Ради них Артур перевел школу в Эрмитаж, а детишкам под интернат отдал четыре зала на своем этаже. После того как музейщиков расселили в обычные жилые дома, Зимний впервые за сотню лет непривычно опустел...

Прохор Второй практически отошел от дел, команду генетиков возглавляла теперь внучка Анны. Новые модели драконов были значительно совершеннее прежних. Грузоподъемность до шестисот килограмм, дальность беспосадочного полета достигла пятисот километров. На спинах могли умещаться четверо наездников, не считая груза. Отвечая своим детским сказочным представлениям, Анна Третья перекрасила чешую змеев в золото и нежную сирень. Десятиметровые молочно-белые крылья ради безопасности персонала стягивали крепкие веревки. В узком пространстве двора, начав разминаться, драконы могли запросто зашибить человека.

— Куда сначала, Артур? Ты решил? — Книжник расстелил карту Европы.

— Сначала в Париж.

— Что мы будем делать, если ты их разбудишь, а они сбегут, как и те, что предали тебя в Москве?

— Не знаю, Лева. Возможно, нам придется забрать их силой. Надеюсь, что они понимают английский.

— Опять силой, Артур. Ты стал решать все вопросы силой.

— Я знаю, Лева.

— Они ведь люди, а не дикари. Они инженеры. Ты не представляешь, как я волнуюсь. Мне даже не верится, что я доживу до того момента, как увижу других Проснувшихся. А ты говоришь о силе...

— Поругай меня еще, Лева. Мне так не хватает этого...

— Я слишком стар, чтобы тебя ругать.

— Ну, пожалуйста. Существуют лишь двое, кто меня ругает,— ты и Надя. Бердер не понимает, Исмаил тоже...

— Они живут в лесу, им нет дела до города, Кузнец.— Лев уложил бинокль, компас, застегнул последний кармашек и передал баул солдатам. Парни закинули широкие лямки на спину змею и, упираясь ногами, затянули упряжь вокруг мощного туловища.— Тебя, Артур, нынче многие не понимают. Ты пытаешься навязать людям вещи, привычные до Большой смерти...

— Я стараюсь возродить цивилизацию.

— Когда-то ты говорил мне, что Дума — это цивилизация. За десять лет ты четырежды обещал мне собрать Думу, но свободных выборов так и нет...

— Мы назначим выборы, как только я буду уверен, что не пострадают дети Хранителей и дикарей. Как только я буду уверен, что Судебная палата прекратит путаться в кодексах. Как только я буду уверен, что люди выберут самых умных, а не самых горластых. И главное — пока не разбогатеют частники...

— В таком случае до выборов мы не доживем... Как, по-твоему, люди выберут лучших, если ты разогнал коммуны? Теперь все живут раздельно! Жилищная палата перетасовала весь город...

— Зато не стало организованных бунтов.

— Ты захватил власть благодаря колдовству Тех, кто раскачивает, благодаря псам и крылатым змеям. Когда ты уйдешь, Качальщики могут не поддержать нового губернатора.

— Теперь есть гвардия, трибунал и тайная стража. Они не дадут развалить государство.

— Это как раз то, за что ты ненавидел прежнего губернатора.

— Между прочим, старый хрыч до сих пор жив. Он на деревенских харчах еще нас переживет! Хочешь, я верну его в Питер? Спорим, его через час прирежут?

— А тебя? Сколько раз тебя хотели убить? Сколько офицеров, которым ты пожаловал звание и землю, погибли, прикрывая тебя? А после того как застрелили Чарли Рокотова, никто из нас, старшин Большого круга, не выходит без охраны. Даже в меня стреляли дважды, в книжника! Я провел в Эрмитаже пятьдесят лет, ходил с караванами и никого не боялся!

Раньше вора можно было повесить на первом суку, мы боялись чингисов и зверей, но коммуны не дрались между собой. Теперь на правом берегу промышляют тысячи пришлых. Тебя могут ограбить среди бела дня, но губернатор запретил ношение оружия. Попробуй застрели грабителя, сам угодишь в каземат! Владельцы лавок нанимают свободных полицейских, чтобы спокойно спать ночью. Когда прекратится эта бойня, которую ты называешь государством? Зачем нам в Питере эта безработная нищета?

— Государство не строится за десять лет... А чего хочешь ты, Лева?

— Люди тянутся к общине, а ты их насильно разделяешь. Люди привыкли работать артелью, но им запрещают. Общины сами разбирались с бездельниками и бандитами. Без всякой полиции... А ты хочешь сделать, как у немца? Чтобы каждый богатый мастеровой отгородился от соседей забором и даже за ученичество брал бы плату?..

— Левушка, я расскажу тебе одну историю... В России до Большой смерти жил один правитель. Его тоже окружали книжники и призывали его собрать честную Думу. Он собрал Думу, а потом старейшины взбунтовались, и правитель расстрелял Думу из пушек. Знаешь, почему начался бунт?! Потому что в стране не было богатых мастеровых, Лева! Когда в Питере будет не сотня нищих артелей, а десять тысяч богатых мастеровых, я соберу Думу и распущу трибуналы...

— Командир, все готово! — По команде Даляра во дворе построились остальные члены экипажей. Все шестеро увешались рюкзаками, точно заправские десантники.

— Ну, с богом!

Губернатор подсадил книжника на спину дракону, сам опустил ноги в седельные «штаны». Восемь человек натянули меховые шапки и очки, намазали лица жиром. Маленький Качальщик распустил узлы на стягивающих крылья канатах. Солдаты ослабили болты, сняли с задних лап драконов тяжелые железные цепи.

— Па-берегись!

Двор моментально очистился от людей. Остался только мальчик. Он улыбнулся губернатору, безбоязненно пробрался к кормушке и расстегнул намордники.

— Прощай, Бердер! Учись хорошо!

— Прощай, господин Клинок! Мир твоим дням...

Змей потянулся, пробуя ноздрями ветер.

— Господин! — Придерживая папку, к Артуру бежал секретарь.

— Ну, что еще?

— Прости, я совсем забыл... — Михаил задыхался от бега по лестницам.— Насчет твоих портретов! Главный художник подал прошение Малому кругу. Он запустил типографскую машину и просит разрешения отпечатать сотню портретов губернатора. Префекты поддерживают...

— Охо-хо! — выразительно прокряхтел из своего седла книжник.

— Нашел ты время! — скривился губернатор.— На кой черт им сотня?

— Генерал Абашидзе и настоятель Лавры тоже просили. Люди хотят молиться за твое здоровье...

Дракон задрал голову к небу и заворчал, возбужденно подергивая кончиком хвоста. Солнце прошло уже большую часть пути, и колодец двора погружался в тень. Если не будет сильного ветра, подумал Коваль, то заночуем в Витебске. К вечеру будем возле Варшавы, у местных Хранителей, а там и до Парижа рукой подать...

— Ладно, шут с вами! — притворно нахмурился губернатор.— Здоровье не купишь. Пусть печатает. Передай художнику: если я буду на себя не похож, он лично от руки нарисует еще двести штук. Лишними не будут!

Евгений Зубарев

2012: ХРОНИКИ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

Колючий степной ветерок резанул меня по лицу, едва я с натугой открыл массивную дверь обрыдлой казармы — открыл в последний раз в своей жизни.

На плацу как раз проходило построение батальона, и мой выход стал незапланированным и последним актом надругательства над уставом внутренней службы в той его части, которая касалась внешнего вида военнослужащих.

На этот раз мои преступления были много серьезнее расстегнутой пуговицы на воротнике хэбэшки. Дело в том, что х/б на мне не было вовсе, как не было осточертевших вонючих кирзачей, идиотских галифе и даже банального в своей утилитарности солдатского ремня.

Зато на мне имелся светло-серый деловой костюм, белая сорочка, тонкий красный шелковый галстук и темно-коричневые лакированные туфли. В руках я держал маленький кожаный чемоданчик, которым, не удержавшись, помахал ребятам на плацу.

Шестьсот голов повернулись на знакомый скрип двери, шестьсот пар глаз смерили меня восхищенным взглядом, и из шестисот луженых глоток раздался скорбный вздох: «Бля!»

Комбат повернулся позже всех, зато сейчас смотрел на меня неотрывно, и я видел, как его буквально заливает злобой сверху вниз — от багровых висков и малинового затылка до угрожающе краснеющей груди, видимой сквозь небрежно распахнутую гимнастерку.

Я тоже смотрел на него без особой радости, но и ненависти у себя на удивление не обнаружил. Хотя бывали времена, когда я совсем по-другому представлял себе это прощание. В моих фантазиях фигурировали окровавленные бейсбольные биты, холодная сталь армейского штык-ножа или просто удары ногой прямо в квадратную челюсть майора...

Но сейчас я был спокоен и уверен в себе. Поэтому я всего лишь послал майору воздушный поцелуй, развернулся и пошел стучать каблуками по щербатому асфальту к воротам КПП.

© Е. Зубарев, 2007

На мой прощальный жест батальон ответил дружным смехом, в котором как-то особенно жалко и потерянно звучала тупая брань комбата.

На КПП вообще никого не оказалось, так что автоматические ворота мне пришлось откатывать руками. Но это были приятные усилия, настолько приятные, что, выйдя наружу, я с минуту покатал ворота туда-сюда по направляющим и только потом закрыл их окончательно.

Степной ветер еще раз кольнул меня своим дыханием, а куст перекати-поля указал направление движения — прямо по шоссе, где через каких-то двадцать километров меня ждал аэропорт унылого городишки под названием Элиста.

Я готов был бы пройти эти километры даже пешком, но от подобной жертвы меня оградил Коля-калмык, на время дембельской недели круглосуточно дежуривший у ворот части на своем тарантасе.

Любопытно, что вызвать такси до аэропорта в этом нищем краю стоило всего сотню рублей, а услуги Коли обходились втрое дороже, но никто из дембелей не мелочился — похоже, это незатейливое вымогательство воспринималось как неизбывная дань степному ханству, привычная, понятная и даже исторически объяснимая.

В аэропорту меня ждало первое в моей гражданской жизни огорчение — самолет из Питера до Элисты не долетел, приземлившись на запасном аэродроме в Волгограде. На электронном табло этот казус толковали как случайный, обусловленный некой погодной аномалией, но Коля-калмык, потолкавшись среди знакомых таксистов, принес мне печальную весть об украденном прямо с летной полосы навигационном оборудовании, без которого сажать пассажирские самолеты оказалось затруднительно. Настолько затруднительно, что летчики всех трех рейсов, запланированных на сегодня, отказались выполнять посадку и направляли машины в Волгоград — тоже не сильно богатый край, насколько мне известно. Но вот же чудо — аэродромное оборудование с территории, закрытой двумя независимыми службами охраны, там воровать еще не научились.

Коля тут же уехал, получив от меня три обещанные сотни, а я направился в аэропортовскую гостиницу, называвшуюся, естественно, «Полет».

Хмурая женщина за стойкой с подозрением взяла мой военный билет, который я предъявил вместо паспорта, и, подняв усталое лицо, сказала:

— Вообще-то солдат селить не положено. Распоряжение администрации аэропорта.

Я мягко улыбнулся, и она — тоже несмело — улыбнулась в ответ:

— Только вот на солдата вы совсем не похожи. Такой представительный мужчина...

Я посмотрел на нее повнимательнее. Если бы не паутинки морщинок возле век и уголков губ, я бы дал ей лет тридцать. Но предательские морщины, а еще выцветшие, тоскливые, совершенно пустые, безжизненные глаза говорили за себя — ей было не меньше сорока пяти, и эти годы она прожила нелегко. Кокетство в сочетании с подобной внешностью воспринимается только как попрошайничество, а я принципиально никогда не подаю — ни нищим телесно, ни убогим душой.

Поэтому я сделал серьезное лицо, достал пятисотенную купюру и, вложив ее в военный билет, снова протянул его портье.

Она тоже погасила улыбку, по-деловому выудила купюру, не постеснявшись изучить ее на свет, потом спрятала в карман фирменной курточки, после чего сухим, равнодушным голосом сказала:

— Сутки — двести пятьдесят рублей. Если можно, дайте без сдачи.

Я снова достал деньги и дал ей две с половиной сотни без сдачи, а она вписала меня в какую-то засаленную амбарную книгу и выдала ключ.

Потом женщина с некоторым колебанием выложила на стойку мой военный билет.

— Вообще-то мы документы возвращаем только после осмотра комнаты...— сказала она извиняющимся тоном.— Но у вас самолет на Петербург может прилететь в любой момент. А ночью здесь будет закрыто.

Я молча смотрел на нее, ожидая вердикта.

— Берите,— наконец махнула она рукой.— Только постарайтесь, пожалуйста, не воровать наши полотенца и вешалки для брюк.

Я забрал со стойки свой военный билет и спросил на прощание:

— А как вы угадали, что я лечу в Питер?

— Так ведь в военном билете написано: Антон Пожарский, призван Петроградским райвоенкоматом города Санкт-Петербурга,— на память процитировала она, недоуменно пожав острыми плечами.

Я хлопнул себя по лбу, кивнул и пошел на второй этаж, к своим первым на гражданке отдельной душевой, кровати и туалету.

Там я с сожалением разделся, потом голый прошел в душ и мылся в нем не меньше часа, наслаждаясь самим фактом безраздельного владения замкнутой от всех площадью, где была горячая вода, мыло и чистые до хруста полотенца. И где не было этих изнуряющих запахов потных ног, преследующих меня все эти двадцать четыре месяца. «Пусть моется тот, кому лень чесаться!» — помнится, советовал нам ротный, и он вовсе не шутил.

Два года я, как умел, встречал воспеваемые уставом ВС РФ тяготы воинской службы, хотя мой скромный вес не предполагал наличие удара килограммов в двести, как хотелось бы. Зато мой цинизм и уверенность в своей правоте делали меня смелым там, где трусили те самые пресловутые качки весом под сто двадцать килограммов.

Меня в нашем батальоне, конечно, не боялись, зато уважали — и наглые кавказцы, и вальяжные сибиряки, и простые до изумления кубанцы. Это помогло выжить там, где погибали чемпионы юношеских соревнований по вольной борьбе — ведь они умели бороться только на татами, по правилам и под присмотром честного судьи. Поэтому они быстро сдавались, когда какой-нибудь наглый Шамиль с десятком таких же наглых кунаков принимался бить их ночью, без судьи и без правил.

А я выживал — потому что приходил к этому Шамилю тоже ночью, пусть один, зато со своей циничной уверенностью, и, слегка придушив описавшегося с ночного страху молодого человека, говорил ему:

— Я завтра снова приду и доделаю это. Если ты, урод, от меня не отвянешь.

Таких эпизодов за годы службы у меня и было-то всего два, причем оба взорвали мою психику в первые же месяцы. Один случился с тщедушным, но отчаянным дагестанцем, заправилой целого землячества таких же дерзких, как и он сам, молодых людей, другой— с огромным, но тупым сибиряком, не меньшим ублюдком, чем его кавказский антипод. Оба ублюдка, что интересно, «отвяли» после первого же моего ночного визита. Но я знал — если бы не «отвяли», я бы их действительно придушил. И они это тоже знали. Поэтому, собственно, и «отвяли» — ведь ублюдки тоже хотят жить. Собственно, последнее открытие и сделало меня уважаемым человеком в батальоне.

Но если бы в батальоне прознали про мою тщательно скрываемую слабость, мне настал бы неминуемый конец — зная слабое место человека, вы можете управлять им так, как считаете нужным.

Я не выносил запаха немытого тела — меня мутило от этого запаха так, что я терял над собой всякий контроль. Однажды, еще будучи «солобоном», то есть абсолютным парией в солдатской иерархии, я, сам от себя не ожидая, ударил «деда» за то, что он швырнул в меня своей грязной портянкой. Потом я с неделю по десять раз на дню мыл руки в ротном умывальнике, пытаясь забыть жуткий запах грязи и унижения, но этот запах упрямо сопровождал все последующие два года моей скучной казарменной жизни... А тот дед, кстати, затем повесился в ротной каптерке — но вовсе не из-за моей отчаянной выходки, а после письма с гражданки, в котором извещалось об измене оставленной без присмотра подруги-пэтэушницы.

Так что сейчас я не просто мылся в гостиничном душе — я смывал с себя запахи двух лет тщательно маскируемых страхов, двух лет идиотских, но строго уставных унижений, двух лет бессмысленных и страшных соревнований на выживаемость среди самых невероятных человеческих отбросов, достоверно описать которые не сможет никакой, даже самый талантливый писатель. Такие описания под силу только психиатру или патологоанатому, но эти тексты, к сожалению или счастью, не рассчитаны на широкую публику. Оно и правильно — публике нельзя расстраиваться, иначе она потом может сдуру проголосовать за какого-нибудь недодушенного мною юношу, всерьез приняв его за героя очередной, самой распоследней справедливой войны.

Полностью очищенный от армейской скверны, я вышел из душа в свою темную комнату и тут же увидел за окном идущий на посадку самолет.

Я быстро, буквально за сорок пять секунд, оделся, собрал чемоданчик и выскочил в коридор. Там суетились десятки людей, и я понял, что могу отправляться в аэропорт. То есть мне пришло в голову, что, даже если это будет самолет не в Петербург, а в Москву или какой-нибудь Волгоград, я все равно улечу. Потому что это все равно лучше, чем сидеть в дыре под названием Элиста и ждать здесь чего-то неизбывного — вроде визита местных шлюх или, что одно и то же, визита местных милиционеров на предмет какой-нибудь проверки регистрации или соответствия утвержденному сертификату фенотипа.

Не пугайтесь — слово «фенотип» я вспомнил совершенно случайно, по ассоциации, просто представив себе, как должно выглядеть в мае здание главного корпуса Политехнического института. Дело в том, что именно в мае меня из Политеха и выперли — с четвертого курса факультета биологической физики,

не допустив до сдачи летней сессии. Выперли безжалостно и жестко, как и полагается в Северной столице, всего лишь за скучную тупость и неуспеваемость, зато на-встречу интересным армейским будням.

Слово «фенотип» я выучил именно там, в Политехе. И это слово мне так понравилось, что я решил вернуться туда, в альма-матер, хотя, конечно, небольшую обиду на самый мой любимый университет я все-таки затаил. Мне показалось, что будет правильным, как только я доберусь до Питера, написать на фронтоне главного корпуса очень важный для всех последующих поколений студентов лозунг: «Фирсов — мудак!»

Профессор Фирсов — это очень хороший, наверное лучший в мире, специалист по биохимии. Он меня и вынес на зимней сессии два года назад ногами вперед. Причем так вынес, что несло меня аж до Республики Калмыкия, где очень немногие аборигены знают, что такое «фенотип». А те, что знают, те молчат. Ведь за такие слова здесь могут и в морду дать — не сочтите, конечно, за ксенофобию и расизм.

К примеру, в моем батальоне не нашлось ни одного знатока этого волшебного слова. Я сразу подумал, что это неспроста, и приготовился к худшему. И, как выяснилось, не зря. В общем, спасибо товарищу Фирсову — что называется, предупредил.

Предвкушая встречу с городом моей юности, я проделал все необходимые для посадки в самолет манипуляции совершенно автоматически, поэтому, оказавшись вдруг в самолете, привычным движением правой руки коснулся ремня с левой стороны брюк. Там у меня, в небольшом кожаном чехольчике, всегда висел швейцарский нож — набор разнообразных инструментов, выручавших меня по пять раз на дню.

Набор следовало переложить в багаж, чтобы не конфисковали при личном досмотре, но я забыл это сделать.

С изумлением оглядевшись по сторонам, я понял, что действительно сижу в салоне пассажирского самолета. Значит, досмотра не было. Впрочем, если у них тут со взлетной полосы крадут стокилограммовые лампы навигационной системы, что говорить о личном досмотре. Тем более что ножик я нес в самолет, в дом, так сказать, а не отдирал нужную деталь от обшивки, чтобы переть ее наружу.

Самолет оказался полупустым — кроме парочки таких же, как и я, озадаченных свободой дембелей с эмблемами инженерных войск, я заметил с десяток хорошо одетых мужчин и женщин. Все они держали на руках грудных младенцев, завернутых в казенные грязно-серые одеяла. Взрослые оживленно болтали по-немецки, и я понял, что это киндер-круиз — визит за калмыцкими детдомовскими детишками. Больше ничего, насколько мне известно, Калмыкия не экспортирует — не сочтите опять же эту данность за ксенофобский экстремизм. Впрочем, что я пристал к несчастной республике — вся Россия, кроме впечатлений, мало что производит.

По салону быстро прошла одинокая проводница в таком измятом костюме, что сомнений не оставалось — предыдущую ночь она спала именно в нем, не раздеваясь.

Сразу после этого самолет вздрогнул и покатил по взлетной полосе. Просить пассажиров пристегнуться или проводить обязательный инструктаж, как

это обычно делают на других авиамаршрутах, здесь не стали. И правильно — лично меня подобные инструктажи только расстраивают, лишний раз напоминая о бренности всего живого...

Место рядом со мной осталось пустым, и я, подняв подлокотник, превратил эти два кресла в спальную полку. Третьего места не было — самолет назывался ЯК-40, а не «Боинг-747».

Сняв туфли и пиджак, я улегся головой к иллюминатору и сразу заснул. Уже проваливаясь в сладкую дрему, я вспомнил, что обещал позвонить Ленке, но тут же решил, что смысла в этом нет никакого — все равно с трехлетней девицей на руках встречать меня она не поедет, да и не нужно это вовсе. Адрес собственной «хрущевки» я еще помню...

Передо мной немедленно проплыло цветное воспоминание о нашем веселом зеленом дворике, в котором жизнь била ключом и днем и ночью, и я окончательно провалился в глубокий спокойный сон.

Глава вторая

Простые житейские радости вроде возни на диване с дочкой или приготовления яичницы с беконом на собственной кухне, а не на вонючем батальонном пищеблоке превратили первые две недели моего возвращения в сплошной праздник. Когда, почти год назад, я приезжал в отпуск, настроение было совсем иным — я считал дни, оставшиеся до окончания отпуска, и взвинтил себя до такого состояния, что мог послать на хрен случайного прохожего за невинный вопрос «Который час?». Мне казалось, что окружающие задают его специально, чтобы ткнуть меня носом в возмутительное обстоятельство — я скоро отбываю обратно в убогие калмыцкие степи, а нормальные люди остаются здесь, на свободе, любить друг друга, растить детей, делать деньги и вообще жить в свое удовольствие.

Теперь все было иначе — я прибыл навсегда, и лишь ночные кошмары иногда возвращали меня в ненавистную солдатскую казарму.

Явившись в родной Политех, я застал там все то же суетливое броуновское движение худосочных очкастых мальчиков и голенастых девочек, на которых я теперь смотрел со снисходительностью человека, пережившего, как минимум, авиакатастрофу. Ничего страшнее того, что уже было, впереди не ожидалось. Ни при каких обстоятельствах.

Вооруженный этим тайным знанием, я теперь искренне улыбался, улавливая обрывки студенческих разговоров о «невыносимом сопромате», «жуткой депрессии» или «страшном коллоквиуме». Полураздетый комбат с пистолетом в руках, в пьяном безумии вбегающий в ночную казарму с криком «Убью!», — вот что действительно страшно, потому что убить не убил, но покалечил тех, кто не успел тогда выскочить в окна. Я, кстати, успел, но здорово потянул лодыжку и потом два месяца хромал. Аккурат до завершения работы

окружной комиссии, которая так и не нашла в нашей части никаких нарушений. Разве что типичных для любого батальона три-четыре самоубийства в год.

А вы говорите — страшный коллоквиум. Тьфу!

Документы на восстановление в университете у меня приняли без особой охоты, но и без возражений — просто строгая женщина в деканате напомнила мне, что второго шанса уже не будет.

— Не думайте, что, если вы где-то там воевали, к вам здесь будут проявлять какое-то снисхождение. Коммунизм давно закончился!..— сообщила она, грозно сверкая оправой модных очков.

Я сказал, что ничего такого и не думал, получил новенькую зачетку и еще какой-то студенческий бумажный инвентарь. После чего поехал в Управление к Васильеву — Валера сегодня заступал дежурным по отделу, так что мы могли хоть всю ночь рассуждать о перспективах нашей грешной жизни, попутно полоская горло чем-нибудь крепким.

Пять станций метро я проехал быстро, а вот двести метров до здания Управления пришлось долго форсировать по газону — на тротуаре молодцы в фирменных строительных куртках перекладывали плитку, бодро осваивая очередной бюджет.

Увы, по мягкой, податливой майской земле газона я пошел совершенно зря. Весна в Петербурге — особое время года, воспетое сотнями поэтов, когда собачье дерьмо на городских газонах уже растаяло, но еще не засохло. В результате я вляпался так, что даже привычные ко всему омоновцы на посту охраны меня бы наверняка не пропустили. Да я бы и сам себя сейчас никуда не пропустил.

Выбравшись на тротуар, я сделал несколько шагов к высоким дверям Управления, оставляя за собой омерзительного вида следы, но, не доходя до входа метров десяти, начал затравленно озираться в поисках спасения.

Спасение пришло, точнее, приехало в виде Игоря Павловича Минина, припарковавшего свою «девятку» возле самых моих грязных ног.

Он вылез из машины, радостно скалясь, быстро за-хлопнул дверь и пошел ко мне с распростертыми руками, больше похожий на циркового медведя, чем на капитана милиции в штатском.

— Стой, Палыч! Воду неси. Ноги мне будешь мыть,— сказал я ему вместо «здравствуй», и Палыч тут же остановился и озадаченно уставился на мои туфли.

Потом лицо его прояснилось, и он укоризненно спросил:

— В дерьмо вляпался? Ну конечно — свинья везде грязи найдет!

Игорь вернулся к машине, открыл багажник и вытащил оттуда пластиковую канистру с водой. Передавая мне воду, он брезгливо морщил нос и показывал пальцем, куда мне следует отойти от его «девятки» на время омовения.

Я не стал спорить, потому что знал: моя брезгливость и чувствительность к запахам это просто ни-что по сравнению с обонятельными рецепторами капитана Минина. У него на этой почве даже невроз был. Скажем, после любого рукопожатия Палыч совершенно явным образом нервничал и успокаивался, лишь изыскав возможность вымыть руки с мылом. Женщин себе он тоже выбирал по запаху, и горе было той, что накануне свидания вкусила блюда с чесноком или дышала перегаром. Он расставался с такими неромантичными осо-

бами немедленно. Даже если встреча проходила на пороге его собственной квартиры. Он просто захлопывал дверь перед носителем мерзкого запаха и уходил в ванную комнату — мыться.

Разумеется, женат он не был — ведь тогда ему пришлось бы с утра до вечера терпеть присутствие посторонних запахов в собственном доме. Это, даже при феноменальной выдержке Палыча, было решительно невозможно.

Про собак, кошек, детей, волнистых попугайчиков рассказывать или сами уже все поняли?..

Короче говоря, я мыл туфли весьма тщательно, ибо рассчитывал вернуться домой на машине Минина. Он тоже предполагал нечто подобное, поскольку стоял рядом и внимательно наблюдал за процедурой омовения, изредка указывая на какую-нибудь допущенную мной небрежность.

Я извел все двадцать литров воды, и только тогда Палыч забрал у меня канистру, бросив ее на задние сиденья, чтобы снова не возиться с багажником.

— Ты к Валерке? — спросил он, когда мы вместе вошли в подъезд.— Я тоже. У меня к нему дело. К тебе, кстати, тоже... — Он смерил меня задумчивым взглядом, для чего даже остановился на мгновение.

У Валеры было накурено и тесно. Несколько оперов сидели вокруг небольшого стола, до краев заваленного ржавыми винтовками, пистолетами и тому подобными интересными предметами, и составляли опись, по очереди выкрикивая приметы стволов невысокому крепышу с листком бумаги в руках.

В двух углах помещения шел одновременный допрос двух испуганных юношей лет двадцати. В третьем углу мы увидели Валеру — он стоял, уперев руки в бока, и орал, надсаживаясь, на коренастого небритого мужика, сидевшего на корточках спиной к стене. Лицо у мужика было разбито, и, когда он снова развел руками в ответ на яростный выкрик Валеры, я увидел, чем разбивали лица в этом доме — Валера раздраженно поправил сползающие очки с толстенными линзами и без замаха влепил правым ботинком прямо в челюсть небритому мужику. Мужик охнул и закрылся руками.

— Командир, чё ты торкаешь? Чё ты меня торкаешь...— скулил он, затравленно поглядывая из-под скрещенных ладоней на Валеру.

— Я тебя сейчас так торкну, сука, что ты, блядь, вообще забудешь великий и могучий,— пообещал Валера, яростно сопя на него сверху вниз.

С Валерой, как и с Палычем, я познакомился при крайне неприятных для себя обстоятельствах — меня ограбили на радиорынке, где я, студент-первокурсник, подрабатывал перепродажей всякой электронной ерунды. Ограбили меня вечером — забрали остатки нехит-рого товара и выпотрошили все карманы. Но самое неприятное — отдубасили при этом так, что очухался я в больнице. Причем только на четвертый день, не помня даже своего имени.

Капитан милиции Васильев лежал в кровати рядом — ему, как и мне, пробили башку и сломали еще что-то не очень существенное в районе груди. Оказалось, Валера видел, как меня пасли, и решил, как они пишут в рапортах, «отработать простой материал на месте». Кем он себя мнил, Ван Даммом или Чаком Норрисом, я уж не знаю, но досталось ему даже больше моего.

Палыч носил Валерке пиво и апельсины и с подозрением косился на меня. Потом, когда меня отпустило и мозги немного прояснились, всех нас очень

сблизило то обстоятельство, что мы оказались коллегами-физиками: я — студент физико-механического факультета, а Палыч с Валеркой — его выпускники. Правда, с работой им не повезло до крайности — весь тот выпуск физиков-ядерщиков оказался невостребованным, зато хорошо сработала кадровая служба питерского угрозыска. Валеру и Игоря заманили неплохими на тот момент окладами, а потом они, что называется, втянулись.

Впрочем, пару раз в месяц оба молодых офицера обязательно захаживали в клуб «Политехник» — бывшие выпускники слушали там свободные лекции интересных людей, а потом оставались попить пивка и подискутировать насчет устройства мироздания. Особой популярностью пользовались темы, концептуально рас-крывающие важнейшие вопросы бытия: дискретности времени, сингулярности Вселенной или материальности информации. Впрочем, о холодном термоядерном синтезе там тоже можно было поболтать, только не сильно увлекаясь — оппонентов у этой технологии в среде бывших и работающих питерских физиков все-таки было больше, чем где-нибудь в Сорбонне. Поэтому могли и обидеть — исключительно вербально, разумеется.

Я на этих диспутах не просто бывал — я их организовывал, и там, в клубе, наша странная дружба неожиданно окрепла и получила некую смысловую нагрузку. Мы все чаще обсуждали не только принципы устройства мироздания, но и поразительные свойства человеческой психики, заставляющие одних людей совершать преступления, а других — противодействовать им.

Палыч первым поздоровался с Валерой. Он тронул его за плечо, потом слегка отодвинул в сторону и сказал:

— Ты неправильно ставишь вопрос. Без замаха. А таких уродов надо с замахом спрашивать.

Палыч тут же развернулся и влепил в мужика страшный удар с левой ноги.

Мужик со смачным шлепком вошел в стенку, после чего упал навзничь, потеряв сознание. Впрочем, уже через секунду он поднялся на ноги и, придерживая отбитую грудь, сказал новому экзекутору с нескрываемым уважением:

— Все понял, командир! Больше вопросов не надо. Зови дознавателя — начинаю свой рассказ.

Валера устало вытер лоб и крикнул в коридор:

— Елена Анатольевна, пройдите сюда, пожалуйста. Гражданин Мигуля готов покаяться во всех смертных грехах...

Гражданин Мигуля быстро поправил его, с тревогой глядя на Палыча:

— Не во всех, начальник! Две мокрухи в Песочном беру, а бабу на пляже шить мне не надо. Она не моя, мамой клянусь! Это ж васюкинские щенки студентку оприходовали...

Палыч взглянул на Валеру, выразительно шевельнув широкими плечами, но Васильев раздраженно махнул рукой:

— Не надо. Студентка, похоже, и впрямь не его. Местные постарались.

В кабинет вошла маленькая, но стройная девушка в светлых джинсах и ослепительно белой блузке. Она встала посреди всего этого ужаса, прижимая

папку с бумагами к своей довольно выдающейся груди, и пискнула тоненьким голосочком:

— Ну и где я сяду, бля? Васильев, зараза, расчищай мне место. Хотя бы вон там!

Она указала на угол, где действительно еще можно было бы сесть вдвоем, и ей быстро освободили часть стола, смахнув уже осмотренное оружие на пол. К столу приставили стул, а рядом, на корточках, уселся задержанный, с нескрываемым восторгом разглядывая стройные ножки юного дознавателя.

Валера недовольно посмотрел на нас с Палычем:

— Чего приперлись? Не видите, работы полно...

Я отвернул полы пиджака и показал ему две фляжки с коньяком, уютно устроенные в каждом из внутренних карманов.

— А-а-а,— сказал он, оттаивая на глазах.— Ну, тогда пошли...

Мы направились к известному здесь закутку возле балкона, где обычно квасил трудовой милицейский народ, когда кабинеты были заняты.

В закутке была раковина, что сильно упрощало процедуру сервировки стола, точнее, подоконника— стола здесь не было вовсе, зато подоконник был очень удобный: широкий, ровный и даже сравнительно чистый.

Игорь тщательно, с мылом, вымыл три стакана, брезгливо отобрав их из общей кучи, а я достал первую фляжку и сразу разлил ее всю, без остатка. Игорь тут же взял свой стакан и отлил из него половину мне и Валере:

— Я же за рулем, куда столько!

— Ну, за здоровье! — Васильев чокнулся с нами так старательно, как будто от этого и впрямь зависело чье-то здоровье. Я подумал, что пить за здоровье — это все равно что воевать за мир, но спорить не стал.

Мы выпили, и Васильев спросил, тыча в Игоря пустым стаканом:

— Тошка приехал выпить. Скучно человеку после двух лет воздержания, это понятно. А ты-то чего приперся?

Палыч согласно кивнул и поднял вверх указательный палец: «О!»

Мы смотрели на него с любопытством, пока он выуживал из кармана куртки небольшую брошюру. Оттуда он извлек сложенный вчетверо кусок карты.

Пока Палыч разворачивал карту, я взял в руки брошюру и, потрясенный, вслух прочитал ее название:

— Оленский С. Ф., «Некоторые типичные способы совершения кражи личного имущества пассажиров общественного транспорта: теория и опыт».

— Это в каком смысле «теория и опыт»? — спросил я.— Наука наконец-то занялась изучением криминала?

— Или криминал вышел на высокий научно-технический уровень,— тут же откликнулся Васильев, тоже с любопытством разглядывающий научный труд в моих руках.

Игорь раздраженно выхватил у меня брошюрку и убрал обратно в карман.

— Сюда смотрите, балбесы,— строго сказал он, указывая в какую-то точку на карте.— Это дом четыре по улице Очаковской. Здесь была районная поликлиника. А будет — стоматологический центр «Мада».

— А нам-то с тобой не по фигу, что там будет? — встрял Валера, которого после стакана коньяка заметно развезло.

— Нет! — отрезал Игорь.— Нам денег дадут, если мы сможем до зимы это здание охранять.

— А что с ним может случиться? — Я задумчиво тронул рукой вторую фляжку: доставать — не доставать?

— Доставай! — убедил Валера, заметив мои колебания.

Я плеснул по стаканам еще коньячку. Много наливать не хотелось — Валере и так было хорошо, а Палыч все равно уже больше не выпьет...

— В «Маде» знакомый работает. Объяснил, что дом они у города выкупили, но проект реконструкции еще не готов. И закончат только к концу года. А поликлинику чиновники уже выселяют — там через два дня, к пятнице, никого из персонала не останется.

— Ну и?..— Васильев рассеянно протирал очки об свой и без того замызганный пуловер.

— Короче говоря, нанимать ЧОП им стало неохота, потому что везде в среднем просили шесть-семь штук. А я сказал, что закрою этот дом за три штуки в месяц.

— Закрывай,— согласился Валера, допивая свой коньяк.

Игорь нехорошо поглядел на приятеля:

— Закрывать будете вы!

— Мы? — изумился Валера.— А денег-то сколько дают?

— Блин, Валера, ты что, считать не умеешь? — разозлился Палыч.— Всем по штуке, работаем по очереди, получается сутки через двое. То есть за каждые десять суток дежурства — по тысяче долларов в рыло. По-моему, неплохо.

Я тоже подумал, что это неплохо, тем более что у меня вообще никакой работы на горизонте не ожидалось и я только собирался приступать к ее поискам. Ленка не работала, ибо сидела с дочкой, так что жили мы на мою семейную заначку — проданную после смерти матери дачу в Комарово. Деньги, помню, мне тогда дали неплохие, но это было три года назад, сразу после рождения дочки, и от этих денег уже почти ничего не осталось.

— Я согласен,— поторопился сказать я, пока Палыч не передумал.

— Тысяча — это круто. Четыре моих оклада,— кивнул Валера.— Только меня начальство с говном съест, если я десять раз в месяц на утренние планерки являться не буду.

— Я об этом думал,— нетерпеливо сказал Игорь.— Будешь брать на себя выходные дни. Или мы с Тошкой тебя будем на это время подменять, по очереди.

— Ты с Тошкой? — удивился Валера.— А на твои планерки кто ходить будет?

Палыч поставил свой стакан передо мной, и я, понятливо достав фляжку, разделил на всех остатки коньяка.

Мы выпили, и Палыч, крякнув, сказал:

— Я увольняюсь.

Мы с Валерой подняли на него удивленные лица, а он, сердито глядя на нас, сказал с вызовом:

— Да, увольняюсь! Заколебали потому что! Платят триста долларов, а требуют работы так, как будто триста тысяч каждый день выкатывают! Я сам

пожрать не могу по-человечески, не то чтоб еще бабу какую-нибудь в ресторан сводить. Заколебала меня такая жизнь!..

Палыч три года назад перевелся в РУБОП, а там в последние годы и впрямь работы только прибавлялось. Так что эмоции приятеля мне были понятны. Непонятно было, чего он взвился именно сейчас — у него и раньше работа была не сахар.

— Короче, меня вчера полковник Дагашев вызывает, говорит, пиши объяснительную. Откуда у тебя, честного капитана милиции, автомобиль ВАЗ-2109. С нашей зарплаты, мол, такое не купишь.

Васильев разинул рот от возмущения:

— Погоди, а разве сам Дагашев не на «Лексусе» передвигается?

— На «Лексусе», конечно. Не на трамвае же,— меланхолично откликнулся Игорь, изучая подозрительные пятнышки на своем стакане.

— Тогда чего ему надо? — встрял я.

— Племянник у него из Махачкалы приехал. На работу надо устраивать, а нормальных офицерских мест в штате РУБОПа нет,— объяснил Палыч.

— А чего бы его племяннику к нам в «убойный» не устроиться? — ухмыльнулся Васильев.— У нас, к примеру, полштата некомплект.

— Ну, он же не работать сюда приехал,— отмахнулся Игорь, собрал все стаканы и поставил их в раковину, давая понять, что разговор закончен.

Тут же в коридоре раздался дробный стук каблучков, а потом послышался возмущенный женский писк:

— Валерий Васильевич, вы здесь? Там Мигуля, падла, опять хамит!..

Валера шумно вздохнул, покосился на пустые фляжки и послушно побрел к выходу.

Мы расстались у дверей его кабинета, из-за которых опять раздался уже знакомый гонористый бас:

— Ты чё меня торкаешь, командир?! Нет, чё ты меня торкаешь?!.

Потом послышались сочные шлепки и глухие удары вперемежку с матерными вскриками.

В машине Палыч все больше помалкивал, лишь изредка бросая вопросы о моем нынешнем обустройстве и тяготах неуставной семейной жизни. Я рассказал, как дочка будит меня по утрам — повадилась, вредина, искать мои пятки под одеялом и щекотать их, предварительно усевшись на ноги сверху, так что остается только истерично хохотать и жалобно просить пощады.

По поводу денег Палыч тоже спрашивал — он вдруг предложил мне пару тысяч долларов в долг. Дескать, лето впереди, отправишь Ленку с Лизкой в какое-нибудь недорогое зарубежье недели на четыре-пять. Вроде в Болгарии на эти деньги все лето жить можно.

Я подумал и согласился — от дачной заначки оставалось чуть меньше пяти сотен баксов, так что про теплое море мы даже и не мечтали.

— Я, конечно, не полковник Дагашев, но позволь спросить — откуда дровишки? — спустя минуту все-таки полюбопытствовал я, рассматривая небритую и вечно чем-то недовольную физиономию приятеля.

— Все законно, не переживай... — Палыч поворачивал машину на Каменноостровский проспект, это было уже совсем рядом с моим домом.

Я недоверчиво хмыкнул, и он продолжил:

— Я последний год много по частным заказам работал, ну, типа частного детектива. Кое-что заработал. Теперь вот хочу свою охранную контору открыть.

Это объяснение меня вполне удовлетворило. Не то чтобы я был каким-то занудным моралистом, но слухи о способах заработка офицеров угро ходили самые причудливые. А за два года люди, бывает, меняются до собственной противоположности.

Мы подъехали к большому, новому, построенному за время моей армейской службы, супермаркету, и я тронул Игоря за плечо:

— Тормозни здесь, мне еще продуктов домой купить надо.

Игорь рассеяно посмотрел на меня, потом на витрину супермаркета и неожиданно сказал:

— Пошли вместе. Мне тоже надо всякой ерунды купить.

Мы прошли сквозь огромные стеклянные двери, смиренно раздвигающие свои стеклянные створки при одном лишь приближении человека, а потом поехали на эскалаторе наверх, в продуктовый зал, занимающий весь второй этаж.

Мы успели пройти ползала, двигаясь к стойке с замороженными продуктами, когда вдруг стало абсолютно темно — будто треснули по макушке ломиком и упаковали в мусорный мешок.

Я прошел по инерции пару шагов и с разбегу ударился лбом об полку с товарами. Что-то твердое и угловатое полетело сверху мне на голову, а потом и за спину, и я услышал, как сзади возмущенно ругнулся Палыч:

— Что за дерьмо ты там на меня роняешь!..

— Хотел бы я это знать... — пробормотал я, нашаривая на поясе свой любимый швейцарский ножик. Там, помимо прочих полезных прибамбасов, имелся маленький светодиодный фонарик.

Я посветил вокруг себя, но мощности фонарика хватило лишь на мои ноги да на встревоженную физиономию Палыча.

— Сходили, понимаешь, за хлебушком,— снова ругнулся Игорь.

Темень вокруг была абсолютной, и мне тоже стало не по себе.

— Надо выбираться.— Я показал лучом, куда следует двигаться.

— Ну ты и дятел! — возмутился Палыч.— Мы же оттуда пришли!..

Он замахал рукой совсем в другом направлении, и я начал яростно с ним спорить, пока вдруг не услышал странные звуки.

За соседними полками раздавалось отчетливое чавканье и хруст. Я посветил туда, целясь в проемы между стеллажами, и увидел худощавую женщину в строгой светлой блузке. Женщина держала в руках открытую банку икры и ела ее, зачерпывая пальцами. Рядом стоял мужчина, видимый мне только со спины, но он тоже ел — это было понятно по громкому чавканью и шевелению его приплюснутых ушей.

Мужик обернулся на свет и крикнул мне с набитым ртом:

— Ну, и хули ты тут светишь?! Прометей, бля, выискался!..

Палыч заржал и взял меня за плечо:

— Пошли отсюда. Здесь через пару минут такое начнется!

Он оказался прав — началось такое, что мне стало стыдно за принадлежность к роду хомо сапиенс.

Сотни невидимых, но очень активных покупателей на ощупь вскрывали деликатесы и не ели, а именно жрали их, торопливо заталкивая руками в рот непослушные кусочки. Обмениваясь короткими восклицаниями, группы граждан метались между полками, сообщая друг другу об открытии очередного месторождения деликатесов или выражая горечь попаданием на полки с макаронами.

Справа, среди стеллажей со спиртным, и вовсе происходила вакханалия — в горлышко одной из бутылок с чем-то крепким вставили фитиль и, используя эту бутыль как источник ясности, находили самые дорогие и элитные напитки. Лучше всего шли коньячок с виски, потому что открывать французские вина могли лишь немногие запасливые счастливчики, имеющие при себе штопор.

Потребители спиртного вели себя намного более развязно, чем тихо чавкающие пожиратели деликатесов. Правда, за те несколько минут, что мы с Палычем прибирались к выходу, раскрепостились все — целые делегации мародеров обменивались дружескими визитами, меняя награбленные продукты на спиртное и наоборот. Люди перестали стесняться — повсюду слышались разудалые крики и женские визги:

— Люди, кушайте, но только не подавитесь!

— Это я удачно зашел!..

— Икра-то просроченная! Горчит! Вот суки, а!..

— Ешь ананасы, рябчиков жуй!

— Товарищи, ешьте буржуазию!

— На вынос не получится — там архаровцы стоят, обыскивают...

Действительно, на выходе между рядами касс выстроились несколько человек в черной форме с фонариками в руках. Они были очень рассержены и повторяли выходящим из зала пьяным и сыто икающим посетителям одно и то же:

— Вынос продуктов из зала будет рассматриваться как кража! Ничего брать не разрешается! Выходите, не задерживайтесь!

Ближайший к нам охранник осветил нас с Палычем и изумленно закричал на весь зал:

— Трезвые?!

Он начал было ощупывать свободной рукой наши тела, но Палыч тут же брезгливо отпихнул его и сказал:

— Не суетись. Мы ничего не взяли.

Охранник слегка набычился, встал в проходе и начал осматривать нас с помощью фонаря:

— То, что не брали, я вижу. Но почему не пили?

Палыч молча протиснулся мимо него к выходу, а я вслед за ним, бросив охраннику на прощание:

— Сифак лечим, чего непонятного.

— А-а,— посочувствовал охранник.— Вот ведь не повезло!

Мы сели в машину и, пока она заводилась, молча смотрели на темный куб супермаркета, из которого доносились слышимые теперь уже на улице радостные крики и даже песни в хоровом исполнении.

— Анекдот в тему знаешь? — вдруг спросил Палыч, заводя машину.

Я пожал плечами, и он продолжил, выруливая от обочины на темный проспект:

— Два журналиста жрут на халявном фуршете. Ну, метут все подряд, только писк за ушами стоит. А третий стоит, не ест ничего, не пьет. Они его спрашивают — ты чего, коллега, заболел? Он им отвечает — да нет, просто я ем, только когда мне хочется. Тогда они ему в ответ, хором — ну ты прям как животное!..

Я засмеялся, а Палыч, не отрывая взгляда от дороги, грустно заметил:

— Сколько раз такое вижу, каждый раз удивляюсь — как же люди недалеко ушли от животных.

— Где это ты такое уже видел? — удивился я.

— Где я видел, как ведут себя люди, дорвавшись до халявы? — переспросил Палыч.— Да я всю жизнь за этим наблюдаю! От однокурсников на овощебазе до чиновников, которые пилят госбюджет.

— А-а, ты в этом смысле... — Я уважительно кивнул.

— А смысл всегда один: человек — это недоделанная человекообразная обезьяна,— жестко сказал Игорь и затормозил.

Как выяснилось, прямо возле моего подъезда.

Глава третья

Ничто так не вызывает желание заткнуть уши, как немые женские вопросы. Сначала Ленка прыгала от радости (почти всю среду и еще часик-другой с утра четверга), узнав, что этим летом полетит с Лизкой отдыхать не к маме в Мурманск, а в настоящее теплое зарубежье. Но, отпрыгав положенное, она стала странно на меня посматривать своими серыми серьезными глазищами, и я, конечно, догадался, о чем она хочет меня спросить.

Поэтому я строго ответил:

— Нет! Ты же знаешь, почему я не считаю это необходимым. Я люблю тебя и все такое... Но пропивать последние деньги на тупой и никому не нужной пьянке я не стану. Мне эти две штуки еще потом отдавать, между прочим.

Ленка надулась, цапнула Лизку и потащилась на улицу гулять именно в тот момент, когда я залез в ванну мыться. Так что велосипед с ребенком она перла с четвертого этажа нашей «хрущобы» самостоятельно — под перекрестным обстрелом недоуменных соседских взоров.

Мы расписались с Ленкой сразу после рождения дочки, но свадьбы как таковой не было, поскольку не было ни лишних денег, ни главного — желания. Мне тогда отравляла настроение учеба, а Ленке просто было некогда организовывать подобное мероприятие — дочка забирала все время молодой мамаши без остатка.

Но Ленке очень хотелось покрасоваться в подвенечном платье, которое ей подарил негодяй Палыч. Он, гад, чувствует такие вещи и постоянно норовит

напомнить мне обо всем, чего я не сделал в этой жизни. В результате Ленке уже два года хотелось праздника, который я был обязан организовать и оплатить. Но это же смешно, не правда ли?

Впрочем, что тут рассусоливать — все и так понятно...

Кстати, о негодяях — Палыч явился к вечеру, небрежно отмел приглашение посидеть на кухне с рюмкой кофе и буквально вытолкал меня на улицу, напомнив о подряде на охрану поликлиники.

Ленка так и не отошла от утренней обиды, поэтому с демонстративным недоверием качала головой, глядя на мои лихорадочные сборы, и даже крикнула нам на прощание:

— Передайте приветы вашим девочкам!

Собственно, никаких особых сборов не понадобилось — я поехал на дежурство в спортивном костюме, в котором фигурял дома, только вместо домашних тапок нацепил кроссовки. Еще я вытащил из холодильника шматок колбасы, посмотрел на него критически и в конце концов запихал обратно — аппетит Ленка умеет испортить...

По дороге Игорь непрерывно болтал по телефону, так что я от скуки изучил все наклейки на его тарантасе. Одна, на лобовом стекле, показалась мне занимательной: «Запасной выход. При аварии выбить стекло головой, вылететь вперед». Я со скуки начал было ее отдирать, чтобы при случае переклеить Васильеву на очки, но звериный рык в левое ухо заставил меня отказаться от этой затеи. Все автомобилисты такие собственники!..

Игорь привез меня на Очаковскую улицу и озабоченно поглядывая на часы, выпалил на одном дыхании:

— Короче, иди уже. Завтра в вечер, тоже около восьми, тебя сменит Валерка. И не забудь — этим козлам из Комитета здравоохранения надо еще забрать отсюда какое-то говенное оборудование. Оно стоит на втором этаже. Смотри, чтоб его бомжи не стырили. «Комитетчики» уверяют, что этот хлам стоит реальных денег. Учти, если что — с нас вычтут. Так что не спи. Бывай!

Едва я вышел из машины, «девятка» рванула вперед по пустой улице. Я, конечно, уже знал, что на сегодня у Игоря была назначена какая-то важная встреча, где вырисовывался жирный клиент, но такое отношение к первому нашему дежурству меня слегка покоробило — хоть бы показал, где что лежит и куда, к примеру, отливать, если приспичит...

А мне как раз именно приспичило. Я стоял, ерзая на месте, перед невысокими железными воротцами, за которыми располагался целый сквер — с газонами, деревьями и темными кустами. Посреди сквера стояло огромное пятиэтажное здание, абсолютно черное, безжизненное и потому пугающее самой своей невнятной пустотой.

Я сделал несколько шагов по асфальтовой дорожке и вдруг разглядел мертвенно-синий свет, заливающий первый этаж и подвал здания. Тут же, как в фильмах про вампиров, на моих глазах сконденсировалось облако тумана и окутало здание аж до второго этажа.

У меня заныло сердце, а потом снова оживился мочевой пузырь. Отливать на улице было неловко, а заходить в сквер очень не хотелось...

Было не столько страшно, сколько тревожно. Лучше всего это ощущение передает определение «стремно», но его очень не любят корректоры. Но мне было не страшно, не жутко и не противно, а именно «стремно».

Поэтому я тупо стоял на дорожке и мысленно уговаривал себя сделать хотя бы шаг по направлению к этому непонятному и опасному дому, укутанному мутно-сиреневым туманом.

Неизвестно, сколько бы времени я там стоял, но у меня зазвонил телефон, и я обрадованно вытащил его из кармана своей спортивной куртки. Звонил Валера, и я, прижав трубу к уху, пошел вперед, чувствуя себя уже не таким одиноким и беззащитным, как прежде.

— Здорово, Тошка! Ну, как там наш объект? — заорал в трубке Васильев, и я заторопился войти внутрь, чтобы было что рассказать.

Двери парадного входа оказались открыты, поэтому ключи, врученные Палычем, не понадобились. Я вдруг прикинул, сколько разных опасных типов могли уже войти в этот дом в промежутке между уходом последнего сотрудника учреждения и моим нынешним визитом, но потом запретил себе об этом думать.

Я вошел в вестибюль бывшей поликлиники и остановился, оглядываясь. Вестибюль был залит мертвенным синим светом, и я наконец увидел его источник — это были УФ-лампы, развешанные вдоль коридора.

Вообще-то такие лампы предназначены для стерилизации помещений, а вовсе не для освещения. «Какой идиот это придумал...» — недоуменно бормотал я, двигаясь вдоль ближайшей ко мне серии УФ-ламп, пока не увидел выключатель. Я тут же нажал его и... оказался в абсолютной темноте.

Стало намного хуже. Во-первых, я тут же услышал, как зловеще звенит пресловутая абсолютная темнота. А во-вторых, до меня донеслись совершенно явственные человеческие стоны, еле слышимые, тихие, но беспощадно очевидные. Их источник находился подо мной, где-то в подвале.

Я ощутил, как затрепетала моя правая рука, и заметил, что держу в ней сотовый телефон.

Я ответил на вызов и услышал возмущенный вопль Васильева:

— Что за скотская манера бросать трубку?! Ты в тубзике засел, что ли?..

У меня немного отлегло от сердца.

— Валер, я только в дом вошел. Осматриваюсь,— объяснил я, затравленно озираясь по сторонам, еле обозначенным в невесомом свете дисплея телефона.

— А-а,— протянул Васильев.— Ну, короче, как осмотришься—позвони. Я дома сижу, трезвый, как дурак. А ты небось туда уже блядей натащил? — спросил он с откровенной завистью.

— Нет, пока не натащил,— честно признался я, и Валера тут же разочарованно отключился.

В темноте, охватившей меня после выключения телефона, снова раздался стон. Это был стон раненой женщины, ожидающей неминуемой смерти в пустом безжизненном подвале под моими ногами...

Из поясной сумки я достал заветный швейцарский нож и включил фонарь. Спокойнее не стало, зато стало видно коридор — он уходил из вестибюля в

обе стороны темными, какими-то мутными, заполненными то ли паром, то ли пылью, тоннелями.

Стон повторился снова, уже с каким-то явственно мучительным надрывом, и я решительно выдвинул вперед самое большое швейцарское лезвие — какое-никакое, но оружие.

После этого я пошел по коридору на звук, стиснув зубы до боли в ушах...

Примерно через тридцать метров коридор внезапно нырнул вниз, и в небольшом закутке перед дверью в подвал я увидел красивую черную кошку. Она не мигая таращилась на меня, сидя перед полуоткрытой дверью подвала, а потом вдруг издала стон, полный мучительной боли и невнятных, но очень женских сожалений. Во всяком случае, упрек о так и не надетом подвенечном платье я точно уловил. После этого кошка встала, распушила хвост и, грациозно передвигая лапами, удалилась в подвал.

Меня хватило на то, чтобы дойти до этой двери и запереть ее снаружи — там имелся замок, в который даже был любезно воткнут ключ.

Ключ я положил в карман и пошел обратно — по неверному, дрожащему среди мятущихся теней, следу фонарика. Вернувшись в вестибюль, я первым делом включил УФ-свет — пусть он фиолетовый и страшный, зато хоть что-то видно, кроме собственных кроссовок.

Помнится, Палыч что-то говорил про удобную комнату на первом этаже, там, где располагалась регистратура. В этой комнате должен был быть нормальный свет, а также вода и туалет. Планируя организацию охраны, мы решили, что эта точка и должна была стать нашей штаб-квартирой до конца текущего года.

Но где она?

Первая дверь, открытая мною на первом этаже, показала огромный зал, заполненный старыми стульями, столами и шкафами, сваленными в огромную кучу.

Я сразу понял, что это не то, что я ищу, но все равно зашел — чтобы посмотреть, заперты ли в комнате окна.

Окна оказались заперты, и я, бдительно осмотрев каждую защелку, тут же вышел, плотно прикрыв за собою дверь.

В коридоре, заставленном какой-то бессмысленной рухлядью, двигаться было непросто. После нескольких неудачных столкновений в сиреневом сумраке я принял решение заночевать в первой же более-менее уместной для ночлега комнате.

По счастью, следующая открытая мною дверь привела в небольшое помещение, где прямо у входа располагалась раковина, а еще там было два больших стола и несметное количество стульев. Вдобавок там, прямо на дверном косяке, обнаружился выключатель, и я включил свет, оказавшийся совершенно нормальным, желтоватым светом ламп накаливания.

В дальнем конце комнаты я увидел дверь, добравшись до которой с радостью убедился, что за ней располагается вожделенный туалет. Там я устроился обстоятельно, ибо не был уверен, представится ли мне еще раз такая удобная возможность оправиться сразу от всех своих страхов одновременно. Туалет оказался вполне функциональным — на унитазах имелись сиденья, а в двух кабинках из трех была даже бумага.

Потом, уже в основном помещении, я обследовал раковину, с удивлением нашел там мыло и с воодушевлением попользовался им. Полотенца, разумеется, не нашлось, и я вытерся своим носовым платком.

Потом я долго стоял у закрытого окна, напряженно вглядываясь в мягкий, бархатный сумрак сквера, пока не почувствовал сквозняк, идущий от неплотно прикрытой двери.

Я вернулся к двери и прислушался. В коридоре было тихо, и тогда я с размаху захлопнул дверь, внезапно разозлившись на все свои страхи разом.

Чего, собственно, я боюсь? Кому я нужен? Кому нужны эти старые стулья, весь этот хлам, которым доверху заполнены все пять этажей бывшей поликлиники?!

Я окинул взглядом свое новое жилище и стал наводить там порядок, составляя из ближайших к окну стульев спальное место. Потом, вызывающе топая, я вышел в сиреневый сумрак коридора, пинком открыл ближайшую дверь и, подсвечивая себе фонариком, дошел до окна. Я сразу увидел то, за чем пришел, — две плотные портьеры свисали с каждой стороны оконной рамы, и я, не раздумывая, резко рванул вниз ближайшую.

На пол полетел весь карниз, оказавшийся тяжелой металлической трубой, и я едва успел убрать голову из-под удара. Потом, чихая от поднявшейся пыли, я минут двадцать отстегивал от трубы обе портьеры, потому что тащить их с карнизом вместе было бы безумием.

Набросив портьеры на плечо, я снова вышел в коридор и успел заметить огромную, но крайне подвижную тень, метнувшуюся от меня в полумрак вестибюля.

Я замер, прислушиваясь, но было так тихо, что я опять услышал кошачьи стоны из подвала. Впрочем, то, что поджидало меня в вестибюле, точно не было кошкой — слишком большой была тень этого моего нового ночного ужаса. Больше, чем собака, но меньше, чем, к примеру, медведь. Хотя нет — бывают же такие небольшие мишки, коалы какие-нибудь или панды...

Тьфу, о чем я думаю!

Я решил, что должен действовать последовательно, и сначала потащил свою добычу в регистратуру. Там я неторопливо застелил отобранные для лежбища стулья первой портьерой и аккуратно пристроил вторую так, чтобы ею можно было пользоваться как одеялом.

Потом я присел на свою импровизированную кровать, посмотрел на часы, поразившись тому обстоятельству, что уже почти одиннадцать часов вечера, и с минуту раздумывал, надо ли мне теперь идти в вестибюль. Чем дольше я сидел, тем меньше мне хотелось туда идти, так что в конце концов я встал, опять с размаху захлопнул дверь регистратуры и вдобавок припер ее стулом.

Потом я выключил свет и на ощупь дошел до постели. Пока я барахтался и скрипел стульями, укладываясь поудобнее, было еще ничего, но едва я замер под портьерой, как стали слышны все шорохи и скрипы огромного дома.

Тем не менее я стал засыпать, потихоньку погружаясь в тревожную дремоту, когда вдруг явственно услышал грузные шаги прямо над своей головой, на втором этаже.

Это было там, где, по словам Палыча, лежало какое-то ценное медицинское оборудование, которое не успели вывезти. И за которое с нас, если что, вычтут.

Я резко поднялся и сел на своих стульях, отчего они с треском разъехались в стороны. Упасть я не упал, помешала портьера, но побарахтался изрядно, пока наконец не утвердился на полу в боксерской стойке — так я чувствовал себя увереннее.

Потом я замер и прислушался. Снова было тихо — лишь тревожно стучало мое сердце да весело журчала вода в унитазах за стенкой.

Я присел на стул, потом осторожно прилег, пытаясь сквозь скрип стульев расслышать подозрительные звуки. Их не было.

Тогда я завернулся в портьеру и задремал...

Проснулся я от явственного дуновения ветра и, рас-крыв глаза, даже не увидел, а почувствовал в неплотной темноте какое-то движение на полу.

Одной рукой, стараясь не двигать телом, я медленно вытащил нож и включил фонарик. От моих стульев к двери тут же метнулись три или четыре крысы, но не они заставили сжаться мое сердце от ужаса.

Дверь... Она была распахнута в коридор, а стул, которым я ее припирал, валялся рядом.

По комнате гулял сквозняк, который теоретически мог быть виновником этого безобразия, но я прекрасно помнил, как непросто мне было заклинить ножку стула между дверью и ручкой.

Я достал телефон и посмотрел на дисплей — четыре утра. Через пару часов рассвет.

Я вспомнил незабвенного Гоголя с его «Вием», и мне вдруг стало весело — почти двести лет прошло, а люди по-прежнему боятся темноты и одиночества. Хорошо еще, что я не верю в мистику.

Тут, очень в тему, из коридора в регистратуру заглянула давешняя черная красавица, молча выставив в дверном проеме свои фосфоресцирующие зеленые глазищи.

— Ты бы лучше крыс ловила, глупая женщина,— вслух укорил ее я и поразился своему хриплому и дрожащему голосу.

Киса ответила мне что-то из серии «Сам дурак, сначала деньги давай!» и уселась на пороге, беспокойно подергивая ушами.

Спать мне уже не придется, это точно.

Я нащупал на полу свои кроссовки, надел и зашнуровал их, а потом дошел до дверного косяка и включил в комнате свет.

Из туалета тут же донесся мягкий шорох десятков лап, но я уже знал, что это крысы.

Крысы меня не пугали — на службе я на них насмотрелся вдоволь, а уходя на дембель, успел увидеть, как молодое пополнение из дальневосточных корейцев делает из крыс бешбармак. В батальоне этот бешбармак ели, кстати, многие — ели и нахваливали. Я не ел, но не из брезгливости, а банальной осторожности — мне казалось, что корейцы не прожаривают мясо как следует, а то, что крысы болеют вполне человеческими болезнями типа гепатита или носят в себе множество мерзейших паразитов, я знал еще из школьного курса биологии...

Кошке стало скучно таращиться на меня, и она сделала круг по комнате, принюхиваясь к новым запахам, которые я принес в ее жилище.

Потом она мягко запрыгнула на мою постель и нагло улеглась там в складках портьер, включив урчательный механизм на полную мощность.

Впрочем, уже через минуту она подпрыгнула едва ли не до полотка и унеслась в спасительную темноту коридора, а я стал озираться по сторонам, пытаясь понять, откуда доносится этот грозный механический голос:

— Сюда быстро вышли!.. Я сказал, сюда быстро вышли! Что непонятного я сказал?.. Сюда!! Быстро!! Вышли!!

Я подошел к окну и разглядел две фары милицейского «козелка», направленные прямо на окна регистратуры. Принесло защитничков на мою задницу!

Все страхи в момент улетучились, и я выскочил в коридор, по-прежнему залитый сиреневым сиянием, быстро пробежал по вестибюлю к выходу и наконец открыл двери парадного подъезда, замерев на пороге.

— Ты кто? — снова раздался механический голос из мегафона «козелка».

— Конь в пальто! — нагло ответил я. А чего их бояться? Я трезвый, ничего не нарушаю, а они мне тут хамят среди ночи.

Невидимый в свете фар патрульный скомандовал:

— Сюда иди!

— Сам сюда иди... — Я помахал ему рукой.

— Я не понял, мужик, ты чего, охренел?! — все так же через мегафон, на всю спящую улицу, поинтересовался мент.

— Да, охренел! — согласился я и еще раз ему помахал.

Я понял или, скорее, почувствовал в голосе своего механического собеседника нотки страха перед непонятным светом в пустом доме темного сквера. Обитатель такого непонятного места не может быть не страшным. То есть я — страшный. У-у-у!

А ментов всего двое, причем один, водила, сидит за рулем и ни за что не выйдет подстраховать коллегу, потому что патрульные менты нынче пошли трусливые и хилые. Это мне и Васильев с Палычем рассказывали, да и сам я в этом убеждался не раз и не два.

— Сюда иди, мужик! — грохотал мегафон, но это было так неубедительно, что я рассмеялся во весь голос.

— Пошли на хрен, придурки! — прокричал я на-встречу слепящим фарам и ушел, тщательно запирая за собой двери.

Потом я прибежал в регистратуру и выключил там свет, чтобы можно было без помех наблюдать за ментами.

Менты растерянно молчали минуты две, а потом от «козелка» отделилась невысокая тощая фигурка и осторожно направилась к парадным дверям, замирая после каждой пары шагов.

Я прыснул и вприпрыжку помчался в вестибюль. Там я затаился в сумраке двойных дверей и попробовал бесшумно отпереть замок. Это удалось, и, когда мент, отлично видимый в свете фар и сиреневом мареве УФ-ламп, подкрался к самому входу, я присел за дверью и начал тихонько отворять ее менту навстречу.

Раздался ужасающий скрип, от которого я сам зачесался во всех местах — от таких противных высоких звуков лично меня всегда начинает как-то нервно знобить.

На мента это подействовало еще круче — он вдруг замер, выудил из кобуры пистолет и сдавленным голосом спросил:

— Стой, кто идет?

— За-а-а-че-е-ем ты-ы-ы про-о-о-они-и-и-ик в мо-о-ю-ю мо-о-гилу-у-у?? — гнусавым голосом пропел я, стараясь не высовываться — с этого мудака станется, может ведь и стрельнуть на звук...

Мент выслушал мою арию с таким выражением лица, что я сразу понял — проняло кретина до печенок. Поэтому, когда я почувствовал возле своих ног мягкое шевеление, сам чуть не помер, только уже от смеха. Я цепко схватил излишне любопытную красавицу за теплое пузо, положил себе на ладонь и тут же швырнул ее из-за распахнутых дверей навстречу менту, как в кино партизаны швыряют последнюю гранату в надвигающийся фашистский танк.

Кошка полетела в молчаливом изумлении, зато мент громко и гулко икнул в ночной тишине, после чего тут же побежал к «козелку», истерично скользя разъезжающимися ногами по влажному от росы газону.

Я услышал стук захлопывающейся двери и хриплый рев движка отъезжающей машины.

Тогда я выглянул во двор и увидел задние габариты удаляющегося на сумасшедшей скорости «козла». Я пошло загоготал, как телезритель «Аншлага», потом встал во весь рост и начал бить себя в грудь, теперь уже грозно рыча на всю улицу, как Кинг-Конг перед завтраком.

Возвращаясь к себе в регистратуру, я сожалел только об одном — ни Палыч, ни Валера в мой рассказ ни за что не поверят. Я дословно знал, что они скажут: «Вечно ты, Тошка, придумываешь всякую фигню...»

Глава четвертая

Пробуждение было нелегким. Во-первых, разлепить глаза удалось далеко не с первой попытки. Когда я наконец открыл их, мерный шум за окном подсказал мне причину повышенной сонливости — шел дождь. Не майский ливень, не порывистый шторм, а типичный скучный питерский дождик.

Во-вторых, было холодно, хотя на мне оказалось намотано сразу две портьеры, а рядом щурилась и урчала спросонок горячая, как грелка, местная ночная красавица.

Вот ведь какая терпеливая мадам — простила и пришла. Мне даже стало немного неловко за свою недавнюю выходку.

Я с трудом уговорил себя вылезти из теплого кокона и, шагая неверными ногами к раковине, с недоумением смотрел на бледно горящие лампочки так и

не выключенной люстры. Сейчас в дневном, пусть и облачном, свете мои ночные страхи казались постыдной и невероятной глупостью.

Совершив утренний моцион, я отправился на экскурсию по дому. Он представлял собой типовое здание поликлиники, однако неожиданные перепланировки внутри и смелые пристройки снаружи сделали этот дом настоящим лабиринтом. Пробравшись странными фанерными коридорчиками к маршевой лестнице первого этажа, я поразился монументальности этого архитектурного изыска — лестница, длиной не менее двадцати метров, была сооружена из цельных кусков мрамора и больше подошла бы княжескому палаццо, чем обычной районной поликлинике.

Эта лестница, как и все вокруг, тоже была завалена фантастическим хламом — кипами документов, пустыми упаковками из-под лекарств, приборами неясного назначения. Штаб отступающей армии — вот какое сравнение приходило на ум в первую очередь, но для цельности этого впечатления требовался гул артиллерийской канонады, а ее не было. Поэтому казалось, что армия бежала совершенно напрасно, от вздорной, придуманной жалкими паникерами опасности.

Я поднялся на второй этаж и пошел по широкому коридору, с любопытством заглядывая в каждую дверь. Все помещения выглядели одинаково — обшарпанные голые стены, окна без штор и пол, заваленный по колено разнообразным хламом.

Там, где коридор раздваивался, разбегаясь в южное и северное крыло, я увидел то самое оборудование, за которое так переживали в Комитете здравоохранения. Это были четыре столитровых автоклава с выбитыми на дверцах датами изготовления («ЗИЛ 1975 г.») и совсем уже пожилой рентгеновский аппарат, современник Хрущева (если не Сталина). Все оборудование было сложено в отдельном углу и даже отгорожено цепочкой стульев.

Я пошел дальше, намереваясь пройти по коридору до боковой лестницы, а там подняться выше, на третий этаж или дальше. Но тут меня охватило какое-то странное, необъяснимое беспокойство... Я начал прислушиваться к шорохам за спиной, бурно реагировать на странные тени в углах помещений и вообще нервничать.

Поразмыслив, я решил, что дело в том, что я слишком отдалился от выхода из дома и теперь от любой неожиданной опасности мне придется бежать вниз, до вестибюля, метров двести, спотыкаясь об разбросанный по всему дому мусор.

Успокоиться удалось, лишь постояв на балкончике третьего этажа, который располагался точно над главным входом и откуда была видна, сквозь кусты и решетки ограды сквера, вся улица Очаковская. По улице ходили люди и ездили машины, и это обстоятельство вернуло мне уверенность в себе.

Я вернулся в дом и пошел по коридорам третьего этажа к другой маршевой лестнице, чтобы посетить четвертый и пятый этажи, а если получится, осмотреть и крышу.

Впрочем, полноценная экскурсия по дому у меня в тот день так и не состоялась. Не доходя метров двадцати до боковой лестницы, я заметил просторное помещение с распахнутыми окнами. Я зашел, чтобы закрыть их, и увидел

чуть в стороне от двери журнальный столик, к которому были придвинуты три вполне приличных кожаных кресла. На столике стояли три пустых стакана, в центре стола был воткнут грязный пластиковый шприц, а рядом лежало странное орудие — нечто вроде монтировки, только с заточенными до остроты ножа концами. Таким орудием хорошо сначала бить по голове, а потом вскрывать тело жертвы в поисках прав-ды жизни. Рядом с монтировкой стояла пепельница, полная окурков.

Один из окурков еще дымился.

У меня затряслись коленки...

С отчаянием затравленного зверя я огляделся по сторонам, не сомневаясь, что сейчас захлопнется дверь и я окажусь в мышеловке.

Но вокруг было пусто и тихо, и эта тихая пустота пугала еще больше.

Итак, все мои ночные страхи оказались абсолютно оправданны — дом обитаем, причем еще как обитаем! Здесь бродят или даже живут, как минимум, трое наркоманов, а для них, как известно из газет и телика, чужая жизнь равна одной дозе.

Я взял монтировку и попробовал ее в руке — приятная тяжесть металла показалась мне надежной защитой. Такой штукой можно урезонить даже натренированного бойца. Но что, если эти бойцы сами треснут меня по кумполу, зайдя со спины хотя бы после вот этого поворота? Или выступив вот из этой ниши?.. Ведь не страшно крикнуть на весь дом: «Я не боюсь никого!»— страшно, что это может кто-то услышать, прийти и проверить...

Я шел назад, набирая скорость и уже не заглядывая в полураскрытые двери. Добравшись до центральной лестницы, почти побежал вниз, скользя на полированном мраморе. На первом этаже я немного успокоился, а потом, войдя в регистратуру и усевшись на свое лежбище, даже начал себя стыдить за проявленную трусость и упадок духа.

В таком вот состоянии мучительной рефлексии меня и застал Палыч, неожиданно появившийся с пакетом горячих пирожков в одной руке и переносным телевизором в другой.

Он открыл входные двери запасным ключом, но я успел увидеть в окно вишневую «девятку», и поэтому его заготовленный страшный рык с одновременным распахиванием дверей регистратуры позорно провалился. Я смело сказал «пиф-паф», расстреляв приятеля из пальца.

Интересно, чем бы я тебя треснул, если бы ты провернул этот трюк минувшей ночью, подумал я. Но говорить об этом не стал, незаметно убрав монтировку под портьеру.

— Договор подписан до конца года! — Палыч победно вскинул пакет с пирожками.— А если реконструкцию начнут раньше, мы будем охранять стройку.

Я забрал пирожки и начал их есть, пока теплые. Палыч уселся рядом и смотрел на меня, как заботливая мать. Мне стало неловко, и я неодобрительно хмыкнул.

— Ты о чем? — забеспокоился Палыч.

— А деньги когда будут? — спросил я первое, что пришло в голову.

— Ну, ты и вопросы ставишь! Недели еще не отработал на объекте, а тебе уже деньги подавай!

Палыч поискал глазами место, нашел в углу электрическую розетку и принялся настраивать там телевизор, установив его прямо на полу.

Я прожевал очередной пирожок и, принимаясь за следующий, объяснил:

— Если я вернусь домой без денег, Ленка все выходные будет мне мозги полоскать.

Палыч, не оборачиваясь, небрежно махнул рукой:

— Скажи, что в конце месяца будут...

Я хотел было уточнить разницу между «скажи, что будут» и «будут», но тут телевизор ожил и из него понеслись какие-то странные крики вперемежку со звуками бьющихся стекл и истеричных стонов заходящихся от боли людей.

— Отойди, не видно,— попросил я со своего места, и Палыч чуть повернул широкие плечи, оставшись сидеть рядом с экраном на корточках.

Я увидел колыхающуюся массу людей на фоне огромной площади и горящего на заднем плане монументального здания.

— А, архивы какой-то революции,— разочарованно бросил Палыч.— Типа, День погромщика.

Однако закадровый шум вдруг сменился торопливым, захлебывающимся речитативом диктора:

— Беспорядки минувшей ночью прошли и в других городах Республики Татарстан. Однако столица пострадала наиболее сильно — разрушены и разграблены свыше тридцати магазинов и складов, сожжено четыре районных отдела милиции, убит один и ранены четверо милиционеров.

— Ого! — насторожился Палыч.— Это не архив. Это сейчас в Казани творится! Кстати, я пока сюда ехал, на Суворовском тоже видел какую-то демонстрацию. Но у нас вроде демонстранты тихие.

— Странно, что ментов так мало пострадало,— удивился я.

— Это как раз понятно. Они же в таких ситуациях просто разбегаются. Тех, которых зацепили, наверняка по дороге домой отловили. А ты что, всерьез решил, что менты будут чужое добро защищать? — обернулся он ко мне, скривив широкое лицо в горькой смешке.— Они свои участки защитить не в состоянии. Вон, смотри...

Тут, как по заказу, пошла подборка из горящих зданий, на фасадах которых камера выхватывала таблички с аббревиатурой УВД.

Трансляция погрома закончилась появлением в кадре генерала из республиканского МВД. Он монументально восседал за канцелярским столом и бубнил, подглядывая в шпаргалку:

— Как стало известно, минувшей ночью в столице Республики Татарстан городе Казани прошли беспорядки, в ходе которых разрушены и разграблены свыше тридцати магазинов и складов, сожжено четыре районных отдела милиции, убит один и ранены четверо милиционеров...

Генерал просто-напросто повторил текст недавнего репортажа, и мы с Палычем поморщились — своих слов у генерала не было. По-видимому, они не помещались в маленькой голове под большой фуражкой, и бедолаге приходилось заимствовать слова у журналистов и тупых от перманентного перепоя милицейских спичрайтеров.

— Силами правоохранительных органов мародеры были рассеяны, законность и порядок восстановлены... — продолжил нести ахинею генерал.

Меня давно поражал этот удивительный термин «рассеивание», применяемый к преступникам. После трагедии в Буденновске его с удовольствием взяли на вооружение милицейские чины, и никто за два десятка лет не осмелился указать им на вопиющую глупость такого термина. Ведь «рассеивая банду» террористов, милицейские шишки честно докладывали общественности о том, что злодеи успешно скрылись. Но этого было мало — вскоре «рассеивать» начали даже банковских налетчиков, а вот теперь и мародеров. Не удивлюсь, если однажды очередной придавленный фуражкой милицейский мозг родит в эфире гордый доклад об успешном «рассеивании» по городскому парку банды сексуальных маньяков.

Новости закончились, и Палыч стал щелкать пультом в поисках подробностей, но на всех каналах шли ток-шоу для домохозяек, где напудренные до крахмального хруста блондинки оживленно и со знанием дела обсуждали гороскопы, проблемы генетически-модифицированных продуктов, методы воспитания щенков лабрадора, технологию строительства безопасных ядерных реакторов и еще что-то, не оставившее и следа в моей немедленно загудевшей голове.

— Ладно, я поехал. Мне еще техосмотр делать,— пожаловался Палыч на прощание.

— А чего его делать? — удивился я.— Дай баксов сто, и все за тебя сделают.

— Ага, «денег дай»! — возмущенно загудел Палыч. —Я сегодня с утра занимался этим в родном МРЭУ. Так они, не поверишь, денег не берут. Говорят, привези нам...

— ...цветочек аленький,— сострил я.

— Хрен угадал! Портрет президента им нужен, в деревянной раме, шестьдесят на восемьдесят.

— Чего-чего? — не поверил я.

— Портрет президента, в кабинет начальнику! А президента нет нигде, я уже запарился по магазинам бегать... — простонал Палыч и ушел, крикнув на прощание, что к вечеру доставит мне на смену Васильева.

Я достал последний пирожок и уселся смотреть телевизор. Новостей так нигде больше и не было, хотя мне ужасно хотелось узнать, с чего вдруг случилась в Татарии такая серьезная заварушка.

Увы, сначала я набрел на спортивный канал и было обрадовался отсутствию в кадре озабоченно кудахтающих блондинок. Но там, сразу после рекламного блока, принялись звенеть железом и тягать штангу, причем делали это женщины. Я смотрел на них минут десять, пытаясь разгадать ту самую загадку. Ну, вы наверняка знаете: если каждая женщина — это загадка, то самая большая в жизни загадка — это женщина, поднимающая штангу... Впрочем, ничего я там не разгадал, кроме суммы призовых. Довольно скромных, кстати.

За окном послышался шум, и я встал со стульев.

К мокрой от затяжного дождя ограде нашего сквера бежали какие-то странные в своей общности люди: лысоватый грузный мужик с портфельчиком, худенькая женщина лет сорока с двумя пакетами в каждой руке, несколь-

ко субтильных юношей. Раньше всех ограду перемахнули молодые люди — они спрыгнули в садик поликлиники и без оглядки рванули мимо моих окон дальше в глубь сада.

Солидный мужик лезть через забор не стал. Он уперся в него лбом, тяжело дыша. Женщина встала рядом, затравленно оглядываясь, и тут же обоих настигли доселе невидимые мне преследователи — люди в черной форме с надписями «ОМОН» спереди и сзади — и принялись яростно избивать мужика дубинками. От первого же удара мужик рухнул на асфальт, а женщина закричала так, словно били ее. Впрочем, ей тут же досталось дубинкой, и она закрыла лицо руками.

Милиционеры сгрудились вокруг лежавшего на асфальте мужика, покопались в портфеле и его карманах, явно обнаружив какую-то добычу. Потом я увидел, как черная рука потянулась к пакетам, и женщина безропотно отодвинулась. Из пакетов выпала упаковка сосисок, но все те же руки вернули сосиски на место, а потом подняли оба пакета и понесли...

Уходя, один из омоновцев пнул ботинком лежавшего мужчину, но тот по-прежнему молчал, и над садиком раздался торжествующий гогот победителей.

Я поймал себя на том, что обгрызаю на правой руке третий ноготь подряд. Этой дурацкой привычки у меня не было со школьных времен...

Когда я вышел на улицу, избитый мужчина уже сидел на мокром асфальте, а женщина, сдержанно всхлипывая, сидела перед ним на коленях и вытирала его лицо носовым платком.

Я подошел и стал разглядывать их в упор сквозь прутья забора, но они даже взгляда не бросили в мою сторону, слишком занятые собой.

— За что они вас?..— спросил я, оглядывая улицу у них за спиной. Там было видно несколько прохожих, которые жались к стенам домов, не решаясь идти по тротуару.

— Интересно тебе, да? — с неожиданной злобой вдруг отозвался мужик.— На, смотри!..— Он повернул ко мне окровавленное лицо, и я увидел его сломанный нос и огромный, на глазах набухающий фингал под левым глазом.

— Жорочка, родненький, ну что ты ругаешься... — запричитала женщина, испуганно поглядывая на меня.— Молодой человек ведь не виноват, что тебя побили.

— Я точно не виноват,— сказал я мужику, но он отвернулся от меня, подставляя грязное лицо под струйки дождя.

— Мы даже не участвовали в этой демонстрации,— принялась объяснять женщина.— Мы просто вышли в магазин. За покупками шли, понимаете?

— Да кому ты это объясняешь! — Мужик попытался встать, но не смог. Я пригляделся к неестественно вывернутому ботинку и понял почему — у него была сломана голень левой ноги.

Я вытащил из кармана штанов трубу и набрал «112». Там было занято. Я попробовал набрать «03», но там не брали трубку.

— У вас ведь тут поликлиника,— обратилась ко мне женщина.— Может, нам там помогут, как вы думаете?

Я покачал головой:

— Это бывшая поликлиника. Здание идет под реконструкцию.

— Весь город распродали, сволочи!..— прокомментировал мужик, а потом дернул ногой и зашипел от боли.

У него проходил первый шок, и очень скоро от полученных травм ему будет нереально больно.

Я набрал номер Палыча:

— Ты не мог бы подъехать на Очаковскую?

— Что-то случилось? — с тревогой спросил он.

— Со мной порядок. Просто людей тут на улице избили серьезно. Надо бы в больницу отвезти.

Палыч начал орать, и я выключил трубу. Занят он. С серьезными людьми разговаривает. А я его вечно отвлекаю всякой ерундой...

Через калитку я вышел на улицу. Женщина с тревогой смотрела, как я приближаюсь, нервно вытирая окровавленным платком теперь уже свое мокрое то ли от дождя, то ли от слез лицо. Кровь супруга оставляла на ее лице бледные полосы, но женщину это не волновало.

Мужчина равнодушно смотрел перед собой, уже не делая попыток подняться.

По улице проехала машина, и я обернулся посмотреть, что там такое едет. Ехал милицейский «козелок», и женщина истерично всхлипнула:

— Господи, да что же это такое! Убегайте, молодой человек. Они и вас сейчас покалечат!

Я подумал, что и впрямь надо сматываться, но какое-то нелепое упрямство заставило меня остаться.

«Козелок» остановился возле нас, и из машины выбрался грузный седой капитан в форменной куртке из кожзаменителя.

Все мы, не сговариваясь, посмотрели на его руки и все одновременно выдохнули, увидев, что в этих руках нет дубинки.

— Что случилось, граждане? — спросил капитан, приложив руку к фуражке.

— Господи, вы что, нормальный милиционер? — не поверила женщина.

И тут ее словно прорвало... Она минут десять рассказывала, как они с мужем вышли на улицу, за продуктами, а тут ОМОН, который бил всех без разбора — и тех, кто против правительства, и тех, кто просто вышел в магазин, чтобы купить молока, яиц, сосисок — все дорожает, поэтому хотели запастись сразу дня на три, а ОМОН — это же просто звери какие-то, есть ли у них матери, так людей бить, и ведь не просто били — портмоне у Жорочки отобрали, телефон сотовый, даже продукты унесли...

— Это не питерский ОМОН был,— извиняющимся тоном перебил ее капитан и присел рядом с мужиком.

Мужчина открыл глаза и, еле ворочая разбитой челюстью, с ненавистью произнес:

— А мне похрен — питерский,непитерский! Сволочи вы все. Холуи. Фашисты. Морду и ногу залечу и пойду на демонстрацию. Раньше не ходил. Теперь буду. Потому что вы суки. Убить вас мало.

Потом он заплакал от боли, но больше, по-моему, от ненависти. Он даже зажмурился — так противно было ему видеть милицейскую форму.

Капитан привстал и повернулся к машине:

— Семен, помоги!

Из «козла» вылез водитель, наблюдавший за беседой в окно. Капитан просунул свои руки под совершенно мокрые брюки и пиджак мужчины и неожиданно легко встал с ним на ноги.

Водитель засуетился, открывая заднюю дверь, и некоторое время они устраивали там пострадавшего, пытаясь разместить его на двух тесных сиденьях так, чтобы сломанная нога лежала, а не свисала.

Женщина суетливо забегала рядом, но оказалось, что для нее места в «козелке» нет.

— В «обезьянник» садитесь,— предложил капитан, но она не поняла, и ему пришлось самому открывать решетчатую дверь сзади и подсаживать женщину.

Потом «козелок» грозно взревел двигателем, но поехал по улице очень медленно и аккуратно.

Я проводил его взглядом и пошел в дом, поймав себя на том, что опять грызу ногти, как истеричная барышня...

В регистратуре я первым делом бросился к телевизору, но там всюду шли ток-шоу или какие-то сериалы. Новостей не было, и я позвонил домой.

Ленка включила телефон, но ответила не сразу — она укладывала Лизку, а та капризничала и требовала мультик. Перед дневным сном никаких мультиков вредной девчонке не полагалось, и она это отлично знала, но все равно канючила.

У гопников это называется — «пробивать». Ты давишь просто для того, чтобы узнать, насколько можно подвинуть ограничивающих твои аппетиты людей.

Я услышал в трубке, как Ленка не удержалась и рявкнула на Лизку, и та зашлась в горьком плаче.

Наконец Ленка вышла из спальни и раздраженным голосом спросила:

— Ну, чего тебе?..

Мне тут же захотелось отключиться, но я сдержался и вежливо спросил:

— Как ваши дела? А то у нас тут демонстрации какие-то ходят.

— У меня тоже сейчас была демонстрация. Лизка характер демонстрирует,— уже спокойнее ответила Ленка, и я осторожно повторил вопрос:

— А как у вас во дворе, спокойно?

— Да что в нашем дворе может случиться? — удивилась Ленка, и я услышал, как она прошла к окну.— Да все нормально, машины ездят, люди ходят... Вон, Андрей Петрович с четвертого этажа семейство с дачи привез.

Я успокоился. Если чиновник городской администрации не дергается, значит, и впрямь всё в городе под контролем. А отдельные инциденты всегда возможны.

Потом Ленка неожиданно тепло попросила меня не задерживаться, возвращаясь с дежурства.

— Ночью мне было очень грустно,— призналась она.— А еще звонила тетка из Таллина, говорит, у них опять машину сожгли. Прямо под окнами, представляешь? И еще полночи орали «чемодан-вокзал-Россия». Полиция к ним ехала четыре часа, а страховой комиссар вообще не приехал...

Мне эта новость очень не понравилась — перспектива приютить в нашей «хрущевке» еще и эстонских родственников жены убивала наповал. Тут самим места мало, а Лизка подрастет — совсем худо станет...

Поэтому я быстро попрощался, а потом долго глазел в окно, пытаясь хоть там увидеть что-нибудь радостное и позитивное. Впрочем, та часть улицы, что была видна из регистратуры, казалась совершенно пустой. С точки зрения охранника, это было позитивно.

Я вернулся к своему лежбищу и обвел взглядом всю регистратуру, не фиксируясь на бормочущем очередной сериал телевизоре.

Скучно тут, вот что! Впредь на дежурства надо будет брать книжки из тех, что ни за что не станешь читать дома.

В моем личном списке Культурной Укоризны таких произведений было не меньше сотни — всё, что успели написать классики вроде Диккенса, Гюго или какого-нибудь Достоевского. А ведь у Ленки упомянутые граждане числились в любимых писателях, и под них у нас в квартире был отведен специальный шкаф на самом почетном месте — в гостиной, возле телевизора. Сначала я думал, что это дешевые понты типичной выпускницы филфака университета, но потом поверил, что речь идет об искренней любви, недоступной таким неотесанным субъектам, как я. Ленка ведь классиков не просто читала — она использовала цитаты из них так часто, как не пользуют гороскопы телевизионные курицы, когда кудахчут об эпидемии птичьего гриппа...

Повалявшись на своих стульях с полчасика, я опять услышал пару подозрительных скрипов над головой и подумал о том, как было бы здорово прочесать дом хотя бы вдвоем, а еще лучше — втроем.

Ведь у моих товарищей есть оружие, которым они имеют право пользоваться. К примеру, Валерке дежурить будет не в пример легче — у него есть табельный пистолет, из которого он сможет законно пристрелить сколько угодно наркоманов. У Палыча тоже есть казенный «макаров», а когда он окончательно уволится, у него появится «Иж» по лицензии частного охранника. А я, даже если разживусь каким-нибудь «стволом», должен буду потом уныло прятать трупы, как тот же самый наркоман после «мокрого дела». И какая тогда между мной и наркоманом разница, хотел бы я знать?

Дремотную вязкость какого-то сериала вдруг пробила заставка новостей, и я сделал звук погромче. На экране появился напомаженный в разных местах диктор и, гордый собой, сказал:

— Уважаемые телезрители. Сейчас перед вами выступит президент Российской Федерации.

Угодливая улыбка диктора тянулась с минуту, но потом у него, видимо, онемела челюсть, и он начал массировать ее одной рукой. Вторая делала какие-то загадочные пассы невидимому в кадре дежурному режиссеру.

Потом диктор снова улыбнулся, уже с некоторой натугой, и повторил:

— Итак, уважаемые телезрители, сейчас перед вами выступит президент Российской Федерации...

На этот раз умильная улыбка продержалась секунд двадцать, не больше. Потом диктор поскучнел и принялся вытягивать шею куда-то за спину оператору.

Видимо, ответа на свои немые вопросы диктор не получил, поэтому просто закаменел лицом и замер в кадре, став точной копией первого в мире памятника последнему российскому жополизу.

Повисла неловкая пауза.

Пользуясь случаем, я заглянул в бумажный пакет, валявшийся на стульях, но пирожками там только пахло. Пожалуй, до восьми вечера я не дотяну — придется пойти в набег на какой-нибудь местный магазин...

Диктор вдруг вздрогнул, как будто его включили в розетку, и андроидным голосом произнес:

— Уважаемые телезрители, по техническим причинам президент Российской Федерации перед вами сейчас выступить не сможет...

И тут же на экран вернулся сериал, где смуглая бразильская красавица с размаху влепила пощечину мерзкому типу, весьма похожему на нашего диктора. От лица всей обманутой российской общественности, как я понимаю.

До меня дошло, что реальной информации о странных событиях в Казани и Питере, а уж тем более в Таллине я сегодня не получу, пока специальные люди в Кремле наконец не решат, что мне следует знать, а о чем стоит только догадываться. Поэтому я без сожалений выключил телевизор и вернулся на кровать из стульев, намереваясь компенсировать недосып минувшей ночи.

Мне показалось, что я успел поваляться лишь с десяток минут, когда вдруг услышал равномерные удары по входным дверям и надсадные крики: «Тошка, бляха-муха, открывай, скотина!»

Впрочем, все предметы вокруг уже оказались окутаны невнятным полумраком наступающей ночи, и, быстро взглянув на телефон, я ужаснулся — было почти девять вечера.

Я едва всунул ноги в кроссовки и тут же помчался в вестибюль, открывать.

Васильев был сердит, но не настолько, чтобы не пожать мне руку.

— А где Палыч? — спросил я, нагло потягиваясь всем телом, чтоб Валерка не подумал, что мне стыдно.

— Дела у него какие-то. Контору регистрирует, лицензии получает и все такое... — Валера нетерпеливо отодвинул меня в сторону.— Ну, где тут у тебя сексодром? Спать хочу, сил нет.

Я усмехнулся и показал рукой. Валера сначала непонимающе взглянул на меня, потом фыркнул, расправил сутулые плечи и пошел в указанном направлении.

Я запер двери и нагнал его в коридоре:

— Вот сюда.— Я открыл дверь и сделал реверанс, помахав воображаемой шляпой.

Васильев вошел в помещение регистратуры с видом ревизора бюджетного борделя, предполагающего найти неоспоримые доказательства моей виновности в краже казенной мебели.

— Ну, и где тут диван? — спросил он с неподдельным возмущением, закончив визуальный осмотр помещения.

Я показал на табунчик стульев, накрытый портьерами. Валера, нахмурившись, уставился на мою конструкцию, часто моргая белесыми ресницами. В его глазах явственно читался текст, похожий на тот, что мысленно произно-

сят женщины, получая подарки в виде бижутерии от богатых, но скупых супругов.

— Это не диван! — наконец сообщил мне Васильев, задыхаясь от невысказанных эмоций. Он снял очки и протер их об пуловер, который носил, не снимая, последнюю пару месяцев. Но даже сквозь протертые линзы наблюдаемая картинка не изменилась, и Валера повернул ко мне вытянувшееся лицо.

— Да, это всего лишь восемь стульев,— смиренно признал я, скорбно, но фальшиво улыбаясь, как военный оркестрант на похоронах.— Если тебе мало, можешь стырить еще столько же в соседних комнатах.

Васильев осуждающе покачал головой:

— Тошка, это — не диван! Здесь же нельзя пользовать женщин! Стулья будут разъезжаться!

Я демонстративно достал телефон, взглянул на его дисплей и сказал как можно язвительнее:

— Мне пора в супружеское ложе. Тебе рекомендую как следует запереться — тут, в доме, ночуют еще два десятка разных подонков, сбежавших из «Крестов» и окрестных психушек. Я замаялся их ночью гонять. Днем ОМОН приезжал, но даже они не справились.

Грустное лицо Валеры ничего не выражало, и меня понесло дальше:

— Трупы я закапывал в садике на заднем дворе. Двоих не успел закопать, они так и остались на просушке в автоклаве на втором этаже. Кстати, помни — оборудование на втором этаже стоит три твои квартиры, и его стоимость вычтут, если ты позволишь его украсть. Я вот не позволил! — гордо закончил я, зашнуровывая кроссовки, а потом сделал Валере ручкой и направился к выходу.

— Бывай! — спокойно попрощался со мной Валера, и я с разочарованием захлопнул дверь регистратуры

Ни единым мускулом Васильев не показал естественного человеческого страха одинокого хомо сапиенса, остающегося в пустом доме перед лицом неведомой опасности.

Я быстро шел по мрачному вестибюлю, а потом, еще быстрее, по темному скверу и думал, что я, наверное, какой-то особенный, вопиющий, позорный, бессмысленный, жалкий и ничтожный трус. В общем, совсем не такой, как мои решительные и отважные товарищи...

Глава пятая

Лизка снова хлопнула меня пухлой ладошкой по лицу, и я спрятался под одеялом, спасаясь от ежеутренней экзекуции под названием «дочка ранним утром требует от папы внимания».

«Угу-у!» — услышал я торжествующие звуки снаружи и быстро окуклился под одеялом в совершенной формы саркофаг, проникнуть в который, как я наивно полагал, было уже невозможно.

— Ха-ха-ха! — не поверила дочка и зашла с тыла — мои пятки, не защищенные ничем, кроме устной договоренности о недопустимости запрещенных ООН методов ведения войны, оказались под воздействием чьих-то ловких и безжалостных пальчиков.

От щекотки я бешено захохотал, как внезапно разоренный указом президента владелец казино, и поджал ноги к самому подбородку. Увы, хищные щупальца империалистических спрутов и здесь дотянулись до моих пяток, после чего я сдался на милость победителя, выбираясь из-под одеяла с поднятыми руками.

Лизка тут же уселась на меня сверху и, торжествующе хихикая, принялась прыгать на моей впалой груди так, что я потом всерьез решил ощупать ребра на предмет их сохранности.

— Проснулись,— констатировала очевидное Ленка, заходя в спальню.

Лизка повернула к ней свое счастливое лицо и гордо заявила:

— Мама, смотри, какой папа стал послушный! Как Оловянный Солдатик!

Это было сущей правдой — я был молчалив, послушен и вообще мог лишь робко трепыхаться, когда моя Балерина давала мне возможность подышать.

— Папа, ты меня любишь? — спросила вдруг Лизка, на секунду прекратив экзекуцию.

— Да, дочка, очень люблю,— выдохнул я.

— И я тебя тоже. Может, поженимся?

Ленка прыснула, потом присела на кровать:

— Вставайте уже, молодожены! Девять часов, однако.

Ленка была в коротком домашнем халатике, под которым так явственно угадывались упругая грудь и нежные, круглые бедра, что я совершенно автоматически протянул к ней руки и потащил свою добычу под одеяло.

— Ты что, Тошка?! Спятил?! — Ленка испуганно зашипела и уперлась мне в грудь обеими руками.— Прекрати немедленно! — Она показала вытаращенными глазами на задумчивую дочку, с интересом наблюдавшую за моими поползновениями.

Я длинно и шумно вздохнул, но на Ленку это не произвело ни малейшего впечатления.

— Вчера вечером надо было проявлять инициативу, пока некоторые девочки спали... — сказала она со сдержанным негодованием, осторожно высвобождая свое теплое и желанное тело из моих цепких рук.

— А что было у нас вчера вечером?..— начал вспоминать я, но пока вспоминал, Ленка уже встала с кровати, а вслед за ней тут же слезла с кровати Лизка, босая и непричесанная, но очень взрослая в своей длинной ночной рубашке.

— Оденешь девочку, позавтракаете вместе и пойдете гулять. И чтоб не меньше двух часов гуляли! — приказала Ленка, и я опять шумно вздохнул, как тюлень. А что тут еще поделаешь? Оловянный Солдатик не ропщет, он молча выполняет...

Позавтракать мы с дочкой, по обоюдному согласию, как бы позабыли — Ленка отправилась в ванную и контролировать процесс не могла. Так что я быстро сполоснул физиономию на кухне, а Лизка почти самостоятельно нарядилась — я лишь поменял местами сандалеты, которые она, как всегда, перепу-

тала, да накинул на нее розовый китайский плащ. Дождя вроде бы не ожидалось, но в Питере, сами знаете, это ни о чем не говорит...

Лизка послушно спускалась рядом, пока я тащил вниз велосипед, но из подъезда выскочила первой, сразу рванув куда-то к игровой площадке детского садика.

Это, между прочим, через дорогу.

Я опрометью бросился за дочкой и, как оказалось, вовремя — ржавая, битая со всех сторон «шестерка» на огромной скорости пронеслась в шаге от нас с Лизкой и тут же скрылась за поворотом на набережную.

— Вот же твари! — раздался возмущенный голос со скамейки возле подъезда.— Опять Пашка Одинцов со своей бандой рассекает.

Информацией делился дед Марат, обитатель коммуналки первого этажа.

Я рефлекторно сжал Лизкино плечо, и она пискнула:

— Папа, отпусти, больно же!

Я перехватил велосипед поудобнее и взял Лизку за руку, внимательно обозревая улицу.

— Плохие времена наступают... — опять донеслось до меня со скамейки.

Я повернулся к деду, укоризненно сдвинув брови:

— Дед Марат, прекратите свои пораженческие речи! Страна поступательно движется вперед, к удвоению ВВП, а вы тут панику разводите.

Дед неожиданно серьезно покачал головой, потом встал и сделал пару шагов к нам:

— Уезжай отсюда, соколик! И дочурку свою забирай. Спасайтесь все. Потом поздно будет...

Он говорил еще что-то, но тут со стороны улицы донесся знакомый гул, и на дороге показалась все та же «убитая» «шестерка». Машина, взвизгнув тормозами, встала возле нас, и я увидел, что ее салон набит молодыми людьми совершенно гопницкой наружности.

— Эй, ты, мелкий шнырь, подари нам велик! Давай его сюда, сука, не жидись, а то прямо здесь отхерачим!

Я не успел разинуть рта в гневной отповеди, как «шестерка» вдруг снова рванула вперед по улице, а радостный пьяный гогот еще звенел в моих ушах.

За спиной снова раздался старческий голос:

— Говорю вам, спасайтесь сейчас! Потом поздно будет!

Пьяненький дедушка Марат в выцветшем от старости костюме и совершенно немыслимых тапках времен кооперативного движения на пророка не тянул совершенно. Но было что-то слишком достоверное в его упрямых резких движениях здоровой правой рукой и нечто необъяснимо зловещее в выражении лица — так, к примеру, выглядят люди, которые доподлинно знают, что Бога нет, но все равно настоятельно требуют верить, ибо иначе «будет не по-людски».

Я не стал с ним спорить, а просто крепче сжал Лизкину ручку и повел ее через дорогу, на площадку детского садика.

Там уже гуляли наши старые знакомцы — трехлетний Витя с бабушкой, пятилетний Дима с папой и четырехлетняя Ариша с мамой, — так что свои положенные два часа на свежем воздухе мы провели с толком.

Гопники больше не появлялись, и я подумал, что это к лучшему — одно воспоминание об этих мерзких рожах заставляло сжимать кулаки, а глаза застилала мутная пелена ненависти. А еще кто-то страшный, темный и кровавый начинал шевелиться у меня в голове, и становилось ясно, что, если ненависти будет чуть больше, это страшное вырвется наружу и погонит меня делать нечто, что я даже вообразить пока не могу... Это физическое ощущение чужого, поселившегося у меня в башке, появилось после ограбления на радиорынке — видно, здорово меня тогда все-таки треснули.

Ближе к вечеру воскресенья, когда Лизка уже безмятежно дрыхла после прогулки, а я оседлал стул возле компьютерного стола и азартно рубился в Сети с неведомыми противниками в хитовую стрелялку-расчленялку, вдруг ожил мой сотовый телефон. Звонил Игорь и каким-то скучным голосом интересовался:

— Ну, и чего ты себе думаешь?

Я поставил игру на паузу, но в Сети этот фокус не прошел, и меня тут же пристрелили, причем сразу двое неведомых врагов.

Печально глядя на куски окровавленного мяса, изображавшего на мониторе мое нутро, я злобно рявкнул в трубку:

— Палыч, твою мать, ну что еще случилось?!

Палыч помолчал пару секунд.

— В Казани, Питере и Махачкале погромы. Пять человек убито. А виновные рассеяны. Как это понимать, не знаешь?

— Я тебе кто, кремлевский толкователь?! — так же злобно откликнулся я, нажимая на кнопку «продолжить».

По монитору тут же ударила автоматная очередь, потом прямо в меня полетела ракета, и я едва успел увернуться, спрятавшись в каком-то нелепом, залитом зеленой жижей подвале. Впрочем, я чувствовал, что и здесь мне не дадут спокойной жизни, и начал лихорадочно искать какой-нибудь запасной выход наружу, к вожделенным аптечкам и оружейной амуниции.

— Ты чем там занят? — ревниво спросил Палыч, явно прислушиваясь к звукам из колонок моего компьютера.

— Играю,— лаконично ответил я, дернувшись в сторону от очередной ракеты и в полной истерике влупив в направлении неприятеля три заряда подряд из помпового ружья.

Неприятель неожиданно издох, раскидывая свои кишки по экрану, а Палыч, напротив, оживился.

— Ну что ты за безответственный индюк! — укоризненно сказал он.— В стране хрен знает что происходит, а ты в игрушки играешься!..

Тут в меня всадили заряд из космического пульсара, и мое тело размазали в атомную пыль по всей окрестной галактике. Я вздохнул и отключился — сегодняшний противник был мне явно не по зубам...

— Палыч, я помню, что мне в вечер тебя менять. Я приеду, причем ровно в восемь,— раздраженно сказал я в трубку, одновременно щелкая клавишами компьютера — отключившись от игры, я остался в Сети и теперь искал новостные сайты, чтобы почитать последние новости про эту долбаную Казань и

Махачкалу. Известия про Питер мне показались явным преувеличением, так что про это я даже искать не стал.

— В Казани, говорят, сегодня успокоилось,— дополнил Палыч озабоченно.— Зато возбудилось в Башкирии. Понимаешь, нет?

— Нет,— честно ответил я, шаря по заголовкам новостей. Заголовки азартно сообщали, что Филипп Киркоров был пойман не только на пении под фонограмму. Всерьез утверждалось, что устроители фальшивых гастролей возят по стране его чучело, а сам певец лежит в клинике неврозов в одной постели с известным балетмейстером и пишет там разоблачительную книгу про кремлевских гримеров, подмешивающих в пудру кокаин.

Про погромы не было ни слова.

— Это системный кризис,— строго сказал Палыч.— Короче, я на услуги «Ист Пойнта» поднял ценник вдвое, и никто не пикнул. Популярная тема, понимаешь?

— На чьи услуги ты поднял ценник? — не понял я, наливая себе очередной стаканчик пива.

— На услуги ЧОП «Ист Пойнт». Наше с тобой частное охранное предприятие,— объяснил Игорь.

— Наше?!

Я захлебнулся своим пивом и закашлял.

— Наше,— строго сказал Палыч.— Ты там второй учредитель. Так надо. Сегодня бумаги подпишешь.

— А почему «Восточная точка»? Почему не западная или северная?

Палыч раздраженно откликнулся:

— Купил с таким названием. А тебе что, не все равно? Хочешь поговорить об этом?

— Да нет...— пожал я плечами.— Мне, в общем, по барабану.

Ничего плохого я от Палыча не ожидал, ибо человек он был правильный и честный, хотя и резковатый в движениях по жизни. Мог, в общем, учудить какой-нибудь подвиг, не посоветовавшись с вышестоящим начальством, а потом расхлебывать последствия самостоятельно, преданный каждым чином ГУВД в отдельности и правоохранительной системой МВД в целом.

Впрочем, ничему полезному такие последствия Палыча не учили — он лишь подальше выпячивал квадратную челюсть в ответ на едкие комментарии более прагматичных и дальновидных коллег.

Но подводить под неприятности других людей он бы точно не стал, так что звание второго после Палыча учредителя неведомого ЧОП меня ничуть не пугало.

— А денег учредителям дают? — после небольшой паузы нагло поинтересовался я, чтоб он себе не думал, что я какой-то там безвольный винтик его мутного механизма.

Теперь уже захлебнулся Палыч — от негодования.

— Ну ты и жаба! — сообщил он.— Тебя, свинью неблагодарную, делают совладельцем перспективного предприятия, а ты еще за это денег требуешь!..

— Ты все-таки определись, жаба я или свинья. Это же принципиально разные виды животных! — начал я занудствовать, но Палыч уже отключился, попросив на прощание не опаздывать на смену.

На часах было шесть вечера, и я отправился на кухню, поужинать и наделать бутербродов с собой.

На кухне сидела задумчивая Ленка и рассеянно щелкала телевизионным пультом.

— Воскресный телеящик — это что-то! — сказала она мне так, будто я отвечал в этой жизни еще и за программу телепередач.

Я нашел в холодильнике заиндевелую упаковку котлет и быстренько покидал их на сковородку. Ленка проводила котлеты озабоченным взглядом:

— Если сейчас их все сожрешь, завтра будешь лапу сосать. Кстати, когда ты уже каких-нибудь денег в семью принесешь? Посмотри, что на холодильнике творится...

Я послушно посмотрел — там действительно творилось нечто. Стопка из десятка неоплаченных квитанций, в основном за квартиру, красноречиво свидетельствовала о моей вопиющей финансовой несостоятельности.

— Так что там в телевизоре? — с фальшивым оживлением поинтересовался я, глядя себе под ноги.

Ленка вздохнула:

— Культура — это зло, разрушающее духовный мир телезрителя.

— Ага,— тут же согласился я, но осознал ее глубокую мысль, только дважды повторив ее формулировку в ленивом с пересыпа мозгу.

Ленка встала, перевернула на сковородке мои шкворчащие котлеты и запихала в микроволновку пакет с замороженными овощами. Хоть бы на тарелку выложила, что ли...

Кулинарными изысками она меня никогда не баловала — хорошо, что нынче пищевая промышленность радует своих потребителей необъятным ассортиментом полуфабрикатов. Иначе я был бы обречен на яичницу с беконом до самой своей скоропостижной кончины от какой-нибудь прободной язвы.

Я метнулся к компьютеру за оставленным возле клавиатуры пивом, а когда снова зашел на кухню, Ленка смотрела душераздирающий документальный фильм про питерский хоспис. Такое типичное воскресное телевизионное развлечение...

Я с минуту тоже потаращился, как живые покойники функционируют в симбиозе с капельницами и медицинским оборудованием, после чего налил себе пива и грустно сказал:

— Если меня так однажды прижмет, что я буду так зависеть от каких-то электрических приборов и капель какой-то жижи, ты ведь меня отключишь? Не позволишь мне долго мучиться?

Ленка посмотрела на меня с каким-то странным интересом:

— Ты что, в самом деле так думаешь?

— Конечно,— сказал я, задумчиво прихлебывая пиво.

— Значит, немедленно отключить, если увижу зависимость? От приборов и жидкостей? — опять с непонятным нажимом спросила Ленка.

— Ну да! — ответил я, откровенно недоумевая.

— Ну, дорогой, ты сам напросился... — Она неожиданно выхватила у меня пиво и выключила телевизор. Потом ушла в гостиную, и я услышал прощальный писк компьютера.

Ленка вернулась на кухню, села за стол с моим стаканом пива в руке и, цинично отхлебывая, с живейшим интересом спросила:

— Надеюсь, теперь ты наконец чувствуешь себя независимым от приборов и жидкостей? Ты больше не мучаешься?.. Кстати, футбол по НТВ через час, а пива осталась последняя бутылка. Прости, но ты ведь не должен долго мучиться.

Я смотрел на нее в немом восхищении и мысленно аплодировал ее остроумию и находчивости. И в который раз задумался о том, что эта умная, сильная и красивая девушка нашла в таком неотесанном, откровенно туповатом и скучном гражданине, как я.

Мы познакомились на студенческой вечеринке у случайных знакомых, и я даже предположить не мог, что эта эффектная стильная девушка, за которой ухлестывали сразу два потока университета, станет моей женой. Женой нищего, невзрачного, тощего студента-первокурсника, набитого немыслимыми комплексами и фобиями, а главное — не имеющего ни малейших перспектив ни в карьере, ни в бизнесе ввиду полного отсутствия высокопоставленных родственников и полезных знакомств.

Ленка оказалась на три года меня старше и на тридцать три года умнее, и, чтобы она так не подавляла меня своим интеллектом, я придумал довольно жалкую защиту — прежде чем сказать ей хоть слово, я считал до десяти. Это позволило миллиону моих глупостей остаться невысказанными, но еще столько ерунды все же прозвучало вслух, но отчего-то не испугало мою избранницу.

Я говорю «избранницу, а не «любимую», потому что любовь, на мой взгляд, не может быть односторонней, а в то, что Ленка любит меня, я как не верил три года назад, так и поныне не верю. Потому что не за что меня любить, граждане! Сам себе я просто противен, и, если бы вы знали меня, как знаю я, вы бы относились ко мне ровно так же — со снисходительным сочувствием, которым одаривают одноногого инвалида, вышедшего на стометровку рядом с профессиональными бегунами.

На этой стометровке жизни меня так обтесало, что я не всегда уклонялся от ударов, летящих прямо в лицо, — я к ним так привык, что воспринимал их неотъемлемой частью жизни.

Привык, до семнадцати лет проживая вдвоем с матушкой, существуя на ее скудную, практически нищенскую зарплату библиотекаря. Привык в почти ежедневных драках и стычках в своей дворовой школе, наполненной отъявленной шпаной. При том, что я весил едва ли не вдвое меньше любого своего соперника, поскольку с рождения привык еще и к стойкому чувству голода и даже не считал его чем-то противоестественным. Мясо я ел только в гостях, деликатесы видел только на картинках, но вовсе не эти ограничения наполняли меня таким самоуничижением.

Перевернули мою душу два потрясения, случившихся с интервалом в пару месяцев. Первое потрясение — сам факт моего поступления на очень сложный и престижный факультет Политеха, физико-механический. Мне тогда просто повезло с билетами, причем повезло дважды, и я получил две пятерки, по математике и физике — предметам, которые давались мне в школе весьма непросто. Эти пятерки на вступительных экзаменах позволили мне выбрать

самую престижную в среде умных людей специальность — биофизику, и я, как последний чилийский лох, потянулся за наживкой.

Тут подоспело второе потрясение, низвергнувшее мою восторженную душу из рая обратно в чистилище, — лекции и семинары для нашей группы велись на языке, который я не понимал в принципе. Все мои одногруппники понимали, я а — нет. Это был язык сопричастности к знаниям, которые мои сокурсники годами получали в своих специализированных школах или у дорогостоящих репетиторов. Это был язык дорогих учебников, платных семинаров и частных школ. Я не знал ни слова на этом языке, и мне пришлось так туго, что только тупая, многодневная зубрежка чудом спасла меня от вылета на первой же сессии.

Но зубрежка годилась лишь для первого курса — дальше требовалось настоящее, неподдельное понимание. Понимание методов математического анализа, осознание принципов химического взаимодействия огромных трехмерных органических молекул, искренняя готовность отринуть прямолинейные ньютоновские законы ради фантастических в своем безумии формул квантовой физики...

Я продержался еще два года на одном своем железном упрямстве, но и его запасы оказались исчерпаемыми. Парадоксальный симбиоз квантовой физики, органической химии и генетики, именуемый в учебных планах биохимией, добил меня и, кстати, еще с пяток моих более головастых одногруппников.

И вот те, кто остались, кто делал мне ручкой на армейских проводах, все эти умные и уверенные в себе парни и девчонки, для которых даже биохимия была всего лишь инструментом, а не огромной железной стеной, отделяющей их жизнь от остального благополучного мира, стали для меня вечным укором и символом моей очевидной неполноценности, намного более существенной, чем мой бараний вес или скромный рост.

Ленка же была из другого мира — мира умных и благополучных молодых людей, войти в который можно, только в нем родившись.

Поэтому я, как всегда, с трепетом поцеловал ее в высокий чистый лоб, быстро побросал свои котлеты в пластиковый контейнер, добавил пакет с овощами и потопал в прихожую — одеваться.

— Ты что, обиделся? — всполошилась она и побежала за мной в прихожую, но я встретил ее там с улыбкой, еще раз поцеловал, на этот раз в губы, и вышел за дверь.

Если я и обиделся, то только на себя.

Глава шестая

Этот май в Петербурге теплом не баловал. Больше того, стоило мне выйти за порог квартиры, пошел мелкий гнусный дождь, от которого не спасал даже зонтик, потому что питерский дождь, в отличие от прочих, нормальных дождиков, умеет падать как сверху, так и снизу, а также справа и слева.

На пути к станции метро мне должен был попасться остановочный павильон, где я предполагал обсохнуть и прикупить пару банок пивка на смену. Но, добравшись до павильона, я не поверил своим глазам — остановки не было. То есть киоск со всякой всячиной стоял, а крыша остановки и боковые стеклянные панели отсутствовали.

Так коммерсанты ответили на тупой наезд городской администрации, решившей вдруг запретить размещение киосков на остановках общественного транспорта. Согласно постановлению губернатора, сносу подлежали все киоски, встроенные в павильоны. И их действительно сносили, несмотря на стенания торговцев...

Этот торговец нашел нестандартное решение — он снес остановочный павильон, в который был встроен киоск, и теперь выпадал из печального ряда подлежащих уничтожению торговых точек.

Вокруг киоска стояли мокрые пассажиры и громко, хотя несколько неорганизованно, в нецензурной форме выражали благодарность за заботу городской администрации и лично господину губернатору.

Пока я покупал пиво, услышал и более конкретные предложения.

— Было бы нас человек двести, да арматуру в руки взять, можно было бы вчерашнюю Казань здесь повторить... — мечтательно сказал мужик в рабочей спецовке, ни к кому конкретно не обращаясь.— Пошли бы к Смольному, как в старые времена, и всё— кирдык был бы крысам!

— Арматурой их не достанешь,— деловито заметил крепыш в кожаной куртке.— Тут огнестрел нужен.

— А я бы их просто руками душила, упырей! — решительно заявила полная женщина в застиранном китайском плаще и продемонстрировала собравшимся свои мозолистые и действительно крепкие руки.

Я быстро уложил в пакет свое пиво и зашагал дальше, ежась от мороси, проникающей в самые интимные места моего организма.

Я шел и думал о том, что, найдись сейчас среди этой случайной группы недовольных горожан один решительный и бескомпромиссный гражданин, я бы легко пошел за ним громить не только Смольный, но и ни в чем не повинный японский ресторан на ближайшем перекрестке. Потому что даже успешно управляемые телевидением эмоции все равно требуют выхода, и этот выход — отнюдь не драка стенка на стенку с болельщиками чужой футбольной команды.

Я ощущал смутное беспокойство — мне, разумеется, не нравилось ни наше правительство в целом, ни его продажные, тупые и лживые чиновники в отдельности, но и темная стихия не менее тупой и продажной толпы меня тоже совсем не привлекала...

У самой станции метро я увидел знакомую вывеску и, вспомнив ночные страхи и дневных гопников, зашел внутрь.

За прилавком небольшого спортивного магазинчика стоял пожилой худощавый мужчина с нервным, подвижным лицом и быстрыми глазами, стреляющими то в зал, то на улицу, хорошо видимую через одну огромную витрину.

— Мне, пожалуйста, вон ту бейсбольную биту.— Я показал на красивое, но на удивление недорогое деревянное изделие.

Продавец стрельнул в меня глазами, потом в прилавок и наконец сказал:

— Не хочу вмешиваться в ваш выбор, но алюминиевая бита более практична. То, что вы выбрали, сломается после двух-трех ударов. Китайская поделка, понимаете?

Я с интересом заглянул в его живые, скользкие глазки и согласился:

— Хорошо, я возьму алюминиевую. И три бейсбольных мяча, пожалуйста.

Продавец нахмурился и снова внимательнейшим образом изучил прилавок.

— А где вы видели здесь мячи? — спросил он, нервно дергая сразу обеими бровями.

Я улыбнулся, и он тут же с облегчением улыбнулся в ответ.

— Фу, я думал, вы всерьез,— сказал он, принимая у меня деньги, выбивая чек и вручая увесистую алюминиевую биту.

Я попросил упаковать покупку, потому что мне еще ехать с ней в метро, и он принялся искать пакет подходящих размеров.

— Но ведь, согласитесь, это в самом деле странно, когда люди покупают только бейсбольные биты и со-всем не покупают мячей,— заполнил я вынужденную паузу.

Продавец наконец засунул в пакет биту и, почти не дергая лицом, сказал на прощание:

— Странно совсем не это... Странно, что наш хозяин уже второй месяц никак не может поставить решетку на витрину. К примеру, вы со своей битой теперь можете войти к нам даже днем, а хозяина это совсем не волнует.

Я пожал плечами:

— Типа, приглашаете зайти?..

— Да уж найдется кому пригласить... — с непонятным раздражением ответил продавец и отвернулся к кассе.

А я пошел к метро, на ходу заталкивая маленький пакет с котлетами и овощами в большой, где покоилась бита.

Всю дорогу в вагоне я провел стоя, прижатый толпой к угловому поручню, откуда было видно только множество спин и один рекламный плакат про какие-то говяжьи сосиски. Рекламный слоган сообщал, что сделаны эти сосиски с душой. Через пару остановок на креативную глупость обратил внимание своей спутницы некий молодой человек. Он сказал ей восторженно:

— Смотри, Ань, до чего дошел прогресс!.. Коров теперь утилизируют по полной программе, даже душу в сосиски упаковывают. Интересно, как у них это получается?

Барышня испуганно покосилась на плакат, но промолчала, зато откликнулась пожилая пассажирка рядом:

— Да нет, они душу не в сосиски запихивают. Они сначала всю душу у коровушек выматывают, а потом на Запад продают.

— Точно! — воскликнул интеллигентного вида мужик, поворачиваясь к парочке своим узким скуластым лицом, на котором едва поблескивали очки в тонкой оправе.— Они говяжьи души на Запад толкают, под видом загадочной русской души!

— Ты, монголо-татарин хренов, русскую душу не трогай!..— встрял в разговор бритый от макушки до подбородка широколицый юноша, зажатый толпой

возле самых дверей вагона.— Здесь тебе не Казань! Здесь русские молчать не будут, а сразу рога поотшибают!..

— А чего в Казани было? По телику так толком ничего и не сказали. Что было-то?..— с любопытством спросила у бритого пожилая пассажирка.

— Что-что... Что и в Дагестане,— хмуро отозвался бритый.— Русский язык требовали отменить. И суверенитета еще хотели, бляди косорылые...

— Забыли Ивана Грозного! Уж он бы показал татарве поганой, кто на Руси хозяин! — раздался возмущенный бас здоровенного широкоплечего дедка, сидящего с рюкзаком прямо возле меня. Увы, дослушать политнекорректную дискуссию мне не довелось, ибо поезд приехал на мою станцию, и я пошел пробиваться к выходу, толкаясь и размышляя о том, почему мне тоже обидно было услышать такое пошлое сравнение загадочной русской души с говяжьей.

Ведь, насколько я понял из своей семейной мифологии, рассказанной еще покойной матушкой, мой генотип на треть состоял из пронырливых еврейских нуклеотидов, а еще на треть — из бессмертных татарских хромосом. Последняя треть, возможно, была действительно русской, но это же не повод взбрыкивать в метро на незнакомых граждан... Тем не менее за русскую душу стало обидно всерьез, и я даже подумал, а не влепить ли скуластому интеллигенту битой в ухо, если он тоже выйдет на моей остановке.

Но интеллигент остался в вагоне, благоразумно отвернувшись от народа к стенке, и вдобавок спрятал лицо за газетой. Поэтому я молча пошел себе на улицу Очаковскую, поеживаясь от плотной сырости вялого, но бесконечного питерского дождика.

Сумерки уже накрыли сквер бывшей поликлиники, но с бейсбольной битой в пакете идти к зданию оказалось не в пример спокойнее, и я даже потратил минут пять на осмотр дома с обратной стороны.

Окна первого этажа были заперты, а вот на втором одна рама была распахнута настежь, и я решил запереть ее сразу же, как только войду внутрь.

Я отпер двери парадного входа своим ключом и, не заходя в регистратуру к Палычу, прошел к маршевой лестнице. Там, в полумраке фиолетовых теней, на меня вдруг снова накатила волна тревожных скрипов и не-внятных стонов, поэтому я вытащил из пакета биту.

С дубинкой в руке прогулка на второй этаж оказалась быстрой и простой. Я нашел распахнутое окно, надежно запер его на обе щеколды и спустился вниз, небрежно постукивая битой по всяким медицинским шкафчикам и стульчикам, попадавшимся мне на пути.

В коридоре первого этажа, уже возле самых дверей регистратуры, я вдруг остановился, почувствовав неясное движение впереди, в вестибюле главного входа.

Я застыл у стены, прячась за грудой сломанных банкеток, и тогда в коридоре лязгнул передергиваемый затвор пистолета, и грубый голос произнес:

— Руки на голову, сука! Лицом к стене!

Я закашлялся от неожиданности и, пока кашлял, совсем не смотрел по сторонам. Поэтому, когда в метре от меня раздался выстрел и с потолка прямо мне за шиворот посыпалась штукатурка, я ошалел настолько, что едва смог вымолвить в сиреневый сумрак:

— Сдаюсь, Палыч!

Палыч подошел ко мне в упор, держа пистолет у бед-ра, под прикрытием левой руки, как учили в Академии.

— Тошка, ты идиот! — расстроенно сказал мне Палыч, наконец разглядев меня как следует.— Я же тебя чуть не пристрелил. А мне патроны под отчет сдавать!

Я не стал дразнить Палыча прямо там, в коридоре, но когда мы дошли до регистратуры и я увидел сложенные возле ее дверей четыре автоклава и рентгеновский аппарат, то начал комментировать окружающую действительность вслух, без оглядки на былые авторитеты.

Палыч терпел меня минут десять, собирая свои шмотки в большую спортивную сумку, но потом все-таки не выдержал:

— Ты, конечно, среди нас самый смелый пацан, но вот Васильев просил тебе передать, что монтировка в кровати — это уже паранойя. Он себе этой монтировкой чуть яйца не прищемил, пока прошлую ночь ворочался на твоих долбаных стульях.

Впрочем, уйти сразу Игорь все равно не мог — мне еще предстояло подписать кучу бумажек с загадочным логотипом «ЧОП "Ист Пойнт"» и рисованным медведем в левом вернем углу.

Я не глядя подписывал бумажки и одновременно, деликатно хмыкая в кулачок, интересовался, как Палыч сумел в одиночку перетащить ответственный груз со второго этажа под дверь регистратуры.

Выяснилось, что это предложение исходило от Васильева, которого Палыч застал в совершенно безумном состоянии аккурат на втором этаже, среди кучи долбаного оборудования. Оказывается, Валера пере-звонил Палычу, чтобы уточнить стоимость имущества, переданного ему на хранение. Объявленная сумма вызвала шок, и он всю ночь честно бродил вокруг этого хлама, реагируя на каждый подозрительный звук.

Результатом патрулирования стало задержание двух пожилых, упившихся до белой горячки бомжей, которых Валера сдал местным ментам, и расстрел из табельного пистолета несметного количества крыс, которых Васильев, оказывается, боялся больше, чем лишения премиальных за утрату подотчетных патронов.

К утру Валера утомился, но к обеду подкрепился бутылкой водки и голыми руками повязал пятерых местных тинейджеров, вздумавших в тихий субботний день нюхать клей в подвале бывшей поликлиники. Подростков Валера тоже сдал местным ментам, а потом, когда явился Палыч, в ультимативной форме предложил перетащить казенное имущество поближе к штабной комнате.

— Вот какой ответственный, с улицы Очаковской! — поблагодарил я Палыча за поучительный рассказ.

Впрочем, я действительно был поражен вопиющей ответственностью Валерки, беззаветно защищавшего весь этот доисторический железный хлам от покушений со стороны разных асоциальных типов. Что-то есть в Васильеве от персонажей высокоморальных рассказов Аркадия Гайдара, не покидающих ответственный пост, даже если очень хочется писать... Вот и Васильев из тех, кто скорее нассыт себе в ботинок, чем уйдет с поста.

— Ты-то, трусливый гамадрил, небось носа ночью не кажешь за пределы регистратуры? — подкольнул меня Палыч.

Я загадочно улыбнулся и подписал очередную бумагу.

Конечно, с пистолетом в руках можно и героем побыть. А ты попробуй голыми руками в сиреневом тумане кошку поймать! Особенно если ее там нет...

Палыч наконец собрал все свои дурацкие бумажки и упаковал сумку со шмотками. Сразу после этого он направился к выходу, небрежно сделав мне ручкой.

Я понял, что он все-таки на меня немного обиделся. За то, что я всерьез напугал его в коридоре первого этажа.

Ну и ладно, подумал я, запирая за ним дверь. Потом вернулся в регистратуру и первым делом достал из пакета бейсбольную биту.

Да, я, похоже, действительно не герой. Но если что — уделаю так, что мало не покажется...

Глава седьмая

В последних числах июня Валера приволок рекламный буклет туристической фирмы, которую едва не сожрали с потрохами какие-то малоизвестные, но очень наглые бандиты из свежей, этого лета, поросли. Бандиты прошлись по офисам Лиговки, как в подзабытые времена перестройки, сшибая наличные деньги с топ-менеджеров и назначая «стрелки» тем коммерсантам, у кого наличных оказывалось слишком мало.

Бандитам не повезло — прошерстив первые три этажа бизнес-центра, они поднялись на четвертый, а там временно, в ожидании ремонта основного здания, располагался городской «убойный» отдел. Впрочем, красные удостоверения не оказали на грабителей никакого воздействия, и операм, в том числе и Валере, пришлось стрелять, как в каком-нибудь боевике, — с беготней по коридорам, лазанием по крыше и даже криками «ура».

В конце концов наши победили и потом еще неделю отписывались от прокуратуры, объясняя причину появления пяти изрешеченных трупов на территории Управления, но награда нашла все-таки героев — благодарные коммерсанты предложили операм неслыханные скидки на свои услуги. Валерке, к примеру, персонально пообещали «четыре недели счастья на Лазурном берегу всего за три тысячи евро на семью». А когда он сообщил про наличие приятеля с семьей, согласились обслужить на тех же условиях и меня...

Палыч вдумчиво изучил буклет и признал, что дешев-ле только даром. После чего мы с Васильевым отправились оформлять документы на выезд — я для Ленки с Лизкой, а Валерка для своей Катерины и двух деток-близнецов.

Желающих получить шенгенскую визу оказалось неожиданно много. Так много, что не хватило связей Васильева, чтобы решить проблему бесплатно: дополнительно к стоимости путевок мы еще выложили по пять сотен в конто-

ре, удобно расположенной прямо в здании консульства. Впрочем, судя по радостным лицам получателей виз, они готовы были заплатить и больше.

Васильев, в отличие от меня, обошелся без заимствований у Палыча — у него, оказывается, была заначка еще с зимы, когда он получил наконец командировочные за Чечню, где околачивался всю прошлую осень.

Но деньги больше не были для меня проблемой. Минувший июнь вообще оказался самым финансово успешным месяцем в моей жизни — я отдежурил свои десять суток и еще столько же за Игоря, который заматерел настолько, что легко отказался от суточных размером в сто долларов. Так что на руки я получил две тысячи долларов — столько у меня не выходило даже в Элисте, когда мы всем отделением воровали батареи парового отопления с армейского склада и там же, прямо у ворот, продавали аборигенам по пятьсот рублей за секцию.

Говорят, семейное счастье бывает тогда, когда жена не успевает потратить деньги, которые зарабатывает ее муж. Так вот, это правда. Если к концу мая, когда я приволок домой первую тысячу зелеными бумажками, Ленка только недоверчиво приподняла тонкие брови (хотя и повыше, чем обычно), то в июне, когда я выложил перед ней целых двадцать зеленых бумажек, она кинулась меня целовать-обнимать так, как не целовала в постели после трех оргазмов кряду. Поразмыслив, я понял, что деньги — это реальный мужской макияж.

За это время Палыч сумел найти еще двух серьезных клиентов, так что помимо дома на Очаковской наш новоявленный ЧОП отвечал еще за два объекта — склад на Пискаревской овощной базе и магазин оргтехники в Девяткино, на самой окраине города. В качестве рабочей силы я предложил студентов Политеха, и это оказалось хорошей идеей — студенты соглашались работать даже за десять долларов в сутки, поэтому разницу мы тратили на нужды конторы. К концу июня мы смогли купить подержанный микроавтобус «форд» с усиленной защитой подвески, бронированными дверями и усиленными стеклами, а к середине июля договорились о выкупе под офис квартиры на первом этаже «хрущевки» на Ланском шоссе.

Впрочем, вряд ли столь бурное развитие нашего бизнеса было связано с какими-то мудрыми коммерческими ходами — охранный бизнес рос в Питере как на дрожжах, просто потому, что в охране нуждались, как никогда, а вот мужчин, организованных в легальные организации, катастрофически не хватало. Социологи объяснили этот парадокс неважной демографией, но у меня на этот счет было иное мнение — слишком многие мужчины подались на другую сторону баррикад.

Непонятно откуда вынырнувшие толпы совершенно распоясавшихся мародеров теперь уже почти каждую ночь громили один-два магазина, жгли автомашины и даже грабили целые дачные поселки, легко расправляясь с обычной охраной из пенсионеров с одной дубинкой на двоих.

Поначалу в мародеров пытались стрелять, но чины из МВД быстренько выступили по телевизору с разъяснениями, что частной охране запрещено применять оружие «против безоружных людей». А чтобы частники не проявили лишней инициативы, к середине июля все оружие ЧОПов специальным приказом министра МВД было опломбировано в оружейных комнатах. Поэтому

мы даже не стали заморачиваться с лицензиями частных охранников — все равно в них не было никакого смысла.

Я предложил набирать к нам в охранники частных лиц, уже имеющих лицензию на оружие, — у таких никакое МВД не могло отобрать ружья без законных оснований. Идея оказалась плодотворной — в минувшие выходные пост из троих наших мужиков с охотничьими ружьями отстоял магазин в Девяткино, положив мордами на асфальт почти пятьдесят мародеров. Когда мы с Палычем примчались на место происшествия, толпа уже бежала, а менты на такие происшествия давно уже не совались — у них был приказ ГУВД «не обострять» и «не поддаваться на провокации», поэтому они охраняли лишь собственные отделы, коттеджи руководства да кое-что из ключевой городской инфраструктуры.

По утрам, оставляя дома Ленку с Лизкой, я потом не находил себе места, думая только об одном — а что, если сумасшедшие погромщики примутся за жилые кварталы?.. Впрочем, пока о таких ужасах в новостях не сообщали.

Это было очень неспокойное время, и, когда наконец нам позвонили из турфирмы и назвали день отлета, я облегченно выдохнул — за эти четыре недели, что Ленка с Лизкой проведут на пляжах Лазурного берега, ситуация в стране должна будет успокоиться. Ведь никакой бардак не может длиться вечно.

В тот день Палыч заехал за нами на конторском «форде» и даже соизволил вытащить свое пузо из-за баранки, чтобы помочь погрузиться. Потом Лизка, сидя на коленях у мамы, звонким писклявым голоском комментировала все, что видела на залитых угасающим августовским солнышком улицах Петербурга.

Мне тоже хотелось пищать, глядя на разбитые или заколоченные досками витрины и череду бесконечных табличек «Sale» на окнах квартир и офисов. На улицах явно поубавилось дорогих и ярких машин — их заменили черные джипы с тонированными стеклами или убитые в хлам «жигули» с небритыми «бомбилами» за рулем.

Прохожих, напротив, было много, но их вид радости не доставлял — это были хмурые, озабоченные люди, с недоверием и страхом разглядывающие почти каждую машину или группу людей.

Мы должны были забрать еще чету Васильевых, но они жили по пути к аэропорту, на проспекте Стачек, так что нам предстояло еще пересечь центр города, а потом всю его южную часть.

Смотреть на город было все более неприятно — в довершение картины разгрома на перекрестках не работали светофоры, причем гаишников и людей в форме, разумеется, и близко не было видно. Поэтому машины проезжали перекрестки, как в анекдотах, не по правилам движения, а по понятиям — чья машина больше или чей водила страшнее.

Наш микроавтобус пользовался уважением — еще в июле, сразу после покупки, мы раскрасили его в камуфляж и облепили наклейками с изображениями медведей в боевых стойках. Впрочем, с большей вероятностью нас опасались потому, что не было видно, кто именно сидит в таком большом и бронированном салоне...

Васильевы ждали нас уже во дворе — высокая, светловолосая Катя быстро затолкала таких же белобрысых близняшек в салон, уселась сама и потом, с облегчением выдохнув, сказала Ленке:

— Господи, как я рада, что мы улетаем отсюда! Сегодня ночью в доме просто какой-то кошмар творился. Просто ужас!

Мы дождались, пока Валера закинет в салон дорожный чемодан и пару сумок, усядется сам и закроет дверь. Потом раздались вопросы:

— Что было-то?

Валера небрежно отмахнулся, а Катя объяснила:

— Соседей приходили грабить. Человек тридцать явились, какие-то таджики или туркмены, в общем, гастарбайтеры из Азии. А наш сосед — он тоже из тех краев, но давно уже в Питере живет, продуктовый магазин держит. Вот его соплеменники, видать, прознали про богатую квартирку и явились грабить.

— И чего? — оживился Палыч, выруливая со двора на проспект.

— Чего-чего! — раздраженно подхватила Катя.— Валерка, конечно, встал среди ночи, оделся и полез геройствовать! Идиот! — вдруг заорала она во весь голос и отвесила сидящему рядом Валере чувствительный подзатыльник, а потом закрыла лицо руками и заплакала.

— Вот грохнули бы тебя там, и что дальше? Кто бы нас потом защищал? Сосед твой драгоценный? — сквозь слезы простонала она, отворачиваясь к окну.

— У меня работа такая — людей выручать,— виновато буркнул Васильев.

— Идиот! — снова заорала на него Катя, повернув покрасневшее лицо.— У тебя даже пистолет отобрали, чтобы ты никуда не лез, а ты все за свое, выручатель хренов!

— Правда, что ли, пистолет забрали? — не поверил я.

— Правда,— кивнул Валера.— Во избежание провокаций городское начальство распорядилось по всем отделам, чтоб менты, кто не на дежурстве, свое личное оружие сдали в оружейки. При себе оружие носить запрещено под угрозой немедленного увольнения.

— Охренеть... — только и смогли сказать мы с Палычем, глядя друг на друга круглыми глазами.

— Может, они специально все это делают, чтоб мародерам проще грабить было? Типа, заговор такой, все в доле,— предположила Ленка, осторожно поглаживая уснувшую Лизку по голове.

— Фигня! — тут же отозвался Палыч, не оборачиваясь.— Не надо искать заговора там, где речь идет об обыкновенном кретинизме. А в ГУВД сейчас одни кретины и заправляют. Им проще, если менты будут безоружными — значит, не придется отвечать за разные инциденты. А то, что мента прибить могут, так это дело житейское — не генерала же прибьют. У генералов охрана вооруженная, и ее разоружать не будут ни при каких обстоятельствах.

Мы помолчали немного, а потом я все-таки спросил:

— А ты как справился-то там, у соседа, один и без оружия?..

Валера поднял на меня свою нечесаную башку и поправил очки.

— Да вот, как-то справился,— как бы сам себе удивляясь, буркнул он.

— Он с пневматическим пугачом к соседям заявился. И начал орать, что всех перестреляет,— объяснила за него Катя.— Еще фуражку ментовскую

нацепил, кретин! — Она уже справилась со своей истерикой и теперь лишь глубоко вздыхала, постепенно успокаиваясь.

— И чего? — пожелал узнать продолжение Палыч.

— Чего-чего! Сдриснули тут же, как будто их и не было,— ответил Валера, расправляя сутулые плечи.

— Да-а,— покачал головой Палыч.— Права Катька. Кретин ты, Валера, редкостный...

— У соседа две дочки, моим пацанам погодки. И жена беременная, на шестом месяце. Когда ночью его жена закричала, я с кровати и поднялся,— просто сказал Васильев, и мы все заткнулись, потому что тут и говорить было не о чем. И Палыч, и я, да и кто угодно в такой ситуации, разумеется, сделал бы то, что сделал Валерка. Все эти геройства, они ведь не для публики делаются. Если ты пройдешь мимо очевидного беспредела, тебя же потом совесть загрызет, что мог спасти человека, а вот взял и не спас...

Так что я понимал Валерку — мне тоже проще схлопотать по морде, чем пройти мимо. Морда заживет, а вот душа — навряд ли. Не дай бог, забили бы соседских детишек до смерти или как-нибудь надругались бы над соседкой — смог бы нормально жить после всего этого Валера? Конечно, нет. Не жизнь это была бы, а так, существование от рюмки к рюмке.

Мы выбрались на Пулковское шоссе, и сразу поток машин вокруг нас стал гуще и как-то нервнее, что ли. Машины неслись беспорядочным роем. Некоторые, внезапно перестраиваясь, грубо подрезали соседей, но те не реагировали, как бывало, криками и демонстрацией среднего пальца, а упрямо рвались вперед, расчищая себе дорогу дальним светом или клаксонами.

— Как с цепи народ сорвался,— удивился Палыч, вцепившись в руль и выжимая газ до сотни.— Попробую оторваться от этих ненормальных...

Оторваться не получилось — сразу после поворота на аэропорт нам открылась огромная очередь из сотен, если не тысяч машин.

Мы встали в хвост, и Ленка озабоченно спросила:

— Мы успеем?

Я взглянул на часы — пять вечера. До посадки еще три часа.

— Успеем. Если что, побежим напрямик через поле — здесь всего километров семь.

— Да я и по полю проеду, если что... — отозвался Палыч, заглушая мотор и выбираясь наружу. Я вышел следом, потягиваясь и оглядываясь по сторонам.

Народ в очереди тоже повылезал из автомобилей и кучковался в группах, оживленно обсуждая ситуацию. Я подошел поближе и навострил уши.

— Закрыть границу не имеют права! Сначала парламент должен принять закон. И вообще, это будет нарушение гражданских прав на свободу передвижения,— неуверенно убеждал соседей лысый круглолицый мужик, стоя возле такого же круглолицего серебристого «мерседеса».

— Ага-ага! А когда янки в свои вонючие Штаты мне визу не дали, это что было, не нарушение гражданских прав на свободу передвижения? — возразил атлетического вида гражданин в шортах и борцовской майке.

— Если бы границу закрыли, очередь вообще бы не двигалась! А она двигается! — сказала темноволосая женщина, одетая, несмотря на жару, в глухой деловой костюм, где даже юбка была не мини, а намного ниже колена.

Тут у нее зазвонил телефон, и она одним торопливым движением выудила его из сумочки:

— Да, Василий Семенович! О, вы уже в аэропорту? Да, я знаю, но я не могу — здесь какая-то страшная пробка. Да, у меня все документы с собой. Я буду, я обязательно вам все передам, но мне надо проехать эти несколько километров. А как вы проехали? А самолеты летают?.. Что? Что они ищут?.. О боже!.. Да, я поняла... Хорошо, Василий Семенович, до встречи.

Деловая мадам выключила трубу и совершенно потерянным голосом сказала своим собеседникам:

— Никакую границу никто не закрывал. Знаете, отчего такая пробка? Мне Василий Семенович рассказал, он уже в аэропорту.

Она обвела собравшихся совершенно безумными глазами, и на нее заорали сразу оба — и лысый, и атлет:

— Не томи, Кристина! Говори!

— В общем, прошлой ночью ограбили квартиру тещи генерала ГУВД. Вот менты и обыскивают все машины, ну, по списку ищут награбленное. А там, в награбленном, в основном ювелирка. Менты сверяют описания. А народ же везет с собой свое, разумеется. Отсюда и пробка. Никакой политики, короче. Просто люди свое бабло возвращают.

— Вот же суки! — не удержался лысый.

— Козлы, конечно, редкие. Да что там говорить: менты, они и есть менты,— махнул рукой атлет.

Я повернулся и пошел к своим.

— Кто-нибудь везет драгоценности? — спросил я в распахнутую дверь салона нашего «форда».

— Ага. Я везу. Бриллианты,— тут же хором, с одинаковыми саркастическими интонациями, отозвались Ленка с Катей.

Пришлось объяснить ситуацию. Оказалось, что с бриллиантами у наших женщин и впрямь туго, а из ювелирных украшений они везли только кольца да сережки, слава богу, без дорогих камешков.

Очередь двигалась так неторопливо, что через час я всерьез начал уговаривать Палыча рвануть напрямик через поле, но, когда я почти его уговорил, поток машин вдруг продвинулся сразу метров на сто, а потом пошел вперед, вообще не останавливаясь.

Через пару минут мы проехали импровизированный КПП, где на обочине валялась вверх колесами машина ДПС, а рядом, прямо на земле, сидели трое милиционеров с разбитыми в кровь физиономиями.

Еще одна машина с мигалкой стояла неподалеку, и в салоне и рядом с ней шла нешуточная драка еще не-скольких милиционеров со стаей молодых людей в одинаковой спортивной форме.

Еще на обочине стоял автобус, раскрашенный в бело-голубые цвета и с огромной надписью на боку «Зенит». Все машины, проезжая, салютовали отважным футболистам фарами и клаксонами, а некоторые водители даже останавливались и выходили — видимо, подсобить.

— Эх, я бы тоже вышел, да, блин, вас везти надо,— с сожалением заметил Палыч, провожая взглядом грандиозную мешанину человеческих тел.

— Потом выйдешь, Игорь! — всерьез испугалась Катя.

— Да, мальчики, сейчас не надо. Может, на обратном пути успеете поучаствовать. Треснете их там от меня лично,— добавила Ленка, с любопытством поглядывая в стекла задней двери.

Без злорадства смотрел в окно только Васильев. Он перехватил мой взгляд и покачал головой:

— Ребята-то тут при чем? Начальство приказало — они выполняют. Эх, какая херня в родном государстве творится... — уныло протянул он, отвернувшись от дороги, и принялся разглядывать наших деток, уснувших в одинаковых позах — ножками на креслах, а головами на коленях у мам.

Регистрация и посадка прошли на удивление спокойно и быстро — я едва успел растормошить и поставить на ножки Лизку, которую внес в аэропорт на руках, как очередь у стойки рассосалась и девушка в голубой форме, шлепнув печати в билетах, открыла турникет.

— Ну, давай, дорогой, пока! Ты сам-то аккуратнее здесь,— сказала Ленка, растерянно глядя на меня.

Я поцеловал ее, потом наклонился чмокнуть в щечку Лизку, но она восприняла этот жест как приглашение снова забраться ко мне на ручки, и Ленка, уже откровенно плача, с трудом оторвала дочку от меня.

— Папа, папочка, папулечка, я с тобой в самолет хочу! — заголосила Лизка, протягивая ко мне руки, и мое сердце защемило от боли.

— Граждане пассажиры, не задерживайте других, проходите... — вздохнув, попросила девушка в форме, и Ленка с упирающейся дочкой почти побежала по коридору в сектор таможенного досмотра.

Еще через полчаса Ленка отзвонилась, чтобы доложить: все сидят в самолете, он уже покатил по рулежным дорожкам, так что через пару минут мы сможем лицезреть взлет...

Мы вышли наружу, и я проорал в телефон прощальные слова. Потом попросил дать трубку Лизке и сказал ей лично несколько известных только нам с нею слов. Лизка очень серьезно ответила, и тут я снова едва не расплакался.

Рядом что-то похожее орал в свой телефон Валерка, и мне пришлось отойти, чтоб он не сбивал меня с мысли.

Потом мы втроем подошли к ограде аэродрома. Там на бескрайнем зеленом поле действительно рулил на свою полосу огромный «Боинг», и мы полюбовались его взлетом, сжимая на счастье кулаки за своих дорогих и любимых.

Когда самолет скрылся в серо-голубом вечернем небе, Палыч с гадкой усмешкой повернулся к нам с Валерой:

— Ну что, мужики? Теперь по бабам?

Валера поправил пальцем очки, посмотрев на меня вопросительно, и я, пожав плечами, осторожно ответил:

— Можно...

Но на всякий случай еще раз взглянул на небо — не возвращается ли самолет.

Глава восьмая

К тому времени мы лично не дежурили ни на одном из объектов фирмы — Палыч выплачивал нам с Васильевым зарплату в полторы тысячи евро каждому за контроль над штатом в сотню студентов и охотников. Среди моих объектов числился и дом на Очаковской, который я «закрывал» шестью студентами Политеха — по одиночке они работать наотрез отказались, но даже зарплата в десять долларов за сутки оказалась уместной для вечно тощих студенческих кошельков.

— Поехали на Очаковскую,— сказал я друзьям, ожидающим моих предложений.— Там сегодня Семен с Коляном дежурят, с машиностроительного факультета. Они меня звали — у них на вечер назначен просмотр ужасного ужастика. Приглашены сокурсницы, числом штук десять. Без кавалеров. Короче, будет из чего выбрать, и вообще — развеемся!

— Просмотр ужастика? На Очаковской? — удивился Палыч, усаживаясь за руль «форда».

— Ну да! Там же страшно. Ночь, туман, голоса и все такое... — напомнил я антураж бывшей поликлиники, но Палыч сделал вид, что не понимает, о чем идет речь. А может, и вправду забыл, как всего пару месяцев назад истерично стрелял в меня из пистолета, обалдев от ужаса в сиреневом тумане первого этажа тихого медицинского учреждения.

Мы поехали обратно по Пулковскому шоссе, машины на котором теперь уже совершенно успокоились и двигались неспешно и предупредительно. Большинство водителей прижимали трубки телефонов и о чем-то договаривались с невидимыми собеседниками или, что точнее, собеседницами. Впрочем, конечно, они еще мог-ли в этот субботний вечер размещать заказы на рекламу стеклопакетов или даже шарикоподшипников, но в последний вариант, глядя на эти сладкие улыбочки, мне верилось с трудом.

Это была удивительная автоколонна мужиков, проводивших в аэропорту своих женщин и теперь откровенно направляющихся к любовницам или, на худой конец, к блядям. Завораживающее зрелище — я любовался им минут десять, пока меня не вернул к реальности Палыч, подсказавший, что в гости к бедным студенткам без жратвы и выпивки ездить не положено.

Мы въехали в город, и я долго и безуспешно таращился по сторонам, разыскивая среди мелькающих вывесок витрину ночного продуктового магазина. Но таковых не было, и, когда мы уже пересекли центр города, я огласил салон микроавтобуса возмущенными претензиями к магазинам вообще и к Петербургу в целом.

Васильев, устало почесывая отсиженную задницу, объяснил мне, дураку:

— С первого августа все ночные магазины закрыты распоряжением губернатора. Во избежание проблем с погромами.

Палыч тут же закашлялся за рулем, удивленно комментируя эту новость:

— Какие же у нас тупые чиновники! Вместо того чтобы обеспечить безопасность ночных магазинов, они закрывают сами ночные магазины! Пять баллов! Кретины!

Пришлось ехать в сетевой супермаркет, сделав крюк километров в пять.

Супермаркет охраняли человек двадцать сотрудников ОМОН, все, как один, с короткоствольными автоматами в руках, и я подумал, что этих ребят, наверное, сняли с охраны банков или, что вернее, какого-нибудь государственного объекта.

Всех троих в магазин не пустили. Строгий майор даже не стал обсуждать эту возможность, просто указав кивком квадратной челюсти на колесную тележку:

— В магазин войдет один. Купит, чего надо, и выйдет. Остальные ждут здесь и помалкивают. Или получат в табло вот этими прикладами.

Майор показал нам на облупленные приклады автоматов своих архаровцев, и Палыч с Валерой послушно остались на пороге магазина, наказав мне не скупиться. Денег при этом, что интересно, не дали, так что всю выпивку и жратву на общую вечеринку я закупал сугубо на свои.

Тележку я заполнил быстро. Молчаливая очередь тоже двигалась без задержек. Добравшись до касс, я увидел там за стойками не привычных девушек в мини-юбках, а суровых мужиков в черной форме, с наручниками и газовыми баллончиками на поясе.

Расплатившись, я выкатил тележку на пандус из-за спины окаменевшего от долгого стояния майора и начал махать своим друзьям, похоже, уснувшим в микроавтобусе.

— Да забирай ты свою жратву вместе с телегой, не парься,— посоветовал очнувшийся от спячки майор.

— Чего так? — не поверил я.

— Нас утром снимают с объекта,— объяснил майор.— Так что один хрен, через восемь часов тут все разнесут, вместе с тележками.

Я сунул ему банку пива. Он равнодушно ее открыл и так же равнодушно опустошил за пару-тройку глотков прямо на боевом посту.

Я подкатил телегу к микроавтобусу и сердито стукнул бронированный борт:

— Открывай!..

Боковая дверь тут же отъехала в сторону, и я увидел заспанную физиономию Валеры.

— Приперся наконец,— пробормотал он, почесывая уже не только свою отсиженную задницу, но и голову. Интересно, как он умудрился отсидеть голову?..

Мы не стали возиться с перекладыванием банок, бутылок и пакетов из корзины в салон.

— Корзину подарили, так что берись спереди,— бросил я, и Валера, одобрительно хмыкнув, помог втащить мою добычу в машину.

Потом минут пять мы молча сидели в салоне, тупо ожидая, когда Палыч соизволит двинуться с места, пока Валера не привстал и не разглядел закрытые глаза нашего водителя.

Васильев быстренько изучил ассортимент продуктов в тележке и шепотом спросил:

— Кетчупом мажем или майонезом? О, да тут и горчица есть!..

Я не успел ответить, потому что к нашему «форду» подошел омоновец, но не со «стечкиным», как у всех местных, а с «калашом» наперевес, и рявкнул так, что не только я, но и Палыч подпрыгнул спросонок:

— Эй, вы, там, в автобусе! Здесь не стоять! Завтра днем шакалить будете! А сегодня у нас есть приказ стрелять на поражение!

Омоновец еще что-то говорил, все более выразительно размахивая автоматом, но Игорь уже завел двигатель и тут же, без разогрева, тронулся с места, аккуратно объезжая нервного мента.

Только отъехав от супермаркета метров на триста, Палыч наконец высказал все, что думает о своем гонителе:

— Вот ведь мудило! Чего так орать? Водку им там бесплатно выдают, что ли?

— Кстати, очень даже может быть... — бросил завистливый взгляд назад Валера.

Мы ехали по вечернему городу, погруженному в кромешную тьму — не работали даже светофоры и уличные фонари (что уж говорить про рекламные щиты!). За окном я не видел ничего, кроме темно-серых клякс, невнятных теней или явных черных дыр. При этом на перекрестках, под арками кварталов старого города или прямо на широких тротуарах спальных рай-онов тревожно мелькали огоньки сигарет и карманных фонариков.

Жители «культурной столицы Европы» готовились к очередной ночной вахте, где одним предстояло защищать, а другим — отнимать.

Отсутствие света в городе компенсировалось множеством удивительных звуков. Там, в темноте, кричали, пели, плакали и даже выли, и от этой дикой музыки у меня в башке заворочался знакомый страшный зверь...

Я чувствовал себя дичью — заведомо обреченной, давно обложенной опытными охотниками. Вот сейчас на дорогу выскочит толпа темных, злобных людишек, они бросятся под колеса и, хотя нескольких «форд» задавит, но потом непременно увязнет, остановится, и уцелевшие яростно обрушат на машину свои арматурины и дубинки, потом умело раскачают ее и, уронив боком на асфальт, начнут свой бешеный танец неандертальцев, завалivших мамонта...

Меня снова качнуло, и я, не открывая глаз, нащупал спинку сиденья, вцепившись в нее мертвой хваткой.

— Тошка, да вставай же ты, задолбал тут спать! — услышал я возмущенный голос Васильева и почувствовал очередной толчок в плечо.

Я открыл глаза и с минуту спокойно наблюдал за Валерой, который, устав меня будить, самостоятельно вытащил тележку с продуктами из салона и теперь ждал меня в знакомом сиреневом полумраке сквера на Очаковской, небрежно пожевывая папиросу.

Тогда я встал и, кряхтя и постанывая от жалости к себе, выбрался из машины. Мне очень хотелось спать, но было ясно, что этого мне сейчас сделать не позволят.

— Машину как следует заприте, мужики! — послышался голос Палыча. Оказывается, он успел уже пройти в дом и командовал в регистратуре, в распахнутом окне которой мелькали призывные силуэты и слышался звонкий девичий смех.

Я захлопнул дверцу «форда» и проверил двери с другой стороны. Все было надежно заперто, и я пошел к дому нетвердой походкой только что проснувшегося человека.

Бывшая поликлиника поразила меня своей неожиданной обустроенностью и каким-то даже не домашним, а киношным уютом — так декорируют студийные павильоны для съемок о тяжелом житье-бытье среднего класса.

В вестибюле было не просто чисто — вдоль стен стояли пальмы в кадках, а почти весь пол был застелен явно новым ковролином. Еще одна дорожка вела в регистратуру, где я, к своему изумлению, увидел роскошный сексодром — огромный диван, занимавший половину этой, к слову совсем немаленькой, комнаты.

Семен и Николай, два крепких студента, лично отобранных мною в общаге машиностроительного факультета Политеха, приветствовали меня, соблюдая корпоративную субординацию:

— Здравия желаем, Антон Львович! Рады вас видеть на нашей вечеринке!

Я солидно кивнул, как и полагается начальнику, прошел на середину комнаты и с любопытством огляделся.

Чтобы понять, во что превратилась бывшая регистратура бывшей поликлиники, достаточно было увидеть розовые плюшевые обои. Но это была лишь одна деталь из множества, превративших суровое присутственное место в бордель, салун и гостиную имени Ксюши Собчак одновременно.

Розовые пуфики, занавесочки с рюшечками, огромные постеры с мускулистыми качками и голыми девицами, плюшевые собачки, разбросанные по полу, и даже зеркало размером с четверть стены — в такой комнате невольно начинаешь искать стойку кассы с хозяйкой борделя во главе, но стойки я так и не увидел.

Зато увидел сидящих на широком подоконнике трех симпатичных молоденьких девушек, с любопытством разглядывающих меня.

Рядом с девицами стоял ужасно важный Палыч. Указывая на меня широкой ладонью, он сказал:

— Знакомьтесь — Антон! Мой молодой, но перспективный сотрудник. Рекомендую!

Девушки мило улыбнулись и прощебетали:

— Инна.

— Мила.

— Яна.

Я тут же забыл, кто из них кто, и, повернувшись к своим студентам, спросил, указывая на обстановку вокруг:

— Откуда дровишки?

Оказалось, добро натаскали из разграбленного и наполовину сожженного две недели назад мебельного магазина в квартале отсюда. Увидев мое резко поскучневшее лицо, ребята тут же принялись оправдываться:

— Мы сами внутрь не заходили. Подобрали только то, что мародеры бросили на улице.

Палыч обошел вокруг дивана и спросил, задумчиво попинав его со всех сторон:

— А это чудо вы как сюда втащили?

Ребята, отчего-то дружно покраснев, указали на окно.

— Раму сняли и внесли. Потом обратно все поставили, как было,— осторожно подбирая слова, объяснил Семен.

Тут подал голос Васильев, доселе скромно сидевший на розовом пуфике в углу, закрытый продуктовой тележкой с головой:

— А где же ваши остальные... м-м... гости?

— Девчонки-то? Сейчас придут. Они пошли по дому гулять,— отозвался Семен.

— И не страшно им? — Я вспомнил свои приключения здесь.

Семен и Коля с недоумением уставились на меня:

— А кого тут бояться? Бомжей и гопников еще вы в свое время отвадили, а всякую одиночную шушеру мы тут гасим в один удар.— Семен показал глазами на стойку возле двери, на которой, помимо моей исторической монтировки и бейсбольной биты, лежали еще металлические нунчаки и милицейская дубинка.

— Ну, и еще кое-что у нас имеется... — впервые за этот вечер подал голос Николай, поднимая подол своей рубахи. Я увидел револьвер, небрежно воткнутый за брючный ремень.

— Боевой? — насторожился я.

— Газовый, но такой... э-э... как бы усиленный... В общем, дробью шмаляет так, что двери пробивает,— с гордостью пояснил Николай.

— Нас тут в районе уважают,— похвастал Семен.— Если где рядом заварушка, к нам за помощью бегут.

— Ну а вы? — с интересом спросил я.

— А мы — помогаем! — бодро ответили оба студента, расправляя широкие плечи под восхищенными взглядами своих подруг.

— Короче, тимуровцы, мля,— бросил вполголоса Валера, то ли с укоризной, то ли с гордостью за родной Политех.

Тут в коридоре послышался отчаянный визг, а потом дружный взрыв здорового девичьего смеха.

Дверь распахнулась, и в комнату влетела смешная рыжая девчонка в каких-то совершенно минимизированных джинсовых шортах и отважно распахнутой белой блузке. Девчонка сначала с размаху захлопнула дверь, а потом прислонилась к ней спиной и, обреченно закатывая глаза, сказала в пространство:

— Как же они меня напугали, эти противные мерз-кие сучки! Я в этом долбаном коридоре на втором этаже чуть не описалась от страха!

Тут девушка заметила в комнате посторонних и сразу посерьезнела, вопросительно поглядывая то на меня, то на Семена с Николаем:

— Это ваше начальство, да? — и, уже глядя только на меня, торопливо добавила: — Мы не хулиганим, не волнуйтесь! Мы сейчас уйдем!

— Лично я тоже не прочь похулиганить,— отозвался из-за тележки Васильев, и девица с вежливым вниманием на лице посмотрела в его сторону.

Я с восторгом разглядывал незнакомку, и в моей, вдруг посвежевшей и совершенно проснувшейся, голове крутилась только одна и, разумеется, пошлая

мысль — неужели они делают это на одном, пусть и большом диване?.. Я вот так не умею и не хочу — мне понадобится, как минимум, изолированное помещение. Но найдется ли в доме подходящая мебель?

— А что, у вас тут только одно жилое помещение? — вдруг деловито спросил у Семена Палыч, и я повернул голову, чтобы посмотреть на приятеля. Так и есть, Игорь с откровенным, прямо-таки животным вожделением таращился на рыжую.

Ну уж нет! Перебьется! Что же это делается, граждане! Впервые за три месяца усталый работяга видит симпатичную барышню в подходящей обстановке, и вот те раз — эту девочку тут же пытаются увести...

— Насчет похулиганить — это надо ко мне обращаться,— веско начал я, поворачиваясь к рыжей самым своим выигрышным ракурсом, то есть в профиль.— Вот как-то гуляю я по Лазурному берегу, чуть правее Ниццы, а тут навстречу Абрамович с женой несется. Ну, конечно, замечает меня и останавливается в изумлении. И говорит...

— А говорит он вот что: отчего ты, Тошка, до сих пор водку не открыл!.. Она же стынет! — перебил меня Васильев, смело выдвигая из-за тележки свое сутулое туловище навстречу судьбе. Тоже, значит, заметил красавицу, Пинкертон самоходный.

Рыжая скользнула по Валере равнодушным взглядом и повернулась ко мне, доверчиво хлопая мохнатыми ресницами:

— Да? И что там Абрамович? На пиво-то удалось перехватить?

Я с удовольствием смерил ее восхищенным взглядом и отрицательно покачал головой:

— Я ему одолжил только сотню. Он ведь мне, зараза, еще с прошлого года штуку никак отдать не может.

Рыжую звали Ленкой, и вообще это было какое-то наваждение — мало того что она была похожа на мою Ленку, так она еще оказалась студенткой ЛГУ, причем тоже с филфака. Везет же мне на образованных барышень!

Впрочем, в отличие от моей Ленки рыжая Ленка к Питеру никакого отношения не имела, а прибыла к нам на учебу из некоего города Каратау, что находится в Республике Казахстан.

Когда мы расселись со стаканами на гостеприимном диване, а Васильев налил нам всем водки, Лена в двух словах рассказала мне историю своей жизни:

— Я из семьи немецких переселенцев. Поэтому моя фамилия Клят. В переводе с немецкого — «замечательная».

— Ну, это ты преувеличиваешь,— заявил я, хмурясь изо всех сил.— Вот, помню, гуляю я по Лазурному берегу, а навстречу мне замечательная Наоми Кэмпбелл ковыляет. Туфли за штуку евро ногу ей натерли, вот она в них и ковыляет уныло. Ну, а я ей и говорю...

— Жаба ты противная! — опять встрял Васильев, сидя на розовом пуфике напротив и ревниво глядя на нас с Ленкой.— Сколько можно парить мозги бедной девушке! Говори уже правду — третий брак, четверо детей, алименты задолбали...

Я с возмущением поднял глаза на Васильева и показал кулак.

— Я ему не верю,— обнадежила меня Лена, чокаясь со мной своей водкой.— На самом деле алименты тебя не вовсе задолбали, верно?

— Верно,— осторожно кивнул я, ожидая продолжения.

— Ты совсем не похож на человека, который платит алименты,— продолжила Лена.— Ты, скорее всего, сматываешься молча, не прощаясь.

Я печально вздохнул и потупился:

— Всё намного хуже. Вампиры мы! Я ведь на прощание выпиваю из жертвы всю кровушку.

Лена подняла на меня ясные зеленые глаза и ухмыльнулась:

— Как это кстати! У меня нынче этой крови — просто завались!

Васильев тут же зашелся в радостном кашле, едва ли не повизгивая от восторга, а я разочарованно протянул:

— Да ты что? Именно сегодня? Значит, никакой надежды?

— Увы,— признала она, допивая свою водку.— Но ты не переживай. Смотри! — Она показала на дверь, и тут, как по волшебству, дверь отворилась, и в регистратуру вошел целый выводок девиц разной степени одетости, все ужасно возбужденные прогулкой по бывшей поликлинике, все очень веселые, разговорчивые — это был такой контраст по сравнению с тем, что я видел последнее время в городе, что я невольно улыбнулся им, улыбнулся тепло и радостно, несмотря на то что находился под прицелом пары внимательных зеленых глаз.

— Ну и как? — спросили меня эти внимательные глаза.

— Ты — лучшая! — ответил я совершенно искренне.

Лена понимающе усмехнулась, но что-то живое все-таки шевельнулось в ее посуровевшем безжалостном лице, и она отдала мне свой пустой стакан:

— Твоя тележка — ты и наливай. Кстати, есть мне тоже хочется...

До тележки я пробирался с боями, как на бесплатном фуршете для ветеранов войны, устроенном в рай-онной администрации,— меня толкнули и ущипнули раз десять, пока я шел туда и обратно.

Вернувшись с добычей на свой уголок дивана, я передал Лене стакан и пластиковую тарелку с закуской. Она благодарно кивнула и принялась есть, аккуратно цепляя пластмассовой вилкой разнообразные деликатесы, щедро наваленные мною в ее тарелку.

Я деликатно отвернулся от голодной студентки в сторону, наблюдая процесс подключения огромной плазменной панели к DVD-проигрывателю. Панель извлекли из-под дивана и просто прислонили к стене.

— Панель тоже на улице подобрали? — насупился Палыч, но Семен протестующе вскинул руки:

— Игорь Палыч, мы не мародерствовали! Панель нам одолжил мужик из дома напротив. Сам-то он в Штаты смылся, а квартиру пустой оставил. Самая ценная вещь у него в квартире — это панель. Вот и отдал на сохранение. Приедет — вернем. Я же говорю: нам здесь, в районе, народ доверяет.

Игорь задумчиво покачал головой:

— Ну ладно. Тогда молодцы.

— А то! — гордо подытожил Семен, подключив наконец к панели шнур от проигрывателя.

Весь выводок девиц расселся на диване, растолкав нас от центра к краю своими упругими бедрами.

С трудом оторвав взгляд от разнокалиберных, но одинаково заманчивых девичьих поп, я обернулся к Лене и в упор столкнулся с ней глазами.

— Красиво, да? — спросила она, подцепляя на вилку маслину с уже пустой тарелки.

— Очень! — честно признался я, на всякий случай виновато пожав плечами.

Васильев перебрался со своего пуфика напротив нас с Леной в самый центр дивана и возлежал там, как персидский шах среди наложниц, деловито подливая водку в ближайшие стаканы, так что нам с Ленкой никто не мешал строить друг другу глазки.

По панели прошла волна цифровой ряби, а потом зловещая музыка и тревожный видеоряд с какими-то осенними пейзажами быстро погрузили всех нас в атмосферу ужасного ужастика. Семен метнулся к двери, вырубая общий свет, а потом все затихли, не отрывая глаз от панели.

Я косился на экран и думал о том, в каком парадоксальном мире я живу — на улицах Питера сейчас творится такой ужас, что никакому Голливуду не приснится. Но этого, реального, жизненного, настоящего ужаса нашим девушкам мало — им подавай еще ужас киношный, красиво сделанный и грамотно поданный. Да еще в соответствующей обстановке... Если бы Семен с Николаем дежурили в морге или крематории, не сомневаюсь, что все эти девицы приперлись бы на просмотр ужастиков даже туда — в погоне за острыми ощущениями и приключениями на свои упругие попы.

Тут я почувствовал движение рядом и сказал Ленке осторожным шепотом, вспомнив известный анекдот:

— А хочешь, пойдем посмотрим на звезды?..

— На звезды без презерватива смотреть не пойду! — процитировала окончание анекдота Ленка, но послушно поставила на пол стакан и тихонько встала, направляясь к двери.

Все ж таки чему-то учат их там, на филфаке, подумал я, выбираясь вслед за Ленкой в темный коридор.

— На звезды — это на крыше? — спросила меня Ленка, упершись руками мне в грудь и мечтательно закатив глаза.

— Точно! — сказал я с воодушевлением, схватил за руку и повел на крышу, осторожно пробираясь среди так и не убранного медицинского хлама.

Уже на третьем этаже ко мне вернулось привычное теперь уже чувство опасности, а на четвертом пришла и одышка. На пятом мы дышали одинаково тяжело, пока я вскрывал своим швейцарским ножиком хлипкий замок чердака, но, выбравшись на крышу, перестали слышать друг друга, потому что звуки большого города захлестнули нас неожиданно будоражащей волной.

— Смотри вон туда, опять чего-то громят!..— Ленка показала на мельтешащие пятна света и тени где-то в районе центра, и я послушно уставился на эти тени, пытаясь увидеть больше, чем полагается видеть тому, кто, ничем не рискуя, наблюдает за страшной трагедией с безопасного расстояния.

Там, в центре, горело что-то многоэтажное, а вокруг шевелилась и кричала злая толпа. Потом вдруг эта темная масса поймала ритм своих злобных криков и отчетливо запела «Интернационал».

Тогда Ленка обхватила меня своими нежными, теплыми руками, и я тоже обнял ее, бережно опуская на крышу.

— Нет, я хочу всё видеть,— прошептала она, и тогда я просто повернул ее к себе спиной, уложив на бортик крыши, и двумя простыми движениями обнажил ее стройное, белое тело.

Она смотрела на стонущий в безудержном страхе и гневе Петербург и стонала на весь город в такой же безудержной страсти, а я смотрел теперь уже только на нее, сходя с ума от счастья обладания таким юным, щедрым и чувственным телом.

Сейчас мне было плевать на весь город, но вот звезды действительно завораживали, и я, на минутку взглянув на них, уже не мог оторвать от них своего изумленного взора.

Звезды кружились и даже приплясывали с нами в такт в призрачных бликах случайных фонарей, а потом одна из звезд стала расти, а спустя минуту даже отчетливо гудеть, приближаясь к земле.

Когда светлое пятно выросло до размеров Луны, я увидел, что это не звезда.

— Самолет! На город падает самолет! — закричал я, но остановиться было уже не в моих силах, и я продолжал делать с рыжей то, что делал, иногда даже кусая ее в припадке какого-то страстного, неудержимого безумия.

Ленка подняла голову и тоже заорала на весь город нечто нечленораздельное, но очень животное, и потому абсолютно понятное мне сейчас. И я заорал то же са-мое, извергаясь в нее, но не сводя взгляда с медленно падающего на город самолета.

...Она кончила вместе со мной, когда в паре километров от нас раздался взрыв такой силы, что до наших обнаженных тел долетел жуткий, как дыхание смерти, запах жженого пластика.

Тогда я обнял ее и опустил на крышу, закрыв собой от всех опасностей сразу.

— Еще,— сказала она, нервно кусая губы, и я жадно обнял ее, теперь уже так, что ее губы упирались в мои. Она закрыла глаза, совсем размякнув в моих руках, ее лицо поплыло в неверных отсветах разгоравшегося неподалеку пожара, но она, мягко улыбаясь, едва слышно выдыхала одно и то же слово:

— Еще! Еще! Еще!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава девятая

Палыч подбросил меня до моей убогой, а теперь еще и уныло — пустынной «хрущевки», пожал мне руку, одобрительно ухмыльнувшись на прощание, а когда я уже вышел из машины и шагал к дому, крикнул в открытое окно:

— Завтра утром у меня встреча с одним важным перцем! По результатам будет разговор с тобой и Валеркой. Никуда больше не пропадай.

Я устало махнул ему рукой, и он уехал, еще раз ухмыльнувшись мне в окно.

Я понимал причину этой ухмылки. Мы с Рыжей успокоились и взяли себя в руки в переносном смысле, ото-рвавшись в смысле реальном, только к обеду следующего дня.

Точнее, аккурат в обед, уже после полудня, мы в последний раз сошлись с ней в отчаянном объятии на крыше поликлиники, теперь не под луной, а под прощальным августовским солнышком. И разумеется, это объятие стало прелюдией очередного акта страсти, который на этот раз проходил на антенной стойке, в огромной спутниковой тарелке, оказавшейся очень удобным сервисом и в этом смысле тоже.

Потом мы тихо лежали в мягких изгибах космического коммуникатора и смотрели на город. Он был подернут дымкой сразу нескольких пожаров и оттого выглядел черно-белым, как на блокадных фотографиях. Сходство добавляли ряды мешков с песком, закрывавшие подступы к Смольному. Мне показалось, что на этих баррикадах я вижу пулеметы, но, возможно, это была игра воображения.

Когда мы выбрались из тарелки, дыша одновременно и телом, и душой, давно уже забыв про условности вроде одежды, то увидели в чердачном проеме злобное лицо Палыча и задумчивые мордашки девиц у него за спиной девиц.

— Бляха-муха, Тошка! Мы, как бараны, всю ночь дом за домом в округе прочесываем, тебя ищем! А ты, падла, тут развлекаешься!.. Тебе что, на звонок ответить трудно было? Или самому позвонить?! Пошел ты, скотина, на хрен! Видеть тебя не могу!..— Палыч со всей дури треснул кулаком по деревянной крышке чердачного перекрытия (разумеется, сломал напополам) и удалился, подергивая плечами в бессильной, но праведной злобе.

Следом ушли и девицы. Впрочем, удалялись они достаточно неторопливо, бросая исподлобья странные взгляды на Рыжую и на меня, пока Рыжая не встала посреди крыши, эротично поводя голыми бедрами, на которых солнечный свет тут же принялся рисовать причудливые блики.

— Да-да-да! Мы тут трахались! Вот с ним! — Она показала на меня, чтобы ни у кого не осталось сомнений, с кем она провела эти десять часов.

Я же, помнится, поклонился и сделал незваным гостям реверанс, стараясь сильно не размахивать чем ни попадя, после чего девушки тут же удрали, оставив наконец нас одних.

Перемазанная с пяток до ушей уличной копотью и мелом, Рыжая даже не думала смывать грязь. Ей было все равно, красива она или нет, «держит» она лицо или «не держит», вижу ли я лишнюю складку у нее на животе или не вижу. Такой равнодушной к собственной внешности может быть только влюбленная или очень страстная женщина. Счастлив тот мужчина, который видел рядом собой такую женщину! Я был счастлив и понимал это каждой клеточкой своего тела...

Мы начали одеваться, правда, не сильно торопясь, а потом Рыжая вдруг спросила меня:

— Ты «Бриллиантовую руку» смотрел? Ну, был такой древний коммунистический фильм. Помнишь, когда эти общественники из субсидируемых пра-

вительством организаций в гостиницу приперлись и давай таращиться на несчастных людей? По-моему, сейчас было очень похоже...

Я надолго задумался, нацепил кроссовки, тщательно зашнуровал их и потом все-таки спросил:

— Почему «общественники из субсидируемых организаций», я еще понял. Но почему они таращились на «несчастных людей»?

Рыжая аккуратно застегнула молнию на своих символических шортиках и подняла на меня удивленные глаза:

— Но ведь эти несчастные люди так и не успели потрахаться в той гостинице! Их же обломали, ты разве не помнишь? А ведь им так хотелось, особенно ей. Там даже песня была, такая волнующая...

Я ничего не ответил, только спросил у Рыжей телефон и сразу его записал — чтобы потом не забыть. Такие девушки заслуживают, чтобы о них не забывали даже на смертном одре. Можете считать меня бессмысленным похотливым самцом, но об этой девушке я теперь буду вспоминать всю свою жизнь.

А с Палычем и Валерой мы помирились в тот же день — едва спустились с Рыжей в регистратуру и смешали себе по коктейлю. Именно тогда в дом вломилась подростковая банда числом в двадцать рыл, и всем нам пришлось поработать, успокаивая совершенно безумных, безжалостных и гнусных в своем уверенном и деловитом мародерстве хищников.

Банда, судя по эмблемам на повязках, рейдировала из северных кварталов Питера, причем при ней, как в Средние века, имелся даже натуральный обоз в виде мототележек, запряженных видавшими виды мотоциклами.

Это были не просто случайные гопники, забравшиеся в брошенный дом. Они были готовы встретить здесь людей и не боялись этого, а даже, скорее, ждали — им нравилось пугать, унижать, приказывать... Вот и нам они сначала всерьез начали приказывать, объясняя, куда следует складывать деньги и ценные вещи.

Заполонив почти весь вестибюль поликлиники своими крепкими, мускулистыми телами, они смотрели на нас, высыпавших в коридор, почти что с жалостью, а потом один из прыщавых «рейдеров» процедил:

— Ну, чё вылупились, ботаны? Хотите целыми остаться, давайте сюда бабло по-быстрому. И коз своих отдайте. Вечером живыми вернем, не ссыте. Только пусть, суки, не рыпаются — если нормально обслужат, бутылки снаружи оставим...

Он начал было гоготать, но тут Васильев метнул бутылку из-под пива и неожиданно попал в лоб его соседу. Прыщавый командир разинул рот, глядя, как соратник потирает ушибленное лицо, а потом быстро вынул из рукава толстый металлический прут и без замаха треснул меня, как самого ближнего, по корпусу.

Боли я не почувствовал — меня подхватило, приподняло и закружило знакомое чувство темной, рвущейся наружу злобы, которую мне надо было немедленно выплеснуть, пока она не разорвала меня изнутри.

Я молча вцепился в ворот кожаной куртки прыщавого предводителя и начал душить его этим воротом, накручивая поворот за поворотом комок доро-

гой, хорошо выделанной кожи, точно напротив дергающегося кадыка своего противника.

Вокруг тоже что-то происходило, но я ничего не видел и не слышал — я смотрел в наливающееся кровью лицо своего врага и не понимал, почему это ненавистное рыло никак не исчезнет, почему оно дергается и кривит толстые губы, моргает редкими ресницами, хрипит и пускает слюни, но так упрямо не исчезает из моей жизни...

Остановился я, только услышав выстрелы под самым ухом. Стрелял Палыч. Каким-то чудом он успел выбраться во двор, открыть микроавтобус и достать оттуда наши, так до сих пор и не зарегистрированные, помпы.

Вестибюль был полон разноцветного тряпья и не-внятного хлама, который, похоже, притащили с собой эти крысы, а вот самих крыс на полу было немного — кроме моего, уже посиневшего, крепыша, на белом мраморе вестибюля распластались всего двое уродцев.

Остальные удрали, быстро и сноровисто, как вспугнутые крысы, разбегаясь веером по скверу и теряясь дальше на залитых солнцем, но таких пустынных теперь городских улицах.

В коридоре показалась Рыжая, и я непроизвольно шагнул к ней навстречу, заранее обмирая от ужасных предположений. Но Рыжая шагала уверенно и твердо, а в руках у нее был револьвер. Она подошла к одному из тел на полу, внимательно рассмотрела его сверху и разочарованно сказала:

— Блин, это, оказывается, не я. Этого козла помпой продырявили...

Она не стала смотреть на второе тело, и я не сразу понял почему. А когда пригляделся, увидел, что у него нет головы — помпа в ближнем бою, как говорится, страшная сила.

Пока не прошел боевой запал, мы вытащили все три трупа в кусты заднего двора и бросили их в открытый с весны канализационный люк возле забора, а потом еще около часа обсуждали проблему обороны здания поликлиники от расплодившегося городского сброда.

Разумеется, ничего нового придумать не удалось — увеличивать штат не позволяло финансирование, поэтому Семен с Николаем просто выклянчили у Палыча одну помпуху на двоих, обязуясь честно отчитываться за каждый истраченный на врага патрон.

Потом мы быстро утрамбовали наконец-то напуганных реальным ужасом девиц в наш уютный броневичок и выехали в город.

Впрочем, далеко не все девушки выглядели испуганными — Рыжая, к примеру, на заднем сиденье довольно бодро щебетала с двумя подружками, иногда стреляя глазками в меня. Подруги так же непринужденно ей отвечали, попутно обстреливая салон и попадая в основном в Палыча и Валеру.

Большая часть девушек обреталась в общежитии Политеховского студгородка, и когда я понял, что Рыжая проживает там у подруги, а не в общаге университета, у черта на рогах в Петродворце, успел лишь разинуть рот в жалком вожделении и пробормотать:

— А не поехать ли нам...

Рыжая мягко закрыла мне лицо своей ладошкой, столь волнующе и узнаваемо пахнущей проржавленной крышей:

— Я у женатых мужчин, да еще на семейном ложе, ночевать не собираюсь. Это противоречит моим жизненным принципам.

Это были те самые принципы, против которых мне, лживому и похотливому типу, возразить было просто нечего, и поэтому я позорно промолчал.

Рыжая вышла вместе с подругами на Лесном проспекте и зашагала к зданиям общаги, даже не обернувшись на прощание.

Она даже не махнула мне рукой.

Она просто шла, равнодушно покачивая своими упругими бедрами, глядя на которые я опять почувствовал желание.

От неумных поступков меня удержал Палыч. Он проводил скорбным взглядом выводок девиц и вдруг сказал:

— Ты, Тошка, главное, не забудь, что у тебя жена имеется. И дочка.

Я почувствовал ровно то, что ощущают все те, кто получил серпом куда положено. Я отвернулся от окна и сердито уставился на Игоря:

— Слушай, а чего ты сам-то не женишься? У тебя же полно любовниц. Ну, и просто знакомых девиц.

— Потому что, когда женишься на любовнице, одним любимым человеком на свете становится меньше,— все тем же скорбным тоном ответил Палыч.

Васильев звонко крякнул и шумно почесал себе затылок. Мы оба крепко задумались, а Палыч вздохнул и нажал на газ.

На перекрестке, пропуская длиннющую армейскую колонну из каких-то невероятно пыльных и помятых грузовиков, Палыч бросил в салон:

— Мужики, под вторым сиденьем ящик лежит. Там помпы. Я думаю, что лучше будет вам их при себе теперь носить. Вы мне нужны здоровые и шустрые, как тараканы.

Валера тут же нырнул под сиденья, покопошился там недолго и вынул два коротких помповых ружья. Он показал, как можно удобно вешать такое ружье на плечо под куртку, чтобы не мозолить глаза представителям правоохранительных структур. Впрочем, этих самых представителей последний месяц я видел только на рекламных картинках крупнейших российских банков.

А если вы вешаете ружье с укороченным прикладом на плечо под курткой, никакой мент никогда ничего не увидит. Особенно если он не идиот и хочет жить.

Мы пощелкали помпами, набивая их патронами, потом выклянчили у Палыча еще по одной коробке патронов на каждого, немного поболтали о преимуществах помпы перед короткостволом и пришли к выводу, что пистолет, конечно, в наше время тоже вещь не лишняя, потому что в жару в куртке ходить неудобно.

Потом я собрался с силами, трижды сплюнул через плечо и набрал телефон Ленки.

Она ответила мгновенно, как почувствовала:

— Да, дорогой!

— Ну, как там у вас, на Лазурных берегах, отдыхается?

— Нормально. Поселились в гостинице. Купались уже с Лизкой. Только вот до моря почти километр, представляешь! А в туристическом ваучере писали,

что будет триста метров! Вечно у тебя с турфирмами какие-то проблемы случаются,— растягивая гласные на тусовочный манер, посетовала Ленка.

— Это у вас там единственная проблема? — спросил я с нажимом, начиная раздражаться от самого тона, которым были сказаны эти слова.

— Нет, не единственная. Главная проблема — я соскучилась. А тебя здесь нет! — сменив дурацкий тон, призналась Ленка так просто и бесхитростно, что мое сердце сжалось и не разжималось, пока я как следует не наболтался с Лизкой и не отключил трубу.

Потом мне стало так стыдно и неловко, что я молчал до самого дома.

И вот Палыч подбросил меня до моей убогой, а теперь еще и уныло пустынной «хрущевки», пожал мне руку, одобрительно ухмыльнувшись на прощание, а когда я уже вышел из машины и шагал к дому, крикнул в открытое окно:

— Завтра утром у меня встреча с одним важным перцем! По результатам будет разговор с тобой и Валеркой. Никуда больше не пропадай.

Я устало махнул рукой, и он уехал, еще раз ухмыльнувшись мне в окно.

Я вполне себе понимал причину этой ухмылки, но мне было так тошно, что я даже не стал додумывать, что может сейчас делать Ленка или та же Рыжая, оставив меня одного.

Я просто шел по грязным, неубранным с весны дорожкам нашего микрорайона и внимательно поглядывал на свой подъезд, где сейчас крутилось штук десять весьма подозрительных небритых типов, одетых в какие-то мятые и грязные обноски.

Когда я подошел поближе, типы стали более фактурными, пахучими и подозрительными, а когда я взялся за ручку двери, один из этих грязных оборванцев даже показал на меня своим немытым пальцем всем остальным.

Я брезгливо поджал губы и вошел в подъезд. Привычно выждал пару секунд перед второй дверью, а потом резко двинулся внутрь, держась правой рукой за рукоятку помпухи.

За дверью меня встретили испуганные взгляды еще нескольких бомжей, на этот раз женского пола. Бомжихи пугливо жались к стенам и опускали глаза, едва я задерживал взгляд на ком-нибудь из них.

«Что за сходка неясных животных в моем подъезде?» — раздумывал я, поднимаясь к себе на четвертый этаж. И только открывая дверь квартиры, вдруг вспомнил, где я видел все эти лица. Я же видел их ежедневно! Ибо именно на сегодня, на 30 августа, было назначено общее собрание жильцов нашего подъезда. На предмет обеспечения безопасности, вывоза мусора, установки металлических ворот и всего прочего.

«Как же меняют людей обстоятельства!» — искренне поразился я, тщательно запирая двери своей квартиры. Кстати, среди наших жильцов были вполне приличные граждане. Водился даже один муниципальный депутат и два мелких клерка районной администрации, не успевшие наворовать денег на нормальный коттеджик в пригороде.

Похоже, я удрал от обсуждения важной темы. Но что я должен был делать — обсуждать проблемы безопасности подъезда с этими запуганными до полусмерти овцами? Спасибо, но я как-нибудь сам. Так мне будет привычнее, а главное, надежнее.

Да и что там обсуждать — как я буду защищать свой подъезд? Очень просто — буду стрелять во все, что движется. Кто-то знает другой способ?

Впрочем, о другом способе я узнал, когда включил телевизор. Одновременно по двум федеральным каналам шли одинаковые в своей глупости ток-шоу, участники которого соревновались в пропаганде неизбывного — российского идиотизма.

Сначала — видимо, чтобы завлечь аудиторию — выступила актриса из какого-то гламурного сериала. Кивая своей лакированной гнедой гривой и чувственно трепеща ноздрями, барышня призвала «население России к терпимости», предлагая «не ссориться по пустякам» и «оставаться стильными штучками, несмотря ни на какие неприятности».

Чтобы показать всю серьезность проблем, вставших перед страной, девушка привела пример из своей жизни — вчера, пока ее везли с дачи на Рублевке в бутик на Арбате, джип с охраной дважды застревал в пробках перед неработающими светофорами, а в бутике «не оказалось ничего приличного» и «вот это, друзья мои,— действительно катастрофа!».

Потом выступил популярный народный целитель, предложивший всем гражданам России выпить керосину и успокоиться. Аудитория в студии хлопала ему так, что не оставалось никаких сомнений в том, что сразу после съемок все участники отправятся пить всё, что горит.

Сразу после керосинового придурка на телевизионный подиум вышел министр МВД в сопровождении свиты своих заместителей и порученцев. Министр присел в предложенное кресло так неудобно, буквально на самый краешек, что стало ясно — он пришел ненадолго.

С минуту поерзав и похмурив густые брови перед камерой, главный милиционер страны без всякого вступления вдруг обрушился на частную охрану:

— У нас подняли голову разные безответственные граждане, полагающие, что, если им выдали лицензии, они могут вести себя так, как им хочется!.. За последнюю неделю частные охранники свыше двухсот раз применяли оружие против безоружных российских граждан, хотя министерством еще месяц назад было приказано изъять у охранников и опечатать все оружие! Почему на местах не выполняются наши требования?! Мы будем беспощадно наказывать региональных начальников, игнорирующих приказы МВД!

Сделав это заявление, министр с видимым облегчением встал и ушел. Пока ведущий растерянно смотрел ему вслед, слово взял оставшийся в кадре заместитель министра:

— Я хотел бы пояснить! Тут наши коллеги и вообще граждане спрашивают, зачем мы забираем оружие у охранников и милиционеров. Объясняю для тупых — чтобы это оружие не попало в руки экстремистов, которые, как вы, наверное, заметили, в последнее время буквально расплодились на улицах наших городов. Уже были случаи, когда оружие отнимали у милиционеров!..

Поэтому нам приходится разоружать своих сотрудников. Но спешим успокоить всех российских граждан — как только ситуация в стране стабилизируется, Министерство внутренних дел немедленно вернет оружие государственным служащим и частным охранникам. Спасибо за внимание!

Заместитель и вся сопровождающая его кодла поднялись и направились к выходу, после чего камера еще несколько минут показывала спины в серых мундирах, толкающиеся в узком проходе студии. Зачем, кстати, кроме министра и зама, на запись приходили еще два десятка толстых ментовских морд, я так и не понял — в кадре засветиться, что ли? А смысл?

Досмотреть шоу до конца мне не удалось — когда на экране появилась знакомая до тошноты вытянутая физиономия популярного демагога, и бледные тонкие губы яростно зашевелились, выплевывая в экран призывы к «терпимости» и «пониманию чаяний народных масс», которых «лишь непреодолимые обстоятельства вынуждают к изъятию продовольственных излишков или иных товаров у отдельных коммерсантов», я выключил телевизор, с трудом удержавшись, чтобы не разбить его вовсе.

Действительно, как можно быть нетерпимым к тем несчастным пролетариям, которые хотят всего лишь изнасиловать вашу излишне гламурную супругу или выломать золотые коронки из вашей буржуазной челюсти?

Что, кстати, это за слово такое — «терпимость»? Задумывались ли над его смыслом те, кто его употребляет? Если вы признаете, что терпите, значит, вас действительно раздражает объект «терпимости», и вы всего-навсего прячете свое раздражение под маской ханжества и словоблудия. То есть, к примеру, «терпимость» по отношению к другим расам на самом деле означает расизм, просто слегка припудренный фальшивыми улыбками «терпил».

Впрочем, сейчас мне было глубоко плевать на эти лингвистические тонкости. Я вдруг совершенно отчетливо понял, что не могу допустить возвращения в эту страну Ленки с дочкой, потому что физически не смогу всюду сопровождать их с помпой в руках. А без помпы они здесь не выживут.

Да и мне здесь даже с помпой — да хоть в танке! — жить теперь будет непросто.

Когда все это случилось? Почему так внезапно? Почему это вообще случилось с нами, а не с какими-нибудь китайцами?

Тут я подумал, что два армейских года оказались весьма кстати. Я еще не успел отойти от напряжения тех месяцев, когда проблема выживания была актуальна и привычна, как перловка по утрам. Мне было психологически легче вернуться в общество, построенное на тупости, подлости и насилии. Но каково сейчас тем, кто с насилием не сталкивался даже в фильмах, брезгливо переключая канал при виде крови или просто грубых, неотесанных лиц?.. Что они переключают сейчас, сидя по запертым квартирам и испуганно таращась в темные окна, за которыми не осталось ничего, кроме насилия, подлости и страха?

За окном, очень в тему к моим размышлениям, раздался выстрел, потом еще один, и я встал, направляясь на кухню: жрать захотелось — сил нет, а ту же картошку еще ведь почистить надо.

Глава десятая

Утро у меня в этот день началось часов в одиннадцать — сказались, видимо, приключения вчерашних суток. Первый сюрприз в виде отсутствия горячей воды меня совсем не удивил. Скорее, наоборот— я уже недели две удивлялся беспримерному героизму сотрудников районной котельной, имеющих мужество работать в такой непростой обстановке.

Вымылся я с помощью ковшиков и тазиков, потому что газ в трубах еще был, и это свидетельствовало о еще более беспримерном героизме сотрудников «Газпрома». Электричество тоже никуда не исчезло, и это свидетельствовало о героизме сами знаете кого...

Еще работал телевизор, но это, на мой субъективный взгляд, было уже довольно глупо. Потому, к примеру, что новости Первого канала открылись потрясающим в своей актуальности сюжетом, как сразу в тридцати российских казино сотрудники федерального отдела МВД нашли ужасные нарушения.

На экране появился взвинченный крысоподобный гражданин в форме майора милиции, который, дергая острыми ушами и размахивая бледными руками, начал истерично кричать в камеру:

— Мы явились в казино «Петровское», принадлежавшее, как всем давно известно, нигерийскому преступному авторитету, и нашли там такие нарушения, что просто диву даешься, как они еще работали!.. К примеру, наши сотрудники замеряли длину ног у одного из крупье, и оказалось, что правая нога этого, с позволения сказать, крупье на один и семь десятых сантиметра короче левой! То есть клиенты приходили в заведение, думая, что их встретит сертифицированный «Ростестом» персонал, а на деле оказывается, что этот персонал хромает на обе ноги!..

Это безумное интервью сопровождал не менее потрясающий видеоряд, где яркие фасады игорных заведений перемежались с изображениями какого-то военного конфликта (кажется, арабо-израильского). К чему были эти аллюзии, стало ясно из закадрового текста — оказывается, в нескольких столичных казино зарплату платили в конвертах, а не «по-белому». Отсюда авторы текста делали вывод о причастности владельцев к международному преступному синдикату, а привязку к Израилю я как-то пропустил. Кстати, может, ее и не было вовсе, и кадры военных действий на Ближнем Востоке режиссеры подложили просто для пущей красоты и ритма.

Сразу после этого чудного сюжета пошел репортаж об упавшем вчера на Питер самолете, и это оказалось интересным. Самолет был частным и потому небольшим, и его каким-то образом умудрились захватить мародеры прямо на взлетном поле Левашовского аэродрома. Но уже на борту между мародерами разгорелась драка, результатом которой стало убийство или ранение единственного пилота, после чего машина и упала.

Завершая рассказ об этом поучительном инциденте, репортер, часто моргая красными от недосыпа или перепоя глазками, сказал:

— Узнав о происшествии, руководство ЛенВО приказало всем своим подразделениям, занятым на охране подобных объектов, немедленно сдать оружие. По просьбе руководства военного округа мы официально сообщаем: все объекты авиационной инфраструктуры в Ленинградской области охраняются невооруженными солдатами, поэтому нет никакой необходимости нападать на них в поисках оружия. Повторяем: оружия у солдат ЛенВО, охраняющих военные склады и аэродромы, нет...

Я подумал, не прогуляться ли мне на ближайший аэродром с помпухой и не угнать ли какой-нибудь приличный самолет, чтобы свалит наконец отсюда на фиг, но тут же подумал, что на аэродромах сейчас будет не протолкнуться от таких же инициативных граждан, мобилизованных тупыми генералами, и оставил эти мысли.

Потом до меня дошло, что никаких самолетов и вообще ничего интересного на этих армейских объектах уже нет, все давно украдено якобы тупыми генералами. И именно для того, чтобы прикрыть эти кражи, армейское начальство сейчас разоружает своих подчиненных, которые, конечно, не смогут удержать спровоцированные телевидением толпы мародеров.

— Какие же вы все мрази,— укоризненно сказал я телевизору и выключил его, потому что физически устал расстраиваться.

Я полез в холодильник, нашел там позапозавчерашние щи и решил их съесть, пока не началось.

Впрочем, едва я поставил кастрюлю на огонь, по кухне тут же распространился невероятно гадкий запах тухлятины, и я понял, что этих щей мне лучше не есть, разумеется, если я не думаю закончить жизнь само-убийством.

Я вылил содержимое кастрюли в унитаз, попутно порадовавшись беспримерному героизму сотрудников «Водоканала», благодаря которым в Питере еще работает канализация.

Впрочем, может быть, канализация работает только потому, что воровать там просто нечего. Или потому, что нет генералов от канализации — они бы, уверен, нашли, что украсть даже в таком безнадежном месте.

Потом я уныло шарил по пустым полкам холодильника, но тут как раз позвонил Палыч.

— Доброе утро, Антон,— очень сухо, по-деловому сказал он.— Я буду у тебя через пару минут. Собери шмотки на неделю и выходи во двор, чтобы нам не ждать. Времени в обрез, так что давай без глупостей! И учти — если у тебя баба, мы ее до дома подвозить не будем. Некогда!

Я пожал плечами и пошел собирать «шмотки на неделю». Интересно, что входит в это понятие? Зарядное устройство для телефона, документы и набор инструментов и так постоянно жили у меня в поясной сумке, а что еще может понадобиться человеку в течение недели?..

Я достал семь комплектов нижнего белья и, призадумавшись, кинул в дорожную сумку еще пару носков и трусов про запас. Потом походил по квартире в глубокой задумчивости, но так и не нашел больше ничего, что стоило бы взять в путь-дорогу.

В ванной я перекрыл краны с холодной и горячей водой, а в прихожей отключил пробки, после чего нацепил кроссовки, повесил на правое плечо пом-

пу, накинул сверху куртку и вышел прочь, тщательно заперев за собой дверь. У меня вдруг появилась уверенность, что сюда я уже больше никогда не вернусь, и я даже подумал, не выкинуть ли по этому поводу ключи к чертовой матери, но удержал себя в руках, аккуратно положив ключи в поясную сумку и бережно ее застегнув.

Камуфляжный «форд» уже стоял во дворе, и его боковая дверь была отодвинута до отказа. Я проворно запрыгнул в салон, пожал руку Валере и кивнул сидящему за рулем Палычу, который тут же тронулся с места, не дожидаясь, пока мы захлопнем дверь.

Потом я откинулся в кресле, разглядывая сонное вытянутое лицо Валеры и квадратный затылок Палыча. Оба они молчали, и я тоже решил из принципа, точнее, из вредности помалкивать, покуда хватит терпения.

Мы на удивление быстро проехали центр, и Васильев уснул, неуклюже развалившись сразу на двух передних сиденьях. Странно на него машины действуют — сколько помню, Валерка в них всегда спит...

Потом потянулись километры заколоченных витрин магазинов на Московском проспекте, и только ближе к выезду из города Палыч наконец открыл рот:

— Сейчас будет КПП. Разговаривать будем только мы с Валерой. А ты помалкивай. Усек?

Я пожал плечами:

— Яволь, мой фюрер!

Впрочем, на КПП все оказалось проще, чем я думал. Палыч одной рукой отмахнулся так и не сданным удостоверением капитана угрозыска, а другой сунул молоденькому лейтенанту зеленую купюру прямо в нагрудный карман форменной рубашки.

Лейтенант сердечно, до ушей, улыбнулся, тут же сделал шаг назад от окошка и, не заглядывая в салон, дал отмашку сержанту на шлагбауме:

— Пропускай! Свои!

Мы проехали километров пять по шоссе, потом еще столько же по проселочной дороге и наконец тормознули у ворот воинской части.

Из будки охраны тотчас вышел статный, аккуратно выбритый седой мужчина и начал негромкий разговор с Палычем через открытое окно. Мужчина был одет в камуфляж без знаков различия, но я услышал, как Игорь уважительно называет его генералом.

Этот генерал не вызывал у меня неприятия, возможно потому, что был оборудован не круглой лоснящейся харей, как принято обычно носить у генералов, а сухощавым породистым лицом с четко очерченными губами, прямым римским носом и внимательными дерзкими глазами, в которые было приятно смотреть.

Разговор завершился так же внезапно, как и начался, — вдруг стали медленно открываться створки больших металлических ворот, украшенные красными звездами.

Генерал уверенно зашагал по асфальтовой дорожке, а Палыч медленно тронул следом микроавтобус. Это было похоже на выруливание трансатлантического лайнера на взлетную полосу, и я вдруг подумал, что меня, похоже,

ожидает взлет в новую жизнь — взлет резкий и опасный, но зато многообещающий и потому долгожданный.

На протяжении следующих ста метров мы сделали не меньше пяти поворотов среди типовых одноэтажных серо-зеленых строений, так что я совершенно потерял ориентацию и просто таращился в окна, изучая местный армейский быт. Впрочем, ничего интересного я не обнаружил. И вообще, в этой странной воинской части я не увидел ни одного человека в форме, хотя людей и небольших погрузчиков сновало вокруг немало.

Больше всего эта часть походила на огромный коммерческий склад и, как быстро выяснилось, именно складом и являлась. Пока Палыч обсуждал с генералом последние детали контракта в самом дальнем углу небольшого складского помещения, проснувшийся Васильев проводил для меня политинформацию на примере этой базы. Он здесь, оказывается, уже дважды бывал, причем по стандартному поводу — расследованию обстоятельств смерти неустановленных граждан в ходе совершения ими попыток грабежа.

Умирающая армейская база оказалась необычайно востребованной сразу после первых, еще апрельских, беспорядков, которые прошлись по стране мутной волной с далекого и потому почти мифического Дальнего Востока до самого Калининграда, умудрившись зацепить даже Прибалтику с Польшей, а потом распространившейся на всю Европу, Северную Африку и, разумеется, на Ближний Восток. Это был совершенно загадочный феномен массового помешательства миллионов доселе вроде бы нормальных людей, впадающих в какое-то революционное неистовство от одного вида представителей власти.

Первая волна погромов началась с довольно невинной акции нескольких родственников арестованного во Владивостоке за превышение скорости водителя — суд назначил нарушителю штраф плюс лишение прав на полгода, и этот приговор, на самом деле совершенно справедливый и адекватный (редчайший случай!), вдруг вызвал бурю возмущения. Родные нарушителя, встретив его у здания суда, отправились небольшой, но нервной группой в центр Владивостока, и совершенно неожиданно к ним по пути стали примыкать десятки, а потом сотни и тысячи людей. Начались знаменитые дальневосточные беспорядки, завершившиеся жестоким убийством двух офицеров ГИБДД и погромами нескольких магазинов.

Тогда губернские власти, не замечая опасности, пошли по пути наименьшего сопротивления, вяло погрозив телевизионными кулачками неким неведомым экстремистским силам и одновременно выпустив из-под ареста всех задержанных на месте преступления подозреваемых, стоило толпе митингующих снова появиться под стенами краевого суда. Так люди неожиданно поняли, что местные боссы, подмявшие под себя всё политическое, телевизионное и электоральное пространство, на самом деле могут контролировать только эти мифические категории, но никак не реальность.

Потом случились уличные волнения в Новосибирске, Рязани и Мурманске. Причем поводом стали совершенно законные действия «силовиков» вроде ареста банды лохотронщиков или переселения злостного алкоголика-неплательщика из муниципальной квартиры в обшарпанную общагу. Но накал неприязни к власти и ненависть к ее представителям были уже так

высоки, что достаточно было появиться на улице автомобилю с «мигалкой», как горожане начинали буквально плевать в него или кидаться подручными предметами.

Некоторые последующие беспорядки проходили под политическими или профсоюзными лозунгами, но никто на этот счет особо не обманывался — все понимали, что митинги стали действенным и безопасным способом грабежа магазинов и складов. Впрочем, несколько сотен особо идейных борцов с режимом попутно сводили сугубо личные счеты с ментами — за одну неделю по всей стране линчевали почти два десятка милиционеров вместе с их семьями, что потом Нашло отражение в национальных таблоидах, в рубриках «Народ против милиции!» или «Менты, не стреляйте в народ!».

Когда, спустя неделю, в Дагестане несколько тысяч митингующих вдруг начали требовать выделения элитных земельных участков представителям какой-то, наиболее обиженной из трехсот тамошних народностей, умные люди сразу догадались, чем кончится это мероприятие.

Мероприятие действительно закончилось разграблением всех магазинов и складов, где охрана испугалась применять оружие. А туда, где оружие применялось, из Москвы явились чрезвычайные комиссии, под улюлюканье федеральных телекомментаторов производившие аресты излишне ретивых частных охранников или милиционеров.

Еще через неделю запылала Казань, а потом понеслось по всей России, включая доселе совершенно тихие регионы вроде Карелии и Калининграда.

Больше того, «понеслось» и по всей Европе — вдруг оказалось, что полиция любой страны, возглавляемой правительством, слишком чутко реагирующим на настроения толпы, неспособна к сопротивлению, потому что сопротивление означает противодействие чаяниям народных масс, то есть демократии.

Сопротивляться демократии нельзя — это быстро поняли полицейские большинства европейских стран. И вот тогда демократия пошла на улицы, развлекаясь поджогами автомобилей и магазинов и зарабатывая грабежом на утренний сэндвич с виски.

Экскурс в новейшую историю Валера проводил с каким-то странным выражением на лице, и я все никак не мог понять смысла его неуловимой гримасы, пока он сам не разъяснил:

— Я ведь многих этих людей на улицах понимаю. Когда берешь урода, ну, к примеру, какого-нибудь убийцу поганого, но с хорошей «крышей», заранее знаешь, что судья арест не подпишет. И думаешь, что надо было валить уркагана на месте задержания — так проще и правильнее по жизни. А потом еще немного думаешь и понимаешь, что судью тоже надо валить — такой же гондон, только опаснее... А потом еще думаешь, смотришь по сторонам и понимаешь, что таких уродов у нас выше крыши. Коррупция даже в детских садиках прет, а уж в остальных заведениях она не только цветет, но и воняет. Достало это, понимаешь?!

Грустная беседа закончилась с возвращением к нашему микроавтобусу улыбающихся Палыча с генералом. Они вышли из помещения склада, встали на бетонном пандусе в одинаковых позах и помахали нам руками, как машут президенты на парадах восторженным зрителям.

Мы с Валерой выбрались из машины и прошли вслед за своими президентами в соседний ангар с нарисованным черной краской номером 17 на облупленном фасаде. Там, внутри, в небольшом закутке размером с кухню в «хрущевке», мы вчетвером пили неожиданно хороший кофе из бумажных стаканчиков и ждали, когда специально обученные люди погрузят в наш микроавтобус тяжелые ящики.

Тот самый многообещающий Значительный Подряд оказался банальным транспортным заказом, а генерал — всего лишь отставным полковником с хорошими связями. Правда, путь ожидался неблизкий — нам предстояло довезти до столицы Калмыкии два дизель-генератора, шесть ящиков оружия и боеприпасов и полтора десятка ящиков продуктов.

Отставной полковник подробно разъяснил диспозицию:

— У моих партнеров по бизнесу в Элисте четыре филиала. Там ведь свободная экономическая зона — скидка по налогам и всяким сборам. Реально, конечно, фирмы функционируют в Москве и Питере, но в Калмыкии тоже приходится штат людей держать — чтоб налоговая не возбуждалась. А всего в нашем бизнес-центре в Элисте размещено свыше трехсот филиалов со всей России. Так вот, месяц назад в Элисте разгромили аэродром — просто разобрали по частям и унесли все, что не приколочено. Так что самолеты туда сейчас не летают. С армейскими коллегами из Прикаспийского округа тоже непросто — слышали, наверное, про попытку мятежа? Ну, так вот, не получилось с новым руководством договориться. Так что делаем все сами...

— Что именно? — насупился Валера, с откровенным недоверием глядя на самозваного генерала.

— Задача стоит такая: доставить в Элисту оружие и оборудование для автономной работы бизнес-центра и вывезти оттуда трех человек — двух бухгалтеров и технического директора, а также кое-какие документы. Еще кое-какие документы вам надо будет забрать в Москве и тоже доставить в Элисту,— подытожил отставной полковник, глядя честными глазами на Валеру.

— А что за оружие? — уточнил Васильев еще недоверчивее.

— Это гражданское оружие, так что все законно. Мы здесь подсуетились, в городском разрешительном управлении, поэтому все ружья уже зарегистрированы на ваш ЧОП. А в Элисте вы официально передадите их службе безопасности местного филиала.

Какой-то подвох все равно таился в уверенном, но чуть гнусавом голосе полковника, и я наудачу спросил:

— Сколько денег дадите?

— Когда вернетесь в Питер с нашими людьми и документами, получите сто тысяч долларов. Если управитесь за двенадцать дней, получите еще и премиальные.

— А сколько? — тут же уточнил Валера, и полковник раздраженно отмахнулся, тыча в Палыча ухоженной рукой:

— Мы с вашим руководителем все уже детально обсудили.

Палыч согласно кивнул, откашлялся в кулак и буркнул:

— Короче, если отработаем как надо, получим сто пятьдесят штук. Делим поровну, по полста каждому.

— Аванс! — потребовал Васильев, выворачивая карманы брюк, из которых посыпались табачные крошки и еще какая-то дрянь.

Палыч хрюкнул от еле сдерживаемого возмущения:

— Ребята, уймитесь, всё в порядке! Простая работа за хорошие деньги. Чего еще вам надо?!

Я, задумчиво почесываясь, промычал Палычу «су-умму-у», и тот прокомментировал ситуацию более предметно:

— Короче, расклад такой. Если доедем с грузом и вернемся с людьми — каждому по тридцать тысяч баксов на рыло. А если еще и вовремя — двадцать штук премии каждому. Всё получаем наличными. Лично я, кстати, потом сваливаю из этой бессмысленной страны на хрен. На пятьдесят штук в тех же Штатах можно три года нормально жить, пока здесь все не успокоится.

— Да нет, потом лучше в Таиланд валить,— авторитетно заявил на это Васильев, припадая к своему стаканчику с уже остывшим кофе.

— Почему в Таиланд? — спросил я у Валеры, глядя, впрочем, на полковника. Мне показалось, что при упоминании Таиланда тот похабно ухмыльнулся.

— Дык, во-первых, в Таиланде я смогу жить на свою пенсию. Там прожиточный минимум сто баксов в месяц.— Васильев допил кофе и тоже пристально поглядел на отставного полковника.— А во-вторых, там бабы такие реальные, что можно просто охренеть.

— А какая у тебя будет пенсия? — вяло поинтересовался я, разглядывая пустой стаканчик.

— Шесть тысяч рублей,— с непонятной гордостью ответил Васильев и демонстративно смерил полковника тяжелым взглядом.

— У меня сейчас меньше... — заерзал тот, дернув римским носом.

— Короче, вы, пенсионеры! — процедил Палыч, глядя на меня с Валерой.— Мы работаем или как?..

— Без вариантов,— кивнул Васильев, а я вслед за ним, потому что не видел никаких других способов выбраться из той задницы, где находился сам и куда была теперь погружена вся моя огромная, но такая несчастная страна.

Все встали, и тут я, по наитию, уже пожав руку отставнику, сказал:

— Ну, давайте звоните уже вашим партнерам в Элисту. Чтоб, значит, нам там поляну накрывали.

Полковник скривился, как от зубной боли:

— Последнюю неделю только этим и занимаемся. Звоним. Но там, увы, не отвечают. Так что поляну в Элисте вы накроете себе сами. Или вы думаете, мы вам такие деньги просто так платим?

Наш броневичок заметно просел под тяжестью забитого под завязку багажного отделения, и Палыч вел его по московской трассе бережно и аккуратно.

Валера сидел рядом со мной, в салоне, и щурился на пейзаж за окном близорукими с рождения глазами. Очки он держал в руках и протирал линзы об свитер резкими, немного нервными движениями, похожими на те, что делают игроки в бильярд, когда натирают кий мелком перед ответственным ударом.

— Слушай, Палыч, а почему твой полковник именно нас нанял? В Питере охранников, как собак нерезаных,— спросил я у широкой спины водителя.

Палыч даже обернулся, чтобы бросить на меня торжествующий взгляд.

— Я постарался! Я за этот заказ душу дьяволу продал! — гордо сообщил он.— Ну и, во-вторых, заместитель генерального у нашего заказчика — мой двоюродный дядя...

Валера разочарованно его прервал:

— Все ясно — и тут коррупция и кумовство!

— А в-третьих,— упрямо продолжил Палыч,— конкуренты особо и не ломились. Опасное дело...

— Опасное? — насторожились мы с Валерой.

— Южнее Москвы шалят на дорогах не по-детски,— ровным голосом сказал Игорь, изучающе поглядывая на нас с Валерой в зеркало заднего вида.— Полковник рассказал, что там сейчас грузы проводят только в сопровождении бронетехники и под прикрытием боевых вертолетов. Но такая проводка стоит от миллиона баксов за три фуры. Для нашего заказчика это нерентабельно, понимаете?

— Я так понимаю, что мы с Тошкой должны заменить тебе вертолет и боевую машину пехоты,— задумчиво отозвался Васильев, цепляя очки на веснушчатый нос.

— Ну, где-то так... — нехотя признал Палыч.— А вам что, слабо?

Я вопросительно посмотрел на Васильева. Раскинув руки и вытаращив глаза из-под толстых линз, он показал, что будет боевым вертолетом. Тогда я сложил ладони, изображая спаренный пулемет на турели БМП, и бодро произнес: «Тра-та-та-та!»

Палыч бросил на нас очередной внимательный взгляд в зеркало заднего вида.

— Годится! — подытожил он.

Глава одиннадцатая

Московская трасса оказалась достаточно свободной, по сравнению со старыми добрыми временами. Тем не менее машины там все-таки были, и, чтобы двигаться по трассе со скоростью около ста километров в час, Игорю приходилось прикладывать довольно значительные усилия.

— Если хочешь, я тебя сменю,— предложил Валера через пару часов однообразного движения по прямой.

— Сядешь за руль на выезде из Москвы,— процедил Палыч, обгоняя очередную фуру с сопровождением из двух «Нив» и ловко перестраиваясь затем в свой ряд перед носом у огромного тонированного джипа.

В джипе на удивление легко проглотили обиду и даже слегка притормозили, пропуская наш скромный камуфляжный броневичок.

Просто таращиться в окна было скучно, и мы с Валерой начали копаться в содержимом багажных полок, размещенных в микроавтобусе над правым и левым рядами сиденьев.

Там нашлись две помпы, два пистолета «Иж-71» в складской промасленной бумаге, несколько десятков упаковок разнокалиберных патронов, а также четыре плоских ящичка, глядя на которые Валера уважительно сказал:

— О-о-о!

— Ничего не «о-о-о», а на все разрешение имеется,— тут же отозвался Палыч, бдительно контролируя в зеркале заднего вида обстановку в салоне.

— Ну, это, я полагаю, нам не понадобится,— с надеждой сказал Валера, задвигая ящики на место.

Потом он развернул из упаковочной бумаги один из пистолетов и начал сладострастно щелкать затвором, обоймой и вообще всем, что только могло щелкать в пистолете «Иж-71» — на мой взгляд, довольно вялой модификации стандартного «макарова».

— А на «Ижи» у тебя разрешение есть? — спросил я Игоря, присматриваясь ко второй упаковке с пистолетом.

— На вас лично? На вас лично разрешений нет,— вздохнул Палыч.— «Короткостволы» только на контору оформлены. Да и то, между прочим, сделать было непросто.

Валера еще минут пять щелкал всеми подвижными механизмами «Ижа», а потом нашел упаковку патронов и начал заполнять ими обойму. Потом он защелкнул снаряженную обойму в пистолет, решительно засунул его себе за пояс брюк и сказал:

— С ним спокойнее. А после Москвы, похоже, на документы смотреть будет некому.

— Это верно,— согласился Игорь.— Но пока никуда с оружием из машины не суйтесь.

Мы еще немного порылись в закромах микроавтобуса, неожиданно нашли под сиденьями три разновидности бронежилетов и, разумеется, тут же начали примерять их друг на друга.

— Все-таки жарко в таком,— сказал Валера, с трудом нацепив на себя нечто толстое, твердое и черепахообразное.— В Ханкале нам выдавали самые легкие, а мы все равно из них пластины вытаскивали.

— Зато тот, который на тебе, даже гранату от подствольника держит,— пробурчал с водительского места Палыч.

— А от бактериологического оружия у тебя ничего не предусмотрено?..— Я осторожно пнул Валеру кулаком в жилет, для пущей проверки защитных свойств конструкции.

— От бактериологического оружия вы у меня будете руки мыть, с мылом. Мыло лежит справа, в контейнере,— снова подал голос Палыч, обгоняя очередную фуру с сопровождением.

Я тоже примерил приглянувшийся жилет, тот, что выглядел полегче, но глубокое недоверие к этой форме защиты у меня осталось еще с армейских времен, и в конце концов, повертевшись пару минут, я повесил его на спинку соседнего кресла.

Прошлым летом на стрельбах в Гюльчитае недоумок Шамиль Гуссейнов из моей роты выстрелил в живот не меньшему недоумку — некоему Захару Полищуку, сержанту третьей роты. Полищук нацепил стандартный армейский бронник, чтобы на спор проверить его защитную силу, но Шамиль стрелял из «калаша», причем с двадцати метров. Так что, когда мы сняли с Захара жилет и х/б, все тело мускулистого, но тупого сибиряка представляло собой один большой синяк: спереди — черно-фиолетовый, сзади — зеленовато-оранжевый.

Полищук умер через день в окружном армейском госпитале от несовместимой с жизнью контузии внутренних органов, и я на всю жизнь запомнил комментарий тамошнего хирурга:

— Запомните, придурки: от дурака и «калаша» защиты не бывает! — и я подумал, что это и впрямь похоже на правду.

Спокойное продвижение вперед по ровному и достаточно свободному шоссе стало откровенно усыплять, и мы с Валерой принялись болтать на свободные темы, стараясь вовлекать в беседу и Палыча тоже, чтобы он невзначай не заснул.

— Недавно в судебном морге анекдот рассказали,— вспомнил вдруг Валера.— Короче, детский сад на прогулке в лесу. Воспитательница: «Дети, если кушаем ягодки, то срываем по две. Одну ешьте, а вторую кладем в кармашек, для судмедэкспертизы».

Я не стал смеяться, потому что тут же начал думать о том, как сейчас выживают детские учреждения. Ведь бюджетная охрана школ и детских садов не была предусмотрена и в мирное время, а потом этой проблемой тем более никто не озадачивался. Значит ли это, что в стране уже не осталось детских учреждений, потому что мародерам все равно, что грабить?

— У меня дело было в Калининском районе — там коммерсанта реально ягодами отравили,— вспомнил вдруг Палыч.

— Лесными? — озаботился Васильев. Большой фанат всего дикорастущего, он интересовался лесной флорой как наиболее доступной для любительского изучения и потребления.

— Ну, вроде да,— неуверенно ответил Палыч.— Супруга, типа, лечилась у какого-то экстрасенса и долечилась до того, что экстрасенс ее ежедневно трахать повадился. Ну, а мужу, чтоб не отсвечивал, экстрасенс прописал лечебный отвар. Муженек и вылечился, навсегда. Полетела, что называется, душа в рай.

— Ну уж прямо в рай... — усомнился Валера.— Коммерсантам, по-моему, туда летать не положено. Их черти должны жарить. Тебя, к примеру, там точно подкоптят.

— Статья 282 Уголовного кодекса Российской Федерации,— просветил Палыч.— Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства по признакам отношения к религии наказываются штрафом в размере от ста тысяч до трехсот тысяч рублей. Либо лишением свободы на срок до двух лет.

Я остолбенел:

— Правда, что ли?

— Ну да, а что тебя удивляет? Религия — мать порядка,— сказал Игорь, недоуменно поглядывая на меня в зеркало.

— Я тут как-то батюшку одного сажал, он по фальшивым документам сорок тонн меди вывозил в Эстонию,— начал рассказывать Васильев,— так меня прокуратура полгода по столу носом возила — этот фармазон написал, что я его религиозное достоинство унизил.

— А ты, конечно, не унижал? — усмехнулся я, припоминая методы допросов в «убойном» отделе.

— Да мы его пальцем не тронули! Он ведь, дурилка картонная, сам сразу раскололся,— объяснил Васильев.— Но физику нелинейных процессов в ядерных реакторах я ему за два допроса объяснил. У нас там с ним диспут случился, насчет технологии подогрева котлов в аду, и этот диспут попяра позорно проиграл. Вот и обиделся — прокуратуру, как инквизицию, на помощь призвал. Так что эту 282-ю статью я знаю...

— Да ладно врать-то, Валера! — укоризненно сказал Палыч и вдруг резко нажал на тормоза.

Я увидел справа на обочине сине-белую будку ГИБДД. Оттуда к нам бежал милиционер. Судя по пузу — не меньше капитана. Он почему-то пригибался и интенсивно сучил локтями от нетерпения.

— Если гаишник к вам бежит, а не идет, значит, ему не просто нужны деньги — они нужны ему срочно! — Игорь достал из нагрудного кармана очередную зеленую купюру.

Впрочем, когда к первому, торопливому, гаишнику присоединились еще двое автоматчиков, Палыч презрительно хмыкнул.

Капитан встал у водительского окна, истерично тыча дулом автомата едва ли не в лицо Игорю, а двое его коллег, также с автоматами наизготовку, замерли на обочине.

— Документы на груз, быстро!! — заорал капитан так, что я сразу инстинктивно потянулся к своей помпухе, пригревшейся под левым плечом.

Палыч спокойно достал накладные и показал нервному гаишнику.

— Да мне по хрену, какие там у тебя бумаги! — нелогично, но крайне истерично проорал в ответ гаишник и передернул затвор своего автомата.— Быстро выгружаем всё из машины!..

Я как-то сразу догадался, что нас банально грабят, и, посмотрев на Валеру, увидел, что он тоже это понял. Тогда я кивнул ему влево, а Валера, подмигнув, кивнул мне вправо.

После этого Васильев вытащил свой новенький нелегальный «Иж», одним движением продвинулся к переднему сиденью и со зловещим щелчком взвел курок, держа пистолет у самой головы гаишника.

— Мне тебя пристрелить — раз плюнуть! — сказал он и тут же плюнул капитану прямо на погон.

Я приоткрыл боковую дверь и нацелил свою помпу на автоматчиков, картинно вставших на обочине с автоматами наперевес.

— Против помпухи «калаш» — говно! — громко сообщил я и пальнул в воздух.

Оба молоденьких сержанта тут же подняли руки, беззвучно шевеля губами. Наверное, молились во спасение...

— Быстро! Положили автоматы! На землю!! Или! Убью! На хрен!! — заорал я, выбираясь наружу. У меня в голове зашевелилось знакомое злобное чудище, и я встряхнул шевелюрой, успокаивая его, потому что не та была сейчас ситуация, чтобы серьезно волноваться.

Сержанты быстро положили автоматы на асфальт и стали тихонько отступать к своей будке, пригибаясь так низко, как будто в них уже палил целый батальон.

Я передернул помпу и выстрелил в воздух еще раз, после чего гаишники отважно развернулись ко мне спиной и рванули со всех ног.

Я метнулся к автоматам, одним движением цапнул их за ремни и успел заметить, как Палыч забирает у капитана его автомат прямо через боковое стекло.

Потом капитан с поднятыми руками медленно стал отступать к своей разлюбезной будке, а я вернулся в микроавтобус, швырнув добычу на задние сиденья.

— Поехали! — скомандовал Валера, оценив обстановку, и Палыч втопил акселератор до отказа.

Взвизгнув шинами, наш «форд» рванул по пустому шоссе, но этот быстрый отъезд был скорее жестом вежливости и примирения, чем действительно необходимым действием, — нас ведь никто не преследовал и тем более не стрелял вдогонку.

«Гадят они там сейчас, возле будки...» — подумалось мне.

Минут через десять Палыч сбросил скорость до безопасных ста километров в час и небрежно бросил через плечо:

— Эпизод отработан удовлетворительно. Молодцы!

— Служу Советскому Союзу! — серьезно отозвался Васильев, и я поразился искренности, прозвучавшей в его голосе. Похоже, и спустя четверть века после гибели огромной и загадочной в своих немыслимых противоречиях Державы у нее находились верные и преданные сторонники.

— А ты чё, коммунист? — спросил я Валеру, на что тот ответил грубым и нецензурным комментарием, смысл которого заключался в том, что он вовсе не коммунист, зато я — идиот.

— Советский Союз — единственная страна, где реальным приоритетом была справедливость, а не материальные стимулы. Справедливость — это то, что сейчас позарез нужно нашей стране,— строго сообщил мне Валера, и я решил промолчать, чтобы не разжигать в тесной машине масштабную идеологическую рознь.

Зато с нескрываемым сарказмом отозвался Палыч:

— Дорогие друзья! Как только обустроитесь в своей новой, самой справедливой и славной стране, непременно потом позовите меня. Только я хочу, чтобы в этой стране, помимо абсолютной справедливости, еще и люди бы никогда-никогда не умирали!

— Где каждый был бы счастлив и свободен и имел бы не менее трех рабов! — не удержавшись, подхватил я..

— Мудаки вы оба... — вздохнул Васильев и закурил свой вонючий «Беломор». Впрочем, деликатно выдыхая едкий сизый дым в опущенное до отказа окно.

Смотреть там было не на что — шоссе давно уже стало пустым в обе стороны.

Проехав еще километров пятьдесят, Игорь вдруг резко сбросил скорость, свернул на обочину и встал там, пристально вглядываясь сквозь желтеющую листву куда-то далеко вперед, в смутную мешанину разноцветных домиков и машин, устроенную у подножия холма, на котором мы сейчас находились.

Валера поправил очки и тоже уставился туда, подслеповато щурясь и бормоча что-то невнятное.

Я, разумеется, тоже поглазел, но ничего интересного не увидел. Тогда я порылся в нашей амуниции и выудил из кучи пакетов и ящичков футляр с биноклем. Наблюдению сквозь лобовое стекло мешали искажения и дорожная пыль. Поэтому я вышел из машины и, уже стоя на дороге, увидел, как проводят досмотр проезжающих автомобилей армейские части — у развилки трех широких дорог замерли две бронемашины и штук пять военных грузовиков, в которые непрерывно что-то грузили суетливые, как муравьи, фигурки в камуфляже.

Вдоль обочины стояло не меньше десятка фур с распахнутыми дверцами. Рядом уныло бродили сгорбленные фигурки в штатском.

— Грабят, похоже,— сказал я, указывая ребятам биноклем на развилку.— Хотите посмотреть?

— Да я все и так вижу! — с неожиданной злобой ответил Палыч и поднял глаза к потолку машины, как будто обращаясь к небесам с немым призывом вмешаться и покарать.

— Надо посмотреть, как они на легковые машины реагируют,— заметил Валера, тоже выбираясь наружу размять ноги.— Может, их только фуры интересуют.

Палыч услышал это предложение и оглянулся посмотреть, не едет ли кто за нами. Увы, никто никуда не ехал...

— Через час начнет темнеть. Очень может быть, что до утра вообще никого не появится,— озабоченно заявил Игорь, тоже вышел из машины и с тоской посмотрел в лес. В лесу уже смеркалось, под ветвями лежали густые тени, и даже трава на обочине выглядела не зеленой, а серой, как глина. Впрочем, может, она на самом деле была тут серой.

— А давайте-ка я туда прогуляюсь, жалом повожу, что к чему,— предложил я, откладывая бинокль на тупорылый капот «форда».

Палыч с минуту оценивающе на меня смотрел, а потом покачал головой:

— Идти должен Валерка. У него ксива действующая. Тебя могут сдуру прямо там отрихтовать так, что мало не покажется. Или вообще в расход пустят, как лишнего свидетеля.

— Слушай, у нас вроде пока не Гаити и даже не Сомали,— не поверил Валера.— Ладно, давай я схожу.

Он вытащил из-за пояса пистолет и положил его на капот рядом с биноклем.

— Если что, считайте меня коммунистом! — подмигнул мне Васильев и вразвалку пошел вниз по шоссе.

Мне показалось, что подножие холма совсем близко от нас, но это было обманчивое впечатление — Валера быстро разогнался и пошел достаточно быстрым шагом, но добрался до бронемашин лишь через полчаса.

Когда мне наскучило разглядывать его сутулую спину, я принялся осматривать в бинокль окрестности. Дома вокруг выглядели дорогими и обитаемыми — в окнах висели занавески, а во дворах некоторых коттеджей я с удивлением увидел типовой провинциальный антураж — бельевые веревки, действительно увешанные бельем.

Палыч сходил в салон за биноклем для себя, но, судя по негромким восклицаниям, изучал исключительно военную заставу на дороге.

Спустя полчаса, когда Валера дошел до первого «Урала» и направился дальше по осевой линии пустынного шоссе, я подумал, что он так и пройдет заставу, ни с кем не заговаривая, и что такая разведка мало чем нам поможет. Но уже возле следующего грузовика Валеру остановил человек в камуфляже, и они довольно долго, с минуту, беседовали. Потом человек в камуфляже ударил Валеру в лицо и еще добавил ногами, пока Валера валялся на асфальте.

Валера встал и начал отряхиваться, а потом вдруг побежал назад по шоссе. Ему наперерез выскочило еще несколько солдат, которые, судя по копошению вокруг, добавили «беглецу» несколько плюх.

Потом я увидел, как Валеру ведут со связанными его же курткой руками к одной из бронемашин справа от шоссе и пристегивают наручниками к скобам БТРа, оставив сидеть на земле.

Я опустил бинокль и посмотрел на Палыча. Он тоже опустил бинокль, но смотрел не на меня, а на лес по правую сторону дороги.

Я понял его мысль, но сама идея нападения на роту вооруженных солдат мне показалась самоубийственной.

— Нереально, Палыч. Надо узнавать, кому они подчиняются, и звонить начальству,— предложил я.

— Узнавать, кому они подчиняются? — с яростным сарказмом переспросил Палыч, снова поднимая к глазам бинокль.— Судя по тому, что они вытворяют, они подчиняются сомалийским пиратам. Будем звонить в Могадишо?..

Мы изучали обстановку еще минут десять, но ничего нового, кроме довольно быстрого наступления сумерек, не происходило — Валера по-прежнему сидел на земле возле бронемашины с вздернутыми руками, а солдаты вернулись к перегрузке отобранных товаров в свои грузовики. Я подумал, что через пару часов руки у Валеры затекут до полного онемения.

Палыч кивнул на капот:

— Убери здесь все,— и вернулся в кабину, заводя «форд».

Я собрал оба футляра от биноклей и пистолет, оставленный Валерой, после чего тоже вернулся в микроавтобус.

Палыч проехал несколько метров вперед и свернул вправо, аккуратно продвигая машину в лес через едва обозначенную в этом месте придорожную канаву. Машине удалось пройти метров десять, так что с дороги ее точно было уже не видно.

Тогда Игорь заглушил мотор.

— Чего расселся! Пошли!

Я вопросительно посмотрел на амуницию у себя за спиной, но Палыч с усмешкой покачал головой:

— Штурмом мы их не возьмем. Пошли, на месте посмотрим-послушаем, что делать. А здесь сидеть точно нет никакого смысла.

Игорь тщательно запер машину, и мы пошли по сос-новому лесу, довольно удобному для пешей прогулки — там не было густого подлеска, характерного для березовых рощ или тем паче еловых зарослей. Я прикинул, что при сильном желании между этими соснами можно будет даже провести наш микроавтобус.

Палыч думал о том же — он критично оглядел нашу машину и местность вокруг, после чего заметил:

— Вполне реально будет потом заставу лесом обойти. Но только утром. Ночью они нас увидят или услышат.

Мы пошли быстрее, потому что и мне, и Палычу не терпелось посмотреть, как там поживает Валера. Спустя минут двадцать мы добрались до подножия холма и, осторожно пригибаясь, подкрались к кустам возле обочины.

Бронемашина стояла на месте. Рядом крутился молоденький солдатик в аккуратно подогнанной форме, с шевроном Федеральной пограничной службы на рукаве. В одной руке солдат держал пластиковое ведерко с водой, а в другой — тряпку, которой он весьма тщательно отмывал скобу, к которой несколько минут назад был пристегнут Васильев.

А вот самого Валерки нигде не было...

Палыч озирался с неменьшим изумлением, чем я, но в конце концов был вынужден признать очевидное — Васильев пропал, и где его искать — совершенно неясно.

Прежде чем я успел что-либо сказать, Палыч вдруг бросился на солдатика в каком-то немыслимом собачьем прыжке — выставив вперед руки, свирепо оскалившись и издавая даже не рычание, а хриплый вой раненого гиппопотама. Я такие звуки слышал лишь однажды — когда у ротного на учениях местные калмыки сперли канистру спирта — и запомнил их на всю жизнь.

Юный погранец успел только пискнуть и послушно упасть, но на этот писк откликнулось сразу человек пять вполне взрослых мужиков в камуфляже без знаков различия. Мужики, нисколько не мешая друг другу, какими-то очень грамотными и точными движениями в два счета растащили Палыча и солдатика, после чего застегнули на сбитом с ног Игоре наручники.

Тогда я громко сказал: «Приехали!» — и вышел из леса, наставив на них свою помпу. А что мне еще оставалось делать?

На щелчок взводимой помпы первым обернулся белобрысый громила в красном берете.

— О! Еще один клоун! — весело сказал он, поворачиваясь ко мне всем корпусом, и я увидел направленный на меня короткоствольный автомат с уже снятым предохранителем.

— Посоревнуемся, братишка? — предложил белобрысый.

— Думаю, помпа уложит тебя быстрее,— хмуро ответил я, впрочем, не шевелясь.

Мой собеседник вроде бы только дернул плечами и вдруг оказался в шаге от меня. Он тут же мягко вынул помпу из моих рук и, оглядывая добычу, кивнул:

— Вообще-то ты прав. Помпа быстрее. Но к ней еще нормальный боец прилагаться должен. А не шпана вроде тебя.

Я с нарастающим изумлением смотрел на этого белобрысого мужика, на его окружение и осознавал какое-то вопиющее несоответствие между словами, которые слышал, и обстоятельствами, в которых находился.

— Вы кто такие, господа мародеры? — Я пристально разглядывал вставших в круг «мародеров» с чистыми, выбритыми и на удивление нормальными, человеческими лицами.

Белобрысый нахмурился и еще раз шевельнулся. Его серые глаза оказались в десяти сантиметрах от моего лица.

— Мы — мародеры? Да вы охренели, что ли, гражданин?! — выдохнул он мне в лицо, и я отметил, что этот парень не только регулярно бреется, но еще и чистит зубы, не курит и за прошедшие пару дней не выпил ни капли спиртного.

Я молча смотрел на него, как на инопланетянина, пока Палыч, все так же лежа на животе, вдруг не заорал безудержно - радостным голосом:

— Бляха-муха! Это же «Град»! Мать вашу, а ну зовите ко мне вашего Макарова! Я ему, скотине, сейчас в рожу чихну!..

Белобрысый, слегка наклонив голову, с демонстративным недоверием выслушал это сообщение, но потом все-таки бросил в плечевой микрофон:

— Вячеслав Степанович, это Атос. Тут, на КПП намба ту, вас домогаются. Якобы знакомый. Прием.

— Хорошо, сейчас подойду...— раздался равнодушный голос.

Несколько минут никто не двигался с места, пока из-за бронемашины не показался коренастый, бритый наголо мужчина с широким круглым лицом, мясистым носом, приплюснутыми ушами и на удивление добродушными глазами. Мужчина был одет в обычный камуфляж, и берет на нем был тоже обычный, камуфляжный.

— О, Палыч лежит! — Мужчина осторожно тронул ногой поверженное тело.— Ну и хрена лысого ты тут разлегся?! Больше негде?

— Сам ты лысый хрен,— огрызнулся Палыч, тут же поднимаясь на ноги.— Здорово, Слава!

Они обнялись, точнее, «градовец» обнял Палыча, руки которого по-прежнему были застегнуты наручниками за спиной. Потом Слава расстегнул наручники и протянул их Палычу со словами:

— Дарю. На долгую память.

Потом указал на меня:

— А это кто?

Палыч, потирая багровые запястья, скривил физиономию:

— Да так, прибился тут один случайный хмырь. Можешь пустить его в расход, мне не жалко...

— Оставьте его мне, Вячеслав Степанович,— попросил белобрысый, сверкая своей белоснежной челюстью и показывая на меня стволом автомата.— Мы с ним еще не доспорили о преимуществах помпы перед автоматом.

— А чего тут спорить? В ближнем бою помпа лучше,— пробасил Вячеслав, забирая мое ружьишко из рук белобрысого и передавая мне.

Я благодарно кивнул и тут же освободил от куртки правое плечо, пристраивая там на ремне свое оружие. Все пятеро бойцов смотрели на эту процедуру с каким-то острым, профессиональным интересом.

— И что, удобно такой работать? — спросили меня.

— Удобно, неудобно... У меня другой все равно нет,— буркнул я.

— А далеко ты, такой красивый, с ней собрался пройти? — снова спросил все тот же настойчивый боец, глядя на меня откровенно насмешливыми глазами, но совсем не улыбаясь своим до театральности суровым, обветренным лицом. Похоже, ему на самом деле было интересно, как далеко может пройти по стране человек с таким вооружением.

— Мы с ней пройдем две тысячи километров к югу от Москвы,— ответил я и злобно выпятил челюсть, услышав дружный и искренний смех вокруг.

— К югу от Москвы и километра нельзя пройти. Там сейчас только ездят. Причем на танках. Или летают — на «крокодилах»,— объяснил белобрысый.

Потом Вячеслав показал на коттедж неподалеку, и мы пошли туда втроем. Остальные члены группы, как по команде, бесшумно разошлись.

Впрочем, наверное, команда «Разойтись!» действительно была, а я ее просто не услышал.

Глава двенадцатая

И без того не бедно выглядевший снаружи, внутри этот коттедж оказался роскошной загородной виллой — отделанные мрамором прихожая и гостиная, затейливые световые панели и какая-то немыслимая бытовая техника, из которой я опознал только пылесос.

То есть даже пылесос я опознал не сразу, ибо он был сделан в виде огромной черепахи, но когда он, деловито жужжа, сам подъехал ко мне на невидимых колесиках и начал путаться под ногами, самостоятельно очищая пол в автономном режиме, я раздраженно дал ему пинка, и Вячеслав укоризненно сказал:

— Не трогай животное. Ты, что ли, полы здесь мыть будешь?

Я вгляделся в рукотворную тварь и понял, что вижу одного из тех домашних роботов, которых показывают по телевизору в программах для скучающих жен бизнесменов.

Пылесос обиженно поморгал светодиодами и покатил от меня прочь в гостиную. Вячеслав направился туда же.

Я вошел сразу после них и совсем не удивился, увидев Васильева. Он лежал на роскошном кожаном диване, подставив лицо молоденькой девушке в форме с погонами лейтенанта медицинской службы. Девушка сидела возле дивана на коленях и сама отчаянно морщилась за пострадавшего, протирая ватным

тампоном исцарапанную физиономию Васильева, зато пациент бодро улыбался и трендел без остановки, шевеля разбитыми в кровь губами:

— ...участковый докладывает: «Сегодня в доме пять произошло самоубийство. Мужик из окна выбросился». Начальник: «А какой мотив?» Участковый: «Какой на хрен, мотив? Не Кобзон, молча выбросился».

Палыч мельком взглянул на Валеру и сразу направился к огромному окну. Окно выходило на трассу, и в него было видно не только оба броневика, но даже, если поднять жалюзи, макушку холма, возле которого мы оставили в лесу наш «форд». Палыч поднял жалюзи и некоторое время разглядывал пустое вечернее шоссе.

— До утра ни одной машины не будет. Шугается народ по ночам ездить,— ответил на невысказанный вопрос Вячеслав, тоже подойдя к окну.

Васильев наконец отвлекся от своей медсестры и заметил нас.

— Явились, значит,— со странной смесью радости и беспокойства сказал он.

Вячеслав обернулся к нему и развел руками:

— Несчастный случай. У нас сегодня праздник отложенных встреч. Бывает и не такое.

Потом Вячеслав повернулся к нам и, коротко вздохнув, объяснил:

— У погранцов командир роты месяц назад из Ханкалы прибыл. Ивашов его фамилия.

— Ивашкин,— поправил с дивана Васильев, потирая ушибленную челюсть.

— Ага, Ивашкин. Капитан Ивашкин. А жену его зовут Алена.

— Алена Семеновна,— снова вмешался Васильев, и медсестра хрюкнула от еле сдерживаемого смеха.

— Короче, ревнивым этот капитан оказался до чрезвычайности. Он и на моих людей кидаться пробовал, но тут у него облом случился.

Через пару минут отрывистых комментариев Вячеслава и односложных реплик Васильева картина происшествия прояснилась до полного неприличия. Оказывается, кобель Васильев закадрил супругу капитана в первый же месяц своей последней чеченской командировки в Ханкалу, а потом два месяца отбивался от нападок разъяренного ротного. И надо было такому случиться — именно с капитаном Ивашкиным наш Валера столкнулся сегодня, проходя заставу. Рогатый капитан сразу понял, с какой целью пожаловал сюда Васильев. Разумеется, клеиться к его супруге — разве могут быть в этой жизни другие причины?

— Да хрен с ним, с этим кобелем.— Палыч бросил уничижительный взгляд на Васильева.— Ты мне лучше скажи, почему погранцы у тебя мародерствуют?

— Кто мародерствует? — напрягся «градовец», рефлекторно протянув правую руку к кобуре, а левую — к рации.

— Ну, как же...— запнулся Палыч, не решаясь поднять на него глаза.— Вон же ваши молодцы — грузят товар в грузовички...

Вячеслав нахмурился:

— Ты вроде давно меня знаешь. Я мзду не беру.

Палыч развел руками:

— Я-то знаю! Но с шоссе видно, как товар перегружают.

— Здесь вчера был бой,— объяснил Вячеслав.— Семь фур с кофе остались у нас на ночь, потому что перед Тверью работала банда Ахмеда Касымова, и дальнобойщики боялись дальше ехать без нормального сопровождения. Мы, разумеется, без команды сопровождать их тоже отказались, просто разрешили у нас переночевать, под прикрытием. А под утро Касымов сам сюда явился со своими людьми. И для начала у всех фур колеса прострелил. Он же думал, что здесь только срочники стоят.

— А вы что? — спросил я с огромным интересом.

— Что «мы»? Мы, конечно, вмешались. Вон в том лесочке Ахмед с друзьями сейчас лежит, воняет потихонечку... — «Градовец» кивнул в окно.— Кстати, военные грузовики у погранцов зафрахтованы фирмачами совершенно официально и проплачены по безналу. А вот нам или пограничникам фирма-перевозчик даже банки кофе не подкинула. Такие жмоты оказались, слов нет! А ты говоришь — «мародеры».

— Это не я говорю. Это он.— Палыч вдруг указал на меня толстым волосатым пальцем и вдобавок скорчил противную рожу.

Я благоразумно решил промолчать.

— Свою машину далеко оставили? — закрыл скользкую тему Вячеслав.

— Вон там, на пригорке, в лесочке,— показал Палыч.— Сейчас схожу пригоню.

— Один не ходи,— покачал головой Вячеслав.— За пределы КПП даже мои бойцы по одному не ходят. Дать тебе человека?

— У меня есть.— Игорь снова показал на меня пальцем.— Пошли, боец.

Конечно, я бы мог ему достойно ответить, но не в присутствии медсестры. Симпатичная девушка — с фигуркой, грудью и прочими аксессуарами.

Мы вышли из коттеджа и направились вверх по шоссе. Резко стемнело, и в сгустившемся сумраке я уже мало что видел. Когда Палыч вдруг резко остановился, я с ходу врезался головой ему в спину.

— Блин, Тошка, соблюдай дистанцию,— попросил он и дальше говорил уже кому-то невидимому, сидящему в открытом люке БТР:— Мы сейчас вернемся. На камуфляжном микроавтобусе. Такой длинный, с нарисованными медведями гризли на боках.

— Гризли? Да по мне хоть с бегемотами! «Сейчас» — это когда? Я через час сменяюсь,— послышался недовольный голос солдата.

— Мы быстро, в полчаса уложимся,— успокоил Игорь и быстро пошел вверх по темному асфальту.

— Будете подъезжать — мигните четыре раза! — крикнул нам вслед тот же недовольный голос, и я услышал скрип пулеметной турели.

Палыч шел, беспокойно поглядывая наверх, и мне тоже стало передаваться его беспокойство. Я с ужасом представил себе, как мы бродим по темному лесу в поисках исчезнувшего микроавтобуса, а нашу машину угоняют по лесным дорогам какие-нибудь недобитые соратники покойного, но все равно ужасного Ахмета.

На вершину холма мы почти взбежали, и там я первым отыскал место, где мы форсировали придорожную канаву. Я пригнулся, отодвигая мешавшие ветви, и вошел в лес, двигаясь больше по наитию, чем по ориентирам вроде колеи, едва различимой в неверном свете луны.

Микроавтобус стоял на месте, и я тут же радостно крикнул себе за спину:

— Палыч, порядок!

Ответом была тишина и какое-то странное, осторожное кряхтенье неподалеку.

— Палыч, ты где? — Я с тревогой вглядывался в уже беспросветную, по случаю позднего вечера, темноту.— Палыч! Где ты?

— Как же ты меня достал, Тошка! Дай погадить человеку! Два часа терпел, возможности не было, а теперь вот ты тут разорался,— услышал я возмущенную тираду из ближайших кустов.

Значит, мы бежали наверх, как сумасшедшие, вовсе не в тревоге за сохранность «форда» и груза. То есть я-то тревожился, а Палыч просто искал тихое место, где можно комфортно погадить в окружающую среду.

Я помолчал некоторое время, прогуливаясь меж трех сосен возле микроавтобуса, а потом мне стало скучно, и я прислонился спиной к ближайшему стволу, уставившись в необычайно звездное и потому глубокое, зовущее ночное небо.

Звезды загадочно мерцали, передавая морзянкой неведомые человечеству тайны, рядом многозначительно фосфоресцировали какие-то туманности и еще молча, но строго смотрела на меня луна.

В такие минуты очень хочется приобщиться к какому-нибудь секретному инопланетному знанию или божественной высшей силе, но ни религия, ни уфология никогда не вызывали у меня в душе ни трепета, ни интереса. Мне в принципе не нравилась идея поклонения могущественным силам, когда в качестве причины поклонения выступал всего лишь факт могущества этих сил. То есть не моральные качества человеческих богов, не любовь и справедливость заставляют людей поклоняться им, а лишь факт их пусть воображаемого, но силового преимущества перед человеком. Больше того, отказ от почитания богов означает в людской мифологии совершение греха — дескать, как ты, чмо хилое, смертное, тупоголовое, посмел противиться силе, которая заведомо больше тебя!.. Подобная идеология возмущала мой разум, а разум в ответ разрушал малейшие религиозные конструкции, которые окружающие достаточно часто пытались воздвигнуть в моем воображении.

Я не понимал претензий на духовное лидерство этих безумных фанатиков с барскими замашками и пошлой пропагандой серости как фетиша. С таким же успехом серийный маньяк может претендовать на роль духовного вождя среди своих несовершеннолетних жертв — и ведь, как показывает уголовная практика, нередко добивается своего! Но разве это означает, что ему следует поклоняться? По-моему, ему следует набить морду...

«Форд» взревел мотором, и я вздрогнул от неожиданности. Палыч не стал включать свет в кабине, потому что даже при свете фар с водительского места в лесу видно было немного.

Я открыл пассажирскую дверь, сразу оказавшись в шаге от желанного, теплого, цивилизованного мира.

— Привет, засранец! — крикнул я Палычу.— Я пойду к шоссе, показывать тебе дорогу.

Палыч показал глазами на луну:

— Мне света вполне хватает. Не трепещите крылами, корнет.

Потом помедлил и неожиданно спросил:

— Тошка, а тебе не кажется, что луна очень похожа на жопу?..

Я изумленно вытаращился сначала на него, потом на луну, а потом снова на него:

— Луна похожа на жопу? Почему? Ты спятил, что ли?

Палыч сказал мне «пф-ф» и разочарованно махнул рукой:

— Ты не понял. Мы — внутри! Ладно, иди уже, показывай дорогу...

Я осторожно захлопнул дверь, с неслышным вздохом возвращаясь в мир тревожных лесных шорохов и теней.

Потом я снова посмотрел на луну, и тут до меня дошла шутка Палыча... Меня начало трясти от смеха так, что я сам едва не свалился в канаву вместо броневика.

Впрочем, обратная эвакуация микроавтобуса из леса на шоссе прошла успешно, и я сел в машину, когда она вырулила на дорогу. Мы покатили под горку, которую уже изрядно истоптали за сегодняшний день.

Устраиваясь в кресле поудобнее, я вдруг всеми частями тела почувствовал, как устал.

Подъехав к первому броневику, мы послушно мигнули четыре раза, но не получив в ответ никаких сигналов, медленно двинулись в глубь заставы.

Палыч поставил «форд» во дворе первого коттеджа, под самыми окнами гостиной, где мы оставили Васильева, и в этих окнах, сияющих сейчас двухсоттаттными неоновыми панелями, мелькали бойкие тени и странные романтические силуэты.

На веранде коттеджа стояло трое мужчин в камуфляже, среди которых я сразу узнал белобрысого веселого громилу. Весельчак тоже меня узнал:

— Привет терминаторам! Когда уже будем соревнование устраивать?

Я зашел на веранду и протянул ему руку:

— Привет. Я Антон. Биофизик.

Белобрысый широко улыбнулся и легко пожал мою руку:

— И я Антон. Но — землепашец.

Оказавшийся рядом Вячеслав добавил своим размеренным басом:

— Студент он у нас. Зеленоградской сельхозакадемии. Теперь уже вечный.

Я не понял последней фразы и открыл было рот, но Антон объяснил сам:

— Идите в гостиную, ужинать, заодно новости посмотрите. Там в конце, в рубрике «Культура», должны показать, как она горит. Моя, блин, альма-матер. Отучился я, короче... — с грустью закончил он.

Я вежливо пожал плечами, выражая сочувствие странному студенту, и пошел в гостиную на запах какой-то необычайно вкусной жратвы.

Палыч, разумеется, сначала поперся в туалет — мыть руки с мылом (а то и с хлоркой, если найдет раствор).

Кроме вкусных запахов, гостиную заполняли забытые звуки ночной вечеринки — звяканье бокалов, невнятный шепот, доносящийся откуда-то из

нагромождений мягкой мебели, занудливое бормотание радиоведущего, изредка прерываемое танцевальной музыкой, и тому подобное забытое звуковое сопровождение типичного студенческого вечернего ужина.

У входа в гостиную меня встретила давешняя медсестра, что приводила в чувство Васильева, и строго нахмурила брови:

— Руки!

Я, разумеется, вспомнил «Приключения Шурика» и послушно поднял руки вверх, косясь на ее грудь, отлично видимую в вырезе расстегнутой до предпоследней пуговицы гимнастерки.

Оглядев мои поднятые руки, медсестра радостно засмеялась и добавила, едва сдерживая следующий приступ смеха:

— Руки мыли?

— Я бы рад, да там, в туалете, мой коллега засел. Медвежья болезнь!— громко заорал я, оборачиваясь к туалету, чтобы Палычу было лучше слышно.

— Наглая ложь,— тут же отозвался Палыч, открывая дверь туалета.— Я там руки мыл.— Он торжественно показал красные от горячей воды ладони.

Медсестра уважительно ему кивнула:

— Какой молодец! А теперь идите кушать.

Услышав слово «кушать», я поморщился. Давно подметил: если русскоговорящий человек всерьез употребляет слово «кушать», значит, он не понимает его лакейского смысла. И значит, этот человек глуп. Еще ни разу за мою жизнь этот тест меня не обманывал, и я давно привык полагаться на него, как полагаются в приемных комиссиях вузов на тест ЕГЭ, — с некоторой степенью недоверия, но и с подсознательной готовностью признать человеческую глупость там, где внешне она еще никак не проявилась.

Палыч протиснулся мимо меня в гостиную, слегка и как бы шутя приобняв медсестру, а я отправился в туалет. Я подумал, что мы можем еще очень нескоро воспользоваться преимуществами цивилизации, и, обнаружив в туалете душевую кабину, решил быстро, по-солдатски, помыться.

Потом я таскался в «форд» за чистыми носками и майкой, вытирался, причесывался и просто тупо таращился на себя в запотевшее зеркало, репетируя мужественный оскал и две разновидности ироничной улыбки.

Короче говоря, когда я вошел в гостиную, за общим столом уже сидело человек десять и поднимали, как мне показалось, судя по счастливо размякшей физиономии Васильева, четвертый-пятый тост.

Впрочем, бойцы Вячеслава, как и их командир, употребляли исключительно соки. Железные люди, собранные по старым кагэбешным технологиям — из чугуна, ряженки и ржаных хлебцев «Здоровье». Сейчас таких уже не делают...

Мне указали на свободное место рядом с немного полноватой, но довольно симпатичной блондинкой, одетой в гражданское, отчаянно красное плюшевое платье, вызывающее и неожиданное среди привычного камуфляжа или зеленой формы офицеров погранвойск.

По другую сторону от плюшевой блондинки сидел Васильев и недобро косился на меня, нервно почесывая челюсть, заклеенную пластырем в трех местах.

Давешняя медсестра сидела много дальше, на другом конце стола, рядом с Палычем — видимо, его чистоплотность задела какие-то профессиональные струны ее женской души.

— Очень приятно. Меня зовут Алена Семеновна,— жарко прошептала мне в правое ухо блондинка, пихнув меня в бок своей упругой грудью, и я тут же рефлекторно огляделся по сторонам в поисках невидимой угрозы.

Меня успокоил голос напротив:

— Капитан Ивашкин отправлен на гауптвахту. Трое суток за неуставные взаимоотношения с гражданским лицом.

Я благодарно кивнул, ни единым мускулом не выдав своего отношения к этой непростой коллизии, а потом повернулся к блондинке:

— Я Антон. Что вам налить?

— Там уже все налито, Тошка. Тебе совершенно не стоит беспокоиться,— желчно отозвался Васильев поверх красной плюшевой спины, демонстративно подливая блондинке вина в стакан.

Я посмотрел Алене Семеновне прямо в ее подернутые мутной голубоватой дымкой глаза и прочитал там, что побеспокоиться мне все-таки стоит. Блондинка подняла свой стакан, лихо выцедив из него все содержимое:

— Ах, Антон! Налейте мне что-нибудь по своему вкусу. Так приятно, когда мужчины вливают в тебя что-нибудь по своему вкусу!..— томным голосом добавила она и, завершая свою выразительную пошлость, медленно облизала указательный палец, глядя мне в глаза.

Я понял, что от этой женщины так просто я уже никуда не денусь, и взял со стола бутылку, руководствуясь одним только инстинктом — самозащиты.

— Ах, пьяная женщина — легкая добыча. Не правда ли? — приторно улыбнулась Алена Семеновна, внимательно наблюдая, как я наполняю ее стакан вином.

Тут Васильев крякнул со своего места так отчетливо, что мне все-таки пришлось остановиться где-то на половине стакана.

В гостиную вбежал запыхавшийся солдат с огромной, литров на двадцать, кастрюлей вареной картошки. Он поставил парящую кастрюлю посреди стола и снова торопливо убежал за стойку, где, по-видимому, располагалась кухня элитного коттеджа.

Все мужики тут же начали шустро, но без суеты накладывать себе картошку. Я тоже положил в свою тарелку пару картофелин, и тут в гостиной снова появился все тот же солдатик — на этот раз с казаном тушеного мяса.

— Хорошо живете,— одобрительно заметил Палыч на всю гостиную.— На своем горбу небось все вырастили?

— Своим горбом в России можно заработать лишь радикулит,— тут же отозвался Вячеслав.— Картошку у местных на солярку выменяли, а козу вчера убило, во время боя. Не поверишь — случайно.

— А где же армейское довольствие? Где полевая кухня? — озаботился Васильев, повернувшись к Вячеславу.

— В Караганде! — раздался нестройный хор мужских и женских голосов.

— Мне, как ты понимаешь, на моих людей питерское управление отпустило стандартные командировочные. Из расчета семьдесят шесть рублей в сутки

на рыло,— пояснил Слава.— А у местных погранцов вообще полная задница — их же должна была обеспечивать тыловая служба Кавказского военного округа. Ну так положено — раз они оттуда прибыли...

— И чего? — не понял паузы Валера.

— Ты что, не знаешь? — удивился Вячеслав.

Валера пожал плечами, и Вячеслав продолжил:

— Тыловики автоколонной уходили, из Владикавказа на Ставрополь. Керосин для транспортных самолетов у них еще в июне растащили, вот они автоколонной и ломанулись со всем скарбом, так сказать. А под самым Ставрополем их, разумеется, встретили. Причем сразу четыре региональные преступные группировки. Четыре, представляешь! Армейские консервы, концентраты, запчасти всякие, они ведь сейчас в такой цене... Короче, там такое творилось, что я тебе здесь, за столом, пересказывать не буду... Не дошли ребята, почти все там остались. Двести грузовиков, триста солдат и пятьдесят офицеров. Слава богу, хоть семьи свои отдельно отправили, неделей раньше.

— Подожди, они что, без оружия шли? — вытаращил глаза Палыч.

Мужчины за столом все, как один, грустно улыбнулись.

— С оружием, конечно. Но, согласно приказу МО РФ, это оружие было в разобранном виде упаковано в специально опечатанные московской комиссией ящики. Чтоб не провоцировать экстремистов на нападения. И во всех СМИ об этом заранее объявили. Понимаешь тему?..— Вячеслав налил себе полный стакан сока.

— Не понимаю,— честно ответил Игорь.

— Да продали Россию, что тут понимать,— отозвался сосед Палыча, рослый майор-пограничник.— Мне сейчас дай команду — «Наведи порядок, майор Ширко!» — так я за десять дней его наведу, с одной только своей ротой беременных недоносков. Но ведь не дают такой команды, гниды тыловые!..

Майор с тоской поднял огромные ручищи, а потом решительно выпил.

Я покосился направо и, немного подумав, слазал вилкой в кастрюлю за еще горячей картошкой. Но когда я несмело понес парящую картофелину в тарелку своей соседки, Алена Семеновна чутко отвлеклась от беседы с Валерой и замахала на меня руками:

— Что вы! Я худею! Нет-нет! Никакой картошки!

Я понятливо кивнул и положил эту картофелину себе. Поскольку Алена Семеновна все еще смотрела на меня выжидающе, пришлось задавать ей необязательный вопрос:

— А давно вы худеете?

— Целый час! — с готовностью отшутилась она, с торжествующей усмешкой оглаживая себя по пышной груди.

— Уже заметно! — обнадежил я.

— Правда? — захихикала она, прикрывая рот ладошкой.

— Ну да. Глаза у вас голодные.

Она задумалась, потом нахмурилась и наконец разочарованно отвернулась к Васильеву.

Антон опять через стол улыбнулся мне одними глазами и негромко сказал:

— Слушай анекдот, тезка. Возвращается муж из командировки, открывает дверь в спальню, а там его друг и жена занимаются любовью. Муж в сердцах хватает пистолет и стреляет в друга. Наповал. Жена поднимается, грациозно подходит к будуару, берет помаду, красит губы и с легким вздохом говорит: «Эдак ты всех друзей растеряешь!»

Я ухмыльнулся и задумчиво взглянул на Алену Семеновну. Мне уже давно было плевать на несчастного капитана Ивашкина, отсиживающего на гауптвахте за грехи своей несносной супруги,— я не мог разобраться в своих ощущениях.

— Новости! Новости! — закричала вдруг медсестра, тыча вилкой в телевизор, доселе беззвучно вещающий на Первом канале.

Вячеслав неспешно, с каким-то гадливым выражением на лице, поднял телевизионный пульт и несколько раз нажал на сенсоры, выставив уровень звука до различимого. Аккуратно причесанный диктор приветливо улыбнулся нам всем и сказал:

— Здравствуйте! В эфире новости Первого канала. Спешим обрадовать наших телезрителей — министр Зурабов, прозванный в народе совестью нации, посмертно стал лауреатом 17-го конкурса ЮНЕСКО на звание «Человека десятилетия». С подробностями — специальный корреспондент Первого канала в Нью-Йорке.

По экрану пошли панорамы нью-йоркских авеню, и все жадно принялись рассматривать непривычно целые, яркие витрины и толпы улыбающихся, счастливых людей.

— Живут же люди! — выразила общее мнение Алена Семеновна.

— Да ладно, у них на границе с Мексикой сейчас такая же херня происходит,— тут же вступился за родину Васильев.

Поддерживая Валеру, появившийся на экране диктор с фальшивой скорбью в голосе сказал:

— К сожалению, волна стихийных беспорядков и погромов докатилась также и до Соединенных Штатов Америки. Сейчас вы увидите эксклюзивные кадры, снятые нашим специальным корреспондентом во время вчерашних массовых погромов на юге США.

По экрану пошло мельтешение из перекошенных лиц и горящих зданий, сопровождаемое криками разной степени экспрессивности.

— Ну, там хотя бы не стреляют,— разочарованно заметил Палыч.

— Стреляют везде,— поправил Вячеслав.— Просто оттуда, где стреляют, корреспонденты с телекамерами не часто возвращаются.

Следом пошел сюжет про разграбленный в Лондоне автосалон, и на экране появился плачущий хозяин, который, если верить российскому переводу, отчаянно проклинал правительство своей страны за то, что оно оказалось не способно защитить его машины от толпы погромщиков.

— Я разорен! Я полностью разорен! Теперь у меня нет ничего! — надсадно орал в микрофон несчастный коммерсант, а камера тем временем показывала нам бессмысленно покореженные модели известнейших и дорогущих автомобильных марок.

— Чего бы ему, лоху, было не продать это добро пораньше и не свалить с деньгами? — удивился кто-то из ребят в камуфляже.

— Да уж! Самые большие лохи на свете — это те, кто имеет деньги, но не имеет счастья,— негромко сказала медсестра, и я понял, что совершенно напрасно недавно упрекал ее, пусть и мысленно, в тупости.

Тут Первый канал отвлекся от зарубежья, и по экрану пошла подборка региональных сюжетов. Нам показали процедуру открытия электронной библиотеки в селе Горелово Псковской области, два сюжета про освящение — новой атомной подлодки в Северодвинске и музея в Калуге, а также сюжет про визит президента в Анадырь на закладку первого камня в фундамент местной очистной станции.

— Президент у нас молодец, далеко смылся,— одобрил Палыч.

— Да уж... Главнокомандующий, бляха-муха... — хмыкнул Вячеслав.

— Да он, может, не в курсе,— заступился за президента Антон.— Может, ему, как и нам, докладывают только про погромы в Америке и открытие библиотеки в селе Горелово.

— Ну и нахрен он тогда нам нужен, такой красивый?! — злобно рявкнул Васильев, и я увидел такое разочарование на его исцарапанном и битом лице, что рука моя сама потянулась за бутылкой водки.

— Да знают в Кремле всё, что надо! — успокоил собравшихся Вячеслав.— Просто играют в какие-то свои игры, сферы влияния делят или еще чего...

— Нифига себе игры!.. Сколько народу уже полегло! — не выдержал я, наливая водки и себе тоже.

— Их-то это не касается,— ответил Вячеслав.— К примеру, Рублевку сейчас сразу две дивизии охраняют, воздушно-десантная и внутренних войск. Так что там порядок и тишина. По телику давеча показывали — спокойно себе люди в гольф играют, в шортиках и белых носочках. В гольф они там играют, понимаешь!

Все замолчали, с неприязнью глядя в телевизор, где как раз показывали одного из обитателей Рублевки, известного салонного художника. Как будто специально, он вырядился в белые футболку, шорты и носочки. Своими тонкими ручками живописец с натугой удерживал широкую золоченую раму.

— Моя новая картина посвящена последним событиям в Казани.— Холеный человечек лихорадочно тараторил в кадре, выжимая максимум пиара из дорогих эфирных секунд.— Вот, дорогие телезрители, вы видите на этой картине, как несчастная мать держит своего мертвого ребенка, убитого безжалостными погромщиками. Вы также видите, как искажено горем ее когда-то прекрасное русское лицо... Я безвозмездно дарю эту картину Третьяковской галерее!..

В приступе неконтролируемой ярости Слава ударил кулаком по пульту, и экран погас.

Стряхнув телегипноз, все посмотрели друг на друга.

— Больше всего мне жаль хороших людей,— сказала в наступившей тишине медсестра, устало вливая в себя очередную рюмку водки.— Их в жизни ждет наибольшее разочарование. Страшно подумать, как они будут мучаться от разочарований в гнусной человеческой сущности...

Она тяжело вздохнула и добавила:

— Беда хороших людей в том, что они всех подозревают в порядочности. А их по всей стране — мордой об стол, и давай пытать на предмет семейных

заначек или просто так, для развлечения. И делают это ближайшие соседи — те самые, что раньше придерживали дверь, когда вы выносили из подъезда коляску с ребенком...

Она заплакала и прикрыла лицо руками. Все тут же принялись преувеличенно шуметь, звенеть посудой, разговаривать неестественно бодрыми голосами, скрипеть стульями, лишь бы не слышать этот тихий плач.

Я с каким-то восторженным ужасом смотрел на медсестру — совсем юную девушку, так рано созревшую для мудрости, к которой не каждый приходит и в восемьдесят лет.

— У Вали в Казани семья погибла,— негромко сказал мне Антон.— Мать и младшая сестренка. Они на поезде эвакуировались, а его сразу за выездом из города подорвали. Погромщикам почтовый вагон был нужен, с деньгами и ценностями всякими. А весь поезд — так, до кучи пришелся, как в том анекдоте. Человек тридцать сразу погибли, а до раненых «скорые» еще несколько часов не могли добраться — погромщики стреляли. Не со зла, а потому, что боялись, что за ними менты на этих «скорых» явятся. А менты туда, кстати, так и не приехали. Приказ у них такой был — не провоцировать, а ждать, когда само рассосется.

Я взглянул на Валю, потом на черный экран телевизора и почувствовал, что меня здорово развезло.

Я встал из-за стола и быстро зашагал к выходу, не обращая внимания на лица и слова, обращенные ко мне...

Меня стошнило прямо на крыльце — я блевал на этот поганый мир и одновременно плакал от лютой ненависти к нему. Впрочем, скорее всего, я просто перепил водки и подсознательно искал себе другого, высокоморального оправдания.

Потом на крыльце появился Васильев с литровой «Столичной», и я, выхватив ее у него из рук, упрямо припал к этой бутылке так, будто на ее дне таилось знание, так необходимое всем нам сейчас.

Увы, никакое знание ко мне не явилось — явилась лишь совсем расхристанная, но на удивление бодрая Алена Семеновна и встала на пороге, приманивая меня на вывалившуюся из декольте грудь.

Я не стал говорить Алене ничего обидного, а отдал бутылку Васильеву и послушно пошел за этой женщиной — туда, где нас ждали чистые простыни чужой, но такой роскошной спальни.

Глава тринадцатая

Заставу в Торжке мы покидали ранним утром, причем обошлось без долгих проводов — бойцы «Града» со своим командиром во главе ушли еще раньше «по оперативной надобности», как туманно выразился оставшийся дневальный, а пограничники нас и вовсе игнорировали, ибо явно невзлюбили — сказался, наверное, вчерашний конфликт ротного с Валерой.

За руль «форда» снова уселся Палыч — он заявил, что выспался, как слон, хотя это утверждение показалось мне сомнительным. Ночью я своими глазами видел, как Палыч отправился в свою спальню под ручку с медсестрой. Едва ли чтобы тут же заснуть...

Я уселся спереди, рядом с водителем — если видишь его лицо, всегда успеешь разбудить или хотя бы перехватить руль.

Валера нагло разлегся в салоне, неубедительно причитая по поводу своих синяков и шишек — по-моему, он просто готовил себе почву для спокойного дневного сна. У кого поднимется рука будить раненого товарища?

У самой Твери мы неожиданно выскочили прямо на КПП, ощерившийся пулеметами милицейских броневиков. Разворачиваться или прятаться было уже поздно. Но когда Палыч, снизив скорость до обозначенных на знаке двадцати кэ-мэ, подъехал к полосатой будке, гаишник лишь бросил равнодушный взгляд на документы, которые Игорь совал ему в опущенное окно, и молча поднял шлагбаум.

Дальше шоссе снова было пустым, но сразу после Зеленограда мы встали намертво — уперлись в бесконечную очередь из тысяч автомашин. Судя по тому, как спокойно водители и пассажиры завтракали прямо на капотах или подремывали на утреннем солнышке, эта очередь двигалась весьма медленно.

Палыч лично отправился на разведку и вернулся уже через пару минут.

— Въезд в Москву ограничен. На всех постах тотальный досмотр и все такое прочее,— сообщил он, усаживаясь на свое место, после чего принялся звонить сразу по обоим своим сотовым телефонам.

Я тоже решил позвонить, жене, но мобильник Ленки оказался вне зоны. Это было неожиданное и неприятное, но совершенно непреодолимое отсюда, из-под Москвы, препятствие, и я бессильно откинулся в кресле, закрыв глаза от бьющего прямо в лоб солнца.

— Здравствуйте, Геннадий Иванович! — услышал я непривычно сладкий, откровенно заискивающий голос Палыча.— Это вас Игорь Минин беспокоит из ЧОП «Ист Пойнт». Да-да, от полковника... Я хотел уточнить, насколько необходим наш приезд в Москву? Тут совершенно чудовищная пробка, и мы можем потерять массу времени. Нельзя ли нам объехать город и сразу рвануть на юг...

Тут Игорь замолчал, а я открыл глаза. Лицо у Палыча из сонного и равнодушного стало на глазах оживать, наливаться красками, пульсировать энергией. Увы, темной энергией, ибо после нескольких минут прижимания трубки к уху Палыч вдруг заорал в пространство:

— Блядь, да что же там за мудачье работает!.. Твари тыловые! Гниды казематные! Жабы!

Я посмотрел на телефон в его руках и понял, что этот крик души звучал уже в отключенную трубку.

— Придется ехать,— расстроился Палыч, засунув первую трубу в карман и с сомнением разглядывая уже набранный телефон на второй. Потом махнул рукой и убрал в карман вторую трубку тоже.

— А чего говорят-то? — вяло полюбопытствовал я, примерно догадываясь, что могут говорить клерки, не желающие брать на себя лишнюю ответственность.

— Да хамят они, а не разговаривают! — возмутился Игорь.— Сидит там такой эффективный менеджер, жаба беспредметная, и нотацию мне читает. Дескать, если вам через вшивую столичную пробку к нам не пробиться, как, мол, вы до Элисты ответственный груз довезете... Какое твое дело, как я груз довезу, жаба?! Я тебя об одном прошу — не усложняй мне задачу!.. Нет, им еще какие-то документы туда пихнуть надо, груз осмотреть, пломбы поставить... Зачем, спрашивается?!

— Похоже, добавить чего хотят, с оказией, так сказать,— предположил я.

— Хрен им! Только за отдельные деньги.— Палыч снова выскочил из кабины микроавтобуса, не в силах сдерживать бушевавшую в нем ярость.

Я даже подумал, что он пойдет грубить народу вокруг, чтобы подраться от души, но, погуляв по шоссе среди машин, Игорь успокоился и вернулся почти благостный.

— Полей мне на руки, Тошка,— на удивление вежливо попросил он, и я взял канистру с водой, помог ему умыться и даже ни разу не подколол за очередную публичную демонстрацию дурацкого невроза.

Снаружи, на шоссе, воздух был чистым и свежим — все давно выключили движки в целях экономии горючего, а бескрайнее поле, где покоился хвост огромной очереди, продувалось со всех сторон подмосковными ветрами.

Вокруг нас бегали дети, хлопотали взрослые, звучала из динамиков музыка, бормотали что-то успокоительное ведущие радиостанций, иногда даже доносился смех — в общем, царило совершенно забытое в Питере ощущение праздника, и я легко поддался ему, глазея по сторонам под бодрящим осенним солнышком и рассеянно улыбаясь всем сразу.

За нами в хвост пристроилось уже больше десятка машин, а перед нами стоял большой пассажирский автобус «мерседес», полный горластых упитанных тетенек, судя по одежде и манерам — челноков из провинции.

Одна из этих тетенек собрала на обочине с пяток таких же дородных щекастых женщин в ярких китайских куртках и плащах, чтобы сообщить последние новости сарафанного радио:

— В Москву пускают только по приглашениям. Если нет приглашения, разворачивают, на хрен, хоть ты трижды родственник губернатора. Приглашение может написать только коренной москвич, имеющий прописку и проживающий там не менее десяти лет.

— Ну и чё мы делать будем, Степановна? — раздалось сразу несколько голосов.

— Есть у меня такой москвич! — Степановна торжествующе затрясла мобильником.— Но он, падла, денег требует за приглашение. Сто баксов с рыла.

Толпа озадаченно притихла. Женщины задумались, что-то мысленно подсчитывая. Некоторые, впрочем, не мысленно, а вполне публично — на карманных калькуляторах.

— Дорого выходит! Без прибыли вернемся! — озвучил кто-то всеобщее резюме.

— Проще взятку на посту сунуть!

— Бесплатно пройдем! А нет — так на вилы козлов подымем! — вдруг жестко сказала крепкая тетка в спортивной куртке и подняла над головой сжатый кулак.

Я подошел поближе, разглядывая этих отважных и деятельных женщин, даже в такое безумное время готовых к осуществлению своей грошовой коммерции, лишь бы иметь возможность кормить детей и себя, не унижаясь подачками от государства или давно спившихся супругов. Сто долларов в неделю — вот их потолок, но также надежда и спасение, и потому за эти деньги они действительно поднимут на вилы любого, кто посмеет на них покуситься.

Потом я неспешно обошел всю компанию по обочине шоссе и задумчиво побрел в поле, осторожно ступая чистыми кроссовками по дорожкам среди грядок.

— Эй, мужик! Мальчики направо! — крикнули мне в спину.— Ты отлить пошел? Так тебе в правые кусты! Левыми женщины и дети пользуются,— укоризненно сообщила тетка спортивной наружности.

Надо же, как у них тут все уже организовано! Я в немом восхищении кивнул ей и послушно повернул направо — мне, кстати, и впрямь понадобилось отлить.

Возвращаясь, я едва не потерялся — очередь удлинилась еще на несколько десятков машин и теперь уходила за горизонт в обе стороны живым, но бурлящим на месте потоком. Оглядывая машины и людей, я брел вдоль обочины, когда мой телефон вдруг заерзал в кармане и, включив его, я услышал Ленку:

— Привет, дорогой! Как ты?.. Тут по телику про вас совсем ужасные ужасы рассказывают! Что там у вас происходит?

— У нас порядок, Ленкин! Работаем. Возможно, к концу месяца у меня будут неплохие деньги! — гордо проорал я в трубку, продвигаясь вдоль очереди из машин.

— У нас тоже все нормально. Пока... — осторожно сказала Ленка, и я, разумеется, напрягся.

— Что значит «пока»?

— Да трудно это объяснить... Все вроде тихо, везде полиция, народ вокруг нормальный, отдыхает-веселится... Но что-то такое витает в воздухе,— путано объяснила Ленка, но я ее понял.

— Цветные, что ли, куролесят?

— И это тоже,— согласилась она.— По телику показали — вчера поезд Марсель—Париж разгромила банда арабов. Никого, правда, не убили, зато всех ограбили, а пару девушек изнасиловали...

Я замолчал, обдумывая услышанное. Что случилось с миром, куда прикажете прятаться от поднявшего голову быдла?..

— Но ты не волнуйся, это только один эпизод был,— тут же запричитала Ленка.— В России еще хуже. У вас вон вообще стреляют, судя по новостям.

— Это верно,— вздохнул я.— Но ваш отель-то охраняют?

— Здесь вообще все в порядке,— успокоила меня Ленка.— Только вот мне подумать страшно о возвращении в Питер. Сегодня утром в местных новостях показали — Эрмитаж громить начали.

— Да ты что?! — настала моя очередь удивляться.

— Ну да. Правда, в эту ночь мародеров смогли как-то, как они там выразились, «рассеять», но, говорят, сегодня ночью будет повторение, и туда, на Дворцовую, направляются все уличные банды, даже из пригородов и области. Это же вообще полный атас, скажи?..

— Я тебе вот что скажу — ты в Питер возвращаться не будешь! Я сам к вам с Лизкой прилечу.

— Ой, как здорово! — Ленка вроде бы даже захлопала в ладоши. Я услышал, как рядом запищала Лизка, уловив мамину радость и, конечно, с энтузиазмом ее поддерживая. Я улыбнулся, втискивая телефон в самое ухо, чтобы услышать хоть еще что-нибудь радостное с той стороны. — Только у меня ведь ваучер через две недели закончится,— озабоченно сказала Ленка.— И наличные деньги, кстати, тоже. А на карточке всего двадцать евро.

— Я работаю. Деньги будут,— успокоил я.— Давай закругляться, а то еще и телефоны вырубят. Я вас очень люблю!

— Мы тебя тоже...

Я послушал короткие гудки и лишь потом выключил трубу, улыбаясь, как последний идиот.

— Ну и чему ты радуешься? — угрюмо спросил Палыч.

Я показал дисплей, где еще светилось имя жены, и он буркнул:

— Они во Франции вечно жить собираются? По радио только что передали — в Питере Эрмитаж разносят.

Я молча убрал трубку в карман, обошел вставшего, как памятник, Палыча и открыл пассажирскую дверь нашего «форда». Там по-прежнему храпел Васильев, развалившись поперек салона, и мне пришлось перелезть через его страусиные ноги, чтобы пробраться к задним сиденьям.

Добравшись, я снял куртку, аккуратно отцепил помпу от плеча, положив ее на полу на расстоянии вытянутой руки, и лег так, чтобы видеть приоткрытую дверь салона.

— Работнички, мля! — услышал я бухтенье Палыча и грохот закрывающейся двери.

И чего он разоряется? Можно подумать, если мы начнем бегать кругами вокруг «форда», мы доедем до Элисты быстрее.

Я уснул мгновенно, как подстреленный. Поэтому очнувшись в темном, неспешно покачивающемся салоне, не сразу смог оценить ситуацию. Мы медленно катили по ночной дороге, и, судя по колыханию, дорога эта была далеко не хайвэем.

Подняв голову, я увидел за рулем Палыча, а в соседнем кресле незнакомого суетливого мужика, тараторящего буквально без остановки.

— ...Такой, в общем, приколист оказался — Петросян отдыхает!

Я сел, пристроил помпу на привычное место и накинул сверху куртку.

— Проснулся! — заметил движение в салоне Палыч.

— Куда это мы?..— удивился я, пробираясь по салону поближе к кабине. Мне опять пришлось перешагивать через безмятежно спящего Валеру, и на

этот раз я слегка пнул его ногой — из пустой вредности и зависти. Впрочем, у Васильева непробиваемая нервная система — чтобы его разбудить, нужно, как минимум, выстрелить в ухо. Или включить гимн СССР — это, пожалуй, даже более действенный способ, ибо все советские ритуалы пользуются у Валеры непререкаемым авторитетом и уважением.

Я уселся у Игоря за спиной, и суетливый мужик немедленно повернулся ко мне, улыбнулся кривоватой дерганой улыбкой и показал раскрытую ладонь:

— Привет! Я — Василий! Очень приятно! Вот, везу вас в Москву...

Я посмотрел в окно — в ночном сумраке было видно, что мы едем лесной дорогой, приче даже не дорогой, а просекой, полной невидимых, но ощутимых пней и кочек.

— Не беспокойтесь, доставим в лучшем виде! Не вы первые, не вы последние! — затараторил Василий. У него было чуть опухшее лицо деревенского мужика. Несмотря на теплынь бабьего лета, наш проводник был в стеганом армейском ватнике, а когда он в очередной раз повернулся ко мне, я заметил, что этот ватник надет прямо на застиранную тельняшку.

Василий еще раз дружелюбно улыбнулся и сказал, заметно подрагивая левой щекой:

— Вообще-то я главный логистик отдела мерчендайзинга корпорации «Русский Хенкель». Но вот, приходится, понимаешь, заниматься теперь и такой логистикой — проводить в столицу волчьими тропами...

Я покачал головой в немом восхищении — какая все-таки изменчивая скотина, этот современный хомо манагерс!.. Ко всему приспособится и все обратит себе в выгоду! Не сомневаюсь, что даже в эпицентр атомного взрыва, случись он в Москве, провожали бы гостей столицы такие же улыбчивые вежливые людишки, на ходу всучивая клиентам какой-нибудь актуальный товар — вроде йодированной соли или справочника «Как выжить в эпицентре атомного взрыва. Советы Литвиненко-старшего».

— Ну и чего там этот твой Чудило? — нетерпеливо спросил вдруг Палыч, на мгновение повернувшись к Василию.

Василий отвернулся от меня и продолжил рассказ, прерванный моим пробуждением:

— Короче, я сам не верил, что он такой затейник, пока меня с женой не пригласили к нему на вечеринку. Это еще в мирное время было, год назад. Причем друзья сразу предупредили — денег у него, конечно, куча, но с головой у мужика реальные проблемы. Ладно, думаю, зато повеселимся. Повеселились, блин, — я там чуть не кончил от страха!

Туда доехали быстро и без проблем, а у самой Чудиловой дачи, откуда ни возьмись, гаишник нарисовался. Стоит, гад, лыбится, ручкой делает. Я вылезаю, а он мне говорит:

— Вы нарушили, с вас штраф — одна дверца.

И принимается реально мне дверцу выламывать. А рядом с гаишником, что интересно, пара дверей уже лежит — уже отломал у кого-то. То есть всерьез все, понимаешь?

Я, конечно, заорал, жена тоже завопила. Потом стошку совать ему начал, отпусти, говорю, командир, а он:

— Тогда сам лобовое вынимай!

Короче, еле-еле уговорили магнитолу забрать. А денег так и не взял...

Приезжаем к Чудиле — ворота заперты. Сигналю — ноль эффекта. Выхожу, заглядываю за ограду — там мужик спит на солнышке, в камуфляже, с помповым ружьем на коленях. В инвалидной коляске.

Я ему кричу: открой! Он глаза открывает и тихим голосом, жалобно так отвечает:

— Я с афганской войны парализованный, браток. Только глаза и рот действуют. Ты уж сам постарайся.

Ну, открываю всё сам, паркую машину. Проходим в дом — Чудило встречает радостный. Говорит, пока погуляйте — повар новый, не успевает, но ужин обещает отменный.

Выхожу покурить на веранду — там спит еще один инвалид с винтовкой. Народ вокруг шепотом объясняет, что это охранники такие у Чудилы — все паралитики, даже садовник и кочегар. Ладно, думаю, мне какое дело.

Тут жена прибегает — глаза по полтиннику. Спрашивает: ты повара видел?

И ведет меня на кухню показать.

Кухня у Чудилы классная, он ее из Испании целиком привез, штук тридцать стоит, не меньше. И вот посреди этого великолепия стоит дядя с фиолетовым носом, в брезентовых брюках и пиджаке на голое тело и грязными лапами мясо ворочает. Я понимаю, что это бомж в дом забрался, и даю дяде пинка. Он с писком вылетает и тут же возвращается, перед собой колясочку катит, с охранником-паралитиком. Охранник, как до меня доехал, глаза открыл и строго мне внушать начал:

— Вы зачем, гражданин, нашего повара валтузите? Ща как встану да надаю вам по шеям!

Мы с женой, конечно, с кухни тут же ушли в гостиную.

Тут как раз выпивку принесли — два хмыря с подносами. Похоже, родные братья повара... Я один коктейль попробовал и понял, что второго просить точно не буду. А жене понравилось — попросила рецептик.

Тот весело так отвечает:

— Это ж наша политура, с мебельной фабрики. Только мы туда еще портвейна намешали, для запаху.

Жена с лица слиняла.

— Дорогой,— говорит,— у твоего приятеля с головой все в порядке?

А я не знаю! Дела мы с Чудилой проворачивали нормальные, а в гостях у него оказался в первый раз.

— Если хочешь,— говорю жене,— поехали отсюда.

Она говорит:

— Хочу, и как можно быстрее.

Выходим во двор — машины нет! На ее месте лошадь пасется — рыжая такая кобыла с розовым бантиком в гриве. Я взрываюсь, кричу: подать сюда мою машину! У меня, между прочим, уже тогда крутой «мерин» был, в пятьдесят штук мне обошелся...

Прибегает Чудило, вызывает очередного паралитика с поста охраны. Тот отвечает — не видал никакой машины. Они, говорит, сюда на этой лошади приехали, вдвоем.

Чудило ласково говорит:

— Давай завтра разберемся? А сейчас я тебе свой «мерс» отдам с водителем. А как твою тачку найдем, обменяемся.

Я соглашаюсь, потому что очень хочу смыться из этого дурдома поскорее. Чудило выкатывает свой навороченный «мерс», появляется водитель, на этот раз — в виде исключения — не парализованный, и мы выезжаем за ворота.

Хотя тот водила тоже странный оказался — все время спрашивал, что на дороге происходит. Я рассказывал, пока не надоело. Как замолчал, водила черные очки снял и грустно так, но на полном ходу мне объяснил:

— Я ж не просто так спрашиваю — мне же жить охота. У меня с глазами полная беда — нету их вовсе, снарядом вышибло. А только на звук трудно ориентироваться, понимаешь?

Я смотрю ему в глаза — там жуть, пустые глазницы. А на спидометре сто двадцать...

Вот тогда женушка моя и психанула — зачем я только ее с собой брал. В клинику неврозов пришлось укладывать. Да и я там потом слегка полечился, только к весне отошел...

Я с восторгом смотрел на Василия, устав зажимать себе рот от смеха, распиравшего меня после каждого поворота этого замечательного рассказа.

— Машину-то он потом вернул? — озаботился Палыч, каким-то звериным чутьем продолжая вести «форд» среди совершенно черного леса.

— Ага, на следующий день,— кивнул Василий.— Но магнитолу другую поставили — охранник Чудилы, который на трассе гаишника изображал, оставил ее в гостиной, а оттуда потом всё бомжи поперли. Ну, те самые, которых Чудила на роль поваров и официантов нанял...

Я не выдержал и заржал. Василий со вздохом обернулся ко мне:

— Сейчас-то я тоже хихикаю, как вспоминаю. А вот тогда, на шоссе, скажу тебе честно, чуть-чуть не обосрался...

Впереди блеснул острый луч света, и Палыч остановил машину, тревожно вглядываясь в темноту.

— А-а, это наши патрулируют. Чтоб чужие не гоняли,— объяснил Василий, бросив небрежный взгляд вперед.— Давай-ка мне, земляк, пять сотен, у этих такса твердая, не поторгуешься.

Палыч отсчитал пятьсот долларов, отдал их Василию и с нажимом уточнил:

— Эти пятьсот входят в твою тысячу, верно?

— Да-да, входят, не переживай,— отмахнулся наш Сусанин и выпрыгнул из кабины в непроглядную ночь.

Через минуту Василий вернулся с фляжкой коньяка.

— Будет кто?..— весело спросил он, отворачивая пробку.

— Ехать можно? — мотнул головой Палыч вместо ответа.

— Да можно, все уже можно. Только осторожно,— рассеянно ответил Василий. Он откинулся в кресле и надолго припал к горлышку фляги.

Мы медленно двинулись вперед, и через десять—пятнадцать метров в качающемся свете фар я вдруг увидел толпу — человек сто, не меньше,— полностью запрудившую развилку лесной просеки. Многие держали в руках ружья или даже автоматы.

Палыч, вспотев от напряжения, медленно вел «форд» среди этой плотной массы. Нас провожали одобрительными криками и свистом, а когда в свете фонариков стало видно наше наружное оформление, я услышал пьяный, но дружелюбный выкрик:

— Эй, три медведя! Покупайте абонемент! Заезжайте почаще! Будет скидка!

На развилке мы свернули направо, добрались еще до одной развилки, а там, через пару километров, неожиданно показались жилые дома.

— Всё, вы в Москве. Дальше сами. — Василий протянул Игорю сложенную лодочкой ладонь.

Тот отсчитал ему еще пять сотен, вложил их в подрагивающую ладонь и кивнул на прощание:

— Телефон не выключай, нам еще обратно выбираться.

— Всегда готов! — Василий дурашливо вскинул руку в пионерском салюте.

— А ты куда сейчас? Давай до дома подвезем,— предложил я.

— Какой там дом! Назад потопаю. Еще три-четыре проводки за ночь успею сделать,— объяснил он.

Когда Василий вылезал из кабины, его ватник задрался, и я заметил у скромного логистика пистолет-пулемет Стечкина в кожаной кобуре.

Мы осторожно двинулись по узкой, но уже асфальтированной дороге, и я спросил Палыча:

— Где ты нашел этого проходимца?

— Он сам нашелся. Подошел, пока вы дрыхли, предложил свои услуги,— пожал плечами Палыч и с укоризной обернулся назад: — А некоторые тунеядцы вообще все проспали!..

Я тоже посмотрел на Валеру, но тот продолжал непринужденно похрапывать.

Игорь прибавил скорость, и мы быстро проскочили сразу несколько кварталов незнакомого спального района, потом огромную развязку Кольцевой, где я с тревогой увидел блокпост, выложенный из бетонных блоков, уже, впрочем, увешанных снизу доверху рекламой.

Возле поста опытный Палыч снизил скорость и даже встал на секунду под стоп-сигналом, но к нам так никто не вышел. Мы удалились от опасного места, разгоняясь по пустому шоссе до ста километров в час, а потом и больше. Палыч не отрывал напряженного взгляда от дороги.

— Возьми в бардачке карту и найди мне офис этих жаб,— попросил он.— Фирма называется ООО «Телехроникл».

Я перегнулся через переднее кресло и принялся шарить в бардачке, попросив Игоря не гнать так отчаянно.

— Пока дороги пустые, надо пошевеливаться,— упрямо мотнул головой Палыч.— Хрен его знает, как тут люди днем ездят — может, у них военное положение введено или еще что...

Я нашел карту, потом взял накладные на груз и нашел там адрес столичного офиса этого долбаного ООО. Потом я выглянул в окно, изучая таблички на домах вдоль проспекта — мы гнали по Волоколамскому шоссе.

— Через два перекрестка направо,— скомандовал я, и Палыч наконец сбросил немного скорость, чтобы не проскочить поворот.

Ночная Москва выглядела вполне мирно и респектабельно — работали фонари и светофоры, мягко светились окна в жилых домах и отважно сияли неоном рекламные вывески. Странно, что не было видно машин и людей,— не вымерли же они все и не сбежали за кордон?

Еще после пары поворотов мы въехали в зону плотной застройки и двигались уже совсем неспешно. Когда показались яркие огни заправочной станции, Палыч уверенно направил машину туда.

— Баки уже полупустые, а когда еще случится оказия...

Заправка тоже была пустынна и светла, как весь город вокруг.

Палыч успел воткнуть заправочный пистолет в первый бак и заплатить деньги сонной кассирше, когда на станцию с отчаянным воем ворвался милицейский «козелок» и с визгом затормозил возле нашего микроавтобуса.

Я открыл пассажирскую дверь, но выходить не стал, внимательно наблюдая за ситуацией из темного салона.

К Игорю подошли сразу двое милиционеров. Первый, не доходя двух метров, крикнул:

— Документы! Быстро!

Палыч достал документы левой рукой, не отрывая правой от заправочного пистолета.

— Сюда иди!! — скомандовал все тот же наглый голос.

Палыч покачал головой:

— Ты забыл представиться, командир. Действуй по инструкции и не хами.

Первый мент от неожиданности замер, зато второй, с автоматом на шее, подошел к Палычу поближе. Развязно покачивая стволом, как эсэсовец в еврейском гетто, он бросил взгляд на наши номера и гневно закричал:

— Ты чё, деревня, охренел в натуре? Здесь тебе не Питер! Это, бля, Москва! Столица, бля, твоей родины!

Я решил вмешаться, пока не случилось непоправимого:

— Эй, орлы! Наша деревня называется Грозный,— сказал я веско, впрочем, не высовываясь наружу из спасительной темноты салона.

Теперь в ступор впал и второй мент — он затравленно шарил глазами по сторонам, но помалкивал.

Из милицейского «козелка» неспешно выбрался упитанный мужик в форме капитана милиции. Он шел к нам походкой блатного гопника, виляя бедрами и раскачивая плечами, а когда еще и пальцы растопырил, моя рука сама легла на приклад помпухи. Снести такой жабе башку картечью — не преступление, а акт гуманизма в любой системе моральных координат. Но я сдержал свои гуманистические позывы, ожидая развязки.

— Я не понял, сержант Цыбуля!.. Почему не стреляем на поражение в нарушителя режима комендантского часа?! — заорал блатной капитан, подойдя к своим подчиненным.

Я мысленно ойкнул: «комендантский час»! Вот оно что. Власти избежали погромов в столице, запретив жителям ночные передвижения, а иногородним кардинально ограничив въезд.

Что тут скажешь? Молодцы. Столицу они, судя по витринам и домам, таким образом действительно обезопасили. За счет провинции.

В салоне за моей спиной зашевелилось нечто большое и грозное, а потом оно выкатилось наружу и оказалось бешеным с пересыпа Васильевым.

— Ты, крыса тыловая... — начал с ходу орать Валера, ухватив одной рукой блатную жабу за воротник форменной куртки и тыча второй рукой раскрытым милицейским удостоверением прямо в морду капитану. — Я, бля, офицер уголовного розыска, проливал в Чечне кровь за всю Россию, а ты, хорек рыночный, мне предъявы тут делаешь?!

Украшенная пластырями и синяками, опухшая от суточного сна морда Васильева и впрямь выглядела ужа-сающе.

— Да я, бля, тебя тут на месте расстреляю! Как дезертира! Я, бля, контуженый, мне за тебя только лишнюю медаль дадут. «За избавление России от уродов»!

Васильев убрал удостоверение и, не отпуская воротника капитана, вынул пистолет «Иж». Вот ведь как приглянулся человеку этот механизм! А раньше, помню, ругал он его страшными словами — и то в нем не так, и это не эдак...

— Кранты тебе, падла! Именем российского уголовного розыска! Приговор привести в исполнение немедленно! — в совершеннейшем исступлении заорал Валера во всю глотку, и я вдруг поверил, что он и вправду сейчас пристрелит эту милицейскую жабу.

На всякий случай я вынул помпу из-под куртки и взвел ее, вполне сознавая, что этот щелчок в ночной тишине услышат все персонажи нашего шоу.

Щелчок услышали, да так, что гнилостный запах переработанной кишечником тушеной капусты сначала почувствовал я, а потом уже чуткий до всякой дряни Палыч. Он как раз уже заправил первый бак и, благоразумно плюнув на второй, аккуратным, но быстрым движением повесил заправочный пистолет на стойку. Потом достал из-за пазухи какую-то бумагу, помахал ею и уверенно сказал:

— Мы выполняем задание государственной важности. Идите вы все на хрен, пердуны дешевые, или вас покарает Федеральная служба физической лингвистики!

После этого Палыч сел в кабину и завел мотор, а Васильев с видимым сожалением отпустил воротник капитана, смачно сплюнул на асфальт и неторопливо вернулся в салон.

Я тут же захлопнул дверь микроавтобуса, и Палыч аккуратно вырулил на проспект.

В окно было видно, что менты не двигаются с места, перебрасываясь между собой не слышными нам из салона фразами.

Мы рванули вперед по проспекту, а потом Палыч свернул в боковую улочку, затем еще в одну и, наконец, припарковал машину в каком-то тихом жилом дворе.

— Знаешь, почему они света ночью не жалеют? — повернулся ко мне Игорь.— Чтобы камеры наружного наблюдения работать могли. Они нас, жабы, по камерам выловили, понял?

Вокруг стояли десятки машин, в том числе и микроавтобусы, так что, когда Палыч выключил свет и мотор, мы стали привычной деталью ночного пейзажа столицы.

Глава четырнадцатая

Ночевка в тихом московском дворике благотворно сказалась на моих нервах — спать я уже не мог, но вялая дрема под забытое пение каких-то чижиков напомнила мне, для чего я, собственно, ввязался в эту авантюру.

Я вспомнил, что хочу, чтобы мои дети и близкие жили в таком же тихом, уютном дворике, где можно беззаботно гулять без помпового ружья за пазухой и слушать пение непуганых птиц.

Зато Палыч спал мертвым сном стахановца, выполнившего очередные двадцать пять норм. Он откинулся стриженой головой на белоснежный чехол подголовника, сложил крестом руки на мощной груди и презрительно выставил вперед нижнюю губу, так что стал похож на еще ненаписанную неизвестным художником картину маслом «Сон бюрократа».

— Тошка, смотри... — услышал я шепот за спиной и обернулся в салон, к проснувшемуся в очередной раз Валере.

Валера ткнул рукой в правое окно, где быстро поднявшееся солнце высветило каждый листик начинающих уже желтеть московских лип.

— Что там? — спросил я тоже шепотом.

— Да вон же! Смотри, дубина! — замахал руками Васильев, и я увидел, что именно его изумило.

Из распахнутой двери подъезда вышла совсем маленькая, лет пяти, девочка в летнем платьице. В руках она держала пакет с мусором. Пританцовывая и напевая что-то неслышимое нам, она донесла этот пакет до контейнера, бросила и, все так же непринужденно кружась в своем воображаемом танце, потопала домой.

Я тупо смотрел ей вслед, но в глазах у меня стояли совсем другие картинки из недавнего, но ставшего уже привычным жестокого петербургского бытия. И в том мире пятилетние российские девочки без надежной охраны жили на улице не дольше пары минут.

Здесь, в столице, все было иначе, и оживающий на глазах утренний двор подтверждал это каждым последующим мгновением. Вот вышла женщина в строгом деловом костюме — одна, без сопровождения в виде трех вооруженных рыл, — открыла дверь дорогой иномарки, завела машину и, небрежно выруливая одной рукой, а второй придерживая возле уха мобильный телефон, проехала мимо нас к проспекту.

Следом появился пожилой мужчина в шортах и футболке, откровенно безоружный, но ничуть от этого не смущающийся. Он выкатил во двор велосипед из новомодных, недешевых, моделей, ловко запрыгнул на него и бодро покатил со двора.

Потом народ повалил валом — развязные юноши, озабоченные женщины, задумчивые девушки, солидные мужчины. Обычная, вообще говоря, городская публика, которую сейчас объединяло одно — демонстративная, возмутительная, безалаберная неготовность к отпору. Мы втроем легко бы захватили

этот дом со всеми его обитателями, если бы наш бизнес заключался в мародерстве или киднеппинге.

— Живут же люди! — завистливо протянул Васильев и продолжил с неожиданным ожесточением: — Им бы, бля, всего недельку на Петроградской стороне продержаться — глядишь, людьми бы стали. С ноги по паре гоблинов за раз бы выключали...

Я подумал, что, судя по практике, все выглядело бы ровно наоборот, но разубеждать Валеру не стал.

Я сощурился на настойчивое, зовущее утреннее солнышко и слегка толкнул в плечо спящего Палыча.

— Вставайте, граф, рассвет уже полощется,— вспомнил я неожиданные и совершенно чужие сейчас строчки. —

Вставайте, граф, уже друзья с мультуками коней седлают около крыльца. Уж горожане радостными звуками готовы в вас приветствовать отца! — услышал я торопливый и радостный шепот сзади. А потом Васильева, что называется, разобрало, и он загорланил во весь голос, как всегда мимо нот, зато громко и искренне: — Не хмурьте лоб, коль было согрешение! То будет время обо всем забыть! Вставайте, мир ждет вашего решения! Быть иль не быть, любить иль не любить!..

Меня вдруг тоже захватил этот странный, завораживающий ритм, эти чудные, но такие близкие и понятные слова, и я тоже начал орать вместе с Валерой, так громко, как только мог:

— И граф встает, ладонью бьет будильник. Берет гантели, смотрит на дома. И безнадежно лезет в холодильник, а там зима, пустынная зима...

Про пустынную зиму нам пришлось орать дважды, потому что мы забыли следующий куплет.

Наш дуэт пробудил Палыча. Поначалу он метнул в нас тяжелый взгляд из-под нахмуренных бровей, а потом вдруг тоже заорал с таким воодушевлением, которого я никогда у него не видал:

— И продают на перекрестках сливы, и обтекает постовых народ. Шагает граф, он хочет быть счастливым. И он не хочет, чтоб наоборот!..

Мимо нас прошла пожилая женщина в оранжевом комбинезоне и с метлой в руке. Прошла, но потом вернулась, наклонилась к водительскому окну и оглядела нас всех теплыми и влажными глазами:

— Вы два куплета пропустили, молодые люди! Как можно в таких песнях куплеты пропускать!

Она не уходила, ожидая ответа, и Палыч виновато сказал:

— Прости, мать, больше не повторится!

— Смотрите у меня! — улыбнулась она и отправилась подметать двор, негромко напевая нам Визбора с самого первого куплета.

Мы еще несколько минут послушали, как она поет, опустив все окна, потому что утреннее солнце принесло в город не только свет, но и неожиданную в сентябре жару.

Потом Палыч завел мотор, недовольно повел носом и сказал:

— Помыться бы надо. Провоняли тут, как бомжи последние...

Валера тут же отозвался из салона:

— Кто о чем, а вшивый о бане! Жрать охота!

Палыч презрительно хмыкнул, но промолчал, а я примирительно бросил обоим:

— Поехали жрать, заодно и помоемся. Только поближе к офису этих «Телехроникл».

Мы медленно проехали по дворику, аккуратно огибая беззаботных прохожих, и выбрались на проспект, немедленно оглушивший нас плотным гулом моторов, клаксонов и взвинченных голосов.

Машины двигались в пробке, ни начала, ни конца которой видно не было.

Палыч смог влиться в поток лишь с третьей попытки, бесцеремонно отжав напомаженного мужика в красном спортивном кабриолете. Теперь этот красавчик в бессильной ярости газовал позади нас. Иногда он показывал нам «фак», и я с трудом сдерживался, чтобы не показать в ответ свою помпу.

Пробка двигалась рывками, причем иногда машинам удавалось разогнаться аж до сорока кэ-мэ в час, и в эти редкие моменты водители предпринимали отчаянные попытки перестроиться на наиболее выигрышные полосы движения. Видно было, что эта идиотская борьба здорово изматывает, и через полчаса Валера предложил Палычу поменяться местами.

— Давай,— согласился Палыч, протирая красные от недосыпа глаза.— У тебя к тому же ксива действующая...

Мы находились в стоящем потоке, упершимся в очередной светофор, безнадежно светивший красным вот уже минут десять, и, когда Валера открыл пассажирскую дверь, выбираясь наружу, стал слышен нервный радиокомментарий из соседней машины:

— ...войска Московского военного округа. Ситуация остается напряженной, и мы попросили прокомментировать ее заместителя начальника милиции общественной безопасности Геннадия Панфилова. «Я уверен, что силы правопорядка и впредь будут успешно контролировать ситуацию городских границах. Да, на западе и особенно на юго-западе сейчас скопилось довольно много агрессивно настроенных граждан, по нашим оценкам, свыше четырехсот тысяч человек, но мы в состоянии удержать этих людей от неоправданных или преступных действий в отношении москвичей и их имущества. Сейчас в парламенте страны разрабатывается законопроект, разрешающий применять оружие в отношении некоторых категорий граждан, в частности тех, кто практикует насилие в отношении представителей госслужащих категории "А". Надеюсь, этот проект станет законом в течение ближайших месяцев». Вы прослушали последние новости, удачи вам!

Заиграла бодрая музыка, но потом в салон забрался Палыч и закрыл дверь.

Я попросил Валеру, усевшегося на водительском сиденье, включить радио, но вмешался Игорь — оказывается, у нас накануне отломалась антенна, а починить ее было недосуг.

— Надо купить приемник,— согласился Валера.— Вон, комендантский час в Москве уже профукали. Мало ли что еще придумают.

— Какие еще будут претензии? — вскипел вдруг Палыч, привстав с задних сидений, где уже было улегся почивать.— Может, мне еще телевизор надо было в салон установить для вашего комфорта?!

Я подумал, что телевизор нам тоже не помешал бы, но вслух говорить этого не стал. Валера тоже промолчал, зато газанул так, что нас подбросило и пронесло метров на двадцать. Микроавтобус едва не вошел в багажник какой-то навороченной иномарки — Васильев сумел затормозить буквально в сантиметрах от лакированной поверхности чего-то совершенно неземного в своей фешенебельности.

У машины впереди хлопнула дверь, и на дорогу вышел тощий волосатый очкарик, похожий на студента, в обтягивающей рубашке и таких же облегающих джинсах.

Студент придирчиво осмотрел свою машину и подошел к Валере:

— Вы что, гражданин, себе позволяете? — Он укоризненно покачал волосатой гривой.— Чуть не поцарапали меня, пассажирку мою напугали... Разве можно так себя вести!

Валера молчал, для надежности еще и отвернувшись в сторону. Из салона я видел, как шевелятся его губы, и понимал, чего ему стоит это молчание.

Студент бросил взгляд на наш «форд», задержавшись на изображении медведей на левом борту:

— Эх вы, косолапые! В следующий раз ведите себя на дорогах аккуратнее,— приказал он на прощание и, вихляя бедрами, поспешил к себе в машину.

Дальше у Валеры дело пошло на лад, и всего минут за двадцать мы проехали три квартала, отделявшие нас от офиса российского представительства «Телехроникл».

Мы ехали молча и думали, видимо, об одном — что будут делать все эти вежливые мальчики и девочки, когда остервенелая орда двуногих животных войдет в Москву...

— Приехали! — заорал в салон Васильев, припарковав машину неподалеку от огромного стеклянного куба, в котором, судя по карте, должен был находиться офис бережливых коммерсантов, затеявших вывоз своего элистинского филиала в самый разгар Великой Российской Смуты.

Игорь, кряхтя и постанывая, послушно сполз с сидений и побрел к выходу, держа в одной руке папку с документами, а другой вытирая носовым платком потную и мятую со сна физиономию.

Он вернулся через пару минут, заходясь от ярости:

— Жабы беспредметные! Крысы безнадзорные! Упыри кабинетные!

— Нет, что ли, никого? — спросил Валера.

— Ну да, рано приехали,— неожиданно спокойно ответил Палыч, пробираясь к своему спальному месту.— Пидарасы, а не люди!..— бормотал он, ворочаясь на креслах.

В боковое окно я вдруг увидел два камуфляжных силуэта и привычно напрягся, когда они двинулись в моем направлении.

— Валера! — предупредил я, но Васильев лишь фыркнул в ответ:

— Не дергайся, я все сделаю...

Двое охранников подошли к водительскому окну, и один, тот, что постарше и поморщинистее, приложил руку к несуществующему козырьку:

— День добрый, господа! Здесь стоять не положено, проезжайте.

— Крбннмнвкнов сказал — здесь ждать.— Васильев небрежно махнул удостоверением.

— Кто сказал? — переспросил охранник.

— Ты чего, глухой? Генерал Крбннмнвкнов, Андрей Брнтсвкович,— процедил Валера, смерив собеседника снисходительным взглядом.

— А-а, тогда ладно...

Охранник тут же развернулся и направился куда-то в сторону стеклянного куба. За ним засеменил напарник, что-то возбужденно выспрашивая на ходу.

— А зачем ты его разводил? Тренировался, что ли? — спросил я, пересев поближе к водительскому месту, чтобы не мешать болтовней уснувшему Палычу.

— Ну-у, понимаешь... — протянул Валера.— Во-первых, здесь стоять безопасно — никто уже не докопается, ни менты, ни частные охранники. Во-вторых, можно будет пожрать сходить, а машина как бы под присмотром. Кстати, пошли уже, пожрем наконец. У тебя деньги есть?

Я помотал головой и подошел к Палычу. В ответ на предложение сходить подкрепиться тот ответил, как пишут в протоколах, «нецензурной бранью, оскорбляющей человеческое достоинство и общественную нравственность». Тогда я потребовал денег, и Палыч, повозившись в карманах, но так и не раскрыв глаза, протянул мне купюру в сто долларов.

Когда я уже выбирался из салона, я услышал тревожный возглас вслед:

— Сдачу, суки, верните! Только попробуйте всю сотку пропить!

Я сделал вид, что не услышал, и захлопнул дверь.

Времени было часов десять, и солнце жарило уже всерьез. Вскоре я пожалел, что не разоружился и не снял куртку, хоть и легкую, но сейчас совершенно лишнюю.

Впрочем, возвращаться было лень, и мы упрямо тащились с Валерой по манерным московским тротуарам, которые, как я где-то читал, мыли специальным шампунем, включающим поверхностно-активные вещества, антиобледенитель и даже средство от собачьих блох.

На ближайшей улице не нашлось ничего похожего на обменный пункт, и, когда Валера спросил у прохожего, где можно поменять валюту, тот махнул рукой куда-то в сторону, и мы пошли сквозь дворы к невнятному ориентиру «вон за тем дурацким фиолетовым домом направо».

Ровно посреди очередного аккуратного дворика Валера вдруг замедлил шаг и показал мне глазами на барсетку, небрежно брошенную возле цветочной клумбы.

Я улыбнулся Валере и кивнул — почему нет? Опять же валютник искать не понадобится...

Валера тоже ухмыльнулся и подобрал барсетку, бросив пару насмешливых взглядов по сторонам.

Мы прошли всего метров десять, когда возле нас появился молодой человек в кожаной жилетке и зловещих рокерских штанах с черепами.

Молодой человек взял Валеру за локоть и торопливо защебетал:

— Я видел! Вы взяли! Кошелек! Делим пополам! Согласны? Пойдемте вон туда.

Молодой человек дергал Валеру за локоть, пока я не отодвинул его в сторону и не плюнул ему для пущей ясности на «казаки» из змеиной кожи:

— Слышь ты, жаба! Пшел на хрен! Деньги наши, а ты — гуляй мимо!

Мы двинулись дальше, а бойкий рокер забегал то впереди, то справа, и все ныл, что надо бы сосчитать, сколько денег в барсетке, и честно, «по-пацански» их поделить.

Это было такое древнее жульничество, что мне было неловко за столицу — неужели кто-то еще попадается?

Мы с Валерой просто шли и радовались, что не придется менять сотку,— не знаю, как в Москве, а в Питере жулики всегда укладывали в свои ловушки не меньше трех тысяч рублей, так что теперь мы просто искали глазами кафе или недорогой ресторан.

Конечно, в финале жульничества должны появиться Ужасные Владельцы Барсетки, но я заранее улыбался, представляя их реакцию на нормальный человеческий отпор, на который, похоже, москвичи и гости столицы уже неспособны.

Ну, по Дарвину — раз это работает, значит, никто не возражает, не так ли?

Ужасные Владельцы Барсетки появились в арке перед выходом со двора. Это оказались еще трое таких же неубедительных молодых человека, устрашающе бритых сверху и потрясающе грязных снизу, в районе ботинок и штанов.

Они тараном бежали на нас, выкрикивая полагающиеся по ходу пьесы слова:

— Эй ты, фраер, стой! Ты наши деньги взял, чмо! Выворачивай карманы! Стой, бля!!

Мы встретились с ними у самой арки, и, пока Валера стряхивал со своего локтя первого юношу, я поднырнул под руку второму, неожиданно легко взяв ее на болевой прием. Судя по лицам и комментариям, молодые люди догадались, что сегодня их постиг жестокий облом, — мой противник заныл, что я ломаю ему руку, и я отпустил его, а оппонент Валеры сел на корточки и закрыл голову руками.

Мы пошли дальше, но успели сделать лишь по шагу, когда сзади раздались щелчки взводимых одновременно затворов и злобные выкрики:

— Стоять, суки!!

Обернувшись, я осознал, как мы сглупили, — все трое теперь держали в руках пистолеты какой-то незнакомой марки и, судя по свирепым лицам, так просто отпускать нас не собирались.

— Барсетку сюда, быстро! — приказал Валере самый рослый гопник, и тот предупредительно поднял руки, соглашаясь расстаться с добычей.

— Да бери, только не нервничай так... — Валера достал барсетку из-за пазухи и бросил ее главному гопнику под ноги.

Тот сразу наступил на сумку, но пистолет не опустил.

— А теперь выворачиваем карманы, суки! — заорал он, но Валера отрицательно покачал головой:

— С чего вдруг? — и гопник тут же выстрелил.

Я не поверил глазам, когда прямым попаданием в живот Валерку отбросило к стене. Чужой взорвался в моей голове так быстро, что я не успел даже

зажмуриться, — кроваво-черный сгусток злобы упрямо пробивался сквозь мой череп наружу, сочился из-за плотно сжатых зубов и проступал ярко-красными пятнами даже через кожу вспотевших от ярости рук...

Время остановилось, и я спокойно прошел те три шага, что отделяли меня от стрелявшего. Никто не двигался, замерев в тех же позах, в каких застал их выстрел, и я тоже не спешил, вытаскивая помпу.

Мне пришлось двинуть гопнику в пах ногой, потому что он оказался слишком высоким для меня парнем, и, только когда он согнулся, раскрыв в изумлении пасть, мне удалось вставить туда дуло помпы. Я нажал на курок, но помпа оказалась не взведена — только звонкий щелчок эхом заметался между стенками проходного двора.

Я взвел помпу, зарычав от нетерпения, но сзади до меня донесся протестующий крик Валеры:

— Тошка, он мне прямо в «Ижа» попал! У них травматики, а не боевое.

Я обернулся: Валера стоял, потирая ушибленный живот, и показывал мне свой пистолет. В распахнутой рубашке маячило трудовое пузо Валерки с багровеющим на глазах синяком в форме пистолета.

Чужой в моей голове стал быстро скукоживаться, уменьшаясь в размерах и уже почти не пульсируя, а время вернулось к своему привычному ритму.

Гопники неуверенно переглядывались, не решаясь пошевелиться, и позволили Валерке забрать у них пистолеты — действительно травматики, как я успел заметить.

Я тоже успокоился, аккуратно извлек помпу из пасти предводителя, и тот сразу зашелся в приступе кашля, который быстро перешел в рвоту.

Валера брезгливо покосился на заходящегося уже в нервной истерике парня и пнул барсетку к ближайшему гопнику:

— Доставай, что там.

Там оказалась не «кукла», а совершенно реальная «котлета» из сотенных и пятисотенных купюр.

— Фальшивые? — спросил Валера.

— Н-настоящие,— ответил грабитель.

Валера по-хозяйски протянул руку, продолжая брезгливо морщиться.

— Тошка, пошли отсюда, здесь воняет,— сказал он, и мы пошли, потому что там действительно воняло...

У нас за спиной застучали каблуки. Повернув головы, мы увидели, как трое мошенников, оставив предводителя страдать на асфальте, метнулись со двора.

Это было так трогательно. Примерно так же выглядит в документальном фильме про Африку финал неудачной атаки львиного прайда на каких-нибудь излишне быстроногих антилоп. Травоядных в этом случае тоже жалеешь, но ведь и львов жалко — такие усталые и голодные возвращаются они с неудачной охоты, хоть плачь.

Хотя сравнивать человеческих ублюдков со львами, конечно, не стоило — ублюдки, как и их собратья из животного мира, кормятся за счет самых слабых и больных, но когда речь идет о людях, понимаешь, что тут социальный дарвинизм работать не должен. И пусть ублюдки сдохнут от голода — прости

нас, уважаемая эволюция! Прости, что помешали устроить тебе естественный отбор среди московских джунглей...

На выходе из арки обнаружилось недорогое, без столичных претензий кафе, и мы с Валерой устроились там с комфортом, заняв угловой диванчик с видом на входную дверь и стеклянную витрину, через которую хорошо было видно улицу и парковку рядом.

Заказ на обед принимал молодой, но вежливый таджик, на шее которого болталась флеш-карта популярной корейской фирмы.

Валера, сделав заказ, подмигнул мне и с деланым недоумением спросил:

— А что это у тебя на шее висит, приятель?

— Ты что, не знаешь? — удивился юноша, высоко поднимая черные брови.— Это сейчас очень модный штука! Хочешь, продам такой?

— А на сколько гигабайт? — приценился Валера.

— Какой еще гигабайт-шмаротайт?! — сердито ответил официант.— Есть штука зеленый, красный и синий. Любой по две тысячи рублей. Берешь?

— Не, я хотел перламутровый и с пуговицами,— отмахнулся Васильев, и официант ушел, смерив его презрительным взглядом.

Потом мы отправились мыть руки, и только там, в туалете, тщательно рассматривая свой синяк на пузе и страдальчески морщась, Валерка вдруг спросил:

— Ты что, реально собирался ему башку сносить?

Я кивнул, и Валерка задумчиво сказал:

— Думаю, не стоило — я там сразу две наружные камеры видел. Мои коллеги квалифицировали бы это как превышение мер самообороны.

Я пожал плечами и ушел в кабинку — после пережитых волнений полагалось как следует успокоиться.

Мы прообедали в той кафешке не меньше двух часов, совершенно разомлев от тамошней теплой человеческой обстановки, а потом заказали с собой контейнер с пирожками для Палыча и наконец отправились восвояси, уложившись в итоге всего в тысячу рублей — по столичным меркам практически даром.

Игоря даже будить не пришлось — он сидел в кресле водителя и возился с приемником, пытался починить антенну. Совесть, видно, заела, или скучно стало.

Таращить глаза на сотку долларов и четыре тысячи рублей в придачу он не стал — только спросил небрежно:

— Грабанули кого, что ли? На минуту вас нельзя одних оставить!

Валера начал было рассказывать про нашу стычку с лохотронщиками, распахнул рубаху, тыча в сиреневое пузо, но Палыч, равнодушно взглянув на синяк, отмахнулся:

— Коммерсантов наших пора высвистывать. Прискакали уже небось.

Он быстро дожевал пирожок и достал телефон:

— Геннадий Иванович? Да, мы приехали. У входа в бизнес-центр. Куда нам идти?.. Машина — микроавтобус, «форд». С медведями... Нет, не «Единая Рос-

сия». Да нет, гризли канадские, большие такие. Три гризли с каждой стороны, на фоне камуфляжа...

Выслушав ответ, Палыч опустил трубу и озабоченно сказал:

— Сам сейчас подойдет. К чему бы это?..

Я лично догадался к чему, когда увидел выходящего из парадного подъезда невысокого мужчину в строгом деловом костюме, тщательно вычищенных туфлях и с небольшим, но увесистым кейсом в руке. Мужчина подошел к нашей машине, покосился на косолапых мишек и одним движением свободной руки открыл пассажирскую дверь салона.

— Добрый день! — сказал он, по-хозяйски усаживаясь в кресло рядом со мной.— Вы Игорь Минин?

— Нет,— ответил я, откровенно его разглядывая.— Меня зовут Антон Пожарский.

— Ха-ха-ха,— с каменным лицом посмеялся наш гость, но Палыч не стал его дальше дразнить и повернулся с водительского сиденья:

— Минин — это я. А груз — вон там, в ящиках у задней двери. Осматривайте и подписывайте протокол приложений. И печать не забудьте.— Палыч протянул клерку бумаги, и тот, к нашему удивлению, тут же начал их подписывать, а потом вытащил из кармана пиджака печать и начал прикладывать ее всюду, где полагалось.

— А груз? — удивился я.— Мы сюда, в Москву, двое суток пробивались, чтоб вы могли груз осмотреть. А могли бы просто город объехать, не заморачиваясь.

— Я вам доверяю,— спокойно улыбнулся этот непробиваемый гражданин и, подписав последнюю бумагу, положил руки на свой чемоданчик, задумчиво разглядывая всех нас по очереди. — Я вам доверяю,— повторил он.— Поэтому у меня будет к вам деликатная просьба. В Москве сейчас крайне сложной стала ситуация с отправкой личных ценностей за рубеж. Просто невозможная ситуация, я бы сказал. Поэтому я хочу попросить вас передать этот ручной сейф одному человеку в Волгограде. Вот его телефон — позвоните, и он вас встретит.

— Нах,— быстро сказал Васильев, презрительно оттопырив нижнюю губу в сторону гостя.— Еще мы будем всяким мародерам содействие оказывать. Награбил тут, сыч, и смыться намылился?

Человек окаменел лицом, повернулся к Васильеву и негромко, но веско сказал:

— Я никого не грабил и мародеров сам ненавижу. Тебе, кретину, этого не понять. В кейсе документы. Важные документы и образцы продукции, понятно?

— Конечно-конечно, важные образцы,— с откровенной усмешкой отозвался Палыч, протянув руку со своего места и быстро забирая оформленные бумаги из рук нашего гостя.

— А за кретина я тебе сейчас челюсть сломаю,— радостно сказал Валера и снял очки, перекладывая их во внутренний карман куртки.

— Не пыли, пехота! — остановил его Палыч.— Вы, Геннадий Иванович, понимаете, насколько усложняете нам задачу по доставке основного груза?.. Ведь нам предстоит пройти десятки КПП, досмотры, обыски. Вот найдут эти

ваши... хм... образцы продукции, и что дальше? Нас же обвинят в мародерстве уже на выезде из Москвы!

— Чушь! — Геннадий Иванович непроизвольно дернул холеной щекой.— К кейсу вы получите нотариально заверенную опись содержимого и накладную, оформленную на вашу фирму. Вы просто получили еще один заказ на доставку, вот и все. Совершенно официальный заказ.

— Ну, а деньги? — спросил я о сокровенном, немедля вспомнив о сложном финансовом положении дочки и, супруги на Лазурном берегу.

Клерк помедлил, снова оглядывая нас по очереди, задержался на Валере, так и не вернувшем очки на место, и, осторожно взвешивая слова, сказал:

— Когда мой человек в Волгограде получит груз и проверит его сохранность, он выдаст каждому из вас по тысяче долларов...

— Нах! — с презрением выдохнули мы хором, а Валера еще и отворил дверь салона, приглашающе махнув ручкой.

Геннадий Иванович заиграл желваками — видимо, в таком тоне с ним давно не разговаривали. Обращаясь уже только к Палычу, он спросил:

— Хорошо, за какие деньги вы возьметесь?

— Пять тысяч каждому. Сейчас и наличными.

— И не долларов, а евро,— мстительно добавил Васильев, протирая очки об рукава куртки.

Геннадий Иванович скривил было рот, но удержался от ругани и после небольшой паузы сказал, опять обращаясь исключительно к Палычу:

— Полковник поручился за вас. Так что спрашивать, если что, мои люди будут не только с вас, но и с полковника. А уж как он с вами разберется, меня не касается... Пойдемте, вам еще надо забрать коробку с документами. Это то, что вам полагается отвезти официально в Элисту.— Клерк встал со своего места, и я с изумлением понял, что он принял наши безумные условия.

Палыч ушел вслед за заказчиком, а мы с Валерой некоторое время смотрели друг на друга с некоторой неловкостью во взглядах.

— Тебя что смущает? — наконец спросил я.

— А тебя?

Я пожал плечами:

— Ну, содержимое кейса. Может, он и впрямь мародер.

— Это верно,— усмехнулся Валера,— он мародер. Только не в том смысле, в каком ты думаешь. Эти ценности, что у него в чемодане, он напрямую из чужих квартир, конечно, не тырил. Он все это как бы заработал. Пролетариев грабил, короче. А теперь просто хочет увезти из Москвы награбленное.

Мне вдруг стало смешно:

— Ну и чего ты тогда согласился ему помогать, коммунист хренов?

— А ты? — опять спросил меня Валера.

— А мне сейчас всё по фигу,— весело ответил я.— Для меня сейчас главное — денег надыбать, чтоб Ленка с Лизкой подольше во Франции задержались.

— Так и мне тоже,— кивнул Васильев, скупо улыбнувшись.— Своя рубашка ближе к телу.

Мы помолчали, рассматривая сквозь открытые окна микроавтобуса беззаботных москвичей за столиками уличного кафе — оказывается, оно работало

совсем рядом, через дорогу. Потом я открыл пассажирскую дверь, чтобы в салоне стало посвежее, и до нас тут же донеслись взрывы детского смеха уже с другой стороны, где в скверике напротив располагалась игровая площадка.

Я вспомнил пустые, словно выжженные напалмом питерские дворы, по которым торопливыми перебежками, группами не меньше чем человек по десять, передвигаются сейчас аборигены, и подумал, что вполне понимаю, что такое классовая ненависть. Это когда ненавидишь других людей только за то, что они существуют, и только потому, что им совершенно случайно повезло оказаться среди победителей. Они, эти высшие классы, ничего подобного не заслужили ни своим трудом, ничуть не более интенсивным, чем у прочих, ни своими деловыми качествами, тоже вполне обычными, ни талантами, которые у них, конечно, могут быть, но гораздо чаще талант им заменяют наглость и пронырливость. Им просто повезло оказаться в нужное время в нужном месте.

Вот эти, что хихикают сейчас за столиками напротив, родились в семье потомственных федеральных чиновников и получили свой достаток «по наследству», а вон те, видом пожиже, еще рассчитывают хапнуть кусок пожирнее, когда в коридорах власти освободится «взяткоёмкое» место. Всем этим людям плевать на свой город и тем более — на страну. Приоритеты давно расставлены, и среди них нет ничего из того, о чем вспоминают романтики, когда их наконец ставят к стенке.

Так, может, пусть их?.. Пусть всех — и тех, и этих,— поставят к одной стенке и заставят подумать о чем-то большем, чем двухдверный спорткар и вилла на Рублевке. Похоже, прав был Кутузов — чтобы спасти Россию, надо сначала сжечь Москву. Так пусть она горит — раньше начнется, быстрее закончится!..

Потом я подумал, что сам, между прочим, бьюсь сейчас за деньги, которые позволят семье пересидеть Смуту в комфортабельном отеле на Лазурном берегу, что совершенно однозначно роднит меня с этими гламурными жабами.

После обдумывания этой позорной мысли я отвернулся от москвичей и стал смотреть на Васильева — это было приятнее.

Васильев перехватил мой взгляд и задумчиво сказал:

— А давай-ка мы выпьем, Тошка? Что-то мне взгрустнулось.

Он достал из какой-то неприметной сумки, валявшейся в салоне, фляжку коньяка и с гордостью показал на этикетку:

— Фирма!..

Я ничего не понял в этой этикетке, но приложился к горлышку фляги с большим облегчением.

Мы успели хлебнуть по два раза, когда в салон ввалился Палыч с пакетом денег в одной руке и знакомым уже чемоданчиком-сейфом в другой.

— Ах ты, скотина,— начал укорять Васильева Палыч, поведя чутким носом по сторонам.— Нажрался, сволочь, чтобы я, значит, опять за руль садился!

— Блин, да я забыл совсем! — Валера в расстройстве хлопнул себя по лбу.

Впрочем, Палыч больше никак не выказал своего огорчения. Он уселся на свое привычное водительское место и сказал:

— Короче, едем в банк, скидывать наличность в виртуальный мир. Тошка, я свою долю тоже на Ленкину карту скину, договорились?

Я пожал плечами:

— Это даже хорошо. Ужо я на тебе оторвусь на Лазурном берегу. Ты у меня, ежик стриженый, за каждый трюфель занюханный стихи будешь мне читать, с выражением. А иначе фиг тебе, а не деньги!

Палыч завел машину и бросил сквозь зубы:

— Нам главное до этого Лазурного берега добраться. А там уже можно будет и стихи читать, и песни петь, и даже хип-хоп танцевать.

— А какие у твоего хип-хопа правила движения? — вдруг озаботился Васильев, уставив на Игоря свою уже неожиданно пьяную физиономию.— Я ведь танцевать по-модному ни хера не умею.

— Правило движения у нас будет простое,— тут же откликнулся Палыч, аккуратно выворачивая машину на проспект через пешеходный переход, полный беззаботных столичных прохожих.— Едем туда, куда следует, и по возможности не давим попадающихся нам на пути людей. Ну а если давим, то извиняемся. Но все равно едем дальше! Правило понятно?!

— Мне — понятно,— отозвался Васильев, теперь уже пристально разглядывая меня.— А вот Тошке непонятно. Он людей точно давить будет — видишь, лицо какое недоброе. Злой он у нас, Палыч. Что делать будем?

— Значит, Тошка будет давить, а мы — извиняться,— подвел итоги Палыч, разгоняясь по неожиданно свободному проспекту.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава пятнадцатая

Выезжать из Москвы решили тем же неформальным способом, что и въезжали, — Палыч резонно рассудил, что от добра добра не ищут. А еще мы вспомнили про три автомата Калашникова, отобранные у милицейских оборотней на московской трассе. Автоматы так и лежали в багажном отделении, небрежно завернутые в брезент, и при неверном развитии событий могли стать реальным поводом для ареста. Бросать же такое славное оружие рука не поднималась — днем я все-таки купил автомобильный телевизор, поэтому о том, что ждет нас южнее Москвы, у нас уже имелось вполне отчетливое представление.

Пока Палыч созванивался с логистиком Василием, а потом аккуратно проталкивал микроавтобус через бесконечную череду столичных пробок на юго-восток, мы с Валерой неотрывно таращились в телевизор. Федеральные каналы новостями не баловали, а если новости и появлялись, то, в основном, зарубежные. Впрочем, сюжет про ночные беспорядки в Париже я посмотрел внимательно и еще потом выслушал комментарий Васильева — тот заявил,

что увидел на лицах французских полицейских неподдельную решительность и это его успокаивает.

Что он там мог увидеть на экранчике размером в пять дюймов, я не понял, но успокоительные речи никогда не бывают лишними...

Потом на одном из дециметровых каналов мы увидели окончание любопытного репортажа — правительство Москвы организовало для целой кодлы журналистов экскурсию за Кольцевую автодорогу, каким-то чудом доставив в аэропорт Домодедово и обратно сразу три автобуса борзописцев и телеоператоров. Судя по опасливо-восторженным лицам журналистской братии, они испытали от этого приключения сильные эмоции, но в самом репортаже событие преподносилось как рядовая поездка. Тоненькая девушка с огромным микрофоном в руках храбро зачитала в камеру текст про «бессмысленные и лживые слухи о толпах мародеров, окруживших столицу по всему периметру».

— За моей спиной вы можете видеть пассажиров аэропорта, которые спокойно садятся в комфортабельные пассажирские автобусы, чтобы уже через тридцать минут оказаться в Москве. Мы свидетельствуем: Подмосковье под контролем властей, здесь все спокойно...

За спиной у девушки действительно стоял пассажирский автобус, но когда он поехал, камера успела зацепить в кадр две бронемашины сопровождения и необъятной длины забор из мешков с песком, выложенных с обеих сторон шоссе.

Заканчивался репортаж нарезкой из благостных солнечных картинок — люди безмятежно загорают прямо на газонах перед зданием аэропорта (на крыше были отчетливо видны силуэты грубо сваренных пулеметных кабинок), в поле бесстрашно работает одинокий трактор (мне показалось, он вытаскивал застрявший в канаве джип), телерепортер с косичкой а-ля Стивен Сигал берет интервью у чистенькой девочки с букетиком полевых цветов в сжатом от волнения кулачке (в шаге от девочки, спиной к камере, стоит рослый мужчина в темном костюме и напряженно смотрит по сторонам).

Нам с Валерой быстро надоело глазеть в прыгающий от тряски экран — начинали слезиться и даже болеть глаза. Поэтому я выключил дьявольский ящик и стал смотреть в окно, на какие-то нереальные в своей наглости огни магазинных витрин и рекламных стендов.

— Ну, что там в мире делается? — заинтересованно спросил со своего места Палыч.

— Все под контролем властей,— откликнулись мы с Валерой хором, не сговариваясь.

На встречу жизнерадостный логистик Василий явился не один. У знакомой уже просеки микроавтобус поджидали две фигуры — одна, в примелькавшемся ватнике, накинутом на тельняшку, нас не взволновала, но вот высокий и грузный мужчина в строгом костюме насторожил не только Палыча.

Васильев вдруг потребовал остановить машину, не доезжая до подозрительной парочки метров пятидесяти, и отправился на встречу пешком. В сгу-

щающихся сумерках мы видели, как Валера проверил документы у напарника Василия и несколько минут с ним разговаривал. Потом Валера обернулся к нам и махнул рукой.

Высокий и грузный мужчина в костюме оказался тестем Василия, и логистик весь издергался, уговаривая Палыча пойти на сделку — вместо оплаты стандартной таксы в тысячу долларов за проводку в обход милицейских кордонов мы доставляем тестя к теще в Волгоград.

— Да нафига он нам сдался? — недоумевал Игорь, с недоумением и недоверием разглядывая бесстрастное лицо пожилого гражданина, молча ожидающего завершения переговоров.

— Олег Меерович Аронович, между прочим, известнейший врач. На «скорой» сорок лет отработал. Вам же по дороге. Подумаешь, одно кресло займет! Зато вы врача в дорогу получите! Мало ли что случится, а у вас уже врач тут как тут,— уговаривал логистик, едва не разрывая на груди грязную тельняшку.

Мне тоже не хотелось брать в дорогу незнакомого мужика, хоть бы и врача, и дело было даже не в лишнем весе или месте в салоне — в своих друзьях я был уверен на все сто, а что за фокус выкинет этот дедок, случись в дороге очередное приключение, знает только он.

— Короче, если не согласны, я вас проводить отказываюсь за любые деньги,— поставил точку Василий. Он демонстративно отошел от машины метров на пять, увлекая с собой и деда.

Мы трое стояли возле «форда» и растерянно смотрели на друг на друга.

— Блин, придется соглашаться,— развел руками Палыч.

Мы с Валерой пожали плечами, принимая это решение как неизбежное, но минимальное зло.

— Ладно, поехали,— буркнул Игорь в сторону Василия, и тот вернулся к машине почти бегом, радостно подгоняя деда и буквально заталкивая того в салон микроавтобуса.

Мы тоже вернулись в салон, а Палыч и Василий заняли привычные места в водительской кабине.

Дед уселся в самом конце, возле ящиков, и, прислонив седую голову к окну, спокойно задремал, так и не сказав нам ни единого слова. Обиделся, видимо, на неласковый прием.

Зато Василий, едва Палыч тронул «форд» с места, начал, как и в прошлый раз, трендеть без умолку — никакого радио не надо:

— Слыхали, вчера в Москве прошел марш «Десяти тысяч»? Ну, эти, самые либеральные либералы, самые демократические демократы.

— Дайте мне сто тысяч, и я проведу вам марш десяти тысяч,— откликнулся Васильев.

— Чего хотели? — с вялым интересом спросил Палыч, вглядываясь в полутьму лесной дороги.

— Как чего? Чтоб, значит, правительство соблюдало права мародеров. А то военные, понимаешь, повадились в последнее время их по-тихому отстреливать — приезжает, значит, взвод солдатиков на место погрома в какой-нибудь Рязани, делает залп-другой, а потом смывается, как будто не было никого. А в

телекамеры все затем руками разводят — не мы, дескать, наши в казармах спали мертвым сном, сами видите — до сих пор храпят.

— Хороший метод,— одобрил Васильев.— Только ведь там свидетели, наверное, остаются.

— Не, свидетелей теперь не оставляют,— успокоил Василий.— После тамбовской истории военные всем раненым контрольные в голову делают, причем из «левого» оружия.

— А что за история?

— Да вы из деревни, что ли, приехали, орлы? — удивился Василий.— Месяца полтора назад в Тамбове погромщики городскую больницу разобрали на запчасти — наркотики искали и все прочее... Туда роту десантуры направили, срочников. Ну те, молодые, глупые, не сдержались — отстрелялись по живой цели от души. Так потом эту роту в полном составе в городской СИЗО этапировали, а показания против них уцелевшие наркоманы давали. Трибунал был, впаяли солдатикам от семи до пятнадцати, все аж вздрогнули, когда по телевизору показали. Зато прогрессивная европейская общественность потом очень наше правительство хвалила — дескать, гуманизм у вас цветет и пахнет, не то что в Америке.

— А чего в Америке?

— А в Америке негров линчуют,— отмахнулся Василий.

— Как — опять?! — поразился я.

— Ну, не всех, наверное,— пожал плечами логистик.— Но по телику показывали — дяди в белых балахонах ходят по улицам, как у себя дома, кресты палят и все такое выделывают, как в фильме про Гекльберри Финна.

— Да-а, цивилизация, блин,— протянул Валера задумчиво.— Растут духовные запросы человеков, все больше духовности и благости лезет наружу.

— Про духовный рост человечества — это, конечно, абсурд безусловный,— раздался вдруг спокойный голос сзади, и я обернулся посмотреть на нашего проснувшегося пассажира. Хотя он, конечно, не спал — слушал наш треп. — Человеческую натуру изменить невозможно, можно изменить лишь поведение,— негромким, но твердым лекторским тоном продолжил дед.— Стена поведенческих норм удерживает в человеке зверя, но в такой системе страх наказания — главный сдерживающий фактор. Только страх останавливает людей. Так что отказ от насилия в отношении мародеров является роковой ошибкой правительства. Ведь люди, если их предоставить самим себе, немедленно возвращаются к своим истокам — к животным, стремящимся выжить любой ценой. Это аксиома психоанализа, незнакомая, к сожалению, нашим министрам и политикам.

— Это вы правильно загнули, Олег Меерович! — поддержал тестя Василий. Заметив впереди свет, он резко скомандовал Игорю: — Стоп!.. Подожди тут, коллега, я схожу к своим архаровцам.

Логистик сделал короткую, но отчетливую паузу, перед тем как выйти наружу, и я понял, что он ждал реакции Палыча — ведь архаровцы берут по пять сотен за любую проводку, значит, Василию предстояло сейчас платить из своих.

Палыч тоже понял причину заминки, но смотрел Василию в глаза спокойно и жестко — дескать, уговор есть уговор. Логистик еле заметно вздохнул и выпрыгнул из кабины в мягкий лесной полумрак.

Вернулся он быстро, и мы опять протискивались сквозь знакомую уже толпу взвинченных мужчин с ружьями в руках, и снова Палыч покрылся испариной, пытаясь провести машину так, чтобы случайно не коснуться ни одного из этих «полуночных ковбоев».

Мы расстались с Василием на лесной опушке, откуда в неверном свете луны уже угадывалось направление на трассу, но Палыч еще долго и утомительно подробно выяснял, где лучше будет выбираться на Каширское шоссе.

— Прямо и направо, через десять минут сами все увидите. Но вот что, коллеги,— мои архаровцы говорят, что за Кольцевой погромщики теперь караванами стоят, тыщ по пять в каждом. Короче, точно как во времена монголо-татарского нашествия — обложили, бляди, мать городов русских. Проехать будет непросто — они только военных пропускают, боятся связываться, а гражданских чистят без разбора.

— Прорвемся,— пообещал Палыч, и Василий откланялся, махнув еще раз на прощание деду.

Мы медленно двинулись по грунтовой дороге, едва видимой в ближнем свете фар, а спустя несколько минут Игорь остановил «форд» и бросил в салон:

— Давайте-ка все экипируемся, как положено. Моя интуиция, в смысле задница, подсказывает, что нам сейчас придется немного повоевать.

Я хотел было включить свет, но на меня цыкнули сразу оба — и Валера, и Палыч. Пришлось возиться в темноте, на ощупь выбирая подходящий бронежилет и укладывая в его разгрузку запасные патроны к помпе.

Деда тоже впихнули в бронежилет, но с немалым трудом — габаритный такой дедок оказался, да еще с немаленьким пузом, из-за которого застегнуть жилет на боках как следует так и не удалось, и он просто болтался на шее двумя бронированными фартуками — спереди и сзади.

— Вы как насчет пострелять? Доводилось? — деликатно полюбопытствовал Палыч, повернувшись назад.

— Ну, разве что из пистолета, на институтских сборах. Но это было пятьдесят лет назад,— так неуверенно и виновато ответил дед, что я сразу понял — с четвертым бойцом нашего невеликого гарнизона у нас вышел облом.

— Ладно, будете помогать раненым, если что,— тоже все понял Палыч и показал, где лежит аптечка.

— Ну, понеслась... — прошептал Игорь, и Валера тут же отозвался напряженным до хрипа голосом:

— Поехали!

Гагарин, блин, нашелся.

Палыч погасил все огни, и в полной темноте мы неторопливо двинулись вперед по дороге, едва обозначенной светом луны.

Так мы проехали километров десять, и я уже подумал, что обошлось, когда на самом выезде на шоссе увидел огни, разбросанные вдоль трассы огромным неправильным овалом, а прямо на дороге перед нами — группу темных фигур с фонариками.

Палыч сбросил скорость и медленно катил прямо на эти фигурки, которые в конце концов нехотя расступились, и в открытые окна я заметил, что это

были безоружные, но очень пьяные или обкуренные подростки. Они что-то развязно нам кричали, но никто не стал отвечать этим глупым созданиям, и они остались топтаться на своем пятачке, громко переговариваясь.

Мы вырулили на шоссе, на котором с неравными интервалами стояли брошенные машины с распахнутыми дверцами. Впрочем, когда мы наконец поехали по асфальту, лавируя среди самых неожиданных препятствий вроде выломанных кресел или огромных тракторных колес, стало видно, что в некоторых машинах были люди — они там или спали, или курили в раскрытые двери.

Так мы тащились с полкилометра, пока не наткнулись на странную, явно рукотворную пробку — поперек шоссе стоял пассажирский «Икарус», но его длины не хватило на все шесть полос, и с одной стороны автобус подпирал тентованный армейский грузовик, перегораживая движение уже окончательно.

Впрочем, со стороны столицы пробки не было — когда мы подъехали поближе, стало видно, что автобус и грузовик перекрывают движение транспорту в основном со стороны Каширы. Там машин было много больше, и стояли они плотнее, впрочем, все равно с достаточными промежутками, чтобы можно было проехать.

Палыч начал осторожно объезжать автобус, заехав на обочину, достаточно просторную для нашего маневра, однако из грузовика вдруг выпрыгнул человек с ружьем в руках и наставил его прямо нам в кабину.

— А ну вышли все из машины!— заорал этот тип, которого я, как ни вглядывался, не мог толком разглядеть.

— С чего вдруг я должен выходить? — спросил Палыч, бросая взгляды по сторонам.

— Ты чё, не врубаешься, козел? Ща объясню, падла! — тонким голоском закричал хмырь на все шоссе, и я понял, что это подросток. Он передернул затвор и неожиданно выстрелил чуть выше водительского окна, в крышу.

Картечь с железным треском отскочила от брони, но удар по корпусу оказался чувствительным, нас даже немного качнуло.

Валера осторожно отворил дверь и показал мне, что пойдет вдоль правого борта. Я кивнул и вышел, обойдя микроавтобус сзади.

Я успел пробежать пару метров вдоль левого борта нашей машины, когда раздался выстрел, и я услышал злобное шипение Васильева:

— Получил, гаденыш?

Гаденыш лежал на асфальте, бросив ружье и сжимая руками колено.

— Отпусти, дяденька! — жалобно скулил он.— Не стреляй, дяденька!

Я включил фонарь, а Палыч — все фары на полную мощность.

У подростка оказалось простреленным колено, но, пока я раздумывал, что с ним следует делать, в меня влепили заряд картечи прямо из темноты армейского тента.

Меня буквально впечатало в борт «форда», и уже оттуда я упал на асфальт, успев простонать Палычу:

— Гаси свет, мудила!

Игорь вырубил свет, а Валера всадил три заряда подряд в тент и кабину грузовика. Я полежал на асфальте, ощупывая лицо, но крови было немного —

основной заряд пришелся на бронежилет и левое плечо, в котором при движении теперь слышалось отчетливое поскрипывание.

— Тошка, ты как? — услышал я возмутительно спокойный голос Палыча.

— Спасибо, что спросил, теперь намного лучше!..— ответил я, пробуя подняться.

В голове немного шумело, но и только. Чужой даже не думал оживать — видимо, для него это было рядовым происшествием, ради которого не стоило и дергаться. Или он просто спал, гад.

Я постоял на ватных ногах пару секунд, неуверенно похлопывая себя по бокам, но все было в порядке.

Рядовое происшествие, значит? Хорошо, будем работать буднично — как учили в «учебке».

Я дошел до кабины «форда» и оттуда указал Палычу на грузовик:

— Я сейчас суну туда жало, а ты на счет «раз» врубай фары.

Палыч кивнул, и я рванул к тенту, бешено заорав: «А теперь раз, суки!» Вспышка света оказалась неожиданно мощной — я стрелял как в батальонном тире, отчетливо видя свои мишени — двух заспанных полуодетых бритоголовых хмырей. Один из них, сидя на корточках, держал двустволку, переломив ее для зарядки, а второй еще не поднялся и, лежа на огромном цветастом матрасе, что-то лихорадочно нащупывал у самого тента.

Для верности я выстрелил дважды в каждого, так что потом мне пришлось поволноваться, перезаряжая помпу в свете фар «форда», но Палыч быстро выключил свет, увидев мою заминку.

Со стороны кабины, в клубках темных пятен у обочины послышалось еще два выстрела, и я метнулся туда, посмотреть, как получилось у Валеры.

У Валеры получилось замечательно — в кабине теперь сидели два неподвижных бритоголовых тела, но мы не стали их долго рассматривать, а вернулись к микроавтобусу.

Палыч уже вышел из машины и, брезгливо трогая ногой лежащего на асфальте подростка, вел допрос.

Выяснилось, что бритые молодые люди являются воспитанниками Лыткаринской детской спецколонии, из которой удрали с неделю назад.

Днем я видел сюжет об этом побеге по какому-то специализированному криминальному каналу — малолетние сидельцы не просто ушли, а сначала несколько дней забавлялись с персоналом, замучив до смерти трех женщин и пятерых мужчин, а потом еще повеселились в дачном поселке, неудачно попавшемся на пути огромной банды из двухсот человек.

Помнится, меня в том сюжете больше всего удивила реакция властей — как с возмущением поведал корреспондент с запоминающейся фамилией Сыроежкин, бунт в колонии никто и не подумал подавлять. И уж тем более никто не преследовал потом малолетних мерзавцев. Их опять «рассеяли».

— Надо уходить отсюда,— подытожил допрос Васильев, тревожно оглядываясь по сторонам.— Очухаются — в пять секунд перестреляют. Оттонишь автобус?

— Да,— кивнул Палыч, походя выстрелил из пистолета бритому точно в лоб и, слегка пригибаясь, скорее по привычке, чем по необходимости, побежал к кабине автобуса.

Там он повозился с минуту, а потом я увидел, как открывается дверь, и тут же до нас донеслись приглушенные ругательства. Я поднялся на ступеньку автобуса и заглянул в салон вслед за Палычем.

Салон был полон испуганных детей лет пяти — десяти. Они не спали, а молча глядели на нас широко открытыми глазами, вжавшись спинами в кресла. Еще в автобусе невыносимо пахло мочой и пóтом, но все ж таки эти глаза впечатляли много больше, чем запах.

Палыч сглотнул комок в горле и хрипло спросил:

— Вы откуда, дети?

Никто не ответил, а ближайшая к нам девочка лет пяти вдруг заплакала навзрыд, но тут же замолкла и только тихонько попискивала, не в силах держать в себе страх. Другая девочка рядом с ней испуганно отодвинулась от своей подружки и тихо сказала:

— Это не я. Это она плачет. А я не плакала. Я заткнулась.

— А где взрослые? — спросил я, обращаясь к ней как к самой разговорчивой.

— Полину Ивановну увели вчера. А Дарью Семеновну сразу убили, потому что она некрасивая,— быстро ответила девочка.

Мы с Палычем посмотрели друг на друга, и я понял, что он сейчас хочет того же, что и я — убивать этих ублюдков там, где встретим. Убивать, как убивают крыс — не за то, что они что-то сделали, а просто за то, что они есть на этом свете...

Чужой тоже проснулся, знакомо запульсировал, расширяясь неровными рывками, пока знакомая кровавая пелена не полезла наружу, одновременно успокаивая и нервируя, застилая мне глаза и мешая слышать что-то важное.

— Мужики, давайте поживее — урки просыпаются,— раздался снаружи озабоченный голос Васильева, и тут же раздался выстрел, а потом еще и еще...

Мы вылетели из автобуса, бросившись на асфальт, и Валера, тоже распластавшись, показал рукой на два джипа, в свете луны бликующих полировкой метрах в пятидесяти дальше по шоссе:

— Шмаляют оттуда! И в поле, с той стороны, тоже.— Валера показал рукой.

Мне почудились три вооруженные тени, но их движения были такими неуверенными и неверными, что Чужой наладился было снова закуклиться в свой кокон, и я еле уговорил его не спешить, обратив внимание на тени со стороны джипов — там, в абсолютном мраке, двигались наглые, уверенные в себе фигурки с помповыми ружьями в руках.

Палыч хищно оскалился, в два прыжка заскочил в салон «форда» и выкатился оттуда с «калашом» за спиной и с гранатой в каждой руке. Одну «эфку» он вручил Васильеву и показал на джипы:

— Пошли. Тошка прикроет, а мы загасим.

Они ушли, не оборачиваясь, ничего не объясняя, и я сначала не понял, что требуется от меня, но потом увидел, как они побежали, пригибаясь, вдоль грузовика, и понял, что мне следует просто отвлечь противника.

Я выскочил на обочину и дважды выстрелил в направлении джипов. Картечь горохом хлопнула по железу, но особого вреда с такой дистанции, разумеется, не нанесла.

Урки тоже ответили мне картечью и тоже никуда не попали, потому что просто меня не видели. Так можно было перестреливаться сутки напролет, и я вернулся к «форду».

В салоне было трудно передвигаться — всюду валялась разнообразная амуниция, а в самом узком месте прохода лежал, закрыв голову руками, наш габаритный пассажир. Мне пришлось пробежать прямо по нему, чтобы забрать автомат, и на обратном пути я не удержался от едкого замечания:

— Спать лучше в кресле. Здесь можете и замерзнуть,— но он мне не ответил, и я подумал, что он, может быть, и в самом деле спит.

Первым же выстрелом из «калаша» я угодил в лобовое стекло одному из джипов, и оно рассыпалось с отчетливым журчанием, а сразу после этого раздалось два оглушительных взрыва, и обе машины скрылись в клубах черного дыма и вертящихся в яростных вихрях языках огня...

Чужой разочарованно дрогнул, подсветил мне еще пару мишеней на обочине, и я снял их одной длинной очередью. Еще одна тень залегла в поле за перевернутым грузовиком, но мне ее отсюда было не достать, и я равнодушно отвернулся от этого трусливого шакала.

Палыч с Васильевым вернулись ко мне закопченные — у Валерки в саже была даже белобрысая голова, а у Палыча почернело все брюхо и даже носки.

— Я поведу автобус, а ты «форд»!— крикнул Игорь Валере и побежал к «Икарусу», нервно дергая шеей, которую натирал ремень болтающегося за спиной автомата.

— Я с тобой,— предложил я Палычу, но тот замотал головой:

— Нах. Ты охраняешь груз. Один хрен, стрелять из автобуса нельзя.

Я не сразу понял, почему нельзя стрелять из «Икаруса», но, усевшись в салоне «форда» и выставив автомат наружу, понял — чтоб не стреляли в ответ. У нас броня семь сантиметров, а у автобуса жестяные стенки, которые пробивает даже ружейная картечь.

«Икарус» развернулся в два приема и, пропустив наш броневик вперед, тронулся следом. Я не стрелял, потому что вокруг было тихо и темно, а Чужой подсвечивать отказался, тихой, но внятной болью тлея у меня под правым виском.

Я так и не понял, когда и куда попрятались местные завсегдатаи, но сейчас пространство вокруг нас больше всего напоминало кладбище брошенных машин, которые мы огибали достаточно небрежно, иногда задевая некоторые из них.

Все-таки Валера хреновый водитель, до Палыча ему далеко, понял я, а после очередной серии касаний крикнул:

— Ты нам все борта пообдираешь! Давай поаккуратнее...

Валера не ответил, и я отвернулся от его чумазого затылка, снова пристально разглядывая мелькающие за бортом тени и черные остовы.

Через пару минут машин стало меньше, и мы разогнались километров до сорока в час. Палыч уверенно держался сзади, двигаясь с отключенными габаритами и светом.

Я начал было думать о том, что пришлось испытать этим детям в автобусе, но тут же запретил себе мысли на эту тему, ибо сразу понимающе откликался

Чужой, начинало сводить скулы, а палец рефлекторно тянулся к курку, и я боялся не совладать с собой.

Еще через пару километров машин на шоссе не осталось вовсе. Валера врубил фары и газанул уже под сто. Тут же мигнул фарами автобус сзади, и я нервно крикнул Васильеву:

— Сбрось скорость, Палыч не успевает...

Мы поехали чуть медленнее, и Валера закурил «беломорину». Сизый дымок немедленно заполонил весь салон. Я услышал возню рядом с собой, и негромкий голос спросил из темноты:

— А что, здесь можно курить? Тогда я тоже подымлю, вы позволите?

Напряжение недавнего боя меня уже отпустило, и я ответил деду совершенно человеческим, нормальным тоном:

— Курите, конечно. Сильно перенервничали, да?

Дед поднялся с пола, отряхнул брюки и пиджак, сел в кресло, неторопливо закурил (тоже папиросу, как и Валерка) и только потом с достоинством ответил:

— Да. Я действительно испытал сильные эмоции...

Глава шестнадцатая

Не доезжая километров пятьдесят до Каширы, нам пришлось снизить скорость почти до пешеходной — все шоссе оказалось усеяно мешками с песком или старыми шинами. Мы тащились эти километры почти четыре часа, поэтому встретили рассвет еще в дороге.

Увидев мягкий и широкий склон и спокойную речку по своему борту, я вдруг вспомнил запахи в «Икарусе» и крикнул Васильеву:

— Здесь надо переждать!

Он не стал спорить. Мы медленно съехали к берегу, сделали полукруг и встали так, чтобы можно было сразу, без разворотов, вырулить на шоссе.

«Икарус» повторил наш маневр. Когда он встал, я тут же вышел наружу, заранее обмирая от того кошмара, который мне предстоит увидеть и услышать.

Палыч тоже сразу вышел из автобуса, и мы встретились с ним на полпути между нашими машинами, как парламентеры последней войны.

— Тридцать пять человек. Детский дом «Солнышко», мля. А пионерский лагерь назывался «Ромашка». Они в Москву возвращались, из «Ромашки» в «Солнышко», мля. Короче, бухгалтершу сразу замочили — пожилая тетка была. Вожатую забрали для развлечений. Водила еще был. Удрал, наверное.

Палыч говорил отрывистыми фразами и глядел не на меня, а на предрассветное солнце, которое выкатывалось над тихой речкой, и эти фразы летели над водой, как плоские камешки, до самого леса с той стороны, отражались там и возвращались отчетливым и пугающим в своей резкости эхом.

Хлопнула дверь «форда». Это выбрался Васильев, чтобы размять затекшие ноги.

— Ну, чего там?..— спросил он, не решаясь подойти к автобусу и посмотреть самому.

Палыч хмуро взглянул на него, потом перевел взгляд на меня и вдруг заорал, как подстреленный:

— Ё-мое, Тошка, у тебя же все плечо разворочено!

Я покосился на свое плечо, но ничего такого страшного не заметил. Я начал вертеться, пытаясь разглядеть левую лопатку, где действительно чем-то поскрипывало, но Палыч рявкнул на меня:

— Сядь на землю, дятел. Ща перевязку сделаем, будешь как живой.

Я послушно присел на влажную от росы траву, а Игорь быстро дошел до «форда» и крикнул в раскрытую дверь:

— Гражданин Аронович, не могли бы вы приступить к своим непосредственным обязанностям? Вы у нас врач или хрен с говном?

Из машины тут же выбрался заспанный дед с аптечкой в руках. Он подошел ко мне, положил аптечку на траву рядом, но сам садиться не стал. Напротив, он даже сделал шаг назад и виновато сказал:

— Я вообще-то в соматических поражениях не сильно разбираюсь...

— В каких-каких поражениях? — удивился Васильев, затягиваясь папироской и с интересом разглядывая морщинистое лицо доктора.

Дед беспомощно похлопал себя по карманам, и Валера протянул ему папиросу.

— Не понял я вас! Василий сказал, что вы врач,— гневно скривил губы Палыч.

— Я действительно врач.— Дед прикурил от Валериной папиросы.— Но врач-психиатр.

— А что ж ваш Вася плел про «скорую помощь», где вы якобы сорок лет отработали?! — не поверил Игорь, демонстративно уперев руки в бока.

— Ну, так я и работал сорок лет в «скорой психиатрической помощи»,— спокойно объяснил дед.

— Да фигли там перевязывать... Валерка отбросил свою папиросу и присел рядом со мной.— Водкой залить да пластырем заклеить. Верно, дед?

Психиатр осторожно развел руками:

— Ну, в целом, наверное, это разумный способ лечения,— сказал он.— Но теория говорит, что возможны осложнения. Э-э... вплоть до гангрены. Впрочем, здесь я не специалист. Я же психиатр... э-э... к сожалению.

— Значит, психиатр? — с нажимом сказал Палыч, подойдя к деду почти вплотную.

— Психиатр,— кивнул тот, деликатно выдувая папиросный дым в сторону.

— Тогда прошу вас пройти во-он в тот автобус. Там вас ждут тридцать пять пациентов, и я хочу, чтоб через час они перестали скулить сквозь зубы и начали хотя бы плакать, как нормальные дети! — неожиданно сорвался на крик Палыч.

— Хорошо-хорошо...

Дед успокаивающе поднял бугристые ладони и послушно побрел к автобусу, докуривая на ходу папироску.

Палыч пошел открыть ему дверь, но потом сразу вернулся к нам, больше не желая, видимо, травить себе душу.

Валера снял с меня бронежилет, куртку, ремень вместе с помпой, а вот с футболкой оказалось сложнее — кровь с левой стороны пропитала ее всю и успела засохнуть, так что мы минут пять спорили, стоит ли вообще отдирать присохшую намертво ткань. Я предлагал оставить все как есть, поскольку мне и так было неплохо, а Васильеву, похоже, было интересно послушать, как я буду орать, поэтому он, напротив, настаивал на немедленной ампутации футболки, пугая меня откровенно надуманными историями из своей милицейской практики.

Наши прения прервал Палыч с бутылкой водки в руках. Он принялся поливать мое плечо этой живительной влагой, а когда я начал возмущаться ненаучностью подобной процедуры, зачем-то показал мне на речку со словами:

— А вон и чудище речное выплывает, смотри!..

Разумеется, как последний дурак, я уставился на речку, и тогда эти два живодера содрали с меня футболку, быстро распоров ее на брюхе и спине штыкножами от «калаша».

Я решил не доставлять им удовольствия и поэтому не орал, а только шипел, сочиняя замысловатые ругательства вроде «бесперспективных гамадрилов» и «такелажных губошлепов», но потом из моего плеча мощными толчками пошла кровь, и болтать мне совсем расхотелось.

Палыч поливал меня водкой, а Валера деловито искал под кожей картечины и, кстати, нашел штуки три, тут же выковыряв их штыком. Остальные сидели много глубже, и я сказал этим садистам, что у меня кружится башка от потери крови. Это было правдой, и тогда они наконец начали меня перевязывать.

Это мероприятие доставило мне еще несколько интересных минут, но кровотечение они действительно остановили, а раны продезинфицировали, и я решил сильно на них не ругаться. Меня вдруг сморило в тяжелый, тягостный, бредовый сон, и я лег мордой прямо на траву, потому что вдруг понял, что до «форда» сам не дойду. Я еще чувствовал какие-то легкие касания и толчки, слышал возбужденные голоса и даже истерические крики, но мне уже было плевать абсолютно на все, и я отдался своей внезапной слабости полностью и безраздельно. Я вдруг понял, что умираю, и моя душа отправляется туда, куда полагается отправляться душам безнадежных грешников. Потом слегка шевельнулся Чужой, но и он согласился, что лежать без движения намного лучше, чем вставать и стрелять неизвестно в кого и зачем...

В мутной пелене плавали слова и предметы, и мне каждый раз приходилось прилагать серьезные усилия, чтобы увидеть, что именно болтается возле моего носа. Там, вообще говоря, много чего болталось: «Краткий курс истории РПЦ» в трех томах, деревянный барометр, подаренный дивизионным начальством за победу на конкурсе «Ворошиловский стрелок», компьютер «Синклер», собранный мною собственноручно в возрасте одиннадцати лет от полной безысходности и отсутствия перспектив на «настоящий Пи-Си», изумленное лицо профессора Фирсова, на глазах у которого я растягиваю свои личные хромосомы из четвертичной структуры в линейную и обратно, а также потрясающая в своей конкретности табличка «Пошел отсюда на хуй, Пожарский!», повешенная на парадную дверь политеховской общаги. Помню,

что табличка меня возмутила наиболее значительно, и я довольно долго раздумывал, кто бы это мог ее повесить. Пришел к мысли, что, кроме Наташки из 315-й, сделать это практически некому. Ну, разве что еще Валька из 219-й, но это вряд ли, потому что она матом даже по-английски не ругается. Придя к этому выводу, я вдруг моментально успокоился и крепко уснул.

Очнулся я на шершавых креслах микроавтобуса и, просыпаясь, мучительно долго смотрел в ослепительно яркое квадратное пятно, пока не понял, что это отодвинутая до максимума пассажирская дверь. Тогда я сел в кресле, оглядываясь по сторонам, пока не сфокусировал взгляд на своей помпе, небрежно валяющейся на сиденьях правого борта.

Я осторожно повесил помпу на левое плечо, поверх плотного кокона бинтов, потом задумчиво посмотрел на куртку, висевшую на спинке сиденья впереди, но надевать ее не стал — из ослепительно квадратной дырки несло такой вязкой духотой, что впору было снимать брюки.

Я медленно привстал и на полусогнутых ногах выбрался наружу.

На берегу речки царило вопиющее безобразие и разнузданное веселье — очередь из десятка голых детишек стояла у самой кромки воды, где их поливали из двух пластиковых канистр полураздетые Валера с Палычем, после чего мокрые, но счастливые дети снова бежали в хвост очереди, нетерпеливо подпрыгивая на месте в ожидании повторения процедуры.

Еще пара десятков детей с мокрыми волосами, но уже одетые, сидели кружком вокруг деда и, преданно выкатывая на него глаза, что-то ему рассказывали, перебивая друг друга звонкими, резкими голосами.

Когда я вышел на середину поляны, на меня все уставились, как на привидение, а ближайшая ко мне девочка вдруг вскочила и рванула к деду, всхлипывая в бурно развивающейся истерике и указывая на меня пухлой ручонкой:

— Дедушка Олег, у него ружье, как у тех самых. И лицо злое!!

— Что ты, Олечка, это же хороший дядя, это же наш дядя, это добрый дядя,— захлопотал дед, обняв девочку одной рукой, а другой рукой показывая мне увесистый кулак.

Я, разумеется, все сразу же понял и вернулся к «форду», спрятав помпу в салоне.

Мое возвращение на пляж дети восприняли уже много спокойнее, хотя и несколько настороженно.

— Дядя Антон, не могли бы вы, как любезный сэр, сменить меня на этом посту, пока я не покурю? — крикнул Васильев, помахав мне канистрой.

Я дошел до берега, забрал у Васильева канистру и, поняв, что она пустая, окунул ее одной правой рукой в воду — использовать левую руку мне было боязно. Набрав литров пять, я, опять же одной правой, поднял канистру над головой и тут же под ней оказался смешной черноволосый и гибкий, как лоза, пацан, заранее повизгивающий в предвкушении душа. Я щедро полил его и, когда канистра опустела, мягко пихнул в направлении берега:

— Катись!

— Еще! Вы мало вылили, дядя! — начал было возмущаться он, но его соседи из очереди закричали, что воды было вполне достаточно, и пацан, коротко вздохнув, бодро побежал на берег, отряхиваясь от воды всем своим гибким и мускулистым телом — почти как смышленый щенок-недопёсок.

Потом была тихая девочка лет десяти, у которой все тело оказалось в синяках и полузаживших царапинах, на которые я изо всех сил старался не смотреть, потом подскочили два рослых белобрысых близнеца, лет по двенадцати, потом снова была девочка, но уже без следов насилия, а потом вдруг опять появился черноволосый гимнаст.

— Гарик, ты нечестно пролез! — закричали на него сразу несколько детских голосов, но тут Васильев наконец докурил и забрал у меня из рук канистру, заметив, что одной рукой мне управляться с ней было тяжеловато.

Я оставил Васильева восстанавливать справедливость и направился к деду — очень уж интересными мне показались горящие каким-то неземным светом детские лица, неотрывно следящие за каждым движением психиатра.

— О-о, а вот и наш дорогой дядя Антон!..— закричал дед с неожиданным подъемом, и я замер на месте в ожидании неминуемой подлянки, которую сразу угадал в его насмешливых глазах. — Ну, расскажи нам, дядя Антон, что такое, по-твоему, любовь? — спросил у меня дед таким тоном, каким Снегурочка спрашивает у Деда Мороза, осталась ли у него еще водка.

Но дети, сидевшие вокруг, смотрели на меня совершенно серьезно, и я понял, что мне придется отвечать тоже серьезно, по-взрослому.

— Э-э... любовь... Это такое, хм, хорошее чувство, когда, хм, вдруг обнаруживаешь, что любишь другого человека,— выдал я, поражаясь собственной тупости.

Дед укоризненно покачал головой и бросил торжествующий взгляд на детей:

— Ну а ты, Кира, что скажешь?

Маленькая, лет шести-семи, девочка серьезно наморщила загорелый нос и сказала:

— Любовь — это когда тебя вдруг привели в «Макдоналдс», а ты отдаешь половину своей картошки подружке и не просишь за это ничего, даже маленькую чупу.

— Ну а ты, Ксюша, что думаешь? — повернулся дед к печальной девчушке лет десяти, испуганно вскинувшей на него длинные ресницы при упоминании своего имени.

Ксюша молчала довольно долго, и я уже решил, что она ничего не скажет, но она вдруг подняла круглое веснушчатое личико и, заметно зардевшись, сказала:

— Если кто-то любит тебя, он по-особенному произносит твое имя. И ты знаешь, что твое имя никто не обидит, пока оно у него во рту.

Я крепко задумался, но тут дети заголосили, наперебой предлагая свои варианты:

— Любовь — это когда улыбаешься, если видишь его.

— Если любишь, можно помочь нести портфель девочке.

— Любовь — это когда папа и мама не ругаются и не бьют тебя.

У меня вдруг заныло плечо и защипало в глазах. Я отвернулся и ушел к «форду», потому что вдруг вспомнил, откуда именно мы вытащили этих детей, и отчетливо осознал, что понятия не имею, куда их теперь девать.

— Ты как вообще, Тошка? Функционируешь? — озабоченно поинтересовался Палыч, вдруг оказавшись у меня за спиной.

Я повернулся к нему лицом и спросил, показав глазами на пляж:

— Что дальше-то делать будем?

— Двигаться будем,— бодро ответил он.— Согласно правилам дорожного движения.

— А дети?

— А что «дети»? Впереди город, областной центр, полмиллиона жителей. Неужели там не найдется организации, способной принять три десятка детей? — с возмущением сказал Палыч.— Тем более мы уже составили список — свои фамилии почти все дети помнят, детдом «Солнышко» в Москве, я надеюсь, один. Позвоним тамошнему начальству, приедут и заберут.

— Найти детдом, конечно, будет просто. Непросто будет забрать. Я вот не понимаю, кто, кроме роты спецназа, может сейчас пройти по Каширскому шоссе,— начал заводиться я, но Игорь требовательно поднял руку и, дождавшись, когда я заткнусь, негромко, но твердо сказал:

— Мы должны доставить груз в Элисту. Сделаем работу, получим деньги, можешь пройти обратно по всему маршруту и сеять там доброе, разумное, вечное... Пока не прострелят оба твоих деревянных плеча и башку твою дубовую заодно.

Я ухмыльнулся ему прямо в лицо:

— Да ладно! Ты же сам не веришь в то, что несешь. А то я тебя не знаю!

Палыч сдвинул брови, выпятил челюсть и рыкнул басом:

— Не знаешь!

Это было так неубедительно, что я сразу успокоился и пошел помогать Васильеву поливать детишек.

Глава семнадцатая

Мы въехали в Каширу около трех часов дня. На КПП нас встречали уже не гаишники, а мрачного вида мужики с красными повязками на рукавах. Только один держал в руках автомат, остальные были вооружены хорошо знакомыми мне пневматическими винтовками МР-512.

Это было так странно и неожиданно, что я заулыбался, когда один из охранников, грозно наставив на нас свою игрушку, потребовал от Васильева отчета — куда и зачем мы направляемся.

Валера показал мужику свое удостоверение, и тогда тот позвал коллег. Рассматривать красную книжицу собралось человек пять, и все, судя по лицам, остались недовольны. Впрочем, вовсе не качеством документа.

— Где ж вы все прятались, суки милицейские, когда у нас в Кашире беспредел творился? Капитан, бля, уголовного розыска. Чмо ты, а не капитан! — бросил упрек Васильеву первый мужик и презрительно махнул своей винтовкой в направлении города: — Ну давай, проезжай, коли не стыдно. Посмотришь заодно, как это в жизни бывает...

Васильев побледнел, но сдержался, молча убрал в карман удостоверение и нажал на газ.

Мы проехали метров десять и встали — посмотреть, как пропустят автобус. Заметив, что в автобусе галдят дети, мужики не стали смотреть документы у Палыча, а сразу махнули ему рукой и расступились.

Автобус встал прямо за нами, и я вышел из «форда», не став набрасывать куртку. Мужики смотрели на меня не слишком одобрительно, причем особенно им не по-нравилось мое забинтованное плечо.

— Отцы, где у вас тут власть располагается? — Я сделал строгое официальное лицо.

Мой вопрос вызвал сначала ступор, а потом дружный взрыв смеха у всей компании.

— Чудак человек,— наконец соизволил прокомментировать один из них.— Власть, она теперь в Москве. Там и ищи...

— А вы кто?

— Мы? Мы — народ! А вот ты что за птица?

Я понял, что с этим народом нужно разговаривать по возможности конкретно, избегая упоминания откровенных абстракций вроде власти или правительства.

Я показал на автобус:

— Мы вчера отбили у мародеров вот этот автобус. Там дети. Тридцать пять человек. Мы не можем взять их с собой. У нас другое, важное задание. Что вы посоветуете?

Один из мужиков звучно икнул, и я понял, что он пьян. Потом я присмотрелся и увидел, что пьяны они все. Тот, что держал в руках автомат, бессмысленно передернул затвор, и я увидел, что это грозное оружие — всего лишь пневматический макет автомата Калашникова.

Банда пьяных клоунов с детскими игрушками. Тьфу!

Я разочарованно развернулся и пошел к «форду».

— Стой, парень!— крикнули мне в спину, и я обернулся на ходу.

Кричал как раз «автоматчик». Он сделал по направлению ко мне пару нетвердых шагов, а потом показал на проспект за моей спиной:

— Короче, поедешь прямо, потом направо, потом прямо до конца. Так попадешь на площадь. Там с одной стороны — администрация. Но она сгорела на прошлой неделе. А вот с другой стороны — заводоуправление и здание треста. Туда к трем часам мэр должен явиться, со своими прихвостнями. Вот там ты с ним и побеседуешь...

— Уже полчетвертого,— сказал кто-то.

— Да там же надолго, весь город соберется попиздеть,— успокоил сосед.

Я благодарно кивнул нетрезвым дружинникам и вернулся в микроавтобус.

— Ну? — раздраженным тоном спросил Валера, и я понял, что ему не терпится отсюда уехать.

Я объяснил, куда мы едем, и Валера сразу разогнал машину по пустой улице километров до шестидесяти. Больше не получилось — мешков и колес на асфальте уже не было, но хватало другого мусора: сломанных детских колясок, картонных коробок, набитых каким-то чудным тряпьем, тележек из универсальных магазинов, фрагментов мебели, иногда довольно приличной, попалась даже целая баррикада из искусственных елок.

Зато автомашин на улицах не было вовсе — они встречались там только в виде сожженных корпусов. Этого добра было немало, но, по счастью, жгли только припаркованные машины, так что нашему продвижению это местное развлечение не мешало.

Не было видно и людей на улицах, хотя дома выглядели жилыми — во многих окнах происходило едва заметное движение, когда мы проезжали рядом.

Зато метров за сто до площади мы наконец увидели людей — и сколько людей! Тысячи или даже десятки тысяч горожан толпились на площади, завороженно слушая размеренную речь невысокого крепыша в поразительном для нынешней ситуации белом костюме и таких же белоснежных теннисных туфлях.

Щеголеватый гражданин стоял прямо на капоте «хаммера», вставшего посреди площади. На крыше модного вездехода стояли еще двое мужчин, в камуфляже и с автоматами Калашникова наизготовку. Доморощенные секьюрити картинно жевали резинку, изо всех сил подражая своим голливудским прототипам — тревожно озирались по сторонам и яростно шевелили губами в «уоки-токи». Они так увлеклись этим выпендрежем перед многотысячной толпой, что их можно было бы снять даже без оружия, просто треснув бейсбольной битой по башке каждому, в порядке живой очереди — и сосед не заметил бы потери бойца.

Мы проложили себе дорогу прямо через расступающуюся толпу и притормозили возле «хаммера». Рядом стоял автобус с надписью «Третий канал» и легковушка без опознавательных надписей. Возле автобуса выстроилась шеренга операторов, человек пять, все с большими, профессиональными телекамерами на больших, тоже профессиональных, штативах.

— ...экстремисты и бандитствующие элементы. Региональная власть на местах делает все, чтобы порядок и покой пришли в наши дома! Но мы не всесильны! Нас бросила федеральная власть! В Москве теперь думают только о себе! И вы это знаете лучше многих. Где федеральная милиция? Где внутренние войска? Где, наконец, армейские части, содержание которых оплачивали все российские налогоплательщики?! Все эти силы защищают только Москву и ее богатые пригороды. А до нас, простых каширцев, Кремлю дела нет! Нам остается одно — выживать! Если будем делать это вместе — мы победим!..

Вокруг одобрительно захлопали и засвистели, но наше появление все-таки внесло некоторое беспокойство в ряды митингующих — каширцы старались отойти подальше от наших непонятных машин, и очень быстро мы оказались на островке чистого асфальта среди огромной массы людей, настороженно разглядывающих нас и медведей на корпусе «форда».

Когда оба автобуса наконец заметили бдительные охранники на «хаммере», они испуганно уставили автоматы в наше лобовое стекло.

Валера недовольно буркнул:

— Тошка, блин, сходи разберись...

Я нащупал куртку и, на ходу цепляя на голые плечи, выбрался из машины.

Крепыш в белом костюме опустил мегафон и уставился на меня. Я успокаивающе помахал ему рукой и полез на капот «хаммера» — а как еще с ним разговаривать, снизу вверх, что ли?

Толпа притихла, а охранники начали от усердия чавкать так лихорадочно, что им сделал замечание сам господин мэр.

Я залез на капот джипа и, показав на «Икарус», как будто это все объясняло, протянул руку за мегафоном. Мэр безропотно отдал его мне и даже сделал шаг назад, освобождая место на импровизированной трибуне.

Я нажал на кнопку мегафона и сказал:

— Господа! Леди и джентльмены!

Толпа недовольно взревела, и я тут же поправился:

— Товарищи! Россияне! Граждане великой страны!

Ропот прекратился, и я продолжил:

— Мы приехали сюда из Петербурга. Это было непросто.

По толпе прошла рябь, которая вдруг взорвалась криками и аплодисментами:

— Привет, Питер!

— Даешь Петроград!

— Ура!

— Революцию давай!

Я опешил от этих неожиданных эмоций, но потом собрался и продолжил:

— Мы должны ехать дальше. У нас задание государственной важности. Но вчера мы отбили у мародеров автобус с маленькими детьми. Я хочу спросить вас — можете ли вы помочь нам? Этих детей надо устроить до тех пор, пока воспитатели или родители не смогут забрать их к себе. Или пока мы не вернемся. В общем, на пару недель.

Боковым зрением я заметил, как вытаращил на меня глаза мэр и даже охранники перестали чавкать, вытягивая шеи, чтобы разглядеть, кто там такой важный сидит в «Икарусе».

— Откуда дети? — услышал я громкий женский выкрик и, пожав плечами, ответил:

— Дети из Москвы. Из детдома. Их отправили в пионерский лагерь, но вот забрать не смогли. Сами знаете, что сейчас вокруг Москвы творится...

Мои слова потонули в яростных возгласах:

— Своих детей кормить нечем!

— Москалей — на хрен!

— Пусть сами забирают!

— Хорошо устроились — жируют на Рублевке и еще деток своих нам подкинули!.. На хрен!

Мэр тут же решительно забрал у меня мегафон и сказал, даже не глядя в мою сторону:

— Ну, с этим вопросом все понятно! Мы будем заботиться прежде всего об интересах коренных жителей! Так что всякие варяги могут ехать себе дальше! У нас, в Кашире, дураков нет!..

Толпа радостно захлопала и засвистела оратору, и один из охранников сверху бросил мне:

— Хули встал?.. Не понял, что ли? Проваливай, пока не наваляли.

Я поднял голову, пытаясь разглядеть его лицо на фоне яркого солнца. Впрочем, ничего я там, конечно, не увидел, поэтому молча спрыгнул с капота и пошел к «форду», с любопытством оглядывая стоящих вокруг людей. С виду люди как люди, разве что одеты слишком небрежно — так ведь и я был не в смокинге.

— Эй, ты! Подожди! — ко мне пробился оператор с камерой на плече.— Чего у тебя там за дети?

Я покосился на его подозрительно знакомую манерную косичку, которая ужасно глупо, на мой консервативный взгляд, смотрелась на фоне трехдневной щетины.

— Ты кого представляешь? — Я ткнул пальцем в объектив.— Суверенную Каширу?

Оператор в ответ понимающе оскалился:

— Ладно тебе. А чего ты ждал? Сейчас человек человеку волк. Короче, давай уже пару слов в камеру — что да как. Я фрилансер, мои сюжеты пол-Европы покупает — так что вдруг помогу...

Он протянул мне свободную руку и представился:

— Иван Сыроежкин. Между прочим, известный репортер.

Я пожал плечами и повел его к «Икарусу». Палыч с водительского места недобро покосился на оператора, но открыл нам дверь, и я вошел в автобус первым, сразу объяснив ситуацию сидевшему в первом ряду Олегу Мееровичу:

— Москалей здесь, оказывается, не любят, так что облом. Зато есть телевидение. Вот этот крендель обещает сюжет на пол-Европы. Говорит, что может помочь.

Психиатр обернулся к детям и громко сказал:

— Ребята, к нам явилась «скрытая камера»! Давайте покажем телезрителям, какие мы хорошие и послушные детки!

Эффект, разумеется, оказался обратным — дети тут же начали прыгать на сиденьях, скакать в проходе, петь песни и корчить рожи. В общем, Иван за минуту набрал столько видеоматериала, сколько не набрал бы в зоопарке и за сутки.

Я с интересом смотрел на его лицо, но никаких эмоций там не увидел — похоже, этот парень видел в России и не такое...

Потом слово дали психиатру. Олег Меерович долго усаживался перед камерой, принимая разнообразные позы, пока оператор не рявкнул, что «яйца можно не чесать, в кадре все равно одна башка», и тогда доктор расправил плечи, поднял благородную седую голову и начал свою речь:

— У детей аффективно-шоковые реакции возникают вследствие любого сильного испуга. Сильная психическая травма, особенно в сочетании с реальной угрозой жизни, приводит к одному из трех типов аффективно-шоковых

реакций. Первый тип — сумеречное состояние с резким двигательным возбуждением, второй — реактивный ступор, ну а третий тип — эмоциональный ступор — встречается уже только с подросткового возраста...

Иван решительно содрал с головы наушники:

— Бля, сначала в мэрии «грузили», потом на митинге, а теперь и вы туда же!.. Дедушка, наш зритель знает только три слова, и все они — матерные! — кричал он, потряхивая в такт словам сальной косичкой. — Пожалуйста, будьте попроще, и люди к вам потянутся,— сказал Иван, снова нацепляя наушники.

Психиатр нахмурил кустистые брови и, усмехнувшись, возразил в камеру:

— Если вы будете проще, к вам потянутся те, кто попроще. Что касается состояния детей, то они пережили тяжелую психическую травму и сейчас нуждаются в особом внимании и человеческом отношении.

— Отлично! Снято! — кивнул оператор и нацелился объективом на меня: — Давай теперь ты, только по делу. Что за проблема, как решить и все такое.

Я показал ему на выход:

— Не здесь. Дети же услышат.

Дети действительно поутихли и столпились в проходе перед камерой, пытаясь потрогать ее или хотя бы оператора.

Я вышел первым и встал возле автобуса. Иван выбрался следом, отошел на пару шагов, насколько позволяли толпившиеся вокруг горожане, и крикнул:

— Давай!

— Уважаемые телезрители! — начал я в полный голос, злобно зыркая по сторонам.— Мы находимся в некогда славном городе Кашира. С нами тридцать пять маленьких детей, чудом уцелевших после нападения мародеров на автобус, который перевозил их из пионерского лагеря домой, в Москву. К сожалению, мы, представители охранной фирмы «Ист Пойнт», вынуждены ехать дальше, поскольку обязаны выполнить важное государственное задание. Но в некогда славном городе Кашира перевелись приличные люди и остались одни жлобы. Их вы и видите вокруг. Эти жлобы всерьез считают, что дети москвичей не заслуживают сочувствия и помощи. Так что придется нам ехать на свое опасное задание с целым автобусом детишек. Пожелайте нам удачи — она нам всем очень пригодится...

— Нормально все сказал, только название фирмы придется вырезать,— отозвался Иван, снимая камеру с плеча, но его слова заглушили сразу несколько возмущенных выкриков из толпы:

— Ты чё сказал, козел?!

— Падла, за базар ответишь!

— Москали вообще оборзели — позорят нас на весь свет и не шугаются!

Кричали в основном молодые люди гопницкого вида, но, к моему удивлению, нечто похожее выкрикнула и пожилая женщина в строгом темном платке на голове, и немолодой мужик в хорошо отглаженном костюме, и даже девочка лет пятнадцати рядом с ним.

— Лучше бы вам валить отсюда,— посоветовал Иван, и я кивнул, хмуро оглядывая возбужденную толпу. Впрочем, этих людей я не боялся — они были безоружны. При желании я уложил бы их всех на асфальт за пару минут.

Но эти люди были мне крайне неприятны — настолько, что я с трудом удерживался от желания смазать здоровой рукой по парочке ближайших физиономий.

Видимо, мои намерения слишком хорошо читались на лице — толпа чуть осадила назад и приутихла — никто не смотрел мне в глаза, все отворачивали свои мерзкие рыла, и я просто плюнул в их сторону и тоже отвернулся.

Иван достал свою трубку и сказал:

— Дай свой мобильник. Если будут новости, сообщу...

Я продиктовал ему по памяти пару номеров, свой и Палыча, пожал на прощание руку и вернулся к автобусу:

— Уезжаем отсюда.

— Детям надо поесть, помыться и оправиться! И поспать наконец по-человечески, в кроватях! — возмутился Олег Меерович.

— Все будет, но чуть позже,— успокоил я и пошел к «форду», намеренно толкая здоровым плечом всех, кто не успевал отпрыгнуть в сторону. Люди ворчали, но послушно расступались, и мне стало совсем тошно смотреть на них. Это были не просто жлобы, это были трусливые жлобы.

Я уселся в кабину рядом с Валерой и развел руками:

— Ты все слышал?

Валера кивнул, кисло глядя по сторонам, а потом завел мотор и стал осторожно сдавать назад. Палыч на «Икарусе» делал то же самое, выбираясь из толпы, которая вдруг начала с нарастающим остервенением улюлюкать нам вслед, как будто одержала победу над извечным и злобным противником.

Мне не понравилась эта реакция. В том числе и потому, что, заводя саму себя, толпа способна совершить немыслимые гнусности. Перегнувшись назад, я взял в руки помпу и выставил ствол в окно.

Шум вокруг начал затихать, по мере того как машина сдавала назад, и помпу стало видеть все большее число людей.

У самого выезда с площади нас провожали уже гробовым молчанием, и я опять еле подавил очередной нерациональный импульс — снять на прощание мэра прямо на глазах у его пижонской, но такой бессмысленной охраны. Впрочем, расстояние для помпы было уже слишком велико.

Мы выбрались на проспект, и там «форд» снова встал во главе нашей маленькой колонны, обогнав «Икарус».

— Куда? — спросил меня Валера, впрочем, все равно разгоняясь по дороге так быстро, как позволяла ситуация.

Я расстегнул поясную сумку и достал записную книжку. У меня там вклеены сотни таблиц, карт и прочей лабуды — привычка таскать шпаргалки на все случаи жизни осталась еще со студенческих времен.

Карта России в книжке тоже, разумеется, нашлась, и, если ей верить, километров через сто по трассе нас ждал некий город Михайлов, про который лично мне не было ничего известно — ни хорошего, ни плохого.

Я прикинул, сколько мы сделали поворотов, пока добирались до площади, но так и не смог твердо выбрать направление на юг.

— Ну? — спросил Валера, притормозив на перекрестке.

— Нам на юг надо. Ты как, ориентируешься?

— Чему тебя только в Политехе учили! — с готовностью разорался Васильев, метнув быстрый взгляд на часы, а потом на солнце.— Юг там! — уверенно показал он и повернул «форд» в указанном направлении.

Я обернулся посмотреть, как там Палыч.

Там все было в порядке — «Икарус», бликуя на солнце табличкой «Внимание — дети!», ехал за нами, деловито чадя иссиня-черным выхлопом. Кстати, о выхлопах — нам же солярка будет нужна. В нашем «форде» два бака, там надолго хватит, а вот в автобусе наверняка уже пусто.

— Заправиться бы им в дорогу как следует,— угадал мои мысли Валера.— Что там дальше будет, один Ктулху знает.

Мы проехали несколько кварталов совершенно одинаковых серых панельных многоэтажек, и вдруг Валера показал налево:

— Смотри, детский сад!

Действительно, в створе между двумя жилыми домами виднелось типовое двухэтажное здание детского садика.

Мы свернули туда, и «Икарус», после некоторой заминки, тоже.

Ворота садика были открыты, и мы въехали во двор, медленно проезжая вдоль голубого фасада, раскрашенного розовыми хрюшками и белыми ромашками.

Привычным движением я приладил помпу под мышкой, накинул сверху куртку и вышел из машины. Валера тоже вышел и тут же закурил, устало прислонившись затылком к теплой кабине броневичка.

Дверь с фасада была заперта, и я пошел вокруг, всматриваясь в окна — если что, можно будет аккуратно просто вынести одно из них, а потом забить фанерой.

С обратной стороны двери и окна садика были не просто закрыты, а еще и заколочены толстенными, сантиметров в пять, досками.

Я вернулся к машинам. Палыч открыл двери автобуса, и ребятня вприпрыжку выскакивала из опостылевшей машины на асфальт и дальше, во двор, с радостным визгом комментируя все, что попадалось на пути:

— Детский садик!

— Качели!!

— Горка!!!

Последним вышел Олег Меерович. Он закурил папиросу и одобрительно мне улыбнулся:

— Молодцы какие, садик нашли! А там,— он показал на садик,— согласились принять еще три десятка детей?

— Сейчас спросим,— пожал я плечами и пошел к Валере за монтировкой.

Я успел вскрыть первую дверь, войти в тамбур и приглядеться ко второй, когда эта дверь вдруг открылась, и я увидел ствол автомата, нацеленный мне в живот.

В полумраке закрытого помещения не видно было лица, но фигура автоматчика вызывала уважение своими габаритами — мне было до него далеко.

— Что встал? Руки вверх, быстро! — раздался неожиданно тонкий, даже писклявый голос.

Я сделал испуганное лицо, и Чужой у меня в башке недобро усмехнулся, разворачиваясь в боевой порядок.

Я сделал шаг назад, и автоматчик невольно шагнул за мной, оказавшись в тамбуре. Тогда я поднырнул под его руку с автоматом, отводя его ствол своей помпой, вынутой из-за пазухи уже даже не мышечным, а каким-то мысленным усилием.

После этого акробатического этюда мужик смотрел моей помпе прямо в дуло, а вот его автомат стыдливо смотрел в сторону.

— У меня за спиной еще целый взвод отморозков,— сказал я.— Может, не будем друг другу грубить без повода?

— Не будем,— легко согласился он, опустил автомат к полу, и я тут же опустил свою помпу.

— Ты кто? — спросил я вполне уже миролюбиво.

— Я Гришаня, из «коломенских»,— услышал я ответ.

— Ты один?

— Тебе меня мало?!

— А где персонал этого заведения?

— Чего?

— Где тетки из садика? — сформулировал я вопрос проще.

— А-а. Ну, главная тут была, так она с Захаром договорилась, что мы пока здесь обоснуемся, чтоб не разобрали домик, значит, местные. Склад тут теперь у нас.

— А дети?

Он пожал огромными плечами.

— Детей я тут давно не видел. Разобрали по домам, наверное,— сказал он равнодушно.

Я мягко тронул его за плечо и потянул к выходу:

— Пойдем, покажу.

— Чего? — удивился он, но пошел следом.

Дети уже разбились на группы и играли по всему двору в свои незамысловатые, но очень шумные и подвижные игры.

— О-о-о,— сказал мой новый знакомец, изумленно осматриваясь.— Так ты меня этими отморозками пугал? Это да, это песец! — повернул он ко мне огромное веснушчатое лицо и улыбнулся.

Я очень рассчитывал на эту человеческую реакцию.

Из автобуса вылез Палыч и медленно пошел к нам, с откровенным неудовольствием глядя на громилу с автоматом.

— Ну что тут у вас? — спросил Палыч, глядя исключительно на меня.

— Знакомься, это Гриша,— представил я.— Он член коломенской преступной группировки. У них тут склад награбленного, как я понимаю.

— Не-е, мы по мелочи не мародерничаем,— обиделся Гриша, нервно дернув автоматом.— Здесь у нас спирт хранится, с Корыстовского завода. Они нам тридцать тыщ бутылок должны были, вот мы и забрали. А хранить негде. Ну, и нашли местечко.

— Здорово,— зевнул Палыч, демонстративно разглядывая розовых хрюшек на фасаде.

Я понял, что договариваться придется мне — судя по настроению Палыча, он годился сейчас только на то, чтобы убивать, а мне это занятие уже изрядно поднадоело.

— Гриша,— начал я проникновенно, указывая на ребятню вокруг,— нам нужно здесь переночевать, привести детей в порядок, покормить их и все такое... Ты ведь не будешь возражать?

Гриша недоуменно посмотрел на детей и спросил, подняв брови:

— Где ночевать? В доме, что ли? В доме нельзя. Во дворе — ладно, до утра оставайтесь. А внутри нельзя. Я же сказал: спирт там у нас.

Я медленно выдохнул через нос и предпринял еще одну попытку:

— Гриша, ночи уже холодные. Детям надо поспать в теплых постелях. Автобус их уже утомил. Помыться им надо. В туалет по-нормальному сходить...

Гриша тяжело вздохнул и снова покачал головой:

— Нельзя, говорю же. Спирт там у нас! — и пошел к дверям, давая понять, что разговор окончен.

Впрочем, дойти до дверей он не успел, а успел он негромко охнуть и мягко осесть на крыльце, уронив автомат на и без того растрескавшуюся плитку.

Я с непонятной для себя грустью посмотрел на аккуратную дырку в бритом Гришином затылке, из которой тут же начала сочиться кровь, а потом повернулся к Палычу за разъяснениями.

Так и есть, Игорь держал в ладони малюсенький, словно игрушечный, пистолет ПСМ с глушителем — такие штучки я в свое время видел у ребят из Седьмого управления.

— Устал я... — Палыч снова глядел пустыми глазами на розовых хрюшек.— Устал я спорить с каждым говном! — добавил он раздраженно и пошел к упавшему телу.

Я осмотрелся по сторонам, но дети пока ничего не заметили, зато заметил Васильев, вставший в напряженной позе за капотом «форда» с пистолетом в руках.

Вместе с Палычем мы потащили тело громилы внутрь, кряхтя от натуги — здоровый оказался кабан, килограммов под сто двадцать, не меньше.

Внутри помещение оказалось заставлено штабелями картонных ящиков — ящики стояли вдоль каждой стены, оставляя для прохода совсем немного места. Во всяком случае, тело убиенного мы протащили с огромным трудом.

Я сходил на разведку на второй этаж и обнаружил, что там в отличие от первого этажа сохранился полный порядок — видимо, таскать спирт на второй этаж новым хозяевам было лень.

Я быстро пробежал по всему этажу, отметив две палаты с заправленными детскими кроватками, кухню и даже душевую.

— Порядок! — доложил я Палычу.— На втором есть все, что нам надо!

Игорь устало вытер пот со лба и ответил совсем не-впопад:

— В следующий раз буду стрелять уродов только у могилы. Такая туша, блин. Я, похоже, спину потянул...

Я сделал еще один быстрый обход, теперь уже первого этажа, убедился, что Гриша и впрямь тут сидел один-одинешенек, и заодно нашел нечто вроде дворницкой, где лежали метлы, фанерные лопаты и прочий хлам.

Туда мы тащили проклятое тело еще минут тридцать, вполне осознавая, что надо спешить — ведь дети могли в любой момент сунуть свои любопытные мордашки в столь привычное и родное для них типовое здание детского садика.

Усадив покойника в углу кладовки, я перетащил туда несколько ящиков спирта из коридора — во-первых, расширил проход на второй этаж, а во-вторых, хоть как-то прикрыл несомненное безобразие.

А Палыч тем временем прогулялся по дому и, судя по доносящимся до меня звукам, нашел наконец туалет и вожделенную раковину с водой. Теперь раньше чем через полчаса он оттуда не выберется. Такую истерику простой помывкой рук не успокоишь — ему сейчас впору с головой в раковину засунуться...

Я вышел во двор, и меня тут же окликнул Валера, уже без пистолета в руках, но все равно встревоженный донельзя:

— Ну, что там у вас, Тошка?

Я отвел его в сторону от совершенно распоясавшейся малышни и в двух словах рассказал последние новости.

К моему немалому удивлению, Валера без колебаний одобрил убийство Гриши:

— Палыч все правильно сделал. Ты бы еще полночи этого урода уговаривал, а ночью он бы своих вызвал, и тогда бы уже мы дырки у себя в черепах конопатили...

Я пожал плечами. Своего мнения у меня на этот счет не было, а Чужой озадаченно молчал, еле заметно пульсируя где-то в самой глубине моего подсознания.

Деду решили ничего не говорить — какая ему разница, на каких условиях мы арендовали этот дом?..

Зато Олег Меерович очень обрадовался, узнав, что весь второй этаж остался неприкосновенным, и тут же принялся раздавать команды старшим детям, безропотно принявшим на себя обязанности воспитателей и нянечек для малышни:

— Саша и Паша! Ведите своих за дядей Антоном! Ксюша и Лена — тоже соберите свою группу и быстро на второй этаж. Будем мыться, кушать горячее и спать в кроватках!

— Ура! Кушать горячее! Спать в кроватках! — раздались со всех сторон жизнерадостные вопли, и дети забегали по двору с удвоенной скоростью, хохоча и повизгивая, когда их все-таки отлавливали и тащили в дом.

Глава восемнадцатая

За весь этот вечер никому из нас не удалось и минуты посидеть спокойно — процесс помывки, а потом еще и кормления трех с лишним десятков детей совершенно подорвал наши силы. Наверху нашелся небольшой запас каш и сухого молока, а внизу, в гнезде Гришани, мы нашли два ящика тушенки, так

что процесс приготовления ужина был прост, но вот сама процедура кормления оказалась совершенно изматывающим аттракционом, после которого, кстати, детей снова пришлось отмывать...

Малышня успокоилась и затихла в кроватях только часам к десяти, и только тогда мы смогли спуститься вниз и немного расслабиться, устроившись в расчищенном от ящиков холле, где обнаружился телевизор, два дивана, кофеварка и даже микроволновая печь.

Мы разделили сутки на четырехчасовые дежурства, бросили жребий, и первым дежурить выпало Палычу. Он стоически принял этот удар судьбы, забрал чашку горячего кофе и вышел во двор, на прощание попросив не сжирать все запасы каких-то необыкновенно вкусных галет, обнаруженных нами в Гришиных кладовых.

Еще мы нашли Гришин сотовый телефон, и Палыч забрал его себе, резонно предположив, что подельники покойника наверняка позвонят, прежде чем явятся сюда.

Васильев уселся перед телевизором со стаканом водки и папиросой. Блаженно щурясь, он щелкал каналами, которых здесь было удивительное множество — видимо, хорошая антенна.

Олег Меерович устроился возле книжного шкафчика и увлеченно рылся в какой-то сугубо специальной медицинской литературе, изредка похрустывая галетами, которые он запивал чаем из огромной литровой кружки, найденной тут же.

Я сидел на диване с чашкой кофе и раздумывал, не прилечь ли мне — меня слегка знобило.

— О! — сказал вдруг наш психиатр и задумчиво посмотрел на меня: — Скажите, Антон, а у вас плечо не зудит?

Я прислушался к своим ощущениям и немедленно признал, что таки да, зудит немного.

— Тут пишут, что в случае глубоких поражений мягких тканей, помимо наружной стерилизации, больному обязательно следует принять антибиотики. Иначе у вас разовьется гангрена,— торжественно объявил Олег Меерович и с профессиональным интересом взглянул на меня. Типа, не лезет ли уже из моего плеча наружу гангрена.

Я судорожно сглотнул свой кофе, отставил чашку в сторону и снял куртку.

Бинты потеряли былую белизну, превратившись в серую растрепанную тряпку, а кожа вокруг действительно была угрожающе красной.

Психиатр подошел поближе и стал пристально рассматривать мое плечо, сверяясь с описанием симптомов в своей книжке.

— В общем и целом похоже,— констатировал он.

— Похоже на что? — спросил я, заранее обмирая от жалости к себе.

— На развитие гангрены, разумеется,— пожал плечами Олег Меерович.— Но вы не пугайтесь, я нашел на втором этаже огромное количество самых разных антибиотиков.

Дед выгрузил из кармана брюк на стол несколько пузырьков.

— Правда, они все немного просрочены, но это несущественно. Валера, вы мне поможете?

— Конечно,— плотоядно улыбнулся Васильев и тут же встал на ноги, показав психиатру штык-нож: — Где резать будем?

— Резать? Резать будем здесь.

Олег Меерович показал на мои грязные бинты, а сам начал возиться с пузырьками, срывая с них крышки и наливая туда кипяток из кофейника.

Валера разрезал грязные бинты, и я отвернулся в сторону, не желая смотреть на то, что было под ними.

Тем временем психиатр управился со своими склянками и тоже подошел ко мне:

— Вы, Антон, действительно лучше глаза закройте и поспите. А мы пока прочистим рану, как рекомендуют в этом учебнике, обработаем ее антибиотиками, укольчик сделаем. Верно, камрад Валера?

Чьи-то руки принялись осторожно отдирать присохшие бинты, и я услышал первый комментарий Васильева:

— Не выбрасывайте! Это нужно сохранить для патологоанатомического исследования.

— Э-э, коллега, а наш пациент никому не завещал свои органы? — бодро подхватил психиатр.— Здоровая почка стоит на черном рынке двадцать тысяч. А у него их две! Как вы думаете, он заметит пропажу?

— Можно вынуть по-тихому, пока он спит...

Наконец бинты оторвали, но я не почувствовал той боли, которую испытал, когда с меня вчера срывали футболку. Неужели и впрямь началось омертвение тканей?

Я осторожно приоткрыл один глаз и покосился налево, но там суетились сразу четыре руки, смазывая рану каким-то гелеобразным составом из стеклянных баночек. Я тут же разочарованно отвернулся, но Васильев таки заметил мои движения.

— Ух ты, ни хрена себе! У вас, случайно, нет с собой фотоаппарата? — громко поинтересовался Валерка, и я, разумеется, широко раскрыл глаза и завертел головой, пытаясь увидеть, что же такого страшного случилось с моим плечом.

— Проклятье, из учебника вырвана страница! Как раз на самом нужном месте! — огорченно воскликнул Олег Меерович.

Тут я понял, что они просто издеваются, и решил больше не давать этим упырям повода для подначек.

Я демонстративно прикрыл глаза и стал думать о том, как сейчас классно проводят время Ленка с Лизкой. На Лазурном берегу сейчас самый высокий сезон, поэтому осталась только приличная публика. Деньги у них теперь есть, спасибо столичному клерку и межбанковской системе переводов, так что проблем не должно быть никаких. Купаются девушки, наверное, по пять раз в день, ананасы рябчиками заедают. Только вот новости по телевизору должны здорово портить им настроение. Ну так для решения этой проблемы есть телефон, жаль только, не везде сейчас мобильники устойчиво работают...

Олег Меерович сделал мне укол прямо в плечо, а потом они с Валерой долго спорили, как правильно бинтовать мою рану. В конце концов они решили забинтовать меня дважды, причем из выбора очередности эти клоуны устроили

целое шоу, трижды сыграв вничью в камень-ножницы-бумага, пока не победил Васильев. Он первый и забинтовал меня, ограничившись только зоной поражения.

Олег Меерович бинтовал вторым номером, и свои бинты он пустил через все мое туловище, утверждая, что так повязка будет держаться много надежнее — якобы ему об этом рассказывали на каких-то курсах повышения квалификации тридцать лет назад.

Мне было уже все равно — они оба успели мне надоесть, и я тихо радовался, что не получил ранения в голову или, скажем, в задницу. Представляю, как бы они тогда на мне оторвались! Лучше, наверное, сразу помереть от потери крови...

Перевязанный, я им стал совершенно неинтересен, и Валера включил телевизор погромче, усевшись с дедом на соседний диван.

Судя по тому, что я пару раз видел на экране карманного телевизора, новостные выпуски стали редким явлением на всех без исключения каналах. По большей части транслировали концерты или ток-шоу, а странные, а иногда откровенно безумные прямые включения из региональных студий никакой ясности добавляли.

Сейчас по национальному телеканалу как раз транслировалось подобное включение из региональной студии «РТР-Кубань», и мы все насторожились, потому что ситуация на юге в последний месяц была для обывателя загадкой номер один. А ведь нам туда ехать.

— Мы ведем свой репортаж из Краснодарской студии. У нас в гостях лидер движения «Единая Кубань» Трофим Федотов, который от своего имени и от имени всего движения хотел бы поздравить кубанцев с Днем независимости Кубани! — улыбнулась ведущая и прямо в кадре нацепила на себя грандиозных размеров кокошник. В сочетании с микроскопическим бюстгальтером, нацепленным на ее огромную, мясистую грудь, этот жест выглядел жесткой пародией или прямым заимствованием из какой-то отважной лубочной порнухи времен ранней перестройки.

Впрочем, затем в кадре появился черноволосый усатый субъект в костюме и даже при галстуке. Заметно нервничая, он начал читать в камеру текст по бумажке. С каким-то непостижимым, фантастическим чутьем номенклатурный чиновник сглатывал самые важные, информационно существенные слова, и поэтому его речь воспринималась как бред сумасшедшего:

— Дорогие хрнмырнцы! В последнее время нам с вами жилось ойкнрыкнвл, а потому непросто. Усугубились хррknл, к ним добавились фырркнл и хныррknл, мы пережили мырр, пырр, и даже кнырр. Все это повлияло на настроения людей. Поэтому справедливо звучит вопрос: «Что будет с хрнмрн?» Несмотря на гррнкл, нам удавалось смягчить удары тырркнл. Принятые мырмркнл адекватные бырбркнл позволили удержать хырркнл в приемлемом диапазоне. Сегодня регион обеспечен гнрнымркнл, картофелем и овощами. Уже начала осуществляться программа тырrмнбл, выплачиваются пынвблклры, стабилизируется обстановка в грнбнрте. Это будет проводиться наряду с беспощадной борьбой с хрынрврknл, гркнвнкркнл и проституцией. Конечно, эта кгрнкл не обходится без отдельных ндкыркл. Но демократия вовсе не

означает блднырknл, как понимают некоторые хрнknлл, построившие себе виллы в лнднпknл на народные деньги! Мы и дальше будем хрнkмылknл, бзвпрскнл и трнkллв, несмотря на клнвkрл и даже ПАСЕ.

У нашего многонационального дрнklвнп есть огромный хрнпвкл и духовный брпрдвкл, и он неисчерпаем! Мы должны создать...

Валера стряхнул с себя гипнотическое оцепенение телеэкрана и тут же переключил канал, ошарашенно оглядываясь по сторонам.

— Они там теперь что, траву прямо в студии курят? — спросил он у Олега Мееровича, но тот только махнул рукой:

— Какая трава, молодой человек!.. Это у > типичный психопатоподобный синдром, характерный для вялотекущей шизофрении. Патологическое увлечение сверхценной идеей спасения региона на фоне нулевого критического восприятия приводит к...

— Все понял,— быстро отозвался Валера, и психиатр обиженно умолк, вызывающе шумно выпуская дым папиросы прямо в экран.

А вот на Первом канале показывали мультфильмы. Что интересно, время было уже недетское, почти полночь. Впрочем, и мультик тоже был тот еще, «Ежик в тумане».

Валера посмотрел недолго на ежика, потом хмыкнул и, явно подлизываясь к Олегу Мееровичу, сказал:

— Анекдот есть про этот мультик. Звучит так: «Мама, мама, я ходил к пруду за сладкой осокой! Но там сидит кто-то страшный, я его боюсь!» — «Во-первых, я не мама, а лейтенант милиции Иванов, а во-вторых, про траву давайте поподробнее». Или это про енота было... Но вообще странный какой-то этот мультик, верно? Недетский он.

Психиатр покосился на Валеру и осторожно ответил:

— Если хотите, могу все быстро объяснить. Но при условии, что не будете перебивать. Нам на курсах повышения квалификации про это дело отдельную лекцию читали.

Валера кивнул, и Олег Меерович принялся объяснять, тыча папиросой в экран:

— Этот мультфильм является визуальным изложением образов социологии трансграничности. Судите сами — композиция сказки построена на пространственном перемещении главного героя вдоль границы двух миров, реального и потустороннего. Ежик отправляется в путь в сумерках, в период перехода от дневного света к ночной тьме. Так?

Валера сумрачно посмотрел на психиатра, но ничего не сказал, и дед обрадованно продолжил:

— Самое главное существо, ради которого ежик спускается в туман,— лошадь. Она, кстати, белой масти, что сразу переводит ее в систему образов загробного мира. При этом не только в религии, но и в сказках лошадь представляется заупокойным животным. Помните, лошади вечно перевозят покойников из Царства живых в Царство мертвых? Так что стремление ежика узнать, что происходит с лошадью, можно оценивать как интерес к явлениям потустороннего мира, а само путешествие — это путь познания, проходящий через границу двух миров.

Тут даже я открыл рот и вытаращил глаза:.

— Вы же вроде трезвый, Олег Меерович!

Психиатр недовольно покосился на меня и продолжил тусклым лекторским тоном, тыча погасшей папиросой в экран:

— Обратите внимание — ежик встречает дерево, дуб. Это ведь тоже символ, причем еще какой!.. Это яркий образ Мирового Древа, которое топографически проходит сквозь границы трех миров — хтонического, земного и небесного, являя собой структуру Всеобщего Космоса.

— «Хтонического»? Ежик? Это жесть, это я запомню,— потрясенно отозвался Васильев, лихорадочно закуривая папиросу и теперь уже не отводя изумленных глаз от мультфильма.

— Дальше — сложнее,— предупредил Олег Меерович.— Смотрите.— Он снова показал на экран.— Величие дуба так потрясает ежика, что он теряет узелок с малиновым вареньем — волшебный предмет, символизирующий связь героя с реальным миром. Ведь варенье он нес для медвежонка — персонажа реального мира!

Я смотрел то на экран, то на деда и никак не мог понять, шутит он или говорит все это всерьез. Его слова были такими значительными и так легко укладывались в мультипликационный контекст, что с трудом верилось в мистификацию. С другой стороны, мы ведь таращились в типичный детский мультик, который вовсе не нуждался в символических трактовках со стороны дипломированных психиатров.

— Целью путешествия ежика была встреча с медвежонком,— продолжил лекцию Олег Меерович.— Видите, эти звери вместе считают звезды, а звезды — это символ верхнего мира в архаической мифологии! — распаляясь, торжествующе закричал психиатр, и мы с Валерой с одинаковой тревогой посмотрели на него.

— В этом действии виден мотив познания и одновременно подтверждение другого сакрального знания — о бессмертии. А вот и подтверждение — они жгут можжевеловые веточки! Это же символика смерти!..

— Да-а-а,— переглянулись мы с Валерой, и Олег Меерович тут же обиженно замолк.

— Потом будет тема рыбы как эквивалента нижнего мира, но об этом, я вижу, вам уже неинтересно слушать,— закончил психиатр и поднялся.— Ладно, пойду послушаю, как детишки спят.

Тяжело ступая, Олег Меерович побрел по темному коридору, и некоторое время мы прислушивались, как он там натыкается в потемках на коробки и тихо, интеллигентно ругается, а потом Валера показал мне на титры, которые пошли по экрану:

— Как ты думаешь, авторы мультика о такой трактовке слышали? Или дед сейчас просто прикалывался над нами?

Я искренне пожал плечами:

— Хрен их поймешь, психиатров. Разве ж это люди? Ну, в нашей, архаичной мифологии.

Валера понятливо хрюкнул и снова переключил канал, небрежно оборонив:

— В моей архаичной мифологии ты, кстати, типичный хтонический дятел. Кстати, не знаешь, что такое «хтонический»? По-моему, на физмехе такими словами публично не ругались...

Я открыл было рот, чтобы обозвать Валеру сакральным енотом, но вдруг увидел на экране телевизора себя и ткнул туда пальцем.

Васильев прибавил звук, и мы услышали захлебывающийся от восторга комментарий ведущего:

— ...воплощает народное движение «Восточные медведи», или «Гризли», как их еще называют. По нашей информации, участники этого движения были замечены также и в Москве, где недавно разогнали банду мошенников, несколько лет терроризирующих целые микрорайоны в районе Волоколамского шоссе...

В качестве иллюстрации на экране пошло черно-белое видео, снятое явно камерами наружного наблюдения.

Мы с Валерой с интересом поглазели, как выглядел со стороны акт воспитания барсеточников, а я в очередной раз убедился, что в Москве шагу нельзя ступить, чтобы не попасть в объектив.

Потом показали наш «Икарус» и детей, азартно прыгающих на сиденьях, после чего пошли длинные, скучные панорамы каширского митинга и любопытный закадровый текст:

— Рабочие трех местных заводов — ОАО «Гофрон», Каширского завода металлоконструкций и литейного завода «Центролит» — возродили народные дружины, которые смогли успешно противостоять бандам экстремистов и мародеров, действующих по всему Подмосковью. На митинге рабочие тепло приветствовали лидера движения «Восточных медведей» Антона Пожарского, а «гризли», в свою очередь, передали местным властям автобус с детьми, который они буквально вчера отбили у Лыткаринской банды. Заметим, что люди по всей стране рассказывают о подвигах лидеров движения «Восточных медведей», а жест, которым участники приветствуют друг друга, стал уже нарицательным среди тех, кто не хочет мириться с произволом бандитов и экстремистов...

Тут снова показали меня, уже на «хаммере», с мегафоном в левой руке, и я в замедленном повторе увидел свой правый кулак, прижатый к виску. Припоминаю, что я вообще-то, вытирал пот, сжимая в кулаке носовой платок, но ведь телевизионным репортерам совершенно неважно, что в реальности демонстрируется, даже на их собственном видео,— в тысячу раз важнее, что скажет на озвучке главный медийный жрец, он же телеведущий.

Сюжет завершили панорамой по нашему «форду», отдельно останавливаясь на каждой оскаленной медвежьей морде. Фамилии Сыроежкин в финале я не услышал, так что было ясно, что, получив или стибрив видео без авторского комментария, местные телевизионщики просто домыслили картинку собственными рассуждениями, как это происходит на ТВ сплошь и рядом.

Тут же, без перерыва на рекламу, началось какое-то реалити-шоу, в котором полуголые молодые люди с отчетливо видимыми эрегированными членами рыли грандиозную землянку сразу на двенадцать нар, и Валера разочарованно переключил канал, завидев опостылевшую телевизионную сутенершу.

— Как, значит, «Восточные медведи» друг друга приветствуют, вот так?..— Васильев дурашливо приложил правый кулак к виску.

— Палец указательный выпрями и прокрути три раза,— посоветовал я, вставая.

Я подумал, что давно не видел нашего психиатра, кроме того, мне стало интересно, как там поживают дети.

Я прошел по темному коридору, задевая плечами штабеля коробок, но уже на лестнице стало свободно, а в коридоре второго этажа мягко светил ночник, сооруженный из настольной лампы и оконной портьеры.

Возле лампы сидел в кресле Олег Меерович и безмятежно спал, изредка шевеля мохнатыми бровями и довольно музыкально похрапывая.

Я прошел по коридору вдоль обеих спален и сквозь распахнутые двери осторожно взглянул на детей.

Ребята тоже все спали, причем по-настоящему, без стонов, вращений и прочей суеты. Они только шумно дышали — шумно, но ровно и глубоко, и сам вид этих успокоившихся наконец детишек заставил меня расправить плечи и тоже глубоко вдохнуть.

Я пошел назад, показав на прощание спящим детям сжатый возле виска правый кулак, и сам себе улыбнулся. «Восточные медведи»? Да хоть западные ежики! Все будет нормально. Лично у меня в этом нет никаких сомнений. Я просто убью каждого, кто будет сознательно мешать или бессознательно путаться у нас под ногами.

В моей архаичной мифологии сейчас работает только один архетип — помповое ружье. И пока я в состоянии передергивать его затвор, моя мифология будет первичной, опережая и бытие, и сознание первобытных ублюдков, так неожиданно и подло захвативших мою страну.

Чужой тут же согласно откликнулся, едва заметно шевельнувшись у меня в подкорке, и я действительно поверил, что все будет хорошо.

Глава девятнадцатая

В каширском садике мы провели еще сутки — уехать сразу, на следующий день, не удалось, потому что половина детей, в основном малыши, с утра наперебой принялись жаловаться на больные животики и страдали жесточайшим поносом до самого вечера.

Этот день стал одним из самых запоминающихся в моей жизни — еще и потому, что брезгливый до обморока Палыч категорически отказался от исполнения общественной повинности в виде стирки десятков загаженных детьми простыней, и мы с ним поссорились — глупо, шумно и скандально.

В результате Палыч позорно бежал из садика на «форде», объявив во всеуслышание, что отправляется на поиски солярки для «Икаруса».

Днем мы с Олегом Мееровичем провели ревизию съестных припасов, но так и не нашли ничего подозрительного. Дед объявил, что речь идет о «психо-

соматическом расстройстве на фоне бурного стресса». Впрочем, лечили мы детей все равно не психиатрическими лекциями, а банальным бисептолом, и это лекарство, в отличие от лекций, действительно помогло.

Аккурат к финалу поносной эпидемии, когда вялые и бледные дети уныло лежали в кроватках, отказываясь погружаться в дневной сон и требуя от дяди Антона очередной сказки, вдруг ожил мой мобильный телефон.

— Привет, родное сердце! Наконец-то ты в зоне приема! — обрадовалась Ленка и тут выложила на меня ворох своих французских новостей: — Лизка в порядке, лопает фрукты, купается и знает уже больше французских слов, чем я русских... На всех местных курортах введен комендантский час, потому что ночные грабежи магазинов стали все-таки массовым явлением... Туристов мародеры пока не трогают, но некоторая нервозность в отеле ощущается, особенно по ночам...

Деньги Ленка получила, но сумма в десять тысяч евро кажется ей подозрительно огромной, даже с учетом того, что половина денег принадлежит Палычу.

— Ты там что, убил кого-то? — спросила жена, и я чуть было не ответил, что да, действительно убил, и даже не раз и не два.

Кстати, а сколько народу мы успели убить за последние дни, вдруг призадумался я, но меня оторвали от этих размышлений жалобы близнецов Саши и Паши — они, как большие, хотели устроиться на унитазах, а не на горшках, но все семь унитазов туалета опять были заняты девочками.

Пока я сгонял заболтавшихся девиц с унитазов, восстановив справедливость в отношении нетерпеливо переминавшихся рядом со мной пацанов, Ленка потрясенно помалкивала, видимо, прислушиваясь к нашей возне, но потом все-таки спросила:

— Ты чем там занимаешься, Тошка? Ты где вообще?..

— Не поверишь, в детском саду! — отозвался я, но она, разумеется, не поверила.

— Я же слышу какие-то блядские голоса! Ты в борделе, что ли?! — возмущенно заголосила она, и я подумал, что никогда еще Ленка не была так далека от истины в своих предположениях.

— Лен, я тебе потом все подробно доложу.

Я выключил трубку, не дожидаясь возражений.

Меньше всего мне хотелось повторять утреннее шоу с нервными выкриками и гневными обвинениями — дети могут решить, что я типичный скандалист, а мне не хотелось так низко падать в их чистых и светлых глазах.

Впрочем, рядом стоял все понимающий Олег Меерович. Он медленно пожевал воздух огромными, как у негра, губами и с фальшивым сочувствием спросил:

— Женщина не верит? Это бывает. Они ведь и сами такие непредсказуемые существа. Женщина — это такая загадочная «вещь в себе», которая в любой момент может из себя выйти,— подытожил он, явно гордясь собой.

Я пожал плечами, бросая нетерпеливый взгляд в туалет, откуда все никак не могли выйти теперь уже мальчики. За ними следовало обязательно и тщательно все смыть и еще вымыть им попы и руки, чтобы кишечная инфекция, если это была кишечная инфекция, не распространялась бы снова по своему извечному циклу рот—попа—руки—рот.

Заметив, что деваться мне некуда, Олег Меерович с мягкой улыбкой встал напротив и начал рассказывать очередную историю из своей бурной молодости:

— Помню, в пятьдесят восьмом году, зимой, приезжаем мы с ребятами из Мединститута в санаторий под Кубинкой. Нам студенческий профком тогда бесплатных путевок на всю группу выделил. А в санатории уже живут девчонки из другого института. Ну, мы с ними, конечно, хотим познакомиться, а как? Вышли на улицу, там снега по колено. Придумали — кричим девчонкам: давайте, мол, в снежки поиграем! А те легко так соглашаются. Ну, мы свою крепость быстро построили, пошли в атаку, и тут такое началось!.. Потом оказалось, что девушки учатся в Спортивном институте на отделении гандбола. Поэтому они, во-первых, никогда не промахиваются, а во-вторых, когда в тебя попадают, делают тебе верный нокдаун. Впрочем,— печально добавил психиатр, яростно пожевав губами,— тогда случались даже нокауты.

Тут, очень вовремя, закончили свои дела близнецы и примкнувшие к ним товарищи по несчастью, и мы, вместе с дедом и Валерой, приступили к исполнению обязанностей санитаров сумасшедшего дома, переживающего эпидемию дизентерии.

Только три часа спустя, примерно к вечернему файв о'клоку, дети все-таки успокоились, а многие даже заснули, и мы поняли, что победили.

— Надо бы это дело обмыть,— строго сказал Васильев, спускаясь на первый этаж, в холл, ставший для нас офицерской кают-компанией.

Впрочем, внизу Валеру ждало разочарование. Он то хлопал себя по лбу, то выглядывал в мутное немытое окно, глядя на асфальтовую площадку, где еще утром стоял «форд», и причитал:

— Как же это я запамятовал! Как же я мог это допустить! Ну ё-мое!

Оказалось, в «форде», в багажном отделении, хранились два ящика водки, один из которых Валера успел уже распечатать. И вот теперь приходилось волноваться не только за судьбу Палыча, но и за сохранность столь важного груза.

— Палыч, конечно, редкий дятел,— возмущался Валера.— Всякое дерьмо вроде фамильных драгоценностей он, значит, выгрузил. А два ящика водки забыл! Два! Ящика! Водки! Ну, разве он не дятел?..

Эти стенания продолжались, пока мы с психиатром не указали ему на штабеля со спиртом, которыми был заставлен весь первый этаж детского садика.

— Я этот спирт в рот не возьму,— брезгливо отмахнулся Васильев.— Это все равно что кровь пить. Причем у покойников,— предложил он странную аллегорию, но я не стал с ним спорить, потому что ужасно устал за этот день.

Я сварил себе кофе, включил телевизор, уселся на диван, блаженно откинувшись на спинку, и никакой водки мне уже было не надо.

Олег Меерович вывалил на тарелку банку тушенки, затолкал ее в микроволновку и в бесцельном ожидании пошарил глазами по сторонам. Потом усмехнулся и поставил перед Валерой пустой стакан:

— Напиток называется «Коктейль "Не понял"»,— объяснил он.

Валера заглянул в стакан и разочарованно сказал:

— Не понял?

Мы с дедом прыснули, а Валера надулся, забрал у меня пульт и начал молча щелкать кнопками, даже не вглядываясь особо в то, что творилось на экране.

Впрочем, там ничего интересного не происходило — ретроспектива из устаревших для кинопроката фильмов или сериалы — вот и все, чем могли порадовать обывателя вечером российские медиамагнаты. Даже когда часы показали ровно семь вечера, ни один из каналов не разродился программой новостей — то ли сказать было нечего, то ли некому.

Когда во двор въехал «форд», я уже дремал на своем диване, щурясь в телевизор — там шел какой-то азиатский боевик, в котором громко кричали, часто стреляли и редко попадали. В общем, все, как у нас...

Валера прогулялся во двор, узнать последние новости, и вернулся уже с Палычем. Они оба принялись требовать от меня невозможного — встать с дивана и помочь им погрузить ящики со спиртом в микроавтобус. Палыч нашел действующий автомобильный сервис, но денег за солярку там брать не желают, а вот на спирт ее менять готовы, причем в соотношении один к одному, что очень возмутило Васильева.

Пришлось встать и потащить ящик спирта в машину. Валера с Игорем успели вытащить во двор еще шесть ящиков, но когда я отправился за следующим, меня остановили — больше в грузовой отсек уже не лезло.

— Ну, и сколько солярки мы за это получим?! — запричитал Валера.— Вот напоить — тут батальон народу получится... — и мы начали считать, сколько это будет, если двадцать четыре бутылки емкостью в один литр повторить семь раз.

— Восемь-девять канистр я с них точно стребую,— подвел итог Палыч, тщательно запер дверь багажного отсека и полез в кабину. Васильев зашагал было в дом, но вдруг резко развернулся и направился к «форду»:

— Подожди, Палыч, я с тобой! Мало ли как там тебя встретят!

Они уехали, а я пошел к дому мимо низких кустов, которые в сгущающихся сумерках приобретали самые причудливые формы — то ли крадущихся за жертвой крокодилов, то ли развалившихся на травке пьяных гоблинов.

Меня не покидало ощущение дежавю, и только взявшись за ручку двери, я вспомнил, на что это похоже — на мои регулярные дежурства в доме на Очаковской, на которые мне приходилось заступать одному и по вечерам.

Впрочем, одна, но существенная разница была — теперь я не испытывал ни малейшего чувства страха ни перед крокодилами, ни перед гоблинами. Было ясно, что все мои страхи, родившись в доме на Очаковской, там же и умерли — то ли после первой драки с бандитами, то ли после соития на крыше, то ли просто по прошествии времени, когда человек устает всего бояться и начинает просто жить.

Глава двадцатая

Я снова попытался немного подремать в холле, но на этот раз мне помешал Олег Меерович — я услышал, как он ругает кого-то из детей в спальне на втором этаже, а потом грузные шаги психиатра донеслись из вестибюля.

— Антон! Подойдите сюда, пожалуйста! У нас проблемы.

Весь пол и подоконники вестибюля были завалены пачками фотографий, среди которых не было ни одной приличной. Еще там валялись рулоны фотопленки — видимо, негативы тех самых фотографий.

— Вы представляете, я отобрал несколько подобных фотографий у детей наверху,— рассказал потрясенный Олег Меерович,— а они сказали, что нашли их в вестибюле.

Источник скверны обнаружился быстро — переносной сейф столичного коммерсанта валялся в углу, зияя распахнутой пастью.

Я присел рядом, изучая конструкцию сейфа, когда почувствовал рядом осторожное движение — в коридоре показался мальчик Гарик, издалека, заранее изображающий бурное раскаяние.

— Как ты это сделал? — спросил я, и Гарик самодовольно ухмыльнулся, осознав, что наказывать не будут.

— Когда отец был жив, он мне много чего показывал,— ответил мальчик, несмело улыбаясь.

— Но это же импортный сейф,— удивился подошедший к нам Олег Меерович.

Гарик молча показал канцелярскую скрепку и перочинный ножик:

— Отец говорил, что ключи нужны только дуракам.

— Помогите мне,— попросил я, и мы втроем принялись собирать фотографии.

Гарик, чистая душа, стеснялся их рассматривать и сразу складывал в аккуратные стопки, а вот Олег Меерович иногда подолгу изучал отдельные снимки, удивленно приподнимая кустистые брови.

— Что-то новое для себя увидели?..— Я раздраженно сгреб очередную охапку порнографии из-под ног неторопливого деда.

— А вы разве не узнаете всех этих людей?

Психиатр показал мне несколько фото. Я вгляделся и остолбенел — на снимках были вовсе не порноактеры. Самыми причудливыми извращениями занимались российские политики первой величины!

Теперь я уже сам начал внимательно разглядывать поднятые с пола фотографии, пока психиатр меня не заторопил:

— Антон, скоро все дети проснутся — мы же их потом неделю раскулачивать будем.

Мы сложили компромат обратно в сейф, и я с некоторым стеснением в голосе попросил Гарика запереть его. Тот сделал это с удовольствием — его распирало от сознания своей исключительной ловкости, недоступной даже взрослым.

Потом мы отослали Гарика наверх и немного поболтали с психиатром. Мне было непонятно, почему компромат хранили в таком странном, доисторическом виде, а Олег Меерович рассказал, что цифровые снимки в российских судах даже не принимают на экспертизу.

— Человек, который фиксировал это безобразие на аналоговых носителях, хотел иметь бесспорные доказательства, принимаемые любым судом,— подытожил психиатр, и я с ним согласился.

Палыч с Валерой явились около одиннадцати, когда мы с дедом успели не только покормить детей, но и снова уложить их в постели. Я начал было рассказывать про «фамильные драгоценности», но Игорь отмахнулся от этой новости и заявил:

— Мы тут посоветовались, и я решил — ты с психиатром остаешься сторожить детей, а мы с Валеркой быстренько метнемся в Элисту, разгрузимся, заберем кого надо и пулей вернемся в Каширу, за вами.

Я ждал этого варианта, особенно после того, как они совершили пробный проезд по городу, распределив обязанности на двоих. Видимо, пришли к выводу, что смогут доставить груз, поочередно меняясь за рулем и местом стрелка в салоне.

— Вообще-то деда мы обещали доставить в Волгоград, а не в Каширу,— возразил я, поворачиваясь к приятелю спиной и направляясь в холл. Я хотел публичного обсуждения проблемы, а психиатр сейчас сидел в холле и смотрел телевизор.

— Подожди, давай сначала сами решим,— остановил меня в коридоре Палыч, а Валера выступил у него из-за спины, показал мне бутылку водки и довольно глупо подмигнул. Что-то он в последнее время ежедневно пить повадился... — Ты понимаешь, что ехать с детьми — подвергать их реальной опасности? — Палыч наклонился усталым и каким-то измятым, истертым лицом к моему лицу.

— Понимаю,— с нарастающим раздражением ответил я.— Только спихнуть их тоже некуда и не на кого, верно?

— Верно,— кивнул Палыч.— Поэтому мы и спихиваем их на тебя. Ты у нас такой один, бляха-муха. К тому же солярки нам дали мало, ее едва на «форд» хватит. Но ты не переживай — мы быстро, шмыг-шмыг.— Он показал руками, как быстро они будут шмыгать.

— Молодцы,— с сарказмом выдавил я, понимая, впрочем, что других вариантов действительно нет. Мне просто очень не хотелось оставаться здесь одному без надежных и верных товарищей.

Потом меня разобрала злость:

— Берите тогда уж и деда с собой!.. Чего уж там, все равно мне уже деваться некуда!— выкрикнул я злобно, выхватил у Васильева бутылку водки и пошел наконец в холл искать стакан и закуску.

Известие о том, что мои друзья завтра утром отправляются в путь без нас, Олег Меерович воспринял на удивление спокойно.

— Я, собственно, ничего другого и не ожидал,— сказал он, неохотно оторвавшись от какого-то медицинского сериала, а потом, небрежно махнув рукой, закрыл тему: — Ничего страшного. Подождем здесь с недельку, а там, глядишь, все и образуется.

— Как же это все образуется? — ухмыльнулся я.

— Да как-нибудь,— успокоил дед.

Тем временем Палыч с Васильевым затеяли какую-то возню в коридоре, и я, налив наконец себе водки, пошел посмотреть, что они там делают.

Они открыли подвал и перегружали туда ящики со спиртом. Меня приятно поразило, что они даже не пытались привлечь меня к этой действительно тяжелой работе.

Когда мимо в очередной раз прошмыгнул Палыч с ящиком спирта (вот так: шмыг-шмыг), я поднял брови и стакан в немом вопросе. Игорь остановился на минутку, поставил ящик на пол и ответил:

— Это, конечно, маловероятно, но если Гришины друзья решат сюда наведаться, лучше не иметь в коридорах ничего горючего — один выстрел из подствольника, и у вас тут крематорий на сорок душ. Но это маловероятно — их тут месяц не было и наверняка еще столько же времени не будет...

Палыч отхлебнул водки из моего стакана, поднял ящик и бодро потрусил с ним в подвал, где его уже за-ждался Васильев, зычно покрикивая снизу.

Перспектива обороны детского садика от банды головорезов мне в голову еще не приходила — доселе я так переживал лишь потому, что работа нянечки меня чрезвычайно изматывала и физически, и морально. То обстоятельство, что нянчить детей мне, возможно, придется в перерывах между обстрелами, несколько упрощало ситуацию. Ведь война — это такая эмоциональная разрядка, в ходе которой ты можешь отвести душу по полной программе, не оглядываясь на дурацкие церемонии и тем более мораль.

Мальчик Гарик отказывается спать в «тихий час» и болтает с соседями по кровати?.. Выходишь во двор и всаживаешь заряд картечи в башку первому попавшемуся на глаза гоблину — и сразу успокаиваешься.

Девочка Ксюша вылила стакан киселя не только на себя, но еще и на только что отмытых от каши Олечку и Аришу?.. Берешь гранату, подходишь к окну и с криком «Как же вы все меня достали!» кидаешь ее в самую гущу гоблинов. Тоже должно хорошо успокаивать, я думаю.

Утешая себя подобными фантазиями, я вернулся в холл.

Сериал, по-видимому, закончился, потому что Олег Меерович хлопотал по хозяйству, сочиняя ужин на нас четверых и уже не отвлекаясь на все еще работающий телевизор.

Я глянул на расписание дежурств, повешенное аккуратным психиатром на стенку возле телевизора, и с неудовольствием отметил, что через полчаса мне предстоит бродить вокруг садика, отгоняя до четырех ночи злых духов. Кстати, сейчас было время дежурства Васильева, но он цинично манкировал обязанностями, надсаживаясь на перегрузке ящиков со спиртом.

Дед заметил мое внимание к расписанию и обронил:

— Когда мы останемся вдвоем, дежурства придется отменить. Мы не сможем физически.

Мне эта мысль не понравилась: внезапная атака — это ведь стопроцентный успех. Да и неделя жизни в ожидании внезапного выстрела в спину — это сильный удар по моим нервам. Если я протяну еще с неделю в таком напряжении — у меня в башке целое стадо Чужих поселится. А потом они начнут войну за территорию, и я запишусь к деду на консультацию.

— Нет уж, давайте мы дежурства оставим. Просто дневные смены поручим детям. Будут из окошек по сторонам смотреть, вести журнал «юного натуралиста»,— сказал я, сам поражаясь своей замечательной идее.

Психиатр отвлекся от нарезки ветчины — кстати, последнего куска, любезно оставленного нам покойником,— и уважительно заметил:

— Да, это вы хорошо придумали. Днем дети с удовольствием будут играть в шпионов, а мы сможем отдохнуть...

Я сел перед телевизором, налил себе еще водки и цапнул со стола кусок ветчины. Хлеба, увы, не было — его мы подъели еще вчера.

— Жаль, что нам встретился автобус с малышней, а не со взрослыми школьниками,— вслух подумал я.

Психиатр покачал седой головой, повернулся ко мне и с осторожной улыбкой ответил:

— Нет, что вы, это было бы невозможно. Их бы сразу убили. Разные подростковые культуры в данном случае сработали бы как вещество с антивеществом. Своих ровесников подростки из колонии воспринимают как соперников и обязательно уничтожают, если есть такая физическая возможность,— так заведено у всех хищников.

Олег Меерович вынул из микроволновки тарелку с тушенкой и ветчиной и поставил передо мной. Свою тарелку он поставил рядом, сел, вручил мне вилку и неожиданно спросил:

— Антон, я заметил, что вы совершенно не комплексуете из-за своего небольшого роста и веса. Меня как психиатра это чрезвычайно занимает. Разве вы не испытывали в жизни проблем с дискриминацией по росту?

Я опешил от этих странных, неприятных вопросов и молча уставился на деда, совершенно не понимая, куда он клонит.

Олег Меерович вздохнул:

— Простите, если допустил бестактность. Дело в том, что в свое время я защитил кандидатскую диссертацию, где рассматривал подобные комплексы как особую поведенческую реакцию. Но вы, простите, своим поведением опровергаете мои выводы. Меня это расстраивает. Но, разумеется, не в личном смысле, конечно, а в сугубо научном,— немедленно поправился он.

Я пришел в себя, налил в стакан водки и поднял его повыше, показав психиатру:

— А какие у вас были выводы?

Дед покачал головой:

— Судя по всему, неверные. Ну ладно, не хотите отвечать — не надо...

Я выпил и задумался. Конечно, в моей жизни всякое бывало — в том числе и качественные поведенческие реакции, о которых упомянул психиатр. Господи, как меня только качественно не били на протяжении моей жизни — и втроем, и впятером, а в армии, помнится, даже целым взводом обкуренных узбеков.

Но я всегда вставал, даже если следующая плюха роняла меня обратно. Я все равно вставал, даже если потом опять приходилось падать. Помнится, смешнее всего получилось даже не с узбеками, а с родными, бляха-муха, славянами, в парке Челюскинцев чертову уйму лет тому назад.

Мне было четырнадцать лет, и я был один, и вокруг была ночь, потому что я пошел доказывать себе, что смогу в одиночку пройти через парк, и мне будет ни капельки не страшно.

Мне стало ужасно страшно, едва я увидел темную полосу деревьев за трамвайной линией, которую мне предстояло перейти. Но я пошел, потому что привык делать то, что решил. И еще потому, что обещал совершить этот подвиг одной девочке из параллельного класса. Где она сейчас, эта девица? Я ведь даже имени ее не помню...

Разумеется, в парке меня встретили — их было человек десять, и им было ужасно смешно, что такой маленький пацан, шкет, как они меня обзывали, осмеливается материться и махать кулачками в ответ на пока еще не болезненные, но унизительные шлепки по лицу.

Потом, когда я удачно попал с левой ближайшему весельчаку точно в глаз, удары пошли настоящие. Меня спасло совершенно случайное обстоятельство — поднимаясь с асфальта в совершеннейшем бреду, я снова засветил кулаком в глаз уже другому весельчаку и здорово повредил, едва ли не выбил.

И тогда остальные просто поверили, что время работает на меня — рано или поздно я выбью глаз каждому из них, сколько бы раз мне ни пришлось перед этим упасть на асфальт.

И они убежали. Я стоял, скорчившись от боли, и орал им вслед, кто они такие, но вся эта ватага случайных гопников удирала от меня не оглядываясь.

Я перешел тогда парк дважды — туда и обратно, будучи не уверен, что сумею повторить этот фокус. Еще меньше я был уверен в том, что на меня тогда напали лишь потому, что я был невелик размерами. Главная причина, конечно, в другом — я был один и без оружия.

Зато всякий раз с тех пор, когда мне доводится слышать о победе разума над силами природы, я вспоминаю именно тот эпизод. Но как объяснишь те эмоции психиатру?

— Какие еще комплексы? Что это вообще за наука такая, психиатрия? — с вызовом спросил я, накалывая вилкой кусок ветчины.

Олег Меерович деликатно помалкивал, вяло ковыряясь в своей тушенке.

Тут как раз явились оба наших грузчика, и я взглянул на часы — было два часа ночи.

— Пятьсот коробок сделали,— выдохнул Палыч, уронив свое мускулистое тело на диван рядом со мной.

Васильев плюхнулся по соседству и молча протянул руку, в которую я понятливо вложил ополовиненную мной бутылку водки.

— А сколько там всего коробок? — светским тоном осведомился Олег Меерович, цепляя на вилку очередной кусочек мяса.

— Тысяча сто,— ответил Игорь, трагически подняв брови, а потом еще поведя носом в сторону наших тарелок.

— Все готово,— тут же отозвался на это движение дед.— Ваши тарелки в печке, только кнопочку нажмите, а потом забирайте.

Палыч посмотрел на Васильева, но тот был занят — блаженно улыбаясь, лакал водку прямо из горлышка. Тогда Игорь шумно засопел, встал с вызывающим кряхтеньем, сделал целых два шага к микроволновке, нажал там на кнопочку и быстро вернулся на диван, а потом, укоризненно разглядывая Васильева, спросил:

— Я, бляха-муха, тебе еще и ужин должен готовить?

Васильев даже не шелохнулся, и тогда Игорь повернулся ко мне:

— Тошка, ты не переживай: спирт в коридорах мы не оставим. Мы сейчас быстренько пожрем и закидаем все остальное в подвал.

Я равнодушно кивнул, доедая свою тушенку. Было понятно, что за мое согласие остаться здесь с детьми эти двое способны на любые подвиги.

— Не волнуйся, в смысле денег все остается как договаривались,— вдруг снова вскинулся Палыч, с тревогой вглядываясь в мое лицо.— Мы все получаем по тридцатке за доставку и еще двадцатку премиальных. Ты — тоже. Никаких проблем, понимаешь?..

Я с фальшивой любезностью улыбнулся ему и, отобрав у Васильева бутылку, налил себе еще водки.

— А что, Олег Меерович, не покарают ли нас боги психиатрии, скажем, за неумеренное пьянство? — Я демонстративно, с шумом, прихлебнул из своего стакана.

— Человека карают только те боги, в которых он верит,— ответил дед, строго глядя на меня.

Я улыбнулся им всем, даже Васильеву:

— Да ладно, не переживайте вы так за меня, орлы! Прорвемся.

— А никто и не переживает,— сказал Палыч, забирая обе тарелки из микроволновки. При этом у него откровенно дрожала правая рука и нервно подрагивала щека под левым глазом.

Похоже, коробки были и впрямь тяжелые.

Глава двадцать первая

Палыч и Валера собрались утром, едва рассвело. Спать им довелось меньше трех часов — последние сто коробок в подвал не влезли, и их пришлось таскать на крышу. Еще (видимо, в качестве бонуса) они вытащили начавший пованивать труп Гришани из дворницкой и унесли куда-то за пределы двора, к трансформаторной будке или даже дальше.

Потом Палыч расщедрился на дизель-генератор, сказав, что в Элисте за эту потерю как-нибудь отмажется, а мне вручил ящик одноразовых гранатометов, правда, так и не показал, как ими пользоваться, так что этот ящик я отнес на крышу.

Еще я забрал у них два автомата и все шесть магазинов. Валера поначалу жадничал, но Палыч резонно заявил, что этого добра, патронов к «калашникову», они насшибают по дороге хоть вагон, а вот мне взять их будет действительно негде...

Валера с этим аргументом согласился, но вот когда я потащил в садик один из двух ящиков водки, Васильев заверещал так, что я испугался за детей — проснутся ведь.

— Тошка, да как же мы без водки поедем? — причитал Валера, встав на пороге детского учреждения и закрывая проход своим телом.

— Валера, у тебя остается еще ящик! — рявкнул я, потому что держать на весу ящик было непросто — левое плечо еще побаливало, хотя уже не настоящими, а какими-то призрачными, фантомными болями.

— Всего один ящик! На три тысячи километров дороги! — по-бабьи заголосил Валера, показывая окружающим то один, то три растопыренных пальца.

Он бы еще долго выламывался, но его пристыдил Палыч, который сказал, что за наличные спиртное можно раздобыть даже в Африке. А уж в России — тем более.

Валера вроде успокоился, но, пропустив меня, метнулся к багажному отсеку «форда» и запер его на ключ — чтобы я больше ни на что не покушался.

Я отнес водку в холл и сразу вернулся — мне было тревожно за ребят и хотелось посмотреть на них подольше. Вдвоем проходить маршрут, по которому рискнет пройти не каждая армейская колонна,— это серьезно. А если говорить начистоту — вообще нереально. Скорее всего, они не дойдут. И они знают это. Просто ни у кого из нас нет выбора — правило движения задано раз и навсегда, и не нам выбирать направление...

Я пожал руки Палычу и Валере, потом то же самое сделал Олег Меерович, и «форд» выехал за ворота. Мы помахали ребятам на прощание, и, пока я запирал ворота цепью на замок, психиатр, глядя вслед микроавтобусу, сказал:

— Мне представляется невероятным, что они доедут без потерь. Или что они вообще доедут. И кстати, объясните мне, какой вообще смысл в этом вашем предприятии? Там, в Элисте, может, давно уже и нет никакого филиала этого вашего ООО...

Я убрал ключ от ворот в карман брюк и ответил:

— Нас нанимали не смысл искать. За эту работу нам реальные деньги полагаются.

— А-а, деньги! — понятливо кивнул дед, и мы пошли по асфальтовой дорожке к парадному входу. Было уже почти восемь утра, и дети уже наверняка проснулись.

Наверху действительно творился настоящий бедлам. Детишки не просто проснулись — они устроили бой подушками палата на палату. Когда мы с Олегом Мееровичем явились усмирять бунт, дед, который самонадеянно шел первым, схлопотал в лоб сразу три подушки подряд, так что мне пришлось вмешаться, забежав вперед, перехватывая летящие в нас «снаряды» и возвращая их по надлежащим адресатам, самым активным бойцам.

Победа далась нам дорогой ценой — у Олега Мееровича, судя по его изумленному и потерянному виду, была полностью утеряна вера в будущее человечества, а я обзавелся натуральным фиолетовым бланшем под правым глазом — скромная девочка Ксюша, с виду сущий ангел, а внутри — чертенок в юбке, удачно метнула в меня вместо подушки плюшевого мишку, который держал под мышкой бочонок как бы с медом. Этот бочонок и вошел мне в скулу ровным, чуть шершавым деревянным дном. После чего в глазах у меня потемнело, и я ушел в реальный нокдаун, едва не выстрелив в ответ из «Ижа», который теперь постоянно жил у меня за брючным ремнем.

С трудом успокоив развоевавшихся детишек, мы принялись за работу — детям предстояло совершить утренний моцион, на обязательности которого

настаивал Олег Меерович. Помимо утреннего умывания и туалета, психиатр требовал, чтобы дети самостоятельно заправляли свои кровати. На мой простодушный взгляд, это было совершенно невыполнимое требование, но дед уверял, что именно это действие, уборка собственного дома, отличает человека от животного, и настаивал на обязательности соблюдения ритуала.

Впрочем, дед сам контролировал выполнение своих требований, так что я со спокойной душой повел мальчиков в туалет, пока девочки во главе с психиатром застилали свои постели.

Черноволосый мальчик Гарик, почти без капризов согласившийся сесть на горшок, потому что семь унитазов на пятнадцать ребят очевидно не хватало, размотав рулон туалетной бумаги, выдал мне вдруг замечательную сентенцию:

— Дядя Антон! Вы знаете, что бумага на нашей планете совсем скоро кончится? А люди все какают и какают!..

Гарик Ованесян был одним из пяти детишек, кто вспомнил телефон своих родных — у него в какой-то передряге погибли мать с отцом, но жива была бабушка. Впрочем, бабушка оказалась совершенно глухой или слабоумной — я минут десять повторял ей одну и ту же фразу про Гарика, которого надо забрать, но она в ответ переспрашивала меня про пенсию, которую ей уже неделю никак не принесут из собеса.

В детдоме «Солнышко» оба телефона молчали с утра до вечера, а по остальным номерам, названным детишками, никаких осмысленных комментариев услышать не довелось — их озвучивали какие-то странные существа: либо алкоголики, находящиеся в перманентном запое, либо, что вернее, наркоманы, напрочь оторвавшиеся от реальности. Олег Меерович даже некоторое время записывал тексты, исходящие от этих абонентов, пока мы не напомнили доктору, что звонки стоят денег. А ведь с августа сотовые операторы подняли тарифы втрое...

Что там случилось с семьями наших детишек, кто обосновался в их квартирах, можно было только гадать. Впрочем, в детдом, как правило, и попадают дети асоциальных родителей, так что ничего удивительного в этой ситуации не было. Просто стало окончательно ясно, что спихнуть детей в ближайшее время будет некуда.

Я отмахнулся от печальных мыслей и погнал своих пацанов к раковинам — умываться. Пока дети возились в умывальнике, я раздумывал над очередной проблемой — полотенца за эти два дня уже успели приобрести отчетливый серый оттенок, но постирать их было нечем. То есть стиральная машина, слава президенту и его партийным спонсорам, в этом детском садике имелась, но вот стирального порошка не было ни грамма. Значит, придется выбираться в город, меняться с кем-нибудь, наверное, на спирт. Но это же будет целая войсковая операция — наверняка, глядя на Олега Мееровича, там захотят нас кинуть, поэтому придется убедительно доказывать, что ты не лох и можешь за себя постоять.

Вывод: чем меняться, проще сразу пристрелить и забрать всё даром.

Впрочем, так всегда проще.

Управившись с парнями, я повел их обратно в палаты, где строго-настрого приказал одеваться, не отвлекаясь на глупости. Дети принялись одеваться с

каким-то неожиданным и подозрительным послушанием, и я заглянул даже под кровати в поисках подвоха, но ничего неожиданного там не увидел.

Девочки, завершившие туалет раньше, уже расселись на застеленных кроватях и щебетали на вечные темы — все ли мальчики дураки или есть среди них один неглупый, бросит ли самочка Маня самца Ваню из реалити-шоу про человекообразных кроликов «Землянка-2», а также действительно ли крем «О'кей» помогает от морщин так, как его рекламируют, или это все сплошной обман и бесстыдный пиар.

Вместе с Олегом Мееровичем мы отвели детей в столовую, где их ждала рисовая каша на порошковом молоке — дед сам сварил ее и сам разлил по тарелкам.

Вообще он оказался настоящим профессионалом в том, что касалось общепитовской кухни, и это было приятным сюрпризом.

Там же, в столовой, мы впервые рассказали детям, как им предстоит отныне жить днем, и расписали дежурства по самым старшим. Старшие, особенно мальчики, сразу принялись ужасно важничать, обсуждая технологии обнаружения диверсантов на дальних подступах к объекту, а застенчивая третьеклашка Маша Драбова, как самая грамотная и аккуратная девочка всех времен и народов, легко согласилась составить список дежурных. Потом, вручив мне список, она замерла, выразительно глядя на меня распахнутыми карими глазами, и я подумал, что она ждет конфету или что-нибудь подобное.

— Маш, у меня нет ничего вкусненького,— виновато развел я руками.— Но я обязательно раздобуду каких-нибудь конфет, завтра или послезавтра,— пообещал я, всерьез задумавшись, где в разгромленной Кашире можно найти конфеты. Наверное, опять на спирт придется выменивать.

— Мне не надо конфет, дядя Антон,— покачала кудряшками Маша.— Раз я буду дежурной, дайте мне, пожалуйста, свой пистолет. У вас ведь еще много пистолетов. Ну, пожалуйста, дайте мне один! — Она вдруг вцепилась в меня обеими руками, и я совершенно растерялся от этой неожиданной атаки.

— Ты что, боишься? — спросил я наугад, глупо улыбаясь.

— Да! Да!! Они вернутся! Они придут ночью. Я знаю. Я жду. Они и вас убьют, как Полину Ивановну и Дарью Семеновну! А если у меня будет пистолет, они до меня больше никогда не дотронутся... — Она наконец зарыдала, и я был этому рад. Лучше слушать невнятные рыдания, делая вид, что не понимаешь, о чем они плачут каждую ночь, чем выслушивать этот пронзительный, режущий сердце и корежащий душу речитатив. В голове даже Чужой затрепыхался, хотя никакой опасности рядом не было.

На мое счастье, в коридоре появился Олег Меерович, без слов оценил ситуацию и увел Машу на кухню. Там он взялся мыть посуду, и ему добровольно остались помогать, помимо Маши, еще несколько старших девочек. Всех остальных детей я повел во двор — выгуливать, пока погода баловала скромным осенним солнышком и еще теплым, но уже резким, порывистым ветерком.

Самым удобным местом для наблюдения оказалась деревянная беседка, установленная посреди асфальтового озера двора. Там я прилег на неудобной — широкой, но короткой — лавочке и оттуда же через несколько минут

заметил двух озабоченных женщин, которые смело форсировали пустырь между зданием садика и жилым массивом неподалеку.

Возле запертых ворот женщины встали, поставив на землю какие-то кастрюли, сумки, пакеты, и принялись призывно махать руками. Они заметили меня раньше, чем я их, и мне это не понравилось. Мне вообще ничего не нравилось с самого утра — кроме разве что рисовой каши на порошковом молоке.

Я неспешно поднялся и зашагал к воротам, привычно поправив помпу под левым плечом.

— Ох, сынок, а мы смотрим, детки в садике опять появились! — Первая женщина картинно всплеснула белыми пухлыми ручками, но улыбалась мне напряженно и тревожно.

— По телевизору брешут, что вы из тех самых, «Восточных медведей»,— осторожно сказала вторая.

Я, усмехнувшись, небрежно приложил правый кулак к виску, но этот жест оказал на женщин совершенно невероятное воздействие — они с видимым облегчением выдохнули: «Слава богу, действительно "гризли"!» — и уже повели беседу спокойно, по-деловому:

— Значит, так, сынки. Мы ваших деток покормим, помоем, спать уложим и сказку расскажем. Вы только сами не подведите — от злодеев защищайте, как по телевизору показывают.

Я молча уставился на этих женщин, и только минуты через две до меня наконец стало доходить, за кого нас тут принимают. Спаси и сохрани — кажется, так звучит это заклинание? Но я уверен, что Иисус Христос был намного выше меня — выше во всех смыслах.

Вот ведь, кстати, вопиющая несправедливость — Иисус, понимаете ли, выше во всех смыслах, а спасать и сохранять должен я!

— Юлия Эдуардовна Назаретян, педиатр.— Первая женщина улыбнулась мне уже по-человечески, тепло и искренне.

— Валентина Владимировна Щепакова, бухгалтер,— представилась вторая, колыхнув немаленьким бюстом.

Я отпер ворота и пустил обеих женщин внутрь. Они протиснулись между мной и железной стойкой ворот, а потом засеменили по дорожке, сгибаясь под тяжестью своих кастрюль и пакетов.

Я пошел следом, размышляя над новой ситуацией. Впрочем, дети обрадовались незнакомым тетям, сразу завертев вокруг них развеселую карусель, и я подумал, что пока все складывается отлично. Если за детьми будут присматривать, все остальное я сделаю.

Я довел женщин до холла, где опять пристроился дремать Олег Меерович, и представил их друг другу. Психиатр обрадовался так, что предложил всем выпить за знакомство.

Я с изумлением взглянул на часы — едва стукнуло одиннадцать.

— Не рановато вы пить собрались, граждане алкоголики? — с укоризной спросил я, но дед решительно направился к ящику, который я с таким скандалом отобрал у Васильева, и вытащил оттуда бутылку водки.

— Выпить надо обязательно! — сообщил Олег Меерович обеим женщинам, которые стояли возле дивана, так и не решаясь присесть.

Олег Меерович разлил водку в четыре стакана, но я пить категорически отказался, и тогда они выпили втроем, долго и неловко чокаясь.

Потом женщины наконец присели рядышком на один диван, психиатр сел на второй и задал вопрос, прямота которого меня покоробила:

— Вы сюда пришли, потому что там, в жилых кварталах, стало опасно?

Женщины переглянулись и понуро кивнули.

Потом первая, педиатр, объяснила ситуацию — вроде бы искренне, но не поднимая при этом глаз выше уровня журнального столика:

— В нашем доме наркоманский притон завелся. И так было непросто, а теперь всё — каюк, жить нельзя...

— Грабят, что ли? — спросил я.

Педиатр подняла на меня глаза, и я пожалел, что задал этот вопрос, — на самом деле мне совсем не хотелось знать никаких подробностей.

Она покачала головой и произнесла в одно слово:

— Они-творят-такой-ужас-что-его-нельзя-описать.

Вторая женщина, полноватая блондинка со следами былой ухоженности на лице, добавила:

— Утром они выбросили соседку. Инвалида. Вместе с коляской. С пятого этажа. Им смешно было.

Педиатр посмотрела на меня оценивающе:

— Мы утром, как Полину на асфальте увидели, так сразу собрались и ушли. И они знают, куда мы ушли. Они нам кричали, что придут за нами. Сразу не догнали, обдолбанные были. Но к вечеру могут прийти. Вы уж приготовьтесь.

Я пожал плечами — какая чушь! Наркоманов можно давить одной левой, не напрягаясь. Даже моей нынешней левой, слегка поцарапанной картечью. Это же не бойцы, а говно на палочке.

— Не переживайте! Как придут, так и уйдут,— пообещал я, улыбнувшись каждой женщине в отдельности.

Педиатр недоверчиво покачала головой:

— Вас что, двое всего? А по телевизору говорят, что «гризли» в стране уже полмиллиона. А еще, вы знаете, что вас в правительстве не любят? Так про вас по телевизору нехорошо рассказывают, как-то сквозь зубы, не радостно. Говорят, что вы экстремисты и популисты. Вам бы, «гризли», мол, только убивать. А надо, значит, еще и толерантность демонстрировать...

— Я как кого-нибудь грохну, потом обязательно толерантность демонстрирую. Так, чтобы всем было видно,— усмехнулся я, а психиатр кашлянул и както нехотя налил себе еще водки.

Обе женщины тут же пододвинули к нему свои стаканы, и он разлил водку на всех.

— Покажите свой дом,— попросил я, и педиатр Юля, тут же отставив свой стакан, бросилась к окну, пальцем указывая мне на стандартную «хрущевку», хорошо видимую отсюда через пустырь.

Я посмотрел на этот дом как мог внимательно, но ничего интересного не увидел.

Потом я вспомнил, что дети во дворе гуляют одни, и сказал об этом вслух.

— Мы сейчас только умоемся и пойдем работать. У нас воды в доме уже неделю нет,— сказали женщины, послушно поднимаясь, но я покачал головой:

— Вы пока здесь обустраивайтесь, помойтесь опять же. А до обеда я сам подежурю. Потом — милости просим. Обед и дневной сон — ваша обязанность. Договорились?

Женщины улыбнулись так радостно, что я потом еще по инерции улыбался им в ответ все время, что шел по коридору наружу, во двор.

Вернувшись в беседку, я достал телефон и взглянул на индикатор сети. Сегодня сеть работала, и я быстро набрал номер Валеры. Лишь через пару минут в трубке раздался сонный голос Васильева:

— Ну, чего тебе, Тошка?

Я рассказал про визит аборигенов и телевизионный пиар, сопровождающий нас.

— Это еще что! — откликнулся Валера.— Я вот прямо сейчас телик твой карманный смотрю, а там в новостях втирают, что ты, Антон Пожарский, теперь называешься лидером общественного движения «Гризли», лозунг которого «Не бойся!». Говорят, ты уже совершил тридцать три подвига. Надеюсь, сексуальных,— хохотнул он, и я оборвал его, почувствовав какую-то неловкость в его словах:

— У вас-то как дела?

— А что с нами может случиться? — удивился он.— Шоссе пустое, идем сто километров в час, а не сто пятьдесят, потому что груженые сильно. А так — всё в норме. Короче, лидер, звони, когда бить начнут. Приедем и спасем, как обычно.

Я пообещал позвонить вечером, если будет сеть, и выключил трубу.

Возможно, мне показалось, но в интонациях Валеры звучало недоумение, густо замешанное на раздражении странным телевизионным пиаром. Он явно не понимал, что происходит. А вот мне представлялось, что я уже все понимаю.

Я вернулся в беседку и сел там не на лавочку, а на пол — мне не нравилось, что с лавки меня видно всему микрорайону, вытаращевшему на наш садик подслеповатые и давно уже немытые окна панельных многоэтажек. Наркоманский дом тоже смотрел на меня с явной и ожидаемой угрозой, и я даже тронул пальцами приклад помпы, чтобы убедиться, что оружие при мне.

Близнецы Саша и Паша, назначенные на сегодня дежурными, подбегали с докладами каждые пять минут, не давая мне окончательно погрузиться в сон, и именно они, а не я первыми заметили забрызганный грязью джип, который появился на пустом проспекте и после пары маневров остановился возле наших ворот.

— Дети, быстро все в дом!! — заорал я, холодея от дурных предчувствий, и дети послушно, но не так быстро, как мне хотелось бы, побежали к дверям.

Пригибаясь, я выскочил из беседки, проклиная себя за самонадеянность, в результате которой оказался без бронежилета и боеприпасов — у меня с собой была лишь помпа с шестью патронами. Это на двадцать секунд несложного боя, а потом можно поднимать лапки кверху...

Я успел выбрать позицию между беседкой и воротами, устроившись за капитальными, из бетона и металлических профилей, каруселями, и уложил

свою помпу на удобный железный бортик. Впрочем, заняв позицию, я тут же успокоился — отсюда я сниму всех пассажиров с гарантией и еще успею вдарить последним патроном по бензобаку. Что бы они там ни придумали, легко уродам точно не будет.

В джипе, похоже, заметили мои передвижения, потому что сразу выходить не осмелились. Там медленно опустили правое окно, и напряженный, сдавленный голос спросил:

— Антон? Пожарский? Это Ваня Сыроежкин. Не стреляй в меня, пожалуйста!

Потом дверь машины открылась, и сначала показалась телекамера, а потом и ее хозяин — оператор Ваня.

Тряхнув пыльной косичкой, Иван растопырил ноги, бодро поднял объектив камеры и сделал панораму по садику, а потом уставил камеру прямо на меня, в упор. Наглец какой!

Я немедленно встал, убрал помпу за пазуху и направился к воротам, крикнув по дороге:

— Гражданин Сыроежкин! А разрешение на съемку у вас имеется? Или желаете получить камерой по лбу?

— Уважаемые телезрители!— затараторил Иван во встроенный микрофон камеры.— Вы видите перед собой знаменитого лидера народного движения «Восточные медведи» Антона Пожарского. Живая легенда согласилась ответить на наши вопросы прямо в своей штаб-квартире, ничем не примечательном доме на окраине Каширы, где также находятся и несколько десятков детей, вырванных активистами движения из лап безжалостной подмосковной банды.

Я подошел к воротам и отворил их, но Иван остался стоять с работающей камерой на плече.

— Ты сейчас хорошо в кадре стоишь,— объяснил он вполголоса.— Давай здесь отработаем!

— Что отработаем? — Я продолжал недоверчиво разглядывать джип за его спиной.

— Антон, пожалуйста, не ломай мне картинку, не двигайся в кадре,— попросил Иван, встав поудобнее.— Итак, специально для наших телезрителей лидер знаменитых «гризли» Антон Пожарский дает эксклюзивное интервью! — уже совсем другим, каким-то заполошным голосом заорал Иван и подмигнул мне обоими глазами.

— Что вы думаете о положении в стране? — спросил Ваня, ухмыльнувшись во весь рот.

Я помолчал, собираясь с мыслями.

— Насколько мне известно, положение в стране хреновое,— наконец ответил я.

— Ваши оппоненты, члены правительства и даже некоторые популярные политики, считают иначе... — Иван смешно надул щеки, показывая мне этих самых оппонентов. Я понял его и начал закипать.

— Эти люди не покидают Москву. Что они могут знать о ситуации за пределами Кольцевой автодороги? — яростно выкрикнул я, вспоминая последние горячие денечки.

— Что вы можете предложить своим последователям? Говорят, их уже больше полумиллиона человек... — Иван наморщил лоб и закатил хитрые глазки к самому небу.

Действительно полмиллиона? Иван придумал полмиллиона таких же, как я, как Валера, как Палыч?.. Мне вдруг стало смешно и одновременно интересно. Я с готовностью включился в эту игру — расставил ноги пошире, расправил плечи и начал говорить в камеру так, как и должен был говорить лидер общественного движения «Гризли», представляющий полмиллиона человек:

— Факты свидетельствуют, что правительство не контролирует ситуацию. Значит, контроль должен перейти в руки тех, кто способен это делать. Сейчас это бандиты и мародеры. Завтра это должны делать мы — люди, способные отвечать ударом на удар. Хватит компромиссов! Хватит болтовни! Никаких переговоров с дерьмом, заполонившим наши города! Крыс надо уничтожать, а не вести с ними переговоры! Наши лозунги: «Мы сами!», «Не бойся!» и «Стреляй первым!»

— Лозунги хорошие,— с одобрением отозвался Иван.— Но что вы скажете, когда в ПАСЕ начнут перемывать вам косточки насчет избыточного, неоправданного применения силы?

— Да плевать на них десять раз,— ответил я.— Кто они такие, эти жабы из ПАСЕ? Такие же крысы, как и наши мародеры, только при галстуках. Они запрещают нам стрелять, потому что сами неспособны на это.

— Хорошо сказано,— кивнул Иван.— Но ведь в России официально запрещена смертная казнь. Не говоря о том, что это аморально — убивать других людей, используя государственный аппарат принуждения.

Он возразил с крайне серьезным выражением лица, так что я поверил в его искренность и потому тоже завелся всерьез:

— Аморально?! Убивать уродов — это, значит, уже аморально?! Да один реальный смертный приговор, публично приведенный в исполнение, сам по себе предотвращает сотню будущих преступлений! Убей крысу — и она больше не сможет убивать! А значит, будут жить сотни людей. Дети, женщины, все — будут жить и радоваться! Так кто из нас против смерти: ты, травоядный ханжа, или я — тот, кто знает, как спасти жизнь от смерти? Убей одного урода, который самим своим существованием угрожает тебе и твоим близким, и он физически не сможет больше убивать никого и никогда — вот и весь ответ на этот вопрос.

— Но ведь насилие порождает насилие... — пробормотал Иван, кинув быстрый взгляд на часы.

Меня передернуло от этой банальщины:

— Да что вы?! А вот практика показывает, что там, где на насилие действительно отвечают насилием, а не болтовней, тут же наступает порядок.

— Ну, мы же цивилизованные люди,— пробормотал Иван, плавно меняя точку съемки.— Мы не должны поддерживать силовых решений глобальных человеческих проблем! Мы должны уважать гражданские, общечеловеческие права наших оппонентов!

Я наконец понял, что он просто дразнит меня перед камерой. Ждет сильных эмоций или скандального текста. Скотина. Ладно, будь по-твоему. Сейчас ты получишь скандальный текст!

— Кто-то наложил кучу дерьма у вас в доме,— начал объяснять я.— Вы берете совок и швабру, чтобы убрать дерьмо, а дерьмо вдруг начинает отчаянно вонять: «Что вы делаете, господа! Вы звери, господа! Ведь у меня, у дерьма, тоже есть права! Да, я воняю, но выбрасывать меня — это не решение проблемы. Это трусливый поступок типичного совкового быдла! Да, дерьмо не такое, как все, но оно тоже имеет право на существование! Надо искать с дерьмом общий язык, попытаться убедить его вонять поменьше. Это лучше, чем насилие в виде швабры или пылесоса! И не надо уподобляться трусливым сатрапам, смывающим дерьмо там, где увидят!»

Иван с каменным лицом дослушал меня, еще раз сделал панораму по садику, а потом выключил камеру, бережно поставил ее рядом с собой на асфальт и грустно сказал:

— Смешно. Ты просто прирожденный юморист, Антон Иванович.

— Вождя движения «Гризли» зовут Антон Львович,— поправил его я, опять обратив внимание на джип — там был, как минимум, еще один человек, и меня беспокоило то обстоятельство, что я не вижу, кто там сидит, а тот, в джипе, видит меня очень даже подробно, как в тире.

Иван перехватил мой взгляд и успокаивающе поднял грязные ладони:

— Не дергайся. Там офицеры из местного артиллерийского училища. За наличные арендовал вместе с джипом. Сам понимаешь, без охраны сейчас никуда.

Я согласно кивнул и показал на садик:

— Кофе? Водки? Жрать не предлагаю, ибо у самих мало.

— У вас не хватает жратвы? — озаботился Ваня, вытянув шею из грязного ворота рубашки и с любопытством глядя в сторону садика.— Ладно, я упомяну об этом в репортаже. Детям обязательно что-нибудь принесут. Слушай,— пригляделся он к моему лицу,— а что у тебя за бланш под глазом? Бился врукопашную с местной мафией?

— Как точно ты ее назвал. Так и есть — местная мафия. Зовут Ксюша, и ей уже одиннадцать лет,— сообщил я с улыбкой, но Иван неожиданно нахмурился и пробормотал невпопад:

— У меня тоже полно всякой работы.

Он протянул руку, и я понял, что заходить в гости он не будет.

— Некогда мне пить. Я, конечно, не герой, мне просто бабки рубить надо,— ответил он на невысказанную претензию.— Но я еще к тебе не раз заеду, не переживай.

Я уже снова запер ворота на замок, когда Иван уселся в машину и, вдруг усмехнувшись, приложил правый кулак к виску.

— А как тебе вообще эта раскрутка «Восточных медведей»? — бросил он мне из окна.— Движение «Гризли», всем встать! Признайся, ведь круто получилось?

— Побриться бы надо было,— задумчиво отозвался я, потирая трехдневную щетину.— Ну и страшная, наверное, была у меня рожа в кадре, да еще с фингалом... Зачем ты вообще это сделал?

Иван пожал плечами:

— Случайно. В «Раша тудей» заказали позитивный сюжет, а ничего готового не было. Пришлось немного пофантазировать под видео с тобой и детишками.

Я понял, что он врет, и даже догадался почему:

— Тебя самого достал весь этот треш, верно? И ты решил сочинить сказку про богатырей-спасителей России, так?..

— Может, и так. А может, и нет,— оборвал меня Иван, и джип, покашливая замученным мотором, покатил прочь.

Я вернулся к беседке, но двор был пуст, и я пошел в дом, объявить об отмене тревоги.

В холле меня встретил настороженный Олег Меерович с автоматом в руках. Автомат-то он взял, а магазин к нему не пристегнул. Вояка, блин...

— Дети сказали, что бандиты приехали,— объяснил он.

— Это было телевидение,— коротко ответил я, не желая развивать тему.

— О, нас опять снимало телевидение! Я смотрю, вас, Антон Львович, крайне заботит проблема распространения ваших любопытных идей среди всего человечества.

Он стоял передо мной, такой огромный, рослый, седой, всепонимающий старик, и грустно мне улыбался.

— Если вы опять про комплексы маленького человека, то у меня их нет,— сказал я строго и пошел на второй этаж, рассмотреть наркоманскую «хрущевку» поподробнее.

— Один невысокий, но резкий в движениях ефрейтор тоже так думал,— услышал я за спиной, но решил не ссориться по пустякам и промолчал.

Детей уже накормили, отвели в спальни, и теперь в каждой палате сидело по женщине, рассказывающей ребятам сказку. Я с признательностью улыбнулся Юле и Валентине, и они одинаково нетерпеливо отмахнулись от меня, занятые самым важным делом на свете.

Я выбрался на крышу. Солнце светило почти из зенита, и вокруг было видно все, каждую травинку, каждую щербинку на асфальте.

На асфальте перед наркоманской «хрущевкой» было видно распластанное тело, и я сразу понял, кто это там лежит... Вокруг бодро скакали несколько мужчин. Еще один сидел в инвалидной коляске, а двое других с криками и улюлюканьем, слышимым даже здесь, катали его с невероятной скоростью.

Я смотрел на это представление минут десять, собираясь с мыслями, а потом быстро спустился в холл. Там я надел бронежилет, накинул сверху куртку, положил в карманы по гранате и пошел на выход.

Олег Меерович успел догнать меня лишь у самых ворот. Он, запыхавшись, встал передо мной, и не, скрывая своих эмоций, злобно спрашивал одно и то же:

— Что вы собираетесь делать, молодой человек? Скажите мне, что вы будете сейчас делать?

Я совершенно не хотел говорить о том, что буду сейчас делать, поэтому просто обошел психиатра справа, но он опять появился перед воротами, уже слева, и тогда я просто перелез через забор.

Я пошел по дороге, не оборачиваясь, но Олег Меерович еще пару раз укорил меня в спину:

— Вы идете убивать людей, которые пока ничего плохого вам не сделали! Вы даже не проверяете информацию, а уже приняли решение!.. Антон, вы сумасшедший маньяк, возомнивший себя богом!

Я притормозил на минутку и обернулся. Я старался говорить ровно и вежливо:

— Олег Меерович, вы не правы. Они обязательно придут ночью. Этой или следующей — неважно. Просто я не хочу этого ждать и убью их первым. Вы готовы ждать, а я — нет. В этом между нами и разница. Вы ждете, когда вас ударят, чтобы не обидеть невинного, а я уже знаю, кто тут урод, поэтому стреляю первым. Кстати, если не врут телевизионщики, это и есть лозунг моего движения. И вы, кстати, в нем тоже состоите.

Я потопал себе дальше, уже не оглядываясь, но в спину мне теперь дышала только злая, растревоженная нашими криками тишина.

Ничего, зато впереди было шумно и весело...

Возле «хрущевки» меня заметили так поздно, что у меня появилась безумная, но такая волнующая, обжигающая мысль — покончить с ними штык-ножом от «калаша». Впрочем, я решил не пачкаться — стирального порошка как не было, так и нет — и вышел к тому самому подъезду с голыми руками.

Возле трупа немолодой темноволосой женщины, одетой в линялый домашний халат, я остановился, чтобы оглядеться по сторонам.

— Пацаны, смотри, какой фраер нарисовался! — заорал худощавый и высокий мужчина, судя по потертой физиономии, лет сорока, не меньше. Впрочем, наркоты всегда выглядят вдвое старше истинных лет.

«Когда грохнешь жабу, надо будет ее распилить и посмотреть годовые кольца»,— предложил Чужой безумную идею, но я тут же испуганно отогнал ее на задворки сознания — эдак, граждане, и рехнуться недолго.

— Кто тут у вас главный? — спросил я, вежливо улыбаясь торопливо собиравшимся вокруг меня животным.

— А ты сам кто такой, чтоб тут вопросы задавать, чмо?! — выдвинулся вперед плечистый юнец в солдатском бушлате, и я, поражаясь своему терпению, по-прежнему вежливо ответил:

— Я сын Полины Ивановны, которую вы сегодня утром выбросили из окна.

Они замерли, глядя на меня со странной смесью жалости, любопытства и презрения.

— И чё? Ты, типа, предъяву нам кидаешь, что ли? — ухмыльнулся коренастый дебил, оглядываясь по сторонам в поисках поддержки.

— Типа, да. Кидаю предъяву,— эхом отозвался я, тоже с интересом оглядывая своих собеседников.

Их уже стояло вокруг человек десять, и я подумал, что помпу перезаряжать не буду, а просто достану после шестого выстрела «Иж» и покончу со всеми сразу.

— Ща и ты оттудова полетишь, с пятого этажа,— наконец порадовал меня ближайший ко мне дебил в телогрейке на голое тело.

Он сделал шаг в мою сторону. Я нарисовал ему огромную, парящую кровью дырку строго по центру голой груди и, уже не пряча помпу под курткой, задал в окружающее пространство все тот же вопрос:

— Так кто тут у вас главный, граждане дебилы?

Вспоминая гневные укоры Олега Мееровича, мне все еще хотелось некоторого обоснования своих гуманистических претензий.

Увы, дебилы тупо смотрели на лежащего навзничь соратника и стояли молча, хотя с видимым тремором во всех конечностях.

Мне не нравилось, что при этом они стояли вокруг меня, в том числе и сзади, поэтому я сделал пару шагов назад и попросил их выстроиться передо мной.

Они не двигались, и тогда мне пришлось, послав очередное мысленное «прости» психиатру, снести башку картечью ближайшему молодому человеку.

Потом я снова терпеливо напомнил собравшимся, как им следует встать, и они уже шустро задвигались, выстроившись передо мной в одну неровную шеренгу.

— Кто из вас убил Полину Ивановну? — спросил я.

Дебилы молчали, и я, опять послав в космос телепатический сигнал с извинениями, выстрелил в самую противную рожу, пускающую слюни прямо передо мной.

Строй дебилов дрогнул, они принялись активно шевелить губами, но слов я еще не слышал и опять, в который уже раз, спросил:

— Кто убил Полину Ивановну?

— Семен ее убил. С Психычем,— наконец сообщил юноша в майке, драных трениках и тапках на босу ногу.

Юноша стоял самым правым в ряду, и мне пришлось сделать шаг вправо, чтобы увидеть его лицо. Лицо как лицо — немытое, конечно, но с хомо сапиенсом такое животное с двух шагов спутаешь запросто.

— Ну, и где эти Семен с Психычем? — спросил я, поведя стволом помпы вдоль строя.

— Психыч вон лежит, без башки. А Семен вот, живой стоит,— показал пальцем на совсем молоденького, безусого пацанчика разговорчивый юноша.

Я тут же выстрелил Семену в голову, а потом сосчитал оставшихся ублюдков — их было семеро, и мне не понравилось, что их все еще было больше, чем осталось патронов в помпе.

Наркоманы внешне почти никак не отреагировали на сокращение своих рядов — они все грустно смотрели на меня мутными, красноватыми глазками, не двигались и даже уже не дрожали. Они просто ожидали, чем закончится очередное приключение, и это спокойное ожидание начало меня раздражать. В этом тупом, животном спокойствии я ощутил реальную угрозу — сродни той, что исходит от стаи бродячих собак, лесного пожара или эпидемии гриппа. Ты знаешь, что угроза реальна, но избежать ее не сможешь, если не предпримешь кардинальных мер.

Чужой тоже это почувствовал и начал осторожную пульсацию, в подчеркнутой готовности взорвать время вокруг меня, если это действительно понадобится.

— Ну, какие дальше будут предложения? — спросил я, вытащив пистолет, и, засунув его в пройму жилета, так, чтобы сразу взять, если что, принялся перезаряжать помпу.

Дебилы стояли молча, и я понял, что разговорить их мне уже не доведется — разве только убить.

Я аккуратно перезарядил помпу, убрал «Иж» на место, за брючный ремень, и спросил еще раз:

— Ну?

Повисла глухая, тяжелая тишина — в ней было слышно прерывистое дыхание каждого из ублюдков.

— Дяденька, не убивай, мы больше не будем,— вдруг раздался нервный, плачущий голос.

— Да? Обоснуй, почему я должен тебе верить? — спросил я невысокого прыщавого паренька, и тот вдруг упруго присел передо мной на корточки и закрыл бритую голову синими от татуировок руками:

— Я не убивал никого! Я не убивал никогда! Я не убивал!

— Гы, во Дрон косит! — откликнулся его сосед, радостно оскалившись на меня желтыми зубами.— Он не убивал, да. Он только чилдров трахал! У него даже кликуха — Педофил,— снова радостно засмеялся сосед.

— Кого он трахал? — не сразу понял я.

— Чилдров,— осклабился желтозубый.— Ну, типа детей. Бывало, что и с муттерами. Ну, это как придется. Кого в районе отловят, того и трахнут... — От желтозубого дебила понесло вдруг тошнотворными подробностями:— Прикольно было, когда сначала муттеров, потом чилдров. И наоборот тоже прикольно — они же смотрят всё, а орут вообще как резаные...

— Чилдров с муттерами? — Я уже все понял, но никак не мог принять решения. Просто повернуться и уйти, чтобы не возомнить себя богом?

...Они не успели никуда уйти, даже поняв по моему лицу, что я сейчас сделаю. Только двое пробежали больше трех метров, а все остальные рухнули там, где стояли.

Конечно, мне пришлось еще доставать пистолет, чтобы прекратить шевеление и неуместный скулеж, который действовал мне на нервы.

Потом я повернулся к окнам жилых домов, где, я знал, сейчас смотрели на меня все уцелевшие аборигены микрорайона, вернул «Иж» за ремень, выпрямился и приложил свой правый кулак к вспотевшему от напряжения виску.

Мне ответил ясно слышимый вздох сотен, если не тысяч горожан, и я сам для себя осознал, что все сделал правильно.

Глава двадцать вторая

Вся последующая неделя стала цепью событий, на которые я уже никак не мог повлиять, даже если бы очень захотел. Я стал центром какого-то бурного водоворота, который засосал меня в свою пучину целиком, не оставляя малейшего шанса выбраться на поверхность или хотя бы вздохнуть.

«Коломенские» пришли на третий день после расстрела наркоманов — колонной из четырех милицейских «козелков» и двух легковушек с отломанными дверями. Нам неслыханно повезло, что они появились утром, когда дети еще завтракали, а не гуляли в саду, потому что бандиты сразу начали беспорядочно стрелять по автобусу и окнам здания, даже не пытаясь вести переговоры о сдаче.

Юля в тот момент кормила младших на втором этаже, а Валентина — старших на первом, но обе женщины одновременно приняли самое верное решение — загнали детей в коридор первого этажа. Он не простреливался с фасада, а чтобы защититься от обстрелов с торца, женщины начали строить под руководством Олега Мееровича баррикады из мебели.

Внизу я им был не нужен, и я бегом помчался на крышу, умоляя всех святых, чтобы урки не успели перемахнуть через забор и попасть в «мертвую зону».

Они не успели — они вообще никуда не спешили, эти вальяжные наглые твари, привыкшие за последние недели к безоговорочному повиновению всех окрестных аборигенов — от областных боссов до зашуганных участковых, не говоря уже о простых обывателях. Поэтому я легко снял сразу двоих габаритных мужиков, картинно, от бедра, поливавших наш уже и без того изрешеченный «Икарус» из автоматов.

Автоматная очередь с крыши и смерть двоих соратников ничуть не обескуражила остальных — посмотреть, отчего вдруг упали эти двое, вылезли из машин еще человек пять, и я торопливо стрелял по ним короткими очередями, понимая, что скоро халява закончится и враг начнет действовать намного умнее и хладнокровнее, а у меня всего шесть магазинов и один боец — я сам.

Впрочем, до умных действий тогда у них так и не дошло — эти кретины еще больше часа изображали Крепких Орешков, бегая у меня на прицеле вокруг забора, но так и не додумались прорваться в сад.

К обеду я насчитал три верных трупа и порядка десяти раненых, а меня только пару раз зацепило, причем все в то же левое плечо. Я даже перевязываться не стал, потому что все нужное в этом плече уже было — и бинты, и антибиотики...

Урки «просекли фишку» только после того, как у меня со второго раза получилось выстрелить из гранатомета — первый раз я просто уронил трубу с крыши на козырек над входом, и граната взорвалась там, обрушив козырек и выбив все окна на втором этаже.

А вот второй выстрел получился удачным — граната угодила прямо в «козелок», и он остался чадить жирным черным дымом перед самой калиткой сада. Вот тогда остальные машины и рванули от нас, суетливо и нервно пересекая пустырь, и я от души поработал по движущимся мишеням. Если бы не солнце, которое слепило мне глаза, до спасительного угла ближайшей пятиэтажки доехали бы немногие. Впрочем, еще один «козелок» на пустыре все-таки остался, не добравшись до жилых кварталов метров тридцать, и это тоже было победой.

Очень довольный собой, я стоял на крыше, выпрямившись во весь рост, когда услышал за спиной знакомый бас Олега Мееровича:

— Наш юный фюрер осматривает театр будущих военных действий? Кстати, Москва там! — и он показал, где, по его мнению, находилась Москва.

Как я его тогда не пристрелил, не понимаю.

Впрочем, визит психиатра оказался кстати — мы поделили пополам сектора обстрела, и у меня появилось время, чтобы немного передохнуть. Но тут завибрировал телефон у меня в кармане

— Приветствую лидера «Гризли»! — услышал я голос Сыроежкина.— У вас там сегодня жарко, я смотрю.

— Откуда смотришь?

— С крыши, разумеется. Я, не поверишь, веду прямой репортаж с шестнадцатиэтажной точки в центре города. Помахать тебе ручкой?

Я осмотрелся по сторонам и действительно заметил точечную многоэтажку, на крыше которой копошились черные фигурки.

— Ну, как насчет очередной программной речи в перерыве между боями? Мне нужен пронзительный текст на фоне трассирующих пуль,— заявил Иван все так же глумливо, и меня не на шутку начал раздражать этот тон. А еще мне показалось, что телеоператора заметил Олег Меерович и теперь косился на меня с откровенной ухмылкой, довольно глупой в нашем теперешнем положении. Им всем смешно, бляха-муха.

— Вань, ты что, в самом деле сейчас в прямом эфире? — не поверил я.

— Ну да. Эту картинку я продаю сразу двум телекомпаниям,— с некоторым недоумением отозвался Иван.

Он действительно не понимал, что делает: для него это был «боевичок» с хорошими расценками за каждую отснятую минуту. Я, конечно, тоже не тургеневская девушка, но продавать расстрел в прямом эфире не сумел бы, это точно.

— Слушай сюда, придурок,— произнес я внятно.— Твое кино сейчас смотрят все, и «коломенские» — тоже. Ты же наводчиком сейчас работаешь, урод! Когда у тебя на экране задымит наш садик, можешь пустить титры — типа, тридцать пять детишек и четверо взрослых сгорели в ходе очередной бандитской разборки в городе Кашира.

— Не ори на меня, истеричка,— спокойно ответил Иван.— Я — репортер. Мое дело — снимать. Если сгоришь — сниму и озвучу за кадром, чтоб люди знали, кто и почему там в Кашире сгорел. Пока. И удачи тебе, «гризли» хренов.

— Да пошел ты...

Минут через десять нашу крышу накрыл такой плотный огонь из чего-то крупнокалиберного и многоствольного, что там не только стоять — лежать стало тревожно.

Пули срезали сначала все антенны, потом раскрошили вентиляционные трубы, а потом неумолимый смертельный поток начал сносить даже каменное ограждение крыши. О том, чтобы в такой обстановке поднять голову выше двадцати сантиметров от горячего рубероида, не стоило и говорить.

— Они, наверное, сейчас в атаку пошли, пока мы их не видим!— проорал психиатр, вжавшись в крышу, как ящерица.

Я смог только кивнуть и тут снова зазвонил телефон.

— Слышь ты, «гризли» хренов!..— Это был Иван Сыроежкин.— Они там на тебя в атаку пошли. На трех машинах со стороны пустыря, и еще две группы пешим порядком с юга двигаются, мимо трансформаторной будки.

— Спасибо,— буркнул я.

— Не за что. Кстати, камеру я на них повернул. Так что не ссы, вождь, как ты там позорно залег, народ не увидит...

«Позорно залег». Интересно, а что я должен делать — встать и отбивать пули своей впалой грудью?

Тут у меня снова зазвонил телефон, и я выматерился в ревущее пулями небо. Я сегодня очень популярный абонент.

— Привет, дорогой! У нас страшная беда — мы тут пришли с пляжа в номер, а у нас украли вещи, представляешь? — сообщила Ленка.

— Представляю,— сказал я, сам удивляясь своему спокойствию.— А карта банковская цела?..

Мне пришлось вжаться в симпатичную нишу между бортиком крыши и вентиляционной стойкой.

— Карта цела, я ее всегда с собой ношу,— утешила Ленка.— Но украли мой сарафанчик, такой веселенький, в крупный горошек, с прозрачными бретельками, помнишь, мы его в Апрашке покупали за пять тысяч, ты тогда кричал, что дорого. Еще фотик сперли, с карточкой на два гига. Так жалко, столько фоток там было. А из Лизкиных вещей стибрили только курточку зеленую, с медвежатами смешными на спине, помнишь, мы ее покупали со скидкой в «Детском мире» за...

— Помню, конечно,— оборвал я жену, и тут на крыше начали рваться минометные мины, и осколки градом застучали вокруг.

— У тебя там помехи какие-то... — сказала Ленка.

— Да, помехи!— проорал я в промежутке между разрывами.— Извини, дорогая, у меня сейчас времени мало, я потом тебе перезвоню, ладно?

— Никогда у тебя нет на нас времени,— расстроилась Ленка.— Ну, хотя бы скажи — ты меня любишь? Да? А как ты меня любишь?

Сразу по два минометных разрыва ухнули на крыше и на втором этаже одновременно, и я, не удержавшись, заорал от страха:

— Бля-я-я!..

— Ну ты и хамло! — возмутилась Ленка и отключила телефон.

Я осмотрелся по сторонам и в метре от себя неожиданно увидел страшное окровавленное лицо. Олег Меерович грустно смотрел на меня, часто моргая слезящимися глазами, и даже не пытался вытереть кровь из иззубренной рваной раны на лбу.

— Вас осколок задел,— крикнул я ему, но он только чаще заморгал.

— Уходим отсюда! — крикнул я и пополз к чердачному люку.

Я очень надеялся, что психиатр сможет сам покинуть крышу — тащить под огнем такую тушу я бы точно не смог.

Мы спустились на второй этаж, по колено засыпанный трухой от остатков мебели. Потом проскочили смертельно опасный северный участок здания — здесь целый угол был оторван непонятным, но очень мощным оружием, и в образовавшуюся дыру летели пули сразу с трех направлений.

В коридоре первого этажа стоял тихий плач — дети лежали на полу, закрыв головы руками. Трое лежали отдельно от остальных, в темной луже, и я сразу понял, что случилось самое страшное... Валентина повернула ко мне испачканное кровью лицо:

— К нам сюда какая-то бомба залетела. Близнецов сразу убило, а Ксюше обе ножки оторвало, она без сознания сейчас. А у нас ведь даже анальгина нет!

Чужой без предупреждения взорвался у меня в голове горячим кровавым гейзером, и я, выпрямившись во весь рост, пошел вперед по ставшему сразу очень тесным вестибюлю среди замерших тел взрослых и детей.

На улице время тоже остановилось, и я спокойно дошагал до забора, разыскивая подходящую мишень для своего автомата. Впрочем, больше всего мне хотелось резать врага штык-ножом, но я сдержал себя, понимая, что действовать таким способом нерационально.

Две пешие группы урок, о которых предупреждал Иван, как раз подошли к ограде с южной стороны сада, и я, присев для пущей точности на одно колено, начал работать по ним из кустов, экономно стреляя одиночными.

Эти твари поняли, что их убивают, только после десятка моих выстрелов. Зато, когда живые осознали опасность, они развернулись и бросились бежать. Стрелять в их вонючие задницы было одно удовольствие...

Чужой успел предупредить меня, когда с севера подобрались урки на уцелевшем «козелке» и ударили по моим заветным кустикам из ручного миномета. Я вышел на них слева, и пока они разворачивали свои удивленные рыла, выпалил в них весь автоматный рожок. Потом я перемахнул ограду и все-таки не удержался — добежал до полыхающей машины и несколько минут кромсал корчившиеся на земле тела штык-ножом.

Потом я поднял глаза на пустырь и понял, что проиграл — по пустырю уверенно ехал БМП, и ее пушка, как и оба пулемета, смотрели мне прямо в лицо.

Чужой опять вскипел в мозгу кровавой пеной, но я не поддался на его уговоры убить эту машину штык-ножом. Я рванул назад, в сад, а потом за угол дома, лег там и вынул из кармана обе гранаты, понимая, что кинуть их в броневик мне вряд ли позволят — продырявят пулеметами, едва я покажусь в зоне видимости стрелков.

Это был чистый проигрыш, и даже Чужой признал это, неровными рывками запульсировав в моей голове, а потом спустившись куда-то в грудь, а потом в живот и ниже... Вот откуда взялось это странное выражение — душа уходит в пятки. Моя душа уходила в пятки, а я ничего не мог с этим поделать.

По дому откуда-то со стороны фасада вдарили из крупнокалиберных пулеметов, а потом опять заработал миномет. После нескольких взрывов с первого этажа донесся жуткий, корежащий душу детский рев, и я понял, что урки опять попали в коридор.

Я застонал от бессильной злобы, закрывая глаза и уши, чтобы не видеть этого кошмара и хотя бы не слышать криков умирающих детей. А потом на меня нашло прояснение — я взял по гранате в каждую руку, вынул из них чеки

и, зажав спусковые скобы, пошел на броневик. При этом я вовсе не чувствовал себя героем — больше всего меня глодала мысль о глупой, дурацкой ошибке, которую мы все совершили, оставшись в этой долбаной западне — в долбаном садике трижды долбаной Каширы.

Мне хотелось умереть от обиды, и я шел умирать, но еще сильнее мне хотелось наказать за свою ошибку как можно большее количество ублюдков вокруг.

Впрочем, они не стали убивать меня сразу — я успел пройти метров пятьдесят по пустырю навстречу броневику, когда он вдруг остановился и из его люка посыпались на землю люди в знакомых до отвращения спортивных костюмах, но с черно-красными повязками на рукавах.

Я искренне надеялся, что они кинутся на меня врукопашную и тогда получится порвать их руками, но они, сделав пару шагов ко мне, вдруг выстроились в линию, показав сжатые в салюте кулаки.

— Честь и порядок! — заорали они, прижимая кулаки к правому виску.— Вождю Антону — слава и честь!

В совершеннейшем изумлении я тоже приложил сжатый кулак к своему виску. Судя по всему, это был верный отзыв, потому что шеренга еще раз дрогнула в дружном порыве, выкрикнув мне в лицо:

— Да, вождь! Да, честь! Честь и порядок!

Я замотал контуженной головой, отгоняя бредовые ассоциации, но когда мужики в спортивных костюмах опять завели свою шарманку про «честь и порядок!», я едва не ответил им, что Гитлер давно уже капут.

Стрельба вокруг неожиданно стихла, и я никак не мог понять, куда же подевались злобные урки. Те люди, что сейчас стояли передо мной, на бандитов были не похожи — чистые, выбритые до синевы лица, а в глазах — странная в такой ситуации преданность и даже обожание.

Чужой завозился под черепом, пришел в себя и начал бодро выбираться наверх, из самых пяток. Угнездившись в моей голове на привычном месте, где-то в районе затылка, этот старый вояка напомнил мне про снятые с чеки гранаты, которые я так и держал в потных руках.

— Оружие есть? — осипшим от напряжения голосом спросил я у ближайшего визитера, лысого щекастого крепыша лет пятидесяти.

Лысый выкатил на меня глаза и восторженно гаркнул:

— Так точно! Оружие есть!

После чего добавил, деликатно понизив голос:

— Патронов только нет ни хрена, вождь Антон...

Всего их прибыло человек пятнадцать — курсанты и преподаватели Каширского артиллерийского училища, с восторгом узнавшие из телевизионного репортажа, что в их город наконец вошли те самые знаменитые «гризли» и ведут сейчас отчаянный бой с бандой «коломенских» в Южном микрорайоне.

Я быстро вооружил этих сумасшедших всем, что нашлось в нашем арсенале, а потом мы пошли в атаку на учебном, но вполне надежном БМП.

Не знаю, как там полагается действовать в теории общевойскового боя, а на практике большую часть вражеских огневых точек мы просто раздавили. Все-таки бронетехника в городе рулит, если к ней прилагаются настоящие бойцы. Мои новые бойцы оказались настоящими — никто не прятался за спины, не ныл, если цепляло пулей или осколком, а уж команды выполняли беспрекословно, не задумываясь о последствиях.

Северный квартал мы зачистили часам к пяти вечера, а потом больше двух часов штурмовали минометное гнездо на крыше соседней пятиэтажки. Минометчика я брал лично, и мне невероятно повезло — я взял его целым и невредимым.

Потом я позвонил Сыроежкину, и когда он прибыл, я на скорую руку сочинил ритуал казни, которую Иван снял, не дрогнув ни единым мускулом своего вечно небритого лица.

Минометчиком оказался красивый рослый парень лет двадцати пяти, и когда я привел его на проволочном аркане в садик, Юля с Валентиной попытались даже отбить его у меня, умоляя «не делать этого, потому что это дикость и варварство».

Но потом в садик привели еще пару пленных, которые с готовностью указали на того, кто так ловко забрасывал мины в окна первого этажа, и обе женщины успокоились. Они даже помогли бойцам вынести три детских трупика к основанию фонарного столба, на котором я лично вздернул минометчика. Трупов было три, потому что девочка Ксюша тоже умерла — по счастью, так и не придя в сознание. Раненых детей вообще было много, и мы пока не понимали, сможем ли спасти их без квалифицированной медпомощи.

Других пленных я решил не вешать — не заслужили. Их просто расстреляли там же, у столба, и Иван сразу уехал, даже не попрощавшись со мной. Я понял это так, что он не согласен с моими действиями. Но я тоже не хотел это обсуждать, потому что твердо знал: я все делаю правильно.

Сразу после казни я построил личный состав, и лысый крепыш наконец представился по полной форме, преданно выкатив глазки:

— Михаил Холмогоров! Профессор кафедры баллистики Каширского артиллерийского училища. Майор в отставке.

Бойцы у него за спиной тут же принялись орать «Честь и порядок!», а я торжественно салютовал им сжатым у правого виска кулаком.

Мне, правда, не понравился ответный выкрик: «Да, вождь!» С этим ритуалом Холмогоров явно перемудрил — я понял это, увидев хмурое лицо Олега Мееровича, соблаговолившего выбраться из садика на шум и вставшего неподалеку с детским горшком в руках и «беломориной» в зубах.

Устыдившись, я гаркнул бойцам:

— Молчать!

Они послушно замерли, и в наступившей тишине я спокойно сказал:

— Меня действительно зовут Антон, и я действительно «гризли». Но мне не нравится слово «вождь». Меня устраивает слово «товарищ». Или «соратник», если вам не по душе коммунистические ассоциации. Итак, меня зовут «соратник Антон». Вопросы есть?

— Никак нет, соратник Антон! — послушно рявкнули они хором, и майор Холмогоров орал громче всех.

Весь вечер и целые сутки потом прошли в странных, каких-то вздорных перестрелках. В результате мы не только зачистили микрорайон от коломенских упырей, но и захватили богатые трофеи — «жигули» на ходу, водовозку на базе «ЗИЛа» и несколько ящиков боеприпасов. При этом каждый бой начинался и заканчивался одинаково — случайно обнаружив себя, противник тут же удирал сломя голову под шквальным огнем моих бойцов. Видимо, дело было в нашем неоспоримом психологическом преимуществе — мы знали, за что воюем, а урки об этом даже не догадывались. Или же Иван так накачал своими репортажами горожан — простые люди высыпали на улицы, не дожидаясь окончания пальбы, и орали «Честь и порядок!» такими заполошными голосами, что заглушали уханье миномета.

Я и не знал, что в районе выжило так много обывателей — пустынные доселе улицы вдруг заполнились народом, и, чтобы навести должный порядок, мы с майором отобрали из добровольцев человек тридцать самых достойных, торжественно обозвали их Первым Добровольческим корпусом и направили патрулировать улицы, дав в усиление к каждому патрулю по одному курсанту-артиллеристу.

В тот же день мы вывесили на крыше садика черно-красное полотнище, наспех сшитое Валентиной из оконных гардин — черных и красных, разумеется. Еще Валя успела настрочить из того же материала с полсотни черно-красных повязок. Из их вручения соратникам Добровольческого корпуса мы устроили праздник, поглазеть на который явилось несколько тысяч гражданских и две съемочные группы московских стрингеров.

Без Ивана, конечно, тоже не обошлось — он наконец оттаял после нашей недавней размолвки и разговаривал со мной вполне миролюбиво, хотя и несколько настороженно.

— Я смотрю, ты теперь вместо коммунальных служб рулишь,— спрашивал он меня, с интересом наблюдая, как в вечерних сумерках под прикрытием курсантов бригада ремонтников восстанавливает развороченный минами участок водопровода возле садика.

Нам срочно была нужна вода — раненых требовалось помыть, чтобы не допустить гнойных воспалений, да и кормить такую ораву прибывших соратников без воды тоже было затруднительно.

Я кивнул Ивану, соглашаясь, — нам вообще предстояло быть заменой всему, что еще недавно, этой весной, худо-бедно, но функционировало в Кашире.

На вечернем построении личного состава я даже прочитал об этом речь. Объявил, что власть в городе переходит к Движению, и напомнил о наших правилах, главным из которых я считал Правило превентивного убийства — соратники имеют право убивать мародеров на месте, не дожидаясь нападения. Это же правило распространяется на всех, кто разгуливает по городу с оружием и отказывается подчиняться Движению.

Мою речь поддержали сотни восторженных голосов, которые затем слились в один ритмично пульсирующий вой: «Честь и порядок!», «Честь и порядок!», «Честь и порядок!» На этот вой откликнулся даже Чужой, который начал подергиваться в такт крикам, пока я мысленно его не осадил.

Эта ночь тоже выдалась бессонной — мы с майором планировали работу на завтрашний день, попутно решая десятки мелких и крупных проблем — от организации ночлега пятидесяти добровольцев до срочного ремонта трофейного пулемета Дегтярева, который нам завтра точно понадобится при штурме водонапорной башни.

Заодно Холмогоров поведал мне историю своего войска. Конечно, это были все те же испуганные, забитые каширские обыватели. Но майор Холмогоров (даром что бывший советский замполит!) сумел отыскать в общежитии училища два десятка нормальных, вменяемых иногородних студентов, которым просто некуда было деваться, и организовал их в управляемую исполнительную команду.

Майор рассказал мне свою историю быстрыми, точными фразами, не жалея себя и не приукрашивая события. Его элитную многоэтажку, где одинокий профессор проживал после развода в шикарной трехкомнатной квартире, добропорядочные каширские бюргеры сожгли еще в мае, когда российская погромная волна докатилась до благополучного Подмосковья. Тогда майору дали комнату в общежитии, и там скучающий теоретик от баллистики нашел свой рецепт спасения и сохранения — надо собрать вокруг себя таких же неуверенных в завтрашнем дне обезумевших мужиков и уверенно сказать им, что знаешь, что делать. Этот рецепт позволил майору официально получить должность коменданта и сохранить общежитие. Зато само артучилище он уберечь не сумел — оно сгорело в августе, когда дома в стране жгли уже даже не ради поживы, а простоо, чтобы посмотреть, как будет гореть — красиво или не очень... Каширское артиллерийское училище горело красиво — там все-таки имелся какой-никакой, но боекомплект.

Больше месяца курсанты и преподаватели выживали в обесточенном общежитии, умудряясь сдерживать напор организованных бандитов и неорганизованных мародеров. Но когда в городе появились вооруженные головорезы из окружившего Москву крысиного кольца, относительно спокойная жизнь закончилась. В первой же стычке с крысами из Кольца Ожидания были зверски убиты трое курсантов-боксеров, на авторитете которых Холмогорову удавалось поддерживать порядок в общежитии, а потом визиты обнаглевших мародеров стали ежедневным унижением для безоружных мужчин — у них было полно учебного оружия, но весь этот хлам со спиленными бойками годился только для устрашения обывателей, а не противодействия профессиональным хищникам.

Понятно, с каким настроением каширцы смотрели телерепортажи Ивана про мифических народных героев с медвежьими мордами на своих (таких же мифических) знаменах. И как только майор Холмогоров увидел по телеку боевое столкновение «гризли» с коломенскими в двух кварталах от здания общаги, решение было принято — в БМП, так напугавший меня вчера, набились все, кроме нескольких человек, которых оставили охранять семьи.

Ближе к рассвету мы с майором отправились проверять посты и впервые разошлись в оценке одного и того же события — на перекрестке двух прос-

пектов, где мы поставили БМП для контроля за передвижениями обывателей, я лично застукал спящего в карауле добровольца.

Это был пожилой и какой-то рыхлый мужик из недавно набранной команды местных жителей — все они сами просились к нам, буквально умоляли зачислить на довольствие, потом еще клялись на нашем знамени быть верными и исполнительными, и вот теперь это «верное и исполнительное» чмо безмятежно дрыхло на газоне разделительной полосы, примостив нечесаную башку на один из пулеметов, с таким трудом добытый нами у врага.

Я молча съездил мужику ботинком по морде, и пока тот растерянно озирался, встав на четвереньки, добавил с ноги еще раз, посильнее. Потом я отстегнул ремень с его пулемета и связал оглушенному, беспомощно барахтающемуся на земле добровольцу руки за спиной.

На шум из БМП выскочили еще двое расхристанных полуодетых бойцов, которые вытаращили на нас красные от недосыпа глаза.

— Ваш человек? — спросил я, и они оба кивнули, встав на всякий случай по стойке смирно.

— Надо отвечать «так точно, соратник Антон!»,— объяснил я, доставая из-за пазухи помпу, и они тут же гаркнули сиплыми спросонок голосами:

— Так точно, соратник Антон!

— Почему ваш человек спал в карауле?

Оба добровольца одинаково неуверенно пожали плечами, и я начал заводиться от одного вида этих слизняков.

— В городе идут боевые действия! Мы ждем атаки коломенской братвы! Из Кольца Ожидания постоянно просачиваются разные твари! А это мурло спит на посту! — заорал я в ночной тишине и стало слышно, как зашевелились бойцы в секрете на остановке напротив.

— Честь и порядок! — вдруг заорали оба добровольца, окончательно проснувшись, и майор рявкнул на них раздраженно:

— Молчать!

Я убрал помпу на место — сейчас она только мешала.

— Завтра утром ты будешь расстрелян перед строем! — сообщил я связанному добровольцу, и он тупо кивнул огромной головой, легко соглашаясь с каждым моим словом.

Идиот, он даже не вдумывался в то, что я ему говорил. Зато вдумался майор — он робко тронул меня за плечо и заговорил тихим, вкрадчивым голосом:

— Соратник Антон, прошу вас на первый раз простить добровольца Кузьменко. Вчера тяжелый день был, люди устали, не все выдерживают...

— У нас каждый день теперь будет тяжелым! — ответил я, искренне не понимая, как люди могут быть такими беспечными.— Боец, заснувший на посту, нарушил присягу! Всякий нарушитель присяги должен быть расстрелян! Мы не будем либеральничать!

Мне показалось, что окружающие не очень верят в реальность обещанного мною расстрела, и я с большей, чем следовало, энергией поднял добровольца с земли, задрав его связанные кисти рук выше плеч.

Доброволец застонал от боли, и я снова гаркнул ему в лицо:

— Ты нарушил присягу! Ты будешь расстрелян!

Я повел его назад, в Штаб, за мной молча пошел Холмогоров, а оба добровольца остались стоять на посту, бормоча, как заведенные: «честь и порядок!», «честь и порядок!», «честь и порядок!».

Мы не успели дойти до пустыря перед садиком, как с той стороны донеслось преувеличенно бодрое:

— Стой, кто идет! Стой, стрелять буду!

— «Панда»,— буркнул текущий пароль Холмогоров, несомненно, понимая причины этой демонстрации. Все же слышали, как мы только что орали на проштрафившегося бойца, и никому не охота было попадать под горячую руку начальства.

Я грубо толкнул подуставшего добровольца, и тот покорно зашагал быстрее, тихо постанывая от боли в заломленных руках.

Впрочем, у меня настроение было не лучше — я угодил в ловушку собственной принципиальности. Если утром, уже через два часа, я не расстреляю этого несчастного добровольца Кузьменко, все бойцы узнают, что можно спать на посту, а им за это ничего не будет.

Значит, придется стрелять. Но если у него тут семья, да еще прибегут из домов соседи, устроят плач и стенания, то такой расстрел обозлит людей, а не мобилизует.

Я не знал, что делать, но понимал, что верное решение должно быть найдено, иначе у меня из этих людей получится не боеспособная часть, а пионерский отряд.

У нас не было подходящего помещения для содержания арестантов, и я оставил Кузьменко в саду под присмотром двух холмогоровских курсантов — спокойных, уверенных в себе ребят, которые приветствовали меня без глупого подобострастия, зато тепло и уважительно. На арестанта они смотрели с явным презрением — слабак!

Я прошел вестибюль и наткнулся на Олега Мееровича — психиатр курил папироску в кресле. Увидев меня, он подошел с очень строгим лицом.

— Доброй ночи, Антон! — сказал он звенящим от напряжения голосом.

Я остановился, понимая, что сейчас последует продолжение. Майор тоже притормозил, с любопытством разглядывая забинтованную голову психиатра — позавчера на крыше доктора здорово поцарапало осколками мин.

— Скажите, любезнейший вождь, всех неприятных вам людишек мы будем отправлять в газенваген? Или сразу в Оку? Должен предупредить — сразу в Оку дешевле, а то бюджет на газовые камеры в этом году правительством еще не утвержден!

Меня ужасно коробил этот душный либеральный юмор, которым дед потчевал меня последние дни, но как заставить психиатра заткнуться, я не понимал. Не стрелять же в него, в самом деле? Хотя, признаю, бывали моменты, когда рука сама тянулась к помпе и, чтобы отменить это неверное движение, мне не раз и не два приходилось кусать губы, чтобы опомниться и остановиться.

— Соратник Антон, я вам нужен? — деликатно кашлянул майор, стараясь не смотреть на психиатра. Не хочет, стало быть, присутствовать при назревающей ссоре лидеров Движения.

Пришлось его разочаровать:

— Вы тоже понадобитесь, майор. Мы должны принять решение по добровольцу Кузьменко. И мне хотелось бы выслушать ваши соображения. Как и мнение соратника Ароновича.

Холмогоров насупился, услышав фамилию деда, и мне пришлось представить психиатра поподробнее, чтобы майор и думать забыл демонстрировать здесь свой дурацкий антисемитизм.

— Олег Аронович — комиссар Движения. Специальность — психиатр, может залечить даже разжижение мозга. А еще он очень принципиальный товарищ. Кстати, одинаково метко стреляет с двух рук.

— А-а-а,— промычал в ответ майор Холмогоров. Впрочем, руки доктору не подал.

Аронович бросил на майора презрительный взгляд, но промолчал.

— Соратник Антон! — начал доктор, нависая у меня над головой огромной тушей.— Как, стало быть, комиссар Движения я вам чисто по-нашему, по-комиссарски, советую — остановитесь! Расстрелы только ожесточают людей. Одно дело, когда вы уничтожаете врагов в бою, другое — когда ставите к стенке пленных. А теперь еще, судя по вашим полуночным крикам, и добровольцев навострились пулями воспитывать. Вы растеряете кредит доверия людей еще быстрее, чем получили его. Кстати, и получили вы этот кредит доверия по чистой случайности. Вы — типичный продукт телевизионных технологий, и, если про вас начнут распространять негативную, пугающую обывателя информацию, с вашим Движением будет покончено. Штыком и автоматом рай на земле не построишь!

— Вообще-то задача власти вовсе не в том, чтобы построить рай на земле,— возразил я.— У власти совсем иная цель — не допустить, чтобы жизнь на земле превратилась в ад.

Майор равнодушно выслушал нас обоих, а потом скривил в нехорошей усмешке рот и напустился на «гнилых либералов», которых «в свое время не придушили», и вот теперь из-за попустительства таких, как они, и распустилась в стране всякая подлая дрянь...

Тут дед не выдержал и ответил ему, после чего они тут же сцепились в словесной пикировке и очень быстро мне надоели.

На шум в холл вышла Юля Назаретян в белом больничном халате — накануне вечером я передал ей в подчинение сразу десять добровольцев, ухаживать за ранеными и детьми, и Юля с готовностью взялась за эту нелегкую работу.

Сейчас у нее было злое, раздраженное лицо.

— Уважаемые соратники, вы чего тут разорались? Вы даже контуженых бойцов разбудили, не говоря уже о детях!

Я взглянул на часы: полшестого.

— Да, господа соратники, закрываем дискуссию...

Психиатр достал папиросу, но закурил ее только с третьей или четвертой попытки — у него заметно дрожали руки.

— Через полчаса постройте весь личный состав, не занятый в караулах, на пустыре перед штабом,— приказал я майору, и тот с подчеркнутой готовностью отсалютовал мне кулаком возле правого виска.

Я также акцентированно отсалютовал ему, потом деду и Юлии и пошел на второй этаж — мне нужна была плотная лента ткани, а там после памятного пулеметного обстрела до сих пор валялись изрезанные пулями портьеры.

Доброволец Кузьменко наконец осознал, к чему ему следует готовиться,— когда я пришел за ним в беседку, он поднял на меня свои печальные коровьи глаза и за-блажил:

— Не стреляйте меня, люди добрые! Семья у меня осталась — жена — инвалид и дочка малая... Шесть лет ей всего! Погибнут они без меня! Не стреляйте!

Я молча взял его за плечо, и он взвизгнул от боли — видно, свело судорогой связанные за спиной руки. Вот такого — то визжащего от боли, то умоляющего, испуганного — я провел его по периметру забора вокруг Штаба, а потом вывел на середину пустыря, где уже стояли, построенные в каре, курсанты-артиллеристы и добровольцы Первого корпуса.

Кузьменко послушно встал на колени, и я завязал ему глаза куском портьеры. Потом достал нож и срезал у него с рукава черно-красную повязку Движения.

— Соратники! — закричал я, демонстрируя всем повязку.— Доброволец Кузьменко этой ночью предал не только нас, своих боевых товарищей. Он предал всех жителей Каширы, доверивших нам свои жизни!

Бойцы стояли недвижимо, но все, как один, повернули ко мне свои головы, глядя на середину импровизированного плаца, где скулил от ужаса доброволец Кузьменко.

Я вынул «Иж» и передернул затвор.

В наступившей тишине стали слышны детские голоса, доносившиеся со второго этажа садика — похоже, мы окончательно разбудили их своими дурацкими криками. Бедные дети, которым не дают поспать разные уроды...

Я не стал затягивать процедуру и зачитал свой короткий приговор:

— Именем Движения! За нарушение присяги! — и трижды выстрелил в землю.

После третьего выстрела я сорвал повязку с глаз Кузьменко и перерезал ножом веревку на его запястьях:

— Ты нам больше не соратник. Пошел отсюда, чмо!

Кузьменко медленно встал, щурясь по сторонам, потом пошел от меня, осторожно пятясь. Возле строя добровольцев он остановился, потирая затекшие руки, и негромко попросил:

— Братцы, не выгоняйте! Я искуплю! Не выгоняйте! Куда я теперь, а?

Ему никто не ответил, а взгляды бойцов были красноречивее любых слов — внезапно стало ясно, что такое изгнание если и не хуже смерти, то уж точно не лучше.

Кузьменко понуро пошел к жилым домам, к жене-инвалиду и дочке шести лет, но на него уже никто не смотрел — все смотрели на меня.

Я поймал одобрительный взгляд психиатра, не поленившегося явиться на казнь, против которой он так яростно возражал, и снова, в который уже раз, понял, что все сделал правильно.

Тогда я поднял кулак и прижал его к правому виску:

— Честь и порядок!

— Честь и порядок! — взорвалась в ответ сотня глоток, и эхо этого взрыва еще долго гуляло по утренней Кашире.

Глава двадцать третья

— Нас, преферансистов, обвиняют, что мы бездушные люди. Ничего подобного! У нас, например, вчера ротный взял пять взяток на мизере. Его кондратий и хватил. Так мы и доигрывали стоя,— проорал прямо мне в уши улыбчивый парнишка и быстро вернулся к пулемету — стрелять короткими, злыми очередями с шестнадцатого этажа в безликую массу дерьма, еще недавно по ошибке считавшигося хомо сапиенсами.

Шел пятый день штурма областной овощебазы в Ступино, и, судя по диспозиции, с тем же успехом мы могли штурмовать ее еще пять лет. У нас просто не хватало сил перекрыть огромную территорию, занимаемую ангарами этого самого большого в районе склада, — Первый Добровольческий корпус вместе с Фермерским полком под командованием Холмогорова из последних сил держали рубеж на реке Оке, возле поселка Тарасково, и каждый боец был там на особом счету.

А склад был нужен нам позарез — сознательные рабочие, члены Движения с механического завода, сумели отремонтировать два паровоза, и мы даже провели по железнодорожному мосту через Оку состав из пятидесяти вагонов. Но загрузить их крайне необходимыми каширцам продуктами не могли — на ступинских складах держали оборону несколько тысяч мародеров из Кольца Ожидания, и, хотя мы ежедневно убивали их сотнями, туда непрерывной жадной толпой прибывало подкрепление со стороны Москвы.

Их не зря прозвали Крысами Кольца — этих тупых, вечно пьяных или обдолбанных наркотиками животных, зачастую вооруженных только металлическими прутьями и безудержной наглостью. Но их было так много, что эта толпа всегда побеждала, просто потому что была бесконечной.

Впрочем, нас им победить не удалось.

Но и мы не смогли вышвырнуть их со складов.

Это равновесие сил начинало утомлять — и дело вовсе не в том, что за последние пять суток я спал в общей сложности часов десять. Я договорился с Чужим и мог бы вообще не спать, но этого не могли мои бойцы. Они, конечно, поднимали закопченные лица навстречу мне, они с преувеличенной бодростью улыбались, когда я проходил по позициям, а многие даже находили в себе силы встать и выбросить в салюте сжатый кулак, но я понимал, что возможности этих людей ограничены.

Не могут двести человек, даже самых фанатичных, самых преданных сторонников Движения, день и ночь без подзарядки крошить целую дивизию

врагов — пусть неумных, пусть омерзительных, но таких уверенных в своем тупом упрямстве, что захватывало дух даже у меня. Например, сегодня утром, когда сразу семьсот Крыс Кольца Ожидания побежали на нас в атаку, используя в качестве оружия стеклянные бутылки с винного склада.

До позиций добежали, конечно, не больше сотни, но эта сотня добежавших перерезала глотки трем десяткам моих людей, прежде чем я с комендантским взводом навел в окопах порядок. Мне потом пришлось вызывать деда, чтобы он хоть как-то вправил ребятам мозги, но все равно без нервных срывов не обошлось — больше десятка человек ушли с позиций, и их до вечера вылавливали патрули, а двое застрелились сами, не выдержав ожидания следующей подобной атаки...

Пятый день осады подходил к концу, когда на берегу, возле штабной БМП, появился курьер Семен из Фермерского корпуса. Я видел, как дежурный указал ему на меня, сидящего на крыльце возле многоэтажки — сидеть на ее крыше и таращиться оттуда на склады мне уже порядком надоело.

— Разрешите доложить, соратник Антон! — отчеканил курьер, притормозив возле перекопанных взрывами цветочных клумб придомового садика. Семен не стал слезать с седла мотоцикла, и я понял, что дело действительно срочное.

— Крысы прорвались под Тарасково? — спросил я, уже готовый к положительному ответу курьера и заранее его за это ненавидя.

— Никак нет, соратник Антон! — широко улыбнулся Семен, и я понял, что новость будет хорошей.

Так и оказалось.

— Вот письмо... А на словах соратник Холмогоров просил передать, что вы всё гениально рассчитали и что он очень гордится тем, что ему довелось воевать вместе с таким выдающимся полководцем, как вы.

Я озадаченно хмыкнул и распечатал конверт.

«Тошка, бляха-муха!

Ты вообще охренел там, в Подмосковье? По телевизору, даже по забугорному, только про тебя и рассказывают, гризли хренов. Натуральный культ личности наблюдаем, ПАСЕ уже волнуется, не только мы.

Кстати, мы тут тоже не лыком шиты. К нам прибилось два батальона внутренних войск Кавказского ВО и весь уцелевший состав Ростовского мотострелкового училища — человек восемьсот. Ну а гражданских мы уже и не считаем — их у нас четыре дивизии, а если припрет, и десять выставим.

Наслышаны, что у тебя сейчас небольшие затруднения, так что прими от нас один батальон мотопехоты в качестве спонсорской помощи. Ну, и пиши, конечно.

Твои товарищи,
Палыч, Валера.

ЗЫ. Извини, но нам пришлось примазаться к твоему Движению — мы теперь называемся Южный фронт движения "Гризли". Так что не удивляйся, если что.

ЗЫ. ЗЫ. Груз в Элисте передавать было уже некому, поэтому с деньгами за работу, увы, облом».

Я счастливо улыбнулся, и Семен, заметив это, опять расплылся в добродушной улыбке.

— Там в Каширу шестьсот ментов приехали — в полном вооружении, с «калашами» и даже на БТРах. Вас дожидаются, чтоб, значит, официально перейти в подчинение,— доложил он, и я нетерпеливо заорал, делая к нему несколько быстрых шагов:

— Так чего ж ты стоишь, как член правительства!.. Поехали скорей!

Я уселся на заднее сиденье, и мы рванули через мост в Каширу. Проезжая штабную БМП, я крикнул ребятам:

— Срочно сообщите бойцам на позициях — к нам идет армейское подкрепление! Я приведу его через сорок минут.

— Ура-а-а-а! — раздалось в ответ, и, пока мы с Семеном тряслись через изрытый колдобинами мост, это «Ура!» становилось все более раскатистым и громким, так что даже в Кашире было слышно, хотя Ока в этом месте была широкая, не меньше километра.

Глава двадцать четвертая

Первые две недели октября хмурое осеннее небо как прорвало — вода лилась с небес непрерывным потоком, как будто сама природа хотела смыть всю ту дрянь, все человеческие нечистоты, что заполнили шестую часть суши от Камчатки до Калининграда.

Впрочем, и дальше за Калининградом ничего хорошего не происходило. В Прибалтике, к примеру, мародеры вообще теперь представляли официальную власть — они назывались Лесными братьями, сгоняли в концентрационные лагеря всех коммунистов, евреев и почему-то «зеленых» и подло использовали нашего медведя в качестве символа своей гнилой идеологии. За последние дни к нам в Каширу дважды приезжали парламентеры оттуда, но я каждый раз сажал их под арест и вызывал Сыроежкина — запечатлеть процедуру возбуждения уголовного дела по фактам пропаганды фашизма, а потом процедуру казни обнаглевших фашистов.

А вот в Западной Европе ситуацию удержали, хотя никто из наших в это уже не верил — особенно после того, как двести тысяч французских ракаев с криками «Аллах акбар!» прошли от Парижа до Рима, опять же вырезав по пути всех попавшихся им под ножи евреев, коммунистов и почему-то цыган.

Впрочем, когда последователи «самой мирной религии в мире» сдуру повернули на Женеву, их ждал суровый облом — тихие мирные швейцарцы, которым, правда, закон всегда дозволял иметь в домашнем хозяйстве любое оружие, хоть бы и пулемет, встретили мародеров так приветливо, что из двухсот тысяч ракаев в Париж вернулись не больше тридцати тысяч. Конечно, у Наполеона в свое время вернулось еще меньше, но ведь его и не швейцарцы тогда гнали — не сочтите, конечно, за ксенофобию и расизм...

Потом вдруг проснулись в Германии, оперативно раздав обывателям оружие и приняв Хартию самообороны, позволяющую стрелять в мародеров на месте преступления, потом подтянулись в Испании, создав летучие полицейские отряды специального назначения, а в Англии и вовсе создали в каждом графстве Королевские трибуналы, в двадцать четыре часа выносившие смертные приговоры по мародерам.

Западная Европа все-таки сумела грамотно отреагировать на вспышку насилия, хотя к октябрю даже в Вашингтоне уже публично выражали соболезнования ЕС «в связи с разрушением инфраструктуры и правового пространства».

Черта с два! Эти нежные европейские либералы выстояли, и я радовался за них не меньше, чем за себя. Ведь теперь Ленка, доченька Лизка и Катерина Васильева с обоими близнецами жили в лагере беженцев на военной базе в Лоренто и могли себе позволить звонить хоть каждый час — французские военные, как это водится во всем мире, были совершенно независимы от гражданских проблем, доводящих простых обывателей до истерики.

Зато мне теперь следовало решать все эти проблемы разом, да еще за всех окружающих меня сейчас обывателей.

Я отвернулся от окна и сделал несколько бесшумных шагов по ковровому покрытию кабинета, задумчиво глядя под ноги.

Покрытие было легкомысленно светлым, и соратники из хозяйственной бригады немало потрудились, замывая следы крови и прочего, что там вытекало из «коломенских», пока мы вышибали их из здания заводской управы.

На столе заверещал внутренний телефон, и я гаркнул со своего места:

— Слушаю!..

Раздался щелчок, и бесцветный, ровный голос дежурного доложил:

— Соратник Антон, к вам соратники Михаил и Олег.

— Пропустите,— отозвался я, поворачиваясь к дверям.

Первым вошел майор. Еще с порога приложив кулак к виску, он заорал что есть силы:

— Честь и порядок!

Следом шел Олег Меерович, с кислой миной потиравший правой рукой свой седой висок.

Я не стал делать ему очередного замечания при майоре, но потом решил провести обстоятельную беседу о необходимости соблюдения всех сплачивающих ритуалов. Впрочем, он и сам все это прекрасно знает, просто выпендривается — независимость суждений демонстрирует. И ведь ничего не попишешь — мне действительно нужны люди, способные говорить о реальных проблемах, а не только о том, что мне нравится.

Но и спуску этим либералам давать тоже нельзя — мы уже слишком хорошо знаем, чем это кончается...

Я акцентированно приложился кулаком к своему виску и рявкнул прямо в лицо психиатру:

— Да, честь!

Он, бедный, аж вздрогнул и рефлекторно повторил за мной:

— Да, честь!

Совершенно удовлетворенный, я указал на стол:

— Садитесь, соратники.

Майор уселся сразу и начал копошиться в своей папке, выкладывая на стол топографические карты, финансовые отчеты и еще какие-то бумаги, а Олег Меерович подошел к окну, посмотрел, как дождь заливает центральную площадь, и озабоченно сказал:

— В городской больнице третий день крышу залатать не могут. Мне Юля жаловалась, что сразу на четыре этажа, насквозь, протекает.

Я, нахмурившись, уселся в кресло и ткнул кнопку громкой связи:

— Городскую больницу. Главврача Назаретян!

Соединили быстро, и я услышал радостный щебет Юли:

— Антошенька, привет!

Я строго кашлянул, и она тут же поправилась:

— Соратник Антон, честь и порядок!

— Да, честь, соратник Юля! — ответил я.— Что там у вас с крышей? Я еще в понедельник по ней распоряжался.

— Антошенька, там такое дело,— защебетала Юля.— Нашу крышу, если помнишь, прямым попаданием разворотило. Перекрытия снесло сразу в двух местах, там ничего не держится теперь. А твои хозяйственнички, они, конечно, пришли, чаю попили и быстренько все там обычной полиэтиленовой пленкой затянули. Ее, прости меня, конечно, порвало на второй день. Там же надо по-хорошему все ремонтировать, а у меня только семь рабочих на всю больницу — и тех Холмогоров каждый день с обеда забирает...

Майор немедленно дернулся, вскинув на меня встревоженные глазки:

— Соратник Антон, я людей из больницы только на очистные забираю. Вы же в курсе зачем. Если до зимы не управимся, при первых заморозках все в дерьме утонем.

— Конечно-конечно,— услышала его по громкой связи Юля и укоризненно защебетала:— Очистные вам важны, а то, что в больнице двести раненых в мокрых постелях лежат, вам знать не интересно.

Майор снова открыл рот, чтобы возразить, но я остановил эти дурацкие пререкания:

— Соратник Михаил! В моем распоряжении от восьмого октября был указан срок исполнения приказа о починке крыши — утро двенадцатого октября. Теперь я хочу знать, кто конкретно ответит за неисполнение приказа.

Олег Меерович прошел от окна к столу и сел рядом со мной, с интересом глядя на майора.

Холмогоров чуть побледнел, и я понимал его волнение. Неисполнение приказа карается смертью — без исключений и компромиссов. Иначе нельзя. Иначе будет бардак вместо порядка, который должны наконец получить истерзанные Великой Смутой люди.

— Ответственным за ремонт крыши в больнице был назначен соратник Шарыпов,— тяжело сглотнув, ответил наконец майор.

Повисла неловкая пауза.

— Соратник Антон, вы там что, Юсупа к стенке ставить собрались? — озабоченно пискнула из динамиков громкой связи Юля.— А кто мне проводку в операционной завтра менять будет?

Мне очень не нравилось, что меня вынуждают смягчать правила, которые позволили «Восточным медведям» взять под контроль ситуацию в Кашире, соседнем Ступино и еще двух десятках городов Подмосковья. Тем более я не собирался прощать неповиновение.

Нажатием кнопки я вызвал дежурного, приказал арестовать Шарыпова и содержать под арестом в больничном морге вплоть до особого распоряжения, с разрешением выполнять хозяйственные работы под надзором конвоя.

Юля радостно пискнула:

— Спасибо, Антошенька! В смысле, спасибо вам, соратник Антон! — и отключилась.

Я кивнул майору:

— Времени мало. Давайте работать по повестке совещания. Что у нас там на сегодня?

Холмогоров достал первый листок из стопки, лежавшей перед ним, и зачитал:

— О введении особого порядка управления на Каширском заводе металлоконструкций.

Я наморщил лоб, вспоминая, что там у нас были за проблемы, но майор сам все напомнил:

— У них Карел воду мутил, помните? На заводе до сих пор много его людей осталось, саботажничают исподтишка, сволочи. Поэтому есть идея оставить там человек сто — сто пятьдесят, только наших верных соратников, а всех беспартийных и ненадежных выселить в Жилево — там у нас свинарник восстанавливается, рабочие руки очень нужны.

— А сколько на заводе ненадежных людей? — спросил я.

— Беспартийных? Почти пятьсот человек,— с видимым огорчением сообщил майор.

Я перевел взгляд на Олега Меерович:

— Ну, что скажете, врачеватель душ? Сможем мы без потерь передислоцировать с завода пятьсот человек?

Психиатр покачал головой:

— Да не нужно это. Я там был вчера. Люди на заводе вполне вменяемые, просто говорить с ними надо почаще, чтобы знали, ради чего они работают.

— А то они не знают! — злобно рявкнул майор.

— Соратник Олег, мне нужен реальный анализ ситуации, а не отвлеченные рассуждения,— потребовал я, и Олег Меерович достал из кармана своей камуфляжной куртки замызганный листок бумаги, после чего начал, поглядывая в листок, объяснять:

— Текущий штатный состав завода металлоконструкций — шестьсот пятьдесят человек. Из них только сто пятьдесят получают повышенную норму продуктов, а все остальные довольствуются стандартным пайком.

— Олег Меерович, для вас новость, что мы пока не можем обеспечить повышенной нормой всех жителей?

— Дело не в этом,— отмахнулся психиатр.— Вы знаете, сколько человек на заводе из ста пятидесяти, получающих повышенную норму, являются соратниками?

— Не знаю и знать не хочу,— раздраженно ответил я.

— А вот и напрасно!— вскричал Олег Меерович и с жестом фокусника помахал передо мной своим листочком.— Сто тридцать пять соратников!

Я понял его:

— Вы хотите сказать, что люди эти получают повышенный паек не столько за работу, сколько за то, что они вступили в Движение?

— Ну конечно! — радостно откликнулся Олег Меерович.— При этом работают все в примерно одинаковом режиме. Разумеется, людей раздражает и провоцирует такое положение. Измените его, начните платить людям за работу, а не за демонстрацию лояльности, и волнения прекратятся. И потом, зачем вам вообще такие соратники — они вас потом за чуть больший паек продадут с потрохами!

— Я понял вас,— ответил я и снова вызвал дежурного: — Управляющего, главного инженера и комиссара завода металлоконструкций — ко мне к трем часам! — приказал я дежурному. Тот записал распоряжение и удалился за дверь, отсалютовав кулаком на прощание.

Майор Холмогоров деликатно кашлянул:

— Соратник Антон, в Жилево все равно еще люди понадобятся. Хотя бы человек сто.

Я сделал пометку в настольном ежедневнике.

— В три здесь будет комиссар завода, сядете с ним в уголочке и отберете из списка сотню самых беспокойных.

Психиатр фыркнул:

— А вы не боитесь, что сотня беспокойных устроит вам в Жилево революцию?

— Вообще-то в Жилево расквартированы две пехотные бригады,— усмехнулся майор.— Причем все с Рязанского фронта. Они тыловиков вообще за людей не считают. Так что и рыпаться никому не позволят.

— Вы мне там без перегибов только!..— попросил я, и майор торопливо кивнул:

— Все будет в рамках Хартии Порядка, не беспокойтесь, соратник Антон.

Выбраться наружу мне удалось только часам к восьми вечера — даже обедать пришлось в кабинете какой-то консервированной дрянью из местных запасов.

В сумерках площадь Порядка смотрелась уже совершенно мирно, даже празднично. Работали двенадцать из двадцати уличных фонарей — для остальных пока не нашли исправных ламп, но и так уже было неплохо. Напротив сияющего огнями здания управления, с той стороны площади, тарахтели в мутной пелене бесконечного дождика бульдозеры, сгребая последний мусор после сноса давно сгоревшего здания мэрии. Там будет построен мемориал Героям Порядка, в том числе семнадцати самым знаменитым «гризли», электрикам Каширской ГРЭС, десять дней оборонявших станцию от пятитысячной армии Маги Казанского. Мы не смогли им тогда помочь.

Мы тогда еще ничего толком не могли, мы сами завязли в боях под Рязанью, откуда на нас перла несметная толпа совершенно невменяемых, но отлично

вооруженных беженцев из Краснодарского края. Почему этим бородатым хмырям в карнавальных казацких костюмах нравилось называть себя беженцами, вопрос риторический, хотя формально основания были — их самих выперли с Кубани отряды крымских мусульман.

В результате казаки пошли на Москву, которой, как это сплошь и рядом случалось в российской истории, предстояло ответить за предательство и трусость федеральных чиновников.

Попутно казаки решали национальный вопрос — в тех городах, где они задерживались больше чем на сутки, вырезались все черноволосые граждане, вне зависимости от пола и возраста. Остальных заставляли цеплять штампованные в Китае латунные кресты, каяться в грехах иноверства или атеизма и присягать Православному Кубанскому Синоду и лично Его Превосходительству атаману Малахову.

Каширским «гризли» мы тогда помочь не успели, они все полегли в коридорах станции, но зато от нас не ушел Малахов. Свою раскрученную жирную морду популярному некогда телевизионному шаману спрятать от народа не удалось, и после разгрома Северного и Южного Казацких батальонов его с большим воодушевлением выдали нашим патрулям жители Зарайска — городка, где казаки отрезали уши даже грудным младенцам, признанным специальной комиссией инородцами.

Патрульные повесили атамана, причем за ноги, и пока он болтался посреди города на стреле самоходного крана, злопамятные горожане лечили его керосином и мочой, как тот сам любил проповедовать. Но даже эти волшебные средства не помогли всероссийскому шаману дожить до следующего вечера...

Любопытно, что федеральное телевидение, особенно Первый канал, с огромным возмущением прокомментировало новость о казни атамана, целый день демонстрируя видеокартинку с залеченным до смерти Его Превосходительством, а федеральный министр МВД даже выступил с отдельным заявлением, в котором предупредил «некоторых представителей движения Восточные медведи о недопустимости внесудебных преследований российских граждан».

Можно подумать, казаки преследовали российских граждан законно. Впрочем, критика была аккуратной — мое имя в тех репортажах даже назвать не осмелились, а сам факт казни атамана подавался как выходка нескольких утомленных затяжными боями «гризли».

После стабилизации ситуации на Южном фронте мы вернули контроль над Каширской ГРЭС, выбив оттуда казанских боевиков меньше чем за сутки. В результате несчастному Зарайску не повезло второй раз за эту осень, потому что Магу с его правоверными бойцами мы неделю гоняли то от Рязанского, то от Каширского шоссе, в конце концов зажав в клещи у речи Осетр, аккурат у Зарайских окраин. Воспользовавшись оказией, казанские нукеры вырезали там всех белых горожан, объявив эту акцию ответом на первую этническую чистку, поэтому, когда мы снова вошли в Зарайск, жителей там почти не осталось — ни брюнетов, ни блондинов, ни даже лысых. А те, кто выжил,— большей частью поседели...

Олег Меерович потом настоял на тотальном психиатрическом обследовании бойцов Второй Добровольческой бригады, бравшей зарайск, и человек

пятьдесят нам пришлось комиссовать, хотя терять почти роту опытных бойцов мне совершенно не хотелось. Увы, эти бойцы, выслушав рассказы немногих выживших аборигенов и в особенности после осмотра реальных городских иллюстраций к этим рассказам, перестали подчиняться приказам и хотели только одного — сровнять с землей сразу два города, Краснодар и Казань.

Как будто дело было только в географических координатах зла, как будто не в нас оно сидит и не нами погоняет.

Дождь вдруг закончился, и я еще минут десять спокойно погулял по площади, наблюдая за строевой подготовкой Гвардейского полка, но потом заметил, что здорово нервирую старших офицеров «гризли», вынужденных отдавать мне честь при каждом моем взгляде на них.

Я вернулся к подъезду управления и вызвал для себя машину. Правительственный гараж находился в пятистах метрах от здания управления, но первый из трех «хаммеров», выделенных в распоряжение Совета Движения, прибыл к подъезду лишь спустя пятнадцать минут, к тому же появившись со стороны набережной, а не гаража.

Я сел рядом с водителем и внимательно посмотрел в его вспотевшее от волнения лицо.

— Халтурил, сукин сын! — сказал я уверенно, и водитель тут же пошел красными пятнами, понурив стриженную под ноль голову.

Внезапно мне пришла в голову очевидная мысль: а жизнь-то налаживается!.. Ведь если водила не боится выполнять заказы случайных людей, а эти люди не боятся садиться в машину к незнакомцу, значит, кровавая вакханалия последних недель подходит к концу.

— Кого возил? — спросил я, с расчетливым дружелюбием улыбнувшись ему.

Он поднял голову и несмело улыбнулся в ответ:

— Картошку возил. В Жилево. Соседи очень просили. Ну, и мешок картошки дали за работу. Мне ваш секретарь сказал, что вы целый день в управлении работать будете... ну, я и рискнул. Вы меня простите, соратник Антон. Больше не повторится!

— На первый раз прощаю. На второй раз останешься в Жилево до конца года — там сейчас как раз очень руки рабочие нужны, свинарник строить.

Мы поехали по вечернему городу, и я с интересом принялся смотреть в окна, на сияющие всеми огнями улицы Каширы. Света мы не жалели сознательно, потому что наша ГРЭС, даже работая едва на четверть своей мощности, оставалась избыточным ресурсом для местных предприятий, а продавать электроэнергию в другие регионы было пока невозможно. Самый крупный потенциальный потребитель, Москва, находился в плотном кольце из тысяч, если не десятков тысяч неорганизованных мародерских кланов, терпеливо ожидающих часа, когда они смогут прорваться к жирному белому телу столицы Империи. В зоне, контролируемой этими кланами, не осталось не то что линий электропередач — там, как говорили случайно уцелевшие очевидцы, даже деревья все уже спилили и разобрали по винтику все мосты.

Конечно, нам здорово повезло, что ни одна из беснующихся весной и летом вокруг Каширы группировок не спалила подземное газохранилище и склады ГСМ Литейного завода. По словам хозяйственников, при нынешнем режиме уровне потребления мы могли не волноваться насчет запасов углеводородного сырья еще лет десять и даже экспортировать половину из них без ущерба для своей промышленности и коммунального хозяйства. Кстати, последнюю неделю Аналитическое управление плотно работало над этим вопросом — Холмогоров предложил проложить подземные кабели в те регионы, которые безоговорочно поддерживают Движение, и я признал, что энергетическая дубинка — ничуть не худший аргумент, чем автомат Калашникова.

Впрочем, хотя освещенные улицы и выглядели красиво, до мирной картинки пейзаж за окном не дотягивал — там не было видно ни единой живой души, кроме патрулей Движения, пеших и моторизованных — на машинах, выкрашенных в нашу символику: красный с черным.

Отменять комендантский час я еще не решался, несмотря на настойчивые советы Олега Мееровича — он уверял, что такой жест придаст нашим людям «огромный позитивный заряд». А вот Холмогоров опасался, что огромным будет ущерб от ночных налетов — какая-никакая, а преступность у нас еще была, и провоцировать ее рост мне совершенно не хотелось.

Джип въехал в зону партийно-правительственной резиденции, и сразу после ворот КПП город стал похож на ту самую, довоенную сказку — по улицам коттеджного поселка сновали спокойные, но безоружные мужчины, а ярко одетые женщины и веселые дети гуляли без охраны.

Машина остановилась возле крыльца центрального коттеджа, и я, кивнув водителю на прощание, выбрался наружу, потягиваясь и полной грудью вдыхая влажный вечерний воздух.

В коттедже было тихо и сумрачно — прислуга ушла еще в восемь, как положено, а больше здесь никого и не было.

Мне все больше нравились эти тихие одинокие вечера, когда не надо было держать лицо перед соратниками, принимать быстрые, жесткие, но далеко не всегда верные решения, успокаивать буйных поклонников или обезвреживать опасных интриганов. Люди все больше утомляли и раздражали меня, и я с каждым днем все яснее понимал, что эта работа, это каждодневное лидерство в огромном, но таком разнородном людском коллективе однажды сведет меня с ума. К тому же Чужой больше никак не проявлял себя, и я боялся, что он растворился во мне без остатка — это пугало так, что я просыпался ночами, представляя себя огромной, сочащейся слизью, кошмарной тварью, разрывающей на куски всех попадающихся мне под руки людей...

Я быстро разделся и с наслаждением поплескался в душе, напевая там вполголоса гимн Движения. Текст и музыку написал я сам, по настоятельному требованию психиатра — дед ведь поначалу с большим энтузиазмом отнесся к созданию мифов и ритуалов Движения и даже лично написал две главы Хартии Порядка.

Получившийся у меня текст для гимна подходил мало, но психиатру понравился припев, и он утвердил всю песню целиком.

Первый и единственный куплет нашего гимна полагалось петь с укором, а потом шел припев, который можно было радостно горланить сколько угодно раз подряд:

«Но каждый твой шаг — это новая цель, для тех, кто шагает рядом!

И пусть ты не выполнил все, что хотел, — ты прожил, как было надо!»

До лапидарности и гибкости Михалкова мне, конечно, было далеко, зато была в этом гимне какая-то искренность, густо замешанная на подростковой рефлексии и недетской романтике. В общем, наш контингент эта песня, что называется, «цепляла», и мне нравилось слушать, как ее горланят даже на закрытых семейных торжествах, где демонстрировать лояльность было некому и не перед кем.

Накинув халат, я отправился в гостиную и уселся на диван перед телевизором. Ассортимент телезрелищ стремительно сокращался с каждой неделей — международных спутниковых каналов к концу октября уцелело не больше десятка, а российских и вовсе осталось всего два. Один, интересный только москвичам да подмосковным мародерам из Кольца Ожидания, живописал столичные будни во всей их гламурной красе, а единственный федеральный транслировал не столько новости, сколько бесконечные «круглые столы» да обращения людей, называющих себя политиками. Впрочем, федеральный канал я вечерами посматривал — надо же было знать, когда нас наконец объявят вне закона... Дело явно шло к тому — чем большую силу мы набирали, тем откровеннее нервничали в Кремле, справедливо усматривая в Движении реальную, а не картонную оппозицию.

Вот и сейчас по федеральному показывали потрясающий сюжет: за круглым столом расселось несколько потных образин в дорогих костюмах, а еще одна образина стояла у плазменной панели и водила по ней указкой, с негодованием вскрикивая:

— Посмотрите, это же не наши медведи! Медведи нашей партии носят округлую, короткошерстую морду, а у «Восточных медведей» морды вытянутые и заросшие шерстью!

Пристально глядя на красочные медвежьи морды, красующиеся на панели, один из мужчин вдруг вскочил, отбросив стул, и заголосил:

— Россияне! Вы должны понимать, что за медведя вам подсовывают безответственные экстремисты! Это же медведь гризли, это же американский медведь! Это канадские гризли! Теперь вы понимаете, откуда дует ветер?!

Сумасшедшие комментаторы еще битых полчаса перемывали косточки нашим медведям, и я понял, что ничего нового там уже не услышу. Да и не решали ничего эти говоруны... Судя по тому, что сообщали нам соратники, рассредоточенные в Москве, официальное решение по Движению будет принято ближе к концу года. А пока Кремль довольствовался мелкими интригами, пытаясь натравить на нас соседние самоуправляемые регионы — впрочем, безуспешно. Мы ведь никому зла не делали, но и спуску обидчикам не давали, так что наших людей уважали и привечали на всей европейской территории страны в отличие, кстати, от кремлевских эмиссаров, которых, случалось, и вешали на фонарных столбах, если появлялся достойный политический повод.

Картинка на экране сменилась, и я с изумлением увидел свою перекошенную физиономию — огромный плакат на стене жилого дома. Приглядевшись, я понял, что плакат сделан со знаменитой фотографии Вани Сыроежкина на митинге в Ступино. Это было с месяц назад, в самом конце сентября — мы запустили хлебобулочный комбинат и всем правительством явились на открытие, и в тот же час в город ворвались на десяти армейских грузовиках около сотни заплутавших в Подмосковье, совершенно спятивших и обкуренных домодедовских мародеров. Я работал по ним из автомата Калашникова прямо с трибуны, где до этого выступал с зажигательной речью, и Ваня снял классный сюжет, который продал потом во все европейские телекомпании.

Впрочем, тогда все соратники отработали на пять баллов — к внезапным проблемам привыкаешь, если они случаются каждый день, а тогда они случались по пять раз на дню.

Не только я, все члены правительства тогда спокойно отстрелялись по вражеским целям с трибуны. И у Вани, кстати, есть еще одна классная фотка с того митинга — там, где три Матери Совета по Детству стреляют по последней уцелевшей машине домодедовских, и она взрывается с красивым «ядерным» грибом, потому что, как потом выяснилось, эти придурки возили с собой ящик фугасов.

Я включил звук погромче и услышал, что «отвратительный культ личности небезызвестного и так называемого гризли Антона Пожарского достиг Петербургского Самоуправляемого региона. Несколько сотен сторонников движения Восточные медведи» провели митинг, на котором объявили Васильевский остров Автономной территорией, подчиняющейся только Совету гризли и лично Антону Пожарскому. Собравшиеся граждане также публично объявили о введении на острове Хартии Порядка, включающей, как широко известно, Правило Превентивного Убийства. Губернатор Петербургского автономного региона, госпожа Манилова уже заявила, что не допустит распространения в регионе деструктивной идеологии, но признала, что уровень преступности в Санкт-Петербурге действительно угрожающе высок».

Я с интересом просмотрел репортаж до конца и поймал себя на том, что торжествующе ухмыляюсь.

А чего они хотели, эти неповоротливые и лживые чинуши,— чтобы подведомственный им народ скромно и молча угасал, каждый в своей квартире? Так не бывает — инстинкт самосохранения активно протестует, когда в телевизоре раздаются идиотские призывы сохранять спокойствие и толерантность, а за окном кричат жертвы насильников и грабителей.

Не надо врать, господа чиновники, и люди охотно пойдут за вами куда угодно. Но вы же, лживые жабы, не умеете без вранья. Вы всерьез думаете, что, если грамотно наврать, «подгрузить», как вы пишете в своих циничных и потому закрытых распоряжениях, все получится лучше и быстрее.

А вот хрен вам в рожу! Люди, возможно, и впрямь по большей части идиоты, но далеко не все, и вовсе не до такой степени, как вы полагаете. Я вообще уверен, что обычные люди много умнее своих начальников, но пока не готов сказать это вслух, своим соратникам. Потому что не время.

Но я скажу им это потом — когда ситуация выровняется.

Глава двадцать пятая

Меня разбудил ночной звонок, и я, чертыхаясь, нащупал трубку возле кровати и сипло рявкнул туда:

— Соратник Пожарский слушает!

— Здорово, Тошка! — услышал я голос Палыча и сел на кровати, тревожно поглядывая то на часы, то на темные окна спальни.

Было три часа ночи, и за окном, разумеется, было черным-черно.

— Палыч, зараза, дай поспать,— взмолился я, понимая, впрочем, что по пустякам соратник Минин бы не стал меня беспокоить.

— Вставай уже, соратник Антон, бля! — Палыч глумливо хмыкнул в трубку.— Ибо они, бляди, таки вошли в Москву.

— Кто вошел в Москву?..— не понял я, но тут же встал и пошел в ванную комнату, чтобы вылить на сонную морду холодной воды и стать хоть немного понятливее.

— Крысы из Кольца Ожидания вошли в Москву, с трех сторон сразу,— внятно произнес Палыч, и я немедленно проснулся.

— Ты сам-то где? — спросил я, чтобы выиграть немного времени, соображая, что теперь следует делать в первую очередь, что — во вторую, а что уже можно не делать никогда, потому что это уже совершенно неважно.

— Мы идем к тебе через Воронеж,— сообщил Палыч, и я, плеснув на лицо пригоршню холодной воды, наконец окончательно проснулся и заорал:

— Да иди ты хоть через Тамбов! Ты сейчас где?

— Из Смоленска выдвигаемся. Кстати, чтоб ты знал, Богучарская мотопехотная дивизия, ну, что от нее осталось, тоже вся под нас отошла. В общем, встречай...

Я схватил полотенце и, на ходу вытирая влажную небритую физиономию, пошел в гостиную, где висела карта Всея Руси, позаимствованная еще у штаба Южного батальона Казацкого войска Императора Всея Руси Пророка Малахова.

— «Встречай»! Да тебе только до Калуги сто километров пилить! — возмущенно бросил я в трубку, проведя пальцем по карте и окончательно уяснив для себя ситуацию.

— Можно подумать, ты уже рванул штурмовать Кольцевую! — огрызнулся Палыч.— Мы будем у тебя к десяти утра. Там и решим, что дальше делать. Пиво пока поставь в холодильник, соратничек... — буркнул он на прощание и отключился.

Последние две недели мы поддерживали с ним телефонную связь дважды в сутки, с того дня, когда он вошел наконец в Ярославль, завершив разгром Западного сектора Кольца Окружения. Судя по репортажам западных телеканалов, Палыч там не сильно церемонился — его даже пытались объявить вне закона в Москве, но я сразу сделал заявление, что в таком случае объявляю столице войну, и они подавились своими словами.

К тому времени под началом Палыча было уже не меньше десятка дивизий профессиональных военных — армейские части, брошенные на юге страны федеральным правительством, рвались в бой с такой отчаянной силой, что их приходилось даже сдерживать.

Четыре дня назад мы договорились с Палычем, что он оставит Волгоградский сектор под охраной Второй народной армии Юга (ВНА — Ю), а сам, собрав все оставшиеся части в железный кулак, двинется к нам через Ярославль — там мародеры Кольца Ожидания лютовали уж очень сильно, даже не все армейские разведчики возвращались оттуда...

Уже тогда было ясно, что Москва не устоит, но мы не думали, что эта катастрофа случится так внезапно. У Палыча в Москве были свои информаторы, но они тоже ошиблись в прогнозах — все были уверены, что до зимы армейские части удержат периметр столицы.

Я вытер наконец как следует свою физиономию и уселся в гостиной, возле узла прямой правительственной связи.

Все члены Совета поднимались с кроватей без лишних слов, уточняя лишь одно обстоятельство — сколько у нас есть времени, и, узнав, что примерно шесть часов, облегченно выдыхали в трубку, что едут и будут первыми.

Впрочем, первым, конечно, явился Олег Меерович — я едва пригубил кофе, а он уже спотыкался об казенную мебель в моей гостиной. Ему ведь даже ехать не требовалось — только проснуться и улицу перейти.

Когда приехали все члены Совета Матерей и майор Холмогоров, мы сели кружком вокруг включенного, но, увы, неработающего телевизора и принялись орать друг на друга. Это был уже привычный ритуал, в ходе которого принимались самые быстрые и верные решения Движения — главное, не сдерживать себя и орать то, что считаешь нужным в данный момент.

Быстро выяснилось, что голоса Управляющего Комитета Движения разделились ровно пополам — я, Аронович, Шарыпов и Назаретян считаем необходимым идти на Москву и спасать горожан от неминуемой расправы со стороны боевых крыс Кольца Ожидания, а майор Холмогоров, Мать Щепакова и еще двое соратников из Управляющего Комитета были уверены, что нам стоит выждать, пока крыс не укоротят сами москвичи, и только потом следует вмешаться бойцам Движения, зачищая территорию Москвы без лишних потерь, зато с большим имиджевым плюсом — как спасители, поставившие в этом Великом Ноябрьском Кошмаре последнюю свинцовую точку.

Мы спорили до утра так яростно, что в мой коттедж дважды заглядывали деликатные, но строгие соратники из комендантского батальона и каждый раз просили расписаться в журнале дежурств, что никаких проблем за отчетный период действительно не возникало.

Равенство голосов, даже после этих безумных споров осталось неизменным, и члены Совета согласились дождаться Начальника Штаба Движения Игоря Минина и Главного Распорядителя Движения Валерия Васильева. Их голоса должны были стать решающими, но они сами об этом еще не догадывались — мы договорились не вести никакой агитации, пока оба руководителя не явятся лично.

К Холмогорову стали поступать донесения от столичных соратников, и он принялся бегать за каждой телефонограммой к себе в коттедж, пока я не предложил переключить телефонную линию на свой номер и не посадить за телефоны обоих своих секретарей.

Так дело пошло намного эффективнее — донесения теперь приходили быстрее, чем мы успевали их читать.

«Соратник Доцент сообщает, что около десяти тысяч мародеров из Южного сектора Кольца ожидания в пешем строю двигаются по проспекту Вернадского в сторону Государственного университета. Видимого сопротивления не встречают. Грабежи совершают организованно, возможно, по заранее подготовленным спискам. Соратник наблюдает из окна своей квартиры, как два десятка человек оцепили магазин „Центрювелир", но сами не входят, возможно, ждут своих начальников».

«Соратник Стрелок сообщает, что находится на рабочем месте в „Торговом Доме Мир Кожи в Сокольниках". В составе группы быстрого реагирования частного охранного предприятия принимает меры по защите здания от полутысячи мародеров Северного сектора Кольца Ожидания. С обеих сторон активно используется огнестрельное оружие. Согласно последней информации от соратника, большая часть мародеров Северного сектора (около двадцати тысяч человек) встала лагерем в парке Сокольники и ожидает дальнейших распоряжений от бригадира сектора, некоего Дмитрия Рогозина».

«Соратник Канцлер сообщает, что в Кремле проходит совещание правительства Федерации Самоуправляемых регионов России, правительства Москвы и Бригадиров Кольца Ожидания. Правительственные чиновники просят у Бригадиров гарантий в части, касающейся свободного выхода из города всех жителей. Бригадиры настаивают на ограничениях, включающих, в частности, запрет на выход для всех представителей силовых структур и чиновникам всех уровней. Этим категориям населения безопасность не гарантируется. Кроме того, в соглашение предполагается включить запрет на выезд из города на автомобилях, а также вводится ограничение на максимальный вес ручной клади, которую могут взять с собой горожане, покидающие Москву. Правительство настаивает на двадцати килограммах, но Бригадиры Кольца Ожидания пока согласны только на пять».

«Соратник Писарь сообщает, что в данный момент находится на совещании в Кремле, где из официальных лиц присутствуют только чиновники второго эшелона. Первые лица покинули город около двух часов назад. По версии информаторов соратника, на данный момент бригадир Восточного сектора Дмитрий Рогозин является наиболее реальным претендентом на официальный пост Главного Бригадира Кольца Ожидания и Смотрящего за Москвой».

«Соратник Викинг сообщает, что оба батальона столичного ОМОНа отказались подчиняться приказу заместителя министра МВД о разоружении и расформировании и организованной колонной, включающей около пятидесяти грузовиков и десять бронемашин, выдвигаются к Каширскому шоссе. Среди личного состава активную работу ведут агитаторы Движения. Соратник Викинг просит учесть готовность личного состава обоих батальонов немедленно присягнуть на верность Хартии Порядка и лично соратнику Антону. Викинг просит довести эту

информацию до всех бойцов Движения, и утверждает, что московские милиционеры готовы к сопротивлению, вопреки слухам об их пассивности».

Колонна Южного фронта Движения прибыла в Каширу за полчаса до десяти, когда по тревоге были подняты и приведены в маршевую готовность все наши восемь мотопехотных бригад.

Палыч, здорово похудевший, но все такой же наглый и уверенный в себе, бодро выбрался из головного БТРа колонны и сразу полез ко мне обниматься так, как будто мы с ним десять лет не виделись. Зато Васильев вылезал из соседнего БТРа намного вальяжней, чем следовало — он даже сначала неспешно раскурил свою извечную беломорину, протер очки и лишь потом спустился с брони на землю, отправившись пожимать руки нашим соратникам, выстроившимся на площади перед КПП.

Для соратников Южного фронта мы успели выставить двести армейских палаток, и этого количества действительно хватило, чтобы разместить большинство из наших гостей. Остальные расположились на своей технике — в БТРах, танках и грузовиках. Палыч, конечно, лучший консолидатор всех времен и народов — я и не знал, что на юге страны оставалось еще столько бесхозных войск и техники.

Мы провели еще одно, решающее заседание Совета Движения. Палыч сказал «да» сразу, Валера буркнул свое «да» чуть погодя, так что большинством голосов мы приняли решение идти на Москву.

На гламурную, циничную, глупую, безжалостную, продажную, но все же дорогую нам Москву — просто потому, что пятнадцать миллионов ее нынешних обитателей были не виноваты в том, какие несчастья выпали на их долю. Виноваты были совсем другие лица, но они-то сейчас бодро потели в трансатлантических авиалайнерах, радостно удирая туда, где их не достанет никакое цунами народного гнева.

Лучше всего сформулировала наши общие мотивы соратник Юля. Она просто напомнила всем, что мы увидели после второго взятия Зарайска, а потом спросила, хотим ли мы увидеть это еще раз, только уже в масштабах столицы.

Желающих, понятное дело, не нашлось. Совет принял окончательное решение, несмотря на яростные возражения соратника Холмогорова, и тогда я с полным правом объявил Всеобщую мобилизацию движения Восточные медведи. На последний, решительный и кровавый бой, как нам всем тогда представлялось.

Глава двадцать шестая

От кровавого сценария нас избавил Олег Меерович. Спокойно наблюдая за суматохой сборов с веранды моего коттеджа, он вдруг бросил мне через окно в кабинет, где я с Палычем и Холмогоровым уточнял последние детали наступления:

— Соратник Антон, вы опять собрались воевать? А подумать сначала вы не желаете?

Я даже отвечать на этот выпад не стал, так меня утомил психиатр своим бесконечным фрондерством, но Олег Меерович встал с кресла, так что его огромную фигуру стало видно всем в кабинете, и, возмущенно потрясая погасшей папиросой, закричал:

— У вас такой кредит доверия среди населения всей европейской части страны! У вас миллионы соратников в столице! А вы собираетесь брать ее штурмом, как будто вы какой-нибудь Гитлер!..

Услышав знакомую фамилию, которой дед укорял меня с утра до вечера, я привычно поморщился, но психиатр снова заговорил, уже спокойным, лекторским тоном:

— Масс-медиа! Телевидение и радио! Вам достаточно довести до сведения москвичей, что «гризли» идут в столицу, — и вы уже победитель!

Палыч, Холмогоров и я озадаченно уставились друг на друга, а потом я протянул руку к телефону и вызвал Ваню Сыроежкина со своей командой.

Мы записали четыре варианта роликов, четыре разных обращения к четырем категориям граждан: к простым обывателям, к представителям силовых структур, к мародерам Кольца Ожидания и, конечно, к нашим соратникам.

Пока я вещал на телекамеру, Палыч связался с сочувствующими Движению ребятами из столичного ОМОНа и частных охранников, отдав приказ занять и любой ценой удержать телецентр и телебашню. Холмогоров позвонил соратникам в МЧС, и они записали по телефону звук всех роликов, обещая немедленно начать трансляцию через динамики городской системы оповещения о чрезвычайных ситуациях.

Потом Ваня выгнал меня из-за стола и уселся за мой ноутбук редактировать и ужимать видеоролики, а потом начал рассылку сжатых видеофайлов через свой спутниковый телефон знакомым радийщикам и телевизионщикам из числа тех, что называли себя «гризли» и не боялись делать это в Москве.

Олег Меерович спокойно наблюдал за суматохой, снова усевшись в кресло на веранде и попыхивая там папиросой, но при этом он молчал, за что я был ему ужасно благодарен.

Мы выступили на два часа позднее, чем запланировали, но к пятнадцати часам четвертого ноября все-таки вошли в столицу одновременно двумя колоннами — с Каширского и Рязанского шоссе.

У нас не было сомнений, что предстоит тяжелая работа, но когда я довел две свои бригады пусть с боями, но почти без потерь до Павелецкого вокзала, а Палыч по рации рассказал, что его мотопехотный полк и оба танковых батальона продвигаются вообще без какого-либо сопротивления и сейчас упрутся в Садовое кольцо, я понял, что мы победили.

Мы просто шли по столице и делали то, что считали нужным, — расставляли опорные боевые точки на перекрестках, занимали крыши небоскребов для снайперов, даже вешали на столбах мародеров, случайно попавшихся нам в

руки, но все это выглядело несложной прогулкой по сравнению с тем, что мы в реальности ожидали увидеть.

Они сдались заранее, эти некогда грозные Крысы Кольца Ожидания, которыми матери целое лето и осень пугали детей по всей Европе — от Лиссабона до Владивостока.

Как выяснилось, даже самые грозные крысы тут же бегут, если понимают, что с ними не будут разговаривать об их крысиных правах, а будут молча уничтожать, без церемоний и экивоков.

Несмотря на эпизодически вспыхивающую стрельбу, на улицы города выходили тысячи гражданских, размахивая навстречу нашим колоннам черно-красными тряпицами, лентами или даже невесть откуда взявшимися плакатами с фотографиями лидеров «гризли», а от непрерывного скандирования нашего главного лозунга у меня заложило уши.

«Честь и порядок!», «Честь и порядок!», «Честь и порядок!» — самые разные люди — мужчины, женщины и даже дети — орали эти простые слова с таким неподдельным энтузиазмом, как будто скандирование этих слов само по себе уже приводит к порядку.

Олег Меерович сидел в «хаммере» рядом со мной, и у него был такой гордый вид, как будто он наконец убедил меня отменить смертную казнь.

Еще через час мой джип и бронемашина сопровождения въехали на Красную площадь. Там уже работали люди Палыча, деловито фильтрующие выбегающих из Кремля растерянных погромщиков.

Большую часть тут же укладывали на брусчатку лицом вниз, и уже треть площади была занята огромными людскими квадратами, очерченными по периметру недобро косящими на них автоматчиками.

Я приказал остановить машину возле Мавзолея. Мы вышли одновременно с психиатром, и тут же я увидел Палыча, выходящего из ворот башни Кремля. Палыч шел не один — он вел за собой на оранжевом канате, явно позаимствованном из какого-то оцепления, долговязого небритого человечка с расцарапанным и избитым в кровь лицом.

Мне не очень нравились эти незатейливые армейские развлечения с пленными мародерами, поэтому я поднял глаза повыше, к самому хмурому небу, и сделал вид, что не вижу, кого и куда он тащит, давая возможность Палычу сохранить лицо.

Но Палыч увидел меня и упрямо подвел человечка прямо к нам:

— Знакомься. Это Дмитрий Рогозин. Типа, Главный Бригадир Кольца Ожидания, а с сегодняшнего дня еще и Смотрящий за Москвой. Не поверишь, мы его буквально из вертолета вынули. Почти ведь удрал, гаденыш!

Я подошел к главному мародеру поближе и спросил, стараясь увидеть отсвет хоть какой-нибудь мысли в его глазах:

— Слышь ты, Лжедмитрий хренов, а ты чего хотел-то?

— Да того же, чего и ты! — вдруг ясно произнес этот мужик и выпрямился во весь свой немаленький рост, презрительно глядя на меня сверху вниз.

Я нахмурился и строго спросил:

— Ну, и чего же я хочу?

— Как и все — свободы для себя и порядка для всех остальных,— гадко ухмыльнулся он, и я тут же рефлекторно выхватил пистолет, взводя курок уже возле его быстро вспотевшего виска.

— Чего он там такого сказал? — не расслышал Палыч, но я отмахнулся, отодвинул его в сторону и, только дважды нажав на курок, ответил:

— Фигню он сказал. Полную фигню. Абсолютную. Нас, короче, вообще не касается.

Олег Меерович вздрогнул, услышав выстрелы, и недовольно скривил лицо:

— А все-таки есть у вас эти комплексы, соратник Антон! Лечиться вам пора. Вы же ненормальный уже абсолютно.

Я спрятал пистолет в кобуру, поднял ладони вверх и, кивнув на площадь, спокойно ответил:

— Да хрен с вами, лечите! Только, чур, уговор — сначала расстреляем всех этих крыс. Иначе нельзя — оставим их жить, а завтра они повторят всё сначала, но с поправкой на последний опыт. Согласны на такой обмен — мое лечение против их жизней?

Олег Меерович надолго задумался, оглядывая то площадь, то труп бригадира, а потом все-таки кивнул:

— Хорошо. Лучше сейчас десять тысяч, чем потом десять миллионов. Простое правило, не правда ли?

Чужой недовольно шевельнулся у меня в голове, и я с трудом заставил его заткнуться.

«Ты ведь спрячешься от деда, дружище?» — спросил я его.

«Только если ты этого захочешь»,— тут же ответил он, и тогда я совсем успокоился.

— Хрен с вами, лечите, Олег Меерович. Сейчас отстреляемся, и приступайте! — весело заявил я деду, и он проводил меня долгим, оценивающим взглядом.

Я забрал автомат у ближайшего бойца и передернул затвор.

— Ну что, крысы,— сказал я негромко, оглядывая Красную площадь,— настало время отвечать за все, что вы сделали. А главное, за то, что вы только собирались сделать.

Крысы уныло помалкивали, лежа на бесчувственной брусчатке разбитыми лицами вниз, и я пустил над ними первую, пристрелочную, очередь.

Площадь по-прежнему виновато молчала, и я понял, что снова все делаю правильно.

Я встал поудобнее и начал стрелять так, как учили.

КОГДА ЗАКОНЧИЛАСЬ НЕФТЬ

К читателю

Когда закончится нефть,
Ты будешь опять со мной.
Когда закончится газ,
Ты вернешься ко мне весной.
Мы посадим леса
И устроим рай в шалаше.
Когда закончится все,
Будет объем в душе.

Ю. Шевчук и группа «ДДТ»

В последние годы СМИ особенно активно пугают нас, что, мол, скоро запасы нефти (она же черное золото, она же кровь Земли) на планете совсем иссякнут. А за ней — и запасы газа с углем. Эксперты-оптимисты стараются успокоить граждан: мол, не волнуйтесь, на наш век и на век наших детей уж точно хватит. Им возражают пессимисты: расслабляться нельзя, счет идет уже на десятилетия.

А напуганное всеми этими прогнозами человечество думает и гадает, что же будет, когда кончится нефть. Успеют ли к тому времени изобрести какое-нибудь супермегапрогрессивное топливо, для производства которого не требуется редких природных ресурсов, или не успеют? На чем будет ездить транспорт, когда все иссякнет, чем будут отапливаться дома, на чем будет строиться мировая экономика?

Взволнованные и заинтригованные этой темой, как и все остальные жители Земли, мы предложили самым разным писателям (среди которых оказались и опытные фантасты, и люди, обычно совершенно далекие от жанра фантастики и антиутопии) представить себе, как будет выглядеть наше постиндустриальное будущее. Мир, в котором в один прекрасный день закончилась нефть.

Из этих разных взглядов, из этих картин будущего, нарисованных двенадцатью писателями, и составлен этот сборник, который мы имеем честь представить на суд читателя.

От издательства

© ООО «Астрель-СПб», 2010

Андрей Егоров

ДИКСОН

По моей просьбе вертолет сделал круг над островом. Его очертания наводили на мысли о левиафане, обитателе северных морей. Чудовище подплыло к острову с востока и отхватило огромный кусок суши. След челюстей — бухту Диксона — сковал лед, скрытый глубоким снегом. Севернее на побережье можно было различить заброшенный поселок. От крохотных коробочек-домов тянулась темная полоса асфальтовой дороги и упиралась в аэропорт. Я опознал аэропорт по взлетно-посадочной полосе; к ней примыкал одинокий рукав для разворота самолетов. Местами снег стаял, бетон покрывали бурые пятна — местная растительность медленно, но верно отвоевывала остров у человека.

— Раньше здесь ледоколы ходили,— поведал пилот.— Пройдут вдоль берега, лед пообломают, а когда стянется, тут и там куски торчат, будто зубы. На вездеходе напрямки не проедешь в порт. Теперь-то здесь редко кто бывает. И вездеходы не ходят.

— А как же они обходятся?

— На станции-то? Рыбалкой живут, охотой. Оленину жрут. Медведя однажды завалили. Я им раз в месяц консервы из Норильска доставляю. Им эти консервы, конечно, недешево обходятся. Но все равно берут. Куда деваться...

— А топливо?

— Да у них там целый склад газовый, если нашим верить. Сколько раз просил, ну продайте хоть пару баллонов пропана. Мне ж летать к вам не на чем. Ни в какую. И главное, сидят как привязанные. Не хотят на материк перебираться, и все тут. Можно спрошу? Вы к ним с какой целью? Хотите станцию закрыть?

— Да,— коротко ответил я.

Задание группы по поиску нефтяных месторождений в окрестностях Карского моря давно закончилось, но по непонятной причине геологи отказались возвращаться, осели в устье Енисея. Их прибытия в Москву ожидали еще осенью; зимой решили — случилась беда. Но из Норильска прибыл ответ — все в порядке, геологи на острове Диксон, живут на старой гидрографической базе, контактируют по рации, просят их не искать и обратно не собираются. На институтском совете решили повременить до весны, переждать полярную ночь — чудовищный холод и отсутствие солнца, и, если геологи к весне не образумятся, отправить к ним человека — узнать, что, собственно, происходит. Жена одного из членов группы устроила настоящую истерику в кабинете ректора — рыдала и требовала немедленно вернуть ей мужа. Как будто институт его похитил.

Ни у кого даже сомнений не возникло, кто полетит. Если происходило что-то экстраординарное, всегда обращались ко мне. Я никого не подсиживал, по карьерной лестнице не лез, в науке достиг существенных успехов — в общем, пользовался у коллег авторитетом. Меня, правда, мало заботила основная

© А. Егоров, 2010

проблема современной науки — синтез нефти и поиск новых месторождений, в сферу моих интересов входила исключительно слоистая минералогия. Но в институте меня ценили за безотказность и эрудицию.

— Давай, родной,— напутствовал меня ректор,— скажи ты этим обалдуям, что зла я на них не держу. Ну что они, в самом деле, как маленькие?.. Не понимаю,— он потеребил козлиную бородку, что выдавало крайнюю степень волнения.— Впервые, знаешь ли, сталкиваюсь с такой странной ситуацией.

— Да, ситуация странная,— согласился я.— Вы не волнуйтесь, Фрол Евгеньевич, я разберусь.

Вертолет завис над посадочной полосой и стал снижаться.

— А разве вы не высадите меня у поселка? — удивился я.

— Стреляют.

— Не понял.

— Запретили мне там высаживаться. Я здесь все оставляю. Продукты. Вещи. В общем, все, что им нужно. В здании аэропорта.

— А как же вы общаетесь?

— По рации.— Пилот ткнул в приборную панель.— И через записочки.— Он рассмеялся: — Геологи ваши московские совсем того.

— Так что же, вы их давно не видели?

— По правде говоря, никогда не видел. Да и чего мне на них смотреть?.. Не бабы голые. Платят они исправно, это главное.

Значит, придется отмахать километров десять на своих двоих, понял я. Ничего, не замерзну. Куртка теплая. В рюкзаке имеется портативная газовая горелка. Немного горючей ткани. Хватит, чтобы развести костер и отогреться. Вот только белые медведи — звери под тонну весом, непуганые, бродят по окрестностям в поисках пропитания. В их желудок может поместиться целая нерпа. Не дай бог встретиться посреди заснеженной пустоши с голодным хищником. И карабин не поможет. Я прихватил с собой из Норильска СКС — самозарядный карабин Симонова, излюбленное оружие местных промысловиков. Для охоты на оленей СКС подходит, а вот медведя им вряд ли остановишь, даже если всадить в него две обоймы — по десять патронов в каждой.

— Может, подлетим поближе,— предложил я угрюмо, предчувствуя ответ.

Пилот мои ожидания вполне оправдал.

— Даже не знаю,— смешался он,— там же снег везде. Я бы мог, конечно, сесть на дороге, поближе к поселку... Но это сложно. Да и пропана у меня только на обратную дорогу. Сами знаете, как вертушки газ жрут.

Ни слова не говоря, я полез в рюкзак и протянул пилоту несколько купюр — потом представлю смету родному институту.

— Скажем, за километр от поселка я смогу сесть,— сразу проявил он понимание.— А то дюже ваши геологи лютые. Один наш раз вздумал возле самой станции приземлиться, потом дырку в лобовом стекле всем демонстрировал. Они у вас во,— пилот покрутил пальцем у виска. Потянул штурвал на себя, поднимая машину выше.— Хотите честно? У нас на авиабазе все уверены, что

на Диксоне — одни психи. Никто к ним летать не хочет. Только я. Просто мне деньги очень нужны. Трое детей. Все парни. Жрут, как рота солдат.

Пока мы летели, пилот тараторил без умолку, а я размышлял о сложившейся ситуации. При ближайшем рассмотрении все выглядело еще более странным, чем из Москвы. Почему геологическая группа осела на почти заброшенной гидрографической станции? Зачем они полностью исключили контакты с внешним миром? И чем они, черт побери, здесь занимаются? Я попытался представить, в каких обстоятельствах я поступил бы так же. И пришел к выводу, что только в одном случае — если бы речь шла о крупном научном открытии. Быть может, они нашли что-то такое, что позволит России преодолеть топливно-энергетический кризис и вырваться в мировые лидеры?..

Мы приземлились посреди ледяной пустоши.

В небе змеилось, вспыхивало, завораживало диковинными красками северное сияние. Ветер налетал порывами. По выщербленному временем асфальту стелилась пороша.

— Обратно когда? — спросил пилот.

— Послезавтра, скорее всего.

— Можно по рации будет связаться заранее — и назначить точное время.

— Хорошо, так и поступим...

— Удачи,— пожелал пилот и захлопнул дверцу.

Лопасти вертолета закрутились, тяжелая машина поднялась в воздух и полетела к бухте. А я, не теряя времени, направился в сторону поселка.

Погода, несмотря на начало апреля, стояла холодная. Лицо сразу замерзло. Дышать стало холодно. Я шел, прикрывая пуховой перчаткой рот и нос.

Одиннадцать часов утра, а сумрак и не думал рассеиваться. Благодаря северному сиянию было светло.

Я прошел метров триста, когда шестое чувство — всегда ему доверял — подсказало мне: обернись... За мной по старой дороге, опустив голову к земле, почти крался массивный хищник. Страх ударил под дых, заколотился в груди бубном шамана. Повинуясь одному только инстинкту самосохранения, а не разуму, я побежал. Назад не оглядывался — если зверь решит атаковать, взгляд глаза в глаза его не остановит.

Впереди замаячили очертания небольшого домика у дороги. Почему-то он стоял на отшибе, за поселковой чертой. Нужно быть настоящим чудиком и очень не любить людей, чтобы даже в условиях Крайнего Севера поселиться вдали от всех. Неужели хозяина дома не напрягала необходимость топать почти километр до ближайшего магазина?

Припорошенная снегом, вся в следах медвежьих лап, выбитая дверь лежала в проеме.

Я метнулся в дом. Достал из рюкзака фонарь. Луч скользнул по потолку, высветил пустой крюк для люстры, темные разводы. Внутри дом напоминал ледяной склеп. Северный холод забрался в некогда уютное жилище, покрыл изморозью стены, остатки мебели — сломанный стул, широкий письменный стол, платяной шкаф. И хотя на острове уже была весна, оттаивать пока дом не собирался. Я поднял и кое-как приладил на место дверь, придвинул стол, чтобы ее невозможно было снова повалить, сдернул с плеча карабин...

Хищник бродил вокруг, я слышал громкое сопение возле разбитого окна. Потыкался в треснувшее стекло шершавым носом, царапнул дверь, попытался сунуть морду в щель — я держал стол изо всех сил — и побрел прочь.

Мне повезло. Бурый медведь учуял бы человека за версту. У белых обоняние развито много хуже. Да и, судя по его поведению, он недавно пообедал. С голодухи эти полярные хищники способны даже убить и сожрать более слабого собрата.

Я решил выждать, пока медведь уберется подальше. Разогнал кровь по венам: поприседал, помахал руками, изображая бой с тенью. Стало немного теплее. Пошарил лучом фонаря по комнате. Выдвинул ящик стола — и обнаружил тетрадь в дерматиновом переплете и огарок свечи, словно специально оставленный здесь для меня. Подпалил свечу от газовой горелки. Полистал тетрадь. Хрустящие промороженные страницы еще хранили синие чернила. На последней было всего несколько записей:

«Все плохо: закрыли школу, Анна Степановна уехала, некому больше меня учить. Теперь магазин на очереди. Не жизнь, сплошная борьба за выживание, может, поэтому и настроение не очень. Ничего, прорвемся, не впервой. Зато целых два дня было лето (суббота и воскресенье) и рыбалка! Рядом шнырял медведь, и мы побоялись далеко уйти. Зато наелись рыбы во всех видах».

Под записью стояла дата — август две тысячи пятидесятого года.

«Полярные станции, слава Богу, все пока работают. Штормами изрядно подмыло дома — обрушился склад, хорошо, что успели все вытащить. Но ребята порядком испугались. Ходили смотреть на метеорит. Говорят, такое случается раз в сто лет. И это к счастью. Отколол себе кусочек, пусть и у меня будет немного счастья».

«Ну, вот, закрылся Сбербанк. Теперь, чтобы получить зарплату, родителям нужно ждать почты из Норильска. Хорошо, что у нас есть предприниматель. Настоящий. В прошлом году приехал с материка. Открыл новый магазин — промтовары, продукты, одежда. Торгует дорого. Но обещает, что здесь надолго. В общем, с голоду не помрем, и то ладно. Хотя света нет. Пишу со свечкой».

Октябрь две тысячи пятидесятого. Последняя запись. Что случилось с владельцем дневника, и почему он не забрал его с собой, оставалось загадкой.

Я положил тетрадь в ящик. Тронул рукой поверхность стола. И заметил нечто странное. На перчатке остались отчетливые темные пятна. Я поднес руку к лицу. Стащил перчатку и осмотрел. Принюхался.

У нефти очень специфический запах. Редкий современный человек когда-либо обонял нефть. Но в нашем институте, в лаборатории синтеза, хватало образцов. Я погрузил в маслянистое пятно ладонь. То, что жидкость не замерзла, указывала на низкое содержание парафина. И этот характерный едкий запах. Я бы мог поклясться, это — настоящая нефть.

У меня даже холодок по спине пробежал после того, как я сделал это открытие.

Я взял свечу, приблизил к поверхности стола. Нефть воспламенилась в одно мгновение, вспышка — и все объято огнем. Она горела синеватым пламенем. Я стоял, будучи не в силах оторвать взгляд от этого упоительного зрелища, и думал, что давно не видел ничего прекраснее...

Так вот что произошло. Геологи нашли на Диксоне нефть. Возможно, много нефти. Месторождение во много миллионов или даже миллиардов тон. И осели здесь — на залежах драгоценной жидкости. Почему? Ответ очевиден. Они не хотят отдавать нефть родному государству. Замалчивают находку и ищут покупателя, чтобы продать месторождение. Кому? Любая страна будет рада выложить за новое месторождение целое состояние. Китай, Соединенные Штаты, быть может, Индия или Бразилия. Выходит, мы имеем дело с уголовным преступлением. Значит, мне здесь нечего делать. Геологами должны заняться соответствующие органы — в первую очередь госбезопасность. Теперь важно добраться до рации и вызвать вертолет. Только вот дадут ли мне преступники такую возможность?

Я понял, что другого пути у меня нет. Тронул затвор карабина. Разыграю из себя наивного малого, который прибыл по заданию института и ничего не подозревает. Главное сейчас — вернуться на материк...

Дом я покидал осторожно, отодвинул стол, отставил дверь. Медвежьи следы вели вдоль дороги к поселку. Зверь двигался тем же маршрутом, что и я.

По счастью, через сто метров хищник повернул на юг. Я же направился прямо по асфальтовой полосе. И через некоторое время вошел в поселок...

На одноэтажном деревянном доме висела покосившаяся табличка: «ул. Водопьянова». Центральная улица Диксона. С крыши свисали длинные сосульки, напоминанием о недавней оттепели. К сожалению, я ее не застал. Металлический столб оборванной линии электропередач лежал посреди улицы. От него тянулись бесполезные провода, заползали на детскую горку. Напротив двухэтажное каменное здание встречало гостей поселка почти небесной, праздничной, но изрядно облупившейся глазурью — «Детский сад». Полуразрушенная пятиэтажка поодаль, с пустыми глазницами окон, наводила на грустные мысли о том, что ничто в этом мире не вечно.

Здесь я достал из рюкзака план поселка, сверился с ним и повернул налево. Гидрографическая станция находилась на самом берегу залива.

Я прошел мимо здания поселкового клуба, на фасаде которого сохранился выцветший советский герб. И вышел на берег у старого причала, занесенного снегом. Здесь стоял, пришвартованный навеки, ржавый лоцбот «Нарзой». Вдалеке можно было увидеть морской порт — затонувшую баржу, лежащую на боку, брошенный старый ледокол, каланчи подъемных кранов. Они грозили в любой момент рухнуть, но у местных властей не было денег на демонтаж. В наше время, когда нефть иссякла, ни у кого в России ни на что нет денег.

Гидрографическая база представляла собой двухэтажное здание с небольшой хозяйственной пристройкой. В двадцатых годах станция перебралась в новый корпус, но оказалось, что его выстроили из рук вон плохо — через пару лет часть постройки обрушилась. Никакого землетрясения на Диксоне, разумеется, не было — просто отдельные местные чиновники сэкономили и неплохо нажились на строительстве. Некоторое время гидрографы ютились во времянках. Затем было принято решение переехать назад — в реконструированное старое здание. Все это мне поведал разговорчивый пилот, пока мы летели от Норильска. Мне повезло — в институте на плане поселка отметили крестиком давно погибшую базу...

Я обернулся еще раз на мертвый поселок и толкнул дверь станции. В замерзшее лицо пахнуло теплом и запахом свежей рыбы.

В углу холла с занесенным над головой поварским топориком стоял бородатый человек. Перед ним на табурете лежал мороженый омуль. Секач рухнул вниз и одним ударом отсек безучастную ко всему на свете мертвую рыбью голову. Тут бородач заметил меня, и лицо у него заметно вытянулось — мое появление стало для геолога неожиданностью.

— Я из института... Курганов Виталий.— Хотелось сразу расставить все точки над «е».— Вы не выходите на связь с Москвой...

— Шатров... Антон.— Геолог быстро пришел в себя, обогнул широкий стол, двигаясь медленно, словно сомневаясь, переложил топорик в левую руку и протянул правую для рукопожатия.— А я думал, про нас все забыли...

Я заколебался — не хотелось пожимать заляпанную рыбой, нечистую ладонь, но и общение с недопонимания начинать не хотелось. Я стянул перчатку, пожал руку добровольного затворника. Несмотря на густую бороду, я его узнал. Встречались пару раз на научных конференциях. Внешность у Шатрова была непримечательная: бесцветные волосы, водянистые глаза, средний рост. Правда, он был коренаст и широк в плечах, а крепкие ладони выдавали в нем любителя работать руками. Я бы, пожалуй, не вспомнил его, если бы не доклад — тогда он сказал со сцены несколько слов о минералогии нефтяных слоев. Назвал преступлением то, что отдельные ученые в столь сложное для страны время умудряются «заниматься камешками» — вместо того, чтобы посвятить свой ум и время более важным вопросам.

Я стянул вторую перчатку, снял куртку.

— У вас рука испачкана,— заметил Шатров уныло.

Я и забыл, что опускал ладонь в нефтяную лужу. Надо же, так по-идиотски вляпаться.

— Это краска,— соврал я.— Вертолет только что покрасили.

Вышло глупо.

— Понятно,— пробормотал геолог таким убитым голосом, словно я только что сообщил ему самые дурные вести в его жизни.— У нас там растворитель есть в умывальнике. Если хотите...

— Да, конечно. А у вас тепло.

— Газовый генератор в подвале. У нас тут все, что нужно, для жизни. Вы надолго? — Его слова прозвучали негостеприимно в отношении человека, который только что прилетел. Совсем как в анекдоте про тещу: «Вы что же, мама, даже чаю не попьете?»

— Я на пару дней. Если покажете, где можно остановиться, я бы был вам признателен. Мне бы бросить вещи, отогреться немного.

— Разумеется.— Мое присутствие явно тяготило Шатрова, как и моя ложь.— Пойдемте, я провожу. Пока будете устраиваться, строганину доделаю...

— Мне говорили, в группе вас было двое,— сказал я, вернувшись на импровизированный «камбуз». Так я окрестил кухню и по совместительству

холл старого здания. Станция напоминала ледокол, плывущий по северным морям в неизвестном направлении.

— Да, Сермягин...— Геолог говорил с явной неохотой, как преступник на допросе.— Спит. В своей комнате. Заперся и спит. Недавно лег. Пришел с рыбалки, пока я тут... с приборами налаживался. Теперь часов шесть-семь проспит, не меньше...

— А что гидрографы?

— Гидрограф,— поправил Шатров.— Он здесь один оставался... когда мы прибыли. Семен Орловский. Вообще-то, мы его Семен Васильевич звали. Старику уже под семьдесят.

— Что значит «звали». Он умер?

— Да нет, живой.— Он вдруг улыбнулся.— А знаете, я даже рад, что вы приехали. Может, на ты? По-мужски. По-северному.

— Давай,— согласился я. Мне стало легче от того, что диалог налаживался. Ну, если по-мужски, по-северному, следовало разузнать у Шатрова все в подробностях, расспросить его, как он дошел до жизни такой, почему ничего не сообщил в институт о первом за несколько десятков лет новом месторождении? Что у него, вообще, в голове творится, раз нормальный мужик, ученый, пошел на измену Родине? И ради чего, спрашивается? Ради денег?..

Я и расспросил. Начал разговор издали и привел к нужной точке — прямиком к нефти. Мне хотелось, чтобы Шатров солгал, глядя мне прямо в глаза. Пусть скажет, что нет на Диксоне полезных ископаемых и никогда не было...

— Всюду нефть, нефть, нефть. Только и слышишь о ее синтезе.— Он вдруг сделался очень раздраженным.— А мне надоело. Понимаешь, Виталий, все надоело. Что там хорошего, на большой земле? Что я забыл на материке?

Я пожал плечами. Убеждать кого-то, что жить среди людей лучше, чем в заснеженной пустыне,— занятие бесперспективное. Каждому свое. Для одного сторожка в лесу — рай земной. А другому подавай шумный город.

— А жена...— напомнил я.

— А что жена?! — буркнул геолог.

— Дети есть?

— Двое. Им без меня только лучше будет. Чему я их научу? Что скажу? Что мы все с тобой просрали? Ученые... Меня же никто не слушал, когда я на каждом ученом совете говорил — надо перестраивать производство, надо менять индустрию, опоздаем, к такой-то матери. Но нет, как качали нефть, так и продолжали качать, строили новые нефтеперегонные заводы, топливные склады. И все предприятия наши российские, главное, под нефтянку были заточены. И вот ее не стало. И где мы теперь? В глубокой жопе. Заводы стоят. Производства нет. Китайцы заселяют Дальний Восток. Да что там говорить, уже заселили. И что мы можем с этим сделать? У нас же все танки и самолеты на горючем топливе. С десяток газовых броневых машин выпустили в две тысячи пятнадцатом, и где они все теперь? Пустое все, говорить тошно,— Шатров махнул рукой.— Может, лучше хлопнем по рюмашке, за встречу, а?.. А то здесь и выпить не с кем...— Он осекся.

— А что Сермягин, не пьет?

— Не пьет,— почему-то обрадовался геолог.— Совсем не пьет.

— Тогда ладно,— согласился я, рассудив, что под водку разговор пойдет еще более доверительный.— Наливай. Только я все равно попробую тебя уговорить вернуться.

— Да уговаривай сколько влезет.— В бороде геолога шевельнулась лукавая улыбка. Он полез в стенной шкаф, извлек пузатую бутыль самогона и водрузил на стол.— Вот.

— Откуда такое богатство?

— Вертушка привозит, вместе с консервами. Пилот, мать его за ногу, дерет втридорога. Но без самогона на базе совсем тоска. И потом, пройдешься по морозцу, сам бог велел немного выпить — для согрева не только души, но и тела...

— Вы нефть-то, вообще, здесь искали? — спросил я, когда было съедено по банке тушенки, и третья доза самогона разлита по стаканам.

— А как же...— удивился Шатров.— Все как полагается. Оборудовали лабораторию — взяли пробы воды, грунта. Даже подорвали кое-что... Нет здесь нефти, нет, и никогда не было. Собственно, кто бы сомневался. Нефти вообще нигде больше в мире нет. И глупо ее искать.

— Значит, нет.— Я побарабанил пальцами по крышке стола, выпил залпом пахучий напиток и отодвинул стакан.— Пожалуй, хватит... Значит, так, Антон, мне надо знать, что здесь происходит. И если вы не собираетесь возвращаться, ты должен, по крайней мере, доложить, как обстоит дело. А я, в свою очередь, все, что ты мне расскажешь, перескажу в институте.

— Если бы ты только знал... как обстоит дело,— пробормотал он. От самогона геолог сразу захмелел. Меня такой дозой было не взять.

— Я хочу поговорить с Сермягиным,— твердо сказал я.

Шатров изменился в лице.

— Вот, значит, как... А мне ты уже не доверяешь?..

— На меня возложены институтом определенные обязательства. А я человек ответственный, сказал, что сделаю, значит, должен сделать.

— Хорошо.— Геолог поднялся одним рывком. Его «хорошо» прозвучало как угроза.— Идем...

Через пару минут он стучал в дверь одной из комнат второго этажа.

— Леша, ты как?

— Чего тебе? — неприветливо отозвался Сермягин.

— Извини, что разбудил. Тут такое дело. Из института приехал человек.

— Как?..

— Я говорю, человек из института приехал, потеряли нас совсем. Вот его и прислали.

Последовала долгая пауза. Сермягин переваривал свежую информацию.

— Уходите,— крикнул он наконец,— я болен.

— Болен? — удивился я, обернулся к Шатрову за разъяснениями. Тот пожал плечами.— У вас больные ходят на ночную рыбалку?..

— Да ладно тебе... Про рыбалку — это я так, сболтнул. Заболел он, правда. А на рыбалку я сам ходил.

— Значит, сболтнул, понятно... Бывает. А что Орловский, тоже болен?

— Угадал. Но ему намного хуже. Он даже не разговаривает.— Мне почудились в тоне Шатрова издевательские нотки.

— То есть на станции только ты здоров?

— Ну да. Пока здоров, как видишь.

— А чем они больны? Может быть, им нужны какие-нибудь лекарства с материка?

— Нет,— быстро ответил Шатров,— ничего им не нужно, никакие лекарства им не помогут.

Я нахмурился. И заявил:

— Хочу увидеть гидрографа. Немедленно.

Геолог замялся.

— Тебе не понравится то, что ты увидишь.

— И все же...

— А ты упертый. Ну хорошо, идем,— он поманил меня за собой. И мы направились к лестнице.— Я поместил его в герметичный бокс,— рассказывал Шатров.— Иначе поступить было нельзя.

— Думаешь, он заразный?

— Теперь это уже неважно.

Загадки мне порядком надоели, но, прежде чем что-либо предпринять, я решил дождаться встречи с гидрографом Орловским.

— Здесь он,— сказал Шатров, когда мы спустились на первый этаж и остановились у двери с выведенной на ней черной краской надписью «Бокс».— Не передумал?

— Нет.

— Валяй,— разрешил геолог и толкнул дверь.

В нос мне шибанул едкий запах с характерным букетом. Я и опомниться не успел, как понял, что стою едва ли не по колено в буроватой жиже. Она выплескивалась через порог, как вода из переполненной ванны.

— Боже мой,— пробормотал я.

На койке, весь залитый нефтью, похожий на смоляное чучелко из сказки, лежал неестественно тощий человек. Его грудина то и дело спазматически вздрагивала, а изо рта вырывался хрип. Если бы не лихорадочное дыхание, я решил бы, что Орловский мертв. Какой маньяк с ним сотворил такое?!

Я попятился от Шатрова, захотелось бежать сломя голову. Но куда?!

— Не надо меня бояться,— сказал он мягко.— Я тут ни при чем...

— Тогда кто? Кто это сделал с ним?!

— Вряд ли ты поймешь.

— Что я должен понимать?! — выкрикнул я, пребывая на грани.

— Иди сюда,— геолог надвинулся на меня, но я отпрыгнул назад.— Да иди же,— ему удалось схватить меня за рукав и почти насильно оттащить от комнаты. Он резко захлопнул дверь с надписью «Бокс».— Значит, так,— перешел на командный тон Шатров.— Я дам тебе ватные брюки и краги, наденешь их.

— Зачем?

— Зачем? Ты же хочешь получить ответы на все вопросы. Для этого тебе нужно увидеть... Тем более что теперь ты тоже к этому причастен.

— Увидеть — что?

— Так сразу не объяснишь,— ответил он уклончиво.— Это надо видеть.

— Хорошо, только возьму с собой кое-что.

Шатров помялся.

— Черт с тобой, бери. Я пойду с тобой...

Я порылся в рюкзаке, сунул за пояс охотничий нож, на плечо повесил карабин. Шатров смотрел на мои приготовления, не скрывая скепсиса. Поинтересовался:

— С медведями собираешься воевать? Напрасно. Они мою станцию по дуге обходят. Боятся человека.

Я отметил местоимение «мою» и сказал:

— Мне один встретился, там, на дороге...

— Здоровый такой? Под тонну весом? Это Вовка. Мирный зверь. Я его рыбой подкармливаю. Он на людей не нападает.

— Белые медведи не приручаются,— возразил я.— Даже если выросли рядом с человеком.

— Это ты кому-нибудь другому расскажи,— обиделся Шатров.— Другие, может, и не приручаются. А этот очень даже приручился. Я все боюсь, он в ловушку мою попадет. Поэтому и ставлю ее только тогда, когда чужого зверя в поселок приносит.

— Пилот говорил, вы как-то одного медведя подстрелили?

Шатров хмыкнул.

— Одного? Бери выше. Их подстрелишь, пожалуй. Тут слоновий калибр требуется. Я действую по старинке, уже десятка три медведей взял.

— Как же ты их берешь? — воспользовался я его охотничьей терминологией.

— А на китовый ус. Режешь острую полоску уса, сворачиваешь в спираль, жирком заливаешь — и в лунку. Медведь наживку заглотит, жир у него в желудке начинает таять, ус распрямляется и рвет ему внутренности. Остается только тушу найти по следам и разделать.

— Но это же варварство,— возмутился я.

— Варварство?! — рассердился геолог.— А кто их поголовье регулирует в России? Расплодились так, что человеку места нет. Я поначалу по поселку спокойно пройти боялся. Казалось, из-за любого угла вот-вот зверюга выскочит. А теперь вот хожу спокойно, как настоящий хозяин здешних мест. У медведей только печень есть нельзя — можно отравиться, а мясо вполне съедобное. Жир опять же. Если им намазаться, совсем не холодно. Рыбачить ночью хорошо.

— Далеко идти? — поинтересовался я.

— Да нет, тут километр, не больше.

— Тогда иди впереди, показывай дорогу.— И про себя добавил с ненавистью: — «Хозяин».— Меня разозлил вовсе не хозяйский подход Шатрова к здешним местам, а собственный страх. Я боялся этого коренастого бородатого человека, скрывавшего какую-то страшную тайну. После того, что я увидел в

«Боксе», ему придется придумать по-настоящему хорошее объяснение случившемуся.

Он мое настроение почувствовал — посмотрел на меня исподлобья, нехорошо посмотрел. Я сделал вид, что не заметил этого взгляда. Все равно ни за что не пойду впереди. Не хватало еще оставлять за спиной непредсказуемого типа, помешавшегося на нефти.

Шатров пожал плечами — впереди так впереди.

Мы вышли из здания станции и двинулись на юг. Ветер стих, и метель улеглась. Вокруг царило безмолвие и тишина, какая бывает только на Крайнем Севере. Сияние сделалось менее отчетливым. Теперь оно не заливало все вокруг режущим глаза ярким светом, а нежно серебрило снежные барханы. На холоде разговаривать трудно, поэтому всю дорогу мы молчали. Меня не покидало тревожное чувство и подозрение, что Шатров задумал что-то недоброе.

— Почти пришли,— он поднял руку, указывая направление.

— Кладбище? — удивился я.

— Оно самое.

Среди простых могил выделялся высокий черно-зеленый монумент, выполненный из цельной диабазовой глыбы. На нем было высечено имя, год рождения и год смерти владельца — две тысячи пятидесятый, и никаких памятных надписей, которые так любят делать родственники толстосумов.

Дневник завершался тем же годом, вспомнил я.

— Бизнесмен местный,— поведал Шатров, заметив мой интерес,— думал, приедет сюда, заживет. Одним из последних умер. Завещал напоследок каменотесу себе такую вот могилку оборудовать. А по мне, не все ли равно после смерти.

— Промтовары продавал, продукты, одежду,— пробормотал я.

— Не знаю я, что он там продавал, но сделал для острова немало. Если бы не он, все бы раньше отсюда разбежались.

— Что значит «одним из последних»?! — спохватился я.— А другие разве не уехали?

Геолог покачал головой.

— Все здесь лежат. Мы последних застали. Правда, многим уже совсем плохо было.

— Эпидемия?

— Что-то вроде того...

— Послушай, Антон, прекрати говорить загадками. Ты можешь, наконец, сказать прямо — что здесь происходит?

— Сейчас сам увидишь.

Шатров направился вдоль кладбища, скрылся в полуразвалившемся сарае. И вскоре появился оттуда, держа в руках коловорот и лопату. Разгреб снег, обнажил мерзлую землю. Взялся за коловорот и несколько раз провернул, вгоняя в грунт. Извлек инструмент и сделал приглашающий жест — смотри. Я склонился над лункой. И тут же дыхание перехватило от волнения. Увиденное напоминало волшебство. Отверстие стремительно заполнялось густой смолянистой жижей, распространяющей все тот же специфический запах. Нефть залегала у самой поверхности, значит, месторождение не просто при-

годно для добычи — оно буквально насыщено драгоценной жидкостью. Недра стремятся избавиться от нее, отдать ее людям.

— Удивительно. Столько лет поисков, и здесь, на острове Диксон...

В то же мгновение меня поразила простая и страшная мысль. Если преступник решил показать мне нефть, значит, он уверен, что я об этом никому не расскажу. Или он хочет взять меня в долю, или не собирается отпускать живым.

Я схватился за рукоять ножа и резко развернулся.

— Брось валять дурака,— проворчал Шатров.— Я отлично знаю, что у тебя на уме. Думаешь, я нашел нефть и собираюсь загнать месторождение китайцам, так?

— Не собираешься?

— Конечно, нет. Все куда сложнее. Знаешь, что такое нефть? — хмуро поинтересовался он и, не дожидаясь ответа, продолжил: — Условно говоря, это горючий материал биогенного происхождения. Тебе слово «биогенный» о чем-нибудь говорит? Говорит, конечно. Ты же ученый.

— Биогенные макроэлементы, или макронутриенты,— углерод, водород, азот, кислород, фосфор и сера,— отчеканил я.

— Замечательно. В твоих познаниях я не сомневался. И конечно же, ты в курсе, что из макронутриентов построены такие органические вещества, как белки, жиры, углеводы, ферменты, витамины, гормоны. То есть все то, из чего состоит человек.

— Необязательно человек...

— В данном случае — обязательно,— отрезал Шатров.— Ты, конечно, знаешь, коллега, что до сих пор нам, я имею в виду наш научно-исследовательский институт, так и не удалось выяснить, откуда взялась нефть. Так вот,— он выдержал паузу — мы втроем, не без помощи Орловского, выяснили-таки, откуда берется нефть, и, что самое забавное, мы узнали, как пополняются ее запасы в недрах...

— Ты меня разыгрываешь?

— Даже и не думал. Хочешь, покажу тебе мумию?

Предложение прозвучало настолько несуразно, что я растерялся.

— Что? — переспросил я.

— Тут в могилах сплошные мумии. Веришь ли, совершенно не портятся. Могут храниться тысячи лет. И все равно останутся точно такими, как в тот день, когда их похоронили.

Мне стало еще больше не по себе. Я понял, что беседую с безумцем.

— Давай вернемся на станцию,— предложил Шатров.— Там в тепле я расскажу подробнее о том, что нам удалось узнать. У нас здесь целая лаборатория по изучению нефти. Сколько работы проведено, ты не представляешь.

— Хорошо,— я решил во всем с ним соглашаться, пока не представится возможность его обездвижить и связать. Если прикинуть шансы, то они примерно равны. Конечно, Шатров шире меня в кости, тяжелее килограммов на тридцать, но на моей стороне фактор неожиданности, и потом — я владею некоторыми приемами самообороны. Хотя у сумасшедших силы удесятеряются. Поэтому я должен быть предельно осторожен и действовать наверняка.

Обратный путь мы проделали в той же зловещей тишине. Шатров брел впереди, придавленный грузом каких-то своих безумных мыслей. Только один раз он оживился, когда на льду замаячил силуэт медведя. Геолог замахал руками, закричал, но, к его огорчению и моей радости, зверь не решился приблизиться и скрылся.

— Это он тебя боится,— сказал Шатров.— Ничего, вечером на базу придет. Он вечером всегда за рыбой приходит.

Я не стал убеждать геолога, что его общение с полярным хищником может быть опасным. От соседства медведя я, конечно, чувствовал себя неуютно. Но куда больший страх мне внушал этот психопат. Сумасшедшие непредсказуемы. Неизвестно, что он выкинет в ближайшее время. Вдруг ему покажется, что я не верю в его безумные теории, и он вознамерится сотворить со мной то же, что сотворил с Орловским?.. Подобные типы обычно очень ревностно отстаивают свои взгляды.

— Ты знал, что в метеоритах находили элементы битумных соединений? — продолжил развивать свою безумную мысль Шатров, когда мы вернулись на базу.

— Разумеется.

— Метеорит упал там, неподалеку от поселка. Совсем крохотное небесное тело. Оно почти полностью выгорело, проходя через атмосферу. Не больше футбольного мяча. Но для Диксона его появление стало целым событием. Местные жители извлекли метеорит из кратера и растащили на сувениры. Камешек-талисман в каждый дом. Многие везде таскали кусочки метеорита с собой. На самом деле он совсем не приносил удачи. Никакой удачи. Только смерть.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Это соединение — что-то вроде вируса. Заражает любую органику. Сначала возникает вирус, проникает в иммунную систему, затем развиваются споры, и происходит видоизменение организма на физиологическом уровне. Человек постепенно превращается в живую машину по выработке нефти. Забавно, не правда ли? Мы столько времени искали, как можно синтезировать нефть. А здесь она синтезируется естественным образом, нужно только подцепить эту заразу. Когда вирус войдет в активную стадию, нефть начинает сочиться отовсюду — она выходит с мочой, с кровью, через слезные и сальные железы, через поры кожи. Человек живет еще месяца три в ужасных мучениях, а из него все изливается и изливается бесконечный поток нефти. Но самое страшное не это. Даже когда он лишается сознания и впадает в кому, нефть продолжает течь. И когда он умирает, его организм продолжает исторгать нефть — причем все больше и больше. Я пришел к выводу, что нефть — это горючий материал вирусной природы и биогенетического происхождения. И это далеко не все. Поначалу мы полагали, что болезнь поражает только живые организмы. Но оказалось, она может трансформировать и мертвые. Я лично проводил эксперименты.

Он замолчал.

— Можно? — Я указал на початую бутыль самогона.

— Конечно.— Шатров нацедил мне половину стакана. И я залпом его осушил.

— А как... как можно заразиться?

— Через прикосновение. К больному. Или к самой нефти... Я видел твою правую ладонь,— обронил он, словно невзначай.— Это означает, что ты остаешься здесь.

— Как это?..— опешил я. Подобное развитие событий никак не входило в мои планы.

— Я много думал,— сказал Шатров,— и пришел к определенным выводам. Эта штука пожирает органическую жизнь, превращает ее в некую жидкость, насыщенную энергией. Энергией всего живого. Уничтожает цивилизацию на планете. Ее залежи потом питают Землю, подобно крови, питающей человека кислородом. А потом на смену умершим приходят другие — имеющие иммунитет к этой разновидности планетарной крови. Но из космоса снова прилетает метеорит, несущий вирус. И тогда наступает конец этой цивилизации и начало следующей.

— Даже так? — поинтересовался я угрюмо.— Катастрофа всепланетного масштаба?

— Именно так. Все обстоит именно так.— Геолог налил себе самогона и медленно выпил.— Детей жалко,— сказал он.— Мы-то с тобой пожили уже... Тебе сколько?

— Сорок четыре.

— Мне сорок.

Помолчали.

— Я хочу отдохнуть,— проговорил я тихо.— Почти сутки не спал, знаешь ли. И потом, мне нужно все обдумать...

— Конечно, я тебя понимаю,— Шатров поднялся, похлопал меня по плечу.— Когда такая информация обрушивается разом, сразу все переварить нельзя. Поспи, подумай. Потом поговорим, покажу тебе лабораторию. А я пойду, накормлю Сермягина, он пока еще ест, и потом тоже немного отдохну. Что-то я устал...

Я выждал час, оделся, аккуратно открыл дверь и вышел в коридор. Включать свет я не решился, подсвечивал себе путь фонариком. Рюкзак висел на спине. Ружье я держал в левой руке. Охотничий нож оставил за поясом. На всякий случай. Подыхать на заброшенной гидрографической станции я совсем не собирался.

Комнату, где стоял трансивер, я нашел без проблем. Повернул тумблер, и радиостанция ожила. Покрутил колесико.

— Прием, прием...

Никто не ответил. В эфире царила тишина. Еще бы — я не знал нужную частоту. По счастью, идиот Шатров или кто-то другой отчеркнул одно из делений красным маркером. Вскоре я услышал сонный голос пилота.

— Диксон... материк на связи.— Зевок.— Прием.

Сердце забилось учащенно — путь к спасению близок. Прижав кнопку большим пальцем, я быстро заговорил:

— Это я. Виталий Курганов. Мне срочно нужно на материк.

— Вы же только сегодня оттуда...

— Это срочно. Здесь чрезвычайная ситуация.

— Ну-у, не знаю...

— Я заплачу.

Аргумент ожидаемо подействовал.

— Хорошо. На дороге от аэропорта, примерно в том же месте, где я вас высадил. Наверх посветите фонарем. Так я вас быстрее найду.

— Годится,— сказал я,— скоро буду там. Вылетайте прямо сейчас.

Я вышел в коридор и, пробираясь на ощупь, направился к выходу. Экономил батарею фонаря — не хватало только, чтобы она закончилась в самый нужный момент. Миновал коридор, прошел через холл-камбуз, где сильно пахло рыбой,— на веревках, натянутых под самой кровлей, сушился омуль.

Я надел капюшон, затянул его под горлом и, вминая крагами снег, двинулся по своим следам, ведущим из поселка к дороге.

— Куда-то собрался? — услышал я, и сразу следом — сухое щелканье курков. Повернулся. Шатров стоял, держа наперевес двустволку.— Не заставляй меня убивать тебя,— сказал он.— Честное слово, я к тебе с симпатией отношусь. Но угробить всех не позволю.

— Ты не понимаешь. Там, на материке, есть условия для изучения этого феномена. Нам вовсе не обязательно умирать. Мы найдем противоядие.

— Это ты не понимаешь. Противоядия нет. Это конец нашей цивилизации.

— Но зачем умирать? Если все так, как ты говоришь, человечество неминуемо погибнет. Кто-нибудь рано или поздно доберется до острова Диксон, обнаружит здесь нефть и отвезет образцы на материк...

— Только не я.— Упрямец тряхнул головой.— И не ты. Я тебе не позволю. Если мы можем отсрочить час гибели всего живого на Земле, я готов это сделать, пусть даже я оттяну время на год или полтора. А теперь медленно сними ружье с плеча и положи на землю. Повторяю, медленно, чтобы я видел каждое твое движение.

— Ты — псих,— сказал я.— У тебя даже нет веских доказательств твоей теории.

— Ты видел Орловского. Какие тебе еще нужны доказательства?

— Да пошел ты! — сказал я.— Я умирать не собираюсь.— Снял карабин с плеча и навел на Шатрова. Я снова действовал интуитивно, и не ошибся. Геолог не был убийцей, в нужный момент выстрелить он не смог.

— Проклятие, Виталий, ну будь же благоразумен. Не ради нас, ради детей...

— У меня нет детей.

— Пойми, ты заражен, тебе нельзя на материк.

— А я в это не верю.

— Мне придется это сделать...

— Давай.

Прозвучало как команда. Выстрелы двустволки и карабина слились воедино. Только я, спустив курок, нырнул влево, уходя от пули, а он остался стоять на месте. Два куска металла впились ему в грудь. Один пробил сердце, другой — правое легкое. Шатров упал на спину. Он еще некоторое время жил, беспомощно шаря вокруг себя, словно что-то искал. Изо рта выплескивалась красноватая с зеленым отливом жижа — и не кровь, и не нефть, нечто среднее...

Я поднялся, торопливо подбежал к геологу, отбросил мыском краги винтовку. Хотя эта мера предосторожности явно была лишней. С первого взгляда было понятно — не жилец.

Взгляд Шатрова стал медленно угасать, постепенно превращаясь из ясного в мутный и бессмысленный. Человек ушел, оставив на Земле только свою оболочку.

Я закинул СКС на плечо и почти побежал к дороге...

Уже слышался шум винтов вертолета, когда он неожиданно объявился. Его появление выдал хруст снега — в островной тишине Диксона он звучал как топот множества ног.

Я обернулся и попятился, сдернул с плеча карабин.

— Как там тебя... Вовка... Стой.

Медведь издал едва слышное ворчание. Он приближался медленно. Выступал из мрака, как растущий за бортом судна гигантский айсберг. Я представил, как мы выглядим со стороны — крохотный человек с карабином и огромный хищник — гора сала и мышц, способный растерзать любого полюсного обитателя.

Шатров, может, и мнил себя дрессировщиком этих животных, но я-то знал, что, если белый медведь голоден, его не остановит никакая сердечная привязанность. Намерения зверя были очевидны — он собирался меня сожрать.

Вскинув карабин, я спустил курок. Грохнул выстрел, и еще один следом, приклад ударил в плечо. Раненый медведь с диким ревом ринулся вперед.

Последнее, что я увидел,— оскаленная звериная пасть с клочьями коричневой пены и крохотные злые глазки, все в следах нефтяных потеков.

Ирина Комиссарова

ТОЧКА НЕВОЗВРАТА

На новоприбывших не обращали внимания. Они стояли у входа плотной серой кучкой — тесно прилепившись друг к другу.

Илья скользнул по их лицам взглядом и снова закрыл глаза. Затравленность делает всех похожими: точка-точка-запятая, грубо сформованная глина; иска-

© И. Комиссарова, 2010

женный образ, утраченное подобие. Когда-то человеческие физиономии умели отображать кучу разных вещей в тысяче разных комбинаций и потому казались разными. А сейчас остались только страх и тупая животная тоска, и разнообразие исчезло. Одна харя на всех: миллионы деревянных солдат, ать-два, ать-два.

Взвыла сирена — раздирающая, на пределе выносимости. Воздух и зубы завибрировали.

Сигнал к началу смены. Деревянные солдаты, насаженные на вертел сирены, потянулись из барака.

Новенькие сжались, будто ожидая удара.

— Вещи в угол, сами на выход,— коротко бросил Илья, неожиданно сжалившись.— Койку потом займете.

Группа послушно качнулась влево, завозилась, пристраивая к стене тощие мешки. На серых спинах выгнулась белая «тета» — как у идущих впереди, как у Ильи. Как у всех. Клеймо принадлежности.

Он вышагнул из барака. Сирена смолкла.

— Шевелись, гниль! — Визгливый голос Нимаэля кнутом взлетел над головами.

От взмаха тяжелых крыльев взметнулись волосы на затылке.

— Не вертеть башкой, не хлопать варежкой!

Двухметровый норвежец Эйнар хрипло взвыл и схватился за плечо. Под пальцами расползалось красное пятно. Нимаэль гортанно заклекотал и в два рывка крыльев перенесся далеко вперед, нацеливая когти на кого-то другого.

Эйнару молча передали чистую тряпку. Он, морщась, высвободил руку из рукава и на ходу кое-как замотал рану. Ему помогли завязать узел.

— До свадьбы заживет,— буркнул Вась-Вась, и Илья с трудом подавил желание заржать в голос. Отчего-то фраза показалась смешной до коликов.

Песок скрипел под ногами. Низко зависшее над горизонтом солнце казалось маленьким, с копейку. Ржавые облака тянулись рваными лентами через все небо. Острый густой запах, пропитавший каждый миллиметр пространства, уже давно не привлекал к себе внимания, став привычным, и, тем не менее, постоянно ощущался — почти на вкус. Запах был частью мира, средой обитания ареала «тета». За пределами лагерей нефти давно не было. А здесь была.

Откуда?

Оттуда.

...На построение новенькие ожидаемо опоздали. Нимаэль скучливо, без особенного задора, исполосовал им спины и определил в штрафбригаду. Туда же отправились два мексиканца (нарушение режима) и черномазый детина хрен знает откуда родом (попытка побега).

Илья облегченно перевел дух: нарушений за ним не числилось, но Нимаэль легко мог домонаться и без причины. «Намерение больше деяния,— шипел он затверженное, ненавидяще щуря желтые змеиные глаза и скалясь.— Намерение дороже деяния. Знаешь, чего ты сто́ишь, тварь?»

Лучшим способом вытравить из себя намерения была апатия. Любой старожил умел завертываться в нее, как в кокон. Отсутствие интереса, отсутствие эмоций, отсутствие воли к жизни — лучше никаких стремлений, чем

стремления неправедные. Тренированные буддисты справлялись с этим лучше прочих. Илья, напротив, испытывал определенные сложности. Вась-Вась учил:

— Ты, Илюха, не думай. Гаси мысль, как лампочку.

— Любую? — злобно спрашивал Илья.

— Постороннюю,— спокойно объяснял Вась-Вась.— Пошла посторонняя, скользи мимо, не зацепляйся. Вроде как засыпай.

Что-то в этом было. Во всяком случае, худо-бедно приспосабливаться Илья потихоньку начал. А первые несколько месяцев из штрафников не вылезал: нутро горело огнем, обожженная дыхалка не впускала воздух. Еле ноги передвигал.

— Ничего,— утешал Вась-Вась,— черняшкой блевать, это дело терпимое. Шахтеров, вон, углем срать заставляют; кровища рекой, жопа в клочья. Благодари, что ты в нефтянке.

Кого благодарить — не уточнял. Это так, фигура речи...

— Илай,— прошептал Эйнар, тыча Илью под ребра.— Колеса нужны?

Вот что было удобно, так это обратное смешение языков. В мультинациональном пространстве лагеря без единого средства общения было не обойтись. «Если бы его не существовало, его стоило бы придумать», как-то так.

Илья, не оборачиваясь, отрицательно мотнул головой.

— Грибы еще есть,— не отставал Эйнар.— Немного. Бери.

Илья снова хотел отказаться, но передумал. Кто знает, когда в следующий раз удастся пополнить запас.

— Грибов бы взял,— пробормотал он вполголоса.

Нимаэль резко повернул к ним морду. Ноздри его жадно раздувались, вынюхивая *намерения*. Илья уставился в песок, потушил мысли. Как лампочки.

Нимаэль взмыл вверх.

— К насосам, шваль!

Блестящие бока гигантских цистерн слепили глаза отраженным рассветным золотом. Когда-то черным золотом люди называли нефть. И ошибочно считали этот капитал своим. За ошибки, как известно, приходится платить.

— Ты, Илюха, дурачок,— бесстрастно сказал Вась-Вась, увязая в глубоком песке.— Ты все перестроиться никак не можешь, по-старому рассчитываешь. На войне как на войне, слыхал такое?

Илья промолчал. Неохота было расходовать энергию на старый спор. Вась-Вась считал, что Илья тратит силы и средства впустую, гоняется за луной, как любили говорить американцы. Силы и средства были тесно завязаны друг на друга: единственной валютой в лагере была жратва. Единственным источником жратвы — пайки. Разумеется, собственные.

Что же до луны...

Ручка насоса заедала, цеплялась за что-то, словно запиналась на полдороге. Илья ругнулся про себя. Плакала норма. Вот ведь дерьмо. Он с тоской взглянул в небо, где крылатые чертили фигуры высшего пилотажа. «Ключ разводной дайте»,— мысленно обратился он — безадресно, не имея в виду просьбы. Он знал, что произойдет, если попросить на самом деле. «Зубами,— обрадованно скомандует Нимаэль.— Зубами, тлен!» И станет ловить свой нехитрый кайф, пока Илья будет давиться кровью.

Идеологическая подложка — выпитая планета, слезы земли, осквернённый дар — теряла значимость, преломляемая в желтых глазах крылатых. В ухмылке Нимаэля ясно читалось торжество и сладострастное удовлетворение. В такие минуты Илья не мог избавиться от подозрения, что все это, весь сценарий развития события на самом деле был не чем иным, как изощренной подставой. Что их заманили к точке невозврата, как слепых щенков. С затаенным блеском в глазах подождали, когда щенки вылакают подставленное молоко, а потом с наслаждением окунули в наделанные кучи.

«Так они ж враги»,— не понимал Вась-Вась. В смысле: понятное дело, что радуются. Именно. Враги. А где друзья?

«Конец времен»,— сказал тогда Вась-Вась печально и значительно. Мол, поздно теперь, поезд дальше не идет, просьба освободить вагоны. Никто ничего не объяснит. Надо было раньше.

Насрал — подчищай. Растратил чужое — плати.

И изменить ничего нельзя.

Сверкающая цистерна высоко вздымала необъятное брюхо. Стальные лапы-трубы разбегались в разные стороны и впивались в песок. Насос скрипел — неровно, с заиканием. Солнце жарило все сильнее, вдобавок кто-то из крылатых поднял сильный ветер — то ли в качестве дисциплинарного воздействия, то ли просто развлечения ради. Песок летел в глаза и хлестал по щекам; лица жалко сощурились, перекосились, головы втянулись в плечи. Наверху, за драной занавеской облаков оглушительно прогрохотали копыта. «Что они здесь забыли?» — отстраненно удивился Илья. Всадники что-то зачастили туда-сюда: то поодиночке, то парами, то, судя по звуку, всей четверкой. Казалось бы, свою работу они выполнили уже давно... Впрочем, кому интересно, что именно Илье казалось...

«Sanctus [1], sanctus...»,— завел Нимаэль, раздувая ветер до небольшого шторма. Скрип насоса перестал быть слышен за шелестом песка. Люди постягивали майки, обмотали лица. Обезличились.

Илья размял затекшие плечи и перехватил рукоять.

Откуда Эйнар добывал кайф, уму непостижимо. Уж явно не в несуществующей лагерной аптеке. Колеса, аспирин, пластыри, йод. Откуда? Эйнар загадочно поднимал бровь. Ворошилась дикая надежда: еще не все, еще не все, а насчет «нельзя изменить» это мы еще посмотрим... Надежда потухала с началом нового дня, песок скрипел на зубах, а желудок скручивало от голода под гнусавый аккомпанемент Нимаэлева «Sanctus».

Собственно кайф Илье был по барабану, но глюки давали возможность видеть Ленку.

«Если бы это и правда была война,— подумал Илья,— мне было бы за что сражаться».

Но сражаться надо было раньше. Просто мало кто знал, за что и с кем.

Плечо свело судорогой. Илья распрямился, осторожно покрутил шеей.

По направлению к баракам бежал живой факел. Пламя летело по ветру, как плащ.

---

[1] Sanctus — Свят (*лат.*), начало христианского литургического гимна.

Хорошо взялось, автоматически отметил про себя Илья.

Человек бежал отчего-то молча, словно огонь не доставлял ему ни малейшего неудобства. Через полминуты силуэт полностью растворился в песчаной взвеси, поднятой ветром. «Для тушения пожаров используют песок», подумалось глупо.

— Дурачок,— глухо, сквозь майку, закрывающую рот, произнес незаметно подошедший Вась-Вась, и Илья вздрогнул, подумав, что тот снова говорит о нем.

В темноте барака чувства притуплялись. В мозгу происходило короткое замыкание, и все начинало казаться обыденным, терпимым, почти нормальным.

— Зачем все должно быть так? — лениво сказал вслух Илья.— Фашизм-то сразу зачем? Можно же было и по-другому.

Вась-Вась не ответил — похоже, уже отрубился. С нар слева раздался смешок.

— Ты, видимо, не был очень религиозным человеком, да, Ил?

Даже после обратного смешения русские имена давались иностранцам тяжело. Илья привык к переиначиванию, не придирался и не поправлял.

— Вот именно,— сказал он, повернувшись на голос. Как звали мужика? Майк? Мик? — Вот именно, не был. Без меня меня женили, поговорка такая есть, знаешь?

— Я другую знаю. «Незнание закона не освобождает от ответственности»,— невидимый сосед снова хмыкнул.— Слышал?

— Кончай трепаться, парни,— подал голос Вась-Вась.— Спать давайте.

— Не трынди,— сказал Илья Майку.— Это не мой закон. Я на царствие небесное не подписывался. Свобода воли где ваша хваленая?

Майк (или Марк?) хмыкнул:

— У меня сын восьмилетний, когда думает, что его несправедливо обижают, тоже заявляет: «А зачем вы меня родили? Я не просил!» Так и ты.

— А что ж ты его обижаешь-то несправедливо? — насмешливо спросил Илья.

Майк снова хмыкнул:

— Детей, судя по всему, у тебя тоже не было.

— Хорош языками чесать,— рыкнул кто-то.— Устроили клуб, тоже...

Но Майк уже тоже завелся:

— Ты, значит, весь в белом, ни на что не подписывался, ни в чем не виноват. Это другие пусть отдуваются, а ты ни при чем.

— Никто не должен отдуваться! — крикнул Илья.— Никто! Кому это надо, зачем? Дары растратили... Нефть высосали, катастрофа вселенская... Вон ее тут сколько, нефти. Из ниоткуда, из воздуха... Им же пальцами щелкнуть, все перезапустить; на кой этот цирк исправительно-трудовой?

Скрипнули нары. Голос Майка прозвучал приглушенно, как будто он с головой накрылся одеялом.

— А ты заяви протест,— сказал он апатично, внезапно утратив к разговору всякий интерес.— Как вон сегодняшний орел. Облейся да чиркни спичкой. Сразу поменяешь мировой порядок. Совесть народная, млять...

В мозгу снова перемкнуло. Все вернулось на круги своя. Дико, мерзко. Нельзя быть в белом с черными руками. А наши руки зачернели так, что их не отмоешь никаким мылом.

— Спи, Илюха,— негромко сказал Вась-Вась.— Чего ты? Живы будем — не помрем.

Илья кивнул, будто Вась-Вась мог его видеть. Рукой нашарил в кармане сверток, вытащил. Развернул. Положил в рот щепоть псилоцибиновой россыпи и начал жевать.

Унеси меня, волшебный гриб.

Это было нарушение неписаных правил: спорить о том, почему да как. Надрывать глотку и душу. Тратить остаток сил, переливать из пустого в порожнее.

Унеси меня.

Перед глазами затанцевал огонь. У огня были руки, и ноги, и неразличимое лицо. «Кому это надо? Зачем?» — с укором сказал Илья. Пламенные руки взлетели вверх, из сожженного горла вырвался хрип. «Sanctus, sanctus»,— завел высокий чистый голос. Детский?

«Pleni sunt coeli et terra gloria tua». Живой факел вспыхнул с новой силой, заметался из стороны в сторону, обдал жаром. *«Sa-a-a-anctus»*,— голос тянул звук все выше и выше, *ad excelsis*, бесконечно, невыносимо. Очищающий огонь, подумал Илья, чувствуя, как слезы сжимают горло, блажен грядущий во имя Господне.

Я не хочу. Я сюда не за этим. Я на это не подписывался.

Ленка. Ленка, ты где?

Голос смолк. Наступила темнота.

Не получилось, сказал себе Илья испуганно. Нет связи. Бэд-трип.

— Что-то случилось? — спросила Ленка.— Ты на себя не похож.

— Ты почему прячешься?

Сердце по-прежнему трепыхалось где-то в районе горла.

— Темно почему-то,— буднично объяснила Ленка. Голос у нее был немного усталым.— Как ты?

Что ей сказать?

— Никак,— это было почти правдой.— Живем, пашем. Плечо потянул сегодня.

Ему не нужен был свет, чтобы видеть ее лицо. Сиреневые глаза, тонкие брови, короткие светлые ресницы. Около рта усмешливые морщинки, на виске родинка. Летом на коже проступали еле заметные веснушки.

«Я без тебя волком вою»,— хотел сказать Илья, но побоялся, что опять перехватит горло.

— Скучаю,— сказал он почти сухо.

— Скучаю,— эхом отозвалась Ленка.

Если во всем остальном еще можно было попытаться найти смысл и резон, то вот это было чистой и неоправданной жестокостью. Два в одном: унижение от сознания собственного ничтожества и тупая, изматывающая тоска по своим.

— Я найду способ,— пробормотал Илья, шалея от дурмана и болезненной, разъедающей нежности.— Как-то можно же попасть под перевод. К нам

сегодня опять народ пригнали, двое из них, говорят, переброшены с ледников, с Полюса. Хорошо у вас тут, говорят. Тепло. Курорт!..

(Что бы он отдал за то, чтобы обнять ее по-настоящему!)

— Значит, перебрасывают,— он напряженно всмотрелся в темноту.— Осталось понять, как подсуетиться.

Он старался, чтобы его слова звучали оптимистично, обнадеживающе. Чтобы убедить Ленку и поверить самому. Когда в чудо верят двое, его вероятность удваивается.

— Я жду, Люшка,— сказала она тоненько.— Не надо суетиться. Надо потерпеть. Когда-нибудь все это закончится.

— Терпеть не в моем характере,— это было уже полной правдой.— Я с утра до вечера только и делаю, что терплю. Чувствую себя животным, понимаешь?

Она помолчала. Потом сказала нейтрально:

— Скоро розыгрыш.

— Вот уж на что мне никогда не придет в голову надеяться,— и это было правдой из правд.

Все труднее было сохранять фокус. Трип выходил из-под контроля. Ленкин голос становился гулким, где-то сбоку все громче журчала вода.

— Меня сейчас смоет, Ленка,— сказал Илья, улыбаясь в темноте.— Ангельские реки.

— Что?

— Пытаются читать намерения,— пояснил он, уже смеясь в голос.— У них уродливые рожи, но это еще не повод считать крылатых демонами.

Ленка что-то ответила, но усиливающееся журчание заглушило ее слова.

— Я тебя тоже,— крикнул Илья во всю дурь.— Тут их карательные отряды крупно обломались! Хрен им, а не смирение.

Вокруг ног вились разноцветные кривые, в ушах свистел ветер. И стало пусто и хорошо.

Утром прошел слух, что решено наложить коллективное дисциплинарное взыскание.

— Это, я тебе скажу, то еще удовольствие,— горячо повторял Вась-Вась, ловя взгляд Ильи.— Я, когда в армии служил, на всяких насекомых нагляделся. У нас часть в Средней Азии располагалась, слышь? Там, знаешь, какие зверюги — с ладонь! С кулак прямо, во. Медведки, скорпиёны. Змеи тоже ползали.

— Шло бы оно все,— тоскливо пробормотал Илья. Его мучил отходняк.— Ничего они не сделают. Хотели бы уморить, давно бы уморили. Имел я их змей и скорпионов.

— Храбришься,— с непонятной интонацией произнес Вась-Вась.— Помереть-то, может, сразу и не помрешь, а вот помучиться помучаешься... Я тебе говорю.

— Слушай, Василь Василич,— неожиданно для себя сказал Илья вполголоса.— Ты ведь со мной, а? Во всяком деле?

Вась-Вась вытер губы ладонью, покашлял. Окинул Илью цепким, внимательным взглядом, потом крякнул и принялся нашаривать ботинки.

— Нет, Илюха,— сказал он твердо и отчетливо.— Не во всяком. Это я тебе прямо говорю, потому мы с тобой кореша.

«Кореша-то кореша, только толку ни шиша»,— мысленно срифмовал Илья. Особенного разочарования он не испытывал — они с Вась-Васем расходились во многих серьезных вопросах. Даже слишком во многих.

Завыла сирена.

На построении помимо Нимаэля присутствовали еще двое крылатых. Одного из них Илья знал — Саклас, большая шишка. По случаю прибытия важной персоны небо расчистили, ветер уняли. Под утренним солнцем черная шкура Сакласа блестела, словно нефть. На плацу было тихо; люди напряженно застыли.

— Единственная непростительная глупость — это глупость необратимая,— провозгласил Саклас мощным рокочущим басом, слышным, наверное, в самом отдаленном уголке лагеря.

«Идеологической обработкой будет заниматься»,— с удивлением подумал Илья. Из-за вчерашнего, надо полагать. С чего такое внимание? Им-то что?

Перед глазами снова заплясали языки пламени, и Илью затошнило.

— Вы думаете, это место — наказание? — сурово вопросил Саклас, простирая лапу вперед.— Глупцы. Это место — последняя возможность искупления. Возможность, который вы — ни один из вас — не достоин. Будь на то моя воля, я давно обрушил на вас груз мерзости, которую вы накопили за тысячелетия своей навозной жизнедеятельности, засунул в ваши ненасытные глотки вашу же собственную гнусь и навсегда погрузил бы в непроглядный мрак вашего тупого самодовольного ничтожества.

Саклас обвел горящим взором передние ряды.

— Но вам дана отсрочка. Вы уверены, что хотите от нее отказаться?

Плац равнодушно молчал.

— Смерть — не избавление,— Саклас понизил голос почти до шепота, но каждое слово по-прежнему слышалось совершенно отчетливо.— Смерть — это только расставание с телом. Вы уверены, что хотите попасть в место окончательного обитания прежде, чем истечет срок, отведенный на его выбор?

Распахнулись огромные — размах в два Нимаэлевых — угольно-черные крылья; лица стоящих медленно запрокинулись вверх. На плац словно упала тень.

— Вы уверены?

Воздух задрожал, ноздри обжег запах раскаленного масла. Со страшной скоростью замелькали картины — даже не картины, а обрывки образов — так быстро, что мозг едва успевал их обрабатывать. Беспорядочные груды мяса, какие-то живые лохмотья, крючья, скрежет, раздутые багровые туши, с отвратительным чавкающим хлюпаньем ползущие во всех направлениях. Это было похуже самого жесткого бэд-трипа, и Илья подумал, что сейчас все-таки сблюет. Трехметровая тварь, похожая на крылатых, только без крыльев и лица,

словно обгорелая и оплавившаяся, выворачивала наизнанку какую-то тянущуюся — ткань? Не ткань? И снова, и снова, по кругу, безостановочно — безумная, невозможная головоломка или игра. Какие-то лопасти. Звяканье металла, мерный хруст. Длинные полосы чего-то розового, укрепленные на рамы; распяленные отверстия, рвущиеся перепонки.

Только не надо пения, подумал он, но высокое, ангельской чистоты сопрано уже разливалось в вязком воздухе, острой бритвой разрезая кожу и нервы, выжигая из легких кислород, лишая остатков самообладания...

Он пришел в себя одним из первых. Люди корчились на земле, как черви; бессмысленные, потерявшие всякое выражение глаза, покрытые пеной рты, изменившиеся до неузнаваемости — одинаково изменившиеся — одинаковые лица. Типовые болванки вместо лиц.

«Как же я вас, тварей, ненавижу»,— подумал Илья обессиленно, переводя взгляд на блестящие фигуры, неподвижно зависшие над плацем. Но посыл не долетал, рассыпался в труху на полдороге и опадал на землю. В груди была выжженная пустыня, на языке пепел...

«Искупление», дерьмо собачье. Такое же дерьмо, как эти вот свежепоказанные веселые картинки, поганое нейропрограммирование... Как Бухенвальд этот безобразный, бесстыдный; как унизительное до кишечных коликов клеймо на спине. Как все, что исходит от них. Нечеловеков.

Они ненавидят нас не меньше, чем мы их, успел подумать Илья перед тем, как вырубиться. Они искали шанса запустить в нас когти с начала времен.

И вот в один прекрасный момент мы наконец стали достаточно неосторожны.

... Можно ли и в самом деле что-то еще изменить?

... Жаль, что Вась-Вась пас.

Хотя он как раз считает, что ничего изменить нельзя...

Им дали отлежаться с полчаса, после чего сухо объявили об очередном раунде Лотереи и погнали на смену. Насос перестал запинаться, шел как по маслу. Вроде как все само прошло.

Подкашивались ноги. Голова раскалывалась на части. «Лучше бы они нагнали змей»,— подумал Илья, качая. Качая, черт его подери, качая. Наполняя ложкой море...

К полудню запустили серный дождь.

Остаток дня прошел как в тумане. Ни на разговоры, ни на мысли не осталось душевных сил. Даже предстоящий розыгрыш, казалось, утратил свою важность. Для Ильи, впрочем, Лотерея уже давно была пустым звуком. Его шансы выиграть изначально равнялись нулю, а с течением времени приобрели отрицательное значение. Собственно, «лотерея» было условным названием, больше подошло бы «взвешивание». Переход из плевелов в злаки осущест-

влялся, конечно же, не по принципу случайности — об этом не уставали напоминать крылатые,— а по совокупности достижений. Достижения же Ильи работали против него.

Вообще, это был гениальный финт. Общая квота запечатленных составляла сто сорок четыре тысячи. На десять с лишним миллиардов. Смешная цифра. За без малого год своего пребывания в лагере Илья ни разу не видел, чтобы кто-то сорвал банк. Правда, целых два раза слышал. Пышно разукрашенные подробностями истории о двух счастливчиках, которые попали из золушек в королевы. Прекрасный стимул остальным золушкам продолжать со смирением надраивать собственные души. Ищите, да обрящете; стучите, да откроется. Блестяще, право слово.

Когда падала звезда Полынь, никто и представить не мог, что ее вкус окажется так горек.

Вечерняя пайка пошла Эйнару. Илья не раз гадал, что тот с ними делает. Отдает в обмен за товары? Неужели и в самом деле за пределами лагеря есть живые? Палаточные городки, ненайденные бункеры, сеть сообщения, торговые каналы? Может, еще не всех перемололи? Не зря же всадники продолжают мельтешить... По вечерам небо на горизонте освещалось красными вспышками. Что-то там происходило. Знать бы, что.

Густой маслянистый воздух осязаемо давил на плечи.

— Взорвать бы все тут к хренам,— сказал Илья, оскалившись.— Со всеми их возможностями и отсрочками. Плюнуть в морды и порвать их нацистские задницы на британский флаг. Хоть десяток, хоть сколько... А?

Эйнар неопределенно пожал плечами:

— А что потом?

Да какая разница, хотел сказать Илья, но это было бы преувеличением.

Он скинул ботинки и, не раздеваясь, лег. Больше всего на свете хотелось устроить новый трип, но идти на повторный заход через сутки после предыдущего означало бы впустую переводить товар.

Сложно представить, что когда-то они с Ленкой ссорились, орали друг на друга, даже однажды всерьез пытались разойтись. Сколько несущественного человек успевает накопить по ходу жизни... Чтобы расставить приоритеты, требуется чрезвычайная ситуация. Научаешься по-настоящему ценить, что имеешь, только когда оно ускользает из рук... Когда-то он считал, что ничего не может быть хуже мира в том его состоянии, в котором им довелось жить...

— Я, Илюха, знаешь, с какой мыслью каждую ночь ложусь? — неожиданно сказал из темноты Вась-Вась — без вступлений и без разгона, будто продолжая оборванный разговор.— «Какая мне завтра выйдет побудка?» Говорят, три есть кнопки. Ежели все по-прежнему, то сирена. Значит, не кончено еще: не накачано, сколько надо. Значит, еще один день — подымайся, одевайся и тащи гузно к насосу. Недостаточно еще потрудились, не отслужили положенного. Каждый день боюсь: а что, как срок вышел, а мы не поспели? Что завтра другую кнопку решат жать, содомскую. Проснемся в середке пекла полыхающего, ни вдохнуть не успеем, ни молитву последнюю зачесть.

Илья лежал, уставившись пустым взглядом в темноту, от усталости еле удерживаясь в сознании.

— А есть еще третья кнопка,— бормотал Вась-Вась убаюкивающе.— Ерихонская. Когда последняя капля в бак капнет, когда ошибку свою до дна повычерпаем, придет пора на эту кнопку жать. Проснемся от громкого сигнала — стократ громче сирены, так что уши зажать придется, чтоб перепонки не лопнули — аж сам воздух затрясется, аж в глазах потемнеет. И стены все порушатся, и бараки по досочке облетят, и крылатые прочь попрыскают. И это, Илюха, будет самый сладкий на свете звук — пусть хоть кровь из ушей, пусть хоть нутро наизнанку.

— Сказочник ты,— еле двигая губами, проговорил Илья.— Бездонный бак-то, вот какая штука. Не будет последней капли, и сигнала не будет. Да и кнопки небось не предусмотрено.

Он повернулся на бок, натянул на себя одеяло.

— Есть,— убежденно сказал Вась-Вась.— Предусмотрено. Потерпеть надо.

«Надо потерпеть,— эхом отозвался в голове Ленкин голос.— Когда-нибудь все это закончится...»

— Во всем смысл есть,— монотонно бормотал Вась-Вась.— А ты понимать не хочешь, мечешься... Может, ждать-то недолго осталось. Может, уже завтра будет сигнал.

— На Лотерею, стало быть, не надеешься?

— Рад бы в рай, да грехи не пускают,— глухо ответил усталый голос.— Я на милость надеюсь. И ты надейся, слышь, Илюха...

Илья провалился в сон, как в прорубь.

Война, глад, мор. Дырчатое небо, свернувшееся, как свиток. Крошечные фигурки в белом — все в белом, с ног до головы — у берегов бесконечного черного потока: то ли времени, то ли нефти. Черное золото, кровь Земли... Мужчины, снова и снова вспарывающие себе вены — красное на белом, кровь за кровь. Женщины, в муках рождающие тюленей и броненосцев — жизнь за жизнь. Лица размыты от боли — и хорошо, хорошо, что размыты... «Во всем смысл есть»,— сказал над ухом непонятно кто. Чуть слышно шелестнули крылья.

— Есть, есть,— согласился Илья, сглотнув тугой комок.— Только больше, чем один. Я вот и на милость не надеюсь: поперек горла мне встанет эта милость. Они думают, лагерь этот бутафорский — вроде тамбура между вагонами. Мол, постой, покури, подумай, сделай выводы. Сделал? Проходи. Неправильные сделал? Бемц с поезда. Демонские маски и прочий реквизит, чтобы думалось крепче... Не складывается, знаешь. Что впереди-то? Куда вы попасть надеетесь из тамбура своего заплеванного? В царствие небесное по коридору из колючей проволоки не входят. Это для меня главный смысл и есть...

Картинки исчезали, словно их развеивал ветер. Остался песок; воздух, дрожащий от зноя. Пустота.

— Я мог бы терпеть сколько угодно,— сказал Илья в сновидческой уверенности, что Ленка его услышит,— но я никогда не смогу *согласиться*. А действия без намерений они в расчет не принимают, ты же в курсе. Я могу миллиарды лет дергать за рукоятку насоса, но только это будет все та же суходрочка.

Мы же не нефть, в самом деле, закачиваем... Не в нефти дело. Без нас бы закачали, если бы понадобилось. Им это раз плюнуть...

Горячий песок обжигал босые ступни.

Небо было чисто от облаков.

В ходу были действия, а не намерения.

Розыгрыш проходил так же буднично, как ежедневная раздача пищи. Подходили по отделениям; каждое — в положенное время. Длинная молчаливая очередь двигалась быстро: подошел, получил билет — следующий.

Процесс выдачи контролировал лично Саклас. Незнакомый крылатый парил над плацем. Нависал над головой дамокловым мечом.

Илья находился в конце строя. Стоявший впереди бездумно, монотонно, как автомат, бормотал молитву. Просил чуда, надеялся на милость.

Илья облизнул губы. Попытался представить избавление. Зеленые луга, полноводные реки, спелые плоды, обильные нивы. Слова не превращались в образы; память снова и снова рисовала бесконечный песок, ослепительный блеск металлического левиафана и людей без лиц, копошащихся вокруг его ненасытного чрева. Он попробовал вспомнить что-нибудь еще: Ленкину улыбку, ощущение воды на коже, свободу прежнего незнания. Но воображение подсовывало другое: низкое уханье тяжелых орудий, сухой треск автоматов, въевшуюся под ногти грязь напополам с кровью. Перекошенные лица, утратившие сходство с человеческими; невозможность отличить своих от чужих.

Им выпало родиться в темное время. Обнаружить, что все было сделано не так. Ими, и теми, что до них, и теми, что до тех. Ошибки копились и разрастались — поколения за поколениями умноженных ошибок, подлежащих исправлению. Это не Он не пускает к себе, не уставал растолковывать Вась-Вась, Он добр. Это наша собственная грязь не дает до Него добраться. Грязь — кордоном, вдоль кордона — демоны-мучители. Надо пострадать, надо очистить. Себя очистить; через себя — землю; через землю — себя.

«Я мог бы миллиард лет стоять у насоса»,— сказал вчера Илья, но миллиарда лет нет. Кнопки — это, конечно, поэзия... Содомские, иерихонские... Но счет идет, точно. Кожей чувствуется, что идет. Каждый день, как последний.

Успеем или нет? Какой сигнал разбудит завтра?

На небе дальние сполохи, как шифровки.

Бак может оказаться бездонным. Нимаэль издает победный клекот...

Стоящий впереди человек шепчет омертвелую молитву. Волосы на затылке слиплись от пота. Луч надежды в темном царстве, узенькая тонкая дорожка: льготный билет в заветный вагон. Колотится сердце. Скользит по плацу крылатая тень.

Сто сорок четыре тысячи «в белом» на десять миллиардов виноватых... Сегодня под утро вдруг приснилось, что — выиграл. Выиграл — и неожиданно понял: не найдется сил отказаться. «Вернуть билет» — как там кто-то сказал... Вот он, Илья, несогласный и не понявший, не подписавшийся ни на вышнюю милость, ни на небесное царство, вернуть как раз и не сможет. Уйдет с тесной

площадки, повисшей над пустотой, на которой останутся тьмы и тьмы собратьев по ошибкам. Эйнар, Майк, боливиец со сложным, выпадающим из памяти именем, который однажды ссудил психобицинов из личного запаса. Вась-Вась. И даже Ленка.

Это сон, сказал он себе. Но страх остался.

Никакие проблемы глобальной значимости не перевесят важности выбора, который касается тебя лично. Так было всегда, и к этому все в конечном итоге приходит.

Очередь закончилась.

Черная демонская маска уставилась на Илью пустыми глазницами.

— Ну как? — спросил Вась-Вась. Для порядка спросил: и без того было понятно, как.

— В пролете,— ответил Илья.

Скорее всего, впрочем, так и было. Но наверняка теперь не узнаешь.

— Ладно, ничего.— Вась-Вась крякнул и взялся за ручку насоса.— Живы будем — не помрем.

«Похоже, Нимаэль заметил, что я не тянул»,— подумал Илья. Если так — здравствуй, штрафная рота. А может, чего похуже.

Если только утром не придет пора жать на особую кнопку.

Он сплюнул в песок.

Побудка случилась задолго до утра.

Оглушительно грохнуло снаружи, на стены и крышу барака обрушилась дробь падающих камней. Илья скатился на пол, лег в проходе, закрыв голову руками. Второй взрыв прозвучал через полминуты. Отрывисто залаяли автоматы. Послышались высокие, пронзительные выклики крылатых. Третий взрыв раздался сильно дальше, со стороны цистерн.

Со стуком распахнулась дверь. Визжащий голос Нимаэля пробуравил темноту:

— На выход! Быстро, шваль!

Натыкаясь на углы и хватаясь друг за друга, выдавились наружу.

Сторожевая башня была уничтожена взрывом — на ее месте зияла широкая воронка. Плац был покрыт оплавленными обломками и осколками стекла. Весело и голодно горел пищеблок — слабый ветер трепыхал лоскуты пламени, густой дым громоздился пышной ватной горой. Призрачные силуэты крылатых мелькали в воздухе, скользя из света во мрак; со стороны песков темноту то и дело вспарывали длинные электрические разряды. Автоматные очереди звучали сдержанно и строго.

Илью охватило острое чувство дежавю. «Свои,— подумал он, глупо ухмыльнувшись.— Люди». Как будто вокруг стояли — кто? И чьи?..

Он поискал глазами Вась-Вася, но того не было в поле зрения.

— К платформам — марш! — скомандовал Нимаэль.

Однако, подумал Илья, как все всерьез. Неужели будут эвакуировать?

Передвижные платформы, на которых доставляли продовольствие, находились к западу от горящего пищеблока. Крылатые гнали отделение за отделением, не заботясь о строе и не дожидаясь отставших.

Илья перевел взгляд обратно на плац и увидел Эйнара. Пригнувшись, прижимая к животу средних размеров сверток, норвежец бежал по направлению к воротам. Его обычно светлые волосы были темны от пепла.

Наверное, он башню и рванул, подумал Илья. И налет был спланирован загодя, и вообще ничего не происходило случайно. И действительно есть те, кого еще не загнали в лагеря...

— Живо, живо, живо! — надсаживался Нимаэль.— Сдохнуть не терпится, мешки с дерьмом?

Фигуры вокруг неуверенно задвигались. Медленно потекли вперед.

Илья отодвинулся к стене, не давая стронуть себя с места. Отчаянно не хватало времени подумать.

Искаженные отблесками пожара лица были неотличимы. Ать-два, ать-два.

«Как один»,— подумал Илья, пребывая почти что в ступоре, но нет, кое-кто двигался наперерез потоку. Майк (или все-таки Мик?), оскаленный, голый по пояс, бешено сверкнул глазами, толкнул плечом, отступая в плотную тень. За ним во мраке растворились еще двое — их лиц Илья различить не успел.

Он отшагнул от стены.

Кто-то схватил его за руку.

— Не ходи.— Щеку Вась-Вася перечеркнула свежая ссадина, жесткими углами обозначились заострившиеся скулы.— Обратки не будет, Илюха. Не ходи, слышь. То — назад, а нам вперед надо.

Так и есть, сказал себе Илья.

Он перевернул ладонь, крепко стиснул, превратив захват в рукопожатие.

— Я уже позади, брат,— сказал он сипло.— От меня в эту бочку давно ничего не капает.

Вась-Вась не выпускал руки, удерживал на месте, как якорь. Илья нетерпеливо дернулся. Наклонился, сказал в самое ухо:

— Не могу я ждать, пока на кнопку нужную нажмут. Сам хочу жать. Так устроен, видать, ну.

Коротко хлопнул по спине, высвободил руку. Пригнувшись, побежал вдоль стены барака, просчитывая на ходу, как ловчее пробраться к воротам.

В песках снова глухо забухали орудия. Небо к востоку осветилось вспышками, показались громады цистерн.

Дороги войны, как и прежде, пролегают вдоль нефтяных скважин, подумал Илья. Что ж, во всяком случае, не зря качали. Во всем есть смысл.

И уж точно больше, чем один.

Платформы одна за другой поднимались в воздух.

«Сейчас начнется»,— ухнуло сердце. Вывезут злаки и развернут хляби небесные над плевелами. Нелюди против людей: распахнут крылья, поднимут смерчи, растянут психотронную сеть. Будут слепить кромешной тьмой и душить токсичным смрадом. Отпустят ненависть на полную катушку: на войне как на войне.

На зубах хрустел песок. Уверенности по-прежнему не было, но появилось направление движения. На какую-то минуту стало пусто и хорошо.

Не хватило дыхания: Илья захлебнулся, оперся о стену.

«Это что? — пронеслось в голове.— Что?»

«Я же сваливаю»,— подумал он остекленело. Как мерещилось. Вся разница, что в другую сторону. Все будет, как было, только у цистерны останется на одну пару рабочих рук меньше.

Вся усталость последних дней обрушилась на него гранитной стеной. Он с трудом обогнул барак и снова остановился. Пустой плац протянулся непреодолимой преградой. Пожар еще не унялся: огонь пожирал остов деревянного строения, крепкий скелет, готовый в любую минуту обрушиться.

«Наверное, мы здесь должны были что-то понять,— сказал себе Илья.— Но у меня не выходит. Или уже не вышло. Мое место среди тех, кто стреляет,— но вернуться уже невозможно. Мое сердце с теми, кто сложил оружие,— но их уже не догнать».

Когда мир раскалывается напополам, кто-то неизбежно оказывается на пути разлома.

Ему показалось, что горит он сам, что это его костяк висит между небом и землей, одетый в лохмотья пламени. Живым факелом освещая темноту, за которой скрываются все ответы.

Он закрыл глаза и наконец-то увидел. Зеленые луга; полноводные реки; небо, высокое и чистое, как безупречнейшее сопрано: безгранично, безоглядно высоко, *ad excelsis* — то ли утраченное прошлое, то ли обетованное будущее; преображенная Земля, терпеливо ожидающая замыкания круга.

Андрей Буторин

УРОЧИЩЕ ОГНЕННЫХ ДУХОВ

Паровоз, вяло шевеля колесными дышлами, устало отфыркивался, окутывая перрон клубами пара. Поезд почти остановился, а мне все еще казалось, что он прибыл с одной только целью: уничтожить меня. Подмять, раздавить, изрубить тяжеленными ножами-колесами.

Наверное, эта глупая фантазия посетила мою голову оттого, что я в принципе отвык от поездов. А к паровозу в роли локомотива вряд ли уже и привыкну. Он представлялся нелепым и жутким, словно оживший динозавр. Может, именно из-за этого и сам поезд вызывал во мне чувство невольного отторжения. Глупо, конечно. Учитывая, что это была не длинная железная гусеница из воспоминаний молодости, а всего лишь куцый огрызок: за паровозным тендером пристроилось всего три вагона — два пассажирских и крытый грузовой. Все они, потре-

© А. Буторин, 2010

панные и грязные, выглядели очень старыми. Да и откуда взяться новым? Последние двадцать лет все мы донашивали то, что осталось от лучших времен.

Второй вагон удивил меня решетками на окнах: ржавыми арматурными прутьями, приваренными явно наспех, вкривь и вкось. Но тут в головном вагоне открылась дверь, и мое внимание переключилось на человека, быстро спустившегося на перрон.

Навскидку он выглядел моим ровесником, вряд ли ему перевалило за пятьдесят. Хотя волос он растерял куда больше моего и посверкивал теперь загорелой лысиной под нежаркими лучами заполярного солнца. Остатки прически густо приправила седина. Седыми были и жидкие усики под длинным, слегка искривленным носом. Одет мужчина был в потертую кожаную тужурку, чем вызвал невольное сравнение с большевистскими комиссарами из старых фильмов. Впечатление усиливала пистолетная кобура, пристегнутая к туго затянутому поверх куртки ремню. Ниже наряд был вполне современным: камуфляжные штаны, заправленные в высокие ботинки армейского образца.

Мужчина огляделся, остановил на мне взгляд и неуверенно кивнул. Я кивнул в ответ и подошел к нему.

Голос у мужчины оказался густым и мягким. Эдаким, как писали в романах, бархатным.

— Иван Игоревич? — спросил «комиссар». Я снова кивнул. Он протянул руку. Ладонь, против моих ожиданий, оказалась твердой, шершаво-мозолистой.— Приятно наконец познакомиться лично. Профессор Губкин.

— Здравствуйте, Василий Артемович,— сказал я.— Мне тоже приятно.

Пожалуй, я не кривил душой. Мой заочный знакомый при личной встрече и впрямь показался мне приятным человеком. Помимо голоса, подкупали еще и глаза: голубовато-серые, умные, без той пренебрежительной снисходительности во взгляде, что зачастую присутствовала у людей высокого положения при вынужденном общении с «плебсом».

На перрон вышли три офицера. Не глядя на нас, двое из них направились ко второму вагону. Лишь один, лет сорока, высокий и плотный, остановился рядом. На нем была полевая камуфляжная форма с полковничьими погонами. Подчеркнуто не замечая меня, он козырнул Губкину:

— Прикажете начинать разгрузку, Василий Артемович?

— Познакомьтесь,— положил мне ладонь на плечо Губкин.— Это наш проводник, Иван Игоревич Фастов.

Я потянул было руку, но военный вновь козырнул:

— Полковник Дубасов.

Он смотрел вроде бы на меня, но взгляд его настолько явно фокусировался где-то за моей спиной, что я ощутил себя прозрачным. Впрочем, полковник быстро перевел взгляд на Губкина и снова спросил:

— Прикажете разгружать?

Профессор покрутил головой и обратился ко мне:

— Где озеро?

— С той стороны.— Показал я на вагон.— Совсем рядом.

— Отсюда можно отчалить?

— Вполне,— кивнул я.

— Начинайте,— сказал Губкин полковнику. Тот, козырнув, зашагал вдоль вагона, а профессор вытянул ладонь в сторону открытого тамбура: — Прошу ко мне.

В профессорском купе было уютно. Во мне что-то сладко, ностальгически шевельнулось: прежде я любил ездить в поездах, правда, довольствуясь чаще плацкартными местами.

Губкин сел на мягкую бордовую полку, указав на сиденье напротив. Я присел и, внезапно почувствовав робость, стал теребить выцветшую грязно-желтую занавеску. За пыльным стеклом виднелось приземистое, такое же грязно-желтое, здание нашего вокзальчика, где размещалась моя так называемая школа, где жил я сам, и где обитало еще пять семей, не имеющих возможности построить собственный дом.

— Хотите чаю? — спросил Губкин. Он заметил мое смущение и мягко, по-доброму, улыбался.

— Да,— сказал я, хотя чаю не хотел. Мне просто нужно было собраться. Но я тут же почувствовал во рту давно забытый вкус настоящего чая и повторил, с радостью отметив, что нежданная робость столь же внезапно прошла: — Было бы недурно.

Губкин поднялся и скрылся за дверью. Я огляделся. Купе выглядело нежилым. Постельное белье было уже убрано, лишь на перекладине у стены висело аккуратно сложенное полотенце. В вагоне было абсолютно тихо: возможно, профессор с полковником и теми двумя офицерами являлись его единственными пассажирами. Но при чем тут вообще военные? И кто ехал в зарешеченном вагоне?

Эти вопросы, откровенно говоря, меня не особо интересовали. После того, как уехали Катя и Олюшка, меня вообще мало что интересовало в жизни. Любимой работы не стало двадцать лет назад. Кому нужны программисты, когда нет промышленности, нет экономики, науки, нормальной системы образования? То, что от них осталось, вполне обходилось без компьютеров. А уж сельскому хозяйству — основной теперь отрасли — было и вовсе не до них. К тому же — экономия во всем. Какие уж тут компьютеры-Интернеты и прочее баловство? Впрочем, мой древний ноутбук все еще работал. Аккумулятор давно не держал заряд, но от сети — когда в ней был ток — он по-прежнему исправно пахал. Жаль, не буквально. Пахать — в прямом смысле слова — было сейчас куда актуальней. Но я не умел пахать в этом смысле. А потому обучал, чему мог, местных детишек. Увы, их осталось всего трое. Двадцать лет назад в городе было три школы, а теперь он пуст и заброшен, люди перебрались ближе к земле — огородам, к озеру — рыбе, и лесу — грибам-ягодам и зверью-дичи. От двадцатитысячного населения осталось полторы сотни взрослых и трое детей. И один никому не нужный программист. Надо ли говорить, как я обрадовался, когда мне позвонил Губкин? Сам способ, которым он со мной связался, выходил за грани реальности. Из областного центра, который еще существовал за

счет моря и рыбы, прибыла в первых числах июня подвода. Железной дорогой давно не пользовались, потому что не было паровозов, да и нечего было по этой дороге возить. А на лошадях, запряженных в старые, разбитые легковушки, мы раз-другой за год в центр выбирались. Так вот, подвода прибыла в начале лета; это был переоборудованный под гужевую тягу микроавтобус, запряженный двумя лошадьми. Автобус был милицейский, с облезлой синей полосой по белому борту, и поселок — без того малолюдный — тут же вымер. Как оказалось, напрасно, поскольку прибыли по мою душу. Но не забирать — да и за что, собственно? — а, напротив, чтобы мне кое-что передать. Спутниковый телефон! Я бы подумал, что это глупый розыгрыш, если бы не вытаращенные от подобострастия глаза областного начальника, который привез его лично. Через этот-то телефон я и пообщался впервые с профессором Губкиным. То, что он мне сказал, я тоже долго не мог воспринять всерьез. До сегодняшнего дня. Вот до этого самого момента.

— Кто заказывал чай? — вывел меня из раздумий жизнерадостный голос Губкина. Профессор вошел в купе, держа в одной руке два стакана в подстаканниках, а в другой — бумажный пакет.

— Извините, сахара нет,— сказал Губкин, поставив на столик стаканы.— Зато остались сухарики,— протянул он мне пакет.— Приятного аппетита.

Чай был остывший и плохо заваренный. Скорее всего, заварка использовалась по второму, а то и третьему разу. Но все равно, это был чай! Настоящий, а не суррогат из листьев брусники, иван-чая и прочих заменителей. Губкин, потягивая из стакана, улыбался и глядел на меня. Мне это не понравилось. Профессор заметил это и перевел взгляд за окно.

— Что это у вас там? Мельница? — Дернул он подбородком.

— Ветряк,— сказал я.— Местная электростанция. Смастерил один умелец.

— Вот как? А разве областной центр не снабжает вас электричеством? Там ведь, насколько я знаю, работают приливные станции.

— Снабжали. Но провода рвутся, подстанции выходят из строя. Первое время еще восстанавливали, но вот уже лет десять как бросили. Некому этим заниматься. Да и кому мы нужны?

— Лично вы нужны мне,— очень серьезно сказал Губкин и посмотрел мне в глаза.— И стране.

Он отставил в сторону пустые стаканы, поднялся, снял с багажной полки чемоданчик, достал из него лист бумаги и положил его на столик. Бумага была очень хорошей, белой и плотной, наверняка еще из старых запасов. На ней красовалась цветная карта. Точнее, фотоснимок, сделанный, судя по масштабу и охвату, из космоса. На меня снова повеяло ностальгией. Я бережно взял снимок в руки. Он показался мне знакомым. Ну да, вот наше озеро, вот — светлые точки зданий города, а вокруг — леса, сопки, болота, речушки... Какие-то цифры внизу снимка. Из них понятны только те, что означают дату. Июнь нынешнего года.

— Постойте! — Чуть не выронил я лист.— Вы хотите сказать, что это снято два месяца назад?..

— Ну да. Почему это вас удивило?

— Разве сейчас... запускают спутники?

— Нет,— печально помотал головой Губкин.— Но многие старые спутники, которые были запущены на высокие орбиты, еще летают. А некоторые из них продолжают работать. Вы ведь не удивились, когда мы говорили по спутниковому телефону?

— Удивился,— честно сказал я.— Но связь — это все же понятно...

— А разведка важна не менее связи,— понизил голос профессор.— Особенно — разведка полезных ископаемых. Тем более — нефти.

— Что? — поперхнулся я давно проглоченным сухарем.— Какой нефти, профессор? Ведь она же вся...

— Не вся! — резко перебил он меня. И более мягко добавил: — Надеюсь, не вся. Мы с коллегами высказали надежду, что зараза могла не добраться до полярных районов. И, похоже, мы не ошиблись. Вот,— ткнул он пальцем в снимок,— это ведь то место, что вы описали в книге?

Я посмотрел, куда указывал палец. Это было Урочище Огненных духов, как называли его нееты. Четверть века назад я всерьез увлекался краеведением, изучал легенды коренной народности, которая и сама-то стала почти легендой. А в городе из неетов жили вообще единицы. С одним из них, Данилой Пахомовым, Данькой, мы даже стали друзьями. Я написал тогда книгу... Ну, не книгу, брошюрку, в которой описал и наш с Данькой поход к древнему Урочищу. Из-за нее-то и позвонил мне в июне Губкин. Он не скрывал, что ему от меня надо. Он хотел, чтобы я провел туда его. Только я не мог понять — зачем. И вот теперь...

Я кивнул.

— Да, это то место.

— Специальная аппаратура спутника, спектрографическая, в частности, сумела выявить в этом месте наличие живой нефти. Точнее, газов, сопровождающих ее залегание. Поверхностное, судя по всему, залегание. И, скорее всего, не в поровых коллекторах, а в пластовых залежах, возможно — попросту в свободном, так сказать, виде, всего лишь прикрытое вот этим,— пощелкал он по фотографии ногтем,— каменным колпаком. Вы представляете, что это значит?

Я представлял плохо. Нефть на Земле была заражена двадцать лет назад. Неважно, по чьей вине и как. Но она умерла, погибла, превратилась в бурую грязь, вонючие помои. Заражение прошло по планете единой волной, за несколько дней не оставив на ней ни капли нефти. Неужели могло быть правдой то, что говорил профессор?

— Но даже если это так,— слегка пришел я в себя,— то этой нефти очень мало! Это же капля в масштабах планеты!..

— Ну, во-первых, нас больше интересует отдельно взятая страна, нежели вся планета,— улыбнулся довольный произведенным эффектом профессор,— во-вторых, спутники обследовали не все полярные районы, а в-третьих... В-третьих, у нас имеются некоторые соображения, знать о которых, вам, увы, не положено. Но вы окажете огромную услугу стране, если выполните то, о чем я вас просил.

— Проводить вас к Урочищу...— прошептал я, словно во сне.

— Проводить нас к Урочищу,— положил мне ладонь на плечо Губкин.— А сейчас пойдемте посмотрим, как там идет разгрузка.

Разгрузка шла полным ходом. По брусьям-лагам в стоящие на земле железные тележки из товарного вагона спустили шесть новеньких, тускло поблескивающих шаровой краской баркасов. Все это делали... женщины. Молчаливые, угрюмые женщины в серой, под цвет лодочных бортов, одежде. Около десятка военных с автоматами наперевес наблюдали за работой. Я недоуменно посмотрел на Губкина. Тот уловил мой взгляд, поежился и буркнул:

— Кого дали...

— Кто дал? В каком смысле дали?

— Работников. Мне ведь нужны работники,— повернулся ко мне профессор. Усы его обиженно подрагивали.— Я попросил — мне дали. Заключенных.

— Но почему женщин?

— Потому что мужчины заняты на более важных работах,— сказал Губкин с сарказмом. Но продолжил уже другим тоном, будто бы даже оправдываясь: — Вы ведь понимаете, что стране нужны руки! И потом, что вы так переживаете? Выгрузить баркасы — самая тяжелая часть работы. Да и то, вы же видите, они без труда с ней справляются. А потом — короткое плавание, совсем небольшой поход по лесу... Это ведь почти турпоход! Они даже рады развеяться.

— Что-то не вижу на их лицах радости,— буркнул я.— И бочки...— Я увидел, как из вагона сгружают большие, около метра высотой, ярко-синие железные бочки.— Они ведь понесут их назад полными?

— Я надеюсь,— выделил голосом Губкин,— что они понесут их полными.— Он угрюмо засопел.— Но ведь нести будет недалеко. Вы же сами говорили, что от Урочища до озера километров десять. Да еще под горку. Сделаем носилки... В бочках чуть больше двухсот литров, нефть легче воды, так что вес будет примерно как у тучного человека. В конце концов, они заключенные, Иван Игоревич! Они нарушили закон, а теперь честным трудом искупают свою вину. Ничего с ними не случится.

Настроение у меня испортилось. Стала портиться и погода. На севере это случается часто и происходит быстро. Подул ветер. На чистое синее небо натащило облаков, которые в считаные минуты затянули его сплошной светло-серой пеленой. Стал накрапывать мелкий дождик.

Я набросил на голову капюшон ветровки и продолжил смотреть, как работают женщины. Я насчитал ровно пятьдесят человек. Дружно и споро они погрузили бочки в баркасы, затем встали по шестеро-семеро вдоль бортов и покатили лодки к озеру. Все это получалось у них довольно ловко и с виду действительно легко. Я уже стал жалеть, что сцепился по этому поводу с Губкиным. В конце концов, профессор и впрямь был не виноват, что ему выделили женщин.

Я бросил вслед заключенным работницам взгляд и стал уже поворачиваться, как мое внимание привлекла худенькая фигурка, что толкала в корму последний

баркас. Женщина выглядела совсем юной. Она была на голову ниже товарок, из под серого платка выбилась светло-русая прядь. «Совсем как моя Олюшка,— обожгло меня холодом.— А вдруг?..» Но военный, следовавший за девушкой, прикрикнул: «Зарецкая! А ну, приналяг!» — и холод исчез. Я быстро отвернулся.

Губкин озабоченно переводил взгляд с неба на потемневшее озеро, покрывшееся гребнями волн.

— Можно переждать,— перехватил я его взгляд.

— А если станет еще хуже?

— Вполне возможно,— сказал я.— Это север. Угадать трудно.

— Тогда выйдем сейчас. Как только механики наладят машины.

Только теперь, когда первые баркасы спустили на воду, я заметил посреди каждого из них большие черные короба, к одному из которых двое военных крепили трубу.

— Ого! — не удержался я.— На паровом ходу! Не оставите парочку после того, как вернемся? Нашим рыбакам они бы очень пригодились.

— А уголь где будете брать?

— Тьфу ты,— сказал я.— Ну, хоть на веслах. Или парус бы приспособили.

— Посмотрим,— буркнул профессор.— Сначала нужно вернуться.

Похоже, настроение испортилось и у него.

Пары развели быстро. Деловито зачавкали моторы. Над трубами всех шести баркасов заклубился, прижимаясь к воде, черный дым. В пять лодок, по десять в каждую, посадили женщин. Туда же, по двое, расселись военные. Все они оказались офицерами, в званиях от лейтенанта до капитана. Меня неприятно удивило, что каждый из них, помимо АКМов, был вооружен еще широким длинным ножом, висевшим на поясе в ножнах, а также подсумком с гранатами. Как на войну собрались, неприязненно подумал я. Впрочем, наверное, так было положено. Время хоть и не было военным, но и очень уж мирным его трудно было назвать.

Я сбегал на вокзал за рюкзаком, и мы с профессором и полковником зашли на головной баркас. Молоденький лейтенантик растянул над нами брезентовый полог и встал у машины.

Стоило отчалить от берега, как прекратился дождь и стих ветер. И хоть небо оставалось затянутым, на душе стало радостней, будто сама природа дала нам «добро».

Я посмотрел на сидевшего рядом профессора. Он был нахохлен, словно замерзший воробей, и чрезвычайно задумчив. Кожаная кепка, которую он достал из рюкзака и надел лишь перед самым отправлением, была надвинута по самые брови. Сидевший позади нас полковник даже на окружавшие озеро сопки поглядывал свысока. Похоже, он презирал их за недостаточную высоту и малую лесистость. Лейтенантик периодически подбрасывал в топку уголь, управлял баркасом и не обращал внимания на окружающие пейзажи.

Ближе к корме лежали свернутые в бухты шланги и некий разобранный механизм, в котором я угадал насос по длинному, с двумя поперечными рукоятями, коромыслу.

«Неужели и впрямь мы будем качать... нефть?» — подумалось мне. В это совершенно не верилось. Не удержавшись, я спросил у профессора:

— Василий Артемович, ну хорошо, найдем мы там нефть. Накачаем. Сколько у нас бочек? Пятьдесят? По двести литров в каждой — значит, десять тысяч литров, так?

Губкин оторвался от дум и, посмотрев на меня, кивнул.

— Это, конечно, немало,— продолжил я.— Но, в принципе, это же капля в море! Зачем столько хлопот? Можно было сходить туда налегке, разведать, взять пробы, а потом, если нужно, организовать нормальную добычу. Не мне, конечно, советовать...

— Вот именно! — прожег меня взглядом Губкин. Но тут же смягчился, положил мне ладонь на плечо и тихим, едва перекрывающим чавканье двигателя голосом сказал: — Вы меня простите, но это и правда секрет. Не лично мой, как вы понимаете. Это ведь дело большой государственной важности. Но я вам скажу одно...— Тут глаза профессора заблестели, он придвинулся ближе и горячо зашептал мне в ухо: — Я сделал открытие! Я научился восстанавливать нефть, лечить ее. Да-да! Именно лечить. Суть метода я не могу вам открыть, но проблема состоит в том, что для восстановления мертвой нефти нужна нефть живая. В незначительных количествах, но нужна. Эти десять тысяч литров, что мы привезем, превратятся...

— Профессор! — раздался грозный рык сзади.— Не забывайтесь!

— Это вы забываетесь, полковник,— обернулся Губкин.— В конце концов, это мой проект...

— Ваш,— ответил, будто сплюнул, Дубасов.— Вот и держите его при себе. В противном случае тех, кто узнает лишнее...— Он положил руку на кобуру.— Надеюсь, вы поняли.

Оставшиеся два часа плавания прошли в полном молчании. Я пытался осмыслить то, что узнал, но, понимая разумом безусловную нужность мероприятия, обещавшего поистине фантастические перспективы, морально все больше и больше раскисал. Что-то подспудно грызло мне душу. Снова вставала перед глазами картинка: прущий прямо на меня поезд, огромные стальные колеса, готовые изрубить меня на куски...

Я задремал, и очнулся, лишь когда Губкин стал трясти меня за плечо:

— Судя по карте, мы уже рядом. Где лучше причаливать? Где тропа?

Я посмотрел в сторону берега. На фоне серого неба темнела длинная невысокая гряда. Вскоре я увидел и бухту, куда приставали когда-то мы с Данькой. Я указал на нее рукой. Дубасов поднялся и замахал следовавшим за нами баркасам.

Вскоре наша лодка мягко прошуршала днищем о каменистое дно. Полковник вышел первым и отправился к причаливающим баркасам с женщинами. Губкин остался на месте. А мне не терпелось размять ноги.

Балансируя на мокром носу баркаса, я пропустил момент, когда это случилось, а, услышав крики и повернувшись к соседней лодке, увидел лишь бегущего к кустам военного, срывающего с плеча автомат. Крикнув: «Стоять!» —

он передернул затвор и с треском вломился в гущу молодого березняка. Заметались по берегу успевшие сойти с лодок женщины. Теперь уже крики «Стоять!» слышались отовсюду. Клацали затворы автоматов. Прозвучала наконец и первая очередь.

— Не стрелять! — завопил вскочивший с сиденья профессор. Оттолкнув меня, он резво выпрыгнул на берег и помчался к Дубасову.

— Прикажите, чтобы никто не стрелял! Нельзя! Ни в коем случае!..

— Они стреляют в воздух,— огрызнулся полковник.— Не лезьте не в свое дело.

Как раз в этот момент раздалась еще одна очередь. Совсем короткая, два-три такта. Звук шел из леса.

— А он?! — вновь закричал Губкин.— А тот? Он тоже стреляет в воздух?! Он не убьет ее?..

— Не убьет,— ответил Дубасов. Но уверенности в его голосе не было. Он повернулся к своим и крикнул: — Старший лейтенант Кожухов! Бегом к Селиванову! Приказ: не стрелять. Брать дуру живьем.

Но не успел офицер добежать до кустов, как оттуда вышел упомянутый Селиванов. Он был бледен и судорожно сжимал в руках автомат.

— Где?! — рявкнул полковник.— Она жива?

Селиванов икнул. Помотал головой. С его белого лба капал в траву пот.

Дубасов медленно расстегнул кобуру. Достал пистолет и приставил дуло к потному лбу офицера.

— Нет!!! — опять завопил Губкин.— Не надо! Ни одной капли крови не должно быть пролито зря!

Мы рассчитывали дойти до Урочища к вечеру, но разыгравшаяся трагедия спутала все планы. Пока наводили порядок, искали и хоронили застреленную женщину, совсем стемнело.

— Полярный день, полярный день!..— угрюмо бурчал профессор.— Где он, ваш полярный день?

— В наших широтах он только до конца июля,— машинально сказал я, все еще переживая случившееся.— А теперь уже август. Да и пасмурно.

Губкин досадливо отмахнулся и пошел к полковнику. После короткого разговора Дубасов стал зычным голосом отдавать распоряжения насчет подготовки к ночлегу. Офицеры, державшие на мушке сбившихся в кучу женщин, разделились. Часть их осталась с заключенными, приказав тем сесть на землю. Другие побежали разводить костры и ставить палатки. Почему-то всего две.

Я смотрел на их действия, но думал совсем о другом. Я вспоминал свой разговор с профессором, когда почти в открытую обвинил его в том, что он взял в качестве подсобных рабочих женщин. Но я многого не знал и позже вынужден был признать свою неправоту. И вот теперь я еще раз убедился, какой же на самом деле хороший человек Губкин. Он не просто переживал за несчастных женщин, он сам чуть не бросился под пули, лишь бы в них не стреляли. Да что там женщины — он и за офицерика этого безмозглого вступился. А ведь,

говоря откровенно, я бы не очень пожалел, если бы полковник того расстрелял. В конце концов, было за что. Смерть за смерть, все справедливо.

Как оказалось, одна палатка предназначались для нас с Губкиным и Дубасовым, а вторая — для офицеров охраны, свободных от несения караула. Женщин рассадили вокруг центрального костра, еще шесть горело по окружности поляны.

Снова заморосил дождь. Поужинав, как и все мы, перловой кашей с редкими волокнами тушеной говядины, женщины легли там, где и сидели, тесно прижавшись друг к другу. Глядя на них, мокнувших под дождем, мне было стыдно залезать в палатку. Но и оставшись под ночным мокрым небом, я бы ничуть не облегчил их участь. К тому же меня позвал недовольный голос профессора:

— Иван Игоревич! Где вы там? Учтите, подъем в пять утра.

Утро выдалось солнечным. Мне всегда нравился северный лес — невысокий, редкий, очень легкий, воздушный, будто ручное плетение. Катя любила вязать крючком белые ажурные салфетки под вазы. Вот и этот утренний лес был словно связан из кривоватых стволов берез и длинных ярких лучей утреннего солнца.

Настроение мое было под стать этой идиллии. До тех пор, пока взгляд не наткнулся на земляной холмик с краю поляны.

Позавтракали очень быстро. Столь же быстро собрались и тронулись в путь.

Я шел впереди, отыскивая изрядно заросшую тропку. Порой она и вовсе пропадала, и тогда приходилось идти наугад, выбирая наиболее удобные проходы между деревьями, кустами и большими камнями, которые стали попадаться все чаще.

Идти пришлось в гору, и хоть уклон был не слишком крут, я старался сдерживать шаг, чтобы не так уставали идущие позади женщины. К тому же они несли за спинами тару под нефть. Она была не очень тяжелой, но все-таки. Пустая бочка весила около двадцати килограммов, я узнал специально. Каждая из них была обмотана веревкой, концы которой, переброшенные через плечи, кто-то из женщин связал на груди, кто-то просто держал руками. Постоянно оглядываясь, я видел, как то одна, то другая из заключенных нагибались, чтобы сорвать и бросить в рот горсть спелой черники, щедро усыпавшей склон. Охранники покрикивали на своих подопечных, но скорей для проформы, поскольку и сами то и дело наклонялись, чтобы зачерпнуть горсть ягод.

Вскоре руки и губы женщин стали темно-лиловыми от черничного сока, и на многих лицах появилось выражение если не радости, то некой умиротворенности, а порою проскальзывало и некоторое подобие робких улыбок.

Губкин тоже заметил это. Он посмотрел на меня, иронично прищурился и шевельнул усами. Дескать, что я говорил? Турпоход! Прогулка в удовольствие.

Теперь я бы согласился с ним полностью и дал бы себе зарок не делать впредь поспешных выводов. Если бы не земляной холмик, оставшийся на поляне.

Чем ближе подбирались мы к краю гряды, тем реже и ниже становилась растительность. И без того невысокие северные березки сменились карликовыми. Редкие ели все ниже прижимались к земле; вскоре от них остались лишь плоские хвойные нашлепки, похожие на срубленный и разбросанный лапник. Это была уже тундра — царство ягеля, оленьего корма, будто грязным весенним снегом облепившего верх склона.

Добравшись до каменистого гребня, я остановился, поджидая остальных. Даже Губкин, весь путь державшийся бодро, заметно отстал. И все же именно он поравнялся со мной первым. Тяжело и часто дыша, он несколько минут стоял согнувшись, уперев руки в колени. Потом выпрямился, снял кепку, отер ладонью лысину и посмотрел за гребень, где, окруженная невысокими зубчатыми склонами, словно лунный кратер, лежала широкая и круглая каменная долина, почти лишенная растительности. Лишь с противоположной стороны, там, где в гребне зияла широкая «щербина», виднелось зеленое пятно.

— Пришли? — спросил он, хотя это было ясно и так.— Где вход?

— Пещера? Вон там, слева, за выступом,— показал я.

— Пойдемте,— воскликнул Губкин.— Ну же, пойдемте туда!

Теперь уже мне пришлось догонять Губкина. Его фигура скрылась за упомянутым скалистым выступом, и я прибавил шагу. А когда снова увидел профессора — у самого входа в пещеру,— тот лихо отплясывал. Натурально. Вприсядку.

— Пахнет! Пахнет! — закричал он, бросаясь ко мне.— Вы понюхайте, пахнет ведь! Там нефть!..

Он вцепился мне в рукав и потащил к пещере. Но я выдернул руку и замотал головой:

— Нет, Василий Артемович, надо подождать остальных. Туда опасно лезть в одиночку. Меня и неет в прошлый раз предупреждал...

— Но нас же двое! — не унимался Губкин.— Пойдемте, прошу вас.

— Нет,— сказал я. И чтобы профессору не приспичило снова тащить меня за рукав, уселся на камень, сложив на груди руки.

— Тогда я пойду один,— буркнул Губкин и решительным шагом направился к входу.

Чертыхнувшись, я стал подниматься, но мое вмешательство не потребовалось. Из пещеры вдруг вышел человек и, раскинув руки, встал на пути профессора. Тот замер с поднятой ногой. Я же, напротив, вновь рухнул задом на камень.

Человек был очень стар. Его длинные седые спутанные волосы свисали неопрятными сосульками почти до пояса. Бороду словно кто-то ощипал, оставив лишь несколько жиденьких перьев. Из одежды на старике был лишь грязный, облезлый кусок шкуры, наискось переброшенный через плечо и обернутый снизу вокруг худющих бедер. Да и сам этот «пещерный житель» был страшно худым. Не верилось, что в таком немощном теле могла еще держаться душа. Но когда он заговорил, голос его оказался сильным и громким.

— Не делай больше ни шагу,— сказал он на чистом русском языке.

Услышанное сняло оцепенение с Губкина. Он опустил ногу и спросил:

— Почему это, собственно? И кто вы такой?

— Нельзя тревожить Огненных духов,— ответил старик, продолжая держать руки раскинутыми.— Я стерегу их покой.

— Он что, и тогда стерег? — Обернулся ко мне Губкин. Судя по голосу, он полностью пришел в себя.

Я помотал головой. А потом сказал:

— Может, потому что я был тогда с неетом. Это ведь тоже неет.

— Ну вот что, папаша,— сказал профессор и хотел по привычке положить старику на плечо руку, но в последний момент отдернул ее и даже убрал за спину.— Мы твоих духов не тронем. Мы только туда быстренько сходим и посмотрим, как они там.— Он попытался обойти старика, но тот шагнул в ту же сторону и снова оказался перед Губкиным.

— Эй, дед, а ну уйди! — послышалось сзади. Оказывается, часть наших спутников уже подошла, и теперь к старому неету уверенно шагал полковник Дубасов, на ходу расстегивая кобуру.

— Погодите, полковник,— скривился профессор.— Сейчас я с ним договорюсь. Давайте дадим ему спирту. У нас ведь полно спирта! Вы любите спирт? — вновь повернулся он к старику.

— Да чего с ним церемониться!..— Полковник достал пистолет и прицелился в неета.— А ну уйди, кому говорят, а то стрельну!

Губкин, который до этого лишь растерянно вертел головой, подпрыгнул вдруг и замахал руками:

— Нет! Не-е-ет! Здесь нельзя стрелять! Ни в коем случае нельзя! Вспыхнет газ, загорится нефть!.. Немедленно уберите пистолет.

Дубасов неохотно спрятал оружие в кобуру. Оглянулся, выхватил кого-то взглядом, мотнул головой:

— Кожухов, Аброськин! Взять, увести.

Двое военных подбежали к неету и уже протянули к нему руки, как тот вдруг проворно отпрыгнул назад, сунул ладонь под шкуру и вынул оттуда какой-то черный комок, который вспыхнул прямо в руке. Издав горловой торжествующий возглас, старик юркнул в пещеру и метнул в ее глубины огненный сгусток.

Не знаю, как я успел соскочить с камня и допрыгнуть до Губкина, но, лишь только я сбил его с ног, увлекая своей инерцией в сторону, из пещеры с ревом вырвалось пламя. Я чувствовал, как трещат на голове волосы, слышал, как верещит подо мной профессор, а еще услыхал звериный рык Дубасова: «Гранаты!»

Я повернул голову и увидел, как черный, похожий на исчадие ада полковник срывает подсумок с пылающего человека. В следующий миг Дубасов ринулся прямо в огненный шквал. А еще через несколько мгновений, или минут, или даже часов — я убедился, что время и впрямь умеет сворачиваться и растягиваться — земля дрогнула, ахнула, заскрежетала... Я вжался лицом в спину профессора, а по моей спине забарабанили горячие камни. Один из них садданул по голове, и на какое-то время я отключился, а когда пришел в себя, огня уже не было. Как не было и входа в пещеру. Его полностью завалило рухнувшим сводом.

Дальнейшее я помню урывками. Сказались, видимо, удар по голове, а возможно, и легкая контузия. Но больше всего, думаю, весь этот хаос — обугленные тела двух офицеров, стоны обожженного Кожухова, вопли мечущегося профессора, истерический плач женщин... Моя психика отказывалась принимать это.

Но постепенно все улеглось; трупы унесли, Кожухова перевязали, женщин успокоили. И только Губкин продолжал метаться, держась за испачканную сажей лысину — кепку он в суматохе потерял. «Все пропало! Все пропало!..— причитал профессор.— Без техники нам ничего тут не сделать!»

Почему-то мне больше всего было жаль именно его. Я хорошо понимал, что такое крушение надежд. Поглаживая ноющую перебинтованную голову — совершенно не помня, кто и когда ее забинтовал,— я поднялся на ноги — оказывается, все это время я сидел, прислонившись к скале,— и подошел к Губкину.

— Профессор,— едва ворочая во рту шершавым языком, сказал я,— Василий Артемович... Не надо, что уж вы так? Главное, нефть не загорелась. Дубасов — вот ведь какой!.. Спас, не растерялся. Ценой жизни.

— Что?..— поднял на меня слезящиеся пустые глаза Губкин.— Спас? Он же гранаты!.. Он же хотел...

— Да нет же...— поморщился я.— Он все правильно сделал. Единственно правильно. Сбить пламя взрывом, так делают... А то, что свод рухнул,— и вовсе хорошо, доступ кислороду перекрыт оказался.

— И наш доступ! — взвизгнул Губкин.— Наш доступ тоже теперь перекрыт!

— Но могут ведь быть и другие проходы...

— Что?! — Профессор вцепился в отвороты моей ветровки и часто-часто заморгал.— Другие? Где?!

— Я не знаю, надо искать. Нас же много, надо разделиться и пройтись по всей долине.

Губкин тут же оставил меня и помчался к офицерам, саперными лопатками закапывающим тела погибших товарищей.

Искать начали сразу после похорон, даже не пообедав. Да и какой там обед — никому бы кусок не полез в горло. Командование принял капитан Саленко, черноволосый офицер со слегка оттопыренной нижней губой, отчего лицо его казалось по-детски обиженным. Вряд ли ему было многим более тридцати. В отличие от покойного Дубасова, он был не слишком уверен в себе. Смотрел, кивая, на Губкина, сразу признав главного в нем. Так ему, видимо, было проще. Впрочем, я думаю, Губкину тоже.

Профессор велел первым делом сдать ему все спички. Он бы с радостью отобрал и оружие — я видел, с какой тревогой поглядывал он на автоматы и подсумки с гранатами,— но это было бы уже чересчур. К тому же сорок девять женщин являлись все-таки не туристками, а заключенными. В итоге, Саленко выстроил их вперемешку с военными в длинную цепь интервалом в пять-шесть метров между звеньями и, дав отмашку, повел по Урочищу.

Разумеется, Губкин тоже не смог устоять на месте и двинулся в противоположную сторону. Ну а я пошел поперек общему движению, решив осмотреть островок зелени на противоположном краю.

Я дошел туда довольно быстро — ширина долины вряд ли составляла и километр. Зелень оказалась довольно густым, хоть и низкорослым осинником, плавно уходящим за край почти отсутствующего тут гребня. Не забираясь вглубь кустарника, я дошел до конца Урочища и посмотрел вниз. Склон оказался гораздо круче, чем с той стороны, откуда пришли мы, но зато более заросшим кустами и деревьями. Я глянул вдаль. До самого горизонта простирались одни леса и болота с ртутно блестящими каплями мелких озер. Здесь и раньше-то несильно заметны были следы цивилизации; теперь же о ней не напоминало совсем ничего.

Я повернулся и зашагал обратно. Но теперь я взял чуть правее и довольно скоро увидел разлом. Длиною он был с десяток, не более, метров, зато поперек я мог бы легко его перепрыгнуть в любом месте, а кое-где и попросту перешагнуть. Книзу же трещина резко сужалась, так что вначале мне показалось, что каменные стены на ее дне плотно сжаты. Но потом я все же заметил в одном месте черную щель длиною в полметра, в которую, наверно, с трудом пролезла бы рука. Однако еще до этого я увидел то, отчего едва не свалился вниз. Там, где смыкались скалистые края расщелины, с одной стороны разлома все было усыпано костями. Судя по многочисленным черепам — человеческими. Их было много, очень много, этих «мертвых голов», не менее двух-трех десятков. Одни были совершенно целыми, выбеленными дождями и ветром, другие пожелтели от времени, какие-то и вовсе развалились на куски.

И тут я кое-что вспомнил. Да-да, я читал и слышал, что раньше нееты практиковали жертвоприношения. Правда, в основном в жертву духам приносили животных и дичь. Людей — лишь в исключительных случаях, чтобы задобрить особенно страшных и злых духов. Но ведь как раз такими и считали нееты Огненных духов этого Урочища! И Данька мне об этом рассказывал. Кстати, в своей книге я об этом тоже упоминал. Я вспомнил еще, что хоть Данька и говорил, будто слышал от дедов о человеческих жертвоприношениях, но подтверждения этому мы тогда не нашли. Правда, мы заходили лишь в обрушенную ныне пещеру, да и то недалеко.

До дна разлома, где чернела щель, было метра два. Я лег у края, опустил голову и принюхался. Ну да, пахло так же, как возле пещеры — чем-то вроде асфальта или мазута. Только запах тут был менее сильным — видимо, нефть была далеко. Я поднялся на ноги и, морщась от головной боли, закричал и замахал руками.

Ликование Губкина превзошло все мои ожидания. Он снова, как возле пещеры, пустился вприсядку. Затем кинулся к заключенным, выдернул одну женщину и принялся кружить ее в неком подобии вальса. Женщина испуганно взвизгивала. Остальные — и охранники, и их подопечные — в голос смеялись; неподдельная радость профессора передалась всем.

Когда первые восторги улеглись, Губкин подошел к расщелине и приказал всем замолчать. Он поднял с земли камень и кинул его в щель. Я понял смысл этого действия, и принялся молча отсчитывать секунды: — и-раз, и-два, и-три, четыре... всплеск!

Профессор дернул головой и нахмурился.

— Около восьмидесяти метров,— тихо сказал я.

— У меня вышло больше,— буркнул Губкин и посмотрел на военных.— Кто из вас техники? Какова длина шлангов?

— Две бухты по двадцать метров,— виновато развел руками один из них.

— Ч-черт,— топнул профессор.— А веревка хотя бы у вас есть? Метров сто? Надо спустить вниз какую-нибудь емкость.

— Цвырко, принеси веревку,— сказал кому-то Саленко.

Лейтенантик, что управлял нашим баркасом, кинул под козырек руку и побежал к оставленной возле скал амуниции. Вскоре он вернулся с большим веревочным мотком. Капитан Саленко отстегнул от пояса флягу, вылил из нее остатки воды и стал обматывать горлышко веревкой. Через минуту фляга, глухо побрякивая о каменные стены, пошла вниз. Капитан опускал ее сам. Как мне показалось, не оттого, что не умел и не любил приказывать, просто ему захотелось быть лично причастным к происходящему. Как бы то ни было, минут через пять бурая от нефти фляга, роняя за собой тяжелые грязные капли, показалась из щели.

— Давайте, давайте! — бросился к расщелине Губкин. Едва не сорвавшись, он ухватил рукой мокрую, маслянисто блестевшую веревку и потянул к себе флягу. Взял ее, словно священный сосуд, обеими ладонями и поднял к носу.

— Нефть!..— выдохнул он и, закрыв глаза, пробормотал: — Ничего... Теперь все будет прекрасно. Все, что от меня зависело... Осталась самая малость.

За всеми бурными событиями я и не заметил, как подступил вечер. Небо с западной стороны расцвело буйными красками, и я, подняв голову, замер, очарованный его внеземной, тревожно-зловещей красотой. А потому не увидел, как профессор отвел в сторону капитана Саленко. Заметил, лишь когда они возвращались к основной группе. Саленко, дав приказ двум офицерам приглядывать за заключенными, пошел с остальными к осиннику. Я не придал этому большого значения; к тому же ко мне вдруг подошел Губкин, который был непонятно возбужден, и завел странный разговор о погоде, надоевших ему комарах и прочей ничего не значащей ерунде. Потом спросил, не хочу ли я выпить, но, услышав, что я совсем не употребляю спиртного, так же внезапно замолчал и удалился.

А комары и впрямь начали досаждать. Вечер выдался очень тихим, безветренным, и жужжащие кровососы вились вокруг нас тучами. И если для меня, человека местного, они были делом привычным, то бедным женщинам приходилось несладко, тем более что дующий теперь на воду Губкин запретил разводить костры. Я сходил к осиннику, нарвал веток и попросил охранников раздать их несчастным, чтобы хоть как-то отпугивать зудящую нечисть.

Ужинать пришлось сухим пайком, запивая его холодной водой. Впрочем, никто не жаловался, а машущие ветками женщины даже выглядели необычно радостными. Но их можно было понять: назад придется нести пустые бочки, да и рейс предстоял лишь в одну сторону, ведь бочки, наполненные нефтью, пришлось бы тащить к лодкам по двое, а значит, нужно было бы возвращаться за оставшейся половиной. Кто-то из заключенных даже попытался запеть, но охранники тут же пресекли это начинание.

Палатку на сей раз почему-то разбили только одну — для нас с профессором. На мой вопрос он ответил, что ночь теплая, дождя нет, военные — люди привычные, поэтому и особой надобности во второй палатке не возникнет. По сути, так все и было, но что-то мне в ответе Губкина не понравилось. Как-то преувеличенно бодро, слишком настойчиво он говорил, словно пытаясь меня в чем-то убедить. Но я так устал, так вымотался за этот день морально и физически, что снова не придал значения своим подозрениям. К тому же у меня дико разболелась голова. Поэтому я первым залез в палатку и почти сразу заснул.

Я так и не узнал, ложился ли вообще в эту ночь профессор. Когда я проснулся, разбуженный неясными шорохами, в палатке его не было. Я сел и прислушался. Мне показалось, что невдалеке, шурша мелкими камешками, кто-то прошел. Я откинул полог и выглянул наружу. В небе висела половинка луны; виден был темнеющий неподалеку осинник и лежащие рядом с ним женщины. Заметил я и двух офицеров, медленно прохаживающихся возле спящих. Но звуков их шагов я отсюда не слышал, меня разбудили чьи-то еще. И слышал я их с другой стороны, той, что вела к расщелине.

Первой мыслью было, что Губкин отправился проведать свою сокровищницу. Я вновь затянул полог и собрался продолжить прерванный сон, как снова услышал шаги. Теперь кто-то шел от разлома. Я подумал, что это вернулся профессор, но шаги прошуршали дальше. Я чуть отодвинул полог и заглянул в щель. К спящим женщинам шли два офицера. Остановились возле крайней, один из них наклонился, потряс заключенную за плечо. Потом оба они подхватили женщину с двух сторон и повели в мою сторону. Я невольно отпрянул от полога, но все же успел заметить, что женщина шла уронив на грудь голову, покачиваясь, словно пьяная. А может, она и была пьяная? То-то за ужином заключенные показались мне излишне веселыми... Значит, их специально напоили? Но для чего? Тут я чертыхнулся и саданул себя по лбу, едва не взвыв при этом от боли. Ну я и бестолочь! Зачем спаивают мужчины женщин?!. Теперь мне стало понятно и отсутствие рядом второй палатки, и странное поведение Губкина, его дурацкие вопросы о погоде и выпивке... Он просто не знал, стоит или нет приглашать меня на подобное мероприятие. И решил, что не стоит. Правильный вывод!

Меня обуяла дикая злость. Ладно военные, эти грубые солдафоны. С ними все ясно, для них это норма. Но профессор! Лысый хрен, прикидывающийся добрячком!.. Старый сластена, храбрый лишь с пьяными...

Мне очень хотелось пойти к их «тайной» палатке, чтобы разогнать гнусный бордель. И я бы, наверное, сделал это, несмотря на то что понимал все последствия, но тут я услышал крик. Женский крик, оборвавшийся коротким хрипом. Звук был далеким и слабым, но я сразу понял, что это было. Мне стало жутко. Так непередаваемо жутко, что я отполз вглубь палатки и вжал голову в плечи, накрыв ее сверху руками. Мыслей не было, они, подобно комарам, жужжа, разлетелись.

Не знаю, долго бы я так просидел, если бы вновь не услышал шаги. Затем послышался звук падения и грубый мужской шепот:

— Ну, ты! Чего разлеглась? А ну, вставай, пошли! Ты слышишь, Зарецкая? Прекращай балаган, ты ведь трезвая! От тебя даже не пахнет.

Раздался слабый девичий стон, и опять зашуршали шаги.

Я окаменел. Зарецкая! Это же та самая девчонка, так похожая на мою Олюшку! Нужно было срочно что-то делать. Выскочить и наброситься на офицеров сзади? Но что это даст? На шум сбегутся остальные! А потом?.. Может, при всех ее не станут убивать? Но зачем их вообще убивают? Это же дико, нелепо! Да и убивают ли вообще? Может, верна моя первая догадка, и с женщинами просто развлекаются, а тот крик был случайным?..

Но даже если это было так, я не мог больше отсиживаться. Перед глазами стояло лицо моей дочери, моей Олюшки. Мне отчетливо виделось, что именно ее ведут сейчас в жуткую неизвестность двое страшных людей. А то, что где-то там, в залитом лунным светом Урочище ее поджидает профессор Губкин, мне казалось наиболее отвратительным и ужасным.

Ах, как некстати сейчас эта луна, подумал я. И как раз в тот момент стены палатки потемнели, будто снаружи на них упала гигантская тень. Я отдернул полог. Вокруг было темно. Луну закрыло облако!

Понимая, что она может вновь засиять в любое мгновение, я все-таки выбрался из палатки. Теперь на фоне чуть более светлого неба различался лишь черный силуэт скалистой гряды. Но и сама долина была немного светлее гор. И светлее трех человеческих фигурок, удаляющихся по ней. Я поспешил следом.

Я почти догнал конвоиров с девушкой и решился уже прыгнуть на одного из офицеров, сбить его с ног, дать Зарецкой хоть маленький шанс на побег, но из мрака впереди выступили еще две фигуры.

— Ведите скорей,— услышал я.— Там уже свободно. Профессор нервничает. Наверное, придется водить сразу по двое, а то до рассвета не успеем.

Я едва успел отпрянуть в сторону и прижаться к земле, как совсем рядом хрустнул камнями ботинок. Немного выждав, я, пригибаясь, двинулся дальше. На пару мгновений стало светлей, луна бледным пятном замаячила сквозь тонкий слой облаков. Я снова вжался в камни. До расщелины было уже рукой подать. Я увидел возле нее три силуэта, к которым «мои» офицеры подвели девушку. И снова стало темно. Но вставать я все-таки поостерегся и пополз вперед по-пластунски. Уже возле самой расщелины я наткнулся на что-то большое и мягкое. Сначала я подумал, что это свернутый спальник и решил его

сдвинуть. Моя рука легла на что-то мокрое и теплое. Я невольно отдернул ее, и тут половинка луны выкатилась из-за облаков.

Передо мной лежала одна из заключенных! Точнее, ее тело. Я видел прямо перед собой откинутую под неестественным углом голову с тускло поблескивающими в лунном свете белками глаз. Горло несчастной было перерезано так глубоко, что казалось разинутым в немом крике огромным ртом.

Наверное, я тоже вскрикнул. В любом случае, не заметить меня было уже невозможно.

— Профессор, у нас гости! — сказал один из приведших девушку офицеров. Они с напарником все еще держали ее под руки. Но тот, что заметил меня первым, отпустил ее и стал снимать с плеча автомат.

— Не стрелять!..— зашипел Губкин, метнувшись к военному. Тот, что еще держал Зарецкую, стал растерянно вертеть головой.

И я решился. Резко поднявшись, я рванулся вперед и въехал ему головой в живот. Офицер замычал и выпустил руку девушки.

— Беги! — заорал я, подминая под себя охранника.— Беги в лес, спасайся!..

Конечно же, это был жест отчаяния. Разумеется, никуда бы ей было не убежать на залитой лунным светом каменной арене. Если бы... Не знаю, вмешались ли в судьбу несчастной заключенной высшие силы, может, те самые Огненные духи неетов отчего-то решили вдруг помочь ей, только луна снова вдруг скрылась за облаком. И я услышал, как девушка побежала в спасительную тьму.

— Не стрелять! — уже в полный голос закричал Губкин.— Все за ней, но только не стрелять!

Из-под меня вывернулся прижатый охранник. Заехал мне кулаком в скулу, вскочил и придавил ногой мою грудь.

— А этот?

— С ним я сам разберусь. Свяжите его и догоняйте остальных. Надо поймать девчонку, пока она не перебудила остальных.

Офицер быстро и крепко связал мои ноги и руки концом испачканной нефтью веревки и сразу скрылся во тьме. Рядом со мной опустился на землю профессор. Я ожидал от него чего угодно, но только не того, что он заговорит со мной так же спокойно и мягко, тем же красивым бархатным голосом, что и при первой нашей встрече.

— Что же вы делаете, Иван Игоревич? Не разобравшись, лезете не в свое дело, мешаете выполнять государственное задание...

— Задание? — Я попытался сесть, но у меня ничего не вышло.— О чем вы говорите? По-моему, вы просто рехнулись. Вы сами-то хоть понимаете, что делаете?

— Отчего же. Прекрасно понимаю. Я делаю то, о чем вы писали в своей книге. Приношу жертву Огненным духам.

Профессор сказал это без тени иронии, и мне показалось, что он и вправду сошел с ума. А Губкин продолжал говорить:

— Я вам не все рассказал про свое открытие. Наверное, я напрасно сразу не доверился вам полностью. Но вы же видели, надо мной тоже были надсмотрщики. Так вот, я на самом деле открыл способ восстанавливать зараженную

нефть. И для этого действительно нужно некоторое количество живой нефти. Но есть одна большая проблема. Тот самый неведомый, неизученный до сих пор вирус, что губит нефть, вновь активируется, как только нефть «оживает». Несколько мгновений — и перед нами вновь лужа грязи. Но есть одно вещество, что даже в очень малой концентрации убивает этот вирус. Мало того, оно является катализатором и для открытого мною процесса. Почему и как оно действует — тоже пока непонятно. Теоретически я не могу этого объяснить. Но на практике... О! Практика дала ошеломляющие результаты. Догадываетесь, что это за вещество?

Я не догадывался. Не мог я догадаться до такого. Мне кажется, это очень здорово, что не мог.

Я помотал головой.

— Кровь,— сказал Губкин. Просто сказал, без пафоса. Так, что я, даже услышав, не сразу сообразил, о чем идет речь. И он пояснил: — Человеческая кровь. Лучше женская. Она действует со стопроцентным эффектом, тогда как мужская... Впрочем, неважно. Теперь вы понимаете, что я здесь делаю?

— Вы убиваете женщин,— сказал я.— Вот что вы делаете. Убиваете саму жизнь!..

— Ну-у...— протянул Губкин.— Сколько патетики! Впрочем, ведь вы литератор... Так вот, дорогой Иван Игоревич, я убиваю не женщин, а преступников, врагов нашего государства, тоже простите меня за громкие слова. Собственно, это делаю даже не я, а официально приставленные люди. Я лишь пользуюсь побочным, так сказать, результатом их деятельности. Я должен обезопасить это месторождение, единственное, может быть, на планете. Эта кровь, пролитая в него, не даст вирусу уничтожить наш последний шанс. Сейчас мы уедем, но скоро вернемся. Привезем на дирижаблях оборудование, развернем здесь настоящую нефтедобычу. Возродится ваш город, а затем поднимется и страна. Видите, я даже смерть использую во имя жизни! А вы говорите... Теперь-то вы понимаете, что я действую во благо страны и народа?

Снова выглянула луна. Профессор смотрел на меня с легкой укоризной, как на вернувшегося блудного сына, и мягко улыбался из-под усов. Я приподнялся, насколько мог, и ответил:

— Благо народа, построенное на крови, то же, что ваша нефть, влитая вместо крови в вены больному. Я презираю такую страну и не собираюсь в ней жить.

Я отвернулся. Губкин помолчал, вздохнул и сказал:

— Значит, вы предпочитаете смерть? Ну что ж, дело ваше. Что бы вы ни говорили, мы живем в свободной стране. Право выбора есть у каждого. Только простите меня великодушно, никогда самолично не приходилось этого делать. Боюсь, как у специалистов, не выйдет. Может, будет немного больно.

Я скосил глаза. Профессор встал и поднял что-то с земли. Затем подошел ко мне, наклонился, и я разглядел в его руке нож с широким длинным лезвием, скорее всего, один из тех, что носили на поясе военные. Нож был выпачкан черным. Конечно же, так выглядела при лунном свете кровь, но мне отчего-то подумалось, что это нефть.

Губкин неуклюже замахнулся. Я невольно зажмурился, приготовившись к боли. Последней боли в моей жизни. Но удара я так и не дождался. Вместо этого я услышал странный свист, а вслед за ним — хрип. Рядом со мной что-то грузно упало. Я открыл глаза. Губкин лежал навзничь у самого края скальной трещины. Его голова была запрокинута и свешивалась над черной расщелиной. А в горле профессора торчала... стрела. По ее древку из раны стекала кровь и тоненьким ручейком падала в темноту разлома.

Я, словно завороженный, смотрел и смотрел на этот ручеек, и в моей голове, который раз за минувшие сутки, не было ни единой мысли.

Из ступора меня вывела автоматная очередь. С места нашей стоянки послышались крики, снова раздались выстрелы. Там явно случилось нечто неординарное, вряд ли такой переполох могла вызвать сбежавшая девушка. И эта стрела...

Внезапно я почувствовал, как моего запястья коснулось что-то холодное и твердое. Рывок — и руки мои оказались свободными. Тело затекло, и быстро повернуться у меня не получилось. А когда я все же смог это сделать, мои ноги тоже были на свободе. Передо мной стоял странный длинноволосый человек. Его голое тело блестело в свете луны. Прикрыты были лишь бедра.

— Здравствуй, Иван,— сказал он смутно знакомым голосом.— Как дела?

— Здравствуй, Данька! — Мое подсознание сработало быстрее путаных мыслей.— Нормально дела. Чуть не умер вот...

— Не умер же!

— Я и говорю: нормально.

С горем пополам я поднялся на ноги, и мы обнялись.

— Что там происходит? — мотнул я головой в сторону редкой уже стрельбы.

— Да там уже все произошло, я думаю,— сказал Данька.— Все нормально, не переживай.

Стрельба и впрямь стихла. Крики все еще слышались, но в них было больше удивления и радости, нежели боли и страха.

— Но все же, кто там? Это ведь ты их привел? Как ты узнал, что тут...

— Погоди, давай по порядку! — засмеялся и замахал руками Данька.— У меня мозги не такие быстрые, как у тебя.

— Зато руки меткие,— нервно хмыкнул я, взглянув на стрелу в горле профессора.— Это ведь ты его?

— Зоркий глаз — вождь неетов! — сказал Данька и, дурачась, издал индейский клич.

— Ты — вождь неетов? — ахнул я.— Значит, они... то есть вы... не все вымерли? Вас много?

— Опять куча вопросов! — широко улыбнулся Данька.— Да никакой я не вождь. То есть, может, мой голос имеет какой-то вес, но у нас всем старейшины заправляют. Мой дед тоже из них был...— Голос неета дрогнул.— Прав он оказался, вы сюда пришли. А мы дым увидели, вот и...

— Твой дед? — Наконец-то я начал что-то понимать.— Так это он был в той пещере?

— Да. Он говорил, что вы все равно сюда придете — и тогда нееты исчезнут окончательно и уже навсегда. Ему не все верили, но он все равно ушел сюда и ждал вас. Он сказал, что, если не удастся вас переубедить, он уничтожит Урочище.

— Но почему было не уничтожить его сразу? Вам что, так дорога эта нефть? Или вы торговать ею собрались?

— Не говори глупостей. Нееты не хотят больше иметь никаких дел с вами. Ну, с вашей цивилизацией, в смысле. Нас, конечно, мало, чуть больше двух сотен, но мы свободны. Нам хватает того, что дает лес и озера. Нефть нам, конечно, совсем не нужна. Тут дело в другом. Это я почти тридцать лет прожил с вами, в городе. Это для меня тут — просто нефть. А для моего деда, да теперь уже и для молодых неетов, это — Урочище Огненных духов. А разве можно тревожить духов, тем более жестоких и злобных? Для деда духи были по-прежнему святы, но и про нефть он знал и понимал, чем ее добыча может для нас кончиться. Вот и выбирал из двух зол, вот и тянул до последнего.

— А что будем делать сейчас? — заглянул я в глаза другу. Небо на востоке вовсю уже начинало светлеть, я хорошо теперь различал выражение Данькиного лица, но ничего не сумел на нем прочесть.

— Все, кто хотят, могут пойти с нами. Хорошо, если согласятся женщины, у нас их мало. Хорошо, если согласишься ты. Если кто-то не захочет, пусть возвращается к себе. Но тогда нефть нужно будет уничтожить.

— Женщины наверняка согласятся,— сказал я.— Они — заключенные-смертницы. Им возвращаться некуда. А я... Да и мне, в общем-то, некуда. Насчет военных я, конечно, не уверен.

— Вряд ли кто из военных остался в живых,— жестко усмехнулся Данька.— Разве что один, в бинтах, мы его сразу взяли.

— Это Кожухов,— вспомнил я фамилию обожженного офицера.— Он во всем этом не участвовал... Может, не надо его убивать?

— Мы никого просто так не убиваем. Если он захочет жить с нами, мы не будем против.

— Хорошо. Значит, если все согласятся пойти с вами, Урочище можно оставить?

— Думаю, да. Никто ведь тогда не расскажет, что тут есть нефть.

— Данька! — воскликнул я.— Ну ты и наивен! Да они узнали о ней со спутников. Как ни странно, те до сих пор летают. И когда в столице не дождутся возвращения этой экспедиции — пришлют сюда новую, более многочисленную и вооруженную посильней. Пока нефть не уничтожена, вам покоя не будет.

— Ты рассуждаешь хорошо и правильно,— прищурился Данька.— Но правильно с моей стороны, со стороны неетов. Однако ты пока не наш, и я говорю это не в укор. Ты хороший человек. Ты умный человек. Я долго жил в твоей стране, и она мне тоже дала много хорошего. А нефть для твоей страны — это очень хорошо. В конце концов, нееты могут уйти и дальше — свободных земель теперь много. Так что решай сам. Как скажешь, так и будет. Я подожду тебя там,— кивнул он в сторону людей.

— Уходи, Данька. Не надо меня ждать. Уходи, и уводи людей как можно дальше. Я подожду, пока не поднимется солнце.

Неет внимательно посмотрел на меня. Он ничего не сказал. Поправил висящий за спиной колчан со стрелами, поднял с земли лук, повернулся и зашагал к осиннику. А я лег на спину, заложил руки за голову и стал смотреть в небо, где гасли редкие звезды.

Мне ничего не надо было решать. Я уже давно все решил. С той самой минуты, когда узнал, что именно нужно для возрождения цивилизации. Мне в такой цивилизации не было места. Глупо полагать, что на крови удастся выстроить рай. Понятно, что можно построить на крови. Мы это уже проходили. А Данька и впрямь наивен. Никуда не уйти неетам, если этот «рай» все же будет построен. Это мы тоже проходили.

Я не услышал, как возвратился Данька. Все-таки у неетов навыки предков в крови. Даже без малого тридцать лет «цивилизованной жизни» эти повадки не уничтожили. Правда, за двадцать лет он мог их и восстановить.

Данька сел, свесив ноги в расщелину, и стал бросать туда камешки.

— До восхода солнца они будут далеко,— сказал он.

— Шел бы ты с ними! — с искренней болью сказал я.

— Вместе пойдем,— бросил Данька очередной камень.

Я помотал головой и снова уставился в небо. Оно уже розовело.

Когда первые рассветные лучи залили кровью Урочище, я поднялся. Подошел к трупу профессора, достал из кармана кожанки спички. А вот что делать дальше, я не знал. Чиркнуть спичку и бросить в щель? Она наверняка сразу погаснет. Мой взгляд упал на испачканную нефтью веревку. Потрогал, нефть уже высохла. Но все равно веревка была немного липкой. Пожалуй, она будет хорошо гореть.

Испачканный кусок был не длиннее трех метров. Наверное, этого мало. Хотя, если поджечь его и опускать веревку в расщелину, рано или поздно нефтяные испарения вспыхнут. Можно было попробовать. Во всяком случае, других идей у меня не было.

— Уходи, Данька,— сказал я.— Или хотя бы отойди подальше.

— Вместе пойдем,— снова ответил он.— Брось ты эту веревку.

Я с недоумением посмотрел на друга. Жестом фокусника он достал из колчана стрелу и протянул ее мне. Наконечник был вымазан чем-то густым, темно-бурым.

— Верная рука — вождь неетов,— сказал Данька, вновь убирая стрелу.

— Ты говорил, зоркий глаз...— брякнул я.

— Одно другому не мешает,— подмигнул Данька.— Пошли.

Не понимая до конца, что он затеял, я пошагал за другом. Мы дошли до осинника, обогнули его и вышли к тому месту, где я вчера любовался пейзажами. Склон под ногами круто уходил вниз. Данька ловко забрался на большой камень и стал смотреть в сторону расщелины. Поднял лук, достал стрелу с бурым наконечником, положил ее на тетиву. Он долго стоял с закрытыми глазами, подняв лицо к небу. Потом сказал:

— Дай спички.

Я уже все понял. Но я не верил, что такое возможно. Отсюда до расщелины было больше двухсот метров. Я честно сказал об этом Даньке.

— Не каркай под руку,— ответил он.— Давай спички.

Я бросил ему коробок.

— Все равно нам не убежать,— сказал я.— Надежней было выстрелить в упор.

Данька поджег наконечник стрелы. Тот вспыхнул ровным коптящим пламенем.

— Я долго жил среди русских,— сказал Данька,— и многому у вас научился. Например, мне очень нравится одно ваше слово. Замечательное слово! Оно не раз выручало меня в жизни...— Тут он стал очень серьезен и натянул тетиву.— Смотри, как я только выпущу стрелу, прыгай вниз и беги что есть мочи.

— Хорошо,— кивнул я и приготовился. Но потом все же спросил: — Так какое же слово тебя выручало?

— Авось,— сказал Данька и отпустил тетиву.

Евгений Зубарев

ПОБЕДИТЕЛЬ

От реки здорово несло болотной жижей, но потом к привычному запаху вдруг примешалась дурная, резкая вонь какой-то протухшей кислятины, и я сразу понял, кого принесло на опушку.

— Эй, Стрелок! Иван-Стрелок! Да сюда смотри, дурень, вот же я!

Дед Афон показался в зарослях крыжовника точно напротив солнца, и мне нелегко было разглядеть его низкую щуплую фигурку, от шеи до ног замотанную в козлиные шкуры. Мерз дед даже летом, а вонял своими погаными шкурами круглый год. На охоту с ним ходить было сущим наказанием — даже полевые мыши покидали поляны, где залегал на ночевку дед Афон, а уж крупная дичь тем более рядом не задерживалась.

Я помахал деду винтовкой и едва не навернулся с дерева — эта лежка еще не была оборудована сетками, как полагается, я ее облюбовал совсем недавно, сразу после Великой Битвы у Холма.

Приобняв шершавый теплый ствол и вернув себе равновесие, я отозвался:

— Здорово, дед, чего приперся? Мне до смены еще два часа куковать.

Дед прошел ближе, бликуя лысиной прямо по моим натруженным глазам:

— Случилось,— понизив голос, сообщил он и подошел под самое дерево.

Я послушно свесился с ветки, прислушиваясь.

© Е. Зубарев, 2010

— Патриарх всея Руси созывает Великий Собор. Староста три дня и три ночи думал, а сегодня утром решил. Тебя делегатом назначил. Нашу Деревню будешь представлять, да еще все хутора до самой Лахты,— едва шептал мне дед, встав на цыпочки и нервно зыркая черными глазками по сторонам. Дескать, шпионы Конфедерации не дремлют.

Я снова едва не потерял равновесие, на этот раз — от удивительной вести. В делегаты вообще-то прочили Андрюху Медведя, высокого крепкого мужика с правого берега Черной речки. Мы с ним даже в поединке сходились, как бы случайно, но все знали, зачем. Победителя в тот раз народ не назвал, хотя, конечно, бока мне тогда Медведь пообломал здорово — уж очень он здоровый мужик, чистый кабан. Я его вдвое тоньше, но чуть пожилистей буду. Ну и позлее, конечно,— он-то тюфяк беспородный, сам не знает, зачем живет и чего хочет.

— И за что мне такое счастье? — небрежно спросил я, сдерживая глубоко внутри торжествующий крик победителя.

— Да так, чистый случай. Хотели меня назначить, да я самоотвод взял,— подколол меня дед, поворачиваясь спиной.

— Когда ехать-то?! — успел я крикнуть ему вслед.

— Завтра с первым солнцем поедешь. Коня на два дня Самурай дает, отдашь ему за это полкуска серебра.

Дед, отмахнувшись от остальных моих вопросов, легко шагнул в кусты и тут же пропал из виду. Не любит он меня, а я — его. Старая история, виноватый в которой оказался мой чуткий нос — я ведь запахи чую лучше любой собаки. Да и ладно, забыли. Главное теперь на Великом Соборе не осрамиться, Деревню родную по-хорошему представить, да и себя показать.

Я вообразил, как вхожу в огромную палату, украшенную разноцветными камнями и яркими самогарными лампами, а вокруг все смотрят на меня и шепчутся: кто этот красивый чернобровый юноша с умными очами? Кто таков делегат в красном камзоле с серебряным шитьем? У кого же это такой модный оберег в форме сердца в серебряном окладе?

Тут я вспомнил, что красный камзол четыре дня назад изорван в тряпки в драке с юродивыми, и пригорюнился. Придется в полевой форме ехать, как и положено вольноотпущенному сироте. А и ладно — главное, в Столице показаться, когда еще случай представится.

Внизу, точно подо мной, вдруг заметалась и замерла в кустах неподалеку серая тень. Я быстро, навскидку, прицелился и мягко спустил курок. Винтовка сухо щелкнула, следом раздался возмущенный кошачий визг. Тьфу.

Опять, значит, бес попутал: вместо зайца кошку подстрелил. Я прищурился, но в низких лучах вечернего солнца видно было плохо — кошка спряталась в самой гуще кустов и теперь шумно возилась там, вылизывая ушибленное место. Потом кошка осторожно высунула морду наружу, и я сначала увидел у нее на ошейнике оберег Глонаса Всемогущего, а потом уже и признал саму скотину: это ж Рыжая Маруся, с Островного хутора.

Эх. Я переломил пневматическую винтовку и бережно вставил в ствол очередную пульку. По части стрельбы из пневматики мне в Деревне равных нет, за то и прозвали Стрелком, что попадаю, куда хочу, от бедра, не целясь. Но очень уж слабое это оружие, пневматика: голубей еще кое-как губит, а птицу

побольше или лесного зверя крупнее мыши — почти никогда. Пружину бы к ней поменять, да где сейчас найдешь такое сокровище; счастье, что эта еще не лопнула, ей ведь лет пятьдесят, не меньше.

Зато пулек к винтовке — хоть из пулемета стреляй. Просто их делать, любой пацан в Деревне, окончивший местный филиал «Всероссийской школы нанотехнологий и инноваций», умеет: расплавляешь свинец в черепке над костром, да и льешь потом расплавленный свинец в воду. Получаешь шарики разных размеров, потом отбираешь нужные, остальные опять плавишь.

С боевым оружием потому у нас на Руси не заладилось, что последние фабричные патроны еще до моего рождения кончились. Одно время крутили самокруты, но с порохом сейчас совсем туго, так туго, что проще забыть об огнестреле совсем и повесить оружие для красоты на стену в горнице.

У всех и висят, пыль собирают, красавцы: нарезные винтовки, автоматы старинные, обрезы со Второй Гражданской и прочее добро. Много чего висит, да мало что стреляет — все места заветные, где делали добрые вещи, пожгли да порушили полчища врагов Отчизны. Не смогли наши деды да отцы отстоять родные деревни, что, говорят, стояли раньше от океана до океана. Спасибо, хоть сами не все сгинули, оставили русаков немного на развод.

Да только и оставшимся недолго куковать: хохлованы с запада поджимают не на шутку, на востоке басурмане зверствуют, с юга москальские банды грозятся, а на севере карелы рвут последнее. И главный враг, Европейская Конфедерация, только и ждет, когда мы слабину дадим.

А мы не сдаемся! Мне вот всего пятнадцать, к семейным таинствам еще не допущен, а уже дважды в боевые молитвы выходил, со взрослыми наравне, никто и не удивляется, что молод. А кто еще, как не молодые, должны родную Деревню от врага оберегать, кто от осквернения Храм Исторической Правды сохранит, кто, наконец, дерзкий караван на границе тормознет и добычу в дом принесет?

Хотя, конечно, есть сейчас и такие молодые, что сами бегут в полон к врагам поганым — дед Афон даже знавал такого перебежчика, если не врет. Прошлой голодной зимой Мишка Глухов, сын старосты Заречного хутора, сам ушел к хохлованам — вроде как его с лесного поста заморской жратвой сманили. Зато потом, сказывают, хохлованы его самого убили да и съели.

На тропинке появилась высокая нескладная фигура Семена Горемыки. Я глянул на мерцающий экран оберега — на час раньше смена ко мне пришла. Горемыка всегда приходит раньше, и я его понимаю: в засаде скучно, но в Деревне, да еще в общей землянке, еще скучнее сиднем сидеть да на иконы пялиться.

— Здорово, Стрелок! — радостно заорал наш деревенский недотепа, и я понял, что мясной добавки на ужин к казенной каше я уже не настреляю, разбежится мой ужин от этих криков по кустам.

Как водится, Горемыка пару раз споткнулся об корни, пока шел к засадному дереву, а когда, наконец, дошел, обнаружил потерю, старинный перочинный ножик с фонариком, помеченный клеймом великих восточных мастеров: «Made in China».

Семен неловко, как складная линейка, распрямился, поднял руки и снова заорал, на этот раз обращаясь к небу:

— Глонас Всемогущий-Всевидящий, тебе я верю, найди потерю!

Молитва-поговорка всегда помогала страждущим, даже таким пожизненным неудачникам, как Семен, так что после недолгой возни на тропинке Горемыка свой ножик нашел и вернулся ко мне счастливым, каким он всегда бывает.

— Деда видел?

— Не-а,— безмятежно ответил Горемыка, обустраиваясь на нижней ветке. Не пойму я, как такому раздолбаю вообще доверяют охрану Деревни. Ведь он всегда живет в мечтах бессмысленных, никогда ничего вокруг себя не видит, потому и случаются с ним всякие дурацкие несчастья, которые с нормальным мужиком никогда случиться не могут. Да как вообще можно с дедом разминуться на единственной тропе от Холма к Деревне?! Я деда за сто шагов на спор унюхаю, если по ветру, конечно, а уж слышно его за версту: он же кашляет, как караван драконов.

— Ты иди в Деревню, если хочешь, Стрелок,— донеслось до меня снизу сонное бормотание.— Считай, на дежурство я уже заступил.

Я снова повернул к себе левое запястье: Глонас Всемогущий показывал 20.45.

Вот в это самое время и покатил по самому горизонту, по тонкой линии между ближним берегом Черной речки и лесной опушкой, первый Смрадный дракон. Я, если честно, Смрадных драконов видел только раз, и то на старинной иконе у старосты в доме. Но тут сразу догадался, что за дрянь поганит нашу святую землю.

Дракон медленно и потому долго ехал вдоль берега, и я уже было решил, что он так и дальше будет осторожничать, как всегда они, по рассказам, делают на чужой территории, но тут из-за горизонта показался второй его собрат, а потом третий и четвертый, и все они вдруг быстро развернулись и поперли прямо на нас с Горемыкой. Стал слышен сухой кашель, доносящийся из самой утробы паскудных тварей, а потом порыв ветра донес до меня зловоние их богомерзких туш.

Я сжал винтовку в потных руках и крикнул Горемыке, как кричали в былинах, записанных на скрижалях в Храме Исторической Правды, наши славные герои:

— Вставай, Семен, на бой! Отступать нам некуда, позади — Деревня!

Горемыка никак не отозвался, и мне пришлось свеситься с ветки и тыкать его винтовочным дулом, чтоб разбудить.

Когда мне это удалось, и Семен, падла, продрал очи, Смрадных драконов уже след простыл — только тяжелый дух от них остался.

— Драконы?! Куда ушли, не видел, Стрелок? Не к нам ли, не в Деревню? — тревожным шепотом озаботился Горемыка, поднимая ко мне бледное лицо, и я понял, что он тоже напугался.

Я осмотрел сверху лесную опушку от края до края, но нигде поблизости не нашел драконьих следов или хотя бы примятой травы.

— Похоже, развернулись и ушли. Нет следов рядом, да и не пахнет больше,— сообщил я ему, попутно принюхиваясь по ветру.

— Ушли, собаки басурманские! Наверно, нас испугались. Точно так, нас увидали, и все, поняли, что не пройдут они здесь! — закричал Горемыка, грозно вскинув костлявые кулаки по направлению к берегу.

Я спрыгнул со своей ветки и побежал к реке. Я хотел разглядеть врага прежде, чем он окончательно сбежит.

Лесная опушка встретила меня плотной завесой цветочных запахов, но ближе к берегу я даже на бегу почувствовал чужой, резкий запах драконьих туш. Я повернул вслед этому запаху и минут через пять выскочил на прибрежную дюну, на которой драконьи следы были видны совершенно отчетливо.

Драконы ушли на юг, к москалям, и на несколько мгновений мне стало жутко — так жутко, что я даже сделал несколько шагов назад. Москали, как всем известно, много страшнее хохлованов. Если хохлованы могут просто убить да и съесть человека, то москали сначала выедают живому человеку мозг.

Но потом я вспомнил, как немного осталось нас, чистых, беспримесных русаков, как отважны были наши деды и отцы, сражавшиеся с разной сволочью за национальный суверенитет и единое экономическое пространство, и устыдился.

— Пресвятая Нанотехнология, спаси нас! — услышал я бормотание Горемыки за спиной.

Бежал, значит, следом, не сдрейфил.

Собственный позорный страх показался мне еще более постыдным и я, сам себе удивляясь, вдруг решительно сказал, указывая на следы:

— Пойдем за драконами, Семен. Нельзя упускать такой удачный случай. Они ведь сейчас удерут — поминай как звали. А завалим хотя бы одного — навечно героями станем! Песню про нас напишут, как про Панфила Матросова...

Семен вытаращил на меня свои погрустневшие глазки и задумчиво поправил дубину за поясом:

— Четыре дракона, Стрелок! Хоть режь меня, не пойду. И вообще, мне на пост возвращаться надо.

Я вскипел от нахлынувшей ярости, вскинул винтовку на уровень глаз и спустил предохранитель:

— Ты пойдешь со мной убивать драконов, Семен Горемыка!

Семен коротко всхлипнул и кивнул. Он меня знает — я своего всегда добиваюсь. В свое время Семен в этом убедился, когда однажды в мое дежурство вдруг заартачился, отказываясь чистить общественный нужник. Был, помнится, бит кроваво, потом ходил жаловаться старосте, но на разборе в Каноничном трибунале батюшки приняли мою сторону и еще Горемыке плетей всыпали.

Я показал ему дулом винтовки направление пути, и он послушно побрел по тропе из двойных драконьих следов, спотыкаясь через каждые пять шагов и едва слышно постанывая от жалости к себе.

Мы прошли около часа в сгущающихся сумерках, и лес закончился там, где ему и полагалось заканчиваться — у Пулковской пустоши. Бетонные поля от горизонта до горизонта поросли серой жилистой травой; такого же цвета было сейчас и небо. Наступали времена Полярных Знамений Величия Земли Русской, превращающих ночь в день на страх всем врагам.

На сером безрадостном фоне высветилась россыпь огоньков, и мы с Горемыкой хором крикнули:

— Вот они!

Правда, Горемыка тут же сел на бетонку, наотрез отказываясь двигаться дальше, а меня, напротив, буквально распирало от желания бежать вперед, догонять ненавистного врага и поражать его меткими выстрелами.

Я, не глядя, крепко ухватил ворот горемыкинского камзола и потащил упирающегося воина за собой. Горемыка скулил, но, проехав пару метров по бетону мордой вниз, все-таки привстал и потом уже семенил на своих ногах, лишь направляемый моей твердой рукой.

Я и сам не осознавал поначалу, зачем тащу с собой этого труса, но потом в самой глубине моего сознания явилось понимание: мне был нужен свидетель моего героизма. Кто расскажет современникам и потомкам о подвиге Стрелка из Деревни, в одиночку завалившего сразу четырех драконов?

Мы почти пробежали два бетонных поля подряд, когда огни, исходящие от драконов, вдруг замерли на месте. Тогда я сжалился над Горемыкой и велел ему залечь на поле, направив Наблюдателя на обереге на меня.

Семен аж завизжал от радости, что ему не придется погибать в пасти драконов, а доведется лишь посмотреть, как это получится у меня.

А я пошел на свой подвиг, расправив плечи и небрежно помахивая винтовкой, как будто мне было совсем не страшно. Да и не было мне страшно, если честно — так, чуть холодило грудь предчувствие бесшабашной драки, в которой я, наверное, выйду победителем. Люблю я подраться, а уж за Родину сам бог велел буцкаться как следует.

Огни драконов вдруг разделились: большая часть быстро понеслась вперед, к серому горизонту, а несколько маленьких огоньков замерли через поле от меня.

Я облегченно выдохнул: конечно, я был готов и к битве со всеми драконами сразу, но победить для начала хотя бы одного отставшего от стада дракона тоже было бы неплохо.

Я принюхался и стал заходить на отставшего дракона кругом, против ветра. На самом краю поля мне пришлось лечь, и дальше я уже только полз, стараясь потише дышать и не стучать винтовкой по бетону.

Отставший дракон стоял посреди поля с поджатой лапой, а вокруг суетились два демона. Демонов я сразу узнал по картинкам из Большой Православной Энциклопедии — там им отводилась целая глава. Главная опасность демонов, как объясняли наши ученые, это общая аморальность их поступков и бесчеловечность мотивов. Демоны ловко сбивают простых людей с толку, особенно если у этих людей короткий горизонт целеполагания, а у общества в целом отсутствует стратегия инновационного развития.

Я, конечно, не все понял в той главе, но ее каждый русак в школе все равно учит наизусть, так что ответить на вопрос «Кто такие демоны?» можно и без особого понимания их гнилой конфедератской сущности.

Когда до дракона осталось не больше пятидесяти шагов, я перестал ползти, привстал на четвереньки и взвел винтовку, стараясь попасть обоими щелчками в рваный ритм перестука, затеянного демонами.

Демоны меня не учуяли, и я, мягко спустив предохранитель, начал выцеливать первую жертву.

Один из демонов был много крупнее второго, и я решил стрелять сначала в него, чтоб потом добить подранка дубинкой. Дубинка у меня за поясом была непростая, с особым нанотехнологическим покрытием, оберегающим от сглаза еретических эманаций и способствующим успешной охоте.

Но дубинка не пригодилась — едва пулька со смачным шлепком впечаталась в правый глаз большого демона, как тот плашмя упал оземь, словно вилами проткнутый. Я даже встал в полный рост от изумления — первый раз видел, чтоб такого крупного зверя с первого выстрела напрочь валило. В мозг я ему попал, что ли?

Да вот есть ли у демонов мозг? Конфедератская нежить вроде без него обходится.

Мелкий демон пугливо взвизгнул и замер возле дракона в глупой надежде спрятаться от моей карающей дубинки.

Я расправил плечи и пошел к дракону неспешной развязной походкой, какой у нас в Деревне ходят парни по воскресеньям возле церкви. Я уже ничего не опасался. Какие же они жалкие и ничтожные, эти европейские демоны.

Это было ошибкой. Я успел пройти шагов двадцать до самого дракона и даже почувствовать жар его остывающего тела, когда мелкий демон вдруг снова взвизгнул, ловко сбросил с себя кожу и напрыгнул на меня так неожиданно, как прыгают жабы в пруду, если резко спугнуть.

Правая рука у меня была занята винтовкой, и, пока я раздумывал, как верней поступить — швырнуть винтовку на землю и оторвать впившегося в меня демона обеими руками или оставить при себе верное оружие и отжать врага винтовочным стволом — демон впился в мои губы и сладостно застонал.

Что на меня нашло, я так тогда и не понял, но я вдруг тоже прильнул горячими губами к бесовскому отродью и податливо осел на траву. В голове вдруг зазвучало Покаяние блудного отрока, но эту молитву я в школе выучил плохо, и было понятно, почему она мне теперь не помогла.

Я хорошо чувствовал, что демон делает с моим кафтаном, но уже не в силах был помешать исчадию ада и только жадно вдыхал одуряющий дьявольский запах, окружавший меня со всех сторон.

— Хэй, бейби! — проворковал непонятное демон, и мое непослушное тело само стало делать то, чего я совсем от себя не ожидал.

— Не думаю, что вы верно расставляете акценты, коллега Айвен Эроуз,— затянул свою старую песню Джон Бжезинский, между прочим, внук того самого Бжезинского.— Парадигмой социального сознания нативных [1] славян является точное спутниковое позиционирование, которое для них символизирует языческий бог Глонас, при этом традиционная религия у нативных славян почти не востребована ввиду ее нефункциональности.

---

[1] Нативный — находящийся в изначальном, природном состоянии.

Я решил больше не возражать гребаному лысому очкарику, потому что поймал себя на остром желании вмазать мерзкому старикашке правой между глаз, чтобы он, наконец, заткнулся.

Но я, конечно, ничего подобного не сделал. Я лишь поймал момент, когда наш джип вдруг проехал ровно пару метров, и в наступившей на секунду тишине веско произнес:

— Не думаю, что вы верно расставляете акценты, коллега Джон Бжезинский.

Тут нас очень удачно тряхнуло, и Бжезинский здорово треснулся своей глупой башкой об крышу машины, после чего надолго затих.

Воспользовавшись паузой, заговорила Марта:

— Айвен, милый, посмотри-ка внимательно вокруг.

Она произнесла это таким особенным, с хрипотцой, голосом, и даже обернулась с водительского места, чтобы изучить мою реакцию.

Я послушно повернулся к окну, но в серых, быстро сгущающихся сумерках мне было ясно лишь одно обстоятельство — мы едем по большому полю, заросшему кустарником и травой.

— Это Пулковская пустошь, коллеги,— торжественно сообщил всем Бжезинский, сверяясь с картой в коммуникаторе, а потом, посмотрев на Марту, добавил, осененный внезапной догадкой: — А не здесь ли, коллега Айвен, вас обнаружила экспедиция доктора Байдена?

— Кто еще кого обнаружил,— ответил я, изо всех сил стараясь не раздражаться.

Бжезинский постоянно дает понять, что я самонадеянный малообразованный выскочка, в то время как он выходец из старейшей в Европе академической семьи.

Марта резко крутанула руль, объезжая какое-то препятствие, и мы услышали сначала громкий скрежет, а потом хруст. Джип пару раз дернулся и замер на месте, недовольно ворча старинным бензиновым мотором.

— Черт побери! Вот и не верь после этого в совпадения! — весело закричала нам Марта, с готовностью бросая руль и выпрыгивая наружу.

Она так обрадовалась поломке, что я заподозрил ее в каком-то умысле.

Я открыл свою дверь и тоже вышел наружу. Свежий вечерний ветерок обдал меня холодом, и я поплотнее застегнул молнию на комбинезоне. Зато Марта, напротив, расстегнула на себе куртку, потянулась и пóшло подмигнула мне, указывая на серую траву под нашими ногами:

— Ты хотя бы помнишь, что у нас тут тогда случилось, милый? Подумать только — десять лет назад, а я помню все, как вчера!

За меня ответил Бжезинский, выбравшийся из машины с другой стороны:

— Лучше всех эту встречу запомнил доктор Байден. Все-таки не в каждой этнографической экспедиции тебе выбивает глаз твой будущий лучший ученик.

Марта удержала меня от грубого ответа, сделав шаг навстречу и прикрыв мне рот теплой ладонью.

— Не обращай внимания. Коллеге просто завидно,— громко сообщила она и прижалась ко мне всем телом.

Бжезинский молча удалился от машины к ближайшим кустам, на ходу расстегивая ширинку, и Марта, пользуясь оказией, прижалась ко мне еще крепче.

— Ты помнишь? — снова повторила она.

Я помнил, но делать это с Мартой здесь желания у меня не было. Чувство смутной тревоги, внезапно проявившись, теперь не отпускало меня, и я пристально вглядывался в черно-серые заросли у Марты за спиной, выискивая источник угрозы.

— Да тут почти никого не осталось, ты же знаешь,— нетерпеливо бросила Марта.— Последний массовый исход из сектора 15А был еще зимой, после нападения южных племен. Ну, хочешь, посмотрим локализацию мишеней в округе?

Я кивнул, лишь бы она от меня отвязалась, и мы вернулись в машину посмотреть на большом экране на яркие огоньки радиометок, которые наивные аборигены таскали на себе в качестве талисманов.

Этнографам в Заповеднике постоянно приходится поддерживать культ Всемогущего Глонаса, приплачивая Верховным Патриархам консервами, чипсами и прочей ерундой, зато абориген без радиометки теперь невозможен, как раньше невозможен был человек без креста или других амулетов.

Огоньков на карте оказалось немного, и я с грустью подумал, что еще пять лет назад их было как минимум вдвое больше. Что бы мы ни делали, как бы их ни подкармливали, ни прививали и ни обхаживали, они все равно вымирают. Причем, что обиднее всего, много чаще аборигены гибнут в ходе междоусобных стычек, чем от болезней или недоедания. И ведь оружие у них изъяли полностью, оставив только маломощную пневматику да рогатки для охоты — но нет, находят способы продырявить ближнего своего или лишить его жизни иным варварским способом.

Тут я вспомнил, как сам десять лет назад варварски продырявил правый глаз доктору Байдену, и тяжело вздохнул.

— Слушай, а ведь ты прав, есть тут рядом автохтоны [1],— вдруг сообщила Марта, тыча холеным ногтем в центр карты, где алели плотной кучкой красненькие точки и зеленели два пятнышка.— Вот группа, смотри, человек тридцать, с двумя доминантными самцами. Совсем рядом, километров пять отсюда. Сходим, поснимаем, а? У меня диссер как раз про двухполюсные группы, когда еще случай представится?

Вот в этом она вся — еще минуту назад думала исключительно о соитии, а теперь вот потянуло вздорную дамочку на научную работу.

— А что с машиной? — спросил я в наивной попытке потянуть время. Идти на ночь глядя черт знает куда мне не хотелось.

— С машиной кранты,— весело ответила Марта.— Помпа полетела. Знаешь, что такое помпа?

Что такое помпа, я не знал. Я вообще очень плохо знаю эти старинные бензиновые автомобили — сейчас всюду водородные дизели да электрокары, у них под капотом как-то все намного проще устроено. После изобретения токийских каталитиков, расщепляющих воду почти без затрат энергии, бензино-

[1] Автохтон — абориген, коренной обитатель.

вые аппараты в Европе запрещены. Исключениями стали Заповедник — для пущей аутентичности — да несколько стран Ближнего Востока, которым просто некуда девать свою нефть в таких объемах даже по два доллара за баррель. В России и Латинской Америке добывать нефть стало вообще нерентабельно и там все остановилось само собой. А потом все само собой и развалилось.

— Пошли,— Марта вылезла из машины и яростно хлопнула дверцей, чтоб я, значит, не задерживался.

Я вздохнул, кряхтя, прицепил на бок дежурный парализатор и тоже выбрался наружу.

Бжезинский сидел прямо на земле, привалившись спиной к теплому боку машины, и дремал, но, когда мы пошли прочь, он проснулся и не удержался от колкости мне вслед:

— Коллега Айвен, вы уж там не подкачайте!

Мне пришло в голову, что Бжезинский может настучать на нас с Мартой в Комиссию по этике.

— Мы идем снимать двухполюсную группу,— буркнул я в сторону, а Марта на глазах у профессора торжественно пристегнула наплечную камеру.

Бжезинский криво усмехнулся и закрыл глаза — чтоб, значит, не видеть наших лживых развратных физиономий.

— На северо-северо-запад,— показала мне Марта, и мы пошли бодрым шагом, старательно вглядываясь в бледную подсветку инфракрасных очков и все равно спотыкаясь на неровных стыках бетонных плит.

Мы прошли в полном молчании километра три, и Марта ни разу не сделала даже попытки приблизиться ко мне. Она была полностью поглощена голографической картой, которую то и дело разворачивала перед собой, уточняя маршрут и цели.

К финалу нашего путешествия я даже начал испытывать некоторое разочарование — дались ей эти доминантные самцы — когда я, первым выйдя на лесную опушку, вдруг увидел всю группу. Четыре женщины в цветастых сарафанах и около двух десятков мужчин в праздничных камзолах расположились вокруг странного вида телеги — на ней было смонтировано нечто вроде комода, увенчанного куполом, который, в свою очередь, завершался мощной спутниковой радиоантенной. На заднем плане виднелись несколько глинобитных хижин и подсвеченный факелом вход в общинную землянку.

Нас аборигены не видели — сумерки уже превратились в полноценную ночь, а снабжать население Заповедника инфракрасными очками запрещалось категорически, под страхом уголовного преследования.

Мне уже десятки раз доводилось возвращаться в родные края, но каждый раз, завидев своих земляков, я первые несколько минут переживал настоящее раздвоение сознания. Вот и сейчас я смотрел на этих нелепых людей в поразительно ярких даже в инфракрасном свете одеждах, а видел собрание уважаемого деревенского актива возле передвижной Церкви Космических Инноваций, на алтаре которой сейчас выступал Представитель Патриарха по Северному округу.

— ...И вот о чем еще надо нам всем помнить, благоверные мои граждане,— говорил полпред, нервно одергивая края своего ярко-красного камзола.— Не

только мечом покушается враг на нашу любимую Родину, но корежит самое святое — нашу с вами Историческую Правду. Уже совсем забыли неблагодарные наши соседи, кто именно девяносто семь лет назад освободил Европу от фашизма, уже и у нас есть такие, кто пересказывает разные глупые басни, будто мы отсталые туземцы, пираты и прочее. Пусть знают таковые, что впавшие в прелесть безумцы будут изгнаны из всех общин!

— Воистину! — нервно вскричали несколько голосов.

— Пусть ликуют наши сердца, видя, как развивается наша Родина, как умножаются ее богатства, как растет инновационная экономика. Знаете ли вы, что внутренний валовой продукт нашей страны в этом году вырос еще на двадцать пять процентов, что в пять раз превышает показатели Европейской Конфедерации!

— Ура! — бодро прокричал один тоненький голосок, но тут же испуганно затих.

— Помните мудрые слова Патриарха: счастье — это нанотехнологии плюс электрификация всея страны!

— Ура!! — На этот раз знакомый лозунг поддержали почти все присутствующие.

Полпред сошел с алтаря, и его место тут же занял местный староста, низенький коренастый мужчина лет сорока. В виртуальном приборе ночного видения староста подсвечивался зеленым, как и доминантный полпред.

— Вчера елагинские мужики конфедератского шпиона поймали,— сообщил староста.— Но сами они менять вражину на хабар опасаются. Нам предложили посодействовать. Ну, какие предложения будут? Беремся с божьей помощью или как?

— А чего просят елагинские за шпиона? — деловито уточнила круглолицая толстая женщина в расшитом сарафане.

Староста отмахнулся:

— Им мешка сахара хватит. А мы с басурманов серьезно возьмем. Потому что шпион этот — баба, а за баб они больше переживают.

Представитель патриарха неожиданно оживился, вошел в круг беседующих и громко заявил:

— Решая частные задачи, не следует забывать о большой государственной проблеме — демографической.

— Чего? — недоуменно спросили его сразу несколько голосов.

— В общем, бабу советую оставить. Их и так в стране мало осталось, баб. А эта точно здоровая, детишек вам еще нарожает,— пояснил свою мысль полпред.

— А она здоровая ли? — усомнился кто-то, и тут же по сигналу старосты из ближайшей избы вывели в круг короткостриженую бледную женщину в защитном комбинезоне.

Марта толкнула меня в плечо; я ее понял. Мы встали и пошли по влажной от ночной росы траве, на ходу вытаскивая парализаторы.

Когда до деревни осталось меньше десяти метров, я узнал эту бледную женщину: Тереза Масюк, социолог из экспедиции Шведского университета. Я с ней дважды ходил в экспедиции, но общего языка мы с ней там не нашли.

Меня удивило, что защитный комбинезон на ней выглядит совершенно целым, но Тереза даже не пытается использовать его возможности. А ведь возможности у него серьезные.

Как это обычно бывает, завидев нас, автохонты сами легли на землю, добровольно подставляя оголенные ягодицы под наши парализаторы — удар в другие мышцы чрезвычайно болезнен, и местные это хорошо выучили. Мы обработали всех, кроме полпреда и старосты — статус доминантов этнографами обычно принято соблюдать, если только нет противопоказаний по ситуации. Впрочем, сейчас противопоказаний не было — оба доминанта стояли по стойке смирно, просто наблюдая, как мы подходим к Терезе с двух сторон.

— Привет, дорогая, ты в порядке? — полюбопытствовала Марта, осторожно трогая Терезу за руку.

Тереза пожала тонкими плечами:

— Вы зря пришли,— тихо сказала она.— Я собираюсь остаться с ними.

Полпред удовлетворенно крякнул:

— Смотри, Тарас! Сами бегут от ереси своей иезуитской в наше благоверное лоно! Верю, будет еще Великая Русса от Кронштадта до Московии!

Я хмуро взглянул на него, и он немедленно заткнулся.

— Пойдем, Тереза! — сказал я как можно мягче.

— Нет, не пойду.

— Почему? — спросили мы с Мартой хором.

Тереза подняла на меня маленькие злые глазки:

— Тебе, Айвен Эроуз, негоже задавать этот вопрос. Потому что десять лет назад тебя звали Иван Стрелок. Поверь, это звучит намного лучше.

Она развернулась, пошла от нас в ближайшую избу и с треском захлопнула дверь, вложив в этот жест всю силу своей ненависти к современной цивилизации.

Мы с Мартой одинаково коротко вздохнули, развернулись и пошли прочь. Тереза не первая и не последняя, но, слава Конфедерации, дауншифтинг — это уже не наша забота.

Мы не дошли до джипа метров сто, когда Марта попросила меня посмотреть, что там сломалось в ее комбинезоне, а потом, когда мы, усталые, уже лежали на траве и смотрели в зовущее звездное небо, она вдруг сказала мне:

— Знаешь, они, конечно, забавные все очень. Но когда они петь начинают, у меня все вот здесь так сжимается, что плакать хочется.

Она положила мою руку себе на грудь и вдруг запела на всю округу мощным сопрано:

Etot den Pobedy porochom propach
Eto prazdnik s sedinoyu na viskah...

А потом она заплакала.

Владислав Булахтин

ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

(Семь эпидемий, не предусмотренных ВОЗ [1])

Вас не зря улыбает от творчества всевозможных «апокалиптолухов»! Они пугают общественность неконтролируемой, непредсказуемой жестью вроде наводнений, землетрясений, потеплений, похолоданий, инопланетян, не подозревая — острые вилы катастроф заточены из нас и под нас самих. Мир трещит по швам, моря и океаны выходят из берегов, четко согласуясь с нашей волей или безволием.

Все, что произойдет в 2012 году, можно обозначить звучными эпитетами газетных заголовков: «КРУШЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ», «САМОЕ СТРАШНОЕ ИСПЫТАНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА», «ВСЕЛЕНСКАЯ КАТАСТРОФА».

Все вокруг посыплется как карточный домик, Чья-то суровая холодная воля профилактически встряхнет закисшее в пустяках человечество. Она будет жестока, в чем-то несправедлива, но миндальничать с нами поздно.

Человечество откликнется самым удивительным образом — словно сбросит маску дряхлого, безвольного, но агрессивного старика и приноровится к потрясениям. Несмотря на коварные изменения правил общежития, государственные структуры большинства стран выдержат. Силовые ведомства, научатся договариваться, даже утратив бойкость прежней коммуникации. Продолжат ходить поезда, летать самолеты, проститутки и службы эскорта по-прежнему будут усердно трудиться. Все-таки реальность упертая штука.

С человечеством произойдут новые, невероятные метаморфозы, о которых не предупреждали даже самые смелые фантасты. Некоторые люди оценят удивительные события однозначно — пришествие, бледные кони, жестокая расправа. Советуем принять грядущее как должное — ведь оправдаются наши ожидания невозможного, наше предчувствие необратимой расплаты за всеобщую человеческую слепоту и глухоту.

Мы прекрасно осознаем собственную ущербность, миримся с ней, поэтому готовимся к катастрофе с каким-то совершенно детским нетерпением и

---

[1] ВОЗ — Всемирная организация здравоохранения.

© В. Булахтин, 2011

любопытством, надеясь увидеть то, о чем нас не предупредили. Интуитивно мы ожидаем самого невероятного, уже готового вынырнуть из-под локтя, из соседней комнаты, из дырок в душе, понимая: все, что окружает нас, ширма. Рано или поздно ее сдернут. Зеленые пятна деревьев, плотность горячего асфальта, лето, другие времена года, реальность во всем величии глухоты и непроницаемости — не более чем подтасовка, фокус, исполнитель которого ловко и безвозмездно приобщил нас к своему чародейству. Мы искренне помогаем фокуснику, утяжеляем реальность словами и образами. Книги, фильмы, песни лишние миллиметры брони, ловушки. Они превращаются в кокон, маскировочную сеть для того, что прячется в угробе окружающей иллюзии.

Все, что мы видим и знаем,— значительно больше или значительно меньше, чем на самом деле. Всем, глубоко погруженным в себя, чтобы подтвердить опасения о неизбежной перспективе изменений, достаточно выглянуть в окно (дверь, в случае его отсутствия), включить ТВ, радио, выбраться в Инет, набрать 100 по телефону. Вы убедитесь — кто-то могущественный уже запустил процесс дезинтеграции.

Ситуация дрянь — весь мир за пределами вашего тела постепенно сходит с рельс, а вы, не отвлекаясь на такие пустяки, как конец света, продолжаете жить. Этому миру конец. Всего-то.

Столбик термометра, сила ветра — слишком ненадежные предвестники Апокалипсиса. Мы разглядим ЕГО только тогда, когда изменимся сами. Но и после этого мы найдем в себе силы, чтобы жить!

Эпидемия № 1

ИГОРЬ МИЛЫЙ. ОТВОРЯЮТСЯ ХЛЯБИ[1] ТЛЕННЫЕ

К полудню большинство экспертов сошлись во мнении не только относительно времени начала катастрофы — примерно 00:05 по Гринвичу, но и ориентировочной даты ее нетривиального завершения.

Я посмотрел на секундомеры в нижних углах экрана. Левый я настроил отмерять мгновения с момента повсеместного появления недуга. Правый вел обратный отсчет к полуночи дня Х, когда на Земле предположительно не останется ни одного живого человека. Что касается сроков, планов и расчетов приближения апокалипсиса, я жуткий педант.

---

[1] Хлябь *(др.-русск.)* — бездна, водные глубины, топь, место бурного и стремительного течения в реке, неизмеримая глубина моря или неба, пропасть, грязь невылазная, пучина, месиво, слякоть. *(Здесь и далее примечания автора.)*

Одиннадцать часов планету заливали потоки слез. На «клаву» плюхались капли неиссякаемых ручейков, струившихся из моих глаз. Я не успевал промокать их тряпками, нарезанными из огромной простыни, которую захватил из дома.

Моя Прелесть взяла оранжевую. Ивановский текстиль. Как она сейчас справляется со своими заплаканными глазищами? Как раздирает лучшую российскую ткань, пока неутомимая слякоть течет на шею, заливается в соблазнительный вырез платья, по животу скатывается в трясины, где я и сам не раз тонул.

«как ты?» — в который раз спрашиваю ее по аське.

«пью 101-ю кружку минералки(((((((((один раз забыла захватить платок в туалет — извела рулон бумаги»

«весь офис на ушах. Говорят, если в течение суток лучшие умы Галактики не решат, как купировать активность/патологию слезных желез, нам каюк»

Видели бы вы, как мы прощались! Красные дорожки слез по щекам, опухшие поросячьи глазки, куча тряпья в руках, сумках, под мышками и отчаянное желание куда-то вырваться, куда-то бежать, бороться, разбираться, что за напасть обрушилась на нашу планету и сколько бессонных ночей еще ждет проливающее слезы человечество?

Наш пыл быстро иссяк. Сейчас меня одолевает глухая тоска от того, что мы с Прелестью можем больше не увидеться из-за пустяка. Казалось бы! Слезы! Хы-хы! Тоже мне, чума XXI века.

По ходу выясняется — хуже, чем чума! Убивает надежнее, чем вместе взятые мор, авиаудары и грипп самого скотского происхождения.

Несколько часов назад не было такого отчаяния. Несколько часов назад еще колотило от жажды жить. Теперь — трясет исключительно из-за отчаянного желания пить.

Наверное, подавленное состояние не только из-за обезвоживания организма, не только из-за физической потребности постоянно восполнять потери жидкости и следом бежать в туалет, а также из-за самого процесса непрекращающихся рыданий.

Мы не потому плачем, что нам плохо. Нам плохо оттого, что мы плачем.

Экран монитора плавает, покачивается в тумане.

Сводки новостей покачиваются в голове, как уровень вина в бокале на уплывающем за горизонт тихоокеанском лайнере. «Титанике».

Я не успеваю менять тряпочки, ими уже забит верхний ящик стола. Выжимаю, использую их по третьему кругу и впиваюсь в информленту, которая уже не впитывается в хрустальное, остекленевшее от соли дно моего черепа.

Невероятное, необъяснимое воспаление слезных желез. Население в панике.

В связи с нехваткой воды в Африку и Азию по суше и по воздуху потянулись гуманитарные караваны. Если раньше там могли и на пол-литра в неделю протянуть, то теперь необходимо в сто раз увеличивать дозу. Иначе местных жаждущих даже хоронить не придется.

С ужасом бегаю глазами по слезящимся строчкам монитора, переполненного описаниями агонии столь же чрезмерно, как еврейское кладбище на

Масличной горе усопшими. Трупы несколько часов после остановки сердца истекают слезами. От человека остается высохшая головешка.

Сколько этих несчастных сейчас по всему миру валяется, непроснувшихся, не добежавших до зловонной лужи, чтобы утолить жажду.

Я вздрогнул и пошел к кулеру набирать очередную трехлитровую бутылку стратегического запаса. Моему организму литра хватало минут на десять.

Я произвел нехитрые расчеты — 144 литра в сутки, 52 560 в месяц. Нашел в Инете предполагаемую кубатуру Волги — достаточно 1 666 666 человек, чтобы за очень непродолжительное время выхлебать великую русскую реку. Цифра 6 в периоде угрожающе мерцала на экране калькулятора.

«Врешь — не возьмешь».

Словно в поисках одной на всех спасительной-искупительной-исцеляющей идеи я суетливо перебирал предметы на своем обширном столе.

Решения не осязалось.

И я направился к своему коллеге, стахановцу и раннему сердечнику Саше Плохому, почти начальнику в нестрогой и запутанной иерархии нашей фирмы.

Плохой (не вру, действительно такая фамилия, и она ему нравится) был как никогда плох. Он мрачно втаптывал в грязь служебную дисциплину. Не оставлял ей шанса с помощью такого нехитрого/доступного каждому топ- и даунменеджеру атрибута, как бутылка водки. Она была литровой и наполовину пустой. Остальные внешние и внутренние признаки емкости выглядели не столь важными.

Бутылка покоилась на расстоянии стремительного броска «плохой» руки. Я проводил нахмуренным взглядом отработанный американцами жест Сани — он рванул сосуд к губам, словно Тарзан, на излете выхвативший Джейн из когтей свирепых, но, увы, зазевавшихся хищников.

При этом Плохой не разменивался на мелкую посуду и доставлял горячительное прямо в пасть. Лицо его не переставало оплакивать уменьшение содержимого и прочие не столь шокирующие события в мире.

Он не старался вытирать влагу. Периодически слизывал с верхней губы набухшие капли, запивая ими огонь, пожирающий обезвоженный организм.

— Игорек, это анестезия,— извинился он передо мной. Стахановца, сердечника, умницу, интригана и карьериста сменил просто сердечный человек. Печальный.

Я зло посетовал:

— Будь проще. Закатай пару кубиков водки себе в жилу, и ты продержишься в нашем бастионе лишний день. А это (я указал на бутылку) надежная тропа в вечность. Через пару часиков ты достанешься нам гораздо более обезвоженный, чем Тутанхамон. И бальзамировать не придется. Выставим тебя в холле. Для предупреждения, устрашения и иллюстрации роковых изменений в человеческой физиологии.

— Не нравится мне посмертная слава,— грустно уронил Плохой.

— Еще раз, пжлста, зачем тебе ЭТО? — Я сел за приставной столик.

Идеальный порядок в комнате нарушала только литровая бутылка водки и «плохие» ноги, задранные на ковбойский манер.

— Человеческий разум не может быть средством познания и преодоления реальности.

— Расширяешь сознание? Ню-ню. Другие уже цистерны с водой закапывают на дачах. Почти все значительные водоемы в кольце бронетехники. Байкал в тройном. Нормальные люди бизнес-планы скорректировали. Кто, как и где может воды добыть, сколько продать, как лицензировать, какие откаты заплатить. А ты рефлексируешь...

— Три часа назад я купил два водовоза.— Саня скромно потупился.— И договорился сдавать их в аренду. Я уже заработал пятьдесят кило деревянных. Я стихийно расчетливый сукин сын.— Грусть и сарказм Плохого намекали на недоверие к товарно-денежным отношениям, хаотично перестраивающимся в этот непростой для человечества час.— А ты почему не спешишь бутилировать стратегические запасы?

— Все очень зыбко,— только и нашелся я.

Даже отсюда, из офиса в центре Москвы, с канализацией, водопроводом и неплохим запасом питьевой воды в гараже на подземной автостоянке, я не мог изобрести ни одной радужной перспективы для человечества.

Мы шумно отхлебнули. Он из своей, я — из своей. Санька достал из ящика пачку евро. Занюхал выпитое. Я протянул ему свою бутыль, хорошо зная, что он раньше окочурится, чем побежит к кулеру.

— Игорь. Друг. Я отягощен важными для человечества соображениями,— заплетающимся языком поведал мне Плохой.

— Например?

— Например, наши пресные запасы. Мы же сидим одновременно на пороховой бочке и на золотой жиле. Наши пулеметные расчеты еще не натренированы уничтожать обезвоженные орды страждущих, которые хлынут к нам за жидкостью.

— И что?

— А то, что Россия еще не высказалась до конца. Нам есть что сказать духовного в общепланетарном масштабе. О культуре, о политике, о религии. Теперь самое смешное — другие державы начнут с трепетом и уважением слушать об этом, но, только если между строк будут мелькать гарантии поставок «Байкальской пресной».

Мы глубоко задумались.

Я открыл пластиковую коробочку со скрепками, высыпал их на идеально чистый, акустический ламинат. Эхо их перестукивания еще гуляло по просторному Санькиному кабинету, а я уже подвинул к нему коробочку, а он уже наливал.

Выпили не чокаясь, вновь пустили по кругу мою воду. Ее хватило на три круга, Саня на правах начальника шумно выхлебал остатки и запустил бутылкой в глянцевый экран жидкокристаллического чудовища, мирно взиравшего на нас со стены.

Бутылка срикошетила и хлюпнулась в огромный аквариум, недавно ставший статусным украшением неказистого кабинета.

— Они не догоняют.— Я четвертый год вкалывал в тандеме с Санькой, поэтому прекрасно понял — последняя фраза о людях из «ящика». Не читая

газет, неделями не включая компьютер, забыв про телевизор, Плохой всегда осведомлен о телодвижениях власти, богемы и тех, кто подвизается рядом.

— Они сейчас какой-то препарат готовят, чтобы нейтрализовать недостаток воды в организме. Типа инсулина. Два-три укола в день, и ты перестаешь напоминать верблюда в депрессии, не видевшего в жизни ни одного водоема. И контакты в голове не замыкает при виде воды. При счастливом стечении научных обстоятельств весь наш зареванный олимп скоро выстроится на уколы, а пока,— он бросил мне пульт,— смотри! На скорбно плачущих дибровых, на разрыдавшихся кобзонов, на прослезившихся лужковых, на горько воющих машковых, а также путиных, грызловых и даже сечиных, гордонов...

Он еще долго перечислял, а я, пока получалось терпеть жажду и жажду сходить в туалет, наблюдал паноптикум мокрых лиц, красных носов и всевозможных требований конверсии научно-технического прогресса на решение элементарной медицинской проблемы — излечить внезапно начавшееся повсеместное воспаление слезных желез.

— Слушай, Николь Кидман тоже плачет?

— Хочешь увидеть? Вряд ли,— Санька переключил на CNN.— Они, гады, скромно это делают. В сторонке. Без причитаний и проклятий.

Он кивнул на напудренного ведущего, который деликатно прикладывал тампончики к глазам.

— Тихие нытики. Нет у них основательной исторической базы для общенациональной истерики. Слабаки. Малахольные невротики.

— Слушай, а кого ты больше всего хотел бы увидеть обиженным до слез?

Санька, не задумываясь, начал перечислять. Казалось, эта непростая задача решена им задолго до апокалипсиса:

— Девчонок из «Фабрики» и «Виагры». Они так идеально рыдают, что мне захочется жить дальше. Ричарда Рокфеллера [1], Давида Ротшильда [2]. Потом Джоан Роулинг, Хилари Клинтон, председателя Ху Цзиньтао и Петросяна. Далее...

Он уверенно назвал пару десятков имен. На синкопе «Сырожа Минаев» я удивленно вскинул брови — в литературе Санька не очень силен. Дался ему этот Сырожа.

Я запутался в собственных предпочтениях — не удавалось вспомнить лица, которые мне хотелось бы украсить тропинками слез.

Диму Билана, Бэкхема, Кастро, Каспарова, Сталлоне и Илью Ковальчука плачущими я видел. Чего еще хотеть в жизни?

Скупые мужские слезы я видел ранее даже у Моей Прелести, хотя, казалось бы, она тверже гранитных глыб Мавзолея и спокойнее, чем его нескромный обитатель в последние восемьдесят с хвостиком лет.

---

[1] Ричард Рокфеллер (род. 1949) — физик и филантроп, председатель Совета директоров международной группы «Врачи без границ», управляющий трастом «Фонд Братьев Рокфеллеров».

[2] Давид Рене Джеймс де Ротшильд (15 декабря 1942, Нью-Йорк) — представитель всемирно известной династии французских банкиров еврейского происхождения Ротшильдов, сын барона Ги де Ротшильда и его первой жены, являющейся также дальней кузиной баронессы Алисы де Коромла (1911—1982).

Для решения слезоточивой задачи я отправился в туалет с остановкой у кулера. Вернулся окрыленный. Я определился со своими чаяниями. На мой нетребовательный вкус орошение щек очень бы подошло полковнику Щербакову [1], Березовскому, Саакашвили, братьям Кличко и Запашным. При этом, чем синхроннее проявятся их расстройства, тем привлекательней мне представилась общая душераздирающая картина.

Санька молча указал на телевизор. Сводка московских новостей рубанком работала по шершавой пересохшей поверхности души. Даже течение моих слез стало медленным и полноводно скорбным.

Жизнь в Москве парализована. Неизбежные пробки, брошенные автомобили, «скорые», не способные успеть ко всем страждущим, армейские подразделения, брошенные на развоз воды в больницы, детдома и дома престарелых, солдатики и милиционеры, погибшие исполняя задания, потому что где-то в цепочке произошел сбой и воду перестали доставлять тем, кто доставляет воду.

На столе запрыгал Санькин мобильный. Плохой нажал зеленую кнопку, молча выслушал, выключил «трубу» и выругался:

— Мосводоканал отключает водопровод. Еще сутки, и воду начнут выдавать по талонам.

— Что дальше? — Перед глазами всплыло лицо Моей Прелести в момент расставания — мы рванули на наши работы найти решение, но...

— Будем давить соки из чахлых растений? Выпьем кровь собак и кошек? Чтобы прекратить мучения, сбросим ато...

— Ты сдурел,— заорал я.

Решения не нащупывались. Я и Прелесть сидели в разных точках Москвы, поэтому становились гораздо ранимее. Я жаждал воссоединения, которое, как и все происходящее сейчас в мире, сопровождалось бы рыданиями.

— Я чисто умозрительно версии строил. От фитиля. По-пивонерски,— оправдывался Саня, испуганно махая руками.— Требуется план какой-то авральный сгенерировать. Надо людям незрелым помочь, а не водовозы в аренду сдавать...

— Надо.

Плохой достал маленький клочок бумаги, совершенно не подходящий для развернутого бизнес-плана «Спасение от апокалипсиса», и вывел цифру «один».

— Первое. Меня совершенно не устраивает, что будет найдена какая-нибудь вакцина.

— Почему? — удивился я.

— Потому что из очереди на укол можно такой геноцид устроить, Гитлер и Черчилль невинными детенышами панды покажутся.

Я не стал спорить.

---

[1] Полковник Щербаков — начальник американского отдела управления «С» Службы внешней разведки РФ, выдавший иностранным спецслужбам шпионскую сеть России в США.

— Второе. Любые наши научные изыскания — фуфло. Мы с тобой за всю сознательную жизнь только и научились, что перекачивать бабло из одной полости экономики в другую. Соответственно, мы способны разработать принципиальное, а не прикладное решение...

В таком духе Санька мог говорить часами.

— ...и, наконец, десятое,— он поставил цифру на очередном клочке бумаги,— мы докопались до причин произошедшего.

— Разве? — Я ошарашенно вылупился на Плохого. «Интересно, где в цепочке рассуждений я пропустил разгадку?»

— У настоящей катастрофы не может быть причин, понятных человеку,— охотно объяснял Санька.— Она находится вне причинно-следственных связей, установленных человечеством для нашей, очень незначительной части Вселенной. Пойдем и дальше логическим путем?

— Пойдем вместе,— по инерции пролепетал я.

— Чтобы нарушить образовавшуюся на планете, но не поддающуюся исследованиям причинно-следственную связь, мы должны действовать вне устаревшей системы...

Сдается мне, Саня с утра выпил много больше содержимого упрятанной под стол бутылки. Он так и полыхал вдохновением.

— ...строго вне известной нам системы причинно-следственных связей, и тогда первопричина всех сегодняшних бед будет разрушена сама собой!

Я символически похлопал в ладоши и попросил конкретнее проиллюстрировать наши дальнейшие действия.

— Все очень просто.— Несмотря на слезы, омывающие уголки рта, Саня бодро зашел на следующий демагогический виток.— Чтобы нарушить новые причинно-следственных связи, мы будем совершать поступки неожиданные и несвойственные нам. Такие, что раньше даже в голову не приходили.

— Прогрызем крышку твоего секретера? — Я указал на раритетное украшение кабинета.— Как бобры? Бреемся наголо, обматываем уши полосатой изолентой?

— Нет, это чудачество. Вполне системное решение. А нам, Игорек, необходимо разрушить систему.

Он полез в нижний ящик стола. За очередной бутылкой?

И тут в кабинет влетела Шурочка. Она и в мирное время выглядела заплаканной, а сейчас откровенно семафорила распухшими синяками вокруг глаз.

— Александр Потапович, я больше так не могу! — Она протянула Саньке бутыль с водой (не только я знал, что шеф скорее издохнет, чем поднимется с места).— Я больше так не могу! Не могу-не могу-не могу. Я увольняюсь, уползаю домой и скоропостижно умираю.

— Жалко. Я хотел завещать вам свою должность,— нашелся Саня.

Несмотря на чрезвычайные обстоятельства — прозвучавшее предложение показалось Шурочке привлекательным, и она замолчала.

— Мы тут причинно-следственные связи планеты нарушаем. Поучаствуете? — Шурочка с испугом уставилась на массивный подбородок Плохого.— Эврика! — воскликнул наш изобретательный шеф.— Созрел неплохой вариант. Мы раздеваемся, доводим себя до исступления и без помощи голоса и рук,

исключительно вторичными органами, попробуем изобразить лягушачье квакание?

Кабинет встретил слова Сани долгой знойной тишиной. Если бы Шурочка смогла, она заплакала бы сильнее. Но процесс ее слезоотделения и так развивался на предельной мощности.

— Сдается мне, в типичной сексуальной агрессии нет ничего нетипичного. Хорошо если бы вы перестали думать теми, хм, вторичными органами, которыми собираетесь квакать.

— В вашем присутствии, Шурочка, это нелегко устроить,— не удержался Саня.

Между тем Шурочка и не собиралась уходить. Саня развернул к нам монитор. В вывешенном на экране объявлении очень подробно и крайне деликатно излагалось, как собирать и утилизировать всю выплескивающуюся из нас жидкость. Санька открыл другую страницу с сухими цифрами ускорения темпов смертности и скорректированными сценариями развития апокалипсиса.

Наши растерянные взгляды обезвоживали. Мы уже искали отметки демонов смерти на лицах друг друга. Кто первый? Кто следующий?

Саня попробовал собрать стекающие с лица слезы в коробочку из-под скрепок. Мы натужно улыбнулись.

— Знали бы вы, разлюбезные коллеги, какие мэтры значатся у меня в телефонном справочнике.— Он поковырял мобильник, рефлекторно, через привычное устройство, стараясь вернуть уверенность в собственных силах.— Они не только слезы, но и «Тополь-М» на скаку остановят. И Землю без архимедова рычага перепашут...

И он открыл консультации. В начале каждой беседы Саня произносил несколько фраз, служивших чем-то вроде пароля: «А Юрьевич?», «Как твой политический насморк?», «Что Сам?» и проч.

После обмена опознавательными непринужденностями происходили беседы по существу, которые захлебывались цифрами и яростным возмущением в адрес всех и вся — безмозглых обывателей, коварных американцев, масонов, либерастов...

— А Сам представляет, насколько увеличивается нагрузка на инфраструктуру?

— Сейчас все затрещит по швам, как рельсы в московском метро...

— Все принципы общежития надо менять на хрен вместе с трансформаторами на российских подстанциях...

— ...такое количество аппаратов для обессоливания воды смогут производить только китайцы... потрясение для отечественной экономики (слово «отечественной» Саня выговорил на зависть политику любой степени вознесения).

И в этот момент его «труба» наконец сдохла.

— Только такими аргументами можно наших головастиков урезонить,— объяснил нам про «потрясения».

— А какими нельзя? — полюбопытствовала Шурочка.

— Правдивыми. Про то, что, раздав приборчики для обессоливания, мы получим не человечество, а популяцию павианов, переселившихся к океану, выставивших свои аппараты у прибоя, горько рыдающих и прихлебывающих искусственную водичку. В темноте. Занятная перспективка, а?

— Почему в темноте? — удивился я.

— Потому что аппараты потребляют электроэнергию. Каждый извлеченный литр равноценен трем часам работы самой яркой лампочки Ильича. Повторяю, возникшую проблему не решить логически-механически. Только...

Через десять минут я оставил Плохого и Шурочку старательно нарушать причинно-следственные связи Вселенной, для себя решив — вряд ли сейчас можно умышленно изобрести способ выживания даже вне рамок известных теорий. Нынешнее спасение будет выковываться непроизвольно — неосознанными движениями души.

У меня был план. Я отстучал Прелести:

«давай спокойно поплачем, пока нам не станет легче)))»

«станет?»

«слезы всегда немного искупление и утешение...»

«о чем будем плакать?»

«о той дряни, что совершили мы и не мы»

«тут ни одно раскаяние не будет достаточным. конкретней?»

«о всех бутылках, разбитых уродами на детских площадках?»

«ага. о неумении сортировать мусор. о дьявольском таланте этот мусор распространять вокруг себя»

«о неистощимых способностях говорить и думать гадости»

«а также их совершать и не сожалеть об этом»

«о кошмарной русской истории»

«и действительности. о поражениях и пирровых победах»

«о нескладывающихся судьбах»

«о равнодушии внутри и снаружи»

«об извращенном нежелании созидать»

«о неспособности остановиться и задуматься»

«о болезненной страсти разрушать. и говорить-говорить-говорить без толку»

«о несчастных детях»

«и счастливых»

В какой-то момент мне показалось — наши слезы потекли медленнее.

Эпидемия № 2

ИГОРЬ МИЛЫЙ И МОЯ ПРЕЛЕСТЬ. И ОПУСТЯТСЯ РУКИ У ВСЕХ, КРОМЕ САМЫХ БЕСПОМОЩНЫХ

Сто лет не вставал раньше семи, но сегодня список дел не уместился бы и на трехметровом свитке. Всем я нужен — Фигаро недоделанный. Жалобно всхлипывает будильник — я его подальше поставил, чтобы в сердцах не дотянуться-не урыть. Лежу — проклинаю жизнь, матерюсь, придумываю веские

причины, чтобы начать жить этот день, разлепляю глаза, стараюсь приструнить сознание, уплывающее в сонную мягкую мглу. Делаю все одновременно — человек современный я. «Я все умею, все смогу... Шууура — ребенок нежный...» (если кто не знает, это песня такая древняя, бежжубым певцом прошамканная на радость людям).

Рывком встать, качаясь доплестись до ванной...— траектория движений по моей хрущобе отработана до автоматизма. Но здесь происходит страшное. Нет, «страшное», «катастрофа», «облом» — не те слова. Не подходят и другие опереточные варианты. Ни одно нецензурное выражение даже пятиэтажной высоты и тысячной кубатуры не подойдет для того ужаса, который я испытал.

Тяжело приподнимаю тело с кровати — участвуют в этом процессе только мышцы поясницы. Да, да, да — только мышцы поясницы! Руки мои, ладошки мои, пальчики мои — вся эта хрень, что растет у человека и других менее именитых животных из плеч, безвольно болтается вдоль тела. Как плети, как сосиски, как пакля.

Сижу, кручу головой, пучу глаза в полумраке, смотрю на ручки мои рученьки. Висят сердешные, свисают болезные. Ладошки на простыне, как головки убитых змей, свернулись колечком. Мягкость какая-то, бескостность. Руки похудели, кожа местами сморщилась, местами обвисла. Ни локтей, ни хрящиков не наблюдаю. И главное, не могу потрогать это неэрегированное хозяйство. Чем трогать, если трогалки и все, что к ним прилагается, болтаются на теле как шарф?

Я резко крутанул корпусом вправо-влево, вправо-влево. Руки легко взвиваются, шлепают по бокам, пальчики безвольно проскальзывают по ногам. Теплые, мягкие, словно набитые ватой. Вновь кручусь. Клоунада, едрид-мадрид. Не руки, а ветки ивы на ветру.

Ловлю бедрами ладонь правой. Сжимаю. Агрессивно тру ее бедрами, тяну, дергаю, разминаю — в общем, действую как женщина, решившая в одиночестве побаловаться оргазмом. Только удовольствием здесь и не пахнет — волосы на голове шевелятся от ужаса.

Мои усилия не проходят даром — я чувствую руку, но как-то обособленно, наверное, как кобыла хвост. Недееспособная ладошка моя, зажатая в паху,— просто кусок мяса. Ни мышц, ни костей. Двигаться рука не может, пальцы не шевелятся. Конечности напоминают огромных дождевых червей (дохлых!) с отростками человеческих пальцев.

Я не буду описывать разноголосицу хрипнущих, обезумевших междометий, царящую у меня в голове. Истерика мыслей не мешает мне тихо покачиваться на краю кровати — сгорбившись, офигев, постепенно осознавая, что все мои инстинкты парализованы-деморализованы.

Встаю. Никогда не думал, что руки так функционально необходимы в каждом телодвижении. Обхожу кровать, бухаюсь перед нею на колени, клюю головой в соблазнительный рельеф жены, дрыхнущей под одеялом.

— Вставай,— тихо шепчу, чтобы не разбудить сына,— вставай, катастрофа, вставай, коровушка. Беда.

Надеюсь, что Моя Прелесть поможет?

Тыкаю и тыкаю в бок. Клюющий нос долбит огромного червя, вместе с моей женой покоящегося под одеялом. Зубами хватаю одеяло, откидываю — худенькая рука жены растеклась поперек пуза, кисть под немыслимым углом согнута на простыне.

Не открывая глаз, Моя Прелесть бормочет «что? что такое? сколько времени?» — вечное опасение проморгать будильник.

Ну что ей ответить? Горим? Опаздываем? — неисправимый любитель сна, сейчас она готова сгореть заживо.

— Кровь! У тебя кровь! Скорее,— безумно хриплю я.

Моя Прелесть пытается приподняться. Выглядит как мистер Бин в судорогах. Падает. Вновь пытается — вновь падает. Руки как кисель растекаются рядом с ее тушкой.

Гримаса ужаса отрезвляет ее сонное лицо. Гневно шепчу, не давая ей опомниться:

— Ноги! Спускай с кровати! Быстро! Вставай! На кухню!

Она чего-то шипит в ответ. Много отрывистых, испуганных слов. Ногой пинаю ее в лодыжку. Рысью бегу в кухню. На моем голом теле весело подпрыгивают руки и член. Жена следом — ее груди и руки исполняют немыслимые буги-вуги. Ни намека на синхронность.

Джим Моррисон нервно переворачивается в гробу.

— Сначала молчим и успокаиваемся,— командую я. Безмолвно качаемся на стульях. Покрываемся мурашками в полумраке пробуждающегося дня. Состояние отупения.

— Руки? Мои руки? Твои руки? — Первые осмысленные слова, прозвучавшие в это утро.

Я отвечаю Прелести:

— Руки.— Долгая пауза.— Болтаются. Нет костей. Как жировики. Огромные пупыри. У меня. И у тебя. Это очень-очень-очень плохо.

— И очень неудобно.— Моя Прелесть степенно кивает, словно я толково объяснил закон всемирного тяготения. И успокоил. Шмыгает носом — ага, вытереть нечем.

Встаю, клюю носом выключатель, свет безрадостно освещает наши голые организмы, боком открываю холодильник, вид еды немного успокаивает. В общем, начинаю осваивать нехитрые приемы инвалида (нос — двигатель прогресса). Психику по-прежнему травмируют дрыгающиеся, покачивающиеся, болтающиеся, мотающиеся, пляшущие конечности, ранее служившие нам руками.

Окна у меня выходят во двор соседней пятиэтажки — лужи, железные двери подъездов, кривые березки, слепые пятна окон... унылый вид, унылая осенняя пора.

Как легко оживить эту привычную серость — из подъезда напротив моего тоскливого взгляда выбегает голая старуха, плети рук исполняют джигу, отголоски всхлипываний-повизгиваний сочатся сквозь приоткрытую форточку.

— Похоже, руки отморозили не только мы с тобой,— грустно констатирую я.— Но и соседские бабушки. Это категорически осложняет обстановку.

— Почему? — Моя Прелесть озадачилась совершенно бессмысленным вопросом.

Кто нас наказал? Почему? Кто виноват? Что делать? Это сон? Как одеваться, есть, ходить в туалет? Русь, куда ты несешься? Любой круговорот вопросов сейчас абсолютно бессмыслен и бесцелен. Ситуация абсурдная. Решений никаких. Диагноз невозможен. И все-таки...

Желание убедиться, что внешний мир все еще существует, истошно сосет под ложечкой. Я бы включил телевизор, но мой трехлетний сын вчера вырвал антенну из «краба», а настроить технику сейчас сложнее, чем запустить шаттл, пользуясь исключительно утюгом, чайником и микроволновкой.

Далее я совершаю последовательность из тысячи действий, основным результатом которых становится появление мобильного телефона у моих ног на оранжевом линолеуме кухни. Еще тысячу, чтобы перенести его на стул.

Я все больше ощущаю себя обезьяной. Какие уморительные чудеса можно проделывать с помощью зубов и пальцев на ногах! Ужас, умиление, восторг, сочувствие...— гримасы мелькают на лице жены, когда она смотрит на акробатические упражнения, которые я проделываю, чтобы раскрыть свою «Моторолу». Первая лемма прогресса — носом кнопки нажимать проще, чем большим пальцем ноги.

Стою раком (голый!), ищу в справочнике телефон нашего вундеркинда Шамана.

Этот человек знает всё — какие формы бывают у снежинок, каково содержание глицина в клетках узконосых обезьян, сколько аргона в атмосфере Земли, кто и как контролировал финансы в Киеве во времена Владимира Мономаха.

Я дозвонился до него только через полчаса, упорно тыкая носом в клавиатуру мобильника, отбивая ему поклоны, мучаясь тяжелыми предчувствиями грандиозной катастрофичности происходящего. На улице рассвело. Наконец длинные гудки. Шаман ответил подозрительно быстро:

— Костя, скажи, что все хорошо,— вместо приветствий начал я.

В ответной реплике было три или четыре предложения и лишь одно цензурное слово. Смысл сводился — ничего хорошего не в настоящем и не в будущем уже не ожидает человечество. Это мягко говоря. На самом деле человечество ожидает глобальное, бесповоротное, непредотвратимое, неотвратимое торжество второго начала термодинамики, а иначе говоря — полный полярный лис.

Далее привожу смысл нашего диалога с Костей, утратившего колорит без табуированной лексики, вычеркнутой мной по этическим соображениям:

— Костя... Караул... Ты уже в курсе?.. Руки?.. У тебя то же самое?

— ... (да)...

— ...у меня и у Прелести как тряпки... бабка из дома напротив голая выбежала с такими же сосисками... по ящику что говорят?..

— С трех часов ночи вещание постепенно вырубилось. Ни радиостанций, ни кабельных, ни CNN. Юзеры оккупировали Сеть. Представляешь, как популярны сейчас блоги тех, кто умеет печатать ногами?

— Много таких?

— Почти десяток. Но из них в своем уме не более пяти. Они и образуют временное правительство Земли. Их сейчас рвут на части, чтобы они помогли законсервировать то, что вот-вот рванет. Э-эх, чуть-чуть цивилизация не доросла до управления голосом. Все насмарку. Опять начинать с каменного века. У меня десяток кило «зелени» был отложен на поездку в Перу. Так вот, *шиш* мне, а не Перу. Сейчас мир превращается в миллионы разобщенных натуральных хозяйств, в которых отсутствуют рабочие руки. Шиш, а не «зелень»! Сейчас главный капитал — не валюта, а умение чесать ногой за ухом. Это я выжимку передаю той истины, до которой люди дошли за четыре часа с начала катастрофы. Ты умеешь ногами чесать уши?

— Буду учиться. Что-нибудь непоправимое произошло?

— ...у тебя два огромных члена на плечах выросли... возбудить эти придатки пока никому не удалось... а ты спрашиваешь, не произошло ли чего-нибудь непоправимое. Произошло, братан! Ты в этом мире теперь хуже макаки.

— Я про другое. Взорвалось что-нибудь? Как красная кнопка поживает? Как себя чувствует Анатолий Вассерман?

— Дятлы в информагентствах умудряются успокаивать нас. Носом по клаве, что ли? Несколько локальных аварий. Бла-бла-бла. Ситуация под контролем. Просим соблюдать спокойствие.

— Слушай! Хоть какие-нибудь предположения есть, почему это произошло?

— Есть много версий. В самой толковой нас сравнивают со змеями.

— ???

— У некоторых змей и ящериц на жопе сохранились бугорки с костями. Вместо отвалившихся ног. И бугорки, и ноги теперь, понимаешь ли, на хрен змеям не нужны.

— Ну и?

— Ну и. Ну и. Рудиментарный орган. В человеческом теле их почти сто восемьдесят наименований. Хвостовые позвонки, аппендикс, девственная чудоплева.

— И что ж руки у нас теперь как девственная плева? Оторвешь — не всякий заметит?..

— *(вновь нецензурно)*

— Почему это произошло? — повторил я бессмысленный вопрос Прелести и добавил: — Как?

— Чего ты как маленький? — внезапно расстроился Шаман.— Ты и раньше не представлял «как». Тайны Вселенной и все такое. Сейчас случилось нечто более понятное, чем холокост, и ты обиделся. Терпи, казак, тренируй нос.

— Ты же все знаешь, Шаман. Предложи хоть каплю логики в эту бессмыслицу. Хоть одну идею, чтобы мне уговорить себя попробовать ногами натянуть трусы.

— Ладно. Оказывается, есть куча революционных теорий развития человечества, которые сейчас как говно повсплывали. Не было никакой эволюции,

понимаешь? Все в этом мире менялось скачками. Гигантскими, как в случае с ледниковым периодом, или микроскопическими — в случае отпадения ног у змей. Формируется сигнал, который транслируется...

— Где формируется? Кем? — заорал я.— Космосом?

— Спокойнее, дядя. Мы и формируем,— тихо и как-то удивленно парировал Костя. Видимо, погрязнув в сетевых баталиях, он уже проскочил многие очевидные вопросы и далеко не однозначные ответы.— Сами люди решили, что мы... нам не нужны руки,— прозвучало что-то похожее на горестное всхлипывание. Шаман плачет! — Извини, у меня десять вызовов на ожидании,— попрощался он со мной,— буду ковать светлое и доброе. А ты... успокой хотя бы Прелесть.

Он положил трубку (так же, как и я, ткнул носом кнопку? так же, как и я, разогнулся из позиции раком?).

Мне нечего ей сказать. Подруга жизни смотрит как затравленный зверь, и я понимаю — она надеется только на меня.

— Г'одители, где вы? — закричал из комнаты сын. Именно так по-взрослому называл он нас, когда готовился рассердиться или стукануть на маму или папу многочисленным бабушкам-дедушкам.

Мы припустили в комнату (Прелесть не стесняясь наготы).

Сын стоял и раскачивал свою кроватку с высокими зарешеченными бортами — мы так и не нашли времени купить ему новую.

Руками он крепко держится за поручни и улыбается во весь рот.

— Хочу пить,— ни тебе «здрасте», ни тебе «пожалуйста», и преданно смотрит в глаза.

Жена облокотилась о стенку, видимо, держится из последних сил, чтобы не упасть в обморок. От радости. Конечно, самую страшную мысль (о сыне!) мы все утро с ужасом боялись подумать.

— Привет, сынок! — А сам с бьющимся сердцем любуюсь, как уверенно он держится за кровать своими крепкими ручонками.

— Пг'ивет. Хочу соку. Кг'ичу.

А я уже думаю о том, как его могучими сильными руками мы порвем этот мир на части, как, повинуясь нашей недюжей воле и еще довольно свежим мозгам, сын возглавит наше скромное хозяйство... (колготки точно научится сам надевать... сколько их таких по всей Земле?.. двуруких малышей? теперь мир попадет в самые нежные руки... мы спасены?).

Я не рухнул под снегопадом мыслей, заметающих сознание. Сейчас самое главное... СОК!

Спотыкаясь, мы побежали на кухню, и, видит Бог, ни одна даже самая удивительная метаморфоза с нашими телами не смогла бы сейчас прервать последовательность нехитрых действий, каждое из которых (если не пользоваться руками) превратилось в цирковой номер.

Открыть холодильник, вытащить огромный (!) пакет сока, налить в бутылочку (да-да, сын по-прежнему любит хлебать жидкости из бутылочки), открыть микроволновку, поставить, закрыть, включить, открыть. И бегом к нашему могучему сыну. Потому как от него сейчас зависит ни много ни мало — существование человека на планете Земля.

Эпидемия № 3

ИГОРЬ МИЛЫЙ.

И ОСВОБОДИТСЯ ДУША ОТ ОМЕРТВЕВШИХ ПОКРОВОВ

На расчудесной моей работе придумали архинеправильный способ поощрения нашей стахановской деятельности — оформили сотрудникам абонементы на посещение плавательного бассейна в Академическом лицее.

После этого по углам нашего учреждения еще долго теплился грустный кулуарный шепот «кормчие наши поголовно кретины, наличный расчет многократно слаще».

Однако денежный эквивалент не откликался на наши тайные вожделения, поэтому раз в неделю я спросонья ковылял в бассейн, где барахтались наши метросексуалы, сексуалки и прочая нечисть от здорового образа жизни, включая ухоженных доходяг с дряблой кожей.

У своего бумажного станка они материализовывались не ранее десяти. Чем я хуже, братцы? Я и сам не прочь вместо работы поплавать лишние полчаса, а потом полдня виться вокруг немногочисленных батарей в офисе, источая запах хлорки, зажимая в кулачке невысыхающие плавки.

В общем, и сегодня, продрав глаза, чмокнув Мою Прелесть, в 6:50 на автопилоте захромал в лицей (ave, Pushkin!). Халява — не хочешь, а берешь. В 8:20 я хлебал хлорированную водичку и демонстрировал энтузиазм, плескаясь в двадцатипятиметровом лягушатнике.

Рядом бодро похлюпывал остальной наш офисный планктон.

В то утро чествование Нептуна продолжалось недолго.

Первой из воды взвилась Валя Шукшина. Она не кричала, скорее рычала — полустон, полувопль походил на то, что издают трудолюбивые порноактрисы, изображая предельный экстаз. Запрыгнув на кафель, Валя рыкнула значительно громче и бросилась обратно в воду, где принялась призывно охать и вздыхать, требуя то ли помощи, то ли утешения. По Валиному маршруту последовал полуголый менеджмент нашей фирмы. Отличался лишь диапазон издаваемых звуков.

Скоро и я ощутил причину наблюдаемых метаний. Тело мое зудело, чесалось, щекотало, словно я плавал не в воде, а в растворе шампанского, скипидара и серной кислоты. Никогда не попадал в эти ингредиенты даже по отдельности, но подозреваю — с ощущениями я угадал.

Набрал в рот водички — обожгло как спиртягой — и тут же рванул к лесенке, не задумавшись, отчего наши солнцеликие менеджеры вереща сигают обратно в воду.

Со второго шага включило — ударом кувалдой по пяткам отозвалось перемещение тяжести тела. Железные ступеньки резали ступни пополам. Упал взглядом к ногам — нет, не перерублены. Боль, однако, жуткая — тупой ножовкой по трепетавшему в стопах сердцу. По инерции долетел до бортика,

ступил на него и только тогда заорал — стопы горели. Казалось, многотонный вес тела покоится на оголенном мясе.

Полегчало только тогда, когда я очутился в знакомом растворчике шампанского, скипидара и H_2SO_4. Пусть кожа слезет к едреной бабушке, все ж лучше, чем бензопилой, кувалдой, раскаленной сковородкой по пяткам.

Стоны окружающих теряли былой надрыв, подтверждая — стремительный переход от хирургии времен Пирогова, о которой живо напомнил наш рейд на сушу, к пилингу эпохи Ксении Собчак, то есть погружению обратно в водичку, воспринимается почти как укол транквилизатора.

Вздохи обрели членораздельное звучание и проросли гневными-недоуменными междометиями. Если скрасить их вполне объяснимый пыл, получилось бы следующее: «Дорогие друзья, что за странные пренеприятные события происходят в этом нехорошем бассейне?»

Руки мои покраснели до лилового цвета и зудели словно после агрессии жадных тропических насекомых. Чесать их я поостерегся. По всему выходило — лишиться кожи сейчас проще, чем снять плавки. Кстати, о плавках. После прогулки по бортику сущим пустяком казался пульсирующий эпицентр зуда ровно по линии моего бикини.

Чтобы не думать о том, как плавки травмируют нежную кожу, которую мы обычно прячем от посторонних, я любовался всеми оттенками лилового под водой и лохматыми кочанами голов над нею. Дорожки бассейна разделили на образцовые грядки лучшие умы нашего коллектива. Водоплавающая капуста не переставала издавать различные жалобные звуки от всхлипов и причитаний до раскатистой матерщины.

Рядом со мной плавал пустой кочан дегенерата Димы Котофеева. Этот безобидный IT-шник любую тему разговора, от календаря майя до пародонтоза у бегемотов, легко сводил к своей биографии.

— Фигово тебе, лиловенький? — Я одновременно подбадривал его и давал затравку для разговора. Минут на десять словоизвержение с правого борта было обеспечено, и я скосил глаза налево — там наш PR-гений Шура снимала лифчик. Из него выпали две красные дыньки с пурпурными сосками.

Шура вскрикнула, мгновением позже охнул я — она от болезненного бултыхания в воде парных элементом женского декора, я — от того, что мой неоправданно забытый половой орган оживился и уперся головкой в обжигающую ткань плавок. После того как они полетели к борту, и я остался a-naturel, массовый стриптиз было не остановить.

Моя эрекция длилась считаные секунды — увеличение в размерах нежного детородного друга незамедлительно сделало его средоточием боли.

Конечно, обнажились не все — те, кто повизгивал громче, пока не решались приоткрыть тайны своего тела. В складывающихся условиях тайны эти стали далеко не столь завораживающими.

— Коллеги,— пронеслось над водой чуть громче гудящего фона чертыханий. Кто бы сомневался! Печенкин — наш кадровик. И здесь тамадой самоназначился.— Давайте разбираться...

— Разбираться! Яйца горят, словно мне их «Звездочкой» натерли,— сменил тему Котофеев,— однажды мама в сумеречном состоянии перепутала эту

гадость с детским кремом и мазнула моей годовалой сестре то самое место. Писк, слезы, а я, тэк сказать из солидарности, закатал милиграммчик «Звездочки» под крайнюю плоть. Наверное, у меня с тех пор в носу все волосы седые...

«Тэкс. Если мы голые болтаемся в неведомом растворчике, значит, меня надо потчевать домашним порно?»

— ...надо звать на помощь,— закончил свою гениальную, проникновенную речь Печенкин.

Последовавшая разноголосица призывов о помощи напомнила мне пылкое весеннее кваканье лягушек Мангупа [1].

Орали, причитали, кряхтели. Кто во что горазд. «Помогите», «на помощь», «караул», «есть кто живой», «больно» — если бы за стенкой прикорнули Золушка (готовая мчаться на любой зов мачехи) вместе с царем Ашшурбанипалом [2] (впрочем, вы, наверное, не знаете, кто это такой), они бы не очнулись от грез.

«Давеча я в том неуютном лифте три часа проорал, прежде чем...» — Мои воспоминания перебило хныканье Шуры:

— Она не знала, что закрыла меня, и я весь день проторчала на складе.

«Ё-мое! Котофеич-то заразен»,— испугался я, стараясь отплыть от Димы, биографически терзавшего собеседников по периметру.

На наш призыв никто не пришел, не откликнулся, не приполз. С момента обнаружения феноменальной чувствительности кожи и не менее удивительных свойств хлорированной воды прошло около десяти минут.

Громче заголосила финансовый директор у левой кромки бассейна — видимо, и ей подошла пора скидывать купальник. В отчаянии от терзавшего зуда я поднял над водой левую руку и жестоко поскреб ее давно не стриженными ногтями. Что ж, как и ожидалось, всплеск боли навылет пронзил мой организм. Не переставая почесываться, почти теряя голову, я заорал. Несомненно, большинство глаз в тот момент обратилось к моей извивающейся в воде тушке. Покричав и почесавшись вволю, я вновь застыл и оглядел свои кожные покровы. Они оставались лиловыми, но невредимыми. Ни царапины, ни потеков крови, ни обнажившегося мяса.

Этот удачный эксперимент вдохновил меня пропульпировать различные участки тела на предмет целости и сохранности — все оказалось на удивление цело и сохранно, но каждое прикосновение отдавалось нестерпимым жжением. Между тем коллеги последовали моему примеру и принялись истязать свои тела. Во власти агонии от детской почесухи они орали как стадо буйволов, бредущих к водопою, но не переставали скрести себя.

И вопли носились над водой. И звонкое эхо осыпалось с потолка.

Вдруг из мира внешнего ухнуло взрывом, стекла в бассейне вздрогнули. Наш безумный капустник накрыла тишина. Именно в этот момент я очень яс-

---

[1] Мангуп — средневековый город-крепость в Бахчисарайском районе Крыма, в водоеме неподалеку от крепости живут самые «говорливые» лягушки.

[2] Ашшурбанипал — царь Ассирии, правил приблизительно в 669—627 годах до н. э. Сын Асархаддона, последний великий царь Ассирии. Вошел в историю не только как крупный военный деятель и политик, но и как собиратель древних письменных памятников.

но осознал — происходящее здесь всего лишь репетиция к испытаниям. Главная сцена — с внешней стороны нашего аквариума.

— Друзья,— бросил над водой клич молодой СБ-шник Женя,— мы не можем оставаться заложниками в этом пруду. Надо...

Он не договорил — с нескольких сторон на него уже обрушилось ироничное «сам иди», «слава богу, хоть один эксперт по тарелочкам выплыл»...

— Надо снаряжать гонца,— поддержал авторитет Женьки Печенкин.— Если нет добровольцев с высоким болевым порогом, давайте кинем жребий.

«Ага, сейчас на потеху всему сущему сплывемся в кружок и будем тревожить ноосферу играми в „камень, ножницы, бумагу"».

— Однажды мы кидали жребий, кому идти за...— начал новую историю Котофеич.

Доведет он меня до самоутопления!

— Порожки у меня низенькие,— сознался я окружающим поплавкам и торопливо забубнил дальше, чтобы Дима не вклинился повествованием о собственных стенах, потолках, амбразурах в чердаке.— Но у меня семья где-то по суше гуляет. Неспокойно мне за них и за прочий честной мир. Если удастся добрести до менее обнаженных и более активных хомо, меняйте абонемент на прибавку к жалованью!

Последнее лично Печенкину — мантры о деньгах лучше всего укрепляют веру в незыблемость мироздания.

Под скорбные взгляды я медленно поплыл к бортику. В этот раз не было ни малейшего желания пользоваться ступеньками.

Безумства, которые мне предстояло совершить, самоубийственны при нынешней чувствительности. Но если взялся за гуж на виду у сорока глаз, двадцати языков, да и про уши не следует забывать, не забудь, что ты Муж.

Главное, одним духом совершить побег из лягушатника — наиболее мелкой части бассейна. Руки схватили бортик, дернули меня вперед, ноги нащупали приступку под водой, оттолкнулись. Пронзительно выругался от боли уже в воздухе.

Очнулся от сонма предположений и предложений, которые долетали из бассейна. Я распластался на мокром кафеле, кожа в местах соприкосновения с ним горела адским огнем. Коллеги спокойно обсуждали, надо ли мне подсобить, жив ли гонец и следует ли посылать следующего.

«Тэкс — жалованье должно быть троекратно увеличено. За моральный ущерб. Если выживу».— Я без особой надежды напрашивался на удачу, осознавая безвыходность ситуации.

Когда жжение достигло тех пределов, за которыми приходит нирвана с косой, я вскочил. По щекам катились слезы. Я очень надеялся, что из-за моей взъерошенности, щиплющихся капелек воды, бороздивших мое тело, и, в первую очередь, абсолютной обнаженности до остальных слабостей никому нет дела.

Я простоял не менее минуты, испытывая прежние незабвенные ощущения, что меня поджаривают.

Когда в горле забилось отчаянное «боль не утихнет», «легче не станет», «муки выжгут разум», я сделал шаг и застыл. Ощущения повторились —

взрыв боли, медленный переход в пульсирующее жжение, которое терпеть невозможно. Еще шаг. Аплодисментов моему исполнению «оргазма Робокопа» я не услышал.

— Нам нужно как-то поддерживать с тобой связь. Голосовой контакт! — проорал Печенкин мне в спину.

Я не потрудился повернуть голову, но ответил громко:

— Пусть Димас скандирует мое имя, чтобы я не забыл о нашем дружном коллективе. Постараюсь отвечать.— Представляю, как автобиографично развернется Димас в паузах — капут нашим изможденным рыбкам.

Я шел к ближайшей двери — входу в VIP-сауну. Мое путешествие в десять шагов вместило в себя столько времени и вспышек боли, что я, наверное, покрылся морщинами даже в подмышках. Снаружи прогремело еще несколько взрывов. Я ускорился, насколько мог,— встречайте, ваш незабвенный робот Вертер. Он вновь нуждается в смазке и нетрадиционной механической медицине.

«Кого мне искать здесь? В это время в бассейне трутся только охранник и уборщица. Возможно, администратор. Или сразу на улицу? Судя по канонаде, появление моей голой субстанции не произведет фурор, не станет столь же сенсационным, как прежде».

Я толкнул дверь в сауну, соприкосновение пальцев с дверью — словно я дотронулся до раскаленного металла.

«Вот они, голубчики».

В центре комнаты отдыха на огромном матрасе покоились голые тела охранника, уборщицы и администратора — при моем появлении три головы шевельнули глазами в мою сторону.

Приветствий не последовало. Я дерзко осмотрел выложенный передо мной срам.

— Почему не откликнулись на призывы? — строго спросил я. Охранник ответил хрипло, почти шепотом:

— Мы в первую минуту. Когда накрыло. Так орали. Глотки в ноль сорвали.

— И ни одна сволочь не пришла,— прошептала администратор (огромные капли веснушек по вялой коже, рыжие заросли на лобке). Молодая уборщица-нимфетка (я давно с вожделением наблюдаю ее в этом заведении — плоская, худая, поджарая, несчетные проколы для сережек на теле) согласно застонала.

— Известия из внешнего мира имеются? — спросил я — отрицательно качнулись соски рыжей. Заштопанное тело уборщицы даже не дернулось. Зато она хрипло прогнусавила:

— Когда защипало, мы здесь тусовались. Вчера олигархам новый матрас доставили. Для отдохновения и разврата. Двести тыщ стоит.

— Двести тыщ! — возмутился я, наблюдая ошметки упаковки, которую любопытные шудры раздраконили и разбросали вокруг.

— Ну и как вам гламурная перинка?

— Жжется,— пожаловался охранник.

— Ох и попадет вам! — Я попробовал вселить надежду в перспективу пусть и несправедливого, но привычного хода вещей.

Троица виновато застонала.

— Где пульт? — продолжил я допрос, меряя хоромы по-вертеровски скупыми движениями. Народ безмолвствовал. По какому-то невидимому сигналу они перевернулись на животы, открыв мне лиловые... ну и спины тоже.

Чтобы найти пульт, потребовалось десять шагов и столько же минут. Привычный мир отыграл последние траурные фанфары и кончился, когда по Первому каналу я увидел Арину Шарапову с искаженным лицом и в тонкой прозрачной сорочке.

Несколько сказанных ею предложений прорезали новые глубокие борозды в моем головном мозге.

«...внезапная чувствительность всех основных рецепторов... симптомы обнаружены повсеместно... власти пытаются создать наиболее комфортные условия для детей и престарелых... движение транспорта, экономическая, политическая и прочая жизнь парализованы... авиа- и автокатастрофы... обращения и призывы не поддаваться панике и содействовать... условия чрезвычайного положения...»

Я видел, как ей больно. Морщась, поблескивая глазами, она стоит перед телекамерами — пятидесятилетняя измученная женщина без макияжа. Горят ноги, зудит тело, но она не выходит из-под прицела, потому что эдак посеет еще большую панику, потому что от того, как она продержится перед зрителями, зависит, хм, наверное, зависит чуть ли не жизнь на Земле.

— Игорек!!! — надрывался Димас.

Кто-то нашел в себе силы управлять телекамерами, несмотря на то что каждое прикосновение к ним обжигает, как мексиканский сериал. Кто-то сейчас держит штурвал самолета.

— Милый!!! — хором пытались докричаться до меня мои водоплавающие коллеги. Милый — это не выражение коллективной любви. Это моя фамилия.

Видимо уже теряя сознание от боли, Шарапова сменила тон с официального на доверительный и тихо, почти умоляя, проговорила:

— С этим надо жить. Каждую секунду. Раньше люди больные, некрасивые, инвалиды терпели свои недуги. Душевные, физические. Часто незаметно. Мучаясь, преодолевая. Ежедневно изыскивая силы, чтобы продолжать существовать. Мы редко их замечали. Еще реже понимали. Теперь боль одна на всех. И её очень много. Одинаково невыносимое страдание. Возможно, этим мы стали похожи и ближе...

Через несколько секунд Шарапову сменила Екатерина Стриженова в белом балахоне и с заплаканными глазами. «Женщины как всегда спасают мир».

Далее простой, почти большевистский план: телефон, бассейн, агитация.

Сначала звонок Моей Прелести, потом возвращение к истосковавшемуся менеджменту. Построить пять—десять вдохновенных фраз по телефону, потом в гулком зале бассейна. Людей необходимо учить страдать, жить по-новому. Людей необходимо заставить согласиться с тем, что мучения — неотъемлемая часть их судьбы. И морфину на всех не хватит.

А я смогу смириться со сквозняком, который словно сдирает кожу с лица. Смогу, как Русалочка, терпеть каждый шаг, кинжальной остротой пронзающий ноги, потому что теперь душа моя открыта. Я снял с нее забрало, очистил от коросты, переключил на обостренное восприятие чужого страдания. Всё

для того, чтобы хоть немного компенсировать физическую боль болью душевной. Чтобы сердце, а не рецепторы кожи жгло при виде горя, в которое погружается наш мир.

Воздух пощипывает не мою лиловую кожу, а мои обнаженные нервы, которых касается все, что происходит на свете. Чужие чувства, чужая боль... теперь, наверное, уже менее чужие?

Эпидемия № 4

ИГОРЬ МИЛЫЙ.

ВСЕ, ЧТО БЫЛО НЕ С ТОБОЙ, ПОМНИ

— Жуть какая! Я ведь то же самое помню. Первый стрелец, Гаврила, поклонился степенно. Он один на колени не встал. Что-то басом мне рокочет. Укоризненно. Но я ничего не понимаю. В глазах все прыгает.— Я закрываюсь от Быкова, от мирной уютной кафешки веками, и тут же передо мной выныривает бородатое, серое лицо Гаврилы. Изображение дергается, то тут, то там расплываются ярко-колючие разноцветные пятна.— Надеюсь, этот кошмар закончится и никогда не повторится.

— Шея на плахе точно ствол баобаба,— поддакивает Быков, глаза у него становятся как мячики для тенниса (большого, разумеется).— А крови мало. Он хоть и огромный как дуб, этот стрелец, но высохший какой-то. Я еще трех помню. Те пожиже оказались. Юшки, правда, поболе хлестало. Плешивого я только с четвертого раза перерубил. Визжал, пока голова на кусочке кожи не повисла. Потом пелена и ужас. И все время кто-то под локти хватает. И кровь в лицо брызгает.

Меня затошнило — как вынести то, что и я, и Быков — вполне мирные служащие, не можем расстаться с общим на двоих воспоминанием о казни 10 октября 1698 года [1], в которой мы принимали самое непосредственное участие. В роли Петра Алексеевича — нашего общего немилосердного предка!

Перед глазами, зевая черным беззубым ртом, катится на землю окровавленная плешь. Сердце пытается пробить грудную клетку.

— А Балтику помнишь? — перевожу разговор я.— Лысого скомороха, который меня утопить пытался? Вода обжигает, душа отходит, скоморох как выдра ногтями царапается. Я душу́ его. Душу́! Но не прекращаю свой вечный спор с Богом. Требую предъявить доказательства существования. Все еще не верю!

---

[1] 10 октября 1698 года в Москве начались казни участвующих в восстании московских стрелецких полков, вызванном тяготами службы в пограничных городах, изнурительными походами и притеснениями со стороны полковников. Всего было казнено около 2000 стрельцов, биты кнутом, клеймены и сосланы 601 (преимущественно малолетние). Пятерым стрельцам Петр I отрубил головы лично.

— Петрууууха, то есть, тьфу, братууууха,— в который раз уныло стонет Быков, в который раз судорожно оглядывается. Аналогичный минор в его блеянии звучал минимум девять раз, когда мы находили общие воспоминания, на которые Быков неизменно реагировал дрожащим «сеструууууха», «братуууууууха», «баааааабууууляяяа»...

— Папа я тебе, мама, теща и свекровь,— не соглашаюсь. За предыдущий час мы убедились — родственные связи между нами можно смоделировать в любой последовательности и изощренности.

Мы сидим в сердце Москвы, в стекляшке напротив памятника Высоцкому. Можно не бояться возмездия тех, кого мы удавили, зарезали, застрелили, отравили. Современники также не уличат, не покарают нас за многочисленные казни, кражи, поджоги, изнасилования и убийства. Окликнув любого встречного, мы с вероятностью 56% обнаружим тестя, кузена, баааабууулюуу. Или...— далее список на 150 всевозможных единокровных персон.

Значение вероятности вычислил не я, а знаменитый российский генетик Ковалев, на вчерашней трехчасовой пресс-конференции фонтанирующий идеями, как пережить внезапно проявившуюся функцию головного мозга и не сойти с ума. Точнее — не сойти с ума и выжить.

Несмотря на его оптимистичные советы, весь мир, и я с Быковым в частности, с ужасом встречаем возвращение исторической памяти. Поутру два дня назад у всех зрелых homo sapiens начал функционировать блокированный ранее отдел головного мозга — полноценный носитель генетической информации, передаваемой волновым путем. У нас появилась «счастливая» возможность озарять жизненный путь, не всегда богатый героическими и эротическими событиями (из уважения к присутствующим я не использую эпитетов «скудный» и «скучный»), воспоминаниями умерших родственников любой степени кровного родства.

Вызвать озарение не сложнее, чем перепахать личную поистершуюся память на незначительной хронологической глубине. Шагать через тысячелетия стало проще, чем припомнить события трехнедельной давности.

— Ковалев считает — дети до шестнадцати не могут овладеть техникой озарения.— Быков догадался, что я погрузился в себя и не вслушиваюсь в шуршащие по кафе радионовости. Он увлеченно их пересказывает (лишь бы отвлечься, сдержаться и ради новых впечатлений не нырнуть вглубь веков).

— Одна из самых высоколобых версий — сразу после смерти физической оболочки ее воспоминания перемещаются ко всем носителям сходного генетического материала. Какой-то общий ген — Ковалев назвал его непроизносимой абракадаброй,— имеющийся у всех родственников, постоянно семафорит о себе своим дублям. Туда-обратно, туда-обратно. Эти шифровки накапливаются, складируются, встраиваются в ДНК, потом передаются по этапу. Сформировался этот процесс в неопознанный пока этап эволюции человека. Ориентировочно на рубеже тысячелетий. В ночь перед казнью Иисуса нашего,— коряво пошутил Быков и шумно икнул.— Глубже гибели Помпей пока никто не заглядывал... Viva la Мебиус!

«При чем здесь Мебиус?» — думаю, снова опускаю веки и плыву.

Нужно просто закрыть глаза, сосредоточиться и отчетливо представить то, чего нет поблизости, а еще лучше то, чего и быть не может (запах горелого снега, например, или слезы, текущие по абстрактно миловидному лицу, ржавый серп, воткнутый в синий ростовский мандарин, грудь Анджелины Джоли, разминаемую лапами Валуева), и память услужливо швыряет туда, с чем (по ее мнению) имеется у воображаемого наибольшая связь.

Поскольку абстрактная, но чем-то примечательная грудь и прочие женские атрибуты стали у мужского населения распространенным ассоциативным ключом, всплывающие для общего обсуждения факты часто имеют определенный уклон. Не ясно, в связи с чем, но воспоминания о «кровавых драмах прошлого» столь же часты, как и альковные.

Из того, что успели просуммировать за прошедшие часы, презабавно вырисовывается катастрофическая недоисследованность наших корней — реальное историческое полотно покрыто неуютными бледными пятнами и выглядит совершенно не так, как представляли официальные и не официальные историки.

Конечно, общую картину еще предстоит собрать, но то, что ежеминутно извергается на поверхность, шокирует сильнее совместной выходки бен Ладена, Жириновского и леди Гаги (случись им организовать совместную акцию).

Мату Хари изнасиловали перед расстрелом, ночью с 24 на 25 января 1825 года Милорадович дважды встречался с Трубецким, Даниил Холмский был женщиной (!), Салават Юлаев бежал из Рогервика, Мария Бочкарева, идеолог женского «батальона смерти»,— родственница Жанны д'Арк и Дуровой, а также девственница, оливье (без картошки!) придумал граф Варвик, и было ему при этом всего тринадцать лет, капитан-лейтенант Г. Г. Белли сочинил более пятидесяти потрясающих эротических рассказов, но они сгорели вместе с его усадьбой, Адашев таки умер собственной смертью, буддисты никогда не захватывали Чанган, сикарийцы в Масаде не резали друг друга, сражения гвельфов и гибеллинов на самом деле были серией дружеских, но агрессивных попоек, а Ленин с Арманд ни разу не доигрались до коитуса...

Впрочем, обнаруженные сенсационные факты из жизни королей, князей и падишахов стараются до всесторонней проверки не афишировать... хотя какая тут всесторонняя проверка, когда я сижу в стекляшке на Страстном бульваре и одновременно помню, что Карл IX (получается, капли его роковой крови текут и в моих жилах) не давал указания, не намекал резать еретиков в Варфоломеевскую ночь, а Тамерлан (еще один родственник, блин) в Ельце самолично выколол глаза сотне пленных русских.

Второй день людей трясет от путешествий в бездны истории. Навскидку получается — состоявшиеся жизни наших родственников переполнены исключительно кровью и сексом. Впрочем, чему удивляться — это самые яркие воспоминания человечества. И пока они чаще всего будоражат обернувшиеся к истокам сознания.

— Ковалев предупреждает — открывшаяся зона головного мозга не пассивный паноптикум. Воспоминания активно встраиваются в наш разум. Психика меняется. Дружба с головой прекращается. Впереди разгул анархии, пре-

ступности и шизофрении. Нам нужно как-то продолжать существование с тяжелым наследием предков!

Несгибаемый борец Быков закончил доклад и сверкнул невольной слезой.

Я бы упомянул и другую опасность — обостряющуюся жажду побега в прошлое. Зачастую ТАМ интереснее. К понравившимся сюжетам можно возвращаться снова и снова, увеличивая степень детализации ощущений. Можно нащупывать в веках новые приятные впечатления.

Покорившись желанию, ныряю в одно из первых своих воспоминаний, когда меня навестила Марина Цветаева с незнакомкой в маске Пьеро. Я не успеваю полистать нашу эротическую вакханалию, как меня передергивает от брезгливости — в той же позе, что и страстная подруга Марины, подо мной разложено тело юной, но беззубой и очень грязной азиатки. Вокруг не ароматические свечи и зарисовки Рериха, а покачивающаяся под напором суховея юрта. Еще мгновение, и я почти полностью перевоплощаюсь. Воспоминания о славной судьбе К. П. Кауфмана [1] текут как из рога изобилия.

— Я позвонил всем нашим. Объявил общий сбор.— Быков выдергивает меня на поверхность реальности.— Народ очень даже готов обсудить, как прогрессирует апокалипсис. О сколько нам открытий чудных готовит просвещенья дух.

Когда в работе всех мировых бирж наступил перерыв, а государства одно за другим объявляют чрезвычайное положение, для простых российских тружеников наступает пора бессодержательного, но увлекательного трепа.

Быков перечисляет признаки конца света, промежуточный итог которого — превращение человека в параноика или вздрагивающую сомнамбулу, отягощенную-одержимую воспоминаниями о форсировании Днепра в сорок третьем, сражении на реке Шелонь, избиении армян, Освенциме или аутодафе с собою любимым в главной роли.

Вот и у меня перед глазами покойный родственничек Милошевич. Сижу, вспоминаю, какие козни плелись вокруг меня в последний год жизни. Хоть мемуары пиши. Увы, подобные откровения сейчас каждый может стряпать.

К вечеру подтягиваются наши. Серые круги под глазами столь же выразительны, как у любого землянина в этот исторический для планеты период. Все мы блуждаем по прошлому. Все мы больны им.

— Братцы! Рюриковичи среди вас есть? — К нашему столику приближается заплаканный юноша.— Нибелунги? Или Хлодвиг, будь он неладен? — печально интересуется он.

— Еще один родню ищет,— недружелюбно шепчет Колючая.

А парень продолжает перечислять и сетовать:

— Гаральд Синезубый, весло ему в дышло? Хальвдан Щедрый на золото и Скупой на еду? Харальд Прекрасноволосый? Эрик Кровавая Секира, пусть испарится его семя?

---

[1] Константин Петрович Кауфман, 19 февраля (2 марта) 1818 — 4 (16) мая 1882, Ташкент — русский военный деятель, инженер-генерал, генерал-адъютант. Туркестанское генерал-губернаторство и город Ташкент обязаны К. П. фон Кауфману многим, в том числе созданием городской думы и организации Публичной библиотеки (сейчас — Национальная библиотека Узбекистана имени Алишера Навои).

— А может, вендетту хочет устроить кровавым датчанам? — сеет Колючая новое предположение.

— Бурбоны, Романовы и Валуа,— скромно признаюсь я, чтобы прервать генеалогическую скорбь юноши.— К счастью, мы с вами пока не родня.

— Монтесума и Чаит Синга,— объясняет свои черные волосы Галя, несменная боевая подруга Быкова.

Парень извиняется, уходит к следующему столику.

— Хорошо, что человечество не укоковоно в кокон всеобщих человеческих связей,— буркнул Колючий, который уже успел похвастаться родословной — евросоюзной солянкой из Геббельса, Шалтая-Болтая (Ричард III) и французских королей-волосатиков (Меровинги).

— Итак,— начинает заседание Быков,— мы готовы принять вызов эпохи.

Он хмуро и несколько свысока оглядывает присутствующих за сдвинутыми столами: вашего покорного слугу Гошу Милого (потомка славных королевских фамилий), Колючего и Колючую, Палыча, Галю, а также бунтаря-центропуписта и безработного нахала, но все-таки нашего друга Шамана (в прошлом поэта-висельника Вийона).

Не исключено, в жилах Быкова сейчас бурлит кровь Аттилы и нескольких поколений красных директоров.

— Мы вспомним все. Нам станут ясны мотивы преступников и палачей. Систематизируем, классифицируем, научимся жить с неудобным сюрпризом нашей физиологии. С нашей безмерной памятью! — провозглашает он.

— Ага, научишься здесь.— Колючая окатывает Быкова горьким скепсисом.— Сколько ни закрываю глаза, тут же сомнительной радости озарение — на мне дергается очередной павиан. Я теряюсь, что мне суммировать?

— Сейчас людей от самоубийств спасать треба. Мир захлестнула волна насилия...— важно поведал общеизвестную новость часа Шаман.

Мы бы еще долго играли в пинг-понг мнений-предложений-забот, если бы не события, перевернувшие замершую в тревоге, но все еще понятную нам реальность.

Со стороны Большой Дмитровки в сторону Петровки выдвинулась группа беспорядочно вооруженных людей. Человек двадцать пять — тридцать. Кто-то пил пиво, кто-то палил в воздух, кто-то по окнам. Страстной бульвар поразительно быстро наполнился гоготом, воплями, треском выстрелов, воем сирен.

Два дня исключительной, беспрецедентной пассивности властей, и результат налицо — самый мирный город на Земле можно за полчаса поставить на уши.

Я сразу понял — эти люди сами не знают, что делать. Объединились хаотично, бесцельно вооружились, возможно, закупили продукты на месяц вперед... Теперь готовы выплескивать скопившийся ужас, смятение и негодование.

На углу Петровки группа остановилась, загомонила. Несколько человек бросились в ближайший дом, несколько в нашу стекляшку. Вошедших украшали улыбки до ушей и пээмы в руках. Долговязый боевик в брекетах и дрэдах пальнул в потолок и радостно завопил:

— Еды восставшим братьям соберите! О несчастные потомки Люазо и Вателя!

— Еще один поэт,— бурчит Колючая,— Шаман, твой профиль.

На кухне засуетились, а я не без интереса наблюдал, как «восставшие» выбрасывают из окон соседнего дома мебель, как мостырят баррикады, как опасливо крутят мигалками автомобили милиции и «скорой помощи», застывшие до неприличия далеко. Машины, гудящие в пробке вокруг стремительно растущей свалки мебели, делают попытки развернуться с места событий. Относительно свободное направление к Тверской какие-то олухи тут же безнадежно закупоривают аварией.

Сигналят, в основном, те, кто находится далеко от вырастающей баррикады и расхаживающих на ее вершине головорезов. У большинства ближайших автомобилей превентивно выбиты или прострелены лобовые стекла. «Восставшие» с хохотом переворачивают застывшие у перекрестка машины. Им не мешает бурный аккомпанемент рук владельцев.

— Против чего бунтуете? — задает вопрос с места Шаман.

— Против несправедливости, коварства истории, повышения пенсионного возраста и засилья чернухи на ТВ,— отвечает поэт поэту, театральным жестом вручает ПМ своему компаньону, а сам подхватывает собранные для него пакеты с едой и выпивкой.

— Грабь награбленное,— призывает напоследок присутствующих и удаляется.

К несогласным с несправедливостью и чернухой присоединяются все новые и новые бессмысленно беспощадные кадры. Видимо, по-прежнему чуткое к погромам московское население непроизвольно тянется к центру города, вызывая отток на окраины других, не менее чутких.

Через полчаса в округе не остается целых окон, зато прибавляется порезавшихся и раненых. Наша команда пересаживается в мертвую зону стекляшки. Туда не могут долететь пули с бульвара. За окном ревет броневик. В кафе залетают чайники из дивизии Дзержинского, гремят «калашами», бешено орут матом и убегают.

«Восставшие» словно и не боятся штурма. Выходят из-за укрепленных баррикад, расхаживают по щедро оцепленному бульвару, орут песни, прикладываются к бутылкам с горячительным, помахивают оружием в стороны мечущихся по периметру солдат внутренних войск.

По крышам лазят целые стада в хаки. Периодически оттуда низвергаются усиленные мегафоном скороговорки, однозначно победившие бы на любом психологическом конкурсе объявлений для террористов-анархистов-глобалистов. Всем бунтующим предлагается разойтись. Усыпляющий, подавляющий волю эффект текстов мы чувствуем даже на себе. Тянет уйти через задний ход стекляшки, отправиться домой и вздремнуть. Но только без снов!

Я с содроганием представляю, как шквал огня обрушивается на гопоту московскую, загипнотизированную московскими психологами, одурманенную суровым и несправедливым прошлым. Однозначно, воспоминания погибших в этой бойне будут вполне соразмерны жестокости обрушившейся на нас памяти.

— Они не уйдут,— громко предупреждает своих спутников остроносый мужчина в штатском. Группка выглядывает на улицу из противоположного угла кафе.

Предостерегающие интонации, проносящиеся над бульваром, приобретают все более угрожающие оттенки. Толпа за баррикадой отвечает бравадой и оскорблениями.

Спутник остроносого (неловко маскирующийся военный) злым шепотом настаивает на штурме.

— Уже нельзя,— громко и недовольно парирует чиновник (я узнаю его, но называть не стану — подписка-с о неразглашении-с),— как только кто-нибудь из них умрет, воспоминание об этом станет самым ярким у сотни тысяч его родственников. И они тоже выйдут на улицу. Граждане бастующие, видимо, неплохо это понимают.

Я подползаю:

— Здрасте всем. И вы это так оставите? Самотеком? — не верю я.

— Наверное, нет,— гуру российской демократии решительно рвет с себя плащ, требует у военного табельный «макаров»,— пепел Че Гевары постукивает и в моем сердце.

— *** Юрьевич,— дергается к остроносому прилизанный холуй из группки,— так нельзя. Необходимо комплексное решение. Стратегическое...

Если бы не субординация, прилизанный, наверное, схватил бы гуру, прижал к себе, защитил от пуль.

— Рискнуть бы и расстрелять тебя по закону военного времени,— цедит гуру.— Вдруг ты сирота метафизическая.

Потом он объявляет военным:

— Все, кто не отмщены, все, кто не отомстил, рано или поздно выйдут на улицы. Нас обманывали, насиловали и убивали. Мы казнили, предавали и воровали. Тут,— он стучит по черепушке,— пухнет осознание кошмарной несправедливости произошедшего и происходящего. Вокруг нас четыре миллиарда непростивших и непрощеных. Скоро половина из них будет держать палец на курке, нервно озираясь и изнемогая от желания отомстить всему миру.

Остроносый выходит на улицу. Уже не пригибаясь, я следую за ним, прокручивая в голове одну и ту же картину — пьяные мужики (один из них криво ухмыляется, другой направляет маузер мне в живот...) в упор стреляют в меня и моих детей.

Пока иду к баррикадам, я уговариваю себя простить то, что простить невозможно.

Иначе рано или поздно меня сомнет, поработит изматывающая душу бездна открывающихся маршрутов глубиной минимум в два тысячелетия. Испепеляющая жестокость ожидающих ТАМ открытий превратит меня в машину мести или беспомощного аутиста.

Пусть хотя бы на следующем круге этого кошмара, что историей нашей зовется, я стану немного милосерднее и терпимее. Пусть я бескорыстно прощу толику открывшейся нам мерзости. Прощу хотя бы этого, с маузером...

Эпидемия № 5

КОЛЮЧИЙ И КОЛЮЧАЯ. И УВИДИШЬ ТЫ ПУТЬ СВОЙ, И НЕ БУДЕТ ТЕБЕ ПОКОЯ

(При написании рассказа не пострадала ни одна дюна)

— Зачем ты насыпал мне песок в трусы?

Когда Колючая задавала этот вопрос, на ее лице все еще дремало безмятежно беспомощное выражение, глаза были прикрыты, губы корчились в бессмысленной ухмылке.

Я запустил руку под одеяло — трусы на Колючей отсутствовали, что искренне меня радовало и побуждало к действиям. Моя боевая подруга редко позволяла себе это причудливое излишество.

— Насыпал и съел? — брякнул я первое попавшееся и крепко чмокнул Колючую в висок. Сегодня требовалось приложить максимум усилий, чтобы быстрее исполнить многочисленные ритуалы утреннего вставания и поспешить жить наш последний день на Куршской косе. Мы добрались сюда три дня назад и, одурев от очарования, стремились заглянуть в самые укромные уголки полуострова — благо их здесь немного.

Сегодня нам предстояла велосипедная прогулка.

— Извращенец. Мне песчинки попу натерли,— окончательно просыпаясь, пожаловалась Колючая,— пока обратно ехали, я почти на седло не садилась.

И тут она широко распахнула глаза. Опускаю рассказ о затрудненном утреннем функционировании черного ящика головы, в котором сношают, распинают, сушат, переваривают, реже понимают явления мира внешнего.

Эротическую прелюдию к осознанию загадочных фраз Колючей мы выполняли несколько минут. Много дольше продолжался дикий ступор от факта, что наша потрясающая велосипедная прогулка легко вспоминается как нечто состоявшееся. При этом — она имела место быть не в прошлом, как подразумевал бы нормальный ход вещей, а в будущем!

Сегодня, точнее через полчаса, если от удивления навечно не запотеем в кровати, мы отправимся к центру Ниды — литовского городка, где мы лежим и стремительно офигеваем, возьмем напрокат велики и рванем к дюнам.

Мой мозг затопило воспоминаниями о будущем — я вспомнил, как мы обрушиваем горы мелкого песка, течем в его водопадах, промелькнули красные трусы Колючей, потом ее попка на пляже, щедро оттопыренная скупому балтийскому солнцу, шум прибоя, истошные крики чаек. Среди прочего хлама в чердаке отыскался даже образ узенького седла, о которое она этой попой терлась, отголоски запаха вечерних сосен на обратной дороге в Ниду и марки велосипедов.

— Я помню — завтра мы уедем в Калининград,— грустно поведала Колючая. Уверен, и мифические 300 спартанцев, и герои-панфиловцы, и бойцы осажденного римлянами Карфагена или Моссада с бóльшим энтузиазмом представляли будущее,— билетов до Москвы уже не будет.

— Отлично. Тогда двинем в Калининград сегодня! — Я попытался окончательно не потерять голову. Наверное, поэтому схватился за нее обеими руками.

Колючая задумалась. Я тоже стал прочесывать линии наших судеб. Воспоминания переосмыслились как по заказу — велосипедная поездка не состоялась. В сознании она сохранилась как яркое кинематографическое переживание из серии «то, что было не со мной...».

На поверку сегодняшний день теперь имел совершенно иное наполнение — мы двинули на автобусе в Калининград и, не доезжая до города, попросили выгрузить у ближайшей к аэропорту развилки.

— Ты тоже помнишь, что мы будет голосовать минут сорок?

— Караул,— обреченно ответил я,— ты два раза в кустики ходила... сходишь. Билетов и сегодня не будет. .

— И сегодня, и завтра,— хрипло признала Колючая и затравленно посмотрела на меня.

Уже привычно я стал вспоминать наши будущие приключения в случае иного развития событий. Например, мы плюнем и останемся на Куршской косе еще два дня. Сегодня велосипедная прогулка, завтра обжигающие балтийские волны, дождь, существенное снижение курса евро... Воспоминания преображались со скоростью мысли.

— Послезавтра снова не будет билетов.— Голос Колючей дрожал. Она стойкий оловянный солдатик, но еще немного, и роль Кассандры заставит ее визжать и кусаться.

— Что бы это значило, дорогая редакция? — спокойно поинтересовался я, словно вопрос праздный, риторический, и речь идет о незначительном колебании курса валют или очередных массовых волнения на Украине.— Сколько дней ты можешь вспомнить?

— Дальше третьего не лезу. Предлагаешь отправиться к себе на похороны? — прохрипела Колючая.

— Давай не будем торопиться. Мне и на трехдневном пятачке неуютно. Постоим, осмотримся, отправимся дальше.

— Никуда не хочу двигаться. Хочу назад в прошлое.

Через минуту, дрожа от холода и дурных предчувствий, мы всматривались в проясняющийся экран старенького «Шилялиса». Российские каналы пребывали во власти передач, записанных в допетровскую эпоху. Лента новостей протекала на литовском, увы, неизвестном нашим голым организмам.

Однако щедрая мимика телеведущих поведала о многом. По всему выходило — студия охвачена переполохом. Пробегали люди, хаотично менялись кадры, на столах перекладывались листочки. Розовощекий литовец в ящике мутировал на глазах — дрожащей рукой хватался за наушник, быстро-быстро хлопал глазами, семафорил красными пятнами. Неуверенное «э-э-э» в речитативе повторялось все чаще.

Онемев, мы вслушивались во вздохи басурманского языка, не понимая ни слова.

Наконец, новости прервались бесконечным сюжетом о хромом слоненке — картинка по безмятежности сравнялась со всеми остальными каналами.

— Если в телевизоре слонята и бобрята, значит, все кинулись делать бабки,— резюмировал я. На вопросительный взгляд Колючей добавил: — Идиоты побежали играть на бирже, благоразумные — вытаскивать деньги из банков и покупать соль.

В сумке у Колючей заплакал мобильник. Ее кивок означал — «сил нет, возьми сам». Оказавшийся в трубке отец лаконично поведал:

— Дело в том. Если я пойду сейчас за картошкой. То. Вы вернетесь через два дня. Если не пойду — через пять.— Он у меня фантастически рациональный человек.

— Ну что ж, не ходи,— предложил я.

— Но картошка-то нужна,— резонно возразил отец.

Впрочем, можно было предположить, что для себя он все давно решил,— у родителей остался наш трехлетний сын,.поэтому ради нашего возвращения они не будут ни есть, ни пить.

— Мама в шоке? — поинтересовался я о ее обычном состоянии.

— Совсем кукушка съехала,— грустно подтвердил отец.— Сидит перед зеркалом и разговаривает: «А если я, например, сегодня не поеду на работу? А если я позвоню Онищенко? А если предположить, что это мне снится?»

— Значит, у вас ничего не изменилось,— обнадежил я и отключился.

— Сегодня мы сможем улететь,— не открывая глаз, из прекрасного далека сообщила Колючая.

— Не гадай на кофейной гуще. Будущее преображается каждую секунду. Кто-то просто решил сдать билеты. Поостерегся летать, когда время вышло из берегов.

— Ты понимаешь, что происходит?

— Со скрипом. Ричарда Баха читала? Нет? Его прекраснодушная бредятина реализуется как кошмар,— ответил я и, сделав всего три звонка, убедился в своих худших опасениях. Колючей я рассказал то, о чем мне поведал величайший аналитик всех времен и народов, самый высокооплачиваемый блоггер и просто инженер человеческих душ Шаман,— сейчас мы можем наблюдать вероятностный ход будущих событий, но это не застывшая картина. Она моментально теряет актуальность, хоть и остается в памяти.

— Чего еще этот эпилептик придумал? — засомневалась Колючая в прозорливости главного инженера ЧД.

— Фактически мы планируем будущее. Задаем ему исходный толчок, потом вглядываемся в то, что получилось. Миллиарды людей делают то же самое, даже во сне. Поэтому, пока мы вспоминаем, что с нами случится, настоящая картина меняется со скоростью мысли.

— То есть все по-прежнему. Будущее — тайна покрытая мраком?

— Не совсем. Теперь мы так или иначе предвидим будущее. И это страшно, неприятно и очень притягательно. Знание будущего ой как помешает спокойно коптить небо таким хомячкам, как мы.

— Причины? — перебила Колючая.

Насчет причин Шаман, как всегда, был крайне многозначителен:

— Раньше материя постоянно обнаруживала свои прелюбопытнейшие свойства. Когда ее тайны поисчерпались, природа открывает человеку новые

шокирующие просторы для инноваций и прочего беспредела. Нам выдан очередной пинок под зад, чтобы мы поинтереснее суетились. Мы думали, время такое,— я развел ладони сантиметров на двадцать,— а оно такое,— изобразил позу счастливого рыбака «посмотрите, какую огромную поймал я рыбу»,— и развивается во всех направлениях. Движение материи при этом постоянно перенастраивается. Ага?

— Ага,— неуверенно согласилась Колючая,— природа посодействовала открытию третьего глаза в центре пятой точки.

Я грустно кивнул.

— И что теперь будет? — Ладонь Колючей зачем-то качнула грустно повисшую грудь.

— Кино. Можем воображать свои не свершенные поступки. Просматривать фильмы, которые запомним в будущем. Вспоминать ненаписанные книги. Запасаться попкорном. Потому как пищи для ума предостаточно — можно не вылезать из постели. Каждое мгновение люди предполагают различное будущее. Картину мира лихорадит. Задолбаемся ее мониторить.

— Ясно. Шаман тоже смотрел «Особое мнение» [1] Спилберга. Чего дальше?

— Главное, не выходить на улицу. Дней на десять жизнь застынет. Люди будут играть своим будущем. Мысленно резать других людей. Сбрасывать бомбы. Жертвовать миллионные состояния. Играть в рулетку. Грабить банки. Потом привыкнут и начнут жить как жили. Может быть... В любом случае, сюрпризов нам не избежать,— напророчил я.

В дверь робко постучали. Не считаю это хорошим началом для хороших историй.

Открываю — на пороге пожилая модель классического прибалта. Внешне молодится — осанка, строгий костюм, прическа. На правах более обнаженного (плавки и майка) смело шарю взглядом у него под пиджаком — явно за семьдесят. Молча, выжидающе кланяемся друг другу. Его свившийся к шее кивок сигнализирует — говорить на пороге он не намерен.

— Заходите,— говорю, надеясь, что откажется.

Он ответно пошарил сощуренным взглядом по мне — цыплячьи следы морщин по всему лицу — и не оправдал моих надежд. Смело втерся в комнату. Колючая нырнула под одеяло.

Я быстро выбрал наилучшую форму общения — деловая резкость.

— Чем обязан? — говорю.

Ни присесть ему, ни полновесного здрасте. Зачем мне — он первый молчит. Вдумываюсь в свое ближайшее будущее, вздрагиваю — через несколько минут старикан вцепится мне в горло, соответственно, я дам ему в зубы. Больно.

Этот дремучий задира достает из внутреннего кармана несколько листочков, протягивает мне. Говорит с характерным акцентом:

— Эттто дююны. Снимки сделаны в восемьдесят четвертом и две тысяча четвертом годах.

---

[1] Фантастический триллер Стивена Спилберга по мотивам повести Филипа Дика. По сюжету три медиума, находящиеся в изоляции, видят преступления, которые будут совершены в ближайшем будущем.

Смотрю, неуверенно пожимаю плечами. Дюны как дюны — совершенно не повод для мордобития. Как-то незаметно старик оказывается вблизи от кровати. Садится на краешек — Колючая ежится, подтягивает ноги к груди, глазами семафорит мне что-то невнятное. Тоже разглядела драку? Почему не берет в руки что-нибудь тяжелое?

Я вопросительно стою. Старый перечник вновь отправляет балтийские эшелоны слов:

— Дюна Эфа. За двадцать лет высота снизилась на десять метров. Сегодня вы будете ее разрушать. Совершать вандализм,— слово это очень жутко звучит из уст пенсионера.— Я увижу вас и прослежу ваш путь до дома. В данный момент я предотвращаю разрушения...

— Разрушение чего? — припух я.

— Дюны Эфа...— Удивительно, что старикана беспокоит не сам факт возможности предвидения, а то, что он насмотрел в своем мизантропическом будущем.

— Вообще-то мы еще не решили относительно наших планов,— осторожно начинаю, пристально контролируя движения рук маньяка.— Возможно, сегодня мы будем созидать.

Старик демонстрирует собственное терпение — вид, будто его разорвет от моей наглости. Протягивает еще одну фотографию, говорит нежным голоском:

— Этто я,— на черно-белом снимке молодой парень в форме лесных братьев (?) улыбается во всю прибалтийскую пасть. За ним высится та же Эфа. Блин, я уже начал различать дюны:

— Только не говорите, что вы и Эфа — близнецы-братья. А мама ваша — анархия.

Старик достает другую бумажку — большую с сургучными печатями. Чувствую, что в процессе разговора ко мне перекочует весь карманный архив ветерана сопротивления. Свеженькая бумажка — удостоверение. Бла-бла-бла. По-литовски. Протягиваю назад.

Старик старательно комментирует:

— Мы, потомки «короля дюн» Франца Эфа...— Я оглянулся в поисках других родственников Франца Эфа в комнате. Колючая помотала головой, видимо обозначая непричастность к данному имени,— имеем сотню благодарностей от десятка организаций. Мы защищаем природу Куршской косы. Дюны, бакланы...

Я совершенно не желал посягать на бакланов, более того, они мне крайне симпатичны.

— На этой охранной грамоте подписи Кофи Анана и солиста Ю-ту Боно...— Старик внимательно вгляделся в мое лицо — видимо, там достаточно живописно изображалось непонимание предмета нашей беседы. Он терпеливо продолжил: — Если вы не верите, мы можем пригласить другого эксперта, который подтвердит идентичность почерков.

Я за полдня по Москве столько шизофреников насобираю — подтвердят, что Анан, Пан Ги Мун и Боно собственноручно визировали каждую страни-

цу «Капитала», чтобы потомки поверили в реальность его бородатого солиста [1].

— Давайте пригласим поучаствовать в нашем диспуте какого-нибудь доктора? Хоть стоматолога. Он наверняка рассудит, кто из нас, где и зачем разрушал дюны.

— У меня охранная грамота. Я лучше стоматолога расскажу вам, что грозит дюнам. Нельзя скатываться, нельзя ходить в неустановленных местах...— Он осекся, покраснел, начал горячиться.— Мне доверяют и российские, и литовские власти.

М-да, дело принимало хронически запущенный, сложно диагностируемый оборот. Однозначно — сейчас разогреется гринписовскими кричалками и начнет буйство во славу природы.

Выхода нет — необходимо заряжать всех тузов в своих рукавах, поджигать порох в пороховницах. Оглядываюсь на Колючую (для вдохновения), почти кричу:

— Дяденька лесничий, вы понимаете, мир наш катится в тартарары! Мелкотравчатые и крупнокалиберные вафлеры уже грезят полукриминальными и криминальными линиями своих судеб. В случае если им покажется, что впереди все безоблачно, начнут перекраивать эту реальность по своему образу и подобию. Они полмира с землей сровняют, а вы говорите «Эфа, Эфа!»

— Я говорю «Эфа»,— подтвердил старик. Кажется, мне не удалось сбить его с толку.— И еще я говорю — не надо ее разрушать. А также...

— О, господи! — взвыл я.— Ну вглядитесь вы внимательнее в свое сегодняшнее расписание. Ну изменилось же все! Мы уже изменились. Мы уже не поедем топтаться по вашей дюне! У нас теперь задача мимикрировать под наступающий апокалипсис! С наименьшими для себя потерями.

Старик задумался. По всему видно, прочесывает будущее. Вы только послушайте, что он заявил спустя несколько секунд (заметьте, ничуть не конфузясь):

— Возможно, сейчас вы и не планируете разрушать природу дюн. Но чуть ранее была очевидна ваша злая воля к этому. Подозрительная склонность к легкомысленному вандализму.

Я вспомнил инквизиторскую риторику и открытый перечень того, что вменялось в вину,— склонность к инакомыслию, обнаруженное намерение согрешить и т. д.

Я взял старика за грудки. Пока нежно:

— Слушайте, дорогой вы мой песочный человек. Людям сейчас сложно воображать собственную ангельскую поступь в будущем. Мы переполняемся весьма и весьма корыстными, а может, и кровавыми сценариями. Я, например, с трудом удерживаюсь, чтобы не пофантазировать на тему — как сложится моя жизнь, если я отберу охранную грамоту и заставлю вас ее слопать. Думаю, и вы не прочь погадать, как скажется кастрация недоумков, бросаю-

---

[1] Конечно же, имеется в виду «Капитал» К. Маркса, а бородатый солист — это не Билли Гиббонс из ZZ Top, а автор бессмертного произведения тот самый Карл Генрих Маркс — вполне реальная личность, несмотря на то что в нее уже с трудом верится.

щих бычки на песок, на экологическую обстановку в мире. Ага? — спросил я и отпустил короля дюн.

— Ага,— ответил он.

Видимо, я был убедителен.

— У нас злая воля таится в каждой клеточке. А тут такой катализатор природа подкинула. Очнитесь. Иначе вы не переживете будущего!

Мой пыл и курс элементарной эсхатологии [1] не подействовали на старика. Он гордо вспучил голову и, мне кажется, весьма достойно парировал:

— Будущего никто не переживет,— ответил он.

Интонация означала — «и нечего по поводу этого париться».

Последнее, что сказал славный потомок Эфа, прежде чем уйти, было:

— Способность предвидеть поможет мне защитить дюны,— он очень строго погрозил нам пальцем,— даже не думайте.

Когда он ушел, я в точности повторил его прощальные жесты и погрозил пальцем Колючей:

— Даже не думай,— предупредил я ее,— хороший рецепт. Собирайся.

— Куда?

— На прогулку.

Колючая крутанула головой:

— Давай поразмышляем, насколько актуальна и безопасна наша поездка в складывающихся обстоятельствах.

Я заржал. Наверное, нервное:

— Поразмышляем? Актуально? Бред! Всем равнение на клан Эфов. Их пустяками вроде средневековой чумы от ремесла не отвадить. Не след и нам наслаждаться зрелищем того, как семь миллиардов не очень знакомых нам дятлов изменяет наше будущее. Наше. Видела «День сурка»? Мы предвидим то, что произойдет, поэтому можем становиться лучше, совершая те поступки, которые нужны...

Я не закончил. Как ни печально, мне было сложно перечислить свои поступки, которые нужны людям. Опасные — пожалуйста! Мы не ждем друг от друга ничего хорошего.

И всё равно — я точно знал, что мы поедем на эту прогулку. Я, конечно же, насыплю в трусы Колючей целый килограмм песка. Много больше, чем грезилось раньше. И мы не будем топтаться по чудесной дюне Эфа.

Наивно надеяться, что это предотвратит общую катастрофу?

Что же предотвратит? Или кто? Потомки Франца Эфа.

Пока очередной страж будущего не ворвется к нам, следует включить котелок и попытаться прожить эту прогулку чуть интереснее, значительнее, чем отпечаталось в памяти.

— Колючая, ты готова сделать следующие двадцать четыре часа полнее и толще? И будь что будет!

Колючая кивнула, потянулась за трусиками, передумала и вызывающе уставилась на меня.

---

[1] Эсхатология — система религиозных взглядов и представлений о конце света, искуплении и загробной жизни, о судьбе Вселенной или её переходе в качественно новое состояние.

Эпидемия № 6

КОЛЮЧИЙ И КОЛЮЧАЯ.

И ПОГРУЗИТСЯ РАЗУМ В ПОКОЙ И БЕСПАМЯТСТВО

Слезящимися от напряжения глазами четвертый раз просматриваю смс: «Калоша моя! Нам так и не удалось синхронизироваться. Сообщи, наконец!!! время, когда ты бодрствуешь. Притащу тебе домашнего в топку и займусь, наконец!!! Л. с тобой. Завтра тоже иду волонтерствовать. Твоя К.»

Двадцать восемь пропущенных вызовов, половина от моей верной спутницы Колючей — пусть пощадит ее Гипноз, брат Танатоса.

Голова гудит как никогда прежде. Но я категорически удовлетворен — без стимуляторов и витаминных уколов мне удается выдерживать нечеловеческий ритм: восемнадцать часов сна, два — бодрствования, восемнадцать часов сна, два — бодрствования... Без допинга!

Такому графику позавидовал бы руководитель любой дрыхнущей державы. Сейчас большинство из них только и успевает — причесаться, поправить макияж, подписать очередные приказы о чрезвычайном положении, выступить с очередным обращением к нации — «всё, мол, под контролем, братцы... не паникуйте, не расслабляйтесь, не безобразничайте... участвуйте в труде и обороне... за бугром, поверьте, сейчас намного хуже, чем у нас...». И снова баиньки.

Рядом со мной на раскладушках валяются еще полсотни человек. Это те, кто не видят смысла отправляться домой. Таких очень много в постапокалиптической России. Здесь нас раз в стуки обильно кормят, здесь есть душ, комнаты отдыха, телевизор с сокращающимся количеством каналов и программ.

В конце этого безумного месяца обещают заплатить какие-то безумные деньги, которые обезумевшие власти еще продолжают печатать. Я не представляю, на что можно их потратить. Еда? Квартплата? Оплата мобильного телефона? Заказ для работяг-проституток, волею небес вмиг ставших безработными?

«Интересно, как К. представляет занятие Л. на режимном объекте? Интересно, кому за последние две недели удалось соединиться с женщиной не только мыслями? Поименно, пожалуйста! Интересно, я бы смог провернуть свою К. среди спящих?»

Между прочим, среди здешних волонтеров два поэта, три депутата Мосгордумы и один театральный актер. В отличие от меня они занимаются исключительно неквалифицированным трудом — ходят по электростанции, крутят арматуру, лупят кувалдами по задвижкам... и отрубаются, не успев отмыть руки от машинного масла.

У меня диплом энергетика, поэтому работаю на щите управления. Чисто, тепло и тихо.

Ребята из предыдущей смены задрыхли, не дождавшись меня. Бегло осматриваю цифры, пляшущие по огромному экрану,— ни одной красненькой. Это

вдвойне приятно. Судя по оперативному журналу, за последние сутки треть оборудования на станции выведена в резерв. Такие операции без сбоя обычно не проходят.

Больше не потащу до раскладушки горе-дежурных. Скидываю на маты — добрые люди из спортзала принесли. Только идиоты славной маленькой планеты Земля посещают сейчас спортзалы, фитнесы, сауны, массажные салоны, кинотеатры, супермаркеты, рестораны, дискотеки, курорты, горнолыжные склоны, футбольные матчи — последние, хе-хе, уже и не проводятся.

Офисы компаний, так или иначе вписанных в эту индустрию, тоже отошли в прошлое. И значит, я не буду успешен и полезен в моем родном кабинетике на Кропоткинской. Никогда?

— Колючий! — ревет по рации Вячеслав Михайлович, начальник котельно-турбинного цеха.— Слава богу, дождался тебя. Ты в курсе — сегодня телевизионщики нагрянут?

— С какого перепугу? — ничему не удивляюсь я.

— Слушай, ты выспался. Вот и разбирайся. Перепуг, перетрах или недосып. Я отрубаюсь. Я четыре часа на ногах.

Врет он — четыре часа выдерживают сейчас только известные поименно герои, и они уже популярнее, чем вместе взятые человек-паук, бэтмен, Алеша Попович и мэр Москвы Собянин.

— Михалыч, что им показывать? Наше спящее королевство? Печального короля Сергея? (Это наш главный инженер, не способный перебороть организм и дрыхнущий у себя в кабинете по двадцать три часа в сутки.)

— Они хотят показать по «ящику», как здорово мы волонтеров организовали на нашем высокотехнологичном производстве. Чтобы в пример другим ставить. Чтобы люд простой и незанятый расшевелить.

Михалыч замолкает. Я уверен — он уже спит.

Я провожу по рации перекличку «але, кто не дрыхнет?». Не отвечают только дежурные химического цеха.

— Коля! — ору я коллеге.— Тебе ближе всего. Сходи в химцех, тресни кого-нибудь ломиком. Пусть поработают.

Последнее время те, кто отходят ко сну, пишут на обрывках бумаг время начала путешествия к Морфею и кладут их у изголовья. Удобное новшество — теперь только со зла можно перепутать и разбудить беднягу, который заснул всего семь-восемь часов назад.

У меня простая двухчасовая программа:

— не упуская из виду показателей работы энергоблока, поесть, узнать хоть какие-нибудь новости из внешнего мира;

— созвонится с родственниками, Колючей (или набить ей смс... я давно готов к Л... Восемнадцать часов беспробудной эрекции. Каково?);

— перед сном пробежаться по цеху, наставить на путь истинный бригаду ремонтников и снова утолять жажду сна.

Ах да, телевизионщики! На мою неожиданную мысль неожиданно реагирует рация:

— Колючего Ивана. Прием.

— Прием.

— Не спите? Вячеслав Михайлович передал — вы ответственный за группу Первого канала?

— Они уже у вас?

— Они уже у вас. Там трое вот-вот заснут. Я учел резолюцию Сергея Семеновича о работе в условиях ЧП. Пропустил. Направил к вам. Они добрались?

Через засаленное окно я выглядываю в цех. На расстояние плевка группа людей в гражданском слоняется в поисках щита управление. Они пребывают в столь сумеречном состоянии, что не нашли бы и Годзиллу, случись ей проникнуть ко мне в цех.

— Отбой. Пришли,— сообщаю дежурному на КПП.

«Сколько дней я не смотрелся в зеркало?»

Выглядываю за дверь. Шум турбин врывается в мой тихий приют — ребята на полу даже не вздрагивают. Две драгоценные минуты мне приходится семафорить руками, прежде чем группа в гражданском реагирует на меня.

— Мы без подготовки. Прямо с колес. Время такое. Оперативность — залог успеха,— вещает юркий лысенький дядька и вталкивает меня в кабинет.

Вообще-то посторонним лицам категорически запрещено нахождение в блоке управления, но я пасую, учитывая ЧП и бесконечные резолюции короля Сергея (проснувшись и ужаснувшись, главный инженер успевает принять столько радикальных решений по управлению предприятием, что в последующие сутки пробудившиеся специалисты не успевают проникнуться ими).

Налетчики с телевидения не представляются, не вводят меня в курс дела и даже не гримируют. Двое квадратных мужчин заносят и аккуратно укладывают в угол хрупкую и очень хорошенькую девицу. Тощий как Носферату парень расставляет аппаратуру, втыкает штекеры, заползает ко мне под стол и там засыпает.

Бодрствующим я указываю на наши маты — всего лишь намекая на возможные удобства для тех, кого уже сморил сон. Бодрствующие воспринимают предложение на свой счет. Боясь не выдержать безумного телевизионного темпа, боясь соблазниться, испуганно машут на меня руками. Хороши гости!

— Работаем. Работаем! — несколько раз объявляет лысенький, но все лишь бестолково носятся по блоку, включают, выключают аппаратуру, орут друг на друга... Что-то у них не клеится.

Я в страхе отгораживаю компьютер, с которого пока еще можно управлять производством электроэнергии для нашей сонной столицы.

Наконец, лысенький подходит к спящей девице, наклоняется, ласково гладит ее по плечу. Дураку ясно — от таких нежностей ни одна утомленная красавица не пробудится. Но дядька безответственно скатывается в калачик и засыпает с ней рядом.

Квадратные мужики сонно стекают по стене. Я ловлю одного из немногих, кто не успел отключиться у меня на посту, встряхиваю, удерживаю его взгляд:

— Слушай, дятел,— трясу его еще раз, чтобы не завял у меня в руках,— ты понимаешь, что следующая смена эвакуирует вас и вашу аппаратуру? На режимном объекте никто не будет дожидаться, когда вы очухаетесь и сделаете репортаж. Вся ваша возня пойдет насмарку. Есть вероятность, что здесь появится аварийная группа и завершит цирковой номер?

Телевизионщик (нечто молодое, зеленое) страшно заикается. Приходится убить еще три минуты, чтобы выслушать спотыкающийся, несвязный монолог:

— Никккккккто не приедет. В Останкино ккккккккколлапс (на произнесение слова «коллапс» уходит бесценных тридцать секунд). Никккккто ничего не кккккккоординирует. Бригады кккккккккатаются на свой страх и риск. В студии любому материалу рады. Здесь все, кккккроме Светки, волонтеры,— в итоге извиняется он.

«Прославиться, значит, решили! Варяги недобитые».

Я живо представил, как в Останкино ежедневно появляются искатели приключений и, сонно моргая глазенками, обещают готовить репортажи на заданные темы. Само собой, такие бабочки-однодневки никуда не годятся. Пока вновь испеченные съемочные группы соберутся, пока доберутся до места событий, отпущенные физиологией мгновения истекают...

— Сколько Светка спит? — Я все еще не теряю надежды.

— Говорят, не меньше десяти часов,— уныло бормочет охотник за постапокалиптической славой.

«Задница! И не объяснишь ему, что большинству населения уже по барабану детали происходящего в Солнечной системе. И тем более наплевать, что за морды из «ящика» сообщают эти новости. Шел бы лучше санитаром в больницу».

Я набираю воды, беру нашатырь, иду к Свете. В результате длительных, упорных и даже жестоких манипуляций с ее организмом глаза журналистки приоткрываются. Но мутный взгляд не обещает никакого прогресса.

— Света,— прыгаю я перед ее тускнеющими очами.— Тебя Эрнст [1] вызывает! Костик! Костик! Костик!!! — скандирую я, удерживая брыкающуюся головку.— Сегодня ты меняешь Катюху Андрееву [2] в вечерних новостях,— вновь даю понюхать нашатыря и вновь брызгаю в лицо водой.

Света кряхтя, как пенсионерка на гинекологическом кресле, поднимается и напряженно осматривается:

— ТЭЦ-21. Начальник смены Колючий,— представляюсь я.

Света все еще не врубается.

— Она вообще в курсе, куда вы прибыли? — поворачиваюсь я к зеленому.

— В кккккккккурсе. На Первом канале давно планировали к вам заглянуть. Вы — образцово-показательное производство. В кккккккккурсе,— повторно заклинивает его, заикается он все тише и тише и заползает на мат.

— Поцелуй меня,— тем временем неожиданно требует Света.— У меня все очень плохо. Личная жизнь и карьера рухнули. Накраситься некогда. Помоги...

На глазах у нее слезы. При этом она не перестает теребить кнопки своего телефона, чудом появившегося в руках, хотя ни сумочки, ни карманов на юбке

---

[1] Константин Львович Эрнст — российский телевизионный деятель, генеральный директор Первого канала, продюсер, соучредитель журнала «Однако».

[2] Екатерина Сергеевна Андреева — ведущая информационной программы «Время» на Первом канале.

у Светы нет. Учитывая, что на чувства и телодвижения нам отпущено ныне в восемь раз меньше времени, соответственно должна многократно увеличиться концентрация слов, эмоций и поступков. Я следую этой непростой, придуманной только что закономерности.

— Ты меня ни с кем не путаешь? — на всякий случай интересуюсь я.

— Нет. Как проснусь, такая тоска накатывает, хоть вешайся. За что нам такое наказание? — задает она риторический вопрос, писк ее мобильника оповещает об очередном отправленном сообщении. За время нашей непродолжительной беседы Света уже отправила пять или шесть сообщений. Получила не меньше — вот это социальная активность! — Обнимай! (ушла смс) Целуй! (еще одна).

Я приближаюсь, деликатно обнимаю Свету, кладу ладонь ей на грудь. Видимо, концентрация неожиданностей в новую эпоху также неимоверно возрастает. Точно в момент лобзания на щит управления радостно залетает моя несравненная К., с которой я не занимался Л. с того момента, как на человечество обрушились невиданные катаклизмы. Точнее один катаклизм — всеобщее увеличение продолжительности сна.

У Светы тренькает мобильный. Она отстраняется, вслушивается в его бормотание, потом объявляет:

— В штабе ополоумели! Нас хотят в прямой эфир давать. Пять минут на подготовку! — Она не отнимает телефон от уха.

— Мало ли что они хотят,— возмущаюсь я,— я, может, хочу, как раньше, восемь часов спать, а остальные шестнадцать ерундой заниматься. Привет, ласточка! — Это я Колючей.

— Эволюция беспощадна,— сурово заявляет Светка,— на ерунду у нас примерно часа два, и ни секунды на вечность. Ты кто, ласточка? — Это она Колючей.

— Его совесть,— объявляет Колючая, кивая на меня — не такой она человек, чтобы из-за поцелуя или, например, ковровых бомбардировок Ирана истерики устраивать.

— Подходит,— одобряет Светка. Несколько секунд ее звездное желание появиться в кадре борется с профессиональной потребностью сделать обещанный репортаж.— Ты соображаешь, о чем вещать? Все равно с этой хренью (она кивает на телевизионную аппаратуру) только я управиться могу. Значит, тебе, Совесть, ответ в телевизоре держать,— хладнокровный профессионал одерживает победу.

Колючая недоуменно смотрит на меня. Конечно, она не представляет, что говорить и делать. Однако и она, и я, и растрепанная молодуха Светка прекрасно знаем, о чем хотели бы услышать.

О том, что ученые вот-вот установят причины катастрофического уменьшения периода суточной активности человека. И изобретут противоядие от запойного сна.

О том, что пусть большинство людей по-прежнему спит двадцать два часа из двадцати четырех, но болезнь не прогрессирует. Ура!

О том, что не произошло непоправимых инфраструктурных аварий. Поправимые — не беда.

О том, что все взлетевшие по крайней необходимости самолеты благополучно сели.

О том, что лишние в новых условиях хозяйствования атомные реакторы успешно заглушены. А лишние люди пристроены на производства первостепенной для человечества важности.

О том, что финансовые рынки рухнули, а товарно-денежные... Стоп, стоп! Об этом мы знаем. Узнать бы, как происходит возрождение из пепла.

О том, что у террористов не хватает времени организовать что-нибудь заслуживающее внимания, а военные спокойно перешли на усиленный график дежурств.

Я поясняю:

— Первый канал делает репортаж о волонтерах. О новых условиях работы высокотехнологичных предприятий. О непростой жизни в условиях системного кризиса современной цивилизации,— добавляю я. Мне очень неловко перед моей К.

— О кризисе я умею,— неожиданно соглашается Колючая.

— А выбора и нет,— улыбается Светка,— придумывай умные вопросы (это она Колючей), придумывай остроумные ответы (это она мне). Никакой межнациональной розни и паники. Только о светлом, успехах и удивительно хорошей погоде. Лады?

Она вслушивается в шептание мобильного, достает из сваленной посередине поклажи волосатый микрофон, протягивает его Колючей.

— Баста, карапузики! Отсчет пошел,— говорит она уже из-за видеокамеры.— У вас восемь минут. Это итоговая программа. Спецрепортаж. Две недели назад за такой эфир половина журналистов продались бы Вельзевулу. Совесть и ты Колючий начальник, что есть сил лупитесь в камеру. Пять, четыре...

Светка включает осветители. Мгновение назад спокойный, я моментально становлюсь ватной, потной, дрожащей тварью.

— Два, один. Держи! — Светка мечет мобильник Колючей. Та ловко его ловит, прикладывает к уху, до синевы бледнеет. В этот миг мы синхронно понимаем — нам целесообразней рухнуть в обморок и восемь минут прямого эфира тихонечко там отлежаться.

— Поехали! — командует Светка.— Порвите всех. Вы в эфире!!!

Моя трясущаяся К. вслушивается в коварное похрипывание вопроса по телефону.

Потом мы безмолвно лупимся в камеру. Пытаемся улыбнуться гримасам Светки, извивающейся по ту сторону фронта.

В этот момент на нас смотрит все еще многомиллионная аудитория Российской Федерации. Возможно, к моменту появления блистательной К. на телеэкранах попытались проснуться даже те, кто не отоспал продиктованные организмом двадцать с лишним часов. Все они ждут!

Паузы, которая сразу возникает в нашем интервью, хватило бы на то, чтобы изобрести алфавит.

— Мы находимся на ТЭЦ-21 Мосэнерго. Прямо перед нами еще одна простая человеческая история,— дрожащим голосом начинает Колючая.— Ивана Колючего, успешного бизнесмена и...

Колючая кашляет.

— И. И,— икает она.— Примерного семьянина.

Кому как не К. знать — ни жены, ни детей у меня отродясь не было. А так, да,— я, конечно, примерный семьянин.

— Иван, расскажите, как вам удается не только поддерживать отличную форму, но и работать, общаться с семьей и даже флиртовать с молоденькими девушками?

— Спасибо, Надя! Вы немного переоцениваете мои успехи. Я, конечно, уже втягиваюсь в ритм, но пока не могу выкроить время, чтобы залезть в Интернет, проверить почту или набить смс любимой девушке.

— Вот видите — прокололись.— Колючая покрывается пятнами, Светка из-за камер крутит нам у виска, мобильник, с которого поступают команды из Останкино, валяется у ног... мы даже не знаем, вырубили нас из эфира или нет.— В тяжелую для страны эпоху вы думаете не только о семье, но и о любимых девушках. Какими еще успехами вы можете похвастаться? — не дает мне оправдаться Колючая.

— Нам удалось привлечь волонтеров,— говорю я заготовленные фразы.— Благодаря им мы поддерживаем оборудование в рабочем состоянии и вырабатываем электроэнергию в требуемом для города количестве.

Светка показывает «здорово», машет руками, чтобы мы продолжали, одновременно обшаривая в поисках мобильного близлежащее тело:

— Как вы попали на эту работу?

— После катастрофы я проанализировал, какие жизненно важные производства находятся поблизости от дома. Прикинул, где стал бы максимально полезен. Полчаса у меня ушло на поиск контактного телефона и выяснения, когда я могу застать в сознании кого-нибудь из здешних кадровиков... К концу недели, вы сами знаете, московское правительство стало трубить во всех СМИ о предприятиях, где нужны волонтеры. Нам повезло — мы смогли контролировать производство до того момента, как появились дополнительные рабочие руки и головы.

— К счастью, большая часть российских предприятий выдерживает испытание,— сообщает Колючая зрителям то, что они жаждут услышать, и тут ее несет: — Продолжаются поставки энергоресурсов по нефтепроводам и газопроводам. Больницы и поликлиники справляются с потоком обратившихся за помощью. Вместе с тем призываю вас без особой надобности не посещать медицинские учр...

Видимо, К. уже поработала волонтером. Светка швыряет туфлю точно в колено Колючей.

— Давайте вернемся к Ивану,— советует Колючая зрителю.

Я согласно киваю и делаю послушное лицо. Несмотря на дрожь в коленках, я даже пытаюсь изобразить нешуточную радость от возрождения угасшего зрительского интереса.

— Иван, что бы вы могли посоветовать нашей аудитории? Как планировать, как использовать те два-три часа в сутки, которыми мы располагаем?

Вновь большой палец и счастливая ухмылка от Светы.

— Нужно упростить свое пространство и время, каждый шаг в нем. Четкий хронометраж. Ничего лишнего.

— Что бы вы отнесли к лишнему?

— Все, что не касается общения с близкими. Все, что не касается производства и использования продуктов и энергоносителей,— с легкостью выдаю я рекомендации.

— Очень общий рецепт. Под него даже катание на качелях подходит. Вас не смущает, что в обозримом будущем не появится ничего нового? Ни книг, ни фильмов?

— Это великолепно. Мы сможем спокойно переварить накопленное к настоящему времени. Дефицит времени мы сможем обернуть так, чтобы наши слова и действия стали ярче и выразительнее...

Я начинаю фантазировать на тему уже придуманной закономерности. Зрители, точно, в восторге. Светка хватается за волосы. Но мы уже не обращаем на нее внимания.

— ...чтобы каждый поступок стал действительно поступком. Любовь так любовь...

Я умолкаю. Надеюсь — в какой-то момент командиры с Первого канала прервали репортаж и перешли к новостям несуществующего теперь спорта. Но у нас нет времени это проверить. У нас нет ни мгновения на пустяки.

Последнее, на что я обращаю внимание, когда мы начинаем целоваться,— клюющая носом Светка. Без сомнения — она уже спит, когда мы стаскиваем одежду и стараемся как можно полнее сконцентрироваться друг в друге. Жалят софиты. Красной кнопочкой мигает лампочка. Плевать — новые киношедевры никому не нужны.

И еще — судя по хронике событий, мы успеем на машине Колючей промчаться по свободной от пробок Москве. Разбужу зеленого — пусть полчасика подежурит. Авось на электростанции понравится больше, чем за камерой бегать.

Эпидемия № 7

ИГОРЬ МИЛЫЙ, КОЛЮЧИЙ, КОЛЮЧАЯ. И УВИДИМ СЕБЯ, КАКИЕ МЫ ЕСТЬ НА САМОМ ДЕЛЕ

В голове бушевал океан или что-то очень его напоминающее. Болезненно. Откуда здесь океан? Каширские леса кругом. Несмотря на высокое содержание алкоголя в крови, я прекрасно помню хронологию вчерашних событий. Мы у Колючего на даче. Мы ходили в баню со всеми втекающими и вытекающими. На издыхании я вытек сюда — второй этаж уютного деревянного домика, коротенькая кушетка, ирландский плед... сосны-великаны за окном.

Первое глупое действие — я открыл глаза. Шум океана достиг невозможного, оглушающего предела. Второе — закрыл ладонями уши. Уши оказались ни при чем. Грохотало в голове. Словно я вспомнил самый выдающийся

шторм, продемонстрированный BBC, теперь воображаю его беснования и никак не могу избавиться от этой навязчивой слуховой галлюцинации.

Я закрыл глаза — грохот стал тише. Я вслушался — океаном эта какофония показалась мне спросонья. Звуки, наполнившие голову, напоминали хруст разрезаемого сочного яблока, но... усиленный до стадионного звучания. Колонки на 1000 МВт, повернутые прямо в нутро моего мозга, тысяча разнородных помех — шум травы, свист ветра в проводах, шорох шин на мокром асфальте. В этой чудовищной аранжировке к простому «хык» ножа по мякоти постоянно менялась тональность и громкость — шум травы переставал быть тихим шепотом, превращаясь в храп гиппопотама, храп гиппопотама — в стук перфоратора.

Грохот вытеснял меня из меня. «Шшшыыых, вуууыых» — это теперь моя сущность. Приятно познакомиться.

Несколько минут прошло, прежде чем я подумал, что совершенно ни о чем не думаю. Именно так. Я подумал примерно так: «Вот так сюрприз, Игорёша! Погляди-ка, стервец, ты ни о чем не думаешь!» — мысли отозвались в окраинах сознании как всхлипывающий лепет. Основное содержание было менее многословным и содержательным: «Больно, больно, БОЛЬНО, таблетку, таблетку, темпалгин...» В голове скрипело, визжало все сильнее.

«Ты сдохнешь от мигрени, жалкий пропойца. Как... как... кто... кто... из великих сдох от мигрени? Сулла? Пилат?»

Я постучал по куполу, вслух произнес мантру «п*ц, п*ц, п*ц» и, когда не услышал собственного голоса, решил прекращать клоунаду и эвакуироваться — больнее и громче мир уже не станет. Смело вскочил с кровати, охнул. Решительность моя мгновенно увяла. Покачиваясь, я заковылял к лестнице.

Снизу ко мне уже поднимались — шагов я, конечно, не услышал. Над полом вырастала красивая женская голова. Голова и все что к ней прилагалось нравилось мне очень и потому тоже, что принадлежало моему лучшему другу Колючему. Это была его жена — Колючая.

Я остановился — стройная верхушка айсберга запутанных личных отношений выросла передо мной в полный рост: жеваные спортивные брючки, красная футболка с капюшоном, на лице потускневшая память о вчерашнем макияже.

Ни я, ни она не стали размениваться на простое человеческое «здрасте».

Жмурясь от солнца и боли, мы стояли друг напротив друга. Гримасы на лице Колючей демонстрировали тяжкие раздумья — я на размышления был уже не способен, но не упал лицом в грязь и старательно наморщил лоб, изображая полет мысли, одухотворенной встречей двух друзей противоположного пола.

«Я просто шум в его голове... всегда была этим шумом»,— опаньки. Этой мыслью внезапно вспухла моя черепушка. Случается — приходит в голову бредятина несусветная, типа: «Вся моя жизнь — лишь сон прекрасной бабочки, порхающей над Фудзи» и проч. Но! Внимание! Какая бы ахинея не терзала мозг, раньше она не позволяла себе щеголять в женском роде.

«Не сходи с ума!» — грозно предупредил я гремящий мир внутри меня.

«Не сойду»,— сам же уверенно откликнулся на призыв, нахмурил брови, покрутил головой, зафиксировал нехитрое убранство мансарды и притормо-

зил взгляд в недрах серых глаз Колючей. Она с неменьшим рвением вперилась в меня. Молча плавали в друг друге.

«Тупица»,— какофония звуков в чердаке родила оскорбление. И вновь без моей помощи. Удивлен я был уже много больше, чем столяр Джузеппе при встрече с легендарным поленом, использовавшим непарламентские способы ведения диалога.

«М-да, вот так проживешь со своей головой в мире и согласии долгие двадцать пять лет, потом бац — приходит время прощаться с нею. Извилины вибрируют самостоятельно. Чужие голоса упражняются в остроумии».

В сознании (да-да, именно в сознании, ну не бред я несу, отвяньте!) у меня сделалось жарко, душно, невыносимо тесно от того, что я перестал понимать — стою ли я, шумит ли у меня внутри, думаю ли, существую. Казалось, все тело чужое, вся прежня жизнь приснилась мне или, например, моей бабочке Колючей. Я просто шум в ее соблазнительном теле.

Из многозвучия (мозгозвучия, хе-хе) пробилось что-то вроде: «гошагошагошаго...». Свежие яблочки, которые резали в моей голове, усердно стонали мое имя. Еще несколько мгновений, и я понял — «гошагошагошаго» старательно выводит Колючая. В моей голове! Нормально — нет?

«Нащщупываю контакт. Ууучууу тебя, блиииин».

Беззастенчивый вурдалак продолжал оккупировать мой мозг. Над общим шумом я почувствовал (?) еще одну мысль: «Ты слышишь?» Именно почувствовал, потому как ее, не проговаривая, целиком плеснули мне в организм.

«Понимаешь? Доходит? Впитыывай! Я думаю — ты слышишь. Ты думаешь — я слышу».

Все. Амба. Чакры открылись — добро пожаловать на Белую Дачу. Здесь вашей голове никогда не будет скучно и одиноко.

Стекленеющим взглядом я стал отыскивать разгадку в лице Колючей. Она что-то сказала вслух — увы, я не расслышал. Но ее голос внутри чуть более разборчиво увещевал меня: «Чтобы осознавать то, о чем я думаю, необязательно проговаривать слова, как я делаю сейчас. Ты поймешь меня и без слов. Я тебя вижу. Целиком. Увы. Я тебя читаю. Я тебя узнаю. Как себя...» — это были не слова, а эфир, струящийся через мои внутренности, позволяющий мне понимать то, о чем думает Колючая.

Вдруг, не соблюдая иерархию, многоэтажный поток сознания Колючей рвался в мою голову, явил себя. Как плотину прорвало. Своим разумом, как щупальцами, я трогал его, погружался, впитывал. Падающий снег новых откровений Колючей опускался в разветвленную дельту ее чувств и мыслей, переполнившую меня. Я их осознавал, понимал как свои.

Несколько секунд, и я одновременно понял — сегодня она узнала, что Колючий ее больше не любит, что люблю ее я, что больше всего она хочет, чтобы мы оказались в палатке посреди бесконечного безлюдного поля (надолго!), что наши друзья уже собрались внизу (всего нас пятеро на даче) и уже осознали масштаб трагедии. Я проспал дольше всех.

Колючая всучила мне результаты раздумий, полученные мозговым штурмом, который наша компания проводила с девяти утра. Сейчас уже одиннадцать!

Как волна за волной, на меня обрушивались кошмарные выводы Колючей о новых принципах работы сознания.

«Мы решили, это новый этап эволюции... потоки сознания окружающих тебя людей улавливаются в два счета... настраиваешься на них, и вперед... любого человека можно читать, как живой журнал... если осознал одного человека, потом слышать его можно без всякого труда... как музыку, играющую неподалеку...»

Мне удалось вклиниться вопросительным: «Колючий узнал о нас? О нашей?..?»

Колючая резко прерывала: «Не отвлекайся... я специально пришла тебя подготовить... тебя ожидает кошмарная встряска... заикаться начнешь... мы звонили, такая же ерунда творится повсюду... вся организация жизни летит в тартарары... процесс лечения, обучения, работы упрощается в разы...»

Образы, которые она транслировала мне, были комичны, но содержательны и предельно ясны:

1. Обезьяноподобный карлик прыгает на вершине холма. На груди у него висит табличка — «гуру». У подножия холма бурлят массы, чутко улавливая каждое его слово и движение. Образ пышет сомнениями относительно того, чему может научить эта ухмыляющаяся обезьянка.

2. Та же обезьянка-карлик, но в синем полосатом костюме, увешанном беджиками (я успел прочитать — «гопник», «хакер», «брокер»), мечется вдоль огромного плаката и ломом колотит по нарисованным там картинками: неводу с рыбкой (сеть!), значку «осторожно радиоактивность» (?), анатомическому изображению человеческого мозга. После каждого удара плакат выплевывает обезьяне пачки денег.

3. Снова карлик (сдался же он Колючей). Теперь в белом халате. Красный крест на колпаке. Щетина на морде закрыта марлевой повязкой. Поворачивает рубильник — точная копия homo novus комично трясется на электрическом стуле.

Мне были не вполне понятны предложенные Колючей способы использования наших новых возможностей. Несомненной оставалась тенденция — чуть более ловкий, чем мы, мохнатый человек, пользуясь телепатией, разворошит наш мир как осиное гнездо. Последней мелькнула картинка многотысячной демонстрации обезьянок. У каждой в руке печально знакомый ломик — они очень решительны, не так ли?

«Увидишь, почувствуешь,— продолжала Колючая.— Сейчас весь мировой уклад отправится в самое интересное место пространственно-временного континуума. Системы сдержек и противовесов туда же. ЦРУ и МОССАД уйдут курить в сторонку... президики и падишахи всех стран сначала пролезут друг другу в голову... потом заговорят пушки... от других ничего не укроешь, готовься...»

Я описываю основное русло потока наших сознаний — эпицентр, но одновременно на периферии носился полуосмысленный или вовсе неосмысленный лепет «любишь?.. люблю!.. давно?.. пять лет!.. пять!!! солнце... какое яркое солнце сегодня... что же будет дальше?.. ребята сидят на веранде... специально пришла ко мне?.. все люди сволочи... почему?.. увидишь... ты такой же... голова

болела, шумело все вокруг... это к тебе в голову лезли... хочешь быстро настроиться, смотри им в глаза... и, умоляю, читай им стихи... ты догадывалась, что я люблю тебя?.. знала!..».

Я почувствовал все это, пока мы преодолевали десять ступенек лестницы.

На веранде нас встретили хмурыми взглядами. Три пары глаз лучших моих друзей — Колючего, Быкова и Палыча. Я чувствовал себя виноватым перед ними, потому что уже декламировал Маяковского в оранжировке побочных воплей: «Не думай, не думай, не думай...».

Я начал улавливать бушующие потоки сознания ребят — лихорадочные, жаждущие познать меня, готовые выплеснуть недовольство мною, друг другом, сложившимся порядком вещей. Видимо, отчаяние освистанных стриптизеров копилось у них два часа пребывания на веранде. Они ждали новую жертву, чтобы пощупать-поглумиться и над её содержимым.

Если упростить наши дуэли до обычных диалогов, получилось бы что-нибудь вроде:

«Предупредила тебя Колючая? Стихи читаешь? Гад!»

Я не оправдывался, попытался всего себя заполнить облаком в штанах, вообразил картину осыпания пеплом собственной макушки.

«А мы за два часа уже пообвыклись. Как на ладони друг друга видим».

«Алиса, мелафон мы уже ввели внутримышечно. Расслабься».

«И хочется о чем-то запретном не думать. Но не получается. Думаешь — только не об этом, не о том...»

«А другие уже кивают — проговорился».

«И запретного уже не осталось».

«У тебя, мерзкий пацак, тоже не получится долго стихами крыть свое тайное и явное».

«Зоя Космодемьянская».

«Карбышев».

«Гастелло».

«Павлик Отморозок».

«Тут такое на планете творится, а он за шкуру свою держится...»

Я бухнулся в плетеное кресло и яростно плевал в друзей Маяковским.

«Ты знаешь, что Палыч в институте колченогую Людмилу Васильевну соблазнил?»

«Ияия»,— непроизвольно прошуршало во мне по периметру поэмы.

«Ну вот, молодца! А говоришь, зашился. Скажи-ка, Гошенька, почему же ты бросил свою Прелесть? Ведь вы любили друг друга».

Мои друзья тут же проглотили всплывшую во мне правду — это Прелесть меня бросила. Ушла. Больше не смогла жить со мной.

Как в тот момент, прямо напротив взгляда Колючего, мне удалось не подумать о его жене, не знаю! Видимо, сработал некий бессознательный уровень меня, который решил — вываливаю своих скелетов, иначе «проболтаюсь» о главном.

Я бросился вспоминать обо всем — о лжи, о задних мыслях, о зависти, о коварных схемах соблазнения знакомых женщин и непристойного использования их слабостей. Со всех сторон я улавливал гневную реакцию своих друзей: «ну и сука ты, Гоша», «я догадывался, что и ты жук корытный»...

Чем больше хотелось не вспоминать ту или иную кошмарную личную тайну, тем быстрее мысли и чувства о ней поднимались со дна души. В монотонное чтение стихов каждое мгновение вклинивалась лихорадка признаний. В какой-то момент мне удалось подавить ее мыслями о будущем — я словно веером нагонял в свою черепную скорлупку образы грядущей катастрофы.

Масштабы скрываемой ранее несовместимости растут в разы.

Вся социальная система летит к черту.

Субординация на фиг. Почтение, уважение — о чем вы говорите, если я познаю людей со всех их тяжелым и некрасивым багажом: от похоти и ненависти до геморроидальных болей и необходимости сменить гигиеническую прокладку.

«Ну и что вы планируете, чтобы выжить в этом новом мире?» — сквозь барабанную дробь Маяковского бросил я присутствующим.

«Подключаемся к центрам мирового сионизма, терроризма, тоталитаризма и гомосексуализма,— откликнулся Быков.— Начнем строить коллективный разум и завоевывать Галактику».

Внятных планов выживания ни у кого не было.

«Стройте, стройте. Вошки на брошке»,— огрызнулся я.

Удивительно, что в ситуации всеобщего коллапса для меня самым главным оставалось не открыть любовь к жене лучшего друга.

И ребята почувствовали — моими признаниями я блокирую что-то более сокровенное. А тайное в этом мире не имеет право на существование, не так ли?

«Хрен вам, дятлы. Я не зря учил певцов поллюции и революции. На шесть часов меня хватит. Шесть часов privacy — огромный срок для вечности!»

Реакция оказалась ожидаемой. Прав был старик Набоков — в этом мире никто уже не имел морального права оставаться непрозрачным. Даже не любопытные в целом кореша постараются пнуть закрытую консервную банку. Мои друзья готовы были растерзать меня за то, что я оставался не вполне прочитанной книгой.

«Горите вы синим огнем, уродцы!» — мысленно закричал я и расслабился.

Да, мне не нравится Пушкин.

Да, мне часто неинтересны свои друзья. Слишком много в них изученного.

Да, я трижды лечился от инфекции мочевыводящих путей, полгода ходил в корсете.

Да, я завистливый и злопамятный сукин сын.

Я переживаю о том, как у меня пахнет изо рта, а я никак не могу это проверить...

Я часто по пустякам испытаю гнев, с удовольствием играюсь мелочными мыслями.

НО ВСЕ ЭТО ПУСТЯКИ по сравнению с тем, что я влюбился в Колючую, вожделею ее, желаю всевозможных амурных неудач Колючему — моему лучшему другу.

По его глазам я угадал мгновение, когда признание разорвалось в нем как бомба. Только потом зазвучал ответ его души — понеслись бешеные обвинения, угрозы. Они быстро сникли. Колючий осознал мое чувство — простое,

легкое, не отягощенное совместной жизнью и неприятными бытовыми открытиями.

В то же мгновение Колючий понял — он не может перевесить это чувство бездной нерадужных знаний о жене, которые начал тут же отгружать в мой адрес, в адрес всех, кто готов был его услышать.

Вся его неустроенность, злоба, жадное желание не допустить счастья с той, которая не составила его счастья, обида не усваивались мной как информация, а сбрасывались в недостижимые бездны души. Хлам, мусор, бред, зависть моему легкому чувству — я их игнорировал, почти не замечал. То есть можно знать, но не придавать значения? Страшное умение.

Этому стоило учиться. Но очень осторожно.

Я встал, закрыл на ключ дверь на веранду и кинул его в щель между досками. Мы умрем от голода, но выйдем отсюда только тогда, когда вновь станем друзьями со всем нашим убогим содержанием, ненавистью, болью и трехэтажными бастионами всевозможных тайн. Иначе нам не выжить в мире, где люди начнут бросать бомбы только потому, что узнают правду друг о друге.

На несколько минут я как фонарик зажегся одной-единственной мыслью: «Простите меня за все».

Андрей ОВСЯННИКОВ

НАБЛЮДАТЕЛЬ

Колония микробов выглядела застывшей. И вдруг пришла в стремительное движение. Движение не было беспорядочным, вскоре можно было ясно различить, как сотни тысяч этих организмов устремлялись куда-то в едином порыве, а навстречу им вздымались волны других. Эти волны схлестывались, словно закипали, и в глубине каждой из них можно было заметить сгущение, подобное пульсирующему центру — из него и исходила вибрация, гнавшая вперед скопления микроскопических тварей.

Ничего подобного Он не смог бы себе представить, когда впервые увидел этот мир...

Планета вирусов «HS»

Начало

Им внезапно овладела холодная и необъяснимая тоска. Наблюдатель видел всё. Как яростно разрывали пространство лучи света при взрывах сверхзвезд. Как возникали и гибли целые миры. Как эта гибель давала рождение мирам новым...

Он видел всё, и Его охватило вдруг странное чувство. Похоже, ничто уже не могло удивить Его разум... И тогда, пытаясь понять причину этой тоски, Он решил заглянуть в себя самого.

...Подобные грозовым облакам в лучах заката, Ему открылись бесконечные скопления атомов Его собственной материи. Они перестраивались в причудливые фигуры и, как галактики во Вселенной, неслись куда-то, словно подчиняясь неведомой силе. А может быть, Он сам и был этой силой?

© А. Овсянников, 2011

Постепенно вглядываясь, Он, словно погружаясь в бездну, изучал Свое строение. К Нему навстречу из неведомых глубин приближались Его атомы, мерцая ядрами, словно звездами. Один из них, с пламенеющим оранжевым ядром и вращающимися вокруг него восемью электронами, привлек Его внимание. Прежде Он считал, что все электроны одинаковы, но теперь увидел, что они отличаются и размерами, и цветом. Один из электронов был совершенно особенным — волшебно-голубой, словно в белой дымке, он притягивал, будто приглашая заглянуть в неведомое.

Наблюдатель вгляделся еще внимательнее и обнаружил целый мир — с океанами, горами. И с живыми существами.

Он начал наблюдать за ними — день за днем, неделя за неделей. Затем полетели месяцы... И Он почувствовал себя Богом. Творцом. Ведь этот мир был частью Его.

Открывшийся Ему мир был действительно красив. Воды глубоких океанов омывали причудливо изрезанные берега материков с горами, ледниками, лесами и пустынями. Все это радовало глаз фантастическим разнообразием жизни, процветающей повсюду,— от удивительных существ и растений в океанах до больших и малых ящеров, населявших леса и саванны. Этот мир был ласково прикрыт одеялом облаков, защищавших от слишком сильных лучей ядра-светила, но пропускавших достаточно тепла и света, чтобы питать эту жизнь. Планета-электрон обращалась вокруг своего светила-ядра за двадцать секунд Его времени.

Он наблюдал, как участки суши медленно двигались, иногда сталкиваясь друг с другом, при этом вздымались горы и образовывались впадины. Отдельные части суши затоплялись водой, а иногда, наоборот, сами моря превращались в пустыни. Менялись ландшафты, одна жизнь сменялась другой, исчезали одни виды, появлялись новые...

Уже несколько лет Он наблюдал, как тысячи вулканов извергали магму и пламя — они высовывали и прятали яркие языки, будто сами были диковинными животными. А затем наступала очередь ледников. Подобно пене морского прибоя, они то накатывались вновь, то отступали, оставляя после себя гигантские борозды.

Почти каждый год Его наблюдений в эту планету-электрон вонзались совсем мелкие частицы — в тысячи раз меньше ее самой, но это имело катастрофические последствия для всего живого.

Он увидел, как падение одной из таких пылинок в воды залива обернулось чудовищным взрывом. Яркая вспышка на миг затмила само светило-ядро. Казалось, взметнулся ввысь весь залив — так высоко взлетели его гигантские волны. Обрушиваясь вниз, они все сметали на своем пути. А вслед за этим планету плотным шатром окутала завеса пыли. Стало холодно. И Жизнь словно свернулась, сжалась, замерла. И сказочно раскрашенные ящеры, господство которых на электроне установилось, казалось бы навсегда, вымерли буквально за несколько минут наблюдений.

Но случившееся не стало концом жизни. Наоборот, Она продолжилась, все больше удивляя Его своими метаморфозами — появились кошки с длинными изогнутыми зубами, снова размножились выжившие в более теплых водах

ящеры, возникло огромное разнообразие новых летающих тварей — бабочек, птиц... Жизнь продолжилась, и на Его глазах одно существо вновь пожирало другое и само тут же становилось добычей. Все это притягивало взор и завораживало.

Прошли годы. Его жизни. Планета-электрон совершила десятки миллионов оборотов вокруг ядра. Она теперь почти не менялась. И снова казалось: ничто уже не сможет удивить Наблюдателя.

Но однажды Он обнаружил на ней любопытных созданий. Они не были здесь самыми мелкими существами, но если бы Он смотрел в микроскоп, то подумал бы, что они похожи на микробов на смотровом стекле. Они были явно слабы, и Он решил, что скоро их вытеснят другие. Однако через несколько месяцев Наблюдатель с удивлением увидел, что эти «микробы» не только выжили, но даже успешно соперничают с другими, более сильными видами. Их было не более десяти тысяч. Но ради собственного выживания они брали все самое лучшее из того, что видели вокруг. Может быть, поэтому они и вели себя как повелители планеты.

А Он назвал их вирусами HS.

HS жили колониями. Совместно охотились, защищались от хищников и воспитывали потомство. В группах выделялись лидеры-вожаки, которые организовывали действия при охоте и поддерживали порядок в повседневной жизни — делили еду, заботились о стареющих, выбирали пути перемещения при возникновении опасности или исчезновении добычи.

В отличие от других видов, живших стаями, HS использовали для охоты и в быту различные примитивные предметы — вскоре они научились пользоваться огнем, изготавливать одежду.

Через шесть месяцев наблюдения за HS Он увидел, что численность вида приблизилась уже к миллиону особей. Они, вероятно, продолжали бы размножаться и дальше, но вдруг одну из областей планеты-электрона потряс мощный взрыв. Ударная волна несколько раз обогнула планету, и поток раскаленных газов был так силен, что разбрасывал в стороны обломки скал. Над маленьким островом словно взметнулась к небу черная колонна — в десять раз выше самой высокой горы. Пепел, вырвавшись из огромного горящего жерла, поднялся над планетой и укрыл ее словно плотным одеялом. И снова началась зима.

На глазах Наблюдателя только что зародившийся вид HS начал фактически вымирать. Этот очередной ледниковый период, наступивший в одночасье, едва вообще не уничтожил на этой планете все живое. А от HS чудом осталась в живых лишь пятая часть — когда пепел рассеялся, Наблюдатель увидел: их снова было всего несколько десятков тысяч.

Он наблюдал, как медленно восстанавливался вид HS, как постепенно совершенствовались его орудия и навыки. И, возможно, именно ледники вынудили его развиваться быстрее.

HS часто меняли места обитания: иногда при возникновении опасности, иногда при исчезновении добычи. Сдвигаться с места целыми группами их вынуждали и ледники. Наблюдатель видел, как через десять дней после взрыва, который чуть не погубил весь их род, они по тоненькой ниточке перешей-

ка перешли через Океан на другой континент. Мелкие группы объединялись в крупные, осваивали новые, более благоприятные для жизни территории. А скопления их жилищ постепенно превращались под удивленным взором Наблюдателя в большие организованные комплексы. Их повседневные отношения уже явно регулировались системой каких-то правил, которые обеспечивали порядок, дальнейшее развитие и выживание.

Постепенно HS научились выращивать съедобные растения и даже делать запасы, и... Как только это произошло, они стали конкурировать друг с другом и из-за этих запасов, и из-за плодородных территорий. Подобно тому, как устроена жизнь в колониях термитов, в их сообществе теперь возникли целые иерархии вождей, воинов, ремесленников, землепашцев и торговцев. Торговцы путешествовали и обменивали товары, произведенные на своих территориях, на те, что им предлагали их ближние и дальние соседи. Причем на привезенное издалека они выменивали у соплеменников товаров больше, чем брали изначально.

Постепенно численность HS росла, количество товаров и их разнообразие увеличивалось. И наконец увеличилось настолько, что прямой обмен стал неудобен. Тогда вожди решили ввести подходящий эквивалент предметам торговли. Они выбрали один редкий металл и стали делать из него кружочки, каждый вождь — со своим изображением. А поскольку металл был очень редким, и делать из него кружочки могли только вожди, количество их всегда соответствовало количеству товаров в четкой пропорции.

Эти кружочки они назвали «деньги». Тогда Наблюдатель не мог еще предположить, какую роль с этого момента будут играть деньги во всей последующей жизни вида HS.

Постепенно самые сильные лидеры подчиняли себе более слабых вождей и их земли. Возникали целые государства — огромные территории с населением, управлявшиеся одним верховным лидером, который теперь устанавливал единый порядок. HS стали задумываться об устройстве мироздания, о причинах вторгающихся в их жизнь катастроф. Самым простым объяснением этих катастроф стало признание наличия неких высших сил. В результате возникли целые кланы HS, готовых установить контакт с этими силами и умилостивить их. Таких HS их сородичи назвали жрецами, а позднее — священниками. Именно в это время у HS возникли музыка, изобразительное искусство, начала развиваться архитектура. С каждым часом Его наблюдений совершенствовались их навыки в строительстве городов, создании средств передвижения и... средств уничтожения друг друга.

На сто девяностый день Наблюдатель увидел, как одно из таких государств создается на берегах могучей и плодородной реки, имеющей удобную дельту перед впадением в теплое море. Он с удивлением наблюдал, как они, удобряя поля илом, выращивали богатые урожаи, часть которого отдавали вождю для создания регулярной армии, которая защищала местных вирусов и поля от врага. Они выстроили стройную ирригационную систему для орошения новых земель. А потом, создав удивительные образцы новой строительной техники, начали воздвигать гигантские и геометрически правильные сооружения, которые словно вонзались в их горячее небо. Он не знал, зачем они это

делают, но делали они это здорово. Ветры, волны и землетрясения часто разрушали их постройки, но с упорством, достойным обожествленного ими жука-скарабея, перекатывающего шар из земли и навоза, превышающий его собственный вес и рост, они преодолевали любые препятствия.

HS часто воевали. Но если войны за территории между двумя племенами Он мог еще как-то объяснить логически, то войну, которую увидел через сто девяносто три дня с начала наблюдения, Он объяснить никак не мог. Десять долгих лет своей жизни HS вели кровопролитные бои, в которых полегли тысячи воинов, по сути из-за одной юной наложницы. По окончании третьей минуты своего наблюдения за этой войной Он увидел, как перед огромным деревянным конем, в подбрюшье которого сидели с полсотни лучших воинов, открываются ворота неприступной крепости...

Прошло еще пять часов, и Он увидел бесчисленные шатры и костры возле них, подобные миллионам звезд в ночном небе. Это собирал свое бесчисленное войско блистательный вирус, обуреваемый безумной тоской, которая постоянно влекла его за далекие горизонты. «Во Вселенной бессчетное множество миров, а я еще и одного не завоевал»,— так говорил деспотичный воин, которого другие вирусы называли Александром, и для которого жизнь без походов и завоеваний была, похоже, равносильна смерти. И целых семь минут Наблюдатель смотрел, как Александр водил армии за несколько морей, покорял чужие народы, терял в кровопролитных битвах своих воинов.

Взросление вида HS напоминало Наблюдателю развитие детей. Сначала их сооружения походили на домики и канавки в детской песочнице, потом они становились сложнее и выше. Они также учились все больше и искуснее врать, а их войны становились все более кровавыми. Разница была лишь в том, что отдельная особь рождалась, развивалась и умирала в течение тридцати минут, а весь вид существовал уже более полугода.

Жестокость HS возмущала Наблюдателя, но было и то, что вызывало Его симпатию. Это — присущие виду отвага и стремление к познанию. При всем разнообразии лидеров и исторических моментов их объединяло одно — чувство какой-то странной тоски и неудовлетворенности, толкавшее их к невероятным поступкам: строительству фантастических сооружений в виде гигантских пирамид или длинных пограничных стен до Поднебесья, к постоянному созданию армий для завоевания гигантских территорий. Это чувство неутоляемой жажды заставляло их стремиться все дальше и дальше — к еще более грандиозной цели. При этом их армии, подобно диким животным, носящим в своей шерсти семена репейников, разносили по огромным территориям и смешивали семена различных культур и традиций.

Не всегда эти традиции ему нравились. Он видел, как постепенно жажда власти и денег в этих походах захлестывала все новых и новых воинов. Они возвращались в свои земли гордыми и израненными, но — сгибаясь под тяжестью несметных богатств, отнятых у других представителей HS. Наблюдатель уже понимал, какую опасность для всего их вида представляли собой эти жалкие металлические «кружочки».

Бывало, на планете устанавливалось что-то вроде затишья. Но оно всякий раз оказывалось временным — всего на какие-нибудь полтора часа Его жиз-

ни. Потому что, как это ни выглядело странно, именно войны давали невиданный всплеск развития и движения вперед всего вида. И снова сотни тысяч HS собирались в армии как птицы в стаи. И эти армии становились все мощнее и оснащеннее.

Главным центром вида HS стал теперь город на семи холмах, раскинувшийся по берегам реки. Он увидел здесь красочный, как восход звезды, расцвет великой империи, давшей многим группам HS мощный толчок развития. И очень скоро — стремительный ее упадок под крики толпы — «Хлеба и зрелищ!». Захватив полмира, здешние вирусы обленились, погрязли в разврате и потеряли волю. Отныне только деньги, дающие возможность жить в праздности, стали смыслом всей их жизни.

Правда, в одной из провинций этой империи начало, под влиянием таинственно появившегося Учителя, зарождаться учение, предупреждавшее о нарастающей опасности власти денег. Сначала Учитель выгнал из местного храма торговцев, а потом на простом языке попытался объяснить своим соплеменникам, что безудержное стремление к богатству — пагубно. Но против него выступили местные жрецы.

Они распяли Учителя. Однако Наблюдатель уже понимал, что притягательная сила учения этого, наверное, лучшего представителя HS, завладеет их умами и сердцами на долгие столетия...

Деньги

Прошло еще пять часов, и Наблюдатель заметил, что блеск в глазах и чувство тоски, толкавшей некогда вперед представителей этого вида, стали постепенно у лидеров HS исчезать. Власть теперь повсеместно переходила к тем, кто распоряжался деньгами.

Как только деньги вошли в жизнь HS по-настоящему прочно, среди них (как, впрочем, и среди других обитавших на планете видов) появились отдельные представители-паразиты. Эти хитроумные дельцы придумали гениальную схему собственного обогащения, не ударяя при этом даже пальцем о палец. HS не случайно назвали их ростовщиками, потому что подобно землепашцам, растившим урожай из семян, они раздавали нуждавшимся деньги и так же собирали богатую жатву. Это и называлось «давать деньги в рост». Получалось, что деньги, рожденные как эквивалент товара и исключительно для обмена, начали таким хитроумным способом размножаться сами по себе.

Сначала вожди, а потом и священники под знаменем распятого Учителя объявили ростовщикам войну. Их жгли на кострах, изгоняли из городов... Но эти паразиты оказались живучими — они никуда не исчезли. Они спрятались в глубокие норы и дождались момента, когда вожди стали остро нуждаться в этих самых деньгах. Ростовщики предоставляли кланам вождей необходимые суммы в обмен на разрешение ссужать деньги другим под проценты. Вскоре это разрешение было узаконено. А потом ростовщики решили, объединившись, создать собственные банки. До этого уже имелись государственные

хранилища денег, которые выполняли две важные функции — учета денежной массы и ее хранения. Но теперь несколько хитроумных особей сообразили, что деньги, хранившиеся в банках,— это некий запас, и никогда все вкладчики не придут в банк одновременно и не попросят сразу вернуть им их средства. А значит, чужими деньгами можно пользоваться как заблагорассудится: давать деньги в рост, вкладывать в выгодные дела и получать, по сути дела, чужую прибыль.

Заговор

Прошло шесть с половиной месяцев с появления HS и шестнадцать дней после гигантского взрыва, чуть не погубившего весь вид. И Наблюдатель стал свидетелем заговора двенадцати ростовщиков. Они захотели получить право «чеканить деньги». «Дайте мне контролировать выпуск денег в государстве,— говорил один из них,— и мне нет дела до того, кто пишет его законы».

Поразительно, но они это право получили. И отныне могли печатать своих бумажных зеленых денег столько, сколько им было нужно. Теперь уже не отдельные вирусы, а все их сообщество стало жить в долг.

Эти манипуляции с присвоением кучкой HS всей финансовой системы огромной страны, почти полностью занявшей один из материков, подозрительно совпали с иными событиями, происходившими по другую сторону Океана. Потому что прошла всего минута с осуществления этого заговора, и Наблюдатель увидел, как сотни тысяч HS то застревали в траншеях на полях сражений, то стремительно рвались вперед, ведомые своими лидерами. Он видел, как буквально реками лилась кровь. Подобные ящерам бронированные машины рвали HS на части, смешивая их с грязью и кровью. Миллионы вирусов, оказавшихся в этой мясорубке, уже не понимали, что они здесь делают.

И в то же время Он видел других HS — ростовщиков и банкиров, которые кружились на балах, ездили на пикники, устраивали охоты. Он подумал, что если отдельным HS так нравится убивать живое, то им самое место — на фронтах войны.

Он также с удивлением обнаружил, что кровавый кошмар, подобно вихрю втянувший в себя миллионы HS, не мешал нескольким сотням особей увеличивать свои капиталы. Более того, банкиры, принадлежавшие к разным воюющим сторонам, продолжали поддерживать друг с другом отношения и извлекать прибыль.

А миллионы солдат копили ненависть и ярость. Они не знали — кто, но, подобно животным, инстинктивно чувствовали, что кто-то их предал. Их ненависть к неизвестному врагу, как волна, исходила от самой поверхности планеты. Наблюдатель даже чувствовал ее запах. Запах глины окопов и пролившейся там крови, страха и отчаянья, вперемешку с запахом новой крови. И ужаса — от предчувствия того момента, когда они найдут виновных и будут мстить.

В это время на Востоке набирало силу новое государство. Построенное на теории одного вируса-философа, который противопоставил строю, в котором

одна группа эксплуатировала другую, идею иного общества — прогрессивного и гуманного, в котором жили бы свободные, счастливые и равноправные вирусы. Там развивалась своя промышленность, крепла своя армия. Там уже не было своих банкиров, а чужие, с Запада, фактически не могли влиять на их территорию.

На Западе восприняли становление нового государства с чуждыми и опасными для них идеями как «угрозу с Востока». Эта угроза и приближающийся ураган ненависти к стране-зачинщику Первой войны подтолкнули банкиров к оригинальному плану. И меньше чем через восемь минут Его наблюдения государство — зачинщик войны — потерпевшее поражение и лелеявшее планы реванша, окрасилось кровавыми флагами с белым кругом, в центре которого красовался черный крест с загнутыми под прямым углом концами. Под множеством этих знамен разворачивалась железная армия.

Вскоре перед Наблюдателем предстало чудовищное зрелище. В смертельной схватке Второй войны столкнулись две системы, два представления о том, как должен развиваться вид HS дальше. Это была крупнейшая война в истории вида HS. Из семидесяти трех существовавших на тот момент на планете государств в войну были ввергнуты шестьдесят два! Боевые действия велись на территории трех континентов, в водах четырех океанов и в единственном для них для всех общем небе.

Горели деревни, города, даже земля... Крупнейшие реки планеты окрашивались кровью сраженных воинов. Плененных HS пытали, расстреливали, морили голодом, сжигали на кострах и в газовых камерах концентрационных лагерей, обрекали на неминуемую смерть в каменоломнях, в шахтах, за колючей проволокой...

Когда через две минуты очередная страшная бойня закончилась, Наблюдатель мог лишь с грустью констатировать, что на последних этапах долгого пути, который прошла планета, вид HS очень сильно преуспел в искусстве уничтожать все, к чему прикасался: от огромных территорий и других живых видов до своих же собратьев. Но самое главное: эти наивные и глупые существа не понимали, что, вытворяя все это, они действовали не по собственной воле, а лишь оставались марионетками в руках искусных кукловодов. Потому что и Первая, и Вторая войны, перекроив карты планеты, унеся жизни одних представителей вида и разорив других, озолотили тех, кто и без того был богат. Особенно — банкиров за Океаном.

А те печатали денег в сотни раз больше, чем могли обеспечить своим запасом редкого металла, больше, чем производила товаров их страна. Это были уже ничем не обеспеченные деньги. Просто — бумажки.

Обман вскрылся, когда один мудрый вождь загрузил целый пароход их зелеными купюрами и потребовал в обмен на них тот самый редкий металл, как и было гарантировано правилом при выпуске денег. Он его получил, но после этого страна, наводнившая весь электрон своими бумажными пустышками, объявила, что металла больше никому не даст, зато вместо него продаст все, что у нее есть. А именно — акции компаний. Поскольку тех, кто набрал этих пустышек, было много, а оставаться ни с чем им не хотелось, пришлось принять условия, которые им навязали.

В общем, фокус удался, и хрустящие купюры стали печатать лавиной... А те, кто скупал на пустые деньги акции, не подозревал, что цена их не имеет с экономикой уже ничего общего. Иногда стоимость их равнялась доходности за миллионы лет. Но покупателям акций внушалось, что они становятся совладельцами крупнейших компаний и отныне будут получать равную долю прибыли. Однако основная часть доходов шла на выплаты премий управляющим этих компаний, по совместительству — крупным акционерам.

А спекулянты в это время каждый день скупали и продавали на биржах одни и те же акции. Получалась игра в приобретение прибыли, которой на самом деле не существовало... Деньги стремительно обесценивались. Трудившуюся часть HS фактически просто грабили. За свой труд они получали деньги, которые через год обесценивались вдвое.

Кризис

Наблюдатель ждал, когда же этот обман вскроется, когда разразится кризис и ростовщиков начнут всячески уничтожать. Но Он их недооценил. Он увидел, как всем HS было разъяснено, что главной целью всего вида и отдельных его представителей является бесконечный процесс производства товаров и услуг, и не важно — каких. И что, удачно участвуя в этом процессе, каждый из них может добиться власти и преуспевания.

Это стало походить на какую-то игру. А игры вид HS полюбил с младенчества — гладиаторские бои, кости, карты, футбол, реалити-шоу... Но, в отличие от игр, в которых могли пострадать лишь тысячи игроков и болельщиков, угроза от игры «Экономический рост» нависла уже над всем электроном.

Наблюдатель видел, что безудержное производство привело к признакам глобального потепления. Он с ужасом обнаружил, что ледники стремительно тают, а направления морских течений меняются подобно взбесившейся магнитной стрелке компаса. Ученые HS тоже были этим обеспокоены: при таких темпах полярные ледники растают уже через двадцать лет, и тогда затопятся прибрежные города, исчезнут запасы пресной воды... Выход был: заменить получение энергии за счет сжигания трупов растений и животных на использование других, уже открытых новых энергетических источников. Наблюдателя очень удивляло, что HS, научившись использовать энергию своего светила, не отказались от органического топлива. Но затем Он понял, что даже то топливо, что будет добыто через сто лет, продано уже сейчас, как и акции компаний, которые займутся добычей, при этом реальная их стоимость — в сотни раз меньше.

А властители HS, дабы рядовые жители электрона не отвлекались на «бредовые опасности», о которых предупреждали ученые, создали индустрию развлечений — спортивные состязания, шоу и, главное,— ураган рекламы, заполнившей умы призывами покупать, покупать больше, а если повезет,— стать одной из звезд этой рекламной жизни (певцом или футболистом), кем угодно с телеэкрана или обложки глянцевого журнала. Главное — поменьше думать о том, во что превращается окружающий мир. Перспектива же избрать

другой путь — исследователя, ученого — представлялась как удел неудачника. И никого не заботило, что большинство фильмов пробуждало дремлющую у маньяков тягу к убийствам, а спортивные состязания, призванные дать выход врожденной агрессии и умиротворить состязавшихся, приводили к массовым кровавым побоищам болельщиков.

Качество «звезд», которые постоянно боролись теперь за свое место в жизни, при внимательном изучении поражало: они были откровенно глупы, пошлы, а после пластических операций выглядели как восемнадцатилетние особи, пережившие жуткую железнодорожную катастрофу и чудом сшитые по кускам искусным хирургом. Наблюдая и слушая их, Наблюдатель думал: этому надо было долго учиться или достаточно просто родиться такими уродами? Поначалу Ему казалось, что они просто играют роли таких примитивов, но скоро Он обнаружил, что в повседневной жизни они, окончательно ошалев от наркотиков, выпивки и спаривания с представителями своего же пола, равно как с прочими одушевленными и неодушевленными предметами, стремятся избавиться от ощущения своей ущербности, превращая в себе подобных всех других HS.

На Его глазах деградировала и элита HS. Яркие особи, выделявшиеся из миллионов, исчезли. Ему показалось сначала, что HS создали примитивно думающие манекены, которые теперь замещают их лидеров. Но, как выяснилось, это живые HS, действительно управляющие обществом. А жизнь большинства постепенно превращалась в бесконечный и бездарный сериал. Дабы внести в этот «сериал» повседневной жизни вида интригу, начали избирать в президенты гомосексуалистов, затем — трансвеститов, и, наконец, бесноватых гуру, отсидевших по два десятка лет за мошенничества, а то и массовые убийства...

Законы, которые должны были обеспечить защиту интересов большинства и дальнейшее развитие всего вида, теперь принимались ворами и исключительно в интересах воров. Публичные скандалы с вирусами-градоначальниками, превращавшими управление городами в семейный бизнес, перестали быть чем-то исключительным и, главное, практически не имели последствий. Более того, другие вирусы-чиновники после редких отставок виновных заявляли, что годами все это знали и держали ситуацию под каким-то контролем. Основная масса HS словно впала в спячку или анабиоз, периодически выходя из него для того только, чтобы что-то купить или на что-то поглазеть.

Теперь миллионы HS теснились на малюсеньких площадях, создавая друг другу огромное количество проблем и неудобств. Более половины вирусов мучительно выживали в мегаполисах, которые располагались в прибрежных зонах и каждую минуту Его наблюдений испытывали разрушительное действие гигантских волн и землетрясений. В то же время огромные безопасные территории пустовали. Искусство HS теперь вырождалось, наука, открывшая им путь к другим электронам, не получала средств даже для создания систем защиты их мира от метеоров и астероидов, которые миллионами вращались вокруг них. Зато огромная часть средств тратилась на развлечения. Так удобнее,— понял Наблюдатель. Удобнее управлять этими превращающимися в зомби HS. Удобнее для тех, кто вел их в этом виртуальном мире виртуальных ценностей...

Он долго не мог понять, зачем ростовщикам нужна власть в такой клоаке, и почему они ничего не делают для сохранения первозданной красоты этого мира. Но после понял, что ростовщики сами очень примитивны и, подобно другим паразитам, просто превращали сильный организм, соками которого питались, в гниющую массу. А потом гибли вместе с ней.

Удивительно, но, взрослея, вид HS глупел, теряя способность самостоятельного осмысления ситуаций и принятия решений по любым вопросам — от покупки моющего средства до выборов лидера. Их уже не волновала собственная жизнь, они переживали за персонажей реалити-шоу, за свадьбы-разводы спортивных звезд... И во всех вопросах ориентировались теперь на мнения актеров и спортсменов. Они словно забыли, что совсем недавно даже мысль о том, что бродячие клоуны с несколькими заученными ролями, и гимнасты, в мозгах которых шевелились исключительно бицепсы, могут что-то советовать, а тем более участвовать в общественном управлении, показалась бы им такой же дикостью, как предложение прооперировать больного HS у обезьяны. Теперь же они не только доверялись во всем этим полуманекенам, но интересовались их жизнью больше, чем собственной. Ростовщики превратили общество HS в стадо примитивных животных, тупо ожидающих, когда их покормят, подоят и отведут на бойню. Щупальца банкиров-ростовщиков, менял и спекулянтов, словно невидимые нити метастазов, опутали и душили всю планету,...

Ему было искренне жаль их. Он наблюдал за их жизнью уже двести дней и даже привык к ним. Но вдруг представил себе, как эти уродливые твари захватывают электрон за электроном и идут все дальше, поражая свою Вселенную, а по сути — уже Его самого.

И Наблюдатель решил вмешаться.

Вспомнив, как изменился однажды этот мир от случайного столкновения с их планетой маленькой пылинки, он выбрал похожую и медленно занес ее над их голубым электроном...

Мир рисков

Сначала — немного истории последних лет.

Лето 2010 — аномальная жара в России. Лесные пожары и гибель урожая зерновых. Ливневые дожди в Пакистане стали причиной наводнения, оставившего без крова 4 млн человек. Авария на двух подстанциях Петербурга парализовала работу метро, в значительной части города на несколько часов было прекращено электро- и водоснабжение.

22 апреля 2010 — авария на нефтедобывающей платформе Deep Water Horizon. В воды Мексиканского залива вылилось около 5 млн баррелей нефти. Экономический ущерб составил, по разным оценкам, от 50 до 100 млрд долларов.

21 марта 2010 — извержение вулкана в Исландии. В результате на недели было заблокировано воздушное пространство Европы.

12 января 2010 — землетрясение на Гаити. Погибли 220 тыс. человек, 300 тыс. получили ранения, более миллиона остались без крова.

12 сентября 2008 — начало системного финансово-экономического кризиса. Крах ипотеки, потеря рабочих мест, сокращение социальных расходов. Кризис ударил по всем странам мира.

Август 2005 — ураган «Катрина». Разрушения в штате Луизиана, затоплен Новый Орлеан. В результате стихийного бедствия погибли 1836 жителей, миллионы вынуждены были покинуть город. Экономический ущерб составил 81,2 млрд долларов. В сентябре разрушительные действия «Катрины» продолжил ураган «Рита». 108 нефтяных платформ оказались полностью выведены из строя, еще 53 получили серьезные повреждения. Экономический ущерб превысил 80 млрд долларов.

Декабрь 2004 — на побережья Таиланда, Индии и Индонезии обрушилась десятиметровая цунами. Она была вызвана самым мощным за последние сорок лет землетрясением. Количество погибших составило около 300 тысяч человек.

Август 2003 — мощнейший электромагнитный импульс обесточил Нью-Йорк и другие города на Восточном побережье США и Канады.

11 сентября 2001 — атака на башни Всемирного торгового центра в Нью-Йорке. Этот террористический акт заставил американцев расстаться с иллюзией о неуязвимости их сверхдержавы.

26 января 2001 — землетрясение в Индии силой 7,7 балла по шкале Рихтера. По разным оценкам, погибло от 30 до 100 тысяч человек. Более чем 200 тысяч ранены.

События последнего десятилетия создают ощущение, что XXI век открыл в нашей жизни страницу повышенных рисков и катастроф. Так ли это на самом деле? Чтобы ответить на этот вопрос, для начала нужно понять, что же такое — риски.

Риски: что это такое и откуда они берутся?

Очевидно, что под риском понимается возможность наступления неблагоприятного события. Всякий риск характеризуется степенью последствий, временем ожидания и его вероятностью. Вероятность опасного события, определяемая наличием источника угрозы и статистикой проявления, связана со временем его ожидания. Чем больше рассматриваемый период времени, тем выше вероятность того, что опасное событие произойдет именно в его пределах. В зависимости от того, направлен ли риск на конкретного человека или на группу людей (вплоть до всего человечества), можно говорить об индивидуальных, локальных, региональных и глобальных рисках.

По степени последствий для вида Homo sapiens их можно разделить следующим образом:

— потеря имущества и качества жизни;

— утрата достижений в системе общественного управления и общественного сознания;

— потеря здоровья;

— деградация;

— гибель сообщества.

Наиболее воспринимаемое понятие — это индивидуальный риск. Каждый знает, что езда на автомобиле со скоростью 200 км/час или купание во время грозы — весьма рискованное занятие. И наш мозг автоматически анализирует информацию, связанную с какой-либо опасностью, опираясь на данные статистики и накопленные знания. Другое дело, что мы реагируем только на те риски, которые воспринимаем, а воспринимаем мы только те, которые имеют осязаемую вероятность реализации в течение понятного нам периода времени. А события даже катастрофического характера, но происходящие раз в сотни, тысячи или миллионы лет, нас могут вовсе не интересовать, поскольку бесконечно далеки и не касаются лично нас. И напрасно.

Вероятность того, что на нашу планету именно сегодня упадет крупный метеорит и это вызовет глобальные последствия, ничтожна, но на миллион лет такая возможность гарантирована. Или такой факт. Примерно 4000 лет назад, вследствие тектонической активности, образовалось русло реки Невы и соединились воды Ладожского озера и Финского залива. И если в районе современного Санкт-Петербурга в течение последних 4000 лет серьезных землетрясений не было (а раньше, согласно геологическим данным, они происходили регулярно), то это означает, что в ближайшие 100 лет их вероятность будет стремиться к 100%.

Исследование рисков тесно связано с теорией вероятностей. В самом популярном изложении, применительно к повседневной жизни это выглядит так: если существует некое количество событий, каждое из которых имеет низкую степень вероятности, то возможность реализации одного из этих событий определяется суммой вероятностей каждого из них. Таким образом, с увеличением количества потенциально опасных явлений вероятность возникновения одного из них возрастает.

На протяжении всей своей истории сообщество Homo sapiens подвергалось рискам опасных явлений различного масштаба, различных по своему происхождению. Если историю нашей планеты сжать до одного года (считая, что она родилась 1 января), то динозавры появились на ней только в середине декабря, а первые люди — всего за несколько часов до окончания года. Но даже за этот короткий промежуток времени человек столкнулся с такими глобальными катастрофами, как несколько ледниковых периодов, извержения вулканов Тобо и Кракатау. В относительно спокойной обстановке мы живем лишь последние 5000 лет — то есть, если исходить из указанного выше масштаба, не более получаса.

Анализируя риски применительно к человечеству, можно выделить две основные группы источников их происхождения.

1. Внешние. Они, в свою очередь, делятся на:

— космические (падение небесных тел, изменение солнечной активности);

— эндогенные или тектонические (землетрясения, извержения вулканов, цунами);

— экзогенные (ураганы, наводнения, оползни, сели, засухи);

— межвидовые (исходящие от других представителей, населяющих нашу планету.

2. Внутривидовые. Они возникают вследствие взаимодействия между представителями Homo sapiens и связаны с жизнедеятельностью вида.

А теперь рассмотрим некоторые группы рисков отдельно.

Риски космические и тектонические

С точки зрения масштаба и силы воздействия на биосферу Земли наибольшее влияние на жизнь планеты всегда оказывали угрозы из космоса и геотектоника. При этом, если непосредственное воздействие этих явлений можно определить как локальные, то климатические изменения, вызванные ими, могут иметь региональные и даже общепланетарные последствия. 250 млн лет назад, после длительного периода активной вулканической деятельности и наступившего затем изменения климата погибло 95% всех видов живых организмов. Метеорит, который 65 млн лет назад упал в районе мексиканского полуострова Юкатан, вызвал глобальное похолодание, наступившее после того, как в атмосферу попали миллиарды тонн пепла и газов. Это привело к вымиранию 70% обитавших на планете животных и совершенно не оставило шансов на выживание динозаврам, владычество которых длилось к тому времени уже 150 млн лет.

По расчетам ученых, небесные тела диаметром до одного километра врезаются в Землю один раз за несколько сотен тысяч лет. А вот внутрипланетарные риски проявляются значительно чаще. Суперизвержение вулкана Тобо, которое произошло около 73 тысяч лет назад, вообще едва не погубило нарождавшееся человечество. В результате гигантских вулканических выбросов температура на планете понизилась, начался очередной ледниковый период. От населения Земли, которое в те времена составляло около миллиона человек, после извержения осталось всего несколько десятков тысяч. Это было почти полное вымирание.

Риски экзогенные

Следствием климатических изменений, вызываемых космическими и геотектоническими процессами, становятся экстремальные природные явления на поверхности нашей планеты. Ледниковые периоды и длительные засухи всегда оказывали на жизнь человечества колоссальное влияние. В течение последних пятидесяти тысяч лет существования Homo Sapiens более тридцати пяти тысяч лет приходится на казанцевское и зыряновское оледенения. Именно они явились причиной миграций одних сообществ первобытных людей и вымирания других.

4000 лет назад изменение интенсивности Гольфстрима привело к сокращению осадков в районе современной Эфиопии на 80%, что повлекло за собой гибель целой цивилизации. С засухой, которая началась примерно 4200 лет назад и длилась около трехсот лет, связан коллапс великой империи аккадов в Месопотамии. Предположительно, именно засухи сыграли решающую роль в исчезновении цивилизации майя: эти люди были вынуждены покинуть свои города по причине того, что пересохли водохранилища, в которые они собирали воду для орошения полей. Катастрофические изменения водного баланса Нила неоднократно приводили к массовому голоду и гибели жителей Древнего Египта. Первоначально и Сахара представляла собой не пустыню, а африканскую степь-саванну. На ее территории кипела жизнь, а фауна была аналогична фауне современной саванны. Засуха началась здесь 5—7 тысяч лет назад.

Риски межвидовые

К межвидовым рискам относятся опасности, которые грозят человеку от населяющих планету представителей фауны. Это хищники, ядовитые змеи, насекомые и пр. Условно сюда можно отнести и бактерии, вирусы, которым не нашлось места в классической систематике Карла Линнея. На протяжении веков бактериально-вирусные инфекции существенно влияли на выживаемость Homo sapiens — микробный мир уничтожил людей больше, чем все войны взятые вместе. С 542 по 767 год н. э. пандемия чумы унесла 40 млн жизней. Средневековые эпидемии «черной смерти» погубили еще 25 млн. Перед окончанием Первой мировой войны на человечество обрушилась пандемия «испанки». За восемнадцать месяцев (1918—1919 гг.) от этого вирусного заболевания умерло более 50 млн человек. «Испанкой» было заражено более двадцати процентов населения планеты. Ежегодно в мире 3 млн человек умирает от СПИДа и 1 млн — от гепатита-В.

Что до ядовитых змей, то опасность их не так велика, как кажется. По данным ВОЗ, от укусов змей в мире ежегодно страдают около 500 тыс. человек, из которых погибают не более 40 тыс. И последнее место среди потенциальных угроз занимают акулы. Вероятность стать жертвой этих кровожадных хищников — в 15 раз меньше, чем от кокосовых орехов, которые ежегодно убивают 150 человек, падая им на головы.

К гораздо более значительным межвидовым рискам следует отнести падеж скота, уничтожение урожаев насекомыми, млекопитающими и птицами.

Риски внутривидовые

К внутривидовым рискам следует относить не только угрозы, исходящие непосредственно от человека, но также явления, препятствующие реализации потенциала в части выживания и развития всего вида.

Более 800 тысяч лет жизнь представителей нашего вида определялась и зависела от системы отношений, формировавшихся между членами сообществ. Совместная охота, воспитание потомства, защита от хищников, природных катаклизмов и представителей других племен регулировалась общественными отношениями, которые не только определяли порядок в социуме, но и, в конечном счете, обеспечивали выживание и развитие Homo sapiens. Общественные отношения развивались от самых примитивных форм — обычаев, традиций, устных законов, до конституций и выборов президентов, а механизмы реализации систем этих отношений определяла законодательная и исполнительная власть.

По мере развития навыков, ремесел, увеличения числа членов сообществ и развития связей между отдельными группами возникли экономические отношения — как составная или производная часть от общественных. На протяжении долгого пути, от прямого обмена товарами до современного уровня глобальной экономики, они регулировались общественными отношениями и властью, которые обеспечивали защиту от рисков и угроз как внутри сообщества, так и приходящих извне. Но в последние 200 лет ситуация изменилась: система, которая должна была защищать членов общества от рисков, сама сделалась производной от экономики. Истребление объектов охоты и рыболовства, лесов и плодородных земель, нерациональное ис-

пользование природных ресурсов всегда приводило к ухудшению условий жизни, угрозам выживанию и дальнейшему развитию, к кризисам в общественных отношениях — к беспорядкам, бунтам, смене власти и войнам, к деградации и вырождению сообществ. В последнее время экономический рост, провозглашаемый в качестве основной цели нашего существования, и использование общественного труда для производства продукции сомнительной необходимости вызывают катастрофическое истощение природных ресурсов, ухудшение качества жизни и окружающей среды. Безудержная гонка за экономическими показателями обостряет межгосударственную конфронтацию и не позволяет объединить усилия и сосредоточиться на противодействии угрозам выживанию всего вида. А время отведенного нам безопасного периода стремительно тает, и в нашем противостоянии неизбежным климатическим изменениям и угрозам из космоса шансов остается все меньше.

И вот здесь — пристальнее посмотрим на экономическую составляющую жизни человеческого общества.

Экономическое развитие, биржи и виртуальная экономика

Научно-технический прогресс и экономическое развитие влияют на жизнь человечества уже несколько тысячелетий, именно поэтому нас так интересуют сегодня оценки состояния экономики и ее перспектив. Любой нормальный человек понимает экономическое развитие как увеличение количества и качества доступных потребляемых товаров и услуг. При этом часто употребляемый термин «рост ВВП» ассоциируется у нас с экономическим развитием и реальным ростом производства. Однако так ли это?

В структуру ВВП входят результаты не только реального производства в промышленности, сельском хозяйстве и строительстве, но также и спекуляций на финансовых, фондовых и сырьевых рынках, и многочисленных фьючерсных, оптовых и розничных перепродаж одного и того же товара. Понятие ВВП предложил в 1934 году американский экономист Саймон Кузнец.

Как изобретение статистики XX века ВВП не столько связан с реальным экономическим ростом, сколько служит отражением темпа роста денежной массы. И с помощью биржевых спекуляций создается уже виртуальная экономика, которая порождает иллюзию экономического роста. В структуре ВВП США финансовый сектор, операции с недвижимостью, наценки оптовой и розничной торговли составляют 33,4%, в то время как реальное производство — в промышленности, сельском хозяйстве и строительстве — составляет не более 18%. А это означает, что рост ВВП может быть следствием финансовых спекуляций и многочисленных перепродаж даже при общем падении производства в реальной экономике. В качестве иллюстрации. Мировой ВВП, составлявший в 1980 году 12 трлн долларов, в 2010 достиг 68 трлн. Но количество денег увеличилось при этом в 11 раз — с 5 до 55 трлн, что означает: денежная масса росла в два раза быстрее, чем производство [1].

[1] Данные взяты из статьи «Почему растут цены и как с этим бороться» 24.02.2010 // http:// socialistworld.ru/materialaly/ekomicheskiij.

Как до, так и после индустриальной революции экономический рост определялся научно-техническим прогрессом и ростом населения, которому требовалось все больше товаров и услуг безусловного спроса, также необходимо было развитие инфраструктуры. По мере увеличения масштабности проектов росла потребность и в привлечении материальных ресурсов. Так возникли первые акционерные общества.

Из товарных бирж, на которых продавалась реальная продукция, а не фьючерсы, произошли фондовые биржи. Первая такая биржа возникла в Голландии еще в 1592 году. Первоначально, вкладывая деньги в реальную экономику, акционеры способствовали реальному экономическому росту. Акции выкупались не ради спекуляций, а в расчете на дивиденды, их продажи носили достаточно редкий характер и происходили не чаще, чем один раз в два-три года. Сегодня же акции приобретаются с целью их последующей перепродажи, и их цена, как и цены на сырье, преимущественно определяется количеством доступных денег, в том числе кредитных. Следовательно, по мере увеличения денежной массы цена на акции растет. Это в свою очередь обеспечивает рост ВВП и позволяет снова увеличить денежную массу. Так — до бесконечности! Чем же иначе можно объяснить тот факт, что за последние 30 лет на Нью-Йоркской фондовой бирже (которая была открыта в 1792 году и проводила продажи акций с самого начала) сложилась ситуация, когда стоимость всех акций соответствует их доходности за тысячи лет (!) и, по оценкам экспертов, превышает сегодня мировой ВВП в 200 раз?!.

Деньги, ростовщики и банки

С момента своего появления деньги обнаружили одно полезное свойство: их можно было копить и даже давать тому, кто в них нуждался, в рост. Выгоду такой простой операции первыми оценили ростовщики. С ними пытались бороться (безуспешно!) во все времена. Еще в XII веке римские папы грозили им лишением причастия и христианского погребения. Но поскольку даже папы испытывали нужду в деньгах, ростовщичество процветало, а отпущение грехов можно было купить с помощью индульгенции.

Банки, прототипом которых ранее были «кредитные ассоциации», учрежденные купцами в Генуе и Венеции, напрямую ведут свою родословную от ростовщиков. В своем развитии банки прошли несколько этапов. Возникнув как частные образования и выступая первоначально в роли меняльных контор, они довольно скоро стали заниматься хранением денег и кредитными операциями. Изначально банки выполняли две функции. Первая — принятие денег от клиентов для хранения и осуществление выплат в других городах через других банкиров. Вторая — выдача собственных средств в кредит под проценты. Тогда никому и в кошмарном сне не привиделось бы, что банки станут использовать деньги клиентов для финансирования рискованных проектов или кредитования других клиентов.

Теоретически, имеющийся объем национальной валюты должен соответствовать объему всего товара страны, включая объем предлагаемых услуг, которые можно приобрести за эти деньги в данный момент или в ближайшей перспективе. Денежная масса должна контролироваться как некая постоянная величина, увели-

чивающаяся или уменьшающаяся в зависимости от производимого объема товаров и услуг. По сути, печатая деньги, финансовая система должна гарантировать, что трудящаяся часть населения этой страны произведет товары и услуги, которые обеспечат реальную стоимость этих денег.

Создание в 1913 году Федеральной резервной системы США стало самой грандиозной аферой всех времен и народов. ФРС, в структуру которой входят 12 региональных Федеральных резервных банков, является, по сути, частным банком. С 1914 по 1919 год денежная масса была увеличена почти вдвое, а с 1921 по 1929 год возросла еще на 69%. В результате этого Америка оказалась на пороге Великой депрессии.

Окрепшая в результате Второй мировой войны экономика США окончательно закрепила мировое доминирование доллара. Не обошлось, однако, без попыток противодействия. В 1965 году открытую войну «зеленому фантику» объявил тогдашний президент Франции Шарль де Голль. На брифинге в Елисейском дворце он напомнил присутствующим, что правила международного валютного обмена были установлены на бесспорной основе золотого стандарта, а позже сообщил президенту США о своем намерении обменять полтора миллиона долларов купюрами на «живое золото» по официальному курсу — 35 долларов за унцию. Примеру де Голля, который за два года сумел облегчить Форт-Нокс более чем на 3000 тонн золота, пожелали последовать другие страны. В итоге золотой запас США сократился до критических размеров, и это привело к тому, что в декабре 1971 года золотой стандарт был отменен и бумажные деньги перестали обеспечиваться желтым металлом. Это изменило их сущность коренным образом: теперь денежный знак является лишь векселем или облигацией.

Как мифы о ВВП и спекулянты (инвесторы) влияют на вашу жизнь?

Для начала приведем цитату из выступления на заседании бюджетного комитета правительства одной из стран Еврозоны:

«Чтобы покрыть убытки банков из-за неудачных операций на фондовых биржах, мы будем вынуждены обеспечить дополнительную эмиссию денег для выделения льготных кредитов этим банкам, что неминуемо приведет к росту инфляции. Либо выделить банкам средства за счет сокращения бюджетных расходов и увеличения налогов. В любом случае за потери спекулянтов будут расплачиваться налогоплательщики».

Это — очень характерное заявление. Подобных можно привести не одно, и в итоге очевиден вывод: разговоры о том, что рост биржевых котировок стимулирует экономику,— не более, чем миф. После первичной продажи акций их эмитентом вырученные средства могут действительно направляться на развитие компании, но при последующих перепродажах повышение цены на акции (даже в сотни раз!) не принесет в развитие производства ни рубля. Выгоду получат только спекулянты. В покупке и продаже акций и фьючерсных контрактов на фондовых биржах участвуют компании, финансируемые банками и зачастую тесно связанные с ними. При кризисном падении стоимости акций вложенные средства, которые фактически являются деньгами вкладчиков банков, теряются. Чтобы избежать

банкротства банков, государство вынуждено выделять им дополнительные льготные кредиты, что приводит либо к увеличению налогов, либо к сокращению бюджетных расходов на обеспечение безопасности, социальные нужды, образование и прочее. Спекуляции же на товарных и сырьевых биржах приводят к повышению цен на товары и услуги безусловного спроса — продовольствие, энергетику. В итоге, если вы фермер и, например, получили в этом году хороший урожай пшеницы, который продали по цене 300 долларов за тонну, а через два года вам потребуется приобрести то же количество зерна, то выяснится, что на вырученные деньги вы сможете купить его в два раза меньше.

Таким образом, возникает вопрос: стоит ли радоваться приходу на наши биржи инвесторов и спекулянтов и нужно ли расстраиваться, когда они уходят, а нам говорят об оттоке капитала из нашей национальной экономики, умалчивая при этом об инфляционном эффекте таких «инвестиций»?

Существующая финансово-банковская система приводит к тому, что на ваши деньги, хранящаяся в банке, спекулянты играют на бирже, и в случае их проигрыша вы рискуете своими накоплениями, либо государство даст им льготный кредит, но — за счет сокращения бюджетных расходов. Если же игра оказывается удачной, они взвинчивают цены на нефть, металлы, продовольствие и т. д., и вы — опять же за ваши деньги! — получаете инфляцию.

Деньги, эта основа сегодняшнего общественного устройства и взаимоотношений, стремительно обесцениваются, и подавляющее большинство населения фактически лишено возможности накопить средства на приобретение жилья — «предмета первой необходимости» для создания и существования семьи. В частности, поэтому все больше денег тратится и на чепуху,— зачем пытаться накопить на что-то значительное, если это нереально? И мишуры производится и продается все больше, и растет ВВП...

Парадоксы и риски современного мира

В мировом ВВП, составляющем десятки триллионов долларов, до 25% приходится на индустрию развлечений, финансовые и торговые спекуляции и наценки. В то же время проект установки в околоземном пространстве отражающих поверхностей, снижающих интенсивность солнечной радиации, на который требовался 1 трлн долларов, признается неоправданно дорогостоящим. Для сравнения: стоимость большого адронного коллайдера составляет 9 млрд долларов, а трансферы только для футболистов УЕФА обходятся в 8 млрд в год!

Между тем риски внешних угроз никуда не исчезают. С орбитой Земли пересекаются траектории движения около 100 тысяч космических объектов, способных вызвать самые опасные последствия. Наглядное представление о таких событиях дало произошедшее в 1994 году столкновение кометы Шумейкера с Юпитером. Велика и вероятность столкновения с Землей астероида Апофис.

Вызывает тревогу и следующий факт. По последним данным, объем гелиосферы и интенсивность потоков «солнечного ветра», способствующих, кроме всего прочего, защите озонового слоя Земли от катастрофических выбросов гамма-излучения при взрывах «сверхновых», за последние двадцать лет уменьшились на 30%.

То есть при всех достижениях науки мы, как и тысячи лет назад, беззащитны перед опасными явлениями планетарного масштаба.

Выбор приоритетов в нашей повседневной жизни наглядно отражается в том, как оценивается (в денежном выражении, разумеется) общественная полезность различного труда. Проще говоря, интересно сравнить, кто сколько зарабатывает в месяц. Вот данные.

Президент США	$40 000
Опытный врач США и Еврозоны	$30 000
Фермер США и Еврозоны	$3000—$5000
Президент России	$13 000
Брокер-инвестор на фондовой бирже	$1 000 000
Звезда профессионального спорта	$500 000
Киноактер	$400 000
Футболист УЕФА и хоккеист НХЛ	от $20 000

Сегодня источником рисков становится и сам факт использования наличных денег. Именно в XXI веке появилась реальная возможность полностью заменить наличные деньги электронными платежами, но такая система до сих пор не введена. В то же время незаконная торговля оружием и наркотиками, коррупция и террористические акты возможны только при использовании наличных денег. И дача взятки чиновнику с использованием пластиковой карты выглядела бы просто абсурдной. Оборот наркотиков также отвлекает сотни миллиардов именно наличных долларов. Как видим, создается до странности парадоксальная ситуация...

Есть и еще один фактор — географии расселения человечества. За последние десять тысяч лет интенсивность опасных природных явлений практически не менялась, а человеческие потери от их воздействия возросли. Происходит это главным образом потому, что население концентрируется в потенциально опасных районах, подставляя, фигурально выражаясь, под один удар все больше голов. В древности люди селились на прибрежных территориях по необходимости: земля здесь была наиболее плодородна, а близость к морю решала проблему перевозок. Концентрация таких поселений была не слишком высока, к тому же здесь не строили таких опасных при разрушении объектов, как высотные здания, химические заводы и т. п. Сегодня около половины населения Земли живет в прибрежных зонах морей и океанов. При этом — часто в мегаполисах. Очевидно, что в крупном городе уровень риска для индивида неизмеримо выше, чем в маленьком, но население мегаполисов увеличивается с каждым днем. И это при том, что мы становимся все более зависимыми от результатов технологизации нашей повседневной жизни и все более уязвимыми при сбоях и отказах систем нашего жизнеобеспечения.

Самый простой способ снижения рисков — удаление защищаемого объекта как можно дальше от источника опасного явления. Первобытные люди и животные просто покидали неблагоприятные места обитания. К миграциям их вынуждали перемещения объектов охоты, засухи, наводнения, землетрясения, изменения климата. Позднее человек научился снижать эти риски, создавая защитные сооружения, развивая науку, технику и медицину. Общественные отношения всегда

определяли необходимость выделения значительной части общественного продукта в первую очередь для защиты от внешних угроз. И лишь конец XX и начало XXI веков охарактеризовались парадоксальной ситуацией: на фоне мощнейших природных источников опасностей и рукотворных катастроф огромный научно-технический потенциал, реально позволяющий обеспечить снижение этих рисков, растрачивается на производство ненужных вещей и развлечений.

Конечно, создание систем противоастероидной защиты может показаться идеей для создания фантастического фильма. Но разве не такой же фантастикой показался бы проект современного реактивного истребителя на фоне фанерных конструкций первых аэропланов? Что же касается финансовых затрат на создание систем космической защиты, то какими бы астрономическими они ни показались, альтернатива им одна — гибель всей нашей цивилизации.

Виртуальная экономика и виртуальная жизнь

Чтобы мы поменьше задумывались о парадоксах и рисках современного мира, а также ради изъятия из оборота огромного количества денег, не обеспеченных товарами и услугами естественного спроса, создана целая индустрия развлечений — коммерческий спорт, бесконечные сериалы, модные шоу и бренды и прочее.

Причина ее создания — перепроизводство денег, а удобным поводом стала здесь склонность представителей вида Homo Sapiens к развлечениям. И часто создается впечатление, что спрос на них рождается не сам по себе, а благодаря манипуляциям общественным сознанием, в том числе через СМИ, которые зачастую принадлежат представителям финансовой олигархии. У нас, как у «собаки Павлова», вырабатывают условный рефлекс на приобретение ненужных товаров и приучают к псевдокультуре. По сути, виртуальная экономика с помощью индустрии развлечений толкает нас к виртуальной жизни. А глобальное увлечение сериалами и коммерческим спортом приводит к тому, что интерес к собственной жизни подменяется эмоциональным переживанием за судьбу персонажей мыльных опер и звезд спорта и шоу-бизнеса.

Не сложно понять: развитие индустрии развлечений создает дополнительные риски для каждого человека. Очевидно, например, что фильмы о маньяках подталкивают к активным действиям людей с нездоровой психикой, а спортивные состязания нередко вызывают агрессивное поведение болельщиков и массовые побоища. Тезис об актуальности «хлеба и зрелищ» уже доказал свою несостоятельность на примере распада Римской империи. Очевидно: ситуация, когда целые поколения воспитываются на реалити-шоу и мыльных операх, не может считаться нормальной. И следует задаться вопросом: почему появление таких программ стало возможным также на государственных, федеральных каналах, которые существуют на средства налогоплательщиков и должны ставить своей целью не извлечение дополнительной прибыли, а воспитание и просвещение.

Мы умиляемся врачам и «ментам» из сериалов и не замечаем того, что в реальной жизни окружены врачами, агрессивно навязывающими ненужные лекарства, и силовиками, которые подчас опаснее бандитов.

Вы до сих пор считаете, что понимаете суть происходящего и по-прежнему разумны? А как насчет памятного многим празднования так называемого Миллени-

ума, когда почти все вдруг уверовали, что именно 2000-й, а вовсе не 2001-й год является первым годом третьего тысячелетия?

Так почему это происходит?

Основатель банкирской династии Майер Амшель Ротшильд заявлял в начале XIX века: «Дайте мне контролировать выпуск денег в государстве, и мне нет дела до того, кто пишет законы».

Сложившаяся сегодня ситуация в значительной степени вызвана кризисом общественных отношений. Политическая элита становится менее харизматичной и, за редкими исключениями, вырождается. На начальных этапах существования Homo sapiens лидеров определяли естественным способом — выбирали самого достойного. Эту примитивную форму демократии сменил наследственный принцип передачи власти. По мере развития социальной активности общества наиболее достойные снова стали избираться — от депутатов до президентов. Но сегодня социум пассивен и финансовая олигархия фактически обеспечила себе наследственный принцип передачи власти. Когда деньги обретают реальную власть, а избирательные кампании полностью зависят от финансирования и доступа к СМИ, становится понятно, что ни одна из демократий не может обеспечить достойные выборы. Таким образом, мы вернулись назад — к передаче власти через наследование, но уже через наследование капитала.

Отличительными чертами действительно демократического общества являются всеобщая свобода высказывания и выражения мнений, участие в принятии законов, защищающих интересы большинства, всеобщее реальное равенство перед законом и подчинение ему. Псевдодемократией же является такая система общественного устройства, когда представители власти игнорируют законы, либо принимают их в интересах меньшинства. Это — последствия социальной пассивности, подкрепленной манипуляцией общественным сознанием, и начало деградации. Пусть это прозвучит спорно, но человек отличается от животных не столько разумом (есть масса примеров разумного поведения животных), сколько интеллектом, и вот его-то мы стремительно теряем.

Как показывает история, мобилизация наших усилий происходит в критические моменты, когда вероятность рисков либо их последствий очень высоки. В первую очередь это относится к войнам, во время которых обычно бурно развивается техника. Совершенно очевидно, что общественным трудом должен обеспечиваться в первую очередь продукт объективно востребованный. Именно это происходит в периоды войн, когда в первую очередь важно выжить и победить.

Но сегодня ситуация в планетарных масштабах в целом сходна с военной. У всего человечества есть общий враг — комплекс угроз выживанию. Так почему же огромная часть общественного труда тратится на производство в целом ненужных вещей в ущерб безопасности?! Объяснение, что именно их производство создает рабочие места — просто чушь. Например, создание в околоземном пространстве миллионов защитных отражающих поверхностей как раз явилось бы решением проблемы трудоустройства для огромного количества людей. Но этот проект исключил бы возможность спекуляций. И он не реализуется — по той же

причине, по которой не выходят законы, запрещающие банкам использовать деньги клиентов для финансирования биржевых спекуляций и устанавливающие постоянные ценны на акции в течение года после фиксации прибыли и дивидендов.

Чтобы направить усилия на создание новых технологий, необходимых для нашего выживания, вовсе не нужно дожидаться войн и природных катаклизмов. Нужно лишь не забывать о том, что одной из главных опасностей является как раз *непонимание реального уровня рисков*.

А может быть, для того чтобы лучше понять суть происходящего, нам следует посмотреть на нашу планету глазами стороннего Наблюдателя?

Вся история нашей планеты — летопись мощнейших потрясений и, как это ни печально прозвучит, своего рода некролог тысячам видов, живших и даже господствовавших на ней миллионы лет. И единственным существом на ней, имеющим шанс избежать гибели — благодаря редчайшему дару самозащиты, интеллекту — является человек. И это — как джекпот в лотерее, растянувшейся на миллионы лет. Только вот первый кандидат на получение приза больше похож на субъекта, которому осталось меньше часа, чтобы предъявить выигрышный билет на другом конце забитого пробками города, а он продолжает таращиться на телевизионную трансляцию футбольного матча и отхлебывать пиво...

Заключение

Мы живем в очень уязвимом мире — мире рисков.

Мы — Homo sapiens, Люди разумные, и благодаря этой своей способности мы создали науку и технологии, которые реально позволяют снижать риски в нашей жизни.

Мы пока имеем возможность выбирать власть.

НО:

Современные механизмы экономических отношений и опасная иллюзия того, что экономический рост решит все наши проблемы, все больше подменяют реальные приоритеты нашего существования.

Виртуальная экономика подавляет систему общественно-политических отношений, которые должны обеспечивать нашему виду выживание и развитие.

Мы теряем социальную активность и позволяем манипулировать нашим сознанием.

Мы — на полпути к виртуальной, действительно иллюзорной жизни.

Мы стремительно теряем шансы на выживание. И предпочитаем не замечать этого...

Александр Мазин

ПЯТЫЙ АНГЕЛ

Это неправда, что конец света приходит ко всем одновременно. К Иринке Максимовой он пришел на три часа раньше, чем к Павлу Небрашу.

Павел еще выходил из лифта, напевая: «...show must go on...» и бодренько раскручивая на пальце ключи от «Пассата», а для Иринки уже всё, всё закончилось. Она угрюмо посторонилась, пропуская самодовольного дядьку в элегантном костюме при галстуке...

— Привет! Что такая кислая? — открывая дверь, крикнул дядька.

Он поселился на их площадке год назад, и они частенько пересекались. Но не здоровались.

Иринка слыхала от мамы, что дядьку звали Павлом.

С дядькой Иринка не здоровалась. Он — тоже. Может, считал, что Иринка должна поздороваться первой? Не дождетесь!

Сегодня у Павла было отменное настроение. С отпуском всё получалось, по итогам месяца набежал приличный бонус, да и день обещал быть замечательным...

...Хотя Павлу, в его тридцать три, пора бы уж знать, что обещания сбываются далеко не всегда.

— ...Чего такая кислая?

— Пошел ты...— пробормотала Иринка.

Она не думала, что дядька услышит. Да честно сказать, ей было поровну...

Дядька услышал. И обернулся. Иринка очень хорошо запомнила его лицо с глуповато приоткрытым ртом... Как же — его, такого хорошего, такого успешного, может кто-то послать...

Сказать он ничего не успел. И Иринка, собиравшаяся шагнуть в лифт, шагнуть не успела.

Пол под ногами выгнулся, словно плавучий причал под набегающей волной. За дверью вспыхнуло внезапно и ярко, будто солнечный зайчик в глаз пустили, затем взревело — не так чтобы очень громко... Страшно!

© А. Мазин, 2011

Воздух вмиг загустел — не вздохнуть,— ударил Иринку в грудь и в лицо и зашвырнул в лифт.

Сюда же, в лифт, мгновением позже, с хрустом и треском вбросило дядьку. Страшный рев накатил, будто прямо на дом спикировал самолет, всё затряслось, накренилось, загромыхало. Иринка увидела, как пол на площадке расходится здоровенной трещиной и в эту трещину летит сначала кусок стены с почтовыми ящиками, а потом, медленно клонясь, валится лифт...

Тут хлопнула лампочка, тьма залепила глаза. Пол ушел из-под ног. Иринка закричала и полетела куда-то, но недалеко. Сразу плюхнулась на мягкое. Наверху гремело, скрежетало и скрипело. Снизу тихонько ворчало, возилось и охало.

«Террористы,— подумала Иринка.— Подъезд взорвали. Или самолет врезался. Как там, в Америке... Теперь я умру... И пусть!»

Однако она не умерла. Спустя некоторое время греметь и грохотать перестало. А звуки снизу обрели смысл и оказались адресованы к ней.

— Слезь с меня! Слезь, тебе говорят!

Оказывается, все это время Иринка лежала на том дядьке в костюме.

Ой как неудобно получилось!

Иринка встала на четвереньки, попыталась отползти подальше, но тут же уткнулась во что-то. Похоже, в стенку лифта. Но с дядьки она слезла.

Дядька копошился рядом. Твердая туфля толкнула Иринку в бедро.

— Аккуратней,— сердито сказала она.

— Извини.

Дядька перестал возиться, зашуршал. Карманами, наверное. От дядьки пахло дорогим лосьоном и, куда сильнее, мокрой шерстью.

«Если дом рухнул, то дедушка наконец-то отмучился»,— подумала Иринка.

Ее мир рухнул и развалился три часа назад, оставив в груди ноющую боль и бессмысленную пустоту. Но Иринка всё равно порадовалась, что родители сейчас на работе.

Интересно, их откопают или нет? Как-то невесело будет помирать рядом с чужим недовольным дядькой.

— Черт! — ругнулся дядька.— Где же он? А, вот!

Вспыхнул синий огонек. Яркий такой. У дядьки оказался брелок с фонариком. Иринка поняла, что сидит на боковушке лифта, а в сантиметрах от ее руки чернеет провал в бездну. Хорошо хоть наклон в другую сторону. А то бы съехала вниз...

Иринка отодвинулась поближе к стенке. То есть это теперь была стенка, а раньше — потолок.

Она посмотрела на элегантного дядьку. Да, элегантным его сейчас уже не назовешь. Стильный костюмчик продрался и перепачкался. И лицо у дядьки ободрано...

— У вас кровь...

Дядька схватился за щеку, зашипел: больно.

Но тут же стиснул губы в ниточку и сделал мужественное лицо. Иринке стало смешно. Перед кем он представляется?

— Это когда меня о стенку треснуло, ободрал! — бодрым голосом сообщил дядька. Словно о победе сообщил.— Меня Павлом зовут.

— Ира,— сказала Иринка.— Как вы думаете, что это с нами случилось?

— Похоже на землетрясение,— сказал дядька по имени Павел.

— А я думала — террористы. Или самолет упал.

— Может и террористы,— не стал возражать дядька.— У нас же платформа. Какое, на хрен, землетрясение. Да еще такое...

Иринка ничего не поняла. То есть про платформу. Подумала, может, стоит сделать замечание, чтоб не ругался. Решила: не стоит.

— У меня айфон пропал,— пожаловался дядька.— Видно, выпал. У тебя мобильник есть?

Иринка равнодушно протянула дядьке телефон.

Тот повертел его и вернул его Иринке.

— Не ловит,— сказал он.— Наверное, лифт экранирует. Хотя в принципе не должен...

— А вы вспышку видели? — спросила Иринка.

— Вспышку? — Дядька осторожно потрогал ссадину.— А я думал — это меня так треснуло.

— Вы не трогайте,— сказала Иринка.— Еще инфекцию занесете.

— Да, ты права. Надо бы обработать чем-нибудь? У тебя случайно нет?

— Есть,— сказала Иринка.— Салфетки бактерицидные в сумочке.

Только вот где она? В лифте ее не было.

— А она... наверное, там,— она показала на дыру.

Дядька встал на четвереньки, подполз к краю (осторожно, с опаской), посветил вниз... Сказал с явным облегчением:

— Сумочки не вижу.

Верно, сумочки не было. Зато «бездна» оказалась неглубокой: метра полтора. Внизу — потрескавшийся бетонный пол.

— В подвал провалились,— сказал дядька.— Повезло. Могло прихлопнуть, как жучков. Дом-то, похоже, тю-тю!

Дядька засмеялся.

— Что смешного? — удивилась Иринка.

— Да, понимаешь, я как раз квартиру застраховал. Хотел только машину, но агент уговорил. Мол, оптом, скидка большая. Ну я и застраховал оптом: машину, квартиру и дачу родительскую.

— А родители ваши, они где живут? — спросила Иринка.

— Не здесь, слава богу. Ой, ё-мое! Это ж сколько народу погибло, если дом развалился!

Судя по голосу, дядьке было на погибших начхать. Иринку это царапнуло.

— Ладно, будем вылезать,— сказал дядька и довольно ловко соскочил в дырку.

— Прыгай, я поймаю!

— Я сама,— сказала Иринка, но он всё равно ее подхватил и аккуратно поставил на ноги. Сильный, оказывается. Руки как железные. Спортсмен небось...

— Ага, вот твоя торба!

Дядька сунул Иринке сумочку, подсветил — его крошечный фонарик горел удивительно ярко.

Иринка первым делом достала зеркальце: фу, чумазая! Она протерла лицо салфеткой из пакетика, вторую такую же дала дядьке. Подержала зеркальце.

Дядька кое-как протер ссадины, бросил салфетку и принялся изучать место, где они оказались. Дядьке было интересно, а Иринка вот думала, упал ли весь дом или только их подъезд. И что это было...

— Что же это всё-таки было? — пробормотал дядька.— Может, газ взорвался? Ревело, как гейзер.

— Гейзер? — удивилась Иринка.— Как он может реветь? Это же фильтр для воды.

Дядька хмыкнул презрительно.

Вскоре исследование закончилось.

— Плохи наши дела,— подвел итог дядька.

Так и было. Все проходы-выходы были завалены обломками или перекрыты вставшими на дыбы бетонными плитами.

— Зато мы живы, а значит все не так уж плохо! — тут же добавил он бодренько.

«Мне-то всё равно,— напомнила себе Иринка.— Моя жизнь теперь бессмыс-слен-на!»

Ей стало грустно-грустно.

— Телефон не заработал?

Иринка глянула... Сети не было.

Дядька не унывал. Обшарил всё, потрогал трубы, сказал:

— Холодная вода, если что — от жажды не умрем. Рвануть как следует — и стык разойдется.

— Ну рваните,— равнодушно буркнула Иринка.

— Не сейчас,— покачал дядька головой.— Это на крайний случай, а то еще зальет к чертовой матери...

Нашел кусок ржавой трубы и принялся шуровать в одном из завалов. Синий свет фонарика, поцарапанное лицо и рваный костюм делали его похожим на зомби из кинофильма.

И всё равно даже в таком виде дядька был до отвращения приличный. Респектабельный...

Иринка тихонько присела в стороне и печально думала о своем.

Вскоре дядька бросил трубу и плюхнулся на пол рядом с Иринкой.

— Дай еще салфетку!

Иринка сунула ему всю пачку.

— Ничего,— сказал дядька, утираясь.— Я отверстие расширил, воздух свежий к нам идет, вода есть, суток за двое нас точно откопают. Тебе сколько лет?

— Шестнадцать,— честно ответила Иринка.

— Шестнадцать... Я в шестнадцать любому приключению радовался. А ты такая мрачная...

— Поищите другую, веселую,— буркнула Иринка и встала.

— Да я уже нашел,— сказал дядька и засмеялся.— Кстати, ее тоже Ирой зовут. Она в банке завотделом работает.

Иринка представила себе такую... в очках и деловом костюме.

— Мы с ней две недели назад из Испании вернулись,— сообщил дядька.— Отлично отдохнули. Взяли в рент катер...

Дядьке явно хотелось поговорить. То, что Иринка его не слушала, дядьку не смущало.

Иринка подошла к завалу, в котором ковырялся дядька. Подсветила телефоном. Дырка была размером с суповую тарелку. Оттуда ощутимо поддувало. Не сказать чтоб особо свежим воздухом. По ту сторону было темно. И там кто-то был.

— ...дайвинг роскошный... загорели, как негры...— продолжал делиться впечатлениями дядька.

Иринка представила: море, яхта, пальмы всякие... Она никогда не была на настоящем курорте. Только — в Сочи три раза. Иринка попробовала представить себя в таком роскошном месте. Вот она бежит по белому-белому коралловому песку... Вместе с парнем, красивым, как Киану Ривз...

Ничего не получилось. Зато она отлично могла представить на этом песке дядьку с его банкиршей. Загорелых, красивых, самодовольных...

Из глаз ее сами собой побежали слезы... Вовсе не потому, что она завидовала. Из-за несправедливости мироздания...

«Не любит он ее,— подумала Иринка.— Все они такие. Вместо любви один секс и руки потные...»

За спиной дядька бубнил и бубнил о том, как у него всё замечательно...

А может, так и надо? Любовь не любовь... Какая разница!

— ...отличное вино, и по таким ценам, что просто смешно... А какие там шоу по ночам устраивают...

Нет, разница есть. Пусть весь мир пытается убедить ее в обратном, Иринка все равно знает, что любовь есть...

Была...

Снежная королева тронула сердце ледяными пальцами... Иринка всхлипнула.

Почудилось или нет?

— А вот три года назад, в Каире, вот это было шоу! Ты представляешь: ночью, на фоне пирамид...

Очень мешал дядькин бубнеж.

— Помолчите, пожалуйста,— попросила она.

Дядька сразу умолк.

Иринка прислушалась... Точно. По ту сторону кто-то тихонько поскуливал. Щенок? Нет, не щенок... Щенки не всхлипывают.

— Эй, там! — крикнула Иринка.— Иди сюда!

Тот, за завалом, примолк... А потом громко захныкал. Точно, ребенок.

Дядька тоже услышал. Подошел, заглянул в дыру, посветил своим брелоком.

Плач стих.

— Там ребенок,— сказала Иринка дядьке.

— С чего ты взяла?

— А то вы сами не слышите? — сердито сказала Иринка.

— Вроде скулил кто-то...— не очень уверенно произнес дядька.

— Плакал! Ребенок там!

— С чего ты взяла, что ребенок? Откуда там ребенок взялся?

— А мы — откуда? Да сделайте же что-нибудь! — крикнула Иринка, сама чуть не плача.— Павел! Вы же мужчина!

— Ладно, ладно, только не реви! — бодро произнес дядька.— Сейчас что-нибудь придумаем.

Он заглянул в дырку:

— Эй! — крикнул.— Иди сюда!

Ребенок опять заплакал. Громче и жалобней.

— Позови ты,— предложил дядька.— Вдруг он меня боится.

Иринка позвала. В ответ — только плач.

— А если его придавило? — предположила Иринка.— Надо туда пролезть!

— Как ты туда пролезешь? — буркнул дядька.— Вот одна плита, вон вторая. В каждой — тонн по пять. И сверху еще давит...

Однако под взглядом Иринки он смешался и пошел за своей трубой. Поискав, нашел еще какую-то железяку, поменьше, и принялся вколачивать ее в плиту.

Пока дядька долбил (какой он все-таки здоровенный, точно спортсмен) и отковыривал кусочки, Иринка сидела поодаль и ждала. Плач по ту сторону завала прекратился. Это тревожило...

Дядьке наконец удалось отломить кусок плиты.

— Всё! — выдохнул он, плюхнувшись на пол и пыхтя, как пароварка.— Больше не могу!

Дырка стала побольше. Пожалуй, Иринка смогла бы протиснуться.

Получилось. Хорошо, что она такая худенькая. Встала на ноги, подсветила телефоном.

По ту сторону завала оказался точно такой же подвал.

— Ну как? — крикнул дядька.— Выход есть?

Иринка выход не искала. Она искала ребенка. И нашла.

Мальчишку лет двух, может, чуток постарше. К счастью, его не придавило. Ему вообще страшно повезло, потому что сидел внутри почти целой детской кроватки, которую сверху накрыло здоровенным шкафом. И уже над шкафом громоздился всякий мусор: битые кирпичи, какие-то железки, обломки мебели...

Вылезти сам малыш, ясное дело, не мог. Свернулся клубочком и скулил тихонько. Но, кажется, целый.

У Иринки сердце защемило: как похож мальчишка на ее братика, каким тот был бы года три назад. Такой же беленький, глазастый, похожий на маленькую Иринку...

Иринка сунула малышу мобильник. Тот сразу перестал скулить. Заинтересовался.

Поднатужившись, Иринка выломала пару треснувших прутьев из кроватной стенки. На втором пруте шкаф опасно качнулся... У Иринки сердце упало... Но ничего, не поехал.

— Вылезай, мой хороший!

Оказавшись у нее на руках, мальчишка, сначала напряженный такой, быстро расслабился, прижался тепленьким тельцем... Но мобильник не отдал.

— Ну что там? — Дядька у дыры весь извелся.

— Ничего! Держите! — Иринка отдала ему мальчика. Тот к дядьке не хотел: цеплялся за Иринкину футболку... Оказавшись у дядьки на руках, сразу заревел.

Иринка полезла в дырку и застряла. Зацепилась кармашком. Дядька перехватил малыша под мышку, ухватил Иринку за руку и рванул так, что джинса жалобно затрещала, а Иринка выскочила из дыры, как пробка из бутылки шампанского.

Иринка выругалась сквозь зубы. Ну кто его просил дергать, бугая такого? И бок поцарапала, и на руке теперь синячищи останутся...

Молча забрала у дядьки мальчика.

— Писать хочешь?

Тот помотал головенкой.

— Пить хочу!

Дядька болтался поблизости. Явно не знал, куда себя деть.

— Он пить хочет! — требовательно заявила Иринка.— Что вы там насчет трубы говорили?

Дядька молча двинулся к трубе, дернул — и из стыка с шипеньем ударила струйка.

— Удачно получилось,— похвалил себя дядька и первым делом напился сам.— Нормальная вода, не отравимся.

Иринка порылась в сумочке, нашла колпачок от дезодоранта, кое-как напоила малыша. Потом скормила ему кусочек шоколадки.

Она покупала шоколадки в киоске и каждый раз говорила продавщице: это для братика.

И всегда сначала съедала только половинку. Вторая — как бы для братика.

«Если я умру, о нем больше никто не вспомнит»,— подумала Иринка.

Она точно знала: если бы братик был жив, то ни за что не вырос бы таким уродом, как... этот гад.

Усилием воли Иринка заставила себя не думать о плохом. Всё равно всё в прошлом. Ничего не исправить. Ничего!

— Хотите шоколаду? — сказала она, только чтоб не молчать.

— Ага, давай.

Иринка отломила половинку.

— Для братика купила,— сказала она просто по привычке.

— Братика? — Дядька удивился.— У тебя разве есть брат?

Иринка прикусила язык, но было поздно.

— Он что — не с вами живет? Ни разу его не видел. А сколько ему лет?

Дядьке хотелось поговорить.

— Четыре...— неохотно пробормотала Иринка, добавив мысленно: «...было бы».

— Вот как... Наверное, вам тесновато вшестером — в двушке, да еще с инвалидом...

Иринка мрачно молчала.

— Слушай,— сказал вдруг дядька,— а ведь ты меня дуришь! — Он погрозил Иринке пальцем.— Я же список жильцов смотрел. Нет у тебя никакого братика! Нехорошо обманывать, девочка!

— А аборт делать — хорошо? — злобно бросила Иринка.— Да, я наврала! А его — убили! Из-за таких, как вы! — Иринку уже несло, не остановиться.— Вам, мужикам, только бы в трусы залезть! Никаких чувств, как животные!

Малыш испугался ее крика и заплакал. Иринка опомнилась и запоздало сообразила, что наговорила.

Дядька с полминуты глядел на нее изумленно, потом вдруг расхохотался. И долго не мог успокоиться.

Малыш перестал реветь и тоже захихикал. Иринка сидела как дура...

— Не знаю, как твои ***мужики***,— отсмеявшись, сказал дядька,— но на мой счет можешь не беспокоиться. Я не маньяк-педофил.— Он скорчил малышу рожу и сказал: — Бу-у-у!

Но малыш отвернулся от него и погладил Иринку по щеке. Успокаивал...

— Ты мой хороший,— прошептала Иринка и прижала его к себе.

— О родных не думай плохо,— сказал дядька примирительно.— Разные бывают обстоятельства. Может, еще родят тебе кого-нибудь...

«Кого-нибудь...— подумала Иринка.— А братика-то всё равно убили...»

Но злость ушла. Теплое тельце на руках действовало на нее умиротворяюще.

Дядька погасил фонарик, напевал что-то по-английски. С разговорами больше не лез.

Малыш пригрелся на руках и заснул. Один раз проснулся, вскинулся, позвал маму...

Иринка его укачала.

Так они сидели в темноте. Шипела бьющая из сломанной трубы вода. Наверху что-то шуршало и поскрипывало...

Иринка и сама задремала...

Проснулась от треска и скрежета.

Зябко поежилась: пол бетонный, холодный и стена тоже. Только от малыша тепло.

Дядька тут же зажег свой фонарик.

— Копают! — обрадованно сообщил он.— Быстро же они!

— Не кричите,— шепотом попросила Иринка.— Маленький же спит.

— Да ладно,— мотнул головой дядька.— Сейчас же нас откопают. Давай-ка сюда, в угол, а то еще придавит ненароком.

Иринка осторожно перебралась в угол. Дядька устроился рядом, большой и приятно теплый.

Сверху тем временем шла работа. Хрустело, скрежетало, сыпался какой-то мусор...

А потом между свалившихся балок забрезжил свет: почему-то синий, такой же, как у дядькиного фонарика, и в щель всунулась плоская штуковина, похожая на лапу с четырьмя металлическими когтями.

Иринка испуганно вздрогнула, но дядька уверенно сказал:

— Не бойся, дурочка! Это же экскаватор! Откапывает нас.

— Эгей! — закричал он, вскакивая.— Поаккуратней там! Здесь живые люди!

Лапа на мгновение остановилась... (малыш проснулся, открыл сонные глазенки, огляделся непонимающе)... И снова пришла в движение, ловко поддев и сдвинув целую бетонную плиту. В подвал хлынул свет. Сразу много света, очень странного, фиолетово-синего...

Нет, это был не экскаватор. Совсем не экскаватор. Ничего общего...

Дядька попятился, едва не свалился на Иринку с маленьким, нашарил свою ржавую трубу и встал в стойку. Драться собрался. Только ничего у него не получилось. Он только раз махнуть трубой и успел, потом *это* ухватило дядьку поперек туловища и вздернуло вверх, будто это был не здоровенный мужик, а какой-нибудь щенок...

Но взвизгнул дядька точно как щенок. Потом, уже наверху, заверещал коротко... И примолк.

А *это* метнулось к Иринке. Та успела только отпихнуть подальше малыша (вдруг не заметит) и зажмуриться...

Ничего не происходило. Иринка осторожно открыла глаза. *Это* раскачивалось в полуметре от ее лица. Иринке стало еще страшнее, но она помнила о малыше и шагнула навстречу:

— На! Забирай меня! — звонко крикнула она. Вернее, тонко пискнула...

Это чуть отодвинулось. Иринке показалось, что *это* принюхивается. Хотя ничего похожего на нос, у *этого* не было.

А потом — раз! — и *это* пропало.

Иринка отдышалась немного, пришла в себя, взяла малыша и решительно полезла наверх, цепляясь свободной рукой за прутья арматуры.

Наверху было еще хуже, чем внизу. Знакомого двора, домов... ничего не было. Были развалины, из которых поднимался сизый туман. В тумане мелькали какие-то чудовищные... Существа, машины?..

«Может, это инопланетяне напали?» — подумала Иринка.

И тут снова раздался тот страшный звук: рёв, который Иринка уже слышала, когда всё началось. Обдал ужасом и смолк.

На куче битого кирпича огромным сломанным манекеном лежал дядька. *Это* не стало его жрать. Убило и бросило.

Иринка застыла с малышом на руках, не зная что теперь делать, куда идти...

И тут дядька зашевелился. Встал сначала на четвереньки, потом встряхнулся, как собака, и выпрямился во весь рост. Иринка в первый момент обрадовалась, что он — живой, а потом испугалась еще сильнее, потому что дядькино лицо всё время менялось, будто в жутком мультике. То — нормальное, человеческое, то вдруг обрастало какими-то шишками. То глаза внезапно загорались красным, как у собаки в свете фар.

Иринка попятилась. Или у нее галлюцинации, или это уже не дядька. Вернее, не тот, как его, Павел, с которым они сидели в подвале...

— Ага,— сказал этот, другой.— Привет, детка! — Он осклабился, и стало видно, что во рту у него всё красное. Еще Иринке показалось, что язык у него — раздвоенный. А может, это свет так падал...

Малыш на руках обхватил Иринку за шею, спрятал личико у нее в волосах.

Иринка не пыталась бежать. Понимала, что с малышом ей точно не убежать, а бросить его она не сможет.

— Не бойся, глупышка! Иди ко мне! — Голос липкий такой, склизкий... После такого голоса хочется вымыться с мылом...

Рука потянулась к Иринке... На запястье — круглые часы без цифр, только с палочками. На циферблате — крестик, а под крестиком надпись по-английски: Vacheron Constantin...

Чудовищный рев накатился сверху, ударил как снеговой заряд: Иринку обдало холодом... Зато *этот* испугался, отпрянул.

Зато малыш встрепенулся, поглядел наверх. Заинтересовался.

Этот усмехнулся криво, облизнул губы. Язык уже не раздвоенный, самый обычный. И лицо опять нормальное, человеческое. Очень даже красивое лицо. И мужественное. Почти как у Киану Ривза. Иринка всегда мечтала о таком... друге.

Нет, не так. Не о лице она мечтала. О любви...

Иринка прижала покрепче маленького. Вот он был живой, настоящий...

— Не бойся, глупышка! — «Киану Ривз» вновь протягивал руку.— Идем со мной! Со мной, туда...— Взмах в сторону дымящихся развалин...

Нет, никаких развалин. Синь и белизна морского побережья, утопающие в зелени виллы...

— Врешь ты всё!

Иринка вздрогнула от неожиданности.

Это сказал малыш у нее на руках. Взрослые интонации в детском голоске показались фальшивыми. Будто он подражал кому-то...

— Пусти меня! — потребовал малыш.— Я его прогоню, он — гад!

— Не говори глупостей! — раздраженно бросила Иринка, но тут же опомнилась и добавила ласково: — Ты же босичком. Ножки поранишь, больно будет...

— Не будет,— серьезно-серьезно проговорил малыш.— А вот ему — будет! — Маленький пальчик указал на *этого*...

Ой! «Киану Ривз» снова стал прежним знакомым дядькой. Только каким-то... пришибленным.

— Иди отсюда! — тонким сердитым голосом крикнул малыш, вытягивая ручонки.— Именем пославшего меня! Прочь!

И здоровенный дядька попятился, споткнулся, чуть не упал. Какая-то тень мелькнула у него за спиной. Или это была поднятая ветром пыль?

Иринка мигнула — и дивный мираж пропал. Его закрыло мутное рыжее марево.

Дядька быстро оглянулся... И тут же испуганно шарахнулся.

— Страшно тебе? — спросил малыш.

— Нет! — Лицо у дядьки стало злое, напряженное.

На самом-то деле ему страшно. Только признаться не хочет.

Еще он всё время смаргивал и глаза щурил. Будто на солнце глядел.

— Зачем это тебе? — Крохотный пальчик указал на дядькины часы.

— А? — Дядька уставился на часы.

«Красивые часики»,— подумала Иринка.

— Остерегайтесь подделок! — тоненьким голоском произнес мальчик.

— Да я... Это подарок...— Дядька будто оправдывался.

— Бойтесь данайцев...— назидательно произнес малыш.

«Интересно, кто его родители?» — отстраненно подумала Иринка. Учат ребенка всякой... ерунде.

Но дядьке сказанное не показались ерундой. Он поспешно сорвал с запястья часы и шваркнул оземь.

— Так лучше?

— Молодец,— одобрил малыш.

Иринка ровным счетом ничего не понимала, машинально гладила малыша по голове. Волосики у него были мягкие, пушистые, словно только что вымытые... Как будто грязь к ним совсем не приставала.

— Я взял бы тебя с собой,— «взрослым» голосом произнес малыш.— Но мне нужно целое, а ты — половинка.

— И что делать?

«Чего он боится? — подумала Иринка.— Мне вот совсем не страшно».

И покрепче прижала к себе малыша.

Тот потерся головенкой об Иринкину щеку.

— Хорошая...— прокурлыкал он.

— Она?! — Дядька уставился на Иринку, как будто привидение увидел.

«Мелкая, тощая, невоспитанная... Гейзер — фильтр для воды...»

— У меня есть выбор? — спросил дядька.

— Есть,— сказал малыш.— Но он тебе не понравится.

Дядька еще раз оглядел Иринку. Большой такой дядька. Высокий, плечистый, важный... А лицо такое... Обиженное. Как у ребенка, которому вместо мороженого перловку подсунули. Так смешно!

Иринка не выдержала и засмеялась. И малыш засмеялся вместе с ней... Нехорошо, наверное, было смеяться, ведь что-то страшное случилось с миром, со всеми людьми... Но Иринка продолжала хихикать и никак не могла остановиться... А малыш заливался вместе с ней... И спрятанная под сердцем Иринки боль таяла, таяла... И наконец пропала совсем. И то, что случилось сегодня,— будто не с ней. И не ее Мишка пытался... И не она дала ему по морде... И правильно дала! А нечего! Тоже еще, любовь... С потными ручонками!

Иринке стало еще смешнее, она хохотала как ненормальная... И дядька не выдержал, улыбнулся... Робко так, неуверенно... что Иринке вдруг захотелось и его погладить по голове, как маленького... И смех ее сам собой оборвался.

И тут наверху опять взревело жутко и грозно. Дохнуло холодом и грозой.

— Труба зовет, да? — спросил Павел. И улыбнулся ей уже по-другому, словно подбодрить хотел.

Иринка по голосу опять почувствовала: ему страшно.

А ей, по-прежнему, нет. И еще она подумала, что, когда Павел так улыбается, он такой даже симпатичный. Хотя совсем не похож на Киану Ривза...

— Вот так, значит, всё и закончится,— произнес Павел, глядя на равнину, над которой поднимался подсвеченный багровым дым.— Врата бездны уже открыты, да?

— Тебе-то что? — фыркнул малыш.— Ты, главное, свою жемчужину не потеряй.

Иринка прижала его к себе и поцеловала в макушку. Для нее он по-прежнему оставался маленьким. Какие бы взрослые слова он ни говорил...

— А знаете что...— задумчиво проговорил Павел.— Вы идите, а я, пожалуй, останусь. Всё-таки величайшее шоу человечества. Жалко будет пропустить...

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПРОРОЧЕСТВО МАЙЯ[1]

Сколько раз человечеству обещали Апокалипсис, который не сбывался?

Рубеж веков или столетий, затмение солнца, пролетающая рядом комета — все это могло послужить основанием для мрачных прогнозов о конце света.

Правда, в последнее время что-то неуловимо изменилось и самым популярным становится пророчество майя, связанное с магической цифрой 2012. Почему же мы вспомнили о древней цивилизации, затерянной в глубине веков? Может быть, в воздухе действительно висит предчувствие конца?

Начало майянского календаря приходится на 13 (11) августа 3114 года до нашей эры, день, когда, по легендам, родился пятый мир, зародилась пятая раса.

13.0.0.0.0

Ноль — кин, ноль — уинал, ноль — тун, ноль — катун, тринадцать — бактун. Так выглядит и так читается (справа — налево) первая дата календаря майя.

21 или 23 декабря 2012 года «длинный счет» майя снова будет равен 13.0.0.0.0 (то есть «обнулится»). Календарь закончится. А что начнется?

Что означает 2012 год — просто конец календаря, конец Земли или, может, срок возвращения богов, которые принесут нам новые знания?

13.0.0.0.0 — когда счет «обнулится»

Появление календарей характерно для любой цивилизации: рано или поздно возникает необходимость фиксировать важные события в жизни государства или судьбах правителей, отслеживать цикл сельскохозяйственных работ, ритуальных праздников и годовых церемоний.

Сегодня установлено, что у индейцев майя, в разные периоды, были два календаря. Один, более ранний, состоял из 240 дней, другой из 290 дней. Исследователи считают, что оба они связаны с катастрофами, которые хотя и не изменили радиуса вращения нашей планеты по орбите, но ускорили ее суточное вращение. Причиной такого ускорения, как предполагают ученые, могло послужить перераспределение воды с конти-

[1] Из книги А. Попова «Пророчества майя: 2012». (М.; СПб., 2010).

© А. Попов, 2010

нентов на полюса, произошедшее в ледниковый период. А он, по мнению некоторых исследователей, как раз и являлся последствием глобальной, возможно атомной, катастрофы, которая погубила одну из древних цивилизаций нашей планеты.

Существует любопытный физиологический опыт, проводившийся несколько раз и учеными разных стран, с целью выяснить, с какой скоростью идут внутренние биологические часы человека. Человека помещают в закрытое пространство, где ничто не может подсказать ему хоть какие-либо промежутки времени. Сначала подопытные живут по 24-часовому циклу, затем их сон и бодрствование начинают смещаться и приходят в полный хаос, а затем у многих людей стабилизируется сон и бодрость в режиме 36-часовых суток. Наиболее объемное исследование на эту тему было проведено в Бернском Общественном институте. Совместная 10-летняя работа группы антропологов, психологов и генетиков выявила, что 24-часовой ритм остается только у половины человечества. 42% начинают жить по 36-часовому распорядку, а примерно 8% — по 22-часовому. Исследователи считают результаты этого опыта доказательством того, что когда-то в сутках и в самом деле было 36 часов, и человек был запрограммирован именно на это. Интересно, что более расположены к длинным суткам жители очагов древних цивилизаций: Юго-Восточной Азии, Индии, Южной Европы. А вот на «ускорение» запрограммированы представители Центральной и Южной Африки, Полинезии, а также Южной Америки. Последнего факта, увы, объяснить ученые пока не могут.

Но все-таки вернемся к календарям. Календарь майя использовал три параллельные системы датировки: «длинный счет», Тцолкин (божественный календарь) и Хааб (гражданский календарь). И только Хааб был связан с длиной года.

Типичная дата календаря майя, по утверждению исследователя календарей Клауса Тондеринга, выглядит так: 12.18.16.2.6, 3 Кими 4 Соц.

12.18.16.2.6 — это дата «длинного счета».

3. Кими — это дата Тцолкина.

4. Соц — это дата Хааба.

«Длинный счет»

«Длинный счет»,— смешанное двадцатиричное, восемнадцатиричное и тринадцатиричное представление числа, показывающего число дней с начала эры майя. То есть примерно так, как у нас отсчитывается время от нашей эры, или Рождества Христова.

Основная единица — кин (день), и это — последняя составляющая «длинного счета». Если двигаться справа налево, основные составляющие даты «длинного счета» таковы:

уинал	(1 уинал = 20 кинов = 20 дней)
тун	(1 тун = 18 уиналов = 360 дней = приблизительно 1 год)
катун	(1 катун = 20 тунов = 7200 дней = приблизительно 20 лет)
бактун	(1 бактун = 20 катунов = 144 000 дней = приблизительно 394 года)

«Длинный счет» в терминах выглядит так: бактун, катун, тун, уинал, кин.

Понятия кин, тун и катун могли принимать значения от 0 до 19.

Уинал принимал значения от 0 до 17.

Бактун мог принимать значения только от 1 до 13.

У майя были названия и для гораздо больших отрезков времени, хотя они и не являлись непосредственной частью «длинного счета». Исследователи приводят следующие названия, обозначающие значительные временные промежутки:

1 пиктун = 20 бактунов = 2 880 000 дней = приблизительно 7885 лет
1 калабтун = 20 пиктунов = 57 600 000 дней = приблизительно 158 000 лет
1 кинчилтун = 20 калабтунов = 1 152 000 000 дней = приблизительно 3 миллиона лет
1 алаутун = 20 кинчилтунов = 23 040 000 000 дней = приблизительно 63 миллиона лет

Вероятно, алаутун — это самый длинный имеющий название отрезок времени во всех существующих и существовавших календарях.

Логично было бы считать, что первой датой «длинного счета» должна быть запись 0.0.0.0.0, но так как бактун (первый компонент) изменяется от 1 до 13, а не от 0 до 12, то первая дата в действительности записывается как 13.0.0.0.0.

Существуют различные мнения, какой дате нашего календаря соответствует 13.0.0.0.0. Здесь возможны три версии: *13 августа 3114 г. до н. э.; 11 августа 3114 г. до н. э.; 15 октября 3374 г. до н. э.*

Если одно из первых двух вычислений верно, то «длинный счет» снова будет равен 13.0.0.0.0 (то есть «обнулится») 21 или 23 декабря 2012 года. В один из этих дней календарь майя закончится.

Точка отсчета: 13 августа 3114 года

Пророчество майя, в отличие от многих других обещанных концов света, получило весьма большую популярность. Почему же это произошло? Не оттого ли, что наша цивилизация, все больше набирая скорость, несется к своему концу? И это ощущение просто висит в воздухе?

Климат на нашей планете становится все теплее, а озоновый слой все тоньше. Мусульмане и христиане выясняют, кто должен править на земле и владеть нефтью. Ураганы и паводки становятся с каждым годом все сильнее и забирают с собой все больше жертв. Техника становится совершеннее, но катастроф почему-то происходит все больше: раз в месяц мы слышим об очередном падении вертолета, крушении поезда или у нас просто по непонятной причине отказывает жесткий диск компьютера... Президенты заверяют нас, что сделают все для нашей безопасности, но вместо этого лишь ограничивают наши права... Военные аналитики утверждают, что грядут войны за «зерно и воду». Геофизики указывают на необычную активность магнитного поля Земли. Астрономы в шоке от активности Солнца...

Может быть, майя правы, и 2012 год и на самом деле станет концом Великого Цикла из более чем пяти тысяч лет не только в календарном смысле, но и в самом что ни на есть прямом?

Окончание Великого Цикла ассоциировалось у майя с возвращением божества Кетцалькоатль, «Пернатого Змея». Мексиканский археолог Энрике Флорескано пишет: «Кетцалькоатль — бог, приносящий цивилизацию, открывающий время и определяющий движение звезд и человеческую судьбу».

Начало майянского календаря, по мнению многих исследователей, также весьма непростая цифра. Первая его дата обозначена задолго до возникновения и расцвета этой индейской культуры: исчисление ведется с 13 августа 3114 года до н. э., между тем как цивилизация майя, по данным ученых, возникла две тысячи лет спустя.

Но в 3114 году, когда еще никто не знал про индейцев майя, в мире уже совершалось множество событий, которые по сию пору являются для нас загадками. Именно в это время было начато строительство Стоунхенджа, каменного мегалитического сооружения на Солсберийской равнине в графстве Уилтшир (Англия), примерно в 130 км к юго-западу от Лондона. Одно время выдвигались теории, что эта обсерватория построена друидами, но современная наука ушла и от версии обсерватории, и от принадлежности этого строения друидам. Ученые просто пожимают плечами: кто это строил и с какой целью, мы не знаем.

Именно в это время в Египте начинается эпоха правления фараонов. В Месопотамии появляется письменность, и не менее внезапно возникают города, окруженные стенами, с царским дворцом, храмами богов, ремесленными кварталами. До сих пор ученые ломают копья, рассуждая, почему признаки цивилизации возникли здесь настолько внезапно.

В Америке в это же время начинается культурное выращивание маиса.

К этому же времени относят начало хараппской цивилизации в Индии, города которой опустели через полторы тысячи лет.

Вряд ли возможно столько совпадений: создается впечатление, что во всех уголках нашей планеты под воздействием неких внешних сил именно в это время произошла глобальная культурная революция и люди обрели новые познания. Это не был постепенный культурный рост, это был настоящий взрыв цивилизации.

Многие исследователи обратили внимание на столь необычные совпадения, и потому версий, объясняющих эту загадку, более чем достаточно. Условно их можно разделить на три группы. Сторонники первой считают, что именно в это время священники и шаманы во время медитаций вошли в контакт с неким хранилищем тайных знаний. Сторонники второй убеждены, что в этот год на Земле высадились инопланетяне и поделились с дикими в то время людьми своими знаниями. И третья версия гласит, что прогресс активизировался благодаря переселенцам из Атлантиды, которые разнесли по Земле накопленные предыдущей цивилизацией знания.

Есть слишком много косвенных свидетельств существования Атлантиды, чтобы это могло оказаться просто легендой. Если верить академической науке, утверждающей, что древние цивилизации двух полушарий не пересекались друг с другом, то каким же образом существует поразительное сходство между культурами всех народов Месоамерики и древней египетской цивилизацией: пирамиды, иероглифическое письмо, пантеон богов-животных, астрономия...

Откуда взялось совпадение легенд о Всемирном потопе и о предыдущих цивилизациях, живших на нашей планете? Нет ни одного древнего народа, который бы не рассказывал в своих преданиях про эти события. Скорее всего, и в самом деле, после раскола Атлантиды одна группа атлантов отправилась в Египет, а другая — в Месоамерику. Остается только установить время катастрофы, произошедшей с островом, и разбираться в нашей истории станет гораздо проще.

Во многих местах нашей планеты находят кладбища окаменелостей, где вместе лежат птицы, пчелы, животные и морские обитатели. Понятно, что это могло про-

изойти лишь при глобальной катастрофе, случившейся очень быстро, почти мгновенно. Интересно, что эти кладбища имеют несколько возрастов, и, возможно, подобное бедствие постигало нашу планету несколько раз. О чем, собственно, и говорится в древних легендах.

И великая цивилизация инков, и культуры Наска, Мочика, Паракас, Чавин, как и цивилизация майя имеют в своем запасе историю о битве при начале мира «Орла» и «Ягуара». А в Библии рассказывается о том, как Денница (дьявол) восстал против Бога и был свержен с небес. Подобные рассказы о битвах присутствуют и у древних греков, у древних египтян и в остальных древних культурах.

И везде рассказывается о существовании богов, которые принесли людям знания. У майя и ацтеков это загадочные белые люди — «Пернатый Змей» (Кукулькан, Кукумац, Кетцалькоатль), у инков — Виракоча («Белый Человек»).

Ученые-майянисты так до сих пор и не смогли прийти к единому мнению по поводу того, когда и как возник знаменитый майянский календарь.

Есть версия, что он достался майя в наследство от более древней цивилизации ольмеков, которые якобы изобрели еще и письменность. Но и с этой версией слишком много непонятного, и сроки возникновения календаря разнятся на тысячу лет. Керамический цилиндр с гравировкой 3 Ахау (день Священного Календаря), найденный на территории поселения древних ольмеков в районе города Ла-Вента, датируется гораздо более ранним временем, чем произошел расцвет цивилизации ольмеков.

Порождение Космического Лона

21 декабря 2012 года, по мнению некоторых специалистов по культуре майя,— конец эпохи, а не конец света. Закончится эпоха Четвертого Солнца, и наступит новая эпоха — Пятого Солнца.

Индейские пророчества обещают, что в конце эпохи будут землетрясения, катаклизмы, и многие современные ученые с этим согласны.

В 2012 году, во время зимнего солнцестояния, Солнце пройдет через ось центра Галактики, плоскость орбиты (эклиптика) нашей Солнечной системы пересечет плоскость Млечного Пути (галактический экватор).

Для древних майя Млечный Путь представлялся Великой Космической Матерью, которая и породила всю жизнь. Центральная его выпуклость представлялась им Космическим Лоном. Современной науке известно, что внутри центральной выпуклости существует нечто, выглядящее как темный коридор, известный еще как «темный разрыв». Майя знали об этом и называли его термином, который приблизительно можно перевести как «движение во время родов». Движение чего? Неизученной материи?

Ряд ученых считает, что к Земле приближается некое космическое тело, которое четко не проявлено в нашем пространстве. Оно относится к неизученной материи, но обладает массой и инерцией и, главное — рядом электромагнитных параметров. При его приближении к нашей Солнечной системе резко изменятся все параметры, связанные с понятием «электромагнитное поле Земли».

Влияние этого тела уже ощущается, и первыми на это обратили внимание орнитологи. Птицы летают с континента на континент, ориентируясь по электромаг-

нитным линиям планеты. И в последние годы маршруты птиц меняются все сильнее, а многие стаи и вовсе не долетают до традиционных мест своего обитания.

Смена магнитных полюсов была предсказана японскими учеными еще 15 лет назад. Научный мир отнесся к этой весьма четко обоснованной теории весьма серьезно, был даже проведен ряд международных конференций, материалы которых решили не публиковать, чтобы не поднимать панику среди населения.

Также в последние годы весьма увеличилась активность Солнца, которая, как известно, имеет прямое воздействие на магнитные поля нашей планеты.

Солнечный штурм

Американская академия наук несколько лет назад опубликовала доклад под названием «Угрозы космической погоды: социальные и экономические последствия». Он был подготовлен специалистами НАСА, которые как раз изучают солнечную активность. Комментируя выкладки, изложенные в этом докладе, профессор Дэниель Бейкер, эксперт по космической погоде из Университета Колорадо и глава комитета Академии наук, ответственного за подготовку доклада, говорит: «Последствия солнечного шторма, который мы ожидаем в сентябре 2012 года, будут сравнимы с последствиями ядерной войны или падения на Землю гигантского метеорита!»

По его утверждению, 22 сентября 2012 года над всей Землей вспыхнет северное сияние, а затем оно и вовсе превратится в дождь из электрических искр.

Интересно, что именно такой дождь обещается в Евангелии от Луки при конце света: «и как было во дни Ноя, так будет и во дни Сына Человеческого: ели, пили, женились, выходили замуж, до того дня, как вошел Ной в ковчег, и пришел потоп и погубил всех. Так же, как было и во дни Лота: ели, пили, покупали, продавали, садили, строили, но в день, в который Лот вышел из Содома, пролился с неба дождь огненный и серный и истребил всех. Так будет и в тот день, когда Сын Человеческий явится» (Лк 17, 26—30).

На это указывает в своем Втором послании и апостол Петр: «Прежде всего, знайте, что в последние дни явятся наглые ругатели, поступающие по собственным своим похотям и говорящие: где обетование пришествия Его? Ибо с тех пор, как стали умирать отцы, от начала творения, все остается так же. Думающие так не знают, что вначале словом Божиим небеса и земля составлены из воды и водою: потому тогдашний мир погиб, быв потоплен водою.

А нынешние небеса и земля, содержимые тем же Словом, сберегаются огню на день суда и погибели нечестивых человеков. (...)

Придет же день Господень, как тать ночью, и тогда небеса с шумом прейдут, стихии же, разгоревшись, разрушатся, земля и все дела на ней сгорят.

Если так все это разрушится, то какими должно быть в святой жизни и благочестии вам, ожидающим и желающим пришествия дня Божия, в который воспламененные небеса разрушатся и разгоревшиеся стихии растают?

Впрочем, мы, по обетованию Его, ожидаем нового неба и новой земли, на которых обитает правда».

Американские специалисты считают: хватит и полутора минут, чтобы на всей нашей планете пришли в негодность все средства передачи электричества. Отдель-

но они указывают, что риск повреждения электросетей тем больше, чем больше их находится в определенном районе.

В принципе, если нашу жизнь лишить электричества, то остановится все: поезда, метро, лифты, самолеты потеряют ориентацию, остановятся автомобили, замолчит радио и телевидение... Исчезнут телефоны, Интернет и все прочие средства связи. Понятно, что тут же найдется масса людей, готовых воспользоваться сложившейся ситуацией и запастись чем-то полезным во время надвигающейся катастрофы. Могут начаться погромы магазинов и пр., и города погрузятся в такой хаос, что отключение электричества покажется просто досадной мелочью.

Больше ничего плохого от этой вспышки солнечной активности американцы или не ожидают, или скрывают это, решив, видимо, подготавливать население Земли к катастрофе постепенно.

Столь сильная магнитная буря не сможет не затронуть естественного магнитного поля Земли... Последствия этого даже сложно представить.

Переполюсовка: когда магнитосфера Земли исчезнет

Многие специалисты справедливо указывают, что магнитные полюса Земли находятся сегодня в весьма нестабильном состоянии. О причинах этого мы можем лишь догадываться, но понятно, что Солнце играет во всем этом далеко не последнюю роль. Некоторые исследователи выдвигают иную версию, считая, что естественные явления смещения магнитных полюсов катастрофически усиливаются добычей нефти, которая играет роль «лимфы» нашей планеты.

Впервые смещение магнитных полюсов было зарегистрировано в 1885 году, и с тех пор оно продолжается, постоянно усиливаясь. За последние 100 лет, например, магнитный полюс в Южном полушарии переместился почти на 900 км и вышел уже в Индийский океан.

Арктический магнитный полюс движется по направлению к Восточно-Сибирской мировой магнитной аномалии, через Ледовитый океан, и с 1973 по 1984 год прошел 120 км, а с 1984 по 1994 год — уже более 150 км. И скорость его растет: по данным на начало 2002 года она увеличилась с 10 км/год в 70-х годах, до 40 км/год в 2001 году.

Интересно, что больше данных по этой проблеме не публиковалось. Ученые, по всей видимости, не ожидают от такого смещения ничего хорошего и не спешат беспокоить нас с вами.

Также, согласно данным исследований, напряженность земного магнитного поля стремительно падает, причем происходит это весьма неравномерно. За последние 22 года она уменьшилась в среднем на 1,7 процента, но в некоторых регионах, например в южной части Атлантического океана, на целых 10 процентов. Зато в других местах нашей планеты, в частности в Европе, замечен рост магнитного поля.

Всего же за последние 150 лет напряженность магнитного поля уменьшилась на 10—15%, тогда как за предыдущие 10 тысяч лет — на 30%. А современная скорость его уменьшения в 10 раз превышает расчетные данные. Еще совсем недавно считалось, что со столь умопомрачительной скоростью геофизические процессы протекать в принципе не могут.

Интерпретация последних наблюдений со спутников «Эрстед» и «Магсат» Европейского космического агентства, выполненная Готье Ило из Парижского института физики Земли, показывает, что магнитные силовые линии на внешнем ядре Земли в районе Южной Атлантики расположены в направлении, обратном нормальному состоянию поля. Это, кстати, также противоречит недавним научным теориям о магнитном поле Земли.

Ряд исследователей считают, что полюса путешествуют не просто так и что грядет переполюсовка магнитного поля Земли, то есть стрелки компасов, ранее показывавшие на север, будут весьма скоро показывать на юг. Последствия этого предсказать сложно, но, тем не менее, ученые утешают нас, что происходит это уже не в первый раз.

Во время переполюсовки, по мнению некоторых исследователей, магнитосфера Земли на некоторое время исчезнет и на нас обрушится поток космических лучей, который не только представляет реальную опасность для всего живого, но может или окончательно уничтожить, или серьезно повредить и так уже не особо толстый озоновый слой. Более того, если бы не озоновый слой, то жизнь на нашей планете не смогла бы вообще развиться и, скорее всего, все остановилось на бактериях или, по оптимистичным прогнозам, на рыбах.

Также стоит учитывать и еще один нюанс, который работает против нас. В последнее время зафиксирован факт возрастания угла раствора каспов (полярных щелей в магнитосфере на севере и юге), который еще к середине 90-х годов, по данным ИЗМИРАНа, достигал 45 градусов.

В эти расширившиеся щели гораздо легче проникает солнечный ветер из межпланетного пространства, т. е. в полярные области стало попадать огромное количество дополнительного вещества и энергии, что приводит к «разогреву» полярных шапок и повышению уровня Мирового океана. Но это уже абсолютно отдельный разговор.

Из-за всех этих событий искривляется поток «солнечного ветра» — заряженных частиц, прилетающих из космоса, и уже во время авиаперелетов, проходящих на высоте около 10 км, доза облучения может резко возрастать. Пролетая, например, через Южную Атлантику, где напряженность геомагнитного поля уменьшилась, пассажир может «схватить» в тысячу раз больше космической радиации, чем когда он раньше следовал этим же маршрутом.

Именно подобный радиационный удар, связанный с очередной переполюсовкой, привел, по мнению некоторых исследователей, к вымиранию динозавров.

Вместе с дрейфом Северного магнитного полюса ближе к Европе сместится и зона северного сияния. Потоки протонов и электронов, проникающие из космоса в верхние слои атмосферы, являются мощным источником помех для спутникового теле- и радиовещания, для систем мобильной телефонной связи и даже для линий электроснабжения.

Даже если все обойдется, с привычкой говорить по мобильному придется завязывать. Как и с просмотром спутникового телевидения: только очень редко, когда сияния не видно. Но это, как вы понимаете, все-таки далеко не самый худший вариант развития событий.

Во время переполюсовки, вследствие разрушения систем радиосвязи, могут выйти из строя все спутники, и «ляжет» Всемирная паутина. Восстановить ее удастся не ранее, чем через несколько лет.

Сегодняшняя наука считает, что экскурсы магнитных полюсов по всему земному шару являются неотъемлемой частью геомагнитного динамо внутри Земли и напрямую связаны с происходящими процессами в жидкой части земного ядра и на границе ядра — в мантии.

Интересно, что ранее эту версию высказывали как раз противники академической науки, говоря о том, что время от времени, при ослабевании магнитных связей и благодаря еще ряду факторов, происходит «прокрутка» земной коры вокруг ядра, после которой там, где было море, вырастают горы и наоборот. Пророчество майя, кстати, обещает как раз некое движение Земли, при котором будут землетрясения и прочее.

В ближайшее время, фактически, может произойти совпадение нескольких опаснейших для существования человечества факторов: «расшатанность» магнитного поля Земли, выход Земли на ось Млечного Пути и сверхсильная солнечная буря.

Любой из этих факторов не особо приятен и сам по себе, но так уж распорядилась судьба, что все они совпадут в 2012 году.

Последствия каждого из них могут быть для жизни на нашей планете вполне катастрофическими, что же будет от сочетания сразу трех катастроф?

И что, если подобное уже когда-то случалось?

Предположить такое позволяют следующие факты.

Возраст нашей планеты, как и возраст многих ископаемых, определяется по осадочному слою. Интересно, что это, по всей видимости, несмотря на полную научность термина и его общепринятость, самая большая проблема академической науки.

Дело в том, что эти самые слои на нашей планете расположены в очень странном виде. Где-то правильно (внизу древние, сверху помоложе), но где-то «неправильно» (боком или и вовсе кверху ногами). И стоит сказать, что случай «правильного» расположения слоев скорее исключение, чем правило.

Прочитав какую-нибудь статью по геологии, а потом, подойдя к случайно оказавшемуся рядом разлому или скале, остается только в затылке чесать и размышлять: как же все так вышло? И почему же дно этого древнего моря так, не побоимся модного словечка, переколбасило. Уж извините, но по-другому просто не скажешь. Геолог, если окажется рядом, тут же объяснит вам, почему так получилось. Его объяснение будет больше похоже на какой-нибудь талмуд, а не на стройную научную теорию. Но ничего не поделаешь: наука сейчас именно такова. Не потому что ученые не хотят искать простейшую теорию, которая обычно и оказывается самой верной, а потому что эта теория разрушит все их с трудом до этого сделанные наработки. А ведь они так старались.

Вот вам еще одно геологическое табу: толщина осадочного слоя. Откройте любой учебник, и вы узнаете, что благодаря животным, растениям, космической пыли и всему прочему на дно моря за год осаживается миллиметр осадка. Считаем дальше. Сколько там лет нашей Земле? Если даже не углубляться в дебри малоизвестных нам времен, а взять последние двести миллионов лет, от того славного периода, когда по нашей планете бегали динозавры, и по которым (годам, а не динозаврам) особых вопросов не возникает, то выяснится, что толщина осадка должна быть двести километров! А она, мягко говоря, значительно меньше. Вся земная кора толщиной чуть больше десяти километров. Куда же исчезло все остальное?

Но и это еще не все. Состав суши кардинально отличается от состава морского дна. Вот где загадка. Если мы начнем углубляться в геологию дальше, то узнаем, что края континентов, например Африки и Южной Америки, имеют одинаковый геологический состав. Геолог Альфред Вегенер, написавший, кстати, еще в начале прошлого века работу «Происхождение лунных кратеров», за которую его сначала подняли на смех, а сегодня она является непререкаемой классикой, примерно в то же время предложил теорию Пангеи, единого материка, который раскололся на части и разошелся по глобусу в разные стороны.

И в самом деле, кто из нас не замечал, что контуры материков подходят друг к другу как части пазла. Понятно, что Вегенер увидел это не первым, до него о дрейфе континентов писали и Фрэнсис Бэкон, и наш Михаил Ломоносов. Но Вегенер сумел первым это обосновать в своей работе 1915 года. Он продолжал работать над этой теорией всю жизнь, пока не умер в 1930 году в Гренландии, в очередной экспедиции по изучению движения материков.

Его теория вызывала множество споров, да и до сих пор не все западные ученые с ней согласны. В СССР было проще: книгу Вегенера издали уже в 1922, а после смерти его противников теорию и вовсе канонизировали. Затем ее развили, и в итоге сегодня мы можем узнать из школьного курса, что материки бродили-бродили по планете, то погружаясь в океан и накапливая осадочные породы, то снова выходя на поверхность, а потом сложились в Пангею. Немного подумали (это мы домысливаем) и начали расходиться. Что сказать — простотой здесь и не пахнет. У человека, немного знакомого с физикой, тут же возникает вопрос: а откуда у материков бралась энергия? Они же не машины, двигателей у них нет. Кто-то вспомнит про закон сохранения энергии, неважно, о чем он, но в случае Пангеи он заставляет задуматься. Официальная версия, безусловно объясняет, что энергию материкам придавало колебание магнитного поля Земли. Но как-то это сложно... Давайте пойдем простым путем.

Если, например, мы предположим, что во время очередной, весьма древней переполюсовки (например, когда погибли динозавры — по данным официальной науки эти сроки могут приблизительно совпасть) земная кора сделала лишний виток на своем ядре, которое в это время оставалось на месте, то нам сразу станет понятно и почему материки оказались оторваны друг от друга, и почему такая путаница в осадочных слоях, да и просто, в конце концов, почему вымерли динозавры!

Нибиру — десятая планета

Еще одна версия, связанная с событиями 2012 года, которую мы никак не можем обойти, это приближающаяся к нашей Земле планета Нибиру. Первое упоминание о ней встречается в шумерских описаниях нашей Солнечной системы. Шумеры были уверены, что между Юпитером и Марсом находится еще одна планета, которую они назвали Нибиру. По их описанию, эта планета весьма крупная, вращается в обратном направлении по отношению к другим планетам и имеет весьма вытянутую эллиптическую орбиту. Проходит Нибиру через нашу Солнечную систему лишь раз в три тысячи шестьсот лет, а затем надолго исчезает из поля зрения. И если до поры до времени это считалось лишь древней легендой, то в последнее

время существование еще одной планеты в Солнечной системе начало находить все больше подтверждений.

Впервые ученые заговорили о такой возможности в 1972 году. Джозеф Брейди, астроном из Калифорнийского университета, обнаружил, что некое неизвестное небесное тело вызывает гравитационное возмущение орбиты кометы Галлея.

Его расчеты показали, что это тело должно быть в пять раз массивнее Земли, а его орбита должна находиться от Солнца в три раза дальше, чем орбита Нептуна.

Следующий звоночек прозвенел в декабре 1981 года. Данные телеметрии, поступающие с американских космических кораблей «Пионер-10», «Пионер-11» и «Вояджер», явно показывали наличие чего-то «лишнего». Группа специалистов под руководством Томаса ван Фландера пришла к выводу, что, скорее всего, это еще одна планета, которая находится в 2,5 миллиарда километров за Плутоном и имеет орбитальный период не менее 1000 земных лет. Эти выводы вскоре подтвердили и ученые НАСА. Они предположили, что аномалии в движении Урана и Нептуна могут быть вызваны неким, весьма крупным, небесным телом. Вскоре спутник IRAS запечатлел на двух кадрах загадочный объект, который, по словам специалистов из НАСА, «не может быть кометой». Они считают, что это или планета, расположенная в 4—7 миллиардах километров за орбитой Плутона, либо «темная звезда», находящаяся в 80 миллиардах километров от нас.

Это событие широко освещалось в научной печати, а итог обсуждениям, по сути, подвел Рей Райнольдс, астроном исследовательского центра Эймса: «Астрономы настолько уверены в существовании 10-й планеты, что, по их мнению, осталось только дать ей имя».

Следующее прохождение этой планеты через нашу Солнечную систему может случиться в ближайшие годы.

Именно с этой планеты, по утверждению шумеров, на Землю высадились боги, которые создали нашу расу.

Некоторые специалисты утверждают, что появление в нашей Солнечной системе столь массивного нового тела может сместить орбиты существующих планет и даже вовсе «отправить» саму Землю в космическое путешествие.

Космические переселенцы

Между тем необходимость «страховочных» колоний на соседних планетах все чаще и чаще рассматривается серьезной наукой. Один из горячих сторонников этого проекта — всемирно известный исследователь черных дыр профессор Кембриджа Стивен Хокинг. Он возглавляет кафедру прикладной математики и теоретической физики, которой когда-то заведовал Исаак Ньютон. Это весьма маститый исследователь, который знаменит своими разработками в области космологии, теории относительности, гравитации и квантовой механики, истории Вселенной, имеет 12 почетных степеней, является членом Британского научного Королевского общества и Академии наук США. Его научные заслуги отмечены множеством премий, медалей и наград. Некоторые называют его «единственным живущим гением».

— Человечеству необходимо развернуться в космосе для выживания,— говорит он.— Жизнь на Земле находится под постоянно растущей угрозой уничтоже-

ния бедствием, вроде внезапного глобального потепления, ядерной войны, генетически модифицированного вируса или других опасностей, о которых мы еще не знаем.

Его поддерживает и еще ряд специалистов. Еще один британец, Криспин Тикелл, занимающийся проблемой глобального потепления, утверждает, что климат через 200 лет на Земле может измениться бесповоротно, а население, преследуемое стихийными бедствиями и массовым голодом, сократится до 2,3 миллиарда человек.

— Воздействие человека на Землю особенно усилилось за последние 250 лет,— говорит он.— Результатом этих трансформаций станет то, что окружающая среда перестанет быть пригодной для жизни.

Тикелл предлагает уже сейчас начать разрабатывать проекты постоянной базы на Луне, которую желательно заселить уже к 2030 году, и организацию колонии на Марсе, что необходимо сделать не позже 2070 года.

— Понятно, что мы вряд ли сможем найти что-то такое же удобное, как Земля,— говорит он,— пока не отправимся в другую звездную систему. Но, тем не менее, если в ближайшие сто лет человечество не исчезнет, оно просто обязано обладать несколькими колониями, которые могут существовать без поддержки с Земли.

Человечество подталкивает к освоению ближайшего космоса и энергетический кризис. Нефть и газ рано или поздно закончатся, и следующая битва, похоже, развернется не за Арктику, как сейчас, а за Луну.

Известно, что и Россия, и США разрабатывают проекты колонизации Луны, где находятся большие залежи изотопа гелия-3, который может стать для землян новым источником энергии. Встречается он и на Земле, но в слишком малых количествах, чтобы имело смысл говорить о его промышленной разработке. А у нашей небесной соседки между тем, по приблизительным подсчетам, есть не менее 1 млн т гелия-3, что сможет полностью обеспечить земную энергетику более чем на тысячу лет, даже если других источников энергии на Земле не будет.

Известно, что американцы планируют высадиться на Луне в 2015 году, а начать колонизировать Марс — уже в 2020. Российские ученые обещали ступить на Луну в 2012 году, а к 2020 году создать там всю необходимую транспортную систему. Пока международные организации решают, как более рационально поделить Луну, и про Марс пока разговоров не ведется. Но понятно, что путь на него лежит как раз через нашу ближайшую соседку, и кто первый «захватит» ее, тот предъявит права и на Марс.

Но все-таки колонизация космоса пока дело будущего, а если вспомнить про быстро надвигающийся 2012 год, то можно и уточнить: «дело далекого будущего».

Возможно, когда-нибудь и представители человеческой расы высадятся на какой-нибудь планете другой звездной системы, где нас будут считать «белыми богами, принесшими знания».

Пока же нам необходимо прислушаться к тем, кто когда-то попытался предупредить нас.

Содержание

Апокалипсис: Откровение Иоанна Богослова (с гравюрами Альбрехта Дюрера) 5

Литературные предсказания русских классиков

О. Сенковский. Ученое путешествие на Медвежий остров. *Повесть* 51

В. Одоевский

Город без имени. *Рассказ* 114

Последнее самоубийство. *Рассказ* 124

В. Соловьев. Краткая повесть об Антихристе 130

Современные российские фантасты о конце света

А. Кивинов, С. Лукьяненко. Ночь накануне. *Роман* 153

В. Сертаков. Проснувшийся Демон. *Роман* 365

Е. Зубарев. 2012: Хроники Смутного времени. *Роман* 601

Когда закончилась нефть

К читателю 800

Андрей Егоров. Диксон. *Рассказ* 801

Ирина Комиссарова. Точка невозврата. *Рассказ* 816

Андрей Буторин. Урочище Огненных духов. *Рассказ* 830

Евгений Зубарев. Победитель. *Рассказ* 852

В. Булахтин. Жизнь продолжается. *Рассказы* 864

А. Овсянников. Наблюдатель. *Рассказ* 913

А. Мазин. Пятый ангел. *Рассказ* 936

Приложение. Пророчество майя 947

Литературно-художественное издание

КОНЕЦ СВЕТА

Лучшие романы
о последнем дне
Земли

Ведущий редактор *Екатерина Серебрякова*
Ответственный редактор *Филипп Бастиан*
Художественный редактор *Юлия Межова*
Технический редактор *Валентина Беляева*
Верстка *Ольги Савельевой*
Корректор *Валентина Леснова*

Подписано в печать 14.10.2010.
Формат 70 x 100 $^{1}/_{16}$. Усл. печ. л. 77,4.
Тираж 3000 экз. Заказ 5482.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 1; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953. Д.012280.10.09. от 20.10.2009 г.

ООО «Издательство АСТ»
141100, Россия, Московская область, г. Щелково,
ул. Заречная, д. 96
Наши электронные адреса: WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

ООО «Астрель-СПб»
198096, Санкт-Петербург, ул. Кронштадтская,
д. 11, лит. А
E-mail: mail@astrel.spb.ru

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, www.oaompk.рф тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

Конец света человечество ожидает
с самого своего зарождения.
Каждая эпоха считала себя последней.
Всемирную катастрофу назначали на 666 год,
на 999-й, на 1000-й, на 2000-й...
Последняя дата — 2012 год,
если верить календарю майя.

Апокалипсические предсказания русских классиков
и современных российских фантастов.

Владимир Соловьев
Осип Сенковский
Владимир Одоевский

Сергей Лукьяненко
Александр Мазин
Андрей Кивинов
Виталий Сертаков
Евгений Зубарев
Владислав Булахтин

А также
«книга за семью печатями» —
Откровение Иоанна Богослова
и пророчества майя

ISBN 978-5-17-072351-5

АСТРЕЛЬ СПб
www.astrel-spb.ru